

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

CHICAGO

1924-1929

(1924-1929)

Н. И. Капченко

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ СТАЛИНА

Том II

(1924 — 1939)

2006

Н. И. Капченко

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ СТАЛИНА. Т. II (1924 – 1939). - Тверь:

Информационно-издательский центр «Союз», 2006. — 720 с.

Второй том «Политической биографии Сталина» выходит в свет через два года после издания первого тома и посвящен политической и государственной деятельности Сталина в 1924 – 1939 гг. Этот короткий по меркам истории период стал целой эпохой в жизни нашей страны и в жизни самого Сталина. Эпохой, сотканной из противоречивых событий, спрессованных в единое целое. На основе широкого круга источников и материалов автор детально рассматривает основные перипетии борьбы Сталина против своих политических противников — Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина и др. — и раскрывает истоки и причины того, почему именно Сталин оказался победителем в этой жесткой борьбе. В эпицентре внимания находятся такие фундаментальные события тех лет, как индустриализация и коллективизация, вошедшие в историю нашей страны как великий, но слишком крутой перелом в ее судьбах.

Большое внимание уделено теме сталинских репрессий 30-х годов, оставивших неизгладимый след в жизни целых поколений. Автор дает свое объяснение этим репрессиям, освещает наиболее значимые судебные процессы той поры, отвечает на злободневный до сих пор вопрос: почему подсудимые давали признательные показания. В томе освещаются начало и финал "ежовщины" как одной из самых мрачных страниц советской истории. Должное внимание уделено и вопросу о том, в силу каких причин в конце 30-х годов Сталин положил конец масштабным репрессиям и взял курс на консолидацию в обществе. Хотя издавна бытует афоризм, что только у великих людей бывают великие пороки, с его помощью нельзя ни объяснить, ни тем более обелить перед историей и будущим репрессии 30-х годов. Неубедительны и доводы тех, кто находит в истории других стран нечто подобное, полагая, будто исторические аналогии способны быть и историческими индульгенциями. То, что было, нельзя вычеркнуть из летописи истории. Она фиксирует все — и хорошее, и плохое. Важно, однако, чтобы одно не заслоняло другое, поскольку при таком подходе утрачивается истина и панорама исторических событий предстает в искаженном свете.

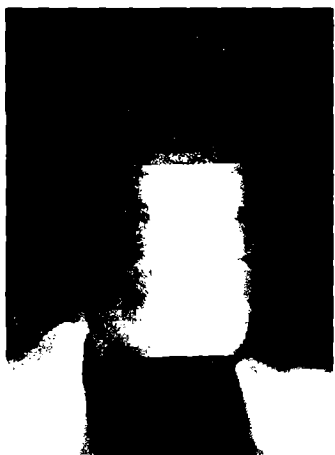
© Н. И. Капченко, 2006

© ООО «Информационно-издательский центр «СОЮЗ», 2006

ISBN 5-903-373-02-X

Капченко Николай Иванович (г. р. 1933)

В 1958 году окончил Московский государственный институт международных отношений. Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений Российской Академии Наук. На протяжении многих лет работал в области международной журналистики (длительное время заместителем главного редактора журнала «Международная жизнь»). Автор ряда монографий, брошюр и многих статей по проблемам истории внешней политики Советского Союза, России, Китая, а также истории и теории

международных отношений. Немало лет посвятил изучению политической и государственной деятельности Сталина. Выпустил первый том «Политической биографии Сталина» в конце 2004 года.

Второй том посвящен политической и государственной деятельности Сталина в 1924 — 1939 гг. Этот короткий по меркам истории период стал целой эпохой в жизни нашей страны и в жизни самого Сталина. Эпохой, сотканной из противоречивых событий, спрессованных в единое целое. На основе широкого круга источников и материалов автор детально рассматривает основные перипетии борьбы Сталина против своих политических противников — Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина и др. — и раскрывает истоки и причины того, почему именно Сталин оказался победителем в этой жесткой борьбе. В эпицентре внимания находятся такие фундаментальные события тех лет, как индустриализация и коллективизация, вошедшие в историю нашей страны как великий, но слишком крутой перелом в ее судьбах.

Большое внимание уделено теме сталинских репрессий 30-х годов, оставивших неизгладимый след в жизни целых поколений. Автор дает свое объяснение этим репрессиям, освещает наиболее значимые судебные процессы той поры, отвечает на злободневный до сих пор вопрос: почему подсудимые давали признательные показания. В томе освещаются начало и финал «ежовщины» как одной из самых мрачных страниц советской истории. Должное внимание уделено и вопросу о том, в силу каких причин в конце 30-х годов Сталин положил конец масштабным репрессиям и взял курс на консолидацию в обществе. Хотя издавна бытует афоризм, что только у великих людей бывают великие пороки, с его помощью нельзя ни объяснить, ни тем более обелить перед историей и будущим репрессии 30-х годов. Неубедительны и доводы тех, кто находит в истории других стран нечто подобное, полагая, будто исторические аналогии способны быть и историческими индульгенциями. То, что было, нельзя вычеркнуть из летописи истории. Она фиксирует все — и хорошее, и плохое. Важно, однако, чтобы одно не заслоняло другое, поскольку при таком подходе утрачивается истина и панорама исторических событий предстает в искаженном свете.

Разительная противоречивость многих сторон политической стратегии Сталина и вообще его деятельности является фактом абсолютно бесспорным, не вызывающим каких-либо серьезных разночтений в трудах историков отнюдь неодинаковой ориентации. Споры и противостояния позиций начинаются тогда, когда встает вопрос об оценке и соотношении позитивных и негативных моментов во всей сталинской политике. Независимо от того, к какому периоду она относится. Здесь уже сказывается не столько противоборство различных методологий и критериев в оценках, а скорее чисто политические и идеологические мотивы. В своем подходе к этим чрезвычайно сложным и не поддающимся однозначному историческому вердикту проблемам я, насколько это было в моих силах, пытался соблюсти необходимую долю объективности. О беспристрастности говорить не приходится, поскольку любой, даже самый объективный исследователь, не может прыгнуть выше своей головы — то есть продемонстрировать полную беспристрастность. Мы не можем быть выше предела, предопределенного природой, а человек, тем более историк, в любом случае не может полностью избежать положения, которое можно назвать, фигурально выражаясь, положением невольника собственных мыслей и чувств.

Через весь второй том красной нитью проходит мысль — успехи и достижения советского народа выступали в качестве главной, определяющей черты развития нашей страны в тот период. Именно тогда Советская Россия по-настоящему встала с колен и превратилась в великую державу. Именно тогда были созданы материальные и иные предпосылки для грядущей победы над фашизмом. Не будь всех тех великих свершений, судьба нашего государства могла оказаться совершенно иной. Созданная по инициативе и под руководством Сталина **мобилизационная экономика**, вся **мобилизационная система советского общества** сыграли свою незаменимую историческую роль, отрицать которую могут только те, кто не хочет считаться с фактами.

Мысли и оценки автора не страдают категоричностью и запрограммированной направленностью — как для читателя, так и для самого автора остается широкое поле для размышлений и сомнений. О том, насколько мне удалось соблюсти необходимую верность исторической правде, пусть судит сам читатель — в зависимости от своих убеждений или предубеждений.

ОТ РЕДАКЦИИ

Второй том «Политической биографии Сталина» выходит в свет через два года после издания первого тома. За это время редакция получила достаточно много откликов на первый том трилогии. В ней автором предпринята попытка дать не просто политический портрет такой сложной и противоречивой исторической личности, какой является Сталин, а, по возможности, в целом и систематизированном виде представить читателю весь его жизненный и политический путь. Обилие книг и другого рода публикаций о Сталине, появляющихся в нашей стране и за рубежом, объективно свидетельствует о том, что в обществе эта фигура вызывает не просто большой, но, можно сказать, огромный и неослабевающий интерес. Видимо, к тому есть веские объективные основания.

Не наша задача давать оценку представляемого труда: это — прерогатива читателей. Вместе с тем нельзя не сказать о том, что первый том получил достаточно высокую оценку читающей публики. Причем не только в нашей стране, но и за рубежом. Англоязычные средства информации отмечали, что «книга написана в духе несогласия с другими биографами. Согласно точке зрения автора, Сталин стремился к власти не просто как таковой, но всегда рассматривал власть в качестве средства воплощения в жизнь социальных и политических идей, своей политической философии. Биография дает также панораму политической арены, на которой действовал Сталин, и проблем, с которыми он сталкивался».

Но было бы неверно выделить только положительные отклики на первый том. Некоторые средства информации в России усмотрели в авторской концепции сталинской биографии замаскированную попытку реконструировать прошлое. Не будем вступать в полемику по этому поводу, хотя бы по той причине, что каждый вправе иметь собственный взгляд на историю и на личности, творившую ее. В конечном счете главное заключается в том, чтобы оценки как советского периода нашей истории в целом, так и Сталина в особенности, базировались на объективном научном анализе. А не служили полем политических и идеологических баталий, где на первом плане стоят не интересы исторической истины, а большей частью совершенно иные, зачастую конъюнктурные соображения.

Автор предлагаемого вниманию читателя труда не выступает в качестве бездумного апологета Сталина и его политики. Более того, читатель легко может убедиться в том, что все важнейшие политические акции Сталина подвергаются объективному анализу, в котором доминирующее место отводится фактам и реалистической оценке рассматриваемой эпохи. И это подкупает, поскольку историю, как и отдельные ее фигуры, нельзя рисовать только черными или розовыми красками. История, как отражение жизни, пусть и минувшей, всегда сложна, противоречива и многокрасочна. Поэтому оценки и выводы автора не носят характера каких-то безапелляционных вердиктов. Каждый читатель, ознакомившись со вторым томом, может вынести свои собственные суждения по проблемам, которые продолжают волновать ума и сердца людей, несмотря на то, что события, о которых идет речь в книге, отделены от нас не только многими десятками лет, но и чуть ли не исторической пропастью.

Глава 1

ЭПОХА ВЕЛИКИХ СВЕРШЕНИЙ И ВЕЛИКИХ ПОТЯСЕНИЙ

1. Что хуже: взгляд на эпоху сквозь розовые очки или через замочную скважину?

С чувствами — их обычно называют смешанными — приступал я к написанию второго тома политической биографии Сталина. Нечто вроде невольного изумления, похожего на страх, внушал прежде всего уникальный по своей насыщенности период времени, который предстояло в той или иной мере охватить. Самопроизвольно приходили на ум сопоставления с другими событиями давнего и недавнего прошлого, и мне казалось, что период, который мне предстояло осветить, во многом превосходит предшествующие. Речь идет не только о масштабности и глубине мировых процессов, происходивших с 1924 по 1939 год, но и о таком их свойстве, как чрезвычайная спрессованность, в чем зримо отражался динамизм хода самой истории в этот отрезок времени. Вглядываясь в ту эпоху, невольно думаешь, что мировая политическая арена как бы сотрясалась под натиском гигантских тектонических сил, определявших пути и перепутья развития мира на протяжении пятнадцати лет. Именно в этот период зрели условия и предпосылки для возникновения второй мировой войны. Именно в этот период формировались силы, толкавшие мир к невиданной в истории человечества бойне — в лице германского фашизма, японского милитаризма, а также других социально-политических кругов, своей политикой и своими действиями фактически давшими зеленый свет безудержному разгулу агрессии. Нельзя сказать, что попустительство германскому фашизму со стороны западных демократий явилось чудовищной, но все-таки ошибкой. Нет, это была не ошибка, а подлинное преступление перед человечеством, когда неведомые, продиктованные классовой ненавистью и политической слепотой, действия, по существу, предопределили сползание мирового сообщества к невиданной кровавой бойне. В дальнейшем, по ходу написания биографии, я обстоятельно затрону эту проблему. Здесь же мне хотелось лишь крупными мазками обозначить некоторые принципиально важные черты и особенности эпохи, о которой идет речь.

Многим современникам той эпохи казалось, что мировой катаклизм, способный обрести масштабы апокалипсиса, столь же неминуем, как смена времен года. В этом усматривался какой-то мистический, покрытый завесой тайны и неотвратимости, рок судьбы. Но подобного рода подход — его можно назвать концепцией исторической обреченности развития мировых событий — был неправилен. Взгляд с дистанции

прошедшего времени, мне кажется, дает все основания усомниться в правомерности данного фаталистического вывода. Поскольку именно этот период был и периодом, когда реально складывались и крепили силы, способные противостоять натиску агрессии. Именно в это время Советский Союз превратился в мировую державу, способную в значительной мере влиять на ход и развитие мировой истории. Не будь Советского Союза, во главе которого стоял Сталин, трудно, если вообще возможно, рассуждать о наиболее вероятных вариантах развития событий на европейском континенте и на земном шаре в целом.

События той эпохи отличали стремительность, невероятный динамизм и столь же невероятная непредсказуемость. Их поток сливался в мощное течение, поражающее и до сих пор воображение всякого, кто берется за освещение событий тех лет. В каком-то глубинном смысле это был стихийный поток. Казалось, что в мировом сообществе нет силы, способной влиять на направление его развития. В конечном счете — пусть это и звучит несколько парадоксально — в самой этой стихийности и выразился закономерный характер мирового развития в тот поистине судьбоносный отрезок времени. Порой приходит мысль о том, что мы имеем дело с одним из самых заметных в истории человечества противоборством сил добра и зла. И объять все это даже мысленным взором — задача чрезвычайной трудности и сложности.

Это — первая причина, порождаящая сложную гамму чувств при работе над вторым томом.

Другая причина состояла в том, что эпоха, которую, с известным на то основанием, многие называют сталинской эпохой, вошла в анналы новейшего времени как одна из самых противоречивых, как бы всецело сотканная из кричащих противоположностей и несовместимостей. При анализе этой эпохи и оценке ее важнейших черт и закономерностей не так-то просто выбрать правильный угол зрения, чтобы не впасть в крайности. На исторические события можно смотреть с разных углов зрения, и в зависимости от этого мы будем приходить к различным выводам: ведь совершенно ясно, что и взгляд на такие события через замочную скважину тоже является возможным вариантом подхода к их интерпретации и оценке. Однако самоочевидно, что подобного рода взгляд ничего не имеет общего с широким, отвечающим необходимым критериям историзма, подходом. К сожалению, именно такой взгляд в наше время становится, если не преобладающим, то по крайней мере весьма распространенным. Излишне распространяться на тему о том, что это — отнюдь не метод постижения истины и уяснения существа проблемы.

На эпоху можно смотреть и через розовые очки, когда грандиозность свершений служит как бы розоватым флером, призванным обеспечить самое благоприятное, самое выгодное историческое освещение всему, что происходило в тот период.

Приходится с сожалением констатировать, что именно оба указанных подхода выступают до сих пор в качестве доминирующих при исследовании и анализе этих бурных пятнадцати лет. Спрашивается: что лучше? Какой подход предпочтительнее? Очевидно, что оба хуже, ибо оба они как бы заранее обрекают на неизбежное фиаско любую попытку разобраться в исторической ситуации и на основе объективного взгляда вынести соответствующее суждение. При этом надо постоянно держать в уме, что личность Сталина и вся его насыщенная политическая биография данного периода органически связаны друг с другом и могут быть правильно поняты и объяснены лишь на базе такого неразрывного единства.

В масштабах нашей страны, — а если быть более точным, то и не только в этих масштабах, — рассматриваемая эпоха тысячами нитей органически связана с именем Сталина. Его деятельность и личность наложили свой отпечаток на многие события тех лет, а зачастую в решающей степени определяли направление и течение их развития. Известно, что всякий свет бросает свою тень. Так и Сталин не только явился инициатором, а во многих случаях даже олицетворением глобальных по своему значению событий, но и бросил на них свою тень. Порой эта тень носила зловещий характер. И вот это чрезвычайно сложное и противоречивое сочетание света и тени в его деятельности составляло, возможно, наиболее сложную задачу при написании его политической биографии. И, вполне естественно, данное обстоятельство незримо, но неотступно преследовало меня на протяжении всей работы над вторым томом его политической биографии. Важно было выявить не чисто механическое сочетание положительных и отрицательных моментов в его деятельности и провести между ними нечто вроде разграничительной линии. Это был бы, хотя и не слишком уж простой, но, на мой взгляд, весьма поверхностный, а потому и малопродуктивный путь. Диалектика взаимосвязи обеих этих сторон государственной и политической деятельности Сталина не столь примитивна, чтобы ее можно было бы раскрыть путем простых сопоставлений и каких-то однозначных выводов. Мучительные размышления над всей совокупностью проблем, связанных с противоречивостью его личности как государственного и политического деятеля, привели к мысли о том, что в решающей степени плюсы и минусы (если вообще допустима столь упрощенная в данном случае терминология) Сталина как государственного и политического деятеля исторического масштаба коренятся прежде всего и главным образом в сложном и до крайности противоречивом характере самой эпохи, олицетворением которой он с полным на то основанием стал.

Как я только что отметил, при оценке исторических эпох можно пользоваться различными критериями. Но, как мне кажется, эти критерии не в состоянии в полной мере отразить своеобразие и особенности каждой данной исторической эпохи. Полагаю, что здесь уместно привести точку зрения великого немецкого философа Гегеля: «Правителям, государственным людям и народам с важностью советуют извлекать поучения из опыта истории. Но опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было извлечь из нее, — с неоспоримой категоричностью утверждает великий диалектик. — В каждую эпоху оказываются такие обстоятельства, каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать лишь такие решения, которые вытекают из самого этого состояния. В сутолоке мировых событий не помогает общий принцип или воспоминание о сходных обстоятельствах, потому что бледное воспоминание прошлого не имеет никакой силы по сравнению с жизненностью и свободой настоящего».¹

Мысль Гегеля о качественно индивидуальном состоянии каждой исторической эпохи и необходимости не только действовать, но, очевидно, и подходить к оценке эпохи и личностей, творивших в ее пределах, под углом зрения данного критерия, в применении к рассматриваемому периоду представляется мне особенно актуальной. Сталин, если так можно выразиться, был не только творцом своей эпохи, но и ее закономерным продуктом.

¹ Гегель. Соч. Т. VIII. М. 1935. С. 7–8.

Через призму его личности проглядывают самые существенные черты его эпохи, и вместе с тем только на основе понимания характера той эпохи можно понять и исторический характер и особенности его личности как государственного и политического деятеля.

Возможно, искушенному читателю покажется, что я с помощью такого рода рассуждений как-то замаскированно пытаюсь заранее обелить некоторые черты и особенности сталинского правления, прежде всего, связанные с репрессиями. Но такое предположение не отвечало моим намерениям и выходило за рамки моих реальных возможностей. Я ни в коей мере не ставил перед собой цель дать сугубо положительный образ главного персонажа моего труда. Это противоречило бы исторической правде и не соответствовало бы истине. К тому же, вне пределов возможностей любого исследователя и историка, если он руководствуется принципами объективности и достоверности, выдать черное за белое или же наоборот. Историческая правда всегда была и должна оставаться выше любых пристрастий, симпатий или антипатий. Иначе она перестает быть таковой по своему существу. Отнюдь не случайно великий немецкий поэт Ф. Шиллер прозорливо заметил: «История и есть всемирный суд».²

Не только время, в которое мы живем, но и все предшествующие времена, убедительно показали и доказали, что политическая оптика искажает подход к оценке не только исторических событий, но и личностей, оставивших в них неизгладимый след. Иными словами, политические пристрастия, потребности конъюнктуры, какими бы причинами они ни мотивировались, не позволяют дать достоверную, отвечающую реальностям жизни, интерпретацию и оценку исторических событий и исторических личностей. В приложении к Сталину эта довольно тривиальная истина находила и находит многочисленные подтверждения. За примерами далеко не надо ходить: они лежат на поверхности и каждый, кто обратится к публикациям, посвященным Сталину и его деятельности, легко может в этом убедиться. В данном случае я не считаю уместным приводить какие-либо конкретные факты и примеры, доказывающие справедливость этих слов, поскольку в дальнейшем в процессе рассмотрения деятельности Сталина на посту главного руководителя партии и страны мы будем иметь возможность обстоятельно осветить весь комплекс такого рода проблем.

Сейчас для любого мало-мальски мыслящего человека уже совершенно очевидны подлинный исторический масштаб личности Сталина и степень его влияния на развитие нашей страны. И не только нашей страны, но и всего мира. И тем не менее вокруг этой фигуры со все нарастающим размахом разворачиваются настоящие баталии. Сталин ныне, как и при своей жизни, находится в эпицентре политической и идеологической борьбы. Я не стану здесь подробно останавливаться на причинах этого — они достаточно очевидны. Хочу лишь подчеркнуть: идейная и политическая, а также историческая борьба вокруг Сталина — это не только, а, может быть, и не столько проблема отношения к личности самого Сталина. Говоря обобщенно, это — вопрос об отношении к истории нашей страны, к истории 70-летнего самого великого, хотя и самого драматического, этапа новейшей истории России.

Применительно к нашей нынешней действительности, пользуясь словами «Манифеста Коммунистической партии», можно с полным основанием сказать: все реакционные силы старого и нового света объединились для священной травли Сталина и призрака

² Ф. Шиллер. Избранное. М. 1954. С. 45.

сталинизма. С тем лишь отличием, что имя Сталина и его дела — это не просто призрак прошлого, внушающий нынешней буржуазии страх. Это — своего рода исторический оселок, на котором проверяются многие оценки не только ушедшего времени, но порой и реалии современной действительности.

Правящие круги постсоветской России, несомненно, обладают острым классовым инстинктом. Этого у них не отнимешь. Именно в силу этого инстинкта они концентрируют всю мощь своей пропаганды на борьбе не столько с мертвым Сталиным, а прежде всего с тем Сталиным, который живет в историческом сознании народов нашей страны. Они, в сущности, воюют против истории. Они хотят с помощью измышлений и беззастенчивой фальсификации, потоками примитивной, но безудержной лжи вытравить из сознания людей всякую память о незабываемых страницах советского периода в истории России.

С размахом и крутозором местечкового обывателя они создают свои «исторические саги» о прошлом, которые не столько разоблачают Сталина и его эпоху, сколько обнажают убожество самих создателей этих псевдоисторических опусов. Не думаю, что они сами в глубине души верят в то, о чем повествуют. Ведь такой исторический примитивизм оскорбителен даже для дебила. Но надо прямо сказать, что здесь заложен долгосрочный расчет: их цель состоит в том, чтобы одурманить молодое поколение, низвести его знание и понимание истории своей страны до пещерно-зоологического уровня. История является не только продуктом развития общества, но и нередко отражением всякого рода заблуждений, царящих в обществе в тот или иной период. В наше время усиленно вдалбливаются в общественное сознание определенные стереотипы, призванные сформировать нечто вроде запрограммированных представлений о прошлой эпохе. В этом контексте и следует оценивать многие фальсификации, которыми так умело оперируют идеологи сегодняшнего дня. Не знаю, знакома ли им мысль великого французского мыслителя М. Монтеня, почерпнутая им из греческой философии и процитированная в его знаменитых «Опытах». Она звучит так: «Людей, как гласит одно древнегреческое изречение, мучают не самые вещи, а представления, которые они создали себе о них»³. Именно над созданием вполне определенного, разумеется, резко отрицательного представления о сталинской эпохе, столь усердно трудятся, не покладая рук, холуйские обличители прошлого и неумные проповедники «достижений» и прелестей современного строя. Строя, которому пока еще даже не могут дать сколько-нибудь внятного названия.

Но в каком-то смысле их «творения» играют и позитивную роль: ведь даже элементарно грамотный и думающий человек не может в конце концов не задать вопрос: если Сталин был таким, каким его представляют создатели всякого рода исторических поделок, то как можно объяснить тот факт, что при нем Советский Союз стал второй мировой державой. Советская Россия именно при Сталине стала подлинно великой не на словах, а на деле. И это настолько очевидный и неоспоримый факт, что его не в состоянии опровергнуть никакие измышления защитников существующего режима.

Часто задумываясь о современной ситуации и идеологических потутах, призванных представить ее в розовом свете, я прихожу к выводу: раньше, когда мы не знали истинной природы капитализма, не видели его сущностные проявления на практике собственной

³ Мишель Монтень. Опыты. М. 1992. Т. I. С. 50.

страны, он многим казался даже чем-то привлекательным. Казалось, что коммунистическая пропаганда целенаправленно искажает природу капитализма как общественной системы, чтобы посредством такого приема как-то оправдать недостатки социалистической системы. Сейчас же многие постепенно, но неуклонно подходят к осознанию простой истины: общество, где безраздельна власть денег, не может быть ни справедливым, ни демократическим. Еще меньше оно может быть стабильным. Речь идет в первую очередь о социальной стабильности, поскольку она выступает в качестве и фундамента, и предпосылки стабильности во всех других сферах государственной и общественной жизни.

Истории, а значит и приверженцам социализма, не нужен лакированный Сталин. Такой Сталин не нужен был и самому Сталину, хотя по ряду причин именно такой его образ господствовал в Советском Союзе при его жизни. Многословными рассуждениями о чрезвычайной сложности, многомерности и противоречивости самой личности Сталина нельзя разрешить главную задачу — исторически объективного отражения всего его политического пути. Следует подчеркнуть, что сами негативные стороны его личности как политика и государственного деятеля нуждаются в серьезном анализе и глубоком научном обобщении. И объективная критика отдельных периодов его деятельности, в том числе весьма серьезных ошибок, просчетов, а то и провалов, не может умалить историческую значимость этой поистине исполинской фигуры.

При написании второго тома я стремился избегать тенденциозных, превратных, заранее запрограммированных оценок и обобщений. Конечно, нельзя дать стопроцентную гарантию того, что полностью удалось избежать определенных, чисто субъективного плана, суждений и умозаключений. Я не стану оправдываться тем, что каждый имеет право на ошибку, поскольку ошибка ошибке рознь. Но не в качестве оправдания, а в качестве чисто логического аргумента могу с полной убежденностью сказать: слишком сложна, масштабна и слишком противоречива сама фигура Сталина, чтобы к ней были приложимы однозначные и категорические оценки. По своей сложности и противоречивости Сталин, вне всякого сомнения, относится к личностям уникального ряда. Во многом он был непонятен своим современникам. Возможно, в еще большей степени он непонятен — или даже загадочен — потомкам. Должно было пройти какое-то достаточно продолжительное время, чтобы можно было более или менее объективно, с точки зрения широкой исторической ретроспективы, оценить как отдельные его деяния, так и всю его политическую жизнь в целом. Еще в древности греческий историк Плутарх советовал не спешить с выводами и вердиктами и подчеркивал, описывая жизнь Перикла, что тот дал одному из своих оппонентов разумный совет: во всяком случае тот «не сделает ошибки, если подождет самого умного советника — времени»⁴. И прошедшее со дня смерти Сталина полувековье как раз и позволило глубже и шире взглянуть на него как на историческую личность со всеми присущими этой личности чертами и особенностями.

Возможно, я забегаю несколько вперед и нарушаю заранее обозначенные хронологические рамки, но обойти данный вопрос не могу. При написании политической биографии у меня часто возникала мысль-вопрос: а представлял ли сам Сталин, как после его смерти пойдет ход событий в нашей стране? Сохранит ли свою жизненную силу система, созданная им? Переживет ли она своего создателя, и если да, то насколько долго?

⁴ Плутарх. Избранные жизнеописания. М. 1987. Т. 1. С. 302.

Искать ответы на эти вопросы, по меньшей мере, бессмысленно, поскольку сам творец этой системы не оставил какого-либо четко выраженного взгляда по данной проблематике. Некоторые его высказывания на этот счет, довольно широко цитируемые в наше время, вызывают определенный скептицизм. По крайней мере, четких и вполне конкретных отсылок на первоисточник они не имеют. Речь идет прежде всего о мыслях Сталина, изложенных в неопубликованных воспоминаниях известной советской дипломатки А. М. Коллонтай. Согласно этим воспоминаниям, Сталин в ноябре 1939 года принял ее в своем кабинете в Кремле и высказал свои мысли и соображения по широкому кругу вопросов. Причем особенность его оценок носила характер чуть ли не исторических пророчеств и даже чем-то напоминало своего рода исповедь.

Вот квинтэссенция его рассуждений.

«Многие дела нашей партии и народа будут извращены и оплеваны прежде всего за рубежом, да и в нашей стране тоже. Сионизм, рвущийся к мировому господству, будет жестоко мстить нам за наши успехи и достижения. Он все еще рассматривает Россию как варварскую страну, как сырьевой придаток. И мое имя тоже будет оболгано, оклеветано. Мне припишут множество злодеяний.

Мировой сионизм всеми силами будет стремиться уничтожить наш Союз, чтобы Россия больше никогда не могла подняться. Сила СССР – в дружбе народов. Острые борьбы будет направлено прежде всего на разрыв этой дружбы, на отрыв окраин от России. Здесь, надо признаться, мы еще не все сделали. Здесь еще большое поле работы.

С особой силой поднимет голову национализм. Он на какое-то время придавит интернационализм и патриотизм, только на какое-то время. Возникнут национальные группы внутри наций и конфликты. Появится много вождей-пигмеев, предателей внутри своих наций.

В целом в будущем развитие пойдет более сложными и даже бешеными путями, повороты будут предельно крутыми. Дело идет к тому, что особенно взбудоражится Восток. Возникнут острые противоречия с Западом.

И все же, как бы ни развивались события, но пройдет время, и взоры новых поколений будут обращены к делам и победам нашего социалистического Отечества. Год за годом будут приходить новые поколения. Они вновь подымут знамя своих отцов и дедов и отдадут нам должное сполна. Свое будущее они будут строить на нашем прошлом».⁵

В многочисленных вариациях данного высказывания Сталина фигурируют также его слова о то, что после смерти на его могилу будут навалены кучи мусора, но ветер истории их развеет.

Определенные сомнения вызывает то, что данный визит А. М. Коллонтай в кабинет Сталина в Кремле не нашел документального подтверждения в журнале записей посетителей его кабинета. А надо сказать, что он велся более чем скрупулезно. Последний визит Коллонтай к Сталину зафиксирован в 1934 году⁶. Это первое соображение, так сказать, фактологического порядка. Что касается содержания высказываний Сталина, то они поражают каким-то фатализмом (смешанным с оптимизмом), дающим основание предположить, что Сталин полагал возможным крушение социализма и собственное развенчание. Как-то все это с большой трудом вяжется с политическими воззрениями

И. Сталин. Т. 18. Тверь, 2006 г. С. 601.

⁶ «Исторический архив.» 1998 г. № 4. С. 93.

Сталина, да и с его характером. Для беседы на такую исповедальную тему он почему-то избрал Коллонтай, которая по своему политическому прошлому была явно не близка вождю. Да и вообще в числе посетителей кабинета Сталина в Кремле особы женского пола – явление почти уникальное.

Выражая свой осторожный скептицизм, не хочу быть понятым так, будто вообще отрицаю возможность подобного рода высказывания со стороны вождя. Однако, повторяю, речь идет о том, что четких, не допускающих и тени сомнений, высказываний самого Сталина на этот счет не обнаружено. Возможно, за исключением одного, приведенного в знаменитом докладе Н. Хрущева о культе личности на XX съезде КПСС. И хотя свидетельство Н. Хрущева как совершенно надежный исторический источник воспринимать нельзя (неспроста одна американская газета снабдила рецензию на мемуары Хрущева, опубликованные под названием «Хрущев вспоминает», таким иронически-издевательским заголовком — «Хрущев вспоминает, забывая»), тем не менее в данном конкретном случае они едва ли должны ставиться под вопрос.

Итак, Сталин в конце своей жизни говорил своим соратникам буквально следующее: «Вы слесши, котята, что же будет без меня, погибнет страна, потому что вы не можете распознать врагов»⁷

В данной главе я не буду конкретно анализировать это высказывание и давать ему историческую оценку. Об этом пойдет речь в последующем. Здесь же мне кажется вполне уместно провести своеобразную аналогию с одним из персонажей исторических описаний, принадлежащих перу Н. Макиавелли. О некоем Каструччо — правителе одной из средневековых областей Италии — знаменитый итальянский мыслитель писал: «Когда он был близок к смерти, кто-то спросил, как он хочет быть погребенным. «Лицом вниз, — сказал Каструччо, — ибо я знаю, что, когда я умру, все в этом государстве пойдет вверх дном»⁸. Мне почему-то думается, что Сталин имел достаточно веские основания сказать нечто аналогичное тому, что в свое время сказал упомянутый итальянский правитель. Впрочем, смысл слов Сталина в передаче Н. Хрущева не многим отличается от того, что говаривал итальянский правитель эпохи средневековья.

Я лишь вскользь коснулся всего нескольких аспектов концептуального характера, которыми руководствовался в своей работе при написании политической биографии Сталина. И даже эти аспекты дают определенное представление о сложных и внутренне противоречивых моментах, с которыми сопряжена любая попытка дать более или менее полное освещение многосторонней государственной и политической деятельности Сталина на протяжении полутора десятков лет — начиная с кончины Ленина и вплоть до начала 1939 года, когда четко обозначился радикальный перелом как в международной обстановке, так и во внутренней политике СССР. Период с 1924 по 1939 год — это целая историческая эпоха, как бы спрессованная в полтора десятилетия. Для истории 15 лет — не столь уж большой отрезок времени. Но история, помимо чисто календарного, временного измерения, имеет еще более значимое измерение, а именно — измерение, определяемое масштабностью и исторической значительностью произошедших за данный отрезок времени событий. Вот почему некоторые, казалось бы и не столь протяженные во времени периоды, бывают несопоставимо более важными, чем многие другие исторические отрезки времени.

Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. М. 2002. С. 99.

⁸ Никколо Макиавелли. Избранные сочинения. М. 1982. С. 298.

Чтобы понять личность, надо понять эпоху, в которой этой личности пришлось жить и действовать. Без учета этого принципиального постулата любое историческое исследование как бы априори обречено на ущербность, а в конечном счете и на неудачу. Но это — лишь одна сторона вопроса. Другая ее сторона состоит в том, что и историческая эпоха в своем преломлении через личность становится более понятной, более доступной для объективной оценки. Здесь как раз и коренится глубокая внутренняя диалектика взаимосвязи и взаимозависимости эпохи и исторической личности. К сожалению, диалектика ныне не в почете, поскольку ее совершенно необоснованно увязывают преимущественно с марксизмом-ленинизмом или же со сталинской ее интерпретацией, изложенной им в ряде его работ.

Я не боюсь упрека в ретроградстве, а тем более — в наличии определенной мировоззренческой позиции. Без такой позиции бессмысленно браться за любое исследование, связанное с политической проблематикой. Да, собственно говоря, обойтись без определенной мировоззренческой позиции при рассмотрении и оценке любого исторического события или факта не удавалось еще никому. Поскольку отсутствие (хотя бы чисто декларативное!) такой позиции само по себе уже является вполне определенной позицией. Здесь, как говорится, и заключается сермяжная правда, от которой никуда не уйти и не уехать.

Любое крупное историческое явление (а таким, вне всякого сомнения, представляется рассматриваемая эпоха в истории Советского Союза, в которой доминирующей фигурой был Сталин и которая в силу объективных фактов получила название сталинской эпохи) вызывает множество толкований и различных оценок. Разночтение исторических оценок, разумеется, не случайно, а вполне закономерно. Здесь играют свою роль как исходные политико-идеологические позиции различных авторов, так и факторы объективного свойства: чем сложнее и противоречивее по своей природе общественное событие, тем больше споров разгорается вокруг них, тем больше скрещивается мечей (здесь уместнее было бы употребить — перьев) спорящих сторон. Предосудительного здесь я ничего не вижу.

Но есть такие события в жизни каждой страны и каждого народа, о которых принято говорить с чувством благородной признательности и почтения. Они не то что стоят вне поля критики и объективного анализа, а просто являют собой своего рода сакральную зону. К ним относится Великая Отечественная война. Хронологически этот период относится к следующему тому, но предпосылки для победы были созданы именно в тот период, который рассматривается во втором томе. В дальнейшем я еще не раз коснусь вопроса о том, какое значение для создания предпосылок великой победы сыграли годы индустриализации, коллективизации, бурного развития науки и техники, масштабной подготовки специалистов самого широкого профиля, без которых само функционирование советской военной промышленности было невозможно.

Однако в нашей стране, да и во многих других странах, само существование которых было бы невозможно без победы советского народа в этой величайшей из всех войн, находится немало людей, причисляющих себя к поборникам исторической правды и радетелей объективной истины, чьи писания и откровения, в том числе и в электронных средствах массовой информации, мягко говоря, пропитаны чувством ненависти и злобы по отношению к этому периоду нашей истории. В дальнейшем мне представится повод более подробно остановиться на данной проблеме. Здесь же считаю уместным высказать

общую оценку позиции таких «разоблачителей» Сталина. Думаю, что тенденциозно и крайне односторонне характеризуют предвоенный и военный периоды нашей истории, временные неудачи, а также порой самые серьезные просчеты сталинского руководства в период войны, они пытаются переписать реальную историю на свой лад. В их интерпретации победа Советского Союза в войне предстает чуть ли не в качестве исторического поражения, поскольку, мол, она укрепила сталинский режим, сохранила тоталитарную систему и отдалила народы России от долгожданной цели — вступления страны на путь западной либеральной демократии. Больше того, они договариваются до столь чудовищной вещи, что ставят на одну доску гитлеровский фашизм и коммунизм и заявляют, что не видят особого блага в том, что победил последний. Наконец, ссылаются на несоизмеримые людские потери, связанные с войной. Что, мол, можно было бы добиться победы и не ценой таких колоссальных потерь. Разглагольствуют и о многом другом, непосредственно связанным с военными страницами советской истории.

Лично меня охватывает чувство негодования и омерзения, когда мне приходится читать и слышать такого рода рассуждения, облаченные, как правило, в псевдонаучную оболочку, в одежды правдоискательства. Последнее обстоятельство особенно отвратительно. И оно было в полной мере продемонстрировано в период подготовки и празднования 60-летия победы. Само собой понятно, что при этом они выказывали внешние признаки благодарности тем, кто своими жизнями спас мир от порабощения и уничтожения фашизмом, но главный акцент делали на том, чтобы доказать недоказуемое — победа над гитлеровской Германией была одержана не благодаря, а вопреки советскому строю.

Если говорить откровенно и без всяких экивоков, то с подобными людьми и отстаиваемой ими позицией, вести серьезную дискуссию просто недостойно. Слишком уж явно во всех их взглядах и концепциях просматриваются нечестные, по существу антигражданские, антипатриотические мотивы, маскируемые мантией мнимой объективности. Им можно поставить простой вопрос: из каких темных подземелий потустороннего мира они могли бы возглашать и защищать свои концепции, если бы победителем в войне не оказался Советский Союз? Многие из них сами (или их прямые потомки) стали бы пеплом, удобряющим землю, если бы не победа советского народа в Великой Отечественной войне. Эти псевдоисторики и псевдописатели клеветают не только на прошлое, они оскорбляют и настоящее. Они подобны озлобленным хищникам, показывающим свой звериный оскал, как только речь идет о победе советского народа и Советской Армии.

Но если взглянуть в суть вопроса глубже и шире, то становится очевидным, что извращение истории Великой Отечественной войны во всех ее аспектах — не просто самоцель тех, кто сделал это занятие своей профессией или любительским хобби. А последних, надо сказать, развелось, как тараканов в запущенной квартире. Целью — и при том глобальной и подчиняющей себе все остальное — является стремление не просто извратить историю, лишить народ и его молодое поколение подлинной исторической памяти. Доминантой здесь выступает зоологический антикоммунизм и антисовестизм во всех своих проявлениях. Разумеется, содержание ожесточенных баталий вокруг истории Великой Отечественной войны нельзя сводить только и прежде всего к стремлению принизить и извратить подлинную историческую роль Сталина в ней. Это — всего лишь

одна, причем немаловажная задача. Компрометируя и дискредитируя подлинного, а не бутафорского Верховного главнокомандующего, адепты «нового толкования» истории войны ставят перед собой главную цель — опорочить строй, который оказался на высоте исторической ответственности, сумел мобилизовать все силы и средства, чтобы сломать хребет самому страшному в человеческой цивилизации врагу — германскому фашизму.

В приложении к политической биографии Сталина постоянно накатывающиеся волны безудержной фальсификации истории второй мировой войны и как ее главной составляющей — Великой Отечественной войны — не выглядят явлением, порожденным исключительно политической конъюнктурой сегодняшнего дня. В конце концов в любой стране были, есть и будут политические конъюнктурщики и карьеристы, подвизающиеся на плодотворной ниве извращения и фабрикация фактов. Избрав главной мишенью Сталина, его деятельность в предвоенный и военный период (а также и в послевоенный), поборники «новой исторической истины» через дискредитацию Сталина стремятся опорочить советский общественный строй. Ведь это им нужно позарез, поскольку «новый демократический порядок», установленный ныне в России, если говорить по большому счету, оказался очередной химерой по меркам подлинного исторического прогресса. Если нечем хвастаться сегодня, то тем с большим усердием надо поливать помоями советский строй, чтобы у молодого поколения о нем сформировалось самое превратное представление. История, вернее подходы к истолкованию исторических событий планетарной значимости, стали одними из основных средств идеологического и политического оправдания и защиты нынешнего режима. Переиначивая на современный лад известное английское изречение — «Right or wrong, it is my country» — можно сказать, что девизом самопровозглашенной правящей элиты современной России с полным на то основанием следовало бы считать следующий лозунг — «Right or wrong, it is my money». Иными словами, честно или бесчестно нажиты деньги, но это мои деньги — такова фундаментальная подоплека всей политической, да и всякой иной философии нынешней элиты России. Именно корыстные экономические интересы и устремления служат главным побудительным мотивом всех ее действий. Будь то сфера экономики, политики или отношения к истории собственной страны. Именно так — через призму своих корыстных интересов сохранения и приращения нечестно приобретенных несметных богатств современная политическая элита России смотрит на весь мир, на себя, на свою страну и народ, на ее многострадальную, но полную героизма и великих свершений историю. Невольно приходишь к заключению: там, где правят бал деньги, наивно рассчитывать на торжество исторической правды.

Осознав эту простую истину, легко понять и объяснить весь тот вал обличений нашего недавнего исторического прошлого, который ежедневно и ежечасно низвергается на головы наших соотечественников. История, таким образом, это — не только поток событий прошлого, но и поле ожесточенных схваток в нашей сегодняшней действительности. И чем менее эффективным и менее привлекательным будет становиться установившийся режим, с тем большим остервенением он будет разоблачать социализм и его реальные и мнимые пороки и недостатки. А Сталин здесь, вне всякого сомнения, фигура как нельзя более подходящая.

В вводной главе я лишь касаюсь некоторых концептуальных моментов, позволяющих, на мой взгляд, объективнее представить исторический фон и реальные обстоятельства, в

которых развертывалась политическая деятельность Сталина в рассматриваемый период. Более детально и с привлечением необходимых документов и аргументов ключевые аспекты его деятельности будут рассмотрены в соответствующих главах. Однако некоторые вопросы заслуживают того, чтобы выделить их уже сейчас, высказать свою принципиальную оценку.

Смерть Ленина не положила конца внутрипартийной борьбе, о которой было рассказано в первом томе. Напротив, она придала ей еще более масштабный и более ожесточенный характер. По существу она закрыла одну важную страницу в истории страны и открыла принципиально новую ее страницу. В этой связи мне представляется важным остановиться на ряде ключевых, так сказать, методологических, аспектов, чтобы дать общеполитическую и историческую оценку нового периода советской истории, напрямую связанную с постепенным возвышением Сталина и превращением его не только в основного лидера партии, но и фактически в единовластного вождя.

В первую очередь следует ответить на один вопрос, причем тот вопрос, который вот уже на протяжении семи десятилетий занимает умы не только историков-специалистов, но и, без всякого преувеличения, достаточно широких слоев населения нашей страны. Этот вопрос в своем упрощенном виде можно было бы сформулировать так: если бы Ленин остался жив и продолжал руководить партией и государством, то какую бы политику он проводил? Не стал бы он осуществлять в своих основных параметрах тот же политико-экономический курс, который с такой железной последовательностью начал претворять в жизнь Сталин? Иными словами, был ли Сталин продолжателем дела Ленина или же стал в социально-политическом смысле его антиподом?

Конечно, я отдаю себе отчет в некоей умозрительности самой постановки подобного рода дилеммы: ведь история не знает сослагательного наклонения, и подобные исторические гипотезы несут на себе черты своеобразного гадания на кофейной гуще. Но тем не менее, данный вопрос не принадлежит к разряду сугубо умозрительных, а тем более искусственных или абстрактных. Дело в том, что после смерти Ленина политические оппоненты Сталина неизменно акцент делали на том, что, мол, Сталин полностью изменил ленинским заветам, в корне пересмотрел все принципиальные основы прежней ленинской политики и практики и, таким образом, совершил акт вероломного социально-политического предательства. В итоге якобы произошло полное перерождение, которое соперники Сталина в борьбе за власть, пользуясь терминологией времен Великой французской революции, окрестили как буржуазный термидор.

Я попытаюсь изложить свое понимание данной проблемы, сохраняющей до наших дней актуальный исторический интерес. Это важно не только само по себе. Не менее важно это и для понимания и правильной оценки дальнейшего крутого поворота в политике, совершенного Сталиным в 20 — 30-х годах. Впрочем, политические зигзаги и радикальные повороты в политическом курсе — одна из характерных черт Сталина как политика и руководителя государства. С этими явлениями мы столкнемся не раз, рассматривая тот или иной этап деятельности вождя.

Прежде всего, конечно, нельзя отрицать, что Сталин внес не просто некоторые коррективы в прежний ленинский курс, но и в значительной мере подверг его коренным изменениям. В основе такого подхода лежали не только, а, скорее всего, и не столько субъективные устремления Сталина. Факторы, порожденные внутрипартийной борьбой,

конечно, наложили свою неизгладимую печать на все политические события того периода, и в первую очередь на борьбу вокруг формулирования основных параметров социально-экономического и политического развития государства. С точки зрения общепринятой терминологии фундаментальные направления курса получили свое партийное название: генеральная линия партии. И вокруг этого курса и разворачивались все баталии. Хотя зачастую под прикрытием борьбы за осуществление генеральной линии скрывалась неприкрытая личная борьба за власть. И это придавало всей политической картине особые нюансы и оттенки, без учета которых невозможно дать исторически верное объяснение многим событиям тех далеких лет. Сама же генеральная линия также не предстает в виде чего-то неизменного, четкого и устойчивого. На каждом крутом историческом этапе она подвергалась коррективам, а зачастую и радикальному пересмотру. Причем все это преподносилось в виде обязательной верности самой этой генеральной линии. В каком-то смысле идею генеральной линии можно уподобить христианской догме о непорочном зачатии. Ибо сомневаться в ней было равносильно измене. Хотя, линия эта не только никогда не была прямой, но по большей части принимала формы каких-то зигзагов, крутых виражей, одновременно как поступательных, так и попятных движений. Вместе с тем ее отличала целеустремленность и последовательность, четко проглядывавшая даже на фоне всех зигзагов и отклонений. О сущности и содержании этой линии на каждом крутом изломе исторического развития нашей страны будет идти речь в соответствующих главах.

Сейчас же мне хотелось оттенить одну простую и важную мысль: Ленин уже в преддверии смерти сам начал подвергать кардинальному пересмотру многие прежние основополагающие большевистские установки и постулаты. Это нашло свое определенное отражение в последних прижизненных публикациях его статей. Так что вопрос о коренном пересмотре всей социально-политической стратегии был поставлен не Сталиным, а самой жизнью. Сталин не просто выбирал между ортодоксальным ленинизмом и реальной жизнью со всеми ее сложностями и императивами. Он, по существу, должен был сделать выбор между приверженностью утратившим свою силу теоретическим и политическим постулатам и теми реалиями, которые определяли возможные перспективы дальнейшего развития страны. Не приходится удивляться, что выбор был сделан в пользу второго.

Так что, на мой взгляд, не будет ошибочным утверждение, что Сталин по многим параметрам отошел от ленинских взглядов и традиций, прикрываясь при этом неизменными заверениями в верности ленинизму. Надо постоянно иметь в виду, что сама установка, прежде всего требование соблюдения обязательной преемственности, делали линию, взятую с самого начала Сталиным, объективно необходимой и оправданной. Другой отличительной особенностью политической стратегии Сталина являлось то, что он, постоянно провозглашая свою неизменную верность заветам Ленина, давал свое **собственное**, выгодное для обоснования его политического курса, толкование ленинизму. Фигурально выражаясь, он взял на себя роль апостола ленинизма, с тем, чтобы все главные положения ленинского учения воспринимались через призму его собственной интерпретации. Обращаясь вглубь истории, можно сказать: он создал, так сказать, нечто вроде апокрифического «ленинского Евангелия от Иосифа». Единственно общепризнанным и правоверным вариантом истолкования ленинизма и его важнейших теоретических и стратегических установок со времени утверждения Сталина у власти стал сталинский

вариант. Постепенно из первоначально апокрифического он превратился в единственно правильный вариант, все отклонения от которого расценивались как ересь. Можно, конечно, возразить, что это уже был не ленинизм в его подлинном смысле, а всего лишь сталинская интерпретация его основных положений. В этом, как показала реальная практика жизни, был глубокий политический расчет, оказавшийся в конечном счете одной из главных составляющих его будущего политического триумфа.

Но все это — лишь одна сторона вопроса. Другая, столь же важная, заключается в том, что Сталин оказался верным последователем Ленина в реализации важнейших социально-политических и стратегических установок последнего. Именно ленинизм был и остался красутольным камнем сталинизма как такового. Сам сталинизм не только вырос из ленинизма, но и стал его практической реализацией в новых исторических условиях. Кое-кто может поставить мне в упрек столь категорическое утверждение, защищая чистоту ленинизма от всякого рода извращений. Но любая политическая теория — это не свод религиозных догм и постулатов, а целостная, непрерывно развивающаяся и изменяющаяся под воздействием общественной практики, система взглядов. В этом смысле Сталин и унаследовал ленинские идеи, привел их в соответствие с реальностями времени и, конечно, наложил на них свою неизгладимую печать.

Не столько для того, чтобы придать больше убедительности своим собственным рассуждениям на этот счет, сколько для выяснения истины, я приведу интересное и весьма важное мнение одного из крупнейших западных советологов, английского историка Э. Карра, автора 14-томной «Истории Советской России». В одном из своих интервью он следующим образом сформулировал свои взгляды по вопросу, рассматриваемому нами:

«Историк задает вопрос «почему?», в том числе и почему из нескольких возможных в каждый данный момент событий происходит именно одно, определенное. Если бы прошлое было другим, другим было бы и настоящее. У меня нет большой веры в «недействительную историю». Мне вспоминается поговорка: «Если бы у бабушки была борода, то это была бы уже не бабушка, а дедушка». Переделать прошлое так, чтобы оно удовлетворяло чьим-либо пристрастиям или взглядам, — очень приятное занятие. Но я не уверен, что оно принесет кому-либо пользу.

Если бы, однако, вы попросили меня попробовать построить различные предположения, то я бы сказал следующее. Ленин, живи он в двадцатые и тридцатые годы и сохрани полностью свои способности, столкнулся бы с теми же проблемами. Он прекрасно знал, что широкая механизация сельского хозяйства является первым условием экономического прогресса. Не думаю, чтобы он был удовлетворен индустриализацией черепащим шагом Бухарина. Не думаю, чтобы он сделал слишком много уступок рынку (вспомните, как он настаивал на установлении монополии внешней торговли). Он знал, что мало чего можно достигнуть без эффективного управления и контроля за трудовыми процессами⁹.

Приведенное мнение крупнейшего английского историка — это мнение не какого-то дилетанта или публициста, умеющего одинаково легко (и поверхностно!) писать на любую тему. Это — точка зрения одного из самых глубоких знатоков сталинской эпохи. Причем следует особо отметить, что к Сталину он не только не испытывал каких-либо симпатий, но, наоборот, многократно выражал свою неприкрытую антипатию. Вот почему его вывод представляется мне заслуживающим доверия.

⁹ «Свободная мысль». 1991 г. № 16. С. 21.

Но вернемся к непосредственной теме нашего повествования.

Генеральная линия, как ее понимал и реализовывал Сталин, вполне укладывалась в рамки ленинизма. Более того, она органически вытекала из учения Ленина, разумеется, с поправками и коррективами в соответствии с духом времени. В целом, на мой взгляд, фундаментальные, основополагающие установки ленинизма были таковыми и в сталинизме. Здесь я хочу особо подчеркнуть, что под сталинизмом в данном случае я имею в виду не то, что в это понятие вкладывалось и вкладывается до сих пор многими критиками Сталина — а именно систему власти и репрессий, являвшихся следствием осуществления этой власти. Сталинизм в моем понимании понятие гораздо более масштабное и емкое, и было бы недопустимым упрощением сводить его лишь к указанным выше чертам.

С чисто теоретической точки зрения вклад Сталина в марксистскую теорию в ее ленинской интерпретации был относительно скромным, поскольку в своих важнейших положениях сталинизм в качестве фундамента опирался на ленинские идеи. Все это, однако, не означает, что довольно скромная роль Сталина как теоретика марксизма-ленинизма дает основание не замечать того важного и поистине новаторского, что он внес в эту теорию. В дальнейшем я буду иметь возможность подробно и предметно остановиться на данном вопросе. Здесь хотелось бы подчеркнуть, что даже то, на поверхностный взгляд, небольшое, что внес Сталин в собственно теорию марксизма-ленинизма, имело колоссальное значение. Ибо благодаря именно этим теоретическим новациям, марксизм-ленинизм как теория и платформа практических действий стал одним из фундаментальных идейно-политических инструментов осуществления принципиально новой политики и практики государственного строительства. Несколько упрощая постановку вопроса, я бы сказал так: во многом благодаря деятельности Сталина ленинизм обрел свои знакомые старшему поколению граждан нашей страны черты и вошел в историю в качестве теории успешного строительства социалистического общества. Обобщая, допустимо сделать вывод: практика Сталина явилась его важнейшим вкладом в теорию. Можно придерживаться различных толкований относительно ценности и характера самой этой практики, но нельзя, не порывая с исторической правдой, отрицать правомерность такого вывода.

В известной мере Сталин сохранил старые традиции большевизма. Но эта преемственность с классическим большевизмом ленинской пробы носила скорее внешний, нежели внутренний характер. В среде большевиков наблюдалось сильное преклонение перед большевистскими революционными традициями прошлого и Сталин не мог их просто отринуть как исчерпавший себя исторический балласт. Но он пошел по иному пути: провозглашая верность старым революционным традициям, он наполнил их новым содержанием. Отсюда можно с достаточной долей достоверности сделать вывод, что Сталин придал ленинским идеям новое измерение, умело приспособив их к изменившимся историческим реалиям и потребностям своей политической деятельности. Созрев и сформировавшись на идейной базе ленинизма, сталинская политическая философия обрела, таким образом, свое собственное содержание и свой собственный, в чем-то уникально неповторимый облик.

Вообще тема соотношения ленинизма и сталинизма настолько обширна и многопланова, что заслуживает самостоятельного рассмотрения. Я же ограничился лишь

наиболее общими оценками, раскрывающими как преемственность сталинизма с ленинизмом, так и существенные отличия между ними. Полагаю, что данную проблему можно раскрыть не на уровне теоретических рассуждений, а на основе рассмотрения конкретных этапов политической биографии Сталина. Именно здесь наиболее рельефно и явно проявляются как общие черты ленинизма и сталинизма, так и их отличия.

Как бы заглядывая вперед, с самого начала хочется особо акцентировать внимание на одной чрезвычайно важной особенности всей политической философии Сталина. Она была пронизана духом твердости и решительности, что проглядывает буквально в каждом сколь-нибудь важном шаге всей его деятельности. Возможно, именно эта черта его философии политической борьбы и особенно его практической деятельности наложила столь суровую, а порой и зловещую печать на многие страницы его политической биографии. Порой складывается впечатление, что этому человеку вообще не были свойственны такие обычные для каждого человека черты характера и поведения, как сомнения, неуверенность, колебания и т. п. чувства. Ведь очевидно, что личности любого исторического масштаба отнюдь не лишены обычных человеческих слабостей. Вне зависимости от того, что о них писали или пишут современники и потомки. Сталин не являет собой какого-то исключения из этого ряда. Несмотря на свою фамилию, всегда ассоциируемую с твердостью и прочностью. Ему, как и его политике, конечно, были присущи и элементы колебаний, сомнений и отнюдь не столь уж редко попятных движений. Однако эти проявления скорее подтверждают, нежели опровергают, тезис о твердости и решительности всей его политической философии. Разумеется, если рассматривать ее во всей целостности как органическое единство противоположностей. При этом нельзя забывать, что Сталин прекрасно понимал природу, я бы сказал, душу политики. В свое время канцлер Германии О. Бисмарк говорил: «Политика — это не наука, как воображают многие господа профессора, а искусство»¹⁰. Для Сталина политика была и наукой, и искусством, причем грань между двумя этими понятиями часто казалась невидимой, но всегда ощутимой. При этом для него политика была не просто искусство, а искусство возможного. Тема Сталина как политика не стоит особняком от его политической биографии, но она, безусловно, ждет еще своего серьезного исследования.

2. Героическая и трагическая связь времен

) ИИ

Эпоха, о которой идет речь, вне всякого сомнения, была и эпохой, наполненной событиями поистине драматического и трагического характера. При этом хочу особо подчеркнуть, что никакими ссылками на то, что она была сложной, полной противоречий и противостояния различных сил, нельзя ни объяснить, ни тем более оправдать преступления, творившиеся в то время. Хотя каждая историческая эпоха несла в себе элементы трагические, время правления Сталина было отмечено такими трагедиями, которые не вмещаются в обычные рамки, а часто и выходят за пределы не только рационального объяснения, но и понимания. Грандиозность достижений и успехов, достигнутых тогда, не может служить убедительным оправданием преступных по своему

¹⁰ М. И. Михельсон. Ходячие и меткие слова. М. 1997. С. 329.

объективному содержанию деяний, которые в тот период были обрушены на страну и народ.

С другой стороны, если акцентировать главное внимание на негативных сторонах деятельности Сталина, если саму сталинскую эпоху рассматривать преимущественно под углом зрения только негативных моментов, связанных с ней, то историческая панорама окажется искаженной, лишенной присущих ей пропорций. А именно эти пропорции и создают единство и органическую целостность исторической панорамы, отражают ее неповторимое своеобразие и отличие от других эпох. Незачем далеко ходить за примерами: ведь когда мы любуемся такими величественными творениями человеческого труда, как египетские пирамиды или Великая китайская стена, то прежде всего мы видим в них воплощение титанического человеческого свершения, благодаря которому они стали реальностью. Как-то в стороне от нашего сознания остается тот факт, что они были воздвигнуты на крови и поте многих миллионов безвестных нам людей. Их жизни стали своеобразным фундаментом, легшим в их основу. И прекрасно понимая цену, заплаченную за все это бессмертное величие, мы тем не менее восхищаемся этими творениями. Жестокость египетских фараонов или императора Цинь Шихуана как-то отступают на задний план. Сквозь давно ушедшую от нас дымку тысячелетий мы видим прежде всего результат, итог, а не цену, заплаченную за этот результат. Конечно, из логики моих рассуждений отнюдь не следует, как может показаться кому-либо, будто я отмечаю в сторону как второстепенное само понятие цены того или иного исторического достижения. Напротив, речь идет скорее о том, чтобы верно видеть и оценивать внутреннюю связь между тем и другим, отдавать себе отчет в том, что одно от другого неотделимо. И объективный исторический взгляд предполагает учет данного момента.

С точки зрения выявления исторической правды первостепенное значение приобретает вопрос об оценке истоков и природы этих чудовищных деформаций. На данной проблеме я подробно остановлюсь в дальнейшем. Здесь, поскольку речь идет о принципиальной постановке данной проблемы, хочется подчеркнуть исключительную важность объективного, доказательного подхода к ее рассмотрению. Недопустимо делать далеко идущие выводы на основе предположений и сомнительных спекуляций, тем более на основе слухов и измышлений. Далее, отнюдь не второстепенное место занимает и вопрос о масштабах репрессий, имевших место в годы советской власти вообще и в 20 — 30-е в особенности. На этот счет на каждом шагу и постоянно приходится сталкиваться с несостоятельными утверждениями, продиктованными не стремлением выявить подлинную картину того, что имело место, а большей частью патологической и даже зоологической ненавистью к коммунизму и к Сталину в первую очередь.

Не буду пространно разглагольствовать на этот счет, поскольку данному вопросу будут посвящены специальные главы. Здесь же в качестве своего рода образца, некоего типичного эталона, широко используемого в наши дни деятелями так называемого либерально-демократического эшелона, приведу пример обвинений со стороны академика А. Яковлева. Мне довелось знакомиться не только с тем, что он писал в последнее время, но и с тем, что он писал и говорил раньше. В частности, я имею в виду его «фундаментальный» труд «Идейная нищета апологетов «холодной войны». Но здесь не место вдаваться в бесплодную полемику по вопросам, ставшими уже позавчерашним днем нашей истории, хотя и можно было бы высказать ряд существенных комментариев по поводу научной глубины и основательности трудов академика.

Коснусь лишь вопроса о репрессиях, ибо он, как мне представляется, часто выступает в качестве своеобразной оси, вокруг которой вращается вся антикоммунистическая и антисталинская пропагандистская машина. В одной из своих работ «Сумерки» в главе «Вы сеете фашизм...» автор пишет: «Точных данных, которые бы основывались на документах, о масштабах всенациональной трагедии нет. Называются самые разные цифры. Такой проницательный человек, как академик Вернадский, оценивая события второй половины 30-х годов, привел в своем дневнике (январь 1939 г.) цифру в 14 — 17 миллионов ссыльных и заключенных по политическим мотивам. Власть, разумеется, придерживалась другого мнения. В 1954 году министр внутренних дел Круглов сообщил Хрущеву, что с 1930 по 1953 год в СССР репрессировано примерно 3,7 миллиона человек, в том числе 765 тысяч расстреляно. Эти цифры ложные. Но они гуляют по официальным источникам до сих пор»¹¹.

А. Яковлев не просто упрощает, но намеренно искажает картину. К тому же, он не точен и не аккуратен в своих категорических вердиктах. Не говоря уже о том, что и с цифрами он не в ладах — по крайней мере крайне небрежен.

Во-первых, — «цифры гуляют по официальным источникам» — как раз под патронажем самого А. Яковлева. Именно он, по крайней мере формально, фигурировал в качестве общего редактора целой серии документальных публикаций под названием «Россия. XX век. Документы». И одной из таких публикаций является издание почти в 900 страниц и называется оно «ГУЛАГ. (Главное управление лагерей) 1917 — 1960». Как раз в нем и помещено письмо Генерального прокурора, министра внутренних дел и министра юстиции СССР на имя первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева от 1 февраля 1954 г.

В нем, в частности, сообщается: «По имеющимся в МВД СССР данным, за период с 1921 года по настоящее время за контрреволюционные преступления было осуждено Коллегией ОГПУ, тройками НКВД, Особым Совещанием, Военной Коллегией, судами и военными трибуналами 3.777.380 человек, в том числе:

к ВМН (высшей мере наказания, т. е. расстрелу — Н. К.) — 642.980 человек,
к содержанию в лагерях и тюрьмах на срок от 25 лет и ниже — 2.369.220 человек,
в ссылку и высылку — 765.180 человек.

Из общего количества арестованных, ориентировочно, осуждено: 2.900.000 человек — Коллегией ОГПУ, тройками НКВД и Особым Совещанием; 877.000 человек — судами, военными трибуналами, Спецколлегией и Военной Коллегией»¹².

Внимательный читатель обратит внимание на то, что речь идет не о периоде с 1930 по 1953 год, а о периоде с 1921 по 1953 год. К тому же, отличается и число приговоренных к расстрелу.

Теперь по существу. Весь свод помещенных документов поражает своей скрупулезностью: в органах были приучены к порядку и строго блюди дисциплину — отчетность и статистика были поставлены на уровне. И вот, спрашивается, зачем трем руководителям органов власти и надзорных органов понадобилось, как говорят сейчас, вешать лапшу на уши высшему лицу в стране? Ведь их письмо было написано по поручению ЦК и было предназначено отнюдь не для широкого круга и носило гриф «Совершенно секретно». За «липу», как говорится, их бы по головке не погладили. Тем

¹¹ Ссылка дается по электронной версии главы, опубликованной в «Новой газете» за 2003 г.

¹² ГУЛАГ. 1918 — 1960. Документы. (под общей редакцией академика А. Н. Яковлева) М. 2000. С. 147.

более, что, как может догадаться читатель, Хрущев, видимо, достаточно внятно объяснил им, что нужно не «замазывать» преступления, в которых можно было затем обвинить Сталина и тех, кто выполнял его указания. Так что есть веские основания рассматривать приведенные цифры в качестве достоверных. По крайней мере, голословным заявлением, что цифры ложные, еще ничего не докажешь. Да и кроме того, сам А. Яковлев как общий редактор издания мог бы хотя бы в примечании высказать свое несогласие с этими цифрами и убедительно обосновать свою точку зрения. Именно обосновать, а не просто бросить нечто вроде окончательного приговора, не подлежащего обсуждению — цифры ложные!

Далее он ссылается на В. И. Вернадского, стремясь авторитетом крупного российского ученого подкрепить свои позиции. Действительно, в дневнике Вернадского содержится такая запись: «Откуда-то приводится цифра 14 — 17 миллионов ссыльных и в тюрьмах. Думаю, что едва это преувеличение»¹³.

В. И. Вернадский был крупным ученым и горячим патриотом России. Но по своим политическим воззрениям он принадлежал к противникам большевизма (в свое время являлся одним из видных деятелей кадетской партии), и это его неприятие большевизма явственно проглядывает в дневниковых записях. Но пусть читатель задастся вопросом: откуда взял сам Вернадский эту цифру? Он сам и пишет — «откуда-то приводится». Мягко выражаясь — весьма достоверный документальный источник! И оценка Вернадского едва ли придает больше убедительности данной цифре, несмотря на весь его научный авторитет! А почему, скажем, не 20 — 25 миллионов? Или еще больше?

Во всяком случае, серьезный исторический анализ, а тем более фундаментальные выводы, делать на базе такого рода «источников» — вещь, по меньшей мере, сомнительная. Этим я не хочу ни в коей мере умалить авторитет великого ученого, который, кроме всего прочего, прекрасно разбирался в политике. В тех же его дневниках есть немало резко отрицательных характеристик отдельных советских государственных деятелей того периода. И на фоне этого особенно впечатляют слова Вернадского, записанные им в личном дневнике, а не сказанные публично (тогда можно было бы предположить, что он лицемерил или лукавил): «Сталин, действительно, мировая фигура»¹⁴. У такого скупого на хвалебные эпитеты человека, как Вернадский, столь высокая оценка кое-что да значит!

Но акцентируя внимание читателя на значимости фигуры Сталина как политика мирового измерения, я не стремлюсь таким приемом как бы наложить розовый флер на бесспорно чудовищные по своему характеру и масштабам репрессии, опять-таки связанные прежде всего с его именем.

Но вернемся к прерванной нити изложения. Затронутая мною в данном сюжете проблематика, как мне кажется, должна помочь непредвзятому читателю глубже вникнуть в характер и формы споров вокруг Сталина и его эпохи, в самую суть проблемы. И хотя данный пассаж может и показаться каким-то чужеродным телом в общем изложении, он, как представляется мне, способствует уяснению не фальсифицированной, а реальной исторической панорамы рассматриваемой эпохи.

В общем ряду проблем, прямо примыкающих к рассматриваемой теме, относится еще одна, имеющая, на мой взгляд, принципиальное значение. Речь идет об определении

В. И. Вернадский. Дневник 1939 года. «Дружба народов» 1992 г. № 11– 12. С. 12.

¹⁴ Там же. С. 36.

сталинской эпохи как эпохи тоталитаризма. Вообще проблема тоталитаризма сама по себе чрезвычайно обширная и многоплановая, но я коснусь лишь того ее аспекта, который непосредственно затрагивает предмет нашего внимания, а именно Сталина и его политическую деятельность.

В массовое сознание уже достаточно прочно (чуть ли не на уровне подсознания) внедрен определенный синдром — инстинкт отторжения тоталитаризма. При этом сам тоталитаризм подается в качестве некоей безграничной крыши, под которой размещаются какие угодно режимы и формы правления. В научном плане проблема тоталитаризма разработана пока еще недостаточно глубоко и основательно. В плане же использования этого понятия в политических целях дело поставлено на широкую ногу. Термином тоталитаризм приговождаются к позорному столбу истории как отдельные страны, так и отдельные государственные и политические деятели, в частности и в особенности Сталин.

Но вначале немного о самом понятии тоталитаризм. Это, на мой взгляд, необходимо, чтобы глубже, на базе конкретных фактов, а не общих обличений представлять себе, какое содержание вкладывается в этот необъятный термин. Вот как определяет сущность тоталитаризма один из крупных французских политологов Р. Арон:

«Что представляет собой феномен тоталитаризма? Как и все социальные явления, он, в зависимости от точки зрения наблюдателя, может получить много различных определений. Вот какими мне видятся пять его основных признаков:

1. Тоталитаризм возникает в режиме, предоставляющем какой-то одной партии монопольное право на политическую деятельность.

2. Эта партия имеет на вооружении (или в качестве знамени) идеологию, которой она придает статус единственного авторитета, а в дальнейшем — и официальной государственной истины.

3. Для распространения официальной истины государство наделяет себя исключительным правом на силовое воздействие и на средства убеждения. Государство и его представители руководят всеми средствами массовой информации — радио, телевидением, печатью.

4. Большинство видов экономической и профессиональной деятельности находится в подчинении государства и становится его частью. Поскольку государство неотделимо от своей идеологии, то почти на все виды деятельности накладывает свой отпечаток официальная истина.

5. В связи с тем, что любая деятельность стала государственной и подчиненной идеологии, любое прегрешение в хозяйственной или профессиональной сфере сразу же превращается в прегрешение идеологическое. Результат — политизация, идеологизация всех возможных прегрешений отдельного человека и, как заключительный аккорд, террор, одновременно полицейский и идеологический.

Определяя тоталитаризм, можно, разумеется, считать главным исключительное положение партии, или огосударствливание хозяйственной деятельности, или идеологический террор. Но само явление получает законченный вид только тогда, когда все эти черты объединены и полностью выражены¹⁵.

Не буду ставить под сомнение правомерность подобной интерпретации. Но хочу подчеркнуть один важный момент: все коренные признаки тоталитаризма берутся как-то

¹⁵ Реймон Арон. Демократия и тоталитаризм. М. 1993. С. 230–231.

абстрактно, вне связи с реальным содержанием исторического материала, они как бы абстрагируются от реальной ткани исторической эпохи. Причем при таком подходе легко подвести под общую крышу явления диаметрально противоположного свойства. Определенная ограниченность данной интерпретации тоталитаризма видна хотя бы из того, что она игнорирует одно существенное обстоятельство. Если понимать тоталитаризм в широком контексте, то всеобъемлющая власть и господство «золотого тельца», власть денег также правомерно отнести к универсальному виду тоталитаризма. А социализм как общественный строй как раз и преследовал в качестве одной из важнейших своих целей уничтожение всевластия капитала, власти денег, которая мощнейшими, хотя часто и незримыми нитями, связывает все современное общество. И если быть до конца последовательным, а не цепляться только за отдельные черты и свойства общественного бытия, то и к современному буржуазному обществу вполне приложим термин тоталитаризм. Прикрываясь внешне демократическими формами, современное буржуазное общество на каждом шагу использует методы всеобщего оглушения самых широких народных масс. То, что реальная власть над средствами массовой информации, а отсюда и неограниченная возможность манипулировать ими в угоду своим интересам, принадлежит узким группам лиц, или, как принято считать сейчас, элитам, — разве это не есть проявление тоталитаризма в его истинном, реальном, а не сугубо формальном значении?

И, наконец, нельзя обойти молчанием факт принятия в январе 2006 года Парламентской Ассамблеей Совета Европы резолюции, осуждающей преступления коммунистических тоталитарных режимов. Собрание, претендующее на то, чтобы выражать демократические чаяния народов, взяло на себя функции современной политической инквизиции. Фактически оно осудило советский режим, спасший от фашистского уничтожения всю европейскую цивилизацию, в том числе и представителей тех народов, от чьего имени красноречиво разглагольствовали члены ПАСЕ. Смешно зывать к их исторической памяти, ибо она затуманена сплошной пеленой ненависти ко всему, что не укладывается в их понятия «истинной демократии». Однако правомерно поставить вопрос: кто бы сейчас услышал их голос, если бы так называемый сталинский тоталитарный режим не нанес смертельный удар по гитлеризму? Кроме того, почему у этих поборников демократии всегда рот на замке, когда речь заходит об осуждении поистине варварских проявлениях самой страшной растущей опасности универсального тоталитаризма — глобализации, — нивелирующей культурное наследие всего человечества, ставящей под угрозу уничтожения величайшие национальные ценности и особенности многих народов мира? Весь мир причесать одной гребенкой — что это, как не одно из очевидных проявлений пресловутого тоталитаризма? Пока это лишь начало. Перспективные последствия будут еще более зловещими.

И почему у них не хватает смелости и решимости «осудить» якобы тоталитарный коммунистический режим, господствующий в Китае? Ведь по всем параметрам, которые возводятся ими в ранг очевидной истины, режим в КНР также следует квалифицировать в качестве тоталитарного, а потому и подвергнуть его политическому и правовому ostracismu? Но нет, видимо, кишка тонка! Да и силенок у поборников борьбы с «коммунистическим тоталитаризмом» хватает лишь на то, чтобы пробалтывать на своих многочасовых заседаниях деньги, которые на их содержание и бесконечные и бесплодные

командировки тратятся за счет избирателей. Зловещий оскал вселенского тоталитаризма — глобализации — несомненно, заставляет каждого, кто озабочен будущим человечества в наш суровый век, всегда помнить о тех поистине невиданных и непредсказуемых опасностях, которые таятся в самом процессе глобализации, а главное — в его негативных последствиях для человеческого сообщества.

Но в предмет моего рассмотрения входит не освещение понятия тоталитаризма вообще, а то, как оно преломляется в приложении к системе власти, господствовавшей при Сталине. В первую голову речь идет о попытках поставить в один ряд сталинский режим и фашизм как разновидности чуть ли не одного и того же явления. Попытки провести не просто аналогию, а чуть ли не поставить знак равенства между фашизмом и сталинским режимом, предпринимались давно. Любопытен один примечательный факт: не кто иной, как Троцкий, одним из первых, если не первым, определил советский режим, установившийся при Сталине, как режим тоталитарный по своему характеру¹⁶. Эту троцкистскую «утку» сразу же дружно подхватила буржуазная пропаганда еще в середине 30-х годов. В дальнейшем эта идея тщательно развивалась и наполнялась все более емким содержанием, что, по замыслам ее авторов, должно было придать ей больше убедительности. При этом различные выразители таких концепций поступали по-разному в зависимости от своего интеллектуального уровня, широты исторического кругозора и степени своей научной объективности. Некоторые из них, такие, например, как упоминавшийся выше Р. Арон, строили систему своих доказательств, применяя довольно сложный метод сопоставления черт сходства и различия по определенным параметрам. Но в конечном счете цель была одна — подвести некую научно-теоретическую базу под концепцию если не идентичности, то безусловного сходства этих диаметрально противоположных по своей природе и своему социально-политическому и мировоззренческому характеру явлений.

Я не стану здесь в деталях разбирать аргументацию, поскольку это далеко выходит за рамки предмета моего рассмотрения. Подчеркну лишь самое, на мой взгляд, важное в такой постановке вопроса: речь идет не столько о каких-то теоретических построениях и нюансах в интерпретации самого понятия тоталитаризм, а о том, чтобы связать в единое целое оба этих принципиально различных, классово и духовно диаметрально противоположных и, по существу, несовместимых исторических явлений. Искусственно, на основе сходства каких-то чисто формальных моментов (без учета их реального содержания), апологеты таких взглядов выстраивают цепочку практических выводов, в корне противоречащих реальным фактам истории.

Современная российская либерально-демократическая политическая мысль, не отличающаяся ни глубиной, ни оригинальностью, ни широтой подходов, и, собственно, взросшая на объедках со стола западной политологии (причем не только в плане заимствования базисных идей, но и всей терминологии) «углубила» западные концепции тоталитаризма тезисом об органическом слиянии фашизма и коммунизма в единое целое. Ведь совсем не случайно именно на базе достаточно смутного, обтекаемого и могущего

¹⁶ Л. Д. Троцкий. Архив в 9 томах. Редактор-составитель Ю. Г. Фельштинский. (Электронный вариант.) Троцкий утверждал, что за истекшие 13 лет после 1925 года советское государство подверглось полному бюрократическому окостенению и приняло тоталитарный характер и что оно на этом пути за короткий срок дошло до преступлений, до которых не успел еще дорасти даже фашизм. Т. 9.

быть истолкованным в любую сторону понятия — тоталитаризм — в широкий общественный обиход было вброшено такое понятие, как красно-коричневые. Каждый мало-мальски мыслящий человек не может не воспринимать подобную терминологию иначе, как кощунственную, доведенную до абсурда и оскорбительную для миллионов людей, особенно тех, кто боролся против фашизма. И суть такой терминологии, ее политическая подоплека настолько очевидны в своей обнаженной беззастенчивости и бредовости, что, право, нет ни необходимости, ни желания ее опровергать. Есть вещи настолько самоочевидные, что писать о них как-то даже неловко. Но распространители подобных бредней все равно талдычат свое, полагая, очевидно, что от частого повторения их бред в сознании людей каким-либо образом трансформируется и станет неким противоядием против идей социализма. Они не только издеваются над здравым смыслом, но и попирают элементарные факты истории.

Фашизм, как известно, потерпел историческое крушение прежде всего и главным образом благодаря тому, что последовательным и непримиримым его противником был социализм, пусть и в сталинской ипостаси. Какие-то временные дипломатические соглашения между СССР и гитлеровской Германией никогда не снимали и не могли снять вопроса о смертельной враждебности и непримиримости режимов в этих странах, их идеологии и вообще всего комплекса их действительно коренных, фундаментальных целей и имманентных свойств. Любими псевдонаучными рассуждениями или натянутыми аналогиями нельзя опровергнуть данный основополагающий факт. К тому же, не следует забывать о том, что советский сталинский режим, борясь против фашизма, спасал и так называемые западные демократии. Как говорится, только Бог знает, имели бы нынешние проповедники теории «родства» между фашизмом и советским режимом (из числа как зарубежных, так и доморощенных поборников этой бесстыжей идеологической стряпни) возможность рассуждать на эту тему, если бы Советский Союз под руководством Сталина не нанес смертельный удар немецкому фашизму. Скорее всего, такой возможности не было бы, поскольку сами они, по всей вероятности, стали бы жертвами гитлеровской расовой политики уничтожения.

Но все это приложимо лишь к людям, обладающим если не способностью мыслить и рассуждать логически, то хотя бы остатками совести. Но того и другого они лишены, и здесь уж ничего не поделаешь.

В принципиальном плане ничего не меняется от того, если мы понятие тоталитаризм (в применении к сталинскому режиму) снабдим каким-либо звучным эпитетом. Так, видный советский (а ныне российский историк) А. Н. Сахаров в эпоху летальных конвульсивных издыханий пресловутой перестройки «обогастил» концепцию тоталитаризма новым существенным дополнением — теорией (если вообще это слово применимо к данному случаю) революционного тоталитаризма. Он в статье, посвященной истолкованию данной теории в приложении к сталинизму, писал:

«...На мой взгляд, нужно связывать систему, которая начала складываться с первых дней революции, но особенно ярко проявила себя именно с середины 20-х годов, не с понятием «административно-командная», а с другим: настоящим революционным тоталитаризмом, диктатурой революционного волеизъявления народа.

Это была не абстрактная диктатура пролетариата, а абсолютно реальная система, базировавшаяся на ненависти маленького, униженного, полутрамотного человека к своему

врагу. Она опиралась на ненависть человека из низов, отведавшего уже нектар власти, величия силы. Это была тоталитарная система, зиждущаяся на культе силы, на культе нелегитимной власти, которую осуществляли не только Сталин, Каганович или кто-либо другой, но и в некоторой степени каждый простой человек на своем конкретном месте. Это был культ победившего маленького, но претенциозного «я»¹⁷

Далее, развивая свою мысль, А. Сахаров в полном соответствии с тогдашней линией на всемерное уничтожение Сталина, воздает «должное» и лично вождю:

«Вместе с тем мы, конечно, не можем абстрагироваться и от того, что Сталин лично внес в этот естественный революционный тоталитаризм злую волю, мрачные интриги, жестокость, выходящую за «нормальные» рамки самой радикальной революции. Он оказался наиболее последовательным, неукротимым, наиболее изощренным из революционных лидеров, ловко использовал ситуацию, настроения народных и партийных масс в борьбе за личную власть. Он был далек от ленинского диалектического понимания развития событий. Да оно ему и не было нужно в его апелляции к заблуждавшимся массам. В борьбе со своими противниками за личную власть он руководствовался разработанными прежде системами и структурами ее захвата и удержания и дополнил новыми простейшими методами. В результате революционный тоталитаризм, так или иначе свойственный каждой большой революции, перерос в личную диктатуру»¹⁸.

Надеюсь, читатель простит меня за столь обильное цитирование. Однако без этого никак не обойтись, поскольку я путем сопоставления различных позиций и взглядов пытаюсь более или менее объективно рассмотреть поставленную проблему. Ведь в конечном счете она затрагивает не только оценку личности Сталина, но и оценку, по существу, всей советской эпохи.

Здесь напрашивается еще одно принципиального плана замечание. Советская официальная историография после известного доклада Н. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС в качестве важнейшего направления идеологической пропаганды выдвинула и всеми способами защищала тезис о том, что Сталин (и, соответственно, сталинизм) являются антиподами Ленина и ленинизма, что сталинизм есть полное извращение и фундаментальный отход от ленинского учения и вообще от марксизма. Такая постановка вопроса — и это становится в наше время все более очевидным — в своей сущности не отвечает истине, является ее извращением в угоду политической конъюнктуры. Об идейном родстве, если не общности сталинизма и ленинизма, речь уже шла выше. Здесь мне хотелось бы оттенить одно: сталинизм явился логическим развитием большевизма, теоретические и идейно-организационные основы которого были заложены именно Лениным. Нет смысла чураться этого и стыдливо отрицать связь между ленинизмом и сталинизмом, попирая тем самым факты и извращая подлинную историческую картину.

Сталин унаследовал коренные черты большевизма и развил его применительно к новым реалиям эпохи. Более того, он вписал его в единое русло процесса развития России. В свете этого весьма справедливой и верной представляется мысль русского мыслителя Н. А. Бердяева, высланного из страны в 1922 году из-за враждебного отношения к новой

“Коммунист” 1991 г. № 5. С. 67.

¹⁸ Там же. С. 70.

власти. В одной из своих работ он писал: «Большевизм гораздо более традиционен, чем это принято думать, он согласен со своеобразием русского исторического процесса. Произошла русификация и ориентализация марксизма»¹⁹. И далее, развивая свою мысль и отдавая должное значению советского этапа в российской истории, он констатировал в качестве неоспоримого факта: «Народная толща, поднятая революцией, сначала сбрасывает с себя все оковы и приход к господству народных масс грозит хаотическим распадом. Народные массы были дисциплинированы и организованы в стихии русской революции через коммунистическую идею, через коммунистическую символику. В этом бесспорная заслуга коммунизма перед русским государством. России грозила полная анархия, анархический распад, он был остановлен коммунистической диктатурой, которая нашла лозунги, которым народ согласился подчиниться»²⁰.

При жизни Сталина о нем слагали хвалебные гимны и песни многие поэты, что само по себе неудивительно — это была не только эпоха, где главным персонажем, главным героем был вождь. Это была и эпоха необузданного славословия в его адрес, причем удивителен не сам по себе данный факт, а то что вполне искренне со словами благодарности и признательности к нему обращались и такие, казалось бы, неподкупные люди, как, например, Анна Ахматова. Возникает вопрос: что могло подвигнуть ее на такие не просто проникновенные, но даже в чем-то отдающие мистицизмом строки:

Пусть миру этот день запомнится навеки,
Пусть будет вечности завещан этот час.
Легенда говорит о мудром человеке,
Что каждого из нас
От страшной смерти спас.

Ликует вся страна в лучах зари янтарной,
И радости чистейшей нет преград, —
И древний Самарканд,
И Мурманск заполярный,
И дважды,
Сталиным спасенный Ленинград.²¹

Либеральные демократы, когда пишут об Ахматовой, конечно, не вспоминают эти строки — иначе пришлось бы давать какое-то внятное объяснение их появления. Не забудем, что предметом ее восторженной признательности был человек, с согласия которого на поэтессу в дальнейшем будет обрушен целый ниагарский водопад обвинений, граничивших с испепеляющим огнем. Я не допускаю даже тени мысли, что Ахматовой, написавшей эти строки, руководило чувство холуйского подхалимажа. Она была выше этого и, думаю, имманентно не способна была на такое. Значит, все же в основе лежали иные мотивы, скорее всего — вполне искренние и внутренние, а не навязанные свыше.

Сам Сталин на протяжении своей жизни многократно высказывался неодобрительно по поводу бесконечных восхвалений в свой адрес. Приведу одно из них, относящееся к

¹⁹ Н.А. Бердяев. *Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма*. М. 1997. С. 338.

²⁰ Там же. С. 361–362.

²¹ Цитируется по интернетовскому сайту стихов А. Ахматовой.

1930 году: «Вы говорите о Вашей «преданности» мне. Может быть, это случайно сорвавшаяся фраза. Может быть... Но если это не случайная фраза, я бы советовал Вам отбросить прочь «принцип» преданности лицам. Это не по-большевистски. Имейте преданность рабочему классу, его партии, его государству. Это нужно и хорошо. Но не смешивайте её с преданностью лицам, с этой пустой и ненужной интеллигентской побрякушкой»²². Аналогичных высказываний можно привести изрядное количество. Сталин, например, сравнивая себя с Лениным, говорил: «Кто у нас был? Ну, я вел в ЦК организационную работу. Ну что я был в сравнении с Ильичем? Замухрышка»²³.

Однако, смотря правде в глаза, надо все-таки признать, что это было выражение скорее показной, демонстративной скромности, которая маскировала отнюдь не скромные претензии вождя. Сталин прекрасно знал себе цену не только среди своих противников и своих соратников, но и хорошо сознавал свою историческую роль.

Завершая главу, хочу сделать несколько необходимых пояснений, объясняющих архитектуру тома и его хронологические границы.

Первоначально мой план написания политической биографии Сталина исходил из того, что в двух объемистых томах мне удастся в главном и основном рассмотреть все важнейшие вехи его политического пути. Однако работа над вторым томом опрокинула мои первоначальные расчеты: то ли объем материала оказался слишком большим, то ли я не совладал с его рациональной организацией. Фактически не я управлял ходом излагаемых событий, а они как бы сами влекли меня по своей стезе и с каждой новой написанной главой, я чувствовал, что уложиться в первоначальные рамки мне не удастся.

В таком случае пришлось бы обходить важные события и эпизоды или касаться их весьма поверхностно. Таким образом, работа над вторым томом радикально раздвинула первоначальные рамки всей задуманной мной одиссеи. Передо мной четко обозначилась дилемма: или в схематичном виде осветить многие важные периоды политической биографии Сталина, уместив все в одном втором томе. Или же не втискивать в прокрустово ложе важные этапы политической деятельности Сталина, поскольку в итоге получилась бы не полная картина, а лишь ее главные контуры. Я предпочел избрать второй путь.

Общепринятым, обретшим фактически права гражданства, является разделение политической биографии Сталина на два главных исторических рубежа — со времени рождения до начала Великой Отечественной войны, а затем со времени войны до смерти в 1953 году. В такой хронологической разбивке есть своя логика. Однако она имеет и свои естественные минусы, поскольку, сохраняя общую временную преемственность, несколько нарушает внутреннюю связь времен. Период кануна второй мировой войны, с начала 1939 года, служит органической и нерасторжимой частью развития событий последующих двух лет, вплоть до начала Великой отечественной войны. События этих двух лет как бы завязаны в один нерасторжимый и нераздельный узел, и с учетом внутренней взаимосвязи их целесообразно и правомерно рассматривать в единстве. В силу этой причины я счел мотивированным по многим причинам закончить второй том событиями начала 1939 года, поскольку после этого начался принципиально новый качественный этап как в жизни

²² И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 19.

²³ В. В. Невежин. Застольные речи Сталина. М. — СПб. 2003. С. 163.

Советского Союза, так и в политической биографии самого Сталина. И таким образом, кажущаяся внешняя хронологическая алогичность обретает свое естественное обоснование и объяснение.

Следует сделать еще несколько замечаний о самой архитектуре построения работы. Как заметит читатель, вопросы, связанные с культурой и литературой, искусством вообще, отношением Сталина к религии и другие такого же порядка проблемы, остались вне поля внимания в данном томе. Дело в том, что я не хотел дробить их чисто хронологическими рамками и таким образом давать читателю несколько ключковатое, лишенное внутренней логики и направленности, изложение и эволюцию взглядов Сталина по данным вопросам. Мне представлялось более целесообразным посвятить этим проблемам специальные разделы, чтобы более или менее систематически и последовательно, с учетом сталинской эволюции и исторической обстановки, рассмотреть комплекс этих проблем отдельно. Возможно, это и вносит некоторый диссонанс в хронологию изложения, но зато позволяет более полно, а главное — в динамике, в процессе развития — рассмотреть эти проблемы.

И, наконец, считаю своим долгом дать общее обоснование того, почему в качестве своеобразного исторического рубежа я избрал период с 1924 года по 1939 год. Определение тех или иных хронологических рамок исследования — хотя и вещь в чем-то, может быть, и условная — тем не менее диктуется самой логикой развития исторических событий. В приложении к политической биографии Сталина она имеет свои достаточно убедительные обоснования и причины. Первый период — примерно с 1924 года до 1930 года — отмечен ожесточенной борьбой Сталина со своими политическими противниками. Это был период политического возвышения Генерального секретаря и превращения его в единоличного лидера партии и государства. Отвлекаясь от многих моментов, связанных с развитием внутрипартийной борьбы, можно с полным на то основанием утверждать, что борьбу Сталина за власть, конечно, нельзя отрывать от его личных честолюбивых устремлений. Это — одна сторона вопроса. Другая — гораздо более важная — заключается в том, что эту борьбу было бы в корне неверно сводить исключительно к соперничеству личностей, к борьбе своеобразных советских диадохов — наследников Российской империи. Советские диадохи столкнулись прежде всего и главным образом на поприще выбора стратегического курса дальнейшего развития страны. Это, конечно, была борьба за власть, но в еще большей мере за то, в какую сторону направить действие этой власти, куда вести столь громадный государственный корабль, каким являлась Советская Россия.

В сущности речь шла о диаметрально противоположных путях будущего развития страны. Один путь предлагал Троцкий и его сторонники — это был курс на развитие мировой революции и использование всего потенциала страны как своего рода горючего материала для раздувания пожара мировой революции. Второй путь предлагали Бухарин и его сторонники, который в своих общих чертах сводился к постепенному вращению элементов капитализма в социализм и на базе своеобразного симбиоза обоих этих укладов создание чего-то среднего между социализмом и либеральным капитализмом. Я, конечно, несколько упрощаю картину, но общие ее черты передаю в целом верно.

Совершенно иной стратегический курс предлагал Сталин. Суть его сводилась к осуществлению максимальными темпами индустриализации страны и всеобщей коллективизации сельского хозяйства. При этом важнейшим элементом было осуществление технической реконструкции и проведение культурной революции. Вопрос

о темпах приобретал приоритетное значение. Сталин исходил из того, что рано или поздно вооруженное столкновение между социалистическим Советским Союзом и капиталистическим западом станет фактом реальности. А потому нужно было в самые короткие сроки создать основы **мобилизационной экономики**, которая позволяла бы стране выстоять в неизбежной войне.

Наконец, следующей фундаментальной частью сталинской политической стратегии явилась линия на проведение массовых репрессий, цель которых состояла в том, чтобы уничтожить всех своих политических противников, как реальных, так и потенциальных. Иными словами, создать в стране и в партии обстановку, при которой была бы исключена даже малейшая оппозиция проведению сталинского политического курса.

Мне представляется важным четко и однозначно определить свою позицию по отношению к сталинским репрессиям. Сам их факт серьезными исследователями не подвергается сомнениям, хотя в последние годы некоторые авторы, часто движимые чувством негодования в связи с многочисленными историческими фальсификациями относительно Сталина, впадают в обратную крайность — они или же вообще отрицают факт таких репрессий, либо находят вполне убедительные, на их взгляд, объяснения исторической обусловленности, а то и законности таковых. Я исхожу из того, что здесь не должно быть ни умолчаний, ни иных форм фальсификаций. При этом чрезвычайно важно подчеркнуть, что не все репрессированные были безвинными жертвами. Среди них имелось немало ярых и непримиримых врагов нового строя и против них репрессии не кажутся необоснованными. Не учитывать данного факта — значит в извращенном свете представлять исторические особенности развития той эпохи.

Прежде всего мне представляется важным то, какое значение репрессиям придавал сам Сталина, какое место они занимали в системе его политической философии. На это счет имеется весьма любопытное свидетельство, исходящее из уст самого вождя. Выступая в узком кругу своих соратников в 1937 году он заявил буквально следующее: «Русские цари сделали много плохого. Они грабили и порабощали народ. Они вели войны и захватывали территории в интересах помещиков. Но они сделали **одно хорошее** дело — сколотили **огромное** государство — до Камчатки. Мы получили в наследство это государство. И впервые мы, большевики, сплотили и укрепили это государство, как **единое неделимое** государство, не в интересах помещиков и капиталистов, а в пользу трудящихся, всех народов, составляющих это государство. Мы объединили государство таким образом, что каждая часть, которая была бы оторвана от общего социалистического государства, не только нанесла бы ущерб последнему, но и не могла бы существовать самостоятельно и неизбежно попала бы в чужую кабалу. Поэтому каждый, кто пытается разрушить это единство социалистического государства, кто стремится к отделению от него отдельной части и национальности, он враг, заклятый враг государства, народов СССР. И мы будем уничтожать каждого такого врага, был бы он старым большевиком, мы будем уничтожать весь его род, его семью. Каждого, кто своими действиями и мыслями, (да, и мыслями), покушается на единство социалистического государства, беспощадно будем уничтожать. За уничтожение всех врагов до конца, их самих, их рода!»²⁴

Если вдуматься в слова Сталина, то в них в концентрированном виде выражена готовность идти на самые крайние меры для сохранения тех завоеваний, которые

²⁴ В. В. Невежин. Застольные речи Сталина. С. 148.

органически связывались с его именем. Здесь для него не было никаких табу, никаких пределов, перед которыми он мог бы остановиться.

Вместе с тем, имеются прямые свидетельства того, что сам вождь хорошо понимал, что жертвами репрессий стали многие невинные люди. Я в качестве доказательства сошлюсь на следующее свидетельство сына А. А. Жданова, взятое из книги его мемуаров. «Анализируя итоги прошедшей войны, в узком кругу членов Политбюро Сталин неожиданно сказал: «Война показала, что в стране не было столько внутренних врагов, как нам докладывали и как мы считали. Многие пострадали напрасно. Народ должен был бы нас за это прогнать. Коленом под зад. Надо покаяться».

Наступившую тишину нарушил мой отец:

— Мы, вопреки уставу, давно не собирали съезда партии. Надо это сделать и обсудить проблемы нашего развития, нашей истории.

Отца поддержал Н. А. Вознесенский. Остальные промолчали. Сталин махнул рукой:

— Партия ... Что партия ... Она превратилась в хор псаломщиков, отряд аллилуйщиков ... Необходим предварительный глубокий анализ.

Судьбы партии беспокоили Сталина»²⁵.

По-видимому, идея покаяния была навязана Сталину отнюдь не его религиозным образованием, хотя, возможно, и данное обстоятельство играло какую-то роль. Можно полагать, что внутреннее сознание серьезности допущенных ошибок и заблуждений, жертвами которых стали невинные люди, давило на него, о чем он, по свойственной ему привычке, предпочитал не говорить. Но скорее всего, как я домысливаю, ему на ум приходили слова Пушкина:

«И не уйдешь ты от суда мирского,
Как не уйдешь от божьего суда»²⁶.

* Разумеется, в таких сложных вопросах всякого рода домысливание и прочие авторские новации едва ли уместны. Да и само покаяние, как его, видимо, представлял себе вождь, носило отнюдь не религиозный характер, а должно было выразиться в ортодоксальной большевистской форме критики и самокритики. Но в конце концов важно здесь выделить одну мысль — Сталин чувствовал не только свою личную вину, но и вину партии перед народом за репрессии. Сквозило в его словах и нескрываемое недовольство тем, что партия утрачивала свою революционную сущность и шаг за шагом превращалась в хор аллилуйщиков. В конечном итоге внутреннее перерождение партии, и прежде всего ее руководящих звеньев, и явились одной из главных причин распада великой державы. Поскольку именно партия служила своеобразным обручем, обеспечивавшим единство страны.

В данном контексте нельзя воспользоваться фигурой умолчания и обойти один важный вопрос. Многие биографы Сталина особо выделяют его качества государственника, строителя и созидателя великого государства, его державные, даже великодержавные устремления. В своей основе такая трактовка соответствует истине. Однако она нуждается в дополнении. Да, Сталин был великим государственным и прилагал все силы для

²⁵ Ю. А. Жданов. Взгляд в прошлое. Ростов-на-Дону. 2004. С. 227

²⁶ А. С. Пушкин. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 4. М. 1977. С. 197.

строительства великой мировой державы. Однако было бы упрощением и искажением исторической картины игнорировать или недооценивать то, что эту великую державу он видел прежде всего как государство социалистическое, как государство, где власть принадлежит народу, а не группе избранных, где не какие-то избранные элиты, а массы населения являются единственными носителями и выразителями верховной власти. В этом выражалось сочетание его качеств государственника-патриота и созидателя нового общественного строя.

Суммируя, хочу отметить следующее. Выше были перечислены главные события, составившие основное содержание рассматриваемой эпохи. Каждая из перечисленных задач потребовала колоссальных усилий для их практического осуществления. Я не считал возможным комкать изложение событий, поэтому важнейшим аспектам рассматриваемых процессов было уделено пристальное внимание. Порой, может быть, даже слишком большое. Учитывая особое значение, придаваемое в литературе о Сталине проблеме массовых репрессий и чисток, принимая во внимание, что именно этот аспект его деятельности служит главной мишенью нападок на него, я счел необходимым достаточно детально осветить и эти аспекты проблемы. Кому-то может показаться, что здесь я сгустил краски. Возможно, это и так. Однако мне представлялось принципиально важным не оставлять эту проблематику в стороне и не давать озлобленным критикам эпохи социализма лишних аргументов в том, что, мол, исследователи патриотического направления избегают всерьез говорить о сталинских репрессиях. Лучше об этом говорить самим, чем давать дополнительный повод для несправедливых упреков.

Когда я приближался к завершению второго тома, то на память мне пришло мудрое высказывание великого французского ученого и философа Б. Паскаля: «Только кончая задуманное сочинение, мы уясняем себе, с чего нам следовало его начать»²⁷ Сейчас многое из написанного мною я изложил бы несколько иначе. Однако сделанного уже не переделаешь. Поэтому я отдаю на суд читателя работу в том ее виде, в каком она получилась. Хорошо вижу ее недостатки и явные погрешности, в особенности, смысловые повторения. Не в оправдание, а в объяснение скажу, что сама многоплановость тем и сюжетов, органическая взаимосвязь событий и фактов невольно заставляли снова и снова возвращаться к затронутой проблеме, чтобы осветить ее под несколько иным углом зрения. Кроме того, объективная связь времен порой невольно приводит к нарушению рамок хронологии не для того, чтобы разорвать эту связь времен, а для того, чтобы ее лучше отразить. Этим, в частности, объясняется то, что порой мне приходится ссылаться на период Великой Отечественной войны, поскольку без этого порой трудно понять и объяснить предшествовавшие события и процессы.

²⁷ Библиотека всемирной литературы. Франсуа де Ларошфуко. Блез Паскаль. Жан де Лабрюер. Т. 42. М. 1974. С. 116

Глава 2

БОРЬБА СТАЛИНА ЗА УТВЕРЖДЕНИЕ СВОЕГО ЛИДЕРСТВА

1. Культ Ленина как фундамент будущего культа Сталина

Прежде чем приступить к непосредственному рассмотрению поставленной в разделе проблемы, считаю целесообразным остановиться на версии об отравлении Ленина. Дело в том, что сразу после его кончины по Москве и другим городам и весям Советской России стали настойчиво циркулировать слухи о том, что Ленин умер не естественной смертью, а ему «помогли» умереть. В первом томе я уже в общем виде касался версии о причастности Сталина к смерти Ленина*. Объективные факты и обстоятельства болезни и кончины Ленина, как мне представляется, убедительно опровергают данную версию. Но поскольку тема насильственной смерти Ленина вплоть до нашего времени является объектом всякого рода спекуляций и далеко идущих политических выводов на этот счет, видимо, есть основания коснуться того, какими «фактами» и «аргументами» она мотивируется.

Наиболее полно она изложена в работе И. Дельбарса, опубликовавшего в 1953 году книгу под многообещающим названием «Реальный Сталин». Автор этого опуса имел тесные контакты с эмигрантами из Советской России и, видимо, основываясь на их свидетельствах (или же предаваясь собственным фантазиям), рисует следующую картину событий, связанных со смертью Ленина.

«20 января 1924 года Каннер (один из секретарей Сталина — Н. К.) видел, как Ягода в сопровождении двух врачей, прикрепленных к Ленину, вошел в кабинет Сталина. «Федор Александрович, (это был Ф. А. Гетье, входивший в группу врачей, лечивших Ленина — Н. К.) — обратился Сталин к одному из врачей, — Вы должны немедленно ехать в Горки для консилиума по поводу Владимира Ильича. Генрих Григорьевич (Ягода — заместитель председателя ОГПУ и в дальнейшем нарком внутренних дел, при котором начались в 30-е годы широкомасштабные репрессии — Н. К.) проводит Вас...»

Далее И. Дельбарс повествует: «В тот же вечер Каннер, который то входил, то выходил из кабинета, услышал несколько фраз из беседы между Сталиным и Ягодой. Скоро будет новый приступ. Есть все симптомы. Он (т. е. Ленин — Н. К.) написал несколько строк, чтобы поблагодарить Вас за то, что Вы прислали ему средство избавления. Он страшно страдает при мысли о новом приступе...»

21 января 1924 года фатальный приступ наступил. Это было ужасно, но он не длился долго. Крупская покинула комнату, чтобы позвонить по телефону. Когда она возвратилась,

---

* В первом томе этот сюжет уже рассматривался по существу. Здесь же, как мне представляется, имеет смысл затронуть некоторые его аспекты под новым углом зрения. И мотивируется это тем, что до сих пор в литературе о Сталине он всплывает вновь и вновь. Причем зачастую в новом ключе.

Ленин был мертв. На его тумбочке было несколько маленьких пузырьков — они были пусты. В 7 часов 15 минут вечера раздался телефонный звонок в кабинете Сталина. Ягода сообщил, что Ленин умер¹.

Оставляя пока без комментариев данный пассаж, сошлюсь еще на одно «свидетельство» подобного же сорта. Речь идет о некоей Е. Лермолу, бывшей заключенной советских лагерей при Сталине, каким-то образом оказавшейся за границей и в середине 50-х годов опубликовавшей там книгу своих воспоминаний. Поскольку в первом томе уже приводилось ее убогое «свидетельство» со ссылкой на мнимого очевидца обстоятельств смерти Ленина, я повторяться не буду. Замечу лишь, что оно сродни приведенному выше².

Я не стану подробно комментировать приведенные выше «свидетельства» по той простой причине, что они являются просто слухами, не подтвержденными никакими объективно достоверными фактами. Их политическая целенаправленность настолько очевидна, что не требует каких-либо доказательств. Компрометация Сталина как организатора «медицинского убийства» Ленина — такова цель этого рода публикаций и «свидетельств». В первом томе я уже достаточно подробно касался несостоятельности данной версии. Могу лишь добавить, что и автор весьма интересного, хотя и не бесспорного исследования проблемы болезни и смерти Ленина, некто Н. Петренко поместил в историческом альманахе «Минувшее» в начале 1990-х годов объемистую статью, специально посвященную данному сюжету. По поводу воспоминаний Е. Лермолу он не без некоторого сарказма замечает, что в своей работе упоминает ее книгу «лишь как образец скомбинированных слухов, в том числе и об отравлении Сталиным Ленина»³.

Но оставим, наконец, за скобками нашего внимания эту уже набившую оскомину тему о причастности генсека к насильственной смерти основателя Советского государства. Уже тот факт, что она перманентно всплывает на страницах печати и даже в серьезных исследованиях, говорит о том, что в своей основе она покоится на сугубо политических мотивах и преследует вполне очевидные цели, о которых уже шла речь выше. Возвратимся к главной линии нашего повествования.

Смерть Ленина по своим непосредственным и отдаленным последствиям явилась событием огромной исторической важности. Особое значение она имела для Советского Союза, поскольку знаменовала не только конец одной эпохи, но и вступление в принципиально новую полосу развития. Хотя многие исследователи до сих пор склонны считать общепризнанным и доказанным, что все коренные, фундаментальные проблемы общей стратегии дальнейшего развития страны были уже в основном сформулированы Лениным в его работах, в первую очередь в последних его статьях, на самом же деле все обстояло гораздо сложнее. В советской историографии с давних пор утвердилась концепция, согласно которой программа социалистического строительства в Советской России была в своих базисных чертах разработана покойным вождем и предстояло лишь на практике осуществить его важнейшие предначертания. Данная концепция слишком упрощала реальную историческую картину и не отражала всей сложности, противоречивости и многовариантности путей, по которым предстояло продвигаться стране. Было бы слишком просто, а точнее говоря, слишком примитивно, полагать, будто магистральные

Ives Delbars. The Real Stalin. L. 1953. pp. 129–130.

² См. *Elizabeth Lermolo. Face of a Victim. N.Y. 1955. pp. 156–157.*

Минувшее. Исторический альманах. Т. 2. М. 1990. С. 157.

маршруты будущего исторического развития Советского государства в своей основе были уже предопределены в работах Ленина. Во-первых, это не так с теоретической и практической точек зрения: отдельные, пусть и важные мысли и соображения, высказанные Лениным, едва ли могли служить вполне достаточной базой для выработки и всестороннего обоснования конкретных стратегических планов социалистического строительства. Ленин в силу реальных обстоятельств не мог этого сделать, ибо основная часть его деятельности выпала как раз на период борьбы за утверждение советской власти. В фокусе его внимания стояли проблемы закрепления новой власти, удержания ее в руках большевиков. Более отдаленная, и в конечном счете более сложная по своему характеру, задача строительства фундаментальных устоев нового строя лишь высвечивалась неясными контурами на историческом горизонте. И Ленин, естественно, в силу объективных причин не мог более или менее основательно, а тем более конкретно, разработать программу социалистического строительства в целом. Так что определенным упрощением и отступлением от исторической правды выглядит утверждение официальной советской пропаганды, особенно послесталинского периода, о том, что в принципиальном плане будущая генеральная линия партии была уже изложена в работах Ленина последнего периода его жизни.

Во-вторых, в ряде существенно важных аспектов ленинская точка зрения относительно путей и самой стратегии социалистического строительства в Советской России отличалась противоречивостью, порожденной условиями самой реальной действительности. У него нередко встречались высказывания, которые содержали в себе имманентные внутренние противоречия, порой исключающие друг друга. Поэтому существовавшие в партии группировки и течения могли каждая по-своему интерпретировать смысл этих высказываний и вкладывать в них свое содержание или свое понимание ленинских идей. В этом смысле с достаточной долей обоснованности можно сказать, что в ленинских работах (выступлениях, статьях и письмах) последнего этапа его политической деятельности были заложены серьезные предпосылки для вспыхнувшей, как лесной пожар, внутрипартийной борьбы. Поскольку этим ленинским трудам сразу же попытались придать характер своеобразного большевистского катехизиса, сама интерпретация положений этого катехизиса превратилась чуть ли не в некий рубеж, разделявший сторонников и противников того или иного истолкования довольно туманных ленинских высказываний. Сама противоречивость, а порой и двойственность высказываний вождя, открывали широкое поле для противостояния различных группировок в партии.

В силу очевидных исторических реалий, а также в виду сложившегося внутри руководящего ядра партии большевиков явно неустойчивого положения, толкование ленинских заветов (имеются в виду его мысли о перспективах, путях и методах строительства нового общественного строя) с естественной закономерностью превратилось в объект ожесточенной не только, а может быть и не столько теоретической борьбы, сколько борьбы, окрашенной в суровые тона политического противоборства. Оно, в свою очередь, легко и плавно переросло в личное соперничество и едва прикрытую демагогическим флером непримиримую борьбу за власть.

Сталин, как показал весь дальнейший ход событий, очевидно, лучше своих соперников понимал весь смысл и значение истолкования ленинизма как самого мощного оружия в предстоявших внутрипартийных схватках. Мне почему-то кажется, что прекрасное знание

им евангельских канонов, полученное во время учебы в духовной семинарии, подтолкнуло его к мысли сделать ленинизм (в своей собственной интерпретации) своего рода Новым Заветом для коммунистов и всего населения страны. Рационально или же интуитивно он понимал, что такое своеобразное коммунистическое Евангелие позволит ему сплотить под своим знаменем максимально широкие силы и таким путем проложить себе путь к победе над своими противниками. Причем надо отметить, что не только Сталин, но и его оппоненты сознавали мощное политическое значение соответствующего толкования ленинизма в исходе борьбы за власть в партии и стране. Однако при всей их теоретической подготовленности и при непомерных претензиях на роль знатоков и толкователей ленинского учения, они оказались в данном отношении гораздо слабее Сталина. И главное заключалось не в переоценке ими собственных сил, а скорее в недооценке реальных — и что еще важнее — потенциальных возможностей Сталина. Свойственные Троцкому, Зиновьеву, Каменеву и их сторонникам самомнение и высокомерие, их, видимо, искренняя внутренняя уверенность в своих прирожденных качествах лидеров партийных масс, а также непомерный политический апломб сыграли на руку «пламенному колхидцу», как однажды назвал Ленин Кобу.

Сталин прекрасно понимал, что важна не только теория сама по себе, но и то, в каком виде она будет внедряться в сознание коммунистов и населения всей страны. Нельзя с абсолютной уверенностью утверждать, что именно эта мысль стала лейтмотивом его стратегии, нацеленной на создание культа Ленина. Но многое говорит именно в пользу такого предположения. Культ умершего вождя, по мнению генсека, должен был превратиться в самое мощное орудие и инструмент политической борьбы против соперников, а также борьбы за утверждение новых нравственно-этических норм поведения для всего населения страны, и прежде всего членов партии.

Сталина, конечно, не пугала, да и не могла пугать, явная сомнительность с ортодоксальной марксистской точки зрения идея создания культа личности вождя. Эта идея имела далеко идущую стратегическую направленность: она должна была из идеи стать материальной силой, превратиться одновременно и в духовное, и политическое орудие борьбы. Всякого рода сентиментальности о том, что культ личности несовместим с марксизмом, что он чем-то сродни религиозным традициям — все это вряд ли сколько-нибудь серьезно беспокоило Сталина. Он был знатоком политической стратегии и считал, что соображения мелкого тактического плана не должны служить преградой при осуществлении взятой им стратегической линии. Больше того, он несравненно глубже и лучше знал психологию самых широких слоев населения, значительную часть которого составляли люди малообразованные или вовсе неграмотные, чтобы не использовать именно данный факт в своих далеко идущих политических целях.

В свете сказанного мне представляются вполне логичными и естественными и те формы утверждения нового коммунистического Евангелия, к которым прибег Сталин. Едва ли чистой случайностью является ритуально-торжественный, наполненный чем-то похожим даже на литургический, религиозно-мистический обряд, весь строй и стиль его знаменитой клятвы верности Ленину и ленинизму. Сама стилистика этой речи Сталина уже обрекала ее на то, что она дойдет до умов и сердец миллионов и миллионов людей. Достаточно вспомнить содержание и манеру, в которой была выражена клятва умершему вождю, чтобы убедиться в одном: Сталин сознательно построил свою речь так, чтобы она

воспринималась как клятва верности самого преданного ученика и последователя своему учителю. И содержание, и манера изложения импонировали всему духовному облику и образу мыслей широких слоев населения. Это была коммунистическая по смыслу и христианская по форме выражения эпитафия усопшему вождю. Вместе с тем это была и молчаливо выраженная, но непреклонная убежденность в том, что не кто иной, как он сам, Сталин, должен рассматриваться в качестве законного наследника Ленина как вождя партии и лидера всей страны.

Примечательно само начало этой речи, посвященной памяти Ленина: «Мы, коммунисты, — люди особого склада. Мы скроены из особого материала. Мы — те, которые составляем армию великого пролетарского стратега, армию товарища Ленина. Нет ничего выше, как честь принадлежать к этой армии. Нет ничего выше, как звание члена партии, основателем и руководителем которой является товарищ Ленин. Не всякому дано быть членом такой партии. Не всякому дано выдержать невзгоды и бури, связанные с членством в такой партии»⁴. Здесь, хотя и в несколько иной форме, Сталин фактически выражает то же самое понимание им партии, какое он сформулировал в еще в 1921 году, когда писал о том, что коммунистическая партия является своего рода орденом **меченосцев** внутри советского государства. Эта мысль, надо полагать, не была какой-то случайной, навеянной лишь историческими ассоциациями. Напротив, она, судя по всему, выступала органичной частью его представлений о партии как инструменте, предназначенном для реализации некоей мессианской роли. Заметим, что при такой постановке вопроса как-то в воздухе повисает задача превращения коммунистической партии в массовую, задача, ставшая через довольно короткий промежуток времени одной из важнейших задач Сталина в области партийной политики.

В речи Сталина обращают на себя внимание еще некоторые моменты. В частности, в ней присутствует и идея, в дальнейшем ставшая водоразделом между ним и его оппонентами, а именно идея о том, что советская власть не является самоцелью, а выступает как необходимое звено для усиления революционного движения в странах Запада и Востока. Иначе говоря, ей как бы предназначена подчиненная роль быть инструментом осуществления мировой революции. В дальнейшем мы увидим, как шаг за шагом, но весьма последовательно генсек подверг кардинальному пересмотру свой подход к советской власти как инструменту осуществления идей мировой революции.

Другой момент касается проблемы, которая в общем виде была поставлена выше, а именно о сохранении своего рода мощей Ленина чуть ли не как большевистского святого. Сталин говорил: «Вы видели за эти дни паломничество к гробу товарища Ленина десятков и сотен тысяч трудящихся. Через некоторое время вы увидите паломничество представителей миллионов трудящихся к могиле товарища Ленина». Как явствует из его слов (могила товарища Ленина), в то время никак не стоял вопрос о сохранении останков Ленина путем бальзамирования, чтобы затем превратить место его усыпания в объект поклонения.

Этот вопрос приходится поднять, поскольку в зарубежной, да и отечественной сталиниане, он получил превратное истолкование. Так, согласно версии Н. Валентинова (Н. Вольского) — бывшего видного советского работника, ставшего невозвращенцем и опубликовавшего за границей свои воспоминания, Сталин еще в октябре 1923 года в связи

⁴ *И. В. Сталин*. Соч. Т. 6. С. 46.

с резким ухудшением состояния здоровья Ленина на совещании с рядом лиц (в их числе были Троцкий, Бухарин, Каменев, Рыков и Калинин) поставил вопрос о том, что нужно заранее подготовиться к будущим похоронам Ленина. Сталину приписываются следующие слова:

«Нужно действительно все обдумать заранее, чтобы не было никакой растерянности, незнания, что делать в часы великой скорби. Этот вопрос, как мне стало известно, очень волнует и некоторых наших товарищей в провинции. Они говорят, что Ленин *русский человек и соответственно* тому и *должен быть похоронен*. Они, например, категорически против кремации, сжигания тела Ленина. По их мнению, сожжение тела совершенно не согласуется с русским пониманием любви и преклонения пред усопшим. Оно может показаться даже оскорбительным для памяти его. В сожжении, уничтожении, рассеянии праха русская мысль всегда видела как бы последний высший суд над теми, кто подлежал казни. Некоторые товарищи полагают, что современная наука имеет возможность с помощью бальзамирования надолго сохранить тело усопшего, во всяком случае достаточно долгое время, чтобы позволить нашему сознанию привыкнуть к мысли, что Ленина среди нас все-таки нет»⁵.

По словам Н. Валентинова, против этой идеи резко выступили Троцкий, Каменев и Бухарин, видя в таком предложении нечто несуразное, несовместимое с материалистическим мировоззрением и оскорбляющее память Ленина как марксиста-революционера. Но все эти возражения не оказали влияния на Сталина, который ссылаясь на мнение «товарищей из провинции» о необходимости бальзамирования тела Ленина.

В историографии сталинизма существует и иная версия того, кто стал инициатором создания культа личности Ленина. Так, один из первых, если не самый первый, западный биограф Сталина И. Д. Левин в своей книге, опубликованной еще в 1931 году, когда фигура Сталина в глазах западной публики почти была неизвестна, утверждал: «Сталин никогда не был привлекателен для создания собственного культа. Он превосходил других в динамике, а не в мессианском вдохновении. Он мог использовать культ, как только он стал достаточно весомой силой. Зиновьев же был непревзойденным мастером в создании культа. Он мог бы быть мнимым Мессией в более отдаленные времена. Именно он задумал фантастическую идею относительно мумифицирования Ленина. Возможно, это было обязательным условием для взлета ленинизма. Вместе с тем имелось определенное противоречие между научным социализмом и ритуалом, отдающим эпохой фараонов... Но ленинизм был необходим, чтобы нанести поражение троцкизму с тем, чтобы Сталин, Зиновьев и Каменев могли чувствовать себя в безопасности за свои места у власти.

Большевизм возвратился к истокам своей прародительницы. Самая темная Евразия была снова возведена на престол, где татарские ханы уже однажды пировали на телах русских князей. Отныне борьба за господство разума была проигранной борьбой. И снова Россия обрела свою икону. Вместо позолоченных образов были установлены в миллионах углов драпированные в красный цвет портреты Ленина»⁶.

С учетом информации, которой мы располагаем сегодня, версия, выдвигаемая Левиным, не выглядит убедительной. Неизвестно, на базе каких источников он делал свои

⁵ Н. Валентинов (Н. Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М. 1991. С. 147.

⁶ Isaac Don Levine. Stalin. N. Y. 1931. p. 236.

умозаключения о том, кому принадлежит пальма первенства в деле создания своеобразного коммунистического святого в лице Ленина. Вместе с тем догадка о роли Зиновьева во всем этом «проекте» не кажется слишком фантастической. Но вне зависимости от того, кто первый выдвинул данную идею, бесспорный приоритет должен быть признан за Сталиным. Именно он первый интуитивно осознал колоссальный политический потенциал, заложенный в концепции создания культа личности. И здесь доминирующую роль сыграли не какие-то догматические или религиозно-схоластические расчеты, а голый прагматический подход. Культ вождя был созвучен исторически сформировавшемуся духу национального сознания широких слоев населения бывшей Российской империи. Сталин это уловил и тем самым проявил себя глубоким знатоком национальной психологии, что в дальнейшем стало одним из самых мощных инструментов реализации его политической философии.

Сталина, в отличие от некоторых его оппонентов, ничуть не смущали соображения ортодоксального марксизма. Позднее Троцкий в книге «Моя жизнь» так сформулировал свою собственную, противоположную Сталину, позицию: «Отношение к Ленину как революционному вождю было подменено отношением к нему как главе церковной иерархии. На Красной площади воздвигнут был, при моих протестах, недостойный и оскорбительный для революционного сознания мавзолей»⁷.

Что можно сказать относительно как обстоятельств, так и самого генезиса формирования культа Ленина? Во-первых, мне представляется совершенно недоверенным факт того, что подобный вопрос вообще мог обсуждаться, когда Ленин был еще жив. Сама по себе подобная идея выглядит абсурдной, независимо от того, какими правдоподобными деталями она ни облекается. Сталина можно обвинять во многих грехах, но отказать ему в элементарном здравом смысле в любом случае нельзя. Он не мог ставить вопрос о бальзамировании тела Ленина, когда тот еще бы жив и когда врачи еще выражали надежду на его возможное выздоровление. Тем более, что некоторые признаки улучшения в состоянии его здоровья временами констатировались медиками, лечившими его.

Во-вторых, как явствует из речи Сталина, он говорил о будущем паломничестве к могиле Ленина, видимо, исходя из того, что тот будет похоронен. В дальнейшем, когда поток желающих проститься с усопшим вождем не иссякал, естественно встал вопрос о том, как решить данную проблему. И было принято следующее решение: «Идя навстречу желанию, заявленному многочисленными делегациями и обращениями в ЦИК СССР, и в целях предоставления всем желающим, которые не успели прибыть в Москву ко дню похорон, возможности проститься с любимым вождем, президиум ЦИК Союза постановляет:

1. Гроб с телом Владимира Ильича сохранить в склепе, сделав последний доступным для посещения.

2. Склеп соорудить у Кремлевской стены на Красной площади среди братской могилы борцов Октябрьской революции»⁸.

Я специально довольно детально остановился на вопросе о бальзамировании тела Ленина и роли Сталина в принятии решения по данному вопросу, поскольку и в наши дни проблема Мавзолея В. И. Ленина периодически обретает характер чрезвычайно

---

⁷ Лев Троцкий. Моя жизнь. Иркутск. 1991. С. 490.
⁸ «Правда», 26 января 1924 г.

злободневный и потенциально взрывоопасный. Речь идет об известных предложениях захоронить останки Ленина в соответствии «с христианскими обычаями». Но сейчас совершенно очевидно, что этот вопрос имеет не столько моральное или какое-то этическое значение, а в первую очередь сугубо политическое. Таким способом определенные круги хотели бы поставить последнюю точку на советском периоде истории. Все остальное, о чем они разглагольствуют, имеет подчиненное и приводящее значение. Но покончить с последним символом советской эпохи, за что так усиленно ратуют либерал-демократы, — отнюдь не означает закрыть эту страницу истории. Как показала жизнь, историю можно фальсифицировать, можно всячески замалчивать или извращать исторические факты, но вычеркнуть из нее те или иные страницы невозможно.

Возвращаясь к непосредственной теме нашего изложения, хочу подчеркнуть, что на базе имеющихся документальных и мемуарных свидетельств нет оснований делать однозначный и категорический вывод, что не кто иной, как Сталин, был инициатором балзамирования Ленина в качестве одного из первых материальных шагов к формированию культа личности вождя. По всей видимости, эта идея родилась под влиянием тогдашних обстоятельств, прежде всего из-за желания предоставить возможность различным делегациям из провинции отдать последний долг памяти усопшему вождю. Затем эта идея обрела форму уже более фундаментальную — соорудить мавзолей и выставить там забальзамированное тело вождя. Сталин наверняка был за это, поскольку такое решение вполне вписывалось в его общую политическую философию, отвечало его менталитету человека, сложившегося не в последнюю очередь под воздействием религиозных догматов, усвоенных им в годы учебы в семинарии. Он, видимо, больше своих соперников и соратников осознавал громадную роль преклонения перед усопшим вождем, хотя это преклонение и носило в себе черты полурелигиозного и полумистического характера. Для него доминирующей стороной такого преклонения выступало его политическое содержание, возможность использовать мощи большевистского вождя в интересах политики вообще и в своих собственных расчетах в борьбе за укрепление позиций не столько в большевистской верхушке, сколько в глазах широких слоев населения. Потенциально громадная роль насаждавшегося таким способом культа Ленина отвечала дальним стратегическим расчетам Сталина. Этим, разумеется, я не хочу сказать, что он смотрел далеко сквозь года и десятилетия, примеривая к себе все атрибуты культа вождя. Все это пришло потом в ходе естественного развития событий.

Видимо, здесь имеет смысл затронуть вопрос о том, как данную проблему трактуют западные исследователи политической карьеры Сталина. Наиболее полно и четко ее выразил Р. Такер. Вот что он писал по этому поводу: «Так чем же можно объяснить возникновение при советском коммунизме культа Ленина? Глубоко не вдаваясь в суть проблемы, западная наука предложила ряд объяснений. Одни ученые полагали, что большевистское руководство действовало, исходя из соображений практической политики. Создавая культ усопшего вождя, оно будто бы стремилось укрепить еще молодую Советскую власть среди населения, состоящего преимущественно из крестьян и привыкшего к отеческому правлению царя. Существует похожее, но более замысловатое объяснение, согласно которому новый общественный строй, руководимый людьми, воспитанными в духе марксистского рационализма, вобрал в себя отдельные элементы древней русской культуры, и прежде всего присущую ей религиозность. С этой точки

зрения культ Ленина с его священными символами и тщательно разработанным ритуалом представлялся соединением некоторых элементов византийской традиции и обычаев греческого православия с советским коммунизмом, а Сталин (марксист Востока и продукт греческой православной семинарии Тифлиса) — основной действующей силой данного процесса»⁹.

Сам Такер считает, что точка зрения, согласно которой культ личности Ленина был чужд самой природе русского коммунизма и что его можно объяснить только влиянием пережитков прошлого, носителем которых выступал получивший церковное образование Сталин, несостоятельна. По его мнению, возникновение первоначального коммунистического культа личности не было какой-то аномалией. «Напротив, этот культ явился естественным и непосредственным продуктом русского коммунизма, который как движение обрел в Ленине харизматического руководителя. Его собственная антипатия к восхвалениям ни в коей мере не обесценивает этот вывод»¹⁰.

Проблема культа личности в нашей истории занимает одно из важных мест. Не думаю, что мне следует здесь подвергать исследованию ее важнейшие аспекты. Мной эта тема затрагивается лишь в той плоскости и в той мере, в каких она касается деятельности Сталина в освещаемый отрезок времени, а именно в первые годы после смерти Ленина. И рассматривается она не в общеполитическом или социологическом плане, а прежде всего и главным образом под углом зрения борьбы Сталина за утверждение своего лидирующего положения в партии. Надо сказать, что наиболее прозорливые оппоненты Сталина уловили подспудный политический смысл начинавшейся кампании по созданию культа личности как средства политической борьбы, нацеленной на ликвидацию оппозиции проводившемуся курсу. Об этом свидетельствует, например, заявление одного из наиболее последовательных троцкистов Е. А. Преображенского (его с достаточным на то основанием считали и довольно крупным теоретиком), сделанное им в январе 1924 года: «Да, мы против культа вождей, но мы и против того, чтобы вместо культа одного вождя, практиковался культ других вождей, только масштабом поменьше»¹¹. Хотя в данном заявлении и не были упомянуты чьи-либо фамилии, для партийных активистов было ясно, что имелись в виду Сталин, Зиновьев и Каменев.

Справедливости ради надо сказать, что выступление троцкистов против зарождавшегося культа личности носили внутренне противоречивый и двойственный характер: они охотно провозглашали свое несогласие с доктриной культа вождей, но усиленно превозносили своего лидера Троцкого. Так что их, по существу, не устраивала не столько сама доктрина, сколько то, что утверждался не культ Троцкого, а его политических противников, наиболее последовательным из которых как раз и был Генеральный секретарь Сталин. Фактов, однозначно свидетельствующих о том, что еще до смерти Ленина довольно широкие масштабы обрела кампания по раздуванию значения личности Троцкого, в распоряжении историков более чем достаточно. Взять хотя бы восторженные приветствия, прозвучавшие на XII съезде партии, в которых Троцкий назывался «великим народным вождем Красной Армии». Звучали и такие здравницы: «Да здравствуют мировые вожди пролетарской революции *Ленин и Троцкий!*». И еще такие: «Да здравствуют наш

⁹ Роберт Такер. Сталин. Путь к власти 1879 – 1929. История и личность. М. 1991. Т. 1. С. 255.

¹⁰ Там же. С. 261–262.

¹¹ Цит. по Лев Троцкий. Моя жизнь. С. 474.

мировой вождей т. Ленин (*аплодисменты*) и наши стальные вожди тт. Троцкий, Зиновьев и Каменев! (*Аплодисменты*).»¹² Примечательно, что Сталин в приветствиях, обращенных к съезду, лишь один раз упомянут в числе вождей, да и то на последнем месте: «Да здравствуют вожди тт. Ленин, Троцкий, Бухарин, Зиновьев и Сталин!»¹³

Словом, настоящая вакханалия с прославлением вождей началась еще до кончины Ленина. Пальма первенства обычно доставалась на долю Троцкого. (Естественно, если не считать общепризнанного вождя Ленина.) Сталин в то время к своеобразному лику «святых» большевистских вождей пока еще не причислялся. Хотя здесь необходимо пояснение: приветствия исходили от различных коллективов трудящихся, которые большей частью и не ориентировались по-настоящему в реальном положении и роли той или иной фигуры в партийном руководстве. И эти приветствия не в должной мере отражали подлинный расклад сил в большевистской верхушке. Скорее эта была обычная пропагандистская риторика, принявшая со временем характер эпидемии. Но она все же служила каким-то предвестником наступления новой эпохи — эпохи славословия в адрес вождей. Подобная практика, хотя и не является главной качественной чертой социально-политического содержания понятия культ личности, тем не менее она была достаточно симптоматическим фактом тогдашней действительности.

Другим симптомом появления синдрома вождизма (а точнее культа личности) стала практика присвоения городам и другим населенным пунктам (не говоря уже о заводах, фабриках и т. д.) имен тогдашних вождей партии и страны. И здесь Троцкому принадлежит роль первопроходца: в 1923 году Гатчина (под Петроградом) была переименована в город Троцк. В следующем году «свои» города получили Сталин и Зиновьев. Юзовка в Донбассе была переименована в город Сталино, а Елизаветград — в город Зиновьевск. В 1925 году Царицын получил название Сталинград, что свидетельствовало о повышении формального и реального статуса генсека в советской иерархии¹⁴.

Небольшой экскурс в генезис большевистских атрибутов культа личности говорит о многом, но я хотел бы акцентировать внимание читателя на таком факте: Сталин отнюдь не был пионером и первопроходцем в деле насаждения своего собственного культа личности. Корни этого явления уходят во времена, когда он еще не обладал единовластием, а тем более всевластием. Хотя именно с его именем ассоциируется в обиходном восприятии даже само понятие культ личности.

Постепенно набравшая свои обороты практика превознесения большевистских вождей была (как бы помягче выразиться!) не просто фоном, а некоей дымовой завесой, скрывавшей все более разрастающуюся политическую борьбу между ними, порой принимавшую формы откровенной склоки в верхах. Но в действительности речь шла не просто о противостоянии и противоборстве отдельных личностей. В первую очередь вопрос стоял о власти, и не просто о самой власти, а о власти как инструменте осуществления определенного политического курса. На мой взгляд, довольно поверхностной, а потому и не вскрывающей всей значимости политической борьбы того времени, является точка зрения, согласно которой речь шла прежде всего и преимущественно о борьбе за личную власть. Утверждать это — значит серьезно упрощать

¹² См. *Двенадцатый съезд РКП(б)*. Стенографический отчет. М. 1968. С. 90, 95, 97–96.

¹³ Там же. С. 531.

¹⁴ См. Е. М. Поспелов. *Имена городов: вчера и сегодня (1917 – 1992)*. М. 1993.

реальную картину того времени. Конечно, имела место борьба за власть. Но правильно констатируя этот факт, нельзя ставить точку. Нужно также добавить, что сама борьба за власть выступала реальным отражением и выражением противостояния противоположных политических, и даже можно сказать, мировоззренческих, подходов к вопросу о путях развития страны.

Длительная физическая агония вождя партии Ленина стала одновременно и причиной, и мощным катализатором ожесточенной борьбы за власть в партийной верхушке. Эта борьба носила по большей части подковёрный характер, поскольку тогдашние ведущие лидеры, к числу которых в первую очередь принадлежал Сталин, всячески стремились скрыть не только от широких партийных масс, но и от средних слоев партии, не говоря уже о населении страны, сам факт борьбы за власть у постели умиравшего вождя. С нравственной и политической точек зрения признание подобного факта явно дискредитировало бы как самого Сталина, так и его оппонентов. Хотя всем прекрасно была известна острая и принципиальная дискуссия по коренным вопросам политики и экономики, развернувшаяся в тот период. Однако и та, и другая сторона неизменно подчеркивали, что речь идет прежде всего о разногласиях по вопросам стратегии и тактики партии, а отнюдь не о личных властных позициях той или иной ключевой фигуры в партийном ареопаге.

Смерть Ленина не положила конца этой борьбе. Напротив, она придала ей еще более масштабный и более ожесточенный характер. Как было показано в первом томе, основным оппонент Сталина в тот период Троцкий ко времени смерти Ленина потерпел поражение в ходе общепартийной дискуссии 1923 года. Однако поражение было частичным, оно отнюдь не означало полного устранения Троцкого из числа претендентов на ленинское политическое наследство. Но так случилось, что в момент смерти Ленина Троцкий заболел и оказался выключенным из мероприятий, связанных с кончиной вождя. Некоторые историки полагают, что данное обстоятельство якобы явилось решающей предпосылкой того, что в дальнейшем Троцкий потерпел окончательное поражение в борьбе за власть. Сам Троцкий, находившийся в то время на Кавказе, неоднократно писал о том, что его сознательно ввели в заблуждение относительно даты похорон Ленина, чтобы исключить возможность его присутствия на них. «Я соединился прямым проводом с Кремлем. На свой запрос я получил ответ: «Похороны в субботу, все равно не поспеете, советуем продолжать лечение». Выбора, следовательно, не было. На самом деле похороны состоялись только в воскресенье, и я вполне мог бы поспеть в Москву. Как это ни кажется невероятным, но меня обманули насчет дня похорон. Заговорщики по-своему правильно рассчитывали, что мне не придет в голову проверять их, а позже можно будет всегда придумать объяснение... Это был метод. Цель состояла в том, чтоб «выиграть темп»¹⁵.

Данное объяснение, сводящее все к коварству Сталина, не выдерживает серьезной критики. Многие исследователи справедливо считают это объяснение несостоятельным и фальшивым. В частности, американский биограф Сталина А. Улам пишет в связи с этим: «Возможно он (т. е. Троцкий — Н. К.) считал, что его коллеги впадут в панику, а «массы» будут обеспокоены фактом отсутствия второго гиганта революции на похоронах первого гиганта»¹⁶. Все обстоятельства однозначно свидетельствуют о том, что Троцкий в любом случае успел бы принять участие в похоронах Ленина, если бы проявил желание.

¹⁵ Лев Троцкий. Моя жизнь. С. 484.

¹⁶ Adam B. Ulam. Stalin. The man and his era. N. Y. 1973. p. 236.

Некоторые любопытные детали, проливающие свет на этот эпизод, содержатся в мемуарах А. И. Микояна. Вот что он писал:

«Будучи на квартире у Сталина, я спросил его, приедет ли на похороны Троцкий из Сухуми. Он ответил, что Троцкий вызвал его к прямому проводу и, узнав, на какое число назначены похороны Ленина, сказал, что он, к сожалению, не успеет прибыть вовремя.

Я был поражен, что в такой момент он может продолжать отдых в Сухуми. По железной дороге тогда он действительно не мог вовремя успеть. Зато он мог использовать самолет. Еще в 1923 г. начали летать самолеты гражданской авиации. Тогда у нас работала также германская воздушная компания «Люфтвагза». В частности, ее самолеты были в Ростове. Он мог бы использовать и военный самолет для такого экстренного случая — долететь на нем до Ростова или Харькова, а оттуда поездом — и успеть. Это поведение Троцкого показалось мне возмутительным, характеризующим его личность с самой отрицательной стороны. Я это высказал Сталину»¹⁷.

Некоторые адепты Троцкого впоследствии высказывались в том ключе, что неучастие в похоронах Ленина явилось самой трагической ошибкой их патрона и предопределило в дальнейшем его политическое фиаско. Я не склонен придавать этому эпизоду решающего значения, поскольку поражение Троцкого, как мне представляется, коренилось не в тех или иных ошибках тактического плана, а в несостоятельности его стратегической платформы в целом и основанной на ней политической линии. В данном случае, видимо, какие-то политические расчеты стали побудительной причиной того, что он фактически уклонился от этого. Кроме того, спекуляции насчет того, что своим фактическим отказом приехать на похороны Троцкий якобы сам себе вырыл политическую могилу, мягко говоря, не согласуются с фактами и противоречат реальному соотношению сил в большевистской верхушке в рассматриваемый период.

Расклад сил в партийном руководстве в тот период оставался прежним и характеризовался тем, что условно можно назвать неустойчивой стабильностью. По-прежнему доминирующее положение занимала «тройка» в составе Сталина, Зиновьева и Каменева. Как я уже писал в первом томе, этот альянс, а скорее всего мезальянс, с самого своего возникновения был обречен на распад, поскольку соединял в себе людей, которых объединили не столько единство политической мысли, сколько интересы борьбы против Троцкого, претендовавшего занять после смерти Ленина вакантное место единоличного вождя. По ряду чисто формальных признаков можно было посчитать, что первую скрипку в этом политическом трио играет Зиновьев. Он и чаще выступал с публичными речами, кичился своим постом председателя Исполкома Коминтерна (ИККИ), и мнил себя крупным теоретиком, словом, именно той фигурой, которая по всем параметрам отвечала требованиям, предъявляемым к преемнику Ленина. Однако он глубоко заблуждался в своих самообольщениях, что со всей убедительностью подтвердила дальнейшая история и логика внутрипартийной борьбы.

Действительно реальные шансы стать единоличным преемником вождя имел в тот период Сталин. Но эти шансы не служили еще достаточной гарантией того, что они могли как бы самореализоваться. Предстояла серьезная и в тот период еще не в полной мере обреченная на успех борьба за ленинское политическое наследство. Первым шагом на этом пути, как отмечалось выше, явился, на поверхностный взгляд, стихийный, но на деле

четко спланированный курс на создание культа личности вождя. Сталин при этом считал, что это даст ему преимущества как в завершении борьбы против Троцкого, так и в предстоявшей с неминуемой неотвратимостью схватке с Зиновьевым и Каменевым. Троцкий, как известно, примкнул к большевикам лишь в 1917 году. И поэтому по всем критериям не мог быть причислен к когорте большевистской партии. Что же касается Зиновьева и Каменева, то над ними дамокловым мечом висела их позиция в октябре 1917 года, когда они публично выступили против захвата власти большевиками. Подобное прегрешение при всем желании нельзя было отнести к разряду мелких политических ошибок, от которых никто не застрахован. Ведь если отбросить все детали, а расценивать этот факт с принципиальных позиций, то они фактически выступили против Октябрьской революции, за что заслуженно были названы Лениным штрейкбрехерами. А такие политические пятна не исчезали даже по истечении многих лет. Они сами заработали себе политическое клеймо, с которым им пришлось прожить всю жизнь.

Отнюдь не безупречным было положение и самого Сталина. В первом томе я уже рассматривал вопрос о политическом завещании Ленина и той серьезной критике, которой он был подвергнут в этом и ряде других ленинских документов. Хотя в самом общем виде данный вопрос уже и освещен мною ранее, тем не менее его придется касаться и во втором томе, поскольку обвинения Ленина в адрес Сталина будут, как тень, неотступно следовать за ним на протяжении всей его политической карьеры. А в рассматриваемый период предложение о замене Сталина на посту генсека играло центральную роль в деле его политического выживания.

По некоторым свидетельствам, достоверность которых довольно вероятна, когда Сталин в присутствии Каменева прочитал письмо Ленина (его завещание), он якобы сказал: «Он обгадил себя и он обгадил нас»¹⁸. Мне уже приходилось в первом томе высказывать мысль о том, что ленинское завещание сыграло роль бумеранга: оно не столько способствовало укреплению единства и сплоченности партии и ее руководящего ядра в лице ЦК и Политбюро, сколько послужило своеобразным детонатором для начала ожесточенной внутрипартийной баталии. Может быть, и слишком иронично, но зато метко в виде собственного афоризма о судьбе завещания отозвался Бухарин: «Завещание (в отличие от заветов) выполняй всегда наоборот»¹⁹. Мне кажется, что в такой юмористической форме Бухарин дал достаточно четкую оценку позиции тогдашней правящей группировки ЦК в отношении ленинского завещания.

Если вдуматься в характеристики, данные Лениным своим соратникам, в том числе и Сталину, то каждый из них едва ли выигрывал от предания этого письма гласности. На весах политической Фемиды личные недостатки Сталина (грубость, нелояльность, стремление к расширению масштабов своей власти и т. д.) в тот период не перевешивали серьезных упреков Ленина в адрес главных соперников Сталина в лице Троцкого, Зиновьева, Каменева. Бухарин здесь стоит особняком, поскольку упрек его в том, что он не владеет диалектикой, при всем желании нельзя отнести к политическим порокам серьезного значения. А именно политические мотивы в тот период стояли на первом плане. Для партийных масс, и в особенности для среднего звена партии, обвинение Троцкого в «небольшевизме» звучало чуть не как самый суровый политический вердикт.

¹⁸ См. Robert H. Mc Neal. Stalin. Man and Ruler. L. 1988. p. 109.

¹⁹ «Известия ЦК КПСС» 1991 г. № 8. С. 182.

А выступление Зиновьева и Каменева против проведения революционного переворота в октябре 1917 года с полным на то основанием можно было квалифицировать как не менее тяжкое политическое преступление, если не преступление. В дальнейшем Сталин как раз и избрал именно этот метод для дискредитации оппозиции и ее лидеров.

Поэтому, мне думается, что Сталин, хотя и был в определенной мере озабочен тем, как будет воспринята в партийных верхах рекомендация Ленина о фактическом смещении его с поста генсека, все-таки был уверен в одном: его соперники не в меньшей мере, чем он, были заинтересованы в том, чтобы политическое завещание Ленина, спустить, как говорится, на тормозах. Объективно предание гласности завещания, вне всякого сомнения, не придало бы авторитета и самой большевистской партии в глазах партийной массы и общественного мнения страны. В самом деле, невольно возникал вопрос: а что же это за руководители партии, если в политическом плане ни на одного из них нельзя полностью положиться? В конце концов: что из себя представляет и сама партия, руководящая страной, если во главе ее стоят такие руководители? Все эти и многие другие вопросы, несомненно, возникали в уме как самого Сталина, так и его соратников-соперников. И трезво взвешенные, продуманные ответы на поставленные вопросы, с логической закономерностью приводили к заключению, что предавать гласности завещание Ленина — значит нанести интересам партии серьезный, а, возможно, и непоправимый ущерб. Элементарный политический расчет подсказывал именно такую линию в отношении того, как поступить с ленинским завещанием.

Перефразируя приведенный выше афоризм Бухарина, можно сказать, что Сталин (а вместе с ним в тот период и Зиновьев с Каменевым) вместо выполнения ленинского завещания развернули кампанию по выполнению ленинских заветов. Об этом свидетельствует и «клятва» Сталина, и многие другие практические шаги и меры, в первую очередь связанные с созданием культа усопшего вождя. Нельзя безоговорочно утверждать, что, созидавая культ Ленина, Сталин уже тогда в дальней перспективе имел в виду и создание своего собственного культа вождя и руководителя. Хотя, конечно, непосредственные политические расчеты и выгоды он принимал во внимание, имея в виду использовать культ и все его атрибуты в качестве средства борьбы со своими политическими соперниками. Но все же, на мой взгляд, есть основания утверждать, что в дальнейшем, способствуя насаждению своего собственного культа, Сталин, очевидно, воспринимал себя не иначе как выразителя воли истории. Что, мол, дело не в нем как таковом, а в том, что история в силу различных причин предопределила его к роли продолжателя дела Ленина. Все остальное, мол, это — второстепенные и преходящие наслоения. В жизни, однако, провести подобного рода разграничение не только невозможно, но порой и просто наивно.

Объективная оценка дает право сделать вывод, что Сталин в тот период лишь в какой-то, строго ограниченной мере рассматривал создание культа Ленина как своего рода предтечу собственного культа. Причем политические функции самого факта создания культа личности вождя стояли на первом плане. По мысли Сталина, культ усопшего Ленина должен был стать самым мощным, самым эффективным и самым понятным для широких масс орудием укрепления советской власти. В непосредственные политические и стратегические расчеты Сталина тогда, несомненно, входила в качестве важнейшей составной части идея использовать культ Ленина и для укрепления своих собственных позиций в партийном руководстве. Это была одна часть расчетов. Другая заключалась в

том, чтобы таким способом значительно расширить границы своей публичной известности, из влиятельного деятеля партийного руководства превратиться в фигуру законного ленинского наследника. Иными словами, постепенно обрести статус первого человека в партии и стране.

И объективные предпосылки для реализации данного замысла имелись налицо. Они коренились прежде всего в традициях страны и народов, ее населяющих. Несколько опережая хронологию событий, замечу, что, на мой взгляд, вполне логичным и обоснованным выглядит вывод, сделанный по этому вопросу английским биографом Сталина Я. Греем. Он, характеризуя условия и политическую роль культа личности Сталина к концу 20-х годов, писал: «Люди испытывали чувство облегчения и признательности: наконец-то в России появился сильный руководитель. Пятисотлетние традиции возродились, появился сначала культ Ленина, а затем и Сталина, который он сам и поощрял.

Ну а когда культ набрал обороты, сомнительно, что его можно было остановить. В некоторой степени Сталин стал заложником и пленником своей власти и положения. Культ был нужен для того, чтобы поддерживать его авторитет в партии и народе. И сам он зависел от культа. Признавая необходимость культа личности, сам Сталин не принимал в этом активного участия. Он не был тщеславным, эгоистичным человеком, любившим только лесть и подхалимаж. Он не терпел низкопоклонства и всю жизнь пытался избежать торжеств в свою честь. Это не означало, что Сталин не появлялся на людях. Он присутствовал на партийных съездах, одиноко стоял на трибуне Мавзолея в праздники, но был начисто лишен личного тщеславия, как Петр I и Ленин, и, так же как они, был убежден, что выбран судьбой и держит ключи от будущего России, т. е. что он только выполняет волю истории»²⁰.

Приведенный отрывок, на мой взгляд, только в своих главных чертах отвечает истине. Кое в чем, прежде всего в отношении самого Сталина к собственному культу, автор проявляет, мягко говоря, чрезмерную снисходительность. Факты говорят о том, что он отнюдь не безразлично относился к восхвалениям в свой адрес, часто превосходившим все допустимые пределы. На словах, конечно, он не раз порицал такие восхваления (об этом будет рассказано в дальнейшем), а на практике поощрял подобную практику. Напрашивается мысль о том, что здесь он сознательно или бессознательно руководствовался девизом М. Монтеня: «... одно дело проповедь, а другое — проповедник»²¹. Не случайно Сталин нередко о самом себе говорил в третьем лице, как бы таким способом проводя грань между собой как просто человеком и как вождем и лидером страны.

2. Сталин укрепляет свои позиции

Как уже отмечалось, смерть Ленина не только не положила конец борьбе в партийной верхушке за власть, но в немалой степени стимулировало эту борьбу, придавая ей новый,

²⁰ Ян Грей. Сталин. Личность в истории. М. 1995. С. 98–99. Ссылку в данном случае я делаю на сокращенный русский перевод книги Грея, совмещенной с отрывками из биографии Сталина, написанными Троцким. Полный, более обширный и более мотивированный пассаж, касающийся данной темы, см. в книге Ian Grey. Stalin. Man of History. Abacus. Great Britain. 1982. p. 234.

²¹ Мишель Монтень. Опыт. М. 1992. Т. 2. С. 90.

более широкий масштаб и более острые формы проявления. Правда, руководство партии, в первую очередь сам Сталин, в первые недели и месяцы после кончины Ленина прилагали большие усилия, чтобы представить дело так, будто смерть вождя только сплотила ряды партии и стала катализатором процесса укрепления партийного единства и сплоченности. И в самом деле, по всем разумным критериям было более чем опасным и вредным для самих лидеров партии сразу же демонстрировать, как говорится, перед всем миром взаимную вражду и наличие принципиальных разногласий по коренным вопросам политики. Однако первоначальная взаимная сдержанность, непрерывные клятвы верности заветам усопшего вождя — все это не могло служить серьезным препятствием для развертывания очередного раунда внутрипартийных баталий. Расстановка сил в высшем эшелоне власти в первые месяцы после смерти вождя оставалась некоторое время прежней: главная роль в решении всех принципиально важных вопросов как внутрипартийной жизни, так и государственных проблем, принадлежала по-прежнему тройке в лице Сталина, Зиновьева и Каменева. Однако этот временный союз, как подчеркивалось еще в первом томе, был обречен на неизбежный крах. Все зависело только от времени и стечения обстоятельств. Как писал еще Плутарх, «...По-видимому, то, что назначено судьбой, бывает не столько неожиданным, сколько неотвратимым»²². Неотвратимым и был сначала кризис, а потом и полный развал руководящей тройки.

Но этому предшествовала целая череда важных событий, на которых необходимо остановиться, чтобы понять не столько саму логику внутрипартийной борьбы, сколько основные черты и важнейшие особенности политической стратегии Сталина в данный период. Нас в данном случае в первую очередь интересуют именно эти аспекты проблемы, а не сложные, порой чрезвычайно запутанные и противоречивые детали противостояния в рамках правящей тройки.

Итак, смерть Ленина стала новым исходным рубежом не только в жизни всей страны, но и в динамике развития отношений в верхах большевистской партии. Кроме форсированного создания культа личности умершего вождя, тогдашние лидеры партии наметили и провели ряд мер, нацеленных на консолидацию и расширение ее влияния среди многомиллионного все еще полуграмотного населения страны. Ведь ситуация выглядела не столь уж радужной, как стремилась изобразить партийная пропаганда. Есть доля истины в словах биографа Сталина А. Улама, охарактеризовавшего положение партии в стране следующей метафорой — «крошечный гарнизон во враждебной стране»²³. Одним из способов укрепления позиций власти и партии стали меры по увеличению ее численности, в первую очередь за счет рабочих.

Состоявшийся в конце января 1924 года пленум ЦК объявил ленинский призыв в РКП(б). Пленум подчеркнул, что тяга передовых рабочих в партию наблюдалась и в предшествовавший период. На основе этого еще XIII партийная конференция поставила задачу вовлечь в РКП(б) не менее 100 тысяч промышленных рабочих. Пленум принял постановление «О приеме рабочих от станка в партию» и обращение «К рабочим и работницам», в котором говорилось: «Партия целиком и безоговорочно идет навстречу этой братской помощи со стороны своего класса. Партия призывает всех беспартийных товарищей, рабочих и работниц помочь ей в деле приема новых бойцов. На них, на

Плутарх. Избранные жизнеописания. М. 1987. Т. 2. С. 488.

²³ Adam B. Ulam. Stalin. The man and his era. p. 241.

стоящих у машин и станка, ставит партия свою ставку. С помощью всех рабочих в партию войдут лучшие, наиболее стойкие, наиболее преданные, наиболее честные и смелые сыны пролетариата»²⁴.

Первоначально намеченный трехмесячный срок завершения приемной кампании пришлось продлить в связи с огромным наплывом желающих вступить в ряды партии. В основном ленинский призыв был завершен к XIII съезду партии (май 1924 г.), к началу которого численность партии составила 736 тыс. человек; из них — около 242 тыс. членов партии и 128 тыс. кандидатов ленинского призыва²⁵. После ленинского призыва значительно изменился социальный состав партии, процент рабочих в ней составил около 2/3 общего количества членов. Сталин и другие руководители партии отдавали себе отчет в том, что в партию в связи с массовой кампанией проникали и элементы, ничего общего не имеющие с идеалами коммунизма. «Конечно, в отдельных случаях в этом массовом притоке в партию придут и ненадежные, случайные элементы, — отмечалось в письменном отчете ЦК партии о работе за время с предыдущего съезда партии. — Мы не должны закрывать глаза на то, что часть рабочих, входящих теперь в наши организации, идет по мотивам узко личным, даже шкурным, так, например, из боязни сокращений, расчетов и пр. Но все же эта часть составляет лишь небольшое количество в этом огромном приливе рабочих в нашу партию, которые вошли по ленинскому призыву»²⁶.

Было обращено внимание и на расширение влияния партии в деревне. Всячески поощрялось и поддерживалось различными способами, в частности, путем предоставления различных льгот, и кооперативное движение на селе. К концу 1924 года производственные кооперативы объединяли более 211 тыс. дворов, преимущественно из бедняков и середняков. Росла и прослойка членов партии в деревне: всего на селе к тому времени насчитывалось 150 тыс. коммунистов и 300 тыс. комсомольцев²⁷.

Короче говоря, был сделан беспрецедентный шаг на пути превращения партии в массовую партию. И в этом нельзя не видеть своего рода отхода от заветов Ленина, который с нескрываемым чувством внутренней гордости подчеркивал в свое время, что партия революционного рабочего класса — «единственная правительственная партия в мире, которая заботится не об увеличении числа членов, а о повышении их качества»²⁸. Именно этим и объяснялась грандиозная чистка партии, проведенная начиная с 1921 года. А сам ленинский призыв (какими бы благородными побуждениями он не объяснялся) фактически означал радикальный пересмотр партией прежней установки своего вождя. В ретроспективном освещении он предстает как шаг, направленный на расширение социальной базы сторонников генсека, на то, чтобы в лице молодых членов партии обрести своих новых и надежных единомышленников. Суммируя, можно в каком-то смысле сказать: призыв в партию в 1924 году по форме был, безусловно, ленинским, а по своему реальному содержанию и по воздействию на дальнейшую политическую линию сталинским. В этом, в частности, и состояла весьма причудливая диалектика того времени.

Но Сталина беспокоил не только вопрос о количественном росте партии. Немалую озабоченность вызывал низкий уровень образования и культуры членов партии вообще и

²⁴ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть I. М. 1936. С. 572–573.

²⁵ Тринадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М. 1963. С. 529.

²⁶ Там же. С. 799.

²⁷ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Книга первая. М. 1970. С. 335–336.

²⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 39. С. 224.

новых партийцев, в частности. На XIII съезде партии Сталин отмечал, что бросается в глаза большой процент политнеграмотности — что он подразумевал под этим довольно расплывчатым понятием, неизвестно; скорее всего речь шла об элементарной неграмотности. Так, по некоторым губерниям она доходила до 70%. В среднем по нескольким губерниям центральной России политнеграмотных — 57%; в прошлом году было около 60%. «Это один из основных дефектов нашей работы»²⁹, — подчеркнул он.

Я не стану растекаться мыслью по древу относительно низкого образовательного и вообще культурного уровня основной массы членов партии, да и не только их, но и среднего и даже высшего звена партии. Этот факт, взятый сам по себе, многое может объяснить из перипетий внутрипартийной борьбы и создания механизма четкого послушания низов указаниям сверху. Этот факт необходимо постоянно держать в уме, когда речь идет о тех или иных поворотах в партийной политике и соответствующей реакции со стороны низов на такие повороты. Сталин, будучи сам не особенно обремененным уровнем образованности, (хотя, как уже подчеркивалось в первом томе, семинарское обучение в целом примерно соответствовало гимназическому, а, кроме того, основным методом для Сталина стал метод самообразования, благодаря которому он смог подняться до уровня, отвечающего требованиям современной ему эпохи), повышению уровня образования придавал первостепенное значение.

Аксиомой является то, что необразованными или малообразованными людьми легче управлять, легче манипулировать. Но это имеет и обратную сторону — они менее способны решать все более усложнявшиеся задачи, встававшие перед страной. Поэтому в тот период, в особенности после столь значительного увеличения численности партии в итоге ленинского призыва, на первый план вполне закономерно выплыла задача идейно-политического просвещения как членов партии в целом, так и ленинского призыва в первую голову. Сталин нисколько не преуменьшал стратегической важности данной задачи. Да ее и вообще трудно было преуменьшить, учитывая реальное положение дел.

Но, строго говоря, помимо сугубо просветительских, идейно-образовательных функций политического просвещения, для Сталина данная проблема имела и иное измерение. Имеются в виду цели сугубо политической направленности. Если выражать мысль несколько упрощенно, то Сталин ставил перед собой задачу вооружить членов партии (в первую очередь рядовой состав и средний эшелон) сталинской интерпретацией ленинизма. Возможно, где-то в глубине души у него теплилась идея дать партийной массе (пастве) нечто вроде революционного Нового Завета. Этот набор теоретических и политических догм и постулатов должен был в ясной, в доступной пониманию простого человека, форме, причем выраженной в лаконичном стиле, изложить главные моменты ленинского учения. А затем на базе такого эталона должна была развернуться пропагандистская работа — так называемое политпросвещение.

На первый взгляд, может показаться, что данная задумка отдавала душком откровенной утилитарности, если не сказать примитивности. Однако воздержимся от поспешных умозаключений. Скорее всего, это был продуманный, верно выверенный долговременный политико-стратегический расчет генсека. Помимо непосредственной цели — вооружить партийные массы сталинской интерпретацией ленинского учения — план Сталина в этой области преследовал и другие, отнюдь не малозначимые цели.

²⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 6. С. 205-206.

Речь идет о том, что одной из необходимых и фундаментальных предпосылок укрепления общих позиций Сталина как главного претендента на ленинское политическое наследие являлось создание себе ореола (как сказали бы сейчас, имиджа) крупного партийного теоретика. И дело вовсе не сводилось только к самоутверждению Сталина в данной ипостаси. Замысел и размах носили гораздо более универсальный и масштабный характер. Сталин, как это стало ясно впоследствии даже отнюдь не дальнозорским его соперникам, стремился заложить духовно-интеллектуальные, теоретические основы для своих политических устремлений. И мне думается, что несколько легковесным и поверхностным выглядит утверждение Бухарина, выраженное им через четыре года после рассматриваемых здесь мною событий, о том, что Сталина «съедает жажда стать признанным теоретиком. Он считает, что ему только этого не хватает»³⁰.

В действительности Сталин смотрел на вопросы теории гораздо глубже и объемнее. Он органически увязывал их не только, а может быть, и не столько с сугубо личными претензиями и амбициями, сколько с утверждением определенной политической философии. В апреле 1920 года в связи с 50-летием В. И. Ленина он писал: «С наступлением революционной эпохи, когда от вождей требуются революционно-практические лозунги, теоретики сходят со сцены, уступая место новым людям...

Чтобы удержаться на посту вождя пролетарской революции и пролетарской партии, необходимо сочетать в себе теоретическую мощь с практически-организационным опытом пролетарского движения»³¹.

Едва ли можно подвергнуть сомнению такую вещь: Сталин считал, что со смертью Ленина в российской истории, а значит и в жизни партии, наступила новая эпоха, и в соответствии с этим должна произойти и смена важнейших стратегических координат. Безусловно, это не оставляло за своими рамками и всю сумму теоретических проблем. И здесь он выступал как последовательный и ортодоксальный марксист, поскольку именно практику это учение рассматривает в качестве базиса теории и одновременно главного критерия истинности того или иного теоретического постулата.

В российской, а также в западной сталиниане, особенно часто мусолится вопрос о несостоятельности Сталина как теоретика, как политического мыслителя. И не просто ставятся под большой вопрос его способности к теоретическому мышлению и теоретическим обобщениям, но и вообще даже высмеиваются любые попытки как-то отметить и оценить его теоретический вклад в развитие теории коммунизма. Мне уже приходилось выше давать краткую оценку личного вклада Сталина в марксистско-ленинскую теорию. Однако данная проблема столь обширна и многогранна, а к тому же на каждом крутом изломе исторического развития страны она обретала порой принципиально новые параметры и формы, что к ней приходится и еще придется возвращаться не раз и не два.

Уже затасканным аргументом, долженствующим проиллюстрировать мнимую теоретическую импотенцию Сталина, служит один из эпизодов начала 20-х годов, когда Рязанов — крупный знаток марксистских сочинений — бросил в адрес Сталина следующую

³⁰ Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. Т. 4. М. 2000. С. 562.

³¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 4. С. 314.

* Весьма примечательна оценка самим Рязановым своих политических позиций и убеждений: на собрании Социалистической академии (апрель 1924 г.) он заявил: «Я не большевик, я — не меньшевик и не ленинец. Я только марксист и как марксист — я коммунист.» «Вестник Коммунистической Академии» 1924 г. № 8. С. 392.

резкую реплику: «Прекрати, Коба, не выставляй себя на посмешище. Все знают, что теория — не твоя стихия»³². Комментируя этот эпизод, Р. Такер замечает: «Рязанов сказал это без обиняков, но он, видимо, плохо знал Сталина и не понимал, что его слова могут задеть его. Он не осознавал того, что теория была одной из тех областей, в которых Сталин желал прославиться. В дебатах о политическом курсе партии, развернувшихся после смерти Ленина, Сталин избрал амплуа идеолога большевизма как по личным, так и по политическим мотивам. И действительно, мог ли он стать «лучшим ленинцем», не будучи самым последовательным, самым проникновенным, самым эрудированным и вообще самым верным ленинцем из всех партийных толкователей Ленина и ленинизма? Постепенно те, кто тесно соприкасался со Сталиным, поняли его желание быть признанным первым крупным после Ленина теоретиком партии»³³.

Примерно в таком же ключе и в такой же политической тональности характеризуют усилия Сталина утвердиться в качестве теоретика и другие западные и некоторые современные российские биографы Сталина. Я не решаюсь утверждать, что все их критические пассажи в отношении Сталина как теоретика полностью безосновательны и не заслуживают ни малейшего внимания. Отнюдь нет! Речь идет о том, чтобы оценки были соразмерны реалиям эпохи и отражали не взгляд на события прошлого через испорченный оптический прибор современности. Эти оценки в значительной части продиктованы пристрастной, а потому уже и заведомо односторонней исходной позицией, далекой от объективности.

Мне уже приходилось в первом томе давать общую оценку тех новаций и свежих идей, которыми Сталин обогатил теоретический арсенал большевизма в области национального вопроса, политической стратегии и тактики большевиков на отдельных этапах революционного движения и др. проблем. Не повторяясь, замечу, что факты решительно опровергают утверждения тех (пионером в этом деле был Троцкий), кто как-то снисходительно, насмешливо-иронически говорит и пишет о Сталине как тусклом и беспросветно примитивном теоретике. Здесь не просто просматриваются, а прямо-таки вопиют о себе безмерные амбиции и колоссальная переоценка собственных потенций оппонентов Сталина на этой стези.

В период, о котором сейчас идет речь, все главные политические конкуренты генсека были прямо-таки одержимы научно-теоретическим и публицистическим пылом. Они постоянно писали и публиковали свои эссе и выступления, а затем облекали все это свое творчество в многотомные фолианты собрания своих сочинений. В 1924 — 26 гг. выходило в свет многотомное собрание сочинений Троцкого. Издавали свои сочинения Зиновьев (1924 — 26 гг.) и Каменев: «Статьи и речи. (1905 — 1925 гг.)» (Ленинград 1925 — 29 гг.)³⁴. Не говоря уже о Бухарине, не только пользовавшимся репутацией крупнейшего теоретика партии, но и подкреплявшего эту репутацию несметным числом своих произведений. Просматривая труды этих теоретиков, невольно задаешься вопросом: а когда же они просто работали? Именно в их адрес гораздо уместнее применить формулу о безмерном тщеславии и стремлении заработать себе реноме выдающихся теоретиков большевизма. На их фоне теоретические изыскания Сталина выглядят гораздо скромнее.

³² Цит. по *Isaac Deutscher. Stalin. L. 1966. p. 291.*

Роберт Такер. Сталин. Путь к власти 1879–1929. С. 434.

³⁴ *Robert H. Mc Neal. Stalin. Man and Ruler. p. 92.*

Скромнее — еще не значит менее весомо и менее содержательно, не говоря уже о политической актуальности. Здесь, справедливости ради, надо сказать, Сталин ничуть им не уступал, а даже превосходил. И основная причина коренилась в том, что его теоретические изыскания целиком и полностью диктовались не жадой прославить себя в качестве теоретика, а требованиями самой реальности, жизненными запросами эпохи. Это вытекает даже из самого толкования им теории: «Теория есть опыт рабочего движения всех стран, взятый в его общем виде. Конечно, теория становится беспредметной, если она не связывается с революционной практикой, точно так же, как и практика становится слепой, если она не освещает себе дорогу революционной теорией. Но теория может превратиться в величайшую силу рабочего движения, если она складывается в неразрывной связи с революционной практикой, ибо она, и только она, может дать движению уверенность, силу ориентировки и понимание внутренней связи окружающих событий, ибо она, и только она, может помочь практике понять не только то, как и куда двигаются классы в настоящем, но и то, как и куда должны двинуться они в ближайшем будущем»³⁵.

Приведенная цитата взята из работы Сталина «Об основах ленинизма». Эта работа заслуживает того, чтобы на ней остановиться подробнее, поскольку, помимо чисто содержательных моментов, приходится касаться и ряда других, привходящих, но имеющих определенную с нею связь, обстоятельств. Прежде чем перейти к содержательной части, коснусь вопроса об авторстве Сталина, поскольку данный аспект в соответствующей литературе получил, на мой взгляд, достаточно однозначную интерпретацию.

Вопрос об авторстве Сталина, точнее о том, что он позаимствовал многие важные формулировки из брошюры некоего Ф. Ксенофонтова, по существу впервые был выдвинут в качестве чуть ли не абсолютно неопровержимого факта российским историком Р. Медведевым. До него ряд авторов, в первую очередь Троцкий, концентрировали свои нападки на примитивном уровне самих теоретических положений, выдвинутых Сталиным в своей работе. Так, Троцкий писал о Сталине: «Он одарен практическим смыслом, выдержкой и настойчивостью в преследовании поставленных целей. Политический его кругозор крайне узок. Теоретический уровень совершенно примитивен. Его компилятивная книжка «Основы ленинизма», в которой он пытался отдать дань теоретическим традициям партии, кишит ученическими ошибками. Незнакомство с иностранными языками вынуждает его следить за политической жизнью других стран только с чужих слов. По складу ума это упорный эмпирик, лишенный творческого воображения. Верхнему слою партии (в более широких кругах его вообще не знали) он казался всегда человеком, созданным для вторых и третьих ролей»³⁶.

Не станем снова полемизировать с Троцким по этому поводу — в первом томе об этом уже сказано достаточно подробно, если не сказать, чрезмерно много. Возвратимся к нити нашего изложения.

В доказательство того, что Сталин многое позаимствовал у Ф. Ксенофонтова, Р. Медведев приводит, в частности, определение ленинизма, а также некоторые другие формулировки, в первую очередь, по национальному вопросу³⁷. Сходство, конечно, есть. Но есть и существенные различия, которые проходят мимо внимания Р. Медведева,

³⁵ И. В. Сталин. Соч. Т. 6. С. 88–89.

³⁶ Лев Троцкий. Моя жизнь. С. 481–482.

³⁷ Жорес Медведев, Рой Медведев. Избранные произведения. Т. 1. М. 2002. С. 623–624.

запрограммированного на доказательство того, что Сталин является чуть ли не плагиатором. Я не считаю нужным в деталях рассматривать эту проблему. Хочу лишь сделать несколько принципиальных замечаний.

Во-первых, весь строй, вся логика рассуждений и выводов работы, своеобразная аргументация и методология подхода к рассмотрению поставленных вопросов, не говоря уже о стиле изложения, — все это с бесспорной очевидностью свидетельствует о том, что работа «Об основах ленинизма» является плодом труда Сталина.

Во-вторых, представляется, по меньшей мере, смешным тот факт, что Сталин якобы позаимствовал у Ксенофонтова даже постановку национального вопроса в ленинизме. Какая-то чушь получается: общепризнанный (даже своими политическими противниками) знаток национального вопроса, на протяжении ряда лет выступавший с докладами на высших партийных форумах по данному вопросу, якобы заимствовал у безвестного партийного аппаратчика (Ксенофонтов работал в секретариате Сталина) важнейшие положения по национальному вопросу. Как говорится, курам на смех! Такие критики Сталина и сталинизма, как Р. Медведев, не могут не понимать, что в национальном вопросе Сталин был бесспорным специалистом. Даже один этот момент заставляет не просто критически, а с величайшим сомнением воспринимать всю остальную «доказательную базу», которой оперируют те биографы Сталина, которые весь свой запал и всю свою эрудицию ставят на службу доказательства несостоятельности генсека как теоретика. Особенно предвзятым такой подход выглядит, когда мы обращаемся к сопоставлению цитат из работы Ксенофонтова с работой Сталина. В частности, приводится следующее положение из Ксенофонтова:

«Национальный вопрос для Ленина есть часть общего вопроса о диктатуре пролетариата, о пролетарской революции...», «Национальный вопрос может быть разрешен только через разрешение общего вопроса, коренного вопроса — вопроса о свержении власти капитала и установления власти рабочего класса...», «Проблема движущих сил пролетарской революции решается самим Лениным так: соединение пролетарской революции с крестьянской войной не только внутри «собственного» государства, но и с крестьянской войной, национально-освободительной борьбой народов Востока с империализмом. Это есть коалиция, единый фронт социалистической борьбы пролетариата, метрополии и национально-освободительной борьбы народов Востока против общего врага — империализма»³⁸.

Р. Такер утверждает, что «спасение эпизода с Ксенофонтовым от возможного забвения — одна из многих услуг, оказанных Медведевым науке». И далее он утверждает, что брошюра Ксенофонтова помогла «придать книге «Об основах ленинизма» некоторый импульс и интеллектуальную выразительность. И если эта догматическая по содержанию и шероховатая по стилю брошюра не попала в разряд банальных, то во многом благодаря Ксенофонтову.

Сталин также воспользовался подсказкой Ксенофонтова и в вопросе о связи национально-освободительного движения Востока с пролетарской революцией Запада»³⁹.

Я специально под углом зрения возможного заимствования важнейших положений (правда, уже со стороны Ксенофонтова) просмотрел важнейшие статьи и выступления

³⁸ Жорес Медведев, Рой Медведев. Избранные произведения. Т. 1. М. 2002. С. 624.

³⁹ Роберт Такер. Сталин. Путь к власти 1879 – 1929. С.298–299.

Сталина по национальному вопросу после победы Октябрьской революции и без труда обнаружил весьма простую вещь: формулировки самого Ксенофонтова в той или иной форме позаимствованы ни у кого другого, как у Сталина. Имеются в виду основополагающие положения и выводы. К примеру, из статьи Сталина «К постановке национального вопроса», опубликованной в 1921 году, где содержатся такие принципиальные положения, как:

«1) национальный и колониальный вопросы неотделимы от вопроса об освобождении от власти капитала;

2) империализм (высшая форма капитализма) не может существовать без политического и экономического порабощения неполноправных наций и колоний;

3) неполноправные нации и колонии не могут быть освобождены без низвержения власти капитала;

4) победа пролетариата не может быть прочной без освобождения неполноправных наций и колоний от гнёта империализма. ...Победу мировой пролетарской революции можно считать обеспеченной лишь в том случае, если пролетариат сумеет сочетать свою собственную революционную борьбу с освободительным движением трудовых масс неполноправных наций и колоний против власти империалистов, за диктатуру пролетариата»⁴⁰.

Можно было бы привести и другие пассажи, однозначно говорящие за то, что базисные положения по национальному вопросу содержались в более ранних работах Сталина. Так что Сталину едва ли нужна была подсказка со стороны Ксенофонтова, чтобы обнаружить «связь между национально-освободительным движением Востока с пролетарской революцией Запада». В целом «заслуга» Р. Медведева перед наукой не выглядит столь бесспорной, как это представляет Р. Такер. Объективный анализ дает основание считать, что в данном вопросе мы имеем дело с типично предвзятым подходом, где внешне убедительные совпадения без их должной оценки с точки зрения генезиса преподносятся как факты теоретического плагиата.

И, наконец, последнее замечание. Сталин как секретарь ЦК мог, конечно, давать своему аппарату задание подобрать те или иные материалы при подготовке лекций в Свердловском университете, а также при подготовке докладов и т. д. Ничего необычного здесь усмотреть нельзя, если заранее не запрограммировать себя в каком-то заданном направлении. Однако во всей обширной сталинине общепризнанным и, по существу, никем не оспариваемым, является мнение, что Сталин сам писал свои произведения. Это видно при анализе особенностей его стиля, манеры письма. Словом, по всему комплексу признаков, удостоверяющих и подтверждающих авторство как таковое. В данном конкретном случае позволительно сослаться и на такого патологически враждебного по отношению к Сталину сочинителя, как Д. Волкогонов: «Справедливости ради нельзя не отметить, что над своими статьями, речами, репликами, ответами генсек трудился сам. Свидетельства его помощников, в разное время работавших с ним, других ответственных лиц из аппарата Генерального секретаря дают основания сделать вывод: при огромной загруженности Сталин весьма много работал над собой. Ему ежедневно по его специальным заказам делали подборку литературы, приносили вырезки из статей, сводки

⁴⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 5. С. 56.

по материалам местной партийной печати, обзоры зарубежных изданий, наиболее интересные письма»⁴¹

Как видно из вышесказанного, версия Р. Медведева получила определенное распространение в историографии о Сталине и сталинизме. Отдает ей положенную дань и Р. Такер, посвятивший данной проблеме специальный раздел в своем первом томе биографии Сталина. Однако он в своих выводах все-таки счел необходимым проявить некоторую сдержанность. Завершил он свои изыскания по данной теме следующим заключением:

«Трактаты Сталина и Ксенофонтова — это вовсе не два варианта одной книги.

Основываясь на данных Медведева о том, что Ксенофонтов помогал Сталину в теоретических вопросах, можно предположить, что Сталин попросил его собрать материалы о ленинизме и что талантливый Ксенофонтов, хорошо разбиравшийся в предмете, подготовил рукопись, на публикацию которой он и испрашивал разрешения. Во всяком случае, Сталин, используя рукопись Ксенофонтова и не пожелав признать этот факт, опубликовал заметно отличавшуюся от нее работу, с явными признаками собственного творчества. Если бы это было не так, то сомнительно, нашла бы издателя рукопись Ксенофонтова даже в плюралистической атмосфере Советской России 1925 г.»⁴². Как говорится, спасибо и на этом. В действительности же всерьез говорить о том, что базисной основой работы Сталина явилась брошюра (в виде рукописи) Ксенофонтова — значит серьезно извращать то, что имело место в действительности. Сталин не был новичком, а тем более дилетантом ни в вопросах знания ленинизма, ни в национальном, ни в других вопросах, имевших отношение к предмету. А Ксенофонтов отнюдь не выглядит корифеем творческой марксистской мысли того времени и своего рода наставником бывшего семинариста в вопросах революционной теории. Не знаю, как для кого, но для меня здесь общая картина вполне ясна. Нужна не только объективность в такого рода оценках, но и определенное чувство меры и соразмерности, которые, кстати сказать, таюже являются неотъемлемым компонентом исторической объективности.

И, наконец, последний аккорд этой, невольно несколько замкнувшейся на отдельных деталях темы. Американский биограф Сталина Р. Конквест, завоевавший широкую известность особенно резкими нападками на героя нашего повествования, следующим образом охарактеризовал работу генсека: «Она написана в догматической и схематической манере, созвучной стилю всех сталинских трудов»⁴³. Если смотреть на вещи легковесным и предубежденным взглядом, то можно и согласиться с мнением маститого историка советской действительности сталинской эпохи. Хотя, разумеется, лишь в известной степени. Брошюра в самом деле выдержана в строгой манере сталинского письма, где приоритет отдается не искусственной псевдонаучности и прочей «зауми», а четкости и ясности в постановке вопросов, живому анализу реальных противоречий, обобщению и доступному для понимания более или менее грамотного человека формулированию основных постулатов и выводов. Это касается, в частности, и определения ленинизма. Можно спорить по поводу того, насколько его определение полно и исчерпывающе, но едва ли подлежит сомнению, что оно выделяет наиболее существенные, главные черты ленинского учения.

Дмитрий Волкогонов. Сталин. Политический портрет. М. 1996. Книга 1. С. 221.

⁴² Роберт Такер. Сталин. Путь к власти 1879–1929. Т. 1. С. 300.

Robert Conquest. Stalin. Breaker of Nations. Weidenfeld – London. 1991. p. 112.

Критики Сталина-теоретика неизменно акцентируют внимание на слишком простом, упрощенном до примитивности (по их словам), его подходе к сложным теоретическим проблемам. У некоторых из них набор эпитетов, уничижительных по отношению к Сталину как теоретику, поражает своей однообразностью и безапелляционностью. Кажется, что они незримо соревновались друг с другом — кто выразится «круче». Например, у Волкогонова читаем: Сталин «до конца так и не разобрался в соотношении теории и метода, взаимосвязи объективного и субъективного, сути законов общественного развития». «Вульгаризация, упрощенчество, схематизм, прямолинейность, безапелляционность придали взглядам Сталина примитивно-ортодоксальный характер»⁴⁴. Еще дальше в своем рвении опорочить и принизить значение работы Сталина идет английский историк Дж. Хоскинг. Кстати, его книга по рекомендации прежних руководителей российского министерства образования стала чуть ли не основным учебником по истории советского периода. Так вот этот самый Хоскинг утверждает: «В 1924 — 25 гг. он продолжил эту работу по созданию догмы, «Основы ленинизма», опубликованные Сталиным, — это целиком выдержки из произведений покойного»⁴⁵ — имеется в виду Ленин.

Я не стану утомлять читателя цитированием подобных оценок, поскольку они в той или иной степени схожи друг с другом, иногда настолько, что возникает невольный вопрос — а не одному ли человеку они принадлежат? В каком-то смысле вопрос закономерен, поскольку ответ на него у меня есть: первоисточником этих и подобных им обличений были и остаются уничижительные отзывы и оценки, выходившие из-под пера Троцкого. Его последователи в этом вопросе (в данном случае уместно воспользоваться термином, охотно употреблявшимся самим Троцким, — эпигоны) лишь дополняли и тиражировали филиппики, обращенные против «малообразованного», «примитивного», лишенного «европейского блеска» Генерального секретаря. Как он смел вторгнуться в святая святых — сферу теории, где, мол, все места были уже забронированы его более одаренными и наделенными теоретическим талантом соперниками!

Невольно складывается впечатление, что ясность мысли и формы ее выражения почему-то из достоинства превратились в недостаток. Видимо, признаком подлинно научного подхода у подобного рода критиков явилась бы надуманная и искусственная сложность формулировок. Таких формулировок, после чтения которых приходишь не то что в недоумение, а в оцепенение. К примеру, вот как выглядит определение сталинизма, данное одним из представителей подобной же «глубоко образованной» элиты, но уже современного разлива. Статью, специально посвященную исследованию данной проблемы, он завершает следующим фундаментальным выводом несокрушимой научной убедительности: «Подводя итоги, вернемся к определению природы и телеологии сталинизма. Последний представляется нам специфической формой трансформации нетрансформативных обществ через создание типологически близких исходному теоцентристскому, но неустойчивых, саморазрушающихся социокультурных образований. Объективным содержанием сталинизма является разрушение и уничтожение исходного целого и подготовка почвы для дальнейшего эволюционного развития»⁴⁶.

⁴⁴ Дмитрий Волкогонов. Сталин. Политический портрет. Книга 1. С. 216–217.

⁴⁵ Джеффри Хоскинг. История Советского Союза. 1917 — 1991. М. 1994. С. 139.

⁴⁶ «Свободная мысль». 1993 г. № 3. С. 43.

Не знаю, как читатель, но я в этом наборе слишком заумных терминов и нанизыванием их одно на другое, толком ничего и не понял. Видимо, скажут, что я недостаточно теоретически подготовлен. Ну, что же, избави Бог нас от такой учености!

Возвращаясь к существу рассматриваемого вопроса, надо заметить: работа Сталина выполнена, конечно, не в таком ключе, образчик которого я привел выше. Не надо упускать из виду одно — она была адресована не записным теоретикам и философам, не амбициозным представителям из числа большевиков-эмигрантов, почитавших себя интеллектуальной элитой партии, а массе членов партии, прежде всего ленинского призыва. Именно к ним апеллировал Сталин, именно им он стремился привить свое понимание и толкование ленинизма, именно в них он видел своих потенциальных сторонников и единомышленников. Отсюда и методология подхода, отсюда и стиль изложения и манера письма. Словом, отсюда все то, что как раз и отличает Сталина как писателя (конечно, не в широком, а в специфическом смысле слова).

Лекции, прочитанные Сталиным в Свердловском университете, составившие этот труд, на протяжении 15 дней публиковались в газете «Правда», а затем вышли отдельным изданием. Таким образом, они получили самую широкую по тем временам известность и самую большую аудиторию. Этой работе не грозила участь быть забытой или валяться в пыли на книжных полках: она стала острым инструментом политической борьбы с оппонентами по руководству партией. Рассматривая различные определения ленинизма и давая им критическую оценку, Сталин в завуалированной форме полемизировал с Зиновьевым, Каменевым, Троцким и другими претендентами на ленинское теоретическое наследие. Этот момент следует особо выделить, поскольку он проливает свет на то, что уже тогда Сталин рассматривал столкновение с ними на политическом и теоретическом поле не просто как одну из вероятностей, а в качестве неизбежного и неотвратимого факта.

Я не стану пересказывать содержание работы Сталина, поскольку в этом нет необходимости. Позволю себе остановиться лишь на некоторых моментах, характеризующих сталинскую политическую философию на данном историческом отрезке времени. Но этому я предпослал оценку своей работы, данную самим автором почти через 15 лет после ее выхода в свет. Выступая на совещании пропагандистов Москвы и Ленинграда в 1938 году, Сталин говорил: «Я не хочу сказать, что в книге Сталина все подробно сказано. Если хорошо прочесть, не два-три раза, а десять и пятнадцать раз сочинения Ленина, то там можно будет открыть куда больше новых мыслей, установок, брильянтов, которые Ленин внес в сокровищницу марксизма. Но все-таки, книга Сталина представляет попытку изложить основные новые мысли, внесенные Лениным в сокровищницу марксизма, и в этом смысле книга, более или менее, удовлетворительная. Но это еще не значит, что для изучения ленинизма достаточно изучать «Основы ленинизма» по Сталину. Ничего подобного. Одно дело, изложить то новое, что Ленин дал в сравнении с Марксом и Энгельсом, другое дело поставить вопрос о том, как изучить ленинизм»⁴⁷.

Сталин неизменно в фокус внимания ставит революционные, так сказать, наступательные аспекты ленинизма. Он подчеркивает решительность Ленина как теоретика и практика, его бескомпромиссный дух, последовательную непримиримость к проявлениям оппортунизма со стороны вождей II Интернационала. Гибкость Ленина как политика и тактика, его готовность отступить, когда это было нужно, остаются у Сталина

⁴⁷ «Исторический архив». 1994 г. № 5. С. 10.

за кадром или же проглядывают довольно смутно. Иными словами, основной акцент делается на тех чертах ленинизма, которые созвучны всему строю политического мышления самого Сталина.

В этом свете не кажется чистой случайностью то, что актуальные вопросы реализации новой экономической политики у Сталина оказываются как бы в тени: хотя он и касается их в связи с анализом ряда последних ленинских работ, все-таки они остаются на заднем плане. В изображении Сталина смена эпохи военного коммунизма НЭПом не предстает как поистине коренной пересмотр прежнего курса большевистского руководства. А ведь Ленин еще в 1921 году подчеркивал: «Мы рассчитывали, поднятые волной энтузиазма, разбудившие народный энтузиазм сначала общеполитический, потом военный, мы рассчитывали осуществить непосредственно на этом энтузиазме столь же великие (как и общеполитические, как и военные) экономические задачи. Мы рассчитывали — или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчета — непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку»⁴⁸.

Сталин в работе «Об основах ленинизма» мало говорит об ошибках. Его внимание концентрируется на проблемах, в решении которых большевики проявили наибольшую активность и добились внушительных успехов. Удельный вес практических проблем, затрагиваемых Сталиным, довольно ограничен. Гораздо больше внимания он обращает на анализ империализма и его противоречий, причем пока еще высказывает на этот счет мысли и положения, которые ему в дальнейшем придется пересматривать или подвергать серьезной корректировке. В качестве сквозной темы, красной нитью проходящей через всю работу, звучит тема мировой революции. Причем здесь Сталин вносит кое-какие уточнения, не меняющие сути его принципиальной трактовки проблемы грядущей мировой революции: «Раньше принято было говорить о пролетарской революции в той или иной развитой стране, как об отдельной самодовлеющей величине, противопоставленной отдельному, национальному фронту капитала, как своему антиподу. Теперь эта точка зрения уже недостаточна. Теперь нужно говорить о мировой пролетарской революции, ибо отдельные национальные фронты капитала превратились в звенья единой цепи, называемой мировым фронтом империализма, которой должен быть противопоставлен общий фронт революционного движения всех стран»⁴⁹.

Вопрос о мировой революции и перспективах строительства социализма в одной, отдельно взятой стране, мною будет рассмотрен в специальном разделе, поэтому сейчас я оставляю в стороне эту проблему — одну из самых ключевых во всем теоретическом и практическом наследии Сталина. Здесь же я затрону еще несколько других проблем, раскрывающих особенности политического мышления и методологии самого Сталина. Так, при анализе диктатуры пролетариата Сталин сознательно смещает акцент на то, что эта диктатура есть не ограниченное законом и опирающееся на насилие господство пролетариата над буржуазией, пользующееся сочувствием и поддержкой трудящихся и эксплуатируемых масс. Отсюда вытекает и плохо замаскированное, мягко говоря, пренебрежение к созидательным сторонам такой диктатуры, а именно то, что она отнюдь

⁴⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 44. С. 151.

⁴⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 6. С. 96.

не исчерпывается только насилием, но и включает в себя много элементов конструктивного взаимодействия и сотрудничества с другими классами, в том числе и с частью поверженного господствовавшего класса. Не надо большого воображения, чтобы понять: столь однолинейное и одностороннее понимание и толкование диктатуры пролетариата оказало колоссальное — и отнюдь не созидательное — воздействие на всю сумму сталинских политических воззрений и сталинскую практику последующих лет.

Бросается в глаза и явная недооценка и принижение методов парламентской борьбы. Сталин писал: «Разве история революционного движения не показывает, что парламентская борьба является лишь школой и подспорьем для организации внепарламентской борьбы пролетариата, что основные вопросы рабочего движения при капитализме решаются силой, непосредственной борьбой пролетарских масс, их общей забастовкой, их восстанием?»⁵⁰ Взятое само по себе, в контексте тех исторических условий, это положение, очевидно, и было справедливым. Но, рассматривая проблему в более широкой исторической перспективе, а тем более в теоретическом аспекте, слишком однобоко и прямолинейно придавать парламентской борьбе второстепенное значение — было равносильно ее серьезной недооценке. Вообще Сталин чуть ли не с начала своей революционной деятельности проявлял нескрываемый скептицизм в отношении как парламентаризма в целом, так и парламентской борьбы, в частности. Это просматривается во всех его работах, а не только в данном труде.

Гораздо более содержательным и аргументированным предстает раздел о национальном вопросе. Здесь Сталин, хотя и не внес каких-либо принципиально новых идей и положений, тем не менее четко и с расстановкой нужных акцентов осветил основополагающие взгляды большевиков в национальном вопросе. Особенно ценным мне представляется то, что он как бы вернул из забвения глубокую по смыслу мысль Ф. Энгельса — «не может быть свободным народ, угнетающий другие народы»⁵¹. Через несколько десятилетий, когда после смерти Сталина углубился кризис в социалистическом лагере, эта формула превратилась в мощное оружие в руках тех сил, которые рассматривали свои страны как угнетенные Советским Союзом. Но это все будет еще впереди. В данном же случае возрождение формулы Энгельса было явлением важным со всех точек зрения.

Явно слабым местом работы «Об основах ленинизма» являются те пассажи, где автор пытался строить какие-то политические прогнозы. Видимо, он полагал, что без такого долгосрочного политического прогнозирования его труд будет выглядеть несколько ущербным, лишенным элементов дара провидения. А именно этому моменту большевики все время придавали исключительное значение, приписывая теории марксизма некие провиденциальные качества. И Сталин, размышляя о том, где «прорвется цепь» империалистического фронта, т. е. где произойдет революция в ближайшей перспективе, пришел к совершенно парадоксальному заключению. Здесь я позволю себе привести довольно обширную выдержку из его работы, характеризующую слабость Сталина как пророка будущих революционных потрясений (опять-таки на тот исторический отрезок времени!) «Где прорвется цепь в ближайшем будущем? Опять-таки там, где она слабее. Не исключено, что цепь может прорваться, скажем, в Индии. Почему? Потому, что там имеется

⁵⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 6. С. 84.

И. В. Сталин. Соч. Т. 6. С. 146.

молодой боевой революционный пролетариат, у которого имеется такой союзник, как освободительное национальное движение, — несомненно большой и несомненно серьёзный союзник. Потому, что перед революцией стоит там такой, всем известный, противник, как чужеземный империализм, лишённый морального кредита и заслуживший общую ненависть угнетённых и эксплуатируемых масс Индии.

Вполне возможно также, что цепь может прорваться в Германии. Почему? Потому, что факторы, действующие, скажем, в Индии, начинают действовать и в Германии, при этом понятно, что громадная разница в уровне развития, существующая между Индией и Германией, не может не наложить своего отпечатка на ход и исход революции в Германии»⁵²

Чтобы читателю была ясна вся некорректность данного политического прогноза, нужно напомнить, что именно в этот исторический отрезок времени на авансцену национально-освободительной борьбы выступал Китай, а отнюдь не Индия, где, хотя и происходили массовые выступления против английского колониализма, но их характер был отнюдь не боевой. А скорее окрашенный в цвета учения Ганди о ненасильственном сопротивлении. В такой обстановке прогнозировать взрыв революции и даже ее победу в Индии было равносильно благому, но несбыточному пожеланию.

Еще меньше оснований имелось рассматривать Германию в качестве такого слабого звена в цепи империализма. Очевидно, Сталин, как и партия большевиков в целом, еще находились под эйфорическими парами революционных выступлений в Германии осенью 1923 года. Поражение этих выступлений они рассматривали как некий временной перерыв в общей динамике развития революционного процесса в этой стране. А действительное положение там характеризовалось совершенно иными тенденциями развития. Словом, Сталин в этой своей работе не обнаружил столь желанные для него и столь ценимые в большевистских верхах качества политического провидца. Хотя в виде не оправдания, а объяснения, нужно сказать, что это были фактически его первые шаги на данном поприще.

И, наконец, чтобы поставить точку в сюжете, касающемся «Основ ленинизма», следует отметить, что наиболее фундаментальным, четко построенным и хорошо аргументированным оказался раздел «Стратегия и тактика». Здесь автор проявил себя как тонкий знаток важнейших законов и канонов политической стратегии и тактики и изложил их лаконично и убедительно. Кстати сказать, именно блестящее понимание фундаментальных основ политической стратегии и тактики, четкое разграничение между ними, уяснение вопросов, связанных с применением этих основ на практике, — все это, по моему мнению, явилось одной из важнейших предпосылок дальнейших побед Сталина над его политическими соперниками. В более широком смысле — владение им законами стратегии и тактики сыграло свою колоссальную роль в период Великой Отечественной войны, когда он являлся Верховным главнокомандующим.

В арсенале пропагандистских средств не только рассматриваемого периода, но по существу всего времени, когда Сталин находился у власти, работа «Об основах ленинизма» занимала особо видное место. Именно на ее базе давалось истолкование важнейших положений марксизма-ленинизма. И отнюдь не случайно в официальной биографии вождя ей давалась непомерно высокая оценка: «Исключительно большое значение в деле идейного разгрома троцкизма, в деле защиты, обоснования и развития ленинизма имела

⁵² И. В. Сталин. Соч. Т. 6. С. 98.

теоретическая работа Сталина «Об основах ленинизма», вышедшая в 1924 году. Эта работа является мастерским изложением и глубоким теоретическим обоснованием ленинизма... В этой работе дано изложение основ ленинизма, т. е. того нового и особенного, что связано с именем Ленина, что внес Ленин в развитие марксистской теории. Уже одно это обстоятельство, что было дано такое обобщение вопросов ленинизма, что все идейное содержание ленинского наследства было собрано и рассмотрено под углом зрения новой исторической эпохи, означало гигантский шаг вперед в развитии науки марксизма-ленинизма. Все вопросы ленинского учения подняты в этой работе на огромную принципиальную высоту»⁵³.

Сжатое рассмотрение важнейших положений данной работы Сталина убеждает в том, что она действительно представляла собой четкое, лапидарное и доходчивое изложение принципиальных подходов Ленина к вопросам революции и борьбы за власть. И это — несомненное достоинство указанного труда Сталина. Вместе с тем беспристрастный взгляд на нее не позволяет отнести данную работу к вершинам интеллектуального творчества автора. Серьезного развития марксистско-ленинского учения в ней не содержится. Видимо, в то время и сам автор не претендовал на какой-то особый собственный вклад в ленинскую теорию. Он ставил перед собой прежде всего задачи политического просвещения, с которыми, как мне представляется, успешно справился. Но что необходимо специально подчеркнуть, так это то, что Сталин публикацией своего труда в немалой степени укрепил как свой общеполитический авторитет, так и престиж не только практика и организатора партийной работы, но и незаурядного теоретика, владеющего всеми разделами марксистско-ленинского учения. Кстати сказать, в рассматриваемый период сам термин марксизм-ленинизм употреблялся не столь уж часто. На вооружении был ленинизм, и именно вокруг интерпретации ленинизма шли настоящие баталии между Сталиным и его соперниками по партийному руководству. Лишь значительно позже в обиход в качестве емкого и единого понятия был внедрен термин марксизм-ленинизм. На том этапе вся партийная масса получала идеологическую обработку (или, как говорили тогда, идейную закалку) на базе сталинских основ ленинизма. И в этом смысле данная работа, несомненно, может быть охарактеризована как крупная веха в политической биографии вождя.

И чтобы поставить точку в сюжете, посвященном работе Сталина «Об основах ленинизма», отмечу, что завершается она разделом о стиле в работе. В нем автор определяет необходимый большевикам стиль как сочетание русского революционного размаха с американской деловитостью. Характеризуя достоинства и недостатки обоих этих стилей, Сталин, в частности, указывает, что «...американская деловитость имеет все шансы вырождаться в узкое и беспринципное делячество, если её не соединить с русским революционным размахом. Кому не известна болезнь узкого практицизма и беспринципного делячества, приводящего нередко некоторых «большевиков» к перерождению и к отходу их от дела революции? Эта своеобразная болезнь получила своё отражение в рассказе Б. Пильняка «Голый год», где изображены типы русских «большевиков», полных воли и практической решимости, «фукцирующих» весьма «энергично», но лишённых перспективы, не знающих «что к чему» и сбивающихся, ввиду этого, с пути революционной

⁵³ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М. 1947. С. 98–99.

работы»⁵⁴. Заметим, что автор ссылается на Б. Пильняка, ставшего в 30-е годы жертвой репрессий. Ссылка на него осталась неизменной и тогда, когда имя писателя исчезло из обихода. Ссылается Сталин в этой работе также и на И. Эренбурга, что безусловно свидетельствует о его стремлении придать своему произведению более живой, связанный с реалиями текущей жизни, колорит. На мой взгляд, ссылки генсека вообще в его работах на тех или иных советских писателей не служат неизменным показателем того, что он испытывал какие-то чувства пристрастия к ним, выделял их из числа других. Просто сами эпизоды и сюжеты казались ему подходящими.

3. Новая фаза борьбы за власть

Первые недели после смерти Ленина характеризовались стремлением всех противоборствовавших сил поддерживать если не реальное единство и сплоченность руководства, то хотя бы хотя бы их видимость. С точки зрения обстановки для всех сторон было бы крайне невыгодно и опрометчиво сразу же после смерти вождя демонстрировать перед всем миром, и прежде всего в глазах членов партии отсутствие единства и борьбу за политическое наследство вождя. Возобновление открытой политической борьбы, вне всякого сомнения, дискредитировало бы все участвующие в нем силы. При этом, конечно, помимо этого общего соображения каждая из сторон руководствовалась своими собственными резонами. Троцкий еще не оправился от удара, обрушившегося на него в прошедшей партийной дискуссии, и, как говорится, зализывал причиненные ему раны. Зиновьев и Каменев, видимо, чувствовали себя на коне, поскольку, политические позиции Сталина, как они полагали, серьезно ослаблены последними письмами Ленина, в первую очередь его завещанием. Это завещание, считали они, поможет держать генсека на короткой узде и заставит его быть послушным их воле. В конце концов все козыри в предстоявшей политической схватке, казалось, находились в их собственных руках, и в Сталине они нуждались лишь временно, постольку, поскольку он им был нужен в качестве противовеса в незавершившейся еще окончательным финалом борьбе с Троцким.

Сталин также проявлял сдержанность и осторожность, помноженные на железную выдержку. Он отдавал себе отчет в том, что при неблагоприятном для него развитии ситуации ленинский совет снять его с поста генсека мог быть воплощен в жизнь на предстоявшем XIII съезде партии. Поэтому на первый план, естественно, выдвигались задачи сплочения своих сторонников и умелого политического маневрирования. Мне кажется, что в глубине души он сознавал, что партия в сложившейся обстановке не пойдет на его смещение с поста генсека, тем более, что никого конкретно взамен Ленин и не предлагал. Его же собственные позиции к тому времени значительно укрепились, и с этим фактом приходилось считаться всем, кто не жил одними лишь иллюзиями. Логика политической борьбы сурова, в чем-то она напоминает известную теорию Дарвина о межвидовой борьбе в ходе естественного отбора. Согласно теории Дарвина, внутривидовая борьба по своей интенсивности даже превосходит межвидовую борьбу. Так вот, внутрипартийная борьба в данной аналогии может быть с полным правом отнесена к внутривидовой борьбе в виду своей особой ожесточенности и бескомпромиссности.

⁵⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. 6. С. 188.

Сталин, как уже отмечалось выше, обладал богатым опытом внутрипартийных баталий, бесспорно, проявив себя в них умелым стратегом и тактиком. Его тогдашние непосредственные соперники явно недооценивали как реальные, так и потенциальные способности своего оппонента. И подспудно борьба внутри дышавшей уже на ладан «тройки» продолжалась. Здесь хочется воспользоваться словами Щедрина из его бессмертного сочинения для характеристики этого противостояния: «Видимых фактов было мало, но следствия бесчисленны»⁵⁵.

Действительно, на политической сцене разыгрывалась одна постановка, а за кулисами — совсем другая. Некоторое представление об этом дает следующий факт. Незадолго до открытия съезда партии в майские праздники 1924 года на своей даче, в тесном кругу Сталин, по свидетельству Томского, весьма грубо осадил Зиновьева, пытавшегося играть первую скрипку в союзе трех: Сталина, Каменева и Зиновьева. Последний, увлекшись лидерством в Коминтерне, не спросив Сталина, явочным порядком провел его в свои заместители⁵⁶. Сталин при всей своей осторожности счел необходимым поставить Зиновьева на место, поскольку даже чисто формальное назначение генсека заместителем Зиновьева в совершенно ином свете представляло бы реальный расклад сил в триумvirате. Кроме того, Сталин с полным на то основанием полагал, что пост Генерального секретаря ЦК партии неизмеримо выше, чем во многом декоративный и формальный пост председателя Исполкома Коминтерна, который тогда занимал Зиновьев. Видимо, последний мнил себя новым вождем мирового пролетариата в силу занимаемого поста.

XIII съезд партии (май 1924 года). Однако Сталин не форсировал развитие событий и искусственно не приближал процесс неотвратимого распада «тройки». Он проявлял необходимую выдержку и терпение и шел даже на определенные, причем существенные, уступки своим контрагентам. Так, с его согласия основным докладчиком на предстоявшем съезде партии стал Зиновьев, которому был поручен Политический отчет ЦК. Сталин же, как и на XII съезде, должен был выступить с Организационным отчетом ЦК. Открывал же съезд вступительной речью третий член «руководящего ядра» — Каменев.

За рамки предмета моего рассмотрения выходит анализ работы XIII съезда партии, поскольку этот вопрос вкратце был освещен в первом томе. Я буду касаться лишь тех его аспектов, которые имеют прямое отношение к Сталину и его позиции по тем или иным важным вопросам. Прежде всего надо подчеркнуть, что он, несомненно, как руководитель секретариата ЦК и непосредственный начальник всех заведующих отделами оказывал непосредственное влияние на выбор контингента делегатов. Делалось это, разумеется, не прямо, а через соответствующие губернские партийные комитеты. Некоторые историки, исходя из этого посыла, склонны считать, что Сталин чуть ли определил состав делегатов съезда, столь важного для его будущей политической карьеры, а фактически для его политического выживания. На мой взгляд, такая точка зрения весьма далека от действительности: обстановка в партии и стране была не такой, чтобы генсек мог по своему усмотрению решать вопрос о выборе того или иного делегата. Хотя его власть и была достаточно велика и постоянно возрастала, но пределы ей ставили сама обстановка в партии, наличие влиятельных группировок внутри руководства, отнюдь не плясавших под

М. Е. Щедрин. История одного города. М. 1984. С. 130.

* Трудные вопросы истории. Под ред. В. В. Журавлева. М. 1991. С. 75.

дудку Сталина. Словом, не надо путать разные времена и эпохи, и возможности более позднего Сталина распространять на Сталина того периода, о котором сейчас идет речь.

Но показательным моментом отношения делегатов съезда к Сталину можно считать следующий штрих, отмеченный в стенограмме заседаний. Когда председательствующий Каменев предоставил слово для политического доклада Зиновьеву, то в зале, как зафиксировали стенографистки, раздались продолжительные аплодисменты. Когда тот же председательствующий в тот же день, но только вечером, предоставил слово для организационного отчета ЦК Сталину, в зале раздались, как опять беспристрастно зафиксировали стенографистки, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию⁵⁷. Казалось бы, незначительный, вроде бы микроскопический нюанс, но на самом деле он скрывал в себе подлинное отношение делегатов к обоим этим фигурам первого ряда в тогдашней большевистской иерархии. Данный эпизод, конечно, не стоит преувеличивать, но и пренебрегать им также неверно. Он однозначно свидетельствовал о возросшем престиже генсека и определенном настрое делегатов в отношении него. Хотя справедливости ради, следует отметить, что делегаты, как можно судить на основании документов и материалов, еще не были ознакомлены с текстом ленинского завещания.

Я несколько нарушу хронологию и остановлюсь сейчас на том, какова была судьба ленинского завещания и каковы были те причины, которые побудили делегатов проигнорировать совет Ленина и оставить Сталина на посту Генерального секретаря. В первом томе эта проблематика в основном освещена. Здесь необходимы лишь определенные дополнения, уточнения и пояснения, дающие возможность полнее представить себе суть проблемы, ставшей целой вехой в политической судьбе Сталина. Согласно официальной историографии КПСС, «ленинское письмо было обсуждено по делегациям XIII съезда РКП(б). Учитывая условия обострившейся тогда внутри РКП(б) и в международном коммунистическом движении борьбы с троцкизмом, важную роль Сталина в отражении атак оппортунистов на ленинизм, его авторитет в партии и надеясь, что он учтет критические замечания Ленина, делегаты высказались за оставление Сталина на посту Генерального секретаря ЦК РКП(б).

Поскольку письмо Ленина предназначалось только для съезда, было решено его не публиковать»⁵⁸.

Интересно в этой связи обратить внимание читателя на то, как этот же самый вопрос трактовался в официальной истории КПСС, но изданной в период нахождения у власти Н. Хрущева. Несмотря на критику культа личности Сталина в тот период, официальная партийная историография, стремясь соблюсти хоть какой-то баланс и определенную степень исторической объективности, вынужденно констатировала: «Обсудив письмо В. И. Ленина, делегации, приняв во внимание заслуги И. В. Сталина, его непримиримую борьбу с троцкизмом и другими антипартийными группировками, высказались за оставление его на посту Генерального секретаря с тем, однако, чтобы И. В. Сталин учел критику его В. И. Лениным и сделал из нее необходимые выводы. Партия учитывала, что троцкисты направляли свой огонь особенно против И. В. Сталина, который твердо и последовательно защищал ленинизм. В этих условиях освобождение И. В. Сталина от поста

⁵⁷ Тринадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 36, 110.

⁵⁸ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Книга первая. С. 331–332.

Генерального секретаря ЦК могло быть использовано троцкистами во вред партии, марксизму-ленинизму, во вред строительству социализма в СССР»⁵⁹

Сопоставляя эти две оценки, существенно различающиеся по своему духу и содержанию, невольно вспоминаются слова Джорджа Байрона:

«Так вот каков истории урок:
меняется не сущность, только дата»⁶⁰.

В разные времена одна и та же мелодия звучит по-разному. Даже в исполнении одних и тех же музыкантов. Это наглядно продемонстрировала вся советская историческая наука и историография. По таким же конъюнктурным партитурам исполняются исторические этюды и многими современными российскими историками.

Но вернемся к нити прерванного изложения.

Во-первых, хотя вопрос о судьбе ленинских документов и возможных выводов из них и обсуждался на пленуме ЦК, состоявшемся 21 мая 1924 г. накануне открытия съезда партии, как представляется, он не принял и не был правомочен принимать решение относительно участи самих документов и в первую очередь судьбы Сталина на посту генсека. Бытующие на сей счет версии (как, например, Троцкого, Бажанова, Радека и др.) едва ли могут считаться вполне достоверными, а потому и полностью надежными. Особенно это относится к Бажанову — бывшему техническому секретарю Политбюро. На мой взгляд, конечно, не исключено (и даже наверняка было) предварительное обсуждение вопроса в рамках «тройки», а, возможно, и в более широком составе. Результатом такого обсуждения могло быть общее решение о том, чтобы оставить Сталина на посту генсека. Однако это не равнозначно тому, что пленум ЦК — единственно правомочный решать данный вопрос — принимал по нему какое-то решение.

Во всяком случае, видимо, в целях большей объективности стоит привести версию Троцкого, изложенную им в начале 30-х годов, когда он уже находился в изгнании. Троцкий писал: «К этому времени партийный аппарат был полуофициально в руках тройки (Зиновьев, Каменев, Сталин), фактически же в руках Сталина. Тройка решительно высказалась против оглашения Завещания на съезде, мотивы понять нетрудно. Крупская (в эти дни она передала документы, продиктованные Лениным во время его болезни в ЦК партии — Н. К.) настаивала на своем. В этой стадии спор происходил за кулисами. Вопрос был перенесен на собрание старейшин съезда, т. е. руководителей провинциальных делегаций. Здесь о Завещании впервые узнали оппозиционные члены Центрального Комитета, в том числе и я. После того, как было постановлено, чтобы никто не делал записей, Каменев приступил к оглашению текста. Настроение аудитории действительно было в высшей степени напряженным. Но, насколько можно восстановить картину по памяти, я сказал бы, что несравненно больше волновались те, которым содержание документа уже было известно. Тройка внесла через одного из подставных лиц предложение, заранее согласованное с провинциальными главарями: документ будет оглашен по отдельным делегациям, в закрытых заседаниях; никто не смеет при этом делать записи: на пленуме съезда на Завещание нельзя ссылаться. Со свойственной ей мягкой настойчивостью Крупская доказывала, что это есть прямое нарушение воли Ленина, которому нельзя отказать в праве довести свой последний совет до сведения партии. Но

⁵⁹ История Коммунистической партии Советского Союза. М. 1960. С. 363.

⁶⁰ Джордж Гордон Байрон. Библиотека Всемирной литературы. Т. 67. М. 1972. С. 169.

связанные фракционной дисциплиной члены Совета старейшин оставались непреклонны: подавляющим большинством прошло предложение тройки»⁶¹.

Что можно сказать в связи с представленной версией Троцкого? Она оставляет впечатление правдоподобия, хотя некоторые моменты и вызывают сомнение. Едва ли сам Троцкий или его сторонники оставались в полном неведении относительно ленинских пожеланий. Как-то с трудом в это верится, учитывая тогдашнюю обстановку в партийных верхах. Ссылка Троцкого на фракционную дисциплину в данном случае звучит не вполне убедительно. Скорее всего, представители делегаций исходили из более глубоких соображений, поскольку понимали, что предание гласности в тот период (через несколько месяцев после смерти вождя) резких критических замечаний в адрес практически всех ведущих членов партийного руководства способно взорвать атмосферу мнимого партийного единства и сплоченности, о чем трубила вся пропаганда. Иными словами, соображения политической целесообразности, а не какой-то фракционной дисциплины сыграли здесь решающую роль. Хотя, конечно, и фракционная дисциплина, к которой пытался все свести Троцкий, не была фактором второстепенного значения.

Во-вторых, фабула развития событий вокруг данной проблемы примерна такова. Те, кто поддерживал Сталина, решили, что в результате обсуждения писем Ленина на делегациях ситуация станет более определенной, поскольку они рассчитывали (и не без оснований) на то, что большинство (если не все) делегаций выскажется в пользу оставления Сталина на его посту. А затем, уже на пленуме вновь избранного состава ЦК, которому предстояло рассмотреть этот вопрос, будет принято формальное и окончательное решение в пользу Сталина. Так, собственно, и произошло. Сценарий, как говорится, был заранее отработан и потому сработал безотказно. Имеющиеся в распоряжении историков документы свидетельствуют о широкой и безусловной поддержке всеми делегациями идеи оставления Сталина на прежнем посту. Протоколы некоторых из этих заседаний имеются в распоряжении историков. Некоторые из них цитируются в книге В. Сахарова. Так что, учитывая данное обстоятельство, едва ли стоит сильно преувеличивать роль Зиновьева и Каменева в определении политического будущего Сталина на том поистине историческом для его судеб разломе эпох. Хотя, конечно, вообще отрицать их активную роль в решении вопроса в пользу Сталина было бы неверно. Это противоречило бы истинному ходу событий. Зиновьеву и Каменеву Сталин был нужен не меньше, чем они Сталину. В нем они видели свою главную опору в борьбе против Троцкого, борьбе, к тому времени немного затухшей, но неминуемо грозившей принять масштабы грандиозного политического сражения.

Примерно такого же мнения придерживается и биограф Сталина А. Улам. В написанной им биографии генсека, выдержанной в сравнительно объективных тонах, он писал: «Для Зиновьева и Каменева он был необходимым союзником. Кто же будет контролировать Троцкого и оппозицию? Троцкий не хотел ухода Сталина, поскольку власть тогда перейдет в руки сторонников Зиновьева — Каменева. Другие члены (ЦК — Н. К.) желали сохранения спокойствия в партии. И в итоге Сталин был оставлен генсеком»⁶².

Короче говоря, временное совпадение интересов личной борьбы за власть и явилось общей платформой для объединения Сталина, Зиновьева и Каменева на съезде партии. Однако, если не скользить по поверхности событий и не сводить все исключительно к

⁶¹ *Лев Троцкий. Портреты революционеров*. М. 1991. С. 268–269.

⁶² *Adam B. Ulam. Stalin. The man and his era*. p. 239.

личным расчетам и взаимоотношениям в рамках пресловутого «руководящего ядра», то напрашивается более основательный вывод. И он состоит в том, что Сталин оказался наиболее подходящей политической фигурой, чтобы осуществлять тот стратегический курс, который не завел бы страну в лабиринт без выхода, т. е. в тупик. В его лице партийный аппарат (не только в центре, но и на местах) видел деятеля, способного осуществлять твердое руководство, исходя из коренных интересов страны и ориентируясь не только на требования момента, но и долгосрочную историческую перспективу.

В свете сказанного вполне убедительной мне представляется следующая оценка, сделанная В. Сахаровым в его книге о Завещании Ленина: «Победу Сталина на XIII съезде РКП(б) обеспечило осознание поляризации политических сил в преддверии обострения внутрипартийной борьбы по принципиальным вопросам политики, от которых будет зависеть судьба социалистической революции. Делегаты продемонстрировали ясное понимание того, что в лице Сталина партия имеет лидера, который выказал способность решать самые сложные политические проблемы. Все это обесценивало упреки в излишней грубости, недостаточной вежливости и т. д. На открыто поставленный вопрос был дан вполне определенный ответ, подтвердивший политическое доверие Сталину как преемнику Ленина»⁶³.

И чтобы поставить точку (а, возможно, только запятую, поскольку данная тема, как непотопляемый предмет, еще не раз будет всплывать в ходе нашего повествования о политической жизни Сталина), напомним, что на первом же пленуме ЦК Сталин подал прошение об отставке, но оно было отклонено*. Обозревая в более широком плане судьбу ленинского завещания в сталинскую эпоху, надо констатировать следующее: ни в одной биографии Сталина и в литературе, посвященной ему, вопрос о ленинском завещании никогда не фигурировал. Это завещание существовало как некий фантом — о нем кое-кто кое-чего слышал, но не видел его, как будто его в природе и не существовало. Вполне понятно и объяснимо, что официальные биографы Сталина вообще никогда не касались столь щекотливой проблемы. И этому есть объяснение: фигура вождя всегда должна была выглядеть безупречной со всех точек зрения. ореол самого верного и самого близкого соратника Ленина никак не совмещался с существованием какого-то критического по отношению к Сталину ленинского завещания. Это, так сказать, официальный облик вождя, который, конечно, же утрачивал весь свой непогрешимый ореол, если бы ему в строку ставилось завещание Ленина.

Здесь, как говорится, все стоит на своих местах и все поддается логическому объяснению. Но историю, как свидетельствует она сама, обмануть невозможно, и в этом любая, даже всесильная власть оказывается бессильной. Имелись многочисленные публикации сталинских статей и документов, в которых тема завещания затрагивалась в различных аспектах. Их-то невозможно было изъять из оборота. И вполне естественно, что они вошли (хотя бы в несколько препарированном виде) в официальное издание собрания сочинений Сталина. Каждый мог, обратившись к ним, удовлетворить свою любознательность или свой интерес к жгучей, полузакрытой проблеме. В библиотеках имелись и стенографические отчеты и протоколы съездов партии, в которых в той или иной форме рассматривалась эта проблематика. Сошлюсь в данном случае на свой собственный опыт.

⁶³ В. А. Сахаров. "Политическое завещание" Ленина. С. 586.

* Подробнее об этом см. Том 1-й данного издания. С. 662.

В 1950 или в 1951 году (не позднее!) сам я лично с огромным интересом читал в республиканской библиотеке города Владикавказа (тогда он назывался Дзауджикау) стенографический отчет XIV съезда партии, а также выходившие в то время тома сочинений Сталина, где, как уже показано выше, тема смещения Сталина с поста генсека нашла свое довольно полное освещение.

Вот почему у меня (и, видимо, не только у меня) вызывают удивление (а скорее возмущение) набившие оскомину разглагольствования тех, кто утверждают, что чуть ли не за одно упоминание (не говоря уже о чтении) завещания люди могли поплатиться жизнью. Все это, мягко говоря, далеко от правды. Но эту мысль усиленно протаскивали и протаскивают на протяжении многих десятилетий в силу то ли своей собственной неосведомленности, то ли злонамеренно (что больше отвечает истине). Конечно, я своим рассуждением не хочу сказать, что завещание было чуть не бестселлером и о нем «трепались» на каждом углу. Отнюдь нет! Его предпочитали читать (пусть и в сокращенном сталинском изложении), но не рассуждать о нем публично. Этого не было и не могло быть по природе вещей — точнее — по природе сталинской эпохи.

Но зачем извращать правду и нести всякую околесицу? Зачем пугать страшилками? Ведь и без всяких таких «штучек» людям ясно, что сталинский режим был суровым и порой чрезвычайно жестоким. Мелкая фальсификация не способна сделать его в глазах обывателя ни более мягким, ни более бесчеловечным. Каким он был, таким и вошел в историю. И при освещении истории этого периода не стоит прибегать к мелкотравчатым уловкам и передержкам, помноженным на сильное преувеличение.

Однако я несколько отвлекся от основной нити изложения. Анализируя условия и обстоятельства, сопряженные с эвентуальной отставкой Сталина с его уникального по важности поста, я не стремился к тому, чтобы у читателя возникло ложное впечатление, будто положительное решение вопроса об оставлении Сталина на посту генсека явилось делом рутинным, заранее предопределенным и чуть ли неотвратимым. Конечно, это не так. Была серьезная подспудная борьба, и в этой борьбе Сталин оказался победителем, победителем, который в известной мере сам предопределил исход борьбы в свою пользу. Он сумел создать необходимые политические, идейные и организационные предпосылки, чтобы такая победа из возможности превратилась в действительность. Одним из условий, обеспечивших это, стал определенный пересмотр устоявшихся во время болезни Ленина методов руководства. Вначале триумvirат в лице Сталина, Зиновьева и Каменева если не решал, то фактически предreshал все сколько-нибудь важные вопросы, то со временем Сталин стал сознавать, что рамки этого триумvirата начинают сковывать его активность, тормозят, а то и блокируют процесс постепенной консолидации власти в его руках. И уже в ходе XIII съезда в своем докладе по организационным вопросам он счел нужным сделать следующее замечание: «...в губернских комитетах, и особенно в ЦК партии, за этот год произошло перемещение центра тяжести в работе от бюро или президиумов к пленумам. Раньше пленумы ЦК передоверяли Политбюро решение основных вопросов. Нынче этого уже нет. Нынче основные вопросы нашей политики и нашего хозяйства решаются пленумом. Посмотрите порядок дня наших пленумов, стенограммы, которые раздаются всем губкомам, и вы поймёте, что центр тяжести от Политбюро и Оргбюро переместился к пленуму. Это очень важно в том смысле, что на пленуме у нас собирается человек сто — сто двадцать (это — члены ЦК и ЦКК и кандидаты к ним), и ввиду перемещения центра к

пленуму пленум превратился в величайшую школу выработки лидеров рабочего класса, политических руководителей рабочего класса. На наших глазах растут и расцветают новые люди, завтрашние руководители рабочего класса...»⁶⁴

За этим внешне непримечательным пассажем скрывалась, если так можно выразиться, настоящая бомба под Зиновьева и Каменева. В сущности генсек официально перед лицом съезда провозгласил курс на ликвидацию «тройки» как «руководящего ядра». Ни Зиновьев, ни Каменев формально ничего не могли возразить против линии на расширение полномочий пленумов ЦК, поскольку и Политбюро, и Оргбюро, и Секретариат являлись учреждениями, подотчетными пленуму, который как бы делегировал этим органам часть своих полномочий. И то на определенных условиях, на определенный срок и в известных пределах. Поскольку позиции Сталина в рамках пленума ЦК не только не уступали позициям Зиновьева и Каменева, и поскольку партийный аппарат в центре и на местах все больше переходил под реальный надзор, а затем и контроль самого Генерального секретаря, такая перегруппировка в структуре власти в полной мере отвечала его устремлениям и планам. Сталина тяготили его бывшие союзники, ибо главный на тот период противник — Троцкий — был если не в политической изоляции, то все же серьезно потрепан.

Вместе с тем напрашивается еще одно замечание, причем не второстепенного, а решающего значения. Выступая и по форме, и по существу за определенное перераспределение реальных рычагов власти в пользу выборных органов, генсек, однако, таил в себе скрытую мысль, что предпринятый им шаг носит, строго говоря, временный характер и продиктован исключительно соображениями борьбы против Зиновьева и Каменева. В дальнейшем, мол, когда ситуация разрешится безоговорочно в его пользу, данное решение можно будет пересмотреть, если не формально, то фактически, на практике. А Улам не без оснований замечает по этому поводу: «Иерархия секретариата должна была быть под его контролем до такой степени, чтобы даже без него она следовала его директива»⁶⁵.

На самом съезде Троцкий и его сторонники выступили с речами, содержащими самооправдания и критику проводившегося в стране курса. Эти выступления являли собой не наступательный натиск, а скорее походили на арьергардные бои. Слишком силен был нанесенный им в предшествующие месяцы удар. Однако Сталин не преминул воспользоваться моментом, чтобы, используя слабые места троцкистской оппозиции и ее явные стратегические и тактические промахи на тот момент, нанести по ним ряд чувствительных ударов. Тем паче, что сам Троцкий дал ему аргументы против себя.

В речи на съезде, желая продемонстрировать свое показное миролюбие и готовность выполнять партийные решения, он, в частности, сказал:

«Товарищи, никто из нас не хочет и не может быть правым против своей партии. Партия в последнем счете всегда права, потому что партия есть единственный исторический инструмент, данный пролетариату для разрешения его основных задач. Я уже сказал, что пред лицом партии нет ничего легче, как сказать: вся эта критика, все заявления, предупреждения и протесты, — все это было сплошной ошибкой. Я, товарищи, однако, этого сказать не могу, потому что этого не думаю. Я знаю, что быть правым против

⁶⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. 6. С. 209–210.

⁶⁵ Adam B. Ulam. Stalin. The man and his era. p. 242.

партии нельзя. Правым можно быть только с партией и через партию, ибо других путей для реализации правоты история не создала. У англичан есть историческая пословица: права или не права, но это моя страна. С гораздо большим историческим правом мы можем сказать: права или не права в отдельных частных конкретных вопросах, в отдельные моменты, но это моя партия»⁶⁶.

Сталин, будучи опытным и искусным полемистом, сразу же уловил слабое место в логике рассуждений Троцкого. Ведь он прекрасно понимал, что за мнимой готовностью Троцкого признать свою неправоту (хотя бы чисто условно, в форме английского афоризма) скрывается не что иное, как желание фактически «продать» свою линию, доказать, что в конце концов прав он, и что единственный выход из многочисленных хозяйственных и иных трудностей, которые переживала страна, состоит в принятии нового курса Троцкого.

Генсек сразу раскусил тактику Троцкого и подверг его жесткой критике по многим параметрам. По поводу «вечной невинности» (правильнее было бы сказать — невинности — но первое звучит сильнее!) партии Сталин прочел Троцкому, а попутно и своим временным союзникам по «тройке», нечто вроде элементарного нравоучения. «...Партия, — говорит Троцкий, — не ошибается. Это неверно. Партия нередко ошибается. Ильич учил нас учить партию правильному руководству на её собственных ошибках. Если бы у партии не было ошибок, то не на чем было бы учить партию. Задача наша состоит в том, чтобы улавливать эти ошибки, вскрывать их корни и показывать партии и рабочему классу, как мы ошибались, и как мы не должны в дальнейшем эти ошибки повторять. Без этого развитие партии было бы невозможно. Без этого формирование лидеров и кадров партии было бы невозможно, ибо они формируются и воспитываются на борьбе со своими ошибками, на преодолении этих ошибок. Я думаю, что такого рода заявление Троцкого является некоторым комплиментом с некоторой попыткой издёвки, — попыткой, правда, неудачной»⁶⁷.

Стоит, очевидно, заметить, что постановка вопроса о том, что партии, как и люди (ведь и партии состоят из людей) ошибаются, дала основание некоторым антикоммунистически настроенным биографам Сталина высказать несколько положительных слов в адрес «ненавистного тирана». Так, Р. Конквест писал: «Еще одной особенностью, которой подход Сталина и даже стиль его речи, отличались от большинства других, было отсутствие (на практике, если не в публичных выступлениях) экстравагантного партийного фетишизма»⁶⁸. Иными словами, красивые тирады Троцкого о том, что партия в конечном счете права и т. д. эти историки квалифицируют довольно насмешливым и емким понятием — партийный фетишизм.

Неожиданную поддержку Сталин получил на съезде от Крупской. И это кажется даже несколько сенсационным, учитывая плохие отношения, сложившееся между ними и то обстоятельство, что грубая выходка Сталина в отношении Крупской послужила если не причиной, то мощным импульсом для написания последнего письма вождя генсеку с угрозой разрыва отношений. Крупская, конечно, в глубине души недовольная принятым решением не предавать гласности ленинские документы последнего времени, тем не менее

⁶⁶ Тринадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 158.

И. В. Сталин. Соч. Т. 6. С. 227.

⁶⁸ Robert Conquest. Stalin. p. 119.

сочла необходимым присоединиться к Сталину в его критике Троцкого. Она, встреченная *оказией* всего съезда, в своей короткой речи главный акцент сделала на необходимости прекращения дискуссии в партии и призвала сконцентрироваться на вопросах, поставленных жизнью перед партией. По поводу «всегдашней» правоты партии она заявила буквально следующее: «Тов. Троцкий говорил, что партия всегда права. Если бы это было так, если бы партия всегда была права, то не надо было бы вести таких ожесточенных дискуссий. Права партия или неправа, — это показывает жизнь. Если партия идет по неправильному пути, тогда тактика партии приводит к тому, что получается крах политики; если же партия правильно намечает линию, тогда та цель, которую ставила себе партия, оказывается достигнутой. И потому мне кажется, что совершенно правы были тов. Сталин и тов. Зиновьев, которые центром тяжести своих докладов поставили тот факт, что жизнь оправдала ту тактику, которую вел ЦК. Я думаю, что съезд должен перед лицом того факта, что мы имеем несомненный экономический подъем во всей стране, и перед лицом того факта, что рабочий класс отнесся к партии с величайшим доверием, признать политику Центрального Комитета и политику всей партии правильной»⁶⁹.

Вне всякого сомнения, эта поддержка со стороны Крупской была как нельзя кстати для Сталина, тем паче, что в узких руководящих кругах, а теперь уже и на съезде, узнали о конфликте между Лениным и Сталиным. В дальнейшем, мне кажется, эта поддержка со стороны Крупской была оценена генсеком, хотя буквально через год Крупская оказалась по одну сторону баррикад с Зиновьевым, Каменевым и Троцким в их противоборстве со Сталиным.

На съезде Сталин был избран членом ЦК. Сколько голосов при выборах в ЦК получил Сталин, — об это в стенограмме съезда ничего не говорится. В скобках следует заметить, что последний съезд партии, на котором были оглашены конкретные результаты голосования по кандидатурам, был X съезд. В дальнейшем от этого элементарного правила демократических выборов отказались. В последний раз на XII съезде председатель счетной комиссии объявил: «Товарищи, из 408 имеющих право решающего голоса приняли участие в голосовании 386. Единогласно избранным оказался только т. Ленин. (*аплодисменты.*) Затем избранными оказались следующие товарищи. (Голоса: «Огласите цифры поданных голосов!». Голоса: «Не надо!».) Председательствующий. Голосую. Кто за то, чтобы голоса не оглашать? Большинство»⁷⁰.

С тех пор такая практика стала нормой партийной жизни. В период полновластия Сталина, по мере его возвышения, она не только не претерпела существенных изменений, но и утратила всякое подобие демократии. Выборы потеряли свое истинное содержание и превратились в простой факт голосования.

На первом пленуме ЦК (июнь 1924 г.) Сталин был избран членом Политбюро и Генеральным секретарем. Обстоятельства его избрания Генеральным секретарем освещены в первом томе настоящего издания, поэтому я не стану здесь останавливаться на этом вопросе. Замечу лишь, что в состав Политбюро вместо умершего Ленина был введен Бухарин, бывший до этого кандидатом в члены ПБ. Это также усиливало позиции генсека, поскольку Бухарин в тот период выступал как активный сторонник Сталина, в особенности в его противоборстве с Троцким. В состав Секретариата, кроме Сталина, вошли его

⁶⁹ Тринадцатый съезд РКП(Б). Стенографический отчет. С. 224.

⁷⁰ Двенадцатый съезд РКП(Б). Стенографический отчет. М. 1968. С. 661.

преданные сторонники, а точнее — его протеже — Каганович, Молотов и Андреев. Пятый член Секретариата И. А. Зеленский не был сторонником генсека. Напротив, его с полным основанием рассматривали в качестве сторонника Зиновьева. Но он один как в силу своих личных качеств, так и в силу того, что был в единственном числе, не делал погоду в этом органе. Претерпел изменения и состав Оргбюро, которое в то время играло заметную роль в подборе и расстановке партийных кадров как в центре, так и на местах. Однако и в этой партийной инстанции позиции Сталина были доминирующими⁷¹.

Резюмируя, можно с полным основанием констатировать, что Сталин успешно преодолел все сложности и трудности первого периода после смерти Ленина, когда черные тучи ленинского завещания туманили горизонты его будущей политической карьеры. Больше того, в итоге проведенного съезда позиции Сталина в партийных структурах значительно укрепились. Возрос и его личный престиж среди широкой партийной массы. Самое же главное состояло в том, что на политической сцене он уже выступал в качестве самостоятельной фигуры. Всякого рода союзы и временные коалиции, отменным мастером заключения которых он зарекомендовал себя, уже не играли роль главного фактора для его политического будущего. Хотя, конечно, еще на протяжении ближайших трех лет они представляли собой важную составляющую сталинской стратегии и тактики. Поле для политических маневров генсека значительно расширилось, что было особенно важно в связи с все более четко обозначившейся неизбежностью схватки с двумя членами «тройки» — Зиновьевым и Каменевым.

Убедившись в прочности своих позиций после съезда партии и стремясь ковать железо пока оно горячо, Сталин буквально через две недели предпринял фронтальную атаку против своих бывших соратников-соперников по триумvirату — Зиновьева и Каменева. Об этом я уже вкратце писал в первом томе. Здесь же хотелось бы сделать некоторые дополнения и пояснения. Во-первых, своим докладом на съезде генсек подготовил почву, подвел, так сказать, теоретическую базу под план ликвидации «тройки» как отжившего инструмента выработки и проведения политики. Троцкий, хотя и не сложил оружия, в данный отрезок времени обнаруживал признаки политической пассивности, чем и решил воспользоваться Сталин. Он подверг критике Каменева (называя его по имени) и Зиновьева (не называя его фамилии), фактически обвинив их в теоретической неграмотности и некомпетентности. Каменева за то, что тот употребил вместо слова «нэповской» слово «нэпманской»^{*} Зиновьеву было вменено в вину то, что в своем докладе на XII съезде он протащил формулировку о диктатуре партии. Кстати, эта формулировка вошла и в резолюцию XII съезда, за которую голосовал и сам генсек. Кроме того, данную формулировку не раз использовали и тогдашние союзники Сталина, например, Бухарин.

Зиновьев и Каменев были возмущены этими публичными нападками и расценили их как открытое нарушение заключенных (конечно, негласно) ранее договоренностей. По этому поводу Зиновьев и Каменев созвали в середине июня совещание членов Политбюро и руководящего ядра ЦК, длившееся два дня.

См. "Известия ЦК КПСС" 1990 г. № 7. С. 72.

* Как вскоре выяснилось при разбирательстве этих обвинений, своей оговоркой Каменев был обязан стенографистке, допустившей оплошность при записи его доклада. Однако дело было уже сделано и ему был придан сугубо политический и даже теоретический оттенок. Этот факт довольно наглядно показывает, что противоборствующие силы не гнушались самыми грубыми и примитивными способами, чтобы скомпрометировать своих оппонентов.

На этом совещании Сталину был задан вопрос, зачем он опубликовал доклад об итогах XIII съезда на курсах секретарей уездных комитетов при ЦК партии в центральной печати. Сталин ответил, что, мол, ничего дурного сделать не хотел, а имел намерение разбить легенду о том, что в ЦК есть дружная «тройка» (Каменев, Зиновьев и Сталин), которая фактически определяла политику ЦК и правительства. Кроме того, Сталин объяснил, что преследовал цель расширить «ядро, ибо оно стало узким». С этим его стремлением согласились Зиновьев и Каменев. Однако при этом высказались против вынесения подобного мнения для всеобщего обсуждения, тем более в центральной печати. Одновременно Зиновьеву удалось убедить собравшихся в том, что тезис о «диктатуре партии» якобы принадлежал не ему, а Ленину. В результате участники заседания «признали неправильность выступления т. Сталина и принципиальную его ошибку по вопросу о диктатуре партии». Эпизод получил достаточно широкое освещение в исторической науке. Значение его в политической карьере Сталина связано с тем, что с данного совещания фактически берет свое начало образование так называемой семерки⁷².

Совещание приняло решение о том, чтобы впредь все высшие руководители партии согласовывали друг с другом свои выступления. Сталин был так глубоко уязвлен самим фактом созыва подобного совещания по столь незначительному, по его мнению, поводу и тем, что большинством голосов его выступление было оценено как «нетоварищеское», что вновь, в третий раз, заявил о своей отставке. Однако она была отклонена, в том числе и голосами Зиновьева и Каменева, хотя никто не мешал им использовать то же большинство голосов, чтобы сместить Сталина. Таким образом, попытка Зиновьева и Каменева мобилизовать против Сталина «параллельный ЦК» окончилась провалом⁷³. Под параллельным ЦК имелись в виду прежде всего те члены ЦК, которые выступали против Троцкого. Зиновьев следующим образом обосновывал необходимость существования тогда некоего подобия параллельного ЦК: «Мы должны иметь хоть какое-нибудь место, где в своей среде старых ленинцев мы могли бы по важнейшим вопросам, по которым возможны разногласия с Троцким и его сторонниками, иметь право колебаться, ошибаться, друг друга поправлять, совместно коллективно проработать тот или иной вопрос. Перед Троцким мы лишены этой возможности»⁷⁴.

Для Зиновьева и Каменева страшнее Троцкого тогда никого не было, что однозначно свидетельствует об отсутствии у обоих этих «прирожденных вождей» элементарного чувства политического реализма, а попросту говоря, — это бесспорное доказательство их политической близорукости. Но как бы то ни было, Сталин в тот период вынужден был считаться с ними. Но делал он это весьма расчетливо — по его инициативе вместо распавшейся «тройки» неофициально была сформирована «пятерка» путем подключения к «руководящему ядру» занимавшего пост председателя Совнаркома А. И. Рыкова и Н. И. Бухарина. Соотношение сил в этом новом органе власти, хотя и было в пользу Сталина, но все же по ряду причин не могло его полностью удовлетворить. И Рыков, и Бухарин по своим концептуальным воззрениям никак не могли быть причислены к сталинистам. Хотя по многим практическим вопросам они занимали позиции, близкие к позициям Сталина.

⁷² Николай Васецкий. Ликвидация. Сталин, Троцкий, Зиновьев. Фрагменты политических судеб. М. 1989. С. 39.

⁷³ Вадим Роговоин. Была ли альтернатива? "Троцкизм": взгляд через годы. М. 1992. С. 178.

⁷⁴ Трудные вопросы истории. С. 67.

В этих условиях генсек взял курс на значительное расширение «руководящего ядра». Во время августовского (1924 года) пленума ЦК состоялось совещание группы тогдашних единомышленников (их с большим правом следовало бы именовать противниками Троцкого, ибо их единомыслие сводилось фактически к одному — общей враждебности по отношению к Троцкому), членов ЦК (Сталин, Бухарин, Рудзутак, Рыков, Томский, Калинин, Каменев, Зиновьев, Ворошилов, Микоян, Каганович, Орджоникидзе, Петровский, Куйбышев, Угланов и несколько других членов ЦК), которое для укрепления руководства партией и предотвращения наметившегося раскола постановило считать себя руководящим коллективом. Будучи сначала одним из инициаторов его создания, позднее Зиновьев стал называть его «фракционным центром».

В ходе работы пленума ЦК Сталин предпринял еще один довольно рискованный, но, очевидно, тщательно продуманный шаг. Он решил укрепить свои позиции по отношению к Зиновьеву и Каменеву, подав демонстративное прошение об отставке. Вот текст этого документа:

«В Пленум ЦК РКП

Полуторогодовая совместная работа в Политбюро с тт. Зиновьевым и Каменевым после ухода, а потом и смерти Ленина сделала для меня совершенно ясной невозможность честной и искренней совместной политической работы с этими товарищами в рамках одной узкой коллегии. Ввиду этого прошу считать меня вышедшим из состава Пол. Бюро ЦК.

Ввиду того, что ген. секретарем не может быть не член Пол. Бюро, прошу считать меня вышедшим из состава Секретариата (и Оргбюро) ЦК.

Прошу дать отпуск для лечения месяца на два.

По истечении срока прошу считать меня распределенным либо в Туруханский край, либо в Якутскую область, либо куда-либо за границу на какую-либо невидную работу.

Все эти вопросы просил бы Пленум разрешить в моем отсутствии и без объяснений с моей стороны, ибо считаю вредным для дела дать объяснения, кроме тех замечаний, которые уже даны в первом абзаце этого письма. Т-ща Куйбышева просил бы раздать членам ЦК копию этого письма. С ком. прив. И. Сталин

19.VIII.24»⁷⁵.

В приписке, адресованной Куйбышеву (тогда он был председателем ЦКК) Сталин писал: «т. Куйбышев! Я обращаюсь к Вам с этим письмом, а не к секретарям ЦК, потому, что, во-первых, в этом, так сказать, конфликтном деле я не мог обойти ЦКК, во-вторых, секретари не знакомы с обстоятельствами дела, и не хотел я их зря тревожить».

Следующее краткое заявление об отставке было написано Сталиным 27 декабря 1926 г. и передано председательствующему на пленуме А. И. Рыкову:

«В ПЛЕНУМ ЦК (т. Рыкову)

Прошу освободить меня от поста генсека ЦК. Заявляю, что не могу больше работать на этом посту, не в силах больше работать на этом посту.

И. СТАЛИН

27.XII.26 г»⁷⁶.

Как видим, генсек использовал демонстративные просьбы об отставке с определенной политической целью: таким путем он показывал своим оппонентам, что не цепляется за

⁷⁵ "Родина". 1994 г. № 7. С. 73.

⁷⁶ Там же.

свой пост, а с другой стороны, упреждающе выбивал из рук своих противников возможность подобного требования с их стороны. Тонкое политическое маневрирование составляло в арсенале Сталина одно из важных средств укрепления своего авторитета и позиций перед лицом надвигавшейся открытой решительной схватки.

Совещание сформировало свой исполнительный орган «семерку» в составе членов Политбюро — Бухарин, Зиновьев, Каменев, Рыков, Сталин, Томский и председателя ЦКК Куйбышева. Кандидатами в «семерку» были назначены Дзержинский, Калинин, Молотов, Угланов, Фрунзе. Совещание выработало своеобразный устав, регламентирующий деятельность «руководящего коллектива». Он предусматривал жесткую дисциплину, подчинение «семерки» совещанию «руководящего коллектива». «Семерка» фактически подменяла собой официальное Политбюро и создавалась для предварительного рассмотрения и решения вопросов, которые выносились затем на официальные заседания Политбюро с участием Троцкого⁷⁷.

Нельзя сказать, что подобный шаг, предпринятый по инициативе Сталина, отвечал нормам устава партии, хотя и соответствовал большевистской практике и восходил еще к временам Ленина, который создавал фракции большинства для борьбы с противниками своей линии. В этом плане Сталин не открывал Америку, он лишь пользовался политическими приемами своего учителя. Однако в новых, казалось бы, более стабильных условиях, когда над страной не висела угроза гражданской войны, когда положение советского режима характеризовалось устойчивостью, прибегать к подобным методам как-то не подходило. Не случайно, что даже со стороны кандидата в члены «семерки» Калинина (тогдашнего официального главы государства) подобный шаг вызвал серьезные сомнения и даже опасения. В письме к Сталину он выразил свою обеспокоенность: «Мне могут возразить, что я напрасно быю тревогу, что ни о каком создании фракции речь нейдет, а просто избрана семерка для согласования по наиболее одиозным вопросам, я бы, пожалуй, решительно и поддержал этот вариант, если бы он понимался так же и остальными членами совещания».

Но насколько у меня создалось впечатление, тенденция совещания, в особенности, она определенно проявлялась у т. Сталина, именно упереться в дальнейшей работе на согласованной фракционной линии⁷⁸.

Что же касается демонстративных прошений Сталина об отставке, то они играли роль инструмента в его политическом противостоянии со своими оппонентами. Обращаясь с такими просьбами, Сталин наверняка знал (и, очевидно, подготавливал почву), что его демонстративные заявления об отставке неизбежно будут отклонены. Таким образом, он ничем не рисковал. А, наоборот, получал явные политические дивиденды: он демонстрировал перед членами ЦК, что не цепляется за власть и готов в любой момент отойти в тень и даже вообще уйти с главной политической сцены страны. С другой стороны, своими демаршами он создавал условия для развертывания широкомасштабной борьбы против своих бывших союзников по «тройке». Готовились, таким образом, предпосылки для серьезного противоборства в рамках уже несуществующей «тройки». Заранее предсказать исход этого противоборства было трудно. Расчет Сталина состоял в том, что и Зиновьев, и Каменев своим политическим поведением, явными амбициями

играть роль новых вождей, наконец, своим высокомерием, оттолкнул от себя большинство членов ЦК. И этот его расчет был тщательно выверен и оправдал себя практикой предшествующих лет. К тому же Сталин чувствовал себя неуязвимым в политическом плане, поскольку, кроме ссылок на его грубость и нелояльность в последних письмах Ленина, каких-либо действительно весомых политических обвинений в его адрес не имелось. К тому времени он уже проявил себя как мастер компромиссов, когда они были политически целесообразны и необходимы. Состав ЦК в своем подавляющем большинстве, не говоря уже о партийном аппарате, был на стороне генсека. Вот почему эти тщательно продуманные ходы сулили ему лишь стратегические и тактические выигрыши.

Создание «семерки» и вообще фактически параллельного Политбюро явно шло вразрез с уставом партии, но никак не с большевистскими традициями. Сталин в этом отношении был лишь учеником Ленина, который, в частности, в период борьбы с Троцким в период дискуссии о профсоюзах в 1921 году также прибегал к методу отдельных совещаний своих сторонников. В данной же ситуации подобные методы рассматривались им как вполне целесообразные, а потому и законные. Тем более что речь шла о большинстве, которое прибегало к таким приемам. Кто мог их осудить? Ведь, согласно большевистской традиции, именно большинство придавало партийным решениям силу закона. Жупел фракционности, путавший Калинина, генсека, конечно, нисколько не смущал, ибо главное состояло в том, чтобы проводить в жизнь линию, выработанную и одобренную большинством. Словом, чисто формальные соображения Сталина не волновали, коль речь шла о крупных политических проблемах.

Другим важным фронтом борьбы Сталина за упрочение своих позиций явилась широкая кампания по политической и деловой дискредитации Троцкого. Пока он оставался формальным руководителем Красной Армии, будучи председателем Реввоенсовета, не только Сталин, но и его тогдашние временные союзники Зиновьев и Каменев не ощущали себя полными хозяевами положения. В первом томе я уже отмечал, что военного переворота бонапартистского толка Троцкий в условиях тогдашней Советской России осуществить не смог бы. Все главные рычаги власти, в том числе и в военной сфере, сосредотачивались в руках Политбюро. Реввоенсовет во всех сколь-нибудь важных вопросах был в конечном счете подчинен и подотчетен ЦК в лице его Политбюро.

Сам же Троцкий, уже будучи в изгнании, отвечая на упреки своих сторонников и вопросы собеседников, почему он не прибег к такому, казалось бы, простому и эффективному средству как силовое устранение «тройки» с помощью военных, давал совершенно неубедительные объяснения. Он утверждал: «Нет никакого сомнения, что произвести военный переворот против фракции Зиновьева, Каменева, Сталина и проч. не составляло бы в те дни никакого труда и даже не стоило бы пролития крови; но результатом такого переворота явился бы ускоренный темп развития той самой бюрократизации и бонапартизма, против которых левая оппозиция выступила на борьбу»⁷⁹. Столь категоричное, и я бы даже сказал, хвастливое заявление отнюдь не отражало реальностей той эпохи. Выше я уже выдвигал основные аргументы, подтверждающие мою мысль. Троцкий же задним числом хотел представить себя в выгодном свете, в облике эдакого принципиального и идейного противника всяких

⁷⁹ Лев Троцкий. Портреты революционеров. С. 132.

силовых методов в борьбе за власть. Личная же практика самого председателя Реввоенсовета во время Гражданской войны начисто опровергает эту камуфляжную политическую маскировку. Если бы военный переворот имел реальные, а не иллюзорные шансы на успех, Троцкий пошел бы на такой шаг: тем паче, что в его распоряжении имелось бы и соответствующее идеологическое обоснование подобного рода переворота — мол, он спасает партию и страну от перерождения и бюрократизации. Выдумка о том, что тогда осуществление военного переворота было лишь вопросом выбора — эта выдумка преследовала цель найти сколько-нибудь весомые доводы для объяснения своего поражения.

Такова была общая ситуация. Однако все это не означало, что Троцкий как руководитель военного ведомства не внушал Сталину и другим определенного беспочвенства. Ситуация диктовала необходимость принятия мер, нацеленных на ослабление не только политических позиций Троцкого, но и его реального влияния на весь комплекс военных дел.

Поскольку такая проблема возникла, то были приняты и адекватные меры по ее практическому решению. Сталин вместе с другими членами «семерки» начал осуществлять важные кадровые перемещения, направленные на ограничение роли своих противников, и в первую очередь, влияния Троцкого в Красной Армии. В 1923 году еще в период функционирования пресловутого триумvirата в состав Реввоенсовета были введены Ворошилов (выдвигенец Сталина) и Лашевич (ему протезировал Зиновьев). В январе 1924 на пленуме ЦК от обязанностей начальника ПУРа (политического управления РККА) был освобожден один из наиболее активных сторонников Троцкого Антонов-Овсеев. Его место занял протеже Сталина Бубнов. В начале 1924 года был снят с поста первого заместителя наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета бессменный сподвижник Троцкого в период Гражданской войны Склянский. На его место был назначен Фрунзе. Последняя кандидатура явно устраивала Сталина, поскольку Фрунзе был тесно связан со Сталиным и вполне резонно рассматривался как подходящая фигура для последующего занятия поста народного комиссара по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета. В мае 1924 года была произведена еще одна рокировка: командующим Московским военным округом вместо Муралова — единомышленника и личного друга Троцкого, был назначен Ворошилов. Муралов же был перемещен на менее значительный пост командующего Северо-Кавказским военным округом, который до этого занимал Ворошилов.

Перестановки в военном ведомстве значительно ослабили реальные позиции Троцкого. Это было важно не только по своему непосредственному значению. В тот период назрела радикальная военная реформа, которая должна была определить главные направления и методы военного строительства страны. Переход вооруженных сил на мирное положение осуществлялся постепенно, начиная с окончания Гражданской войны, и к 1923 году был в основном завершен: численность РККА сократилась с 5,5 млн. человек (на конец 1920 г.) до 516 тыс. человек (на сентябрь 1923 г.). Во весь рост встала проблема новой организации всех военных структур, причем речь шла в первую очередь о том, чтобы боеспособность страны не только не ослабела, но и значительно возросла. Троцкий настаивал на немедленном и полном переходе к миллионной системе. Некоторые выступали за ликвидацию политорганов в армии, выборность командиров и т. д. Особенно насущной

была проблема боевого и технического оснащения вооруженных сил. Именно этот временный рубеж можно условно считать точкой отсчета, с которого Сталин как генсек начал уделять первостепенное внимание проблемам оснащения современным оружием и техникой советских вооруженных сил. Правда, возможности для этого были мизерными, но главное состояло в том, что сама проблема была поставлена в качестве актуальной и долгосрочной. В теоретическом плане немалый вклад в постановку и решение всего комплекса вопросов военного строительства внес Фрунзе, ставший одним из главных разработчиков советской военной доктрины. Он с бесспорного одобрения Сталина опубликовал статью, посвященную ключевым аспектам единой военной доктрины. В ней, в частности, отмечалось: учение о единой военной доктрине «должно указать характер тех боевых столкновений, которые нас ожидают. Должны ли мы утвердиться на идее пассивной обороны страны, не ставя и не преследуя никаких активных задач, или же должны иметь в виду эти последние? В зависимости от этого определяется весь характер строительства наших вооруженных сил, характер и система подготовки одиночных бойцов и крупных воинских соединений, военно-политическая пропаганда и вся вообще система воспитания страны. Учение это должно быть обязательно опытным, являясь выражением единой воли общественного класса, стоящего у власти»⁸⁰. Я не намерен подробно освещать проблемы советского военного строительства в данный отрезок времени. Но мне представляется существенно важным подчеркнуть то обстоятельство, что эти проблемы не только входили в круг служебных обязанностей Сталина как Генерального секретаря, но и интересовали его лично как человека, причислявшего себя в той или иной мере к деятелям, имеющим военный дар. В конце концов после долгих обсуждений было принято решение о переходе к смешанной системе кадрового строительства Красной Армии.

Сталин, прекрасно сознававший труднопереоценимое значение военного фактора во всех властных структурах, стремился не только ослабить позиции Троцкого, но и усилить собственное влияние в военных делах. В руках у него были не только такие рычаги, как должность Генерального секретаря, но уже и внушительное число верных сторонников в военной верхушке. Словом, генсек методично и последовательно создавал вокруг Троцкого вакуум власти, превращая его в генерала без армии. В такой ипостаси Троцкий не представлял уже серьезной угрозы, несмотря на все его лихорадочные попытки различного рода литературно-политическими дебютами держаться на авансцене политических баталий. Фактически он уже являл собой типаж политического банкрота, но самому себе и его сторонникам он представлялся фигурой, способной бросить вызов Сталину и его союзникам. Иллюзии в политике еще более опасны, а порой и более смешны, чем в обыденной жизни.

Сталин методично и последовательно проводил в жизнь свой курс. Вот характерный пример. Во время одного из заседаний Фрунзе написал записку генсеку, спрашивая его мнение по поводу того, что в программе политзанятий для красноармейцев фигурировала такая тема — «Вождь Красной Армии тов. Троцкий». Ответ был столь же лаконичным, сколь и категоричным: «Узнать надо автора формулировки «Троцкий как вождь Красной Армии» и наказать его. Заменить эту формулировку нужно обязательно.

Ст[алин]»⁸¹.

⁸⁰ М. Фрунзе. Единая военная доктрина и Красная армия. Электронная версия.

⁸¹ Большевикское руководство. Переписка. 1912 — 1927. С. 298.

Иногда складывается невольное впечатление, что борьбу против него Троцкий инициировал как бы добровольно, провоцируя своих оппонентов достаточно одиозными публикациями, в которых содержалась все более резкая критика общего политического курса страны и всех его направлений в важнейших сферах жизни. Осенью 1924 года Троцкий написал предисловие к очередному тому своих сочинений, многозначительно озаглавив его «Уроки Октября». Помимо изложения своих известных взглядов о перманентной революции, на основе которой, мол, и осуществился октябрьский переворот в России, он прибег и к новой тактике. Ее своеобразие состояло в концентрации нападков уже не на Сталина, а на Зиновьева и Каменева, что, как показала логика развития событий в дальнейшем, явилось крупнейшим политическим просчетом Троцкого. Видимо, он считал, что предание гласности капитулянтской позиции обоих этих деятелей в период подготовки и проведения Октябрьской революции нанесет колоссальный ущерб их и без того не столь уж бесспорному авторитету, и тем самым ослабит влияние и позиции «руководящего ядра». В конечном счете удар против Зиновьева и Каменева бумерангом должен был быть обращен и против Сталина. Тем более, что в изложении Троцким истории подготовки и проведения октябрьского переворота роль Сталина фактически равнялась нулю. Зато безмерно превозносилась собственная роль Троцкого. Генсек, разумеется, оставить это без внимания не мог.

Вокруг очередной атаки Троцкого развернулась широкая партийная дискуссия. На этот раз наиболее активными оппонентами все еще остававшегося на своем посту народного комиссара по военным и морским делам выступили главные мишени его критики — Зиновьев и Каменев. Сталин, будучи заинтересованным в дальнейшей дискредитации Троцкого, выступил в защиту своих временных союзников. Но он стремился не столько расширить масштабы борьбы, сколько придать ей качественно новый характер, а именно — **похоронить троцкизм как идейное течение**. Любопытно одно обстоятельство: Сталин постарался изобразить борьбу против троцкизма в основном как идейную, видимо, опасаясь того, что в партийных массах все более зрело явное недовольство постоянными распрями и склоками в самых верхних эшелонах власти. Он обладал удивительным политическим чутьем, что, бесспорно, являлось чрезвычайно важным достоинством в политических конфликтах.

Как-то непривычно видеть Сталина в роли чрезвычайно терпимого, чуть ли не либерально настроенного политического деятеля. Но он охотно играл на политической сцене самые разные роли. Порой с талантом виртуоза он выступал и в амплуа миротворца и либерала. Об этом свидетельствует заключительный пассаж его речи, опубликованной в печати под заголовком «Троцкизм или ленинизм?»: «Говорят о репрессиях против оппозиции и о возможности раскола. Это пустяки, товарищи. Наша партия крепка и могуча. Она не допустит никаких расколов. Что касается репрессий, то я решительно против них. Нам нужны теперь не репрессии, а развёрнутая идейная борьба против возрождающегося троцкизма»⁸².

Политическая конъюнктура вынудила Сталина выступить с защитой своих тогдашних союзников — Зиновьева и Каменева. Самое примечательное состоит в том, что генсек взял на себя миссию адвоката, пытаясь фактически оправдать их позицию в предоктябрьские и октябрьские дни. Конечно, данный шаг был продиктован обстоятельствами, но тем не

⁸² И. В. Сталин. Соч. Т. 6. С. 357.

Иногда складывается невольное впечатление, что борьбу против него Троцкий инициировал как бы добровольно, провоцируя своих оппонентов достаточно одиозными публикациями, в которых содержалась все более резкая критика общего политического курса страны и всех его направлений в важнейших сферах жизни. Осенью 1924 года Троцкий написал предисловие к очередному тому своих сочинений, многозначительно озаглавив его «Уроки Октября». Помимо изложения своих известных взглядов о перманентной революции, на основе которой, мол, и осуществился октябрьский переворот в России, он прибег и к новой тактике. Ее своеобразие состояло в концентрации нападков уже не на Сталина, а на Зиновьева и Каменева, что, как показала логика развития событий в дальнейшем, явилось крупнейшим политическим просчетом Троцкого. Видимо, он считал, что предание гласности капитулянтской позиции обоих этих деятелей в период подготовки и проведения Октябрьской революции нанесет колоссальный ущерб их и без того не столь уж бесспорному авторитету, и тем самым ослабит влияние и позиции «руководящего ядра». В конечном счете удар против Зиновьева и Каменева бумерангом должен был быть обращен и против Сталина. Тем более, что в изложении Троцким истории подготовки и проведения октябрьского переворота роль Сталина фактически равнялась нулю. Зато безмерно превозносилась собственная роль Троцкого. Генсек, разумеется, оставить это без внимания не мог.

Вокруг очередной атаки Троцкого развернулась широкая партийная дискуссия. На этот раз наиболее активными оппонентами все еще остававшегося на своем посту народного комиссара по военным и морским делам выступили главные мишени его критики — Зиновьев и Каменев. Сталин, будучи заинтересованным в дальнейшей дискредитации Троцкого, выступил в защиту своих временных союзников. Но он стремился не столько расширить масштабы борьбы, сколько придать ей качественно новый характер, а именно — **похоронить троцкизм как идейное течение**. Любопытно одно обстоятельство: Сталин постарался изобразить борьбу против троцкизма в основном как идейную, видимо, опасаясь того, что в партийных массах все более зрело явное недовольство постоянными распрями и склоками в самых верхних эшелонах власти. Он обладал удивительным политическим чутьем, что, бесспорно, являлось чрезвычайно важным достоинством в политических конфликтах.

Как-то непривычно видеть Сталина в роли чрезвычайно терпимого, чуть ли не либерально настроенного политического деятеля. Но он охотно играл на политической сцене самые разные роли. Порой с талантом виртуоза он выступал и в амплуа миротворца и либерала. Об этом свидетельствует заключительный пассаж его речи, опубликованной в печати под заголовком «Троцкизм или ленинизм?»: «Говорят о репрессиях против оппозиции и о возможности раскола. Это пустяки, товарищи. Наша партия крепка и могуча. Она не допустит никаких расколов. Что касается репрессий, то я решительно против них. Нам нужны теперь не репрессии, а развёрнутая идейная борьба против возрождающегося троцкизма»⁸².

Политическая конъюнктура вынудила Сталина выступить с защитой своих тогдашних союзников — Зиновьева и Каменева. Самое примечательное состоит в том, что генсек взял на себя миссию адвоката, пытаясь фактически оправдать их позицию в предоктябрьские и октябрьские дни. Конечно, данный шаг был продиктован обстоятельствами, но тем не

⁸² И. В. Сталин. Соч. Т. 6. С. 357.

менее, как показала логика дальнейших событий, он не отличался дальнорзоркостью, не учитывал перспективы предстоявшей борьбы с зиновьевской группировкой. Впоследствии оппозиционеры не раз ставили в лыко генсеку его оценки, относящиеся к ноябрю 1924 года.

Вот что тогда сказал Сталин в защиту своих «сотоварищей»: «Троцкий уверяет, что в лице Каменева и Зиновьева мы имели в Октябре правое крыло нашей партии, почти что социал-демократов. Непонятно только: как могло случиться, что партия обошлась в таком случае без раскола; как могло случиться, что разногласия с Каменевым и Зиновьевым продолжались всего несколько дней; как могло случиться, что эти товарищи, несмотря на разногласия, ставились партией на важнейшие посты, выбирались в политический центр восстания и пр.? В партии достаточно известна беспощадность Ленина в отношении социал-демократов; партия знает, что Ленин ни на одну минуту не согласился бы иметь в партии, да еще на важнейших постах, социал-демократически настроенных товарищей. Чем объяснить, что партия обошлась без раскола? Объясняется это тем, что, несмотря на разногласия, мы имели в лице этих товарищей старых большевиков, стоящих на общей почве большевизма. В чём состояла эта общая почва? В единстве взглядов на основные вопросы: о характере русской революции, о движущих силах революции, о роли крестьянства, об основах партийного руководства и т. д. Без такой общей почвы раскол был бы неминуем. Раскола не было, а разногласия длились всего несколько дней, потому и только потому, что мы имели в лице Каменева и Зиновьева ленинцев, большевиков»⁸¹.

Видимо, в данном случае нет нужды в особых комментариях. Можно только обратить внимание на то, что Ленин в своем завещании специально отмечал, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не был случайностью. Да и сам Сталин вскоре смог в полной мере убедиться в правоте слов своего учителя. Видимо, он не раз сожалел о сказанных словах, поскольку они умело использовались его оппонентами, уличавшими генсека в непоследовательности, политическом маневрировании и манипулировании, в склонности диаметрально изменять свою точку зрения в зависимости от сложившейся на тот или иной момент конъюнктуры. Вся политическая судьба Сталина не раз будет подтверждать определенную обоснованность подобного рода упреков. Да и скрыть такие факты просто невозможно. Их можно только так или иначе интерпретировать и комментировать, хотя любые комментарии не способны перечеркнуть факты, имевшие место быть!

Здесь я позволю себе сделать одно замечание общего характера. Сталин, безусловно, был прекрасным стратегом и тактиком, в особенности на поле политических баталий. И, как правило, стратегические соображения у него всегда стояли на первом месте, доминировали над тактическими. Это — его характерная черта как политика. Это также — и одна из важнейших особенностей его политической философии. Но порой случались моменты, когда ему изменяли его прозорливость и расчетливость, и тогда тактические мотивации выступали в качестве определяющих. Это наносило ущерб, выражаясь современным стилем, его имиджу. Но, по-видимому, он исходил из того, что в определенных обстоятельствах нужно идти на потери стратегического порядка во имя достижения тактических преимуществ. И это тоже являлось одной из особенностей его политической философии. Словом, нельзя брать все его действия и отдельные шаги изолированно, вне связи с реальной обстановкой, и на такой основе выносить общие

⁸¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 6. С. 326–327.

заклучения. Подобное его поведение можно назвать политической беспринципностью. Но можно и сказать, что беспринципность сама по себе часто является неким принципом, активно используемым в политической борьбе. Пусть сам читатель будет судьей и решает, к какому разряду понятий отнести такую тактику Сталина.

Положение группы Зиновьева — Каменева в рассматриваемый период было отнюдь не блестящим. Бросая ретроспективный взгляд на все перипетии внутрипартийной борьбы середины 20-х годов, приходишь к закономерному заключению: эта группировка оказалась несостоятельной по существу по всем параметрам. Едва ли поддается разумному объяснению тот факт, что главный свой удар они по-прежнему концентрировали против Троцкого. Видимо, открытый вызов, брошенный им в «Уроках Октября», окончательно помутил и без того их тусклую политическую мысль. Они никак не могли понять, что не Троцкий, а Сталин является их самым грозным и самым изощренным противником. Неспособность трезво и глубоко оценить качества генсека в конце концов и привела их к принципиально ошибочной оценке общей ситуации, сложившейся в партии и стране в целом.

Итоги внутрипартийной дискуссии в связи с выступлением Троцкого четко обозначили три точки зрения по вопросу о том, как поступить с ним. Одни требовали исключения Троцкого из партии. Другие предлагали снять его с должностей председателя Реввоенсовета и члена Политбюро. Третья категория резолюций (от Москвы, Ленинграда, Урала, Украины и др.) требовала отстранить Троцкого от руководства Реввоенсоветом и условного оставления его в Политбюро. Общим для этих трех позиций являлось решительное и безоговорочное осуждение троцкизма как течения, враждебного ленинизму.

Как же повел себя Сталин в сложившейся ситуации? Он понимал, что полный и окончательный разгром Троцкого не вполне соответствовал в тот момент его долгосрочным интересам, поскольку уже предвидел неотвратимость прямой конфронтации с группировкой Зиновьева — Каменева и рассчитывал, что в лице Троцкого он будет иметь если не явного сторонника, то, по меньшей мере, нейтрального человека. Последний не испытывал к Зиновьеву и Каменеву теплых чувств, хотя, Каменев, например, был женат на сестре Троцкого. Но в таком политическом коловороте родственные симпатии и антипатии отступали на второй план. Гораздо большую роль играли политические расхождения и разного рода внутрипартийные комбинации.

В начале января 1925 года Сталин и Бухарин, выступавшие тогда единым фронтом, направили в Политбюро письмо, содержавшее изложение их принципиальной позиции по вопросу о политической судьбе Троцкого. Суть их позиции сводилась к следующему: «2) пункт второй резолютивной части должен быть изменен в том смысле, что т. Троцкий освобождается только от поста предреввоенсовета и остается членом Политбюро.

Мотивы: партии выгоднее иметь т. Троцкого внутри Политбюро в качестве 7-го члена, чем вне Политбюро; исключение из Политбюро должно повлечь дальнейшие меры отсека от партии т. [Троцкого], а стало быть, и других членов оппозиции, занимающих важнейшие посты, что создаст для партии лишние затруднения и осложнения»⁸⁴.

Для вдумчивого наблюдателя было совершенно очевидно, что не этими благородными намерениями руководствовался Сталин. Речь шла о сложном политическом

⁸⁴ "Известия ЦК КПСС". 1991 г. № 8. С. 179.

заклучения. Подобное его поведение можно назвать политической беспринципностью. Но можно и сказать, что беспринципность сама по себе часто является неким принципом, активно используемым в политической борьбе. Пусть сам читатель будет судьей и решает, к какому разряду понятий отнести такую тактику Сталина.

Положение группы Зиновьева — Каменева в рассматриваемый период было отнюдь не блестящим. Бросая ретроспективный взгляд на все перипетии внутрипартийной борьбы середины 20-х годов, приходишь к закономерному заключению: эта группировка оказалась несостоятельной по существу по всем параметрам. Едва ли поддается разумному объяснению тот факт, что главный свой удар они по-прежнему концентрировали против Троцкого. Видимо, открытый вызов, брошенный им в «Уроках Октября», окончательно помутил и без того их тусклую политическую мысль. Они никак не могли понять, что не Троцкий, а Сталин является их самым грозным и самым изощренным противником. Неспособность трезво и глубоко оценить качества генсека в конце концов и привела их к принципиально ошибочной оценке общей ситуации, сложившейся в партии и стране в целом.

Итоги внутрипартийной дискуссии в связи с выступлением Троцкого четко обозначили три точки зрения по вопросу о том, как поступить с ним. Одни требовали исключения Троцкого из партии. Другие предлагали снять его с должностей председателя Реввоенсовета и члена Политбюро. Третья категория резолюций (от Москвы, Ленинграда, Урала, Украины и др.) требовала отстранить Троцкого от руководства Реввоенсоветом и условного оставления его в Политбюро. Общим для этих трех позиций являлось решительное и безоговорочное осуждение троцкизма как течения, враждебного ленинизму.

Как же повел себя Сталин в сложившейся ситуации? Он понимал, что полный и окончательный разгром Троцкого не вполне соответствовал в тот момент его долгосрочным интересам, поскольку уже предвидел неотвратимость прямой конфронтации с группировкой Зиновьева — Каменева и рассчитывал, что в лице Троцкого он будет иметь если не явного сторонника, то, по меньшей мере, нейтрального человека. Последний не испытывал к Зиновьеву и Каменеву теплых чувств, хотя, Каменев, например, был женат на сестре Троцкого. Но в таком политическом коловороте родственные симпатии и антипатии отступали на второй план. Гораздо большую роль играли политические расхождения и разного рода внутрипартийные комбинации.

В начале января 1925 года Сталин и Бухарин, выступавшие тогда единым фронтом, направили в Политбюро письмо, содержавшее изложение их принципиальной позиции по вопросу о политической судьбе Троцкого. Суть их позиции сводилась к следующему: «2) пункт второй резолютивной части должен быть изменен в том смысле, что т. Троцкий освобождается только от поста предреввоенсовета и остается членом Политбюро.

Мотивы: партии выгоднее иметь т. Троцкого внутри Политбюро в качестве 7-го члена, чем вне Политбюро; исключение из Политбюро должно повлечь дальнейшие меры отсеечения от партии т. Т[роцкого], а стало быть, и других членов оппозиции, занимающих важнейшие посты, что создаст для партии лишние затруднения и осложнения»⁸⁴.

Для вдумчивого наблюдателя было совершенно очевидно, что не этими благородными намерениями руководствовался Сталин. Речь шла о сложном политическом

⁸⁴ "Известия ЦК КПСС". 1991 г. № 8. С. 179.

маневрировании с целью добиться ослабления позиций зиновьевской группировки. Исклучение Троцкого из состава ЦК, а тем более из партии вообще, на чем настаивали некоторые, могло бы серьезно осложнить обстановку и ослабить политический потенциал самого генсека. Очевидно, что Сталин не мог не учитывать превалировавшие тогда в партии настроения. О том, каковы были эти настроения, без всяких экивоков поведал Томский, входивший тогда в состав Политбюро и во многом поддерживавший сталинскую группировку: «Я считаю предлагаемые меры преждевременными, полагая, что в глубине сознания партия к этому еще недостаточно подготовлена. Конечно, это «съедят»⁸⁵, но без удовольствия». Сталин, видимо, помнил замечание Ленина в свой адрес, сделанное еще в 1921 году: «этот повар будет готовить только острые блюда»⁸⁶. В его планы, разумеется, не входила излишняя демонстрация этих своих «политических кулинарных способностей». Можно сказать, что Сталин на протяжении почти всей своей политической деятельности широко использовал чрезвычайные меры и методы. Он знал их эффективность и силу, но одновременно он сознавал и пределы, за которыми такие методы могли обернуться для него бумерангом.

В январе 1925 года, в преддверии пленума ЦК партии, состоялось совещание так называемой «руководящей группы», где радикальные предложения Зиновьева и Каменева были отклонены. Сам Сталин в письме одному из руководителей украинской партийной организации так охарактеризовал сложившуюся обстановку: «1) по вопросу о Троцком мы все сходимся в том, что его надо снять с Ревсовета, причем большинство полагает — вместо Троцкого надо поставить Фрунзе; 2) что касается дальнейшей работы Троцкого в Политбюро, в руководящей группе имеются два мнения, большинства и меньшинства: большинство полагает, что целесообразнее не выставлять Троцкого из Политбюро, а делать предупреждение, что в случае повторения с его стороны актов, идущих вразрез с волей ЦК и его решений, Троцкий будет немедленно выставлен из Политбюро и отстранен от работы в ЦК; большинство думает, что при оставлении Троцкого в ЦК Троцкий будет менее опасен в Политбюро, чем вне его; меньшинство полагает, что надо немедленно вышибать его из Политбюро с оставлением в ЦК. Лично я придерживаюсь мнения большинства»⁸⁷.

Аргументация вполне четкая и ясная. Однако в конце того же 1925 года Сталин преподносит, мягко выражаясь, совсем иную интерпретацию мотивов, которыми он руководствовался при решении вопроса о Троцком. Вот его слова: «Мы не согласились с Зиновьевым и Каменевым потому, что знали, что политика отсечения чревата большими опасностями для партии, метод отсечения, метод пускания крови — а они требовали крови — опасен, заразителен: сегодня одного отсеки, завтра другого, послезавтра третьего, — что же у нас останется в партии?»⁸⁸ Таким образом, генсек предстает перед всеми в роли этакого миротворца и весьма терпимого к своим соперникам политического либерала. А это уж никак не вяжется с его действительным обликом и с его взглядами. Подобную двойственность читатель видит сам, сопоставляя приведенные выше высказывания.

Примечательный эпизод произошел на январском пленуме 1925 года. Если бы этот эпизод получил свое логическое развитие, то он мог коренным образом изменить всю

⁸⁵ Там же. С. 181.

⁸⁶ *Лев Троцкий. Портреты революционеров.* С. 66.

⁸⁷ "Известия ЦК КПСС". 1991 г. № 8. С. 183.

⁸⁸ *И. В. Сталин.* Соч. Т. 7. С. 380.

траекторию политической судьбы Сталина. Дело в том, что Каменев тогда внес предложение назначить вместо Троцкого на пост наркомвоенна и председателя Реввоенсовета республики самого Сталина. Когда участники пленума задали Каменеву вопрос, почему он не вынес свое предложение на открытое обсуждение ЦК, тот уклончиво ответил, что ставил его здесь лишь в порядке предварительного дискуссионного обсуждения. Такая, мягко выражаясь, чрезмерно осторожная и явно зондирующая позиция Каменева, естественно, не способствовала принципиальному обсуждению поднятого им вопроса. Фактически предложение Каменева участниками пленума было истолковано лишь как своеобразный способ прощупывания их позиции по вопросу о замене Сталина на посту генсека⁸⁹.

Некоторые исследователи политической судьбы генсека склонны считать, что предложение Каменева было отвергнуто Сталиным отнюдь не из-за опасений потерять главный пост в партии. Упомянувшийся выше А. Улам пишет, например: «Вполне возможно, что он мог стать комиссаром (народным комиссаром по военным и морским делам — Н. К.) и остаться генеральным секретарем, вопреки явным надеждам Каменева. Но он чувствовал, что было бы психологической ошибкой наследовать пост Троцкого, и этот пост перешел к второстепенной фигуре командира времен Гражданской войны и старого большевика Михаила Фрунзе»⁹⁰. В скобках можно заметить, что логика в подобных рассуждениях присутствует. Однако явно несправедлива и ошибочна оценка М. Фрунзе как второстепенной фигуры. О его роли речь уже шла выше.

В конце концов январский пленум ЦК 1925 года принял решения, которые предлагали Сталин и его сторонники. Тем самым перед всей партией и всей страной было продемонстрировано бесспорное падение веса и влияния группы Зиновьева — Каменева. Можно сказать, что они как бы получили публичную политическую пощечину и, как говорится, им оставалось только утереть нос. Сам же Троцкий, прекрасно понимая, что он потерпел фиаско, обратился с письмом в адрес пленума. В нем, в частности, говорилось: «Незачем, в частности, доказывать, что, после последней дискуссии, интересы дела требуют скорейшего освобождения меня от обязанностей председателя Революционного Военного Совета»⁹¹.

Сталин с полным основанием мог торжествовать свою победу. В этой связи я попутно коснусь одной довольно любопытной темы, постоянно фигурирующей на страницах книг и статей, посвященных Сталину. Речь идет о коварной мстительности Сталина, которая якобы служила одной из движущих пружин его действий и поведения в сфере политики. Ссылаются при этом на Троцкого, которому произошедший эпизод рассказал его непосредственный участник Каменев: «Летом 1923 года Каменев, тогда Председатель Совнаркома*, вместе с Дзержинским и Сталиным в свободный вечерний час на даче у Сталина, на балконе деревенского дома, за стаканом чаю или вина, беседовали на сентиментально-философские темы, вообще говоря, мало обычные у большевиков. Каждый говорил о своих вкусах и пристрастиях. «Самое лучшее в жизни, — сказал Сталин, — отомстить врагу: хорошо подготовить план, нацелиться, нанести удар и... пойти спать»⁹².

⁸⁹ Николай Васецкий. Ликвидация. С. 44.

⁹⁰ Adam B. Ulam. Stalin. The man and his era. p. 246–247.

⁹¹ "Известия ЦК КПСС" 1991г. № 8. С. 185.

* Троцкий в данном случае не вполне точен, поскольку Каменев при жизни Ленина не мог занимать пост Председателя совнаркома. Он был лишь одним из его заместителей. В лучшем случае в это время он мог исполнять обязанности председателя.

⁹² Лев Троцкий. Портреты революционеров. С. 317.

Трудно сказать, насколько достоверным является это свидетельство. Есть определенные сомнения на данный счет: будучи человеком крайне осторожным и недоверчивым, Сталин едва ли в присутствии Каменева — одного из своих соперников — позволил бы себе столь откровенное признание, характеризующее его как личность зловещую и крайне мстительную. Но это — всего лишь мое личное мнение, не означающее, однако, что я вообще исключаю возможность подобного высказывания со стороны Сталина.

И коль речь зашла об отрицательных сторонах личности Сталина как политика и человека, следует добавить, что многие оппоненты генсека, в первую очередь Троцкий, Каменев и Бухарин, указывали и на его другие пороки и отталкивающие черты. К примеру, вслед за Красиным (довольно хорошо знавшим Сталина еще по работе в кавказском подполье и презрительно именовавшим генсека «азиатом»), Бухарин среди своих сторонников называл Сталина «Чингиз-ханом с телефоном». Аналогия между великим монгольским завоевателем натолкнула меня на мысль сравнить высказывание Сталина с тем, что считал своим высшим наслаждением Чингис-хан. Исторические хроники сохранили следующий эпизод: «Однажды он спросил одного из своих военачальников, в чем тот «видит высшее наслаждение человека». Выслушав ответ, Чингис-хан следующим образом выразил свое понимание высшего наслаждения, которое может испытывать человек:

«Наслаждение и блаженство человека состоит в том, чтобы подавить возмущившегося, победить врага, вырвать его с корнем, гнать побежденных перед собой, отнять у них то, чем они владели, видеть в слезах лица тех, которые им дороги, ездить на их приятно идущих жирных конях, сжимать в объятиях их дочерей и жен».

Эти знаменательные слова показывают, что привлекало в жизни Чингис-хана. Его больше удовлетворяли результаты победы; его манят не удалые забавы, «потехи богатырские», не слава, даже не власть, а обладание плодами победы над врагами, когда удовлетворяется жажда мести и обретаются новые блага жизни»⁹³.

Как можно видеть, и у первого, и второго понимание высшего наслаждения в жизни в чем-то перекликаются. Хотя, конечно, как и всякая аналогия, приведенная выше, чисто условна и на ее основе неправомерно делать какие-то обобщения политического или личного свойства.

Однако возвратимся к основной нити нашего повествования.

Сталин ясно понимал, что достигнутая победа отнюдь не полная и тем более не окончательная. Предстояла еще одна схватка и промежуточный успех не давал повода почитать на лаврах. В соответствии со своей стратегией он исподволь проводил работу по ослаблению позиций группировки Зиновьева — Каменева в партийных организациях, имевших ключевое значение для финального исхода противоборства. В ленинградской организации безраздельно господствовали на протяжении чуть ли не всего периода после свершения Октябрьской революции вплоть до 1926 года сторонники Зиновьева. Последний рассматривал эту организацию чуть ли не как свою удельную вотчину. Она служила для него серьезным резервом в проходившей внутрипартийной борьбе. Попытки Сталина как-то изменить это положение и склонить ленинградскую организацию на сторону ЦК, т. е. на свою сторону, оказались, по существу, тщетными. Зато в Москве ему удалось серьезно ослабить позиции Каменева: его верный сторонник Зеленский в

⁹³ Эренжен Хаара-Даван. Чингис-хан как полководец и его наследие. Алма-Ата. 1992. С. 154–155.

результате различных рокировок был заменен на посту секретаря московской организации Углановым, поддерживавшим тогда Сталина и Бухарина. Эта организационная работа призвана была создать предпосылки для будущего триумфа генсека над своими противниками. Но положение нельзя было назвать блестящим, а политический горизонт — безоблачным.

Троцкий, хотя идейно и политически уже был поверженной фигурой, тем не менее не оставлял своих честолюбивых, полных амбиций, устремлений. Будучи опытным политическим бойцом, он тем не менее в самые решающие моменты оказывался не на высоте положения — ему не доставало умения трезво и непредвзято оценить реально сложившуюся ситуацию. Так, после фактического распада «тройки» Троцкий полагал, что в создавшихся условиях Сталин будет нуждаться в его поддержке и силами самой логики политического развития вынужден будет обратиться к нему за помощью. Однако это были политические иллюзии, а не построенные на трезвом анализе обстановки политические расчеты. Неудивительно, что они оказались полностью несостоятельными.

Весной 1925 года противостояние между сторонниками Сталина, с одной стороны, и приверженцами Зиновьева и Каменева, с другой, вступило в чрезвычайно напряженную фазу. Буквально по всем вопросам, и прежде всего по вопросам экономической политики и внутрипартийных отношений, обнаруживались непримиримые разногласия. Но пока что эта ситуация в партийных верхах тщательно скрывалась не только от рядовых членов партии, но даже от достаточно высокопоставленных партийных функционеров. Характерно, например, что такой видный партийный деятель, как Г. Орджоникидзе (считавшийся надежным сторонником Сталина) узнал о действительном положении дел из письма, полученного им от К. Ворошилова. Человек чрезвычайно эмоциональный, Орджоникидзе был потрясен сложившимся положением и выразил свое отношение ко всему происходящему в письме Ворошилову в следующих выражениях: «Твое письмо получил два дня тому назад. На всех нас... оно произвело страшно удручающее впечатление. Эти люди совершенно потеряли всякую меру и с головокружительной быстротой летят в пропасть. Черт с ними со всеми, но они тянут с собой партию и соввласть. Ведь то, что они сейчас делают — это безумие! Кто бы из них ни победил, ведь это будет только персональная победа одного или другого и, одновременно, величайшее поражение партии. Ведь своим действием они всю внутреннюю и внешнюю контрреволюцию ставят на ноги — окрыляют ее. Ведь это то, чего они, все наши враги, оба они (очевидно, имеются в виду Сталин и Зиновьев — Н. К.) довольно ловко переводят в борьбу, якобы, за и против ЦК. Это обоим им надо сказать прямо и открыто. По-моему, никогда наша партия не находилась в столь опасном положении, как сейчас, и это при внешне формальном ее благополучии. Тем страшнее и тяжелее будет для партии, когда все это выяснится. Несомненно, обе стороны готовятся к взаимному истреблению. Надо во что бы то ни стало помешать обоим. Но как это сделать, вот вопрос»⁹⁴.

Едва ли здесь нужны какие-то комментарии, ибо из письма явствует, что даже верные сторонники Сталина были не просто озабочены, но крайне встревожены тем, что он с такой железной настойчивостью, невзирая на все возможные отрицательные последствия, проводит в жизнь линию, конечная цель которой была проста — нанести Зиновьеву и Каменеву полное поражение.

⁹⁴ Большевицкое руководство. Переписка. 1912 — 1927. С. 300—301.

Из приведенного письма видно, что даже такие сторонники Сталина, как Орджоникидзе, отнюдь не безоговорочно поддерживали методы Сталина в его борьбе с группировкой своих противников. Так что генсеку приходилось действовать крайне осмотрительно и осторожно, постепенно, шаг за шагом подготавливая не только условия, но и соответствующую атмосферу, чтобы начать открытое и фронтальное наступление с целью полной политической дискредитации группировки Зиновьева — Каменева. Его положение как Генерального секретаря ЦК вовсе не влекло с автоматической неизбежностью успеха в развернувшейся подковерной схватке. Поэтому, на мой взгляд, несколько упрощают ситуацию те биографы Сталина, которые безапелляционно утверждают, что только и исключительно должностное положение Сталина как фактического руководителя центрального партийного аппарата обеспечивало ему победу. В действительности все обстояло гораздо сложнее и требовало не одного лишь, как сказали бы сейчас, административного ресурса. Этого было явно недостаточно. Нужно было в полной мере укрепить и политические позиции, а именно в этой сфере Сталин находился в явном выигрыше. Ведь по ключевым, жизненно важным для страны и партии вопросам, он отстаивал стратегическую линию, отвечавшую требованиям жизни и реальному экономическому и политическому положению в стране.

По мере развития событий противники Сталина, наконец-то, открыли глаза и посмотрели фактам в лицо. До них, наконец-то дошло, что генсек целиком и полностью переиграл их по всем параметрам. Они стали лихорадочно искать выхода из создавшегося положения. Одним из таких выходов они сочли план восстановления того положения, когда всеми делами заправляла «тройка». Судя по имеющимся материалам, эту идею они попытались реализовать на практике. Но поезд, как говорится, давно уже ушел и вскочить даже на его подножку было невозможно. В партии и стране уже была совершенно иная политическая погода. И Сталин, как главный метеоролог, в значительной мере не только предсказывал ее изменения, но и контролировал эти изменения. Идея воссоздания почившего в бозе триумvirата напоминала попытку воскресить мертвеца. Она встретила решительное неприятие в кругах партийной элиты не только Москвы, но и провинции. Это подтверждает письмо членов партийного руководства Украины в адрес ЦК партии, датированное февралем 1925 года: «Нам сообщают, что т. т. Зиновьев и Каменев снова поставили вопрос о формировании тройки для предварительного решения основных вопросов. Мы считаем это предложение в корне неправильным и неприемлемым. Идея тройки во всем активе партии достаточно непопулярна. Дискуссия с Троцким не на словах, а на деле поставила вопрос о ставке не на отдельных лиц (вождей), а на коллектив. Этим коллективом является пленум и его органы. Поэтому какое-либо умаление или оттирание существующих органов должно быть решительно отвергнуто. После Ленина нет вождей, которым партия единолично доверяла бы полное руководство, поэтому всякие попытки отдельных товарищей стать, по существу, единоличными руководителями, должны быть отвергнуты»⁹⁵.

Потерпев неизбежное и могущее быть предсказанным с абсолютной точностью полное фиаско с идеей «воскресения из мертвых» триумvirата, лидеры оппозиции лихорадочно стали искать какие-то другие способы «обуздания» Сталина. На этот раз они возвратились к отторгнутой ранее ими же самими мысли о замене Сталина на посту генсека кем-то

⁹⁵ "Известия ЦК КПСС." 1991 г. № 8. С. 189.

другим. Но на дворе, как говорится, стояла совершенно другая политическая погода — время было упущено, и упущено безвозвратно. Его невозможно было вернуть никакими ухищрениями или закулисными маневрами.

О том, что такие попытки имели место, в период хрущевской десталинизации ходили разные слухи, назывались различные кандидатуры. Но каких-либо достоверных данных не было. А слухи, даже самые правдоподобные, не способны заменить фактов. Единственным и, на мой взгляд, вполне достоверным можно считать свидетельство А. Микояна, игравшего в то время активную роль во внутрипартийных схватках. Я позволю себе целиком привести данный пассаж, поскольку он не только уникален сам по себе, но и чрезвычайно интересен в плане раскрытия характера Сталина как политика.

Итак, как вспоминает А. Микоян в своих мемуарах, осенью 1925 года, на заседание собрались члены ЦК, кроме тех, кто поддерживал Троцкого. В ходе этого заседания председательствующий Рыков обрушился с резкими и грубыми нападками на Зиновьева, Каменева и их сторонников в связи с книгой Зиновьева «Философия эпохи». В этой книге Зиновьев писал, что «приложил ухо к земле и услышал голос истории». В то время этот мистический (а попросту шарлатанский) способ «узнавать ход истории» вызвал целый водопад насмешек над столь неудачливым теоретиком и способствовал не росту популярности его автора как политической фигуры и его престижа как теоретика, а скорее наоборот — привел к его еще большей дискредитации. Сам Сталин неоднократно высмеивал в своих речах столь оригинальный способ познания исторических закономерностей.

Но суть дела в данном случае в другом. Зиновьев, Каменев и их сторонники в ЦК демонстративно покинули заседание и пришлось посылать делегацию, чтобы уговорить их возвратиться на заседание. «После этого заседания, — рассказывает А. Микоян, — мы зашли к Сталину. В разговоре я спросил, чем болен Рудзутак*, серьезна ли болезнь, так как на заседании его не было. Сталин ответил, что Рудзутак фактически не болен. Он нарочно не пошел на это заседание, потому что Зиновьев и Каменев уговаривали его занять пост Генсека. Они считали, что на этом заседании им удастся взять верх и избрать нового Генсека. По всему видно, что Рудзутак с этим согласился и не пришел на заседание, чтобы не быть в неловком положении, не участвовать в споре ни с одной, ни с другой стороной, сохранив таким образом «объективность», создать благоприятную атмосферу для своего избрания на пост Генсека как человека, входившего в состав Политбюро, а не «группировщика».

Я не уверен, — отмечает далее А. Микоян, — знал ли Сталин это или предполагал. Скорее всего, предполагал такой вариант. Однако в последующем Рудзутак держался старой позиции и поддерживал Сталина, не проявляя колебаний в борьбе с оппозицией. Я не помню, чтобы Сталин когда-либо делал ему упрек по поводу его «дипломатической болезни», когда он не явился на совещание»⁶.

До конца 1927 года положение Сталина как Генерального секретаря ЦК партии нельзя было считать абсолютно прочным и незыблемым. При наличии политических сил, придерживавшихся прямо противоположных курсов в отношении важнейших вопросов

* Я. Э. Рудзутак в то время был кандидатом в члены Политбюро, а в 1923 году после XII съезда партии входил вместе со Сталиным и Молотовым в состав Секретариата ЦК РКП(б).

⁶ Анастас Микоян. Так было. С. 268.

экономического развития страны и внутрипартийной жизни, не исключалась возможность определенной перегруппировки сил в самом руководстве. Причем такая перегруппировка могла оказаться чрезвычайно опасной для Сталина. Ведь вопрос о замене его на посту генсека другой фигурой не был раз и навсегда снят с повестки внутрипартийной борьбы. Потенциальная угроза сохранялась, и с ней приходилось считаться, если не как с реальной, то по меньшей мере как с потенциально возможной. И такой тонкий стратег и тактик внутрипартийных политических игр, каким был Сталина, конечно, не игнорировал гипотетическую возможность подобного разворота событий. Он не был бы Сталиным — гроссмейстером внутрипартийных комбинаций — если бы исключал все вероятные и даже невероятные сценарии развития событий на политическом Олимпе в Советской стране. Отсюда железная твердость, последовательность и непримиримость ко всем своим политическим противникам, которыми характеризуется тогдашняя его линия поведения. Именно благодаря такой линии он добился в тот период доминирующего положения в руководстве. Для определения тогдашнего его места в партийной иерархии уже была неприложима классическая латинская формула «*primus inter pares*» — первый среди равных. Правильнее было бы сказать, что он был первым среди отнюдь не равных, ибо его позиции были уникальными. Уникальными, бесспорно. Но и пока еще могущими быть оспоренными. Это тоже бесспорно.

Глава 3

СТРОИТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИЗМА В СССР: УТОПИЯ ИЛИ РЕАЛЬНАЯ ЦЕЛЬ?

1. Концепция строительства социализма в одной стране

Концепция строительства социализма в одной стране — это не просто одна из ключевых новаций во всей политической философии Сталина. Это, на мой взгляд, краеугольный камень, фундамент, на котором впоследствии сформировалась вся система государственных воззрений Сталина. К анализу содержания и важнейших особенностей этой концепции можно подходить под различными углами зрения. В литературе о Сталине превалирует подход к ней с точки зрения преимущественно борьбы различных группировок в партии в связи с существовавшими в тот период экономическими и международными проблемами, решить которые предстояло нашей стране. Акцент при этом делается на проблеме борьбы за власть как главным полем противостояния. Разумеется, такой подход имеет право на существование, но мне он кажется слишком приземленным, ориентированным не на раскрытие, так сказать, мировоззренческих аспектов проблемы, а на освещение лишь исторических обстоятельств, сопутствовавших разрешению возникших в руководящих кругах партии разногласий о путях и перспективах дальнейшего развития страны.

Мне представляется важным оттенить не те или иные исторические моменты, связанные с данной концепцией, не те или иные нюансы в подходах, объективно ставившие по разные стороны баррикад противоборствовавшие силы. Все это, разумеется, важно и имело немалое значение в рассматриваемый период. Однако много важнее проблема исторического выбора пути развития. Именно в этом преломлении мне видится значение данной концепции в истории нашей страны и, разумеется, всей дальнейшей политической судьбы самого Сталина.

Ретроспективный взгляд на историческую участь социализма в Советском Союзе с логической закономерностью ставит немало сложных вопросов, которые легче поставить, чем на них ответить. И один из них такой: насколько теоретически и практически был обоснован вывод о возможности не только полной, но и окончательной победы нового общественного строя в СССР? Под окончательной победой имеется в виду невозможность реставрации капиталистического уклада. Крах Советского Союза означал и крушение социализма как общественного строя в нашей стране. Значит, постулат об окончательном характере победы социализма в нашей стране оказался несостоятельным, он не прошел исторического испытания? Ведь формирующийся ныне общественный строй в современной России, построенный на примате частной собственности и

преимущественно рыночных механизмах функционирования народного хозяйства, по своему сущностному содержанию может быть определен как реставрация капитализма. Конечно, это не возврат к тому капитализму, на базе которого начиналось созидание социалистического уклада после победы Октябрьской революции. Природа и динамика общественного процесса исключают такие невероятные вещи как неестественный скачок назад. Хотя в самом характере исторического процесса встречаются, и причем не так уж редко, зигзаги и попятные движения. Но тем не менее в данном случае речь идет о смене общественного строя как такового, а не тех или иных выражах исторического процесса.

Так что взгляд на данную проблему через призму исторической ретроспективы представляет бесспорный интерес и требует своего осмысления и анализа. Иными словами, рассматриваемая концепция — это не какая-то сугубо историческая проблема, не имеющая отношения к современной действительности. Напротив, она органически связана и с проблемами нашей современной жизни. К примеру, когда ставится вопрос о смене курса экономического и политического развития Российской Федерации, то под этим понимается возврат к социализму в той его форме, каким он существовал у нас, или же о выборе какого-то иного пути? В общем проблем, прямо или косвенно относящихся к концепции строительства социализма в одной стране, достаточно много и все их осветить невозможно.

Я лишь пунктиром обозначил некоторые аспекты рассматриваемой проблемы и ее пересечение с проблемами сегодняшнего дня. Однако эпицентр моего внимания сосредоточен отнюдь не на этих аспектах. Я поставил своей задачей рассмотреть процесс постепенного формирования у Сталина концептуальных воззрений относительно возможности построения социализма в одной, отдельно взятой стране, выделяя при этом то обстоятельство, что это был именно **процесс**, а не какая-то спонтанно появившаяся идея, которую он защищал и отстаивал с исключительной энергией и последовательностью. То, что это был процесс, причем сложный и противоречивый, читатель сможет убедиться на основе материалов, приводимых мной.

Разумеется, многие детали, касающиеся всей истории борьбы вокруг данной проблемы, ныне могут восприниматься и часто воспринимаются в качестве исторических архаизмов, не заслуживающих пристального внимания. Соответственно, я попытался уделять им ровно столько внимания и места, насколько они необходимы для уяснения как содержания, так и значения сталинской концепции. Я говорю о сталинской концепции вопреки многочисленным утверждениям самого генсека, что теория строительства социализма в одной стране является ленинской теорией. Эта оценка закреплена была и в сталинской официальной биографии. (В скобках отмечу, что эта биография вождя была не только просмотрена и одобрена им лично, но фактически и отредактирована им, причем он вносил в нее порой существенные коррективы и дополнения. Но это — тема особого разговора, и к ней мы в дальнейшем вернемся.) В ней утверждалось с категоричностью, не допускавшей каких-либо иных толкований:

«Теоретически обобщая опыт Великой Октябрьской социалистической революции, опыт первых лет социалистического строительства в капиталистическом окружении, Сталин отстоял и развил дальше ленинское учение о победе социализма в одной стране.

В декабре 1924 года вышла известная работа Сталина «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов». Обосновывая в этой работе ленинское положение о победе социализма в одной стране, Сталин показал, что следует различать две стороны этого

вопроса: внутреннюю и международную. Внутренняя сторона — это вопрос о взаимоотношениях классов внутри страны, строящей социализм; международная — это вопрос о взаимоотношениях между СССР, пока еще единственной страной социализма, и капиталистическим окружением. С внутренними трудностями рабочие и крестьяне СССР вполне могут справиться собственными силами, они вполне могут одолеть экономически свою собственную буржуазию и построить полное социалистическое общество. Но до тех пор, пока существует капиталистическое окружение, существует и опасность капиталистической интервенции против СССР и реставрации капитализма. Чтобы устранить эту опасность, необходимо уничтожить самое капиталистическое окружение, а уничтожить капиталистическое окружение возможно лишь в результате победы пролетарской революции по крайней мере в нескольких странах. Только тогда победа социализма в СССР сможет считаться полной, окончательной победой»¹.

Концепция строительства социализма в одной стране может быть правильно понята и истолкована лишь в контексте общих политических воззрений Сталина. Выше я уже подчеркивал, что данная концепция, прежде чем стать таковой, претерпела большую эволюцию. На само ее содержание и расстановку акцентов в ней большое влияние оказала как обстановка (внутренняя и международная) того времени, так и тот факт, что она формировалась и отшлифовывалась не в ходе каких-то отвлеченных теоретических и философских дискуссий, а в атмосфере ожесточенной политической борьбы. Это, бесспорно, наложило на нее свою неизгладимую печать.

Однако мне представлялось важным оставить вне поля зрения моменты и детали чисто временного характера и сосредоточить главное внимание на принципиальных сторонах проблемы в целом. Выдвижение и отстаивание данной концепции знаменовало четкий водораздел в становлении и дальнейшей эволюции воззрений Сталина как государственного деятеля. В своей политической карьере он выступал в различных ипостасях, но основными были две ипостаси: Сталин как революционер и Сталин как государственный.

Само разделение этих двух качеств Сталина как политика кому-то может показаться искусственным и даже надуманным. Но, на мой взгляд, это не так, поскольку революционер — это прежде всего разрушитель и низвергатель существующего уклада жизни и порой самого государственного устройства. А государственный — это прежде всего созидатель, и в данном случае созидатель нового общественного строя и нового государства. Эти два качества в Сталине сочетались, и нельзя сказать, что подобное сочетание было гармоничным и вполне естественным. По логике вещей они неизбежно должны были приходить в коллизию, а порой и в острое противоречие друг с другом. И часто на чаше весов приходилось взвешивать интересы революционного характера, и интересы государственного плана. Какая чаша весов перевесит — от этого зависело многое. Внутренняя диалектическая противоречивость обоих этих качеств неизбежно должна была проявлять себя, вне зависимости от субъективных пожеланий самого Сталина.

Иными словами, сложность Сталина как политической фигуры мирового масштаба во многом объясняется и наличием этих двух важнейших качеств, приходивших порой в столкновение друг с другом. Поэтому о Сталине нельзя говорить отдельно как о революционере и отдельно как о государственнике. Обе эти ипостаси существовали в нем

одновременно. Из этого, однако, не следует, что их удельный вес в общей системе его политической философии был равноценен или одинаков. И тем более, что такое соотношение имело статичный характер. Оно развивалось и изменялось, причем **магистральное направление изменений лежало в русле его постепенного перехода на позиции государственника. В этом мне видится главная особенность эволюции системы политических взглядов Сталина.** И эту особенность надо постоянно держать в уме, когда мы рассматриваем те или иные направления в политической деятельности Сталина не только в целом, но и на важных исторических изломах жизни страны.

Истоки государственности в политическом мышлении Сталина восходят к истории его становления как революционера именно и прежде всего на почве российской действительности. В то время как политическая философия многих его оппонентов, и прежде всего Троцкого, Зиновьева и Каменева (и, может быть, в определенной мере и самого Ленина) складывалась в определенной степени под воздействием реалий западной действительности, поскольку немалую часть своей жизни они провели в эмиграции. На поверхностный взгляд может показаться, что все это — лишь обстоятельства личной жизни, мелкие детали, не способные влиять на формирование политических убеждений, или, если хотите, политических пристрастий. Но это лишь на поверхностный взгляд. Генезис элемента государственного мышления как определенной доминанты у такой личности, как Сталин, на мой взгляд обусловлен тем, что он своими корнями был органически связан с российской действительностью и знал ее лучше своих оппонентов.

Марксистские постулаты о революции, в первую очередь о том, как она будет происходить — то ли одновременно в наиболее развитых странах, то ли разновременно, в зависимости от вызревания объективных условий для этого, — эти постулаты были усвоены Сталиным в полной мере. И эти постулаты ортодоксального марксизма на протяжении довольно длительного времени превалировали в его политическом мышлении. Однако присущие ему чувства реализма и прагматизма служили известными ограничителями, благодаря которым он не стал слепым пленником этих постулатов. Реалии жизни не могли не поставить перед ним вопроса: чему отдавать приоритет — ортодоксальным догмам или требованиям действительности. И он сделал однозначный выбор в пользу второго.

Я несколько увлекся рассуждениями, вроде не имеющими прямого касательства к рассматриваемой теме, но они мне представляются важными для понимания и осмысления процесса политической эволюции Сталина вообще и в области определения перспектив развития страны после смерти Ленина в особенности. Если формулировать суть вопроса внешне упрощенно, но в своей основе правильно, то перед Сталиным встала дилемма: что поставить в качестве бесспорного приоритета — мировую революцию как таковую или же интересы укрепления и развития советского государства? В этом же и заключалась квинтэссенция концепции строительства социализма в одной стране. Окидывая мысленным взором прошлое, вспоминая судьбоносные переломные этапы развития Советского государства в период правления Сталина, неизбежно приходишь к заключению, суть которого можно было бы сформулировать так: в конечном счете противоборство сторон вокруг вопроса о строительстве социализма в одной стране было в значительной мере закамуфлированной формой противоборства по вопросу о судьбе

России как таковой. Если отбросить чисто идеологический флер, в который облекались дискуссии, а вникнуть в самую сердцевину проблемы, то становится ясным, что речь шла о будущем нашей страны как самостоятельного и самодостаточного государства. **Социализм выступал здесь не столько в своем чисто классовом виде, сколько как выражение общенациональной идеи сохранения и развития нашей государственности в условиях коренного изменения мирового соотношения сил и ужесточения межгосударственного соперничества.**

Строго говоря, нужно было определить магистральный маршрут движения нашей страны в суровых бурях второй четверти XX века. Если воспользоваться морской терминологией, то речь шла о том, чтобы выбрать гавань, в которую должен был направиться корабль (Советский Союз). А как еще заметил античный римский писатель и мыслитель Л. А. Сенека, «кто не знает, в какую гавань плыть, для того нет попутного ветра»².

Надеюсь, что высказанные мною общие соображения, хотя они носят схематический характер, помогут читателю проникнуться осознанием важности и в сущности судьбоносного значения выдвинутой Сталиным концепции строительства социализма в одной, отдельно взятой стране. Именно взгляд из настоящего в прошлое помогает понять эту истину. Разумеется, в середине 20-х годов дискуссии вокруг данной проблемы проходили в ином ключе, с использованием иной терминологии, других понятий и аргументов. Однако внешняя сторона проблемы нисколько не меняет ее содержательной стороны.

Чисто политические мотивы, мотивы личного соперничества и борьбы за власть, конечно, накладывали свою неизгладимую печать на характер и остроту споров вокруг данной проблемы. Порой именно эти обстоятельства как бы заслоняли само содержание противостояния сторон, что отнюдь не удивительно, поскольку в тот период трудно себе даже представить любого рода теоретические споры и дискуссии, за которыми бы не скрывались мотивы сугубо властного характера. Борьба за власть являлась той осью, вокруг которой вращались политические баталии. Однако было бы неправомерно сводить все к элементарной борьбе за власть. Ведь сама по себе власть является, как правило, не самоцелью, а служит лишь инструментом и орудием осуществления какой-то определенной политической линии и стратегии. Эти два обстоятельства надо иметь в виду, чтобы за накалом страстей и взаимных обвинений, за каскадом аргументов и контраргументов, обрушивавшихся с обеих сторон, не потерять главную и решающую причину всего противоборства.

После этих замечаний перейду к конкретным вопросам поднятой темы.

Свое понимание проблемы строительства социализма в одной стране, т. е. в Советском Союзе, Сталин впервые более или менее четко и ясно изложил в работе «Об основах ленинизма». Причем следует подчеркнуть, что его дебют в политической схватке по данному вопросу, был обескураживающе неудачным. Настолько неудачным, что по прошествии недолгого отрезка времени ему пришлось радикально изменить свою позицию. Вот эта формулировка: «...свергнуть власть буржуазии и поставить власть пролетариата в одной стране, еще не значит обеспечить полную победу социализма. Главная задача социализма — организация социалистического производства — остаётся еще впереди. Можно ли разрешить эту задачу, можно ли добиться окончательной победы

² Луций Аней Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М. 1977. С. 129.

социализма в одной стране, без совместных усилий пролетариев нескольких передовых стран? Нет, невозможно. Для свержения буржуазии достаточно усилий одной страны, — об этом говорит нам история нашей революции. Для окончательной победы социализма, для организации социалистического производства, усилий одной страны, особенно такой крестьянской страны, как Россия, уже недостаточно, — для этого необходимы усилия пролетариев нескольких передовых стран»³.

Попутно следует обратить внимание читателя на следующее немаловажное обстоятельство: приведенная формулировка дается Сталиным по первому изданию его работы «Об основах ленинизма». В последующие издания эта формулировка включена уже в пересмотренном автором виде, а именно в таком:

«Во свержнуть власть буржуазии и поставить власть пролетариата в одной стране — еще не значит обеспечить полную победу социализма. Упрочив свою власть и поведя за собой крестьянство, пролетариат победившей страны может и должен построить социалистическое общество. Но значит ли это, что он тем самым достигнет полной, окончательной победы социализма, т. е. значит ли это, что он может силами лишь одной страны закрепить окончательно социализм и вполне гарантировать страну от интервенции, а значит, и от реставрации? Нет, не значит. Для этого необходима победа революции по крайней мере в нескольких странах. Поэтому развитие и поддержка революции в других странах является существенной задачей победившей революции. Поэтому революция победившей страны должна рассматривать себя не как самодовлеющую величину, а как подспорье, как средство для ускорения победы пролетариата в других странах»⁴.

Внимательно сопоставив две формулировки, сразу же обнаруживаешь, что они принципиальным образом отличаются друг от друга, и это отличие проходит по главному вопросу — о самой возможности успешного строительства социализма в одной стране. Иными словами, Сталин подверг коренной ревизии свою первоначальную установку, сочтя ее явно недостаточной и поэтому неправильной.

Приведенный пример говорит о многом. Прежде всего о том, что Сталин не сразу, а лишь в результате острой политической и идейной борьбы со своими оппонентами пришел к выводу об ошибочности своей первоначальной формулировки. Совсем неслучайным является и тот факт, что во всех изданиях его работы «Об основах ленинизма» исходная формулировка начисто отсутствует, ее заменяет радикально модифицированная. Поскольку в своем первоизданном виде его формулировка по существу ничем не отличалась от концепций Троцкого, изложенных им в теории так называемой перманентной революции. И чтобы у тех, кто изучал произведение Сталина в период пребывания его у власти, все это не бросалось в глаза и не порождало ненужных мыслей о том, что и вожьд на определенном этапе придерживался ошибочной точки зрения, данная формулировка просто была заменена другой, более поздней. Конечно, поступать так имел право каждый автор. Однако в виду того, что эта проблема стала фактически центральной проблемой борьбы с оппозицией, у многих возникали сомнения по поводу правомерности пересмотра задним числом высказанной мысли. Как говорится, что написано пером — не вырубишь топором. Сталину же, вероятно, подобные сомнения этического порядка

³ И. В. Сталин. Соч. Т. 8. С. 61.

⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. 6. С. 107–108.

казались несущественными, поскольку на первый план он выдвигал соображения политической целесообразности. И самого Сталина, и методы его полемики по всем вопросам нельзя раскусить до конца, если мы будем забывать об этой типичной для Сталина черте политической и идейной борьбы.

Однако интересы исторической достоверности событий требуют, чтобы в этот вопрос была внесена полная ясность. В ходе полемики с Троцким генсек вынужден был следующим образом обосновывать сам факт пересмотра своей первоначальной позиции. (Характерно, что этот раздел его заключительного слова на XV партконференции был озаглавлен — «Мелочи и курьезы»). Вот что заявил по этому поводу Сталин: «Тов. Троцкий говорил, далее, о том, что я заменил неточную и неправильную формулировку вопроса о победе социализма в одной стране, данную в моей книжке «Об основах ленинизма» в 1924 году, другой формулировкой, более точной и правильной. Троцкий, видимо, не доволен этим. Почему, на каком основании, — он так и не сказал. Что может быть плохого в том, что я исправил неточную формулировку, заменив её точной? Я вовсе не считаю себя безгрешным. Я думаю, что партия может только выиграть, если ошибка, допущенная тем или иным товарищем, признаётся им и исправляется потом. Что хочет, собственно, сказать Троцкий, подчёркивая этот факт? Может быть, он хочет последовать хорошему примеру и заняться, наконец, исправлением своих многочисленных ошибок? (*Аплодисменты, смех.*) Что же, я готов ему помочь в этом деле, если тут нужна моя помощь, готов его подтолкнуть и помочь ему. (*Аплодисменты, смех.*) Но Троцкий преследует, видимо, какую-то другую цель. Если это верно, то я должен сказать, что его попытка есть попытка с негодными средствами»⁵.

Надо признать, что доводы, приведенные Генеральным секретарем, выглядели вполне убедительными. Когда было нужно, он умел и каяться в своих заблуждениях.

В апреле 1925 года состоялась XIV конференция партии, которая в косвенном виде закрепила промежуточное толкование проблемы построения социализма в одной стране. Я пишу в косвенном виде, поскольку речь шла всего лишь об одобрении тезисов, разработанных в связи с расширенным пленумом Исполкома Коминтерна. Прямо и непосредственно данная проблема на самой конференции, в которой принимал участие и Сталин (но примечательно, что он на ней не выступал ни с докладом, ни просто в прениях), не обсуждалась. Конференция фактически лишь санкционировала тезисы, где в, частности, говорилось: «Опыт русской революции доказал, что такая первая победа в одной стране не только возможна, но что при ряде благоприятных обстоятельств эта первая страна победоносной пролетарской революции может (при известной поддержке международного пролетариата) продержаться и упрочиться на долгий период, даже в том случае, когда эта поддержка не выливается в форме прямых пролетарских революций в других странах»⁶.

Сразу бросается в глаза некоторая условность и даже неопределенность формулировки. И это не случайно, поскольку на следующей странице тезисов приводятся ленинские положения на этот счет. Я их процитирую в том виде, как они даны там, чтобы читатель смог убедиться в противоречивости взглядов самого Ленина по этому вопросу:

XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. 1927. С. 751.

⁶ **Четырнадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков).** Стенографический отчет. М. 1925. С. 309.

«Если смотреть во всемирно-историческом масштабе, то не подлежит никакому сомнению, что конечная победа нашей революции, если бы она осталась одинокой, если бы не было революционного движения в других странах, была бы безнадежной».

«Когда три года назад мы ставили вопрос о задачах и условиях победы пролетарской революции в России, мы всегда говорили, что прочной не может быть эта победа, если только ее не поддержит пролетарская революция на Западе, что правильная оценка нашей революции возможна только с точки зрения международной. Для того, чтобы добиться того, чтобы победить прочно, мы должны добиться победы пролетарской революции во всех или, по крайней мере, в нескольких главных капиталистических странах».

«Это коренное положение ленинизма остается целиком верным и теперь,» — черным по белому записано в утвержденных конференцией тезисах⁷.

Кстати сказать, с докладом по этому вопросу выступал Зиновьев, что, очевидно, и предопределило какую-то невнятность и сумбурность постановки вопроса в целом.

Сталин вскоре после конференции выступил с докладом, посвященным итогам ее работы. В нем он фактически в эпицентр внимания поставил вопрос «о судьбах социализма в Советском Союзе». И, разумеется, попытался дать свою интерпретацию проблемы, сделав упор на анализе противоречий, преодоление которых как раз и делает возможным построение социализма в нашей стране. Надо заметить, что сталинская трактовка шла гораздо дальше и в определенной степени снимала ленинский пессимизм относительно возможности полной победы социализма в одной стране без соответствующей международной поддержки в виде революций в других странах. Здесь Сталин четко разграничил внутренние и внешние предпосылки для победы социализма в одной стране. Он утверждал, что в Советском Союзе имеются все необходимые внутренние условия для построения полного социалистического общества. Его аргументация звучала вполне резонно и убедительно и отличалась четкой нацеленностью на доказательство того, что отрицание возможности построения социализма равносильно позорной и добровольной исторической капитуляции:

«В противном случае нечего было брать власть в октябре и устраивать Октябрьскую революцию. Ибо если возможность и необходимость построения полного социалистического общества исключается по тем или иным соображениям, то тем самым теряет смысл и Октябрьская революция. Кто отрицает возможность построения социализма в одной стране, тот должен обязательно отрицать и правомерность Октябрьской революции»⁸.

Сталин разделил (и вполне резонно) вопрос о строительстве социализма с точки зрения наличия внутренних предпосылок для этого от вопроса о внешних, т. е. международных условий, без учета которых ставить вообще проблему строительства нового общественного строя было бы беспредметно. Для увязки этих двух предпосылок в нечто единое целое, он выдвинул тезис об окончательной победе социализма в одной стране. Иначе говоря, полная победа возможна, поскольку это зависит прежде всего от нас самих, а окончательная невозможна, поскольку это зависит от внешних факторов, определять которые — вне пределов нашей власти. Вот это положение в формулировке Сталина: «... усилий одной страны, если даже эта страна является страной пролетарской

Четырнадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М. 1925. С. 310.

⁸ *И. В. Сталин.* Соч. Т. 7. С. 117.

«Если смотреть во всемирно-историческом масштабе, то не подлежит никакому сомнению, что конечная победа нашей революции, если бы она осталась одинокой, если бы не было революционного движения в других странах, была бы безнадежной».

«Когда три года назад мы ставили вопрос о задачах и условиях победы пролетарской революции в России, мы всегда говорили, что прочной не может быть эта победа, если только ее не поддержит пролетарская революция на Западе, что правильная оценка нашей революции возможна только с точки зрения международной. Для того, чтобы добиться того, чтобы победить прочно, мы должны добиться победы пролетарской революции во всех или, по крайней мере, в нескольких главных капиталистических странах».

«Это коренное положение ленинизма остается целиком верным и теперь,» — черным по белому записано в утвержденных конференцией тезисах⁷.

Кстати сказать, с докладом по этому вопросу выступал Зиновьев, что, очевидно, и предопределило какую-то невнятность и сумбурность постановки вопроса в целом.

Сталин вскоре после конференции выступил с докладом, посвященным итогам ее работы. В нем он фактически в эпицентр внимания поставил вопрос «о судьбах социализма в Советском Союзе». И, разумеется, попытался дать свою интерпретацию проблемы, сделав упор на анализе противоречий, преодоление которых как раз и делает возможным построение социализма в нашей стране. Надо заметить, что сталинская трактовка шла гораздо дальше и в определенной степени снимала ленинский пессимизм относительно возможности полной победы социализма в одной стране без соответствующей международной поддержки в виде революций в других странах. Здесь Сталин четко разграничил внутренние и внешние предпосылки для победы социализма в одной стране. Он утверждал, что в Советском Союзе имеются все необходимые внутренние условия для построения полного социалистического общества. Его аргументация звучала вполне резонно и убедительно и отличалась четкой нацеленностью на доказательство того, что отрицание возможности построения социализма равносильно позорной и добровольной исторической капитуляции:

«В противном случае нечего было брать власть в октябре и устраивать Октябрьскую революцию. Ибо если возможность и необходимость построения полного социалистического общества исключается по тем или иным соображениям, то тем самым теряет смысл и Октябрьская революция. Кто отрицает возможность построения социализма в одной стране, тот должен обязательно отрицать и правомерность Октябрьской революции»⁸.

Сталин разделил (и вполне резонно) вопрос о строительстве социализма с точки зрения наличия внутренних предпосылок для этого от вопроса о внешних, т. е. международных условий, без учета которых ставить вообще проблему строительства нового общественного строя было бы беспредметно. Для увязки этих двух предпосылок в нечто единое целое, он выдвинул тезис об окончательной победе социализма в одной стране. Иначе говоря, полная победа возможна, поскольку это зависит прежде всего от нас самих, а окончательная невозможна, поскольку это зависит от внешних факторов, определять которые — вне пределов нашей власти. Вот это положение в формулировке Сталина: «... усилий одной страны, если даже эта страна является страной пролетарской

Четырнадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков).
Стенографический отчет. М. 1925. С. 310.

⁸ И. В. Сталин. Соч. Т. 7. С. 117.

диктатуры, недостаточно для того, чтобы полностью гарантировать её от опасности интервенции. Полная гарантия от интервенции, а значит, и окончательная победа социализма возможна, ввиду этого, лишь в международном масштабе, лишь в результате совместных усилий пролетариев ряда стран, или — ещё лучше — лишь в результате победы пролетариев нескольких стран»⁹.

Я не стану вдаваться во все детали сталинской аргументации, равно как и проследивать постепенную кристаллизацию его идей до тех пор, пока они не приняли четкую и вполне определенную форму. Для этого понадобилось бы слишком много места. Замечу лишь, что ожесточенные дебаты по вопросу данной концепции продолжались на протяжении еще трех с лишним лет и выступали в качестве краеугольного камня противоборства сталинской группировки с оппозиций — сначала в лице Троцкого, а затем объединившихся с ним Зиновьева и Каменева. Следует добавить, что позицию Сталина в дискуссии в основном поддерживал Бухарин. Однако его видение перспектив социалистического строительства в существенных моментах отличалось от сталинского. Это наглядно видно из следующих слов Бухарина: «Мы в этих дискуссиях вполне завоевали, мне кажется, для всей партии ясное и точное убеждение в том, что из-за классовых различий внутри нашей страны, из-за нашей технической отсталости мы не погибнем, что мы можем строить социализм даже на этой нищенской технической базе, что этот рост социализма будет во много раз медленнее, что мы будем плестись черепашиным шагом, но что все-таки мы социализм строим и что мы его построим»¹⁰.

Точка зрения Бухарина вроде в своей основе совпадает со сталинской. Однако это только на первый взгляд, поскольку строительство социализма «черепашиными темпами» фактически обрекало страну в лучшем случае на неопределенно долгое прозябание, а в худшем — на неизбежный крах, поскольку внешние условия требовали преодоления российской отсталости в максимально короткие исторические сроки. В противном случае весь этот сыр-бор вокруг идеи строительства социализма терял всякий практический смысл, ибо наша страна была бы раздавлена внешними силами. Впоследствии проблема темпов развития, источников для роста промышленного производства, путей и методов подъема сельскохозяйственного производства — все эти и ряд других вопросов, стали камнем преткновения в отношениях Сталина с группой Бухарина — Рыкова. Но об этом пойдет речь в одной из последующих глав.

Здесь же я считаю уместным затронуть еще один вопрос. Троцкий и его сторонники в критике сталинской концепции социализма в одной стране апеллировали к высказываниям на этот счет Ленина. Аналогичным образом поступал и Сталин, поскольку ссылки на Ленина в среде большевиков той поры были равнозначны тому, что для христиан значили высказывания из Нового Завета. И обе стороны прикрывались одними и теми же ленинскими словами, доказывая прямо противоположное. И весь парадокс заключался в том, что и первые, и вторые в своих ссылках на Ленина были правы. Корень зла заключался в том, что противоречивые, относящиеся к разным историческим эпохам, оценки Ленина давали возможность двойственной, а зачастую диаметрально противоположной их интерпретации.

⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 7. С. 118.

¹⁰ XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. — Л. 1926. С. 135.

Впоследствии, уже находясь на вершине политического Олимпа, Сталин считал необходимым вернуться к данной проблеме, чтобы еще раз прояснить некоторые ее аспекты. Выступая на совещании пропагандистов в связи с выходом в свет Краткого курса истории ВКП(б), он подчеркнул: «... Вопрос о победе социализма в одной стране тоже несколько опошлялся. Рассматривали этот вопрос под углом зрения: возможна ли победа социализма в отдельно взятой стране, но не брали другую сторону, что победа социализма во всех странах сразу невозможна. Ведь Ленин не только учил о том, что победа социализма в отдельных странах при неравномерности развития капиталистических стран возможна, потому что неравномерное развитие, одни отстают, другие забегают, но Ленин еще пришел к такому выводу, что так как одни отстают, другие забегают, одни дерутся, другие чешутся, то одновременный удар невозможен»¹¹.

Соблюдая верность истине, надо сказать, что критика со стороны Троцкого позиций Сталина и тогдашних его сторонников выглядела порой довольно убедительно (по крайней мере с логической точки зрения) и была весьма остроумна. Я приведу лишь один пассаж из его выступления на XV партийной конференции (осень 1926 года): «... Я говорю, что черепашым шагом мы социализма не построим никогда, ибо нас все строже контролирует мировой рынок. (*Возглас: «Вы трусили!»*) Вы возьмите, как т. Бухарин представляет себе эту постройку. В последней своей статье в «Большевике» (нужно сказать, что это наиболее схоластическое произведение бухаринского пера) (*смех*) он говорит: «Спор идет о том, сможем ли мы строить социализм и построить его, если мы отвлекаемой от международных дел, т. е. спор идет о характере нашей революции». (Бухарин, «Большевик», № 19—20, стр. 54.) Слышите: «можем ли мы построить социализм в нашей стране, если мы отвлекаемся от международных дел». Если «отвлекаемся», то можно. Но отвлекаться-то нельзя! В этом вся штука. (*Смех*). Можно в январе месяце нагишом пройти по Москве, если «отвлечься» от погоды и от милиции. (*Смех*.) Но я боюсь, что ни погода, ни милиция не отвлекутся от вас, если вы этот опыт проделаете. (*Смех*.)»¹².

Но, как говорится, смех смехом, а дело само по себе. Ни ораторские, ни саркастические способности и увертки Троцкого не смогли уберечь его от поражения. Делегаты посмеялись, но решительно и безоговорочно отвергли все аргументы противников сталинской концепции. И это было предопределено отнюдь не единственным фактом того, что у Сталина к тому времени в руках был такой мощный инструмент в политической борьбе, как партийный аппарат. Главной и решающей причиной победы Сталина в этом противоборстве — и это мне представляется чрезвычайно важным подчеркнуть — являлось то, что партия в целом разделяла реалистическую, серьезно аргументированную, а не доктринерски-схоластическую постановку вопроса о перспективах социалистического строительства в СССР. Нужно было радикальным образом сместить акценты во всей политической стратегии страны — вместо ставки на разжигание мировой революции, на помощь со стороны новых социалистических революций в Западной Европе или на Востоке нужно было взять курс опоры прежде всего на собственные силы. Необходимо было ориентироваться не на химеры, вроде мировой революции, а на организацию и концентрацию собственных усилий и ресурсов в деле дальнейшего строительства.

"Исторический архив" 1994 г. № 5. С. 13.

XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. 1927. С. 530.

И Сталин, в сущности, и сделал такой выбор — причем единственно правильный и единственно перспективный — что само по себе было равносильно коренному повороту в исторических судьбах нашей страны в тот период. Да и не только в тот период, но и в большом историческом измерении. При этом нельзя замолчать одно существенное обстоятельство: генсек в своих политических баталиях с оппонентами не только не отказался от использования ссылок на мировую революцию и возможные революционные потрясения в странах капитала. В тех условиях поступить так — было равнозначно дать мощное оружие своим врагам. Поэтому в выступлениях Сталина по-прежнему то и дело встречаются рассуждения как о мировой революции, так и о том, что строительство социализма в одной стране — это не самоцель, а средство продвижения дела этой революции. Но если отбросить всю эту риторику и посмотреть фактам в глаза, то в действительности никакой ставки на мировую революцию в воззрениях Сталина уже не было. И самое главное — Советская Россия рассматривалась в качестве важнейшего приоритета, не она должна служить делу мировой революции, а, наоборот, всякого рода революционные потрясения должны быть поставлены на службу строительству социализма в одной стране. Иными словами, если в ортодоксальном ленинизме телега была поставлена впереди лошади, то в концепции Сталина лошадь уже встала на свое место впереди телеги. Для подтверждения обоснованности этого утверждения, мне кажется, не нужны многочисленные аргументы и факты. Весь дальнейший путь, по которому пошел Советский Союз, служит тому самым убедительным доказательством.

Мне думается, что для более глубокого уяснения существа проблемы и в интересах большей объективности стоит привести некоторые оценки концепции строительства социализма в одной стране, принадлежащие западным биографам Сталина. Причем я беру прежде всего тех, кто не проявляет к Сталину как политической фигуре никакой симпатии, а, напротив, относится к нему чрезвычайно критически.

Известный американский специалист по русской и советской истории Р. Хингли в своем объемистом труде о Сталине рассматривает теорию Сталина о строительстве социализма в одной стране прежде всего в плоскости политической борьбы, а именно в качестве одного из самых мощных средств дискредитации своих противников. Мол, для его коллег, более идеологически подкованных, успешное начало продвижения новой доктрины Генеральным секретарем явилось шоком, поскольку слабость Сталина как политического теоретика чуть ли не вошла в поговорку. Вместе с тем американский автор вынужден был констатировать, что непрерывная «черeda политических побед Сталина не может быть приписана только его исключительной жесткости, помноженной на кажущуюся неуязвимость. Его самое большое преимущество перед всеми другими соперниками, конечно, заключалось в его способности извлекать уроки и учиться на основе опыта. Здесь он демонстрировал гибкость, которая могла бы казаться удивительной в человеке, вся манера поведения которого являлась воинственно антиинтеллектуальной... Достижения Сталина, как это ни звучит парадоксально, носят гораздо более творческий характер, чем признают его биографы»¹⁵.

И даже такой яркий антикоммунист и антисталинист, как Р. Конквест, по рассмотрении теоретических и практических аргументов, использованных Сталиным для обоснования доктрины построения социализма в одной, отдельно взятой стране, вынужден

¹⁵ Ronald Hingley. Joseph Stalin: Man and Legend. N. Y. 1974. p. 169.

констатировать следующее: подход и обоснование Сталиным его концепции часто рассматривался марксистскими пуристами в качестве ошибочного и менее утонченного, чем анализ его оппонентов, однако его подход был адекватен реальным условиям¹⁴.

И в качестве финального аккорда к рассмотрению данной темы в самом общем виде затронут один, в сущности, вполне ясный, но иногда искажаемый вопрос, а именно: был ли Сталин подлинным автором концепции строительства социализма в одной стране или же пальма первенства здесь принадлежит кому-то другому? Как мог убедиться читатель, эта концепция в своем первоначальном виде достаточно ясно и четко была сформулирована Сталиным еще в апреле 1924 года в работе «Об основах ленинизма». Автор же самой фундаментальной биографии Сталина Р. Такер пишет: «Когда Бухарин, выдвинув концепцию построения социализма в одной, отдельно взятой стране, не придавал ей основополагающего значения, у Сталина появилась такая возможность. Именно это ему и было нужно. В то время как Бухарин сделал упор на «социализм» и в особенности на его экономический аспект, Сталин ухватился за тему «одной страны» и использовал ее в борьбе против Троцкого по основным идеологическим вопросам политики партии. Этим он существенно укрепил свои позиции в борьбе за главенствующую роль в партии»¹⁵. Каких-либо ссылок на источники, способные подтвердить данное утверждение, Р. Такер не приводит. Но не только в силу данного обстоятельства его категорическое заявление не отвечает истине. Оно не соответствует самим основам бухаринских взглядов.

Несколько проясняет ситуацию американский советолог С. Коен в своей книге о Бухарине. В ней он, как мне показалось, не совсем уверенно, а, так сказать, в виде определенных недомолвок и высказываний, могущих быть истолкованными по-разному, проводит мысль о том, что фактически Бухарин является первоначальным автором доктрины строительства социализма в одной стране. Вот что пишет С. Коен по данному вопросу: «Выступая против «перманентных революционеров», Сталин первый отчетливо выдвинул эту идею, но именно Бухарин развил ее в теорию и дал, таким образом, официальное обоснование «социализма в одной стране» в 20-х гг. ...Он приближался к такой концепции с ноября 1922 г.; она содержалась косвенным образом в его положении о «врастании в социализм». Но только в апреле 1925 г., спустя три месяца после сталинского заявления, Бухарин сформулировал проблему публично и недвусмысленно»¹⁶.

Словом, ясно одно — почти ничего определенного! Один пишет, что Бухарин был первым, кто выдвинул эту доктрину, а Сталин лишь использовал ее. Другой пишет, что авторство идеи принадлежит Сталину, но в целостную теорию ее превратил якобы Бухарин. Конечно, Бухарин был теоретиком и чрезвычайно плодовитым автором. В его выступлениях и многочисленных статьях содержалось много разных идей, но говорить о какой-то законченной целостности его воззрений, на мой взгляд, нет достаточных оснований. И уж совсем нет оснований причислять его к первооткрывателям концепции строительства социализма в одной стране. Как уже мог убедиться читатель, концепция такого строительства «черепашьими темпами» скорее выглядит как насмешка над концепцией, чем ее творческое обоснование и развитие.

Кроме того, важно подчеркнуть и такую особенность подхода Бухарина: концепцию строительства социализма в одной стране он органически связывал с идеей мировой

См. Robert Conquest. Stalin. p. 123.

Роберт Такер. Сталин. Путь к власти 1879 – 1929. С. 340

¹⁶ Стивен Козн. Бухарин. Политическая биография. 1888 – 1938. М. 1988. С. 224.

революции. Если договаривать до конца, то он фактически подчинял задачу строительства в нашей стране глобальным планам осуществления мировой революции. Не останавливаясь на этом, он допускал и возможность своеобразного экспорта революции, хотя и выражал эту мысль в весьма осторожной форме. В качестве доказательства приведу его собственное высказывание на XV конференции партии: «Наша революция есть составная часть международной революции, и, конечно, наша окончательная победа есть победа мирового коммунизма. Какой же дурак против этого спорить станет? Мы здесь по сути — международные революционеры, и этот вопрос ставится настолько остро, что мы теоретически допускаем наступление победоносной революции против капиталистических стран»¹⁷.

Конечно, и в выступлениях Сталина тех лет присутствуют риторические заклинания относительно мировой революции. Однако они и воспринимаются как политическая риторика, а не как программа политических действий, ибо центр тяжести в его воззрениях лежит на внутреннем строительстве, на концентрации всех усилий страны на решении фундаментальных проблем внутреннего развития. В этом состоит коренное различие принципиальных позиций Сталина и Бухарина. Попутно замечу, что обоих этих деятелей в рассматриваемый период связывала общность целей и интересов борьбы против троцкистов и зиновьевцев. Читая стенограммы съездов и конференций, часто наталкиваешься на одобрительные ремарки генсека во время выступлений Бухарина против их общих оппонентов. Так, на той же конференции стенографистки зафиксировали: Сталин с места: «Здорово, Бухарин, здорово. Не говорит, а режет»¹⁸.

Суммируя сказанное, полагаю, что приведенные факты и аргументы позволяют сделать однозначный вывод: в своем целостном и конкретизированном виде концепция строительства социализма в одной отдельно взятой стране является продуктом творческой мысли и практической деятельности Сталина. Читая самого Сталина, постоянно встречаешь ссылки на ленинское авторство этой идеи, что, однако, не должно вводить читателя в заблуждение: в сложившихся тогда условиях, в обстановке ожесточенной политической и идейной борьбы, когда Сталин еще не обладал ни полнотой власти, ни достаточно высоким авторитетом в качестве теоретика, защищать данную концепцию только от своего имени он просто не мог. Сталин выдвинул и обосновал концепцию строительства социализма в одной стране отнюдь не из чистой любви к теоретическим изысканиям. Эта черта как раз и не была присуща ему. Основные концепции и идеи Сталина являли собой прежде всего продукт не теоретических размышлений и обобщений, а были ответом на реальные потребности развития страны. Они имели своей прародительницей общественную практику. И это нисколько не приземляет их научную ценность и значимость.

2. XIV съезд партии: ответ Сталина на открытый вызов оппозиции

Во всем широком спектре разногласий между Сталиным и его оппонентами сначала с левой, а затем и правой оппозицией, центральное место неизменно занимали вопросы обладания властью. Но властью не самой по себе, не как самоцелью, а как инструментом

XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. С. 603.

¹⁸ Там же. С. 601

реализации определенных политических целей. Поэтому абсолютно естественно и закономерно борьба вокруг концепции строительства социализма далеко вышла за рамки теоретического спора (да таковой она, собственно, и не являлась с самого начала). В партии к тому времени обнаружили расхождения практически по всем сколько-нибудь значимым вопросам и без того сложной жизни страны. Речь шла прежде всего о выборе направления и темпов реконструкции народного хозяйства, обозначении приоритетов экономической политики, о том, что поставить во главу угла — подъем промышленности или развитие сельского хозяйства. Вообще-то говоря, конфликтующие стороны, и, разумеется, Сталин, прекрасно отдавали отчет в том, что все отрасли народного хозяйства должны развиваться ускоренными темпами. Но все упиралось в то, откуда взять для этого необходимые средства, материальные, людские и иные ресурсы. Имелись серьезные расхождения и по вопросам текущей политики, политики цен, налогов, внешней торговли, словом, по всему комплексу народно-хозяйственных проблем страны.

Проведение новой экономической политики к тому времени принесло свои положительные результаты: в 1925 году продукция крупной промышленности составила три четверти ее довоенного объема, а валовая продукция сельского хозяйства — 112% довоенного уровня¹⁹. Масштабная и весьма эффективная работа проводилась в сфере народного образования и просвещения (речь шла в первую очередь о ликвидации простой неграмотности), в области культуры и т. д. Я не стану здесь пространно освещать все эти, важные сами по себе вопросы, поскольку в эпицентре моего внимания стоят прежде всего те проблемы, которые помогают раскрыть политическую и государственную деятельность Сталина в этот период. А она, если формулировать в двух словах, сводилась к борьбе. К борьбе, имевшей много видимых и невидимых фронтов.

Одним из ключевых вопросов был вопрос о том, откуда черпать средства на проведение индустриализации страны, подъема научно-технического уровня всех отраслей и без того крайне отсталой промышленности. Внутренние ресурсы были относительно ограничены, внешние же — в тот период почти недоступны, хотя уже намечались определенные сдвиги в расширении торговых связей (их тормозил отказ Советской России от признания царских долгов, общая сумма которых превышала 7 млрд. золотых рублей.) Периодически возникали такие проблемы, как кризис сбыта товаров из-за их недоступности массовому потребителю, затем нехватка этих же самых товаров, но уже из-за того, что промышленность не поспевала за спросом со стороны зажиточной и относительно богатой части сельского населения. Так, в 1923 году серьезные просчеты обернулись кризисом сбыта. На складах осели товары, недоступные из-за высоких цен массовому потребителю, то есть в первую очередь многомиллионному крестьянству. Это был явственный сигнал: ускоренный подъем индустрии нельзя базировать главным образом на основе неэквивалентного обмена с деревней. Но уроки, как говорится, не пошли впровк. Вернее, они оказались не столь поучительны, поскольку не охладили умы тех, кто считал, что индустриализацию страны можно осуществить в основном за счет эксплуатации крестьянства. Один из видных идеологов троцкизма Е. А. Преображенский сухим научным языком сформулировал суть нового закона первоначального социалистического накопления. Этот закон гласил: *«Чем более экономически отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической*

¹⁹ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Книга первая. С. 371.

организации производства, чем меньше то наследство, которое получает в фонд своего социалистического накопления пролетариат данной страны в момент социальной революции, тем больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на эксплуатацию досоциалистических форм хозяйства...»²⁰

В дальнейшем в широкий обиход вошло понятие военно-феодалная эксплуатация крестьянства. Этот термин в качестве серьезного аргумента использовал Сталин в борьбе против троцкизма. И был, по своему, безусловно прав. Что, однако, не помешало ему через несколько лет самому прибегнуть к методам, о которых можно сказать, что они были почище, чем просто военно-феодалная эксплуатация крестьянства. (Но об этом пойдет речь в последующих главах). Здесь же я пытаюсь обозначить только пунктирной линией лишь контуры экономических проблем середины 20-х годов. Хозяйственная конъюнктура страны (как в промышленности, так и в сельском хозяйстве) при общем росте характеризовалась всякого рода сбоями — по пословице: хвост вылез, нос увяз, нос вылез — хвост увяз. При этом надо отметить, что хотя и крайне медленными, черепашими темпами, но все-таки рос уровень материального благосостояния широких слоев населения. Правда, по современным меркам, даже само понятие — «материальное благосостояние» — и использовать как-то неловко: чрезвычайно низким был уровень жизни вообще.

Но главные экономические проблемы по-прежнему оставались на первом плане. Сердцевинной этих проблем была задача превращения Советского Союза в передовую индустриальную державу. Неудачи хлебозаготовительной кампании 1925 года самым наглядным образом показали, что единственное спасение страны лежит в русле создания многоотраслевой отечественной индустрии и соответствующего развития минерально-сырьевой базы. И уже на этой основе — и параллельно с ней — интенсивное развитие товарного сельскохозяйственного производства. Само собой понятно, что выбор стратегии экономического развития страны был сопряжен с серьезными социальными проблемами. С отношениями между классами советского общества — прежде всего рабочего класса и крестьянства в целом. А проблема правильного формирования таких отношений на базе сотрудничества, а не конфронтации составляла, как постоянно подчеркивали большевики, в том числе и соперничающие между собой группировки в партийном руководстве, фундаментальную основу успешного строительства нового общественного уклада.

Если говорить обобщенно (а, значит, и несколько все упрощая), то оппозиция выражала самые серьезные сомнения, а точнее сказать, неверие в способности нашей страны решить эти задачи. Оппозиция, в частности, Троцкий, утверждала, что «резкая передвижка» сил и средств на нужды тяжелой индустрии будто бы приведет не к усилению, а к замедлению темпов роста всей советской экономики. Троцкий характеризовал советскую промышленность как госкапиталистическую (гигантский «трест трестов», находящийся в руках государства), а советский экономический строй как «врастающий» в мировой капиталистический рынок. Он призывал «не игнорировать» сложившееся при капитализме мировое разделение труда, обрекавшее СССР на роль аграрно-сырьевого придатка промышленно-развитых стран. Троцкий и его сторонники предлагали держать курс на

²⁰ Преображенский Е. Основной закон социалистического накопления. — "Вестник Коммунистической академии". 1924 г. № 8. С. 92.

увеличение импорта промышленных изделий, всемерно привлекать и даже насаждать частный, особенно иностранный капитал²¹.

О том, какой позиции придерживался Сталин по этим ключевым вопросам, расскажем чуть ниже. Здесь же отметим, что в самом партийном руководстве резко обострилась борьба между группировкой Сталина, с одной стороны, и группировкой во главе с Зиновьевым и Каменевым, с другой. Используя свои прочные позиции в Ленинграде, Зиновьев фактически сколотил фракцию, открыто бросившую вызов центральному партийному руководству во главе со Сталиным. К осени 1925 года, как раз в период подготовки к очередному, XIV съезду, партии сложилась так называемая новая, или ленинградская оппозиция. Она повела массированную атаку против ЦК, концентрируя свой огонь на Сталине.

➤ Именно в это время (октябрь 1925 года) умер М. В. Фрунзе, бывший в то время кандидатом в члены Политбюро, председателем Реввоенсовета и главой военного ведомства. Приходится хотя бы в самой конспективной форме остановиться на этом вопросе, поскольку в литературе настоящие права гражданства получила версия о причастности Сталина к смерти Фрунзе. Например, Р. Медведев утверждает: «Неожиданная смерть Фрунзе в 1925 г. и Дзержинского в 1926 г. изменила расстановку сил в руководстве партии и, несомненно, усилила позиции и влияние Сталина, который сумел в 1925 — 1926 гг. взять под свой личный контроль руководство Красной Армией и ОГПУ, что было бы невозможно при Фрунзе и Дзержинском. Известно, что Дзержинский прямо инструктировал всех чекистов, что органы ВЧК—ОГПУ являются органами партии и революции и не могут, не должны и не имеют права служить интересам какого-либо отдельного «вождя» партии»²².

Р. Медведев на протяжении нескольких страниц своей книги доказывает, что организатором всех мер, приведших к смерти Фрунзе был Сталин. Приводит отрывки из писем самого Фрунзе жене (в которой содержатся противоречивые детали: с одной стороны, мол, чувствую себя хорошо и т. д. С другой стороны, решением консилиума врачей о проведении операции лично удовлетворен.) Словом, масса деталей, призванных доказать, что против Фрунзе был организован по инициативе Сталина медицинский заговор. Правда, Р. Медведев в качестве контраргумента своим утверждениям не обходит и мнение американского историка и советолога А. Улама в связи с опубликованием в 1926 году «Повести о непогашенной луне» Б. Пильняка. В повести содержались прямые намеки на причастность Сталина к смерти Фрунзе. А Улам считал публикацию Б. Пильняка клеветой, которую тот «предпринял под влиянием кого-то, кто хотел ударить по Сталину. Примечательно, — писал Улам, — что для Пильняка и редактора в то время не было никаких последствий... То ли от презрения ко лжи, то ли из-за расчетливой сдержанности, а может быть, и от того, и другого, Сталин предпочел не реагировать на клевету, которая даже в демократическом обществе обеспечила бы достаточные основания для уголовного судебного преследования ее автора и издателя»²³.

Почему же Сталин столь мягко отреагировал на плохо замаскированный выпад против него? А. Улам объясняет данный эпизод так: «Диктатура требует от диктатора не только

²¹ Подробнее об этом см. **История Коммунистической партии Советского Союза**. Т. 4. Книга первая. С. 409–411.

²² *Рой Медведев*. О Сталине и сталинизме. М. 1990. С. 129.

²³ *Adam B. Ulam*. Stalin. p. 260–261.

неуспышной бдительности и тяжелого труда, к чему Сталин был более чем способен пока не оказался побежденным возрастом, но также и политической сдержанности, а это в конце концов шло вразрез с его натурой»²⁴. Как видим, объяснение А. Улама выглядят довольно туманными и внутренне противоречивыми. Однако главный вывод о непричастности генсека к смерти М. Фрунзе выражен вполне однозначно.

Много места эпизоду, непосредственно связанному со смертью М. Фрунзе, уделяет и В. Топольянский, сам медик по профессии. Аргументация примерна та же, что и у Р. Медведева, только значительно разбавленная деталями, в том числе и ссылками на архивные источники. Но главное в его книге не те или иные интересные детали, а итоговые умозаключения, большей частью построенные на превратном, по крайней мере, одностороннем и целенаправленном истолковании самих фактов. В каком-то смысле его финальные умозаключения строятся на самих же умозаключениях²⁵.

Не менее безапелляционен и такой весьма основательный знаток и исследователь троцкизма, как В. Роговин, который без обиняков утверждает, что Сталин «прибегал к замаскированным или тайным убийствам (одним из примеров этого служит смерть Фрунзе во время хирургической операции, проведенной по приказу Сталина)...»²⁶

В чем же мне видится несостоятельность версии о причастности генсека к смерти М. Фрунзе? Изложу лишь самые главные доводы.

Во-первых, Сталин в тот период не обладал столь необъятной властью, чтобы по его личному указанию медики шли на убийство пациентов. К этому можно было принудить, скажем, во второй половине 30-х годов (да и то не столь примитивно и до умиления просто), но никак не в середине 20-х годов, когда, как я уже писал, порой и над самим генсеком нависала угроза утраты собственного поста.

Во-вторых, авторы этих тенденциозных гипотез (зачастую выдаваемых чуть ли не в качестве доказанных фактов) явно грешат против правды, полагая, что Сталин уже тогда установил свой единоличный контроль над органами госбезопасности (ОГПУ) и Красной Армией. Это противоречит не только реальным фактам, но и фактически является своего рода экстраполяцией положения середины 30-х годов на ситуацию середины 20-х годов. Вообще метод экстраполяции событий более позднего периода на события более раннего периода сам по себе весьма рискованный. В историческом исследовании им пользоваться надо с исключительной осторожностью, поскольку он может содержать в себе большую долю искусственной натяжки. Общепринято считать, что всякое сравнение рискованно, а аналогия — еще не доказательство. Это в полной мере приложимо и к оценке событий периода, о котором идет речь. Добавлю, что даже в конце 20-х годов, как будет показано в последующих главах, власть Сталина над органами ОГПУ не являлась безраздельной: некоторые руководители этих органов (например, наиболее влиятельный из них Ягода) сочувствовали правым и рассматривать их в качестве послушного орудия генсека — значит серьезно исказить реальное положение дел. Словом, есть значительный круг фактов, ставящих под сомнение утверждения о том, будто Сталин легко мог манипулировать органами безопасности в своих личных целях, устраняя с их помощью своих политических соперников или вообще неудобных ему лиц. Не надо

²⁴ Adam B. Ulam. Stalin. p. 259.

²⁵ См. Виктор Топольянский. Вожди в законе. Очерки физиологии власти. М. 1996.

²⁶ Вадим Роговин. Была ли альтернатива? Троцкизм: взгляд через годы. С. 200.

смешивать совершенно разные эпохи и на такой сомнительной базе строить систему доказательств.

И в-третьих, достоверные факты показывают, что и Фрунзе, и Дзержинский были не реальными или потенциальными противниками генсека, а, наоборот, его последовательными сторонниками. Сталина с Фрунзе связывали тесные политические нити, к тому же, они являлись старыми соратниками по временам Гражданской войны. Конечно, между ними могли быть и разногласия по каким-то конкретным вопросам, но в целом же их никак нельзя считать политическими антагонистами, реальными или потенциальными. К сожалению, весь корпус доказательств о прямой или косвенной причастности Сталина к смерти Фрунзе строится при полном игнорировании этих фундаментальных положений.

Что же касается чисто медицинских аспектов, то я приведу в качестве убедительной иллюстрации письмо видного военного и партийного деятеля тех времен С. Минина (он, кстати, был близок и к Фрунзе, и к Сталину по временам Гражданской войны), которое позволяет трезво, а не зашоренными глазами взглянуть на весь этот сюжет. Оно написано за два с лишним года до смерти М. Фрунзе и красноречиво говорит само за себя. Вот его текст:

«20/IV-1923 г.

Климу. (Ворошилову — Н. К.) Сталину. Серго (Орджоникидзе — Н. К.).

Меня удивляет, почему вы не обращаете необходимого внимания на болезнь Фрунзе. Правда, ЦК в прошлом году постановил, что Фрунзе должен лечиться и дал средства. Но этого мало. Нужно проследить выполнение. Недуг у него жестокий (язва желудка) и может оказаться роковым. Врачи рекомендуют четыре месяца серьезного лечения. На будущий год это будет 6 месяцев и т. д. А потом будем, при выбытии из строя Михаила Васильевича, говорить, что вот-де как работал, забывая тяжелую болезнь и тому подобное.

Как вижу, Фрунзе совсем не собирается как следует лечиться: там-де будут маневры и проч.

Необходимо по-товарищески и партийным путем заставить лечиться, как это, кажется, со многими делал т. Ленин.

С. Минин»²⁷.

Из текста письма со всей очевидностью явствует, что друзья М. Фрунзе серьезно беспокоились за его жизнь, особенно принимая во внимание, что он сам довольно беспечно относился к своему лечению. Опасение, что исход может стать роковым, высказывались задолго до его смерти на операционном столе. С твердой уверенностью утверждать, что же привело к такому роковому исходу, решится разве только тот, кому заранее нужен какой-то конкретный виновник его смерти. В данном случае — Сталин. Принципиальные решения по вопросам лечения и даже о проведении серьезных медицинских операций принимались в Политбюро, коль речь шла о фигурах высшего руководства. Разумеется, речь идет о решениях политического, а не медицинского характера. Так что решение об операции М. Фрунзе ни в коем случае не представляет собой какое-то уникальное явление: такова была установившаяся практика, поскольку руководящие деятели партии рассматривали себя в качестве бойцов партии и считались с ее рекомендациями даже в личных вопросах. Поэтому делать акцент на каком-то заведомо

²⁷ Большевицкое руководство. Переписка. 1912 — 1927. С. 273.

преступном характере самой рекомендации о проведении операции, в данном случае М. Фрунзе, на мой взгляд, нет серьезных оснований.

Но некоторым биографам Сталина нужна не истина, а компромат на генсека, поэтому они в это прокрустово ложе презумпции заведомой виновности втискивают буквально все факты и детали, способные бросить тень подозрения на него. Хотя даже они допускают вероятность случайной врачебной ошибки или непредвиденного хода самой медицинской операции, но все-таки, по существу, во всем этом усматривают одно — убийство по политическим мотивам. Выше я уже указывал, что никакого политического резона Сталин не имел, чтобы приближать смерть своего политического союзника и единомышленника, ярого противника Троцкого. Напротив, в период подготовки к XIV съезду партии, предвещавшего самую острую схватку с оппозицией, председатель Реввоенсовета М. Фрунзе был нужен генсеку как серьезный союзник, на поддержку которого он вполне мог рассчитывать. Эта элементарная логика вообще игнорируется адептами версии о заговоре с целью ускорить смерть М. Фрунзе.

Если посмотреть глубже на эту проблему, то следует сказать, что слухи о преднамеренном убийстве Фрунзе, а также Дзержинского родились не благодаря усилиям старых и новых «разоблачителей» Сталина. Они появились сразу же после смерти последних. Правда, виновников их кончины искали совсем по другим адресам, чем ныне. Чтобы читателю было ясно, что я имею в виду, приведу письмо некоего Еремеева, адресованное Сталину и датированное 21 июлем 1926 г. Вот его полный текст, не нуждающийся в каких-либо комментариях:

«Секретарю Парткомитета Дорогому тов[аришу] СТАЛИНУ

Настоящим прошу обратить внимание, [что] дорогой наш вождь и учитель Революции Раб[очих] и крестьян тов[арищ] ЛЕНИН скончался не по своей болезни, а от отравления яда. Затем последовали так же этой смертью 2 товарища: ФРУНЗЕ и ДЗЕРЖИНСКИЙ. Вся старая гвардия гибнет от яду, яд приобретен [у] врагов наших — антанты капитала, которая стремится всеми силами уничтожить наилучших борцов революции. И вот этот способ секрета действует для Рабоче-Крестьянской власти великим ущербом, да мало этого — может идти в дальнейшем на эти потери.

Наши профессора еще не смогли найти причину этому покушению, не знают, что за составления, которые приносят ущерб смертельный организму и без всяких следов. Провокаторы находятся среди руководителей Советской Власти и исполняют долг Антанты капитала, сети секретного заговора. Прошу во всем поверить и во всем остерегаться, наш дорогой тов[арищ] СТАЛИН.

Павел Дмитриевич ЕРЕМЕЕВ»²⁸.

При любом, даже самом поверхностном сопоставлении приведенных выше противоположных версий относительно причин смерти Фрунзе и Дзержинского, невольно приходят на ум слова китайского даосского трактата «Волшебные изменения в великой пустоте», где есть такие строчки: «Когда ложное становится истинным, истинное становится ложным». Действительно, одни «организатором» их смерти с полной уверенностью называют Сталина. Другие, — в то время, когда все это случилось, — истинную причину усматривали в заговоре Антанты и прочих внутренних врагов. Словом, на любой случай есть соответствующие объяснения и «убедительные» аргументы,

²⁸ Письма во власть. 1917 – 1927. М. 1998. С. 514.

по большей части отражающие прежде всего личную уверенность их авторов. Как правило, они в полной мере обнажают заранее сформировавшиеся убеждения и взгляды, а также логику рассуждений и аргументацию, соответствующую интеллектуальному уровню приверженцев той или иной версии. С тех пор минуло уж восемь десятков лет, а вокруг всех этих проблем до сих пор не утихают споры как чисто исторического, так и сугубо политического плана. Они как бы зеркально отражают не столько интерес сугубо научного характера, сколько zaangażированность политического и идеологического плана.

Но возвратимся к главной сюжетной линии нашего повествования, а именно к предстоящему съезду партии. Этот съезд занимает особое место как в истории нашей страны, так и в политической судьбе Сталина. Он интересен со многих точек зрения, хотя и отстоит от нас на целый ряд исторических эпох. Он уникален невиданной до сего открытой, без всяких маскировок, ожесточенной, почти не на жизнь, а на смерть, политической схваткой между большинством тогдашнего партийного руководства, в котором Сталин играл ключевую роль, и противниками большинства. Предварительно надо оговориться, что исход этой схватки был фактически предрешен до ее начала. Оппозиция имела на своей стороне лишь ленинградскую делегацию, сформированную почти исключительно из сторонников Зиновьева и Каменева (это к вопросу о том, как противники генсека готовились к борьбе с ним — полностью на основе подбора делегатов из числа своих сторонников. Кстати, в этом же они обвиняли и Сталина. Но из общего числа делегатов приверженцы оппозиции составляли всего лишь чуть больше 10 процентов. При таком соотношении сил надеяться на мифическое политическое чудо было по меньшей мере наивно, если не глупо. И то, что оппозиция дала бой с открытым забралом, говорит не столько о ее беззаветной решимости или политическом мужестве, сколько об отчаянии. На победу рассчитывать было нереально. А сдавать позиции без демонстративного сражения или же пойти на компромисс — на это оппозиция не соглашалась решительно и категорически. Вот почему этот съезд вошел в историю как самый напряженный, самый жаркий и, пожалуй, самый интересный. Даже сейчас стенограмма съезда читается чуть ли не как захватывающий политический роман. Правда с заранее известным сюжетом и финалом. Но и это обстоятельство не делает его менее интересным.

В политической судьбе Сталина XIV съезд стал решающим этапом на пути превращения его не только в общепризнанного лидера партии и страны, но и создал необходимые политические, идейные и организационные предпосылки для того, чтобы через несколько лет утвердиться в качестве единоличного вождя. Впервые в советской истории открыто, перед «всеми людьми», тогдашние руководители большевистской партии сошлись в смертельной схватке. Это будоражило сознание не только членов партии, но и самых широких слоев населения страны. Ведь подобного политического представления до этого никогда не было. Вообще говоря, внутрипартийные баталии, будь то противостояние Сталина с Троцким и другими лидерами оппозиции, будь то устранение Хрущевым антипартийной группы Маленкова, Молотова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова в 1957 году, а затем и скрытно проведенное отстранение самого Хрущева на октябрьском пленуме ЦК КПСС в 1964 году — все эти события, конечно, представляли собой кульминацию определенных процессов, отражавших подлинные, а не показные

взаимоотношения в партийной верхушке, а поэтому они всегда воспринимались с большим интересом не только в нашей стране, но, можно сказать, и в мире в целом. Это был как бы слепок с натуры, а не мистифицированная или приукрашенная поделка, выдаваемая за оригинал реальной политической картины.

Прежде чем возобновить рассмотрение нашей непосредственной темы, стоит сделать несколько замечаний принципиального характера. В западной советологии утвердился взгляд, согласно которому съезды партии после отхода Ленина от активной политической деятельности утратили свою роль. Наиболее четко и полно ее выразил преподаватель лондонской школы экономических и политических знаний Л. Шапиро в своей весьма солидной книге об истории Коммунистической партии Советского Союза, получившей широкий позитивный резонанс и признание среди советологов. Я позволю привести довольно обширную выдержку из этого труда, чтобы читатель сам мог судить о существовании точки зрения по данному вопросу.

Итак, Л. Шапиро писал: «После 1923 года периодически созывавшиеся съезды и конференции перестали быть органами для обсуждения партийной политики. Их функции ограничивались утверждением политики, которая намечалась лидерами, или формальным скреплением своей печатью разгрома взглядов оппозиции. Поэтому они играли всего лишь роль публичного форума, на котором провозглашались авторитетные директивы, а лидеры отчитывались в своей деятельности за истекший период. Конечно, пока еще существовала какая-то оппозиция, эти отчеты подвергались критике, которая не обязательно оставалась результативной, поскольку... значительная часть предложений, выдвигавшихся оппозицией, в конечном счете принималась — правда, только после того, как с самой оппозицией было покончено. Но подавляющее большинство, на которое партийное руководство могло рассчитывать на всех съездах и конференциях, всегда парализовало непосредственный эффект любой критики. Огромное большинство делегатов — как, например, 70% на XIV съезде в 1925 году — являлись работниками партийного аппарата. После XI съезда, состоявшегося в 1922 году, не было случая, когда бы лидерам оказалось трудным добиться почти единодушного одобрения всех своих предложений. Частично это достигалось манипуляциями с уставом партии, с помощью которых удавалось устроить так, что делегаты, известные своими критическими настроениями, имели только совещательный голос. Но частично это было также результатом усиления контроля Секретариата над отбором делегатов. При этом можно было рассчитывать, что делегаты, связанные с партийным аппаратом, и в особенности новое поколение молодых секретарей, всегда готовы были оказать поддержку Генеральному секретарю, от расположения которого зависело их будущее.

Главным совещательным органом, на рассмотрение которого передавались все спорные вопросы в период нэпа и борьбы с левой оппозицией, был Объединенный пленум ЦК и ЦКК — новое изобретение Сталина. В этом органе имелось много представителей честолюбивого нового поколения, и Сталин всегда мог быть уверен, что большинство будет на его стороне. ЦКК (которая... была организационно связана с Народным комиссариатом рабоче-крестьянской инспекции) в основном являлась органом контроля над действиями партии и правительства. Но по отношению к Объединенному пленуму она выполняла также функцию его генерального штаба. Она подбирала и готовила данные и материалы

для обоснования принимаемых пленумом решений. Таким образом, Объединенный пленум стал главным органом по выработке государственной политики»²⁹.

Конечно, Л. Шапиро кое в чем упрощает реальную историческую картину и как бы накладывает шаблоны партийной практики 30-х годов на годы 20-е, когда Сталин вел борьбу за утверждение своего лидерства. Но между этими двумя периодами имелись не только черты сходства, но и серьезные различия. О том, что в 20-е годы съезды партии отнюдь не являлись сценой, на которой разыгрывались заранее тщательно отпетированные роли, вполне убедительно свидетельствует XIV съезд.

Этот съезд состоялся в самом конце 1925 года (декабрь). В повестке дня стояло много вопросов, но все они в той или иной степени были завязаны на проблемы внутрипартийной борьбы. Оппозиция во главе с Зиновьевым и Каменевым (она получила название «новой оппозиции» — в отличие от «старой», троцкистской) решила пойти на съезде ва-банк. Сталин, будучи блестящим мастером политических интриг и тонких тактических маневров, безусловно, был во всеоружии подготовлен к схватке. Тем более, что он прекрасно сознавал, что означает для него исход борьбы на этом съезде для дальнейшего укрепления его властных позиций. Он выстроил свою линию поведения так, чтобы нападающей стороной выступила оппозиция, что давало ему в руки серьезные козыри: он и с формальной, и с фактической стороны мог теперь утверждать, что именно группировка Зиновьева — Каменева стала инициатором очередной, как тогда говорили, «бузы» в партии. Ответственность за новый виток обострения склоки в партийном руководстве, таким образом, целиком и полностью ложилась на плечи оппозиции.

Другим хорошо продуманным и отрежиссированным приемом была целая серия маневров, внешне нацеленная на поиски компромисса с оппозицией, а на самом деле на то, чтобы загнать ее в тупик и продемонстрировать перед всей партией и страной, что в оппозиционном блоке сплотились люди крайне экстремистского толка, с которыми, даже при большом желании и проявлении максимальной сдержанности и готовности идти навстречу их критическим замечаниям, невозможно найти общего языка во имя достижения единства партии. В плане реализации этой тактики незадолго до открытия съезда, еще в ходе его подготовки, в ЦК проводились совещания и переговоры с представителями оппозиции, которые никак не могли уговориться. Словом, в пропагандистском хоре накануне съезда со стороны сталинской группировки рефреном звучали призывы к единству, предостережения против обострения внутрипартийной борьбы. В итоге еще до открытия съезда в общественном партийном мнении сложилось вполне четкое и широко распространенное убеждение, что руководство ЦК во главе со Сталиным выступает за сглаживание разногласий и налаживание дружной коллективной работы. На таком фоне открытое выступление оппозиции со своей платформой многими воспринималось как открытый и провокационный выпад против партии.

С отчетным докладом ЦК выступил Генеральный секретарь Сталин. Это был фактически первый дебют его в таком амплуа. (Если не считать VI съезда партии, где он также выступал с отчетным докладом, но тогда это объяснялось тем, что Ленин и другие партийные лидеры первого эшелона вынуждены были скрываться в подполье из-за преследований со стороны

²⁹ *Лернанд Шапиро*. Коммунистическая партия Советского Союза. Выпуск второй. М. 1961. С. 36-37. (Эта книга, переведенная на русский язык, носила закрытый характер и рассылалась по специальным спискам. Так что довольно широкий круг партийных функционеров и работников пропаганды имели к ней доступ. Тираж, как правило, не указывался.)

Временного правительства). Короче говоря, это был своего рода звездный час генсека, когда он смог продемонстрировать все свои лучшие качества политического лидера и стойкого политического бойца. И надо сказать, что его политический отчет, вне всяких сомнений, представлял собой документ большой силы убедительности. Стройный и тщательно продуманный, обширный и вместе с тем лапидарный по манере выражать мысли и формулировать задачи, этот доклад показал всем делегатам, да и всей партии в целом, что в лице Сталина они имеют руководителя крупного масштаба. Этому способствовали не только глубокий анализ стоявших перед страной и партией проблем, но и солидное теоретическое обоснование важнейших положений, сформулированных в докладе.

Прежде всего, конечно, речь шла об определении важнейшего направления так называемой генеральной линии партии. И Сталин здесь оказался на высоте положения: он четко и понятно для каждого члена партии и каждого гражданина страны сформулировал существо предлагаемого стратегического курса. Я позволю себе воспроизвести довольно обширные основные положения, изложенные по данному вопросу в докладе Сталина. Это необходимо не только для понимания тогдашней ситуации, но и для раскрытия фундаментальных основ всей политической философии Сталина как государственного и партийного деятеля в будущем.

Итак, Сталин говорил: «...Мы должны строить наше хозяйство так, чтобы наша страна не превратилась в придаток мировой капиталистической системы, чтобы она не была включена в общую систему капиталистического развития как её подсобное предприятие, чтобы наше хозяйство развивалось не как подсобное предприятие мирового капитализма, а как самостоятельная экономическая единица, опирающаяся, главным образом, на внутренний рынок, опирающаяся на смычку нашей индустрии с крестьянским хозяйством нашей страны.

Есть две генеральные линии: одна исходит из того, что наша страна должна остаться еще долго страной аграрной, должна вывозить сельскохозяйственные продукты и привозить оборудование, что на этом надо стоять и по этому пути развиваться и впредь. Эта линия требует по сути дела свёртывания нашей индустрии... Эта линия ведёт к тому, что наша страна никогда, или почти никогда, не могла бы по-настоящему индустриализироваться, наша страна из экономически самостоятельной единицы, опирающейся на внутренний рынок, должна была бы объективно превратиться в придаток общей капиталистической системы. Эта линия означает отход от задач нашего строительства.

Это не наша линия.

Есть другая генеральная линия, исходящая из того, что мы должны приложить все силы к тому, чтобы сделать нашу страну страной экономически самостоятельной, независимой, базирующейся на внутреннем рынке, страной, которая послужит очагом для притягивания к себе всех других стран, понемногу отпадающих от капитализма и вливающих в русло социалистического хозяйства. Эта линия требует максимального развёртывания нашей промышленности, однако в меру и в соответствии с теми ресурсами, которые у нас есть. Она решительно отрицает политику превращения нашей страны в придаток мировой системы капитализма. Это есть наша линия строительства, которой держится партия и которой будет она держаться и впредь. Эта линия обязательна, пока есть капиталистическое окружение»³⁰.

³⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 7. С. 298–299.

Для каждого, кто без всякого пристрастия и предубеждения вникнет в приведенный выше отрывок доклада Сталина, становится совершенно очевидным, что здесь изложена грандиозная, рассчитанная на долговременную перспективу, программа строительства государства, программа превращения советской России не в объект, а в полноправный субъект мировой политики. История поставила Россию перед суровым историческим выбором: или прозябать еще долгие-долгие годы и десятилетия на правах бедного родственника капиталистического Запада, почти во всем зависимого от него, или встать, наконец, с колен и заявить о себе во весь голос. И наше прошлое, и наши традиции, колоссальный потенциал народа-труженика, народа-творца — все это служило надежной и достаточной гарантией того, что поставленная цель должна и может быть достигнута. Образно говоря, новый общественный строй на весь мир заявил о том, что он способен проложить нашей стране путь к превращению в великую державу. Причем это была не просто красивая декларация, но серьезная, глубоко взвешенная и обоснованная программа действий. Именно это и означало на практике реализацию сталинской концепции построения социализма в одной стране. Причем надо подчеркнуть, что в этой идее не было ни капельки национальной ограниченности или же национального высокомерия. А как раз и в том, и во многом другом упрекали генсека его критики как справа, так и слева. Например, Зиновьев на XIV съезде прямо заявил: «Разве это ленинская постановка вопроса, разве здесь не отдает душком национальной ограниченности?»⁴¹ Поводом для такого заявления послужила статья, опубликованная в одной губернской газете, где, в частности, говорилось: «На основе всего сказанного мы вправе сказать, что мы не только строим социализм, но что мы, несмотря на то, что мы пока что одни, что мы пока единственная в мире советская страна, советское государство, — мы этот социализм построим» («Курская Правда», № 279 от 8 декабря 1925 г.). Видимо, согласно логике лидеров оппозиции, все, что связано с возрождением России, в том числе и посредством строительства социализма, несовместимо с интернационализмом и заражено духом национальной ограниченности. Как не прибавить от себя, что такое толкование само по себе слишком пахнет духом местечкового обывателя. Обывателя, смотрящего на мир и оценивающего все события с высоты если не своей колокольни (да и откуда она там!), то через призму своих местечковых интересов.

Говоря о докладе Сталина, надо отметить и такой исключительно важный момент: на съезде он впервые выступил в качестве деятеля, сформулировавшего фундаментальные основы советской внешней политики. Здесь он уже проявляет себя не только в качестве партийного лидера, но и как государственного деятеля крупного масштаба, который с полным авторитетом может говорить от имени своей страны. К середине 20-х годов общая мировая ситуация характеризовалась известной стабилизацией капитализма как системы и постепенным налаживанием более широкого международного сотрудничества. Был выдвинут так называемый «план Дауэса» (тогдашний вариант «плана Маршалла» конца 40-х годов), к которому западные державы пытались подключить и Россию, чтобы обеспечить себе контроль над ее развитием в выгодном для себя направлении. Однако эти попытки провалились, СССР не пошел в услужение западному капиталу. Необходимо отметить, что этот период был отмечен и полосой признаний советского режима

ведущими западноевропейскими державами, — а это с неопровержимостью свидетельствовало о том, что новый строй в России укрепился прочно и надолго.

Соответственно должна была измениться и внешняя политика нашей страны — не в смысле коренного пересмотра ее фундаментальных принципов, а в плане практического осуществления конкретных внешнеполитических целей и задач. Сталин от имени Советской России ясно и без всяких недоговоренностей подчеркнул неизменную приверженность нашей страны делу мира. В его формулировке это выглядело так: «Вопервых — вести работу по линии борьбы против новых войн, затем по линии сохранения мира и обеспечения так называемых нормальных сношений с капиталистическими странами. Основу политики нашего правительства, политики внешней, составляет идея мира. Борьба за мир, борьба против новых войн, разоблачение всех тех шагов, которые предпринимаются на предмет подготовки новой войны, разоблачение таких шагов, которые прикрывают флагом пацифизма подготовку войны на деле, это — наша задача. Именно поэтому мы не хотим войти в Лигу наций, ибо Лига наций есть организация прикрытия подготовительной работы к войне, ибо, чтобы войти в Лигу наций, надо сделать выбор, как правильно выразился тов. Литвинов, между молотом и наковальней. Ну, а мы не хотим быть ни молотом для слабых народов, ни наковальней для сильных. Мы ни того, ни другого не желаем, мы — за мир, мы — за разоблачение всех тех шагов, которые ведут к войне, какими бы пацифистскими флагами они ни были прикрыты. Будет ли это Лига наций или Локарно, — всё равно, нас флагом не надуешь, нас шумом не испугаешь»³².

В дальнейшем, в других главах, мы подробно рассмотрим основные положения внешнеполитической доктрины Сталина, то, как он понимал внешнюю политику и как он строил отношения нашей страны с внешним миром. Сейчас же хочется оттенить один момент, содержащийся в его докладе, который при известном воображении или желании можно обозначить как исходный рубеж его будущей политики по отношению к Германии. Он поможет нам уловить истоки линии Сталина на поиск договоренностей с Германией, предпринятый уже после прихода Гитлера к власти. Конечно, я имею в виду не прямую преемственную линию связи между тем, что он сказал в 1925 году и дальнейшей политикой Кремля в отношении Германии. Речь идет лишь о некоторых истоках общей политической стратегии. Сталин, в частности, сказал, что необходимо «вести работу по линии сближения с побеждёнными в империалистической войне странами, с теми странами, которые больше всего обижены и обделены из числа всех капиталистических стран, которые ввиду этого находятся в оппозиции к господствующему союзу великих держав»³³.

Не вдаваясь в детали (они явно выходят за рамки основной темы нашего исследования), хочу отметить большое внимание, которое уделил Сталин проблеме Китая. Я приведу соответствующее место из доклада, поскольку лаконичнее изложить содержание его мыслей труднее, чем он сделал это сам: «Силы революционного движения в Китае неимоверны. Они еще не сказались как следует. Они еще скажутся в будущем. Правители Востока и Запада, которые не видят этих сил и не считают с ними в должной мере, пострадают от этого. Мы, как государство, с этой силой не считаться не можем. Мы считаем, что Китай стоит перед тем же вопросом, перед которым стояла Северная Америка, когда она объединялась в одно государство, перед которым стояла Германия,

³² И. В. Сталин. Соч. Т. 7. С. 296.

³³ Там же. С. 297.

когда она складывалась в государство и объединялась, перед которым стояла Италия, когда она объединялась и освобождалась от внешних врагов. Здесь правда и справедливость целиком на стороне китайской революции. Вот почему мы сочувствуем и будем сочувствовать китайской революции в её борьбе за освобождение китайского народа от ига империалистов и за объединение Китая в одно государство. Кто с этой силой не считается и не будет считаться, тот наверняка проиграет»³⁴.

В соответствующем разделе мы еще коснемся отношения Сталина к китайской проблеме, поскольку она на протяжении ряда десятилетий находилась в эпицентре его внимания как главного руководителя страны. Но и приведенный выше пассаж дает наглядное представление о том, что генсек хорошо понимал будущую великую роль Китая в мировом развитии вообще и его особую роль в отношениях с Советским Союзом.

В литературе о Сталине мне, пожалуй, не приходилось встречать даже простого упоминания одного, на мой взгляд, блестящего политического прогноза-предвидения, сделанного Сталиным относительно исторической судьбы Британской империи. Ход истории полностью подтвердил его предсказание, что свидетельствует о его недюжинных способностях политического аналитика. «... Есть одна сила, которая может разрушить и обязательно разрушит Британскую империю, — говорил он. — Это — английские консерваторы. Это та сила, которая обязательно, неминуемо поведёт Британскую империю к гибели»³⁵. Бросая взгляд на четверть века вперед с того времени, когда были сказаны эти слова, убеждаешься в их прозорливости. Сталин мог бы процитировать свой прогноз в беседе с Черчиллем в Потсдаме в 1945 году, и последний, будучи сам крупнейшим политиком и политическим мыслителем, едва ли смог бы оспорить справедливость сталинского прогноза.

По вопросам политики в отношении села Сталин выделил и проанализировал два уклона, имевшие место в партии. Первый уклон сводился к недооценке кулацкой опасности, того, что кулаки возьмут под свой контроль все развитие сельского хозяйства и будут там доминирующей силой. Именно в этом уклоне оппозиция обвиняла Сталина и вообще все руководство, открыто утверждая, что генсек и его сторонники в деревне проводят фактически кулацкую линию. При этом большей частью ссылались на известный лозунг Бухарина, обращенный к деревне — «обогащайтесь»! Сталин с самого начала отметил прямолинейность этого лозунга и отмежевался от него, что зафиксировано в соответствующих документах и материалах. Второй уклон являл собой как бы зеркальное отражение первого, но только со знаком минус: он состоял в переоценке кулацкой опасности, что на практике вело к росту растерянности и даже элементам паники. Задача состояла не в том, чтобы искусственно раздувать кулацкую опасность, а в борьбе за привлечение на свою сторону середняка, на отрыв середняка от кулака, на изоляцию кулака посредством установления прочной связи с середняком.

В этот период подходы Сталина к политике в деревне вообще и по отношению к кулаку в особенности характеризовались взвешенностью и реалистичностью. Казалось бы, от руководителя столь радикального толка, каким зарекомендовал себя Сталин, можно было ожидать гораздо более жесткой, по существу, репрессивной линии в отношении кулака. Однако генсек проявлял осмотрительность и держался совершенно иной линии. Об этом

свидетельствует следующее место из его доклада на съезде: «На деле этот уклон ведёт к разжиганию классовой борьбы в деревне, к возврату к комбедовской политике раскулачивания, к провозглашению, стало быть, гражданской войны в нашей стране и, таким образом, к срыву всей нашей строительной работы...»³⁶

XIV съезд вошел в историю прежде всего как съезд, наметивший генеральный курс на индустриализацию страны и превращение ее в независимое в экономическом отношении государство. Некоторые критики Сталина, особенно в период перестройки, нередко ставили под сомнение этот факт. По крайней мере они указывали на то, что в докладе Сталина отсутствует сам термин индустриализация. Мол, у Сталина его не найдете. Авторы одного материала на эту тему писали: «Так, в утвержденной Политбюро «Схеме доклада» для пропаганды решений XIV съезда, к которой был приложен обширный текст, о курсе на индустриализацию не говорилось ни слова. Даже термин такой не упоминался, хотя о хозяйственном строительстве речь шла. Характерно, что и в начале 1926 г., выпуская в свет работу «К вопросам ленинизма», Сталин оценивает итоги съезда, но ничего не пишет о курсе на индустриализацию...

Чем же объясняется расхождение в его оценках? Здесь, как и во многих других случаях, проявился конъюнктурный подход Сталина, его умение манипулировать фактами»³⁷.

Как можно прокомментировать данное утверждение? Я приведу лишь общую оценку задач в области экономической стратегии страны, как они были изложены Сталиным.

«В области **развития народного хозяйства** в целом мы должны вести работу:

- а) по линии дальнейшего увеличения продукции народного хозяйства;
- б) по линии превращения нашей страны из аграрной в индустриальную;
- в) по линии обеспечения в народном хозяйстве решительного перевеса социалистических элементов над элементами капиталистическими;
- г) по линии обеспечения народному хозяйству Советского Союза необходимой независимости в обстановке капиталистического окружения;
- д) по линии увеличения удельного веса доходов неналоговых в общей системе государственного бюджета.

В области **промышленности и сельского хозяйства** вести работу:

- а) по линии развёртывания нашей социалистической промышленности на основе повышенного технического уровня, поднятия производительности труда, понижения себестоимости, увеличения быстроты оборота капитала;

- б) по линии приведения баланса топлива, металла, а также основного капитала железнодорожного транспорта в соответствие с растущими потребностями страны...»³⁸ и т. д.

Каждый здравомыслящий человек из сказанного Сталиным может сделать ясный вывод: речь шла именно об индустриализации страны, а не о чем-то ином. В заключительном слове генсек, отвечая на упрёки и критику со стороны оппозиции, еще раз подчеркнул: «Я говорил в докладе о двух основных, руководящих, генеральных линиях по построению нашего народного хозяйства. Я говорил об этом для того, чтобы выяснить вопрос о путях обеспечения нашей стране самостоятельного хозяйственного развития в обстановке капиталистического окружения. Я говорил в докладе о нашей генеральной линии, о

³⁶ И. В. Сталин. Соч. Т. 7. С. 336.

³⁷ "Правда". 21 октября 1989 г.

³⁸ И. В. Сталин. Соч. Т. 7. С. 338–339.

нашей перспективе в том смысле, чтобы страну нашу превратить из аграрной в индустриальную»³⁹

Кажется, все предельно ясно и нет никаких оснований для двоемыслия: выдвигался генеральный курс на индустриализацию страны. При этом, в сущности, не так уж и важно было, сколько раз (один или тысячу) будет повторен этот термин. В конце концов — хоть сто раз повтори слово халва, от этого во рту сладко не станет. Критики (правильнее было бы назвать их критиканами) Сталина строят свои рассуждения и обвинения на песке, проявляя достойный сожаления формализм и игнорируя факты фундаментального характера. Конечно, дальнейший ход событий наложил отпечаток и на то, как трактовался вопрос об индустриализации в середине 20-х годов. Но было бы полным идиотизмом, оперируя тем, как часто употребляется то или иное понятие или задача, делать многозначительные выводы по поводу самого этого понятия или события.

Теперь подошла очередь осветить наиболее существенные эпизоды внутрипартийной борьбы, отчетливо принявшей форму схватки за власть, ареной которой стала трибуна съезда партии. Мне придется цитировать довольно обширные выдержки из выступлений отдельных ораторов. Заранее прошу извинения у читателя, хотя, если говорить по существу, то эти выдержки передают не только характер противоборства на съезде, но и саму атмосферу, весь дух той эпохи гораздо лучше, чем мои собственные комментарии.

Итак, главный, ахиважнейший вопрос — это вопрос о том, кто будет стоять у руля руководства. Оппозиция начала наступление способом, крайне редко встречавшемся в практике большевистской партии. В противовес отчетному докладу Сталина она представила свой содоклад, с которым выступил Зиновьев. Я не стану задерживаться на этом содокладе. Скажу лишь, что он был весьма бледным и малоубедительным, повторяя в суммированном виде все прежние критические замечания в адрес ЦК. Гораздо больший интерес вызвали выступления ведущих представителей «новой оппозиции», которые высказывались откровенно и раскрыли, по существу, все свои карты, поскольку понимали, что другого такого форума для изложения своей платформы они уже не получат.

Квинтэссенция требований оппозиции содержалась в предложении сместить Сталина с поста Генерального секретаря. Наиболее четко и откровенно его выразил Каменев. Свою обширную речь он закончил следующим пассажем: «И, наконец, третье. Мы против того, чтобы создавать теорию «вождя», мы против того, чтобы делать «вождя». Мы против того, чтобы Секретариат, фактически объединяя и политику и организацию, стоял над политическим органом. Мы за то, чтобы внутри наша верхушка была организована таким образом, чтобы было действительно полномочное Политбюро, о б ъ е д и н я ю щ е е всех политиков нашей партии, и вместе с тем, чтобы был подчиненный ему и технически выполняющий его постановления Секретариат. (Шум.) Мы не можем считать нормальным и думаем, что это вредно для партии, если будет продолжаться такое положение, когда Секретариат объединяет и политику и организацию и фактически предрешает политику. (Шум.) Вот, товарищи, что нужно сделать. Каждый, кто не согласен со мной, сделает свой вывод. (Голос с места: «Нужно было с этого начать».) Это право оратора начать с того, с чего он хочет. Вам кажется, следовало бы начать с того, что я сказал бы, что лично я полагаю, что наш Генеральный секретарь не является той фигурой, которая может объединить вокруг себя старый большевистский штаб. Я не считаю, что это основной

³⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 7. С. 354.

политический вопрос. Я не считаю, что этот вопрос более важен, чем вопрос о теоретической линии. Я считаю, что если бы партия приняла (*Шум*) определенную политическую линию, ясно отмежевала бы себя от тех уклонов, которые сейчас поддерживает часть ЦК, то этот вопрос не стоял бы сейчас на очереди. Но я должен договорить до конца. Именно потому, что я неоднократно говорил это т. Сталину лично, именно потому, что я неоднократно говорил группе товарищей-ленинцев, я повторяю это на съезде: я пришел к убеждению, что тов. Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба. (*Голоса с мест: «Неверно!», «Чепуха!», «Вот оно в чем дело!», «Раскрыли карты!». Шум. А п л о д и с м е н т ы ленинградской делегации. Крики: «Мы не дадим вам командных высот», «Сталина! Сталина!». Делегаты встают и приветствуют тов. Сталина. Бурные аплодисменты... Крики: «Вот где объединилась партия. Большевистский штаб должен объединиться».*)

Голоса с мест. Да здравствует тов. Сталин!!! (*Бурные, продолжительные аплодисменты, крики «Ура!» Шум.*)

Председательствующий. Товарищи, прошу успокоиться. Тов. Каменев сейчас закончит свою речь.

Каменев. Эту часть своей речи я начал словами: мы против теории единоличия, мы против того, чтобы создавать вождя! Этими словами я и кончаю речь свою. (*Аплодисменты ленинградской делегации.*)

Голос с места. А кого вы предлагаете?

Председательствующий. Объявляю 10-минутный перерыв⁴⁰.

Накал страстей, как в драмах Шекспира, в которых тема обладания властью также занимает не последнее место. И антрактов в этой борьбе на съезде не было: нельзя же принимать за такие антракты 10-минутные перерывы в заседаниях!

О тактике Сталина в развертывавшихся баталиях я уже упоминал выше. Он выбрал себе ампулу миротворца, заботящегося, с одной стороны, об интересах правильной генеральной линии, а, с другой, — о том, чтобы его не сочли слишком кровожадным, нацеленным на политическое уничтожение своих соперников или же их оттеснение на задний план. Не случайно в своем заключительном слове генсек счел необходимым высказаться против «кровожадных» устремлений оппозиции в отношении всех провинившихся в проведении политической линии партии. Сталин достаточно определенно дал понять, что он решительно выступает против того, чтобы допустившие политические ошибки лидеры подвергались, так сказать, политическому ostracismu. И чтобы как-то сбалансировать свое, на первый наивный взгляд, безграничное терпение и миролюбие, счел необходимым добавить: «Мы не либералы. Для нас интересы партии выше формального демократизма»⁴¹.

Да, Сталина при всем желании трудно было отнести к числу либералов вообще и во внутривнутрипартийных отношениях в особенности. В этом никто не сомневался и не строил себе никаких иллюзий. Оппозиция в своей тактике решила опереться на бывший в то время весьма высоким авторитет вдовы Ленина Н. К. Крупской, чтобы подкрепить таким своеобразным путем свои критические замечания в адрес большинства, поддерживавшего генсека. Ведь в сознание каждого партийца на протяжении всего времени усиленно

⁴⁰ XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. С. 274–275.

⁴¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 7. С. 382.

внедрялась мысль о том, что принятое большинством решение является истинным и сомнению не подлежит. Крупская, несколько месяцев до того примкнувшая к оппозиции (то ли по принципиальным соображениям, то ли в силу личной неприязни к Сталину), выступила на съезде с весьма показательной речью — она попыталась разрушить этот догмат большевизма.

Вот квинтэссенция ее выступления: «Каждый большевик считает постановления съезда для себя обязательными. Но, товарищи, мы не должны становиться на такую точку зрения, на какую становятся некоторые английские юристы, которые повторяют народную поговорку, существующую в Англии: «Парламент может постановить все, он может даже постановить, чтобы женщина стала мужчиной». Иронии этой поговорки английские юристы не поняли. Они ее приводят обыкновенно, как указание на всемогущество английского парламента. Для нас, марксистов, истина — то, что соответствует действительности. Владимир Ильич говорил: ученье Маркса непобедимо, потому что оно верно. И наш съезд должен озаботиться тем, чтобы искать и найти правильную линию. В этом — его задача. Нельзя успокаивать себя тем, что большинство всегда право. В истории нашей партии бывали съезды, где большинство было неправо. Вспомним, например, стокгольмский съезд. (*Шум. Голоса*: «Это тонкий намек на толстые обстоятельства».) Большинство не должно упиваться тем, что оно — большинство, а беспристрастно искать верное решение. Если оно будет верным... (*Голос*: «Лев Давидович, у вас новые соратники»), оно направит нашу партию на верный путь. Нам надо сообща искать правильную линию»⁴².

Опасаясь, видимо, что слова столь уважаемого члена партии, какой была Крупская, могут нанести ущерб интересам борьбы против оппозиции, Сталин выпустил на трибуну другую родственницу Ленина — М. И. Ульянову, суть выступления которой сводилось к единственной цели — фактически дезавуировать заявление Крупской. М. И. Ульянова в своей речи оттенила следующую мысль: «Товарищи, я взяла слово не потому, что я сестра Ленина и претендую поэтому на лучшее понимание и толкование ленинизма, чем все другие члены нашей партии. (*Аплодисменты*) Я думаю, что такой монополии на лучшее понимание ленинизма родственниками Ленина не существует и не должно существовать». Но то, что она сказала дальше, очевидно, не соответствовало замыслам генсека: «Тов. Сталин был совершенно прав, когда в своем докладе указал на то, что кадры нашей партии растут в идейном отношении. Я бы сказала, что они необычайно выросли за последние два года. После смерти Ленина все, что есть лучшего в нашей партии, бросилось изучать его богатое литературное наследие, ибо товарищи поняли, что с уходом Ленина у нас нет другого человека, которому можно было бы так безгранично верить, на которого можно было бы так всецело надеяться, как на такого истинного вождя пролетариата, каким был Ленин, — вождя, который появляется лишь раз за многие столетия»⁴³.

Конечно, в тот период Сталин и не претендовал на то, чтобы быть единственным вождем, он не примерял на себя тогу Ленина. Но ему не могло понравиться и замаскированное противопоставление генсека усопшему вождю, смутно улавливавшееся в речи М. И. Ульяновой. И определенным отражением, пусть и не столь явным и обнаженным, стало замечание Сталина в отношении Крупской, сделанное на съезде: «А чем, собственно, отличается тов. Крупская от всякого другого ответственного товарища? Не думаете ли вы,

что интересы отдельных товарищей должны быть поставлены выше интересов партии и её единства? Разве товарищам из оппозиции не известно, что для нас, для большевиков, формальный демократизм — пустышка, а реальные интересы партии — всё?»⁴⁴ Данное заявление генсека весьма созвучно его реакции на письмо Ленина, в котором последний требовал от Сталина извинения перед Крупской. Тогда он якобы сказал в узком кругу, что если бы его жена поступила аналогичным образом, то он ни в коем случае не стал бы вмешиваться, поскольку она является таким же членом партии, как и другие и не может претендовать на какое-то особое, исключительное положение. Видимо, эти внутренние соображения и стали основной мотивацией того, что Сталин счел не только возможным, но и необходимым подвергнуть Крупскую открытой публичной критике.

Чтобы завершить тему о Крупской в связи с участием ее в оппозиции, позволю сделать еще пару замечаний. Вдова Ленина, как мне представляется, выступила вместе с оппозицией против Сталина не из-за своих принципиальных разногласий по вопросам стратегии будущего развития страны. Известно, что она не считала себя теоретиком или крупным партийным деятелем и не претендовала на участие в принятии важнейших решений. Да и из самого выступления Крупской на съезде трудно уловить существо разногласий, противопоставивших ее Сталину. Скорее всего, роль детонатора сыграло ее личное недовольство тем, что известные письма Ленина, переданные ею в ЦК, фактически оказались неизвестными широким кругам партии, что, по ее мнению, нарушало волю Ильича. В дальнейшем Крупская, пробыв довольно короткое время в оппозиции к Сталину и участвуя в некоторых коллективных акциях противников Сталина, отошла от зиновьевской группировки и оказалась как бы в политической тени. Если рассуждать здраво, а не на базе эмоций, то следует констатировать простую истину: Крупская, даже при жизни Ленина, опираясь на его колоссальный авторитет, оказалась бессильной в противостоянии со Сталиным. На что же можно было рассчитывать после кончины вождя? Ее демонстративный вызов Сталину свидетельствовал о примате чисто женской логики над логикой жесткой политической борьбы. Для Сталина она не представляла серьезной опасности, и попытки оппозиции использовать ее имя для укрепления своих позиций и своего престижа, своего мнимого облика последовательных и законных политических правопреемников Ленина, — все эти расчеты были построены на песке, а потому и быстро оказались опрокинутыми ходом внутрипартийных схваток. Я не стану вдаваться в детали истории более поздних отношений между вдовой вождя и его преемником. Кто интересуется этой проблемой, может обратиться к работе В. А. Куманева и И. С. Куликовой, изданной в середине 90-х годов прошлого века⁴⁵. Но не могу воздержаться от одного замечания: на мой взгляд, эта книга выдержана в достаточно тенденциозном ключе и подчинена главной сверхзадаче — как можно сильнее ударить по Сталину. Конечно, этот недостаток не лишает ее определенных достоинств, в частности, в ней довольно широко использованы не известные широкому кругу читателей материалы и источники. В целом же тема Сталин — Крупская мною затрагивается под довольно узким углом зрения — с точки зрения борьбы Сталина за утверждение своих властных позиций. Историческая истина диктует необходимость добавить следующее. Сталин навсегда сохранил самые недобрые чувства к вдове Ленина и, хотя и не публично, не раз это демонстрировал. Так,

⁴⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. 7. С. 383.

⁴⁵ См. В. А. Куманев, И. С. Куликова. Противостояние: Крупская — Сталин. М. 1994.

выступая в узком кругу своих соратников при праздновании годовщины Октябрьской революции 8 ноября 1937 г., он не преминул напомнить, что Надежда Константиновна всегда поддерживала всех этих «левых» коммунистов⁴⁶.

Но вернемся к борьбе, ареной которой стала трибуна XIV съезда партии. Вторым (после Каменева) по своей антисталинской направленности и концентрации обвинений в адрес Сталина на съезде было выступление Г. Сокольников, недавнего кандидата в члены Политбюро. Он имел репутацию крупного финансового работника, поскольку с его именем непосредственно связано было проведение денежной реформы в первой половине 20-х годов. Одновременно Сокольников являлся одним из наиболее активных деятелей оппозиции, имевшим склонность к теоретизированию. Так вот, его выступление на съезде должно было, по замыслам противников Сталина, привести к дискредитации последнего не столько как политического деятеля, сколько как ловкого, хитрого и умелого интригана, использовавшего свой высокий пост прежде всего в целях упрочения своей единоличной власти в партии, а, значит, и в стране.

Хотя отрывок из его яркой антисталинской речи и достаточно обширен, я все-таки приведу его, поскольку он выражал квинтэссенцию подхода к вопросу о роли Генерального секретаря, отстаивавшуюся оппозицией, а также убедительно передавал атмосферу, царившую на самом съезде. Итак, Г. Сокольников говорил:

«Нам нужно обязательно обеспечить единство руководства, обязательно нужно. Если вы считаете, что Каменев и Зиновьев для этого не годятся, немыслимо их участие, — скажите это. Если вы считаете... (*Шум и крики*: «А Сталин? А Сталин должен быть в Политбюро?») Товарищи, позвольте мне сказать вам несколько слов о тов. Сталине.

Голос с мест. А ну, ну. Просим, просим.

Сокольников. Товарищи, позвольте вам сказать, что в течение целого ряда лет я работал рука об руку с тов. Сталиным, и ничего, кроме самых лучших товарищеских отношений, у меня с ним не было. (*Шум и крики*.)

Председательствующий. Товарищи, еще пять минут спокойствия. Товарищи ленинградцы, вы первые подали пример криками на съезде. (*Голос из ленинградской делегации*: «Мы протестуем против этого».)

Сокольников. Я хочу сказать: никаких абсолютно чувств неприязни, личной и политической, по отношению к тов. Сталину у меня нет, абсолютно никаких. Я это должен сказать, поскольку утверждают, что все наши отношения будто бы диктуются личной неприязнью и проч. Этого нет, я ни в малейшей степени не сомневаюсь в том, что для всей партии огромнейшую пользу имеет работа, которую выполняет тов. Сталин.

Голос с места. А заявление Каменева?

Сокольников. Подождите. Я не могу согласиться с тем, что если в Политбюро, или в ЦК, или на съезде встает вопрос о том, как должен быть организован Секретариат, и должен ли тот или другой товарищ быть в составе Секретариата, то это обстоятельство мы должны рассматривать, как попытку внутрипартийного переворота. С этим я не согласен. Товарищи, я лично убежден в следующем: я думаю, что влияние и авторитет тов. Сталина, если бы даже он не был Генеральным секретарем нашей партии. (*Шум. Крики*.)

Я думаю, что мы напрасно делаем из вопроса о том, кто должен быть Генеральным секретарем нашей партии, и нужен ли вообще пост Генерального секретаря, вопрос,

⁴⁶ В. В. Вевежин. Застольные речи Сталина. С. 154–155.

который мог бы нас раскалывать. Такой вопрос не может, товарищи, нас раскалывать. Я никого не предлагаю, я считаю, что если при тов. Ленине у нас было так организовано руководство партией, что дирижером работы было Политбюро Центрального Комитета, то мы имеем все основания вернуться к этому порядку...

Товарищи, поскольку Генеральный секретарь партии, с одной стороны, является членом Политбюро, а с другой стороны, руководителем Секретариата, то, совершенно независимо от личности тов. Сталина, создается такое положение, когда любое расхождение в Политбюро, возникающее по любому политическому вопросу, получает свое отражение в организационной работе, потому что в действительности один из членов Политбюро, являясь Генеральным секретарем, т. е. руководя всей организационной работой, оказывается в таком положении, что любое его разногласие по любому вопросу в Политбюро может получить немедленно то или иное выражение по линии организационных мероприятий. (Голос: «Со всяким Генеральным секретарем может это случиться». Шум.) И вот, когда здесь товарищи говорят так, что это может случиться при любом генеральном секретаре, хорошо. Но, товарищи, у нас не всегда был Генеральный секретарь. (Голоса: «А, вот как! Вот что!».) Да, у нас был тов. Ленин. Ленин не был ни председателем Политбюро, ни Генеральным секретарем и тов. Ленин, тем не менее, имел у нас в партии решающее политическое слово. И если мы против него спорили, то спорили, трижды подумав. Вот я и говорю: если тов. Сталин хочет завоевать такое доверие, как т. Ленин, пусть он и завоеует это доверие. (Голоса: «Бросьте вы говорить насчет Ленина. Зачем вы обращаетесь к Сталину?» Шум.) Я не обращаюсь к Сталину, я обращаюсь к съезду и говорю... (Шум), что я считал бы правильной такую организацию Секретариата, при которой Секретариат в самом деле был бы исполнительным органом Политического бюро Центрального Комитета и Организационного бюро Центрального Комитета»⁴⁷

Читатель и без моих комментариев поймет, в чем заключался главный запал выступления Сокольников. Короче говоря, речь шла о двух возможных вариантах: решить вопрос о ликвидации в партии поста генсека и таким способом лишить Сталина основных рычагов его власти; или же — это второй вариант — так перестроить работу центральных органов, в первую очередь Секретариата, чтобы он был низведен до уровня технического аппарата, лишённого возможности оказывать сколько-нибудь заметное влияние на выработку и осуществление политических решений, в первую очередь кадровых.

Сталин прекрасно уловил не только открыто заявленную, но и подспудную идею, заложенную в предложении Сокольников, выраженную, правда, не прямоком и без экивоков, а в простовато-риторической форме. На нее он отреагировал в своем заключительном слове. Он напомнил делегатам, что еще в 1923 году, при жизни Ленина, обсуждалась идея политизации Секретариата путем введения в его состав, в частности, Троцкого, Зиновьева и Бухарина. Однако на практике из этого ничего не получилось: новые члены секретариата фактически уклонились от работы в нем, благодаря чему и вся идея оказалась мертворожденной.

Кстати, лично у меня невольно возникает законный вопрос: почему же эти деятели уклонились от работы в Секретариате, если сами же усматривали в этом органе главное орудие утверждения власти Сталина в партии? Прияв в нем участие, они имели бы реальные возможности влиять на все стороны работы данного органа и, таким образом,

⁴⁷ XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. С. 335–336.

смогли бы противодействовать сосредоточению в руках генсека необъятной власти. Этого не было сделано. И исследователи политической биографии Сталина как-то оставляют вне поля своего внимания данный аспект, тем самым затемняя суть проблемы борьбы за власть в тот период. Думается, что рутинная партийная работа, которая требовалась в Секретариате, казалась вождям тогдашней и будущей оппозиции слишком уж несовместимой с их амбициозными представлениями о себе как о лидерах партии, а не ее работников. В конечном счете, в проигрыше оказались именно они. Потом, видимо, они спохватились, но было уже поздно — поезд давно ушел. Сложилась иная ситуация, причем явно в пользу Сталина как Генерального секретаря, со всех сторон зарекомендовавшего себя в качестве человека на нужном месте и в нужное время.

Итак, Сталин отвечал на упреки Сокольниковы следующими аргументами, которые, по крайней мере с формально-логической точки зрения звучали убедительно:

«А теперь у нас наступила, оказывается, вторая стадия, противоположная первой. Теперь требуют уже не политизирования, а техницизирования Секретариата, не уничтожения Политбюро, а его полновластия.

Что же, если превращение Секретариата в простой технический аппарат представляет действительное удобство для Каменева, может быть, следовало бы и согласиться с этим. Боюсь только, что партия с этим не согласится. (Голос: «Правильно!».) Будет ли, сможет ли технический Секретариат подготавливать те вопросы, которые он должен подготавливать и для Оргбюро, и для Политбюро, я в этом сомневаюсь.

Но когда говорят о полновластном Политбюро, то такая платформа стоит того, чтобы отдать её курам на смех. Разве Политбюро не полновластно? Разве Секретариат и Оргбюро не подчинены Политбюро? А пленум ЦК? Почему о пленуме ЦК не говорит наша оппозиция? Не думает ли она сделать Политбюро полновластнее пленума?

Нет, положительно не везет оппозиции с ее платформой или платформами о Секретариате»⁴⁸.

В ходе политических баталий на съезде Сталин не только сам умело и энергично защищал представляемую им политическую линию, а также отметал как недостойные внимания упреки о его стремлении к единоличной власти, но и использовал в качестве своих добровольных адвокатов тех из числа его сторонников, которым буквально через пару-другую лет придется пройти путь к собственной политической Голгофе, какой прошли до них сторонники новой оппозиции. Генсек использовал достаточно высокий авторитет и широкое признание, которым пользовался в массах народа и в партийных кругах тогдашний член Политбюро и лидер советских профсоюзов М. Томский. Именно М. Томский попытался на съезде объяснить самую важную вещь: почему Сталин, а не вожди оппозиции, пользуется в партии и на съезде поддержкой. Он, в частности, сказал: «Нам говорят: теперь необходима свобода мнений. Это не удастся. Вот в чем секрет того, что вокруг Сталина образовалось большинство. В этом секрет.

А вы думали — в чем-нибудь другом? Скажите, пожалуйста, какие это социальные, экономические, политические и прочие условия создали такое положение, что около секретаря ЦК Сталина образовалось большинство членов ЦК, а вот у т.т. Каменева и Зиновьева, которые до сих пор свои разногласия не вынимали из кармана и ни в чем нас не упрекали, образовалось меньшинство и пустота. Около них оказались т.т. Сокольников, Крупская и еще ленинградская делегация на этом съезде.

⁴⁸ И. В. Сталин. Соч. Т. 7. С. 387–388.

Каким образом это произошло?

Это произошло на основе действительно коллективного руководства, равенства и одинаковости отношения ко всем и к каждому члену Политбюро.

Вот в чем дело. (*Аплодисменты.*)

Смешно говорить то, что говорили здесь и что пытались изобразить некоторые товарищи, — будто кто-либо сосредоточил в своих руках власть, а остальное большинство ЦК его поддерживает.

Как это могло случиться? Нет, т. Каменев, если вы ставите вопрос о том, что система единоличных вождей не может существовать, мы говорим: мы все время против этого боролись; система единоличных вождей не может существовать и ее не будет, да, не будет. (*Аплодисменты*).⁴⁹

Сейчас, по прошествии восьми десятков лет, уже хорошо зная дальнейший ход исторических событий, наивными, порой даже смешными и самонадеянными, выглядят эти и подобные им заявления, звучавшие на съезде. Порой кажется даже, что их произносили не умудренные опытом политические бойцы, а какие-то незрелые политические младенцы. Особый взрыв эмоций среди делегатов вызвали слова А. Рыкова — преемника Ленина на посту Председателя Совнаркома, — чуть ли не как клятву произнесшего: «Я бы хотел, чтобы установилось полное сознание у оппозиции, так же, как и у всех членов партии, что на такие требования партия идти не может, никогда и ни перед кем, ни перед Сталиным, ни перед Каменевым, ни перед кем-либо другим партия на коленях не стояла и не станет. (*Аплодисменты. Голоса: «Правильно!»*)⁵⁰

Как патетично звучали эти слова! И как они были далеки от истины! За ними не скрывалось и тени понимания существовавших и будущих тенденций политического развития ситуации в стране. Тогдашние сторонники Сталина оказались неспособными заглянуть не только в отдаленную, но и в ближайшую перспективу. Им недоставало не только дальновзоркости, но и элементарного чувства политической осторожности и сдержанности. В пылу полемики они стали жертвами собственной самонадеянности и самоуверенности. Что же касается их сравнения со Сталиным, то в этот период он показал себя деятелем, стоявшим высоко над ними, несопоставимым с ними по политическому чутью и умению маневрировать, использовать малейшую брешь в позиции как своих противников, так и будущих потенциальных соперников.

Его искусство маневрирования проявлялось как в большом, так и в малом. Он в это время целенаправленно сглаживал разногласия с Троцким, чтобы предотвратить формирование объединенного оппозиционного блока против себя. Об этом, в частности, говорит и смысл выступления одного из близко стоявших тогда к нему политических соратников — А. Микояна. Его речь также заслуживает того, чтобы ее подробно процитировать, поскольку через призму этой речи явственно проглядывает вся политическая стратегия самого Сталина.

А. Микоян говорил на съезде: «Здесь, товарищи, выступали с докладами т. т. Зиновьев и Бухарин. Во что вылилось их выступление? Это есть по сути дела взаимное разделение вождей, взаимное оголение: вот у тебя то-то и то-то, у тебя это и т. д. Я должен сказать, товарищи, что съезд не нуждается в напоминании о том, кто наши вожди, какие они, у кого какие недостатки. Ильич так крепко написал об этом, что это из нашей памяти не уйдет.

⁴⁹ XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. С. 289.

⁵⁰ Там же. С. 418.

(Галоса: «Правильно!») Зря напоминать здесь об этом. Но раздевать друг друга перед всей страной, перед всем миром, — зачем это, в чью это пользу? Вы думаете, мы не знаем, кто такой Сталин, Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Каменев и другие? Мы очень хорошо это знаем. Ильич дал каждому из членов нашего руководящего коллектива справедливую оценку. Но дискредитировать наших вождей перед мелкобуржуазной массой, — зачем это? Разве исторические ошибки, осужденные в прошлом всей партией, надо здесь вытаскивать? Никому теперь этого не требуется. Мы на Троцкого нападали именно за то, что он старые ошибки Октября Зиновьева и Каменева, уже исправленные, выкладывал только для того, чтобы бить Зиновьева и Каменева. Мы все стали за них против Троцкого. Не потому, что мы были не согласны с Троцким в том, что ошибка была, и не потому, что мы прикрывали эти ошибки Каменева и Зиновьева. Вовсе нет. После того, как люди сознали ошибку, они честно работали в партии и не ошибались, и мы были против того, чтобы бить их за старые ошибки. Тов. Троцкий подчинился, он больше не говорит об этом. Мы его раз покрыли, и он согласен. Зачем вам идти по пути т. Троцкого, от которого сам Троцкий отказался?»⁵¹

Словом, генсек сам и через лиц, близких к нему, не только строил глубоко эшелонированную линию обороны, но и готовил силы для предстоявших новых политических схваток. Он прекрасно понимал, что они неотвратимы. И не только в силу того, что его устремления к дальнейшему укреплению своих властных позиций неизбежно встретят сопротивление со стороны как открытых противников, так и части нынешних сторонников. Не менее, а скорее более важную роль играли факторы, касавшиеся генеральной стратегической линии, которая вызревала в его мозгу и которая, как он создавал, обязательно натолкнется на противодействие. В том числе не в последнюю очередь со стороны так называемых правых в лице Бухарина, Рыкова, Томского и других.

Если оценивать политическую философию Сталина как единое целое, то следует констатировать: игра на противоречиях составляла один из важнейших компонентов ее составляющих. Один из крупнейших биографов Сталина И. Дейчер предпринял попытку дать своего рода философское, а если быть более точным, то — политико-психологическое объяснение этой двойственной политики Сталина, когда он заимствовал из арсенала своих противников те или иные лозунги и положения и использовал в дальнейшем в своей политической игре. И. Дейчер пишет, что по своему характеру Сталин в целом не был склонен идти на компромиссы и конфликт между его рассудком и его характером во многом лежал в основе его поведения. «Сталину постоянно приходилось делать неожиданные и необычайно резкие прыжки то в ту, то в эту сторону политического спектра. Раз за разом мы видим его либо намного правее его правых критиков, либо намного левее его левых критиков. Его периодические резкие повороты являлись конвульсивными попытками центриста удержать равновесие в катаклизмах своего времени... Он появлялся перед партией с формулами, некоторые части которых были заимствованы им от правых большевиков, а некоторые от левых большевиков. Но это были странные компромиссные формулы: их цель состояла не в том, чтобы совместить крайности, а в том, чтобы взорвать и уничтожить их»⁵².

Эта оценка, возможно, и страдает некоторой упрощенностью и прямолинейностью, но она, тем не менее, отражает присущие сталинской политической стратегии черты. Прежде

всего он не страдал формалистическим подходом к разного рода теоретическим формулам и положениям. Не был рабом догм. Всякого рода политические союзы, альянсы и коалиции генсек рассматривал через призму своих политических целей и интересов. На эту особенность сталинской политической философии вполне справедливо и обоснованно обратил внимание в своей небольшой по объему, но достаточно содержательной книге о внешнеполитических взглядах Сталина М. Александров. Возражение вызывает утверждение М. Александрова, согласно которому сталинская политическая философия основывалась отнюдь не на марксизме. Это, на мой взгляд, — явное упрощение, хотя в подходе к ряду серьезных проблем генсек не останавливался перед тем, чтобы перешагнуть через косность и классовую узость ряда теоретических положений марксизма-ленинизма⁵³.

По моему разумению, объяснение известной политической лабильности Сталина имеет под собой серьезные основания. Хотя, конечно, утверждать, что Сталин вообще не мыслил в рамках марксистских категорий, — неверно. Он часто сам оказывался в плену тех или иных марксистских догм. Но в целом верх в его политических воззрениях брал здравый смысл, или прагматизм, как принято выражаться ныне.

Подытоживая рассмотрение данного исторического отрезка времени в политической биографии Сталина, следует заметить, что в сталинский период и в так называемый брежневский период (до наступления перестройки) этому этапу его деятельности давались в целом схематические, однобокие, а потому и далекие от истины оценки. Так, официальная история КПСС констатировала: «Съезд осудил неверие оппозиционеров в возможность победы социализма в СССР, показал несостоятельность их утверждений, будто политика партии после X съезда была сплошным отступлением, разоблачил капитулянтский характер установок оппозиции по коренным вопросам социалистического строительства. Опираясь на ленинскую оценку государственных предприятий как предприятий последовательно социалистического типа, съезд разоблачил ревизионистские измышления «новой оппозиции» о преобладании госкапитализма в советской промышленности... XIV съезд ВКП(б) имел важное значение для укрепления коллективного руководства партией, показав, что за годы революции выросли и выдвинулись воспитанные Лениным новые кадры, твердо стоявшие на позициях марксизма-ленинизма. Идеино разгромив «новую оппозицию», съезд продемонстрировал нерушимую сплоченность Коммунистической партии, ее боевой дух, готовность повести советский народ к новым победам в борьбе за социализм»⁵⁴.

Вся эта риторика относительно укрепления коллективного руководства, якобы ставшего важным итогом съезда партии, мягко говоря, далека от действительности. Более того, она по форме вроде бы и верна, а по сути своей прямо противоположна. Факты говорят о том, что в это время шел не процесс укрепления коллективного руководства, а совсем противоположный процесс — процесс постепенного упрочения личной власти генсека. Это настолько очевидный факт, что его можно принять как политическую аксиому, не требующую доказательств. Постоянно возникавшие на всем протяжении истории партии разговоры о коллективном руководстве, как правило, являлись лакмусовой бумагой, свидетельствовавшей лишь об одном — о разрастании внутренней борьбы за власть. Какой

⁵³ См. М. В. Александров. Внешнеполитическая доктрина Сталина. Canberra. 1995. p. 135

⁵⁴ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Книга первая. С. 424.

период ни возьми, факты подтверждают справедливость данного утверждения. Коллективное руководство играло роль некоего фигового листка, камуфлировавшего становление единоличного лидера в партии.

И такие явления не были эпизодическими или случайными. Уже одно это заставляло относиться к ним более чем критически. В данном контексте мне кажется уместным привести мнение американского автора А. Улама: «Принимая во внимание не только личность Сталина, но и природу советской политики в середине 20-х годов, не было шансов на то, что коллективное руководство страны станет постоянной чертой российского революционного режима. Как природа не терпит пустоты, так и коммунизм не терпит разделенного руководства. Власть Сталина над партией в 1926 году была уже значительно большей, чем та, которую имел когда-либо Ленин. Не было никакого реального шанса отстранить или снять его посредством нормальных процедур, т. е. путем голосования в Центральном Комитете или на съезде партии»⁵⁵.

Другой видный специалист в области истории советской России, в особенности истории большевистской партии, Б. И. Николаевский держится той точки зрения, что в середине 20-х годов имелась реальная возможность вполне легитимного устранения Сталина с поста генсека. Он ссылается на то, что, помимо открытого политического противостояния Сталина с Троцким, Зиновьевым и Каменевым у генсека отнюдь не идилически складывались и отношения с Бухариным и Рыковым. Б. Николаевский ссылается на слова Бухарина, якобы сказанные Троцкому: «Первое качество Сталина — лень. Второе качество — непримиримая зависть к тем, кто знают и умеют больше, чем он. Он и под Ильича вел подпольные ходы»⁵⁶. Что же касается отношений Сталина с Рыковым — преемником Ленина на посту главы советского правительства — то и они не отличались особым дружелюбием. Как свидетельствует один американский журналист, имевший беседу с Рыковым, последний выражал свое возмущение «гангстерскими» приемами партийной работы генсека⁵⁷.

На основе вышесказанного Б. Николаевский делает следующее обобщение:

«Поэтому есть много оснований считать, что если бы вопрос об организационных методах Сталина был бы поставлен перед Политбюро в его чистом виде, не связанном политическими проблемами, а самостоятельно, как вопрос о создании предварительных условий, обеспечивающих нормальное функционирование партийного коллектива, то в Политбюро не нашлось бы никого, кто пожелал бы выступить в защиту Сталина.

Из этого, конечно, не следует делать вывода, будто диктатура могла бы сохранить единство своей правящей головки на длительный период. Внутренних противоречий в стране имелось слишком много, а потому взрыв старой верхушки был неотвратим. Но этот взрыв пришел бы в какой-нибудь иной форме. Во всяком случае в 1925 г. объединение этой верхушки для устранения Сталина было бы вполне возможным и совсем не трудным. Надо было только твердо и определенно взять соответствующий курс, обособив этот организационный вопрос от всех вопросов внешней и внутренней политики»⁵⁸.

Можно соглашаться или не соглашаться с приведенными выше двумя оценками, принадлежащими перу совершенно различных авторов, но приходится признать, что в их

Adam B. Ulam. Stalin. p. 258–259.

⁵⁶ *Лев Троцкий. Моя жизнь. С. 429.*

⁵⁷ *Reswick William. I dream revolution. Chicago. 1952. p. 118.*

⁵⁸ *Б. И. Николаевский. Тайные страницы истории. М. 1995. С. 179.*

словах есть немалая доля правды. В дальнейшем я еще буду касаться вопроса о степени вероятности так называемого легитимного варианта отстранения Сталина от должности Генерального секретаря. Здесь же мне представляется уместным затронуть лишь один аспект этой вообще чрезвычайно сложной и вместе с тем чрезвычайно интересной проблемы — какие мотивы: политические или личного свойства — могли послужить реальной основой для постановки вопроса об устранении Сталина с поста генсека. В зависимости от того, на чем мы будем делать акцент, мы получим и соответствующий результат. Можно, конечно, соединить оба эти мотива воедино, тем самым придав им дополнительную силу убедительности. Однако реальная канва политических процессов того времени протекала в иных измерениях, чем нам представляется сейчас с высоты прошедших десятилетий.

Мотивы личного соперничества, а то и просто склоки внутри партийного руководства, бесспорно, играли отнюдь не второстепенную роль и сами по себе являлись одной из главных побудительных причин, будировавших постановку вопроса об отстранении генсека с его поста. Но все-таки, мне кажется, нужно вникать в проблему глубже и видеть не одни лишь мотивы личной борьбы за власть. В конце концов власть — особенно в условиях тогдашней советской России — была не самоцелью, а лишь средством, орудием проведения в жизнь разрабатываемого генерального курса и определенных политических установок. И знакомство с материалами всех партийных форумов тех лет, а также свидетельства очевидцев, в том числе и таких, как Троцкий, однозначно приводят к выводу: все упиралось в борьбу вокруг политической линии партии. Именно эта борьба служила той динамичной силой и основой, на которой развертывалось личное противоборство различных политических фигур на тогдашнем партийном и государственном Олимпе. Признав это, мы не можем уйти от признания того факта, что борьба за личную власть являлась производной от этой первой и решающей причины.

На мой взгляд, серьезное упрощение допускают те биографы Сталина, которые все сводят только и исключительно к властолюбивым амбициям генсека. Что таковые существовали, и при этом имели весьма масштабный характер, — этого отрицать не сможет никто, не порывая с элементарными историческими фактами. Но сводить все к одному лишь этому факту или же рассматривать его в качестве решающего, доминирующего — значит ставить телегу впереди лошади. История — это, конечно, и история великих личностей. Но прежде всего она — отражение глубоких общественных процессов, в которых участвуют эти личности, и действуют эти великие личности не так, как им заблагорассудится, как захочет их левая или правая нога, а как диктуют реальные исторические обстоятельства.

Именно с учетом сказанного выше и надо подходить к оценке событий того времени и политической стратегии Сталина в тот период внутрипартийной борьбы. В конце концов сам Сталин не раз подавал в отставку со своего поста, но эти его демарши отклонялись. Отклонялись, думается, не из соображений симпатий к Сталину как личности или как политическому деятелю, а по мотивам совершенно иного плана. Я имею в виду те исторические отрезки времени, когда такие прошения об отставке вполне могли быть приняты, чем бы и решался вопрос о замене Сталина другим кандидатом, имевшим все совокупные достоинства знаменитого персонажа Гюголя. Другое дело — и об этом будет идти речь и в дальнейшем — когда заявления об отставке носили чисто демонстрационный

характер и преследовали совершенно иные цели, а именно — усиление политических позиций генсека.

Так что вопрос об отставках Сталина с поста генсека многие его политические оппоненты представляют в несколько упрощенном, а потому и в неверном свете. Говоря обобщенно, в те времена стоял вопрос не только, а скорее и не столько об отставке Сталина с поста генсека, сколько вопрос о смене генерального политического курса. Именно в силу этого фундаментального факта он и обрел такое принципиально важное значение.

Несколько слов следует сказать по поводу генерального политического курса. На партийном языке он именовался генеральной линией партии. Сам этот термин, очевидно, был введен в оборот не лично Сталиным. По крайней мерей, он с середины 20-х годов повсеместно встречается в партийной печати, в речах и книгах не только сторонников генсека, но и его оппонентов. Реальное содержание генеральной линии партии — понятие весьма широкое, почти необъятное: в него можно было вместить все что угодно — в зависимости от цели тех, кто вел о ней речь. В обычном понимании под ней подразумевался курс, выработанный и одобренный последним съездом партии. Но поскольку обстановка изменялась, то и решения очередного съезда зачастую в каких-то важных моментах отрицали или ставили под вопрос установки предыдущего съезда. И это, мне думается, вполне естественно и не должно восприниматься в критическом ключе.

Однако по мере укрепления позиций Сталина в партии понятие генеральная линия обрело чуть ли не некий мистический смысл. Сталин использовал отношение к генеральной линии как главный критерий верности того или иного деятеля, да и рядового партийца и даже беспартийного, к его собственному политическому курсу. А с начала 30-х годов и к себе лично. Генеральная линия как совокупность важнейших стратегических установок партии постоянно изменялась, уточнялась и приводилась в соответствие с реальными потребностями жизни. Но как нечто мистическое и почти неуловимое, она всегда оставалась незабываемой. Не случайно в сталинские времена бытовал анекдот, в сущности прекрасно отражавший реальную картину тогдашнего бытия. В анкете, которую заполняли не только члены партии, но и беспартийные, имелся такой многозначительный и коварный вопрос: «Были ли колебания в проведении генеральной линии партии?» И на него следовал остроумный и полный сарказма ответ: «Колебался вместе с генеральной линией партии». Отношение к генеральной линии стало своего рода оселком, на котором проверялось отношение к самому Генеральному секретарю.

Возвращаясь к предмету нашего непосредственного рассмотрения — XIV съезду партии, — следует констатировать следующее. На первом пленуме после его окончания были избраны руководящие органы ЦК. Каменев из членов ПБ был переведен в кандидаты. Состав членов ПБ был расширен до 9 человек. Он пополнился сторонниками Сталина — Молотовым, Ворошиловым и Калининным. В составе ПБ остались Зиновьев и Троцкий. Через полгода Зиновьев был выведен из состава ПБ и заменен Рудзутаком. Существенные перемены претерпели также Оргбюро и Секретариат. Общая направленность всех этих кадровых перемен и перестановок сводилась к укреплению позиций генсека в руководстве ЦК.

Предстояло решить также и еще одну серьезную проблему: нужно было не только сменить руководство ленинградской организации, находившейся под контролем Зиновьева и его группы, но и добиться того, чтобы организация в целом встала на позиции

ЦК, т. е. Сталина. Это была отнюдь не простая задача, но она подлежала безусловному решению, поскольку таила в себе потенциальную опасность. Для ее практического выполнения в Ленинград была послана группа видных партийных руководителей, главным образом из числа сторонников генсека. В их число входили Молотов, Ворошилов, Киров. Туда же выехали Бухарин и Томский.

В самом Ленинградском губернском комитете и в местных парторганизациях развернулась самая настоящая битва. Я не стану описывать ее перипетии, хотя некоторые детали и представляют интерес, поскольку без контроля над ленинградской организацией общий контроль Сталина в партии (в той мере, в какой он был возможен в тот период времени) был бы неполным и непрочным. Не случайно Сталин в качестве нового руководителя ленинградских большевиков предложил Кирова — своего надежного и весьма энергичного сторонника. В 1924 году Сталин подарил Кирову свою книгу «Об основах ленинизма» с трогательно-сентиментальной надписью — «Другу моему и брату любимому от автора. И. Сталин»⁵⁹.

Об атмосфере послесъездовской борьбы в Ленинграде некоторое представление дают свидетельства самого Кирова. В письмах того периода он писал: «Здесь все приходится брать с боя. И какие бои! Вчера были на Треугольнике, коллектив 2200 человек. Драка была невероятная. Характер собрания такой, какого я с октябрьских дней не только не видел, но даже не представлял, что может быть такое собрание членов Партии. Временами в отдельных частях собрания дело доходило до настоящего мордобоя! Говорю, не преувеличивая. Словом, попал я в обстановочку. В других районах перелом большой. На днях удастся в трех районах произвести перевыборы бюро райкомов и избрать наших организаторов. Словом, кто любит скандалы, пожалуйте сюда. Собрания изводят. Две недели говорим, и все одно и то же. Каждый день на собрании, голова идет кругом»⁶⁰.

Полагаю, что Киров только отчасти передает обстановку, в которой происходил процесс отвоевывания Сталиным позиций по контролю над ленинградской парторганизацией. А ее значение было велико: не только с точки зрения ее численности, но и безусловного престижа — ведь Питер был колыбелью революции, и многие именно под этим углом зрения подходили к оценке событий. Мол, если даже колыбель революции против Сталина, то в этом что-то есть. Так что генсек не жалел усилий, чтобы выкорчевать влияние оппозиционеров в северной столице. Политический десант, высаженный в Питере, провел большую работу. Правда, не все московские посланцы пользовались там успехом. Это явствует, в частности, из письма Кирова, адресованного Орджоникидзе: «...разобщенность от ЦК, о которой ты знаешь, оказалась гораздо глубже. Все это надо расхлебывать. Выходит так, что я пострадал больше всех. Работы по уши. Не было еще случая выпастись как следует. В общем же, конечно, сейчас несколько легче. Такие, брат, дела. Большим успехом здесь пользовался на конференциях Бухарин и очень малым Земляк мой (имеется в виду Ворошилов — Н. К.). Конференции в целом прошли хорошо. Дискуссия осточертела, если ты меня разбудишь ночью, я тебе очень складно расскажу о строительстве социализма, НЭПе и проч.»⁶¹.

Сталин вначале не имел намерения оставлять Кирова в качестве руководителя ленинградской организации. По крайней мере, он давал понять Кирову, что эта

⁵⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 6. С. 422.

⁶⁰ **Большевистское руководство. Переписка. 1912 — 1927.** С. 318.

⁶¹ Там же. С. 323.

командировка временная и после стабилизации положения последний сможет возвратиться на свою прежнюю работу — секретарем ЦК Азербайджанской компартии. Сам Киров рвался в Закавказье. Но Сталин решил иначе: Киров проявил себя в Ленинграде с самой лучшей стороны, он быстро завоевал широкую популярность и даже любовь со стороны ленинградцев. По зрелому размышлению генсек решил, что в интересах дела и в его собственных интересах оставить Кирова на работе в Ленинграде. Это давало Сталину уверенность в надежной поддержке его курса со стороны столь авторитетной организации. К тому же, нельзя сбрасывать со счета и тесные дружеские отношения, сложившиеся между этими двумя фигурами. Через несколько лет трагическая смерть Кирова откроет новую страницу в советской истории, равно как и в политической биографии Сталина. Но обо всем этом речь пойдет в соответствующих главах.

В качестве главного вывода, логически вытекающего из всего сказанного выше, следует подчеркнуть следующее: политический успех Сталина и разгром им «левой» оппозиции были обусловлены не только личными качествами генсека как умелого стратега и тактика, но прежде всего тем, что он стал не только инициатором, но и во многом и олицетворением курса на строительство социализма в советской России. Причем укрепление Советского государства, а не ставка на разжигание пожара мировой революции, стало краеугольным камнем сталинской концепции строительства социализма в одной стране. Ход исторических событий поставил перед нашей страной вопрос о магистральном пути дальнейшего развития. Сталину не изменило чувство исторического видения, когда на весах политической борьбы со своими противниками он поставил именно проблему строительства социализма. Со временем интерпретация этой проблемы все больше будет обретать характер национальной идеи, способной объединить под своим знаменем максимально широкие слои населения страны в целом.

Глава 4

СТАЛИН НА ПУТИ К ЕДИНОВЛАСТИЮ

1. Объединенный блок Троцкого — Зиновьева против Сталина

Сокрушительное поражение на XIV съезде «новой оппозиции» во главе с Зиновьевым и Каменевым не стало полным и финальным завершением противоборства в партийных верхах. Победа Сталина выглядела убедительной и бесспорной, получив легитимное закрепление в решениях высшего органа партии, но пока что она имела скорее политический, нежели организационный характер. Это и предопределило то, что сама эта победа оказалась прологом нового витка борьбы, к которому Сталин готовился по всем правилам ведения политической войны. Его позиции как ведущего деятеля партии мало у кого вызывали сомнение. На обильный счет побед и достижений он с полным основанием занес и разгром «новой оппозиции». Его уже не тревожила зловещая тень ленинского завещания, которая на протяжении минувших двух лет являлась фактором потенциальной угрозы, своего рода мины замедленного действия, взрыв которой мог быть спровоцирован как его собственными промахами, так и активной деятельностью его соперников. Ныне эта мина замедленного действия, хотя и не была полностью обезврежена, уже не могла внушать ему сколь-нибудь серьезного опасения за свое политическое будущее и место потенциального преемника Ленина. Главное его достижение к концу 1925 года заключалось в утверждении собственного авторитета и признания особого положения — своего рода *primus inter pares* (первый между равными) — не только в высших эшелонах власти, но и в среде широкой партийной массы. Сталину удалось добиться того, что его в партии и стране стали считать крепким, принципиальным и нестигаемым политическим лидером. Престиж Сталина в партии уже не определялся тем, был ли он освящен ленинским признанием или нет. Иными словами, Сталин вплотную подошел к созданию прочного и надежного фундамента собственной власти. Теперь его политическая судьба в огромной, даже в решающей степени, зависела от него самого, от его политической дальновидности, от способности сделать единственно правильную ставку на выработку долгосрочной стратегической политической линии, ориентированной на превращение Советской России в современное и могучее государство со всеми атрибутами, присущими таковому.

Конечно, к этому рубежу в своей политической карьере он подошел отнюдь не благодаря какому-то уникальному стечению счастливых обстоятельств, хотя и это, несомненно, сыграло известную роль в том, как складывалась политическая планида будущего единовластного лидера. Если говорить о фактически решающих внешних обстоятельствах, то здесь прежде всего надо иметь в виду болезнь и смерть Ленина.

В истории не принято гадать и строить разного рода предположения и гипотетические варианты развития событий в зависимости от того, как они складывались бы, если бы поменялись некоторые исходные условия и факты. Но совершенно очевидно, что проживи Ленин еще несколько лет, то траектория продвижения Сталина к власти выглядела бы иной.

Этим чисто умозрительным предположением я не хочу сказать, что ему была бы готова роль какого-нибудь второстепенного деятеля в ряду других большевистских больших и малых вождей. Не следует упускать из виду, что Ленин в своих предсмертных записках характеризовал Сталина как выдающегося деятеля. А Ленин, как хорошо известно, не отличался особой щедростью насчет выдачи каких-то политических хвалебных индульгенций своим соратникам. И мне почему-то кажется, что в глубине своего затухающего сознания он и не представлял кого-либо из них на своем месте. Разумеется, об этом нигде нет ни слова. Но и полное молчание по этому деликатному вопросу тоже может служить достаточно красноречивым ответом на него.

Я несколько отвлеку в сторону, но полагаю, что затронутая тема важна для понимания не только тогдашней ситуации, но и для уяснения многих проблем, которые не находили своего адекватного отражения в публичных дискуссиях и внутривнутрипартийных баталиях тех лет. Они лежали, так сказать, за пределами открытой борьбы, но их присутствие всегда давало себя знать в полную меру.

Едва ли мы сможем достаточно глубоко разобраться в политической философии Сталина и во всех изгибах его политического пути, если хотя бы на минуту выпустим из поля зрения факт первостепенной важности: он всегда, на протяжении всей своей политической жизни, вел борьбу за утверждение, сохранение и расширение своих властных позиций. В политике, как известно, не бывает каникул или периодов полного эпикурейского наслаждения успехами. Достигнутое является не самоцелью, а лишь трамплином для дальнейшего продвижения и завоевания новых политических высот. В этом смысле Сталин всю свою жизнь был борцом. Но обстановка середины 20-х годов потребовала от него усилий поистине титанических, ибо именно в этот период он создал все необходимые политические, организационные и идейные предпосылки для полного утверждения себя в качестве не только главного, но и единственного верховного лидера партии. Я говорю о предпосылках, поскольку само превращение именно в такого лидера стало фактом реальности лишь через несколько лет. Точнее говоря, к концу 20-х годов.

Немалую роль в процессе повышения авторитета Сталина в партии сыграло и его личное поведение, манера речи, рассчитанная не на изысканную аудиторию, а на самых простых людей, не обремененных особой грамотностью или знаниями. Если мы сопоставим его с тогдашними «звездами» первой величины — Троцким, Зиновьевым, Бухариным и Каменевым — то первый мнил себя (и, соответственно, вел себя соответствующим образом) не только главным полководцем Гражданской войны, но и непревзойденным оратором (согласно многочисленным достоверным свидетельствам, Троцкий действительно был наделен недюжинным ораторским мастерством), а также крупнейшим теоретиком, способным дать партии и стране единственно верные ориентиры дальнейшего продвижения по пути социалистического переустройства мира. Мало чем в своих амбициях уступал Троцкому и Зиновьев, считавший себя неформальным «вождем мирового пролетариата» в силу занимаемого им поста председателя Исполкома Коммунистического Интернационала. Бухарин лично лишен был вождистских амбиций,

но тем не менее ему льстила подтвержденная самим Лениным репутация любимца партии и крупного теоретика, правда, с некоторыми изъянами. Каменев фактически возглавлял московскую организацию — одну из крупнейших в стране — хотя занимал не партийный, а советский пост председателя Московского совета. Одновременно он являлся председателем Совета труда и обороны — органа, направлявшего деятельность экономических комиссариатов и деятельность всех органов в области обороны страны. Каменева считали умным политиком, но человеком, не отличавшимся необходимыми волевыми качествами. К тому же, широко известна была его склонность к сибаритству, что едва ли прибавляло ему авторитета.

На фоне этих фигур первого партийного эшелона Сталин выглядел достаточно скромно. Он намеренно и многократно подчеркивал, что является лишь верным учеником великого вождя — Ленина. Что он при этом думал о себе на самом деле, никому не дано узнать. По крайней мере, его подчеркнутая скромность многим imponировала и невольно вводила в заблуждение. Чрезмерная демонстрация скромности политическим деятелем часто скрывает и чрезмерные амбиции. Но фактом остается то, что скромность и деловитость генсека, его демонстративная неприязнь ко всякого рода восхвалениям в свой адрес многим нравились и рассматривались как эталон поведения настоящего большевика-ленинца. Я не хочу быть голословным и приведу в подтверждение своих оценок выдержку из воспоминаний столь ярого критика Сталина, как Н. Хрущев. Он пишет, что в середине 20-х годов Москву посетила делегация города Юзовки, который был переименован в Сталино. Руководитель делегации обратился к Сталину: «Товарищ Сталин, мы вот с бывшей Юзовки. Сейчас Юзовка переименована и носит Ваше имя. Поэтому мы хотели, чтобы Вы письмо написали юзовским, сталинским рабочим. Это произвело бы хорошее впечатление на население Сталинского округа». Сталин ему так ответил: «Я не помещик, а рабочие завода не мои крепостные. Я им писать не буду и не люблю, когда это делают другие». ...Приехав домой, руководитель делегации рассказал все в окружном комитете партии, и это стало достоянием всей округи. Такая фраза Сталина произвела очень сильное впечатление. Этот случай говорил о демократичности, доступности и правильном понимании Сталиным своего места»¹.

Далее Хрущев приводит и некоторые другие примеры, которые, как он замечает, произвели на него в то время хорошее впечатление. Особенно он отмечает такое качество, как терпимость Сталина. Но я был бы не прав, если бы поставил на этом точку, поскольку у читателя сложилось бы превратное представление о подлинном отношении Н. Хрущева к Сталину тех лет. За всеми этими примерами следует главный, оценочный вывод Хрущева, говорящий сам за себя: «Позднее, когда я узнал Сталина, то вспомнил об этом и понял, что это — его ловкость, его иезуитство. Он играл на чувствах людей, желая показать свою терпимость, свою волю к единству партии и если не уважение, так хотя бы терпимость к мнениям других членов коллектива, в котором он работал. Это был обман, это был расчет, он хотел забросить удочку, грубо говоря, и на крючок ловить людей, которые искренне хотели правильно его понимать. И я в том числе тоже явился жертвой сталинской уловки»².

Что хотелось бы заметить в связи с этим? Вывод Хрущева, как и всякий слишком категорический, а по существу, и безапелляционный вывод, касающийся столь сложной и

противоречивой материи, какой является сфера политики, не может рассматриваться в качестве универсального, а тем более в качестве истины в последней инстанции. Достаточно напомнить пару примеров, имеющих самое прямое отношение к такой черте сталинского политического поведения, как определенная терпимость к своим бывшим идейным противникам. Сам Хрущев в 1923 году выступал сторонником троцкистской платформы, однако, хотя это и припомнили ему в 1937 году во время одной из московских партийных конференций, он тем не менее вошел в узкий круг приближенных к Сталину партийных руководителей и на протяжении длительного времени был членом Политбюро. То же самое можно сказать и об А. А. Андрееве, который также одно время стоял на троцкистской платформе, но затем был в составе Политбюро чуть ли не до самой смерти Сталина. Словом, к каждой, претендующей на универсальность оценке, следует относиться критически, сопоставляя ее с реальной канвой событий и достоверными фактами.

По ходу изложения материала я лишь вскользь затрагиваю некоторые личные качества Сталина как политика, прежде всего в контексте рассматриваемого исторического отрезка времени и под углом зрения реальной обстановки соответствующей эпохи. Здесь, мне кажется, уместно коснуться и роли Сталина в подавлении восстания в Грузии в августе — сентябре 1924 года. Хотя данный сюжет и несколько нарушает стройность хронологии, но интересы дела позволяют сделать исключение в данном конкретном случае. Не вдаваясь в детали, можно с полным основанием констатировать, что в силовом решении данного вопроса в первую очередь можно усматривать инициативу Сталина. Он почитался знатоком национального вопроса и, по негласному обычаю, установленному в партийной верхушке, курировал (выражаясь современной лексикой) вопросы, связанные с Закавказьем, и тем более непосредственно с его родиной — Грузией.

В 1924 году в сфере экономических отношений были предприняты некоторые, довольно робкие, попытки как-то обуздать разгул нэповской стихии как в городе, так и на селе. Эта линия вызвала рост недовольства, вылившегося в ряде мест в открытое сопротивление. Особенно оно проявилось в Грузии, где советизация проводилась всего лишь около трех лет и говорить об устойчивости и прочности новой власти, естественно, не приходилось. Обстановкой воспользовались меньшевики — как внутри страны так и в эмиграции — пользовавшиеся сильным остаточным влиянием в этой республике. В августе — сентябре развернулось довольно мощное восстание, продолжавшееся более двух недель. Сначала повстанцам сопутствовал успех. Им удалось овладеть рядом городов Западной Грузии, в том числе Чиатурой, Сухуми, Батуми и Кутаиси. Бои шли даже в пригородах Тбилиси. Но вскоре для борьбы с восстанием были переброшены дополнительные части Красной Армии, и под натиском численно и технически превосходящего противника сторонники независимости Грузии вынуждены были отступить. В начале сентября часть из них через Батумский порт ушла морем в Турцию. Многие раненые повстанцы были захвачены в плен³.

Б. Николаевский (о нем уже шла речь в предыдущей главе) полную и безраздельную ответственность за жестокое подавление грузинского восстания возлагает лично на

* Совершенно недостоверную картину данного эпизода в биографии Н. Хрущева рисует один западный автор некто Виктор Александров. Он в деталях описывает энергичную борьбу Хрущева против Троцкого в 1923 году, ставя все факты с ног на голову. См. *Victor Alexandrov: Das Leben des Nikita Chruschow*. München. 1958. S. 32.

³ См. *Борис Соколов. Берия. Судьба всесильного наркома*. М. 2003. С. 34.

Сталина. Он, в частности, пишет, что оно «было по личным директивам Сталина потоплено в крови, но в этом восстании были элементы, которые вызывали длительную тревогу в Кремле: после того, как восстание рабочих в промышленных центрах Грузии было подавлено, деревня в течение нескольких недель продолжала оказывать упорное, местами даже ожесточенное сопротивление. Расследование о причинах восстания, проведенное по свежим следам, показало, что в его размахе большую роль играли факторы не только национальные, но и социальные, и важнейшим среди них было недовольство крестьянства деревенской политикой советской диктатуры»⁴.

Конечно, в политической биографии Сталина это был не первый эпизод, когда он прибегал к использованию силы для подавления недовольства или сопротивления. История Гражданской войны дает тому тьму примеров. Однако деликатность (и особенность) данного эпизода состоит в том, что сила была использована для подавления выступлений на родине Сталина. Он в данном случае продемонстрировал не только свою твердость и решительность, но и фактически полное пренебрежение ко всякого рода национальным чувствам и сентиментам. Подчеркивая эту главную, доминирующую черту в политической стратегии Сталина, нельзя вместе с тем предать забвению и то, что генсек понимал и правильно оценивал истоки недовольства грузинских крестьян политикой властей. Это явствует из следующего его замечания относительно восстания в Грузии: «ведь вопрос стоит так: либо мы, вся партия, дадим беспартийным крестьянам и рабочим критиковать себя, либо нас пойдут критиковать путём восстаний. Грузинское восстание — это была критика»⁵. В более широкой постановке вопроса Сталин подчеркивал (и это было вполне справедливо и звучало убедительно), что боязнь критики со стороны масс — это смертельная слабость любой политической партии, а тем более коммунистической: «Партия, скрывающая правду от народа, партия, боящаяся света и критики, есть не партия, а клика обманщиков, обречённых на гибель»⁶.

Взятый сам по себе факт силового подавления грузинского восстания в 1924 году может кому-то показаться незначительным эпизодом, затерявшимся в анналах истории. Но для проникновения в суть политической философии Сталина он имеет несомненно важное значение, поскольку как бы приоткрывает завесу над механизмом его подходов к решению острых национальных проблем. Насильственные методы, как мы видим, составляли неотъемлемый элемент в решении острых национальных проблем. В этом мы сможем убедиться при рассмотрении подходов Сталина к национальным проблемам в предвоенный, военный и послевоенный периоды.

Отмечая как вполне неоспоримый факт значительное возрастание личного авторитета генсека в партии и в стране, нельзя вместе с тем ограничиться только констатацией данного факта. Надо в целях полной достоверности отметить и другую сторону медали: среди определенной части членов партии Сталин вызывал нескрываемое отторжение. И речь идет не о каких-то единицах, и не только о сторонниках оппозиции, но и о рядовых членах партии, выражавших серьезное недовольство процессами бюрократизации и централизации, выделения партийных функционеров в отдельную привилегированную прослойку, постепенно, шаг за шагом все более отдалявшуюся от основной партийной массы. Эти процессы с полным основанием связывались с именем Сталина. Причем надо

⁴ Б. И. Николаевский. Тайные страниц истории. С. 186.

⁵ И. В. Сталин. Соч. Т. 7. 31.

⁶ Там же. С. 122.

заметить, что эти процессы, начавшиеся гораздо раньше, в середине 20-х годов обрели все более крупные масштабы и все более четкие очертания.

Я приведу несколько примеров, подтверждающих обоснованность моего утверждения. Вот письмо коммуниста, посланное в высший орган Советской власти:

«Письмо товарищу Калинин

Товарищ Калинин, много писалось в наших газетах о строительстве социализма, о нашем экономическом возрождении страны и тому подобном. Но никто не задумался о том, что делается вокруг нас, как смотрит пролетариат и крестьянство на наши партийные и советско-хозяйственные органы, которые руководят всей политикой страны, начиная с низовых и кончая центральными. Во-первых, рабочие и крестьяне рассматривают нашу политику и приходят к выводу, что с лозунгов диктатуры пролетариата переходят к лозунгу диктатуры бюрократизма и мелкой буржуазии. Почему этот вопрос выдвигается пролетарской массой? Потому, что наблюдая за действием наших органов управления, которые всецело оторвались от низов, от пролетариата и становятся чужими пролетариату. Все советские органы обюрократились, партийная масса стала бесполезной в стране, часть членов партии ходит без дела, и ее не допускают к работе, ибо они мешают бюрократизму и нэпманам. И в самом-то деле получается расслоение в рядах партии, партия разбилась на две группы, то есть на группу ответственных работников, обюрократившихся, и на группу рядового партийного элемента, оторвавшегося от бюрократизма и не принимающего участия в строительстве. Пролетарская масса говорит: «Мы воевали за советскую власть, за равенство и братство, но мы этого не видим, а видим расслоение между пролетариатом и бюрократизмом, к этому бюрократизму можно приписать нэпманов и спекулянтов». Необходим был НЭП для возрождения народного хозяйства, но нужно знать предел нэпу и не вовлекаться нэпом бесконечно. Ведь мы перешеголяли нэп и в нежелательную сторону и очутились перед лицом бюрократизма. Не пролетариат победил нэповский уклон, а этот нэповский уклон в лице бюрократизма окутывает и побеждает пролетарскую массу, ибо бюрократизм оказывается сильнее пролетариата. Бюрократизм завладел хозяйственными и торговыми органами страны, а рабочий или крестьянин не имеет права высказать истинной правды, ибо его сейчас же обвинят в контрреволюции и дискредитировании партийной линии»⁷.

Мне кажется, что приведенное письмо кратко, но весьма емко определяло самые существенные пороки советской системы того времени. Не надо обладать большим воображением, чтобы представить себе, что число недовольных было во много раз больше, чем число тех, кто осмеливался открыто критиковать утвердившиеся порядки. А все это имело самое непосредственно отношение к Сталину, как фактически главному лидеру партии. Несомненно, он должен был учитывать в своей политической стратегии подобного рода настроения и вносить какие-то коррективы в эту стратегию. Но дело не ограничивалось лишь критикой общих пороков и недостатков советской и партийной системы. Она распространялась и на самого Сталина.

Я процитирую отрывок из письма одного крестьянина, посланного в газету «Беднота» в начале 1927 года:

«Мы стали посмешищем мира. Нет, был бы Ильич, этого бы не было. Он бы и тех и других не погладил по головке. Ведь этим подрывается авторитет не только тех, кого дуют в хвост и в гриву, а и тех, кто их дует, ибо кто может поручиться, что у товарищей Бухарина

или Сталина обойдется все без ошибок? Никто! Значит, создается впечатление, что и они, может быть, ошибаются, неправы, как ошибались другие.

Ведь в течение десятка-другого лет верили Зиновьеву, Троцкому, Каменеву. Вдруг, оказывается, что они плохие люди. У них все ошибки и ошибки. Так почему же они с ошибками руководили партией? Почему их раньше не попросили уйти? Кто даст гарантию, что кто-нибудь другой не скажет завтра, что у товарищей Сталина и Бухарина много ошибок, не станет выкапывать их старые грехи да судить за них, к ним придирается? Никто.

Значит, все это нехорошо, дважды и трижды нехорошо. Это удар по авторитету наших всех вождей. Это шельмование их в глазах всего населения, ибо с ними нужно еще более считаться, чем с партийной массой. Авторитет вождей в этой массе — первое дело. Надо поэтому, чтобы в будущем таких споров ни в коем случае не повторялось. Нужно споры регулировать, как их регулировал Ильич!

Во время споров надо было дать возможность и оппозиционерам высказываться на страницах газет, а потом их крыть. Это дало бы возможность хорошо разобраться в спорах. Крыли только оппозицию, а им не давали возможности высказаться. Это оппозиционеров сделало мучениками в глазах населения: мол, бьют и плакать не дают.

Одним словом — мы переживаем великую историческую болезнь, от которой надо лечить и тех и других»⁸.

Эти два примера говорят о многом: и об обстановке в стране, и о растущем недовольстве негативными процессами, протекавшими как в городе, так и на селе. Они, кроме всего прочего, служат показателем того, что часть членов партии и беспартийных никак не могла взять в толк, почему в высших эшелонах партии постоянно идет ожесточенная, непримиримая борьба. Такая борьба, которая бывает не среди единомышленников, а среди смертельных врагов.

Я затронул лишь часть проблем, связанных с процессом бюрократизации партийного аппарата, отрывом его от насущных интересов широких масс населения. Такие факты, бесспорно, имели место и не представляли собой явления какого-то исключительного, из ряда вон выходящего порядка. Они были распространены повсеместно и отражали, на мой взгляд, более общие закономерности, проистекавшие из того факта, что в понимании Сталина и его единомышленников, а точнее сказать, — большинства членов партии того периода — общие проблемы демократии в стране рассматривались и толковались прежде всего и главным образом через призму классовых интересов. Само понятие демократии не рассматривалось как органическая составная часть фундамента утверждавшегося общественно-политического строя. Как нечто такое, без чего сам новый общественный строй во многом утрачивает свои привлекательные черты.

Вопрос об отношении Сталина к демократии — важная составная часть общей политической философии Сталина. Нельзя сказать, что его взгляды на демократию всегда оставались неизменными и не претерпевали определенной эволюции. Напротив, в различные исторические периоды становления и развития Советского государства эти взгляды подвергались определенным изменениям, становились, если так можно выразиться, более либеральными, более прагматическими. Хотя бы с чисто внешней стороны. Мне еще придется в дальнейшем обращаться к данной теме, здесь же я считаю достаточным указать на характер воззрений Сталина на проблему демократии именно в 20-е годы, в период его ожесточенной борьбы с оппозицией и утверждение своей

⁸ Письма во власть. 1917 — 1927. С. 564—565.

безраздельной власти в партии и государстве. У читателя, естественно, возникнет вопрос: о какой демократии можно вообще вести речь в данном случае, поскольку целью Сталина было утверждение единовластия в партии, а значит, и в государстве? Действительно, есть все основания поставить под вопрос приверженность генсека к нормам демократии в ее общепринятом понимании.

Однако сказать только это — значит сказать половину правды. К данному вопросу следует подходить с учетом конкретных исторических реалий, определявших существо политических и иных процессов в тогдашней Советской России. У Сталина была достаточно четкая, хотя и весьма сомнительная с точки зрения научной состоятельности, концепция понимания демократии. Об этом свидетельствуют, в частности, такие примеры. Еще при жизни Ленина, в январе 1924 года он в своем выступлении на XIII партийной конференции говорил: у нас некоторые товарищи и некоторые организации фетишизируют вопрос о демократии, рассматривая его как нечто абсолютное, вне времени и пространства. Я этим хочу сказать, что демократия не есть нечто данное для всех времён и условий, ибо бывают моменты, когда нет возможности и смысла проводить её. Для того, чтобы она, эта внутрипартийная демократия, стала возможной, нужны два условия или две группы условий, внутренних и внешних, без которых все говорить о демократии⁹. Далее он подробно изложил эти условия, из которых вытекало, что всерьез мечтать о наступлении времен демократии — значит предаваться иллюзиям, поскольку создание таких условий потребовало бы коренного изменения всей внутренней и внешней обстановки, на что потребовался бы огромный исторический период, исчисляемый десятками лет.

И не случайно в качестве резюме следовало такое рассуждение: «Вот почему я думаю, что демократия должна рассматриваться в зависимости от условий, что фетишизма в вопросах внутрипартийной демократии быть не должно, ибо проведение внутрипартийной демократии, как видите, зависит от конкретных условий времени и места в каждый данный момент»¹⁰.

Через несколько лет, в ноябре 1927 года, отвечая на вопрос о том, почему нет свободы печати в СССР, Сталин без обиняков заявил: «О какой свободе печати вы говорите? Свобода печати для какого класса — для буржуазии или для пролетариата? Если речь идёт о свободе печати для буржуазии, то её нет у нас и не будет, пока существует диктатура пролетариата... У нас нет свободы печати для меньшевиков и эсеров, которые представляют у нас интересы разбитой и свергнутой буржуазии. Но что же тут удивительного? Мы никогда не брали на себя обязательства дать свободу печати всем классам, осчастливить все классы. Беря власть в октябре 1917 года, большевики открыто говорили, что эта власть есть власть одного класса, власть пролетариата, которая будет подавлять буржуазию в интересах трудящихся масс города и деревни, представляющих подавляющее большинство населения в СССР»¹¹.

Так что воззрения Сталина на демократию, в том числе и на внутрипартийную, характеризовались четкой классовой определенностью, что делало их с закономерной неизбежностью и классово ограниченными. Ведь по самой своей природе демократия более универсальна и более всеобъемлюща, нежели ее сугубо классовая интерпретация.

⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 6. С. 7.

¹⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 6. С. 8.

¹¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 10. С. 209–210.

В конечном счете подобный подход к фундаментальным основам демократии стал одним из основных источников массовых репрессий. Иными словами, он проявлял себя как ахиллесова пята всей политической философии Сталина на протяжении целых десятков лет.

Здесь необходимо сделать следующее пояснение. Та интерпретация демократии, которую защищал и всячески отстаивал Сталин, предстает несостоятельной и ущербной с точки зрения критериев сегодняшнего дня. Хотя, конечно, уже и тогда она являла собой нечто парадоксальное с позиций универсального подхода к демократии в ее истинном понимании. Однако подобные взгляды в период, о котором идет речь, не казались ущербными, классово ограниченными, ослаблявшими общие позиции в процессе утверждения нового общественного строя. Ведь большевики торжественно провозглашали, что их целью является созидание такого строя, который во всех отношениях, в том числе и в сфере демократических свобод, был бы неизмеримо выше и лучше существовавшего буржуазного строя. Практика же оказалась такой, что путь к расцвету демократии пролегал через всяческие ее ограничения по многим признакам — классовое происхождение, отношение к новому строю и т. п. Словом, получалось развитие демократии посредством ее ограничения. А это напоминало многие ситуации, превосходно описанные великим русским сатириком Щедриным.

Попутно хочется акцентировать внимание читателя еще на одном немаловажном обстоятельстве. Речь идет о том, что только что утвердившийся новый социально-политический строй в силу логики самого общественного развития стремился быть сильнее своих противников. Это представляется мне делом вполне естественным и оправданным. Так что позиция Сталина, отстаивавшего точку зрения большевиков о классовой трактовке самого понятия демократии и вытекавших из этого толкования практических выводов для политической жизни, нельзя интерпретировать примитивно. По крайней мере, ее нужно рассматривать в органической связи с конкретной исторической обстановкой того времени.

Но вернемся к главной нити нашего изложения. В партии, как уже отмечалось, наблюдался рост недовольства процессами бюрократизации и нарушения внутрипартийной демократии. Бесспорно, такие настроения не могли игнорироваться ни со стороны Сталина, ни со стороны его политических оппонентов. Каждая сторона пыталась истолковывать их в свою пользу и возлагать всю вину на своих политических противников. В данном случае я не оговорился, употребив понятие политические противники. Ибо начиная с 1926 года Сталин взял курс на то, чтобы трансформировать межпартийные разногласия и борьбу за властные позиции в предмет борьбы между политическими противниками. Пока что эта линия проглядывала лишь пунктиром, но с каждым новым витком противоборства становилось все более и более очевидным и наглядным, что речь идет не о внутрипартийных разногласиях, а о бескомпромиссной схватке политических противников. Разумеется, эти процессы заняли определенный промежуток времени и все фундаментальные перемены предстают столь ясными и четкими лишь тогда, когда мы оцениваем их через призму исторической ретроспективы. Тогда же они воспринимались отнюдь не столь однозначно.

Достойна самого пристального внимания и довольно противоречивая эволюция, проделанная Сталиным в столь важном для российского общества вопросе о классовой борьбе в деревне. Начиная с первой половины 1925 года в публичных выступлениях

генсека четко прослеживается курс на смягчение подхода к разжиганию классовой борьбы на селе. Некоторые связывают этот зигзаг в стратегии генсека с влиянием на него Бухарина, с которым в то время они находились в одном лагере. Другие полагают, что это было ничем иным, как просто обычным для сталинской линии поведения маневрированием, нацеленным на ослабление позиций группировки Зиновьева и Каменева. Вероятно, оба эти предположения имеют под собой какую-то реальную основу.

Но неоспоримым фактом являются резкие выпады Сталина против тех, кто ратовал за обострение классовой борьбы в деревне, за разжигание травли кулаков и вообще зажиточных крестьян. В собрании сочинений Сталина эти его выступления подверглись некоторой редакционной корректировке, поэтому я приведу соответствующее место из выступления Сталина по данной теме из книги Н. Валентинова, специально посвященной изложению событий, связанных с НЭПом. Мне кажется, что в данном конкретном случае этой книге можно доверять больше, чем официальному собранию сочинений вождя.

Итак, согласно Н. Валентинову, Сталин в первой половине 1925 г. объявил себя сторонником «умирения», смягчения, устранения резких форм классовой борьбы и стал проповедовать вместо борьбы «соглашения» и «взаимные уступки».

Сталин говорил:

«Некоторые товарищи, исходя из факта дифференциации деревни, приходят к выводу, что основная задача партии — это разжечь классовую борьбу в деревне. Это, товарищи, неверно. Это пустая болтовня. Не в этом теперь наша главная задача. Это перепевы старых меньшевистских песен из старой меньшевистской энциклопедии. Мы не должны разжигать классовую борьбу. Наоборот, должны всесчески умерять борьбу на этом фронте, регулируя ее в порядке соглашений и взаимных уступок, ни в коем случае не доводя ее до резких форм, до столкновений. Возможно, что в некоторых случаях кулачество само начнет разжигать классовую борьбу, попытается довести ее до точки кипения, попытается придать ей форму бандитских или повстанческих выступлений, но тогда лозунг разжигания классовой борьбы будет уже не нашим, а лозунгом контрреволюционным.

Главное теперь, — говорил Сталин, — это включить крестьянство в систему хозяйственного строительства через кооперацию кредитную, сельскохозяйственную, кооперацию потребительскую, кооперацию промысловую. На одной трескотне о «мировой политике», о Чемберлене и Макдональде теперь далеко не уедешь. У нас пошла полоса хозяйственного строительства»¹².

Зная последующие взгляды Сталина на данную проблему (о чем речь пойдет в дальнейшем), невольно задаешься вопросом: какие побудительные мотивы или, скорее, какие политические расчеты лежали в основе столь умеренной позиции генсека в середине 20-х годов? Однозначного ответа дать невозможно. Но можно допустить, что в тот период генсек действительно держался примирительной стратегии в вопросах классовой борьбы. Ситуация тогда еще не характеризовалась резким обострением хозяйственных проблем (хотя таковых была тьма), в непосредственной повестке дня еще не стояли проблемы коллективизации. Кроме того, определенная сдержанность и умиротворенность в вопросах классовой борьбы в деревне в тот период, когда еще не был окончательно решен вопрос об установлении полновластия Сталина в партии, — все это в тот исторический отрезок времени являлось не вопросом добровольного выбора, а скорее объективной

необходимостью. Еще не были созданы, фигурально выражаясь, необходимые тылы для развертывания наступления, поэтому генсеку выгодно было изображать из себя своего рода либерала в крестьянском вопросе.

Если смотреть на вопрос через призму внутрипартийных отношений и внутрипартийной борьбы, то Сталин тогда очень нуждался в поддержке со стороны Бухарина и его группы, исходные взгляды которых по данному вопросу были весьма примирительными и пользовались достаточно широкой поддержкой среди широких партийных масс. Я не склонен считать известный либерализм Сталина в тот короткий промежуток времени имманентной и главной чертой его стратегии в вопросах о путях и способах социалистического переустройства в деревне. Скорее всего это правильнее было бы определить как органически присущее политической философии Сталина политическое маневрирование.

Фундаментальные проблемы социально-экономического развития страны, перспективы индустриализации и источники ее осуществления, вопросы классовых отношений, в первую очередь в деревне, проблемы обеспечения населения продовольствием, сельских тружеников — предметами первой необходимости, прежде всего изделиями легкой промышленности, вопросы внешней политики, в том числе вопросы стратегии и тактики Коминтерна, — все это и многое другое стояло в центре борьбы сталинского руководства с оппозицией.

Надо отметить, что в середине 20-х гг. развитие советской экономики носило противоречивый характер. Бесспорным положительным фактом являлось то, что налицо были успехи новой экономической политики в возрождении народного хозяйства страны. В сельскохозяйственном секторе практически удалось восстановить уровень довоенного производства: Россия снова обрела статус экспортера хлеба, что, несомненно, было очевидным свидетельством серьезного прогресса в области сельского хозяйства. Впервые в советской истории появилась возможность накопления средств и ресурсов для развития промышленности. Была проведена финансовая реформа, активную роль в которой сыграл Сокольников — ярый и последовательный приверженец Троцкого. В итоге серьезно окрепла финансовая система государства, главным образом благодаря проведению жесткой кредитной и налоговой политики. С другой стороны, положение в промышленности, особенно, в тяжелой, выглядело отнюдь не радужным, если не сказать плачевным. Промышленное производство к середине 20-х гг. далеко еще отставало от довоенного уровня, замедленные темпы его развития вызывали огромную безработицу, которая в 1923—1924 гг. зашкалила за цифру в 1 млн. человек.

Новая экономическая политика прошла через серию острейших экономических кризисов. В 1923 году диспропорция между нарастающим темпом развития сельским хозяйством и практически остановившейся промышленностью вызвала «кризис цен», или «ножницы цен». В итоге цены на сельхозпродукты резко снизились, а цены на промтовары продолжали оставаться высокими. Вследствие действия этих «ножниц» сельское население теряло половину своего платежеспособного спроса. Возникшие проблемы стали предметом острой политической борьбы в руководстве партии, причем Сталин и его оппоненты совместно искали пути выхода из положения. Данный факт явно свидетельствовал о том, что в критические для страны моменты различные фракции внутри партийного руководства могли приходить к согласию и принимать

продиктованные объективными экономическими потребностями страны компромиссные решения. Иными словами, рост внутренней угрозы стабильности власти и большевистскому режиму в целом тогда еще играл некоторую позитивную роль, заставляя порой отодвигать на второй план внутривластные разногласия. Но такое явление представляло собой не правило, а скорее исключение из него.

В конце концов выход из кризисной ситуации был найден в применении экономических методов. Цены на промтовары были снижены, а хороший урожай в сельском хозяйстве позволил промышленности обрести широкий и емкий рынок для сбыта своих товаров. Однако все предпринятые меры и полумеры не означали радикального сдвига в экономике, пережившей все тяготы мировой и Гражданской войн. В 1925 году начался новый кризис, порожденный рядом причин, главной из которых являлся фактор субъективный — во многом он был искусственно спровоцирован довольно влиятельной в тот период социальной силой — кулаками — частными торговцами сельхозпродуктов. Беспардонная и даже вызывающая спекуляция хлебом и другими продовольственными товарами привела к тому, что цены на сельхозпродукты резко повысились и основная прибыль пошла в руки наиболее зажиточных крестьян.

Вопрос о хозяйственном положении и хозяйственной политике обсуждался на апрельском пленуме ЦК партии в 1926 году. В его решении особо подчеркивалось:

«Индустриализация страны и увеличение товарной массы промышленных изделий, при достигнутом уровне развития промышленности, наталкивается в настоящий период на специфические трудности. Промышленность почти полностью использовала унаследованный от буржуазной эпохи основной капитал и упирается в своем дальнейшем развитии в переоборудование предприятий и новое фабрично-заводское строительство, что, в свою очередь, целиком зависит от размера тех накоплений, которые можно будет вложить в дело расширения промышленности.

Экспроприация непроизводительных классов (буржуазии и дворянства), аннулирование долгов, сосредоточение доходов от промышленности, госторговли (внутренней и внешней) и всей кредитной системы в руках государства и т. п., — сами по себе дают возможность такого накопления внутри страны, которое обеспечивает необходимый для социалистического строительства темп развития индустрии»¹³.

В докладе активу ленинградской организации об итогах этого пленума Сталин особый упор сделал на необходимости последовательного осуществления курса на индустриализацию страны, поскольку только этот путь давал бы возможность стране разрешать сложные накопившиеся проблемы и не вступать перманентно из одной полосы кризиса в другую, часто еще более глубокую и масштабную. В частности, Генеральный секретарь ЦК партии обратил внимание на международный аспект индустриализации как единственную и надежную гарантию государственной самостоятельности страны. «Индустриализация имеет своей задачей не только то, чтобы вести наше народное хозяйство в целом к увеличению в нём доли промышленности, но она имеет ещё ту задачу, чтобы в этом развитии обеспечить за нашей страной, окружённой капиталистическими государствами, хозяйственную самостоятельность, уберечь её от превращения в придаток мирового капитализма. Не может страна диктатуры пролетариата, находящаяся в

¹³ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. М. 1936. С. 95.

капиталистическом окружении, остаться хозяйственно самостоятельной, если она сама не производит у себя дома орудий и средств производства, если она застревает на той ступени развития, где ей приходится держать народное хозяйство на привязи у капиталистически развитых стран, производящих и вывозящих орудия и средства производства. Застрять на этой ступени — значит отдать себя на подчинение мировому капиталу»¹⁴.

Как видно из приведенного высказывания, Сталин рассматривал проблему индустриализации не абстрактно, не только в чисто экономическом измерении, но и в качестве важнейшей задачи, решение которой является фундаментальной предпосылкой и основой подлинной независимости страны. Однако до реализации этой всеобъемлющей и грандиозной задачи было еще очень и очень далеко. Повседневная жизнь ставила в повестку дня все новые и новые хозяйственно-экономические проблемы, и откладывать их решение на потом было невозможно.

Новая фаза хозяйственного кризиса, естественно, не могла не отразиться и на внутривнутрипартийной борьбе. Среди партийной верхушки вновь вспыхнула дискуссия о «кризисе цен» и путях выхода из создавшегося положения. Приверженцы продолжения поощрения развития аграрного сектора и дальнейших уступок крестьянству, среди которых активную роль играл Бухарин и которого тогда энергично поддерживал Сталин, оказались победителями. Но их победа носила относительный характер: поскольку поспешно принятые меры по ограничению частника на рынке привели не к стабилизации положения, а к дезорганизации рынка. Новый кризис экономической политики был связан с хлебозаготовительными трудностями зимы 1927/28 г., вошедшими в историю как «хлебная стачка». Крестьяне не желали сдавать хлеб государству, решив придержать его до весны, когда цены на него поднимутся. Результат не заставил себя долго ждать: в крупных городах страны возникли сбои в снабжении населения продуктами питания и власти вынуждены были пойти на введение карточной системы распределения продуктов.

Если говорить обобщенно, то сфера экономики, в первую очередь сельского хозяйства, изо дня в день ставила перед руководством страны все новые и новые задачи. Порожденные как объективными условиями, так и субъективными обстоятельствами (ошибками в выработке и проведении сельскохозяйственной и промышленной политики), трудности нарастали как снежный ком. Решение одной задачи не снимало проблем в целом, но лишь с новой силой подчеркивало назревшую необходимость радикального поворота во всей стратегии экономического развития. Нужны были принципиально новые подходы к решению кардинальных задач развития национальной экономики. Рано или поздно противоборствующие силы в партийном руководстве с железной закономерностью должны были столкнуться в жесткой и бескомпромиссной схватке вокруг фундаментальных по своему значению вопросов стратегии экономического развития страны. И неотвратимость обострения этого противоборства дополнялась и стимулировалась ожесточенной борьбой за власть в высших эшелонах правящего режима. Сама логика событий направляла их в русло открытого противостояния.

Я лишь в самом схематическом виде охарактеризовал общую экономическую ситуацию, на фоне которой разворачивалась широкомасштабная внутривнутрипартийная борьба. Как Сталин, так и оппозиция, одинаково не гнушались использовать в своих собственных политических целях трудности в сфере экономики. Обе стороны стремились возложить

¹⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. 8. С. 120–121.

ответственность за череду непрерывных экономических неурядиц друг на друга. Таков в целом был социально-экономический фон, накладывавший свою неизгладимую печать на внутрипартийные баталии.

2. Стратегия и тактика Сталина в борьбе против объединенной оппозиции

Внутренний и, для сталинского руководства во многом неожиданный, провал хлебозаготовок в 1925 году из-за отказа крестьян везти большую часть хлеба на рынок убедили Каменева и Зиновьева в ошибочности взглядов, которые отстаивал ближайший в то время союзник Сталина — Бухарин. Крестьянство, решили они, пошло по капиталистическому пути развития и необходимо вернуть его на социалистический путь мерами государственного принуждения, в чем они видели первый шаг к выходу из кризиса. Вторым шагом они считали ускоренное развитие государственной индустрии. Однако, считая невозможным возврат к продразверстке, реальных источников финансирования индустриализации они не видели, что привело их к заключению о невозможности построить социализм в СССР из-за его экономической отсталости до тех пор, пока не победят революции в развитых странах и победивший европейский пролетариат не окажет СССР необходимую экономическую помощь. Тем самым, Каменев и Зиновьев фактически перешли на платформу Троцкого.

Сближение «новой оппозиции» с троцкистами для многих членов партии представлялось явлением чуть ли не загадочным и необъяснимым. Сам Троцкий писал по этому поводу: «Не мудрено, если в нашей среде сближение с Зиновьевым и Каменевым казалось, по меньшей мере, парадоксом. Среди оппозиционеров было немало таких, которые противились этому блоку. Были даже такие — правда, их было немного, — которые считали возможным вступить в блок со Сталиным против Зиновьева и Каменева. Один из близких моих друзей, Мрачковский, старый революционер и один из лучших военачальников гражданской войны, высказался против блока с кем бы то ни было, и дал классическое обоснование своей позиции: «Сталин обманет, а Зиновьев убежит». Но в конце концов такого рода вопросы решаются не психологическими, а политическими оценками. Зиновьев и Каменев открыто признали, что «троцкисты» были правы в борьбе против них с 1923 года. Они приняли основы нашей платформы. Нельзя было при таких условиях не заключить с ними блока, тем более, что за их спиной стояли тысячи ленинградских рабочих-революционеров»¹⁵.

Сложившаяся к весне 1926 года объединенная троцкистско-зиновьевская оппозиция представляла для Сталина несомненную угрозу. В этом контексте весьма примечательным выглядит эпизод, описанный Троцким в его автобиографии: «С Каменевым мы, вне официальных заседаний, не встречались три года, т. е. с той самой ночи, когда он, выезжая в Грузию, обещал поддерживать позицию Ленина и мою, но, узнав о тяжелом состоянии Ленина, встал на сторону Сталина. При первом же свидании со мною Каменев заявил:

¹⁵ Лев Троцкий. Моя жизнь. С. 496–497.

«Стоит вам с Зиновьевым появиться на одной трибуне, и партия найдет свой настоящий Центральный Комитет». Я мог только посмеяться над этим бюрократическим оптимизмом, Каменев явно недооценивал ту работу по разложению партии, которую «тройка» производила в течение трех лет. Без всякого снисхождения я ему указал на это»¹⁶.

Бросая ретроспективный взгляд в прошлое, кажется, что участники объединенной оппозиции делали особую ставку на новый персональный состав их лидеров. Они — и это отмечают некоторые западные исследователи данного периода советской истории — возлагали немалые надежды на то, что с включением в состав объединенной оппозиции Зиновьева их общие позиции явно укрепятся. Расчет был таков: Зиновьев — был ближайшим соратником Ленина, ленинцем с неподмоченной репутацией¹⁷. Однако те, кто придерживается такой точки зрения, допускают серьезную ошибку и явно грешат против истины. Они забывают о том, что именно Ленин требовал исключения из партии Зиновьева из-за его противодействия в связи с подготовкой к революционному выступлению в октябре 1917 года. К тому же, сколачивание ленинградской оппозиции и ее разгром на XIV съезде партии едва ли прибавили авторитета лично Зиновьеву и его сторонникам. Сталин к тому времени уже сумел настолько политически скомпрометировать Зиновьева, что рассматривать последнего в качестве возможного харизматического лидера было, по меньшей мере, непозволительной наивностью. Ситуация к тому времени радикально изменилась, а оппозиционные вожди все еще мнили себя законными наследниками Ленина. Это и дает основание не рассматривать их в качестве проницательных и дальновидных политиков. Хотя, повторяясь, замечу, что генсек не настолько взял под свой личный контроль ситуацию в партии и стране, чтобы преуменьшать масштабы угрозы, которую представляла для него объединенная оппозиция.

Я не стану в деталях рассматривать все перипетии борьбы между сталинской группировкой и этой объединенной оппозицией, поскольку в определенном смысле вся эта борьба уже является всего лишь одним из эпизодов в истории партии и советского государства. Однако в политической биографии Сталина она, несомненно, имела чрезвычайно важное значение. В сущности, это была кульминация его борьбы за утверждение своего политического лидерства. Но сказать это — не значит сказать все. С точки зрения формирования сталинской стратегии дальнейшего развития страны борьба с объединенной оппозицией занимает особое место. Именно в ее ходе у Сталина сформировалось и приняло достаточно четкую форму видение магистральных путей будущего развития Советского Союза. И прежде всего, — и это надо особо подчеркнуть — в области стратегии экономического развития.

Несколько упрощая картину, можно сказать, что формой противоборства выступала борьба за власть, а содержанием ее — споры вокруг вопроса о путях дальнейшего развития страны. В этом смысле она носила судьбоносный характер и далеко выходила за рамки и пределы чисто личного соперничества и борьбы за политическое верховенство. Многие историки, к сожалению, главный акцент делают на борьбе за личную власть, на стремлении Сталина утвердить и упрочить свое лидирующее положение в партии. Эти моменты, без

¹⁶ Лев Троцкий. Моя жизнь. С. 497.

См. Robert Vincent Daniels. The conscience of the revolution. Communist opposition in Soviet Russia. Cambridge. 1960. p. 267.

всякого сомнения, наличествовали и во многом предопределяли как характер, так и формы противостояния. Но сводить все к этому важному, но не единственному и, на мой взгляд, не самому решающему элементу противостояния, значит упрощать тогдашнюю историческую картину. Правильнее было бы сказать, что это было столкновение двух полярных концепций будущего развития страны, помноженное на ожесточенное и непримиримое противостояние за власть. Да и сама власть Сталину нужна была не только как главный атрибут лидерства, но и как орудие и средство реализации определенной стратегической программы строительства страны. Только с учетом этих двух важнейших компонентов можно дать объективную оценку борьбы, которая раздирала партию и страну в 1926 — 27 годах.

Впрочем, написав последнюю фразу, я подумал, что ограничивать период борьбы только этими годами, было бы неверно с исторической точки зрения. Хотя, конечно, именно эти годы стали апогеем внутрипартийной борьбы. В дальнейшем на смену одним оппозициям приходили другие. А с разгромом оппозиций всегда находились причины и аргументы для развертывания новых, еще более суровых форм борьбы. Но об этом речь пойдет в дальнейшем.

В 1926 году ситуация в стране осложнилась. Во время выборов в местные Советы беспартийные крестьяне проявили большую активность и получили много мест, а доля коммунистов и рабочих в местных Советах уменьшилась. При этом крестьяне стали настаивать на создании своей, крестьянской, партии. Именно в такой обстановке в апреле 1926 года произошло объединение группы Троцкого и группы Каменева — Зиновьева; бывшие соперники простили друг другу ранее нанесенные обиды и оскорбления. Так образовалась группа, прозванная сталинской пропагандой «объединенной левой оппозицией» или «троцкистско-зиновьевским блоком».

Объединенная оппозиция обвинила Сталина и его сторонников в предательстве идеалов не только мировой, но и русской революции в угоду «нэпманам», в «правом уклоне», то есть поддержке богатого крестьянства, в проведении политики, ведущей к перерождению диктатуры пролетариата в диктатуру партийной бюрократии, к победе бюрократии над рабочим классом. Троцкий, Каменев и Зиновьев предлагали начать форсированную индустриализацию, рассматривая ее и как начало экономического соревнования с капитализмом в преддверии новой мировой войны, и как начало строительства социализма. Главным источником средств для индустриализации они считали зажиточных крестьян: требовали обложить их «сверхналогом», а собранные средства направить в государственную тяжелую промышленность. Это должно было способствовать подготовке к новой войне и мировой революции.

В этот период основное внимание Сталина занимали, конечно, практические вопросы борьбы с оппозицией, создание политических и организационных условий, способных обеспечить гарантированное поражение оппозиции. Однако отнюдь не второстепенной стороной общей проблемы являлось теоретическое обоснование Сталиным своей политической платформы. Он в этот период предпринимает активные усилия, чтобы проявить себя в роли теоретика, показать, что его политический курс ничего общего не имеет с голым эмпиризмом и базируется на солидном теоретическом фундаменте. Пользуясь современным жаргоном, имидж теоретика представлял собой важную составную часть того фундамента, на котором генсек формировал свою власть в партии.

Весь исторический опыт большевизма показывал, что претендовать на роль вождя, бесспорного лидера партии было невозможно, не обрета соответствующего авторитета в теоретической области. Сталин, как уже показано выше, обладал серьезными данными, чтобы проявить себя и в данной области. И если раньше это было необходимым, чтобы на равных вести полемику с общепризнанными в то время партийными теоретиками (Троцкий, Бухарин, Преображенский и отчасти Зиновьев), то в новых условиях обострения борьбы с оппозицией завоевание престижа в сфере теории большевизма стало первостепенной задачей.

Конечно, те или иные теоретические положения выдвигались Сталиным в его докладах и речах. Но этого уже было недостаточно. Генсек решил написать специальную работу. В ней с позиций «творческого ленинизма» он проанализировал ключевые проблемы спора с оппозицией. В начале января 1926 года вышла в свет его брошюра «К вопросам ленинизма». Давая ей общую оценку, следует отметить, что она, хотя и претендовала на сугубо теоретический характер, по большей части носила полемический оттенок. Теоретические проблемы рассматривались в ней под углом зрения решения практических задач и развенчания главных теоретических постулатов оппозиции. В ней автор в обобщенном виде подверг критике троцкистскую теорию перманентной революции, раскритиковал взгляды Зиновьева относительно того, что в нашей стране осуществляется диктатура партии, более обстоятельно и более широко обосновал концепцию строительства социализма в одной стране. Разумеется, в своей собственной интерпретации. Попутно, не акцентируя на этом особого внимания, Сталин внес существенные коррективы в свои прежние выводы и оценки, содержащиеся в книге «Об основах ленинизма». Я не стану в деталях излагать новации, содержащиеся в этом новом сталинском труде. Замечу лишь, что его характерной особенностью было органичное соединение рассмотрения теоретических проблем с задачами непосредственного социалистического строительства. Выделю лишь вопрос о том, как Сталин толковал соотношение диктатуры пролетариата и диктатуры партии. Он выступил категорически против отождествления этих двух понятий и привел в пользу своих выводов достаточно убедительные аргументы, опровергнуть которые было трудно. В частности, Сталин показал, что принятие тезиса о диктатуре партии логически приводило в конечном счете к принятию тезиса о диктатуре вождей. Он подчеркивал, что «не правы с точки зрения ленинизма и политически близоруки те товарищи, которые отождествляют или пытаются отождествить «диктатуру» партии, а значит, и «диктатуру вождей», с диктатурой пролетариата, ибо они нарушают этим условия правильного взаимоотношения между авангардом и классом»¹⁸. Развенчивая тезис Зиновьева о диктатуре партии, Сталин ставил вопрос: «Диктатуре пролетариата не противоречит не только руководство («диктатура») партии, но и руководство («диктатура») вождей. Не угодно ли **на этом основании** провозгласить, что наша страна является страной диктатуры пролетариата, **то есть** страной диктатуры партии, **то есть** страной диктатуры вождей? А ведь к этой именно глупости и ведёт «принцип» отождествления «диктатуры» партии с диктатурой пролетариата, вкрадчиво и несмело проводимый Зиновьевым»¹⁹.

¹⁸ И. В. Сталин. Соч. Т. 8. С. 59.

¹⁹ Там же. С. 56.

Вообще в это время генсек всячески подчеркивал не только неприятие в принципе теории «вождей», но и свое резко отрицательное, а не просто критическое отношение к ней. Он как бы давал понять, что сам он в отличие от лидеров оппозиции не претендует на роль вождя, что вообще все разговоры о вождизме органически чужды духу ленинизма и его собственным политическим и идеологическим воззрениям. И не только идеологическим воззрениям, но и практике партийной жизни. Кто-то скажет: сплошное лицемерие! Но такое заключение будет поверхностным. В основе подхода Сталина лежали отнюдь не какие-то сугубо психологические моменты и соображения, а тщательно взвешенные политические расчеты. В той исторической обстановке ему было выгодно выступать против «диктатуры вождей», ибо на эту роль претендовали другие, считавшие себя законными наследниками мантии Ленина. В дальнейшем, когда обстановка в корне изменилась, Сталин, конечно не стал цепляться за свои прежние взгляды. По мере усиления его позиций в партии и стране соответственно росли и его вождистские устремления. Так что все это было глубоко продуманной и тщательно взвешенной политической игрой.

Внутрипартийная катавасия между тем набирала свои обороты. Первое открытое столкновение объединенной оппозиции со сторонниками Сталина произошло на апрельском (1926 г.) пленуме ЦК ВКП(б). Оппозиционеры выступили общим фронтом против политики Сталина и ЦК в целом по вопросам индустриализации. Однако их аргументация была отвергнута, но пока никаких мер организационного характера против них Сталин не предпринимал. Он с полным на то основанием рассчитывал, что по мере развития событий лидеры оппозиции вынуждены будут вести себя более агрессивно и напористо, и тем самым поставят себя под удар. Причем каких-либо особых доводов для мер организационного порядка против них придумывать не придется: они сами дадут в руки генсека все необходимые аргументы для обоснования самых радикальных мер, предусмотренных партийным уставом и большевистскими традициями.

В сущности так и произошло. Троцкий, Зиновьев и Каменев совместно пытались дезорганизовать работу Политбюро, стремясь внести раскол в ряды сторонников Сталина, втягивали Политбюро в бесконечные дискуссии. Но самой главной их ошибкой и виной с точки зрения партийных норм и большевистской морали явилось то, что они начали устраивать конспиративные собрания и рассылали фракционные документы с целью дискредитации политического курса Сталина и политики ЦК в целом. Кульминационным пунктом такого рода политического противостояния явилось организованное в лесу под Москвой по всем правилам конспирации нелегальное фракционное собрание для выработки плана борьбы против ЦК. Состав участников был строго определен, налажена служба связи и патрулирования. С докладом здесь выступил М. Лашевич — один из представителей «новой оппозиции».

Это, очевидно, стало для Сталина прямым сигналом для принятия конкретных практических мер с целью нанесения пока еще первого, но весьма ощутимого удара по объединенной оппозиции. То, что он тщательно и скрупулезно обдумывал каждый свой шаг в борьбе против оппозиции, бесспорно. Об этом, в частности, свидетельствует его письмо из Сочи, где он тогда отдыхал. Приведу основные положения и аргументацию, содержащуюся в этом письме:

«Сочи. 25/VI.26. Молотову, Рыкову, Бухарину
и другим друзьям.

Я долго думал над вопросом о «деле Лашевича», колебался, связывал его с вопросом об оппозиционных группах вообще, несколько раз приходил к различным мнениям и, наконец, утвердился в следующем.

1) До появления группы Зиновьева оппозиционные течения (Тр[оцкий], Раб[очая] оппозиция] и др.) вели себя более или менее лояльно, более или менее терпимо;

2) С появлением группы Зиновьева оппозиционные течения стали нагнать, ломать рамки лояльности;

3) Группа Зиновьева стала вдохновителем всего раскольничьего в оппозиционных течениях, фактическим лидером раскольничьих течений в партии;

4) Такая роль выпала на долю группы Зин[овьева] потому, что: а) она лучше знакома с нашими приемами, чем любая другая группа, б) она вообще сильнее других групп, ибо имеет в своих руках ИККИ (председатель] ИККИ), представляющий серьезную силу, в) она ведет себя, ввиду этого, наглее всякой другой группы, давая образцы «смелости» и решительности» другим течениям;

5) Поэтому группа Зиновьева является сейчас наиболее вредной, и удар должен быть нанесен на пленуме именно этой группе;

6) Не только Лашевича нужно вывести из ЦК, но и Зиновьева нужно вывести из Политбюро с предупреждением вывода его из ЦК, если не будет прекращена его работа по подготовке раскола;

7) Либо мы этот удар сделаем сейчас в расчете, что Тр[оцкий] и другие станут опять лояльными, либо мы рискуем превратить ЦК и его органы в неработоспособные учреждения, а в ближайшем будущем схлопочем себе большую бузу в партии во вред делу и единству;

8) Возможно, что после этого Зиновьев подаст в отставку по ИККИ. Мы ее должны принять. Во всяком случае после вывода из Политбюро Зин[овьев] не может быть уже предом (председателем Исполкома Коминтерна — Н. К.) — это поймут все секции и сделают сами необходимый вывод. Мы перейдем тогда от системы преда к системе секретариата в ИККИ. Это будет разоружение группы Зиновьева и ликвидация зинovieвской линии на наглость в деле подготовки раскола (вспомните слова о Стокгольме на съезде!);

9) Уверяю вас, что в партии и в стране пройдет это дело без малейших осложнений, — Зиновьева не пожалеют, ибо знают его хорошо...»²⁰

Из приведенного письма явствует, что генсек основательно подготовил почву для успешного проведения политико-организационной акции против некоторых членов объединенной оппозиции. Он бил не сразу по всем, а тщательно выбирал цели, тем самым разжидая своих противников. Тактика дозированного наступления была излюбленной тактикой Сталина. Это было хорошо известно его оппонентам, однако серьезного противодействия против такой тактики они так и не нашли.

Состоявшийся в июле 1926 года пленум ЦК фактически стал первым этапом их организационно-политического разгрома. Пленум принял решение, согласно которому Зиновьев как главный организатор (а точнее дезорганизатор) работы в аппарате Исполкома Коминтерна и как один из главных лидеров оппозиции был исключен из состава членов Политбюро. М. Лашевич выведен из состава кандидатов в члены ЦК. Но это

²⁰ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925 – 1936 гг. М. 1995. С. 72–73.

была лишь одна сторона медали. Другой ее стороной явилось довольно значительное изменение состава руководящих органов ЦК, избранных всего лишь полгода назад. Вместо Зиновьева членом Политбюро стал Рудзутак, поддерживавший Сталина. В состав кандидатов в члены ПБ были избраны последовательные сторонники генсека Орджоникидзе, Андреев, Киров, Микоян и Каганович²¹. Невооруженным взглядом было видно, что Сталин готовит почву для коренного изменения состава руководящих органов ЦК с тем, чтобы доминирующие позиции в них занимали его сторонники.

На июльском пленуме ЦК оппозиция снова попыталась использовать в целях личной дискредитации Сталина и его общего политического курса Завещание Ленина, о котором уже речь шла как в первом томе, так и в предшествующих главах второго тома. Здесь необходимо сделать лишь небольшие дополнения и пояснения. Прежде всего — чем объяснить сам факт постановки данного вопроса именно в этот период? Лидеры оппозиции не могли не видеть, что генсек шаг за шагом сводит к минимуму возможности оппозиции для политического наступления на него, поле активных действий против Сталина уменьшалось, как шагреновая кожа. В критической для себя обстановке они сочли необходимым подкрепить свои шаткие позиции личными нападками на Сталина, используя для этого авторитет Ленина и его критические замечания в адрес генсека. С этой целью Зиновьев вновь поднял вопрос о том, что Ленин якобы порвал со Сталиным все отношения и что, в соответствии с логикой оппозиции, генсек не заслуживает политического доверия. Соответственно, не заслуживает одобрения и поддержки его политический курс.

Сталин, естественно, не остался в долгу. Он уже в который раз вынужден был не то чтобы оправдываться, но объяснять подлинный характер своих отношений с Лениным в последний период жизни вождя большевизма. В письменном заявлении пленуму по личному вопросу он писал: «Ленин никогда «не рвал» со мной личных товарищеских отношений, — это сплетни потерявшего голову человека. О личных отношениях Ленина ко мне можно судить хотя бы по тому факту, что Ленин во время болезни несколько раз обращался ко мне с такими ответнейшими поручениями, с какими он не обратился бы никогда и не пробовал обратиться ни к Зиновьеву, ни к Каменеву, ни к Троцкому. Члены Политбюро и тт. Крупская и Мария Ильинична знают об этих поручениях»²².

М. И. Ульянова — сестра Ленина — обратилась с письмом в адрес пленума (уже после окончания его работы), в котором задним числом поддержала Сталина и заявила, что «все толки оппозиции об отношении В. И. к Сталину совершенно не соответствуют действительности. Отношения эти были и остались самыми близкими и товарищескими»²³.

Проблема Завещания Ленина играла в политической судьбе Сталина столь важную роль не только вплоть до смерти самого генсека, но и после нее, поэтому вольно или невольно к ней приходится частенько возвращаться. Тем, кто интересуется этим вопросом, можно порекомендовать обстоятельное, фундаментальное исследование В. А. Сахарова, на которое я ссылался выше. Замечу лишь, что не со всеми выводами автора можно согласиться. Порой они вызывают определенные возражения. И дело здесь не в голословности или отсутствии соответствующих документальных материалов — они как

ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. С. 106.

²² Цит. по В. А. Сахаров. "Политическое завещание" Ленина. Реальность истории и мифы политики. С. 601.

²³ "Известия ЦК КПСС". 1989 г. № 12. С. 196.

раз и составляют сильную сторону данной работы. Ряд положений и выводов, содержащихся в книге, мне представляются несколько категоричными и слишком пристрастными. Что, однако, в целом не снижает ценности указанной книги.

Возвращаясь к нити нашего повествования, следует особо подчеркнуть, что общей особенностью стратегии и тактики Сталина в борьбе против оппозиции выступало сочетание методов политической дискредитации своих противников, развенчание их политической платформы и доказательство гибельности путей дальнейшего развития страны, которые предлагала оппозиция. Это — с одной стороны. С другой стороны — политико-идеологические меры Сталин дополнял решительными шагами по исключению их из состава руководящих партийных органов. Причем он не просто устранял своих оппонентов с ключевых постов, но заменял их сторонниками собственной платформы, а если говорить точнее — людьми, преданными ему лично. Именно такое сочетание методов, по мысли генсека, должно было обеспечить не какую-то временную победу над оппозицией, а ее полный и окончательный разгром. К тому времени Сталин — и без того обладавший богатейшим опытом внутрипартийной борьбы — приобрел колоссальный, я бы даже сказал, уникальный опыт внутрипартийного противоборства. Он овладел этим искусством сполна и стал не просто мастером, а непревзойденным гроссмейстером внутривнутриполитических схваток и противоборств. Его основные противники в сопоставлении с ним выглядели порой достаточно тускло и невыразительно. Однако не это филигранное мастерство генсека в сфере внутрипартийных баталий играло роль решающего фактора успеха.

Следует подчеркнуть, что первопричину успеха Сталина в борьбе с оппозицией неверно было бы искать только в правильно выбранной им стратегии и тактике. Какими бы изощренными или коварными ни были его методы, они едва ли увенчались успехом, если бы он не располагал решающим преимуществом — он отстаивал линию, которую в своем подавляющем большинстве разделял не только партийный аппарат, в той или иной степени подконтрольный генсеку, но и подавляющее большинство членов партии. В этом и состоял главный источник его победы.

Июльский пленум 1926 г. был отмечен серьезными атаками на Сталина и его политический курс. Обвинения оппозиции в концентрированном виде были изложены в так называемом «заявлении 13-ти», среди подписантов которого, помимо Троцкого, Зиновьева и Каменева, находилась и вдова Ленина Н. Крупская. «Заявление 13-ти» содержало острую критическую оценку всех основных направлений политики генсека: в области курса индустриализации, политики в деревне, в сфере международных дел. Но центральным вопросом был вопрос о бюрократическом перерождении партийного аппарата, бюрократических извращениях в государстве в целом. Корень и причину всех этих «зол» оппозиция видела в Сталине, она билась в набат, акцентируя внимание на том, что генсек взял курс на отсечение от руководства ближайших сподвижников Ленина (т. е. Зиновьева, Каменева и Троцкого — Н. К.). Его прямо обвиняли в том, что он поставил своей целью «реорганизовать Политбюро в том смысле, чтобы отсечь ряд работников, принимавших участие в руководящей работе при Ленине, и заменить их новыми элементами, которые могли бы составить надлежащую опору для руководящей роли тов. Сталина. План этот встречал поддержку со стороны тесно спаянной группы ближайших сторонников тов. Сталина, наталкиваясь, однако, на сопротивление со стороны других элементов, отнюдь не примыкающих к какой-либо «оппозиции». Именно этим объясняется

без сомнения решение руководящей группы проводить план по частям, пользуясь для этого каждым подходящим этапом»²⁴.

И заключительным аккордом заявления стало следующее предостережение: «Вместе с Лениным, который ясно и точно формулировал свою мысль в документе, известном под именем «Завещания», мы на основании опыта последних лет глубочайшим образом убеждены в том, что организационная политика Сталина и его группы грозит партии дальнейшим дроблением основных кадров, как и дальнейшими сдвигами с классовой линии. Вопрос идет о руководстве партии, о судьбе партии»²⁵.

Но все эти предостережения и апелляции в чем-то напоминали глас вопиющего в пустыне: основная масса членов партии поддерживала линию генсека. О партийном же аппарате и говорить излишне — он по существу был под контролем Сталина. Хотя, конечно, нельзя было считать, что партийный аппарат уже в тот период был абсолютно послушным власти только Сталина. Последний свою волю проводил через высшие руководящие органы партии, т.е. опирался на вполне легитимные инструменты власти, так что внешне все выглядело вполне пристойно. Для понимания и объективной оценки тогдашней ситуации в партии необходимо не упускать из виду и большевистских традиций, важнейшей из которых являлось неукоснительное соблюдение дисциплины и строгое выполнение партийных решений. Культ партийной дисциплины стал одним из важнейших источников успехов Сталина в борьбе со своими оппонентами. В конце концов, при самом критическом отношении к Сталину, нельзя отрицать одного — действовал он в рамках принятых тогда в партии традиций и на основе партийных решений, которые ему удавалось проводить как на съездах, так и на пленумах ЦК.

В ряде современных исследований того периода жизни нашей страны главный акцент делается на том, что, мол, сама природа советского строя, а не только власть партийного аппарата, подконтрольного генсеку, предопределяла процесс концентрации власти в руках Сталина. Так, российский историк Г. Гимпельсон в своей работе пишет: «И все же при всей огромной роли партийного аппарата в создании «великого вождя» главное, ключевое значение в этом имел характер советской однопартийной политической системы, в которой был заложен принцип «вождизма», продуктом которой был сам партийно-государственный аппарат с номенклатурой во главе.

Диктатура партии с совмещением (вернее, с подменой) государственной власти, с крайней ее централизацией и концентрацией на самом верху, при жесткой партийной дисциплине и неукоснительном выполнении постановлений — «директив», исходящих от Центрального комитета партии — все это создавало благоприятные предпосылки для сосредоточения власти в руках одного лица — Генерального секретаря ЦК Коммунистической партии»²⁶.

При всем критическом отношении к работе указанного историка (а она выполнена в заранее заданном политико-идеологическом ключе, что и снижает ее научную ценность) следует признать, что доля истины в такой интерпретации проблемы есть. Другой вопрос (и это, на мой взгляд, главное) — какую историческую альтернативу можно было

²⁴ **Архив Троцкого.** Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923 – 1927. Т. I. М. 1990. С. 24. (Редактор-составитель Ю. Фельштинский)

²⁵ Там же.

²⁶ **Е. Г. Гимпельсон.** НЭП. Новая экономическая политика Ленина – Сталина. Проблемы и уроки. (20-е годы XX века). М. 2004. С. 78.

противопоставить основополагающим принципам государственного строительства в тот исторический период развития нашей страны — либеральную многопартийность или «процесс демократизации», приведший страну в конце минувшего века к распаду — Современные «демократы» и либералы всех мастей, конечно, однозначно выскажутся в пользу именно второго варианта. Этот их закономерный политический и идеологический выбор очевиден. Но для тех, кто оперирует не абстрактными понятиями, а учитывает суровые исторические реальности соответствующей исторической эпохи, ответ не столь однозначен и не столь категоричен. Оценивать историю и ее важные периоды через призму современности, разумеется, допустимо. Но этот путь большей частью ведет не к познанию истины. А скорее к заблуждениям и односторонним выводам.

В борьбе с объединенной оппозицией главный упор Сталин делал на том, чтобы не просто лишить ее лидеров сколько-нибудь заметной поддержки в партийных рядах, но и доказать, что вся партия решительно и категорически отвергает платформу оппозиции. С этой целью осенью 1926 года была проведена дискуссионная кампания, тщательно подготовленная и отрежиссированная сталинской группировкой. Заранее предreshенные итоги дискуссии дали возможность подготовить и поставить вопрос об оппозиции на октябрьском объединенном пленуме ЦК и ЦКК 1926 года. Пленум признавал невозможной работу Зиновьева в Коммунистическом Интернационале ввиду того, что он не выражает линии ВКП(б) в Коминтерне. Этим же постановлением Троцкий освобождался от обязанностей члена Политбюро, а Каменев — кандидата в члены Политбюро²⁷. Состоявшаяся вскоре XV-я конференция ВКП(б) приняла развернутую резолюцию «Об оппозиционном блоке в ВКП(б)». Троцкистско-зиновьевский блок не получил на конференции ни одного голоса, что свидетельствовало не только об успехе сталинской стратегии и тактики борьбы, но и о повсеместном вытеснении оппозиции из партийных органов среднего уровня.

Логика внутрипартийной борьбы толкала оппозицию к каким-то новым действиям и методам. Она прибегла к созданию нелегальных организаций, что фактически поставило вопрос о «возможности существования двух партий». Проводились нелегальные собрания и встречи, для участия в которых лидеры оппозиции старались привлечь и рабочих. Но все это было — занятие, заранее обреченное на неизбежное поражение. Подобная линия поведения оппозиции давала Сталину в руки лишь новые, причем весьма убедительные, аргументы в доказательство того, что лидеры оппозиции все больше становятся на путь борьбы уже не только против партии, но и против Советской власти. На объединенном пленуме ЦК и ЦКК в июле-августе 1927 года большинство пригрозило Зиновьеву и Троцкому исключением из членов ЦК в случае продолжения фракционной деятельности. Однако оппозиция продолжала добиваться своего. Весьма любопытно, как современная российская историография в лице ее некоторых специалистов оценивает действия обеих противоборствовавших сторон в тот период: «В 1927 г. борьба оппозиции с ЦК уже утратила характер борьбы за власть и превратилась в кампанию последовательной и хорошо организованной травли оппозиционеров перед окончательной расправой, а также свидетельствовала о революционном темпераменте и незаурядных бойцовских качествах лидеров оппозиции. В условиях полного господства сталинской группировки над

партийно-государственным аппаратом страны, оппозиционеры могли рассчитывать лишь только на то, что какой-нибудь новый Горький скажет о них: безумству храбрых поем мы песню. Попытки выйти на улицу и организовать манифестации во время празднования 10-летней годовщины Октябрьской революции лишь доказывали совершенное истощение всех организационных возможностей оппозиции»²⁸.

В конце мая 1927 года Троцкий, Каменев, Зиновьев и другие оппозиционеры направили в Политбюро ЦК ВКП(б) письмо-платформу, подписанную 83 участниками объединенной оппозиции. В «заявлении 83-х» теория о возможности построения социализма в одной стране объявлялась мелкобуржуазной, не имеющей ничего общего с марксизмом. В платформе пропагандировались капитулянтские по своей сущности требования уступок иностранному капиталу в области концессионной политики, что могло повести к подрыву экономической самостоятельности СССР. Вновь поднималась на щит идея «сверхиндустриализации», вытекающая из оценки большинства населения страны — трудящегося крестьянства — как враждебной социалистическому строительству общественной силы.

Но наиболее существенными новыми моментами в борьбе объединенной оппозиции против политики большинства ЦК, поддерживавшего Сталина, явились два новых тезиса. Именно эти два тезиса довели противостояние до крайней точки и фактически предопределили окончательное поражение оппозиции.

Первый тезис о термидорианском перерождении партии фактически обозначил пропасть, через которую нельзя было перешагнуть, даже если бы у группировки Сталина было, скажем условно, хотя бы малейшее желание достичь какого-нибудь компромисса и тем самым в некоторой степени нормализовать обстановку в партии. Позиция Троцкого достаточно детально отражена в его мемуарной книге «Моя жизнь» и помещенных в 3 и 4 томах документальных материалах «Архива Троцкого». Внимательное знакомство со всеми этими свидетельствами позволяет сделать вполне определенный вывод, что Троцкий, Зиновьев и их сторонники фактически выдвинули тезис о термидоре советской власти, т. е. ее перерождении. Правда, сделано это было с явными оговорками и всякого рода экивоками: мол, существует реальная опасность термидора и что выход есть, и он состоит в том, если партия прислушается к голосу оппозиции и откажется от губительных для страны курса и практических действий. Фактически оппозиция дала в руки генсека и его сторонников сильнейшее оружие для борьбы с самой оппозицией. Как ни пытался Троцкий откреститься от обвинений в том, что он защищал тезис о термидорианском перерождении партии и советского режима в целом, объективный анализ материалов показывает: такое обвинение имело место, и именно это обвинение, выражаясь фигурально, как раз и выбило почву из-под ног Троцкого и его сторонников.

Второй тезис — аналогия с Клемансо. Суть этого тезиса сводилась по существу к трактовке проблемы соотношения пораженчества и оборончества в условиях существования советской власти. Троцкий приводил в своих выступлениях пример того, как во время первой мировой войны видный французский государственный и политический деятель Клемансо в один из трудных для Франции периодов противоборства с Германией, когда немецкие войска находились недалеко от Парижа, выступил за смену власти с тем, чтобы новая власть повела более решительную борьбу

²⁸ **Власть и оппозиция.** Российский политический процесс XX столетия. М. 1995. С. 130.

против немцев. Эта аналогия содержала в себе «тонкий намек на толстые обстоятельства»: мол, оппозиция и есть та сила, которая способна обеспечить стране победу, а линия, проводимая Сталиным, ведет страну к неминуемому поражению в связи с вероятностью военного столкновения с капиталистическими державами.

В советской историографии утверждалось, что Троцкий в письме на имя председателя ЦКК Г. К. Орджоникидзе заявил, что в случае интервенции и приближения вражеских войск к Москве оппозиция будет добиваться свержения существующей власти. Это заявление, прикрываемое фразами об «условном оборончестве» оппозиции, говорило об ее отказе защищать диктатуру пролетариата, то есть о самом настоящем пораженчестве в отношении СССР. В сборнике «Архив Троцкого» это письмо не помещено (непонятно — по каким причинам?). Другие же материалы носят довольно противоречивый характер: они не дают возможности точно и категорически утверждать или отрицать, что Троцкий придерживался именно такой позиции. По крайней мере, дыма без огня не бывает. И Сталин, при самой активной поддержке Рыкова и Бухарина, использовал оба выдвинутых оппозиционерами тезиса для того, чтобы нанести им смертельный удар. Собственно говоря, они сами поставили себя под этот удар. Вернее, логика внутрипартийной борьбы имеет свои законы и они с неотвратимостью привели к тому, что оппозиция фактически выступила с призывом к свержению существующей власти. А если соединить это с тем, что они создавали свои подпольные партийные ячейки, имели свою внутреннюю дисциплину, структуру и т. д., то речь в принципе шла о попытках создать вторую партию внутри существующей, обладавшей монополией на власть.

Не надо было быть особенно прозорливым, чтобы понять, что такая постановка вопроса, даже если она и маскировалась всевозможными оговорками и т. п. уловками, спланивала не только большинство ЦК, но и всю партию под знаменем генсека, отстаивавшего единство партии и уставные партийные нормы и большевистские традиции неукоснительного подчинения партийной дисциплине.

Сталин — и это неоспоримый факт — умело использовал в своей борьбе с оппозицией все эти факты. Причем делал это весьма умело, даже с чувством сарказма, который нередко проглядывает в его выступлениях. В речи на пленуме ЦК в августе 1927 года, рассматривавшем вопросы борьбы с оппозицией, он, в частности, говорил: «Мелкобуржуазная дряблость и нерешительность» — это, оказывается, большинство нашей партии, большинство нашего ЦК, большинство нашего правительства. Клемансо — это Троцкий с его группой. (*С м е х.*) Если враг подойдет к стенам Кремля километров на 80, то этот новоявленный Клемансо, этот опереточный Клемансо постарается, оказывается, сначала свергнуть нынешнее большинство именно потому, что враг стоит в 80 километрах от Кремля, а потом взяться за оборону. И если это удастся сделать нашему опереточному Клемансо, то это, оказывается, и будет настоящей и безусловной обороной СССР.

А для того, чтобы сделать это, он, Троцкий, т. е. Клемансо, постарается предварительно «вымести» этот «мусор» «в интересах победы рабочего государства». А что это за «мусор»? Это, оказывается, большинство партии, большинство ЦК, большинство правительства.

Так вот, оказывается, что, когда враг подойдет на расстояние 80 километров к Кремлю, этот опереточный Клемансо будет заниматься не тем, чтобы оборонять СССР, а свержением нынешнего большинства партии. И это называется у него обороной!»²⁹ —

²⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 10. С. 53.

Надо подчеркнуть, что тезис о Клемансо стал ахиллесовой пятой всей платформы оппозиции. Он оттолкнул от нее даже тех, кто разделял некоторые другие взгляды оппозиции, в частности ее критику процессов бюрократизации аппарата и всей государственной жизни. Сталин, как искуснейший полемист, сконцентрировал свои удары по оппозиции именно на развенчании данного тезиса. Причем ставил вопрос, что называется, ребром. Он подчеркивал: «...Троцкий, давая этот лозунг, эту формулу насчет Клемансо, обуславливал оборону СССР известным пунктом о смене руководства в нашей партии и руководства Советской властью. Только слепые этого не поймут. Если у Троцкого не хватает мужества, элементарного мужества признать свою ошибку, то виноватым будет в этом он сам»³⁰.

Подробное рассмотрение всех перипетий борьбы Сталина с объединенной оппозицией не вменяется в рамки моей работы. Замечу лишь, что Сталин использовал не только все, так сказать, легитимные формы борьбы, но и в ряде случаев прибег к помощи органов политического надзора и сыска. В частности, органы ОГПУ вели непосредственную слежку за действиями лидеров оппозиции и в ряде случаев прибегли к провокационным приемам.

Но отнюдь не в пределах традиционного понимания партийной дисциплины и устава вела свою деятельность и оппозиция. Во время празднования 10-летнего юбилея Октябрьской революции лидеры оппозиции попытались устроить в Москве, Ленинграде и в некоторых других городах свои параллельные демонстрации. Это уже, вне всякого сомнения, выходило за рамки внутрипартийной борьбы. Тем более что сторонников оппозиции оказалось ничтожно мало.

Сталин, как известно, обладал большой выдержкой и терпением. Он всегда умел выбрать нужный момент для нанесения удара по своим противникам. Если не было соответствующего повода, то он старался создать его. В данном же случае в этом и не было нужды: вожди оппозиции прямо и открыто выступили против законной власти, тем самым переступив грани, отделяющие внутрипартийную борьбу от борьбы против Советской власти. Генсек не преминул воспользоваться этим. Объединенный пленум ЦК и ЦКК, состоявшийся в октябре 1927 года, исключил Троцкого и Зиновьева из состава ЦК, мотивировав это тем, что они «обманули партию и грубейшим образом нарушили взятые ими на себя обязательства, не только не уничтожив «элементов фракционности», но, наоборот, доведя фракционную борьбу против партии и ее единства до степени, граничащей с образованием новой антиленинской партии совместно с буржуазными интеллигентами»³¹. В своей речи на пленуме Сталин считал необходимым особо затронуть вопрос о том, почему именно против него оппозиция нацеливает главные удары. Ведь в тот период активную борьбу против троцкистско-зиновьевской оппозиции вели Бухарин, Рыков и Томский, — будущие оппоненты Сталина. Причем надо отметить, что Бухарин проявлял здесь исключительную активность, сосредоточив, как теоретик, усилия на развенчании теоретических положений, легших в основу оппозиционной платформы. Но ни Бухарин, ни его политические друзья — Рыков и Томский — не были главными мишенями оппозиционных атак. Генсек следующим образом объяснил причины того, почему именно он является основным объектом нападок:

³⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 10. С. 86.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. С. 311.

«Прежде всего о личном моменте. Вы слышали здесь, как старательно ругают оппозиционеры Сталина, не жалея сил. Это меня не удивляет, товарищи. Тот факт, что главные нападки направлены против Сталина, этот факт объясняется тем, что Сталин знает, лучше, может быть, чем некоторые наши товарищи, все плутни оппозиции, надуть его, пожалуй, не так-то легко, и вот они направляют удар прежде всего против Сталина. Что ж, пусть ругаются на здоровье.

Да что Сталин, Сталин человек маленький. Возьмите Ленина. Кому не известно, что оппозиция во главе с Троцким, во время Августовского блока, вела ещё более хулиганскую травлю против Ленина...

Можно ли удивляться тому, что Троцкий, так бесцеремонно третирующий великого Ленина, сапога которого он не стоит, ругает теперь почём зря одного из многих учеников Ленина — тов. Сталина.

Более того, я считаю для себя делом чести, что оппозиция направляет всю свою ненависть против Сталина. Оно так и должно быть. Я думаю, что было бы странно и обидно, если бы оппозиция, пытающаяся разрушать партию, хвалила Сталина, защищающего основы ленинской партийности»³².

Конечно, читая эти строки сейчас, абсолютно бесспорным предстает определенное лицемерие и даже ханжество генсека. Он явно прибеднялся, изображая из себя маленького человека. Кому-кому, а уж ему были хорошо известны истинные размеры колоссальной власти и влияния, которыми он пользовался. Прикрываясь почетным званием всего лишь одного из учеников Ленина, он явно лукавил. Причем все это было рассчитано не на руководящий костяк партии, хорошо осведомленный о реальном положении Сталина и его роли, а на широкую партийную и беспартийную массу. Именно прежде всего к ней и апеллировал генсек. В дальнейшем, на протяжении всей своей политической карьеры, Сталин не раз прибегал к такого рода приемам. Даже тогда, когда его превозносили до небес и фактически изображали неким демиургом, от воли которого зависит все. Но такова уж была натура этого человека. И разобраться в нем не так-то просто.

Но вернемся к главной нити нашего изложения. После октябрьского пленума ЦК (материалы которого практически полностью публиковались в газете «Правда» — что было явлением в какой-то мере уникальным) — Сталину теперь лишь оставалось политически и организационно оформить разгром объединенной троцкистско-зиновьевской оппозиции, что и было сделано на XV съезде партии. Итоги дискуссии, развернутой накануне съезда, не оставляли оппозиции ни малейших надежд не то что на какой-либо, даже самый минимальный успех в их борьбе, но и вообще на сохранение своих прежних позиций. В партийных рядах за платформу ЦК, т.е. платформу Сталина, проголосовало 724 тыс. человек, а за платформу оппозиции — 4 тыс. с лишним³³. Это был ясный ответ на все коренные вопросы, стоявшие в центре дискуссии. Причем говорить о каком-то чисто арифметическом большинстве, не приходится, ибо это было реальное большинство. Даже с поправкой на то, что генсеком и его сторонниками использовались в полной мере методы, которые на современном политическом жаргоне именуются как административный ресурс, говорить о тотальной фальсификации нет никаких оснований. Предположить, что вся партия была запугана сторонниками сталинской линии — значит в

³² И. В. Сталин. Соч. Т. 10. С. 172–173.

³³ Там же. С. 336.

корне извратить реальную картину того времени. Обстановка была еще не та, чтобы можно было предполагать, что приверженцы курса Сталина могли, как им заблагорассудится, манипулировать голосованием. Да и сам факт того, что все-таки нашлось несколько тысяч партийцев, высказавшихся в поддержку оппозиционной платформы, достаточно ясно свидетельствует о наличии в тот период в партии определенной внутрипартийной демократии. Видимо, и сами лидеры оппозиции отдавали себе отчет в том, что их платформа не находит ощутимой поддержки как в самой партии, так и среди широких слоев населения. Последнее подтверждается тем, что попытки лидеров оппозиции провести свои альтернативные демонстрации в день 10-летия революции в Москве, Ленинграде и ряде других городов, оказались жалким подобием таковых. Провал был очевиден, и этого факта нельзя было скрыть или замаскировать никакими обвинениями в адрес сталинистов.

Оппозиция не имела серьезной опоры ни в партии, ни в обществе. И отсутствие массовой опоры нельзя было компенсировать ничем. Однако генсеку и его сторонникам все-таки необходимо было, как требовали того марксистско-ленинские каноны, найти классовое обоснование самого факта существования оппозиции и ее активности. В соответствии с этими требованиями Сталин следующим образом интерпретировал данное явление: «Вы скажете: как могла родиться у нас такая оппозиция, где её социальные корни? Я думаю, что социальные корни оппозиции таятся в факте разорения мелкобуржуазных слоев города в обстановке нашего развития, в факте недовольства этих слоев режимом диктатуры пролетариата, в стремлении этих слоев изменить этот режим, «улучшить» его в духе установления буржуазной демократии»⁴.

С высоты сегодняшнего дня кому-то такое объяснение может показаться слишком уж примитивным и классово ограниченным. Однако не надо упрощать реальную картину того времени. Действительно, ни одно политическое движение не может возникнуть и развиваться, если оно не будет выражать интересов и чаяний определенных классовых сил и слоев. В данном случае объяснение Сталина, безусловно, соответствовало истине, по крайней мере, в одном: оппозиционеры явно были недовольны рамками той системы власти, которая была установлена и стремились внести в нее элементы буржуазной демократии. Такова действительная, а не чисто пропагандистская оценка их намерений. И дело не меняет то обстоятельство, что сами они более чем категорически открещивались от норм так называемой буржуазной демократии. В этом и выражалась злая ирония исторической мести.

Я не затрагиваю здесь проблему толкования природы демократии вообще и правомерности подразделения ее на буржуазную и иные классовые виды и формы. Это — предмет специального рассмотрения и я оставляю его за скобками.

3. XV съезд партии: Сталин торжествует победу

Прежде чем непосредственно приступить к рассмотрению вопроса о том, как проходил и чем завершился XV съезд партии, хочется сделать несколько предварительных

⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. 10. С. 346–347.

замечаний. В политической судьбе Сталина значение этого съезда было достаточно велико — это был, можно сказать, решающий этап в утверждении его в качестве главного лидера партии. На нем были заложены предпосылки постепенного создания всех необходимых факторов, сделавших возможным буквально в считанные годы возвышение генсека в качестве единоличного наследника Ленина и единственно верного продолжателя его дела. Рубежный характер этого съезда в политической судьбе Сталина был предопределен совокупностью всех других мер, предпринятых генсеком и его сторонниками после поражения «новой оппозиции» на XIV партийном съезде в 1925 году. Сталин в глазах партийной массы все больше обретал ореол последовательного и негибаемого борца за единство партии, его имя уже стало ассоциироваться с понятием самого партийного единства, что имело важные политико-психологические последствия. Шаг за шагом создавалось в партийной среде убеждение, что не кто иной, как Сталин способен поставить оппозицию на колени и отстоять генеральную линию партии.

И съезд партии как раз и представлял собой тот форум, на котором генсек стремился закрепить этот свой ореол. При всем, даже самом критическом отношении к псевдодемократическим процедурам, в рамках которых проходила работа съезда, нельзя не признать, что именно Сталину удалось использовать трибуну съезда не только для изложения своих принципиальных подходов к решению стоявших перед страной проблем, но и в своеобразную цирковую арену, на которой представители оппозиции исполняли жалкие трюки. По ходу изложения я постараюсь проиллюстрировать это конкретными примерами. То обстоятельство, что все эти факты покрылись уже пылью времени, не лишает их определенного интереса.

В политическом докладе Сталина был освещен широкий круг вопросов, стоявших тогда в эпицентре внимания. Здесь я не стану затрагивать международные аспекты его доклада, поскольку следующая глава будет специально посвящена становлению сталинских воззрений в сфере международных отношений. Иначе говоря, истокам формирования внешнеполитической концепции Сталина.

В докладе генсека и в выступлениях делегатов красной нитью проходила следующая мысль: главным итогом работы партии за отчетный период явились первые успехи индустриализации. Они выразились в значительном превышении довоенного уровня промышленности, неуклонном росте производительности труда и заработной платы рабочих, укреплении экономической и политической смычки между социалистической промышленностью и мелкокрестьянским хозяйством, союза рабочего класса с трудовым крестьянством. Особый упор Сталин делал на том, что основная задача партии состоит в расширении и укреплении социалистических командных высот во всех отраслях народного хозяйства как в городе, так и в деревне. При этом на первый план выдвигалась задача ликвидации капиталистических элементов в народном хозяйстве.

Поскольку проблемы села, дальнейшего развития кооперирования стояли тогда в центре внимания, этому вопросу и в докладе Сталина, и вообще в работах съезда, было уделено первостепенное внимание. Не случайно в партийной историографии и пропаганде XV съезд назывался съездом, взявшим курс на коллективизацию. Хотя внимательное ознакомление с материалами съезда и не оставляют такого уж слишком безоговорочного впечатления, будто вопросом вопросов на съезде была проблема

коллективизации. Подобный перекос в характеристике данного съезда содержался в последующих партийных документах и в официальной историографии Сталина. На съезде генсек, конечно, уделил проблеме кооперации в сельском хозяйстве серьезное внимание, что было вполне закономерно.

Мне представляется достаточно взвешенной оценка характера съезда и основных направлений его работы, данная еще в период перестройки некоторыми советскими историками. Эта оценка сформулирована следующим образом: «В целом XV партсъезд никак не может быть назван съездом коллективизации сельского хозяйства. Эти вопросы занимали важное место в его работе, однако в рамках постановки и решения всего комплекса проблем социально-экономического развития страны в целом. Обсуждались задачи ускорения реконструктивных процессов и в промышленности, и в сельском хозяйстве на основе НЭПа, при сохранении и дальнейшем совершенствовании его принципов. Применительно к деревне это означало осуществление весьма многообразной системы мер, направленных на производственный подъем многомиллионной массы крестьянских хозяйств, увеличение их товарной продукции и вовлечение в русло социалистического развития. Это вполне обеспечивалось на пути их кооперирования»³⁵.

В преддверии XV съезда партии на горизонте уже маячили тревожные проблемы, связанные с выполнением закупок хлеба, обеспечением снабжения городского населения продовольствием и т. д. Сталин, в частности, сказал: «Задача партии: расширить охват крестьянского хозяйства кооперацией и государственными органами по линии сбыта и снабжения и поставить очередной практической задачей нашего строительства в деревне постепенный перевод распылённых крестьянских хозяйств на рельсы объединённых, крупных хозяйств, на общественную, коллективную обработку земли на основе интенсификации и механизации земледелия в расчёте, что такой путь развития является важнейшим средством ускорения темпа развития сельского хозяйства и преодоления капиталистических элементов в деревне»³⁶.

Задача по осуществлению коллективизации органически была связана с борьбой против кулачества, не желавшего идти на союз с советской властью и отстаивавшего свои классовые интересы в деревне. Вообще проблема кулака была осью, вокруг которой вращалась если не вся внутрипартийная борьба, то по крайней мере основная ее часть. На съезде Сталин проявил себя как умеренный в подходе к данному вопросу. Это видно хотя бы из такого его заявления, сделанного в Отчетном докладе: «Неправы те товарищи, которые думают, что можно и нужно покончить с кулаком в порядке административных мер, через ПТУ: сказал, приложил печать и точка. Это средство — лёгкое, но далеко не действительное. Кулака надо взять мерами экономического порядка и на основе советской законности. А советская законность не есть пустая фраза. Это не исключает, конечно, применения необходимых административных мер против кулака. Но административные меры не должны заменять мероприятий экономического порядка»³⁷.

В ретроспективе данное заявление генсека выглядит не просто умеренным, а даже несколько либеральным: в нем ничуть не просматриваются черты упора на административные меры, которые впоследствии стали важной, если не главной чертой

³⁵ "Правда" 26 августа 1988 г.

³⁶ И. В. Сталин. Соч. Т. 10. С. 309.

³⁷ Там же. С. 311–312.

сталинской политики в области коллективизации. Акцент на меры экономического воздействия на кулака отвечал не столько реалиям того времени, сколько политической стратегии Сталина. В этот период он опирался в борьбе с объединенной оппозицией на Бухарина и его единомышленников, стоявших за умеренный подход к данному вопросу. Сталину было чрезвычайно важно поддерживать в то время еще не вполне сформировавшийся баланс сил в Политбюро и иметь Бухарина, Рыкова и Томского в числе своих союзников. Пусть и временных, как очевидно, тогда полагал генсек. Но ясно было одно — без энергичной поддержки тех, кого Сталин через короткое время объявит правыми уклонистами, справиться с главной на тот момент задачей — полного и окончательного разгрома объединенной оппозиции — было практически невозможно. Он в то время, хотя и занимал лидирующие позиции в партийном руководстве, в одиночку, лишь при опоре на своих сторонников, без помощи Бухарина, Рыкова, Томского и их группировки, не в силах был поставить победную точку в противоборстве с Троцким, Зиновьевым и Каменевым. А Сталин был тонким стратегом политической борьбы, умел довольно легко вступать во временные союзы и коалиции и использовать их в собственных целях. Не менее легко и ловко он, когда цель уже была достигнута, умел рвать эти союзы и превращать своих бывших союзников в объект прямой политической атаки. Причем надо отметить, что за довольно короткий отрезок времени — всего два-три года — эту стратегию и тактику политической борьбы он сумел довести чуть ли не до совершенства. В каком-то смысле можно сказать, что его талант политического борца рос не по дням, а по часам. Так что его соперники каждый раз сталкивались как бы с новым Сталиным. Они просто оказывались не в состоянии поспевать за ним, и в конечном счете оказывались поверженными.

Отмечая эту черту маневрирования Сталина, характеризующего его как незаурядную фигуру на поле политических баталий, я не хочу тем самым сказать, будто его успехи определялись в первую очередь и главным образом именно этими личными качествами генсека. В основе его триумфальных побед лежали все-таки факторы объективного порядка: он не только лучше, чем его оппоненты, понимал характер переживаемой эпохи и перспективные направления развития всей страны, но и сумел убедить в этом большинство. Конечно, могут возразить, что в его победе решающая роль принадлежала партийному аппарату, находившемуся под его контролем. Однако, по-моему, подобный взгляд довольно поверхностен и не выдерживает серьезной критики. С опорой на партийный аппарат трудно было одержать победу, если бы Сталин придерживался ошибочной политической стратегии, если бы он прямо или косвенно не выражал объективные потребности своего времени, если бы его политический курс не соответствовал духу времени и задачам дня.

В определенной степени эту мысль выразила на съезде вдова Ленина Н. Крупская (прежде самым энергичным образом поддерживавшая оппозицию). Она, в частности, сказала: «Мне кажется, основная причина этих ошибок в том, что оппозиция потеряла чутье, понимание того, чем дышит рабочий класс, чем дышат и живут передовые слои рабочего класса. (М а н у и л ь с к и й: «Правильно!») Оппозиция потеряла ощущение тех колоссальных задач, которые стоят сейчас перед партией. В этом беда оппозиции...»³⁸

³⁸ XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. — Л. 1928. С. 177.

Правда, ее пока еще условный переход на сторону Сталина нельзя было расценивать как полную капитуляцию перед ним. Н. Крупская сочла необходимым высказаться за более или менее терпимое отношение к оппозиции. По крайней мере, в вопросе возвращения исключенных оппозиционеров в партию. Вот ее точка зрения:

«... Мне кажется, партия должна облегчить возвращение в партию всем тем элементам, которые искренно понимают сделанную ошибку, которые чувствуют неправильность и которые захотят с партией идти нога в ногу. Партия сильна, конечно, не внешней своей численностью, она сильна внутренним единством, и, конечно, о внутреннем единстве нельзя говорить, когда часть людей идет только в силу необходимости с партией»³⁹.

Центр тяжести усилий Сталина на съезде однозначно лежал в плоскости борьбы с оппозицией, и не просто борьбы с ней как с таковой, а в стремлении добиться полной и безоговорочной ее капитуляции. Генсек, наверняка, отдавал себе отчет в том, что ему не нужна половинчатая капитуляция, капитуляция с оговорками и различными условиями, которые могут быть в дальнейшем, при определенных обстоятельствах, нарушены членами разгромленной оппозиции. Ему нужна была не только собственная победа, но и максимальная дискредитация оппозиции как таковой. Подобным путем он стремился заложить необходимый фундамент и создать своего рода прецедент для решительного искоренения любой возможной оппозиции его курсу в будущем. А то, что на горизонте маячила схватка с блоком правых, — для Сталина было очевидно. Борясь с объединенной оппозицией и роя ей могилу, из которой она вообще больше не могла выбраться, Сталин готовил плацдарм для неизбежных в будущем схваток со своими реальными и потенциальными противниками. Ибо для него бесспорной аксиомой была мысль — власть не завоевывается раз и навсегда, какой бы полной и окончательной ни была победа; она требует того, чтобы за нее боролись всегда и постоянно. Видимо, таково было его понимание природы власти. И надо признать, что, вне зависимости от тех или иных политических пристрастий, подобное понимание сущности власти и путей ее сохранения — в целом подтверждается историей. Историей не только нашей страны, и не только периода сталинизма, но и историей других государств и обществ.

Любопытна аргументация, использованная Сталиным для обоснования мер, предпринятых в отношении своих противников. «Вы спрашиваете: почему мы исключили Троцкого и Зиновьева из партии? Потому, что мы не хотим иметь в партии дворян. Потому, что закон у нас в партии один, и все члены партии равны в своих правах. (В о з г л а с ы: «Правильно!». *Продолжительные аплодисменты.*)

Если оппозиция желает жить в партии, пусть она подчиняется воле партии, её законам, её указаниям без оговорок, без экивоков. Не хочет она этого, — пусть уходит туда, где ей привольнее будет. (Голоса: «Правильно!». *Аплодисменты.*) Новых законов, льготных для оппозиции, мы не хотим и не будем создавать. (*Аплодисменты.*)

Спрашивают об условиях. Условие у нас одно: оппозиция должна разоружиться целиком и полностью и в идейном и в организационном отношении. (В о з г л а с ы: «Правильно!». *Продолжительные аплодисменты.*)»⁴⁰

³⁹ XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. — Л. 1928. С. 177.

⁴⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 10. С. 351.

Оппозиция на съезде выглядела не просто бледной. Она напоминала кающегося грешника, который протестовал против того, что ему отказано вступить за ворота рая. Попросту говоря, оппозиция вызывала не столько сочувствие, сколько жалость, смешанную с презрением. Причем я веду речь не о том, как это воспринимается сегодня, а о том, как это воспринималось в то время. Для подтверждения приведу некоторые наиболее яркие эпизоды из жалкого подобию полемики (если данное слово вообще применимо к тому, как проходила дискуссия), ареной которой стал съезд.

Вот выдержка из речи Каменева — главного представителя оппозиции, поскольку Троцкий и Зиновьев уже были исключены из партии и в работах съезда не могли принимать участия. Каменев говорил следующее: «Товарищи, я выхожу на эту трибуну с единственной целью — найти путь примирения оппозиции с партией. (Голоса: «Ложь, поздно», *д в и ж е н и е в зале*.) Оппозиция представляет меньшинство в партии. Она, конечно, никаких условий со своей стороны ставить партии не может. (*Движение в зале*.) Она может только сказать съезду тот вывод, который она для себя делает из истории двух лет борьбы, и ответить на те вопросы, которые ей поставлены.

Два года тому назад на XIV съезде мы разошлись с большинством по ряду основных вопросов нашей революции, вопросов немаловажных, вопросов серьезных — о направлении огня, о росте и значении антипролетарских элементов в стране, в частности в деревне, о способах борьбы с ними, оценке международного положения с точки зрения устойчивости стабилизации и в связи с этим о политике Коминтерна. Борьба в партии вокруг этих вопросов за эти два года достигла такой степени обострения, которая ставит перед всеми нами вопрос о выборе одного из двух путей. Один из этих путей — вторая партия. Этот путь, в условиях пролетарской диктатуры, — гибельный для революции. Это путь вырождения политического и классового. Этот путь для нас заказан, запрещен, исключен всей системой наших взглядов, всем учением Ленина о диктатуре пролетариата. По этому пути мы своих единомышленников вести не можем и не хотим. (Голоса: «Но вы вели, вели. Врете!»⁴¹)

Далее речь Каменева напоминала скорее ползание на коленях, нежели политическую дискуссию. Особенно если учесть, что лидеры оппозиции еще совсем недавно говорили другое и совершенно другим голосом. Тот же Каменев всего за месяц до съезда уверенно и твердо декларировал: «Мы заявляем, что в какое бы положение ни поставила нас зарвавшаяся и потерявшая голову группа раскольников-сталинцев, мы будем отстаивать дело ленинской партии, ленинской революции октября 1917 г., ленинского Коминтерна — против оппортунистов, против раскольников, против могильщиков революции».

На съезде же перед фактом своей полной изоляции и фатального поражения Каменев пел уже другие песни и другим голосом⁴²:

«Каменев. Наша позиция перед этим выбором — вторая партия или назад в партию, — ясна: назад в партию во что бы то ни стало. (*Ш у м*.)

Голос. Обойдемся без вас.

Каменев. И мы просим съезд, если этот съезд хочет войти в историю не съездом дробления, а съездом умиротворения в партии, — помогите нам в этом деле. (Шум.) Голос. Обойдемся и без вас, два года уже обходились.

Голос. Вы в историю уже вошли.

Голос. Откажитесь от меньшевизма.

Голос. Откажитесь от троцкизма!

Каменев. Рабочий класс хочет этого примирения. Несмотря на все разногласия, несмотря на всю остроту борьбы, у нас есть с вами общий интерес, — это сохранение единства партии, как основного рычага диктатуры пролетариата. (Шум.)⁴³.

Видимо, Сталин саркастически усмехался в душе и даже злорадствовал, наблюдая за этим политическим пресмыкательством. Он не просто ненавидел Каменева, но и презирал его, так как слишком хорошо знал. Это были совершенно разные люди, и то, что они оказались по разную сторону баррикад — не случайность, а неизбежная закономерность.

Сталин, как говорится, на полную катушку использовал провал оппозиции: помимо всего прочего, он постарался использовать этот крах для дискредитации ведущих лидеров оппозиции, часто ссылавшихся на то, что они были ближайшими сподвижниками Ленина (Зиновьев и Каменев). Развеять ореол соратников Ленина было необходимо, чтобы расчистить себе дорогу к этому пьедесталу. И Сталин не преминул воспользоваться этим.

Он сам себе ставил вопросы и сам же давал на них вполне определенные ответы, призванные окончательно развеять бытовавшее тогда еще в партии мнение, что Зиновьев и Каменев достойны доверия и уважения как самые ближайшие сподвижники усопшего вождя. Сталин говорил: «Но вот вопрос: есть ли в большевистских традициях то, что позволяла и продолжает позволять себе оппозиция? Оппозиция организовала фракцию и превратила её в партию внутри нашей большевистской партии. Но где это слыхано, чтобы большевистские традиции позволяли кому-нибудь допускать такое безобразие? Как можно говорить о большевистских традициях, допуская вместе с тем раскол в партии и образование в ней новой, антибольшевистской партии?»

Далее. Оппозиция организовала нелегальную типографию, заключив блок с буржуазными интеллигентами, которые, в свою очередь, оказались в блоке с явными белогвардейцами. Спрашивается: как можно говорить о традициях большевизма, допуская это безобразие, граничащее с прямой изменой партии и Советской власти?

Наконец, оппозиция организовала антипартийную, антисоветскую демонстрацию, апеллируя к «улице», апеллируя к непролетарским элементам. Но как можно говорить о большевистских традициях, апеллируя к «улице» против своей партии, против своей Советской власти? Где же это слыхано, чтобы большевистские традиции допускали такое безобразие, граничащее с прямой контрреволюционностью?»⁴⁴

Было бы, однако, неверным представлять, что только или прежде всего Сталин и его сторонники придерживались столь непримиримой точки зрения в отношении оппозиции и ее лидеров. Достаточно привести высказывания тех, кто вскоре сам стал жертвой сталинских приемов политической борьбы, чтобы убедиться в ином. Так, А. Рыков, тогда председатель Совнаркома и один из ведущих деятелей партии (его встречали овациями всего зала, как и Сталина), в ответ на речь Каменева говорил: «Начав с сомнений в социалистическом характере обобществленной промышленности, с утверждения о

⁴³ XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. С. 256.

⁴⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. 10. С. 365.

невозможности построения социалистического общества в СССР из-за технической отсталости народного хозяйства, — они кончают утверждением о буржуазном перерождении нашего государства, власти и партии, что проводником этого перерождения, по их мнению, являются центральные органы партии. Именно эти обвинения с наибольшей ясностью вскрывают меньшевистскую основу всей их идеологии. Именно эти обвинения, благодаря их чудовищной лживости, поставили грань между оппозицией и рабочим классом, между оппозицией и нашей партией»⁴⁵.

Еще более примечателен следующий пассаж из выступления Рыкова: «Они говорят, что при Ленине не было обычая исключать из партии за взгляды; это неверно, исключали и за взгляды. Но если бы была в свое время хоть какая-нибудь попытка рабочей оппозиции организовать несколько сот своих единомышленников, дать им знамена для выступления на Красной площади с лозунгами «да здравствует рабочая оппозиция, долой ЦК»...

Голос. Мы бы их расстреляли»⁴⁶.

Хотя последние слова и не произнесены Рыковым, но они более чем органично вписываются в весь контекст и пафос его речи. Так что одного Сталина упрекать в кровожадности не приходится. Некоторые в то время даже перещеголяли его. Сталин же сам открыто к этому не призывал. Более того, он постарался извлечь выгоду из сложившегося положения и попытался представить себя в явно великодушном облике. Он, в частности, заявил: «Не ясно ли, что апелляция к «улице» превратилась бы в прямой путч против Советской власти? Разве трудно понять, что эта попытка оппозиции, по сути дела, ничем не отличается от известной попытки левых эсеров в 1918 году? (*Г о л о с а*: «Правильно!») По правилу, за такие попытки активных деятелей оппозиции мы должны были бы переарестовать 7 ноября. (*Голоса*: «Правильно!». *Продолжительные аплодисменты.*) Мы не сделали этого только потому, что пожалели их, проявили великодушие и хотели дать им возможность одуматься. А они расценили наше великодушие как слабость»⁴⁷.

Что касается великодушия генсека, то на этот счет можно придерживаться различных мнений. Мне лично представляется, что дело было не в великодушии Сталина, а в определенных политических расчетах, определявших его линию поведения в тех обстоятельствах. Ведь он отлично отдавал себе отчет в том, что применять суровые карательные репрессии по государственной линии в отношении недавних членов высшего партийного руководства было, по меньшей мере, рискованно. Многие как в самой партии, так и вне ее, могли бы это истолковать превратно, и отнюдь не в пользу Сталина. Слишком узок был отрезок времени — от пребывания лидеров оппозиции на вершинах партийного олимпа до их устранения как врагов советской власти — чтобы решиться на крайние меры. Необходимо было дать поработать времени, создать соответствующие условия, чтобы такие меры были восприняты партийной массой, да и населением страны, если не с горячим одобрением, то с пониманием. А Сталин, как я уже не раз подчеркивал, умел проявлять выдержку и терпение и наносил сокрушительные удары по своим противникам лишь после того, как были подготовлены все необходимые условия, гарантирующие ему полный успех.

В связи с борьбой против объединенной оппозиции всплывает один довольно пикантный вопрос. В западной историографии достаточно широкое распространение

⁴⁵ XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. С. 259.

⁴⁶ Там же. С. 261.

⁴⁷ И. В. Сталин. Соч. Т. 10. С. 366.

получила точка зрения, что генсек использовал в своей борьбе такое средство, как разжигание антисемитизма, поскольку ведущие фигуры оппозиции были евреями. Думаю, что здесь необходимо внести определенную ясность. Хотя в дальнейшем специальный раздел будет посвящен данной проблеме, когда речь пойдет о последних годах политической деятельности Сталина.

В некоторых местных парторганизациях, конечно, имели место проявления антисемитизма. Это документально прослежено на базе партийных архивов Смоленской области, захваченных во время войны гитлеровцами и доставшихся потом американцам. Они подверглись тщательному изучению и на их основе на Западе опубликован ряд работ*. Тема антисемитизма возникала (правда, как-то мимоходом, в качестве второстепенной) и в ходе борьбы с оппозицией. Троцкий однажды в ходе полемики сослался на материалы заседаний партийных ячеек. В ходе этих заседаний высказывались такие мнения: «Троцкий на протяжении длительного времени ведет раскольническую политику. Троцкий не может быть коммунистом — даже его национальность показывает, что он сочувствует спекулянтам». А что касается Зиновьева и Каменева, то они «они ошибаются в отношении русского духа. Русский рабочий и крестьянин никогда не последует за этими нэпачами (т. е. нэпманами — Н. К.)»⁴⁸.

Троцкий адресовал свои упреки Сталину и утверждал, что «дело зашло так далеко, что Сталин оказался вынужден выступить с печатным заявлением, которое гласило: «Мы боремся против Троцкого, Зиновьева и Каменева не потому, что они евреи, а потому, что они оппозиционеры и проч.». Для всякого политически мыслящего человека было совершенно ясно, что это сознательно двусмысленное заявление, направленное против «эксцессов» антисемитизма, в то же время совершенно преднамеренно питало его. «Не забывайте, что вожди оппозиции — евреи», — таков был смысл заявления Сталина, напечатанного во всех советских газетах. Сам Сталин в виде многозначительной «шутки» сказал Пятакову и Преображенскому: «Вы теперь против ЦК прямо с топорами выходите, тут видать вашу «православную» работу, Троцкий действует потихоньку, а не с топором»⁴⁹.

Надо сказать, что Троцкий в борьбе против Сталина вообще не делал большого акцента на приписываемый Сталину антисемитизм. И, видимо, не случайно, поскольку каких-то серьезных упреков в адрес генсека в связи с этой проблемой предъявить было трудно. Какие-то кулуарные разговоры и намеки не могут служить здесь достаточным основанием для серьезных и обоснованных обвинений и выводов. Тем более, что ситуация была такова, что лица еврейской национальности занимали многие ключевые посты во всех звеньях партийного и государственного аппарата, в том числе и в органах безопасности. И Сталин как реальный политик не мог не принимать это в расчет, даже если бы он и на самом деле находился под воздействием пресловутого антисемитизма. Если стоять на почве реальных фактов, то следует отметить, что именно на XV съезде Сталин в политическом отчете счел необходимым поднять этот вопрос на уровень государственной важности. Перечислив ряд недостатков в работе партийных и государственных органов, генсек, в частности, сказал: «У нас имеются некоторые ростки антисемитизма не только в известных кругах средних слоев, но и среди известной части рабочих и даже среди некоторых звеньев нашей партии.

* Подробнее об этом см. Евгений Кордин. "Смоленский архив" и американская советология. Смоленск 1998.

⁴⁸ Robert Vincent Daniels. The conscience of the revolution. p. 304.

⁴⁹ Лев Троцкий. Сталин. Т. 2. С. 171.

С этим злом надо бороться, товарищи, со всей беспощадностью»⁵⁰. Причем надо подчеркнуть, что данное замечание не повисло в воздухе, а вошло в принятую съездом резолюцию. Это наглядно показывает, что разговоры об изначально присущем Сталину антисемитизме и о том, что он уже в борьбе против объединенной оппозиции использовал жупел антисемитизма в качестве средства политической борьбы явно притянуты за уши.

Возвращаясь непосредственно к теме работы съезда, хочется обратить внимание еще на одну любопытную деталь. На нем Сталин счел необходимым поднять вопрос о торговле водкой. От продажи водки, разрешенной несколько лет назад в целях пополнения скудного бюджета и изыскания средств на развитие промышленности, государство получало не только прибыль, но и несло огромные убытки. Повсеместно распространялось пьянство, что вызывало серьезные нарекания и наносило немалый не только нравственно-политический, но и экономический ущерб. Генсек на съезде выступил как бы в роли предтечи печально известной антиалкогольной кампании времен перестройки. Как можно убедиться, в нашей стране история имеет тенденцию многократного повторения не только в виде трагедии, но и в виде фарса. Сталин выдвинул следующую задачу, которая выглядит с точки зрения современных мерок как весьма наивная и иллюзорная. «Наконец, мы имеем такие минусы, как водка в бюджете, крайне медленный темп развития внешней торговли и недостаток резервов. Я думаю, что можно было бы начать постепенное свёртывание выпуска водки, вводя в дело, вместо водки, такие источники дохода, как радио и кино»⁵¹. Едва ли есть нужда говорить о том, что это благое намерение фактически так и осталось благим намерением. Надо сказать, что Сталин хорошо понимал, что проблема торговли алкогольной продукцией — многоплановая проблема. Он видел в ней не только экономические аспекты, но и социальные. Тогда соображения экономического порядка перевешивали все остальные. И это явствует из его же собственных слов: «Конечно, вообще говоря, без водки было бы лучше, ибо водка есть зло. Но тогда пришлось бы пойти временно в кабалу к капиталистам, что является ещё большим злом. Поэтому мы предпочли меньшее зло. Сейчас водка даёт более 500 миллионов рублей дохода. Отказаться сейчас от водки, значит отказаться от этого дохода, причём нет никаких оснований утверждать, что алкоголизма будет меньше, так как крестьянин начнет производить свою собственную водку, отравляя себя самогоном»⁵².

С алкоголизмом в России с тех пор (да и с более давних времен) борются не то что с переменным успехом, а скорее с перманентным провалом. Достаточно вспомнить пресловутую антиалкогольную кампанию времен перестройки. Но это — всего лишь замечание в связи с алкогольной проблемой — проблемой вечной, как сама жизнь.

Но вернемся к предмету нашего повествования. На съезде оппозиция пыталась хоть как-то смягчить свое уже неотвратимое поражение. Главным аргументом стал призыв к сохранению единства. Видный член оппозиции (бывший секретарь ЦК Евдокимов) апеллировал к чувству классовой солидарности и общности главных целей между оппозицией и сторонниками ЦК: «...Съезд — хозяин партии и притом партии, управляющей первым в мире пролетарским государством (*возгласы, шум*), должен положить конец обострению борьбы и создать подлинное единство. Мы готовы (*голос:*

⁵⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 10. С. 324.

⁵¹ Там же. С. 312.

⁵² Там же. С. 232.

«Только не с вами!») сделать все необходимое для этого. Давайте же делать то, что действительно хочет весь рабочий класс. (*Голос*: «Чтобы вы подполье организовывали?») Не создавайте излишних препятствий к этому, давайте создадим подлинное единство в рядах нашей партии. Жестоко ошибается тот, кто думает, что мир и спокойствие в партии можно восстановить методами отколов и массовых исключений. Жестоко ошибается и тот, кто думает, что этими методами можно успокоить ту тревогу, которая испытывается сейчас всем рабочим классом. (*Шум. Голос*: «Никакой тревоги!») Товарищи, давайте общими усилиями сделаем все для того, чтобы оправдать все надежды рабочего класса, связанные с работами XV съезда нашей партии»⁵³.

Но все это напоминало глас вопиющего в пустыне. Другой видный оппозиционер Н. Муралов (бывший командующий Московским военным округом) попытался с помощью метафорических сравнений доказать беспочвенность обвинений в адрес оппозиции: «Товарищи, если любому из вас скажут, что вы убили свою жену, съели своего деда, оторвали голову своей бабке (*Голос*: «Довольно издеваться над съездом и занимать съезд такими нелепыми разговорами!»), как вы будете чувствовать себя, как вы докажете, что этого не было? (*Сильный шум. Крики*: «Долой! Председатель, голосуйте вопрос!»)⁵⁴.

Но все эти и подобные им аргументы получали решительный отпор. Так, будущий автор антисталинской платформы (начало 30-х годов) М. Н. Рютин под аплодисменты делегатов заявил, что тактика оппозиции это — тактика типичных взбесившихся мелкобуржуазных авантюристов. Каковы составные элементы этой самой оппозиционной тактики? Первый элемент — лицемерие и не только лицемерие, но прямой обман партии, прямое жульничество; второй элемент — клевета; третий элемент — авантюризм; четвертый элемент — истерика и пятый элемент — хлестаковщина⁵⁵.

Характерной чертой съезда — и это было своего рода новацией — стало зарождение того явления, которое впоследствии вполне правомерно связывали с культом личности. Я приведу несколько примеров того, что именно на этом съезде было положено фактическое начало выделению Сталина из числа других лидеров и подчеркивание его исключительных заслуг. Конечно, это были лишь первые ласточки, но они, как ни странно, в конце концов и сделали весну. Так, в приветствиях съезду раздавались такие здравницы:

«Да здравствует Генеральный Секретарь ЦК партии т. Сталин! (*Аплодисменты*).»

«Товарищи, по поручению рабочих, десяти тысяч человек, еще сообщая, что, даря вам молот, мы с собой не взяли молотобойца, рабочие просили избрать т. Сталина молотобойцем. (*Аплодисменты*).»

«Другой подарок трудящиеся шлют съезду — вылитый из сахара барельеф-портрет нашего железного, непоколебимого генерального секретаря т. Сталина. (*Аплодисменты*).»

«Разрешите преподнести вам набивные платки, на которых портреты наших вождей — т. Ленина и т. Сталина. (*Аплодисменты*).»⁵⁶

Примечательно, что публично Сталин был поставлен в один ряд с Лениным и удостоился чести быть назван вождем наряду с последним. Конечно, это были всего лишь единичные явления и никто тогда не мог предположить, что из этого ручейка скоро образуется мощная река, целый океан восхвалений. Кстати сказать, на самом съезде в

⁵³ XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. С. 235.

⁵⁴ Там же. С. 308.

⁵⁵ Там же. С. 293.

⁵⁶ Там же. С. 323–324, 904.

выступлении видного сторонника генсека А. А. Андреева содержалась оценка принципиальной ошибки лидеров оппозиции, которая, по мнению оратора, заключалась в том, что Троцкий, Зиновьев и Каменев потерпели сокрушительное поражение прежде всего в силу того, что они в корне ошибались в подходе к проблеме отношений вождь — массы. Я приведу отрывок из его речи отнюдь не потому, что он был своего рода комплиментом Сталину, но и своеобразным предостережением. Вот что говорил Андреев: «Я думаю, что основной просчет в их тактике произошел по линии немарксистского подхода к вопросу об авторитете вождей. В этом у них произошел основной просчет. (Голос: «Переоценка».) (Голос: «Правильно!») Они не как марксисты подошли к этому вопросу, они подошли к этому вопросу не с точки зрения, что вожди для партии, а не партия для вождей, они подошли с точки зрения последнего положения — партия для вождей, и ошиблись. Они поддались немарксистской переоценке роли личности в истории. Они выступили как сверхчеловеки. Они думали, что достаточно будет выступить кучке мировых вождей, да еще под знаменем «большевиков-ленинцев» и т. д., чтобы партия за ними пошла. Они переоценили значение авторитета вождя, они забыли, с кем имеют дело, они забыли, что имеют дело с партией революционного класса пролетариев, они забыли, что имеют дело не с простой партией, а с партией большевиков, и тут у них произошел просчет. Тут у них произошел просчет, — они слишком понадеялись на свой авторитет, на авторитет вождей и т. д.

Нет, авторитет вождя в нашей партии может держаться постольку, поскольку вождь идет с партией, постольку, поскольку вождь правильно ведет партию по основным путям и т. д. Но если вождь заколебался, если вождь отходит от основной политики нашей партии, если вождь изменяет ленинизму — от него ничего, даже мокренького места, не остается. Вот в чем сила нашей партии, и они просчитались в своих расчетах, забыв эту величайшую силу нашей большевистской партии»⁵⁷

Нет необходимости комментировать приведенный выше пассаж. Хотя он и выдержан в сугубо марксистских канонах, тем не менее дальнейший ход событий показал, что отнюдь не всегда партия контролирует своих вождей. И Сталин своей деятельностью безоговорочно доказал эту истину. Проблема вождь и партия оказалась не столь прямолинейной, не столь простой, как трактовали догматы марксизма-ленинизма. Более того, именно эта проблема стала камнем преткновения, одним из главных источников кризисных явлений и трагических потрясений, сопровождавших не только дальнейшую политическую деятельность Сталина, но и фактически всю послесталинскую историю существования Советского Союза.

Но вернемся к освещению работы XV съезда партии. Съезд поставил окончательную точку в борьбе против объединенной оппозиции. Он принял решение исключить из партии 75 активных деятелей троцкистской оппозиции, в том числе Каменева, Лилину (жену Зиновьева), Евдокимова, Муралова, Смильгу и др., а также группу Сапронова как явно антиреволюционную (25 человек). Одновременно съезд поручил ЦК и ЦКК принять все меры идейного воздействия на рядовых членов троцкистской оппозиции с целью их убеждения при одновременном очищении партии от всех явно неисправимых элементов троцкистской оппозиции»⁵⁸.

Перед лицом таких решительных и бескомпромиссных действий оппозиция и ее лидеры (за исключением Троцкого и его ближайших сторонников) полностью приняли все

условия фактически безоговорочной капитуляции. Они обратились к съезду с заявлением, которое лучше процитировать, чем о нем писать: «...Мы принимаем к исполнению требование съезда об идейном и организационном разоружении. Мы обязуемся защищать взгляды и решения партии, ее съездов, ее конференций, ее ЦК. Мы считаем неправильным и — в соответствии с резолюцией съезда — осуждаем как антиленинские взгляды, отрицающие возможность победоносного строительства СССР, социалистический характер нашей революции, социалистический характер нашей госпромышленности, социалистические пути развития деревни в условиях пролетарской диктатуры и политику союза пролетариата с основными массами крестьянства на базе социалистического строительства или отрицающие пролетарскую диктатуру СССР («термидор»).

Своей основной ошибкой мы считаем то, что в борьбе против ЦК партии вступили на путь действий, сделавши реальной опасностью второй партии. Мы должны признать ошибкой выступление 7 ноября, захват помещений (МВТУ), организацию нелегальных типографий и т. п. Мы просим съезд вернуть нас в партию и дать нам возможность участвовать в практической повседневной работе партии»⁹⁹.

В переводе на простой и понятный язык вожди оппозиции встали на колени перед Сталиным и просили его о пощаде и милости. Генсек торжествовал победу, он знал, сколь велика ее цена для его дальнейшей политической судьбы. Но он не упивался плодами этой победы и через некоторое время дал покаявшимся лидерам оппозиции возможность вернуться в партию. Это было не проявлением великодушия победителя, а тщательно продуманным политическим действием. Сталин понимал, что против него выступали или будут выступать не только члены объединенной оппозиции, но и другие силы, явно недовольные тем стратегическим курсом, которым он намеревался вести страну. Во всем должно быть чувство меры, в том числе и в торжестве над побежденными. Тем более что все эти баталии не знаменовали собой финала борьбы, а являлись, пусть важным, но все-таки промежуточным этапом на пути утверждения единовластия в партии и стране. А такое единовластие генсек считал важнейшей предпосылкой и условием осуществления своего стратегического курса в развитии страны.

Нельзя обойти молчанием и такой вопрос: как основные массы населения и членов партии отнеслись к разгрому оппозиции? Каково в целом было их отношение к непрекращавшейся в верхах борьбе? Многие факты свидетельствуют в пользу того вывода, что основная масса населения, в том числе и членов партии, была настроена довольно индифферентно к идейным схваткам вождей. Она не понимала и не вникала в теоретическую суть их разногласий. Причин тому много, но главная в том, что общий культурно-образовательный уровень был весьма низок. Что касается крестьянства, то о его отношении к внутрипартийной борьбе может дать некоторое представление письмо одного крестьянина, адресованное верхам. В нем есть такие примечательные моменты:

«Крестьянин убежден, что всякая политическая борьба, борьба вверху, между вождями непременно отразится на нем, в конечном счете на его хозяйстве. А он желает только одного: чтобы оставили его в покое. Естественно, таким образом, что крестьянство протестует против того, что угрожает нарушением этого «спокойствия». Вот почему крестьянство с чувством удовлетворения узнает об исключении оппозиции из партии, полагая, что этим устраняется угроза его покою. Кроме того, у крестьянства с именами

⁹⁹ XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. С. 1266–1267.

вождей оппозиции, с именами Троцкого и Зиновьева, которые известны крестьянскому населению более, чем кто бы то ни было из вождей, связаны тяжелые воспоминания о периоде «военного коммунизма», как о чем-то кошмарном, что и является прежде всего причиной неприязненного отношения крестьянства к оппозиции, вождями которой являются Троцкий и Зиновьев, имена, которые оно не может переваривать. Вот почему крестьянство одобрительно относится к факту исключения оппозиции из партии»⁶⁰.

Можно, конечно, привести и ряд откликов противоположного толка. Однако надо сказать, что приведенное выше являлось наиболее типичным и отражало господствовавшие в стране настроения.

Резюмируя, хочу привести оценку одного из наиболее авторитетных западных специалистов по истории внутрипартийной борьбы в советской России Р. Дэниэльса. Хотя и с рядом констатаций, содержащихся в этой оценке, можно и поспорить, но все же рациональное зерно в ней содержится. Его оценка такова: «С окончанием 15 съезда партии история оппозиции как активной политической силы завершилась. Поддержка среди рядовых членов партии быстро испарилась из-за отречений участников оппозиции и исключений их из партии. Тщетные протесты и бесплодные интриги — вот и все, что осталось у левых оппозиционеров, пока ссылки, судебные процессы и казни не положили конец их трагической истории. Крушение левой оппозиции знаменовало собой конец двойственного характера российского коммунизма. Левое течение мысли было ликвидировано, поскольку восторжествовал ленинизм, не допускающий никаких сомнений. Ориентированное на Запад, интеллектуальное, идеалистическое, связанное с русским радикальным марксизмом движение, окончательно уступило дорогу полному господству движения, имеющему внутренние корни, практическому и ориентированному на обладание властью, начало которому положил Ленин. Средства достижения революции в конце концов сами по себе стали ее целями»⁶¹.

Мне бы хотелось особо оттенить мысль о том, что поражение оппозиции действительно знаменовало собой отказ Сталина от химеры мировой революции, фактическое торжество курса на созидание сильного, способного выстоять в суровых мировых бурях российского государства, сплотившего вокруг себя союзные русскому народу периферийные республики. Такой курс отвечал глубоким национально-государственным интересам Советского Союза. Излишне подчеркивать, что без решительного разгрома объединенной оппозиции проводить в жизнь такой курс было просто невозможно. Надо было выбирать: двигаться дальше или маршрутами мировой революции, перспективы которой были более чем туманны, или путем созидания мощного советского государства. Третьего дано не было. И выбор напрашивался сам собой. Тем более этот выбор вытекал из всего духа сталинской политической философии.

И в качестве заключительного аккорда данного раздела отмечу один момент. Сталин, чувствуя себя полным победителем, снова прибег к своему излюбленному приему: на первом пленуме ЦК после окончания съезда он снова внес предложение о своей отставке. Состав Политбюро (9 членов, из них 6 поддерживали генсека) не оставлял сомнений в том, что его отставка будет отвергнута. Я приведу наиболее существенные места из стенограммы, хорошо передающей атмосферу, в которой проходило обсуждение данного вопроса.

⁶⁰ Полос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918 – 1932 гг. М. 1998. С. 201.

⁶¹ Robert Vincent Daniels. The conscience of the revolution. Communist opposition in Soviet Russia. p. 320.

Сталин. Товарищи! Уже три года прошу ЦК освободить меня от обязанностей Генерального секретаря ЦК. Пленум каждый раз мне отказывает. Я допускаю, что до последнего времени были условия, ставящие партию в необходимость иметь меня на этом посту, как человека более или менее крутого, представляющего известное противоядие против опасностей со стороны оппозиции. Я допускаю, что была необходимость, несмотря на известное письмо т. Ленина, держать меня на посту Генсека. Но теперь эти условия отпали. Отпали, так как оппозиция теперь разбита. Никогда, кажется, оппозиция не терпела такого поражения, ибо она не только разбита, но и исключена из партии. Стало быть, теперь нет налицо тех оснований, которые можно было бы считать правильными, когда Пленум отказывался уважить мою просьбу и освободить меня от обязанностей Генсека. А между тем у вас имеется указание т. Ленина, с которым мы не можем не считаться и которое нужно, по-моему, провести в жизнь. Я допускаю, что партия была вынуждена обходить это указание до последнего времени, была вынуждена к этому известными условиями внутривнутрипартийного развития. Но я повторяю, что эти особые условия отпали теперь и пора, по-моему, принять к руководству указания т. Ленина. Поэтому прошу Пленум освободить меня от поста Генерального секретаря ЦК. Уверяю вас, товарищи, что партия только выиграет от этого»⁶².

Председательствовавший на заседании Рыков поставил вопрос на голосование — в итоге просьба Сталина была отклонена при одном против. Против себя голосовал сам Сталин. И это, если уместно воспользоваться таким выражением, — один из немногих примеров его полного «политического одиночества». Выглядело все это немного парадоксально и даже в чем-то комично.

Сталин, как говорится, завелся и поставил вопрос об упразднении поста Генерального секретаря вообще. Вот его мотивировка: «Тогда я вношу другое предложение. Может быть, ЦК сочтет целесообразным институт Генсека уничтожить. В истории нашей партии были времена, когда у нас такого поста не было.

Ворошилов. Был Ленин тогда у нас.

Сталин. До X съезда у нас института Генсека не было.

Голос. До XI съезда.

Сталин. Да, кажется, до XI съезда у нас не было этого института. Это было еще до отхода Ленина от работы. Если Ленин пришел к необходимости выдвинуть вопрос об учреждении института Генсека, то я полагаю, что он руководствовался теми особыми условиями, которые у нас появились после X-го съезда, когда внутри партии создалась более или менее сильная и хорошо организованная оппозиция. Но теперь этих условий нет уже в партии, ибо оппозиция разбита наголову. Поэтому можно было бы пойти на отмену этого института. Многие связывают с институтом Генсека представление о каких-то особых правах Генсека. Я должен сказать по опыту своей работы, а товарищи это подтвердят, что никаких особых прав, чем-либо отличающихся от прав других членов Секретариата, у Генсека нет и не должно быть.

Голос. А обязанности?

Сталин. И обязанностей больше чем у других членов Секретариата нет. Я так полагаю: есть Политбюро — высший орган ЦК; есть Секретариат — исполнительный орган,

⁶² "Родина". 1994 г. № 1. С. 68.

состоящий из 5-ти человек, и все они, эти пять членов Секретариата, равны. Практически так и велась работа, и никаких особых прав или особых обязанностей у Генсека не было. Не бывало случая, чтобы Генсек делал какие-нибудь распоряжения единолично, без санкции Секретариата. Выходит, таким образом, что института Генсека, в смысле особых прав, у нас не было на деле, была лишь коллегия, называемая Секретариатом ЦК. Я не знаю, для чего еще нужно сохранять этот мертвый институт. Я уже не говорю о том, что этот институт, название Генсека, вызывает на местах ряд извращений. В то время как наверху никаких особых прав и никаких особых обязанностей на деле не связано с институтом Генсека, на местах получились некоторые извращения, и во всех областях идет теперь драчка из-за этого института между товарищами, называемыми секретарями, например, в национальных ЦК. Генсеков теперь развелось довольно много и с этим теперь связываются на местах особые права. Зачем это нужно? ... Я думаю, что партия выиграла бы, упразднив пост Генсека, а мне дало бы это возможность освободиться от этого поста. Это тем легче сделать, что в уставе партии не предусмотрен пост Генсека»⁶³.

Но вся эта, в целом логичная и достаточно убедительно мотивированная просьба, не нашла позитивного отклика. (А на это, собственно, и рассчитывал Сталин).

Общую точку зрения выразил Председатель Совнаркома А. И. Рыков:

«Рыков. Я предлагаю не давать возможности т. Сталину освободиться от этого поста. Что касается генсеков в областях и местных органах, то это нужно изменить, не меняя положения в ЦК. Институт Генерального секретаря был создан по предложению Владимира Ильича. За все истекшее время, как при жизни Владимира Ильича, так и после него (и в организационном и в политическом отношении...) (это было) оправдал себя политически и целиком и в организационном и в политическом отношении. В создании этого органа и в назначении Генсеком т. Сталина принимала участие и вся оппозиция, все те, кого мы сейчас исключили из партии; настолько это было совершенно несомненно для всех в партии: (нужен ли институт генсека и кто должен быть Генеральным секретарем). Этим самым исчерпан, по-моему, целиком и полностью и вопрос о завещании, (ибо этот пункт решен) исчерпан оппозицией в то (же) время так же, как он был решен и нами. Это же вся партия знает. Что теперь изменилось после XV съезда и почему (это нужно) отменить институт генсека?

Сталин. Разбита оппозиция.

Рыков. Ну да, оппозицию разбили благодаря хорошей работе партии, благодаря хорошей работе Центрального Комитета.

Галос. Правильно!

Рыков. Нужно ли эту работу портить после всех тех успехов, которых мы достигли к XV съезду? И нужно ли (особенно) ее портить (тем) (этим) этак, (чтобы за это упрекали), чтобы в (этом) нашем решении видели какую-то уступку совершенно уничтоженной оппозиции, которая никогда никак не вытекает— (и которая может быть истолкована так. По-моему.) Раз (практика при Ленине и после Ленина) и сам институт генсека (и тот, кто должен быть секретарем) и работа т. Сталина в качестве Генсека оправдана всей жизнью нашей организационной и политической как при Ленине, так и после смерти т. Ленина. Оправдана на все 100%. Никаких аргументов за то, чтобы изменить это положение (это) теперь, по-моему, нет.

⁶³ "Родина". 1994 г. № 1. С. 68.

Тов. Сталин прав в одном, что (у нас) работа в Секретариате, в Политбюро и Оргбюро (и везде) была совершенно коллегиальной и все делалось за коллективной ответственностью всех. Это, несомненно, верно, но все-таки ведь ответственность тов. Сталина за Секретариат несколько большая, чем остальных членов Секретариата — это совершенно ясно, и эта ответственность должна сохраниться за ним и дальше... Я предлагаю отвергнуть предложение т. Сталина...

Рыков. Голосуете. Кто за предложение т. Сталина: уничтожить институт Генерального секретаря? Кто против этого? Кто воздерживается? Нет.

Сталин. Товарищи, я при первом голосовании насчет освобождения меня от обязанностей Секретаря не голосовал, забыл голосовать. Прошу считать мой голос против.

Голос с места. Это не много значит»⁶⁴.

Я привел весь этот сюжет потому, что он лучше всяких авторских рассуждений и комментариев характеризует как обстановку того времени, так и основную аргументацию, приводившуюся в пользу оставления Сталина на посту генсека. Конечно, все демарши с отставкой у Сталина носили не просто оттенок политической игры, но и по сути являлись таковой. Вместе с тем, надо подчеркнуть, что с точки зрения противостояния с оппозицией вопрос об оставлении Сталина на его посту носил не столько чисто личный характер, нес на себе не только груз борьбы за власть, но и касался непосредственно проведения генерального курса и стратегии партии в тот период. А сила Сталина как раз и состояла в том, что ему удалось связать воедино свое имя с проводимым курсом. Сталин, подавая прошения об отставке, не играл с огнем. Он заранее знал о том, что его заявления обречены на провал. Кстати сказать, эту мысль буквально через год-другой выскажет сам Рыков.

Бурные, наполненные ожесточенными внутрипартийными схватками, четыре года (начиная с 1924 по 1927 год включительно) — один из важных, можно сказать рубежных, этапов в политической биографии Сталина. Полагаю, что читатель и сам на основе изложенного материала и анализа, данного мною, согласится с таким выводом. Можно было бы привести немало высказываний и оценок данного периода принадлежащих перу западных исследователей биографии Сталина, согласующихся с высказанной мной точкой зрения. Я приведу лишь одно — высказанное А. Уламом. Он писал: «1927 год был для Сталина концом и началом. Как политик он довел свою роль до конца, консолидировал свою власть. С конца этого года он окончательно избавился от оппозиции, которая сковывала его первые шаги с тех пор, как он подхватил ленинскую мантию; эта партийная «знать», как он называл ее, была выброшена за борт. В будущем борьба и чистки понадобятся ему не для защиты своего главенства и своей диктатуры — это было достигнуто к концу 1927 года, — но для утверждения его в новой роли тирана-демиурга, заставляющего всю Россию повиноваться своей воле»⁶⁵.

Разумеется, право каждого — соглашаться или не соглашаться с оценкой, сделанной одним из наиболее серьезных западных биографов Сталина. Но отрицать рациональное зерно, содержащееся в этой оценке, по меньшей мере, — трудно.

Подводя некоторый итог, можно с достаточной долей обоснованности сделать некоторые выводы. И они, эти выводы, предельно просты: Сталин за короткий отрезок

⁶⁴ "Родина" 1994 г. № 1. С. 68–69.

⁶⁵ Adam B. Ulam. Stalin. The man and his era. p. 273.

времени, прошедший со дня смерти Ленина, сумел создать прочный фундамент для упрочения своей власти в высшем эшелоне партии, да и в самой партии. Его противники из оппозиции отнюдь не являли собой неких политических идеалистов, они имели за своими плечами богатый опыт внутрипартийной борьбы и их не в меньшей мере, чем самого Сталина, занимал вопрос о власти. Они боролись со Сталиным не столько за свои идеи, сколько за рычаги верховной власти. В этом свете довольно поверхностными и лишенными реальной основы выглядят попытки многих биографов Сталина представить Троцкого, Зиновьева, Каменева и других представителей оппозиции чуть ли не жертвами коварства «азиата Сталина», которому были чужды или вовсе неизвестны элементарные понятия морали и чести. Дело здесь не в этом. Политическая борьба имеет свою логику, где доминируют политические соображения. И оппозиционеры проиграли прежде всего на политическом поле. Сталин оказался сильнее их не столько в силу своего поста генсека, сколько в силу того, что он стал выразителем курса развития страны, который отвечал ее коренным национальным интересам. И лишь во вторую очередь своей победой он обязан тому, что сумел использовать свой пост Генерального секретаря для организационного подкрепления своих политических позиций.

И, конечно, отнюдь не второстепенное значение имели факторы личного свойства. В отличие от лидеров оппозиции Сталин в тот период вел себя скромно, старался не играть роль вождя. И в этом плане он разительно выделялся на фоне таких амбициозных фигур, как Троцкий и Зиновьев. Личное поведение генсека помогало привлекать на его сторону рядовых членов ЦК, завоевывать популярность среди партийных масс. В качестве одного из доказательств этого сошлюсь на А. Микояна — активного участника событий тех лет и многолетнего соратника Сталина. В своих мемуарах А. Микоян писал: «Сталин держал себя на посту генсека скромно. Я бы сказал, чрезвычайно скромно, подчеркнуто скромно. Даже иногда держал себя так, как будто он и не генсек, а один из секретарей ЦК. И до этого, кажется, ни разу даже не подписывался как генсек, а подписывался просто как секретарь ЦК.

На заседаниях Политбюро он никогда не председательствовал. Не без его влияния и участия был сохранен порядок до Великой Отечественной войны, по которому председательствование осуществлялось одним из членов Политбюро (сперва Каменевым, потом Рыковым, а затем Молотовым), хотя повестку подготавливал Генеральный секретарь Сталин. На заседаниях он вел себя скромно, первым не высказывался. Как правило, прислушивался к мнению других. Потом выражал согласие или особое мнение, что создавало очень хорошую, товарищескую атмосферу для выражения своих мнений товарищами, поскольку Сталин, не высказываясь первым, не связывал людей своим мнением»⁶⁶.

Мне кажется, что свидетельство Микояна, хотя оно и не содержит в себе политической оценки причин победы Сталина над оппозицией, помогает понять, так сказать, морально-психологические факторы, способствовавшие самой победе. В конечном счете личные качества любой крупной политической фигуры так или иначе, но неизбежно входят в положительный или отрицательный ресурс этой фигуры, и в немалой степени определяют его судьбу.

⁶⁶ Анастас Микоян. Так было. Размышления о минувшем. М. 1999. С. 367.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТАЛИНА

1. Внешнеполитическая концепция Сталина: начальный этап формирования

Внимание, которое уделяется вопросам внутрипартийной борьбы, читателю может показаться явным перекосом в освещении всей политической деятельности Сталина. У кого-то возникнет мысль: неужели его деятельность вращалась главным образом и прежде всего вокруг чисто внутрипартийных проблем? На этот невольный возникший вопрос надо дать определенный и четкий ответ: да, рассматриваемый период отличается именно тем, что данные вопросы стояли в эпицентре его внимания, как и вообще в эпицентре всей общественно-политической жизни партии и страны. Поэтому мне кажется оправданным акцент на этой стороне его деятельности. Не выиграв борьбы с троцкистской оппозицией, Сталин не стал бы Сталиным, а затерялся бы среди других деятелей второго исторического плана. Победа над оппозицией как бы открывала ему в дальнейшем путь к тому месту в истории, которое он и занял. Так что чрезмерный интерес к аспектам внутрипартийной борьбы только лишь на поверхностный взгляд может показаться таковым.

Сказанное отнюдь не означает, что другие стороны его политической деятельности должны остаться на втором плане. Это было бы в корне неправильно, поскольку в конечном счете в историю Сталин вошел отнюдь не благодаря своим победам во внутрипартийных баталиях. При подходе к освещению его деятельности не должны остаться вне поля зрения другие ее аспекты. Здесь я имею в виду прежде всего деятельность в области международных отношений и внешней политики. Посвящая главу этому аспекту, я хочу не столько дать подробный и систематический обзор его дел в сфере международной политики вообще и внешней политики Советского Союза в особенности в рассматриваемый исторический отрезок времени. Есть все резоны, чтобы в самом обобщенном виде рассмотреть начальный этап процесса формирования внешнеполитической концепции Сталина. Разумеется, речь не идет и не может идти о рассмотрении целостной внешнеполитической концепции, которая формировалась и развивалась на протяжении целых десятилетий. В конечном счете она нашла свое выражение и отражение в сумме фундаментальных внешнеполитических принципов и положений, характеризующих сталинскую внешнюю политику в целом. Но все это было итогом длительного процесса. Здесь же я сосредоточу внимание на начальном этапе

формирования внешнеполитических воззрений Сталина, на особенностях его подхода к международным проблемам того исторического периода. На мой взгляд, именно после смерти Ленина на протяжении пяти-шести лет протекал начальный этап становления Сталина как политика мирового масштаба. Не следует считать это преувеличением, поскольку я имею в виду прежде всего не масштаб и характер внешнеполитических шагов Сталина в этот период, а главным образом становление его принципиальных взглядов на мировую политику вообще и внешнюю политику СССР в первую очередь. Центр тяжести лежит в том, как Сталин начал формироваться как государственный деятель с широким и перспективным мышлением, как он сумел сформулировать и обосновать главные внешнеполитические ориентиры страны. Иными словами, как Сталин из просто партийного деятеля превратился в геополитика, мыслящего большими категориями, способного улавливать ведущие тенденции международного развития и в соответствии с этим намечать курс нашей страны на мировой арене.

Следует сделать еще одно замечание. Рассматриваемая сторона деятельности Сталина пока еще не получила глубокого освещения. Здесь я вполне разделяю точку зрения В. М. Александрова, который писал: «...именно внешнеполитический аспект является ключом к пониманию и объяснению всей системы политических взглядов Сталина... К сожалению, автору так и не удалось обнаружить ни одной специальной работы, посвященной сталинской внешнеполитической доктрине. В исследованиях биографического характера внешнеполитическая проблематика освещается лишь фрагментарно и сводится, главным образом, к перечислению общеизвестных фактов и событий. Попытки проанализировать теоретические взгляды Сталина на внешнюю политику не предпринимаются. В работах по советской внешней политике сталинского периода отсутствует анализ личного вклада Сталина в ее разработку, формирование и осуществление. Советская внешняя политика рассматривается как некая обезличенная постоянная величина на всем протяжении существования Советского Союза как государства. В итоге вопрос о том, в чем состояло существо внешнеполитической доктрины Сталина и была ли у него такая доктрина вообще, пока остается без ответа»¹.

Соглашаясь с А. Александровым по существу, я полагаю, что правильнее вести речь не о внешнеполитической доктрине Сталина как таковой. Само понятие доктрина в современном обиходе в приложении к внешней политике и международным отношениям приобрело (правомерно или нет — это другой вопрос) довольно конкретный и несколько зауженный смысл. Обычно под доктриной понимают позицию, выраженную по какому-то или каким-то принципиальным вопросам, но не как всеобщую систему взглядов. К примеру, бытуют такие понятия, как «доктрина Монро», «доктрина Трумэна» и т. д. Применительно к системе внешнеполитических взглядов Сталина более точным и правильным, на мой взгляд, использовать термин концепция. Сумма основополагающих принципов и положений, которые связывают с именем Сталина в сфере международных отношений и внешней политики, наиболее полно можно выразить именно термином концепция. Так что в данном разделе речь и будет идти о **становлении** внешнеполитической концепции Сталина.

Если в самом общем виде определять фундаментальные истоки этой концепции, то следует, очевидно, выделить следующие принципиальные положения. Сталин был

¹ В. М. Александров. Внешнеполитическая доктрина Сталина. С. 5.

марксистом и, следовательно, стоял на почве признания классовой борьбы как оси всего общественного, в том числе и международного развития. Согласно его воззрениям именно классовый характер нового строя в Советской России с логической закономерностью предопределяет неизбежность противостояния ее в отношениях с ведущими капиталистическими державами. Противоречия между СССР и капиталистическим миром носят глубокий и непримиримый характер. Отсюда вытекал и тезис о неизбежности, рано или поздно, открытого военного противоборства между ними. Ход событий в дальнейшем подтвердил правоту и обоснованность такого перспективного анализа.

Тем, кто безапелляционно утверждал, что Сталин никогда не был способен на серьезные теоретические изыскания, что он показал себя прежде всего как практик-прагматик, можно возразить не словами, а фактами. Например, уже в 1927 году он сделал вывод о неизбежности новой империалистической войны. Могут возразить, что здесь и не пахнет никакой теорией, что постулат о неизбежности войн в эпоху империализма сделал еще Ленин. Частично это так. Но новация Сталина состоит в том, что он органически увязал новые тенденции в развитии капитализма с ленинской теорией о неизбежности войн в эпоху империализма. Сталин обосновал тезис, в соответствии с которым «кризис капитализма и подготовка его гибели растут из стабилизации. Разве это не факт, что капитализм за последнее время усовершенствовал и рационализировал свою технику, создавая огромные массы товаров, которых нет возможности реализовать? Разве это не факт, что капиталистические правительства всё более фашизируются, наступая на рабочий класс и укрепляя временно свои позиции? Следует ли из этих фактов, что стабилизация стала прочной? Конечно, нет! Наоборот, именно эти факты ведут к обострению того кризиса мирового капитализма, который является несравненно более глубоким, чем кризис перед последней империалистической войной»².

Касаясь основ внешнеполитической концепции Сталина, необходимо подчеркнуть, что констатировать постулат о неизбежности столкновения между Советской Россией и империалистическими державами и поставить на этом точку — значит серьезно упростить и схематизировать принципиальную позицию Сталина. Он исходил не только из неизбежности финального столкновения Советского Союза с наиболее агрессивными силами империалистического лагеря. Вторым важным компонентом сталинской внешнеполитической концепции выступало ленинское учение об межимпериалистических противоречиях, коренящихся в самой природе империализма. Сталин рассматривал эти противоречия в качестве одного из важнейших ресурсов в успешном проведении советской внешней политики. Конечно, читатель вправе сказать, что использование противоречий между реальными и потенциальными противниками так же старо, как и сам мир. Это, действительно, так. Но сюда Сталин внес много нового, фактически возведя лавирование и использование противоречий между западными державами в одну из фундаментальных опор советской внешней политики. И, надо сказать, что добился в этом блестящих результатов. Использование противоречий, а зачастую и их провоцирование и раздувание, было не просто тактической линией Сталина, а важной составляющей его стратегического курса в сфере международной политики.

Внешнеполитическая концепция Сталина базировалась, в частности, на таком тезисе, как обеспечение максимально возможной мирной передышки для того, чтобы поднять

² И. В. Сталин. Соч. Т. 10. С. 48.

страну на ноги, чтобы она могла если не на равных, то все же уверенным голосом говорить со своими западными контрагентами. В 1926 году Сталин подчеркивал: «Мы можем и должны строить социализм в СССР. Но чтобы строить социализм, надо прежде всего существовать. Надо, чтобы была «передышка» от войны, надо, чтобы не было попыток интервенции, надо, чтобы был завоёван некоторый минимум международных условий, необходимых для того, чтобы существовать и строить социализм»³. На реализацию этой задачи в тот период были мобилизованы все силы, причем генсек вполне ясно указывал на рост межимпериалистических противоречий как важнейший фактор обеспечения мирной передышки.

В числе других важных факторов, дававших возможность обеспечить мирные условия развития страны в середине 20—30-х годов, выступала и определенная заинтересованность капиталистических государств в развитии торгово-экономических отношений с Советским Союзом. Но не только чисто деловые, сугубо экономические мотивы служили возможной основой для развития сотрудничества и достижения соглашений между Советской Россией и капиталистическими державами. Сталин отмечал: «Мы ведём политику мира и мы готовы подписать с буржуазными государствами пакты о взаимном ненападении. Мы ведём политику мира и мы готовы идти на соглашение насчёт разоружения, вплоть до полного уничтожения постоянных армий, о чём мы заявляли перед всем миром еще на Генуэзской конференции. Вот вам почва для соглашения по дипломатической линии.

Пределы этих соглашений? Пределы ставятся противоположностью двух систем, между которыми идёт соревнование, борьба. В рамках, допустимых этими двумя системами, но только в этих рамках, соглашения вполне возможны. Об этом говорит опыт соглашений с Германией, с Италией, с Японией и т. д.»⁴.

Давая общую характеристику сталинской внешнеполитической концепции, особый акцент следует сделать на том, что генсек придавал первостепенное значение таким факторам, как твердость и выдержка в проведении своей линии, способность противостоять всем формам давления и нажима со стороны западных контрагентов. И это, в тот период, когда СССР был относительно слабым государством перед лицом Запада, имело огромное, порой даже решающее значение. Именно тогда в отношениях между СССР и консервативным правительством Англии наблюдался острейший кризис, выразившийся в разрыве дипломатических отношений. Надо признать, что советская пропаганда всячески раздувала проблему кризиса в отношениях с Великобританией. Аналогичным образом вела себя и британская сторона. В это же время произошло убийство советского посла в Польше Войкова и ряд других менее значимых инцидентов. В Москве все чаще говорили чуть ли о скорой неминувости войны. Во многом кампания по раздуванию военной опасности инспирировалась сознательно, чтобы сплотить общество перед лицом внешней угрозы. Но для ее развертывания существовали и некоторые реальные причины, и их нельзя было сбрасывать со счета.

Сталин в этих условиях счел необходимым сделать особый упор на сохранении выдержки, на том, чтобы не поддаваться на провокации. «Нас дразнят и будут дразнить провокаторы из враждебного лагеря, утверждая, что наша мирная политика объясняется

³ И. В. Сталин. Соч. Т. 9. С. 25.

⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. 10. С. 123.

нашей слабостью, слабостью нашей армии, — говорил он. — Это взрывает иногда кое-кого из наших товарищей, склонных поддаться провокации и требующих принятия «решительных» мер. Это слабость нервов. Это отсутствие выдержки. Мы не можем и не должны играть под дудку наших противников. Мы должны идти своей дорогой, отстаивая дело мира, демонстрируя свою волю к миру, разоблачая грабительские намерения наших врагов и выставляя их, как зачинщиков войны»⁵.

Короче говоря, дебют Сталина на внешнеполитической арене нельзя уподобить робким шагам новичка на незнакомом для него поле. Еще до того, как он превратился в фигуру первой величины на политическом небосклоне Советской России, Сталин как член Политбюро непосредственно соприкасался с внешнеполитическими проблемами и приобрел, бесспорно, немалый опыт. Однако именно с середины 20-х годов сфера внешней политики постепенно выдвигается на более видное место в его деятельности. Причем хочу еще раз оттенить одну мысль: он вступил на эту стезю не как ученик, а как человек, у которого в некоторых основных чертах уже сложилась собственная внешнеполитическая концепция. Вес Сталина в решении вопросов внешней политики дополнялся и его функциональными обязанностями в качестве Генерального секретаря: с середины 1920-х Сталин неизменно располагал полномочиями «неполитического» характера, включая руководство Секретариатом и секретным отделом ЦК, позволявшими контролировать внесение в повестку Политбюро подавляющего большинства вопросов международной политики Советского Союза и уже в силу этого влиять на их судьбу⁶. Словом, внешнеполитическая сфера с середины 20-х годов начала занимать одно из первых мест в его политической деятельности. Естественно, что это обстоятельство настоятельно диктовало необходимость для него не только хорошо разбираться в международной проблематике и конкретных вопросах практической внешней политики, но и иметь четкую и продуманную внешнеполитическую концепцию.

Другой принципиально важной, можно даже сказать самой главной чертой внешнеполитической стратегии Сталина, был радикальный пересмотр взглядов на мировую революцию и выработка стратегии превращения России в самодостаточную и мощную в военно-экономическом плане державу мира. Сталин имел как бы две ипостаси — облик последовательного революционера, стремившегося к ниспровержению капиталистического строя, и облик создателя подлинно великого государства на обломках царской империи. В нем эти две ипостаси не то, что гармонично уживались, но как бы сосуществовали, действуя на параллельных курсах. Если же выделить главную, доминирующую, то это, безусловно, было государственное начало. Именно оно в конечном счете предопределяло его подход ко всем международным проблемам, лежало в качестве краеугольного камня в основе всей его внешнеполитической стратегии.

У меня нет намерения искусственно противопоставлять Сталина Ленину. Но констатировать чрезвычайно важные отличия в их подходах к проблемам исторического предназначения страны необходимо в интересах истины и в целях более полного и более глубокого понимания сущности внешнеполитической концепции Сталина. Согласно воззрениям Ленина, на первом плане стоят интересы развития мировой революции.

И. В. Сталин. Соч. Т. 9. С. 328.

⁶ См. О. Е. Кен, А. И. Рубаев. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения с СССР с западными соседними государствами. Часть I. 1928 — 1934. С.-Петербург: 2000. С. 50.

Именно с этих позиций он дает следующую интерпретацию содержания пролетарского интернационализма: «... Пролетарский интернационализм требует, во-первых, подчинения интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе; во-вторых, требует способности и готовности со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала»⁷

Можно только строить предположения о мере и масштабах величайших национальных жертв, которые должна была принести Советская Россия на алтарь мировой революции. У Сталина же позиция прямо противоположная, хотя в открытую он не вступает в теоретический конфликт со своим учителем и на словах все еще повторяет риторику о мировой революции. Однако суть надо искать не в этой риторике, а в самой постановке вопроса о том, что, как говорится, первично, а что вторично. Вот его позиция, изложенная в августе 1927 года: «**Интернационалист** тот, кто безоговорочно, без колебаний, без условий готов защищать СССР потому, что СССР есть база мирового революционного движения, а защищать, двигать вперед это революционное движение невозможно, не защищая СССР. Ибо кто думает защищать мировое революционное движение помимо и против СССР, тот идет против революции, тот обязательно скатывается в лагерь врагов революции»⁸.

Вся сталинская эпоха, особенно после образования стран народной демократии и расширения мирового влияния СССР, была фактически окрашена в цвета интернационализма в сталинской интерпретации. Его формула стала оселком, на котором проверялась преданность делу социализма и коммунизма со стороны всех зарубежных коммунистов. Не говоря уже о руководителях союзных с СССР стран. Конечно, такое истолкование содержания интернационализма кое-кому представлялось проявлением национальной ограниченности или великодержавного шовинизма. Однако Сталина не пугали всякого рода ярлыки. Он главную свою задачу и как революционер, и как государственный видел во всемерном укреплении силы и могущества Советского Союза. Все другие соображения, какими бы важными они ни были, подчинялись именно этой задаче.

Возрастание удельного веса международных проблем в деятельности Сталина обусловлено было объективными причинами. Дело не сводилось только и главным образом к тому, что он стремился сам расширить поле своего влияния за счет включения международных вопросов в сферу своих непосредственных обязанностей. Сама логика международного развития в тот период выдвигала международные проблемы на первый план. Так называемая полоса признаний Советского Союза ведущими западными державами (за исключением США), имевшая место в середине 20-х годов, отнюдь не была равнозначна тому, что в корне изменилось отношение этих держав к СССР. Они не собирались отказываться и не отказались от проведения откровенной и целенаправленной антисоветской политики, хотя и изменили формы ее реализации.

В тот период ключевым элементом политики крупнейших западных держав стал курс на сколачивание антисоветского блока. В августе 1924 года на Лондонской конференции державы Антанты приняли «план Дауэса», который определял порядок выплаты Германией

В. И. Ленин. ПСС. Т. 41. С. 81–82.

⁸ И. В. Сталин. Соч. Т. 10. С. 61.

репараций и предусматривал предоставление ей крупных иностранных займов, главным образом американских. Помимо сугубо прагматических целей — подчинить экономику Германии, этот план имел отчетливо просматриваемую антисоветскую направленность. Восстанавливая экономический и военно-промышленный потенциал Германии, но не собираясь уступать ей своих рынков и сфер влияния, западные державы хотели направить экспансионистские устремления германского конкурента на Восток, против СССР.

Крупным шагом на пути сколачивания антисоветского фронта и вовлечения в него Германии были решения Локарнской конференции (октябрь 1925 г.). Итогом ее работы явилось заключение так называемого Рейнского пакта, который гарантировал неприкосновенность определенных Версальским договором границ Германии с Францией и Бельгией. Однако участники конференции отказались сделать то же самое в отношении границ Германии с Польшей и Чехословакией. Тем самым германским реваншистам как бы давалось понять, что свои экспансионистские планы они могут реализовать в восточных странах. При этом имелся в виду прежде всего Советский Союз.

Самыми активными инициаторами проведения антисоветского курса выступили английские консерваторы. В этот исторический отрезок в выступлениях Сталина постоянно присутствует проблематика англо-советских отношений, конфликта вокруг Англо-Советского акционерного общества (АРКОС), политики правящих кругов Лондона, направленной на обострение отношений между двумя странами. Словом, международное положение СССР в тот период было достаточно сложным. Но Москва, конечно, при самом активном, если не решающем влиянии генсека, предприняла целый ряд внешнеполитических акций, нацеленных на срыв попыток создания единого антисоветского блока.

Развернутую программу мер, направленных на укрепление мира, на оздоровление всей международной обстановки, Советский Союз подготовил к международной экономической конференции в Женеве в мае 1927 года. Эта программа предусматривала уничтожение системы протекторатов и мандатов и вывод войск империалистов из колоний; признание права всех народов на самоопределение; прекращение военной интервенции в Китае; отмену политического и экономического бойкота СССР; аннулирование всех военных долгов и предоставление Советскому Союзу кредитов; осуществление действительного и полного разоружения. Особое значение придавалось вопросу о признании равноправного сосуществования двух общественных систем. Противоположность этих двух систем, — подчеркивала Москва, — не исключает практических соглашений между СССР и буржуазными странами.

Под нажимом ведущих западных держав конференция отказалась обсуждать советские инициативы, отмечая их как чисто пропагандистские. Вместе с тем они были вынуждены признать в резолюции конференции факт существования социалистической системы хозяйства и заявить об отказе от нападков на нее. И хотя признание это было лишь словесным, не подкрепленным какими-либо практическими соглашениями, оно явилось крупным успехом внешней политики Москвы.

В середине двадцатых годов Кремль выступил инициатором заключения договоров с отдельными капиталистическими государствами о ненападении и нейтралитете. Такие договоры приобретали особо важное значение в условиях, когда Англия, Франция и некоторые другие государства стремились вовлечь соседние с СССР страны в

антисоветский блок. В 1926 году успешно завершились советско-германские переговоры. В результате между обеими странами был подписан договор о нейтралитете, в котором подчеркивалось, что основой взаимоотношений между СССР и Германией остается рапальский курс. Вскоре было достигнуто соглашение о предоставлении Германией СССР кредита в 300 миллионов марок для финансирования советских заказов. Это был самый большой кредит, когда-либо предоставлявшийся Советскому Союзу иностранным государством.

Заключенный договор имел важное значение для сохранения мира в Европе. С его помощью удалось в известной степени лишить Локарнские соглашения их антисоветского содержания, парализовать попытки толкнуть Германию на путь активной антисоветской борьбы. На женевском совещании министров иностранных дел Англии, Франции, Германии, Японии, Италии и Бельгии в 1927 году министр иностранных дел Германии Густав Штресеман не поддержал идею Чемберлена о «крестовом походе» против СССР.

Проводя курс на срыв планов создания антисоветского фронта, СССР стремился не только нормализовать, но и углубить свои отношения с соседними государствами. Был заключен договор между СССР и Литвой о дружбе и нейтралитете, предпринимались попытки улучшить отношения с Польшей, но они наталкивались на противодействие воинственно настроенных кругов в Варшаве.

С более весомыми результатами завершились наши усилия расширить и углубить отношения дружбы и добрососедства с восточными соседями. В 1925 году был заключен договор о дружбе и нейтралитете между СССР и Турцией, в 1926 году — договор о гарантии и нейтралитете и взаимном ненападении с Афганистаном, в 1927 году — договор о нейтралитете с Персией.

В конце 20-х годов во многом благодаря воздействию внешней политики Советской России в международных отношениях обозначилась, хотя и в общих декларативных формах, тенденция к поиску путей укрепления стабильности в мире. Отражением этой тенденции явился пакт Бриана — Келлога. Еще в апреле 1927 года министр иностранных дел Франции Бриан предложил США заключить договор о «вечной дружбе». Таким путем Франция рассчитывала обеспечить себе поддержку американского правительства в борьбе со своими противниками и конкурентами. В ответ государственный секретарь США Келлог выступил с инициативой заключить не франко-американский пакт, а многосторонний договор. Соединенные Штаты надеялись занять главенствующее положение в этом договорном объединении и тем самым усилить свое влияние в Европе и во всем мире.

В августе 1928 г. в Париже представителями США, Франции, Великобритании, Германии, Италии и других стран (всего 15 государств) был подписан пакт Бриана — Келлога, в котором констатировалось, что его участники «отказываются в своих взаимоотношениях от войны в качестве орудия национальной политики», а возникающие между ними разногласия и конфликты должны разрешать «только мирными средствами»⁹ Советский Союз в соответствующих дипломатических документах констатировал отсутствие в пакте обязательств по разоружению, являющихся важнейшим элементом гарантии мира, неопределенность самой формулировки о запрещении войны и наличие ряда оговорок, могущих служить оправданием войны и «имеющих своей целью заранее устранить даже

⁹ История дипломатии. Т. III. М. 1965. С. 521.

подобие обязательств по отношению к делу мира»¹⁰. Вместе с тем, стремясь ослабить попытки изолировать нашу страну на международной арене, советское руководство заявило о готовности нашей страны присоединиться к пакту. По инициативе Москвы представителями СССР, Эстонии, Латвии, Польши и Румынии был подписан протокол о досрочном введении в действие пакта Бриана — Келлога. В том же году его подписали Турция, Иран и Литва, а затем и остальные участники пакта. Все это в целом способствовало росту международного престижа Советского Союза.

Можно заключить, что, если не по инициативе, то при самом активном участии Сталина был реализован целый комплекс мер, призванных укрепить международные позиции страны и нейтрализовать интервенционистские устремления держав Антанты. О том, что внешнеполитическая проблематика стала занимать в деятельности Сталина весьма заметное место, можно убедиться, знакомясь с томами его сочинений, охватывающими данный исторический период. Большой удельный вес заняла международная проблематика и в его политическом докладе на XV съезде партии. В нем были основательно рассмотрены вопросы общего мирового положения и сделаны попытки дать теоретический анализ этих проблем с вполне четко обозначившейся претензией на роль нового теоретика в международных вопросах. Нужно сказать, что международная часть доклада генсека была построена четко и осветила ключевые аспекты поставленной проблемы. Полагаю, что нет резона останавливаться на этом подробно, ибо все эти вопросы уже стали давно забытой страницей истории. Однако на некоторых моментах следует все-таки остановиться, имея в виду то, что они легли в основу долгосрочных и принципиальных установок Сталина в отношении международной проблематики. Следует учитывать, что эти вопросы были для него в такой постановке в каком-то смысле новыми, поскольку в них излагалась и формулировалась не просто его личная точка зрения или позиция, а общепартийная платформа и общегосударственное видение проблем под углом зрения прежде всего национальных интересов Советского Союза.

В центр внимания Сталин поставил вопрос о кризисе капитализма, внеся в трактовку этой весьма актуальной тогда проблемы определенные новации. В частности, он впервые сформулировал положение об общем кризисе капитализма как имманентной черте всего мирового развития капиталистических стран. Правда, сделано это было пока в самой общей форме. В дальнейшем на протяжении всей истории государственной и политической деятельности генсека тезис об общем кризисе капитализма выступал в качестве главного постулата при анализе мировой обстановки, и на этой базе делались соответствующие не только теоретические, но и практические выводы. Собственно, данный постулат служил своего рода теоретическим фундаментом сталинского курса в международных делах.

Сталин говорил, что **«общий и основной кризис капитализма, наметившийся в результате победы Октябрьской революции и отпадения СССР от мировой капиталистической системы, не только не изжит, а, наоборот, всё более и более углубляется, расшатывая самые основы существования мирового капитализма»**¹¹. Весьма нетривиальным и даже, на первый взгляд, парадоксальным выглядит и сформулированный Сталиным тезис о том, что из стабилизации капитализма (а именно этим термином определялась в то время главная особенность развития капиталистического мира)

¹⁰ Документы внешней политики СССР. Т. XI. М. 1966. С. 497–498.

¹¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 10. С. 285.

вырастает неизбежность новых империалистических войн¹². Казалось бы, сам процесс стабилизации в силу своей природы должен был смягчать внутренние противоречия капитализма, а генсек, опираясь на своеобразную большевистскую диалектику, доказывал прямо противоположное. Если оценивать этот вывод Сталина с точки зрения исторической ретроспективы, то нужно признать, что в долгосрочном плане его прогноз оказался верным и был подтвержден развитием мировых событий. Причем надо заметить, что в тот период, когда еще не минуло и десяти лет со времени окончания первой мировой войны, всерьез о неизбежности новой мировой войны не говорил ни один из государственных деятелей сопоставимого со Сталиным масштаба.

И отнюдь не случайным моментом является то, что на XV съезде одним из главных тезисов, касающихся международной обстановки, был тезис о нарастании военной опасности. **«Усиление интервенционистских тенденций в лагере империалистов и угроза войны (в отношении СССР) есть один из основных факторов нынешнего положения»**¹³. Об этой угрозе генсек начал говорить после разрыва Великобританией дипломатических отношений с Москвой и ряда других негативных для Советской России акций со стороны не только стран Запада, но и сопредельных с нею государств (Польша). В заметках на современные темы он более чем определенно утверждал: «Едва ли можно сомневаться, что основным вопросом современности является вопрос об угрозе новой империалистической войны. Речь идёт не о какой-то неопределённой и бесплотной «опасности» новой войны. Речь идёт о реальной и действительной **угрозе** новой войны вообще, войны против СССР — в особенности»¹⁴.

Исходя из этого тезиса, Сталин сделал прогноз дальнейшего развития отношений с капиталистическими странами, который оказался несостоятельным, продиктованным не глубоким анализом главных тенденций международного развития, а скорее требованиями конъюнктуры. По его мысли, «если года два назад можно было и нужно было говорить о периоде некоторого равновесия и «мирного сожительства» между СССР и капиталистическими странами, то теперь мы имеем все основания утверждать, что **период «мирного сожительства» отходит в прошлое**, уступая место периоду империалистических наскоков и подготовки интервенции против СССР»¹⁵.

Реальное развитие международной обстановки опрокинуло данный прогноз Сталина. Это говорит о том, что по части краткосрочного и среднесрочного прогнозирования в его арсенале были серьезные изъяны. Если в стратегических вопросах внешней политики он, как правило, отличался умением верно уловить ведущие тенденции и перспективы развития, то в части краткосрочных и среднесрочных прогнозов оказывался нередко несостоятельным. В дальнейшем, при рассмотрении кардинальных вопросов внешней политики в межвоенный период, и особенно в конце 30-х — начале 40-х годов, мы сможем на основе конкретных фактов убедиться в определенной обоснованности этого моего вывода.

Принципиально важное значение имело отстаивание Сталиным (пока что в самом общем, декларативном виде) концепции мирного сосуществования. Концепции, которая в послесталинском Советском Союзе стала едва ли не главным внешнеполитическим

¹² См. *И. В. Сталин*. Соч. Т. 10. С. 281.

И. В. Сталин. Соч. Т. 10. С. 286–287.

¹⁴ *И. В. Сталин*. Соч. Т. 9. С. 322.

¹⁵ *И. В. Сталин*. Соч. Т. 10. С. 288.

принципом СССР. Сталин подчеркивал: «Основа наших отношений с капиталистическими странами состоит в допущении сосуществования двух противоположных систем. Практика вполне оправдала её. Камнем преткновения является иногда вопрос о долгах и кредитах. Наша политика тут ясна»¹⁶. В подходе Сталина к проблеме мирного сосуществования следует отметить два принципиальных момента. С одной стороны, он прекрасно понимал, что слабый в то время Советский Союз не в состоянии на равных соперничать с западными державами, поэтому нашей стране, собственно, не оставалось иного выбора, кроме как выдвигать и отстаивать данный принцип. Иными словами, сосуществование выглядело не как проявление доброй воли и стремления к сотрудничеству, а как вынужденное, продиктованное требованиями объективной реальности, явление. Это ограничивало содержание самого принципа мирного сосуществования, делало его узким, лишало его универсальности. В политической философии Сталина всегда доминировали элементы борьбы и противоборства, и принцип мирного сосуществования не являлся здесь исключением.

Кое-кто скажет, что подобное толкование отношения Сталина к принципу мирного сосуществования является произвольным, не вытекающим из всей системы его внешнеполитических воззрений. Возможно, некоторые элементы вольного истолкования позиции Сталина действительно присутствуют в такой оценке, но в целом мне все же представляется правомерной мысль о том, что в арсенале его внешнеполитических постулатов мирному сосуществованию придавалось отнюдь не первостепенное значение. По меньшей мере не такое, которого оно заслуживало.

Вторым важным элементом сталинского подхода к мирному сосуществованию было то, что он органически увязывал его с необходимостью продолжения классовой борьбы на мировой арене. В таком виде мирное сосуществование выступало как специфическая форма этой классовой борьбы во всемирном масштабе. Здесь явно были налицо две как бы взаимоисключающие посылки: с одной стороны заверения в стремлении к мирному сожительству; с другой стороны — неизменное подчеркивание такого компонента как классовая борьба в мировом масштабе. Эта двойственность давала о себе знать на всем протяжении деятельности Сталина в качестве верховного руководителя Советского государства. Не исчезла она и после смерти Сталина, когда его преемники провозгласили мирное сосуществование основой советской внешней политики.

Но каковы бы ни были внутренние противоречия в целостной сталинской внешнеполитической концепции, они не лишали внешнюю политику необходимых ориентиров и на практике умело преодолевались. По крайней мере, они не сковывали активности и наступательного духа внешнеполитического курса Сталина как на начальном этапе, так и в последующем. Вообще говоря, любая внешнеполитическая концепция, какой бы строгой и продуманной она ни была, непременно содержит в себе внутренние противоречия. И это — не столько отражение противоречивости мышления ее автора, сколько выражение противоречивого характера и самой природы предмета, которому она посвящена. К тому же внешнеполитическую концепцию Сталина ни в коем случае нельзя рассматривать как некий свод заранее раз и навсегда сформулированных постулатов и догм, верных на все времена и во всех ситуациях. Его концепция складывалась на базе практики и эта практика постоянно вносила в нее коррективы, продиктованные

¹⁶ И. В. Сталин. Соч. Т. 10. С. 289.

реальными изменениями самой международной жизни и роли и места Советского государства в системе международных отношений. Иными словами, это была живая концепция, постоянно находившаяся в процессе эволюции, в процессе совершенствования.

М. С. Б.

В этом контексте нельзя обойти молчанием вопрос о том, что к выводу о примате национально-государственных интересов Советской страны над интересами всемирной революции, Сталин пришел не сразу. Более того, на определенном этапе он фактически разделял точку зрения, которую сам по прошествии нескольких лет подверг коренному пересмотру. Это явствует хотя бы из следующего его заявления, сделанного в июне 1925 года. Критикуя различного рода уклоны в мировом революционном движении, генсек к их числу отнес следующий. Я воспроизведу его слова, поскольку они лучше и полнее передают его мысль, чем мои комментарии: «...непонимание того элементарного требования интернационализма, в силу которого победа социализма в одной стране является не самоцелью, а средством для развития и поддержки революции в других странах.

Это есть путь национализма и перерождения, путь полной ликвидации интернациональной политики пролетариата, ибо люди, одержимые этой болезнью, рассматривают нашу страну не как частицу целого, называемого мировым революционным движением, а как начало и конец этого движения, считая, что интересам нашей страны должны быть принесены в жертву интересы всех других стран.

Поддержать освободительное движение Китая? А зачем? Не опасно ли будет? Не рассорит ли это нас с другими странами? Не лучше ли будет установить нам «сферы влияния» в Китае совместно с другими «передовыми» державами и оттянуть кое-что от Китая в свою пользу? Оно и полезно, и безопасно... Поддержать освободительное движение в Германии? Стоит ли рисковать? Не лучше ли согласиться с Антантой насчёт Версальского договора и кое-что выторговать себе в виде компенсации?... Сохранить дружбу с Персией, Турцией, Афганистаном? Стоит ли игра свеч? Не лучше ли восстановить «сферы влияния» кое с кем из великих держав? И т. д., и т. п.»¹⁷.

Приведенное высказывание ясно показывает: путь Сталина к осознанию примата интересов Советского государства над химерой мировой революции был не так прост и естественен, как может показаться на первый взгляд. Поэтому едва ли правы те, кто, стремясь защитить Сталина от явно тенденциозных и облыжных обвинений, фактически становятся на путь его бездумной апологетики, изображая его поборником укрепления российской государственности и мощи чуть ли не изначально. Нет, его внешнеполитические воззрения прошли известную фазу развития, прежде чем в них выкристаллизовалась и приняла четкие формы национально-государственная составляющая как доминирующая черта его внешнеполитической концепции.

Вместе с тем ни в коем случае нельзя считать систему внешнеполитических воззрений Сталина суммой конъюнктурных подходов. Ошибочно представлять дело так, будто эти его воззрения стали своеобразным плодом внутрипартийной борьбы, что он в полемике со своими противниками из лагеря оппозиции вынужден был во имя достижения победы корректировать свои позиции. Разумеется, логика противоборства с оппонентами наложила свою печать на процесс формирования взглядов Сталина в этой области. Но в целом система его внешнеполитических установок с самого начала базировалась на

¹⁷ И. В. Сталин. Соч. Т. 7. С. 168.

определенных принципах, оставшихся в своей основе неизменными на протяжении всего времени. В этом смысле ее нельзя уподобить набору прагматических мер, имевших сугубо утилитарный характер. Хотя в историографии сталинской политической деятельности зачастую акцент делается на том, что в основе его политики (в данном случае внешней) всегда доминирующее положение занимали элементы прагматизма. Разумеется, прагматизм был, и было бы противостоестественно, если бы его не было вообще. Но не он определял содержание и важнейшие качественные характеристики внешнеполитической концепции Сталина.

Критерием правильности и, по крайней мере практической состоятельности любой внешнеполитической концепции являются практические результаты внешней политики. А с точки зрения этого критерия сталинская внешняя политика даже в начальный период своего становления была достаточно эффективна. Сошлюсь на мнение Л. Шапиро, отнюдь не питавшего к Сталину каких-либо симпатий. Он в своей работе, посвященной истории КПСС, писал: «постепенное укрепление мощи Советского Союза, переговоры, направленные на расширение торговых отношений с капиталистическим миром, дипломатия, преследующая цель отвести угрозу войны от СССР, используя противоречия между отдельными державами, и прежде всего стремление завоевать путем пропаганды всю поддержку народов других стран, на какую Советский Союз рассчитывал, — все эти методы казались гораздо более перспективными с точки зрения конечной победы «мировой революции». Троцкий высмеивал Сталина, заявляя, что вся буржуазная печать, начиная с газеты «Нью-Йорк таймс», поздравляет его по поводу «государственной мудрости», проявленной им при подавлении левых элементов, стоявших за мировую революцию. Он не понял, что создание у западного мира иллюзии, будто подавление левой оппозиции означает отказ от ставки на мировую революцию, было одной из главных заслуг Сталина»¹⁸

Я думаю, что этот западный автор гораздо более объективен в своей оценке, чем многочисленные современные российские авторы различных книг о Сталине. Тем более, что речь идет в данном случае о такой деликатной материи, как внешняя политика Сталина, которую на Западе стараются изобразить чуть ли не как сплошную цепь коварных замыслов, хитроумных обманов и экспансионистских устремлений, якобы помешавших предотвратить роковое развитие мировых событий.

Для понимания сталинской внешнеполитической концепции большое значение имеет его статья, написанная в 1934 году и опубликованная лишь в 1941 году. В ней Сталин подверг основательной и убедительной критике оценки Ф. Энгельсом внешней политики русского царизма. Сталин отмечал, что Энгельс неправомерно обвиняет только царскую Россию в проведении завоевательной политики, в частности в вопросах черноморских проливов. Сталин подчеркивал, что «завоевательная политика со всеми её мерзостями и грязью вовсе не составляла монополию русских царей. Всякому известно, что завоевательная политика была также присуща — не в меньшей, если не в большей степени — королям и дипломатам всех стран Европы, в том числе такому императору буржуазной формации, как Наполеон, который, несмотря на своё не-царское происхождение, с успехом практиковал в своей внешней политике и интриги, и обман, и вероломство, и лезть, и зверства, и подкупы, и убийства, и поджоги»¹⁹

¹⁸ *Лернанд Шапиро*. Коммунистическая партия Советского Союза. Выпуск второй. С. 78.

¹⁹ *И. В. Сталин*. Соч. Т. 14. (Электронная версия)

Попутно Сталин развенчивает заблуждение Ф. Энгельса о роли иностранцев в определении главных направлений русской внешней политики. При этом он, на мой взгляд, допускает слишком упрощенную, далекую от подлинной исторической правды, оценку деятельности такого крупнейшего российского дипломата, каким был князь Горчаков. «Можно подумать, — писал он, — что в истории России, в ее внешней истории, дипломатия составляла все, а цари, феодалы, купцы и другие социальные группы — ничего, или почти ничего. Можно подумать, что если бы во главе внешней политики России стояли не иностранные авантюристы, вроде Нессельброде или Гирса, а русские авантюристы, вроде Горчакова и других, то внешняя политика России пошла бы другим путем»²⁰. Здесь генсек находится явно в плену узко понятых классовых интересов, упуская из виду то, что внешняя политика, вне зависимости от ее классового содержания, выражала и не могла не выражать прежде всего общенациональных интересов страны. В противном случае она бы даже не имела права именоваться внешней политикой суверенного государства. Вообще говоря, примат классового подхода уводил Сталина в сторону от адекватной действительности оценки некоторых международных и внешнеполитических событий крупного масштаба. И в этом, на мой взгляд, одна из слабых сторон внешнеполитической концепции Сталина. По крайней мере в том виде, как она реализовывалась примерно до середины 30-х годов.

Сталин подвергает анализу и некоторые другие основополагающие моменты в статье Энгельса, который фактически всю ответственность за нарастание военной угрозы в последней четверти XIX века возлагает на Россию, как бы снимая или принижая ответственность за это Англии и других западных держав. Он пишет: «В самом деле: если империалистическая борьба за колонии и сферы влияния упускается из виду, как фактор надвигающейся мировой войны, если империалистические противоречия между Англией и Германией также упускаются из виду, если аннексия Эльзаса-Лотарингии Германией, как фактор войны отодвигается на задний план перед стремлением русского царизма к Константинополю, как более важным и определяющим фактором войны, если, наконец, русский царизм представляет оплот общеевропейской реакции, — то не ясно ли, что война, скажем, буржуазной Германии с царской Россией является не империалистической, не грабительской, не антинародной войной, а войной освободительной, или почти что освободительной?»²¹

Весьма симптоматичным является следующий пассаж. Сталин замечает: «Характерно, что в своих письмах на имя Бебеля, написанных в 1891 году (через год после опубликования статьи Энгельса), где трактуется о перспективах надвигающейся войны, Энгельс прямо говорит, что «победа Германии есть, стало быть, победа революции», что «если Россия начнёт войну, — вперед на русских и их союзников, кто бы они ни были»²².

В критике Сталина статьи Ф. Энгельса обращают на себя внимание несколько моментов. Во-первых, он не поостерегся «поднять руку» на самого Энгельса — одного из основоположников марксизма, что говорит о той значимости, которую он придавал правильному с исторической точки зрения истолкованию внешней политики царской России. Во-вторых, Сталин отнюдь не берет под безоговорочную защиту внешнюю политику царской России. Но вместе с тем вскрывает гораздо более зловещую роль Англии,

²⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 14. (Электронная версия).

²¹ Там же.

²² Там же.

Германии и других колониальных держав в подготовке приближения мировой войны. Приводя слова Ф. Энгельса, что «вся эта опасность мировой войны исчезнет в тот день, когда дела в России примут такой оборот, что русский народ сможет поставить крест над традиционной завоевательной политикой своих царей». Сталин лаконично, но более чем справедливо замечает: «Это, конечно — преувеличение». В третьих, позиция Сталина, изложенная в его критике статьи Энгельса, в каком-то смысле может рассматриваться как заявка на то, чтобы обосновать и взять под защиту те направления российской внешней политики при царизме, которые в своей основе отвечали российским национально-государственным интересам. Ведь только на том основании, что в России существовал царский режим, было неправомерно всю ее внешнюю политику представлять как непрерывную череду агрессивных актов и экспансионистских устремлений. При этом все другие виновники подготовки мировой войны, прежде всего колониальные державы, оставались как бы вне зоны критики, будто они ко всему происходившему не имели прямого отношения. И надо прямо сказать, что эта позиция Сталина была позицией государственника и патриота, для которого интересы своей страны — не пустой звук.

Либеральные обличители Сталина в связи с критикой статьи Ф. Энгельса пытались и пытаются навесить на него ярлык защитника имперской политики царской России. Но для Сталина вопрос о содержании политики царизма в отношении национальных окраин не сводился только и исключительно к утешению и подавлению. Хотя истины ради надо признать, что и в работах, и в его выступлениях содержалось немало преувеличений и суперлативов на этот счет. В первом томе я уже касался несостоятельности формулы о России — «тюрьме народов» как крайне односторонней и по существу тенденциозной, игнорировавшей колоссальное позитивное воздействие на национальные окраины со стороны русского народа. В каком-то смысле в этом вопросе Сталин стал заложником точки зрения, которую отстаивал Ленин. Но все-таки у него достало здравого смысла и чувства исторической ответственности, чтобы если не на словах, то на деле отказаться от этой пресловутой формулы.

Так что внешнеполитическая концепция Сталина складывалась не только из того, что он вносил нового в постановку коренных международных проблем, но и в пересмотре или корректировке ошибочных или явно односторонних положений и оценок, унаследованных от ортодоксального большевизма. Думается, что эту сторону проблемы нельзя недооценивать. Тем более если учесть реальную обстановку того времени, когда торжественные клятвы в верности традициям и постулатам большевизма были едва ли не самыми характерными атрибутами верности идеям социализма.

Одним из ключевых компонентов сталинской внешнеполитической концепции была вера в русский народ, в то, что он способен (и его история, в том числе и в период царизма, это убедительно доказывает) на созидательное творчество невиданного в истории масштаба. Ему претила расхожая мысль о мнимом превосходстве Запада над Россией и ее народом. Вполне определенно он выразил ее в беседе с немецким писателем Э. Людвигом: «В Европе, — заметил Сталин, — существует много людей, чьи идеи о народе СССР являются старомодными: они полагают, что граждане СССР, во-первых, покорные, а во-вторых, ленивые. Это устарелая и совершенно неправильная идея. Она зародилась в Европе в те дни, когда русские помещики массами устремились в Париж, где они проматывали нажитые состояния и проводили время в безделье. Это были бесхребетные и никчемные люди. Это привело к выводам о «русской лени». Но это не может ни в коей мере быть

применено к русским рабочим и крестьянам, которые зарабатывали и продолжают зарабатывать себе на жизнь своим собственным трудом»²³.

Основы сталинской внешнеполитической концепции, разумеется, включали в себя как важную составляющую и такой фактор, как выбор союзников в тех или иных международных ситуациях. Однако главный упор делался отнюдь не на какие-либо дипломатические комбинации и союзы, а на собственную силу. Об этом он говорил без всяких околичностей еще в 1925 году на одном из пленумов ЦК партии. Вот его слова: «... Война может стать, конечно, не завтра и не послезавтра, а через несколько лет неизбежностью ... А новая война не может не задеть нашу страну. Вопрос о нашей армии, о ее мощи, о ее готовности обязательно встанет перед нами при осложнениях в окружающих нас странах, как вопрос животрепещущий...

Это не значит, что мы должны обязательно идти при такой обстановке на активное выступление против кого-нибудь. Это неверно. Если у кого-нибудь такая нотка проскальзывает — то это неправильно. Наше знамя остаётся по-старому знаменем **мира**. Но если война начнётся, то нам не придётся сидеть сложа руки, — нам придётся выступить, но выступить последними. И мы выступим для того, чтобы бросить решающую гирию на чашку весов, гирию, которая могла бы перевесить.

Отсюда вывод: быть готовыми ко всему, готовить свою армию, обуять и одеть её, обучить, улучшить технику, улучшить химию, авиацию, и вообще поднять нашу Красную Армию на должную высоту. Этого требует от нас международная обстановка»²⁴.

В приведенном выше высказывании заложена мысль, которую Сталин впоследствии неукоснительно стремился реализовать на практике — мысль о том, что Советская Россия не будет служить инструментом в политических комбинациях ведущих западных держав. Более того, проводя полностью самостоятельную политику, продиктованную ее национально-государственными интересами, она в решающий момент сама будет определять, кого избрать своим союзником. Причем Сталин ведет речь не только о проблеме выбора союзников. Квинтэссенция его идеи состоит в том, чтобы Россия имела возможность сыграть решающую роль в войне, чтобы в конечном счете не ее союзники, а она сама могла сказать решающее слово при заключении мира и послевоенного урегулирования. Хочется особо оттенить одно существенное обстоятельство: такой стратегический подход Сталин сформулировал задолго до того, как он стал практически реализуем. Иными словами, отправные фундаментальные идеи, заложенные в сталинской внешнеполитической концепции, берут свое начало еще с середины 20-х годов, когда Советский Союз отнюдь не являлся великой державой в подлинном смысле этого понятия.

Кому-то, может быть, и покажется такая идея зримым проявлением коварства и отсутствия каких-либо принципов в международных делах. Мне же эта идея представляется выражением подлинного реализма и четкого прагматичного подхода к проблемам, связанным с международными отношениями вообще и конфликтами в особенности. Об этом в открытую руководители капиталистических стран предпочитали не говорить. Но действовали же они в полном соответствии с высказанной Сталиным линией поведения.

Как видим, еще в середине 20-х годов у Сталина сформировались ясные и четкие взгляды, которые затем нашли свое воплощение в его политическом курсе накануне

²³ И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 110–111.

²⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. 7. С. 13–14.

второй мировой войны. Иными словами, сталинская внешнеполитическая концепция зарождалась и принимала вполне законченный вид как концепция активной, наступательной внешней политики, а не политики, шаги которой будут определять другие, тогда гораздо более мощные державы. Эта концепция, таким образом, была ориентирована не только на какой-то ограниченный отрезок времени, а на широкую историческую перспективу. И это придавало ей динамичность, столь необходимую для внешней политики государства, которому предстояло утвердить свое законное место в мире. Речь шла не о том, чтобы стать гегемоном в мировых отношениях, что было исключено самой международной обстановкой той поры. Цель заключалась в другом — стать полноправным членом в клубе великих держав. И в этом стремлении едва ли даже самый предвзятый человек способен узреть агрессивные и экспансионистские поползновения.

Суммируя, хочется оттенить следующую мысль: разработка Сталиным собственной внешнеполитической концепции, несомненно, служит доказательством того, что он являл собой тип незаурядного политического мыслителя не только в сфере социально-политических вопросов, но и в такой области, как международные отношения и внешняя политика. Его внешнеполитическая концепция не всегда отличалась стройностью и отсутствием в ней внутренних противоречий. Однако по своей направленности и своему духу она в полной мере отвечала потребностям той эпохи и — а это самое главное — национально-государственным интересам Советской России, которой предстояло еще доказать свое право на существование в сложном, противоречивом и взрывоопасном мире. Эта концепция явилась не плодом каких-то специальных теоретических изысканий, а итогом длительной внутренней борьбы с оппонентами из лагеря оппозиции. Что, естественно, не могло не наложить на нее своеобразного отпечатка.

Общая оценка политической деятельности Сталина, равно как и понимание сущности и наиболее важных особенностей его внешнеполитического курса в предвоенный, военный и послевоенный периоды, — все это в полной мере должно рассматриваться с учетом его внешнеполитической концепции в целом. Многие мысли и идеи, сформулированные в 20-е годы, легли в основу последующей практики советской внешней политики. Взгляд в прошлое, не затуманенный тенденциозностью, помогает понять и будущую политику Сталина, нацеленную на возвышение роли нашей страны в мировых делах.

2. Сталин устанавливает контроль над Коминтерном

В

В характере самой большевистской власти была имманентно заложена такая ее особенность, как всеобъемлющий контроль над всеми основными сферами жизни общества и государства. Естественно, что сюда входила и такая область, как деятельность Коммунистического интернационала, хотя по логике вещей и всем формальным критериям Коминтерн должен был являться вполне самостоятельной и независимой международной структурой. Задуманный как орудие осуществления идеи мировой пролетарской революции, он объединял в своих рядах коммунистические партии Запада и Востока, являвшиеся самостоятельными субъектами мирового революционного процесса. Однако все это касалось скорее теории, чем реальной практики. В действительности с

самого начала Коминтерн был превращен, если не в придаток большевистской партии, то в инструмент реализации международных целей Советской власти.

Было бы неверным полагать, что такое положение стало результатом целенаправленной политики Сталина. Фундаментальные ее основы были заложены еще при жизни Ленина. Сталину принадлежит пальма первенства в том, что он такую систему довел до своего рода совершенства. Иными словами, сделал Коминтерн, а частично и входящие в нее партии, орудием реализации целей своей международной политики. Надо сказать, что такая трактовка роли и значения Коминтерна при Сталине отнюдь не равнозначна утверждению, будто во всем и по всем параметрам Коминтерн и входящие в него партии выступали как слепые и всегда послушные орудия его власти. Были здесь и трения, были здесь и серьезные проблемы и споры, прежде чем Сталину удалось установить свой контроль над Коминтерном.

Важной особенностью процесса «подминания» Коминтерна под власть Сталина являлось то, что сам этот процесс органически был связан с ходом и развитием внутрипартийной борьбы в коммунистической партии Советской России. С 1919 года, со времени основания Коминтерна, во главе его стоял Зиновьев. К середине 20-х годов, когда внутрипартийная борьба приняла особенно ожесточенные формы и по существу всеобъемлющий характер, Зиновьев стал считать себя чуть ли не вождем мирового революционного движения и крупнейшим теоретиком большевизма. В реальности, конечно, его подлинный вес и значение были абсолютно неадекватны его собственным представлениям о себе. Сталину предстояло, в числе прочих задач, не только развенчать авторитет Зиновьева в международном коммунистическом движении, но и в напряженной борьбе доказать несостоятельность политической линии, проводимой Зиновьевым в делах Коминтерна. Последний ревниво относился к тому, что генсек, начиная с 1923 — 1924 гг., стал проявлять самый пристальный интерес к вопросам Коминтерна. Зиновьев считал, что Сталин, не имея на то никаких оснований (ни в плане знания теории, ни в плане практического опыта в международных делах) вторгается в его вотчину. Однако по мере того, как генсек упрочивал свои позиции в высших эшелонах большевистской партии, у него появлялись вполне реальные шансы выступить в качестве активной — и отнюдь не второстепенной — фигуры на арене деятельности Коминтерна. Первые такие попытки относятся к периоду подготовки революции в Германии в 1923 году, оказавшейся на практике всего лишь политическим выкидышем.

Поражение германской революции и ряда выступлений в других странах не могло самым отрицательным образом не отразиться на репутации Зиновьева и тех, кто считал себя крупными специалистами по организации революционных выступлений (Радек и др.). Сталин умело использовал эти обстоятельства. В июле 1924 года он был избран членом Исполкома и Президиума Исполкома Коминтерна²⁵ (В скобках отмечу, что некоторое недоумение вызывает тот факт, что в биографии Сталина, написанной его секретарем И. Товстухой и опубликованной к 10-летию Октябрьской революции, это избрание автор относит к 1925 году. Хотя текст биографической справки был просмотрен самим генсеком²⁶.)

²⁵ И. В. Сталин. Соч. Т. 6. С. 424.

²⁶ Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской революции. Автобиографии и биографии. Репринтное воспроизведение. М. 1989. С. 111.

Пятый конгресс Коминтерна, состоявшийся в 1924 году, провозгласил курс на большевизацию коммунистических партий. Я не стану в деталях освещать смысл и цели этой кампании, поскольку из самой постановки вопроса вытекает и его истолкование. Скажу лишь, что Сталин был если не инициатором, то активным проводником процесса перестройки всей структуры и деятельности зарубежных компартий на манер российской партии. Цели при этом были очевидны, хотя и прикрывались благородными мотивами повышения революционного уровня компартий и обогащения их опытом РКП(б). Стоит упомянуть, что Сталин в тот период достаточно реалистично и даже, можно сказать, с долей либерализма характеризовал смысл большевизации. В частности, он подчеркивал: «Некоторые товарищи думают, что укрепить партию и большевизировать её — это значит вышибить из партии всех инакомыслящих. Это, конечно, неверно... Я решительно против вышибательской политики в отношении всех инакомыслящих товарищей. Я против такой политики не потому, что жалею инакомыслящих, а потому, что такая политика родит в партии режим запугивания, режим застраивания, режим, убивающий дух самокритики и инициативы. Нехорошо, если вожди партии боятся, но не уважают. Вожди партии могут быть действительными вождями лишь в том случае, если их **не только боятся** (выделено мной — Н. К.), но и уважают в партии, признают их авторитет. Создать таких вождей трудно, это дело длительное и нелёгкое, но абсолютно необходимое, ибо без этого условия партия не может быть названа настоящей большевистской партией, а дисциплина партии не может быть сознательной дисциплиной»²⁷

Приведенное высказывание весьма примечательно для понимания Сталина и всей его политической философии. Еще не будучи общепризнанным вождем, еще находясь на начальной стадии борьбы за то, чтобы стать таким вождем, Сталин в качестве органического элемента власти вождя выделяет то, что вождя нужно бояться, испытывать к нему не только уважение, но и определенное чувство страха. Что же, весьма красноречивое понимание роли вождя! Сталин говорил это, когда его еще не боялись, когда он не внушал своим оппонентам чувства страха. До наступления таких времен было еще сравнительно далеко. Но очень показательно, что подобная интерпретация роли вождя вполне логически укладывалась во всю систему сталинского политического мышления. В последующем она разовьется и примет такие формы и такие масштабы, которые позволили многим не только его противникам, но и вполне объективным наблюдателям характеризовать систему власти Сталина как личную диктатуру. В дальнейшем мне еще не раз придется касаться данного сюжета. Здесь же я считаю уместным обратить внимание читателя на истоки, так сказать, зародыши системы власти, получившей впоследствии название сталинизма. При этом, мне представляется, в интерпретации сталинизма как системы власти акцент на личную диктатуру далеко не является универсальным, поэтому многое невозможно объяснить, руководствуясь лишь данным критерием.

Но возвратимся к проблематике Коминтерна как составной части общей борьбы Сталина за утверждение своего лидирующего положения не только в большевистской партии, но и в более широких рамках — рамках мирового коммунистического и революционного движения в целом.

Сталин вел борьбу за укрепления своих позиций в Коминтерне не только для того, чтобы поставить этот в то время весьма влиятельный инструмент реализации

²⁷ И. В. Сталин. Соч. Т. 7. С. 37, 44–45.

международных целей Советской России под свой прямой или косвенный контроль. В каком-то смысле Коминтерн и его аппарат, подобранный Зиновьевым, претендовал на роль своего рода центра по выработке и осуществлению внешнеполитических задач Советской страны. Естественно, что генсек не мог мириться с этим по целому ряду принципиальных соображений. Во-первых, его не устраивало то, что во главе Коминтерна стоит один из его основных политических противников — Зиновьев. Во-вторых, — и это самое существенное — Сталин считал недопустимым существование какого-либо двоецентрия в системе создаваемой им власти. Исходя из этих соображений, он и развернул широкую и планомерную кампанию по дискредитации Зиновьева, тем более, что сделать это было несложно, поскольку сам Зиновьев к тому времени себя уже достаточно скомпрометировал не только в рамках собственной партии, но и в глазах Коминтерна и его видных деятелей. В конце концов в октябре 1926 года наступила развязка: Зиновьев, к тому времени утративший доверие и растерявший последние остатки прежнего, хотя и дутого, но все-таки реального авторитета, был вышвырнут с руководящего поста в Коминтерне. Объединенный пленум ЦК ВКП(б) и ЦКК по инициативе Сталина постановил: «Ввиду того, что Зиновьев не выражает линии ВКП(б) в Коммунистическом Интернационале и в силу своей руководящей фракционной работы в КИ лишился доверия со стороны ряда коммунистических партий (германской, английской, французской, американской и т. д.), заявивших об этом в своих решениях, ЦК и ЦКК не находят возможной дальнейшую работу Зиновьева в Коммунистическом Интернационале»²⁸.

Пост председателя Исполкома Коминтерна был вообще упразднен и введен пост Генерального секретаря Исполкома, на который был избран Бухарин. В тот период, вплоть до 1928 года, Бухарин был главным союзником Сталина и его назначение на вновь учрежденную должность было вполне логичным и понятным. Тем более, что он имел репутацию сильного теоретика и хорошо знал положение в коммунистическом движении, как и вообще несравненно лучше Сталина знал заграницу, поскольку ряд лет прожил в эмиграции. Некоторые советологи считают даже, что в период 1925 — 1927 гг. существовал так называемый дуумвират в составе Сталина и Бухарина. Мол, именно этот дуумвират и предопределял до некоторой степени принятие наиболее важных политических решений по вопросам внутренней жизни и международной политики.

В какой-то степени подобная точка зрения соответствует действительности, но, как мне думается, применительно к тогдашней ситуации в своем полном значении термин дуумвират должен использоваться с серьезными оговорками. Бухарину, в отличие от Сталина, не было присуще вождистское честолюбие и он совершенно не обладал организаторскими способностями, чтобы всерьез претендовать на место одного из двух лидеров партии. Да и по природе вещей в коммунистической партии не могло быть двух вождей. Возможны были всякого рода комбинации (вроде «тройки», «семерки»), но о реальной власти двух лидеров говорить едва ли правомерно.

Исходя из этого и ряда других соображений, Сталин считал, что вопросы Коминтерна не должны быть отданы, как говорится, на откуп одному Бухарину. Такое положение шло вразрез с долгосрочными политическими расчетами самого генсека. В силу этого мотива, а главное в силу объективных обстоятельств того времени, Сталин начал все более глубоко

²⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. С. 171.

вникать в коминтерновские проблемы. Он принимает участие в работе ряда комиссий — германской, чехословацкой, югославской, китайской и т. д. Причем опубликованные выступления гenseка на заседаниях комиссий характеризуют его отнюдь не как новичка и дилетанта: он демонстрирует знание конкретной ситуации в этих компартиях и странах, дает серьезный анализ проблем. Причем делает это не с позиций прагматизма и нужд конъюнктуры, а на базе теоретических обобщений, стремясь ввести конкретный подход к рассматриваемым вопросам в общее русло своей политической философии. В этом плане выступления Сталина, хотя и с исторической точки зрения выглядят как обращение в слишком далекое прошлое, представляют бесспорный интерес с методологических позиций.

Следует выделить еще один момент. Внутрипартийная борьба в верхах большевистской партии, конечно, не могла не отразиться самым прямым образом и на ведущих коммунистических партиях, входивших в Коминтерн. В их рядах нашлось немало сторонников «русской оппозиции», поэтому «русский вопрос» стал одним из постоянных пунктов в повестке дня заседаний Исполкома Коминтерна. Сталин и в борьбе против иностранных сторонников оппозиции использовал методы, успешно апробированные им во внутрипартийной борьбе в собственной партии. В конце концов и в рядах западных компартий была проведена соответствующая работа и они были «очищены» от всякого рода уклонистов и капитулянтов. Достаточно упомянуть группы Маслова — Рут Фишер, Брандлера и Тальгеймера в коммунистической партии Германии; Суварина — во французской компартии; Ловстона — в компартии США и т. д. Словом, выражаясь современным жаргоном, «политические зачистки» приняли широкие масштабы и в рамках Коминтерна, и в рамках его отдельных секций. Нельзя сказать, что этот процесс являл собой зеркальное отражение аналогичного процесса в большевистской партии. Все-таки условия были разные (прежде всего большевистская партия была правящей — и это предопределяло характер и методы внутрипартийной борьбы), однако общим выступало то, что оппозиционные движения в зарубежных компартиях искоренялись с присущей Сталину последовательностью, методично, этап за этапом, и с не меньшей решительностью. Он имел обыкновение декларативно рассуждать о необходимости компромиссов во внутрипартийной борьбе. В реальной же жизни такой подход был ему совершенно несвойственен: если он шел на компромиссы, то, как правило, под неумолимым давлением обстоятельств. Да и то в конечном счете рассматривал подобные компромиссы как временное и чисто тактическое средство, нацеленное на внесение раскола в стан своих противников и перетягивание на свою сторону колеблющихся.

В тот период в самом коммунистическом движении не было не только единства, но и элементарной ясности по многим животрепещущим вопросам международного развития в целом и перспектив так называемой мировой революции. Надежды на революционный подъем не оправдались, и нужно было искать как теоретическое, так и практическое объяснение подобного развития ситуации. Прежде всего речь шла о том, каковы перспективы стабилизации капиталистической системы, каковая (стабилизация) в тот период стала фактом данности.

О стабилизации капиталистической системы имелись в тот период разные представления, по этому поводу шли жаркие споры, осью которых был вопрос о природе самой стабилизации. От ответа на данный вопрос зависели как краткосрочные, так и

долгосрочные прогнозы развития революционного процесса. Сталин придерживался реалистической точки зрения: «...Стабилизация, — говорил он, — не есть застой. Стабилизация есть закрепление данного положения и дальнейшее развитие. Мировой капитализм не только закрепился на основе данного положения. Он идёт дальше и развивается вперёд, расширяя сферу своего влияния и умножая свои богатства. Неверно, что капитализм не может развиваться... Стабилизация в условиях капитализма, усиливая временно капитал, обязательно ведёт вместе с тем к обострению противоречий капитализма: а) между империалистическими группами разных стран; б) между рабочими и капиталистами каждой страны; в) между империализмом и колониальными народами всех стран»²⁹.

В соответствии с такой оценкой характера стабилизации капитализма Сталин ставил и вопрос о перспективах развития революционного процесса как на Западе, так и на Востоке. Он отмечал, что революция развивается обычно не по прямой восходящей линии, в порядке непрерывного нарастания подъёма, а путём зигзагов, путём наступлений и отступлений, путём приливов и отливов³⁰. В этом высказывании, собственно, не видно какой-то особой мудрости или прозорливости. Оно констатирует довольно банальную истину. Однако в тот период, когда бушевали политические страсти вокруг проблем революции и в среде коммунистов имелись многие горячие головы, требовавшие максимально быстрыми темпами стимулировать наступление революционной ситуации, осторожные и взвешенные сталинские оценки имели отнюдь не второстепенное значение. Это сейчас, с высоты многих десятилетий, все, что происходило тогда, кажется простым, закономерным и понятным. Тогда же это была своего рода *terra incognita*.

Если оценивать Сталина как политического прогнозиста, то здесь картина предстает довольно мозаичной. С одной стороны, он обладал такой сильной стороной, как умение правильно угадывать магистральные тенденции мирового развития. В большинстве случаев его анализ и оценки таких тенденций в дальнейшем подтверждались реальным ходом развития событий. С другой стороны, он нередко допускал промахи и серьезные ошибки в кратко- и среднесрочных прогнозах. Так, в начальный период стабилизации капитализма он совершенно правильно отмечал, что в развитии революционного движения наблюдается определенный откат и рассчитывать на скорый революционный взрыв не приходится. «Вместо периода прилива революционных волн, который мы наблюдали в годы послевоенного кризиса, мы теперь наблюдаем период отлива в Европе... Период подъёма революционных волн ... — этот период подъёма еще впереди»³¹.

И это была верная оценка.

Однако в условиях частичной стабилизации капитализма и под влиянием социал-демократии в ряде коммунистических партий усилился правый уклон. Это проявлялось в переоценке «прочности» капиталистической стабилизации, смазывании противоречий капиталистической системы, «хвостизме» по отношению к стачечному движению, недооценке военной опасности. На VI конгрессе Коминтерна (1928 г.) делегация ВКП(б) предложила внести в проект тезисов о международном положении и задачах Коммунистического Интернационала формулировку о том, что правый уклон при наличии

²⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 7. С. 95–96.

³⁰ Там же. С. 94.

³¹ Там же. С. 265.

относительно крепких социал-демократических партий является особенно опасным и борьба с ним должна быть поставлена на первый план. Конгресс принял это предложение³². Совершенно очевидно, что одобрение данного предложения вполне соответствовало общей стратегической линии Сталина.

В 1927 году под влиянием активизации выступлений рабочего класса в ряде стран (Австрия — кровавое побоище на улицах Вены), широкомасштабная волна протестов в связи с казнью в США Сакко и Ванцетти и других признаков оживления революционного движения у Сталина возникла иллюзорная мысль о том, что все эти факты служат предвестником нового революционного подъема. В декабре 1927 года он на XV съезде партии говорил: «Если года два назад можно было и нужно было говорить об отливе революционных волн в Европе, то теперь мы имеем все основания утверждать, что **Европа явным образом вступает в полосу нового революционного подъема**. Я уже не говорю о колониальных и зависимых странах, где положение империалистов становится всё более и более катастрофическим»³³.

Европа явным образом не вступила в полосу нового революционного подъема. Больше того, она не вступила в такую полосу и позднее, когда разразился мировой экономический кризис (1929 г.). Напротив, наметились тенденции к росту правых сил в лице фашизма. Таким образом, факты однозначно свидетельствуют о том, что Сталин как прогнозист среднесрочных событий часто бывал не на высоте. Это, конечно, не может служить веским основанием для вывода о том, что вообще он не обладал способностью мыслить широко и угадывать вероятное развитие главных тенденций международного развития. К тому следует добавить, что политика — одна из тех областей деятельности, где ошибки и просчеты столь же закономерны и объяснимы, как и в других сферах человеческой деятельности.

Среди ряда принципиально важных вопросов, имеющих непосредственное отношение как к стратегии, так и тактике политических битв того времени, следует выделить два вопроса. По этим вопросам партия большевиков и Коминтерн в целом заняли позицию, оказавшуюся в корне неправильной и нанесшей огромный ущерб их собственному делу. Речь идет об отношении к социал-демократии и к фашизму. Здесь нет возможности в деталях рассмотреть данный вопрос. Я коснусь лишь тех его аспектов, которые имеют непосредственное отношение к Сталину.

Во-первых, Сталин, хорошо знакомый с меньшевизмом как российской разновидностью социал-демократии, всегда был ярким противником социал-демократии как таковой. Он рассматривал ее в основном через призму противоборства между большевиками и меньшевиками. Надо сказать, что это была отнюдь не идеальная призма. Более того, она искажала самым существенным образом историческое видение и понимание роли социал-демократии на различных этапах исторических событий. Но в политической философии Сталина место социал-демократии было определено раз и навсегда, и это место было в лагере если не главных врагов рабочего класса, то активных пособников капиталистов. Нечего говорить, что такая, по существу, вневременная, антиисторическая оценка не могла не повлечь за собой самых серьезных политических последствий. Она была закреплена в программе Коминтерна и возведена в ранг непогрешимого постулата, которому обязаны были следовать коммунисты всех стран.

³² См. *История Коммунистической партии Советского Союза*. Т. 4. Книга первая. С. 537.

³³ *И. В. Сталин*. Соч. Т. 10. С. 286.

Вот квинтэссенция этой позиции, закреплённая в документах Коминтерна: «Обслуживая интересы буржуазии среди рабочего класса и стоя целиком на почве классового сотрудничества и коалиции с буржуазией, социал-демократия бывает в известные периоды вынуждена переходить на положение оппозиционной партии и даже симулировать защиту классовых интересов пролетариата в его экономической борьбе только для того, чтобы, завоевывая на этом доверие части рабочего класса, тем постыднее предавать его длительные интересы, в особенности во время решающих классовых битв.

Основная роль социал-демократии заключается теперь в подрыве необходимого боевого единства пролетариата в его борьбе с империализмом. Раскалывая и разлагая единый фронт пролетарской борьбы с капиталом, социал-демократия является главной опорой империализма в рабочем классе. Международная социал-демократия всех оттенков... стала таким образом резервом буржуазного общества, его наиболее верным оплотом»³⁴.

Хотя Сталин и не являлся автором данной формулировки, вне всякого сомнения, он разделяет полную ответственность за то, что она превратилась в исторический бумеранг, нанесший колоссальный ущерб всему международному развитию в межвоенный период. Говоря о личной ответственности Сталина за то, что такое отношение к социал-демократии стало господствующим в мировом коммунистическом движении того времени, можно сослаться на его выступление в июле 1928 года на пленуме ЦК партии, где обсуждался проект программы Коминтерна. Вот что он говорил (дается по первоначальной записи стенограммы): «Чем вы объясняете некоторые неудачи, частичные неудачи в новой фазе мировой революции в ряде стран? Без социал-демократии здесь не обойтись. Поэтому здесь поставлен вопрос не структурный, а политический. Вы, очевидно, недооцениваете роли и значения социал-демократии, до чего она стала контрреволюционной, до чего она стала антипролетарской, причем без обозначения ее роли обойтись в главе о контрреволюции и о ходе развития капитализма нельзя. Здесь я вижу недооценку роли и значения социал-демократии со стороны тов. Лозовского. В программе этот пункт тем и хорош, что он делает упор на социал-демократию внутри рабочего движения как на главного врага, в этом его сила, именно потому, что социал-демократия является врагом рабочего движения, врагом коммунизма, главным врагом пролетарской революции, основной социальной опорой, классовой опорой буржуазии. Мы поэтому и называем ее буржуазной рабочей партией»³⁵.

Именно на основе формулы о социал-демократии как главном враге рабочего класса, начиная с ранних 20-х годов, все многократно прокламируемые призывы коммунистов к созданию единого фронта борьбы против империализма и войны, а затем и против фашизма, оказались всего лишь лозунгами и призывами. На их базе, при сохранении такого отношения к социал-демократии, наивно было вообще рассчитывать на создание подлинного единого фронта в борьбе против военной опасности. И именно в этом состоит один из крупнейших политических просчетов Сталина.

Сейчас, конечно, можно строить различные гипотезы относительно корней происхождения этой ошибочной позиции Сталина. В какой-то мере можно согласиться с итальянским историком и публицистом Д. Боффа, который следующим образом охарактеризовал губительные последствия данной позиции: «Боязнь критики слева,

³⁴ Коммунистический Интернационал. В документах. 1919 — 1932. М. 1933. С. 11.

³⁵ Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). Т. 2. М. 2000. С. 614.

которая могла раздаться со стороны Троцкого или его зарубежных сторонников, содействовала сползанию на экстремистские позиции. Еще более тяжким было другое последствие: отныне все правые или левые течения в других партиях стали расцениваться уже не по объективному содержанию их позиций, но главным образом в зависимости от того, чью сторону они могут поддержать в борьбе большевистских вождей»³⁶.

Еще более резкую, на мой взгляд, в данном случае в целом отвечающую историческим реальностям оценку отношения Сталина к социал-демократии, дает американский советолог С. Кoen. В своем исследовании жизни и деятельности Бухарина он, в частности, пишет: «Химерическое представление о социал-демократии как о «социал-фашизме», выдвинутое в начале 20-х гг. Зиновьевым и превращенное Сталиным в политическую концепцию, приведет к особенно трагическим последствиям. В 1928 г. фашизм был для коммунистов всего-навсего расплывчатым и малоизученным реакционным явлением, отождествлявшимся, главным образом, с Италией Муссолини. Опасность гитлеризма была еще очень далеко. В отличие от большинства коминтерновских новшеств идея о том, что социалисты состоят в некотором родстве с фашистами и представляют еще большее зло, по всей видимости, пришла к Сталину по душе задолго до этого. В 1924 г. он произнес фразу, которой суждено сделаться ритуальным лозунгом коминтерновских провалов 1929 — 1933 гг.: «Социал-демократия есть объективно-умеренное крыло фашизма... Это не антиподы, а близнецы»³⁷.

Признавая справедливость критического запала С. Коена, необходимо вместе с тем внести и некоторые коррективы в его оценку. Не вполне отвечает истине, что для коммунистов, и Сталина в их числе, фашизм представлялся неким расплывчатым явлением, связанным прежде всего с именем Муссолини. Ведь еще в программе Коминтерна, принятой не без активного участия генсека, относительно фашизма говорилось следующее: «Главной задачей фашизма является разгром революционного рабочего авангарда, т. е. коммунистических слоев пролетариата и их кадрового состава. Комбинация социальной демагогии, коррупции и активного белого террора, наряду с крайней империалистской агрессивностью в сфере внешней политики, являются характерными чертами фашизма. Используя в особо критические для буржуазии периоды антикапиталистическую фразеологию, фашизм, упрочившись у руля государственной власти, все более обнаруживает себя как террористическая диктатура крупного капитала, теряя по дороге свои антикапиталистические побрякушки.

Приспосабливаясь к изменению политической конъюнктуры, буржуазия использует и методы фашизма и методы коалиции с социал-демократией, причем сама социал-демократия в моменты наиболее для капитализма критические нередко играет фашистскую роль. В ходе развития она обнаруживает фашистские тенденции, что не мешает ей при другой политической конъюнктуре фрондировать против буржуазного правительства в качестве оппозиционной партии»³⁸.

Как явствует из приведенной выше характеристики фашизма, коммунисты, и Сталин в том числе, отнюдь не рассматривали фашизм как какое-то маргинальное движение, неминуемо обреченное только лишь на историческое прозябание. Нет, и еще раз нет! Сталин даже в то время видел в фашизме серьезную угрозу, хотя, разумеется, не мог в

³⁶ Джозепе Боффа. История Советского Союза. Т. 1. М. 1994. С. 288.

³⁷ Стивен Коэн. Бухарин. Политическая биография. 1888 – 1938. С. 355.

³⁸ Коммунистический Интернационал. В документах. С. 12.

полной мере оценить колоссальный масштаб этой угрозы. Для него фашизм представлял одну из опасностей, но не смертельную опасность, каковой тот оказался в действительности. Корень ошибочной позиции Сталина заключался в неадекватной реальности оценки связи между фашизмом и социал-демократией. Он оказался не в состоянии распознать того, что фашизм не только коммунистов, но и социал-демократов рассматривал в качестве своих непримиримых противников. И этот просчет имел не только и не столько тактический, сколько стратегический характер. Подчеркивая роковой характер исторического просчета Сталина в данном вопросе, я тем самым не хочу создать впечатление, что вообще вся политическая философия Сталина зиждилась на зыбком фундаменте. Речь идет о другом: даже политики крупного формата не могут быть застрахованы от ошибок, в том числе и исторического масштаба.

Завершая этот краткий и несколько схематический обзор деятельности Сталина в сфере Коминтерна, мне хотелось бы коснуться еще одной темы — о роли Сталина в выработке программы этой международной организации. В западной советологии и в новейшей российской историографии сталинизма широко и почти повсеместно утвердился миф о том, что чуть ли не единственным и, безусловно, главным творцом программы был Бухарин. При этом подчеркивается, что Сталин сыграл в разработке программы более чем скромную роль, выступая всего лишь в качестве некоего помощника Бухарина, которому принадлежат все главные положения программы. Такой взгляд на проблему мне представляется явно односторонним и тенденциозным, с явным уклоном в сторону преувеличения вклада Бухарина и в принижении роли Сталина. Конечно, Бухарин, как один из главных теоретиков тех лет, сыграл весьма существенную роль в разработке основополагающих положений программы Коминтерна.

Однако сам характер документа, его объем и предназначение таковы, что разработать программу одному человеку было явно не под силу. Как известно, работала над программой целая комиссия, включавшая в себя представителей многих партий, преимущественно, конечно ВКП(б). Сталин был одним из членов этой комиссии и уже в этом качестве несомненно играл отнюдь не бутафорскую роль при ее разработке. Кроме того, в этот период он уже фактически приблизился к тому, чтобы считаться основным лидером партии, и в силу этого его взгляды и позиции не могли не быть отраженными в программе.

Имеющиеся документы подтверждают мои умозаключения. Приведу, в частности, замечания Сталина на проект программы, представленный Бухариным. В нем генсек писал: «Признавая в основном правильными «заметки» Бухарина (обращает на себя внимание сам термин «заметки», в котором в завуалированной форме проглядывает мысль о том, что проект Бухарина — всего лишь материалы к программе — Н. К.), считал бы необходимым дополнить их следующими замечаниями.

- 1) Я думаю, что придется **заново** (выделено мною — Н. К.) написать программу, ибо проект программы, принятый за основу V конгрессом, нельзя считать удовлетворительным с точки зрения нынешних потребностей Коминтерна.
- 2) Имеющееся «Введение» к проекту программы V конгресса неудовлетворительно. Лучше было бы обойтись без «Введения». Если нельзя обойтись, можно дать такое «Введение», которое бы обосновывало идею необходимости общей программы КИ наряду с отдельными программами секций КИ.

3) Программу следовало бы, по-моему, начать (первый раздел) с анализа мировой капиталистической системы в ее империалистической фазе развития, а не капиталистического общества вообще, проводя этот анализ под углом зрения развивающегося кризиса мирового капитализма. Дело идет, конечно, не о том послевоенном кризисе 1919 — 1921 гг. который в основном уже изживается, а о том более серьезном кризисе мирового капитализма, который начался еще во время войны и который получил свое наиболее яркое выражение в факте образования советской системы хозяйства. Ясно, что этот кризис будет существовать и развиваться, несмотря на частичную стабилизацию капитализма, пока существует советская система, развивающаяся наряду и за счет мировой капиталистической системы. Под углом зрения этого кризиса и следует, по-моему, изложить анализ мировой капиталистической системы. При этом хорошо было бы дать характеристику экономической и политической неравномерности развития, вскрыть основные противоречия внутри мировой системы капитализма, с неизбежностью военных конфликтов, обосновать идею возможности победы социализма в отдельных странах и т. д. в духе «заметок» Бухарина»³⁹.

Из письма Сталина явствует, что он высказывает по проекту не какие-то мелкие замечания, а затрагивает фундаментальные теоретические и политические проблемы. Причем в письме не проглядывает и тень какого-либо пренебрежительного отношения к работе, проделанной Бухариным (за исключением разве того, что они называются заметками). О степени личного участия генсека в разработке программы косвенным образом свидетельствует и тот факт, что сам Бухарин в период борьбы против сталинской политики признавал: «Я ставил перед Кобой вопрос о том, чтобы он читал доклад о программе, — он предложил мне искать еще кого-нибудь»⁴⁰.

Трудно предположить, что Бухарин, как говорится, с бухты-барахты вносил такое предложение. Конечно, можно предположить, что он тем самым хотел как-то сгладить таким способом нараставшую отчужденность между ними и потрафить амбициям Сталина выступить в роли главного коммунистического теоретика. Но почему тогда Сталин отказался от предложения Бухарина? Из-за чрезмерной скромности? Таковой генсек никогда не страдал, хотя не раз в публичных выступлениях подчеркивал свою скромную роль и отсутствие амбициозных претензий. Значит, дело было в другом. В чем же именно?

Я не хочу строить каких-либо догадок и предположений, а предоставлю возможность, чтобы сами факты объяснили всю эту историю с программой. Правда, факты эти озвучены были самим Сталиным, но их достоверность выглядит вполне убедительной. Так вот что говорил Сталин позднее, в январе 1929 года на заседании Политбюро (кстати, цитируемая мною часть не вошла в собрание сочинений Сталина):

«**Третье** опровержение. Говоря о программе Коминтерна, Бухарин заявляет Каменеву: «Программу во многих местах испортил мне Сталин, он сам хотел читать доклад на пленуме о программе, я насилу отбил». Позвольте заявить, товарищи, что вся эта «тирада» тов. Бухарина представляет сплошное хвастовство и хлестаковщину. Насчет составления программы Коминтерна в архиве ЦК имеются документы, с которыми каждый член ЦК и ЦКК может ознакомиться. Из этих документов любой из вас имеет возможность убедиться, что первый проект программы, составленный тов. Бухариным, был забракован Политбюро ЦК. Из этих документов видно, что Политбюро поручило Бухарину и Сталину

³⁹ Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). Т. 2. С. 611.

⁴⁰ Там же.

составить новый проект программы, который был потом одобрен Политбюро. Из этих документов видно, что этот второй проект и был одобрен потом как программной комиссией Исполкома Коминтерна, так и VI конгрессом Коминтерна.

Молотов. Есть соответствующие документы в ЦК.

Сталин. Члены Политбюро не могут не помнить, что ни тов. Бухарин, ни кто-либо другой из членов Политбюро не выдвигал никаких, ровно никаких возражений против этого второго проекта программы. Более того, и Бухарин и Сталин защищали на июльском пленуме ЦК именно этот второй проект программы против нападков со стороны отдельных членов и кандидатов ЦК. Пусть любой из вас возьмет из архива ЦК первый и второй проекты и сличит их между собой, чтобы понять всю глубину хвастовства тов. Бухарина.

Еще более смехотворно заявление тов. Бухарина о том, что будто бы я «добивался доклада о программе на пленуме», а он, т. е. Бухарин, «насилу отбил». Члены Политбюро не могут не помнить, что дело происходило, как говорится, «как раз наоборот».

Голоса. Правильно!

Сталин. Члены Политбюро не могут не знать, что никто иной, как Бухарин, предлагал Сталину доложить пленуму о программе Коминтерна, а Сталин решительно отказался, заявив, что доклад о программе обязан прочесть тов. Бухарин как основной руководитель Коминтерна»¹¹.

Я склоняюсь к выводу, что Сталин достаточно объективно изложил историю разработки программы Коминтерна. Тем более, что на пленумах ЦК периода 1928 — 1929 гг., где Бухарин выступал с резкой критикой Сталина, не содержится никаких опровержений приведенных выше высказываний генсека. Основываясь на всем этом, полагаю, что идея о Бухарине как творце программы Коминтерна не вполне состоятельна. В ней чрезмерно преувеличивается его роль и априори принимается на веру то, что он чуть ли не единолично написал всю программу Коминтерна. Антипатия к Сталину как политическому деятелю не может служить основанием к тому, чтобы ставить под сомнение его роль в разработке указанной программы. Равно как не может служить основанием для преувеличения роли Бухарина во всем этом деле. Изложение исторических событий все-таки должно базироваться на фактах, а не на симпатиях и антипатиях.

Резюмируя все изложенное выше в данном разделе, можно сделать вывод, что деятельность Сталина в сфере Коминтерна носила исключительно активный и плодотворный характер. Она стала одной из составляющих того колоссального опыта в международных делах, который позволил ему впоследствии твердо и решительно направлять курс советской внешней политики в чрезвычайно сложных условиях. Этот опыт расширил политический и теоретический кругозор Сталина, без которого были бы немыслимы его дальнейшие успехи на поприще мировой политики. Именно Сталин превратил Коминтерн в инструмент советской внешней политики. И этот инструмент в целом ряде аспектов был особенно ценным и незаменимым. В конечном счете не идея мировой революции играла роль маяка, освещающего путь развития Советской России, а сама Советская Россия стала тем маяком, по которому сверяли свои маршруты все остальные отряды мирового коммунистического движения.

В качестве заключительного аккорда хочу привести слова самого Сталина, демонстративно скромно оценившего свои заслуги и свою роль в рассматриваемый период своей политической деятельности. «Должен вам сказать, товарищи, по совести, что

я не заслужил доброй половины тех похвал, которые здесь раздавались по моему адресу. Оказывается, я и герой Октября, и руководитель компартии Советского Союза, и руководитель Коминтерна, чудо-богатырь и всё, что угодно. Всё это пустяки, товарищи, и абсолютно ненужное преувеличение. В таком тоне говорят обычно над гробом усопшего революционера. Но я еще не собираюсь умирать»⁴²

Как говорили тогда, скромность украшает большевика. А Сталин считал себя настоящим, а не липовым большевиком. К тому же, такая показная скромность сама по себе не только не преуменьшала его авторитета и роли, а, напротив, способствовала их росту. То, что все это были красивые слова, покажет лишь будущее. А Сталину предстояло пройти еще через многие рубежи, прежде чем он из скромного вождя превратится в единоличного вершителя судеб многих миллионов.

3. Сталин и вопросы китайской революции

Общая картина деятельности Сталина на международно-политическом поприще была бы далеко не полной, если бы мы обошли вниманием его участие в разработке и осуществлении линии Советской России и Коминтерна в отношении национальной революции середины 20-х годов в Китае. Эта тема заслуживает внимания по ряду причин. Прежде всего она позволяет на конкретном примере раскрыть применение формировавшейся внешнеполитической концепции Сталина и показать процесс эволюции его взглядов по китайскому вопросу. Во-вторых, эта тема заслуживает специального внимания в силу того, что проблема Китая вообще и проблема политики Советского Союза в отношении Китая сами по себе относятся к числу важнейших не только внешнеполитических, но и геополитических проблем. Надо принимать в расчет не только ситуацию середины 20-х годов, но и то, какое место занял Китай вообще во внешней политике Советского Союза, особенно после образования КНР. Отнюдь не второстепенное место занимает и комплекс вопросов, связанных с отношением Сталина к компартии Китая и ее лидерам. В ретроспективном ключе этот период важен и для понимания отношения Сталина к Мао Цзэдуну впоследствии, когда последний стал во главе нового Китая. Короче говоря, китайская страница в политической биографии Сталина имеет огромное значение. И если рамки тома не позволяют достаточно подробно осветить все ее главные аспекты, то на наиболее существенных моментах остановиться необходимо, ибо без этого Сталин как политическая фигура выглядел бы обедненным и узким.

Разумеется, я не ставил перед собой задачу объять необъятное. Многое осталось за скобками или же обозначено лишь пунктиром. Центр тяжести я сосредоточил не столько на освещении тех или иных нюансов в формировании и эволюции воззрений Сталина на китайскую проблему, сколько на существе его позиции, на мотивах, определявших общее направление и цели его политики в китайском вопросе. Именно это в моем представлении имеет существенное значение и для понимания Сталина как политика более позднего периода, когда комплекс советско-китайских отношений в конце 40-х — начале 50-х годов превратился в один из важнейших геополитических узлов международной жизни.

⁴² И. В. Сталин. Соч. Т. 8. С. 173.

Не предвзято общих выводов, подчеркну одну мысль: сам факт национальной революции в Китае, характер движущих сил, перспективы ее развития, а, следовательно, и отношение Советской России к событиям, происходившим на ее дальневосточных рубежах, Сталин определял прежде всего не на базе теории классовой борьбы, а на основе того критерия, как все это отразится на судьбах России, на ее международных позициях. Иными словами, здесь Сталин отдает предпочтение геополитическим, а не классовым соображениям. Что, конечно, нельзя понимать и истолковывать прямолинейно: так, будто он об этих целях говорил открыто и защищал свою точку зрения, приводя соответствующие геополитические аргументы. Напротив, реальная позиция Сталина не выражалась столь однозначно и без всяких оговорок. Она вуалировалась классовыми понятиями и выдержана в обычных для большевика-революционера тонах. Иначе и не могло быть. Однако стержневым элементом сталинской политики в китайском вопросе выступают именно геополитические расчеты, продиктованные не только и не столько потребностями текущего момента, а гораздо более долгосрочными интересам Советского государства.

Следует обозначить и еще один аспект позиции Сталина в китайском вопросе, имеющий, можно сказать, методологический характер. Речь идет о том, что Сталину его непосредственные оппоненты в период развертывания внутривластной борьбы, а затем исследователи его биографии впоследствии часто ставят в вину в качестве серьезного изъяна непоследовательность и определенные колебания. Так сказать, смену политических вех, от которой, мол, сильно отдает приспособленчеством и политическим флюгерством. На первый, поверхностный, взгляд такое впечатление действительно складывается, когда читаешь выступления генсека по китайскому вопросу. Это впечатление проистекает не только из самого факта пересмотра Сталиным некоторых своих позиций в ходе полемики вокруг китайской революции. А такой пересмотр был, и этого невозможно отрицать. Но корень таких колебаний или нюансировки в определении позиции объясняется не столько мнимым конформизмом генсека, а чрезвычайно сложным, стремительным и запутанным ходом самой китайской национальной революции.

Но были и другие причины. На одну из них указал М. Александров. Я позволю себе привести его оценку, хотя она, возможно, и несколько упрощает суть вопроса. Критикуя тех биографов Сталина (в частности, И. Дейчера), которые ставят ему в упрек то, что он на протяжении значительной части своей политической карьеры делал странные и неожиданные повороты то вправо, то влево, как бы в поисках какого-то компромисса, чтобы потом взорвать и уничтожить своих оппонентов, М. Александров пишет: «Неспособность Дейчера объяснить сущность сталинского «центризма» связана с тем, что он пытается сделать это в рамках марксистской теории. В действительности, политическая философия Сталина лежала в несколько иной плоскости, чем марксизм. С поразительной последовательностью и упорством он проводил в жизнь свою собственную доктрину, которая не была ни правой, ни левой, ни центристской, а просто была другой. Сложность, однако, состояла в том, что Сталину приходилось оперировать на поле, где преобладали люди, мыслящие в марксистских категориях и искать среди них союзников. Поэтому он был вынужден присоединяться к тем из них, чьи позиции в каждый конкретный момент совпадали с интересами его стратегического замысла. Когда же данный этап завершался, Сталин избавлялся от своих незадачливых попутчиков и присоединялся к другой

группировке. Отсюда, впечатление о его метаниях и прочее. Внутрипартийные коалиции были нужны Сталину до того момента, когда он сосредоточил всю полноту власти в своих руках и мог более или менее спокойно приступить к реализации собственной программы»⁴³.

На мой взгляд, крайне односторонним является получающий все большее распространение старый миф о том, что Сталин и вовсе не был революционером и интернационалистом, что в основе всей его политики лежали идеи великодержавности и государственности. Еще в середине прошлого века крупный русский мыслитель крайне антикоммунистического толка Г. Федотов писал по этому поводу: «Сталин никогда не был интернационалистом по своей природе: всегда презирал европейского рабочего и не верил в его революционные способности. Добившись единоличной, неограниченной власти в величайшей стране мира, что удивительного, если он приносит в жертву этой власти (и стране, с нею связанной) остатки своих бывших псевдорелигиозных убеждений? Интернациональный коммунизм для него, вероятно, значит не больше, чем православие для императорской дипломатии последних столетий: необходимый декорум для защиты национальных интересов»⁴⁴.

Сложность и противоречивость Сталина как политика мирового масштаба складывается из многих элементов. И одним из них выступает сочетание в нем революционера-ниспровергателя и государственника-созидателя. Оба эти качества были органически присущи Сталину, и было бы антиисторично не замечать или игнорировать это. Оба эти качества находились в сложном диалектическом взаимодействии и по-разному проявлялись на различных этапах его политической судьбы. На мой взгляд, одинаково неверно видеть в нем только революционера-разрушителя государственности или же только государственника-державника, которому, как сейчас говорят, революционные цели были до лампочки. Оба подхода неправильны и упрощенны. На примере позиции Сталина в китайском вопросе это отчетливо видно.

К проблемам Китая Сталин был причастен еще при жизни Ленина, выполняя обязанности члена Политбюро и Генерального секретаря. Об этом свидетельствуют факты: в частности, именно по рекомендации Сталина политическим советником при лидере китайской национальной революции Сунь Ятсене был назначен М. Бородин⁴⁵. В августе 1923 года Сунь Ятсен направил в СССР для изучения советского опыта и ведения переговоров по военно-политическим вопросам делегацию во главе с Чан Кайши, сыгравшим в дальнейшем большую, но весьма одиозную роль в судьбах Китая. В течение трех месяцев делегация знакомилась со структурой партийных органов, включая ЦК РКП(б), изучала работу советов, посещала воинские части, встречалась с руководящими деятелями СССР. По просьбе китайской делегации и с ее участием Президиум ИККИ обсудил политическую платформу реорганизуемого гоминьдана и 28 ноября 1923 г. принял резолюцию по вопросу о национально-освободительном движении в Китае и о партии гоминьдан, которая была вручена Чан Кайши. В этом документе Коминтерн предлагал гоминьдану последовательную революционную программу единого антиимпериалистического и антифеодального фронта, новую революционную трактовку

⁴³ В. М. Александров. Внешнеполитическая доктрина Сталина. С. 135.

⁴⁴ Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. Т. 2. С-Петербург: 1992. С. 53.

⁴⁵ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. Каталог. М. 2000. Т. 1. 1919 – 1929. С. 234.

«трех народных принципов» Сунь Ятсена. По всей вероятности, Сталин как Генеральный секретарь имел к визиту Чан Кайши прямое отношение и, возможно, лично встречался с ним. Однако в его биографической хронике этот вполне возможный факт не нашел отражения. Но в конце концов был ли Сталин лично знаком с Чан Кайши не имеет принципиального значения, хотя и представляет интерес сам по себе.

Сталин, считая себя знатоком национального вопроса, испытывал особый, можно сказать, даже повышенный интерес к китайской проблематике. Здесь ему представлялось обширное поле, чтобы на практике проявить свои познания в национальной проблематике и в особенности в вопросах развития национально-освободительного движения. Однако опираться на общетеоретические знания было недостаточно. Нужно было знать конкретную ситуацию в Китае, без чего любые теоретические и стратегические построения выглядели бы зыбкими и базировались как бы на песке. Сталину в начальный период явно не хватало конкретной и достоверной информации о положении в Китае, в гоминьдане и даже в самой компартии Китая. Об этом свидетельствует письмо заведующего Дальневосточным отделом ИККИ Г. Войтинского полномочному представителю СССР в Китае Л. Карахану в апреле 1925 года, в котором он, в частности, сообщал: «На днях во время продолжительного разговора со Сталиным выяснилось, что в его представлении коммунисты растворились в гоминьдане, не имеют самостоятельной организации и держатся гоминьданом «в черном теле». Тов. Сталин, выражая свое сожаление по поводу такого зависимого положения коммунистов, считал, по-видимому, что в Китае такое положение пока исторически неизбежно. Он очень удивился, когда мы ему объяснили, что компартия имеет свою организацию, более сплоченную, чем гоминьдан, что коммунисты пользуются правом критики внутри гоминьдана, и что работу самого гоминьдана в большой степени проделывают наши товарищи. В защиту своего представления о положении коммунистов в гоминьдане Сталин ссылался как на газетную, так и вообще на нашу информацию из Китая. Действительно можно полагать, что для тех, кто не бывал в Китае и не знаком с положением вещей там, сводки Бородин создали бы именно такое представление»⁴⁶.

Ставить под сомнение приведенное выше свидетельство нет никаких оснований. Но и предъявлять к генсеку завышенные требования таюже не вполне правомерно. Он в своих суждениях опирался на поставляемую ему информацию, а эта информация, видимо, зачастую была однобокой и неполной. Но по мере развития событий, по мере того, как Сталин углублялся в китайскую проблематику, он все больше овладевал знанием конкретной ситуации, без чего, конечно, его общестратегические положения относительно китайской революции могли просто повиснуть в воздухе. Пополняя свои познания в китайской проблематике, генсек — и это вполне естественно — в центре своего внимания держал ключевые вопросы. В этом плане приоритетное значение для Сталина имело определение характера китайской революции и ее главных движущих сил, а таюже увязка этих вопросов с интересами Советского Союза и его внешней политики.

Существовало несколько подходов к оценке китайской революции: один из них рассматривал ее прежде всего и главным образом как социальную революцию, в которой в качестве пружины, приводящей в движение все процессы, выступала классовая борьба.

⁴⁶ А. В. Панцов. Большевики и гоминьдан во время китайской революции 1925 – 1927 гг. (Электронная версия)

Прежде всего, борьба пролетариата против буржуазии и крестьянства против остатков феодализма. Предполагалось, что на почве совпадения коренных интересов рабочих и крестьян возможен их союз, призванный стать движущей силой китайской революции. К национальной буржуазии и к компрадорской буржуазии имелись разные подходы. Но в целом буржуазия рассматривалась, если не как противник национальной революции, то как ее ненадежный попутчик.

Другой принципиальный подход исходил из того, что китайская революция по своей природе имеет прежде всего национально-освободительный характер, поскольку ее главные цели заключались в том, чтобы объединить разрываемую различными милитаристскими группировками на независимые удельные княжества страну. Это — первая цель. Вторая заключалась в том, чтобы ликвидировать путы полуколониальной зависимости Китая от империалистических держав и добиться не формальной, а подлинной независимости.

Разумеется, от того, как оценивать характер китайской революции, зависело многое: и выработка ее стратегии и тактики, и ставка на те или иные социальные силы и слои общества, определение движущих сил этой революции и многое другое. Причем надо подчеркнуть, что только лишь в чистой теории, в абстрактном виде, можно проводить абсолютно четкое различие в подходах, поскольку в реальной жизни все факторы внутреннего развития страны переплетались, часто нарушая все заранее выбранные шаблоны и принципы. Отсюда вытекали и сложность анализа, частая смена лозунгов революции, классовые перегруппировки, смена позиций отдельных социальных групп и т. д. Словом, на практике в подходах к китайской революции возникало множество самых сложных и внутренне противоречивых проблем.

Сталин, если его позицию характеризовать общими мазками, придерживался второго подхода. Его противники из оппозиции в лице Троцкого, Зиновьева и др. исходили из первого подхода. Таким образом, водораздел проходил прежде всего по вопросу об оценке характера китайской революции, что с неизбежностью влекло за собой и принципиальные различия не только в общих вопросах, но и по всей сумме конкретных проблем развития китайской революции. Одним из центральных вопросов являлся вопрос об отношениях между компартией Китая и гоминьданом.

Китайский вопрос стал одним из главных международных вопросов, вокруг которых развертывалась и внутрипартийная борьба в верхах большевистской партии. Причем надо заметить, что внутрипартийная борьба в ВКП(б) наложила свою печать и на ход и перипетии событий в Китае. Следует подчеркнуть, что Советский Союз был непосредственно вовлечен практически во все важные процессы, происходившие в Китае: там находилось большое число советских политических и военных советников (главным военным советником был, например, будущий маршал Советского Союза В. Блюхер), активно вмешивавшихся в события и пытавшихся направить их развитие в соответствии с указаниями, поступающими из Москвы. Нередко указания из Москвы были противоречивыми, а то и слишком запоздалыми — стремительное развитие событий часто превращало «советы из Москвы» в анахронизмы.

Возвращаясь к позиции Сталина, нужно сказать, что он очень высоко оценивал значение и шансы развития революционной борьбы в Китае и предостерегал против недооценки революционного потенциала национально-освободительного движения

китайского народа. Причем основной акцент генсек делал на национально-освободительном характере китайской революции, и это вполне соответствовало тогдашним историческим реалиям. Для Сталина было важно, чтобы на восточных рубежах нашей страны существовал независимый и дружественный нам Китай, а не марионетка ведущих западных держав, которую последние могли использовать как своеобразную карту в борьбе против Советской России. Тем более что империалистическая и агрессивно настроенная Япония не могла не тревожить самым серьезным образом советское руководство. Поэтому иметь на Востоке дружественную державу в лице объединенного, проводящего самостоятельную независимую политику Китая — было равнозначно серьезному укреплению общих международных позиций Советского Союза. Этот стратегический расчет Сталина был ориентирован не только на настоящее, но и на будущее. В данном подходе Сталина четко проявляется его способность мыслить широкими геополитическими категориями, а не какими-то временными, преходящими и даже конъюнктурными интересами. Попутно стоит обратить внимание на одно существенное обстоятельство: генсек, выступая в тоге рачительного хозяина, решительного противника расточительства государственных средств, не упускал из вида и, так сказать, материальную цену той или иной политической линии. Это видно из следующего его заявления, которое, кстати, вообще говоря, приложимо и к оценке внешнеполитической концепции Сталина в целом. Вот как он расценивал материальную (в смысле финансовых издержек) сторону внешней политики:

«Нам говорят, что политика дружбы, проводимая нами в отношении зависимых и колониальных народов Востока, чревата некоторыми уступками с нашей стороны и, стало быть, некоторыми издержками для нас. Это, конечно, верно. Но всякая другая политика была бы для нас неприемлемой не только с точки зрения принципиальной, но и с точки зрения издержек по внешней политике. Что мы здесь принципиально не можем проводить иной политики, кроме политики дружбы, это вытекает из самой природы Советской власти, разбившей оковы империализма и построившей на этом свою мощь. Поэтому я не буду распространяться об этом.

...Но допустим, что отношения с этими странами были бы у нас не дружескими, а враждебными, как это имело место в период русского самодержавия. Мы были бы вынуждены тогда держать на этих границах несколько армий, вооружённых с ног до головы, и целый ряд военных кораблей на Дальнем Востоке, как это делают теперь некоторые империалистические государства. А что значит держать несколько армий на этих границах и соответствующий флот? Это значит расходовать ежегодно на эти армии и флот сотни миллионов рублей народных денег. Это тоже была бы восточная политика. Но это была бы самая нерасчётливая, самая расточительная и самая опасная политика из всех возможных политик. Вот почему я думаю, что наша политика на Востоке есть самая правильная в принципиальном отношении, самая верная с точки зрения политических результатов и **самая экономная** (выделено мною — Н. К.) из всех возможных политик на Востоке»⁴⁷.

Надо подчеркнуть, что в тех условиях, когда у страны не хватало средств даже на удовлетворение самых насущных потребностей, а впереди стояла задача скорейшего подъема всего народного хозяйства, столь существенный критерий, как экономность

⁴⁷ И. В. Сталин. Соч. Т. 9. С. 171–172.

внешней политики, стоял не в последнем ряду критериев, на основании которых можно было выносить суждение о ее эффективности и обоснованности.

Перспективный и основанный на реализме подход Сталина к китайской проблематике базировался на трезвом анализе фундаментальных особенностей китайской революции. Именно это давало возможность предугадать основное русло, в котором будет развиваться эта революция. Я позволю себе привести довольно обширную выдержку из высказываний Сталина. Сформулированная в собственном ему лаконичном и несколько катехизисном виде, эта позиция сводилась к следующим трем положениям:

«Первая особенность состоит в том, что китайская революция, будучи революцией буржуазно-демократической, является вместе с тем национально-освободительной революцией, направленной своим остриём против господства чужеземного империализма в Китае. Этим она отличается, прежде всего, от революции в России в 1905 году. Дело в том, что господство империализма в Китае проявляется не только в его военном могуществе, но прежде всего в том, что основные нити промышленности в Китае, железные дороги, фабрики и заводы, копи, банки и т. д. находятся в распоряжении или под контролем чужеземных империалистов. Но из этого следует, что вопросы борьбы с чужеземным империализмом и их китайскими агентами не могут не играть серьёзной роли в китайской революции. Тем самым китайская революция непосредственно смыкается с революциями пролетариев всех стран против империализма.

Вторая особенность китайской революции состоит в том, что крупная национальная буржуазия до последней степени слаба в Китае, что она несравненно слабее русской буржуазии периода 1905 года. Это и понятно. Если основные нити промышленности сосредоточены в руках чужеземных империалистов, то крупная национальная буржуазия в Китае не может не быть слабой и отсталой. В этом отношении замечание Мифа (один из видных сотрудников аппарата Коминтерна, занимавшийся китайскими проблемами — Н. К.) насчёт слабости национальной буржуазии в Китае, как одного из характерных фактов китайской революции, является совершенно правильным. Но из этого следует, что роль инициатора и руководителя китайской революции, роль вождя китайского крестьянства должна неминуемо попасть в руки китайского пролетариата и его партии, — подчеркивал Сталин.

Не следует также забывать о третьей особенности китайской революции, состоящей в том, что рядом с Китаем существует и развивается Советский Союз, революционный опыт которого и помощь которого не может не облегчить борьбы китайского пролетариата против империализма и против феодально-средневековых пережитков в Китае»⁴⁸.

Бесспорно, в заслугу Сталина надо поставить и то, что он выдвинул и обосновал тезис об особой форме интервенции, которую условно можно назвать косвенной, непрямой, но тем не менее весьма эффективной формой агрессии. Такая агрессия весьма часто использовалась империалистическими державами, порой сочетаясь с методами непосредственной, прямой агрессии. Было бы явным преувеличением утверждать, что тезис генсека об особой форме агрессии против Китая являлся каким-то открытием или новацией в анализе международных проблем. Но тем не менее акцент, сделанный Сталиным на этом виде агрессии, заслуживает пристального внимания и должной оценки. Вот что он говорил по поводу этой особой формы агрессии: «...Дело не только, или даже не

⁴⁸ И. В. Сталин. Соч. Т. 8. С. 358–359.

столько в вводе чужеземных войск, а в той поддержке, которую оказывают империалисты всех стран контрреволюции в Китае. Интервенция чужими руками — в этом теперь корень империалистической интервенции.

Поэтому империалистическая интервенция в Китае есть несомненный факт, против которого и направлена своим остриём китайская революция.

Поэтому, кто обходит или недооценивает факт империалистической интервенции в Китае, тот обходит или недооценивает самое главное и самое основное в Китае»⁴⁹.

Предметом самой острой политической борьбы как в самом Китае, так и в верхах ВКП(б), выступал вопрос о сотрудничестве между гоминьданом и компартией. Компартия в начале революции вошла в состав гоминьдана, чтобы тем самым усилить его революционное крыло. Однако как в самом гоминьдане, так и в КПК, были силы, противившиеся такому альянсу. Тем более что после смерти Сунь Ятсена и прихода к руководству гоминьдана Чан Кайши в этой партии резко усилилось влияние откровенно антикоммунистических сил. Шла постоянная и непримиримая борьба, которая в конце концов должна была привести к какому-то логическому завершению. Попытка Чан Кай-ши в марте 1926 года изгнать коммунистов из гоминьдана была первой серьёзной попыткой национальной буржуазии обуздать революцию. Известно, что Сталин уже тогда считал, что «необходимо вести линию на сохранение компартии в составе гоминьдана», что нужно «вести дело к уходу или исключению правых из гоминьдана»⁵⁰. Сталин исходил из того, что это была линия на дальнейшее развёртывание революции, на тесное сотрудничество левых и коммунистов внутри гоминьдана и в составе национального правительства, на укрепление единства гоминьдана и одновременно — на разоблачение и изоляцию правых в ГМД. В ноябре 1926 года на заседании китайской комиссии ИККИ он утверждал: «Выход китайских коммунистов из гоминьдана в настоящее время был бы глубочайшей ошибкой. Весь ход китайской революции, её характер, её перспективы с несомненностью говорят о том, что китайские коммунисты должны остаться в гоминьдане и усилить там свою работу.

Но может ли китайская компартия участвовать в будущей революционной власти? Не только может, но и должна участвовать. Ход революции в Китае, её характер, её перспективы красноречиво говорят о том, что китайская компартия должна участвовать в будущей революционной власти Китая»⁵¹.

Обращает на себя внимание одно обстоятельство. В той же речи генсек выдвинул еще одно положение, которое к тому времени воспринималось уже как анахронизм, как отзвук вчерашнего дня: «Учащаяся молодёжь (революционные студенты), рабочая молодёжь, крестьянская молодёжь, — всё это такая сила, которая могла бы двинуть революцию семимильными шагами, если её подчинить идейному и политическому влиянию гоминьдана»⁵². Не случайно, что при публикации этой речи в собрании сочинений содержалось на той же странице следующее примечание, нацеленное на то, чтобы задним числом оправдать высказанную Сталиным мысль: «В тогдашних условиях такая политика была правильна, так как гоминьдан представлял тогда блок коммунистов и более или менее левых гоминьдановцев, проводивший антиимпериалистическую революционную политику. Впоследствии эта политика была отменена, как не соответствующая больше

⁴⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 8. С. 361.

⁵⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 9. С. 223.

И. В. Сталин. Соч. Т. 8. С. 367.

⁵² И. В. Сталин. Соч. Т. 8. С. 373.

интересам китайской революции, так как гоминьдан отошёл от революции и в дальнейшем превратился в центр борьбы против революции, а коммунисты вышли из гоминьдана, порвав с ним»⁵³.

Поправка задним числом, конечно, ничего не меняет. Позиция Сталина по вопросу участия коммунистов в гоминьдане, за которую от довольно долго боролся, в конечном счете оказалась бесперспективной и привела к серьезным провалам в деле развития революции в Китае.

Коалиция революционных сил вокруг гоминьдана была разношерстной и внутренне исключительно неустойчивой в силу коренной противоположности целей, преследовавшихся ее участниками. После освобождения Шанхая весной 1927 года противоречия внутри революционной (тогда уже с большим знаком вопроса!) коалиции приняли чрезвычайно острый и открытый характер. В военно-политических столкновениях весны, лета и осени 1927 года, по сути дела, решался вопрос о том, какие элементы этой широкой антиимпериалистической социальной коалиции под эгидой гоминьдана займут доминирующие позиции и будут определять социальную природу формировавшейся власти. Именно в это время складывается блок гоминьдановской военщины, помещиков и крупной буржуазии, которые рассматривали гоминьдан как удобный политический рычаг для утверждения своего господства и вместе с тем как ту социальную организацию, опираясь на которую они могли рассчитывать довести до конца национальную революцию в тех рамках и в тех пределах, в которых они были заинтересованы и считали для себя возможными⁵⁴.

Переворот, совершенный Чан Кайши в апреле 1927 года, расставил все точки в незавершившейся еще национальной революции. Коммунисты начали подвергаться жестоким репрессиям и о каком-либо едином национальном фронте уже смешно было даже заикаться, а не то, чтобы всерьез вести речь. Изгнание коммунистов из гоминьдана, распад единого фронта, начало вооруженной борьбы между гоминьданом и компартией Китая, утверждение гоминьдановской государственности как власти правонационалистической коалиции, стремящейся к решению национально-освободительных задач путем реформ, выгодных буржуазии (в том числе компрадорской), знаменовали завершение национальной революции 1925 — 1927 гг. как одного из важнейших этапов национально-освободительной революции в Китае.

Казалось бы, ситуация прояснилась до прозрачности и стала совершенно определенной, не терпящей каких-либо половинчатых оценок. Было очевидно, что в тактических вопросах — продолжение сотрудничества коммунистов и гоминьдана, выдвижение всякого рода лозунгов, явно не отвечавших реальной обстановке и многое другое — политика Сталина в китайском вопросе потерпела провал. Но Сталин не был бы Сталиным, если бы прямо и открыто признал свою неправоту в важных вопросах китайской революции. Он продолжал еще некоторое время отстаивать некоторые положения своей прежней тактической линии. Так, его реакцией на принципиально новый разворот событий в Китае явилось выдвижение следующей установки: «Переворот Чан Кайши знаменует собой отход национальной буржуазии от революции, рождение центра национальной контрреволюции и сделку правых гоминьдановцев с империализмом

⁵³ И. В. Сталин. Соч. Т. 8. С. 373.

⁵⁴ См. *Новейшая история Китая. 1917 – 1927*. М. 1983. С. 358.

против китайской революции.... Но из этого следует, что политика сохранения единства гоминьдана, политика изоляции правых внутри гоминьдана и использования их для целей революции уже не отвечает новым задачам революции. Эта политика должна быть заменена политикой решительного изгнания правых из гоминьдана, политикой решительной борьбы с правыми, вплоть до полной их политической ликвидации, политикой сосредоточения всей власти в стране в руках **революционного** гоминьдана, гоминьдана без правых его элементов, гоминьдана, как блока между левыми гоминьдановцами и коммунистами»⁵⁵.

Читатель даже из этого довольно схематичного и несколько сумбурного обзора событий национально-освободительной революции в Китае, очевидно, сделает правомерный вывод о том, что Сталин в ряде серьезных вопросов допустил крупные политические промахи. Это было действительно так. И это несмотря на то, что он, может быть, глубже других тогдашних руководящих деятелей партии понимал необходимость безусловного учета реальных особенностей положения в Китае. На этот счет можно было бы привести немало высказываний генсека, но я приведу лишь одно, в обобщенном виде выражающее его точку зрения:

«Несмотря на идейный рост нашей партии, у нас в партии существует еще, к сожалению, известный сорт «руководителей», которые искренне верят, что можно руководить революцией в Китае, так сказать, по телеграфу, на основе известных, всеми признанных общих положений Коминтерна, **не считаясь** с национальными особенностями китайской экономики, китайского политического строя, китайской культуры, китайских нравов, традиций. Эти «руководители» тем, собственно, и отличаются от настоящих руководителей, что у них всегда имеются в кармане две-три готовые формулы, «пригодные» для всех стран и «обязательные» при всяких условиях. Для них не существует вопроса об учёте национально-особенного и национально-специфического в каждой стране. Для них не существует вопроса об увязке общих положений Коминтерна с национальными особенностями революционного движения в каждой стране, о приспособлении общих положений Коминтерна к национально-государственным особенностям отдельных стран»⁵⁶.

Как видим, генсек выдвигал учет национальных особенностей страны на первый план в числе условий, необходимых при выработке общего курса. И тем не менее на практике это удавалось делать отнюдь не всегда. Сам Сталин нередко попадал в положение тех руководителей, которых он же сам критиковал и высмеивал.

Однако констатировать это и поставить здесь точку или многоточие было бы неверно. Может сложиться впечатление, что правы были оппозиционеры во главе с Троцким, критиковавшие китайскую политику Сталина как предательскую, льющую воду на мельницу международного империализма. В своих мемуарах он писал: «Руководство эпигонов в Китае означало попрание всех традиций большевизма. Китайская коммунистическая партия была, против ее воли, введена в состав буржуазной партии гоминьдан и подчинена ее военной дисциплине. Создание Советов было запрещено. Коммунистам рекомендовалось сдерживать аграрную революцию и не вооружать рабочих без разрешения буржуазии. Задолго до того, как Чан-Кайши разгромил шанхайских

рабочих и сосредоточил власть в руках военной клики, мы предупреждали о неизбежности этого исхода. С 1925 г. я требовал выхода коммунистов из гоминьдана. Политика Сталина — Бухарина не только готовила и облегчала разгром революции, но, при помощи репрессий государственного аппарата, страховала контрреволюционную работу Чан Кайши от нашей критики. В апреле 1927 года Сталин на партийном собрании в Колонном зале все еще защищал политику коалиции с Чан Кайши, призывая доверять ему. Через пять-шесть дней после того Чан Кайши утопил шанхайских рабочих и коммунистическую партию в крови»⁵⁷.

Сталин, хотя и не мог не видеть некоторых своих просчетов, тем не менее решительно и категорически отвергал платформу Троцкого и его сторонников в китайском вопросе. Он подчеркивал, что основная ошибка оппозиции состоит в непонимании характера революции в Китае, в непонимании того, какой этап проходит ныне эта революция, в непонимании нынешней международной обстановки в целом и тогдашнего международного положения Китая в особенности.

Сталин подчеркивал, что в настоящее время (весна 1927 г.) дать лозунг создания советов в Китае и борьбы против гоминьдана — «это значит, наконец, не понимать того, какой этап проходит революция в Китае в данный момент. Это значит дать врагам китайского народа новое оружие в руки для борьбы с революцией, для создания новых легенд о том, что в Китае происходит не национальная революция, а искусственное пересаживание «московской советизации»⁵⁸. Аргументация Сталина не просто выдерживает критику, но и вполне убедительна. Она основывалась на понимании глубоких национальных интересов Советской страны, а не на попытках искусственно советизировать процесс китайской революции, к чему фактически и сводилась точка зрения Троцкого и его соратников по оппозиции.

Специальный вопрос касается отношения Сталина к руководству компартии Китая. Рассмотрение всех главных составляющих этого отношения выходит за круг задач моей работы. Думаю, что достаточно выделить лишь самое существенное, а именно — резко критическую оценку генсеком деятельности как самой китайской компартии, так и в особенности ее руководства. Причем свою разнсную критику генсек не высказывал публично, очевидно, опасаясь получить в ответ упреки в грубом вмешательстве в дела другой, пусть и родственной, но тем не менее формально самостоятельной партии. В письме Молотову и Бухарину в июле 1927 года Сталин выдвинул ряд серьезных обвинений в адрес компартии (в письме она сокращенно именуется ККП — китайская коммунистическая партия — Н. К.). В частности, он указывал:

«...Нынешний ЦК (его верхушка) выковался в период общенациональной революции, он получил свое крещение в этот именно период, и он оказался совершенно неприспособленным к новой, аграрной фазе революции. ЦК ККП не понимает смысла новой фазы революции. В ЦК нет ни одной марксистской головы, способной понять подоплеку (социальную подоплеку) происходящих событий. ЦК ККП не сумел использовать богатый период блока с ГМД для того, чтобы повести бешеную работу по открытой организации революции, пролетариата, крестьянства, революционных воинских частей, по революционизированию армии, по противопоставлению солдат

Лев Троцкий. Моя жизнь. С. 504–505.

⁵⁸ И. В. Сталин. Соч. Т. 9. С. 229.

генералам. Целый год сидел ЦК ККП на шее у ГМД, пользовался свободой работы, свободой организации и ничего не сделал для того, чтобы превратить конгломерат элементов (правда, довольно боевых), неправильно называемых партией, в действительную партию...

Вот почему я боялся пустить раньше времени такую партию в свободное плавание по «океан-море» (разобьется, не успев окрепнуть...)

Вот почему вопрос о партии считаю я теперь основным вопросом кит[айской] революции.

Как лечить этот конгломерат, неправильно называемый у нас китайской компартией? Отзыв Чендусю или Танкинчяна (Чэнь Дусю тогда был генеральным секретарем ЦК компартии; Тан Пиншань являлся одним из влиятельных членов тогдашнего руководства партии — Н. К.) тут не поможет, конечно, хотя я не возражаю против того, чтобы вызвать их и кой-чему их научить. Нужны другие меры. Нужно создать на кит[айском] языке хорошую марксистско-ленинскую литературу, основательную, а не из «прокламашек», отдав на это без колебаний нужную сумму... Далее. Мы слишком много занимались организацией системы советников при армиях в Китае (причем эти советники оказались политически не на месте, т. к. никогда не умели вовремя предупредить нас о перебежке своих «шефов»). Пора заняться теперь по-настоящему организацией системы партсоветников при ЦК ККП, при отделах ЦК, при областных организациях в каждой провинции, при отделах этих облорганизаций, при комсомоле, при крестотделе ЦК (отдел по работе среди крестьян — Н. К.), при военотделе ЦК, при ЦО, при федерации профсоюзов Китая. Нужно вычистить из Китая и Бородину, и Роя, и всех тех оппозиционеров, которые мешают там работе. Нужно посылать обычно в Китай не тех, кого нам не нужно, а хороших работников. Нужно поставить дело так, чтобы все эти партсоветники составляли одно целое в своей работе, направляемое главным советником при ЦК (он же представитель КИ). Эти «няньки» необходимы на данной стадии ввиду слабости, бесформенности, политической аморфности и неквалифицированности нынешнего ЦК. ЦК будет учиться у партсоветников. Партсоветники будут восполнять громадные недочеты ЦК ККП и его областных верхушек. Они же послужат (пока что) гвоздями, скрепляющими нынешний конгломерат в партию».⁵⁹

Надо отметить, что критика Сталина в своей основе была справедливой, хотя и указывала отнюдь не лучший выход из создавшегося положения. Ведь причины поражения революции коренились не только и даже не столько в ошибках руководства компартии, сколько в первую очередь в самом объективном течении общественного процесса китайского общества в тот период. Расклад социально-политических сил в стране был таков, что он с логической закономерностью предопределил роковой исход национально-освободительной революции в Китае.

С точки зрения общих законов развития общественных процессов, в том числе и революций, данный вывод выглядит достаточно убедительным. Однако его нельзя причислить к истинам в последней инстанции. По поводу действительных причин поражения китайской революции существует немало различных точек зрения. Одну из них выразил бывший лидер компартии Китая Чэнь Дусю через пару лет после своего отстранения от руководства. Вот как он оценивал реальные причины поражения:

⁵⁹ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925 – 1936 гг. С. 113–115.

«С того времени, как я последовал призыву организовать китайскую коммунистическую партию в 1920 году, я искренно выполнял в дальнейшем оппортунистическую политику лидеров Интернационала, Сталина, Зиновьева, Бухарина и других, которая привела китайскую революцию к постыдному и ужасному поражению. Хотя я тяжело работал день и ночь, однако, мои ошибки перевешивают мои заслуги. Я отнюдь не хочу подражать лицемерной исповеди некоторых древних китайских императоров, провозглашавших: «Я один ответствен за все грехи народа», — нет, я не собираюсь брать на свои плечи все ошибки, приведшие к поражению; с другой стороны, однако, я считаю постыдным поведение тех ответственных товарищей, которые критикуют прошлые ошибки оппортунизма только для того, чтоб исключить из них себя самих...

Я категорически признаю, что объективные причины поражения прошлой китайской революции имеют второстепенное значение, и что главной причиной поражения являются ошибки оппортунизма, т. е. ложность всей нашей политики по отношению к буржуазному гоминьдану...»⁶⁰

Можно соглашаться или не соглашаться с точкой зрения, высказанной бывшим генсеком китайской компартии. На этот счет есть и серьезные сомнения, поскольку он явно старался переложить вину с себя на руководство Коминтерна, в том числе и на Сталина лично. Однако полностью проигнорировать его свидетельство также нельзя. Оно в определенной степени проясняет вопрос о соотношении объективных и субъективных факторов, обусловивших поражение китайской революции. А потому и представляет несомненный исторический интерес.

Возвращаясь к критическим замечаниям Сталина, надо сказать, что они не остались гласом вопиющего в пустыне. Это был не тот голос, который можно было не услышать. Буквально через несколько недель они нашли свою политическую и организационную реализацию в соответствующих решениях Исполкома Коминтерна и самой коммунистической партии Китая. В августе 1927 года состоялось чрезвычайное совещание ЦК КПК, получившее в истории КПК название «августовское совещание». Оно официально отстранило от руководства партией Чэнь Дусю и его сторонников, выдвинув против них обвинение в совершении грубых правооппортунистических ошибок в критический период революции 1925 — 1927 гг., выразившихся прежде всего в отказе выполнить директивы ИККИ о немедленном развертывании аграрной революции и создании собственных вооруженных сил. Перед партией и всеми ее организациями была выдвинута задача очиститься от правого оппортунизма идеологически и организационно. Совещание избрало Временное Политбюро, в состав которого вошли, в частности, Мао Цзэдун (как кандидат в члены ПБ) и Чжоу Эньлай (как член ПБ)⁶¹. В будущих судьбах Китая одному из них — Мао Цзэдуну — суждено будет сыграть роль в немалой степени аналогичную роли Сталина в истории Советского Союза.

В прямом соответствии с критическими замечаниями Коминтерна (а они отражали в главных своих положениях взгляды Сталина) августовское совещание проанализировало ситуацию в стране и следующим образом обобщило причины поражения компартии и ее политического курса: «Победа буржуазно-милитаристской реакции, увлекшей за собой и

⁶⁰ Бюллетень оппозиции" № 14–15. 1930 г. (Электронный вариант).

⁶¹ А. М. Григорьев. Коммунистическая партия Китая в начальный период советского движения. (июль 1927 г. — сентябрь 1931 г.). М. 1976. С. 24–28.

некоторые слои городской мелкой буржуазии (преимущественно из рядов интеллигенции и служащих), была бы совершенно невозможна в таком крупном масштабе, если бы руководство коммунистической партии Китая и до апреля 1927 г., и в особенности после апреля, не проводило капитулянтской и ликвидаторской по отношению к массовому движению линии вместо революционной, большевистской тактики. Острый кризис, через который проходит теперь китайская революция, имеет своей причиной поражение революционного массового движения, направленного под руководством коммунистической партии Китая по совершенно ложному пути. Одним из основных условий преодоления этого кризиса является правильная революционная тактика коммунистической партии Китая, исходящая из классовых интересов пролетариата и ставящая перед собой объективно разрешимые задачи на каждом этапе борьбы»⁶².

Из приведенных выше примеров с достаточным на то основанием можно сделать вывод, что Сталин как Генеральный секретарь непосредственно занимался выработкой не только общестратегических, но и чисто тактических вопросов, связанных с осуществлением китайской национально-освободительной революции. Именно в этот период он приобрел немалый опыт в китайских делах, что впоследствии сослужило ему хорошую службу, когда он вплотную столкнулся с китайской проблематикой уже не столько в качестве деятеля революционного движения, сколько в качестве руководителя Советского Союза. Причем, как мне кажется, приобретенный им в рассматриваемый период опыт сослужил ему не только хорошую, но и плохую службу. Поскольку он отражал не только верное понимание ключевых моментов китайской революции, но и заблуждения и ошибки, присущие Сталину в подходе к китайской проблематике. В особенности надо иметь в виду прежде всего нелестные филиппики в отношении того, что в ЦК китайской компартии «нет ни одной марксистской головы», а также о роли «нянек-полисоветников» и т. д.

Суммируя, можно сделать заключение, что Сталин в вопросах китайской революции в целом придерживался правильной стратегической линии, что, однако не могло гарантировать его от ошибок тактического порядка. Да, собственно, косвенно он и сам признал это. Правда, в весьма своеобразной форме: «Оппозиция объясняет временное поражение революции политикой Коминтерна. Но так могут говорить лишь люди, порвавшие с марксизмом. Только люди, порвавшие с марксизмом, могут требовать, чтобы правильная политика вела всегда и обязательно к **непосредственной** победе над противником... Правильная политика вовсе не должна вести всегда и обязательно к непосредственной победе над противником. Непосредственная победа над противником определяется не только правильной политикой, но и, прежде всего и главным образом, соотношением классовых сил, явным перевесом сил на стороне революции, распадом в лагере противника, благоприятной международной обстановкой»⁶³.

И в качестве финального аккорда хочу привлечь внимание к одному, на мой взгляд, немаловажному моменту. Сталина многие его политические противники, а впоследствии и биографы, презрительно называли «азиатом», вкладывая в это понятие всю гамму самых негативных качеств человека как политика. Я не стану здесь полемизировать и ставить под вопрос то, что ему действительно были присущи такие черты, которые в обиходе называют

⁶² Программные документы коммунистических партий Востока. М. 1934. С. 5.

⁶³ И. В. Сталин. Соч. Т. 9. С. 344–345.

азиатчиной. Кстати, в первом томе приводилось соответствующее высказывание на этот счет Ленина. В данном случае речь идет о чем-то более широком, нежели личные черты Сталина как политика. В 1925 году Сталин ответил на вопросы одного японского корреспондента. Этот корреспондент предварил свои вопросы общим заявлением о том, что «японский народ, являясь самым передовым из народов Востока, более всех заинтересован в успехах освободительного движения народов Востока. Он бы охотно стал союзником СССР в этом великом деле — в деле освобождения поработанных народов Востока из-под ига империализма западных держав. Однако Японии, являющейся в то же время капиталистическим государством, приходится иногда идти против этого движения, став в рядах на одном фронте с западными державами». Далее он спросил: «У нас, у японского народа, есть лозунг — «Азия для азиатов». Не находите ли Вы общность между нашим стремлением и вашей революционной тактикой по отношению к колониальным странам Востока?»

Сталин дал следующий ответ: «Вы спрашиваете: нет ли общности между лозунгом «Азия для азиатов» и революционной тактикой большевиков в отношении колониальных стран Востока?»

Поскольку лозунг «Азия для азиатов» означает призыв к революционной войне с империализмом Запада, постольку — но только постольку — общность тут несомненно имеется.

Но лозунг «Азия для азиатов» захватывает не только эту сторону дела. Он содержит в себе ещё два составных элемента, совершенно несовместимых с тактикой большевиков. Во-первых, он обходит вопрос о восточном империализме, как бы считая, что восточный империализм лучше западного, что с восточным империализмом можно и не бороться. Во-вторых, он, этот лозунг, прививает рабочим Азии чувство недоверия к рабочим Европы, отчуждает первых от вторых, разрывает интернациональную связь между ними и подрывает, таким образом, самые основы освободительного движения.

Революционная тактика большевиков направлена не только против западного империализма, но против империализма вообще, в том числе и восточного»⁶⁴.

Несмотря на всю свою «азиатчину», а может быть, именно благодаря ей, Сталин четко понимал необходимость учитывать опасность японского экспансионизма и создавать условия, при которых натиск на Россию со стороны Японии (а он шел по нарастающей) был бы ослаблен всеми средствами. Объединенный же Китай как раз и был своеобразным стратегическим резервом Советского Союза в минимализации подобной угрозы. Именно данное соображение — а оно не только стратегического, но и геополитического свойства — по существу, и лежало в основе политики Сталина в китайском вопросе.

Глава 6

РАЗГРОМ СТАЛИНЫМ ПРАВОЙ ОППОЗИЦИИ

ОП

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОНД

1. Истоки и сущность противоборства между Сталиным и группой Бухарина

Разгром объединенной троцкистско-зиновьевской оппозиции не стал финалом внутрипартийной борьбы, на окончание которой рассчитывали многие не только в руководстве страны, но и в широких партийных массах, а также в стране в целом. Крах очередной оппозиции стал для Сталина трамплином для начала нового раунда схватки со своими реальными и потенциальными противниками. Он чувствовал себя победителем, но победа его не была полной, а тем более окончательной пока в руководстве партии оставались люди, способные бросить ему вызов в связи с проведением намеченного им курса. Внутрипартийные разногласия, конечно, явление вполне естественное в каждой партии, особенно в той, которая прокладывает пути в неизведанное будущее. Но чрезвычайно серьезным и тревожным симптомом стала закономерная и неизбежная трансформация таких разногласий в противоборство не на жизнь, а на смерть. С точки зрения обыденной человеческой логики такой феномен воспринимался с большим трудом и порождал массу сомнений: почему с какой-то зловещей закономерностью на смену одной оппозиции приходит новая? Почему, наконец, по мере упрочения позиций Советской власти внутрипартийная борьба не только не затухает, но и обретает все большие масштабы и все большую остроту?

Эти и ряд других не менее важных вопросов вызывали тревогу в умах и сердцах партийных масс и требовали ясного и четкого ответа на них. В их сознании еще не сформировалась ставшая впоследствии аксиомой идея, согласно которой по мере упрочения позиций социализма, по мере достижения новых успехов в строительстве нового общества, классовая борьба не только не сужает свой размах и свои рамки, но, напротив, обостряется. Сталин нуждался в теоретическом обосновании с позиций марксистско-ленинского идеологического арсенала факта не только продолжения, но и ужесточения внутрипартийной борьбы. Ему нужно было доказать, что борьба в партийных верхах имеет не личную окраску, а носит объективно обусловленный классовый характер. Что она сама по себе выступает как отражение и выражение классовой борьбы в советском обществе, строящем новый строй. Этим положениям следовало придать характер объективной закономерности, обусловленной реальным развитием событий в стране, возвести их в своего рода непреложный постулат.

Было бы упрощением исходить из посылки, что генсек чисто умозрительно пришел к выводу об обострении классовой борьбы. В период, о котором идет речь (а это конец 20-х

годов), конечно, не являл собой некую идиллию в классовых отношениях, не представлял собой эталон классовой стабильности и классового сотрудничества всех социальных сил тогдашнего советского общества. Страна переживала полосу серьезных экономических трудностей и потрясений, сталкивалась с тяжелейшими проблемами практически во всех сферах жизни.

Ниже в самых общих чертах будет охарактеризована сложившаяся к тому времени ситуация, поскольку без знакомства с нею трудно понять мотивацию и аргументацию развернувшейся в партии в 1928 — 1929 гг. ожесточенной борьбы с так называемым правым уклоном. Главным политическим и идейным выразителем этого уклона выступил Бухарин. Наряду с Бухариным ведущими фигурами этого уклона стали председатель Совнаркома Рыков, лидер советских профсоюзов Томский и руководитель московской организации ВКП(б) Угланов. Первые трое являлись членами Политбюро, Угланов был кандидатом в члены ПБ. В дальнейшем по ходу изложения материала представится возможность дать краткие характеристики этих ведущих деятелей правой оппозиции. Здесь же уместно сделать лишь одно замечание, так сказать, основополагающего плана.

На первый взгляд кому-то может показаться, что разгром Сталиным троцкистско-зиновьевской оппозиции сделал его позиции совершенно неуязвимыми, а его лидирующее положение в партийных верхах абсолютно незыблемым. Мол, достигнутая победа стала залогом того, что против него никто не возвысит своего голоса и что ему остается только почивать на лаврах. Такое предположение не соответствовало реальной действительности. Да, Сталин обеспечил и упрочил свое место как первый среди равных. Но в этом как раз-то и коренился источник будущей неотвратимой схватки, ибо он пока еще был лишь **одним** из тех, кто определял главное направление политики страны. Но он **не был единственным**, кто обладал таким правом. Он не мог не считаться с мнением своих вчерашних соратников по разгрому Троцкого и его сторонников. Он не мог игнорировать при принятии важных решений позиции и точки зрения таких фигур, как фактический руководитель Коминтерна Бухарин, глава правительства Рыков и лидер профсоюзов Томский.

Сталину нужна была не просто власть как таковая (он ею обладал в достаточной степени в качестве Генерального секретаря), но власть единоличная, власть верховная, такая власть, где его голос при любом раскладе сил в партийной верхушке всегда будет решающим. Разумеется, он никогда ни единым словом не мог говорить об этом, поскольку подобная вещь считалась абсолютно несовместимой с фундаментальными принципами партийной жизни, как они были закреплены в Уставе. Естественно, что в своих выступлениях Сталин всегда ратовал за коллегиальность в руководстве, что, однако, на деле не мешало ему превращать этот принцип в пустую формальность, в своего рода мантию прикрытия его единовластия. Не случайно — и это весьма показательно — весь процесс утверждения своего единовластия в партии он провел под флагом строгого и неукоснительного соблюдения утвержденных норм партийной жизни.

Для Сталина было совершенно очевидным фактом, что до тех пор, пока в высшем партийном руководстве будут находиться его потенциальные противники и оппоненты его политического курса в лице Бухарина, Рыкова и Томского, ни о каком единовластии генсека не может идти речи. Поскольку в любой момент они могли выступить против него и, при соответствующем стечении обстоятельств, оказаться победителями в борьбе с ним.

Кое-кто из биографов Сталина держится точки зрения, что поражение оппозиции правых (как и прежде левых) было предрешиено с абсолютной неизбежностью. Так, например, Р. Пэйн пишет: «Горстка лидеров, сформировавших оппозицию, являла собой людей, которые пережили свое время. Все из них предавали революцию, все были скомпрометированы. Даже Бухарин, единственный из них, кто обладал тонким интеллектом и способностью ввести революцию в новое и более надежное русло, был так глубоко скомпрометирован, что не мог предпринимать самостоятельных действий. Его власть ускользнула от него. И он уже напоминал собой жертву, предназначившую себя на заклинание»¹.

Такое фатально-категорическое утверждение представляется несколько упрощенным, игнорирующим реальное положение вещей в тот период жизни страны. Повторяясь, замечу, что положение Сталина было прочным, но не абсолютно гарантированным: любой серьезный кризис в стране мог обернуться для него непредсказуемыми последствиями, поскольку существовала возможность его отстранения от власти вполне законными и легальными средствами. Правда, это утверждение носит скорее предположительный, нежели безоговорочно категорический характер. Многие исследователи, тот же Р. Пэйн, полагают, что в рассматриваемый период не существовало иного пути отстранения Сталина от власти, кроме как с помощью силы².

Бесспорный интерес в этом плане представляет свидетельство одного из наиболее активных участников политических баталий той поры А. Микояна. Это мнение А. Микояна в целом верно отражает исторические реалии, связанные с возможностью или невозможностью легитимного отстранения Сталина с поста Генерального секретаря в тот период. А. Микоян писал: «В последний раз мы могли его убрать в 1927 г. Как он делал несколько раз и раньше, Сталин предложил свою отставку, когда отдельные ведущие члены Политбюро оказывались против него. Но он всегда точно рассчитывал момент и соотношение сил. Будущие его жертвы оставляли его на месте Генсека, считая, что он еще понадобится им для сведения счетов между собой»³.

Современные биографы Сталина, независимо от их отношения к Сталину, вряд ли имеют какую-либо документальную базу для подтверждения или опровержения гипотезы о возможности в законном порядке отстранения его от должности Генерального секретаря. Обсуждать данную проблему можно в рамках умозрительных предположений, однако любые выводы, какими бы убедительными они не представлялись, так и останутся всего лишь возможными вариантами развития событий. Вот почему свидетельство А. Микояна является особенно ценным и важным — оно ведь исходит из уст непосредственного участника тех событий, а не простого их свидетеля. Сам Микоян, как явствует из многочисленных документов, принимал деятельное участие во внутрипартийных баталиях той поры. Не было, пожалуй, ни одного сколько-нибудь важного форума, обсуждавшего внутрипартийные вопросы, на котором не была бы документально зафиксирована его активная роль. Порой своей напористостью и резкостью постановки вопросов он значительно превосходил других, в то время не менее авторитетных партийных деятелей. Хотя здесь, видимо, уместно сказать, что Сталин с известной долей высокомерной снисходительности относился к тогдашнему своему соратнику. В письме Молотову и

¹ Robert Payne. The Rise and Fall of Stalin. p. 376.

² Там же. p. 370.

³ Анастас Микоян. Так было. С. 15.

Бухарину в 1927 году о Микояне он высказался так: «А Микоян утенок в политике, способный утенок, но все же утенок. Подрастет поправится»⁴.

Возвращаясь к основной нити нашего изложения, хочу акцентировать внимание читателя на одном принципиально важном моменте. Когда мы обсуждаем возможные варианты гипотетического развития событий в связи с просьбами Сталина о своей отставке в тот период (с аналогичными его просьбами мы не раз будем еще встречаться в дальнейшем, вплоть почти до самой смерти генсека), нельзя оставлять вне поля зрения соображение первостепенной важности. Ведь принять отставку Сталина с поста генсека в тот период, когда одобряемая и съездами, и пленумами ЦК политика не только органически и неразрывно была связана с именем Сталина, но и фактически олицетворялась в нем, — принять его отставку в такой обстановке значило не больше не меньше, как признать несостоятельность этой политики в целом. Равно как и несостоятельность других ведущих партийных лидеров, одобрявших эту политику. Проще говоря, для тех же Бухарина и Рыкова голосовать за отставку Сталина, например, в 1927 году было равнозначно признанию своей собственной политической несостоятельности, ибо они в одной упряжке со Сталиным вели линию на разгром объединенной троцкистско-зиновьевской оппозиции. И устранение Сталина в такой момент с поста генсека ставило под большой знак вопроса вообще весь политический курс партии и ее ЦК и Политбюро. Словом, вопрос о Сталине как Генеральном секретаре концентрировал в себе сумму других первостепенной важности политических проблем. Поэтому его нельзя рассматривать главным образом через призму личной борьбы за власть. Такой подход неизбежно приводит к аберрации исторического зрения, к односторонней оценке фундаментальных проблем, стоявших перед советским обществом в данный исторический период.

Теперь наступил черед коснуться одной из главных причин, приведших к новой фазе внутрипартийной борьбы, на этот раз против правого уклона. Речь идет о НЭПе, причем не столько чисто в экономическом ключе, сколько в разрезе перспективного развития Советского Союза. Из истории хорошо известно, что переход большевиков к новой экономической политике явился мерой не добровольной, а вынужденной, продиктованной обстоятельствами экономического и политического положения страны. Родственник Рыкова Б. Николаевский, о котором уже не раз шла речь и на свидетельства которого в томе есть неоднократные ссылки, был весьма осведомлен в делах большевиков, в том числе и о взаимоотношениях в самых высших эшелонах власти. Можно сослаться на его письмо от 1956 года Н. Валентинову, — а последний был в свое время видным деятелем социал-демократического движения, имел отношения с Лениным, в годы Советской власти находился на хозяйственной работе в ВСНХ СССР, а затем стал невозвращенцем и опубликовал ряд книг, в том числе мемуарного профиля. Б. Николаевский, не называя источника своей информации — а это, по всей вероятности был не кто иной, как Рыков — утверждал: «Я знаю, что Политбюро отклонило первое предложение Ленина о НЭПе и уступило только после его ультиматума, что он уйдет»⁵. Уже на следующий год после введения НЭПа Ленин, как известно, заявлял о том, что период отступления кончился, что необходимо переходить к наступлению на капиталистические элементы города и деревни.

⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. 17. Тверь. 2004. С. 263.

⁵ Н. В. Валентинов. Наследники Ленина. М. 1991. С. 220.

Словом, двойственное отношение Ленина к НЭПу является довольно банальной истиной, и об этом едва ли есть нужда распространяться. С одной стороны, он говорил, что пора отступления завершилась, с другой стороны, что НЭП — это всерьез и надолго. Повторяю, позиция достаточно двойственная, и в ней преобладают, конечно, моменты отрицательного отношения к НЭПу по той простой причине, что он вел с железной закономерностью к возрождению и развитию капиталистических элементов во всей структуре советского общества. В первую очередь, разумеется, в сфере экономики.

Сталин, и это естественно вытекало из всей природы его мировоззрения, также никогда в глубине души не был не только фанатичным защитником новой экономической политики, но даже его твердым сторонником. Он, как и Ленин, считал НЭП явлением временным, на смену которому при соответствующей обстановке, когда положение власти укрепитя, неизбежно должна прийти принципиально иная политика. И критическое отношение Сталина к НЭПу несколько не ставится под вопрос его многочисленными высказываниями, обосновывающими правомерность проведения НЭПа на определенных этапах развития советского общества. Несколько упрощая картину, отношение большевиков к НЭПу можно уподобить своеобразному политическому браку по расчету. А такие браки — вопреки уверениям его приверженцев — в силу самой своей сущности не могут быть прочными и долговечными.

В позднесоветский период в нашей стране в отношении оценок исторического значения НЭПа преобладали в основном две точки зрения. Одни, как например, экономист В. Селюнин, придерживались мнения, что НЭП был великим успехом. В подтверждение своей точки зрения он приводил официальные статистические данные, согласно которым довоенный уровень экономики был восстановлен к 1925 или 1926 году, а к 1928 году объем промышленного производства был на 32 процента и сельскохозяйственного — на 24 процента выше, чем в 1913 году. Другие — таких было меньшинство — полагали, что НЭП обернулся провалом: по их подсчетам в 1928 году национальный доход был на 12 процентов меньше, чем в 1913 г.⁶, а накопление было столь незначительным, что позволило бы увеличивать национальный доход немногим более чем на 2 процента в год, то есть темпами, едва достаточными для соответствия темпам роста населения⁷.

Сейчас не время и не место вести спор о том, какая из этих двух точек зрения ближе к истине. По крайней мере, некоторые западные специалисты, занимавшиеся изучением данной проблемы, приходят к заключению, что обе эти точки зрения страдают серьезными изъянами и не отвечают реальностям той эпохи. Английский экономист У. Дэвис, около 40 лет занимавшийся изучением проблем советской экономики, высказался на этот счет так: «Хотя в экономическом отношении НЭП был динамичен, из этого не следует, что его ликвидация была результатом исключительно произвола сталинского режима и что никакие экономические факторы не способствовали ликвидации нэпа. На мой взгляд, в 20-е годы советская экономика столкнулась с несколькими весьма трудными проблемами. Во-первых, ликвидация помещичьих хозяйств и снижение по сравнению с 1913 годом богатства зажиточных крестьян сузили коммерческий сектор сельского хозяйства. Объем продажи сельскохозяйственной продукции был гораздо ниже, чем до войны. Это привело как к нехватке сырья для промышленности, так и к резкому

⁶ "Новый мир". 1988 г. № 5. С. 171.

См. "Родина". 1989 г. № 7. С. 80–83.

сокращению внешней торговли: экспорт упал до менее чем 40 процентов от довоенного уровня, импорт сократился в той же пропорции. Хотя проблема продажи сельскохозяйственной продукции была усугублена неуклюжей политикой преемников Ленина, в сущности, она была порождена структурными изменениями, вызванными в экономике революцией. Во-вторых, массовая безработица среди городского населения стала серьезной и обостряющейся социальной проблемой — гораздо более серьезной, чем до революции. Ни одна из соперничавших группировок середины 20-х годов не выдвинула удовлетворительных предложений по устранению этого бедствия.

Третья серьезная проблема НЭПа, возможно, самая значительная. В международной перспективе советская экономика занимала еще более слабые позиции, нежели экономика царской России накануне первой мировой войны. Разрыв в уровнях производства между СССР и развитыми капиталистическими государствами оставался столь же широким, как и прежде, а по сравнению с США даже увеличился. Технологический же разрыв оказался значительнее, нежели разрыв в уровнях производства. В конце 20-х годов советская промышленность опиралась преимущественно на довоенное оборудование, пострадавшее к тому же от десятилетия небрежения. А на Западе после войны шло широкое строительство новых предприятий, создавались новые отрасли промышленности⁸.

Оценка английского ученого, как мне представляется, позволяет приблизиться к пониманию серьезных проблем, сопряженных с осуществлением новой экономической политики в 20-е годы, а также — что еще важнее — дает возможность глубже уяснить причины, приведшие в конечном счете к свертыванию НЭПа. При объяснении фундаментальных проблем нашего исторического прошлого, конечно, проще и легче всего находить самые простые объяснения. Вроде того, что злая воля Сталина положила конец НЭПу и подвигла страну к рубежу невероятных страданий и катаклизмов. Но столь откровенно субъективное и весьма легковесное объяснение серьезных экономических и политических процессов, происходивших в тот период, не выдерживает сопоставления с реальными фактами и самой логикой исторического развития нашей страны в 20-е годы.

Из поля нашего зрения не должен выпадать еще один отнюдь не второстепенный момент. Некоторые советские историки в период перестройки, когда поднялась мощная волна критики Сталина и был по существу дан старт всесторонней дискредитации всего советского периода истории, обращали внимание на одно обстоятельство. На то, что уже в недрах НЭПа, по существу, зрело его отрицание. Эта гегелевская терминология призвана была доказать, что пресловутая командно-административная система, бывшая якобы монстром, погубившим советскую экономику, как раз и зародилась в недрах проводившейся в 20-е годы новой экономической политики⁹. В принципе такая постановка вопроса правомерна, если ее расшифровать более полно и более конкретно. А именно — в самой природе новой экономической политики были заложены все необходимые элементы ее самоотрицания. Ибо строить новый общественный строй, причем в условиях враждебного окружения, полагаясь прежде всего на рыночные инструменты, которые, мол, сами собой, почти в автоматическом режиме, раскроют блестящие перспективы экономического роста, было если не благим заблуждением, то серьезной политической наивностью.

⁸ "Коммунист" 1990г. № 8. С. 76.

⁹ См. "Правда" 30 сентября 1988 г.

Историческая ретроспектива развития нашей страны после распада Советского Союза более чем убедительно доказала, что упования либералов от экономики на всемогущую регулирующую роль рынка, этого демиурга в их экономических построениях, в реальной жизни, на деле оказались несостоятельными. Рынок даже в самых высокоразвитых странах играет эффективную роль, когда он сочетается с мерами государственного регулирования. Что же касается созидательной роли свободного разгула рыночной стихии, то это больше похоже на сказки для дебилов младенческого возраста или, скорее всего, целенаправленный обман. Я не стану распространяться на эту тему, ибо она имеет лишь чисто касательное отношение к предмету нашего разговора. Но сделать данное замечание был обязан, поскольку при оценке отношения Сталина к НЭПу мы, хотя бы в подсознании, должны принимать во внимание и наш новейший исторический опыт. А история, как известно, служит материальным отражением неразрывности связи времен в бытии человечества как единого целого.

Итак, поставим главный вопрос — мог ли НЭП быть фундаментальной основой того общего стратегического курса развития страны на длительную историческую перспективу, который Сталин намеревался осуществить? Причем не просто осуществить, а осуществить в исторически кратчайшие сроки. Иными словами, могли ли рыночные механизмы ведения хозяйства стать надежным и эффективным инструментом реализации сталинской политики в сфере экономики страны?

Не только прежние, но и современные критики Сталина утверждают, что дальнейшее проведение новой экономической политики открывало перед страной блестящие перспективы развития не только промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры, но и обеспечивало, мол, предпосылки для создания демократических структур правового государства на манер западных демократий. Подобная интерпретация самого НЭПа и достижений, которые он якобы неизбежно нес с собой, мягко говоря, слишком абстрактна, внеисторична, не отвечает требованиям реальной оценки существовавшего тогда положения в стране и в мире в целом. В вину Сталину ставится то, что он насильственно прекратил проведение новой экономической политики и тем самым повел страну в исторический тупик. Можно было бы долго перечислять обвинения, высказываемые в адрес генсека в связи с тем, что он свернул НЭП и лишил нашу страну возможности чуть ли не под одобрение «всего цивилизованного мира» вступить в сообщество передовых западных демократий. Но в реальной жизни суть проблемы состояла в том, что на путях проведения новой экономической политики нашу страну ожидали неведомые и непредсказуемые проблемы, решить которые в русле продолжения НЭПа было невозможно.

В качестве главного средства упрочения Советской власти, ликвидации ее отсталости по сравнению с другими странами в условиях враждебного окружения Сталин взял курс на создание не просто развитой экономики, но **экономики мобилизационной** по своему характеру. Такая экономика должна была развиваться быстрыми темпами и вместе с тем обладать рядом существенных преимуществ перед обычной экономикой. Главное из них заключалось в способности концентрации средств (как материальных, финансовых, так и людских ресурсов), позволявшей ей быстро и оперативно решать задачи, которые перед нею ставились. В определенном смысле **эта экономика, будучи по своему характеру мирной, должна была обладать и чертами военной экономики, т. е.**

способностью в максимально короткие сроки перейти на военные рельсы. Экономическая же система, базировавшаяся на принципах НЭПа, не позволяла реализовать эту ключевую задачу. Кроме того, будучи строго централизованной, твердо управляемой государством, такая экономика обладала способностью концентрировать усилия на тех или иных ключевых областях хозяйства порой даже в ущерб интересам развития других, также имевших отнюдь не второстепенное значение. В совокупности именно эти принципиальные соображения и предопределили курс на постепенное свертывание НЭПа и замену его совершенно иной моделью экономического развития. Строго говоря, отказ от новой экономической политики был продиктован не только чисто экономическими, но и целым рядом причин политического и военно-стратегического порядка.

В связи с вопросом о НЭПе неизбежно встает и вопрос о принципиальном отношении Сталина к рынку как таковому. Было бы неверно полагать, что Сталин выступал принципиальным противником рынка как инструмента экономической политики. На этот счет имеются его высказывания, доказывающее обратное. Так, в 1928 году он говорил: «Организовать хозяйство в порядке нэпа — значит организовать его через рынок. Организовать хозяйство путем военного коммунизма, если поставить себе такую задачу, это значит организовать его без рынка, в порядке прямого продуктообмена. Вот в чем заключается основная разница... Я бы хотел, чтобы принципиальные основы нэпа и военного коммунизма не были спутаны. Они — антиподы. При военном коммунизме организуется хозяйство, социалистическое хозяйство помимо рынка, в порядке прямого продуктообмена. При нэпе хозяйство организуется при помощи инструментов буржуазного хозяйства: при помощи рынка, денег, товара». И далее: «Без рынка тут не обойтись никак, ни в смысле возможности поглотить в промышленности весь освободившийся от средств производства средний слой населения, ни в смысле налаживания аппарата между городом и деревней, между данной страной и другими внешними странами, в которых имеется экспорт и импорт. Вот почему нэп является неизбежной фазой на другой день после взятия власти в каждой империалистической стране, как бы она ни была капиталистически развитой... Нэп есть налаживание торговли на основе рынка. Пролетарское государство берет некоторые инструменты организации хозяйства у буржуазии»¹⁰.

Короче говоря, Сталин в принципе признавал важную и незаменимую роль рынка на определенном этапе экономического развития страны. Однако — и это подтверждается всей дальнейшей эволюцией экономических воззрений Сталина — к становлению и расширению рыночных отношений в советской России его отношение было скорее отрицательным, чем положительным. Иными словами, его декларации в пользу рынка как такового, признание неизбежности рыночных отношений были продиктованы прежде всего тогдашним состоянием хозяйства, а отнюдь не преклонением перед рыночными механизмами как основными регуляторами экономики. Поэтому правомерно констатировать безусловную двойственность и внутреннюю противоречивость позиции Сталина по данному вопросу. Кстати сказать, она была присуща генсеку не только в рассматриваемый период, но и на протяжении всей его деятельности во главе государства.

¹⁰ Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928 – 1929 гг. Т. 2. С. 612, 615.

С введением НЭПа государство серьезно ограничивало действия рынка во взаимоотношениях между тяжелой и легкой промышленностью. Взаимоотношения между рабочими и администрацией на заводах и фабриках регулировались не работой на конечный результат, не хозрасчетными формами, например, коллективного подряда, а традиционной системой норм, тарифов и расценок. В результате была слаба материальная заинтересованность рабочего в конечных результатах, да и у самого коллектива предприятия заинтересованность носила специфический характер, потому что его прибыль обезличивалась в едином балансе треста. Не чувствуя новую экономическую политику непосредственно на производстве, рабочий класс не стал той социальной силой, которая решительно и категорически выступала за продолжение новой экономической политики, за действие чисто рыночных механизмов. Хотя НЭП улучшил материальное положение рабочих, но не проник вглубь, на производство. И как результат всего этого основная масса рабочих не питала какую-то особую тягу к НЭПу и основанных на его принципах методах хозяйствования. Рабочие не были заинтересованы в том, чтобы уровень их материального положения зависел от рыночной стихии. Не рыночные механизмы, а как раз государственное регулирование создавало для рабочих систему не высоких, но более или менее надежных социальных гарантий.

Не более чем грубым упрощением является и бытующее представление, согласно которому крестьянство как класс в целом было весьма заинтересовано в дальнейшем проведении НЭПа. Более одной трети крестьян были освобождены от уплаты сельхозналога, что было результатом действия не НЭПа, а как раз наоборот — отступлением от его принципов хозяйствования. Льготы и определенные классовые гарантии и привилегии, дарованные части сельского населения государством, являлись итогом непосредственного вмешательства государства, а не плодом НЭПа. Кроме того, при слабом развитии легкой и тяжелой промышленности периодически наступал диспаритет цен на промышленные и сельскохозяйственные продукты, в результате чего серьезно страдали крестьяне, в основном богатые, имевшие возможность продавать излишки своей продукции.

Указанные выше моменты описывают лишь некоторые из проблем, порождавшихся проведением новой экономической политики в радикально изменившихся исторических условиях. Нельзя также полностью игнорировать и реставраторские тенденции, которые порождались НЭПом. Конечно, нет оснований сильно преувеличивать опасность таких тенденций, полагать, что они чуть ли не напрямую ставили под вопрос дальнейшее существование Советской власти. Но и отметить с порога потенциальную угрозу этих тенденций также нет никаких резонов. В данном контексте весьма интересный прогноз сделал в 1926 году один из крупных экономистов-эмигрантов С. Прокопович. Не без некоторых оснований он писал: «Время, когда можно было их безгранично эксплуатировать, прошло безвозвратно. Ни путем реквизиций и обложения, ни путем торговли у них не отберешь продукты их труда. Применению насильственных мер к крестьянам помешает Красная Армия, после восстановления всеобщей воинской повинности ставшая крестьянской армией. Недаром Троцкий как-то сострил: Красная Армия похожа на редиску, она красна только снаружи. Поэтому советская власть должна отказаться от мысли развивать государственную промышленность за счет избытков, производимых в крестьянских хозяйствах. При таком характере социальных отношений

внутри СССР дальнейшее сохранение нэпа грозит создать совершенно невыносимое для советской власти положение (здесь и далее в цитате выделено мной — Н. К.). Крестьянское хозяйство будет крепнуть и расти, быстро умножая свои капиталы; крупная промышленность замрет на нынешнем низком уровне, работая с изношенными и устарелыми машинами. **Но экономическая мощь рано или поздно приведет к овладению политической властью.** Политические и экономические требования идущего к власти класса могут быть осуществлены двумя путями. Или путем приспособления, или путем революции»¹¹.

Одним из ключевых пунктов, по которым проходил глубокий водораздел между Сталиным и группой Бухарина, явились принципиальные разногласия по вопросу об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Я уже вскользь касался этой проблемы ранее. Здесь же необходимо сделать несколько существенных дополнений. В плане политической философии тезис об обострении классовой борьбы стал важным, если не самым главным аргументом в обосновании сталинской политики чрезвычайных мер, а в дальнейшем и широкомасштабных репрессий, затронувших не только реальных классовых врагов, но и всех действительных и потенциальных противников генсека. В более широком аспекте этот тезис превратился в некое подобие теоретического обоснования чисток, или «большого террора», как называют некоторые авторы политику Сталина во второй половине 30-х годов. Без сколько-нибудь внятного и хотя бы в какой-то степени мотивированного теоретическими постулатами трудно было объяснить как масштабы репрессий, так и поистине всеобъемлющий их масштаб.

Сталинский постулат об обострении классовой борьбы был сформулирован генсеком как раз в разгар противостояния между ним и группой Бухарина. Правда, некоторые зачатки этой идеи просматривались и в более ранних выступлениях Сталина. Вообще надо отметить, что весь в целом наступательный дух сталинской политической философии как бы органически предполагал его ставку на перманентную борьбу. И чтобы оправдать и обосновать эту ставку, нужны были определенные теоретические доводы. Разумеется, базирующиеся на догматах марксистской теории. А поскольку на этот счет не имелось каких-либо четких и ясных указаний в трудах классиков марксизма, то Сталин счел необходимым восполнить этот пробел, тем более что повседневная практика советской жизни была насыщена фактами естественного, а чаще всего искусственного нагнетания классового противоборства.

В 1928 году Сталин следующим образом обосновал свой тезис об обострении классовой борьбы: «...По мере нашего продвижения вперед, сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться, а Советская власть, силы которой будут возрастать всё больше и больше, будет проводить политику изоляции этих элементов, политику разложения врагов рабочего класса, наконец, политику подавления сопротивления эксплуататоров, создавая базу для дальнейшего продвижения вперед рабочего класса и основных масс крестьянства....

Не бывало и не будет того, чтобы отживающие классы сдавали добровольно свои позиции, не пытаясь организовать сопротивление. Не бывало и не будет того, чтобы продвижение рабочего класса к социализму при классовом обществе могло обойтись без борьбы и треволнений. Наоборот, продвижение к социализму не может не вести к

¹¹ НЭП. Взгляд со стороны. М. 1991. С. 54.

сопротивлению эксплуататорских элементов этому продвижению, а сопротивление эксплуататоров не может не вести к неизбежному обострению классовой борьбы»¹².

Правые в лице прежде всего Бухарина как главного теоретика и пропагандиста их блока не без веских на то оснований увидели в сталинском тезисе серьезные изъяны. Эти изъяны были связаны с тем, что практика ужесточения классового противостояния на каком-то определенном этапе развития советского общества обобщалась и возводилась в ранг всеобщей истины, пригодной для целого исторического этапа построения социализма. Довольно убедительную критику теории Сталина дал Бухарин. Его аргументация в своей доказательной части сводилась к следующему:

«Полное право гражданства в партии получила теперь пресловутая «теория» о том, что, чем дальше к социализму, тем больше должно быть обострение классовой борьбы и тем больше на нас должно наваливаться трудностей и противоречий. Ее (эту теорию) наметил на июльском Пленуме тов. Сталин... Я считаю, что эта «теория» смешивает две совершенно разные вещи. Она смешивает известный временный этап обострения классовой борьбы — один из таких этапов мы сейчас переживаем — с общим ходом развития. Она возводит самый факт теперешнего обострения в какой-то неизбежный закон нашего развития. По этой странной теории выходит, что, чем дальше мы идем вперед в деле продвижения к социализму, тем больше трудностей набирается, тем больше обостряется классовая борьба, и у самых ворот социализма мы, очевидно, должны или открыть гражданскую войну, или подохнуть с голоду и лечь костями...

Таким образом, теория... провозглашает такой тезис, что, чем быстрее будут отмирать классы, тем больше будет обостряться классовая борьба, которая, очевидно, разгорится самым ярким пламенем как раз тогда, когда никаких классов уже не будет! (Смех.) Это тоже относится к одному из многочисленных теоретических «открытий», которые делаются за последнее время и которые, к сожалению, так или иначе определяют нашу политику...»¹³

Признавая в целом убедительность критики данной теории генсека Бухариным, нельзя тем не менее не испытывать определенную раздвоенность мыслей и чувств. С одной стороны, в пользу Бухарина говорит логика и простой здравый смысл. С другой стороны, нельзя отмахнуться и от аргументов Сталина, если на них взглянуть под более широким историческим углом зрения. Ведь историческая ретроспектива развития Советского Союза вплоть до его развала как раз и говорит в пользу того, что внутренние социально-экономические, политические и иные причины шаг за шагом, медленно, но неуклонно готовили почву для появления в рамках советского общества тех социальных сил, которые и готовили смертельный удар по единому советскому государству и создавали экономические, социальные, психологические и иные предпосылки для отказа от социализма и перехода на путь капитализма. Не берусь категорически утверждать, что высказанная мною мысль абсолютно бесспорна. Но зерно истины в ней все-таки содержится. Так что в теории Сталина об обострении классовой борьбы по мере укрепления социализма, очевидно, содержалась и немалая доля исторического предвидения. Если мы сталинскую теорию в качестве некоей калыки наложим на последовавшую после его смерти эволюцию советского общества, то убедимся, что определенное providенциальное начало в его теории было. Ведь развал Советского Союза

¹² И. В. Сталин. Соч. Т. 11. С. 171–172.

¹³ Н. И. Бухарин. Проблемы теории и практики социализма. М. 1989. С. 263–264.

невозможно объяснить ссылками на преимущественно внешние факторы и некоторые другие обстоятельства, где важную роль играли личные качества лидеров страны. В конечном счете зарождение и постепенное укрепление в советском обществе определенных сил, враждебных социализму как строю, и предопределило его историческое поражение.

Причем представляется, что не столь уж важно, каким понятием мы определим эти силы — назовем его новым классом, как делает это М. Джилас — известный исследователь эволюции социалистического общества в направлении его перерождения — или же иным термином. Фундаментальный факт заключается в том, что социалистическое общество на каком-то этапе вступает в фазу таких радикальных изменений в своей классовой сущности, что под вопрос ставится его существование как такового. В недрах его постепенно вызревают и оформляются силы, несущие крушение самого этого строя. Характерной чертой выступает то, что эти силы, как правило, формируются из рядов созидателей самого этого общества. Как это ни звучит парадоксально, но исторический опыт убедительно подтверждает это явление. Вопрос в том, насколько закономерен и исторически неизбежен такой процесс. Но то, что он отражает реальные явления общественной жизни — вряд ли вызывает сомнения. Чтобы эти рассуждения не показались голословными, выделим один факт фундаментального значения: в своем подавляющем большинстве сторонниками капиталистического выбора в современной России, как и в других бывших союзных республиках, оказались представители партийно-государственной номенклатуры. Бывшие первые секретари обкомов и ЦК компартий республик в роли новоявленных президентов стран, «строющих» капитализм, — это не столько злая ирония нашей истории, сколько исторический феномен, ждущий своего обстоятельного исследования и объяснения.

Разумеется, не следует думать, будто Сталин, выдвигая свою теорию обострения классовой борьбы, мог так далеко заглянуть в будущее и предвидеть столь своеобразный разворот событий. Его теория имела прежде всего прикладной характер, опираясь на которую он мог бы обосновать свою политическую линию в период борьбы с правыми. Однако сейчас, по прошествии многих десятков лет, бросая ретроспективный взгляд на ход и итоги общественного развития в СССР, можно сказать, что его теория содержала в себе и элементы долгосрочного прогноза. Констатировать это — отнюдь не значит приписывать ему какой-то необычный и уникальный дар исторического предвидения. Но то, что он умел смотреть вперед и мыслить категориями не только текущего времени — это, по мнению многих его биографов, — объективный факт.

Конечно, в более поздний период своего правления Сталин, как политик-реалист, не мог не задумываться над глобальными судьбами нового общественного строя в СССР. Об этом речь пойдет в дальнейшем. Здесь же мне хочется оттенить одну мысль — проблема классовой борьбы в социалистическом обществе выступала в качестве важного органического элемента, под непосредственным воздействием которого формировалась вся его политическая философия.

Но я несколько отвлекся от основной нити нашего изложения. Замечу, что кроме перечисленных выше коренных разногласий между Сталиным и группировкой правых, существовали и многие другие, часто диаметрально противоположные точки зрения на фундаментальные вопросы созидания нового общественного уклада. Но все они прямо или косвенно связаны с главными проблемами, обозначенными выше. В частности, одним из

ключевых, если не самым центральным вопросом, был вопрос об отношении к кулаку. Вообще этот вопрос на многие годы стал оселком, на котором проверялась Сталиным верность генеральной линии партии. Особенно в период, рассматриваемый в данной главе. В 1925 году, когда генсек вместе с Бухариным составляли ядро руководства Политбюро, Сталин довольно мягко подверг критике знаменитый лозунг Бухарина «обогащайтесь», обращенный к деревне (имелись в виду прежде всего зажиточные слои сельского населения). Мягкость критики данного лозунга со стороны генсека диктовалась чисто конъюнктурными соображениями, поскольку тогда в эпицентре политической схватки стояли вопросы борьбы с троцкистско-зиновьевской оппозицией.

По прошествии всего двух-трех лет его подход к лозунгу Бухарина приобрел совершенно иной характер. Этот лозунг был подвергнут Сталиным испепеляющей критике как самое яркое выражение классовой позиции правого блока, обвинявшегося в поддержке кулацких элементов. Воспользовавшись в качестве предлога письмом Фрумкина (работавшего тогда заместителем наркома финансов), в концентрированном виде содержащим главные положения экономической программы правого блока, Сталин буквально по косточкам разобрал все тезисы платформы правых. Нанося удар по Фрумкину, генсек, конечно, целил в Бухарина и других лидеров правых. В частности, по вопросу об отношении к кулаку генсек отмечал: «Фрумкин говорит, что **«мы не должны мешать производству кулацких хозяйств»**. Что это значит? Это значит не мешать кулаку развивать своё эксплуататорское хозяйство. Но что значит не мешать кулаку развивать своё эксплуататорское хозяйство? Это значит развязать капитализм в деревне, дать ему волю, дать ему свободу. Получается старый лозунг французских либералов: «лессе фер, лессе пассе», т. е. не мешайте буржуазии делать своё дело, не мешайте буржуазии двигаться свободно.

Этот лозунг выставляли старые французские либералы во время французской буржуазной революции, во время борьбы с феодальной властью, которая стесняла буржуазию и не давала ей развиваться. Выходит, что мы должны теперь перейти от **социалистического** лозунга — «всё возрастающее ограничение капиталистических элементов» (см. тезисы о контрольных цифрах) к буржуазно-либеральному лозунгу — не стеснять развития капитализма в деревне. Что же, неужели мы думаем превратиться из большевиков в буржуазных либералов?»¹⁴, — патетически вопрошал Сталин.

В дальнейшем в ходе развертывания противостояния с правыми Сталин идейно-политическим и практическим разногласиям с лидерами блока попытался придать характер столкновения диаметрально противоположных политических линий, взаимно исключавших друг друга. В такой постановке, конечно, содержалось определенное зерно истины, но надо прямо сказать, что многие политические ярлыки навешивались правым незаслуженно. Это уже диктовалось самой логикой разгоравшейся борьбы, где, по мысли Сталина, все средства были приемлемы, коль в конечном счете речь шла о губительном с его точки зрения общем политическом курсе. В этом контексте генсек особенно часто подвергал осмеянию формулу Бухарина «о вращении кулака в социализм». По своему реальному смыслу тезис Бухарина означал, что в условиях проведения социалистических преобразований кулацкие хозяйства так или иначе вынуждены будут трансформироваться, будут испытывать на себе мощное и всестороннее воздействие социалистических

¹⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. 11. С. 274.

отношений, утверждавшихся в общественном укладе жизни, и уже в силу этого и ряда других обстоятельств подвергнутся коренной трансформации. С точки зрения логики экономических и социальных процессов такая перспектива была отнюдь не утопичной и не несла в себе элементов заведомой капитуляции перед кулацкими элементами. Конечно, — и это вопрос первостепенной важности — Бухариным фактически игнорировался фактор времени. А он, этот фактор, в условиях враждебного международного окружения и возможности военного нападения на СССР, имел исключительное значение, игнорирование которого способно было повлечь непредсказуемые последствия. Так что развенчание генсеком теории Бухарина имело под собой объективную основу. Вместе с тем нельзя не отметить, что Сталин сознательно и целенаправленно использовал эту фразу Бухарина прежде всего для его политической дискредитации, изображая последнего защитником интересов кулацкого слоя. Едва ли есть необходимость подчеркивать, что подобный вид политической полемики никак не укладывался в рамки партийной дискуссии.

Возвращаясь к нашему непосредственному сюжету, полагаю, что есть все основания утверждать — целый набор причин, и прежде всего социально-классовых, стал побудительным мотивом пересмотра главных принципов НЭПа. Судьба новой экономической политики в том ее виде, в каком она проводилась в Советском Союзе, начиная с 1921 года и вплоть до 1928 года, фактически была предreshена. Вокруг этих вопросов и развернулась борьба сталинской группировки с представителями так называемого правого уклона в партии. Как мог убедиться читатель, речь шла о проблемах не только власти, но — что гораздо важнее — о проблемах выбора магистрального пути дальнейшего развития государства не только в экономическом плане, но и в более широком — историческом плане.

2. Как Сталин готовил удар против правых

Катализатором борьбы Сталина и его сторонников против правой оппозиции в лице прежде всего Бухарина и Рыкова стал кризис хлебозаготовок в конце 1927 года. Нельзя сказать, что этот кризис был первой ласточкой, предвещавшей наступление подобного рода кризисов с такой же закономерностью, как смена времен года. Подобного рода кризис был и зимой 1925 — 26 гг., из-за чего пришлось несколько сократить масштабы развертывания промышленного строительства. В 1926 году сельское хозяйство дало заметный прирост хлебной продукции, перекрыв плановый недобор предыдущего года и обеспечив возможность действительно высоких темпов развития индустрии. Уже в 1927 году объем промышленного производства превысил довоенный уровень на 23,7 процента.

Сбои в поступлении зерновых на рынок и связанный с этим быстрый рост цен на хлеб обнаружили в ходе заготовительной кампании 1927 года. Бедняцкие и маломощные середняцкие хозяйства к тому времени уже реализовали свой хлеб. Кулацкие же хозяйства, товарный потенциал которых был несравненно выше, чем у бедняцких и середняцких хозяйств, напротив, стали воздерживаться от продажи своих хлебных запасов. Государственные заготовки зерна к январю 1928 года оказались невыполнены на 128

млн. пудов. Поскольку к тому времени снабжение городов хлебом и обеспечение экспортных операций было поставлено на рыночные основания, проблема хлебозаготовок оказалась связанной уже не только с размерами урожая, но прежде всего с тем, в какой мере удастся заинтересовать крестьян в быстрой продаже зерна. До 1924 года значительная часть хлеба поставлялась государству по налогу, а не через посредство чисто рыночных механизмов. Проблема усложнилась тем, что в связи с широко распространявшимися тогда слухами о неизбежности нападения на СССР товарные запасы были в значительной мере израсходованы. В этой ситуации основным продавцам товарного хлеба, которыми являлись крупные кулацкие хозяйства, было выгодно дожидаться более высоких хлебных цен — продавать его немедленно, как того требовали интересы государства и создавшееся положение, было для них крайне невыгодно.

А необходимыми хлебными ресурсами государство не обладало. Можно было пойти на увеличение цен на хлеб, как поступили в предыдущем, 1926 году, но это было чревато неизбежным нарастанием инфляционных процессов и усилением товарного голода. В конечном счете было принято решение о введении в 1928 году карточек, что само по себе свидетельствовало о чрезвычайной серьезности положения. Введение карточек не решало и не могло решить хлебной проблемы. Нужны были какие-то чрезвычайные меры, и партийное руководство в начале 1928 года приняло решение о применении фактически принудительных мер: за сокращение хлебных излишков кулаки привлекались к суду, решением которого хлеб конфисковывался. При этом четверть конфискованного хлеба передавалась деревенской бедноте в ссуду. При проведении хлебозаготовок применялся метод самообложения. Крестьянам предоставлялось право самим разверстывать план хлебозаготовок между отдельными хозяйствами. Таким способом преследовались две цели: решалась зерновая проблема и на селе разжигалась классовая борьба. А что такая борьба имела место, едва ли приходится сомневаться. Причем не следует думать, будто она была спровоцирована чисто искусственными методами, по указаниям сверху. Кулаки, производившие пятую часть товарного хлеба, чувствовали свою силу и не собирались сдаваться без сопротивления: они всяческими средствами вредили колхозам, поджигали хлебные ссыпные пункты, убивали из-за угла партийных и советских работников в деревне.

Конечно, в тот период заострение внимания на классовой борьбе в деревне было составной частью общей политики, на проведении которой настаивал Сталин. Отсюда проистекало и искусственное нагнетание этой борьбы во многих регионах страны. Но на этом основании неправомерно делать общий вывод, что классовая борьба на селе являлась всего лишь результатом прежде всего целенаправленных действий центра. Она имела место в реальной жизни и отражала живое, а не выдуманное столкновение интересов различных социальных слоев на селе.

В целом же хлебозаготовительный кризис обнажил всю сложность ситуации и поставил в порядок дня вопрос о том, какие радикальные меры должны быть приняты для того, чтобы подобные кризисы не стали перманентным явлением советской экономической жизни. Кстати сказать, представители оппозиции также голосовали за принятие первых чрезвычайных мер, рассматривая этот шаг в качестве не системы, которая будет практиковаться на постоянной основе, а лишь в качестве единовременного акта.

Сталина возникшая ситуация не могла не встревожить самым серьезным образом. Тем более что с каждым днем нарастал спектр разногласий и противоречий между ним и его сторонниками, с одной стороны, и представителями правых, с другой. Ранее уже отмечалось, что в 1925 году генсек фактически под давлением обстоятельств, а не по доброй воле был вынужден выступить с критикой Бухарина в связи с выдвижением последним лозунга «Обогащайтесь!», адресованном, как тогда считали в партии, прежде всего кулакам. Сталин сделал это сразу же после выдвижения этого лозунга, хотя в тот период Бухарин являлся его главным политическим союзником в противоборстве с троцкистско-зиновьевской оппозицией. Кризис 1927 года лишь обнажил разногласия Сталина с лидерами правых и придал им характер принципиальной политической борьбы.

Сталин в начале развития хлебного кризиса решил самолично убедиться в том, как обстоят дела на местах и в чем коренятся возникшие проблемы. С этой целью он в январе — феврале 1928 года совершил инспекционную поездку в Сибирь, чтобы, с одной стороны, разобраться в причинах невыполнения неоднократных грозных директив ЦК о форсировании выполнения планов хлебозаготовок, а с другой стороны — путем личного нажима на партийные инстанции на местах сдвинуть дело с мертвой точки. Эта командировка генсека стала одной из немногих, которую он на протяжении своей политической карьеры совершил по стране. В одной из директив, подписанной генсеком, с явной тревогой констатировалось: «Темп работы местных организаций недопустимо медленный, спячка еще продолжается. Низовой аппарат еще не раскачался. Кооперация не выполняет своих элементарных обязанностей. Рычаги власти и партии не приведены в движение, промтоварная масса не поставлена на службу хлебозаготовкам. Крестьяне-коммунисты, советский и кооперативный актив не продали всех своих излишков, совхозы и колхозы также не весь товарный хлеб вывезли, причем есть случаи продажи ими хлеба частникам. Несмотря на наступление сроков платежей крестьянства государству, не взысканы еще сельхозналог, страховые сборы, ссесуды и срочные платежи по сельскохозяйственному кредитованию, что свидетельствует о расхлябанности партийных, советских и кооперативных органов и слабости их влияния в деревне.

Из этих вопиющих упущений исходил ЦК, когда он в своих директивах от 14/XII и 24/XII обязал вас организовать решительный перелом в деле хлебозаготовок. С того времени прошло более 3 недель, а перелома нет никакого.

Все это говорит о совершенно недопустимом забвении вами в этом деле основных революционных обязанностей перед партией и пролетариатом.

Констатируя эти факты, ЦК обязывает вас добиться решительного перелома в хлебозаготовках в недельный срок со дня получения настоящей директивы, причем всякие отговорки и ссылки на праздники и т. п. ЦК будет считать за грубое нарушение партийной дисциплины»¹⁵.

Из подписанной генсеком директивы явствует, кроме всего прочего, и то, что основной упор он делает на административный нажим. Причем вопреки всей серьезности и сложности проблемы полагал, что она может быть решена в считанные недели. Это, конечно, свидетельствует о том, что Генеральный секретарь явно впал в административный раж и в какой-то мере утратил чувство реальности. Поездка по местам была для него своего рода холодным душем, приняв который, он начал более полно и глубже оценивать

¹⁵ "Известия ЦК КПСС". 1991 г. № 5. С. 193–194.

ситуацию и различные варианты выхода из нее. Во время поездки Сталин неоднократно выступал с речами, в них он твердо и последовательно формулировал свои принципиальные подходы к решению вопросов дальнейшего развития деревни и классовых отношений на селе. Вот некоторые из наиболее существенных положений, высказанных им в период поездки по восточным районам страны.

«...Можно развивать дальше сельское хозяйство двумя путями: либо по линии развития единоличных крупных хозяйств, либо по линии развития коллективных крупных хозяйств. Третьего пути нет. Если бы даже кое-кто из нас захотел втихомолку повести дальше сельское хозяйство по линии усиления единоличных крупных хозяйств, кулацких хозяйств, то все равно ничего бы не вышло, потому что весь режим советского строя, все наше законодательство, все финансовые мероприятия, все мероприятия по снабжению деревни сельскохозяйственными машинами, — все они идут по линии ограничения единоличного крупного сельского хозяйства. Факт это или нет? Даже середняк, который хочет развешивать хозяйство, при таком режиме и условии лишен всяких перспектив двигаться дальше и пользуется различными мерами ограничения экономического характера. Застрянуть на одном месте для хозяйства невозможно, идти вниз он не хочет, и середняк остается без перспектив»¹⁶.

Лейтмотивом выступлений Сталина по вопросам долгосрочных путей развития сельского хозяйства — а в тот период это был вопрос всех вопросов — стал призыв к скорейшему созданию и развитию коллективных хозяйств. Причем акцент делался не на какие-то побочные формы кооперации — снабженческо-сбытовую, кустарную и т. д. — а прежде всего на производственную, поскольку именно колхозы являлись формой производственной кооперации. «Бесспорно, что мы вплотную подошли к вопросу о поднятии сельского хозяйства, о поднятии производства на высшую ступень развития, — а его — это поднятие — никак нельзя повести без объединения мелких и мельчайших крестьянских хозяйств в крупные коллективные хозяйства»¹⁷ — такова была главная мысль, которую Сталин стремился внедрить в сознание своих слушателей.

Было бы упрощением представлять Сталина в виде эдакого простачка, не отдававшего себе отчета в том, что его новый курс в политике в деревне едва ли будет встречен всеми чуть ли не бурными аплодисментами. Он понимал, что радикальный поворот натолкнется не только на сопротивление тех, кого он непосредственно задевал, но и довольно широких кругов населения в стране вообще. Это видно из следующего пассажа его выступления в Сибири: «Очевидно, надо держаться такой политики, которая никого не обижает, а такой политики никогда не бывает, как бы правильна эта политика ни была. Мы не должны останавливаться перед тем, что одна часть середняков будет обижена, если мы на кулака нажмем, не только как на выпускающего свой товар, но и как на скупщика... Такой политики нет, одна часть середняков будет обижена, и не скоро они поймут, да даже не только середняки, но и наши коммунисты не скоро поймут нашу линию. Им разъясняешь, а они шарахаются в разные стороны: сначала в одну крайность, потом в другую крайность, потому что опытных руководителей по управлению страной у нас мало. При таких условиях требовать, чтобы у рабочих было полное понимание, чтобы они все сразу поняли всю нашу линию, нельзя. 300 лет крестьяне были под гнетом управителей... Можно только

удивляться, что рабочий класс, владея властью всего 10 лет, выделил лучших людей из своей среды в качестве управителей, причем надо удивляться, что, хотя мы и допускали здесь немало ошибок, но все же с этим делом справились, все же надо помнить, что не только середняцкая часть не понимает нашей политики, но и наши братья коммунисты не всегда понимают. Чему тут удивляться? Стало быть, нет такой политики в природе, которая сразу была бы понята на все 100 процентов нашими ребятами-коммунистами, которая не вызывала бы никакого недовольства. Будет недовольство и в среде коммунистов. Могут быть недовольные в одной части середняков, и этого недовольства надо ожидать. Останавливаться перед этим нельзя»¹⁸.

И Сталин, конечно, не останавливался. Сталин не был бы Сталиным, если бы полагался только на средства убеждения. Хотя и этой стороне вопроса он уделял необходимое внимание, поскольку в конечном счете победа его линии не могла быть обеспечена без соответствующей идеологической подготовки кадров всех звеньев, в особенности на селе. Но отнюдь не второстепенное значение генсек придавал мерам государственно-репрессивного порядка. Тем более что в ходе своей поездки он имел возможность лично убедиться не только в наличии, но и достаточно широком распространении разного рода антисоветских настроений среди крестьян. Соответствующую информацию он повседневно получал и в Москве, где ОГПУ суммировало сводки с мест о характере и масштабах антисоветских выступлений.

Однако линия на применение мер уголовного воздействия в отношении кулаков, не желавших продавать хлеб, вызывала открытые возражения и среди части партийного актива. С этим Сталин столкнулся лично во время поездки в Сибирь. Так, один из участников партийных совещаний, проведенных Сталиным, направил специальное письмо генсеку с выражением своих глубоких сомнений. В нем он, в частности, подчеркивал: «Может быть, я ошибаюсь, но я твердо убежден в том, что основная масса середняка и бедноты расценит привлечение кулака к суду только за непродажу хлеба не иначе как возврат, в той или иной форме, к временам военного коммунизма, периоду продразверстки. Ссылка на закон, какая бы то агитация, иного мнения у мужика не создадут. Я не говорю уже о том, что кулак на почве этих фактов разовьет усиленную агитацию против нас; это — дело относительно второстепенное. Основное заключается в том, что осуждение кулака только за «невыпуск» хлеба приведет середняка к убеждению, что рано или поздно очередь дойдет и до него, как держателя известной части хлебных излишков. Первое, с чем мы столкнемся в результате проведения намеченных мероприятий, будет заключаться в повышении ценности хлеба в глазах самой деревни, а отсюда в дальнейшем сокращении предложения его на рынке»¹⁹.

Давая ответ на эти и аналогичные им критические высказывания, Сталин, по существу, выступил рьяным апостолом применения чрезвычайных мер. Вот его аргументация: «Вы говорите, что применение к кулакам 107 статьи есть чрезвычайная мера, что оно не даст хороших результатов, что оно ухудшит положение в деревне. Особенно настаивает на этом т. Загуменный. Допустим, что это будет чрезвычайная мера. Что же из этого следует? Почему применение 107 статьи в других краях и областях дало великолепные результаты, сплотило трудовое крестьянство вокруг Советской власти и улучшило положение в

¹⁸ "Известия ЦК КПСС". 1991 г. № 6. С. 209–210.

¹⁹ "Известия ЦК КПСС". 1991 г. № 5. С. 200.

деревне, а у вас, в Сибири, оно должно дать якобы плохие результаты и ухудшить положение?» И далее:

«Предлагаю:

а) потребовать от кулаков немедленной сдачи всех излишков хлеба по государственным ценам;

б) в случае отказа кулаков подчиниться закону, — привлечь их к судебной ответственности по 107 статье Уголовного Кодекса РСФСР и конфисковать у них хлебные излишки в пользу государства с тем, чтобы 25 процентов конфискованного хлеба было распределено среди бедноты и маломощных середняков по низким государственным ценам или в порядке долгосрочного кредита.

Что касается представителей ваших прокурорских и судебных властей, то всех негодных снять с постов и заменить честными, добросовестными советскими людьми.

Вы увидите скоро, что эти меры дадут великолепные результаты...»²⁰

Сталин взял курс не только на применение чрезвычайных мер для выполнения плана хлебозаготовок, но и призвал к решительной борьбе против тех советских и партийных работников, которые будут проявлять колебания или сомнения в проведении новой линии. Во время сталинской инспекционной поездки были сняты с работы и подвергнуты наказаниям, вплоть до исключения из партии, многие местные работники — за «мягкотелость», «примиренчество», «срастание» с кулаком и т. п. Волна замены партийных, советских, судебных и хозяйственных работников прокатилась тогда по всем районам. На Урале за январь — март 1928 года были отстранены более тысячи работников окружного, районного и сельского аппарата. Все это создавало обстановку нервозности и административного произвола. Началось закрытие рынков, проведение обысков по крестьянским дворам, привлечение к суду владельцев не только спекулятивных хлебных запасов, но и довольно умеренных излишков в середняцких хозяйствах. Суды выносили решения о конфискации как товарных излишков хлеба, так и запасов, необходимых для производства и потребления. Аресты в административном порядке и тюремные заключения по приговорам судов довершали картину. Именно с этой поры на селе стала широко распространяться практика привлечения к уголовной ответственности за так называемую контрреволюционную пропаганду. Понятно, что под эту статью при желании можно было подвести не только действительных врагов Советской власти, но и вообще всех кого заблагорассудится. В целом можно констатировать, что в ходе развертывания кампании против кулачества на селе в массовом масштабе допускались нарушения не только существующего законодательства, но даже тех довольно крутых инструкций, которые издавались в центре. К кулакам зачастую причислялись середняки, подвергавшиеся соответствующим мерам экономического нажима и даже репрессиям. Все это рассматривалось всего лишь как искривление партийной линии, хотя в действительности носило более глубокий характер. Страна начала вступать на путь, открывавший самый широкий простор для применения репрессивных методов в решении вопросов экономического характера.

Я написал последнюю фразу и задумался: а можно ли рассматривать эти проблемы в качестве чисто экономических? Конечно, в своей основе они носили экономический характер, но не только. В сущности они органически переплетались с вопросами

²⁰ И. В. Сталин, Соч. Т. 11. С. 3-4.

регулирования классовых отношений в еще не сформировавшемся до конца советском обществе. И Сталин здесь, конечно, усматривал прямую взаимосвязь и взаимозависимость, ибо считал, что решая народнохозяйственные задачи, большевики одновременно решают и вопросы классового порядка. Трудно выделить, что выдвигалось им на первый план в качестве приоритетной задачи — экономические или классовые цели. Скорее всего, разжигание классовой борьбы в деревне преследовало двоякую цель — скомпрометировать кулаков в глазах средних и бедных слоев сельского населения, посеять между ними вражду и даже ненависть и таким способом подготовить предпосылки (как экономические, так морально-психологические) для постановки в скором будущем вопроса о ликвидации кулачества как класса. Это была стратегия дальнего прицела и истоки ее лежали в общей концепции строительства социализма в одной стране. Причем методы такого строительства всегда определялись в соответствии с текущим положением дел.

В данном контексте едва ли можно оспорить вывод, содержащийся в биографии Сталина, написанной Р. Такером: «Эта стратегия увенчалась успехом, но не без борьбы в партии. Рассматриваемый период был долгим и одним из самых трудных в карьере Сталина. Ему приходилось неоднократно идти на попятный, когда в партии начинались колебания по вопросу о том, стоит ли мериться силами с зажиточными слоями крестьянства, в том числе с середняками, игравшими жизненно важную роль в народном хозяйстве, и с кулаками. Умеренные во главе с Бухариным, Рыковым и Томским вели упорную закусочную борьбу, а также (по мере возможности) борьбу в партийной печати за то, чтобы помешать движению политического маятника в крайнее, требуемое Сталиным, положение»²¹.

Здесь уместно сделать одно общее замечание относительно процесса эволюции сталинской политики и его мышления как главного руководителя Советского Союза. Направление этой эволюции — все более явный переход от методов убеждения к методам принуждения. И чем большей становилась власть генсека, тем более заметным становился примат методов принуждения над методами убеждения. Хотя на словах Сталин по-прежнему выступал в тоге ревнителя соблюдения демократических норм партийной жизни и развертывания широкой инициативы масс. Возникает вопрос: была ли такая эволюция случайной? Отражала ли она, так сказать, личные антипатии генсека к демократическим методам и его уже хорошо известную склонность к авторитарному стилю руководства? Иными словами, определялась ли она в первую очередь и главным образом личными качествами Сталина как политика?

Ответ на эти вопросы не так прост, как может казаться на первый взгляд. Есть веские основания для вывода, что личные качества Сталина, конечно, сыграли важную, а отнюдь не второстепенную роль в такой эволюции. Однако объяснять все только и главным образом личными качествами генсека — значит серьезно упрощать дело. Избранный Сталиным курс на создание мобилизационной экономики и форсированное развитие страны с железной закономерностью диктовал необходимость перехода именно к таким методам. Иными, а именно демократическими методами, осуществить этот стратегический курс на практике было невозможно. Данное утверждение ни в коей мере не означает, что речь идет об априорном оправдании методов Сталина и выдаче ему своего рода

²¹ Роберт Такер. Сталин. Путь к власти 1879 – 1929. Т. 1. С. 369.

политической индальгенции. Суть не в этом, а в том, что цели, поставленные им, в значительной степени предопределяли и методы их достижения. Конечно, отсюда не вытекает вывод, будто верна истина, что цель оправдывает средства. Цель не оправдывает средства, а лишь определяет их выбор. И если именно под этим углом зрения, в такой плоскости расценивать действия Сталина, то они не представляют собой какого-то уникального явления. В истории, да и в современной политической жизни, мы на каждом шагу сталкиваемся с подобными явлениями.

Вообще тема соотношения цели и средств ее достижения не только окрашена в политические тона, но и носит прежде всего философский характер. Злободневной она стала не со времен сталинского правления, а была таковой извечно. По крайней мере с тех пор, как появилась такая сфера человеческого бытия, как политика. История жизни Сталина и его деятельности лишь привнесла в эту проблему свои особенности и некоторые черты личности этого действующего лица политической сцены.

Но я несколько отвлекся в сторону от главной нити нашего изложения. Хотя, на мой взгляд, проблема заслуживает такого отклонения. Ибо в дальнейшем мы еще не раз будем сталкиваться с вопросом: что в конечном счете мотивировало те или иные действия Сталина как политика и государственного руководителя? И какого-то однозначного или шаблонного ответа на него нет — в каждом конкретном случае роль играли определенные причины и политические соображения и расчеты (или просчеты). Политическая философия Сталина безусловно накладывала на его деятельность во всех сферах свою неизгладимую печать. И эта печать во многих случаях носила зловещий оттенок. **Вместе с тем сама политическая философия Сталина была не только выражением и отражением его личных качеств как политика. Она была и выражением и отражением фундаментальных черт эпохи, в которую разворачивалась его политическая деятельность.** Данная констатация, разумеется, не должна истолковываться как попытка оправдать или преуменьшить масштабы целой череды ошибок, политических просчетов, масштабных репрессий или откровенно жестоких акций, связанных с именем Сталина

То, что эта проблема затронута в данном разделе, исторически вполне правомерно, поскольку в связи с борьбой по вопросам дальнейшего развития села во всей своей наглядности раскрылись многие фундаментальные черты Сталина как политика. Конечно, это был все тот же Сталин, что и прежде, но он никогда не оставался одним и тем же. На всем протяжении своей деятельности Сталин, оставаясь в принципе всегда самим собой, никогда не был одинаков, равен во всем самому себе. Каждый крутой поворот событий раскрывал в нем новые черты и качества. По крайней мере, с точки зрения стратегии и тактики реализации задуманных им целей.

Прежде чем перейти непосредственно к освещению истории противостояния Сталина и блока правых во главе с Бухариным, Рыковым и Томским, есть, очевидно, веский резон если не дать политический портрет этих трех незаурядных фигур большевистского руководства (что явно выходит за рамки моей темы), то хотя бы оттенить некоторые их качества как политических деятелей. Это важно, чтобы понять, что генсеку приходилось вести борьбу с фигурами крупного масштаба, а не с политической шантапой. Едва ли стоит вести полемику с теми, кто, начиная с периода перестройки, когда стали кардинально пересматриваться прежние исторические и идеологические оценки, при

освещении сталинского периода правления допускал явные перекосы в оценке указанных выше деятелей. Они не нуждаются в такой переоценке уже по той причине, что играли важную роль в истории большевистской партии и в начальный период советского государства. Однако все познается в сравнении: в сопоставлении со Сталиным они оказались фигурами гораздо менее масштабными и их место в истории не стоит преувеличивать.

Для характеристики этих фигур можно воспользоваться свидетельствами В. Молотова, поскольку он, что называется, знал этих людей как облупленных, проработав бок о бок с ними длительное время. Конечно, к оценкам Молотова следует подходить критически, принимая во внимание его общие политические и идеологические позиции и тот факт, что он являлся одним из тех, кто наряду со Сталиным, не только убрал их с политической арены, но из жизни вообще. Видимо, стоит привести его высказывания, дающие их общую характеристику и в этой своей части не противоречащие общеизвестным историческим фактам.

О Бухарине Молотов говорил: «Бликие отношения у Ленина были с Бухариным — в последние годы. Нет, пожалуй, в первые годы ближе были. Он часто и запросто был на квартире у Ленина в Горках, обедал в семье. Наиболее квалифицированный теоретически, выше Зиновьева, тот больше оратор-журналист, а этот — теоретик. Но оба с гонором были. Бухарин очень самоуверенно себя вел, хотя был крайне неустойчивым политически. Ленин назвал его «любимцем всей партии», но тут же сказал, что «его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским». Вот вам и любимец! Да и до этого Ленин его бил нещадно. А так Бухарин — добродушный, приятный человек.

Ленин хорошо относился к Бухарину, но не мог, конечно, никак быть с ним в близкой дружбе, поскольку Бухарин был для него ясен в философском и в политическом отношении. Бухарина Ленин ценил... О Бухарине сказал, что это великий путаник. И это видел не только Ленин, но и многие другие. Чувствуется, что Ленин его жалеет, но не может ничего ему уступить в идейной области»²².

И далее: «Бухарин — ученый, литератор, по любым вопросам он выступал с большей или меньшей уверенностью, был авторитет, нельзя отрицать. Обращение ЦК партии после смерти Ленина действительно хорошо написано — Бухарин писал.

...Он был наиболее подготовлен в теоретическом отношении, но вот идеологически тянул не туда. В этом всем приходилось считаться.

— А как человек какой он был?

— Очень хороший, очень мягкий. Порядочный, безусловно. Идейный.

— Достоин уважения?

— Достоин. Как человек — да. Но был опасный в политике»²³.

И еще: «...Бухарин наиболее подготовленный. Длительная борьба шла. На страницах прессы, прямо на глазах у всех. Бухарин был с нами до XVI съезда. Втроем — Бухарин, Сталин и я — все время вместе писали документы. Он был главный писатель.

Сталин Бухарина называл «Бухарчик», когда были хорошие отношения.

— Томский послабее?

— Он в теории не очень... Томский — хороший массовик, мог говорить с рабочими...»²⁴

²² Феликс Чуев. Сто сорок бесед с Молотовым. М. 1991. С. 194.

²³ Там же. С. 195.

²⁴ Там же. С. 197.

Интересны оценки Молотовым Рыкова. Отметив такую деталь, как склонность Рыкова к выпивке, Молотов продолжал: «У Рыкова всегда стояла бутылочка «Старки». «Рыковская» водка была — этим он славился. Ну мы все в компании выпивали, так, по-товарищески. В молодости крепко мог выпить. Сталин — само собой». И далее: «Рыков со мной из одной слободы. Из одной слободы, да. Умный был, но, я бы сказал, ум этот... Рыков всегда был оппортунистом, и Ленин говорил: «Вот оппортунист последовательный, а очень умный человек!» Виднейший большевик, Ленин его очень хорошо знал, ценил, как хорошего организатора. Но он часто выступал против Ленина еще до революции...

После смерти Ленина, когда остались три его заместителя — Цюруп, Рыков и Каменев, мы обсуждали вопрос, кого назначить Председателем Совнаркома. Были сторонники Каменева, но Сталин предпочитал Рыкова, потому что тот хоть и был за включение в правительство меньшевиков и эсеров, но против Октябрьской революции не выступал открыто, как Каменев. К тому же играло роль и то, чтобы во главе правительства стоял русский. В то время евреи занимали многие руководящие посты, хотя составляли невысокий процент населения страны»²⁵.

Приведенные характеристики, как их ни оценивать с точки зрения исторической достоверности, все-таки рисуют портреты Бухарина, Рыкова и Томского не только как политических деятелей, но и просто как людей, со свойственными им достоинствами и недостатками. В период перестройки преобладали оценки уже идеологически ориентированные, говорящие сами за себя. Вот, например, обобщенная характеристика Рыкова, принадлежащая перу автора его биографии: «...Рыков явился именно тем политическим деятелем, который воплотил преемственность ленинского руководства правительством. Его отставка в декабре 1930 года с поста председателя Совнаркома СССР приобрела этапное значение. Она обозначила грань между двумя периодами в руководстве высшей исполнительной властью страны первых послеоктябрьских десятилетий: временем Ленина, а также Рыкова, продолжившего ленинскую линию политики правительства, и временем Молотова — Сталина, говоря обобщенно, сталинщины, в иерархии которой преемник Рыкова на посту председателя Совнаркома занял положение «второго лица»²⁶.

В дальнейшем я по ходу изложения материала подробнее остановлюсь на взаимоотношениях между Сталиным и Бухариным — центральными фигурами исторической схватки, вошедшей в анналы большевизма как борьба против правого уклона. Но — подчеркну еще раз — как бы ни складывались личные отношения между противоборствовавшими лидерами, неоспоримо одно: смысл и содержание этого противостояния определяли принципиально разные политические позиции фигурантов этой борьбы. Бесспорно, Бухарин представляет собой не только одну из наиболее колоритнейших личностей большевизма, но и, вне всякого сомнения, пожалуй, наиболее трагическую фигуру в его истории. Полная и основательная оценка этой личности выходит за рамки моей темы. Поэтому тех, кто интересуется ею, можно отослать к биографии Бухарина, написанной С. Коеном. Его книга — это солидное, хорошо документированное издание. Хотя автор в целом дает более чем завышенную историческую оценку Бухарину и в ряде случаев проявляет определенную тенденциозность. Впрочем, аналогичный упрек можно предъявить и в адрес пишущего эти строки.

²⁵ *Феликс Чуев. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 196–198.*

²⁶ *Дмитрий Шелестов. Время Алексея Рыкова. М. 1990. С. 304.*

Основная борьба между Сталиным и его оппонентами из блока правых развернулась на объединенных пленумах ЦК и ЦКК, поскольку со времен Ленина в Политбюро существовал такой порядок: если у кого-либо из членов ПБ были возражения или замечания по обсуждавшимся вопросам, то окончательное решение не принималось до достижения согласия или же вопрос передавался для дальнейшей проработки на комиссии, которую назначало то же Политбюро. Поскольку в составе ПБ в то время из 9 его членов только 6 являлись сторонниками Сталина, включая его самого (некоторые источники сообщают, что один из них — Калинин — по вопросам политики на селе порой склонялся к позиции правых), то окончательного решения по чрезвычайно важным и в то же время спорным вопросам добиться не удавалось. Заседания Политбюро превратились в настоящее поле битвы между двумя лагерями. В конце концов эти вопросы выносились на решение пленумов. В 1928 — 1929 гг. состоялось несколько пленумов, полные стенограммы которых опубликованы и имеются в распоряжении исследователей. Так что существует возможность более или менее точно и достаточно полно, на основании документов, воспроизвести картину порой драматических политических баталий, которые являли собой заседания пленумов ЦК той поры.

Еще до апрельского (1928 г.) пленума обстановка в Политбюро настолько накалилась, что Рыков поставил вопрос о своей отставке с поста главы правительства. В письме на имя Сталина, Молотова и Бухарина от 7 марта 1928 г. он писал:

«За последнее время был целый ряд признаков, говорящих за то, что большинство Политбюро недовольно руководством СНК и СТО. Сегодня разыгрываются разногласия по крупнейшему вопросу — о резолюции по плану промышленности на текущий год. Из всего этого необходимо сделать вывод. Работа может идти только в том случае, если расхождений в крупных, основных вопросах в руководстве СНК и СТО с мнением Политбюро нет. Я в качестве председателя СНК и СТО работать больше не буду. Предлагаю сделать такую расстановку сил, чтобы на ближайшем пленуме и сессии ЦИК сделать необходимые перемещения, а меня наметить на Урал.

А. И. Рыков»²⁷

Адресаты ответили категорическим отказом. Вот мотивировка их отказа:

«Считаю в корне неправильной постановку вопроса т. Рыкова. Считаю, что никто не может ставить вопроса о смене т. Рыкова, т[ак] к[ак] это явная нелепость и безусловная нецелесообразность. В том числе мне и в голову никогда такая глупость не приходила, т. к. Рыков лучше кого бы то ни было выполнял и выполняет работу преда СНК. Но считаю свое выступление безусловно законным. От этого права говорить на политбюро и резко критиковать решения наркоматов и СНК ни в коем случае не могу отказаться. Разногласия не в основном (тут есть необходимое единомыслие), а в отдельных, хотя и крупных практических вопросах. Это неизбежно и тут я не вижу ничего плохого. Поэтому весь вопрос т. Рыкова поставлен неправильно. В. Молотов».

«Я считаю, что такие вопросы, как об индустрии и т[ак] д[алее] лучше предварительно ставить на повестке. А то мы на повестке спорим о всякой (относительно) ерунде, а не предупреждаем таких сцен, как сегодня. Я сам не мог говорить, чтобы не драться при всех, хотя считаю, что индустриализацию и ее темп правильнее высчитывать по капитальным затратам, а не по валовой продукции (о чем не раз говорил) [Бухарин]».

²⁷ Советское руководство. Переписка. 1928 – 1941. М. 1999. С. 22.

«Присоединяюсь к Молотову и Бухарину. Ошибка состоит в том, что мы не провентилировали вопрос до Политбюро. Сталин»²⁸

Если прокомментировать эту переписку, скорее похожую на перепалку, то первое, что приходит в ум — это явная неготовность Сталина к кардинальному решению вопроса именно в тот момент. Разница в позициях обозначилась, но не был виден подлинный масштаб водораздела, пролежавшего между Сталиным и его сторонниками, с одной стороны, и группой Бухарина. Генсек еще не подготовил почву для решающего сражения, а как хороший стратег и тактик он считал, что преждевременное сражение часто несет в себе зерна будущего поражения. Он проявлял выдержку и терпение и порой демонстрировал (иногда даже чрезмерно) свою готовность к нахождению компромисса с правыми.

Следует не упускать из поля зрения еще одно немаловажное обстоятельство. Только что закончился съезд, завершившийся разгромом объединенной оппозиции, и вот в руководстве партии снова самые серьезные разногласия. Этого в тот период многие не могли ни понять, ни объяснить даже самим себе. Атмосфера в партии и стране была такова, что новый раунд внутрипартийной борьбы мог быть расценен не как политическое противостояние вокруг вопроса о генеральном направлении дальнейшего развития, а как откровенная схватка верхов за власть. Генсек это прекрасно понимал, поэтому он и не гнал лошадей. Косвенным отражением господствовавших тогда настроений не только в партийной массе, но и в руководстве партии, может служить письмо одного из наиболее близких соратников Сталина — в то время председателя ЦКК Орджоникидзе, адресованное Рыкову. Вот что он писал:

«Без невероятно жестоких потрясений в партии не пройдет никакая дальнейшая драка. Надо исходить из этого. Я глубоко убежден, что изживем все. По хлебу и другим подобным вопросам можно спорить и решать, но это не должно вести к драке. Разговор с тобой и другими (Стал[ин]) меня убеждает, что коренных разногласий нет, а это главное. По этому вопросу — сегодня не за что драться. По другим вопросам единодушие будет полное. А драку на всякий случай для предупреждения будущих возможных разногласий вам партия не даст. Я тебя прямо-таки умоляю взять на себя примирение Бух[арина] со Стал [иным]. Совершенно не согласен с тобой. Решительно нельзя допускать никаких разговоров о каких бы то ни было переменах [ах] в ИККИ, ВЦСПС и т. д. Смешно, конечно, говорить о твоей «смене», Бух[арина] или Том[ского]. Это прямо было бы сумасшествием. По-видимому, отношения между Ст[алиным] и Бухариным] значительно испортились, но нам надо сделать все возможное, чтобы их помирить. Это возможно. Ты прав, что у всех у вас некоторая настороженность за будущее»²⁹.

Из всего этого четко следует вывод: Сталину нужно было время, чтобы подготовить верхушку партии и партию в целом к новому витку внутрипартийной борьбы. Деликатность положения осложнялась еще и тем обстоятельством, что теперь приходилось скрестить мечи с теми, кто еще несколько месяцев назад плечо к плечу с генсеком вел борьбу против объединенной оппозиции. В этом смысле новый раунд был сложнее и труднее, поскольку лидеры правого блока, хотя и имели в своей политической репутации некоторые темные пятна, все же воспринимались в качестве верных соратников Ленина.

²⁸ Советское руководство. Переписка. 1928 – 1941. С. 23.

²⁹ Там же. С. 58

Все эти факторы Сталин не мог не принимать в расчет. А он, как еще отмечал его заклятый враг Троцкий, был тонким дозировщиком. Кстати сказать, это качество генсека во многом помогло ему выйти из всех внутривнутрипартийных баталий бесспорным победителем. Да и вообще в политике умение правильно дозировать свои действия никак не может быть истолковано как изъяз, а тем более порок.

В свете сказанного не случайными оговорками или тактическими ошибками следует считать такие, например, заявления генсека, как сделанное им в ноябре 1928 года, когда противостояние с блоком правых стало не просто свершившимся фактом, но и в значительной мере необратимым явлением. Он, в частности, заявил:

«Заканчивая своё слово, я хотел бы, товарищи, отметить ещё один факт, о котором здесь не говорили и который имеет, по-моему, немаловажное значение. Мы, члены Политбюро, предложили вам свои тезисы о контрольных цифрах. Я в своей речи защищал эти тезисы, как безусловно правильные. Я не говорю об отдельных исправлениях, которые могут быть внесены в эти тезисы. Но что в основном они правильны и обеспечивают нам правильное проведение ленинской линии, — в этом не может быть никакого сомнения. И вот я должен заявить вам, что эти тезисы приняты нами в Политбюро единогласно. Я думаю, что этот факт имеет кое-какое значение ввиду тех слухов, которые то и дело распространяются в наших рядах всякими недоброжелателями, противниками и врагами нашей партии. Я имею в виду слухи о том, что будто бы у нас, в Политбюро, имеются правый уклон, «левый» уклон, примиренчество и чорт знает еще что. Пусть эти тезисы послужат ещё одним, сотым или сто первым доказательством того, что мы все в Политбюро едины»³⁰.

Это заявление генсека интерпретируется некоторыми исследователями не просто как тактический маневр или вынужденный шаг, а как явное проявление его политического лицемерия. Ведь буквально в той же речи он акцентировал внимание на опасности правого уклона и необходимости борьбы против него. Вот его буквальные слова: «...Правая опасность является в данный момент главной опасностью в нашей партии. Борьба с троцкистскими тенденциями, и притом борьба сосредоточенная, идёт у нас вот уже десяток лет. Результатом этой борьбы является разгром основных кадров троцкизма. Нельзя сказать, чтобы борьба с открыто оппортунистическим уклоном велась за последнее время столь же интенсивно. А не велась она особенно интенсивно потому, что правый уклон находится у нас еще в периоде формирования и кристаллизации, усиливаясь и нарастая ввиду усиления мелкобуржуазной стихии, выросшей в связи с нашими хлебозаготовительными затруднениями. Поэтому главный удар должен быть направлен против правого уклона»³¹.

Политическая лабильность (вернее сказать, политическая гибкость, граничащая порой с беспринципностью) генсека была не просто проявлением его характера как человека (а эта черта выражалась в самых различных формах и при самых разных обстоятельствах на протяжении всей его карьеры). Она служила средством борьбы с политическими противниками, проявлявшими зачастую поразительную доверчивость и наивность. Выше я уже привел образчики такого, мягко говоря, незтичного поведения Сталина, его неразборчивости в выборе средств достижения своих целей. К этому же ряду относится и его заявление по вопросу отсутствия разногласий в Политбюро. В апреле 1929 года на

³⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 11. С. 290.

И. В. Сталин. Соч. Т. 11. С. 289–290.

пленуме ЦК Н. Угланов — один из видных представителей группы Бухарина свидетельствовал: перед Сталиным прямо был поставлен вопрос: **«есть ли теперь разногласия в Политбюро, я чувствую по речам, что есть, не выйдет ли чего-нибудь?»** Тов. Сталин ответил: до составления резолюции разногласия были, теперь их нет, — и высказал мысль, которая была сказана довольно твердо, что **если в этом Политбюро, которое подобрано не случайно, произойдут разногласия, тогда я первый пойду в Туруханку**. Так говорил тов. Сталин. Он говорил, что это Политбюро сложилось так, что у нас теперь ничего не может быть»³².

На самом деле генсек и не думал о своем возвращении в Туруханку, где он когда-то провел, возможно, самые суровые годы своей жизни. Скорее наоборот, в Туруханку, а, может быть, и куда-нибудь и подальше он намеревался в конце концов отправить своих соперников. Времена ведь изменились! Неузнаваемо изменились.

Уже в период развертывания борьбы с группой Бухарина в речах Сталина невооруженным взглядом можно было заметить явные противоречия и несостыковки. Ведь странно как-то читать, что в Политбюро господствует единство, и в то же время главную опасность представляет правый уклон. Какие же мифические силы его олицетворяют? Ибо в политике серьезные действия — и это считается аксиомой — как правило, персонифицированы. Впрочем, странным это выглядит лишь на поверхностный взгляд. Если оттенить мысль Сталина, что правый уклон находится пока еще в стадии **формирования и кристаллизации**, то это может служить не только видимым оправданием его заявления о единстве в Политбюро, но и своего рода политической заявкой на неотвратимость в ближайшем будущем открытой борьбы против правого уклона. Так оно и произошло. Под разговоры о единстве в Политбюро генсек проводил тщательную подготовку к открытому противоборству со своими оппонентами из блока правых. К тому времени он уже обладал не просто богатым, а можно сказать, уникальным и непревзойденным опытом борьбы за политическое уничтожение противников своей генеральной линии.

3. Кульминация борьбы и ее финал

Борьба против правого уклона стала последним открытым противостоянием между Сталиным и его политическими оппонентами. Она, по существу, явилась финальной схваткой, победа в которой открывала перед Генеральным секретарем путь к установлению его не только неоспоримой, но и единоличной власти в партии и стране. Возможно, это обстоятельство и придало ей особую ожесточенность, когда позиции сторон обозначились во всей своей непримиримости. Серьезным политическим преимуществом Сталина в этот период выступало то, что он приобрел уже ореол последовательного борца против любых отклонений от намеченного еще Лениным стратегического курса. Хотя в действительности речь шла уже не о продолжении политики, завещанной усопшим вождем, а о совершенно новой линии в строительстве социалистического общества. Ленинские заветы и указания играли роль лишь прикрытия для мотивации новой политики. Обильные ссылки генсека

³² Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928 – 1929. Т. 4. С. 140.

на Ленина нужны были Сталину для подтверждения своего нового курса. Парадоксален на первый взгляд еще один момент: его противники также постоянно ссылались на Ленина, отстаивая диаметрально противоположные позиции. Словом, мысли и идеи, высказанные по тому или иному вопросу Лениным, часто применительно к совершенно иной исторической обстановке, возводились в ранг своего рода Нового завета большевистского толка. Широкой массе членов партии было трудно разобраться во всех этих хитросплетениях. Но чем проще и понятнее выражалась та или иная точка зрения, тем больше было шансов на то, что именно ее поддержат партийные массы. И в этом отношении Сталин явно и неоспоримо превосходил своих оппонентов — он обладал чрезвычайно важной, особенно в условиях открытой публичной полемики, способностью выражать свои мысли просто, ясно и доступно для понимания малосведущих и зачастую малообразованных партийцев.

К политическим преимуществам Сталина следует отнести и безупречную его репутацию как человека, никогда не замеченного в каких-либо оппозиционных шатаниях. Не случайно он при всяком удобном и даже неудобном случае подчеркивал это обстоятельство. Мол, критические высказывания в его адрес со стороны Ленина касались исключительно лишь личных качеств, но никак не политической линии. Это не могло не сказываться на самом характере противостояния с правыми, видные представители которых имели несомненные грешки по части политической репутации.

Но дело не сводилось к разного рода политическим грехам и прегрешениям лидеров оппозиции в отношении так называемой генеральной линии партии. Хотя — подчеркну еще раз — данное обстоятельство играло в аргументации Сталина против них роль мощного оружия, поскольку именно в тот период в партии формировалась весьма своеобразная морально-психологическая атмосфера. Безусловная безупречность политической биографии, отсутствие всякого рода компрометирующих моментов в личной жизни, неизменная преданность принятым решениям и многое другое постепенно превращалось в мерило, определявшее отношение к личности того или иного партийного функционера. Даже просто формальное участие в какой-либо фракционной деятельности в прошлом (а фракции до 1921 года официально не запрещались уставом партии) вменялось в вину.

Фундаментальную слабость правых, их, так сказать, ахиллесову пяту, отметил в своей работе Р. Даниельс. В первую очередь он указывает, что правое крыло в партии никогда не представляло собой четко сложившуюся группу со своей организационной структурой и некоей суммой принципов, на которые они могли бы опираться в своей борьбе против партийного руководства. Он пишет далее, что эта слабость правых в историческом их сравнении с левыми оппозиционерами (троцкистско-зиновьевская оппозиция) имела и обратную, положительную сторону, поскольку служила неким основанием их сопротивляемости и прочности: они всегда при наступлении очередного кризиса готовы были использовать этот свой потенциал³³. Отсутствие четко зафиксированных принципов и каких-либо организационных структур давало им свободу действий.

Но Сталин как раз и раскусил не только сильные, но и слабые стороны оппозиции. Сильные их стороны он сумел превратить в слабые, а слабые в еще более слабые. Ему не составляло большого труда отсутствие принципов охарактеризовать как беспринципность

³³ Robert Vincent Daniels. The conscience of the revolution. p. 382.

(что порой было недалеко от истины), а отсутствие каких-либо организационных структур представить как полный политический вакуум, отчужденность от интересов широких масс партийцев. В сталинской постановке вопроса именно таким образом была своя железная логика. Особый нажим генсек делал на то, что вчера еще решительные борцы против троцкизма сегодня переходят фактически на позиции своего вчерашнего противника. И здесь, как говорится, крыть было нечем.

Борьба с правыми, конечно, не могла быть для генсека легкой, а тем более кратковременной кампанией: она растянулась на два года — 1928 и 1929 гг. Нарастание ее шло по восходящей линии, хотя и случались отдельные периоды некоторого подобия замирения, когда казалось, что начинают вырисовываться контуры приемлемого для обеих сторон политического компромисса. Но это были всего лишь эпизоды политических иллюзий со стороны правых. На компромиссы Сталин шел всегда с одной лишь целью — еще лучше подготовить почву для решительного контрудара. А до поры до времени он нередко демонстрировал готовность к соглашению и поиску взаимоприемлемых договоренностей по спорным вопросам. Обращает на себя внимание, что на первых этапах противостояния с правыми генсек главный упор делал на методы прежде всего идейной борьбы: «основным методом борьбы с правым уклоном должен быть у нас на данной стадии метод развернутой идеологической борьбы. Это тем более правильно, что среди некоторых членов нашей партии имеется обратная тенденция — начать борьбу с правым уклоном не с идеологической борьбы, а с организационных выводов»³⁴. (В скобках заметим, что выделенные Сталиным слова — **на данной стадии** — звучали не просто как скрытая угроза в адрес лидеров правых, но и как своеобразная подготовка общественного мнения в самой партии, а также и в стране к организационным выводам в отношении лидеров правого блока. Сталин вел против них борьбу по всем правилам военно-политической стратегии, знатоком которой он себя считал.)

Этапами противоборства стали объединенные пленумы ЦК и ЦКК, прошедшие на протяжении двух указанных лет. Если на апрельском пленуме 1928 года обе стороны старались всячески приглушить разногласия, то в рамках Политбюро разыгрывались перманентные схватки и взаимные препирательства, принимавшие подчас чуть ли не скандальный характер. Выше уже приводились выдержки из письма Орджоникидзе, в котором он выражал надежду на политическое примирение между Сталиным и Бухариным. Такое примирение не состоялось, да и не могло состояться в силу очевидных причин — генсека с лидером правых разделяли не просто политические разногласия, а настоящая политическая пропасть. И с течением времени эта пропасть становилась все глубже и шире. Так что надежда Орджоникидзе, человека искреннего и горячего, на возможность установления мира между Сталиным и Бухариным ни на чем не основывалась, разве только на желаниях самого Орджоникидзе. Чтобы в этом убедиться, достаточно прочитать записки, которыми обменивались (на разных этапах противостояния) Бухарин и Сталин. В августе 1928 года Бухарин писал Сталину:

«Коба,

Я пишу тебе, а не говорю, так как мне и слишком тяжело говорить, и — боюсь — ты не будешь слушать до конца. А письмо ты все же прочтешь...

Ну скажи, для чего все это? Я тебе заявил, что драться не буду и не хочу. Я слишком

³⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. 11. С. 287.

хорошо знаю, что может означать драка, да еще в таких тяжелых условиях, в каких находится вся страна и наша партия. Я тебя прошу обдумать сейчас одно: дай возможность спокойно провести конгресс: не делай лишних трещин здесь, не создавай атмосферы шушуканий (не помогай этому такими вещами, как нетерпеливой отсылкой Сlepкoвa). Кончим конгресс (и кит) (имеются в виду конгресс Коминтерна и обсуждение китайского вопроса — Н. К.) и я буду готов уйти куда угодно без всяких драк, без всякого шума и без всякой борьбы.

Н. Бухарин»³⁵.

Упреки были взаимными. Бухарин, видимо, тоже не оставался в долгу и часто, как сказали бы сегодня, «доставал» Сталина. Вот одна из записок генсека Бухарину: «Ты меня не заставишь молчать, или прятать свое мнение выкриками о том, что я *«всех хочу поучать»*. Будет ли когда-либо положен конец нападкам на меня?»³⁶

Как видим, неприязненные личные отношения между Сталиным и лидерами правых стали достаточно красочным фоном, на котором развертывались различные фазы их политической борьбы. Надо сказать, что в этой борьбе Сталин умело использовал любой, даже самый малейший промах в стратегии и тактике оппозиционеров. А таких промахов, причем очень серьезных по тогдашним политическим меркам, у лидеров оппозиции было немало. Одним из самых серьезных явился факт встречи и переговоров Бухарина с Каменевым, ранее исключенным из партии решением XV съезда. Встреча состоялась в июле 1928 года во время пленума ЦК и носила тайный характер. Однако, по всей вероятности, ее содержание по каналам ОГПУ стало известно генсеку сразу же или вскоре после того, как она произошла. В дальнейшем Сталин ссылался на то, что об этом партия узнала из публикаций зарубежной эмиграции. Но суть не в том, откуда генсеку стало известно обо всем этом. Его не столько встревожил, сколько, надо полагать, обрадовал сам факт такой конспиративной встречи. Теперь можно было напрямую вести атаку на правых, используя в качестве неотразимого и мощного оружия сам факт попытки сговора лидера правых с представителями разгромленного блока объединенной оппозиции.

Нет необходимости в деталях рассматривать весь ход переговоров Бухарина с Каменевым. Остановимся лишь на ключевых моментах.

Прежде всего Бухарин информировал Каменева об обострении ситуации в Политбюро. Причем он не исключал, что Сталин вынужден будет обратиться за помощью к представителям троцкистско-зиновьевской оппозиции, поэтому сделал как бы упреждающий шаг, обратившись к ним первый. Каменев спросил: «Да серьезная ли борьба-то?» Бухарин: «Вот об этом я и хотел поговорить. Мы считаем, что линия Сталина губительная для всей революции. С ней мы можем пропасть. *Разногласия между нами и Сталиным во много раз серьезнее всех бывших у нас разногласий с Вами*. Я, Рыков и Томский единогласно формулируем положение так: «было бы гораздо лучше, если бы мы имели сейчас в ПБ вместо Ст[алина] — Зиновьева и Каменева». Об этом я говорил с Р[ыковым] и Т[омским] совершенно откровенно. Я со Сталиным несколько недель не разговариваю. Это беспринципный интриган, который все подчиняет сохранению своей власти. Меняет теории ради того, кого в данный момент следует убрать. В «семерке» мы разругались с ним до «врешь», «лжешь» и пр. Он теперь уступил, чтобы нас резать. Мы это понимаем, но он так маневрирует, чтобы нас выставить раскольниками»³⁷.

³⁵ Советское руководство. Переписка. 1928 – 1941. С. 38, 40.

³⁶ Там же. С. 73.

Ю. Г. Фельштинский. Разговоры с Бухариным. М. 1993. С. 32.

Каменев поинтересовался: «Каковы же Ваши силы?» Бухарин ответил:

«Я + Рыков + Томский + Угланов (абсолютно). Питерцы вообще с нами, но испугались... Андреев за нас. Его снимают с Урала. Украинцев Сталин сейчас купил, убрав с Украины Кагановича. Потенциальные силы наши громадны, но 1) середняк-цекист еще не понимает глубины разногласий, 2) страшно бояться раскола. Поэтому, уступив Сталину в чрезвычайных мерах, [середняк-цекист] затруднит наше нападение на него. Мы не хотим выступать раскольниками, ибо тогда нас зарежут. Но Томский в последней речи на пленуме показал явно, что раскольник — Сталин. Ягода и Трилиссер (заместители председателя ОГПУ — Н. К.) наши... Ворошилов и Калинин изменили нам в последний момент. Я думаю, что Сталин держит их какими-то особыми цепями. Наша задача постепенно разъяснить гибельную роль Сталина и подвести середняка-цекиста к его снятию. Оргбюро наше».

Каменев: «Пока он снимает Вас». Бухарин: «Что же делать? Снятие сейчас не пройдет в ЦК. По ночам я иногда думаю: «А имеем ли мы право промолчать? Не есть ли это недостаток мужества?» Но расчет говорит: надо действовать осторожно... Может быть, нужен еще удар, чтобы партия поняла, куда он ее ведет»³⁸.

Апелляция правых к своим бывшим антагонистам, попытка установить с ними не просто политический контакт, а организовать нечто вроде союза против Сталина не имели под собой серьезной основы, чтобы оказаться успешными. Во-первых, позиции разбитой троцкистско-зиновьевской оппозиции были чрезвычайно слабы в партии. Они в значительной мере принадлежали уже истории, нежели представляли собой реальную силу в стране. А, во-вторых, у них самих еще не прошло озлобление против правых, в особенности против Бухарина, которого тогда считали одним из самых главных разоблачителей троцкизма. Данная оценка подтверждается письмом Зиновьева, перехваченном агентами ОГПУ. В этом письме он излагал свое отношение к попыткам Бухарина сформировать нечто вроде общего фронта против Сталина:

«I. Можем ли мы в какой-либо мере связывать свою судьбу с группой Бухарин — Рыков — Томский — Угланов?

Единственное прогрессивное дело, которое могла бы выполнить эта группа — это: снять Сталина с генсеков. Не знаю, дано ли это ей? Скорее — нет! Думаю, что шансов у нее за это не более 25%. Но и то: ведь снятие Сталина было бы благом лишь в том случае, если его заменит (согласно завещанию Ленина) ленинец, но без минусов Сталина. На деле же снятие Сталина этой группой означало бы то, что на место Сталина ставится правый... В нашем положении самое опасное отдаться во власть чувства. Если руководиться чувством, то, конечно, надо действовать по формуле: с чертом и его бабушкой — только бы спихнуть Сталина. Эта «тактика» не для нас...

И, тем не менее, если есть шансы спасти дело (а они есть) без троцкистской судороги, задержать распад — так это перегруппировка сил внутри ЦК (и партии) сейчас и комбинация (в основном): мы плюс Сталин. Предположить осуществление этого трудно, но, во всяком случае, не невозможно»³⁹.

И далее, рассмотрев возможные варианты действий остатков объединенной оппозиции, Зиновьев перечислил ряд из них:

«В) Пойти с группой Бухарина — Рыкова на «новейшую» оппозицию.

³⁸ Ю. Г. Фельштинский. Разговоры с Бухариным. С. 33.

³⁹ Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928 – 1929. Т.4. С. 695.

г) Пойти в «рабство» к Сталину.

д) Искать союза со Сталиным на приемлемых (и целесообразных для партии) условиях. По-моему, мы должны твердо стать только на последний путь»⁴⁰.

Из приведенных пассажей складывается следующая картина. Бухарин явно преувеличивал силы правых. Он желаемое выдавал за действительность. Такие члены руководства, как Ворошилов, Калинин и Андреев, конечно, могли в чем-то проявлять колебания, но в принципе они были на стороне Сталина. Да и степень их возможных колебаний весьма относительна, если не сказать настолько незначительна, что ею можно пренебречь в серьезной политической схватке. Констатировать это и поставить здесь точку, конечно, нельзя. Необходимо сделать одно существенное дополнение. Оно сводится к следующему. Сталин скрупулезно фиксировал промахи, а тем более колебания своих сторонников, чтобы использовать такого рода факты не только для компрометации в нужный момент своих не вполне лояльных соратников, но и для их шантажа. Характерен в этом плане эпизод с Калининным, который в 1930 году дал внутреннюю информацию о внутривнутрипартийных делах Кондратьеву — одному из фигурантов будущего политического процесса — (об этом пойдет речь в дальнейшем). Сталин, находившийся тогда на отдыхе, направил письмо Молотову. В нем он писал: «Что Калинин грешен, — в этом не может быть сомнения. Все, что сообщено о Калининне в показаниях — сушая правда. Обо всем этом надо обязательно осведомить ЦК, чтобы Калининну впредь не повадно было путаться с пройдохами»⁴¹.

Что же касается видных руководителей ОГПУ, упомянутых Бухариным, то они фактически являлись если не людьми генсека, то в высшей степени зависели от его благорасположения. Кроме того, обладая полнотой информации, в том числе и о настроениях в партии и в ее верхах, они не могли не понимать простой истины — шансов на победу у правых было не просто мало, а очень мало. И они, конечно, не могли делать ставку на слабейших. Эта констатация, разумеется, не означает, что на первоначальном этапе борьбы, когда ее исход еще не был предreshen на все сто процентов, люди типа Ягоды могли проявлять определенные колебания между позицией генсека и правой оппозицией. Как свидетельствуют факты, такие «шатания» были присущи ряду руководящих функционеров ОГПУ. Причин здесь несколько, но на них специально останавливаться нет необходимости. Замечу лишь, что подобные колебания, в частности, могли быть мотивированы тем, что эти деятели чуть ли не ежедневно получали тревожную информацию о недовольстве и даже открытых выступлениях против жесткой линии центра в лице Сталина. И им могло показаться, что генсек силой обстоятельств вынужден будет пойти на уступки лидерам правых. Иными словами, они стремились как бы подстраховаться на всякий пожарный случай. В целом же такая их позиция отнюдь не свидетельствовала со всей определенностью, что они выступают в поддержку правых в их противоборстве со Сталиным.

Так что общий анализ ситуации и прогноз Бухарина не дают никаких оснований характеризовать его как дальновидного политика. Особенно в сопоставлении со Сталиным. И, наконец, весьма опрометчивыми и иллюзорными были расчеты Бухарина на создание блока с представителями бывшей левой, т. е. зиновьевской оппозиции, поскольку

⁴⁰ Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928 – 1929. Т. 4. С. 696.

Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925 – 1936 гг. С. 198.

последние в большей мере ориентировались на возможность достижения соглашения со Сталиным. При этом они ошибочно исходили из посылки, что Сталин для победы над группой Бухарина не сможет обойтись без их поддержки. Но Сталину не нужен был даже кратковременный союз с разгромленными оппозиционерами. Вообще он всегда внутренне презирал побежденных, хотя и считал в порядке вещей использовать их в своих политических играх.

Не случайно генсек контакт Бухарина с Каменевым сделал центральным пунктом среди всех других обвинений в адрес правого блока. Он в своих выступлениях не оставил камня на камне от оправдательного лепета Бухарина. Вердикт, который выносил генсек, был беспеллацияционен:

«Тов. Бухарин уверяет, что он не имел намерения строить политический блок со вчерашними оппозиционерами против большинства Политбюро. Но какие имеются основания верить тов. Бухарину? Не вернее ли будет сказать, что тов. Бухарин говорит в данном случае явную неправду? Ибо, если тов. Бухарин не имел намерения насчет блока, почему он конспирировал против ЦК, почему он скрывал от большинства ЦК свои переговоры с тов. Каменевым? Чем объяснить, например, слова тов. Бухарина, обращенные к тов. Каменеву во время беседы: «Не нужно, чтобы кто-нибудь знал о нашей встрече. Не говори со мной по телефону, подслушивают. За мной ходит ГПУ и у тебя стоит ГПУ. Хочу, чтобы была информация, но не через секретарей и посредников. О том, что я говорил с тобой, знают только Рыков и Томский. Ты тоже не говори никому, но скажи своим, чтобы не нападали на нас». Не ясно ли из этих слов, что тов. Бухарин сознавал **всю преступность своих переговоров с Каменевым** и вынужден был поэтому всячески скрывать от ЦК все, что только может касаться этих переговоров, прикрывая свое преступление заявлениями насчет единства Политбюро и отсутствия в нем разногласий? Не ясно ли, что если бы это была простая беседа, тов. Бухарин не стал бы так строго конспирировать от ЦК? Как назвать подобное поведение тов. Бухарина?»⁴²

Весьма любопытен также такой эпизод, также ставший известным из беседы Бухарина с Каменевым. В этом эпизоде генсек предстает как человек, не брезгающий никакими средствами, чтобы добиться своей цели. Вот как излагает этот эпизод Бухарин: «Пишу Сталину письмо и требую общего обсуждения. Он прибегает ко мне: Бухарин, ты можешь даже слону испортить нервы, но на обсуждение не соглашается. Я пишу второе письмо — он зовет меня к себе. Начинает: мы с тобой Гималаи. Остальные — ничтожества»⁴³.

Столь оскорбительная оценка Сталиным своих коллег по Политбюро, конечно, могла сыграть роль бомбы, подложенной под кресло генсека. Ведь даже самым верным его приверженцам такая характеристика была не просто проявлением неуважения, но и актом презрения к ним. А это — при известных обстоятельствах — могло обернуться для Генерального секретаря самыми тяжелыми последствиями. Видимо, и сам Сталин понял свою оплошность и вынужден был на апрельском пленуме в 1929 года давать своеобразное объяснение такому обвинению. Игнорировать его он просто не мог. И Сталин дал следующее объяснение (говоря о Бухарине):

«Не понимает, на какой вышке сидит. Не понимает он этого. Я ему говорил как-то: мы с тобой стоим на большой вышке. Поэтому каждое наше слово расценивается как политика.

⁴² Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928 – 1929. Т. 4. С. 592.

⁴³ Ю. Г. Фельштинский. Разговоры с Бухариным. С. 35–36.

А он понял это так, что мы с тобой Гималаи, а другие почти ничего не стоят. Вот и говори с ним после этого, но он не понимает, на какой вышке он стоит. Ты член Политбюро. Ведь каждого из нас по косточкам разбирают и рабочие, и крестьяне, и интеллигенты, по косточкам. Каждый наш шаг расценивается как политика. Этого Бухарин не понимает»⁴⁴.

Из этого довольно невнятного объяснения Сталина явствует лишь одно — о политических Гималаях речь действительно шла. И, видимо, как раз в том контексте, о котором говорил Бухарин. Вообще в рассматриваемый период в партийных верхах с подачи Троцкого стали все чаще говорить о бонапартистских устремлениях генсека. Сам термин бонапартизм в приложении к Сталину, конечно, можно употреблять, но с известными оговорками. Ведь реальное историческое содержание бонапартизма, связанное с именами Наполеона и Луи Бонапарта, определяется прежде всего как тактика лавирования между различными социальными силами с целью сохранения своей власти. При этом, как известно, бонапартизм сочетает социальную демагогию с активной шовинистической пропагандой и агрессией, с политикой удушения демократических свобод и революционного движения путём широкого использования полицейско-бюрократического аппарата. Именно такое содержание вкладывал в сталинский бонапартизм его злейший враг Троцкий. По Ленину же «бонапартизм есть форма правления, которая вырастает из контрреволюционности буржуазии в обстановке демократических преобразований и демократической революции»⁴⁵.

Оппозиционеры в рассматриваемый период также выдвигали (хотя и в весьма осторожной форме) обвинение генсека в бонапартизме. На этот счет имеются некоторые свидетельства, зафиксированные в материалах ноябрьского пленума 1929 года. При разборе дела одного из партийных функционеров он говорил, что встречался с Углановым и они вели разговоры о том, что «бывали подчас разговоры в стиле троцкистской оппозиции, насчет бонапартизма Сталина, насчет того, что он будто бы собирается сосредоточить в своих руках еще большую власть тем, что якобы предполагает после ухода т. Рыкова быть выдвинутым на пост председателя Совета народных комиссаров»⁴⁶. И далее: «Что толковали о руководителях партии? Обыкновенно, если в совокупности брать мысли, которые на этот счет высказывались, говорили о том, что если будут отколоты тт. Бухарин, Рыков, Томский, то руководство будет слишком слабо в Политбюро, что Сталин фактически превратится в диктатора, что там лиц, могущих самостоятельно теоретически мыслить, нет, что все остальные члены Политбюро подчиненную роль имеют, что единственным более или менее самостоятельным человеком в Политбюро является Молотов, но что в дальнейшем произойдут обострения отношений между Сталиным и Молотовым»⁴⁷.

Если вдуматься в приведенные выше высказывания, то нельзя не согласиться с главными выводами, сделанными относительно Сталина. Конечно, он не собирался играть роль новоявленного российского Бонапарта — и время было иное, и обстановка другая, не только международная, но и внутренняя. К тому же Сталин вполне справедливо оценивал бонапартизм не как выражение сильной политики, а как лавирование между различными силами, что отвечало исторической истине. В политической философии Сталина

⁴⁴ Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928 – 1929. Т. 4. С. 678.

⁴⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34. С. 83.

⁴⁶ Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928 – 1929. Т. 5. С. 602.

⁴⁷ Там же. С. 611.

лавированию как методу реализации своих целей, разумеется, отводилось свое, причем достаточно видное место. Но в целом вся его стратегия опиралась на вполне определенные социальные силы и в широком историческом разрезе роль лавирования в классовых отношениях была второстепенна, производна от его общего политического курса. Это, конечно, не распространяется на сферу международных отношений и внешней политики, где элементы лавирования подчас выступали на передний план и зачастую определяли не только тактические, но и стратегические шаги Сталина.

Но возвратимся непосредственно к политическим баталиям, развернувшимся на пленумах ЦК и ЦКК. Главным полем битвы, конечно, были не личные моменты, хотя они имели, как было показано выше, отнюдь не второстепенное значение. Лидеры правого блока ставили вопрос ребром — сталинский курс и вообще вся его политика по отношению к путям дальнейшего развития деревни, включая и классовые аспекты, тупиковая, она не способна вывести страну на путь эффективного развития народного хозяйства и чревата утрозой классовых антагонизмов между рабочими и крестьянами в целом. Бухарин без всяких обиняков говорил: «Сейчас у нас положение таково: действительно, экономика у нас стала дыбом, когда лошади едят печеный хлеб, а люди в некоторых местах едят мякину; когда часть крестьянства вынуждена покупать хлеб в близлежащих городах, когда аграрная страна ввозит хлеб, а вывозит продукты промышленности. Ясно, что эта стоящая дыбом экономика может поставить дыбом и классы, а чтобы этого не случилось, чтобы эта экономика не поставила дыбом классы, необходимо исправить эту стоящую дыбом экономику. И здесь я должен сказать то, с чего я начал и чем я кончу.

Когда мы говорим, выдержали ли мы экзамен реконструктивного периода, мы должны ответить: **очень плохо** выдержали. Нам недостает **культуры** для решения задач этого периода»⁴⁸

Представители правых в эпицентр полемики со Сталиным поставили вопрос о чрезвычайных мерах. Следует подчеркнуть, что сам генсек подходил к использованию чрезвычайных мер отнюдь не догматически. Он не абсолютизировал их, как может показаться на первый взгляд. И даже призывал оценивать их целесообразность и границы применения в широкой исторической перспективе. Вот его позиция: «Нельзя рассматривать чрезвычайные меры, как нечто абсолютное и раз навсегда данное. Чрезвычайные меры необходимы и целесообразны при известных, чрезвычайных, условиях, когда нет у нас в наличии других мер для маневрирования. Чрезвычайные меры не нужны и вредны при других условиях, когда мы имеем в наличии другие, гибкие меры для маневрирования на рынке. Неправы те, которые думают, что чрезвычайные меры плохи при всяких условиях. С такими людьми надо вести систематическую борьбу. Но неправы и те, которые думают, что чрезвычайные меры всегда необходимы и целесообразны. С такими людьми необходима решительная борьба»⁴⁹.

Из приведенной цитаты следует, что принципиальная позиция Сталина по вопросу о чрезвычайных мерах отличалась гибкостью. По крайней мере такое впечатление остается, когда читаешь его выступления. Однако одно дело слова, а совсем иное — реальная практика. Факты говорят о том, что генсек в своей практической политике главный акцент

⁴⁸ Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928 – 1929. Т. 2. С. 389.

⁴⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 10. С. 172.

все-таки делал на применении чрезвычайных мер. В свете этой констатации совершенно не случайным выглядит заявление Бухарина на пленуме ЦК: «Экстраординарные мероприятия», которые были неизбежны, потому что не было другого выхода, и которые для известного периода получили свое оправдание, в настоящее время развивают автоматически тенденцию к перерастанию в систему военно-коммунистической политики. Их узкая хозяйственно-политическая роль (получка хлеба) становится ничтожной; их отрицательная политическая роль становится весьма большой. Они изжили себя и превращаются в собственную противоположность, в средство ссоры с крестьянством, исчезновение товаров, громадного вздутия «нелегальных» вольных цен и т. д. и т. п.»⁵⁰.

Сталин, со своей стороны, не только решительно отметал подобные упреки, но и, учитывая принципиальную значимость поставленной проблемы, стал говорить о более широком аспекте вопроса — о допустимых мерах уступок со стороны государства крестьянству. Причем надо подчеркнуть, что его подход таил в себе явно выраженное недоверие к крестьянству. В частности, он сказал:

«Политика перманентных уступок не есть наша политика.

Плохи были бы наши дела, если бы наши резервы ограничивались резервами уступок. Мы оказались бы тогда целиком в плену у мелкобуржуазной стихии, особенно если придерживаться политики непрерывных уступок. Взять, например, некоторые, говоря мягко, чрезмерные требования крестьянства. Известные слои крестьянства требуют не только некоторого повышения цен на хлеб. Они, поощряемые кулацкими элементами, требуют еще полной свободы торговли, отмены регулирующей роли государственных органов, отмены заготовительных цен и т. д. Вы знаете, что большинство крестьян не возражает против такого требования. Что ж, может быть, пойти на уступки и объявить теперь полную, неограниченную свободу торговли? Но тогда пришлось бы отменить нэп и ввести капиталистическую систему, ибо нэп означает ограниченную регулирующей ролью пролетарского государства свободу торговли... Наконец, крестьяне могут потребовать от нас свободу организации «крестьянского союза». Вы знаете, что значительные слои крестьянства, поощряемые кулацкими элементами, несколько раз выдвигали это требование. Что ж, может быть, пойти на уступки? Но тогда нам пришлось бы объявить свободу политических партий и заложить основы для буржуазной демократии»⁵¹.

Приведенная цитата красноречивее всяких комментариев. И все-таки я позволю себе сделать одно замечание. Конечно, есть все основания упрекать генсека в проведении чрезвычайно жесткой линии в вопросах хлебозаготовок и вообще в отношении к крестьянству. Вместе с тем нельзя игнорировать и другую сторону проблемы: сама объективная логика общественного процесса в те времена привела бы и к постановке вопроса о свободе политических партий. Поскольку неумолимая тенденция перманентных уступок не только не исключала подобного варианта развития событий, но и, скорее всего, предполагала именно такой их разворот. Сталин смотрел далеко вперед, и уже в силу этого не мог согласиться с доводами правых. В конце концов речь шла не больше и не меньше, как о генеральном направлении всего развития советского общества. И, зная сущность политической философии Сталина, трудно было ожидать от него какого-либо иного

⁵⁰ Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928 – 1929. Т. 2. С. 654.

⁵¹ Там же. С. 517.

выбора, чем тот, который он сделал. Можно придерживаться различных точек зрения относительно правомерности и целесообразности данного выбора. Однако бесспорно одно — стратегический курс развития советского государства, защищаемый Сталиным, как раз и предопределял именно такой выбор.

Именно здесь коренится источник противостояния между генсеком и правым блоком. По существу речь шла о взаимоисключающих вариантах общей политической и экономической стратегии. И едва ли вообще был возможен в тех исторических условиях какой-то промежуточный вариант компромиссного типа. Тогда картина не представлялась столь очевидной в своей логической завершенности. И данный вопрос рассматривался в рамках внутрипартийной дискуссии и полемики, что, по мнению оппозиции, вполне укладывалось в нормы не только устава партии, но и большевистских традиций.

По этой причине лидеры правых с решительностью и, можно сказать, с яростью, протестовали против попыток Сталина вывести развертывавшуюся схватку за рамки чисто внутрипартийной полемики и изобразить ее как противостояние правильной генеральной линии и правого уклона в партии. Об этом горячо говорил на одном из пленумов ЦК и ЦКК один из лидеров блока М. Томский: «...Нужно иметь при каждом случае, в каждый затруднительный момент, при каждом серьезном вопросе, ставшем перед партией, общее желание разобраться по-товарищески во всей обстановке и всех вопросах, стоящих перед нашей партией, не приклеивая друг другу ярлыки: «паникер», «правый уклон», «сбивание к кулаку» и т. п. милые эпитеты. Если мы так будем поступать, как иногда поступаем теперь, это будет плохо; наоборот, если мы будем в своей партии, внутри своего ЦК, терпимо и по-товарищески исправлять отдельные ошибки, я допускаю даже колебания, ей-ей они нам не будут опасны и мы, наоборот, достигнем максимально дружной работы»⁵².

По мере углубления и обострения борьбы методы ее становились все более изощренными как со стороны Сталина, так и со стороны представителей правого блока. И отнюдь не случайно снова возник вопрос о том, что совет Ленина заменить Сталина на посту Генерального секретаря не только не утратил своей актуальности, но и стал еще более неотложным. Об этом прямо говорили представители группы Бухарина. По их словам, события, которые произошли после смерти Ленина, показывают, что его опасения за целостность и единство руководства имели под собой большие основания, и все то, что предвидел Владимир Ильич перед своей смертью, сбывается в большей степени, чем все мы этого ожидали⁵³.

Особенно представителей оппозиции возмущали такие факты, как открытые нападки генсека на отдельных членов партийного руководства. Разумеется, из числа лидеров блока. Весьма примечательна в этом плане речь на апрельском пленуме 1929 года Томского. Кстати, его выступления были чрезвычайно эмоциональны и носили особенно острый характер. Вот что он сообщил по этому поводу:

«Тов. Сталин, после моего выступления на июльском пленуме, делает два выступления на бюро Московского комитета по просьбе последнего и, вероятно, по соответственной просьбе на бюро Ленинградского комитета. На этих бюро тов. Сталин первый и впервые дает оценку личности отдельных членов Политбюро: кто нервничает, кто впадает в панику и т. д. Ну, товарищи, а что если бы было обратное? Если бы кто-нибудь из нас стал на

⁵² Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928 – 1929. Т. 2. С. 429.

⁵³ Там же. С. 54.

подобном собрании давать характеристику тов. Сталину? А что если бы кто-либо из других членов Политбюро вышел на какую бы то ни было партийную ячейку с подобной речью об остальных своих коллегах?

Мнкоян. Каменев — не партийная ячейка!

Томский. Дай мне сказать, что я думаю. Я не могу говорить, что вы думаете, я говорю только то, что я думаю. (Это мое мнение, и если об этом не говорить, то нам вообще разговаривать не о чем.)

Что было бы, если бы кто-нибудь другой, если бы Рыков стал бы давать оценку личностям — что представляет собою тов. Сталин, что представляет тов. Молотов и т. д.? Это по меньшей мере сочли бы за нетоварищеский поступок. Не дано ни одному члену Политбюро перед партийной организацией давать какие-то оценки своим товарищам по работе без их ведома об этом. Кто и кого уполномочивал быть над Политбюро, давать оценку отдельным членам Политбюро? Вот когда моя кандидатура будет голосоваться в ЦК или еще куда-либо, тогда каждый товарищ может дать мне оценку. Но почему на этих бюро была сделана тов. Сталиным такая оценка?⁵⁴

Сталин, разумеется, не мог оставить такого рода критику в свой адрес без внимания. И он ответил. Правда, не сам лично, а устами своих приверженцев. Так было и удобнее, и вроде внешне демократичнее. Один из перешедших на сторону генсека сторонников Бухарина Стецкий выполнил отведенную ему роль рупора Сталина. На том же пленуме он заявил: «Вы знаете, что в течение ряда лет я тесно был связан с тов. Бухариным и его группой и разошелся с ними в силу политических разногласий. Эти политические разногласия, в так называемой «новой школе», стали накапливаться после XV съезда, в связи с проблемами развития сельского хозяйства, с проблемами индустриализации и самокритики. Эти разногласия привели меня (и ряд других товарищей) к полному разрыву с тов. Бухариным, когда он в «Заметках экономиста» поставил большущий знак вопроса над политикой индустриализации. Нам пришлось, как ни тяжело это было, порвать эти отношения, потому что речь шла о главном — о партии и ее линии. Так вот, в том кругу, о котором я сказал, во время июльского пленума (1928 г. — Н. К.) ставился вопрос о тов. Сталине, о замене Генерального секретаря. И мало того, что ставился этот вопрос, назывались и некоторые кандидатуры на пост Генерального секретаря. В этот момент как раз Томский, который здесь разыгрывал роль невинного агнца, как раз Михаил Павлович Томский...

Голос. Это ново!

Стецкий. Томский усиленно припоминал, что т. Ленин когда-то предлагал ему пост Генерального секретаря.

Голос. Ему? (В зале движение.)

Стецкий. Да, ему. Я, товарищи, говорю это не с целью произвести сенсацию, а для того, чтобы расчистить почву для изложения принципиальных разногласий⁵⁵

Заявление, что и говорить, весьма и весьма примечательное! Оно примечательно не только с точки зрения характеристики накала происходившей политической схватки. Интересно оно и тем, что проливает свет на вопрос, бывший на протяжении многих лет неясным, относительно ленинской кандидатуры на могущий стать вакантным пост

⁵⁴ Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928 – 1929. Т. 4 С. 58.

⁵⁵ Там же. С. 276.

Генерального секретаря. До сих пор в литературе о Сталине данная тема была и осталась в эпицентре внимания. Но считалось, что Ленин так и не сделал своего окончательного выбора, поэтому вопрос о замене генсека как бы оказался в подвешенном состоянии. Приведенное свидетельство несколько проясняет вопрос. Однако — и это я постарался показать в первом томе — оставление Сталина на посту генсека объясняется целой совокупностью важных причин. И среди этих причин первостепенную роль сыграли не личные качества Сталина или того или иного претендента на его пост, а более веские основания.

В феврале 1929 года лидеры правого блока обратились с обширным заявлением, адресованным Политбюро ЦК. В нем они в систематическом виде и весьма обстоятельно сформулировали весь спектр своих разногласий со Сталиным и большинством ЦК. Документ содержал и ряд острых высказываний лично в адрес Сталина. Бухарин, Рыков и Томский обвиняли генсека в серьезных извращениях политики в области сельского хозяйства и промышленности. Особый акцент был сделан на том, что Сталин по существу навязал партии курс на военно-феодалную эксплуатацию крестьянства. Что, по мнению авторов заявления, чревато самыми тяжелыми последствиями для экономики государства, отношений с крестьянством и вообще для социально-политической стабильности в стране. Не менее серьезными были и обвинения в бюрократизации и попрании принципов демократии в партийной жизни. Лидеры оппозиции с достаточным на то основанием отмечали, что принимаемые партийные решения «ставит рядом тов. Сталина и партию, как равновеликие величины, или же прямо заменяет тов. Сталина Центральным Комитетом, а ЦК — тов. Сталиным»⁵⁶.

И, наконец, как ключевой пункт, был поставлен вопрос о ленинском завещании.

Поскольку разногласия в высшем эшелоне партийного руководства стали уже секретом Полишинеля, о них в партии знали многие, повсеместно шли разговоры, рождались всякого рода домыслы и слухи, Сталин счел целесообразным и выгодным для себя вынести их на широкое обсуждение в партийных организациях. На собраниях и активах местных парторганизаций развернулось не сколько обсуждение, сколько осуждение позиции правых. Партийный аппарат, по существу полностью, за исключением верхушки московской организации, был под контролем генсека и ему не приходилось опасаться за исход такой, с позволения сказать, партийной дискуссии. Но дело было не только в создании видимости соблюдения демократических норм, в своеобразном декоруме, призванном продемонстрировать честность и открытость политической борьбы. Такой шаг был нацелен еще и на, чтобы укрепить в местных организациях престиж и ведущее положение Сталина. Страна и партия должны были еще раз воочию убедиться в том, кто является главной фигурой на партийном Олимпе, кто играет роль мотора, приводящего в движение локомотив под общим названием советское общество. В такой обстановке попытки лидеров правых снова вытащить на свет вопрос о выполнении ленинского завещания выглядели не столько как серьезный акт политической борьбы, а скорее как акт политического отчаяния.

Если политике правых в целом вообще была свойственна двойственность, противоречивость, чрезмерное обилие всякого рода недомолвок и недоговоренностей, то в постановке вопроса о ленинском завещании все это выражалось почти в обнаженном

⁵⁶ Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928 – 1929. Т. 4. С. 607.

виде. С одной стороны, авторы заявления утверждали, что с тех пор, как были написаны ленинские строки, «необъятная власть» стала еще более «необъятной», настолько необъятной, что, например, вопреки прямому решению партийного 15-го съезда до сих пор не опубликовано ни завещание Ленина (кроме бюллетеней съезда, раздававшихся делегатам), ни другие документы, относящиеся к тому же периоду. Казалось бы, что из этого следует вывод о необходимости вернуться к выполнению завета вождя и освободить Сталина от его поста.

Однако, руководствуясь своей противоречивой и непоследовательной логикой, лидеры правых заявляли: «Из этого вовсе не вытекает, что мы требуем ухода Сталина и т. п., каковое требование нам хотят навязать. Мы думаем лишь, что тов. Сталину нужно учесть совет (очень мудрый), данный Лениным, и не отступать от коллективности в руководстве. Мы считаем, что т. Сталина, как и каждого другого члена Политбюро, можно и должно поправлять, не рискуя за это быть превращенным во «врага партии». Обеспечить подобные элементарные условия для работы членов Политбюро — вот задача ЦК и ЦКК.

Мы проходим мимо личных нападок и вытаскивания старых ошибок Бухарина. Это завело бы нас слишком далеко, если бы мы стали рассказывать о всех ошибках Сталина, которые мы покрывали, оберегая его авторитет»⁵⁷.

Желая сместить Сталина с его поста, лидеры правого блока вместе с тем не имели мужества заявить об этом открыто. Они попросту юлили, о чем свидетельствует приведенный выше пассаж из их заявления. Конечно, могут возразить, что обстановка не позволяла им ставить вопрос, что называется, в лоб. Однако такой своей непоследовательностью и постоянными вилияниями они сами себя загоняли в угол и давали в руки Сталину оружие для их сначала политического, а затем и организационного разгрома. Словом, желая вырыть яму Сталину, они рыли политические могилы сами себе. Столь очевидные, бросающиеся в глаза противоречия в политическом поведении лидеров правых, ловко использовались Сталиным — не просто мастером, а гроссмейстером такого рода политических игр. И читая стенограммы пленумов, где развертывалась эта борьба, не приходится удивляться тому, что генсеку удавалось наносить по своим оппонентам неотразимые удары. Поскольку на его стороне была, если не вся правда, то большая ее доля, подкрепленная убедительной логикой.

То, что вопрос о завещании Ленина снова всплыл в качестве актуального и, может быть, самого важного в той обстановке, говорит о многом. Прежде всего о том, что с именем Сталина стала ассоциироваться принципиально новая стратегическая линия в политике партии. И смена генсека означала бы не что иное, как смену политического курса. Личные моменты в той обстановке, хотя и не утратили полностью своего значения, тем не менее отступили на второй план. Ибо бесспорно одно — политика того или иного политического лидера всегда имеет приоритет перед самой этой личностью. Она важнее и значимее. Впрочем, нельзя также искусственно отрывать, а тем более противопоставлять политику — личности. Ведь в самой политике как раз и выражается личность. Это приложимо не только к Сталину, но и имеет всеобщий характер. Поэтому в период наиболее ожесточенной борьбы с правыми многие сторонники генсека рьяно выступили в его защиту, мотивируя это тем, что защищают не только лично Сталина, но прежде всего курс, который с полным правом на то ассоциировался с его именем.

Один из малоизвестных партийных деятелей, полемизируя с правыми, заявил, что их интересует прежде всего вопрос о руководстве. «Вот с этого вы бы и начинали. Это для вас является решающим. Нет, товарищи, это дело у вас не пройдет и вам никакими средствами не удастся свалить Сталина... Современное руководство, которое возглавляет тов. Сталин, шельмуют больше, чем всех трех вас вместе взятых (имеются в виду Бухарин, Рыков и Томский — Н. К.). Мы считаем, что Сталин не может уйти, должен работать и должен дальше руководить нашей партией. Почему вы этот вопрос ставите, чего вы хотите? Вы хотите изменить партийное руководство. Еще раз повторяю: не пройдет это.

Если бы вы на это дело пошли, то вы совершили бы величайшую, глубочайшую политическую ошибку против человека, за которым ничего плохого не было, кроме некоторой грубости. Другого вы ничего не можете привести... Поэтому все нанизывать против тов. Сталина из-за того, что он грубоват, но ведет правильную линию, — это по меньшей мере недобросовестно.

Я думаю, что тут надо прямо поставить вопрос, что никакого изменения в партийном руководстве быть не должно. Оно отвечает духу Ленина, духу нашей партии, и тов. Сталина нужно максимально поддержать, чтобы он и дальше продолжал вести нашу партию на основе коллективного творчества, коллективным путем во всей дальнейшей, сложной и ответственной работе»⁵⁸.

Возможно, я несколько и злоупотребляю цитатами и ссылками на источники, но мне кажется, что это помогает лучше представить реальную обстановку, в которой проходила борьба против правого блока. В дополнение к этому приводимые материалы позволяют судить и о том, как проходил начальный этап формирования культа Сталина. Вначале как образцового лидера, опиравшегося в своей работе прежде всего на принцип коллегиальности, учитывавшего мнение своих коллег по руководству партией. Впоследствии как единоличного вождя. Словом, как из Сталина первого среди равных постепенно вырастал Сталин как первый и единственный вождь.

В завершение данного сюжета приведу отрывок из речи Ворошилова на том же пленуме ЦК. Здесь в концентрированном виде изложены главные аргументы в поддержку Сталина и его политики.

«Борясь с ЦК, надо бить по его Генеральному секретарю. Тов. Сталин, нравится ли это Томскому или нет, — стал фигурой в Политбюро. Этого отрицать мы не станем. Нужно бить по нему для того, чтобы можно было выдвинуть других людей и изменить соотношение сил в Политбюро и тем самым линию ЦК.

...Чего же хотят наши критики — гг. Томский и Бухарин? Они отнюдь не ограничиваются требованием свободы мнений, а добиваются того, чтобы они были в особом положении, чтобы их выступления и предложения воспринимались ЦК как нечто обязательное. Это, конечно, совершенно недопустимо. Между тем никаких таких претензий нет у Сталина. Члены Политбюро знают (пусть кто-нибудь это опровергнет), сколько раз мы проваливали Сталина по весьма крупным вопросам, пусть мне кто-либо скажет, что Сталин не подчинялся принятым решениям и не проводил их в жизнь. Я мог бы привести примеры по нескольким крупнейшим вопросам, когда мы отклоняли предложения Сталина. Ну что же, он подчинялся и больше не вспоминал о своих предложениях. Почему же все-таки на Сталина нападают? Я сказал, что он является

⁵⁸ Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928 – 1929. Т. 4. С. 234.

крупной фигурой в Политбюро, выдающейся личностью среди нас. Почему? Да потому, что он не хуже, а лучше Рыкова, Бухарина и других ориентируется в сложнейших вопросах нашей работы»⁵⁹.

Можно принять как факт уверения Ворошилова, что Сталин не раз встречал оппозицию своим предложениям в Политбюро и они отклонялись. Иными словами, он нес некоторые политические потери. Однако такого рода явления были исключениями и их нельзя отнести к разряду стратегических проигрышей генсека. Это были всего-навсего проигрыши тактического плана, не оказывавшие сколь-нибудь значительного влияния на его доминирующее положение в партийном руководстве. Да, кроме того, Сталин имел обыкновение довольно умело играть роль этакого демократа. Послушного воле большинства. Правда, чувство меры (особенно в годы его самовластия) частенько изменяло ему и он, как говорится, переигрывал.

В этом ключе следует, видимо, рассматривать и некоторые пассажи из его речи на пленуме, где он, в частности, заявил, что борьба правых против него прежде всего преследует цель отстранения с поста генсека: «Да, товарищи, в этом теперь вопрос. Что же, пожалуйста. Но тогда ставьте вопрос прямо и открыто, как подобает большевикам, а не прячьтесь трусливо. Для этого и приведена у вас цитата из письма Ленина насчет грубости Сталина. Да, я действительно груб. Я этого не отрицал и не отрицаю. Я ведь несколько раз подавал заявление об освобождении меня от ныне занимаемого поста. Не кто иной, как вы, любезные товарищи, противодействовали моему освобождению. Я постараюсь повторить это свое заявление на ближайшем пленуме ЦК и ЦКК. Я постараюсь это сделать для того, чтобы выбить оружие из рук оппортунистов, пытающихся злоупотреблять письмом Ленина и прикрыть «грубостью» Сталина свой отход в сторону оппортунизма. Злоупотребляли письмом Ленина троцкисты. Злоупотребляете им теперь вы, любезные товарищи, потащившись в хвосте за троцкистами. Что же, пожалуйста. Посмотрите только, какая оригинальная картина получается. Если, например, Рыков, Бухарин и Томский клеветают на партию, обвиняя ее в политике «военно-феодалной эксплуатации крестьянства», то это не есть грубость, это — мягкость. А если Сталин возражает против такой клеветы и разоблачает ее как недостойный выпад против партии, то это, конечно, грубость, грубость Сталина. Если, например, тов. Бухарин и его друзья ведут закулисные махинации со вчерашними оппозиционерами для организации фракционного блока против ЦК, то это, конечно, не есть грубость, это — мягкость. А если Сталин разоблачает эти фракционные махинации и выступает против них — это, конечно, грубость, грубость Сталина. Очень убедительно»⁶⁰, — саркастически заключил генсек.

Надо подчеркнуть, что Сталин весьма искусно вел полемику со своими оппонентами, отнюдь не страдавшими отсутствием ораторских способностей. Иногда юмором и иронией он ставил их в смешное положение. Приведу характерный эпизод, раскрывающий эту черту Сталина как полемиста. Один из сторонников Бухарина, Розит, с места бросил генсеку реплику, что тот в своем выступлении искажает взгляды Бухарина. Сталин реагировал на эту реплику мгновенно: «Я вижу, что тов. Розит поклялся услужить тов. Бухарину. Но услуга у него получается медвежья, ибо он, желая спасти Бухарина, на самом деле топит его без остатка. Недаром сказано: «услужливый медведь опаснее врага». (*Общий хохот.*)

⁵⁹ Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928 – 1929. Т. 4. С. 632.

⁶⁰ Там же. С. 465.

Голоса. Нет, не так, ты русских пословиц не знаешь.

Сталин. Я знаю русские пословицы, но не хочу быть «грубым», дорогие товарищи. (Общий смех.)⁶¹

Несомненный интерес с точки зрения использования Сталиным откровенно демагогических приемов в вопросе об отставке с поста Генерального секретаря может служить и следующий его, чуть ли не прямой, призыв к правым: «Ставьте прямо вопрос о ваших оргвыводах насчет Сталина. Разве это не факт, что не кто иной, как тов. Сталин ставил несколько раз вопрос об освобождении его от секретарских обязанностей? Разве это не факт, что не кто иной, как тт. Рыков и Бухарин настояли отклонить просьбу т. Сталина? Все это хорошо известно товарищам. Если теперь дела у вас изменились и вы считаете нужным напомнить еще раз об известном письме т. Ленина, то почему бы не поставить вопрос прямо и открыто, без экивоков и без трусливых намеков? Могу заверить вас, товарищи из новой оппозиции, что это будет один из тех немногих вопросов, в котором я обещаю вам полную поддержку. И я обещаю вам в этом полную поддержку не потому, что считаю вашу постановку вопроса правильной. Нисколько. Наоборот, я считаю, что вы в этом деле плететесь в хвосте за троцкистами, которые так же, как и вы, пытались прикрыть свой отход от партийной линии именем Ленина, злоупотребляя его письмом. Я обещаю вам поддержку в этом деле только для того, чтобы отнять у вас возможность злоупотреблять письмом Ленина, отнять у вас возможность прикрывать именем Ленина свой отход от ленинской линии нашей партии»⁶².

В свете приведенных пассажей бесспорный интерес представляет комментарий Рыкова по поводу многократных демонстративных заявлений Сталина об отставке с поста генсека. Окрашенные в черный политический юмор слова Рыкова вызвали даже смех среди участников пленума, что может быть истолковано как их косвенное согласие со сказанным: «Если отставка сама по себе измена, то подача в отставку — это попытка совершить измену. Тов. Сталин подавал неоднократно. Одна из его записок об отставке (от 27 декабря 1926 г.) у меня в руках и гласит так:

«Прошу освободить меня от поста генсека ЦК. Заявляю, что не могу больше работать на этом посту, не в силах больше работать на этом посту. И. Сталин».

Голос. Не освободили и работал.

Голос. А он подчинился ЦК или нет?

Рыков. Меня спрашивают, подчинился ли он ЦК или нет. Ну, я думаю, он для того и подавал в отставку, чтобы «подчиниться». (Смех.)

Голос. Это слишком, Алексей Иванович.

Каганович. Это остроумно, но неумно»⁶³.

Вопрос о политических отставках возник в связи с тем, что лидеры правых Бухарин, Рыков и Томский, начиная с 1928 года неоднократно высказывали пожелание уйти в отставку со своих постов, поскольку условия для продолжения работы они считали невыносимыми в связи с постоянными нападками на них, необоснованными обвинениями в их адрес, распространением всякого рода слухов и измышлений и явным стремлением добиться их личной дискредитации. Наконец, в начале 1929 года они демонстративно выступили с коллективной отставкой со своих постов. Этот демарш, конечно, носил

⁶¹ Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928 – 1929. Т. 4. С. 465.

⁶² Там же. С. 452–453.

⁶³ Там же. С. 323.

несколько показной характер, ибо они и сами рассчитывали на то, что их просьба будет отклонена. И такой расчет был небезоснователен. Сталин и его сторонники еще не успели создать все необходимые предпосылки для того, чтобы отставка сразу трех членов Политбюро (причем ведущих членов ПБ) не вызвала политической бури или не стала источником серьезных потрясений, способных дестабилизировать общую обстановку в стране. На фоне нараставших конфликтов в деревне и осложнения положения со снабжением в городах такая коллективная отставка могла нанести позициям Сталина существенный урон. Ему нужно было еще некоторое время, чтобы подготовить почву не для добровольного ухода лидеров правых со своих постов, а для их устранения как противников правильной партийной линии. Генсек, конечно, знал историю с легендарным конем и не хотел выступать в роли простодушного троянца. Ему необходимы были не политическая отставка Бухарина и его соратников, а их политическое поражение, их полная и безоговорочная капитуляция.

Нельзя сказать, что оппоненты генсека не понимали его замыслов и выступали в амплуа наивных политических простаков, попавших в ловко расставленные сети. Нет, они хорошо знали Сталина, его характер, методы борьбы и, разумеется, его конечные цели. Характеризуя эти цели, один из лидеров оппозиции Рыков прямо заявил: «Предложенная резолюция в современной обстановке не может не явиться своеобразным инструментом для уничтожения нас как политических деятелей, для дальнейшей кампании против нас»⁶⁴.

Некоторое недоумение вызывает еще одно обстоятельство. Лидеры оппозиции почему-то полагали, что большинство членов ЦК, если не вполне открыто, то втайне сочувствуют им и разделяют их взгляды. Это явствует, например, из заявления Рыкова на ноябрьском (1929 г.) пленуме: «...Мне очень трудно говорить на этом пленуме, хотя я лично и убежден в том, что если не весь пленум, то подавляющая часть его не верит в правильность всех тех обвинений, которые выдвигаются против меня, Томского и Бухарина»⁶⁵. Вместо комментария на память приходят слова Яна Гуса, когда тот, видя как одна старушка подбрасывает дрова в костер, на котором его сжигали, воскликнул: «O, sancta simplicitas!» (О, святая простота!)

Впрочем для таких самоубаюкивающих надежд у лидеров правых были определенные резоны. Весьма примечательно, что даже сестра Ленина М. И. Ульянова обратилась к пленуму ЦК с письмом фактического протеста. Она писала: «Я считаю заслугой т.т. Рыкова, Томского и Бухарина, что они ставят перед партией... большие вопросы, а не замалчивают их. Я считаю, что иная точка зрения, замалчивающая или затушевывающая трудности и опасности, а также чрезмерные восторги перед достижениями будут проявлением ограниченного самодовольства и комчванства. Поэтому, протестуя против самой постановки вопроса о выводе троих товарищей из Политбюро и против недопустимой и вредной для партии дискредитации их, я прошу довести до сведения Пленума, что я голосую против вывода этих троих товарищей или кого-либо из них порознь из Политбюро, против их осуждения и дискредитации»⁶⁶.

Но никакие протесты даже таких авторитетных лиц, как сестра Ленина, не могли повлиять на ситуацию и изменить намеченный ход событий и их финальный исход.

⁶⁴ Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928 – 1929. Т. 4. С. 525.

⁶⁵ Там же. С. 162.

⁶⁶ "Известия ЦК КПСС". 1989 г. № 1. С. 127.

Лидеры правых перед лицом своего неумолимого поражения все же старались хоть в какой-то степени спасти свое политическое лицо. Однако и в этом проявляли паразитическую двойственность, граничившую иногда с политической наивностью. В своем заявлении на том же пленуме они констатировали вещи, как бы взаимно исключающие друг друга.

С одной стороны они констатировали, что у них «была известная ошибочная недооценка тех могущественных рычагов воздействия на деревню, которые в конечном счете начали перекрывать отрицательные стороны чрезвычайных мер»⁶⁷. С другой стороны, решительно и категорически отклоняли главные политические обвинения, которые предъявлял им Сталин. В их заявлении говорилось: «Несмотря на совершенно необоснованное обвинение нас во фракционности, которому не может верить ни один из авторов этого обвинения, и недопустимые методы борьбы против нас, мы заявляем, что при всяких условиях и совершенно независимо от тех решений, которые пленум ЦК вынесет относительно нас, мы всюду и везде будем дисциплинированно выполнять решения партии и никому не позволим толкнуть себя на путь групповой или фракционной борьбы. Мы решительно протестуем и будем бороться против всякой попытки использовать наши имена для борьбы против линии партии. Мы, с другой стороны, решительно протестуем против гнусной клеветы, которая связывает наши имена в каком-либо смысле с нелегальными листовками»⁶⁸.

В подобной двойственности была заложена одна из главных причин их крушения. Если вещи называть своими именами, то они сами, в сущности, превратились в невольных, а порой и добровольных заложников старой большевистской традиции, согласно которой партия всегда права. Права даже тогда, когда она совсем не права! Слепое преклонение перед дисциплиной было, очевидно, для них выше интересов истины. В этом, кстати сказать, и коренились истоки многих личных трагедий старых большевиков. Сталин же умело использовал данное обстоятельство, хотя сам, по своим убеждениям, был гораздо более твердым и последовательным политиком и не гнушался переступать через нормы морали и партийные принципы, когда это диктовалось его стратегическими интересами. Но все же не эти чисто моральные категории предопределили исход борьбы. Главное заключалось в том, что линия, которую отстаивал Сталин, в широкой исторической перспективе более соответствовала интересам страны, чем та, которую защищали представители правого блока.

В конце концов ноябрьский (1929 г.) пленум фактически поставил точку в затянувшейся на два года борьбе. Пленум постановил:

1) т. Бухарина как застрельщика и руководителя правых уклонистов вывести из состава Политбюро;

2) предупредить тт. Рыкова и Томского, а также т. Угарова, не отмежевываясь от правых уклонистов и примиренчества с ними, что в случае малейшей попытки с их стороны продолжить борьбу против линии и решений ИККИ и ЦК ВКП(б) партия не замедлит применить к ним соответствующие организационные меры»⁶⁹.

В сущности это был последний акт политической трагедии (или фарса — в зависимости от того, кому какое слово больше импонирует). Правда, оставалось втихомолку и

⁶⁷ Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928 – 1929. Т. 4. С. 161.

⁶⁸ Там же. С. 164.

⁶⁹ Там же. С. 543.

постепенно в организационном плане разрешить оставшиеся проблемы. Но все это уже происходило скорее за кулисами политической сцены, чем на самой сцене непосредственно. Нужно было убрать Рыкова с поста главы правительства и задвинуть в политическое небытие Томского — главу профсоюзов. Сделано это было без особого шума, после тщательной предварительной подготовки, проведенной генсексом. Еще в сентябре 1929 года он в письме Молотову, Ворошилову и Орджоникидзе писал: «Я узнал, что Рыков продолжает у вас председательствовать по понедельникам и четвергам (речь идет о председательствовании на заседаниях Политбюро — Н. К.). Верно ли это? Если верно, почему вы допускаете эту комедию? Кому и для чего она нужна? Нельзя ли покончить с этой комедией? Не пора ли покончить?»⁷⁰

Очевидно, с этой, как назвал ее Сталин, комедией быстро покончили. Но Рыков все еще оставался номинальным главой правительства. И это уже трудно было назвать комедией, хотя по существу она таковой и являлась. В сентябре 1930 года (опять во время своего отпуска на юге) генсек обращается к Молотову с письмом. В нем содержалось уже конкретное предложение: «1) Мне кажется, что нужно к осени разрешить окончательно вопрос о советской верхушке. Это будет вместе с тем разрешением вопроса о руководстве вообще, т.к. партийное и советское переплетены, неотделимы друг от друга. Мое мнение на этот счет:

а) нужно освободить Рыкова и Шмидта (последний работал тогда замом Рыкова — Н. К.) и разогнать весь их бюрократический консультантско-секретарский аппарат;

б) тебе придется заменить Рыкова на посту Председателя СНК и Председателя СТО. Это необходимо. Иначе — разрыв между советским и партийным руководством. При такой комбинации мы будем иметь полное единство советской и партийной верхушек, что несомненно удвоит наши силы...»⁷¹

Что имел в виду генсек, когда писал об удвоении сил, не нуждается в расшифровке. Конечно, он имел в виду собственные позиции, поскольку ни Молотов, ни кто-либо другой из когорты его сторонников, не составляли и не могли составить ему какой-либо конкуренции.

Оставляя за скобками некоторые, порой весьма существенные, детали борьбы Сталина против правого блока, стоит привести одну любопытную оценку всей этой, ставшей достоянием истории, эпопеи. Она содержится в официальной биографии вождя, поэтому, надо полагать, выражала и его личную оценку событий того времени. «Подобно тому как победа Великой социалистической революции в октябре 1917 года была бы невозможна без разгрома капитулянтов и штрейкбрехеров, меньшевиков и эсеров, точно так же невозможна была бы победа социализма в деревне без разгрома правых капитулянтов в 1928 — 1929 годах... В боях против правых Сталин сплотил всю партию и повел ее на штурм последнего оплота капиталистической эксплуатации в нашей стране. Гений Сталина, его непоколебимая воля и мудрая прозорливость обеспечили поднятие революции на новую, более высокую ступень»⁷².

В самом факте сопоставления борьбы против правых с Октябрьской революцией отчетливо просматривается то колоссальное значение, которое лично Сталин придавал

⁷⁰ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову, 1925 - 1936 гг. С. 166.

⁷¹ Там же. С. 222.

⁷² Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. С. 118.

этой борьбе. Если отвлечься от всяких суперлативов и чрезмерных преувеличений заслуг Сталина — этих неперменных атрибутов той эпохи, — то трезвый взгляд на вещи приводит к следующему выводу. Реальная историческая значимость победы Сталина над правыми действительно была велика. Она далеко выходила за рамки борьбы за власть, хотя и была таковой. Эту сторону нельзя игнорировать. Поскольку исход этой борьбы в конечном счете предопределял пути и перепутья дальнейшего социально-экономического развития советского общества на целую историческую эпоху. Именно тогда фактически был предreshен вопрос о принципиально новом курсе в сфере экономического, политического и духовного продвижения вперед. То, что этот курс восторжествовал, не было случайностью. Сказать, что его победа являла собой глас самой судьбы — значит впадать в какой-то мистицизм. Но по трезвому размышлению приходишь к заключению, что правые не смогли представить стране действительно продуманный, взвешенный, учитывающий суровые реальности эпохи, альтернативный план, следуя которому можно было в кратчайшие сроки решить непомерно сложные задачи экономического подъема, научно-технического и культурного прогресса государства. Даже резко критически настроенные по отношению к Сталину критики времен перестройки признавали это. Один из них в статье «Альтернативы и кризисы в период НЭПа» констатировал: «Была ли социально-экономическая альтернатива осуществленному курсу, приведшему к возникновению «командной экономики»? Проведенный анализ, думается, позволяет заключить: реально приемлемого «альтернативного» варианта в партии предложено не было. В течение 20-х годов невооруженным глазом виден все ускоряющийся дрейф «влево» партийного корабля»⁷³.

Политический и организационный разгром правого блока можно с полным правом рассматривать в качестве важного переломного этапа в политической биографии Сталина. Ибо тем самым не только значительно укреплялась его и без того громадная личная власть, но и создавались благоприятные условия для реализации намеченных им социально-экономических переворотов в общественном развитии страны. Страна вступала в полосу новых свершений, а тем самым и новых потрясений.

⁷³ "Вопросы истории КПСС". 1990 г. № 1. С. 18.

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ: СУРОВЫЙ ИМПЕРАТИВ ИСТОРИИ

1. Безальтернативный выбор

Если рассматривать всю политическую биографию Сталина в целом, причем в широком, подлинно историческом контексте, а не через призму отдельных, пусть даже и важных этапов его жизни, то, на мой взгляд, его вклад в дело индустриализации страны должен быть поставлен на первое место. И по своему реальному значению, и по последствиям, которые она имела для судеб нашей страны на всем протяжении XX века. Сейчас, по прошествии многих десятилетий, имеется достаточно значительная временная дистанция, чтобы в должной мере оценить этот его вклад в строительство будущего величия России. В сущности, если говорить лапидарно, превращение Советской России в подлинно великую державу, под мощным и непосредственным воздействием которой формировались и набирали силу многие ведущие тенденции международного развития, оказалось бы не более чем красивой мечтой, если бы не была осуществлена такая грандиозная задача, как превращение страны из аграрной в индустриальную. Тривиальная истина, что история не знает сослагательного наклонения сама по себе применима лишь к ходу исторического процесса. Но она никак не может быть отнесена к самому исследованию этого исторического процесса, поскольку научная логика диктует необходимость рассматривать различные альтернативы и варианты возможного развития и поворота событий, открывавшихся перед страной. Поэтому достаточно только поставить вопрос — что сулил нашей стране исторический рок, если бы она не сумела в поражающий воображение короткий по меркам истории отрезок времени преодолеть свою вековую отсталость и встать вровень в ведущими мировыми державами? Сам вопрос уже содержит в себе ответ на него. И здесь нет надобности пускаться в долгие рассуждения и приводить какие-то дополнительные аргументы.

Причем, очевидно, однозначный ответ на данный вопрос не должен по логике вещей проходить по водоразделу — с каких позиций тот или иной исследователь оценивает роль и место в истории нашей страны самого Сталина. В данном случае решающее значение приобретает сам факт превращения нашей страны в великую мировую державу. Разлом мнений может идти по другим параметрам: насколько велика была цена индустриализации, можно ли было добиться тех же самых результатов с меньшими издержками и вообще стоила ли вся эта затея колоссальных потрясений, сопряженных с ее воплощением в жизнь. Но это уже другие аспекты проблемы, на которые я постараюсь в пределах своих возможностей дать более или менее ясный и определенный ответ. Естественно, сообразуясь с реальными условиями реального времени, а не с гипотетическими вариантами, порожденными игрой ума или, хуже того, просто воображения.

Общий взгляд на политическую биографию нашего главного фигуранта убеждает в том, что он занял бы достойное место в истории нашей страны даже если бы не добился ничего

существенного, кроме индустриализации страны. Конечно, мысль эта, сформулированная предельно упрощенно, может быть многими воспринята как чисто апологетическая, оторванная от морально-психологических аспектов, а потому и однобокая, и необубедительная. И дело здесь не в личных симпатиях или антипатиях к Сталину. Вся последующая советская истории, особенно периода Великой Отечественной войны и послевоенного развития, служит веским тому доказательством. Если Советская страна не была бы превращена в индустриальную державу, если бы не было индустриализации, осуществленной под руководством Сталина с такой жестокой, порой бесчеловечной напористостью и решимостью, то СССР не выстоял бы в смертельной схватке с фашизмом. Иной оборот принял бы и ход общего мирового развития. И тогда историкам пришлось бы писать совершенно иную историю минувшего столетия.

В моих рассуждениях нет и тени фатализма, навешанного некими историческими гипотетическими построениями того, что могло бы случиться, если бы... Если бы! Да, именно если бы! Анализ прошлого не должен игнорировать и вероятных последствий того, как сложилась бы общая мировая ситуация в случае, если бы Советский Союз был не в состоянии противостоять гитлеровскому фашизму. Поэтому сослагательное наклонение в данном случае не только допустимо, но даже необходимо для действительно всесторонней и объективной оценки свершений, о которых идет речь в данной главе.

Возможно, я несколько увлекся общими рассуждениями. Но таковые не кажутся мне излишними, ибо они помогают более объективно, более трезво и без налета конъюнктурных соображений подойти к оценке как самого характера, так и хода индустриализации нашей страны, осуществленной по инициативе и под твердым руководством Сталина. Чтобы отвести от себя возможные упреки в пристрастности и тенденциозности, я позволю себе сослаться на мнение такого видного ученого, как Э. Карр. Уж его-то едва ли можно заподозрить в симпатиях к Сталину и его политике. Цитата из его работы довольно обширна, но она стоит того, чтобы ее привести без купюр. Вот что он писал:

«Было бы несправедливо изображать Сталина как человека, которым двигало лишь стремление к личной власти. Он направлял всю свою неутомимую энергию на превращение примитивной крестьянской России в современную индустриальную державу, способную выступать на равных с крупными капиталистическими государствами. Необходимость «догнать и перегнать» капиталистические страны стала навязчивой идеей Сталина, именно она вдохновила его на яркие пассажи, столь редкие в его бесцветной прозе. Это она водила его пером, когда в ноябре 1929 года он писал патетическую концовку своей юбилейной статьи «Год великого перелома»: «Мы идем на всех парах по пути индустриализации — к социализму, оставляя позади нашу вековую «расейскую» отсталость...»

Удивительное сочетание преданности идее индустриализации и модернизации экономики, которая пришлась по сердцу убежденным марксистам, видевшим в этом жизненно важный шаг на дороге к социализму, и идее возрождения мощи и престижа русского народа, которая была по душе армии, бюрократической и технократической верхушке, всем поступившим на службу к новому строю, уцелевшим представителям старого режима, дало Сталину несокрушимую власть над партией, правительством и другими органами управления страной. Было бы ошибкой приписывать все это только

политической мудрости Сталина или же умению его аппарата, или же жесткости, с которой подавлялось инакомыслие. Не только те, кто в 1928 — 1929 годах отрекся от оппозиции, считали, что негибкая решимость Сталина в достижении издавна намеченных целей оправдывала жестокие методы, которые он использовал, чтобы силой навязать проведение своей политики. Некоторые утверждали, что иным путем достичь намеченных целей нельзя; другие считали, что для этого необходима сильная власть Сталина и поэтому нужно терпеть неприятные стороны его характера. Тот факт, что это была революция сверху и что она обрушила самую тяжелую ношу на плечи именно тех классов, ради которых, как громогласно заявлялось, она и была совершена, мало кого смущал. Нужно совершить большой скачок — этой грандиозной задачей были захвачены многие члены партии и те, кто так или иначе был занят осуществлением великого плана. Ко всему остальному эти люди были равнодушны. Это было общество, которое привыкло отождествлять правительство с утнетением и считать его неизбежным злом¹.

Нет нужды комментировать приведенное выше высказывание, поскольку оно говорит само за себя. Хочу лишь оттенить два момента. Первое. Э. Карр — в отличие от многих западных и современных российских биографов Сталина — отнюдь не считает, будто главным движущим мотивом его действий выступало неудержимое, граничащее почти с патологией, стремление к утверждению личной власти. Ведь в конечном счете для политиков поистине мирового масштаба власть никогда не являлась самоцелью, а служила прежде всего орудием достижения определенных целей. В противном случае на долю таких политиков никогда не выпадала бы участь стать политиками мирового масштаба. Сама узость и ограниченность цели низводили бы их с железной закономерностью до уровня в лучшем случае ловких политиканов. Только величие цели дает в руки политика средство открыть свою собственную заветную дверь, чтобы войти в анналы истории. Думается, что опыт не только нашей страны, но и общий исторический опыт говорит в пользу такого вывода.

Второе замечание, связанное с мыслями, высказанными маститым английским историком, сводится к следующему. Он понимал, что стремление осуществить индустриализацию не было лишь честолюбивой мечтой Сталина, а являлось отражением и выражением общенациональных устремлений. Я, конечно, пользуюсь собственной терминологией, но именно эта мысль просматривается во всем содержании высказывания Э. Карра. И отметить данное обстоятельство совершенно необходимо, поскольку именно через призму его можно объективно и с учетом реалий той эпохи дать объяснение и обоснование многих фактов и явлений, которые и прежде, и вплоть до наших дней, находятся в эпицентре споров специалистов, а попутно и разного рода дилетантов.

Высказанные мною общие соображения, конечно, не исчерпывают всего круга проблем, имеющих непосредственное отношение к исторической оценке такого эпохального явления, как индустриализация Советского Союза. В дальнейшем еще не раз придется затрагивать те или иные аспекты исторической значимости и объективной необходимости превращения страны в индустриальную державу. Сама по себе рассматриваемая тема настолько многопланова и многомерна, что ее невозможно охватить даже в самых главных моментах. Поэтому вполне оправдано стремление ограничить рамки рассмотрения ее преимущественно аспектами, затрагивающими

¹ Э. Х. Карр. Русская революция. От Ленина до Сталина. 1917 — 1929. М. 1990. С. 184—185.

непосредственную деятельность Сталина. Но сложность состояла в том, что было просто невозможно, даже противоестественно, обойти многие общественно значимые моменты, связанные как с борьбой вокруг проблемы индустриализации, так и с противостоянием политических сил в связи с этим коренным поворотом в жизни страны.

Было бы недопустимым упрощением, а вернее сказать, искажением истины, приписывать все заслуги в деле индустриализации Советской России одному Сталину. Но не менее ошибочно и недооценивать его решающего вклада в это всемирно-историческое дело. Сейчас можно строить только разного рода предположения, какими путями пошло бы развитие советского общества, не прояви Сталин поистине железной воли и настойчивости в отстаивании своей линии в вопросах индустриализации. Его личный вклад в это дело неоспорим вне зависимости от того, как мы оцениваем всю его политическую деятельность в целом.

Теперь рассмотрим некоторые узловые проблемы, связанные с данной темой.

Прежде всего следует сказать, что неправомерно приписывать Сталину заслугу в постановке самого вопроса об исторической необходимости преодоления страной вековой отсталости и превращения ее в индустриальное государство. Эта проблема самой жизнью, логикой процесса исторического развития страны была поставлена в повестку дня в качестве первоочередной задачи. Сталин как политик широкого крутوزора, конечно, не мог не понимать всей значимости данной проблемы не только для успешного социалистического строительства, но и для всей исторической судьбы России. Не будучи экономистом, он сумел увидеть в индустриализации магистральный путь превращения нашего государства в могучую державу, способную не на словах, а на деле играть исторически предопределенную ей роль в системе международных отношений. Кстати, весьма любопытно, что ближайший его соратник на протяжении многих десятилетий В. Мологов в своих кратких заметках, написанных много лет спустя после смерти вождя, счел необходимым подчеркнуть слабость Сталина как экономиста. «...Мне кажется, — писал он — Сталин недостаточно разобрался в экономических вопросах. Этот недостаток сказывался, например, в вопросах капитального строительства, в государственном планировании. Нередко этот недостаток сказывался в таком вопросе, как цены на товары, в частности в ценах при заготовках сельскохозяйственных продуктов (особенно в конце 30-х годов + в «Экономических проблемах социализма в СССР» — например, в рассуждениях о ценах на хлопок и т. д.). Недостаток понимания экономических вопросов иногда толкал и Сталина к грубому, необоснованному, а то и прямо вредному администрированию»².

У меня, да и всякого объективного исследователя, нет оснований ставить под сомнение эту оценку Сталина. Однако хочется заметить, что от Сталина трудно было требовать того, чтобы он хорошо разбирался во всех тонкостях экономической науки и экономики вообще. Хотя, конечно, его ни в коем случае нельзя считать чуть ли не профаном в экономической области. Для деятеля его масштаба важны были не тонкости экономической науки и знание деталей экономической политики в той или иной сфере народного хозяйства. Это было делом узких специалистов. Для него же принципиальное значение имели такие проблемы, как понимание коренных, узловых проблем перспективной и текущей экономической политики, умение определить магистральные ее

² «Независимая газета» 30 июня 2001 г.

направления, способность мобилизовать энергию и волю миллионов на выполнение намеренных экономических планов. А это уже имеет прямое отношение не к чисто узкой экономической сфере, а к системе политической философии. Но как раз именно эта область — область политической философии и политической стратегии — и составляла одну из важнейших составляющих его сильных сторон как государственного деятеля.

Попутно замечу: упрек Молотова в адрес своего патрона по части слабого знания проблем экономики, как мне представляется, во многом был продиктован тем, что у самого Молотова в последние годы жизни Сталина имелись некоторые существенные разногласия с ним по экономическим вопросам. Но об этом более подробно будет сказано в главах, касающихся последнего периода жизни Сталина.

Сейчас же обратимся непосредственно к теме нашего изложения.

Экономическая отсталость России вообще и Советской России, в частности, по сравнению с высокоразвитыми государствами мира была фактом очевидным. В 1913 г. Россия производила промышленной продукции в 8 раз меньше, чем США, примерно в 3,5 раза меньше, чем Германия, в 3 раза меньше, чем Великобритания, и в 1,5 раза меньше, чем Франция. Доля России в мировой промышленной продукции в 1913 г. составляла 4%. В 1917 — 1918 гг. промышленность была в основном национализирована. В результате разрушительных последствий первой мировой войны, Гражданской войны и военной интервенции 1918 — 1920 гг. промышленный потенциал страны значительно упал: в 1920 г. объем продукции крупной промышленности снизился по сравнению с 1913 г. в 7 раз. После окончания Гражданской войны началось восстановление промышленности. В 1926 году промышленность была практически восстановлена, а в 1927 году общий объем промышленной продукции превысил объем продукции, произведенной в 1913 г. К 1929 г. было восстановлено и вновь построено более 2 тыс. крупных государственных промышленных предприятий³.

Но все это были лишь первые шаги в деле подъема экономики (носившие скорее подготовительный характер), а отнюдь не реализация целостной и четкой программы индустриализации. Проблема ликвидации отсталости страны в силу объективных исторических условий, по существу, превратилась в проблему ее выживания. И какой-либо разумной альтернативы курсу на индустриализацию не было и не могло быть. Впоследствии, уже в разгар широкомасштабного промышленного строительства, Сталин предельно четко и ясно сформулировал выбор, стоявший перед Советской Россией. Эти его слова часто цитируются как сторонниками, так и противниками социализма. Причем каждый вкладывает в них свой смысл. Сталин тогда сказал:

«Задержать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! История старой России состояла, между прочим, в том, что её непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно. Помните слова дореволюционного поэта: «Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь». Эти слова старого поэта хорошо заучили эти господа. Они били

³ БСЭ. Т. 24. (II часть). М. 1977. С. 205.

и приговаривали: «ты обильная» — стало быть, можно на твой счёт поживиться. Они били и приговаривали: «ты убогая, бессильная» — стало быть, можно бить и грабить тебя безнаказанно. Таков уже закон эксплуататоров — бить отсталых и слабых. Волчий закон капитализма. Ты отстал, ты слаб — значит ты неправ, стало быть, тебя можно бить и поработать. Ты могуч — значит ты прав, стало быть, тебя надо остерегаться. Вот почему нельзя нам больше отставать»⁴.

Такая постановка вопроса руководителем партии коммунистов, помимо всего прочего, выражала не только чисто классовые устремления и цели большевиков по строительству социалистического строя. Она носила гораздо более широкий, поистине универсальный характер, а потому под ней могли подписаться без всякого насилия над своими убеждениями даже противники советской власти. Именно в универсальности постановки вопроса о ликвидации отсталости страны состояла сила сталинской позиции. В конце концов вопрос о том, что большевики делали это, стремясь упрочить свой строй и свою власть, отодвигался на второй план по сравнению с общеисторической значимостью решения данной проблемы для государства в целом. Сталин сумел соединить классовые цели своей партии с общенациональными целями и устремлениями многонационального населения всего советского государства. Именно в этом заключался главный источник жизненной силы такого курса.

Здесь не место вдаваться во все нюансы соотношения классовых и общегосударственных начал и целей во всей сталинской политической философии. Об этом будет идти речь в соответствующих главах. Но именно здесь уместно подчеркнуть, что это был один из первых и, пожалуй, наиболее существенный шаг на пути органического сочетания классовых и общенациональных задач, решению которых генсек посвятил свою жизнь. Можно, конечно, высказывать всякого рода спекулятивные замечания относительно правомерности самой возможности такого сочетания. Но то, что оно было реализовано на практике — лучшее доказательство того, что это вполне возможно и осуществимо.

Думается, что есть смысл сослаться на мнение советских специалистов по данному вопросу, которые в разгар перестройки взялись за новое прочтение и интерпретацию политики Сталина в годы индустриализации. Ссылка на них интересна в том ключе, что и они, несмотря на, мягко говоря, довольно одностороннюю, а прямо сказать, конъюнктурную оценку деятельности Сталина в рассматриваемый период, вынуждены были все-таки признать некоторые вполне очевидные истины. Так, историки Г. Бордюгов и В. Козлов в обширной статье, опубликованной в «Правде» в двух номерах, писали: «Сами по себе цели провозглашенной им политики интересам рабочего класса не противоречили. Именно поэтому его концепция форсированной индустриализации встретила такую поддержку и в рабочем классе, и в партии, и в ЦК. Но сталинские методы достижения исторически прогрессивных целей интересам рабочего класса не отвечали. Порочные методы «зодчего» деформировали здание, вели к отклонению от первоначального проекта, от социалистического идеала»⁵.

Широкий государственный подход к проблеме индустриализации Сталин продемонстрировал на XIV съезде партии в 1925 году, заявив: «Превратить нашу страну из

⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 38–39.

⁵ **Вождь. Хозяин. Диктатор.** Сборник. М. 1990. С. 55–56.

аграрной в индустриальную, способную производить своими собственными силами необходимое оборудование, — вот в чём суть, основа нашей генеральной линии. Мы должны поставить дело так, чтобы помыслы и стремления хозяйственников были направлены в эту именно сторону, в сторону превращения нашей страны из страны, ввозящей оборудование, в страну, производящую это оборудование. Ибо в этом основная гарантия хозяйственной самостоятельности нашей страны. Ибо в этом гарантия того, что наша страна не будет превращена в придаток капиталистических стран⁶.

Читатель без труда уловит главную, основополагающую мысль Сталина, связанную с индустриализацией советской России, а именно — обеспечение экономической самостоятельности страны, создание предпосылок для того, чтобы она не на словах, а на деле была подлинно суверенной державой. Иными словами, только надежный экономический фундамент может обеспечить не фиктивную, а реальную независимость государства. Если же мы примем во внимание тогдашнюю международную обстановку, когда наша страна находилась фактически в кольце враждебных ей государств, стремившихся ликвидировать установившийся в России новый социально-экономический строй, то совсем не трудно понять, что факторы внешнего плана играли исключительно важную роль во всех дебатах, связанных с проблемой индустриализации. Следует четко и ясно подчеркнуть: капиталистическое окружение не было пропагандистским изобретением большевиков. Оно было реальным фактом, накладывавшим суровую печать на все планы и действия советского руководства.

Возможно, я несколько перебарщиваю по части цитирования Сталина, но ведь речь идет о его политической биографии, и поэтому лучше и надежнее источника, чем его собственные оценки и мысли, для объективного описания его жизненного пути и изложения позиции по тем или иным вопросам просто нет. Хотя, конечно, его высказывания нередко не только не отражали реальную картину происходившего, но часто бывали тенденциозными, имели своей целью оправдать определенные шаги и политические действия. В каждом конкретном случае я буду стараться делать соответствующие комментарии, чтобы, по возможности, прояснить истинные мотивы высказываний и действий Сталина.

Вообще нужно отметить, что генсек на протяжении ряда лет много раз и по разным поводам затрагивал проблемы индустриализации. Это было естественно, ибо данная проблема находилась в эпицентре всей жизни страны. Вместе с тем частое обращение генсека к теме индустриализации отражало наличие серьезных разногласий в самом большевистском руководстве не только по вопросам магистральных направлений индустриализации, но и главным образом относительно прежде всего ее темпов. Сталин, в частности, говорил: «Некоторые товарищи думают, что индустриализация представляет вообще развитие всякой промышленности. Есть даже такие чудаки, которые полагают, что еще Иван Грозный, который когда-то создавал некоторый зародыш промышленности, был индустриалистом. Если идти по этому пути, тогда Петра Великого надо назвать первым индустриалистом. Это, конечно, неверно. Не всякое развитие промышленности представляет собой индустриализацию. Центр индустриализации, основа её состоит в развитии тяжёлой промышленности (топливо, металл и т. п.), в развитии, в конце концов, производства средств производства, в развитии своего собственного машиностроения.

⁶ И. В. Сталин. Соч. Т. 7. С. 355–356.

Индустриализация имеет своей задачей не только то, чтобы вести наше народное хозяйство в целом к увеличению в нём доли промышленности, но она имеет ещё ту задачу, чтобы в этом развитии обеспечить за нашей страной, окружённой капиталистическими государствами, хозяйственную самостоятельность, уберечь её от превращения в придаток мирового капитализма. Не может страна диктатуры пролетариата, находящаяся в капиталистическом окружении, остаться хозяйственно самостоятельной, если она сама не производит у себя дома орудий и средств производства, если она застревает на той ступени развития, где ей приходится держать народное хозяйство на привязи у капиталистически развитых стран, производящих и вывозящих орудия и средства производства. Застрять на этой ступени — значит отдать себя на подчинение мировому капиталу»⁷.

Выше была предпринята попытка в самом общем виде показать историческую неизбежность индустриализации нашей страны, отсутствие реально приемлемых альтернатив этому курсу. С высоты нашего времени эта проблема видится четче и яснее, чем она представлялась в ту эпоху. Я стремился в общих чертах и оценить роль Сталина во всем этом грандиозном историческом преобразовании. Однако объективность требует подчеркнуть, что в сталинские времена буквально все свершения в сфере индустриального развития страны связывались исключительно и только с именем Сталина. Так, например, в официальной его биографии утверждалось: «Ни одна область, ни один вопрос индустриализации не ускользали из поля зрения Сталина. Сталин — инициатор создания новых отраслей промышленности, развития и реконструкции ранее отсталых отраслей. Сталин — вдохновитель создания второй угольно-металлургической базы в нашей стране, строительства Кузбасса. Сталин — организатор и руководитель социалистических строек. Сталинградский тракторострой, Днепрострой, Магнитострой, Уралмашстрой, Ростовский сельмашстрой, Кузнецкстрой, Турксиб, Саратовский комбайнстрой, строительство автомобильных заводов в Москве и Горьком и ряд других строек, — все они связаны с именем Сталина»⁸.

Здесь что ни фраза, то чрезмерный перебор. Едва ли подобная апологетика отвечала интересам и самого Сталина. Ведь в конечном счете его историческая заслуга в твердом проведении курса на индустриализацию страны была столь же бесспорна, сколь и очевидна. Неумеренные восхваления и дифирамбы скорее играли отрицательную роль, поскольку возникали сомнения: если так беззастенчиво возвеличивают заслуги в индустриализации, то, значит, было немало и ошибок, способных поставить под вопрос методы проведения индустриализации.

Кстати сказать, после смерти Сталина большинство западных исследователей советской истории сошлось во мнении, что сталинские методы индустриализации были исторически неоправданными. Поскольку, мол, главный аргумент в пользу ускоренных темпов ее проведения базировался на ложной, искусственной посылке — а именно на спекулятивных измышлениях о неминувости войны против СССР. В качестве иллюстрации приведу мнение Л. Шапино, который в своей книге по истории КПСС писал буквально следующее: «Мотивы, побудившие Сталина именно в это время принять решение об индустриализации страны ускоренными темпами и не считаясь с последствиями, могли быть различными. Разумеется, определенную роль сыграла соблазнительная возможность

И. В. Сталин. Соч. Т. 8. 120–121.

⁸ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. С. 110–111.

избавиться от серьезных политических соперников, которая всегда появляется при смене курса. Менее убедительным представляется довод, часто приводившийся Сталиным и усиленно подчеркивавшийся после германского вторжения 1941 года. Смысл этого довода в том, что ускоренная индустриализация была дальновидным политическим курсом, рассчитанным на предотвращение угрозы войны путем создания базы для оборонной промышленности. Но в 1928 году не было оснований опасаться какого-либо вторжения. Учитывая тяжкие последствия сверхбыстрой индустриализации и коллективизации, мы смело утверждаем, что к 1941 году в СССР можно было бы достигнуть по меньшей мере такого же уровня промышленного развития с помощью менее крутых методов⁹.

В последующем изложении я еще коснусь вопроса об исторической цене индустриализации, о том, что пришлось заплатить за нее, если брать за основу не чисто экономические показатели, а человеческое измерение. Хотя само по себе такое разделение вообще представляется мне довольно умозрительным. Но тем не менее оно существует и его нельзя игнорировать. Здесь же следует обратить внимание на следующее обстоятельство. Когда Сталин и вообще советское руководство вели речь об опасности войны и неминуемости военного нападения на Советский Союз, они отнюдь не оперировали какими-то конкретными годами, скажем, 1928 или 1929 годом. Имелась в виду историческая перспектива и она не втискивалась в прокрустово ложе строго определенного времени. Впрочем, порой в чисто пропагандистских целях сознательно нагнеталась военная истерия и дело изображалось так, будто не сегодня-завтра Советский Союз станет объектом агрессии. Такие искусственные нагнетания имели место в конце 20-х годов. Что, однако, не означает, будто Сталин и впрямь исходил из мысли о неминуемости военного нападения на Советский Союз в тот период. Исходя из соображений внутреннего порядка, он полагал необходимым держать население страны в состоянии готовности к нападению и отражению такого нападения.

Но нельзя ставить знак равенства между чисто пропагандистскими шагами и действительными стратегическими расчетами. А последние как раз и ориентировались на неизбежность военного нападения на Советский Союз, а, значит, и на необходимость заблаговременно готовиться к отражению такого нападения. Ведь за год-другой невозможно было, как бы по мановению волшебной палочки, создать серьезную оборонную промышленность и вооружить армию и флот соответствующими средствами ведения войны. Так что упреки Л. Шапиро в чисто спекулятивном характере разговоров о подготовке страны к обороне как инструменте, оправдывавшим высокий темп индустриализации, едва ли можно считать убедительными. В данном случае Л. Шапиро проводит знак равенства между подготовкой к непосредственному военному нападению и заранее спланированной, рассчитанной на сравнительно долгий отрезок времени, широкомасштабной и всесторонней подготовкой страны к отражению неизбежного вооруженного нападения. Ход событий подтвердил не только разумность и обоснованность такого курса. Он подтвердил и отсутствие сколько-нибудь реально обоснованных альтернатив этому курсу.

⁹ *Лернارد Шапиро. Коммунистическая партия Советского Союза. Выпуск второй. С. 104.*

2. Борьба за утверждение сталинского курса индустриализации

Необходимость превращения страны из аграрной в индустриальную среди большевиков никогда не вызывала никаких споров. Вещь была настолько очевидная, что спорить по поводу ее могли лишь недоумки или заведомые идиоты. Большевики не принадлежали к числу ни тех, ни других. Но одно дело понимать необходимость индустриализации отсталой страны и превращения ее в высокоразвитое государство, другое дело — как, какими путями, средствами, методами и темпами осуществлять такой поистине революционный переворот в исторических судьбах страны. Здесь было обширное поле для самых острых столкновений и самой ожесточенной борьбы. И это не случайно, поскольку речь фактически шла о выборе магистрального развития Советской России на длительную историческую перспективу. Даже по менее важным вопросам в среде большевистского руководства разворачивались настоящие политические баталии, в чем читатель мог убедиться из чтения предыдущих глав. Так что с точки зрения элементарной политической логики сам факт ожесточенной борьбы вокруг проблем индустриализации нельзя квалифицировать в качестве своего рода политического склоуничества, якобы органически свойственного большевистским вождям. И в других странах, в странах с совершенно иной классовой структурой и идеологией, борьба по вопросам стратегии экономического развития не представляет собой чего-то экстраординарного, выходящего за рамки допустимых норм политической жизни.

В Советской России эта борьба приобрела особую степень ожесточенности не только в силу значимости проблемы. На нее накладывала свою неповторимую печать и личное противоборство между ведущими фигурами большевистской партии. В известном смысле исход противостояния по вопросам индустриализации как бы предопределял и результаты личной борьбы за власть. Так что этот последний элемент не должен оставаться вне поля нашего внимания, когда мы рассматриваем перипетии схваток вокруг путей и темпов индустриализации. Однако в основе все-таки лежали не личные мотивы, не соображения борьбы за власть как таковую. Характер и особенности этого противостояния обуславливались более глубокими причинами, нежели только проблемами власти как таковой. На мой взгляд, исследователи, рассматривающие основные этапы борьбы вокруг индустриализации преимущественно сквозь призму личной борьбы между тогдашними ведущими политическими фигурами, допускают непозволительное упрощение. И в итоге вся картина рисуется в искаженном историческом свете.

История выработки подходов к проведению индустриализации противоречива, как и противоречива была в тот период и вся экономическая политика большевиков. Первые, более или менее продуманные шаги, содержащие в себе некоторые зародыши системного подхода, начались с апреля 1926 года, когда объединенный пленум ЦК и ЦКК рассмотрел хозяйственные вопросы. Участники пленума вынуждены были признать, что индустриализация страны и увеличение товарной массы промышленных изделий, при достигнутом уровне развития промышленности, наталкивается в настоящий период на специфические трудности. Промышленность почти полностью использовала унаследованный от буржуазной эпохи основной капитал и упирается в своем дальнейшем развитии в переоборудование предприятий и новое фабрично-заводское строительство,

что, в свою очередь, целиком зависит от размера тех накоплений, которые можно будет вложить в дело расширения промышленности.

В решении пленума звучала и оптимистическая нотка, когда речь зашла о реальных возможностях изыскать источники финансирования индустриального развития. Они в виделись в том, что экспроприация непроизводительных классов (буржуазии и дворянства), аннулирование царских долгов, сосредоточение доходов от промышленности, госторговли (внутренней и внешней) и всей кредитной системы в руках государства и т. п. — сами по себе дают возможность такого накопления внутри страны, которое обеспечивает необходимый для социалистического строительства темп развития индустрии¹⁰. Сталин исходил из того, что темпы индустриализации в немалой степени зависели от экспортно-импортных операций. Поэтому он особый акцент делал на то, чтобы увеличивать ввоз из-за границы оборудования и сырья и в то же время уделять особое внимание тем отраслям хозяйства, развитие которых обеспечивало экономическую независимость СССР. Решение этих и сопряженных с ними задач требовали дальнейшего укрепления планового начала и внедрения плановой дисциплины в работу государственных органов. Совершенно необходимым элементом было то, чтобы любые затраты на новое строительство согласовывались с общим хозяйственным планом, так как стихийность в этом деле вела к распылению и неэкономному расходованию средств. Усиление централизованного планирования органически дополнялось развитием инициативы местных организаций и отраслевых ведомств, строек и предприятий. Ускоренное создание накоплений, плановое и целесообразное использование материальных и финансовых средств — вот те вопросы, которые на самом первоначальном этапе процесса индустриализации стояли в центре внимания государства.

Политическая борьба вокруг проблем индустриализации как бы распадалась на два фронта — один фронт борьбы концентрировался на противостоянии с троцкизмом, другой фронт — на противостоянии с представителями правых. Положение Сталина облегчалось тем обстоятельством, что на начальном этапе дискуссий вокруг индустриализации его активно поддерживали правые в лице Бухарина, Рыкова и Томского. Нельзя сказать, что концепция перевода страны на индустриальные рельсы, отстаиваемая генсеком, во всем совпадала со взглядами на эту проблему правых. Однако в своих существенных аспектах их позиция и позиция Сталина в то время совпадали. Необходимо подчеркнуть, что объединяющим элементом выступало общее противодействие политическому курсу Троцкого и его сторонников. В дальнейшем пути Сталина и правых разошлись по многим направлениям, в том числе и по проблеме методов и темпов осуществления курса на индустриализацию. Однако в 1925 — 1927 годах поддержка со стороны правых сыграла отнюдь не второстепенную роль в том, что Сталин оказался победителем в борьбе против объединенной троцкистско-зиновьевской оппозиции.

Итак, на первоначальном этапе линии генсека противостояли Троцкий и его сторонники, выступавшие за сверхбыстрые темпы индустриализации. В 1926 году Сталин подверг вполне обоснованной критике троцкистов за их попытки «выдавать собственное нетерпение за действительность», отрицание частичной стабилизации капитализма и «сверхчеловеческие», «героические» прыжки и вторжения как в область внутренней политики (сверхиндустриализация), так и в область внешней политики («ультралевые»

¹⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. С. 139.

фразы и жесты). Он высмеивал, явно утрируя, «требование индустриализировать нашу страну чуть ли не в полгода»¹¹. При этом следует особо подчеркнуть, что в борьбе против троцкистской позиции генсек увязывал процесс индустриализации с одной из главных ее целей, а именно с вопросом о повышении материального уровня жизни населения страны. С явным схищством он констатировал, что «Троцкий, видимо, не признаёт того положения, что индустриализация может развиваться у нас лишь через постепенное улучшение материального положения трудовых масс деревни»¹².

Платформа троцкизма по вопросу об индустриализации несла в себе черты, с одной стороны, популизма, а с другой, — явного экстремизма. Троцкий и его сторонники выступали за то, чтобы бремя индустриализации было возложено прежде всего на деревню. Это, естественно, подрывало основы всего курса на смычку города и деревни. Генсек, конечно, выступал против такой линии. По крайней мере, на первых этапах споров вокруг концепции индустриализации, темпов ее осуществления и источников покрытия расходов. Сошлемся для подтверждения этих утверждений на самого Троцкого. В 1926 году он говорил: «Мы считаем, что индустриализация — основа социализма — идет слишком медленно, и что это бьет крестьянина... Ускорение индустриализации, в частности путем более высокого обложения кулака, даст большую товарную массу, которая понизит розничные цены, и это выгодно как для рабочих, так и для большинства крестьянства»¹³. В дальнейшем эта основополагающая установка неоднократно подтверждалась в программных декларациях троцкистской группировки. В следующем, 1927 году, они утверждали: «Несмотря на значительные успехи в области промышленности, электрификации и транспорта, индустриализация далеко не достигла того развития, какое необходимо и возможно. Проводимый ныне и намечаемый на ближайшие годы темп индустриализации явно недостаточен.

Нет и не может быть, разумеется, такой политики, которая позволила бы одним ударом справиться со всеми трудностями и перескочить через длительный период систематического подъема хозяйства и культуры. Но именно наша хозяйственная и культурная отсталость требует исключительного напряжения сил и средств, правильной и своевременной мобилизации всех накоплений, правильного использования всех ресурсов в целях скорейшей индустриализации страны...

Недостаточный темп развития промышленности приводит, в свою очередь, к задержке роста сельского хозяйства. Между тем никакая индустриализация невозможна без решительного поднятия производительных сил сельского хозяйства и увеличения его товарности»¹⁴.

Сталин в этот период резко критиковал троцкистскую установку на ускорение темпов индустриализации. Достаточно характерны в этом отношении следующие его мысли: «У нас любят иногда строить фантастические промышленные планы, не считаясь с нашими ресурсами. Люди забывают иногда, что нельзя строить ни промышленных планов, ни тех или иных «широких» и «всеобъемлющих» предприятий без известного минимума средств, без известного минимума резервов. Забывают об этом и забегают вперед. А что значит

И. В. Сталин. Соч. Т. 8. С. 282–283.

¹² Там же. С. 290.

¹³ XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. С. 514.

¹⁴ Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 132.

забегать вперед в деле промышленного планирования? Это значит строить не по средствам. Это значит раскричать о широких планах, привлечь в производство новые тысячи и десятки тысяч рабочих, поднять шумиху, а потом, когда обнаружится недостаток в средствах, распустить рабочих, рассчитать их, терпя на этом колоссальные убытки, внося в дело строительства разочарование и создавая политический скандал. Нужно ли нам это — Нет, товарищи, этого нам не нужно. Нам не нужно ни отставать от хода развития индустрии, ни забегать вперед. Нам нужно идти в уровень с развитием, нам нужно двигать вперед индустрию, не отрывая её от ее базы»¹⁵. В свете этого откровенно популистскими выглядели неоднократные предложения троцкистов повысить в 1926 и 1927 годах заработную плату рабочим. Это было явно не по силам экономике страны. И Сталин открыто разоблачал эти, в сущности спекулятивные, но, конечно, пользовавшиеся популярностью в народе предложения.

Было бы неправильно представлять дело так, будто в логике и аргументации троцкистской оппозиции все было безнадежным и откровенным враньем. Нет, во многих своих критических замечаниях, особенно в анализе крупных недостатков в развитии промышленности и сельского хозяйства, на их стороне была своя доля истины. Разумеется, не вся правда, поскольку они концентрировали свои нападки на линию Сталина, сознательно оставляя в тени объективные причины, порождавшие эти недостатки. К тому же, как известно, критиковать всегда легко. А Троцкий был великолепным полемистом и умело использовал этот свой талант в политической борьбе против генсека. Так, отвечая на упреки в том, что оппозиция демонстрирует пессимизм в вопросах экономического строительства, он говорил: «Оппозиция доказывала, я в том числе, что реальная опасность, перед которой мы стоим, это — опасность отставания государственной промышленности от народнохозяйственного развития в целом. Мы указывали на то, что диспропорция при той политике в области распределения национального дохода, которая проводилась, угрожает нам дальнейшим возрастанием. Это называли почему-то «пессимизмом». Товарищи, арифметика не знает ни пессимизма, ни оптимизма. Экономическая статистика не знает ни оптимизма, ни пессимизма, ни маловерия, ни капитуляции. Цифры суть цифры»¹⁶.

Так что лидеры оппозиции в борьбе со Сталиным отнюдь не представляются какими-то баранами, обреченными генсеком на политическое заклание. Они вели острую и непримиримую борьбу против сталинской политики и вообще против сталинской группировки в партийном руководстве. И чем более безнадежными становились их шансы на успех в этом противоборстве, тем большее ожесточение обретало это противоборство.

Сталин в своих многочисленных выступлениях довольно детально обосновал возможность и необходимость индустриализации. Причем во главу угла ставились вопросы источников накоплений для ее осуществления и самих темпов процесса перевода страны на рельсы промышленного развития. Генсек подчеркивал, что методы капиталистической индустриализации, — а именно обезземеливание крестьянства как источник первоначального накопления капитала, колониальные захваты, военные контрибуции и другие аналогичные средства — для нас непригодны в принципе. Он не раз указывал на то, что главным и основным средством индустриализации являются

¹⁵ И. В. Сталин. Соч. Т. 8. С. 131–132.

¹⁶ XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. С. 505.

внутренние ресурсы страны, социалистические источники накопления, позволяющие ставить в практической плоскости проблему индустриализации.

Во главу угла генсек ставил проблему активизации усилий всего населения страны и прежде всего рабочего класса. А этого достичь было невозможно без демократизации жизни в стране и в партии. Вот что он говорил в связи с этим: «Нужно, чтобы сама партия твердо и решительно стала на путь внутрипартийной демократии, чтобы наши организации втягивали в обсуждение вопросов нашего строительства широкие массы партии, творящие судьбу нашей партии. Без этого нечего и говорить об активизации рабочего класса»¹⁷.

Второй не менее важной задачей являлась подготовка необходимого числа квалифицированных кадров, без чего все разговоры о ликвидации экономической и культурной отсталости страны повисали в воздухе и оставались лишь благими пожеланиями. Проблема подготовки большого отряда квалифицированных кадров в выступлениях Сталина звучала постоянным рефреном. «Для того, чтобы провести директиву партии об индустриализации нашей страны, необходимо, кроме всего прочего, создать кадры новых людей, кадры новых строителей индустрии... Никакая задача, а особенно такая большая задача, как индустриализация нашей страны, не может быть проведена без живых людей, без новых людей, без кадров новых строителей... Поэтому задача состоит в том, чтобы создать многочисленные кадры строителей индустрии из рядов рабочих и советской интеллигенции, той самой советской интеллигенции, которая связала свою судьбу с судьбой рабочего класса и которая строит вместе с нами социалистический фундамент нашего хозяйства.

Задача состоит в том, чтобы создать такие кадры и выдвинуть их на первый план, оказывая им всемерную поддержку»¹⁸.

Сталин не ограничивался общими рассуждениями о необходимости и возможности осуществления программы индустриализации. Он конкретизировал ее ключевые задачи, выдвинув следующие основные положения, которые должны были лечь в основу линии на превращение Советской России в индустриальное государство.

«Во-первых, мы должны двигать вперед индустрию нашей страны, как основу социализма и как руководящую силу, ведущую вперед народное хозяйство в целом.

Во-вторых, мы должны создать новые кадры строителей индустрии, как прямых и непосредственных проводников курса на индустриализацию.

В-третьих, мы должны ускорить темп нашего социалистического накопления и накапливать резервы для нужд нашей промышленности.

В-четвертых, нужно поставить правильное использование накапливающихся резервов и установить строжайший режим экономии»¹⁹.

Таковы, если говорить в самых общих чертах, были отправные пункты программы перевода страны на индустриальные рельсы. Однако ограничиться сказанным нельзя, если мы обойдем вопрос о том, в чем сам Сталин усматривал главную цель индустриализации. Иными словами, что сулила населению страны индустриализация и был ли для него смысл прилагать неимоверные усилия для ее осуществления? Вот как сам генсек определял эти

И. В. Сталин. Соч. Т. 8. С. 144.

¹⁸ Там же. С. 138–139.

¹⁹ Там же. С. 147.

цели: «В чём состоит основной плюс социалистического метода индустриализации? В том, что он ведёт к единству интересов индустриализации и интересов основных масс трудящихся слоев населения, в том, что он ведёт не к обнищанию миллионных масс, а к улучшению материального положения этих масс, не к обострению внутренних противоречий, а к их сглаживанию и преодолению, в том, что он неуклонно расширяет внутренний рынок и подымает ёмкость этого рынка, создавая, таким образом, прочную внутреннюю базу для развёртывания индустриализации.

Отсюда прямая заинтересованность основных масс крестьянства в социалистических путях индустриализации»²⁰.

Как видим, по своим стратегическим целям и методам осуществления индустриализация по Сталину выглядела более чем привлекательным проектом. Причем проектом настолько грандиозным и настолько жизненно необходимым, что, казалось бы, у любого здравомыслящего человека не могло быть сомнений на этот счет. Ведь он по своим замыслам отвечал чаяниям не только трудящихся масс населения, но и в принципе был по душе истинным патриотам страны, не разделявшим идеологию большевизма. Однако все это было лишь в идеале, так сказать, в чисто абстрагированном виде. В процессе же практической реализации проекта Сталина в него были внесены существенные коррективы, которые в конечном счете и предопределили разрыв союза с правыми и начало открытой борьбы с ними. О чем уже шла речь в предыдущей главе.

Платформа троцкизма относительно источников индустриализации исходила из того, что деревня должна стать своего рода дойной коровой всего этого процесса, те средства, необходимые для развития промышленности страна должна получать прежде всего за счет деревни. Сталин вместе с Бухариным и Рыковым категорически отвергли данный постулат, таивший в себе чрезвычайно опасные, даже роковые, последствия для союза между рабочим классом и крестьянством в целом. Ссылки на то, что перекачка средств на промышленные цели будет осуществляться главным образом за счет богатых крестьянских хозяйств не выдерживала серьезной критики, поскольку общий объем производства зерна так называемыми кулаками не позволял рассчитывать на приток необходимых объемов средств.

В дальнейшем, уже после окончательного разгрома троцкизма как враждебного сталинскому курсу политического течения, генсек внес существенные коррективы в свою концепцию изыскания более или менее достаточных средств для финансирования промышленного строительства. Это был серьезный поворот в позиции Сталина. Элементарные расчеты показывали, что без выкачки средств из деревни все грандиозные планы индустриализации повисали в воздухе. За счет внешних займов покрыть эти расходы не представлялось возможным, поскольку западные державы отнюдь не были заинтересованы в том, чтобы с их помощью ковалась экономическая мощь Советской России. К тому же на пределе возможного находились и ресурсы, получаемые от внешней торговли.

В такой ситуации генсек пошел не просто на корректировку, а на коренной пересмотр всей стратегии изыскания средств для осуществления индустриализации. Он достаточно откровенно мотивировал свою новую позицию в июле 1928 года. Вот его аргументация:

²⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 8. С. 287.

«Прежде всего о «ножницах» между городом и деревней. Речь шла о том, что крестьянин всё еще переплачивает на промышленных товарах и недополучает на продуктах сельского хозяйства. Речь шла о том, что эти переплаты и недополучения составляют сверхналог на крестьянство, нечто вроде «дани», добавочный налог в пользу индустриализации, который мы должны обязательно уничтожить, но которого мы не можем уничтожить теперь же, если не думаем подорвать нашу индустрию, подорвать известный темп развития нашей индустрии, работающей на всю страну и двигающей наше народное хозяйство к социализму.

Кое-кому это не понравилось. Эти товарищи, по-видимому, боятся признать правду. Что ж, это дело вкуса. Одни думают, что не следует говорить всю правду на пленуме ЦК. А я думаю, что мы обязаны говорить на пленуме ЦК своей партии всю правду. Не следует забывать, что пленум ЦК нельзя рассматривать, как массовый митинг. Конечно, слова «сверхналог», «добавочный налог» — неприятные слова, ибо они бьют в нос. Но, во-первых, дело не в словах. Во-вторых, слова вполне соответствуют действительности. В-третьих, они, эти неприятные слова, для того именно и предназначены, чтобы они били в нос и заставляли большевиков взяться серьезнейшим образом за работу по **ликвидации** этого «сверхналога», по **ликвидации** «ножниц».

А как можно ликвидировать эти неприятные вещи? Путём систематической рационализации нашей промышленности и снижения цен на промтовары. Путём систематического подъёма техники и урожайности сельского хозяйства и постепенного удешевления сельскохозяйственных продуктов. Путём систематической рационализации наших торговых и заготовительных аппаратов. И т. д., и т. п.

Всего этого не сделаешь, конечно, в один — два года. Но сделать мы это должны обязательно в течение ряда лет, если мы хотим освободиться от всякого рода неприятных вещей и бьющих в нос явлений»²¹.

Как потом ни выкручивался Сталин, он не смог серьезно опровергнуть обвинения в свой адрес, выдвигавшиеся представителями правых. А их упреки формулировались довольно четко и категорично: Сталин выступает в защиту военно-феодальной эксплуатации крестьянства, поскольку сам термин «дань», как его не истолковывай, содержит вполне определенное содержание. Троцкий и его сторонники открыто заговорили о том, что Сталин, первоначально выступавший против их тезиса о привлечении средств за счет деревни, фактически перешел на их позиции. Иными словами, генсека обвиняли в том, что он заимствовал у троцкизма его экономические концепции, и одновременно продолжает выступать с критикой троцкизма и его экономической платформы.

И надо признать — подобные обвинения были не голословными, они имели под собой почву. Здесь возникает такой деликатный вопрос: допустимо ли в политике использовать то, что когда-то предлагали его собственные противники и что прежде отвергалось, что называется с порога? Надо полагать, что подобная политическая метаморфоза, совершенная Сталиным, не представляет собой какое-то уникальное и абсолютно недопустимое явление. В жизни мы на каждом шагу встречаемся с тем, что политические оппоненты нередко заимствуют, а порой и просто перехватывают лозунги и идеи своих противников. Как это ни прискорбно, но такова реальность самой жизни, и от этого никуда

не уйти. Хотя, конечно, остается открытым вопрос о моральных принципах такого рода политики. Но в приложении к Сталину моральные соображения играли отнюдь не первую роль при принятии им тех или иных решений. Особенно решений, имеющих первостепенное стратегическое значение.

Политический публицист времен перестройки А. Ланщиков в одной из своих статей непосредственно затронул вопрос о заимствовании Сталиным идей у Троцкого и высказал следующее соображение: «Мне доводилось слышать такую концепцию: Сталин в личной конкуренции за власть разгромил Троцкого при помощи его противников, а затем присвоил себе его же платформу. Это неверно. Разумеется, у Сталина и Троцкого было немало общих точек зрения, но ведь и Ленин в чем-то сходиллся с Троцким, в чем-то сходиллся со Сталиным, в чем-то — с Бухариным, а Бухарин в свою очередь в чем-то сходиллся с каждым из них. А иначе как бы они не один год работали вместе да еще в такой напряженнейший период?..

Сталин считал, что в нашей стране, независимо от общей революционной ситуации, социализм построить можно и для этого нужна длительная мирная передышка. Меньше всего Сталина прельщали лавры Бонапарта, здесь ему больше импонировали другие исторические личности. Сходиллся он с Троцким в вопросе сверхиндустриализации и в отношении к крестьянству, но до поры до времени всех карт своих не раскрывал, выжидал. Открыл свои карты Сталин лишь тогда, когда Троцкий был выслан за пределы страны»²².

Соображения, приведенные выше, мне представляются разумными и с ними в основном можно согласиться. Они дают возможность понять и объяснить логику политического поведения Сталина в рассматриваемый период. Эту логику — повторю еще раз — нельзя в полной мере интерпретировать только на основе морально-этических принципов. Следует напомнить, что вся мировоззренческая основа политической философии Сталина базировалась не на принципах абстрактной морали как таковой, а на том, что он считал выгодным для утверждения нового общественного строя. Написав эти строки, я подумал, что читатель вправе истолковать их так, будто Сталин исповедовал аморальность как принцип политической деятельности. Но такое истолкование будет слишком прямолинейным и однобоким. Тем более, если оно не будет учитывать суровые реалии эпохи, о которой мы ведем речь.

Цитировавшийся выше А. Ланщиков высказал в связи с затронутой проблемой здравую мысль, с которой нельзя не солидаризироваться: «Конечно, Сталин был великим государственным деятелем, и лично я стою на той точке зрения, что именно благодаря Сталину наша страна в очень короткий срок превратилась в могучую индустриальную державу и сыграла решающую роль в победе над фашизмом, хотя я и не рискну связывать величие или, сказать точнее, великость Сталина с идеями гуманизма и не какого-нибудь там абстрактного, а именно классового, рабоче-крестьянского, только не в той его распространенной форме, когда от имени рабочих и крестьян попираются их же конституционные права и жизненные интересы, а в его истинном смысле, когда равнодостоинство каждого гражданина не только провозглашается, но и имманентно вытекает из всей практики общественной, политической и экономической жизни...»²³

Теперь обратимся непосредственно к вопросу о первом пятилетнем плане, открывавшем первый — а потому и самый важный этап индустриализации. Проект

²² **Вождь. Хозяин. Диктатор.** Сборник С. 186–187.

²³ Там же. С. 180.

пятилетнего плана был опубликован в конце декабря 1928 года. Он составлялся в двух вариантах — отправном («минимальном»), на случай неурожая или внешних осложнений, и «оптимальном», рассчитанном на более благоприятные условия, полную мобилизацию всех резервов и возможностей, заложенных в новом общественном строе. Задания «оптимального» варианта превышали отправной примерно на 20 процентов. Это означало, что оптимальный вариант пятилетки в случае неблагоприятных условий можно было бы осуществить примерно за шесть лет.

При обсуждении проекта пятилетнего плана в высших правительственных органах в марте — апреле 1929 года в преддверии XVI партийной конференции, на которой предстояло обсудить и утвердить план, большинство выступило за принятие оптимального варианта в качестве единого государственного плана. За это предложение высказался и глава правительства Рыков. Однако тогда же он предложил наряду с пятилетним составить и двухлетний план для «ликвидации несоответствия в развитии сельского хозяйства с потребностями страны». Сосредоточение усилий первых двух лет пятилетки на развитии сельского хозяйства и в первую очередь его частного сектора, как это предлагал Рыков, на практике привело бы к снижению темпов промышленного строительства и всей социалистической реконструкции.

Острой критике подверглись также тезисы доклада Рыкова о пятилетнем плане на комиссии Политбюро, занятой подготовкой материалов к XVI конференции ВКП(б). После отказа Рыкова переделать их они были подготовлены комиссией и 15 апреля вынесены на утверждение Политбюро ЦК. При обсуждении тезисов с поправками выступил Бухарин, предложивший включить пункт о решительной борьбе с троцкизмом. Это преследовало цель отвлечь внимание партии от борьбы с правым уклоном. Поправки Бухарина, поддержанные Рыковым и Томским, были отклонены большинством членов Политбюро. Все трое в свою очередь воздержались при голосовании по тезисам докладов о пятилетнем плане.²⁴

Центральной задачей первого пятилетнего плана было создание мощной тяжелой индустрии, оснащенной передовой техникой, способной обеспечить техническую реконструкцию народного хозяйства, укрепить экономическую самостоятельность и обороноспособность страны. Планом предусматривалось затратить на капитальное строительство в социалистической промышленности (включая электрификацию) 19,5 миллиарда рублей, или в четыре раза больше, чем за предшествующие пять лет. 78 процентов этой суммы направлялось в тяжелую индустрию. Намечалось создание ряда новых отраслей промышленности. При росте валовой продукции всей промышленности в 2,8 раза производство средств производства должно было увеличиться в 3,3 раза, в том числе машиностроение — в 3,5 раза и сельскохозяйственное машиностроение — в 4 раза. Задания пятилетки значительно превосходили наметки плана ГОЭЛРО, рассчитанные на 10 — 15 лет. Так, пятилетним планом намечалось сооружение 42 государственных районных электростанций вместо 30 по плану электрификации.

В соответствии с курсом национальной политики, направленной на ликвидацию экономического и культурного неравенства народов нашей страны, пятилетний план предусматривал более высокие темпы индустриализации экономически отсталых

²⁴ См. **История Коммунистической партии Советского Союза**. Т. 4. Книга первая. С. 563.

национальных республик. Если основные фонды промышленности за пятилетие в целом по СССР возросли на 289 процентов, то в республиках Средней Азии — на 494, а в Казахской АССР — на 549 процентов.

В области сельского хозяйства пятилетний план ставил задачу: на базе кооперирования бедняцко-средняцких хозяйств, дальнейшей коллективизации и строительства совхозов добиться подъема сельскохозяйственного производства. Намечалось охватить сельскохозяйственной кооперацией до 85 процентов крестьянских дворов, вовлечь в колхозы до пяти-шести миллионов хозяйств, или 20 процентов их числа; доля колхозов и совхозов в товарной продукции зерна должна была подняться к концу пятилетки до 43 процентов.

План предусматривал значительно улучшить материальные условия жизни широких слоев населения, полностью осуществить переход предприятий и учреждений на семичасовой рабочий день, увеличить ассигнования на жилищное строительство. Большие средства отпускались на культурное строительство.

Выполнение пятилетки должно было привести к крупным социально-экономическим преобразованиям в стране. Удельный вес социалистического сектора в основных фондах возрастал с 52,7 до 68,9 процента, в валовой продукции промышленности — с 80 до 92 процентов, сельского хозяйства — с 2 до 15, в розничном товарообороте — с 75 до 91 процента²⁵.

3. История еще не знала такого

Модернизация всех структур советского общества, ключевым звеном которой явилась индустриализация, бесспорно, стала переломным рубежом в историческом развитии нашей страны. Я уже походя касался некоторых оценок исторической значимости этого перелома и разноречивых оценок того, стоила ли эта модернизация жертв, принесенных во имя экономического прогресса. Можно было бы продолжить перечень доводов как в защиту, так и против этого. Таких оценок поистине бесконечное число, но в целом их можно подразделить на два диаметрально противоположных подхода. Первые, признавая всю жесткость и суровость методов осуществления индустриализации и сопряженных с этим негативных последствий, склонны считать, что игра, как говорится, стоила свеч. Ибо в конечном счете вопрос сводился к выбору исторической судьбы страны. Другие полагают, что цель в данном случае не оправдывала средств и что лекарства, с помощью которых лечили больной организм страны, было хуже самой болезни.

Возможно, наиболее типичным для взглядов сторонников второй точки зрения может служить вывод, принадлежащий уже не раз упоминавшемуся мной Р. Даниельсу. Вот как он сформулировал этот вывод: «Индустриализация была самым бесспорным достижением сталинского режима, позволившим СССР выиграть войну с Германией и выдержать соревнование с США в гонке вооружений в период «холодной войны» Но ее успех был куплен слишком дорогой ценой. Она не только стоила невероятных человеческих страданий, что и деформировала структуру советского общества так, что следствия этого

²⁵ См. *История Коммунистической партии Советского Союза*. Т. 4. Книга первая. С. 564–565

продолжают сказываться до сих пор. В основе сталинского подхода к модернизации не было ничего современного — это было в сущности восстановление крепостного права. Этим он напоминает Петра Великого, чьи реформы, предпринятые во имя европеизации, основывались не на уменьшении, а на увеличении принуждения и несвободы»²⁶.

В приложении к политической биографии Сталина поставленный вопрос не имеет простого, а тем более однозначного ответа. Я исхожу из того неоспоримого положения, что только скрупулезный учет всех фактов и факторов, которыми он руководствовался, осуществляя курс на форсированную индустриализацию, а также и коллективизацию, дает основание для окончательного вердикта. Впрочем, в истории окончательных вердиктов, как правило, не бывает. Слишком много объективных условий и обстоятельств должны быть приняты во внимание, чтобы любой вердикт — положительный или отрицательный — был признан достаточно обоснованным. Главное же — оценка должна базироваться на анализе объективных исторических реальностей, определявших в конечном счете деяния любой фигуры такого масштаба, как Сталин.

Но вернемся к основной нити нашего изложения.

На **XVI партийной конференции (апрель 1929 г.)** какого-либо серьезного противостояния между Сталиным и его противниками по вопросам индустриализации не наблюдалось. Объясняется это никак не отсутствием разногласий, а другими обстоятельствами. Прежде всего тем, что на предшествующих этапах правые если и не потерпели полного поражения, то были близки к нему. Их платформа не встретила достаточной поддержки ни в партийных верхах, ни в массе членов партии. Уже не просто существовало, но и пронизывало всю атмосферу явное превосходство Сталина. Ведь не из соображений простого бахвальства, а реально взвешивая обстановку, генсек еще в тот период, когда обсуждался вопрос о пресловутой встрече Бухарина с Каменевым в июле 1928 года, заметил по поводу лидеров правых: «теперь они в гробу, и все, что нам нужно — это вырыть могилу»²⁷. Иными словами, их политический крах был неотвратим и приближался с каждым месяцем. Однако Сталин не спешил, — он умел проявлять выдержку — ибо прекрасно отдавал себе отчет в том, что широким партийным массам уже надоели бесконечные внутрипартийные стычки и перманентная грызня. Ведь, несмотря на все усилия пропаганды, основными рычагами которой управлял Сталин и его сторонники, среди партийцев не было твердой уверенности в том, что борьба носит идейный характер, касается не вопросов личной власти и престижа, а коренных направлений всего политического курса. Поэтому генсек и не форсировал события. Напротив, он старался лишний раз продемонстрировать свое миролюбие и готовность прийти к взаимоприемлемому компромиссу. Однако это была тактика политической борьбы, а никак не искреннее стремление генсека утихомирить внутрипартийные бури.

Докладчиком по основному вопросу о пятилетнем плане на конференции был Рыков. Выбор этот как раз и преследовал цель продемонстрировать наличие единства и отсутствие фундаментальных разногласий. Его доклад выдержан в соответствующих обстановке тонах. Прежде всего он фактически принял тезис Сталина об обострении классовой борьбы, что было своего рода капитуляцией. И тем не менее в некоторых моментах обозначалось — хотя бы пунктиром — различное отношение к ряду

²⁶ Daniels R. V. Is Russia reformable?: Change & resistance from Stalin to Gorbachev. 1988. p. 10.
²⁷ Robert Payne. The Rise and Fall of Stalin. p. 378.

принципиальных моментов. В частности, в докладе отражена тревога и нервозность, охватывавшие партийные массы. Рыков, в частности, заявил: «Наше строительство все время шло и идет в условиях классовой борьбы, которая на данной стадии принимает обостренные формы. Пятилетний план является планом большого наступления пролетариата на остатки буржуазных классов города и деревни. Вместе с тем он является планом начала широкой, социалистической переделки бедняцко-средняцких крестьянских хозяйств путем кооперирования и коллективизации их.

Материальные и организационные предпосылки, которые заключены в пятилетнем плане, те перспективы, которые открывает этот план перед рабочими и крестьянскими массами, — все это должно явиться важнейшим фактором организации рабочих и крестьян на борьбу с трудностями, встречающимися на пути социалистического строительства. Это должно вместе с тем уничтожить проскальзывающие иногда в рядах рабочего класса и партии настроения нервности или даже паники перед этими трудностями. Пятилетний план, являющийся результатом блестящей предыдущей работы нашей партии, намечает широкую перспективу развития республики Советов и борьбы рабочего класса за социалистическое общество и должен явиться базой сплочения всех сил партии и рабочего класса на пути построения нового, бесклассового, социалистического общества»²⁸.

С докладами по пятилетнему плану выступили, кроме Рыкова, также Кржижановский и Куйбышев. В докладе последнего не были обойдены молчанием скептические высказывания, раздававшиеся на Западе в связи с грандиозными начинаниями советского режима. Куйбышев, в частности, привел такие высказывания. Экономист Дезен писал: «Как можно принимать всерьез эти темпы развития, когда даже в период бурного экономического роста, какой, например, переживала Россия в 1900 — 1913 гг., рост физического объема продукции и рост национального дохода не достигали того темпа, который намечен по пятилетнему плану («Экономическое обозрение» № 5 за 1927 г.)

В «Вестнике финансов» (№ 7 за 1927 г.) А. А. Никитский писал:

«Пятилетний народнохозяйственный и финансовый план сильно преувеличен по темпу... Доводы в пользу принятых в плане темпов бьют почти всегда мимо цели. Необходим более осторожный и реальный вариант плана».

Другой автор, А. Вайнштейн, в «Экономическом обозрении» (№ 7 за 1927 г.) писал: «Основным пороком пятилетки является проектировка развития всех отраслей народного хозяйства слишком быстрым темпом... и непосильным и нереальным»²⁹.

С критическими замечаниями (как позитивной, так и негативной направленности) выступали не только западные специалисты и журналисты. На самой конференции звучали голоса, в ряде случаев подвергавшие критике отдельные моменты как самих принципов планирования, так и методов его осуществления. Известный в партийных кругах как оратор, всегда подвергавший что-либо сомнению, Ю. Ларин такими словами охарактеризовал недостатки планирования: главный из них «заключается в том, что разработка пятилетки в Госплане велась таким путем, что основное хорошее, что в этой пятилетке есть, — это обеспечение крупного темпа роста индустриализации, обеспечение крупного темпа

²⁸ XVI конференция Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. — Л. 1929. С. 13.

²⁹ Там же. С. 28.

роста коллективизации и т. п., — вносилось в пятилетку фактически не столько разработкой самого Госплана, сколько под давлением партийного общественного мнения и соответствующих решающих органов. Сама же разработка пятилетки в Госплане в те последние годы, в которые она велась, давала картину, как известно из опубликованных материалов Госплана, беспомощного топтания на одном месте. Этим местом было то обстоятельство, что до последнего времени делавшиеся в Госплане проектировки пятилетки принимали темп так называемой потухающей кривой, т. е. принималось, что с каждым годом рост промышленности будет идти все более медленным темпом»³⁰.

Из слов Ларина явствует одно: не Госплан на основе своих расчетов определял основные параметры плана, а партийное руководство. И, конечно, прежде всего Сталин, выступавший за максимально высокие темпы роста производства. И это — несмотря, а скорее вопреки своим прежним призывам не забегать вперед, проявлять должную расчетливость и осторожность, соизмерять плановые наброски с реальными возможностями страны. Иными словами, именно генсек играл роль локомотива, тянувшего страну к невиданно высоким темпам индустриализации. И сейчас его уже не сдерживали какие-либо препятствия в лице оппозиции.

На конференции довольно четко обнажилось недовольство слабой проработкой плановых заданий со стороны ученых-экономистов. Не стану утруждать читателя излишними деталями и приведу лишь одно, но весьма характерное выступление делегата конференции из разряда среднего партийного звена. Вот что он говорил по данному вопросу:

«...партия ставит на ближайшие годы задачу ликвидации товарного голода, и мне думается, что нельзя согласиться с постановками разрешения вопроса о ликвидации товарного голода в ближайшие годы, которые выдвигает в частности т. Струмилин. (С. Струмилин был одним из ведущих в ту пору советских экономистов, стоявших у истоков разработки пятилетнего плана — Н. К.) Тов. Струмилин считает, что эту задачу мы сможем разрешить таким образом: «Если мы, — пишет он в брошюре «Социальные проблемы пятилетки», — не можем ускорить в желаемом темпе товарное предложение, то должны замедлить в соответствующей мере рост платежеспособного спроса», и дальше: «Конкретно это сводится к проектировке повышающихся темпов накопления в балансе производства и распределения народного дохода, а в балансе спроса и предложения товаров на широкий рынок к такой проектировке цен, зарплаты, налогов и прочих изъятий, при которых реальный платежеспособный спрос не превысил бы возможного предложения» (стр. 71). Что значит политикой цен сдерживать платежеспособный спрос? Это значит вести политику повышенных цен, в то время как партия ведет большую работу по снижению себестоимости»³¹.

Читая такого рода высказывания, складывается впечатление, что экономическая наука довольно молодого большевистского режима скорее играла роль тормоза, нежели эффективного инструмента реализации принятых экономических планов. Впрочем, с нею, как видно, вообще мало считались, а она, в свою очередь, подгоняла свои теоретические построения под нужды партийного руководства, т. е. того же генсека.

³⁰ XVI конференция Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. — Л. 1929. С. 71.

³¹ Там же. С. 69.

В этой связи позволю привести весьма показательный обмен репликами во время выступления Д. Рязанова — давнего оппонента Сталина, который остановился на прорехах в управлении народным хозяйством. Итак, Рязанов говорит:

«что самый скверный министр путей сообщения это тот министр, который сам управлял паровозом. Самый скверный министр промышленности это тот министр, который умеет сам чинить свои замки.

Артюхина. А кто же будет управлять?

Рязанов. Тов. Артюхина думает, что... Ну, т. Артюхина, я с вами частным порядком поговорю. (Смех.)

Аралов. А что сказал Ленин?

Рязанов. Ленин, т. Аралов, сказал, что «каждая кухарка должна научиться управлять государством».

Артюхина. А что т. Рязанов говорит?

Рязанов. А Рязанов говорит, что пока этого не случилось, но что кое-кто из наркомов управляет государством, как повар. (Смех.)»

Закончил он свое выступление констатацией того бесспорного факта, что «у нас хуже всего поставлено экономическое образование. Вместо того, чтобы иметь в своем распоряжении армию людей, которая умеет организовать социалистическое хозяйство, которая умеет управлять техникой и спеццами, мы имеем самый тончайший слой этих образованных экономистов. Ведь факт, что в нашей системе высшего образования мы изгнали слово «социально-экономический». У нас экономические науки укрываются в недрах каких-то этнологических факультетов»³².

Достоин упоминания и ставшее знаменитым замечание Рязанова, сделанное на этой конференции, что «в Политбюро марксисты не нужны»³³. В дальнейшем в западной и современной российской историографии либерального толка это замечание стало широко цитироваться как свидетельство того факта, что Сталин и его сторонники в своей политике полностью отошли от принципов марксизма и предали их забвению. Мол, Сталин и его соратники использовали ссылки на Маркса и Ленина лишь тогда и в том случае, если высказывания последних можно было приспособить к собственным политическим целям и оправдать проводившийся курс и все зигзаги, которые перманентно были присущи этому курсу.

Стоит, пожалуй, отметить и еще один чрезвычайно важный аспект пятилетнего плана. Речь идет о **оборонном компоненте** этого плана. По данному вопросу не раз высказывался и сам генсек, обосновывая насущную необходимость максимальных темпов индустриализации и коллективизации. На XVI конференции эту сторону проблемы специально затронул в своей речи И. Уншлихт — один из тогдашних ведущих военных руководителей Красной армии. Он, в частности, сказал: «Во-первых, пятилетка требует известного пересмотра, известных изменений с точки зрения вопросов обороны. Должны быть учтены целиком и полностью потребности нашей обороны, должен быть полностью увязан план строительства вооруженных сил с пятилетним планом развития народного хозяйства. Во-вторых, нужно максимально подтянуться всей нашей промышленности,

³² XVI конференция Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. — Л. 1929. С. 106.

³³ Там же. С. 209.

нужно добиться того, чтобы промышленность в отношении выполнения военных заказов работала бесперебойно, в первую очередь военная промышленность, которая должна служить примером того, как в установленные сроки, удовлетворяя всем техническим требованиям, выполнять заказы. Необходимо добиться перелома в этом отношении, широко привлекая к этому рабочих фабрик и заводов»³⁴.

И хотя о повышении военного потенциала говорили не часто и не столь откровенно, как о других проблемах, совершенно очевидно, что вопросы укрепления оборонной мощи страны находились фактически в эпицентре внимания. Ведь именно соображениями повышения степени военной готовности, способности дать должный отпор попыткам военного нападения на СССР в решающей степени мотивировались столь высокие темпы индустриализации страны. И надо сказать, что в этом вопросе первую скрипку играл Сталин. Именно он всегда последовательно выступал за то, чтобы вопросы ускоренного развития военной промышленности стояли на первом месте. Излишне говорить о том, что уровень развития военной промышленности зависел прежде всего от развития решающих отраслей промышленности. Здесь все проблемы оказывались завязанными в один узел. И разрубить этот своего рода гордиев узел можно было лишь одним способом — путем создания современных промышленных предприятий, оснащенных новейшей технологией. Без этого всерьез говорить об укреплении оборонной мощи государства — значило пускать слова на ветер.

На конференции Сталин не выступал (в отличие от предыдущих партийных конференций). Он как будто дал обет молчания. Трудно объяснить его полное молчание: он даже не подал ни одной реплики в ходе прений, что обычно делал на такого рода заседаниях. То ли полагал, что все необходимое он уже высказал на пленумах ЦК и в публичных выступлениях, то ли хотел своим демонстративным молчанием показать, что не хочет нарушать демократический дух обсуждения, высказывая свои соображения, которые уже воспринимались как истина в последней инстанции. Во всяком случае его молчание можно было истолковать как молчание победителя, как знак того, что все идет именно в русле, намеченном им ранее.

Скорее всего, генсек намеревался наиболее важные вопросы, связанные с индустриализацией, а затем и коллективизацией сельского хозяйства, детально рассмотреть в своем докладе на предстоявшем в будущем, 1930 году, XVI съезде партии. В настоящем разделе я не стану освещать работу этого съезда и новые инициативы, выдвинутые на нем Сталиным, поскольку в одной из последующих глав специальный раздел посвящен именно этому съезду. Здесь же я коснусь только тех сюжетов доклада на нем генсека, которые непосредственно связаны с осуществлением программы индустриализации страны.

На XVI съезде важнейшей особенностью внутреннего положения Советского Союза Сталин назвал то, что оно характеризуется **растущим подъёмом** народного хозяйства и **прогрессивным сокращением** безработицы. Он отмечал следующие позитивные моменты в положении страны. Выросла и ускорила темпы своего развития крупная промышленность. Окрепла тяжёлая промышленность. Социалистический сектор промышленности продвинулся далеко вперёд. Выросла новая сила в сельском хозяйстве —

³⁴ XVI конференция Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. - Л. 1929. С. 117.

совхозы и колхозы. Если года два назад наблюдался кризис зернового производства и страна опиралась в своей хлебоготовительной работе, главным образом, на индивидуальное хозяйство, то теперь центр тяжести переместился на колхозы и совхозы, а зерновой кризис можно считать в основном разрешенным. Основные массы крестьянства окончательно повернули в сторону колхозов. Соппротивление кулачества отбито. Генсек, приведя соответствующие цифровые показатели, сделал вывод: мы находимся накануне превращения из страны **аграрной** в страну **индустриальную**³⁵.

В целом подобная оценка согласовывалась с реальным развитием ситуации в экономике. Однако было сказано далеко не все. О многом генсек умалчивал. По поводу столь оптимистической оценки положения в сфере сельского хозяйства мы будем вести речь в следующей главе. Здесь же хочется сделать общее замечание: генсек рисует явно приукрашенную картину, оставляя за скобками исключительно сложные и серьезные проблемы, которые тогда обременяли всю советскую экономику и вообще всю жизнь страны.

Сталин в своем докладе, коснувшись вопросов индустриализации, сделал акцент не столько на чисто экономическом содержании ее, а на социально-классовом характере. Он заявил: «Развитие нашего народного хозяйства идёт под знаком индустриализации. Но нам нужна не всякая индустриализация. Нам нужна такая индустриализация, которая обеспечивает растущий перевес **социалистических форм промышленности** над формами **мелкотоварными** и тем более **капиталистическими**. Характерная черта нашей индустриализации состоит в том, что она есть индустриализация **социалистическая**, индустриализация, обеспечивающая победу обобщественного сектора промышленности над сектором **частнохозяйственным**, над сектором мелкотоварным и капиталистическим»³⁶.

Не обошел своим вниманием генсек и одну из самых актуальных в то время проблем — проблему досрочного выполнения и без того чрезвычайно напряженных планов пятилетки. Здесь он явно подгонял уже начавшего хромать коня советской экономики. Он ставил вопрос в такой плоскости: «...Что мы имеем на деле, если рассматривать пятилетку с точки зрения её осуществления за первые два года? О чём говорит нам проверка исполнения пятилетки в её оптимальном варианте? Она говорит не только о том, что мы можем выполнить пятилетку в четыре года. Она говорит еще о том, что мы можем её выполнить по целому ряду отраслей промышленности в три и даже в два с половиной года. Это может показаться скептикам из оппортунистического лагеря невероятным. Но это факт, оспаривать который было бы глупо и смешно»³⁷. Ссылки генсека для подкрепления возможности выполнения плана в ряде отраслей даже за два с половиной года на цифровые показатели по некоторым отраслям промышленности внешне звучали как будто убедительно. Но они игнорировали один факт первостепенной важности — органическую взаимосвязь и взаимообусловленность всех отраслей народного хозяйства в целом. А здесь как раз и наблюдались серьезнейшие неувязки и диспропорции.

Об этом за границей писал Троцкий, критикуя политику Сталина: «Производственные завоевания и технические достижения экономически пожираются диспропорциями и

³⁵ См. *И. В. Сталин*. Соч. Т. 12. 261–262.

³⁶ Там же. С. 267.

Там же. С. 270.

прорывами. В самых основных вопросах жизни народа: сколько потребить и сколько отложить на будущее — никто не спрашивает мнения рабочих и крестьян. Бюрократия действует на глаз, отвергая объективные критерии достижимого, не признавая других законов, кроме законов своей воли, заменяя план приказом и учет нажимом. Сложнейшая, никогда еще не только не разрешавшаяся, но и не ставившаяся задача: достигнуть, в порядке планового предвидения и регулирования, взаимного соответствия частей растущего хозяйства огромной страны; задача, которая по самому своему существу неразрешима без повседневного опыта миллионов, без их критической проверки собственного коллективного опыта, без их открыто выражаемых требований и претензий, — эта гигантская, всеобъемлющая, общенародная историческая задача разрешается в канцелярских тайниках, в Секретариате ЦК, по наитию или по подсказке того или другого спеца. Не чудовищно ли?»³⁸

О социальных проблемах, прежде всего уровне жизни основных масс населения страны, в докладе говорилось в довольно оптимистических тонах. Генсек ссылаясь на систематическое увеличение реальной заработной платы рабочих, рост бюджета социального страхования рабочих, усиление помощи бедняцким и середняцким хозяйствам крестьянства, увеличение ассигнований на рабочее жилищное строительство, на улучшение быта рабочих, на материнство и младенчество и в связи с этим поступательный рост народонаселения СССР при сокращении смертности, особенно смертности детей³⁹. Однако эти общие констатации находились в разительном противоречии с реальным положением дел и особенно с тенденциями к ухудшению общего жизненного уровня, которое ощущалось все тревожнее и тревожнее.

Об этом регулярно писал орган троцкистской оппозиции за рубежом, ссылаясь на письма, получаемые из России и свидетельства иностранцев, посещавших нашу страну. Так, например, на Путиловском заводе на вопрос рабочему, что вы сегодня получили к обеду, он ответил: «Суп да радио». Наблюдатели отмечали: если рабочие ругают советскую власть, то они все же пропитаны советскими настроениями и о реставрации знать ничего не хотят. Рабочий требует удовлетворения своих потребностей от советской власти; вопрос у него сводится к недостаткам, бюрократизму, безобразиям, а не к системе. Крестьяне же в своих разговорах выражают чисто антисоветские настроения⁴⁰.

Глухо, но тем не менее отчетливо прозвучала озабоченность тяжелым положением трудящихся масс и на самом съезде, что уже служило серьезным симптомом. Б. Ломинадзе — один из тех, кто вскоре был причислен к антипартийным элементам, а до этого пользовался благосклонностью со стороны самого Сталина, заявил в своей речи: «За последнее время мы имеем серьезные продовольственные затруднения в ряде промышленных центров. Затруднения такие, которые не всегда позволяют нам выполнять постановление ЦК о повышении реальной зарплаты. Несмотря на продовольственные затруднения, у нас все же достаточно материальных ресурсов, чтобы улучшить снабжение рабочего класса и тем самым обеспечить реальный уровень зарплаты, если бы мы сумели добиться решительного перелома в работе наших снабженческих учреждений и привести в порядок кооперативный аппарат. Преодоление этих трудностей лежит также по линии

³⁸ "Бюллетень оппозиции." 1933 г. № 33. (Электронная версия)

³⁹ См. И. В. Сталин. Соч. Т. 12. С. 296.

⁴⁰ "Бюллетень оппозиции." 1932 г. № 29–30. (Электронная версия)

усиления темпов развертывания легкой индустрии, о чем совершенно правильно говорил т. Сталин»⁴¹.

Между тем процесс реконструкции всего народного хозяйства набирал все более стремительные масштабы и темпы. С каждым годом, если не с каждым месяцем, ставился вопрос об ускорении достигнутых темпов индустриализации. Но все упиралось прежде всего в проблему ресурсов, проблему накоплений. Росла доля незавершенного строительства. Если в начале пятилетки она составляла 1,7 миллиарда рублей (или 31% годовых вложений), то в конце пятилетки — уже 13,7 миллиарда рублей (или 76% программы капитальных работ на 1933 г)⁴². Постоянным спутником стали прорывы в той или иной отрасли промышленности, отставание отдельных отраслей. В первую очередь черной металлургии, в связи с чем предпринимались экстренные пожарные меры на периодически созывавшихся пленумах ЦК. Если на первых порах все внимание уделялось количественным показателям, то на последующих этапах все больше на передний план стали выплывать проблемы качества выпускаемой продукции. Расширились источники финансирования, в частности за счет экспорта зерна, других сельскохозяйственных продуктов. Шли даже на продажу произведений искусства из государственных музеев и частных коллекций. После XVI съезда были осуществлены важные реформы в области организационных форм хозяйственного руководства. Был взят курс на разукрупнение и специализацию хозяйственных органов, на расширение отраслевого принципа в управлении.

Полагаю, что есть необходимость в том, чтобы подвести основные итоги первого пятилетнего плана как важнейшего этапа реконструкции всей страны на основе индустриализации и коллективизации сельского хозяйства. В советских источниках, базировавшихся на официальной статистике (например, в БСЭ) эти итоги выглядели в следующем виде.

Основными источниками капитальных вложений были прибыль и рентные доходы государственных и кооперативных предприятий. Важную роль играли средства трудящихся, получаемые государством посредством выпуска и размещения среди рабочих, колхозников и служащих облигаций государственных займов. Для выполнения строительных программ была повышена доля накопления в национальном доходе с 21,3% в 1928 до 26,9% в 1932 году. Широко развернулось социалистическое соревнование за досрочное выполнение пятилетки. В результате пятилетка была выполнена за 4 года и 3 месяца.

В итоге было введено в действие 1500 новых крупных государственных промышленных предприятий, заново создан ряд новых отраслей: тракторо-, автомобиле-, станко- и приборостроение, производство алюминия, авиационная и химическая промышленность. Что касается черной металлургии — важнейшей отрасли тяжелой промышленности, ставшей основой индустриализации страны, — то здесь созданы электрометаллургия, производство ферросплавов и сверхтвёрдых сплавов, качественных сталей. Коренным образом реконструированы нефтяная и другие отрасли тяжелой промышленности..

Вступили в строй Днепрогэс им. В. И. Ленина, Зуевская, Челябинская, Сталинградская и Белорусская районные тепловые электростанции. Создана 2-я угольно-металлургическая

XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. — Л. 1931. С. 197.

⁴² См. **История Коммунистической партии Советского Союза.** Т.4. Книга вторая. С. 106.

база на востоке СССР — Урало-Кузнецкий комбинат. Построены Кузнецкий и Магнитогорский металлургические комбинаты, крупные угольные шахты в Донбассе, Кузбассе и Караганде, Сталинградский и Харьковский тракторные заводы, Московский и Горьковский автомобильные заводы, Кондопожский и Вишерский целлюлозно-бумажные комбинаты, Березниковский азотнотуковый завод, Ивановский меланжевый комбинат, 1-й Государственный подшипниковый завод в Москве и многие другие предприятия.

Национальный доход СССР увеличился почти в 2 раза, промышленное производство — более чем в 2 раза, производительность труда в промышленности — на 41%. Произошли крупные структурные сдвиги в промышленности и во всей экономике страны. Удельный вес продукции группы «А» в валовой продукции всей промышленности повысился с 39,5% в 1928 г. до 53,4% в 1932 г. Доля промышленности в общем объёме валовой продукции промышленности и сельского хозяйства увеличилась с 51,5% до 70,2%. Продукция машиностроения и металлообработки выросла в 4 раза. В 1932 году почти 78% посевных площадей принадлежало колхозам, совхозам и другим государственным хозяйствам, которые давали 84% товарной зерновой продукции страны.

В годы пятилетки проведена основная работа по осуществлению плана ГОЭЛРО. Программа строительства электростанций, намеченная этим планом, была перевыполнена. Мощность электростанций СССР за эти годы возросла почти в 2,5 раза, выработка электроэнергии — в 2,7 раза.

Невиданная в истории индустриализация страны и беспрецедентная по своему характеру коллективизация сельского хозяйства (о ней пойдет речь в следующей главе) сопровождались значительным расширением культурной базы, ростом числа квалифицированных рабочих кадров и специалистов. Численность учащихся в высших учебных заведениях в 1932/33 учебном году увеличилась по сравнению с 1927/28 гг. в 3 раза, в техникумах — более чем в 3 раза, удвоилось число учащихся в начальных школах.

В итоге выполнения задач пятилетки построен фундамент социалистической экономики — мощная тяжёлая индустрия и механизированное коллективное сельское хозяйство, что означало утверждение социалистической собственности на средства производства. В стране была ликвидирована безработица и введён 7-часовой рабочий день.

Особенно значительный хозяйственный и культурный рост происходил в республиках и областях. При общем по Союзу увеличении производства в 2 раза, в национальных республиках и областях этот показатель возрос в 3,5 раза. Линия на ускоренную индустриализацию национальных республик и областей проводилась и в последующих пятилетках. Успехи первой пятилетки — как важнейшего этапа индустриализации — были неоспоримыми⁴⁵.

Итак, Сталин мог торжествовать победу своей линии. Победу, давшуюся чрезвычайно тяжелой ценой, но от этого еще более ценной и дорогой. И генсек не преминул воспользоваться этим, чтобы на весь мир провозгласить, что мрачные пессимистические прогнозы западных специалистов относительно перспектив выполнения пятилетки оказались развеянными в пух и прах. Сделал он это в своем докладе на пленуме ЦК в январе 1933 года. Вначале он процитировал ряд кассандровских предсказаний западной прессы. Газета «Файнэншл таймс» в ноябре 1932 года писала: «Сталин и его партия в результате своей политики оказываются перед лицом краха системы пятилетнего плана и провала

⁴⁵ См. БСЭ. Т. 21. М. 1975. С. 286.

всех задач, которые он должен был осуществить»⁴⁴. Американский журнал «Каррент Хистори» утверждал: «Обозрение нынешнего положения дел в России, таким образом, ведёт к заключению, что пятилетняя программа провалилась как в отношении объявленных целей, так и ещё более основательно в отношении её основных социальных принципов». И как это не покажется парадоксальным, но Сталин с явным злорадством привел оценку той же «Файнэншл таймс», но уже с прямо противоположным содержанием. Газета писала: «Успехи, достигнутые в машиностроительной промышленности, не подлежат никаким сомнениям. Восхваления этих успехов в печати и в речах отнюдь не являются необоснованными. Не надо забывать, что прежде Россия производила только самые простые машины и орудия. Правда, и теперь абсолютные цифры ввоза машин и инструментов увеличиваются; но пропорциональная доля импортированных машин по сравнению с теми, которые были произведены в самом СССР, непрерывно уменьшается. СССР в настоящее время производит всё оборудование, необходимое для своей металлургической и электрической промышленности. Он сумел создать свою собственную автомобильную промышленность. Он создал производство орудий и инструментов, которое охватывает всю гамму от самых маленьких инструментов большой точности и вплоть до наиболее тяжёлых прессов. Что же касается сельскохозяйственных машин, то СССР уже не зависит от ввоза из-за границы. Вместе с тем Советское правительство принимает меры к тому, чтобы запаздывание в продукции угля и железа не препятствовало осуществлению пятилетки в четыре года. Не подлежит сомнению, что построенные вновь огромные заводы гарантируют значительный рост продукции тяжёлой промышленности»⁴⁵.

Нет резона иронизировать по поводу разительно различающихся оценок одной и той же газетой одних и тех же явлений. Различия в мнениях и оценках британской, да и иной прессы (в отличие от советской), — явление отнюдь не экстраординарное, на основе которого можно было бы делать далеко идущие выводы и умозаключения.

И тем не менее Генеральный секретарь имел все основания с пафосом, иногда проскальзывавшим в его речах, произнести слова, ставшие сразу же рефреном всей советской пропаганды:

«У нас не было чёрной металлургии, основы индустриализации страны. У нас она есть теперь.

У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь.

« У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было станкостроения. У нас оно есть теперь.

У нас не было серьёзной и современной химической промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было действительной и серьёзной промышленности по производству современных сельскохозяйственных машин. У нас она есть теперь.

У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь.

В смысле производства электрической энергии мы стояли на самом последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест.

В смысле производства нефтяных продуктов и угля мы стояли на последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест.

⁴⁴ См. И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 164.

⁴⁵ И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 165.

У нас была лишь одна единственная угольно-металлургическая база — на Украине, с которой мы с трудом справлялись. Мы добились того, что не только подняли эту базу, но создали ещё новую угольно-металлургическую базу — на Востоке, составляющую гордость нашей страны.

Мы имели лишь одну единственную базу текстильной промышленности — на Севере нашей страны. Мы добились того, что будем иметь в ближайшее время две новые базы текстильной промышленности — в Средней Азии и Западной Сибири.

И мы не только создали эти новые громадные отрасли промышленности, но мы их создали в таком масштабе и в таких размерах, перед которыми бледнеют масштабы и размеры европейской индустрии»⁴⁶.

Сталин, конечно, без всяких оснований преувеличивал, утверждая, что перед нашими достижениями бледнеют масштабы и размеры европейской индустрии. Он, видимо, и сам понимал чрезмерность своего, попросту говоря, хвастовства. Оно, кстати, нередко проскальзывало в его выступлениях. Вряд ли он сам верил в свои собственные преувеличения. Они, скорее всего, были рассчитаны на советскую общественность. Более того, их скрытый смысл заключался и в том, чтобы любыми средствами не только оправдать, но и обосновать колоссальные жертвы, принесенные на алтарь индустриализации. О трудностях, переживавшихся страной, он не мог умолчать, ибо реальный уровень жизни трудящегося населения не только не вырос, но и снизился. В городах действовала с 1928 — 1929 годов карточная система, причем нормы выдачи продовольственных и потребительских товаров были более чем скромными. Если такую ситуацию нельзя с полным основанием назвать голодом, то полуголодом ее назвать можно с достаточными на то основаниями.

И Генеральный секретарь вынужден был давать этому объяснение. В той же речи на январском пленуме 1933 года он заявил: «Предметов широкого потребления действительно произведено меньше, чем нужно, и это создает известные затруднения. Но тогда надо знать и надо отдать себе отчет, к чему привела бы нас подобная политика отодвигания на задний план задач индустриализации. Конечно, мы могли бы из полутора миллиардов рублей валюты, истраченных за этот период на оборудование нашей тяжелой промышленности, отложить половину на импорт хлопка, кожи, шерсти, каучука и т. д. У нас было бы тогда больше ситца, обуви, одежды. Но у нас не было бы тогда ни тракторной, ни автомобильной промышленности, не было бы сколько-нибудь серьезной черной металлургии, не было бы металла для производства машин, — и мы были бы безоружны перед лицом вооруженного новой техникой капиталистического окружения»⁴⁷.

С точки зрения широких исторических перспектив такая постановка вопроса выглядела правомерной. Но надо признать, что подобная логика едва ли могла бы показаться убедительной для тех, кто влачил полуголодное существование. Впрочем, вся советская пропаганда направляла все свои усилия на оправдание жертв и лишений во имя будущего. И, конечно, подавляющая часть населения с пониманием относилась к таким доводам, ибо они не были лишены логики и здравого смысла.

Другим, не менее распространенным аргументом в пользу оправдания лишений, служил тезис о военной угрозе, нависшей над страной. И если этот тезис в своем

* И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 178—179.

И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 182.

непосредственном приложении к реальной международной обстановке того времени, едва ли выдерживает серьезную проверку, то в широкой исторической перспективе он был вполне оправдан и обоснован. Сталин смотрел вперед и не мог не считаться с наиболее вероятным развитием тенденций к увеличению военной опасности в мире вообще и в отношении перспективной угрозы применительно к Советской России.

Приведу его аргументацию на этот счет: «Мы не имели бы тогда всех тех современных средств обороны, без которых невозможна государственная независимость страны, без которых страна превращается в объект военных операций внешних врагов... Одним словом, мы имели бы в таком случае военную интервенцию, не пакты о ненападении, а войну, войну опасную и смертельную, войну кровавую и неравную, ибо в этой войне мы были бы почти что безоружны перед врагами, имеющими в своём распоряжении все современные средства нападения». И далее: «мы не могли знать, в какой день нападут на СССР империалисты и прервут наше строительство, а что они могли напасть в любой момент, пользуясь технико-экономической слабостью нашей страны, — в этом не могло быть сомнения. Поэтому партия была вынуждена подхлестывать страну, чтобы не упустить времени, использовать до дна передышку и успеть создать в СССР основы индустриализации, представляющие базу его могущества. Партия не имела возможности ждать и маневрировать, и она должна была проводить политику наиболее ускоренных темпов»⁴⁸.

Суровые обличения, которым подвергалась и поныне подвергается сталинская политика ускоренной индустриализации, в особенности ее жесткие методы, во многом можно признать обоснованными. Поскольку трудно найти аргументы, опровергающие такие утверждения. Это надо признать и с этим трудно спорить. Однако общая оценка и общий подход к проблеме индустриализации не должен базироваться лишь на морально-этических принципах, обуславливаться только негативными моментами, сопряженными с проведением реконструкции страны. На мой взгляд, надо подходить к этой проблеме с исторической точки зрения, с учетом реальных последствий, которые бы неминуемо ожидали Россию в случае, если бы она не осуществила индустриализацию. Об этом я уже вскользь говорил, делая акцент на следующем фундаментальном положении: без перевода Советского Союза на индустриальные рельсы наша страна оказалась бы бессильной перед лицом предстоявшей мировой войны. Это — и даже только это одно — дает основание говорить об индустриализации как великом вкладе Сталина в дело будущего превращения нашего государства в одну из ведущих держав мира. В противном случае история повернулась бы к нам спиной и нас ожидала участь отвергнутых судьбой.

Совсем не случайно уже после победоносного окончания войны, в 1946 году, Сталин, престиж которого был тогда незыблем, счел необходимым вновь возвратиться к проблеме индустриализации и вообще реконструкции страны. Тогда он особо выделил историческую значимость проделанного ранее. Он сказал: «Такой небывалый рост производства нельзя считать простым и обычным развитием страны от отсталости к прогрессу. Это был скачок, при помощи которого наша Родина превратилась из отсталой страны в передовую, из аграрной — в индустриальную.

Это историческое превращение было проделано в течение трех пятилеток, начиная с 1928 года — с первого года первой пятилетки. До этого времени нам пришлось заниматься

⁴⁸ И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 182–183.

восстановлением разрушенной промышленности и залечиванием ран, полученных в результате первой мировой войны и гражданской войны. Если при этом принять во внимание то обстоятельство, что первая пятилетка была выполнена в течение 4 лет, а осуществление третьей пятилетки было прервано войной на четвертом году ее исполнения, то выходит, что на превращение нашей страны из аграрной в индустриальную понадобилось всего около 13 лет.

Нельзя не признать, что тринадцатилетний срок является невероятно коротким сроком для осуществления такого грандиозного дела»⁴⁹.

Слова Сталина звучали убедительно. Их убедительность усиливалась тем, что все это говорил Сталин. И как справедливо подметил еще древнегреческий поэт Менандр, «власть придает словам отпечаток правды»⁵⁰. Истина требует добавить, что во времена правления Сталина все его слова выдавались за правду, ибо его необъятная власть сама служила залогом того, что он способен говорить только правду, какой бы горькой она ни была.

Подытоживая, можно сказать, что история такого еще не знала. И это не будет преувеличением: она не знала такого не только с точки зрения величественности достижений, но и с точки зрения той цены, которая была заплачена за них. Всякий прогресс имеет свою шкалу ценностей и цену, заплаченную за него. И все составляющие исторического прогресса существуют не сами по себе, не в абстракции, не в отрыве друг от друга. Они органически связаны и неотрывны друг от друга. Поэтому объективная историческая оценка должна исходить из этой органической взаимосвязи всех составляющих прогресс факторов — как позитивных, так и негативных.

4. 50-летний юбилей Сталина: личный триумф и политический рубеж.

Озаглавив так этот раздел, я сознаю, что нарушил определенную хронологию событий и несколько опередил реальный ход времен. Но сделать это меня побудили более глубокие соображения, нежели чисто формальные моменты. Суть в том, что в данном разделе я попытался соединить в одном два, на первый взгляд, не связанные друг с другом факта — 50-летний юбилей Сталина и начавшиеся незадолго до этого первые публичные процессы против так называемых врагов социалистического строительства и вредителей. Между этими двумя фактами прослеживается некая внутренняя линия связи, но она как бы скрывается и маскируется налетом многочисленных явлений, мешающих разглядеть эту внутреннюю взаимосвязь.

Если выражать свою мысль предельно упрощенно, то можно сказать, что к своему 50-летию юбилею Сталин стал качественно иной фигурой в стране, чем был прежде. Из просто (нечего сказать — просто!) Генерального секретаря он превратился в единственного вождя со всеми вытекающими из этого последствиями. На этом новом качестве Сталина я остановлюсь чуть ниже. Сейчас же мне кажется уместным хотя бы в самых общих чертах описать первые публичные политические процессы. Сама

⁴⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 16. С. 11–12.

⁵⁰ Великие мысли великих людей. Т. I. С. 199.

возможность проведения которых едва ли выглядела возможной без политической метаморфозы, превратившей генсека в единственного и неоспоримого вождя. Здесь несколько нарушаются каноны развития политической драмы, требующей, как и в классической драме, соблюдения единства времени и места действия. Но в данном случае эти нарушения не играют существенной роли. По крайней мере, они не извращают общую историческую картину происходивших событий.

Главная моя посылка может быть сформулирована следующим образом: по мере укрепления своей власти, по мере того, как она все в большей степени становилась формой единовластия, Сталин все больше склонялся к действиям, в которых заметно превалировали элементы принуждения, насилия, а затем и открытых репрессий. В такой трансформации, в сущности, нет ничего необычного, а тем более экстраординарного. Природа самой власти такова, что чем более сильной и безраздельной становится она, тем в большей степени в ней проявляются тенденции к использованию силы как таковой для осуществления тех или иных целей. История политической жизни Сталина не является здесь исключением.

После этих несколько сумбурных, но все же необходимых замечаний я перейду к первым наиболее значительным политическим процессам конца 20-х — начала 30-х годов.

С самого начала хочу ясно и четко обозначить свою позицию. Многие (особенно либерально-демократического толка) исследователи политической биографии Сталина решительно и категорически утверждают, что реальная политическая ситуация в стране в тот период не давала никаких оснований для утверждений о всплесках антисоветских выступлений и антисоветской деятельности. Что все эти разговоры об активизации антисоветской деятельности различного характера от начала до конца являются провокационными действиями, инспирированными лично Сталиным или по его указке органами безопасности. Такие утверждения получили, так сказать, права гражданства в историографии о Сталине.

Полагаю, что такие утверждения носят односторонний и зачастую явно тенденциозный характер. Они оставляют вне поля зрения реальные факты действительности того времени. В огромной стране, еще недавно разделенной на два непримиримо враждебных лагеря, за относительно короткий исторический срок не могла быть создана обстановка общественного согласия, а тем более некоего подобия гармонии интересов реально противоположных классовых сил и прослоек. За рубежом находилось несколько миллионов эмигрантов, покинувших Россию из-за неприятия Советской власти. Они не смирились со своим поражением и не являли собой образец посторонних наблюдателей за событиями, происходившими в стране. В самой Советской России было отнюдь не малое число тех, кто лишился своей собственности и, по большей части, и гражданских прав. В душе они ненавидели новую власть и ждали лишь удобного случая, чтобы навредить ей. Как неопровержимо свидетельствует многовековой опыт истории, утраченная собственность — самый мощный источник социального реванша. И Россия того периода, о котором идет речь, не только не исключение, а наглядный пример универсального характера этой особенности исторического развития.

Так что объективная база для активизации антисоветской деятельности была, и от этого факта никуда не уйти. Но это — одна сторона проблемы. Другая заключается в том, что сталинский режим искусственно раздувал масштабы и характер этой деятельности,

руководствуясь теорией обострения классовой борьбы по мере упрочения социализма. Так что здесь как бы сливались в один поток две тенденции, накладывая свою зловещую печать на ход событий.

Вкратце остановлюсь на нескольких громких делах той эпохи. Эти дела, конечно, ни по своему размаху, ни по своему характеру не могут быть сопоставлены с процессами более позднего периода. Но это были первые ласточки, так сказать, предвестники суровой поры массовых репрессий.

Шахтинское дело. Большая советская энциклопедия следующим образом представляет читателям суть этого шумевшего процесса. Дело раскрыто органами ОГПУ в начале 1928 года и слушалось в Москве с 18 мая по 6 июля. Перед Специальным присутствием Верховного суда СССР предстали 53 подсудимых, преимущественно инженеры и техники. Шахтинский процесс показал, что среди старых специалистов угольной промышленности были лица, связанные с бывшими собственниками шахт, перешедших в руки Советского государства. «Шахтинцы» вели подрывную работу и за это получали от своих прежних хозяев, бежавших за границу, денежное вознаграждение. С введением НЭПа бывшие шахтовладельцы поставили перед агентами задачу — помочь им получить «свои» предприятия в порядке денационализации или концессий. Но по мере укрепления социалистического уклада в экономике страны надежды бывших собственников шахт на возвращение им предприятий рушились, и тогда они стали вдохновителями активного и организованного вредительства. Направляли работу «шахтинцев» «Объединение бывших горнопромышленников Юга России» во главе с Б. Н. Соколовым (Париж), а также «Польское объединение бывших директоров и владельцев горно-промышленных предприятий в Донбассе» во главе с Дворжанчиком. Эти объединения были связаны с правительствами и разведками капиталистических стран. Вредительские группы были созданы в Донбассе, Харькове (1923 — 24 гг.), в Москве (1926 г.). «Шахтинцы» стремились ослабить оборонную и экономическую мощь СССР и создать благоприятные условия для интервенции империалистических государств (взрывали и затопляли шахты, поджигали электростанции и т. д.). 6 июля 1928 Верховный суд СССР вынес приговор, по которому 5 человек (Н. Н. Горлецкий, Н. К. Кржижановский, В. Я. Юсевич, С. З. Будный и Н. А. Бояринов) были приговорены к расстрелу, 40 — к заключению на срок от 1 года до 10 лет, 4 подсудимых были приговорены к условному наказанию и 4 — оправданы⁵¹.

Как говорится, изложено коротко и предельно ясно. В действительности же все обстояло гораздо сложнее и имело свои глубокие политические цели. Сталин лично самым внимательным образом наблюдал за всеми перипетиями шахтинского дела. Более того, некоторые авторы предполагают, что именно он выступал в качестве «заказчика» всего этого дела. Такая версия мне представляется маловероятной. Скорее всего, по получении через каналы ОГПУ соответствующих донесений об имевших место диверсиях (или просто авариях) Сталин решил предать этому делу сугубо политический смысл. Цель состояла в том, чтобы, с одной стороны, «приструнить» так называемых «спецов», чтобы они надежнее служили новому режиму. С другой стороны, воспользоваться этим для выдвижения широкой и крайне необходимой программы подготовки собственных кадров специалистов, в которых ощущалась колоссальная потребность. Иными словами, в этом

⁵¹ См. БСЭ. Т. 29. М. 1978. С. 307.

деле просматриваются как реальные, лежащие на поверхности мотивы, так и другие, более фундаментальные причины.

Прежде всего генсек сделал акцент на том, что соответствующие органы власти и партийные органы, так сказать, «прошляпили» вредительскую деятельность в сфере угольной промышленности. На апрельском пленуме ЦК (1928 г.), где обсуждался этот вопрос, Сталин поставил его в такой плоскости: «Обратили ли вы внимание на то, что не только шахтинское дело, но и заготовительный кризис к январю 1928 года явились для многих из нас «неожиданностью»? Особенно характерно в этом отношении шахтинское дело. Пять лет работала контрреволюционная группа буржуазных спецов, получая директивы от антисоветских организаций международного капитала. Пять лет писались и рассылались нашими организациями всякого рода резолюции и постановления. Дело угольной промышленности у нас, конечно, шло все-таки вверх, так как советская система хозяйства до того жизненна и могуча, что она все же брала верх, несмотря на наше головотяпство и на наши ошибки. Пять лет эта контрреволюционная группа совершала вредительство в нашей промышленности, взрывая котлы, разрушая турбины и т. д. А мы сидели как ни в чем не бывало. И «вдруг» как снег на голову — шахтинское дело.

Нормально ли это, товарищи? Я думаю, что более чем ненормально. Сидеть у руля и глядеть, чтобы ничего не видеть, пока обстоятельства не уткнут нас носом в какое-либо бедствие, — это еще не значит руководить. Большевизм не так понимает руководство. Чтобы руководить, надо предвидеть. А предвидеть, товарищи, не всегда легко»⁵².

Сталин безоговорочно определил шахтинское дело как экономическую интервенцию западноевропейских антисоветских капиталистических организаций в дела советской промышленности, для ликвидации которой нам не потребуются гражданской войны, но которую мы должны все-таки ликвидировать и которую мы ликвидируем всеми доступными нам средствами. Далее Сталин остановился на выводах и уроках шахтинского дела. Вкратце они сводились к следующему. Во-первых, улучшить подбор и воспитание кадров: не плестись в хвосте у буржуазных спецов, а готовить свои собственные советские высококвалифицированные кадры профессионалов во всех областях. На этом же пленуме он выдвинул свою знаменитую формулу: «Нет в мире таких крепостей, которых не могли бы взять большевики-рабочие»⁵³. Во-вторых, по-настоящему поставить дело обучения в высших технических учебных заведениях. Причем Сталин подчеркнул, что «нам нужны такие специалисты, все равно, являются ли они коммунистами или некоммунистами, которые были бы сильны не только теоретически, но и по своему практическому опыту, по своим связям с производством»⁵⁴.

Третий вывод касается вопроса о втягивании широких рабочих масс в дело управления промышленностью. «Как обстоит дело в этом отношении по данным шахтинских материалов? Очень плохо. До безобразия плохо, товарищи, — констатировал генсек. ? Доказано, что Кодекс законов о труде нарушается, 6-часовой рабочий день под землей не всегда соблюдается, условия охраны труда попираются. А рабочие терпят. А профсоюзы молчат. А парторганизации не принимают мер к ликвидации этого безобразия...

Наконец, четвертый вывод, касающийся вопроса о проверке исполнения. Шахтинское дело показало, что дело с проверкой исполнения обстоит у нас из рук вон плохо во всех

⁵² Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928 – 1929 гг. Т. 1. С. 404.

⁵³ Там же. С. 236.

⁵⁴ Там же. С. 414–415.

областях управления, и в области партийной, и в области промышленной, и профсоюзной. Пишутся резолюции, рассылаются директивы, но никто не хочет позаботиться о том, чтобы спросить себя: а как обстоит дело с исполнением этих резолюций и директив, исполняются они на деле или кладутся под сукно?»⁵⁵

Беспристрастный анализ выступления Сталина показывает, что в центр внимания он поставил прежде всего вопросы реального улучшения положения в отрасли, а не меры чисто репрессивного плана. В то время особенно популярными были всякого рода перегибы, когда ретивые исполнители директив в своем рвении нередко доводили правильное дело до абсурда. Постепенно перегибы стали едва ли не самой характерной чертой советской реальности той поры. Но что особенно усугубляло проблему, ссылками на перегибы фактически оправдывались любые, даже самые грубейшие, нарушения законов и не так уж обширных прав населения. Примечательно, что Рыков, который на пленуме выступал с докладом о шахтинском деле, считал необходимым призвать к определенной мере взвешенности и осторожности. В частности, он сказал: «Конечно, для того, чтобы добиться положительных результатов, нельзя ограничиться одним установлением тех или иных общих недостатков, придется кое-какие «пни выкорчевывать». Но тов. Сталин был совершенно прав, когда говорил о том, что привычно называть «оргвыводами», ибо нельзя коренные вопросы нашего строительства заменить вопросами тех или других, даже кардинальных персональных перестановок. И в «выкорчевывании пней» все-таки нужно соблюдать такую меру, чтобы совершенно здоровые «пни» не залетали на нашу почву с украинской почвы, на которой они великолепно растут и становятся очень здоровыми деревьями. Если самая «выкорчевка пней» теперь неизбежна, то все же необходимо исходить из того, что она вовсе не самый желательный метод в разрешении больных вопросов. Необходимо поставить все наши кадры в такие условия работы, чтобы вовремя кого нужно поправить и научить»⁵⁶.

Пленум принял постановление по шахтинскому делу, в котором, помимо всего прочего, содержался один весьма важный пункт, призванный как-то ограничить и взять под контроль развернувшуюся кампанию по шельмованию «спецов» как патентованных противников Советской власти. О масштабах пагубных последствий такой кампании говорить не приходится. Если учесть, что страна только что приступила к реализации планов коренной реконструкции всей экономики. В резолюции подчеркивалось, что обнаружение контрреволюционного заговора в Донбассе, как и ряд других фактов экономического вредительства, саботажа и проч., свидетельствует о том, какие исключительные трудности приходится преодолевать пролетариату в деле строительства социализма. Если, несмотря на это, советское государство быстро шло по пути хозяйственного восстановления и роста, то это является новым доказательством исключительных преимуществ и огромных внутренних сил советской системы, в частности советской промышленности, и ярко подчеркивает широчайшие возможности дальнейшего хозяйственного и культурного подъема СССР под руководством рабочего класса.

Известную роль в деле преодоления этих трудностей сыграло и то обстоятельство, что на протяжении 10 лет после Октябрьской революции большая часть технической

⁵⁵ Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. Т. 1. С. 415.

⁵⁶ Там же. С. 297–298.

интеллигенции перешла к искреннему сотрудничеству с советской властью, поддерживая на деле индустриализацию страны³⁷.

Подводя краткий итог т. н. шахтинскому делу и его месту в развитии в дальнейшем сталинской системы периодических чисток и репрессий, можно сказать, что оно было отнюдь не однозначным, как пытаются представить его некоторые исследователи. Были в нем и реальные проблемы, были и искусственно сфабрикованные, поэтому выводы должны делаться сбалансированно, а не однолинейно. На мой взгляд, некоторую тенденциозность проявляет автор в целом хорошо документированной книги о деятельности Политбюро в 30-е годы О. В. Хлевнюк, когда он делает такой обобщающий вывод: «Когда сталинская группировка начала борьбу с «правыми», одной из первых ее жертв стали старые специалисты. Начиная со знаменитого шахтинского процесса 1928 г., значительная часть специалистов была обвинена во «вредительстве» и осуждена. Причем, расправляясь с «буржуазными специалистами», сталинское руководство не только перекладывало на них вину за многочисленные провалы в экономике и резкое снижение уровня жизни народа, вызванные политикой «великого перелома», но и уничтожало интеллектуальных союзников «правых коммунистов», компрометировало самих «правых» на связях и покровительстве «вредителям»³⁸.

Оценка отражает действительные факты, имевшие место. Но она их обобщает до уровня всеобщего явления, в результате чего складывается картина довольно однобокая. Ведь общеизвестным фактом является то, что большинство старых специалистов, оставшихся в России, успешно трудились на ее благо и внесли неоценимый вклад в ее научно-техническое и культурное развитие. Если же ориентироваться на оценку, приведенную выше, то может сложиться довольно превратное представление об отношении советской власти к старым специалистам. Неправомерно отдельные (хотя и чрезвычайно жесткие и неоправданные меры против них) распространять на всю политику Сталина в целом в данном вопросе. В результате истина не выявляется, а искажается.

Другим, можно сказать, сопоставимым по значению с шахтинским процессом, являлось **дело о промпартии**. При рассмотрении этого вопроса я снова сначала изложу суть этого дела в том виде, как оно преподносилось советской историографией. Большая Советская Энциклопедия сообщает о нем лапидарно.

Промпартия, Промышленная партия (Союз инженерных организаций), контрреволюционная вредительская организация верхушки буржуазной инженерно-технической интеллигенции и капиталистов, действовавшая в СССР в 1925 — 30 гг. (до 1928 г. — под названием «Инженерный центр»). Во главе организации находились инженеры П. И. Пальчинский (бывший товарищ (заместитель — Н. К.) министра торговли и промышленности Временного правительства), а также Л. Г. Рабинович, Н. К. фон Мекк и др. После их ареста (1928 г.) руководство перешло к Л. К. Рамзину, В. А. Ларичеву и др. Занимая ряд ответственных постов в ВСНХ и Госплане, члены организации осуществляли вредительство в промышленности и на транспорте, создавали диспропорции между отдельными отраслями народного хозяйства, «омертвляли» капиталы, срывали снабжение и т. д., стремясь снизить темпы социалистического строительства и вызвать недовольство

Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928 — 1929 гг. Т. I. С. 325.

³⁸ О. В. Хлевнюк. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М. 1996. С. 34.

трудящихся. Конечной целью антисоветского подполья было свержение диктатуры пролетариата в СССР и реставрация капитализма. Руководство промпартии, насчитывавшей всего около 2 — 3 тыс. членов и не имевшей опоры в широких кругах интеллигенции, рассчитывало в основном на помощь из-за границы и поддержку др. подпольных контрреволюционных организаций (т. н. «Трудовой крестьянской партии», возглавляемой А. В. Чаяновым и Н. Д. Кондратьевым, меньшевистского «Союзного бюро»). Руководители промпартии были связаны с белогвардейской эмиграцией, в частности с «Торгпромом» («Торгово-промышленным комитетом»), объединением бывших русских промышленников в Париже. Вслед за шахтинским процессом 1928 года на протяжении 1928 — 30 гг. были раскрыты вредительские организации промпартии в ряде отраслей промышленности и на транспорте. Весной 1930 года руководство промпартии было арестовано. На открытом процессе в ноябре — декабре 1930 года все 8 обвиняемых признали свою вину; пятеро из них (Рамзин, Ларичев, Чарновский, Калинин и Федотов) были приговорены Верховным судом СССР к расстрелу, а трое — к 10 годам лишения свободы. Президиум ЦИК СССР по ходатайству осужденных заменил расстрел 10-летним тюремным заключением и снизил срок наказания другим осужденным. Впоследствии проф. Рамзин выполнил ряд ценных технических работ. Судебный процесс промпартии способствовал изоляции контрреволюционных элементов интеллигенции, сыграл значительную роль в переходе старой технической интеллигенции на позиции социализма⁹⁹.

Как говорится, коротко и неясно. В действительности за всем этим делом скрывались не только и даже не столько подрывные антисоветские действия, сколько комбинация, с одной стороны, провокационных фальсификаций со стороны ОГПУ, с другой — определенные политические цели, которые преследовались проведением данного процесса.

Для фабрикации дела о разветвленной сети контрреволюционных вредительских организаций ОГПУ с лета 1930 г. начало аресты крупных специалистов из центральных хозяйственных ведомств. В основном это были широко известные ученые и эксперты, игравшие заметную роль в годы НЭПа. Так, профессор Н. Д. Кондратьев работал в советских сельскохозяйственных органах, возглавлял Конъюнктурный институт Наркомата финансов, профессора Н. П. Макаров и А. В. Чаянов занимали должности в Наркомате земледелия РСФСР, профессор Л. Н. Юровский был членом коллегии Наркомата финансов, профессор П. А. Садырин, бывший член ЦК партии народной свободы, входил в правление Юсбанка СССР. Опытный статистик-экономист В. Г. Громан, до 1921 г. меньшевик, работал в Юсплане и ЦСУ СССР. Н. Н. Суханов, литератор, автор «Записок революции», работал в хозяйственных структурах.

Органами ОГПУ были подготовлены материалы о существовании мощной сети связанных между собой антисоветских организаций во многих государственных учреждениях. По распоряжению Сталина показания были собраны и изданы в виде брошюры. В ней содержались протоколы допросов Кондратьева, Юровского, Чаянова, Громана и других арестованных. «Показания» «вредителей», как следует из «Материалов», говорили о том, что ОГПУ якобы раскрыло контрреволюционную «Трудовую крестьянскую партию» (председатель ЦК ТКП Кондратьев), которая имела организацию в Москве. ЦК

⁹⁹ БСЭ. Т. 21. М. 1975. С. 77.

этой партии якобы регулярно заседал и наметил даже состав будущего правительства во главе с Кондратьевым. Оно должно было прийти к власти в результате вооруженного восстания. Фабрика дело, ОГПУ утверждало также, что ЦК ТКП состоял в «информационно-контактной связи» с неким инженерно-промышленным центром, куда входили директор Теплотехнического института Л. К. Рамзин и другие. Представителем ЦК ТКП в инженерно-промышленном центре «выпало» быть Чаянову. Он якобы регулярно информировал ЦК ТКП о разработке мер, направленных на приостановку всей хозяйственной жизни страны в момент интервенции.

В это же время в ОГПУ готовили дело о контрреволюционной организации «вредителей рабочего снабжения». Аресты были произведены в основных ведомствах, занятых снабжением населения продуктами питания. Вокруг всего этого комбинированного дела была организована шумная пропагандистская кампания, имевшая целью внушить населению, что продовольственные трудности вызваны прежде всего деятельностью вредительских элементов. Такая же кампания была устроена в декабре 1930 г. во время процесса по делу промпартии — суда над арестованными инженерами Рамзиным, Ларичевым, Федотовым, Куприяновым и другими.

Как разъяснялось в приговоре по делу «Промпартии», эта организация была связана с так называемым «Торгпромом» — зарубежной контрреволюционной группой, в которую входили бывшие российские капиталисты во главе с Денисовым, Нобелем, Монташевым. «Промпартия, — говорилось в приговоре, — делает основной упор на военную интервенцию против СССР, для подготовки которой ...вступает в организационную связь с интервенционистскими организациями как внутри СССР (эсеров-кадетской и кулацкой группой Кондратьева — Чаянова, меньшевистской группой Суханова — Громана), так и за границей (Торгпром, группа Милюкова, интервенционистские круги Парижа)»⁶⁰

Сталин не просто внимательно следил за ходом следствия, но по существу предопределял его направление и характер. Он играл роль закулисного дирижера, причем эту свою роль он исполнял, насколько можно судить по материалам его биографии, впервые. В дальнейшем это станет для него будничным занятием. О его внимании к делу и о том, в какое русло он намеривался его направить, свидетельствует его письмо тогдашнему руководителю ОГПУ В. Менжинскому:

«...Мои предложения:

а) Сделать одним из самых важных узловых пунктов новых (будущих) показаний верхушки ТКП, «Промпартии», и, особенно, Рамзина вопрос об интервенции и сроке интервенции: 1) почему отложили интервенцию в 1930 г.; 2) не потому ли, что Польша еще не готова? 3) может быть потому, что Румыния не готова? 4) может быть потому, что лимитрофы еще не сомкнулись с Польшей? 5) почему отложили интервенцию на 1931 г.? 6) почему «могут» отложить на 1932 г.? 7) и т. д. и т. п.);

б) Привлечь к делу Ларичева и других членов «ЦК промпартии» и допросить их строжайше о том же, дав им прочесть показания Рамзина;

в) Строжайше допросить Громана, который по показанию Рамзина заявил как-то в «Объединенном центре», что «интервенция отложена на 1932 г.»;

г) Провести сквозь строй г.г. Кондратьева, Юровского, Чаянова и т. д., хитро увиливающих от «тенденции к интервенции», но являющихся (бесспорно!)

⁶⁰ См. Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925 – 1936 гг. С. 182–186.

интервенционистами, и строжайше допросить их о сроках (Кондратьев, Юровский и Чаянов должны знать об этом так же, как знает об этом Милуков, к которому они ездили на «беседу»)⁶¹.

Одна из важнейших целей Сталина в связи с рассматриваемым делом состояла в том, чтобы связать его с лидерами правых. Он стремился нанести по ним уже не просто очередной политический удар. Замысел был более масштабным — представить лидеров правых в роли активных пособников врагов советской власти, те обвинить их в преступлении государственного характера. Более того, в числе обвинений, предъявленных участникам процесса промпартии, было и обвинение в намерении совершать террористические акты в отношении руководителей партии и правительства. Иными словами, против Сталина лично. Таким образом, увязка дела промпартии с правыми могла привести к далеко идущим последствиям для лидеров уже фактически разгромленного правого блока. Более того, в материалах, представленных ОГПУ Сталину, фигурировал и Тухачевский как вероятный союзник заговорщиков.

Как видим, панорама разворачивалась грандиозная. Уже тогда была предпринята попытка сфабриковать дело о мнимом заговоре военных. Но обстановка в тот период была совершенно иная, чем та, которая сложилась в середине 30-х годов. Вернувшись из отпуска, Сталин вместе с некоторыми членами ПБ провел очную ставку Тухачевского с теми, кто давал на него показания. Итог был однозначным — Тухачевский здесь не причем, его просто оговорили.

Если в отношении Тухачевского вопрос тогда был закрыт, то не так обстояло дело в отношении лидеров правых — прежде всего Бухарина. Сталин по возвращении из отпуска в Москву позвонил по телефону Бухарину и, видимо, высказал свои обвинения, акцентировав внимание на намерениях осуществить террористический акт против него. Это походило уже не на шантаж, а на прямую угрозу. Реакция Бухарина не заставила себя ждать. Он ответил письмом, полным негодования и отчаяния. Вот главные пассажи этого письма:

«Коба. Я после разговора по телефону ушел тотчас же со службы в состоянии отчаяния. Не потому, что ты меня «напугал» — ты меня не напугаешь и не запугаешь. А потому, что те чудовищные обвинения, которые ты мне бросил, ясно указывают на существование какой-то дьявольской, гнусной и низкой **провокации**, которой ты веришь, на которой строишь свою политику и **которая до добра не доведет**, хотя бы ты и уничтожил меня физически так же успешно, как ты уничтожаешь меня политически...

Я считаю твои обвинения **чудовищной**, безумной клеветой, дикой и, в конечном счете, неумной... Правда то, что, несмотря на все наветы на меня, я стою плечо к плечу со всеми, хотя каждый божий день меня выталкивают... **Правда то**, что я не отвечаю и креплюсь, когда клеветают на меня... Или то, что я не лизу тебе зада и не пишу тебе статей а la Пятаков — или это делает меня «проповедником террора»? Тогда так и говорите! Боже, что за адово сумасшествие происходит сейчас! И ты, вместо объяснения, истекаешь злобой против человека, который исполнен **одной мыслью**: чем-нибудь помогать, тащить со всеми телегу, но не превращаться в подхалима, которых много и которые нас **губят**»⁶².

Бухарин категорически протестовал против того, что на него пытались возложить «моральную ответственность» за попытку осуществить террористический акт против

Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 188.

⁶² Реабилитация. Политические процессы 30 – 50-х годов. М. 1991. С. 242–244.

передвижения руководящих лиц большевиков всегда вызывало у нас наибольшие затруднения при постановке вопроса о террористическом акте. Мне было обидно, что я упустил такую возможность, и сказал Доброву: «Как странно! Когда встречаешь, ничего не предпринимаешь, а когда захотелось встретить, но не встретишь». «За границей мне никто не поверит»⁶⁴.

Приведенный документ нельзя считать абсолютно достоверным, равно как нет оснований и ставить его под сомнение. Не исключено, что ОГПУ, чтобы возвысить себя в глазах Сталина, специально сфабриковало данный эпизод. Тем более, что в недрах этого ведомства, несомненно, всегда проявляли острый политический нюх и старались угодить начальству. А в тот период в высших кругах партийной и советской бюрократии слухи о якобы готовившихся покушениях на Сталина усиленно муссировались.

В рассмотренных выше сюжетах я не стал вдаваться в подробности по поводу того, как Сталин использовал материалы органов ОГПУ против своих реальных и потенциальных противников. В будущих главах такая возможность представится, тем более, что сами материалы будут иметь значительно больший интерес.

На этом я хотел бы пока поставить точку в освещении первых процессов начинавшейся сталинской эпохи. Хотя их число не ограничивается теми, на которых я вкратце остановился. Были и другие процессы. В частности, октябре 1929 года начались аресты по так называемому «Академическому делу». Фигурантами политического процесса стала большая группа известных ученых-историков, в том числе 4 академика (С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле, Н. П. Лихачев, М. К. Любавский) и 5 членов-корреспондентов АН СССР. Им было предъявлено обвинение в создании контрреволюционной организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России» с целью свержения Советской власти и восстановления монархии. Как было документально установлено уже после начала процесса так называемой десталинизации, все обвинительные материалы были явной фальсификацией ОГПУ. Перечень процессов против реальных или вымышленных врагов советской власти в начале 30-годов довольно обширен. Но нельзя объять необъятное. Я сконцентрировал внимание лишь на двух из них. Поскольку эти сюжеты важны не столько сами по себе, сколько по причине того, что они дают общий абрис методов, использовавшихся Сталиным в борьбе со своими политическими противниками. Я сознательно стремился изложить факты во всей их реальной противоречивости с тем, чтобы читатель самостоятельно мог сделать выводы, которые были бы созвучны его пониманию сути вопросов. Что касается моего личного мнения, то мне приходится признать одно: как сама политическая линия Сталина в рассматриваемый период, так и его личное поведение чрезвычайно противоречивы, они не подлежат какому-то однозначному вердикту. Здесь нужны не какая-то одна или две краски, а их полная палитра — в противном случае картина получится упрощенной до примитивности.

21 декабря 1929 г. Сталину исполнилось 50 лет. Если он мысленно подводил итоги пройденного пути (а это было наверняка так), то с полным на то правом мог сказать самому себе: достигнута главная цель жизни — он стал полновластным вождем партии, а,

⁶⁴ Там же. С. 286. На первом листе имеется рукописная помета Сталина. "Архив".

На последнем листе имеется рукописная помета: "т. Сталин. Установлено, что назвавшийся Огаревым является на деле Платоновым-Петинным, помощником резидента английской разведки по лимитрофам Богомольца. За последние годы Платонов-Петин семь раз был в Союзе, сознался.

И. Акулов"

значит, и всей необъятной страны. Но, как я уже неоднократно подчеркивал, для исторических деятелей такого калибра, как Сталин, власть не могла являться единственной вожаемой целью всей жизни. Такой целью, как мне представляется, выступало стремление добиться максимально возможной реализации своих главных политических устремлений. А до этого было еще очень далеко: собственно, процесс реализации этих устремлений впервые превратился из гипотетической возможности в практически достижимую задачу.

Исследователи жизни Сталина, по существу почти все без исключения, 50-летний юбилей лидера, обретшего статус единственного вождя, называют переломным рубежом во всей его политической деятельности. И хотя разные авторы по-разному обосновывают это свое утверждение, все-таки в одном они единодушны — власть Сталина обрела новое качественное измерение, он перестал быть просто ведущим руководителем партии и государства, а превратился в единоличного и единовластного вождя. Генеральный секретарь Центрального Комитета отныне, не утрачивая своего поста, наделялся властью и полномочиями, ставившими его над всеми остальными и на деле превращавшими в авторитарного правителя. Многие при этом употребляют такие термины, как диктатор, тиран и т. п. Так, например, один из ведущих западных биографов Сталина Р. Такер на вопрос — «Почему Вы считаете, что именно 50 лет были той точкой его развития, которая сыграла какую-то особую роль?» — ответил: «Я думаю, что до этого момента он еще не был диктатором, хотя в 1929 году по случаю 50-летия его и славили как преемника Ленина и нового вождя»⁶⁵.

У меня нет намерения вести дискуссию относительно правомерности и обоснованности приведенных выше терминов для исчерпывающей оценки характера власти Сталина. Все зависит от того, какой в них вкладывается смысл. Во всяком случае одно совершенно бесспорно — власть Сталина обрела новое измерение, открыла перед ним новые возможности. Вместе с тем она возложила на него и более тяжелое бремя ответственности, соизмеримое с объемом самой этой власти. Отныне борьба за ее сохранение и непрерывное увеличение стала важнейшей составной частью всей его политической стратегии.

Плутарх в своих знаменитых «Жизнеописаниях» написал следующие строки о Цицероне: «Позже он образумился и намного умерил свое честолюбие, поняв, что слава, к которой он стремился, есть нечто неопределенное и не имеющее достижимого предела»⁶⁶. Здесь нет оснований проводить какие-либо аналогии, но замечу только, что слова Плутарха никак не приложимы к Сталину: по ходу течения времени он не только не умерил своего честолюбия, но и развил его до почти выходящих за рамки разумного пределов. При всей прагматичности, свойственной Сталину, он частенько терял чувство меры и соразмерности. Это относится ко многим его поступкам. Больше того, ко всей его политической философии в целом. Высказывая это замечание, я отнюдь не хочу сказать, будто данная черта была вообще универсальной его чертой. Нет, речь идет об определенных исторических ситуациях и определенных исторических моментах. Иными словами, указанная черта была не сутью его политической философии, а скорее изъясном, приусицим этой философии.

⁶⁵ "Диалог" 1990 г. № 10, С. 87.

⁶⁶ Плутарх. Избранные жизнеописания. М. 1987, Т. 2. С. 525.

Продолжая тему о сути власти Сталина — была ли эта власть разновидностью авторитаризма, деспотизма, тирании или чего-то иного в этом же роде — не могу удержаться от соблазна привести еще одно высказывание Плутарха, касающееся на этот раз великого деятеля античной Греции Перикла. Плутарх писал о нем: «А сила его, которая возбуждала зависть и которую называли единовластием и тиранией, как теперь поняли, была спасительным оплотом государственного строя: на государство обрушились губительные беды и обнаружилась глубокая испорченность нравов, которой он, ослабляя и смиряя ее, не давал возможности проявляться и превратиться в неисцелимый недуг»⁶⁷. Опять-таки, не имея и в мыслях проводить прямое сравнение двух фигур истории, хочу лишь обратить внимание на то, что уже в древности понимали, что единовластие нередко выступает не в качестве деструктивной силы, но часто в созидательной своей функции. Все, разумеется, зависит не только от времени и объективных обстоятельств, но и характера самой исторической личности.

Но вернемся в русло изложения освещаемой темы.

Сталин, желая, видимо, продемонстрировать свою скромность и выставить себя всего лишь в качестве верного ученика и последователя В. И. Ленина, не разрешил устраивать торжественное заседание для своего чествования. Вопрос о его юбилее был внесен в повестку дня заседания Политбюро. В решении ПБ и Президиума ЦКК от 20 декабря 1929 г. значилось — «Заявление Калинина в связи с 50-летием Сталина»⁶⁸. Очевидно, на этом заседании были определены формат и масштабы празднования юбилея вождя. Внешне они носили хотя и не помпезный характер, но были довольно внушительными. Газета «Правда» от 21 декабря почти целиком была посвящена юбилею. Государственное издательство выпустило небольшой по формату и довольно скромный по объему сборник под названием «Сталин». Помимо приветствий ИККИ, ЦК ВКП(б), биографии Сталина и приложения, в котором перечислялись различные организации, приславшие юбилею свои поздравления, в него вошли статьи, раскрывающие различные стороны деятельности Сталина. Вот полный перечень помещенных статей: «Рулевой большевизма» (М. Калинин), «Сталин и индустриализация страны» (В. Куйбышев), «Сталин и партия» (Л. Каганович), «Сталин и Красная Армия» (К. Ворошилов), «Сталин как вождь Коминтерна» (Д. Мануильский), «Сталин и дело большевизации секций Коминтерна» (О. Куусинен), «Теоретик и практик» (Г. Крумин), «Сталин как теоретик ленинизма» (В. Адоратский), «Сталин и национальная политика ленинской партии» (Н. Попов), «Твердокаменный большевик» (С. Орджоникидзе), «Революционер-большевик» (Ем. Ярославский), «Стальной солдат большевистской партии» (А. Микоян), «Ленинец, организатор, вождь» (А. Бубнов), «Сталин — продолжатель дела Ленина» (М. Савельев), «Отрывки воспоминаний» (А. Енукидзе), «Штрихи» (Демьян Бедный).

Основные оценки содержались в приветствии ЦК. В нем говорилось:

«С первых же дней твоей работы как профессионального революционера, строившего под руководством Ленина первые ячейки большевистской организации, ты проявил себя как верный, лучший ученик Ленина. Из непосредственных учеников и соратников Ленина ты оказался самым стойким и последовательным до конца ленинцем. Ни разу на

Плутарх. Избранные жизнеописания. М. 1987. Т. 1. С. 321.

⁶⁸ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919 — 1952. Т. 1. С. 748.

протяжении всей своей деятельности ты не отступал от Ленина как в своих теоретических, принципиальных позициях, так и во всей практической работе...

Величайшие успехи социалистического строительства, достигнутые партией, неразрывно связаны с твоим именем, с твоей упорной, непримиримой борьбой за генеральную линию партии.

С твоим именем неразрывно связаны невиданные в истории человечества темпы индустриализации страны и решительного перевода деревни на рельсы коллективного и крупного социалистического хозяйства, смелая атака на кулака, развертывание социалистического соревнования и самокритики. Ты, как никто другой, сочетал в себе глубокое теоретическое знание ленинизма с умением смело претворять его о жизнь на различных этапах революционной борьбы.

Это помогло партии с наименьшей затратой сил и времени успешно справиться с труднейшими историческими задачами, это помогло партии сохранить действительное ленинское единство ее рядов.

Как подлинный ленинец ты боролся за единство партии не ценой уступок оппортунизму, а смелой, непримиримой борьбой со всякими проявлениям оппортунизма.

Именно поэтому терпели крах жалкие попытки всех врагов партии противопоставить Центральный комитет тебе...»

Приветствие заканчивалось здравицей — «Да здравствует железный солдат революции — т. Сталин!»⁶⁹

Статьи соратников вождя во многом носили трафаретный характер и не несли в себе черт индивидуального стиля авторов. В этом плане несколько выделяются статьи, написанные Орджоникидзе и Микояном. С. Орджоникидзе, как бы заглядывая далеко вперед, в частности, в наше время, начал свою статью следующим пассажем:

«О т. Сталине сегодня пишет весь мир. Будет написано немало и впредь. Иначе и быть не может. О человеке, прожившем 50 лет, из них более 30 лет проведенном в революционном водовороте, в настоящее время стоящем во главе коммунистического движения всего мира, конечно, напишут — и напишут разное: враги будут писать с ненавистью, друзья — с любовью. И тем не менее, едва ли кто даст исчерпывающую характеристику т. Сталина как пролетарского революционера — политика, организатора и товарища»⁷⁰.

Статья А. Микояна примечательна в том плане, что он, по существу, первый поставил вопрос о разработке биографии Сталина. Вот его мотивировка: «Несмотря на выдающуюся роль т. Сталина в строительстве нашей партии, в борьбе рабочего класса за свержение царизма, во всемирно-исторической победе рабочего класса в Октябрьском перевороте, в создании Советского государства бок-о-бок с Лениным, в организации Красной Армии и ее блестящих побед на самых опасных и самых ответственных фронтах гражданской войны; несмотря на его руководящую роль в жизни нашей партии после того, как мы лишились т. Ленина, несмотря на все это, — жизнь и революционная деятельность т. Сталина до сих пор не освещены, и важнейшие моменты его революционной биографии, имеющей такое громадное значение для партии, неизвестны широким кругам пашей партии и широким массам рабочего класса. В этом виноваты не только его товарищи по борьбе, но и чрезмерная скромность самого т. Сталина, препятствующая

⁶⁹ Сталин. Сборник статей к пятидесятилетию со дня рождения. М. — Л. 1929. С. 8–12.

⁷⁰ Там же. С. 151.

широкому освещению его жизненного пути. Между тем, после В. И. Ленина т. Сталин является тем первым стальным солдатом большевистской партии, на уроках жизни которого должно воспитываться молодое поколение нашей партии и Коммунистического Интернационала. Надо полагать, 50-летие т. Сталина даст толчок к тому, чтобы мы, идя навстречу законным требованиям масс, взяли наконец за разработку его биографии и сделали ее доступной партии и всем трудящимся нашей страны»⁷¹.

Любопытен и один момент в статье Д. Бедного: «У Сталина колоссальный практический опыт. Предать Сталина можно. Обмануть — никогда! Не таков человек, чтобы обвести его вокруг пальца. Многие на этом потерпели осечку»⁷².

Несколько вымученным, но обязательным в силу очевидных причин, было и приветствие, подписанное Рыковым. Вот его полный текст.

«СОВНАРКОМ СССР — Т. СТАЛИНУ.

Постановление Совета народных комиссаров Союза ССР и
Совета труда и обороны.

В течение более трех десятилетий т. И. В. Сталин, соратник Ленина и его самый последовательный ученик, стоит на передовых позициях большевистской партии.

Громадны заслуги т. И. В. Сталина в деле сплочения коммунистической партии и организации рабочего класса в борьбе за осуществление социализма. Отмечая выдающуюся роль т. Сталина в последовательном проведении учения Маркса — Ленина, в борьбе со всякого рода мелкобуржуазными извращениями его, в организации подавления сопротивления классовых врагов пролетариата и строительстве социализма в Стране советов на путях индустриализации страны и обобществления сельского хозяйства, Совет народных комиссаров Союза ССР и Совет труда и обороны в день пятидесятилетия со дня рождения т. Сталина посылают ему свой пламенный привет.

Председатель Совета народных комиссаров Союза ССР и Совета труда и обороны
А. И. Рыков»⁷³.

Ближайший в тот период соратник Сталина В. Молотов был в отпуске и оттуда направил следующую скромную телеграмму: «Присоединяю свой голос к пожеланию всей большевистской партии: тебе, настоящему ленинцу, и впредь идти во главе славной победой борьбы рабочего класса. Дружеский привет.

В. Молотов»⁷⁴.

Еще более сдержанной была телеграмма Горького: «Сталину. Кремль, Москва. Поздравляю. Крепко жму руку.

Горький.

Сорренто. 21 декабря»⁷⁵.

Выше воспроизведены, пожалуй, все наиболее интересные и примечательные моменты, связанные с официальным празднованием юбилея получившего партийную коронацию нового вождя. Но самым примечательным явился ответ юбиляра на приветствия. Ответ Сталина, датированный днем его рождения, обращает на себя внимание не только содержанием, но, пожалуй, даже больше своей формой. Он выдержан одновременно в

Сталин. Сборник статей к пятидесятилетию со дня рождения. С. 160–161.

⁷² Там же. С. 202.

⁷³ Там же. С. 228.

⁷⁴ Там же. С. 257.

⁷⁵ Там же. С. 257.

какой-то средневековой рыцарской манере и в то же время в присущем ему катехизисном христианском стиле:

«Ваши поздравления и приветствия отношу на счет великой партии рабочего класса, родившей и воспитавшей меня по образу своему и подобию. И именно потому, что отношу их на счет нашей славной ленинской партии, беру на себя смелость ответить вам большевистской благодарностью.

Можете не сомневаться, товарищи, что я готов и впредь отдать делу рабочего класса, делу пролетарской революции и мирового коммунизма все свои силы, все свои способности и, если понадобится, всю свою кровь, каплю за каплей.

С глубоким уважением

И. Сталин»⁷⁶.

Пару слов о том, какова была реакция в партийных кругах в связи с празднованием сталинского юбилея. На этот счет сохранились дневниковые записи одного из функционеров Московского комитета партии, впоследствии профессора политэкономии А. Соловьева. Вот что он написал в своем дневнике:

«19 декабря. Бауман (в то время первый секретарь МК партии — Н. К.) информировал о подготовке празднования 50-летнего юбилея т. Сталина. Празднование намечено широко по всей стране: приветствия, собрания, митинги, популяризация. Агитпроп ЦК по заданию Оргбюро предложил всем местным организациям широко организовать присылку приветствий, публикацию статей о т. Сталине, присвоение его имени разным предприятиям и районам. Ягода (тогда заместитель председателя ОГПУ — Н. К.) и Литвин-Седой (один из старейших членов партии — Н. К.) высказали возмущение. Никогда в партии не практиковалось личное чествование работников: тов. Ленин был решительно против. Это возвышение личности над партией, карьеризм. Но Бауман возразил, нельзя идти одному МК против всех. Большинством принято небольшое приветствие». И далее.

Запись от **22 декабря:** «Конечно, т. Сталин великий человек. Но не слишком ли чрезмерны похвалы? Выходит, т. Сталин выше т. Ленина, выше всей партии? Может быть, я не прав, но чувствуется в этих грандиозных похвалах некоторая искусственность, не все искренно. Где скромность, которую требовал т. Ленин и требует партия в своих решениях? Как мог допустить т. Сталин такое излишнее восхваление? У меня начинают возникать о нем сомнения, действительно ли он такой великий.

25 декабря. На сессии ЦИК СССР прослушал доклады Рыкова и Кржижановского о пятилетнем плане и Литвинова о международном положении. Потом чествовали т. Сталина. Очень сильно превозносили. Раньше говорили «партия Ленина», теперь стали говорить «партия Ленина — Сталина». В перерыве встретился с Подвойским (один из руководителей ВРК во время революции в Петрограде в октябре 1917 года — Н. К.), возмущается слишком крикливым чествованием. Говорил, у т. Сталина было такое множество ошибок, что следовало бы говорить скромнее, а не выпячивать себя наравне с Лениным и даже выше. Это неправильная ориентация партии и принижение ее роли. Очень резко отозвался о Кагановиче, Стецком (в то время был заведующим агитпропом ЦК — Н. К.) и Микояне. Это они, говорит, приложили руку к восхвалению, из-за угодничества»⁷⁷

⁷⁶ И. В. Сталин. Соч. Т. 12. С. 140.

⁷⁷ *Неизвестная Россия. XX век.* Т. 4. М. 1993. С. 156–157.

Приведенные отрывки из дневника, конечно, всего лишь иллюстрация, а не доказательство того, что в партии чествование Сталина вызвало плохо скрываемое возмущение. Но что такие факты «имели место быть», лично у меня не вызывает сомнения. Однако, я полагаю, чувства недовольства касались узкого круга партийных функционеров, в той или иной форме недовольных сталинской политикой в целом. Партийный же аппарат — как одна из ключевых опор власти генсека — держал все под своим жестким контролем, и Сталину особенно беспокоиться не приходилось.

***

Итак, юбилей пришел и ушел. Юбиляр был не только в расцвете своих сил — ведь 50 лет это время максимальной творческой отдачи человека — но и достиг невиданных прежде вершин власти в партии и стране. Но этот юбилей пришелся на один из самых сложных и противоречивых периодов в истории советского государства. В порядке дня стояли фундаментальные проблемы дальнейшего развития страны. И на первом плане среди них — коллективизация сельского хозяйства. Ее он замыслил и начал проводить в жизнь еще до наступления своего триумфального юбилея. Если по грандиозности эта задача была вполне сопоставима с индустриализацией страны, то по трудности выполнения, видимо, превосходила первую. Хотя, конечно, это — чисто условное сопоставление, поскольку обе цели были органически и неразрывно связаны между собой и решались параллельно. Последнее обстоятельство еще более усложняло реализацию как первой, так и второй задачи.

***

СЕРГЕЙ

Глава 8

ВЕЛИКИЙ... НО СЛИШКОМ КРУТОЙ ПЕРЕЛОМ

1. На весах Фемиды и на весах истории

Период коллективизации навсегда вошел в историю нашей страны как одна из самых ее сложных, трагических и противоречивых страниц. Приступая к освещению данного этапа в политической биографии Сталина, я не могу отрешиться от терзающих мою душу противоречивых мыслей и чувств. Мне порой кажется, что дать исторически достоверную, во всех отношениях взвешенную и вместе с тем правдивую картину того потрясающего воображение феномена в нашей истории, которое получило название великого перелома, — выше обычных человеческих сил. Ибо все здесь переплелось и соединилось в настолько туго завязанный узел, что его развязать просто невозможно.

Если отвлечься от эмоций и попытаться с объективных позиций оценить события тех лет, то в самом упрощенном виде проблему можно сформулировать следующим образом. Какие критерии следует поставить во главу угла, когда речь идет о коллективизации? Дать ли приоритет соображениям преимущественно социально-экономического порядка и, соответственно, делать акцент на них, обосновывая необходимость и историческую неотвратимость перевода российской деревни на рельсы коллективного хозяйства? Или же выдвинуть на первый план соображения чисто человеческого, так сказать, гуманного плана? Или же попытаться как-то соединить их в единое целое и под этим углом рассматривать основной курс и практические шаги Сталина в этот период?

Достаточно только поставить эти вопросы, чтобы сразу же понять, что ни один из этих критериев в отдельности, ни их совокупность не могут служить той ариадниной нитью, с помощью которой можно выбраться из внутренне неразрешимых противоречий и обрисовать хотя бы самые общие контуры того исторического полотна, которое являет собой период великого перелома. Здесь все соткано из материала, настолько сложного и трудно поддающегося какой-то общей, а тем более однозначной оценке, что такую попытку следует отбросить с самого начала как малопродуктивную. Таким путем нельзя дать ответы на многие вопросы, поставленные нашим прошлым.

Мне кажется, что исторические события, как и исторические личности, нужно взвешивать не на одних, а как бы на двух разных весах. На весах Фемиды следует взвешивать добро и зло, добрые деяния и деяния, приносившие горе и страдания людям. Это, так сказать, весы совести, где есть место всему, в том числе и эмоциям. И, бесспорно, все исторические события и личности подлежат суду мифической Фемиды. Ибо в

конечном счете не цель оправдывает средства, а средства выступают инструментом достижения цели. Мораль в политике, как и в любом общественном явлении, — вещь не просто необходимая, а имеющая приоритетное значение для вынесения в конечном счете справедливого исторического вердикта. В приложении к оценке личности и деяний Сталина эта истина ни в коем случае не должна предаваться забвению или умалению. Как историческая фигура мирового масштаба он подлежит суду Фемиды, способной дать оценку его действий и ему самому как политическому и государственному деятелю с человеческих, гуманных позиций. И здесь ссылки и доводы на историческую неизбежность или политическую целесообразность, на мой взгляд, недействительны и не имеют силы. Без учета данного обстоятельства любое описание жизни и деятельности Сталина априори будет искаженным, а потому и исторически несостоятельным, однобоким.

Но существуют, на мой взгляд, и другие весы — назовем их весами истории. Без них также трудно обойтись в исследовании как конкретных событий прошлого, так и в оценке значимости и роли той или иной фигуры исторического масштаба. Упрощенно говоря, на этих весах как бы беспристрастно взвешиваются поступки и деяния личностей, причем основным критерием здесь выступают соображения исторической обусловленности, целесообразности и обоснованности всех их деяний и поступков. Они как бы отодвигают на второй план соображения морального и иного свойства. Упрощенно говоря, такой подход в известном смысле находится по ту сторону добра и зла, поскольку он не делает эти категории главным мерилем при вынесении окончательного исторического вердикта. Конечно, подобный способ не может служить каким-то эталоном, а тем более способом оправдания преступных деяний. Но как метод исследования он помогает в какой-то степени глубже проанализировать природу и характер тех или иных событий, равно как и исторических деятелей.

Прекрасно сознавая все недостатки второго подхода, я тем не менее вынужден был им пользоваться, чтобы раскрыть хотя бы в самых общих чертах противоречивый и вместе с тем исторически значимый этап великого перелома. Я попытался в самом названии главы как бы соединить два противоречивых составных элемента этого исторического события. Разумеется, вне поля моего внимания не остались и чисто человеческие аспекты великой трагедии миллионов, ставших не только материальным орудием великого перелома, но и его жертвами. Так что читатель пусть не удивляется наличию противоречий и порой взаимно исключающих оценок, присущих как данной главе, так и некоторым другим главам, посвященным трагическим этапам нашей общей истории. Это — скорее всего не противоречия изложения, а противоречия самого исторического материала и самой фигуры, о которой идет речь.

По ходу изложения нам еще не раз придется касаться вопроса о соотношении сугубо экономических, социальных, политических и других мотиваций подобного плана с теми методами, которыми они реализовывались на практике. Мне импонирует точка зрения, высказанная советским исследователем рассматриваемого периода А. Ланщиковым. Он писал:

«Вероятно, победу в минувшей войне следует все-таки ставить не в зависимость от коллективизации, а в зависимость от индустриализации, которую, в свою очередь, мы вправе поставить в зависимость от коллективизации. Во всяком случае, одним из самых веских аргументов в пользу интенсивной коллективизации была необходимость

форсировать индустриализацию, а необходимость последней диктовалась реальной угрозой войны»¹.

На мой взгляд, увязка коллективизации с индустриализацией абсолютно необходима как для правильного истолкования первой, так и второй. Их нельзя рассматривать вне связи друг с другом. Поэтому значение коллективизации как одного из источников возрастания экономической мощи и самостоятельности Советского Союза, без которых нашу страну неминуемо ожидало бы поражение в схватке с Гитлером, трудно преувеличить.

Видимо, есть потребность еще в одном замечании. О великом переломе Сталин и вообще советские историки и пропагандисты говорили и писали, можно сказать, в двух смыслах: под ним, во-первых, понималась вся совокупность исторических перемен как в области индустриализации страны, так и коллективизации сельского хозяйства и вообще связанных с этими событиями сдвигами в стране. Это, так сказать, великий перелом в широком смысле. В более узком смысле под ним подразумевался процесс осуществления коллективизации. В данной главе великий перелом рассматривается прежде всего и главным образом во второй его ипостаси. И, конечно, надо отдавать себе отчет в том, что он проходил не изолированно, не в каком-то общественном вакууме, а был органически связан со всеми экономическими, социальными, политическими, культурными и иными аспектами тогдашней советской жизни.

Заранее извиняясь за слишком обширную цитату, хочу все же привести оценку авторитетного английского исследователя истории Советского Союза Э. Карра. Он не только лучше многих других своих коллег разбирался в проблемах нашего прошлого, но и проявлял неизменное стремление сохранять присущую подлинному ученому объективность. Вот как он определил историческое место и значение великого перелома в истории СССР и в истории жизни самого Сталина.

«Коллективизация завершила революцию в деревне, которая началась в 1917 году с захвата земель помещиков крестьянами, но которая не изменила традиционных методов обработки земли и не тронула старого крестьянского уклада. Конечная ступень революции, в отличие от первой, не имела ничего общего со стихийным крестьянским бунтом. Сталин метко назвал ее «революцией сверху», но неправомерно добавил, что она «была поддержана снизу». В течение предыдущих 12 лет сельское хозяйство оставалось почти независимым образованием в экономике, действующим по своим законам, сопротивлявшимся всем попыткам извне изменить направление его развития. В этом была суть нэпа. Это был нелегкий компромисс, который не продлился долго. Как только могущественная центральная власть в Москве взяла в свои руки планирование и реорганизацию экономики и вступила на путь индустриализации, как только стала очевидной неспособность существующей системы сельского хозяйства обеспечить нужды быстро растущего городского населения, неизбежно последовал разрыв отношений. Обе стороны сражались с одинаковой яростью и ожесточением.

Те, кто занимался планированием, ставили своей задачей применить к развитию сельского хозяйства два основных принципа индустриализации и модернизации. Совхозы были задуманы как механизированные зернофабрики. Крестьянские массы предстояло организовать в колхозы по аналогичной модели. Но нелепые надежды на то, что удастся обеспечить достаточное количество тракторов и другой техники для осуществления этих

проектов, потерпели крах. У партии никогда не было твердых позиций в деревне. Ни руководители, принимающие решения в Москве, ни армия рядовых членов партии и их последователей, которые отправились в деревню, чтобы претворить эти решения в жизнь, не имели представления о том, что такое крестьянское мышление, не питали ни малейшего сочувствия к тем древним традициям и предрассудкам, которые лежали в основе крестьянского сопротивления. Взаимное непонимание было полным. Крестьяне видели в московских эмиссарах захватчиков, которые прибыли к ним не только для того, чтобы уничтожить тот образ жизни, которым они дорожили, но и для того, чтобы восстановить те рабские условия жизни, от которых их освободила первая стадия революции. Сила была на стороне властей, и она применялась жестоко и безжалостно. Крестьянин — и не только кулак — стал жертвой почти неприкрытой агрессии. То, что планировалось как великое достижение, обернулось величайшей трагедией, которая запятнала историю Советов. Тех, кто трудился на земле, коллективизировали. Но советскому сельскому хозяйству понадобилось много лет, чтобы оправиться от ужасов, сопровождавших коллективизацию. Только в самом конце 30-х годов удалось поднять производство зерна до уровня, достигнутого до начала форсированной коллективизации, а потери в поголовье скота упорно напоминали о себе гораздо дольше»².

Приведенная цитата в целом дает достаточно нелестную обобщенную оценку всему процессу коллективизации. Однако стоит обратить внимание на то, что у Э. Карра недвусмысленно проскальзывает мысль о том, что существовавшая накануне коллективизации система сельского хозяйства явно не отвечала потребностям экономического развития страны. Иными словами, если вещи называть своими именами, то эта система с каждым годом становилась все в большей степени тормозом на пути общей реконструкции всего народного хозяйства Советского Союза. Можно по-разному оценивать как Сталина, так и его политику в целом, но нельзя голословно отрицать простого и очевидного факта — дальнейший экономический прогресс не мог быть осуществлен без коренной реконструкции всей системы сельского хозяйства.

Именно эту истину фактически отрицали и ставили под вопрос некоторые советские историки в период перестройки, обрушившие подлинную лавину нападок на Сталина вообще и на его политику в конце 20-х — начале 30-х годов. Характерным образчиком такой заушательской, однобокой критики явилась целая серия статей, опубликованных в «Правде» в 1988 — 1989 годах. В них, в частности, подвергались рассмотрению проблемы индустриализации и коллективизации и выносились безапелляционные вердикты. Вот что говорилось в одной из статей: «Сталин и его соратники отвергли ленинскую идею политических реформ, совершенствования партийно-государственного руководства, демократизации общества. Им была чужда сама мысль о превращении крестьянства в равноправного партнера рабочего класса в деле строительства социализма. Вынужденным, временным злом считалась ставка на хозрасчет в промышленности, на развертывание товарно-денежных отношений.

Иначе говоря, курс «великого перелома» явился прямым выражением сталинской линии на разрешение внутренних противоречий социально-экономического развития главным образом волевыми, административными методами. Не считаясь ни с чем — ни с объективными экономическими законами, ни с идейными и моральными принципами»³.

Э. Х. Карр. Русская революция. От Ленина до Сталина. С. 174 — 175.

³ «Правда». 18 октября 1988 г.

Авторы подобных категорических выводов, конечно, правы в том, что Сталин широко использовал методы принуждения и репрессии в осуществлении своих экономических задач. Однако сводить все дело исключительно к этим методам, отрывать методы от целей — неправомерно. Широко применялись и экономические рычаги, разумеется, не в тех масштабах и не с тем размахом, которые были бы возможны в условиях НЭПа. Также не следует упускать из виду главное — перед страной стояла суровая альтернатива: или медленным путем постепенно двигаться по пути индустриализации и кооперации, на что ушли бы не годы, а многие десятилетия, или же форсировать развитие. А само форсированное развитие в тогдашних условиях было едва ли мыслимо без жестких административных мер. Иначе говоря, лимит времени играл роль одного из важнейших факторов, определявших как темпы, так и методы преобразований.

Броской, рассчитанной на совершенно легковверных читателей, представляется и утверждение, принадлежащее одному из пропагандистских прорабов перестройки О. Лацису. Глубинные, поистине тектонические процессы социально-экономических перемен, связанных с именем Сталина, он сводит исключительно к борьбе за власть. Он безапелляционно заявляет: «Его (т.е. Сталина — Н. К.) главной заботой был захват власти, а индустриализация и коллективизация — лишь картами в игре. Карты можно было менять по мере надобности, когда соперников в борьбе за власть не стало»⁴.

Не вижу необходимости опровергать категорический постулат О. Лациса. Его опровержение заложено в нем самом. Мне он представляется не только неубедительным, но и до крайности примитивным. Подобными приемами невозможно не только объяснить саму личность Сталина как политика, но — что более важно — хотя бы в самых общих чертах разобраться в сложностях нашего исторического прошлого.

Возвращаясь к основной линии нашего изложения, надо подчеркнуть, что коренная реконструкция народного хозяйства диктовалась не какими-то субъективными пожеланиями, а тем более личным желанием вождя, а объективными потребностями самой жизни. 82,1 % населения проживало в деревне. Мелкое крестьянское хозяйство опиралось на примитивную технику: только 15,2 процента крестьянских хозяйств имело усовершенствованный конный инвентарь. В 1927 году в крестьянских хозяйствах РСФСР, Украины, Белоруссии и Закавказской федерации использовалось 11,6 миллиона плугов и 5,2 миллиона сох. Ручной труд был основой хозяйства, что предопределяло низкий уровень сельскохозяйственного производства⁵. В 1927 году в СССР насчитывалось 33,4 процента хозяйств, не имевших рабочего скота; более трети крестьян вынуждены были на кабальных условиях арендовать у кулака скот и орудия производства. Социальный состав деревни в 1925 — 1927 гг. являл собой следующую картину: бедняки — 22,1%; середняки — 62,7%; кулаки — 3,9%. Около 6% хозяйств имели по три-четыре и более рабочих лошади. Наиболее богатая часть их (3%) обладала 15 — 20% общей массы средств производства, имевшихся на селе, 30 — 31% сельскохозяйственных машин⁶.

При быстрых темпах развития крупной социалистической промышленности и росте городов сельское хозяйство — жизненно важная отрасль народного хозяйства — сильно

⁴ О. Р. Лацис. Перелом. Опыт прочтения несекретных документов. М. 1990. С. 311–312.

⁵ История Коммунистической партии Советского Союза. Т.4. Книга первая. С. 505.

⁶ Документы свидетельствуют. 1927 — 1932. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927 — 1932 гг. М. 1989. С. 11–12.

отставало. Если в целом валовая продукция сельского хозяйства превысила довоенную, то валовая продукция основной его отрасли — зерновой — составляла в 1926/27 хозяйственном году лишь 95 процентов от валовой продукции 1913 года, а товарная часть (внедеревенская) зернового хозяйства — 13,3 процента против 26 процентов в довоенное время. Подобное сокращение производства товарного хлеба объяснялось тем, что в результате Октябрьской революции в деревне были ликвидированы крупные помещичьи хозяйства и значительно сокращены кулацкие хозяйства, дававшие до войны наибольшее количество товарного хлеба. Помещичьи хозяйства вывозили на рынок 22 процента зерна, или 281,6 миллиона пудов. Кулаки давали на рынок 50 процентов всего товарного хлеба, или 650 миллионов пудов. Кулацкие хозяйства сократили в 1927 году по сравнению с довоенным временем общее производство зерна больше чем в три раза. Главными производителями хлеба после победы революции стали мелкие середняцкие и бедняцкие крестьянские хозяйства. В 1927 году их было около 24 миллионов, в то время как до первой мировой войны — примерно 17 миллионов. Средняки и бедняки являлись основными владельцами хлеба, производили его больше, чем до войны (4 миллиарда пудов вместо 2,5 миллиарда пудов), но товарного хлеба давали только 11 процентов общей его продукции.

Совхозы и колхозы по производству зерна занимали незначительное место. Они производили всего 80 миллионов пудов зерна и давали лишь 6 процентов всего товарного хлеба. Зерновое хозяйство при таком его состоянии не могло удовлетворить потребность страны в хлебе, которая увеличивалась в связи с ростом городского населения⁷.

Между промышленностью, развивающейся по законам расширенного воспроизводства, и преимущественно мелкотоварным сельским хозяйством, не всегда осуществлявшим даже простое воспроизводство, существовало глубокое противоречие. Сельское хозяйство, базируясь главным образом на мелкой частной собственности и ручной технике, отставало от промышленности и всё в меньшей мере могло удовлетворять растущий спрос городского населения на продовольственные товары, а промышленности — на сельскохозяйственное сырьё. Только в результате замены мелкотоварного крестьянского хозяйства крупным механизированным производством, имеющим высокую товарность, можно было преодолеть отставание сельского хозяйства и поднять производство сельскохозяйственной продукции до размеров, удовлетворяющих потребности страны.

Суммируя, можно сказать, что мелкое раздробленное крестьянское хозяйство в основном исчерпало возможности дальнейшего повышения производительности. В деревне продолжался процесс дробления крестьянских хозяйств. Они давали лишь минимум товарной продукции, в особенности зерна. Сельское хозяйство развивалось с каждым годом все медленнее, все больше отставало от темпов роста промышленности. Это могло иметь своим следствием перманентные и все более возрастающие проблемы в снабжении увеличивавшегося быстрыми темпами городского населения сельскохозяйственными продуктами, а промышленности — сырьем. Продукция сельского хозяйства составляла незначительную часть в экспорте, затруднялось создание государственных резервов. Последнее обстоятельство имело непосредственное отношение к вопросам укрепления обороноспособности, поскольку в условиях враждебного окружения страна могла оказаться в тяжелом положении в случае вероятных в то время

военных конфликтов. Не говоря уже о полномасштабной войне, исключить которую руководство страны не имело никаких оснований. Отставание сельского хозяйства ставило непреодолимые границы для все более набиравшего темпы индустриального развития Советского государства.

Выше лишь пунктиром обозначены некоторые чисто экономические факторы, ставившие в порядок дня объективную необходимость и даже неотвратимость принятия кардинальных мер для решения проблем сельского хозяйства. Но существовали и факторы социально-политического порядка, которым Сталин придавал порой не меньшее значение, чем чисто экономическим. Согласно ленинским постулатам, полностью разделявшимся Генеральным секретарем, существование мелкотоварного производства создавало постоянную угрозу реставрации капитализма, поскольку оно служило почвой, рождавшей и питавшей буржуазию. Нельзя было продолжительное время базировать диктатуру пролетариата и социалистическое строительство на разных основах — на социалистической промышленности и индивидуальном крестьянском хозяйстве. Прочной опорой диктатуры пролетариата могло быть только крупное общественное сельскохозяйственное производство, организованное на социалистических началах. Это положение являлось альфой и омегой сталинского подхода к проблемам перспектив дальнейшего пути развития сельскохозяйственного сектора народного хозяйства.

И уже в 1933 году, когда процесс коллективизации можно было считать в целом свершившимся фактом, Сталин счел необходимым особо выделить мысль о том, что без коллективизации сельского хозяйства над Советской властью всегда бы висел дамоклов меч в виде реставрации капитализма. Он подчеркивал, что, начиная коллективизацию, партия руководствовалась «соображением о том, что Советская власть не может долго базироваться на двух противоположных основах, на крупной социалистической промышленности, которая **уничтожает** капиталистические элементы, и на мелком единоличном крестьянском хозяйстве, которое **порождает** капиталистические элементы.

Соображением о том, что пока не подведена под сельское хозяйство база крупного производства, пока не объединены мелкие крестьянские хозяйства в крупные коллективные хозяйства, — опасность восстановления капитализма в СССР является самой реальной опасностью из всех возможных опасностей»⁸.

В данном случае генсек не лукавил, не пытался задним числом оправдать все то тяжелое и поистине трагическое, что принесла с собой коллективизация. Полагаю, что в силу своих убеждений он вполне серьезно считал возможным возврат России на путь капитализма, если не будет осуществлена кардинальная реконструкция сельского хозяйства на социалистических основах. Иными словами, опасность социального реванша он рассматривал как вполне реальную, а не мифическую угрозу.

В отличие от политических переворотов, которые совершаются в сравнительно короткие сроки, переворот в способе производства, преобразующий экономические основы существования классов, является более длительным и трудным процессом. Средства производства, находившиеся в частной собственности крестьян, надо было обобществить в колхозную собственность, заменить индивидуальный труд крестьянина общественным, утвердить социалистические принципы распределения по труду. Эти преобразования затрагивали глубокие, веками установившиеся основы и традиции жизни и быта крестьянства.

⁸ И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 173.

военных конфликтов. Не говоря уже о полномасштабной войне, исключить которую руководство страны не имело никаких оснований. Отставание сельского хозяйства ставило непреодолимые границы для все более набиравшего темпы индустриального развития Советского государства.

Выше лишь пунктиром обозначены некоторые чисто экономические факторы, ставившие в порядок дня объективную необходимость и даже неотвратимость принятия кардинальных мер для решения проблем сельского хозяйства. Но существовали и факторы социально-политического порядка, которым Сталин придавал порой не меньшее значение, чем чисто экономическим. Согласно ленинским постулатам, полностью разделявшимся Генеральным секретарем, существование мелкотоварного производства создавало постоянную угрозу реставрации капитализма, поскольку оно служило почвой, рождавшей и питавшей буржуазию. Нельзя было продолжительное время базировать диктатуру пролетариата и социалистическое строительство на разных основах — на социалистической промышленности и индивидуальном крестьянском хозяйстве. Прочной опорой диктатуры пролетариата могло быть только крупное общественное сельскохозяйственное производство, организованное на социалистических началах. Это положение являлось альфой и омегой сталинского подхода к проблемам перспектив дальнейшего пути развития сельскохозяйственного сектора народного хозяйства.

И уже в 1933 году, когда процесс коллективизации можно было считать в целом свершившимся фактом, Сталин счел необходимым особо выделить мысль о том, что без коллективизации сельского хозяйства над Советской властью всегда бы висел дамоклов меч в виде реставрации капитализма. Он подчеркивал, что, начиная коллективизацию, партия руководствовалась «соображением о том, что Советская власть не может долго базироваться на двух противоположных основах, на крупной социалистической промышленности, которая **уничтожает** капиталистические элементы, и на мелком единоличном крестьянском хозяйстве, которое **порождает** капиталистические элементы.

Соображением о том, что пока не подведена под сельское хозяйство база крупного производства, пока не объединены мелкие крестьянские хозяйства в крупные коллективные хозяйства, — опасность восстановления капитализма в СССР является самой реальной опасностью из всех возможных опасностей»⁸.

В данном случае генсек не лукавил, не пытался задним числом оправдать все то тяжелое и поистине трагическое, что принесла с собой коллективизация. Полагаю, что в силу своих убеждений он вполне серьезно считал возможным возврат России на путь капитализма, если не будет осуществлена кардинальная реконструкция сельского хозяйства на социалистических основах. Иными словами, опасность социального реванша он рассматривал как вполне реальную, а не мифическую угрозу.

В отличие от политических переворотов, которые совершаются в сравнительно короткие сроки, переворот в способе производства, преобразующий экономические основы существования классов, является более длительным и трудным процессом. Средства производства, находившиеся в частной собственности крестьян, надо было обобществить в колхозную собственность, заменить индивидуальный труд крестьянина общественным, утвердить социалистические принципы распределения по труду. Эти преобразования затрагивали глубокие, веками установившиеся основы и традиции жизни и быта крестьянства.

⁸ И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 173.

Обосновывая свою стратегическую линию на коллективизацию сельского хозяйства, Сталин приводил достаточно весомую аргументацию. В частности, он убедительно доказывал, что капиталистический путь развития сельского хозяйства абсолютно неприемлем для Советского Союза, поскольку он с логической закономерностью приводил к росту классовой дифференциации на селе, т. е. к тому, что большевики ставили целью ликвидировать. Если бы была допущена возможность существования и углубления дифференциации, то социально-политический фундамент нового строящегося общественного уклада был не то что зыбким, но и вообще покоился на песке.

Сталин подчеркивал, что для Советской страны единственно правильным путем развития является «путь массового кооперирования миллионов крестьянских хозяйств по всем линиям кооперации, путь объединения распылённых крестьянских хозяйств вокруг социалистической индустрии, путь насаждения начал коллективизма среди крестьянства сначала по линии сбыта продуктов земледелия и снабжения крестьянских хозяйств городскими изделиями, а потом по линии сельскохозяйственного производства.

И чем дальше, тем больше этот путь становится неизбежным в обстановке диктатуры пролетариата, ибо кооперирование по линии сбыта, кооперирование по линии снабжения, наконец, кооперирование по линии кредита и производства (сельскохозяйственные товарищества) является единственным путём подъёма благосостояния деревни, единственным средством спасения широких масс крестьянства от нищеты и разорения»⁹.

Следует отметить, что приведенные выше слова Сталина относились к периоду, предшествовавшему провозглашению курса на форсированную коллективизацию. Вообще в фундаментальном подходе к данному вопросу позиция генсека в процессе своего окончательного формирования претерпела ряд существенных метаморфоз. До 1929 года она в целом, с некоторыми оговорками, может быть охарактеризована как достаточно умеренная и прагматичная. Однако ход событий в стране (в особенности хозяйственные трудности и проблемы продовольственного снабжения, остро вставшие в 1928 году), а также логика внутрипартийной борьбы с оппозицией, внесли существенную лепту в эволюцию сталинских воззрений относительно как принципов, так и темпов коллективизации. Все больший удельный вес в аргументации Сталина приобретало указание на то, что базировать развитие страны на сосуществовании двух различных по своей природе социальных укладах в городе и в деревне нельзя. «Можно ли двигать дальше ускоренным темпом нашу социализированную индустрию, имея такую сельскохозяйственную базу, как мелкокрестьянское хозяйство, неспособное на расширенное воспроизводство и представляющее к тому же преобладающую силу в нашем народном хозяйстве? — ставил вопрос ребром Сталин. И давал четкий ответ. — Нет, нельзя. Можно ли в продолжение более или менее долгого периода времени базировать Советскую власть и социалистическое строительство на двух разных основах — на основе самой крупной и объединенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства? Нет, нельзя. Это когда-либо должно кончиться полным развалом всего народного хозяйства»¹⁰.

⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 8. С. 89.

¹⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 12. С. 145.

В послесталинский период, и особенно в период горбачевской перестройки и ее заката, в советской исторической науке достаточно широкое распространение получила точка зрения, согласно которой Сталин отошел от ленинского курса в области кооперирования, сформулированный Лениным незадолго до своей кончины. В целом такая оценка укладывается в рамки реальных фактов действительности. Однако мне думается, что явной натяжкой или — по крайней мере — солидным преувеличением являлись утверждения о том, что Ленин будто бы разработал принципиальные основы политики кооперирования, от которых Сталин якобы радикально отошел. В ленинских работах были лишь в самых общих чертах обозначены контуры возможной политики Советского государства в этой сфере. Он просто не мог предвидеть все конкретные условия, в которых придется развиваться стране, и его установки не могли не носить самого общего характера. Сталину же пришлось столкнуться с практическими дилеммами значительно усложнившейся экономической реальности. И он, в сущности, сформулировал и обосновал новый, свой собственный курс в данном вопросе. При этом — в силу вполне понятных причин — генсек неизменно апеллировал к трудам своего учителя, представляя дело так, будто он лишь проводит в жизнь стратегические установки покойного вождя. Разумеется, сообразуясь с экономическими реальностями страны.

Надо подчеркнуть, что в подходе Сталина к проблеме коллективизации одну из решающих ролей сыграли следующие соображения. Во-первых, он исходил из того, что процесс осуществления коллективизации значительно облегчается отсутствием в Советской России частной собственности на землю, национализацией земли. Земля будет передана колхозам в вечное пользование, а ввиду отсутствия частной собственности на землю купля-продажа земли со всеми сопровождающими эту проблему осложнениями останется лишь историческим воспоминанием. Всё это, по мнению генсека, значительно облегчает образование и развитие колхозов¹¹.

В органической связи с указанным обстоятельством, на мой взгляд, находилось и внутреннее убеждение Сталина, что традиции русской сельской жизни, в первую голову — традиции сельской общины — будут способствовать тому, что подавляющее большинство крестьян легче воспримет переход к коллективному ведению хозяйства. Расчет этот, надо сказать, был обоснован лишь в некоторой степени, поскольку за ряд предшествующих десятилетий фундаментальные устои и традиции крестьянской общины были серьезно подорваны, хотя и не искоренены как таковые.

Анализируя общеполитические и — даже можно сказать — философские аспекты подхода Сталина к проблеме коллективизации, надо выделить еще один принципиально важный момент. Я имею в виду то, что главный акцент при подходе к данной проблеме генсек делал на использование государственных инструментов принуждения, отдавая им примат перед всеми другими. Собственно, эта черта всей политической философии Сталина красной нитью проходит через его политическую биографию, оставляя на ней свои неизгладимые следы. В этом контексте не просто голый интерес, но и определенное объяснение представляет следующее замечание В. Молотова, который писал в 1962 году: «В беседах И. В. Сталин иногда вспоминал, что В. И. Ленин будто бы в шутиливой форме отмечал и критиковал «этатизм» Сталина. Сталин, насколько помнится, несерьезно

¹¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 267.

относился к этому важному, мудрому замечанию Ленина. Он, пожалуй, даже иронически высказывался по поводу этого замечания. Сталин не понимал, что Ленин не случайно говорил об этом, а отмечал важный недостаток кругозора Сталина. Мы, слушатели этих высказываний Сталина в узком кругу за домашним столом, тоже никогда серьезно не останавливались на этом, не задумывались над этими ленинскими замечаниями.

Между тем у Сталина действительно был уклон к этатизму, опасное преувеличение роли государства»¹².

И чтобы как-то сгладить или уравновесить свое критическое замечание в адрес своего долготелетнего патрона, Молотов в тех же своих заметках добавляет: «Сталин обладал огромным революционно-политическим чутьем, что не раз давало весьма положительные результаты.»

Невольно напрашивается еще одно небольшое замечание по поводу упрека, высказанного Лениным в адрес Сталина относительно «уклона» в сторону этатизма. Этот упрек, очевидно, можно отнести и на счет всей политической философии большевизма как таковой. Да и едва ли можно избежать подобного упрека и в адрес самого Ленина. Хотя, конечно, в воззрениях этих двух апостолов революционного большевизма относительно роли государства в построении нового общества, бесспорно, существует ряд существенных различий. Но и тому, и другому имманентно присущ акцент на классовое принуждение как один из ключевых элементов их политических и мировоззренческих установок. Поэтому проводить между ними в данном вопросе какой-то водораздел, на мой взгляд, не совсем логично и правомерно. Нет никакого реального смысла строить догадки насчет того, какую бы линию проводил Ленин в области кооперирования сельского хозяйства. В истории такие гипотетические предположения малопродуктивны, поскольку они чем-то смахивают на гадание на кофейной гуще. Для меня ясно лишь одно: Ленин, конечно, едва ли бы допустил столько неоправданных перегибов и в целом не ориентировался бы на сверхскоростные темпы коллективизации. Впрочем, данное мое предположение также можно отнести к разряду гаданий на кофейной гуще.

Завершить этот раздел мне хотелось бы общей оценкой значимости великого перелома во всей политической судьбе Сталина. Точнее говоря, тем, как он сам лично оценивал сложности и трудности коллективизации в общем ряду проблем, с которыми он сталкивался на протяжении своей государственной и политической карьеры. В трудах самого Сталина не найдешь ответа на этот вопрос. Как правило, его оценки, получившие публичную известность, выдержаны в соответствующем ключе, где начисто отсутствуют какие-либо сугубо личные признания, на базе которых можно было бы дать ответ на поставленный вопрос. Но есть одно свидетельство, в достоверности которого трудно усомниться. Речь идет о мемуарах английского премьера У. Черчилля, который во время своей первой встречи с главой Советского правительства в 1942 году, имел с ним откровенную беседу.

Итак, предоставим слово Черчиллю.

«Скажите мне, — спросил я, — на Вас лично так же тяжело сказываются тяготы этой войны, как проведение политики коллективизации?»

Эта тема сейчас же оживила маршала.

«Ну нет, — сказал он, — политика коллективизации была борьбой».

«Я так и думал, что вы считаете ее тяжелой, — сказал я, — вы имели дело не с несколькими десятками тысяч аристократов, крупных помещиков, а с миллионами маленьких людей».

«С десятью миллионами, — сказал он, подняв руки. — Это было что-то страшное, это длилось четыре года, но для того, чтобы избавиться от периодических голодовок, России было абсолютно необходимо пахать землю тракторами. Мы должны были механизировать наше сельское хозяйство. Когда мы давали трактора крестьянам, то они приходили в негодность через несколько месяцев. Только колхозы, имеющие мастерские, могут обращаться с тракторами. Мы всеми силами старались объяснить это крестьянам. Но с ними бесполезно спорить. После того, как вы изложите все крестьянину, он говорит вам, что он должен пойти домой и посоветоваться с женой, посоветоваться со своим подпаском».

Это последнее выражение было новым для меня в этой связи.

«Обсудив с ними это дело, он всегда отвечает, что не хочет колхоза и лучше обойдется без тракторов».

«Это были люди, которых вы называли кулаками?»

«Да, — ответил он, не повторив этого слова. После паузы он заметил: — Все это было очень скверно и трудно, но необходимо»

«Что же произошло?» — спросил я.

«Многие из них согласились пойти с нами, — ответил он. — Некоторым из них дали землю для индивидуальной обработки в Томской области, или в Иркутской, или еще дальше на север, но основная их часть была весьма непопулярна, и они были уничтожены своими батраками».

Наступила довольно длительная пауза. Затем Сталин продолжал: «Мы не только в огромной степени увеличили снабжение продовольствием, но и неизмеримо улучшили качество зерна. Раньше выращивались всевозможные сорта зерна. Сейчас во всей нашей стране никому не разрешается сеять какие бы то ни было другие сорта, помимо стандартного советского зерна. В противном случае с ними обходятся сурово. Это означает еще большее увеличение снабжения продовольствием»¹³.

Далее следует весьма любопытный комментарий Черчилля — «Я воспроизвожу эти воспоминания по мере того, как они приходят мне на память, и помню, какое сильное впечатление на меня в то время произвело сообщение о том, что миллионы мужчин и женщин уничтожаются или навсегда переселяются. Несомненно, родится поколение, которому будут неведомы их страдания, но оно, конечно, будет иметь больше еды и будет благословлять имя Сталина. Я не повторил афоризм Берка: «Если я не могу провести реформ без несправедливости, то не надо мне реформ». В условиях, когда вокруг нас свирепствовала мировая война, казалось бесполезным морализировать вслух»¹⁴.

Приведенный пассаж едва ли требует дополнительных пояснений. Поражает лишь то, что самый суровый период войны с гитлеровской Германией Сталин оценивал как менее тяжелый для себя период, чем эпопею коллективизации. Видимо, в этом признании нет фальши и гипертрофированных преувеличений. Так что, по-моему, есть все основания расценивать эпоху великого перелома не только в качестве одного из важнейших этапов в

жизни нашей страны, но и в политической судьбе самого Сталина. Успех или поражение — здесь репали для него все.

2. Головокружение от успехов или успех головокружения?

Приступая к масштабному проведению коллективизации, Сталин, бесспорно, учитывал всю сложность и многоплановость проблем, которые предстояло разрешить в процессе перевода деревни на новые, коллективистские рельсы. В первую очередь речь шла о преодолении частнособственнической психологии, присущей отнюдь не только зажиточным слоям, но и всему крестьянству в целом как классу. Поэтому создание крупного коллективного хозяйства в деревне выступало, помимо всего прочего, в качестве главного средства, так сказать, коренной ломки социальных корней психологии мелких собственников. Партийное руководство исходило из того, что только коллективизация создаст условия для превращения мелких частных собственников в сознательных строителей социализма. А это означало, что только социалистическое сельскохозяйственное производство могло стать материальной базой изменения частнособственнической психологии и уклада жизни крестьянства, формирования у него социалистического мировоззрения и нового отношения к труду.

Но решение указанной проблемы осложнялось и дополнялось не только фактором психологического порядка. Здесь психологические моменты обретали масштабы огромной и чрезвычайно сложной проблемы. Трудности заключались не только в том, что нужно было преодолеть привязанность крестьянина к своему хозяйству. Проведение коллективизации осложнялось также общей технико-экономической отсталостью страны и сельского хозяйства в особенности, нехваткой колхозных кадров и отсутствием опыта по социалистическому переустройству деревни.

В своих многочисленных выступлениях по вопросам коллективизации Сталин стремился, основываясь на соображениях экономической логики, доказать не только необходимость, но и неизбежность перевода села на рельсы коллективного хозяйства. В частности, он говорил: «Пока дело шло о восстановлении сельского хозяйства и освоении крестьянами бывших помещичьих и кулацких земель, мы могли довольствоваться старыми формами смычки. Но теперь, когда дело идет о реконструкции сельского хозяйства, этого уже недостаточно. Теперь надо идти дальше, помогая крестьянству перестроить сельскохозяйственное производство на базе новой техники и коллективного труда.

Это означает, во-вторых, что наряду с перевооружением нашей промышленности мы должны начать серьезно перевооружать и сельское хозяйство. Мы перевооружаем и отчасти уже перевооружили нашу промышленность, подводя под нее новую техническую базу, снабжая ее новыми улучшенными машинами, новыми улучшенными кадрами. Мы строим новые заводы и фабрики, мы реконструируем и расширяем старые, мы развиваем металлургию, химию, машиностроение. На этой основе растут города, множатся новые промышленные пункты, расширяются старые. На этой базе растет спрос на

продовольственные продукты, на сырье для промышленности. А сельское хозяйство остается при старых орудиях, при старых, дедовских, методах обработки земли, при старой, примитивной, теперь уже негодной или почти негодной технике, при старых мелкокрестьянских индивидуальных формах хозяйствования и труда.

Чего стоит, например, тот факт, что до революции было у нас около 16 млн. дворов, а теперь их имеется не менее 25 млн.? О чём говорит это, как не о том, что сельское хозяйство принимает всё более распылённый, раздроблённый характер. А характерная черта распылённых мелких хозяйств состоит в том, что они не в силах в должной мере использовать технику, машины, тракторы, данные агрономической науки, что они являются хозяйствами малотоварными. Отсюда — недостаток товарного выхода сельскохозяйственных продуктов.

Отсюда — опасность разрыва между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством.

Отсюда — необходимость подтянуть, подогнать сельское хозяйство к темпу развития нашей индустрии.

И вот, чтобы не было этой опасности разрыва, надо начать по-серьёзному перевооружать сельское хозяйство на базе новой техники. А чтобы его перевооружить, надо постепенно объединять раздроблённые крестьянские индивидуальные хозяйства в крупные хозяйства, в колхозы, надо строить сельское хозяйство на базе коллективного труда, надо укрупнять коллективы, надо развивать старые и новые совхозы, надо систематически применять массовые формы контрактиции ко всем основным отраслям сельского хозяйства, надо развивать систему машинно-тракторных станций, помогающих крестьянству осваивать новую технику и коллективизировать труд, — словом, надо постепенно переводить мелкие крестьянские индивидуальные хозяйства на базу крупного коллективного производства, ибо только крупное производство общественного типа способно использовать всю данные науки и новую технику и двинуть вперёд семимильными шагами развитие нашего сельского хозяйства»¹⁵.

При всем даже самом либерально-демократическом отношении к проблеме классовой борьбы в деревне с высоты сегодняшнего дня сопротивление процессу коллективизации со стороны зажиточных слоев населения, в первую очередь кулаков, выглядит отнюдь не искусственно выдуманной проблемой. Эти слои сельского населения, несомненно, отдавали себе отчет, что речь идет об их существовании как реальной самостоятельной силы в стране. Поэтому ожесточенное сопротивление кулака политике коллективизации создало к концу 20-х годов огромные трудности в деле социалистического строительства, как оно мыслилось сталинским руководством.

К концу 1929 года соотношение классовых сил в деревне изменилось в пользу социализма. В ведущих зерновых районах в отношении середняка к колхозам произошел перелом, положивший начало глубочайшему революционному социально-экономическому перевороту в деревне. Деревенская беднота и среднее крестьянство в массовом порядке стали вступать в коллективные хозяйства. В октябре — декабре в колхозы вступило 2,4 миллиона крестьянских хозяйств. С укреплением социалистических форм на селе, с ростом снабжения колхозов сельскохозяйственной техникой усиливалось их воздействие на крестьянство, возрастал процент коллективизации.

¹⁵ И. В. Сталин. Соч. Т. 12. С. 58–59.

Колхозы и совхозы дали стране более 2,1 миллиона тонн товарного хлеба, превысив кулацкое производство 1927 года. Они становились надежным источником получения государством хлеба и сырья. В зерновых районах в период хлебозаготовок 1928 — 1929 годов произошло серьезное размежевание классовых сил. Кулачество было изолировано, его влияние на середняцкие массы — подорвано. Подходил к завершению процесс формирования антикулацкого фронта, объединявшего бедняков, батраков и середняков¹⁶. Такова обобщенная официальная послесталинская оценка первого этапа коллективизации. Но она — и это надо признать, если стоять на почве объективности — была односторонней, явно приукрашивавшей реальную ситуацию той поры. В целях необходимой балансировки оценок и во имя выявления истины сошлемся на другую оценку, которая делает акцент не на успехах, а на проблемах, порожденных коллективизацией.

В документальном сборнике, посвященном сталинскому великому перелому в деревне, приводятся свидетельства того, что этот перелом натолкнулся на ожесточенное сопротивление достаточно широких слоев сельского населения. Сопротивление крестьян, которые поднимали восстания (по данным ОГПУ, уже в 1929 году в стране было зарегистрировано более 1300 случаев «массовых антисоветских выступлений»), сокращали посевы и резали скот, подтолкнуло сталинскую группу к еще более радикальным действиям. Под давлением из Москвы местные руководители в начале 1930 г. приступили к массовому насаждению колхозов. Уже на 1 марта в них числилось 56% крестьянских хозяйств, а в местностях, объявленных «районами сплошной коллективизации», в колхозы согнали почти всех крестьян. Массовые высылки, аресты и расстрелы обрушились не только на относительно зажиточную часть деревни, но и на тех крестьян, которые противились вступлению в колхозы. На форсированную коллективизацию крестьяне ответили новыми восстаниями, убийствами местных руководителей. В январе 1930 г. ОГПУ зарегистрировало по СССР 402 массовых выступления, в феврале — 1048, в марте — 6528. К концу февраля 1930 года вспыхивавшие в различных районах крестьянские антиколхозные выступления грозили превратиться в общее антисоветское восстание. Было забито 15 млн. голов крупного рогатого скота, треть поголовья свиней и свыше четверти поголовья овец. При этом вырисовывалась и еще более грозная опасность: срыв весеннего сева. Необходимо было принимать контрмеры, пока еще было не слишком поздно.

Антиколхозные выступления в марте 1930 года стали высшей точкой крестьянского движения против политики коллективизации. Затем они пошли на убыль, однако продолжались до конца 1930 года. Всего в 1930 году ОГПУ зафиксировало 13754 массовых выступления. Данные о количестве участников — почти 2,5 млн. человек — имелись по 10 тыс. восстаний. Таким образом, в общей сложности в 1930 году в массовых выступлениях в деревне принимали участие, видимо, более 3 млн. человек¹⁷. Приведенные данные взяты из комментариев к переписке Сталина с Кагановичем. Эти комментарии, хотя и ссылаются на документальные источники, выдержаны в заведомо антисталинском ключе и одна из целей их заключалась в том, чтобы в самом мрачном свете представить политику коллективизации. Читатель должен быть предупрежден об этом. Лично мне многие цифры,

¹⁶ См. **История Коммунистической партии Советского Союза**. Т. 4. Книга вторая. С. 42.

¹⁷ См. **Сталин и Каганович. Переписка. 1931 — 1936**. М. 2001. С. 13.

которыми либерально-демократические исследователи советского периода истории оперируют в качестве бесспорных, внушают, мягко говоря, глубокое сомнение. И дело заключается не в степени научной добросовестности того или иного автора, а в том, что изначально ставится и последовательно выполняется четкая задача — как можно более мрачными красками нарисовать картину сталинской эпохи. Отсюда с железной закономерностью вытекает все остальное — предвзятость, отсутствие объективности, целенаправленный подбор фактов и материалов, призванных подкрепить высказываемые этими авторами мысли и выносимые безапелляционные вердикты. Но это — отступление от основной нити нашего изложения, продиктованное необходимостью предупредить читателя относительно необходимости критически подходить к некоторым цифрам, поражающим воображение своей грандиозностью. По ходу рассмотрения многих аспектов деятельности Сталина мы не раз будем сталкиваться с этой проблемой. И это необходимо иметь в виду, чтобы не стать жертвой дезинформации. Хотя бы фактологической, не говоря уже о политической.

Было бы неверным представлять дело слишком упрощенно и исходить из того, что Сталин и возглавляемое им руководство абсолютно утратило контакт с реальностью и видело лишь успехи процесса коллективизации, закрывая глаза на серьезные перегибы, ставившие под вопрос успех всего процесса коллективизации. Так, по инициативе Сталина ЦК партии в январе 1930 года принял резолюцию о темпах коллективизации. В ней, в частности, говорилось: ЦК ВКП(б) подчеркивает необходимость решительной борьбы со всякими попытками сдерживать развитие коллективного движения из-за недостатка тракторов и сложных машин, вместе с тем ЦК со всей серьезностью предостерегает парторганизации против какого бы то ни было «декретирования» сверху колхозного движения, могущего создать опасность подмены действительно социалистического соревнования по организации колхозов игрой в коллективизацию¹⁸.

30 января 1930 года была направлена всем партийным организациям директива, в которой отмечалось: «С мест получают сведения, говорящие о том, что организации в ряде районов бросили дело коллективизации и сосредоточили свои усилия на раскулачивании. ЦК разъясняет, что такая политика в корне неправильна. ЦК указывает, что политика партии состоит не в голом раскулачивании, а в развитии колхозного движения, результатом и частью которого является раскулачивание. ЦК требует, чтобы раскулачивание не проводилось вне связи с ростом колхозного движения, чтобы центр тяжести был перенесен на строительство новых колхозов, опирающееся на действительно массовое движение бедноты и середняков. ЦК напоминает, что только такая установка обеспечивает правильное проведение политики партии»¹⁹.

Установки и директивы вроде бы были правильные и призывали к тому, чтобы местные партийные организации и направляемые ими органы советской власти проявляли гибкость и необходимую меру осторожности при проведении коллективизации. Однако в самой резолюции ЦК и в директивных письмах содержалось внутреннее противоречие, поскольку во главу угла было поставлено необходимость решительной борьбы против попыток сдерживать развитие процесса коллективизации. Оговорки относительно того, чтобы не использовались методы декретирования как-то тонули в общей атмосфере

¹⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. С. 542.

¹⁹ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Книга вторая. С. 63–64.

эйфории и радостного упоения успехами. И, как часто бывало в то время, общая атмосфера грандиозности происходящего процесса многим затуманивала глаза. К этому следует присовокупить и чрезвычайно распространенное в то время (да и не только в то время, но и вообще) стремление многих партийных функционеров продемонстрировать свое умение и отрапортовать перед начальством о досрочном выполнении поставленных задач.

Возникает вопрос: мог ли Сталин, как и вообще все руководство страны, предвидеть подобный оборот событий? Не только могли, но и были обязаны сделать это. Едва ли есть основания думать, что Сталин и руководство партии в целом не были в должной мере осведомлены о масштабах недовольства на селе. Достаточно привести пассаж одного из писем анонимного автора, адресованного власти предержащим. Вот что говорилось в нем:

«Уважаемые товарищи, вот 13 лет вы производите всевозможные эксперименты с населением России: вы гноите его голодом, холодом, бесправием, вы держите его в условиях террора и издевательства. Ваши охранки новейшей формации полны ни в чем не повинными людьми. И вот хотим мы вас спросить: знаете ли вы чувства масс к вам? А чувства эти к вам полны озлоблением, ненавистью и отвращением. Что касается до Сталина, Молотова, Кагановича, то их рабочий и крестьянин иначе и не называет, как «тифлиской обезьяной» (Сталина), «каменной жопой» (Молотова) и «пердеем пердеичем» (Кагановича). Эти клички вошли в постоянность и приобрели для них характер собственных имен, определяющих всю ценность их для масс. Пройдите инкогнито в городах (от Москвы до Владивостока), по деревням всей Республики и послушайте, как честит матом вас рабочий и крестьянин! Кроме «сволочи», «бандиты» вам имени нет! Эксплуататоры, жулики, лгуны! И сколько бы вы ни тратили народных денег на содержание своей клоачной прессы, прославляющей ваши мерзкие имена, никогда вы не введете в обман тех, над которыми вы теперь царствуете. Те идеалы, ради которых народ пошел за вами, оказались призраком. Вместо свободы слова — он получил ОГПУ с его казематами, перед которыми бледнеют Александровские равелины Петропавловки. Шпик на шпике, филер на филере — вот чем держитесь вы на своем престоле. Свобода выборов в советы оказалась дополнением общего издевательства над народом. Вы винтовкой и равелинами и застенками ГПУ создали такое положение, что Сталины и Кагановичи сами себя выбирают. Попробуйте-ка голосовать против — и ячейка, это своего рода жандармская сволочь, под покровом коммунистической мантии, покажет тебе кузькину мать»²⁰.

Конечно, приведенное письмо написано явным и озлобленным противником Советской власти и по нему нельзя судить об общих настроениях, доминировавших в стране, и особенно на селе. Но наличие растущего общего недовольства методами коллективизации и даже самой коллективизацией — факт очевидный и неоспоримый. Я приведу еще одну выдержку — на этот раз из коллективного письма крестьян, адресованного главе Советского правительства А. И. Рыкову: «С землей как поступает Советская власть? Насильно заставляет идти в коллективы, а если не желает тот или иной хозяин, то его лишают земли. А самый вернейший способ [справиться] с ним — сажают в ГПУ, а там маринуют его целыми годами ни за что и ни про что. Разве в начале революции так говорилось?! Любой гражданин получай землю и работай на ней, а теперь хочешь не хочешь, а иди в коллектив, а сказать что-либо против коллектива посмей! Так покажут, где

²⁰ Письма во власть. 1928 – 1939. М. 2002. С. 138.

раки зимуют или где Макар телят загоняет. Разве это такой свободы мы хотели и ждали? А где же свобода слова и печати, про какую нам пели все социалисты, в том числе и Ленин? Нет, тов[арищ] Председатель, не то крестьянам нужно... Если же Советская власть не изменит своего направления, то будет очень плохо, ибо крестьяне уже начинают друг друга резать, а когда сойдемся в коллектив, то гораздо будет хуже. Тогда наверняка перережемся, потому что не привыкли к жизни казарменной. Каждый старается для себя работать, а следует мое Государству отдавать, чуть не возвращаться к барщине. Мы очень рады, что от барщины избавились, а вдруг Советская власть нам ее навязывает обратно. Разве это по справедливости делается?»²¹

Приведенные отрывки из писем звучат как крик души. Они несут в себе заряд большой эмоциональной силы. Кстати, были и письма, в которых выражалось требование вспомнить завещание Ленина и снять Сталина с поста генсека. Так, на имя председателя ЦИК М. И. Калинина один коммунист, не пожелавший открыть свою фамилию, писал буквально следующее:

«Вы, соратник Ленина, разве не видите, что разогнан Ленинский ЦК и мы пляшем лезгинку. Массы возлагают на вас надежду. Не способствуйте разложению партии. Разве вы забыли Ленинский завет о Сталине? Мы — массы — ведь знаем кое-кто его, хотя и молчим пока. Нас заставляют голосовать и принимать парадные резолюции, а вы там, наверно, считаете это за чистую монету. Да только ли нас заставляют: ведь 3 членам Политбюро запретили говорить иначе, чем думает Сталин. Нам, смертным, тут и пикнуть нельзя. Подумайте. История не простит вам, если погубите партию.

22 мая 1929 г[ода]. Голоса масс»²².

Но Сталин, проводя свою линию, едва ли всерьез принимал во внимание всякого рода сантименты, в том числе и послания, обличавшие его лично. Собственно, вся его политика в целом (а не только в вопросах коллективизации) характеризовалась жесткостью и железной последовательностью в достижении поставленных целей. Какие-либо соображения гуманного свойства играли более чем скромную роль. Если они вообще играли какую-либо роль. Есть достаточные основания согласиться с известным советологом Л. Шапиро, который, касаясь, так сказать, гуманных, человеческих аспектов процесса коллективизации, замечал: «Сталин не испытывал подобных сомнений и не ставил себе никаких преград; он готов был пойти на любой риск ради осуществления своей цели — преобразования страны по плану, задуманному им самим. Его не беспокоила и мера тех страданий, которые он готов был причинить населению. Его можно осуждать за бесчеловечность, но, во всяком случае, ему следует воздать должное за его мужество. Впрочем, сама грандиозность задачи, за которую он тогда взялся, в известном смысле гарантировала его от внутренней оппозиции»²³.

В сопоставлении с нашими псевдодемократическими либеральными критиками политики индустриализации и коллективизации многие западные исследователи выглядят гораздо более объективными и основательными. В поле их зрения находятся не только отрицательные явления, порожденные великим переломом. Они в своем большинстве отмечают и историческую необходимость коренных преобразований экономики страны.

²¹ Письма во власть. 1928 – 1939. М. 2002. С. 104.

²² Там же. С. 78.

²³ Лернارد Шапиро. Коммунистическая партия Советского Союза. Выпуск второй. С. 100.

Причем любой серьезный исследователь понимает, что такого рода преобразования никогда не бывают легкими. И пройти через них это, — перефразируя Н. Г. Чернышевского — не значит совершить прогулку по Невскому проспекту.

Интересно обратить внимание на то, как Троцкий и его сторонники оценивали великий перелом и его последствия. Троцкий в «Бюллетене оппозиции», который он выпускал за границей, начиная с 1929 года, писал: «Бюрократическое форсирование темпов индустриализации и коллективизации, опирающееся на ложную теоретическую установку и не проверяемое коллективной мыслью партии, означает безоглядочное накопление диспропорций и противоречий, в особенности по линии взаимоотношений с мировым хозяйством»²⁴.

Генеральный секретарь, как и другие высшие партийные руководители, внимательно следили за тем, что писал Троцкий и, безусловно, знакомились со всеми представлявшими интерес материалами «Бюллетеня оппозиции». Не случайно во время партийных форумов делегаты нередко ссылались на факты и оценки, публиковавшиеся в этом бюллетене. Надо полагать, что вне внимания Сталина не осталось и следующее письмо, опубликованное в самый пик коллективизации. Автор этого письма сообщал о фактах, холодящих душу:

«То, что пишут о происходящих в ряде мест искривлениях деревенской политики, есть на деле общее правило. Обезьяна не узнает себя в зеркале. Наш округ сплошной коллективизации не отличается от других. Здесь обобществили все до последнего цыпленка, раскулачивали вплоть до валенок, которые стаскивали с ног малых детишек. Раз решив, что середняк и бедняк по своей природе должны тянуться в колхоз, тянули и того и другого за волосы. Словом, палку перегнули так, что она сломалась. Сейчас начался массовый выход из колхозов. На днях 80 чел. крестьян, составлявших одну из коммун, явились к местному прокурору с жалобой на то, что их всех затащили туда угрозами и насилием. Сегодня сообщают, что кое-где уже начались избиения председателей и других должностных лиц. Бабы являются в коммуны и растаскивают скот. Газеты отмечают потребительские тенденции в ряде колхозов. Это, опять-таки, не частное, а общее явление. Сплошная коллективизация не только не повысила товарность сельскохозяйственных продуктов, но ударила по ней так, что от нее ничего не осталось. Города сидят без масла, мяса, яиц, картошки и даже столицы перешли на микроскопический паек. Мы здесь уже давно сидим без мяса и рыбы. Лишь в последнее время начали получать колбасу из конины. В Ленинграде, как мне пишут, масло сливочное выдается только детям, растительное — по пол-литра в месяц...»²⁵

Совершенно очевидно, что политическая линия не могла рассчитывать на свою успешную реализацию, если бы она игнорировала реальные факты. В данном случае — пренебрегала нараставшим валом недовольства среди широких слоев сельского населения, в том числе и середняков. Без ставших повелительно необходимыми коррективов ситуация могла оказаться вне контроля и перерасти в серьезный социальный взрыв, способный похоронить не только сталинскую стратегию перевода деревни на новые рельсы, но и поставить под угрозу даже существование самого советского режима. Естественно, что под угрозой могла оказаться и личная власть Сталина. Вообще надо сказать, что период

²⁴ «Бюллетень оппозиции». 1931 г. № 20. (Электронный вариант)

²⁵ «Бюллетень оппозиции». 1931 г. № 12–13. (Электронный вариант)

великого перелома был одним из самых суровых испытаний для позиций генсека, утверждавшего себя в качестве единоличного вождя партии и страны.

В период великого перелома решение многих задач упиралось в развертывание и улушение организационной деятельности партийных ячеек, в активизацию работы органов Советской власти, в ликвидацию параллелизма в их функционировании, что требовало более четкого разграничения конкретных сфер их ответственности. Наконец, важным инструментом Сталин рассматривал всемерное развитие критики и самокритики, причем основной акцент делался на том, чтобы больше прислушивались к голосам, идущим снизу. Не случайно, что именно этот период насыщен частыми выступлениями как самого Генерального секретаря, так и других ведущих партийных руководителей по наиболее животрепещущим вопросам. Попутно следует оттенить одну мысль: призывы к критике и самокритике по большей части были сконцентрированы на недостатках работы местных организаций. Что же касается генерального направления всего курса на максимально форсированное осуществление великого перелома, то эта тема, естественно, оставалась в запретной зоне. Малейшие сомнения в правильности общей линии на большой скачок в коллективизации расценивались под углом зрения отнюдь не партийной критики, а в качестве нападок на политику партии с позиций правого уклона или же троцкизма. Надо ли особо подчеркивать, что подобная трактовка принципа развертывания критики и самокритики сужала ее границы и служила прежде всего интересам реализации стратегической линии Сталина. Наряду с этим обстоятельством дубинка критики активно и весьма эффективно использовалась для решительного подавления любых форм недовольства политикой Сталина. Она все в большей мере из обычной нормы партийной жизни, которой гордились большевики на протяжении всей своей деятельности, все в большей мере обретала роль инструмента упрочения личной власти Генерального секретаря. Здесь уместно сделать важное заключение: по существу речь уже шла не только о власти Сталина в партии, но и о его власти над партией. Этот момент можно считать фундаментальной качественной характеристикой общей эволюции сталинского режима в конце 20-х — начале 30-х годов в истории его политической деятельности.

Таковы лишь некоторые моменты, дающие общее представление о сложившейся в стране ситуации. Сталин в целом давал в высшей степени положительную оценку процессам, происходившим как в сфере индустриализации, так и в сфере коллективизации. В статье, приуроченной к очередной годовщине Октябрьской революции, он назвал 1929 год годом великого перелома. Конечно, для этого были достаточно веские основания. Но обозначить произведенный перелом великим и ограничиться этим, как мне представляется, значит допустить грубое искажение действительности. Величие этого перелома следует мерить не только успехами, но и лишениями, сопряженными с его осуществлением. Только в таком случае будет соблюдена необходимая мера исторической объективности и достоверности. В сталинском подходе успехи с полным правом поставлены на первый план. Недостатки же, а точнее говоря, — колоссальные социальные издержки, понесенные страной, — остались за историческими скобками.

Начавшуюся масштабную коллективизацию вождь определил в качестве одного из важнейших доказательств и признаков того, что в стране наступил великий перелом. Вот как он сам сформулировал эту мысль: «Речь идет о коренном переломе в развитии нашего

земледелия от мелкого и отсталого индивидуального хозяйства к крупному и передовому коллективному земледелию, к совместной обработке земли, к машинно-тракторным станциям, к артелям, колхозам, опирающимся на новую технику, наконец, к гигантам-совхозам, вооруженным сотнями тракторов и комбайнов.

Достижение партии состоит здесь в том, что нам удалось повернуть основные массы крестьянства в целом ряде районов от старого, капиталистического пути развития, от которого выигрывает лишь кучка богатеев-капиталистов, а громадное большинство крестьян вынуждено разоряться и прозябать в нищете, — к новому, социалистическому пути развития, который вытесняет богатеев-капиталистов, а середняков и бедноту перевооружает по-новому, вооружает новыми орудиями, вооружает тракторами и сельскохозяйственными машинами, для того чтобы дать им выбраться из нищеты и кулацкой кабалы на широкий путь товарищеской, коллективной обработки земли.

Достижение партии состоит в том, что нам удалось организовать этот коренной перелом в недрах самого крестьянства и повести за собой широкие массы бедноты и середняков, несмотря на неимоверные трудности, несмотря на отчаянное противодействие всех и всяких темных сил, от кулаков и попов до филистеров и правых оппортунистов»²⁶.

Сталин, можно сказать, ликовал как триумфатор, когда заявлял: «Мы идем на всех парах по пути индустриализации — к социализму, оставляя позади нашу вековую «рассейскую» отсталость.

Мы станем страной металлической, страной автомобилизации, страной тракторизации.

И когда посадим СССР на автомобиль, а мужика на трактор, — пусть попробуют догонять нас почтенные капиталисты, кичащиеся своей «цивилизацией». Мы еще посмотрим, какие из стран можно будет тогда «определить» в отсталые и какие в передовые»²⁷.

Если оценивать его слова с позиций сегодняшнего дня, то они воспринимаются как чрезмерно оптимистические, характеризующие только одну сторону процесса и начисто игнорирующую оборотную сторону медали под громким названием великий перелом. Да, — скажем мы, — это был поистине великий, но слишком уж крутой перелом. Перелом, не только открывший перед страной новые перспективы, но и во многом переломавший хребет целым социальным группам населения. Как я уже писал ранее, для исторической оценки этого перелома необходимо пользоваться разными критериями. Это не равнозначно тому, чтобы применять двойные стандарты. Разные критерии нужны для того, чтобы не сузить или вообще поставить под сомнение значимость происшедшего. Ибо отрицать историческое значение коллективизации как объективно необходимого этапа развития советского общества и превращения нашей страны в сильное самостоятельное государство — значит отрицать суровые и реальные факты нашей прошлой истории. Ибо в широком историческом контексте коллективизация была не прихотью установившего свою верховную власть самодура, а необходимой ступенью продвижения страны по пути прогресса.

²⁶ И. В. Сталин. Соч. Т. 12. С. 124—125.

И. В. Сталин. Соч. Т. 12. С. 135.

И то, что этот путь был тернист, ясно каждому, даже малосведущему в истории человеку. Возможно, о тернистом характере этого пути можно в определенной степени судить по тому факту, что Сталин перед лицом серьезнейших проблем, порожденных процессом коллективизации, был вынужден в начале марта 1930 года выступить со статьей «Головокружение от успехов». Эта, ставшая знаменитой, статья может быть охарактеризована не как сигнал к отступлению, а тем более как признание своего политического поражения. Справедливее было бы назвать ее как несколько запоздавший, но все-таки абсолютно назревший маневр тонкого политического стратега. Было уже очевидно, что необходимо не только сбавить темпы коллективизации, но и в ряде существенных моментов пересмотреть методы ее осуществления. Причем генсек, выступая со своей статьей, ни в коей мере не сомневался в правильности своей стратегической линии. Более того, он фактически поставил себя и своих ближайших сподвижников вне рамок критики за допущенные ошибки и, — как тогда принято было говорить, — перегибы.

Сделав в статье акцент на успехах и достижениях, подчеркнув, что именно они и составляют главное содержание переживаемого этапа, Сталин прибег к излюбленному приему. Он заявил: «Но успехи имеют и свою теневую сторону, особенно когда они достаются сравнительно «легко», в порядке, так сказать, «неожиданности». Такие успехи иногда прививают дух самомнения и зазнайства: «Мы все можем!», «Нам все нипочем!». Они, эти успехи, нередко пьянят людей, причем у людей начинает кружиться голова от успехов, теряется чувство меры, теряется способность понимания действительности, появляется стремление переоценить свои силы и недооценить силы противника, появляются авантюристские попытки «в два счета» разрешить все вопросы социалистического строительства. Здесь уже нет места для заботы о том, чтобы закрепить достигнутые успехи и планомерно использовать их для дальнейшего продвижения вперед. Зачем нам закреплять достигнутые успехи, — мы и так сумеем добежать «в два счета» до полной победы социализма: «Мы все можем!», «Нам все нипочем!»

Отсюда задача партии повести решительную борьбу с этими опасными и вредными для дела настроениями и изгнать их вон из партии»²⁸.

И уже вопреки фактам, логике и реальной действительности генсек заявил, что нельзя сказать, чтобы эти опасные и вредные для дела настроения имели сколько-нибудь широкое распространение в рядах нашей партии. На самом же деле такие настроения были распространены весьма широко. И ими были заражены не только местные руководители, но и сама верхушка партии. Равно как и ее лидер. Более взвешенно прозвучала его мысль о том, что «эти настроения все же имеются в нашей партии, причем нет оснований утверждать, что они не будут усиливаться»²⁹.

Корень совершенных ошибок Сталин видел в неправильном подходе к середняку, в допущении насилия в области хозяйственных отношений с середняком. В забвении того, что хозяйственная смычка с середняцкими массами должна строиться не на основе насильственных мер, а на основе соглашения с середняком, на основе союза с середняком. В забвении того, что основой колхозного движения в данный момент является союз рабочего класса и бедноты с середняком против капитализма вообще, против кулачества в особенности. В приложении к конкретной практике коллективизации это нашло

²⁸ И. В. Сталин. Соч. Т. 12. С. 192.

²⁹ Там же. С. 193.

выражение в том, что стали проявлять чрезмерную торопливость и, в погоне за высоким процентом коллективизации, стали насаждать колхозы в принудительном порядке. Неудивительно, что отрицательные результаты такой «политики» не заставили себя долго ждать. Наскоро возникшие колхозы стали так же быстро таять, как быстро они возникли, а часть крестьянства, вчера еще относившаяся к колхозам с громадным доверием, стала отворачиваться от них. Одну из важнейших причин перегибов, принявших, можно сказать, тотальный характер, генсек усматривал и в том, что нарушили ленинский принцип учета разнообразия условий в различных районах СССР применительно к колхозному строительству. Забыли, что в СССР имеются самые разнообразные области с различным экономическим укладом и уровнем культуры. Забыли, что среди этих областей имеются передовые, средние и отсталые области. Забыли, что темпы колхозного движения и методы колхозного строительства не могут быть одинаковыми для этих, далеко не одинаковых областей³⁰.

Разумеется, главная вина за все эти «извращения» коллективизации, как я уже упоминал выше, возлагалась прежде всего на местных руководителей. Это преследовало цель увести от ответственности тех, кто принимал кардинальные решения, определял рамки их реализации и фактически предопределял действия всех местных руководителей. Генсек отдавал себе отчет в том, что признание вины высших руководящих органов — ЦК и Политбюро — способно нанести лично ему немалый политический урон, поколебать его собственные позиции в стране и в партии. Поэтому максимум, который он позволил себе в «самокритике», это следующее заявление: «Успехи иногда кружат голову. Они порождают нередко чрезмерное самомнение и зазнайство. Это особенно легко может случиться с представителями партии, стоящей у власти. Особенно такой партии, как наша партия, сила и авторитет которой почти что неизмеримы. Здесь вполне возможны факты комчванства, против которого с остервенением боролся Ленин. Здесь вполне возможна вера во всемогущество декрета, резолюции, распоряжения. Здесь вполне реальна опасность превращения революционных мероприятий партии в пустое, чиновничье декретирование со стороны отдельных представителей партии в тех или иных уголках нашей необъятной страны. Я имею в виду не только местных работников, но и отдельных областников, но и отдельных членов ЦК»³¹.

Публикация статьи Сталина, несомненно, явилось событием первостепенной важности, свидетельствовавшей о глубокой озабоченности, если даже не об определенной политической растерянности, возникшей в партийном руководстве. Тревогой были охвачены не только сохранившие еще достаточно весомые позиции сторонники оппозиции в лице правых, но и, как можно судить по документам, представители сталинской группировки. Косвенным отражением служат слова самого генсека. В начале апреля 1930 года он выступил в печати со статьей «Ответ товарищам колхозникам». Тот факт, что он счел необходимым вновь возвратиться к поднятым проблемам, был фактическим свидетельством глубокого разброда в стране. Обрисовав сложившуюся к тому времени ситуацию и подчеркнув всю ее серьезность, Сталин писал: «Опасность эта обозначилась уже во второй половине февраля, в тот самый момент, когда одна часть наших товарищей, ослепленная предыдущими успехами, галопом неслась в сторону от

³⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 12. С. 207.

³¹ Там же. С. 211–212.

ленинского пути. ЦК партии учел эту опасность и не замедлил вмешаться в дело, поручив Сталину дать зарвавшимся товарищам предупреждение в специальной статье о колхозном движении. Иные думают, что статья «Головокружение от успехов» представляет результат личного почина Сталина. Это, конечно, пустяки. Не для того у нас существует ЦК, чтобы допускать в таком деле личный почин кого бы то ни было»³².

Глубокую тревогу вождя можно было понять. В стране все шире поднималась волна недовольства и критики проводившейся политики. Вот выдержка из письма, направленного в газету «Правда» из одного подмосковного колхоза: «Насилие, которое произвели бригадники (имеются в виду непосредственные исполнители сталинской политики проведения коллективизации на местах — Н. К.), привело к полному недоверию ЦК партии, в особенности к т. Сталину. Его называли зимогором (босая, бродяга — Н. К.), прохвостом, говорили, что у него закружилось в голове. Нечего на стрелочника сваливать. К делу коллективизации нужно было подойти вполне серьезно вверху, и постановление ЦК ВКП(б) о борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении разослать вперед да точно определить понятие о кулаке. В районе 10 кулаков, а раскулачили 500 человек (дворов). Крестьяне здесь не против коллективизации, но решительно против работы совместно вот с такой бандитской шайкой, какую у нас представляет «беднота»³³.

Весьма характерны и наблюдения очевидца событий той поры писателя М. Пришвина, который в своем дневнике записал: «Статья «Головокружение» в деревне теперь как эра, так и говорят всюду, начиная рассказ: «Было это, друг мой, до газеты»... Или скажут: «Было это после газеты».

И немудрено, это эра...

4 апреля. Вчера опять Сталин. Оказался прав тот мужик, который, прочитав манифест, сказал, что хотят взять мужика в обход. Обозначился обход: опубликованы льготы колхозникам, и подчеркнуто, что крестьяне вне колхозов этих льгот иметь не будут. Иначе говоря, государственный налог должны будут платить дикие крестьяне. Иначе и быть не может, на мужиков правительству опереться нельзя, значит, надо создать верных мужиков (то были столыпинские «крепкие земле» мужики, теперь колхозники, то есть крепкие правительству)»³⁴.

Для полноты общей картины, характеризовавшей значение приобретшей историческое значение статьи Сталина, уместно будет привести оценку, содержащуюся в «Кратком курсе». Поскольку именно эта оценка служила своего рода эталоном и определяла всю направленность и тональность трактовки событий, которой неуклонно придерживались все советские историки в сталинскую эпоху. В «Кратком курсе» говорилось:

«2 марта 1930 года по решению ЦК была опубликована статья тов. Сталина «Головокружение от успехов». В этой статье делалось предупреждение всем тем, кто, увлекаясь успехами коллективизации, впал в грубые ошибки и отступил от линии партии, всем тем, кто пытался переводить крестьян на колхозный путь мерами административного нажима. В статье со всей силой подчеркивался принцип добровольности колхозного строительства и указывалось на необходимость учитывать разнообразие условий в

³² И. В. Сталин. Соч. Т. 12. С. 212–213.

³³ **Голос народа.** Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918 – 1932. М. 1998. С. 292.

³⁴ «Октябрь». 1989 г. № 7. С. 151.

различных районах СССР при определении темпов и методов коллективизации. Тов. Сталин напоминал, что основным звеном колхозного движения является сельскохозяйственная артель, в которой обобществляются лишь основные средства производства, главным образом по зерновому хозяйству, и не обобществляются приусадебные земли, жилые постройки, часть молочного скота, мелкий скот, домашняя птица и т. д.

Статья тов. Сталина имела величайшее политическое значение. Эта статья помогла партийным организациям выправить их ошибки и нанесла сильнейший удар врагам Советской власти, надеявшимся на то, что на почве перегибов им удастся восстановить крестьянство против Советской власти. Широкие массы крестьянства убедились, что линия большевистской партии не имеет ничего общего с головоутиками «левыми» перегибами, допускавшимися на местах. Статья внесла успокоение в крестьянские массы»³⁵.

Что можно сказать по поводу этой оценки? Она не только апологетична по своему содержанию — что отнюдь не удивительно для всей сталинской эпохи — но и явно выдает желаемое за действительность. В ней до крайности упрощается реальный ход событий той поры и рисуется какая-то идиллическая историческая картина. В ней отображена только парадная сторона событий той поры. Но существовала и другая, не менее впечатляющая сторона, которую глухо замалчивали. Это ясно не только с высоты прошедшего времени. Это было ясно многим и тогда, когда эти события разворачивались во всей своей сложности и драматичности.

Для подтверждения этой мысли приведу выдержку из письма одного рабочего в адрес верхов: «Мы все, низы и пресса, проморгали этот основной вопрос о руководстве колхозами, а т. Сталин, наверное, в это время спал богатырским сном и ничего не слышал и не видел наших ошибок, поэтому и тебя тоже нужно одернуть. А теперь т. Сталин сваливает всю вину на места, а себя и верхушку защищает»³⁶. Здесь, как говорится, комментарии излишни.

Для полноты картины приведу еще оценку данной статьи генсека со стороны его смертельного врага Троцкого, который несколько позднее, но в том же 1930 году, направил открытое письмо членам ВКП(б) с критикой политики Сталина. В нем, в частности, говорилось: «Попав в тиски новых дополнительных противоречий, за которые он несет непосредственную ответственность, Сталин велеречиво предупреждает против «головокружения от успехов», сводя свою мудрость к тому, что недопустимо-де обобществлять «домашнюю птицу». Как будто в этом дело! Как будто утопически-реакционный характер «сплошной коллективизации» состоит только в преждевременной коллективизации кур, а не в принудительном создании крупных коллективных хозяйств без той технической основы, которая только и могла бы обеспечить их перевес над мелкими»³⁷.

Следует подчеркнуть, что проблемы, о которых говорилось выше, не являлись кульминацией или апогеем поистине трагических событий, следовавших позднее. Процесс коллективизации пока что только набирал свои обороты. Наиболее крутые меры

История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М. 1938. С. 294–295.

³⁵ **Документы свидетельствуют. 1927 – 1932.** Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927 – 1932 гг. С. 382.

³⁶ "Бюллетень оппозиции". 1930 г. № 10. (Электронный вариант).

маячили еще где-то на горизонте. Но и то, что имело место, вселяло не только надежды, но и глубокую тревогу. Именно этим можно объяснить тот факт, что в партии начали проявляться высказывания, смысл которых был предельно прост — не Сталин, а правая оппозиция придерживались правильного курса. Приведу выдержку из одного из писем того времени. «О правых уклонистах. В газетах пишут, что якобы были загибы во время коллективизации влево, но нужно сказать, что не кое-где, а лозунг ликвидации кулачества сам по себе является загибом влево. ЦИК (имеется в виду ЦК — Н. К.) пишет о борьбе с левым уклоном на словах лишь, а на деле проводит практику левого уклона. Правильно правые указывали на трудности. Я не сторонник старого строя, но нельзя согласиться с тем, какую проводили линию с XV партсъезда. Много погибло человеческих душ во время выселения кулаков, при 40 градусах мороза везли семьи на лошадях в Тюмень, в Тобольск. В одном городе Тобольске похоронено около 3 тыс. людей, это совершенно неповинные жертвы, это похоже на то, что когда-то Ирод издавал приказ избить младенцев до 6-месячного возраста. Пусть считают меня кулаком за то, что я не желаю пойти в колхоз, но при чем же тут дети виновны? Много пишут о самокритике, а на деле выходит так, что совсем нельзя критиковать ЦИК. Это как будто какая святыня или же императорская корона. Правы т. Бухарин, Рыков, Фрумкин и Томский, они лучше вас знают крестьянский быт и крестьянскую идеологию»³⁸.

Генеральный секретарь, конечно, был достаточно информирован о такого рода настроениях. Вообще тема информированности Сталина о том, что происходило в партии и стране, заслуживает внимания. Это важно не только само по себе, но и в свете того, что официальная печать нередко изображала дело так, что в самых высших эшелонах власти зачастую не знали о безобразиях, творившихся на местах. Такая позиция была весьма удобна. Но выглядела она как малоубедительная попытка переложить вину с себя на других. Сталин — и об этом свидетельствуют целые океаны донесений в его адрес по самым различным каналам — не просто в общих чертах, но досконально и в деталях был осведомлен о всем, что происходило в стране. Все перипетии процесса коллективизации, начиная с самого начала, были ему известны. Авторы комментариев к переписке Сталина с Кагановичем, касаясь данной проблемы, пишут: «Осуществление Сталиным тех или иных акций во многом зависело от информации, которая поступала к нему на рабочий стол. Информация эта, несомненно, была огромной — проекты различных решений и иных официальных документов, доклады ОГПУ — НКВД, информационные сводки по партийной линии, письма и обращения многочисленных партийно-государственных чиновников, доклады разного рода контролирующих органов, информация ТАСС, сообщения советских послов, материалы зарубежной прессы, некоторые письма рядовых граждан и многое другое. Состояние архивов, в том числе личного архива Сталина, таково, что мы не можем реконструировать в достаточной мере круг источников информации, которые действительно становились для Сталина актуальными в тот или иной период. Очевидно лишь, что Сталин не мог одинаково внимательно относиться ко всем этим материалам; многое, несомненно, оставалось непрочитанным»³⁹.

Поэтому смешно было бы думать, что те или иные его решения — в первую очередь ошибочные или запоздавшие — происходили из его недостаточной информированности.

³⁸ **Голос народа.** Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918 – 1932. С. 293.

³⁹ **Сталин и Каганович. Переписка.** С. 18.

Скорее можно предположить, что безбрежный поток информации, часто противоречивой, а иногда и просто лживой, вредил ему при анализе ситуации и принятии решений. Ведь порой избыток информации оказывается более худшей бедой, чем ее недостаток. Так что искать первопричины ошибочных решений Сталина необходимо отнюдь не в информации или дезинформации его со стороны партийных и государственных органов, а в чем-то другом. При этом следует сделать небольшое замечание: генсек, как правило, в своей политике, и в особенности в борьбе против оппонентов, оперировал не всей полнотой фактов. Он последовательно и целеустремленно выбирал только те из них, которыми можно было бы подтвердить обоснованность и безальтернативность его политического курса. Те же факты, что говорили не в его пользу, он попросту игнорировал. По крайней мере в своих публичных выступлениях. Это не значит, однако, что он их не принимал во внимание в своих политических расчетах.

Но подобная тактика имела и исключения. Нередко Сталин говорил со всей откровенностью, в том числе и тогда, когда речь шла об ошибках. Приведу его собственные слова: «Трудно остановить во время бешеного бега и повернуть на правильный путь людей, несущихся стремглав к пропасти... Главное дело состоит здесь в том, чтобы проявить мужество признать свои ошибки и найти в себе силы ликвидировать их в кратчайший срок. Боязнь признать свои ошибки после упоения недавними успехами, боязнь самокритики, нежелание исправить ошибки быстро и решительно — в этом главная трудность. Стоит преодолеть эту трудность, стоит отбросить прочь раздутые цифровые задания и канцелярско-бюрократический максимализм, стоит переключить свое внимание на задачи организационно-хозяйственного строительства колхозов, чтобы от ошибок не осталось и следа»⁴⁰.

Если судить о тогдашней ситуации не по выступлениям Генерального секретаря и не по рапортам, приходившим в центр, то есть все основания считать, что главным фактором, который вывел партийную верхушку, и прежде всего самого Сталина из состояния эйфории, было стремительно нараставшее недовольство широких слоев сельского населения, и прежде всего середняков, головокружительными и принудительными темпами коллективизации. Вполне естественным ответом на этот, по широким историческим меркам вполне обоснованный процесс, проходивший под диктовку центральных властей, а потому и приобретший фактически принудительный или полупринудительный характер, стали массовые крестьянские выступления. Сопротивление крестьян, которые поднимали восстания, сокращали посевы и резали скот, подтолкнули Сталина к еще более радикальным действиям. По указке Москвы местные руководители в начале 1930 года приступили к массовому насаждению колхозов. Уже на 1 марта в них числились 56% крестьянских хозяйств, а в местностях, объявленных «районами сплошной коллективизации», в колхозы согнали почти всех крестьян.

Как уже отмечалось, поведение коллективизации невероятно ускоренными темпами привело к росту массовых антиколхозных выступлений, убийствам местных руководителей, другим актам террора, открытого активного протеста против самой коллективизации. В марте 1930 года наблюдался самый бурный подъем крестьянских выступлений. Затем после знаменитой статьи Сталина он пошел на убыль, однако в целом выступления отнюдь не прекратились и продолжались до конца 1930 года. «Таким

⁴⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 12. С. 213–214.

образом, — пишут авторы комментариев к переписке Сталина с Кагановичем, — в общей сложности в 1930 г. в массовых выступлениях в деревне принимали участие, видимо, более 3 млн. человек. Удержать ситуацию под контролем правительству удалось только при помощи террора. Сотни тысяч крестьян были отправлены в лагеря и трудовые поселения в Сибири и на Севере. По некоторым данным, в 1930 году было приговорено к расстрелу только по делам, которые расследовало ОГПУ, 20201 человек»⁴¹.

Приведя эти цифры, я хочу призвать читателя относиться к ним не с безоглядным доверием, а вдумчиво и критично. Дело в том, что статистика — в спорах и дискуссиях по вопросам нашей истории, особенно периода правления Сталина, это — не столько инструмент воссоздания истинной картины того, что имело место в действительности, а мощное оружие идейно-политической борьбы. Его активно и весьма изощренно используют рьяные критики Сталина и противники социализма. Для них первостепенное значение имеет отнюдь не сам факт достоверности и исторической подлинности той или иной цифры. Цифры и факты (реальные или преувеличенные во много раз) призваны прежде всего подкрепить и аргументировать заранее выбранную позицию. Наши либерально-демократические авторы стали искусными специалистами по подбору и просиванию через сито псевдообъективности фактов и цифр из истории нашей страны советского, и в особенности сталинского периода.

Этой своей ремаркой я не хочу сказать, что все приводимые ими цифры и факты искажены или преувеличены. В еще меньшей мере я склонен к тому, чтобы замалчивать, а тем более отрицать масштабы репрессий, сопровождавших процесс коллективизации. Не расположен я и к тому, чтобы каким-либо образом снять с главного виновника огромного числа человеческих трагедий — Сталина — ответственность за его деяния. Речь идет лишь о том, чтобы попытаться хотя бы в самых общих чертах нарисовать подлинную, а не однобокую картину всего происшедшего, воздав должное как положительным, так и отрицательным сторонам стратегического курса на коллективизацию сельского хозяйства.

Слишком упрощенные оценки реакции генсека и вообще всего руководства страны на крупнейшие проблемы и ошибки в развитии коллективизации оставляют много вопросов, на которые нет убедительных ответов. Знакомясь с некоторыми умозаключениями отдельных авторов складывается впечатление, что Сталин не просто жестко и решительно проводил свою линию, но и всячески стремился отгородиться от суровой действительности, словно страус, пряча голову в песок. Вот, к примеру, одна из таких оценок: «Сталин получал необходимые данные о реальном положении деревни и распространявшемся голоде. Однако признать эти реальные факты и исходя из них анализировать ситуацию — означало для Сталина признать собственные ошибки и преступления, порочность проводимого ранее курса. Чтобы избежать этого, Сталин не только в публичных выступлениях, но и в секретной переписке конструировал для себя и своих соратников такую картину происходящих событий, которая была далека от реальности, но позволяла сохранить «политическое лицо» высшей власти. Эта тенденция, ставшая правилом, порождала постоянное запаздывание с принятием необходимых мер, непоследовательные решения, что доводило кризисы до крайних пределов»⁴².

⁴¹ См. *Сталин и Каганович. Переписка*. С. 13.

⁴² Там же. С. 18.

Думается, что при отсутствии плотного контакта с реальностью трудно, если вообще было возможно, осуществить коллективизацию, что, как известно, было сделано, несмотря на все трагические издержки. Поэтому современные патетические филиппики в адрес генсека должны проходить проверку реальной практикой, сопоставляться с фактами.

Разумеется, нельзя не учитывать того обстоятельства, что ошибки в колхозном движении были обусловлены в немалой степени новизной и сложностью процесса социалистического переустройства миллионов единоличных крестьянских хозяйств. Партии большевиков во главе с ее Генеральным секретарем первой пришлось осуществлять глубочайшее революционное преобразование социально-экономических отношений в советской деревне и всего уклада жизни самого многочисленного класса — крестьянства, создавать в обстановке отнюдь не мифической, а вполне реальной острой классовой борьбы и противодействия со стороны противников социализма невиданное в истории крупное социалистическое производство в сельском хозяйстве, вести крестьянство к социализму неизведанным путем. Серьезную отрицательную роль сыграло и отсутствие опыта строительства социалистического крупного сельского хозяйства, недооценка силы привязанности крестьян к единоличному хозяйству и стремление в короткий срок разрешить обострившуюся зерновую проблему. Вполне правомерно, что в создании колхозов генсек, а вслед за ним и вся партия, видели единственную реальную возможность преодоления отсталости сельского хозяйства и роста его производства. Поэтому, когда началась сплошная коллективизация, многие, и Сталин в первую очередь, хотели решить эту грандиозную и чрезвычайно сложную задачу как можно скорее, не считаясь с реальными возможностями и степенью подготовленности крестьянских масс, особенно середняка, к вступлению в колхозы.

Но общественная практика, как известно, — лучший учитель. Сталинское руководство силой развития самой жизни вынуждено было пойти на серьезные коррективы своей политики. Одним из конкретных проявлений этого явилось письмо ЦК ВКП(б) партийным организациям от 2 апреля 1930 г. В нем говорилось об огромной опасности, возникшей в связи с ошибками и перегибами в колхозном движении. Центральный Комитет заявил, что «в результате антисередняцких искривлений политики партии под угрозу поставлено сохранение союза с середняком, „дело коллективизации и социалистическое строительство в целом». В колхозах, селах и деревнях состоялись собрания колхозников, на которых обсуждались постановления ЦК ВКП(б) и новый Устав сельскохозяйственной артели. Были проверены списки граждан, лишенных избирательных прав и раскулаченных. Средняки, попавшие в эти списки, восстанавливались в избирательных правах. Проводились довыборы середняков в правления колхозов. Сельские Советы, допустившие ошибки, были распущены. В результате новых выборов их состав значительно пополнился середняками. Большинство коммун было преобразовано в артели, а колхозы-гиганты — ликвидированы. Партийные и советские работники, повинные в грубых ошибках, — сняты с работы. Колхозы, организованные административным путем, распускались. В результате процент коллективизации значительно снизился. Остались колхозы, созданные на основе принципа добровольности. Наибольший выход крестьян из колхозов произошел в областях, краях и республиках, слабо подготовленных к

сплошной коллективизации, которым для проведения ее предоставлялось более двух лет. В ведущих же зерновых районах сохранился высокий уровень коллективизации⁴³.

Подводя краткий итог, можно констатировать, что первоначальные невероятно высокие темпы процесса коллективизации свидетельствовали отнюдь не о том, что у кого-то на местах закружилась голова от успехов. Само высшее руководство страны и партии в лице ее Генерального секретаря оказалось в состоянии глубокого политического опьянения. Оно на некоторое время утратило контакт с реальной действительностью и очутилось в состоянии политической прострации. Правда, надо заметить, что Сталин всегда проявлял присущий ему практицизм и стремление трезво оценивать ситуацию. Продемонстрировал он это свое качество и на этот раз. Разумеется, его самокритика, если так позволительно назвать его публичные признания в совершении некоторыми партийными органами серьезных перегибов и ошибок, носила строго очерченные границы. Она ни в коей мере не относилась к правильности и неизбежности общего курса на коллективизацию. Более того, генсек извлек из ошибок и провалов первого этапа коллективизации соответствующие уроки. Причем надо подчеркнуть, что коррективы, вносившиеся в стратегию коллективизации, он ни в коей мере не считал каким-либо отступлением от своего генерального курса.

Вот его интерпретация отступления.

«Об отступлении могут здесь говорить лишь люди, считающие преодоление ошибок и искривлений наступлением, а борьбу с ошибками — отступлением...» По словам Сталина лишь головотяпы «не понимают классовой природы наступления. Кричат о наступлении. Но наступление на какой класс, в союзе с каким классом? Мы ведем наступление на капиталистические элементы деревни в союзе с середняком, ибо только такое наступление может дать нам победу. Но как быть, если в пылу увлечения отдельных отрядов партии наступление начинает соскальзывать с правильного пути и поворачивается своим острием против нашего союзника, против середняка? Разве нам нужно всякое наступление, а не наступление на определенный класс в союзе с определенным классом? Дон-Кихот тоже ведь воображал, что он наступает на врагов, идя в атаку на мельницу. Однако известно, что он расшиб себе лоб на этом, с позволения сказать, наступлении.

Видимо, лавры Дон-Кихота не дают спать нашим «левым» загибщикам»⁴⁴.

Сталин, конечно, не был Дон-Кихотом в политике. И наивно было ожидать от такого изощренного политического деятеля, каким уже в полной мере проявил себя Сталин, что он, столкнувшись с первыми серьезными трудностями, признает свою неправоту и повернет назад. В тех исторических условиях это было равнозначно признанию своего если не полного, то частичного банкротства. Иными словами, это было бы актом близким к политическому самоубийству. И если генсека ни в каком разе нельзя причислять к политическим Дон-Кихотам, то тем более нелепо и даже смешно относить его к разряду политических самоубийц. Других он доводил до этого, но сам никогда не помышлял о подобном. Любое временное отступление Сталин использовал для подготовки нового наступления.

К тому же надо принять во внимание и сложившуюся к тому времени ситуацию: он только что в связи с 50-летием фактически был возведен в сан вождя партии, и в этой

⁴³ См. *История Коммунистической партии Советского Союза*. Т. 4. Книга вторая. С. 66.

⁴⁴ *И. В. Сталин*. Соч. Т. 12. С. 214, 215–216.

обстановке расписаться в своей политической несостоятельности означало лишь одно — он не соответствовал требованиям, предъявлявшимся к его новому статусу. И вполне логично, что так называемая самокритика генсека носила более чем относительный характер. Ведь Сталин шаг за шагом утверждал в партии принципиально иные по сравнению с прошлыми большевистскими традициями нормы — вождь партии в конечном счете всегда прав. Прав даже тогда, когда допускает ошибки, ибо сами по себе ошибки имеют свое позитивное содержание, как бы служа компасом, по которому выверяется в целом правильная генеральная линия партии в строительстве социализма. Конечно, подобная логика не могла лежать в основе серьезной и ориентированной на перспективу политической стратегии. Она служила лишь на потребу другим — ее широко использовала пропагандистская машина. Сам же вождь предпочитал опираться на реалии и на их основе строил свою политику.

1:

3. Ликвидация кулачества как класса

2:

В рассматриваемый период присущая Сталину политическая активность просто бурлила. Он целеустремленно разрабатывал новые меры, призванные форсировать реализацию намеченных планов ускоренной коллективизации. Порой создавалось впечатление, что он стремится не столько идти в ногу со временем, сколько обогнать его. Нужны были какие-то новые шаги по пути перевода деревни на социалистические рельсы. И одним из ключевых звеньев в цепи таких мер стала выдвинутая Генеральным секретарем идея ликвидации кулачества как класса.

Касаясь теоретических предпосылок сталинской концепции ликвидации кулачества как класса, необходимо отметить следующее. В марксистско-ленинской теории, как ее интерпретировали даже самые радикально настроенные большевики, по существу не было никаких намеков о самой возможности устранения с исторической арены целого класса с помощью мер государственного воздействия. До сих пор считалось, что классы в период строительства нового общественного строя отомрут в силу естественного развития нового строя. Причем этот процесс будет происходить сравнительно медленными темпами и займет довольно большой исторический отрезок времени. Иными словами, речь шла не о каком-то единовременном революционном акте, в результате которого кардинальным образом изменится классовая структура общества. Опыт Октябрьской революции убедительно свидетельствовал о том, что устранение с исторической арены классов помещиков и буржуазии был не только чрезвычайно болезненным, но и достаточно долгим процессом. В конечном счете ликвидация этих двух классов вылилась в форму многолетней Гражданской войны и принесла с собой колоссальные материальные и людские потери и жертвы. Добавим, что опыт радикальных революций в других странах также однозначно говорил о том, что уход с исторической сцены отживших классов неизбежно сопряжен с поистине тектоническими потрясениями в обществе и не проходит гладко, а тем более быстро.

Было бы наивным полагать, что эти основополагающие постулаты марксистско-ленинского учения не были досконально известны Сталину. Но он со свойственной ему

решимостью решил коренным образом пересмотреть эти постулаты и выдвинуть свои пути и методы решения классовых проблем в новой России. Причем этот пересмотр общепризнанных до сих пор положений касался не только методов решения классовых проблем, но и временных сроков. Надо подчеркнуть одно обстоятельство, имевшее большое значение: Генеральный секретарь нигде не заявлял, что он вносит, можно сказать, принципиальную новацию в общепринятую марксистско-ленинскую теорию в данном вопросе. Напротив, он неизменно подчеркивал, что следует во всем указаниям своего учителя В. И. Ленина. Хотя объективный анализ и сопоставление взглядов последнего с новациями Сталина однозначно свидетельствуют о том, что Ленин никогда не предлагал решать проблему кулаков теми путями и способами, которые стали нормой при Сталине.

Здесь следует подчеркнуть, что главную и решающую ставку генсек сделал на меры принудительного характера. Решение вопросов преимущественно социального плана посредством репрессивно-административных методов как-то не укладывалось в рамки общепризнанных марксистских теорий. Известно, что марксизм признает, что насилие имеет свои границы применения в качестве средства решения социальных проблем. И не на насилии он делает главный упор в решении проблем общественного развития.

В приложении к конкретным условиям России проблема кулачества имела свои уникальные особенности. Не стану подробно останавливаться на них. Отмечу лишь, что к тому времени не существовало каких-то ясных и определенных критериев, на базе которых можно было бы провести четкую классовую дифференциацию. Зачастую к кулакам относили просто зажиточных крестьян, относительно высокий уровень жизни которых был обеспечен прежде всего их собственным трудом, трудом, как правило, многочисленных членов их семейств. Эксплуатация наемного труда имела относительно ограниченные размеры и часто не играла в хозяйстве решающей роли. Но именно этот объективный экономический критерий оставался как бы в тени и на передний план выдвигались отнюдь не бесспорные признаки зажиточности того или иного сельского жителя. Иными словами, голый субъективизм, если оперировать строго научными понятиями, играл решающую роль при определении классовой принадлежности того или иного сельского жителя. Надо ли удивляться тому, что при раскулачивании допускалось великое множество несправедливостей и произвола!

При подходе к решению классовых проблем Сталин допустил ряд не просто ошибок и отступлений от ленинских принципов, но в сущности отбросил эти принципы. Хотя истины ради надо сказать, что и у Ленина на этот счет можно встретить немало мыслей и высказываний, содержащих внутренние противоречия и взаимно исключающих друг друга. Но в конце концов с позиций сегодняшнего дня эти нюансы не имеют принципиального значения. Предполагать, как бы развивались события в нашей стране, если бы Сталин во всем следовал указаниям Ленина, — это все равно что гадать на кофейной гуще. Еще неизвестно, какую бы политику проводил Ленин, столкнувшись с дилеммами, стоявшими перед Сталиным. Делая такое замечание, я вовсе не хочу бросить тень на Ленина и обелить таким способом Сталина. Нет, речь идет прежде всего и исключительно о конкретной политике, инициатором и проводником которой выступил Сталин.

Он никогда не был голым прагматиком, и хотя практицизм всегда составлял одну из отличительных черт его политики и всей его политической философии, Сталин стремился всегда дать то или иное теоретическое обоснование своему политическому курсу. Разумеется, приводя в качестве фундаментальных аргументов ссылки на классиков марксизма-ленинизма. То же самое продемонстрировал он и в подходе к обоснованию курса на ликвидацию кулачества как класса. Проблемам коллективизации была специально посвящена конференция аграрников-марксистов в декабре 1929 года. Она стала тем форумом, на котором генсек изложил свои основные теоретические обоснования линии на ликвидацию кулачества как класса.

Исходя из тезиса, что колхозное движение, принявшее характер мощной нарастающей антикулацкой лавины, сметает на своем пути сопротивление кулака, ломает кулачество и прокладывает дорогу для широкого социалистического строительства в деревне, Сталин поставил в качестве исключительно актуального вопроса вопрос об отставании теории: «...Надо признать, что за нашими практическими успехами не поспевает теоретическая мысль, что мы имеем некоторый разрыв между практическими успехами и развитием теоретической мысли. Между тем необходимо, чтобы теоретическая работа не только поспевала за практической, но и опережала ее, вооружая наших практиков в их борьбе за победу социализма»⁴⁵.

В соответствии с указанием вождя развернулась кампания по критике, а точнее сказать, шельмованию видных тогдашних экономистов. Они были разделены на два разряда — представители буржуазного течения (Н. Кондратьев и другие) и мелкобуржуазного (А. Чаянов и его единомышленники). Сторонников буржуазного течения обвиняли в том, что они открыто выступали против социалистического пути развития сельского хозяйства, выдвигая реставрацию капитализма как единственный путь подъема сельского хозяйства. Им вменялась в вину позиция, согласно которой курс Сталина на коллективизацию является «социалистической фантастикой».

О том, насколько обоснованными были обвинения в адрес Н. Кондратьева, читатель может судить по следующему обобщающему выводу, сформулированному самим ученым в докладной записке В. М. Молотову от октября 1927 года. Кондратьев писал: «Весьма скромные успехи коллективизации сельскохозяйственного производства обусловлены не только новизной и сложностью самой организации коллективного хозяйства, но также и тем, что в данное время мы еще не имеем достаточных технических и хозяйственных предпосылок для достаточно быстрого роста коллективного хозяйства. Совершенно несомненно, что коллективная форма хозяйства, рассматриваемая с социальной точки зрения как наиболее высокая форма, может иметь твердую базу для роста лишь при условии, когда она была бы в состоянии выявить все свои положительные стороны по сравнению с индивидуальным хозяйством. Положительные стороны коллективного хозяйства по сравнению с хозяйством мелким, индивидуальным могут выявиться лишь при условии высокой технической базы коллективного хозяйства и достаточно совершенной организации его. Между тем мы видели, что степень снабжения сельскохозяйственными машинами у нас пока стоит очень низко. Уровень роста коллективизации сельского хозяйства поэтому находится в самой тесной зависимости от развития индустрии и снабжения сельского хозяйства усовершенствованными машинами. Поскольку в

⁴⁵ И. В. Сталин. Соч. Т. 12. С. 141–142.

настоящее время последнего мы не имеем, постольку медленно развивается и процесс коллективизации»⁴⁶.

В доводах Н. Кондратьева, несомненно, виден глубокий профессиональный подход. Однако за всеми его аргументами сквозило — и это надо признать — хорошо замаскированное сомнение в возможности быстрыми темпами осуществить перевод сельского хозяйства на новые рельсы. И подобного рода сомнения испытывали не только так называемые буржуазные ученые, но и многие правоверные коммунисты. Так что причислять Н. Кондратьева к злостным противникам коллективизации не было серьезных оснований. Более того, своими критическими замечаниями он оказывал скорее услугу большевистским руководителям, чем подрывал их курс на перевод села на новые рельсы коллективного хозяйства. Однако для Сталина были неприемлемы любые критические замечания, способные посеять в умах хотя бы малейшие сомнения в возможности осуществления намеченных им планов.

То же самое можно сказать и по поводу позиции А. Чаянова, справедливо увязывавшего вопросы развития сельского хозяйства с подведением под него солидной индустриальной основы. В своей докладной записке тому же В. Молотову А. Чаянов писал: «...Мы должны всегда, говоря об индустриализации, мыслить себе перестройку всего народного хозяйства в направлении более индустриального типа его сложения. Развитие удельного веса промышленности при этом должно предполагать крупнейшие видоизменения в сельскохозяйственной базе этой промышленности, в частности, развивая промышленность, мы должны совершенно видоизменить строение ее сырьевой базы, как поставщика сырья и всячески развить товарные формы сельского хозяйства, разделением сельскохозяйственных функций между районами, употреблением покупного посевного материала, удобрений и механизацию сельского хозяйства как рынка других продуктов будущей индустрии»⁴⁷.

В такой постановке вопроса трудно — если только сильно не желать этого — усмотреть оппозицию самой идее перевода села на рельсы коллективного хозяйства. Но тем не менее сторонников мелкобуржуазного течения выставляли яркими апологетами мелкого крестьянского хозяйства, поскольку, мол, они считают его наиболее устойчивой формой сельскохозяйственного производства. Соответственно, под их теоретические взгляды подводилась политическая подкладка: оба течения якобы имели одну классовую опору — кулачество, и стремились к одной политической цели — восстановлению капитализма. И логическим следствием всех этих обвинений стало то, что и Кондратьев, и Чаянов, и многие другие представители экономической науки еще старого, дореволюционного закала, в конце концов подверглись репрессиям как враги советского строя и советского государства.

На конференции марксистов-аграрников критике была подвергнута имевшая довольно широкую известность так называемая теория «равновесия» секторов народного хозяйства. Согласно этой теории социалистический и капиталистический секторы развиваются мирно, без борьбы классов, постепенно сливаясь в будущем в единое социалистическое хозяйство. В действительности социально-экономическое развитие проходило в обстановке острой классовой борьбы между социализмом и капитализмом. Кроме того,

⁴⁶ "Известия ЦК КПСС" 1989 г. № 7. С. 207.

⁴⁷ "Известия ЦК КПСС" 1989 г. № 6. С. 219.

социалистическая промышленность развивалась на основе расширенного воспроизводства, а мелкие крестьянские хозяйства — на базе простого воспроизводства. Сталин полагал, что этим самым создавалась реальная опасность срыва индустриализации страны. По его мнению, теория «равновесия» имела целью оправдать сохранение мелких индивидуальных крестьянских хозяйств, вооружить кулацкие элементы «новым» теоретическим оружием в борьбе с колхозами и дискредитировать колхозное движение.

Именно в выступлении на этой конференции Генеральный секретарь выдвинул и обосновал новый курс — на ликвидацию кулачества как класса. Он заявил, что это — «поворот в политике нашей партии»⁴⁸. Расшифровывая суть поворота, Сталин пояснил: «Это значит, что от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества мы перешли к политике ликвидации кулачества, как класса. Это значит, что мы проделали и продолжаем проделывать один из решающих поворотов во всей нашей политике.

До последнего времени партия стояла на позиции ограничения эксплуататорских тенденций кулачества. Известно, что эта политика была провозглашена еще на VIII съезде партии. Она, эта самая политика, была вновь возведена при введении нэпа и на XI съезде нашей партии. Всем памятно известное письмо Ленина о тезисах Преображенского (1922 г.), где он вновь возвращается к вопросу о необходимости проведения такой именно политики. Она была, наконец, подтверждена XV съездом нашей партии. Ее и проводили мы до последнего времени»⁴⁹.

Необходимость и объективную возможность перехода к новой политике в отношении кулачества генсек мотивировал успехами в деле коллективизации, в укреплении союза между рабочим классом и крестьянством в лице бедняков и середняков. По его словам, «крестьянин старого типа с его зверским недоверием к городу, как к грабителю, отходит на задний план. Его сменяет новый крестьянин, крестьянин-колхозник, смотрящий на город с надеждой на получение оттуда реальной производственной помощи. На смену крестьянину старого типа, боящемуся опуститься до бедноты и лишь украдкой подымающемуся до положения кулака (могут лишить избирательного права!), приходит новый крестьянин, имеющий новую перспективу — пойти в колхоз и выбраться из нищеты и темноты на широкую дорогу хозяйственного и культурного подъема»⁵⁰.

Генеральный секретарь широкими и чрезмерно радужными мазками нарисовал перспективы новой политики. Он, в частности, сказал: «Теперь у нас имеется... материальная база для того, чтобы заменить кулацкое производство производством колхозов и совхозов. Именно поэтому наше решительное наступление на кулачество имеет теперь несомненный успех.

Вот как надо наступать на кулачество, если говорить о действительном и решительном наступлении, а не ограничиваться пустопорожней декламацией против кулачества.

Вот почему мы перешли в последнее время от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества, как класса.

Ну, а как быть с политикой раскулачивания, можно ли допустить раскулачивание в районах сплошной коллективизации? — спрашивают с разных сторон. Смешной вопрос! Раскулачивания нельзя было допускать, пока мы стояли на точке зрения ограничения

⁴⁸ Там же. С. 181.

⁴⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 12. С. 166.

⁵⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 12. С. 160.

эксплуататорских тенденций кулачества, пока мы не имели возможности перейти в решительное наступление против кулачества, пока у нас не было возможности заменить кулацкое производство производством колхозов и совхозов. Тогда политика недопустимости раскулачивания была необходима и правильна. А теперь? Теперь — другое дело. Теперь мы имеем возможность повести решительное наступление на кулачество, сломить его сопротивление, ликвидировать его, как класс, и заменить его производством производством колхозов и совхозов. Теперь раскулачивание производится самими бедняцко-средняцкими массами, осуществляющими сплошную коллективизацию. Теперь раскулачивание в районах сплошной коллективизации не есть уже простая административная мера. Теперь раскулачивание представляет там составную часть образования и развития колхозов. Поэтому смешно и несерьезно распространяться теперь о раскулачивании. Снявши голову, по волосам не плачут»⁵¹.

И через довольно короткий промежуток времени Сталин, как бы в назидание бывшим правым оппозиционерам, с преждевременным торжественным пафосом заявил, что по сравнению с политикой ликвидации кулачества как класса «чрезвычайные меры против кулачества представляют пустышку. И ничего — живём»⁵².

Читая эти заявления генсека невольно можно подумать, что он впал в состояние политической эйфории. Предвидел ли он масштабы сопротивления со стороны не только кулаков, но и достаточно широких масс сельского населения? Мне думается, что подлинные масштабы сопротивления и для него самого явились в определенной степени неожиданностью. Впрочем, достаточно вспомнить его признания Черчиллю, чтобы признать такое предположение вполне реальным.

Если обратиться к реалиям, то политика ликвидации кулачества как класса была качественно новой политикой. Она коренным образом отличалась от политики ограничения и вытеснения кулацких хозяйств, при которой кулакам разрешалось арендовать землю, применять наемную рабочую силу, сдавать в аренду рабочий скот, сельскохозяйственные машины и инвентарь. Проводимое при этом обложение кулацких хозяйств высоким налогом задерживало их рост, вело к вытеснению отдельных хозяйств, но не могло ликвидировать кулачество в целом. Существо же политики ликвидации кулачества как класса заключалось в лишении его средств производства.

На эту сторону проблемы Сталин обращал особое внимание. Он исходил из посылки, что вообще успех или поражение политики коллективизации зависят в решающей мере от того, удастся или нет сломить сопротивление кулаков и смести их с исторической сцены. «Чтобы вытеснить кулачество, как класс, для этого недостаточно политики ограничения и вытеснения отдельных его отрядов. Чтобы вытеснить кулачество, как класс, надо сломить в открытом бою сопротивление этого класса и лишить его производственных источников существования и развития (свободное пользование земель, орудия производства, аренда, право найма труда и т. д.).

Это и есть поворот к политике ликвидации кулачества, как класса. Без этого разговоры о вытеснении кулачества, как класса, есть пустая болтовня, удобная и выгодная лишь правым уклонистам. Без этого немыслима никакая серьезная, а тем более сплошная

И. В. Сталин. Соч. Т. 12. С. 169.

⁵² И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 14.

коллективизация деревни. Это хорошо поняли бедняки и середняки нашей деревни, громащие кулачество и осуществляющие сплошную коллективизацию»⁵³.

Однако — и это надо особо подчеркнуть — этим данная политика не ограничивалась. Сугубо экономические меры, по мнению Сталина, не могли решить столь грандиозную и многоплановую проблему. Кулачество к концу НЭПа представляло собой внушительную социальную и экономическую силу. В 1927 году в стране насчитывалось 1,1 миллиона кулацких хозяйств, которые располагали значительной материальной базой. Кулаки засевали 15 процентов посевной площади страны, сосредоточивали в своих хозяйствах 11,2 процента всего рабочего скота и большую часть сельскохозяйственных машин⁵⁴.

В практическом плане реализация принятой политики была чрезвычайно сложным и весьма трудоемким делом. Необходимо было разработать и соответствующим образом оформить правовые и административные акты, на базе которых эта политика проводилась бы в жизнь. По инициативе лично Сталина в конце января 1930 года Политбюро ЦК ВКП(б) вынесло решение «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Согласно этому решению кулаки разделялись на три категории. Представители первой категории — организаторы массовых антисоветских выступлений и террористических актов — по решению судебных органов подлежали изоляции. Крупные кулаки и бывшие полупомещики, составлявшие вторую категорию, выселялись в малонаселенные районы СССР. В третью, самую многочисленную категорию, входили остальные кулаки. Они переселялись на земли, находившиеся за пределами колхозов. Постановление указывало, что при ликвидации кулачества в районах сплошной коллективизации необходимо исходить из фактического числа кулацких хозяйств. Тем самым сталинское Политбюро предостерегало партийные организации от применения по отношению к середнякам мер, направленных против кулачества, так как число кулацких хозяйств по всем основным районам составляло в среднем примерно 3 — 5 процентов⁵⁵.

Официальная советская историография послесталинского периода следующим образом оценивала первые итоги практической реализации политики ликвидации кулачества как класса: «Наступление на капиталистические элементы с целью их полной ликвидации развернулось по всему фронту — не только в промышленности и торговле, но и в сельском хозяйстве. В районах сплошной коллективизации Советы перешли к выселению кулаков, относившихся ко второй категории. Кулаки и члены их семей приобщались к общественно полезной деятельности. По октябрю 1930 года было выселено 115231 кулацкое семейство. К концу года закончилось и расселение кулаков третьей категории. Первый этап ликвидации кулачества в районах, перешедших к сплошной коллективизации, был завершен. Там, где колхозное движение не приняло еще характера сплошной коллективизации, проводилась политика ограничения и вытеснения кулака.

Таким образом, партия своевременно определила момент перехода к сплошной коллективизации сельского хозяйства и ликвидации на ее основе кулачества как класса, открыла в сельскохозяйственной артели основную форму колхозов, а в машинно-тракторных станциях — могучее средство социалистического преобразования сельского

⁵³ И. В. Сталин. Соч. Т. 12. С. 183.

⁵⁴ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Книга вторая. С. 54.

⁵⁵ Там же.

хозяйства, организации крупных коллективных хозяйств на новой технической базе и лучшую форму оказания помощи крестьянству со стороны государства»⁵⁶.

Но, как говорится, гладко было на бумаге, но забыли про овраги, а по ним ходить. В стране началась не просто кампания, а подлинная вакханалия раскулачивания. Повсеместным явлением стало раскулачивание середняков. Кампания по раскулачиванию часто использовалась для сведения личных счетов. Слово «кулак» абстрагировалось от конкретных носителей этого образа, становилось символом непримиримого и страшного врага социализма, заслуживающего беспощадной расправы. Достаточно было намекнуть на кулацкую принадлежность, чтобы в души людей вселился страх и ужас. Своеобразным литературным эквивалентом политики раскулачивания могут служить строки популярного в те годы поэта Д. Бедного: «Что с попом, что с кулаком — вся беседа: В брюхо толстое штыком мироеда». И это была не столько литературная метафора, в стихотворной форме отражающая суть сталинской политики раскулачивания, сколько выражение настроения, который искусственно и планомерно создавался в стране и в партии. В каком-то смысле эта фраза может служить своеобразной визитной карточкой всей сталинской политики раскулачивания. И это — отнюдь не преувеличение или натяжка. Достаточно прочитать самого Сталина.

«Кулак есть враг Советской власти, — говорил он. — С ним у нас нет и не может быть мира. Наша политика в отношении кулачества есть политика его ликвидации, как класса. Это, конечно, не значит, что мы можем его ликвидировать в один присест. Но это значит, что мы будем вести дело к тому, чтобы окружить его и ликвидировать». (Далее он сослался на совершенно яростные филиппики Ленина против кулаков) и продолжал:

«Мы терпели этих кровопийц, пауков и вампиров, проводя политику ограничения их эксплуататорских тенденций. Терпели, так как нечем было заменить кулацкое хозяйство, кулацкое производство. Теперь мы имеем возможность заменить с лихвой их хозяйство хозяйством наших колхозов и совхозов. Терпеть дальше этих пауков и кровопийц незачем. Терпеть дальше этих пауков и кровопийц, поджигающих колхозы, убивающих колхозных деятелей и пытающихся сорвать сев, — значит идти против интересов рабочих и крестьян.

Поэтому политика ликвидации кулачества, как класса должна проводиться со всей той настойчивостью и последовательностью, на которую только способны большевики»⁵⁷.

Яснее и откровеннее, кажется, и не скажешь, поэтому от каких-либо комментариев я просто воздержусь. Хочу лишь обратить внимание на то, что между тем, что говорил генсек, и тем, что осуществлялось на практике, была дистанция огромного размера. С одной стороны, Сталин вполне резонно предостерегал против увлечения репрессивными мерами. Приведу соответствующее его высказывание на этот счет, прозвучавшее с высокой партийной трибуны:

«Некоторые товарищи думают, что главное в наступлении социализма составляют репрессии, а если репрессии не нарастают, то нет и наступления. Верно ли это? Это, конечно, неверно. Репрессии в области социалистического строительства являются необходимым элементом наступления, но элементом вспомогательным, а не главным. Главное в наступлении социализма, при наших современных условиях, состоит в усилении темпа развития нашей промышленности, в усилении темпа развития совхозов и колхозов,

⁵⁶ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Книга вторая. С. 56.

⁵⁷ И. В. Сталин. Соч. Т. 12. С. 224-225.

в усилении темпа экономического вытеснения капиталистических элементов города и деревни, в мобилизации масс вокруг социалистического строительства, в мобилизации масс против капитализма. Вы можете арестовать и выслать десятки и сотни тысяч кулаков, но если вы одновременно с этим не сделаете всего необходимого для того, чтобы ускорить строительство новых форм хозяйства, заменить новыми формами хозяйства старые, капиталистические формы, подорвать и ликвидировать производственные источники экономического существования и развития капиталистических элементов деревни, то качество всё равно возродится и будет расти»⁵⁸.

Слова, конечно, правильные и возразить здесь нечего. Но практика показала, что именно репрессии стали едва ли не главным инструментом стремительно осуществлявшейся сплошной коллективизации. Генсек говорил о том, что на первом плане меры экономического порядка, а начались массовые выселения и ссылки сотен тысяч семей. Да и сама коллективизация в значительной части районов свелась фактически только к раскулачиванию. Сталин как высший руководитель партии не мог не видеть опасности, сопряженные с этим. Помимо чувств глубокой и неистребимой ненависти к кулакам, он обладал еще и реализмом мышления. А оно диктовало ему необходимость внесения необходимых коррективов в проведение политики. В предшествующих разделах уже приводились соответствующие факты, которые однозначно говорили о том, что Сталин и ЦК вынуждены были несколько ослабить размах и темпы раскулачивания. Иного выхода просто не было.

Вообще нужно подчеркнуть, что в подходах Сталина к проблемам сплошной коллективизации и особенно в отношении к кулакам нередко наблюдалась явная двойственность. Он то говорил о необходимости осторожных мер в вопросах форсирования темпов, то обрушивался с уничтожающей критикой тех, кто призывал снизить темпы коллективизации и проявлять больше гибкости по отношению к зажиточным слоям деревни. Конечно, в ряде случаев подобная двойственность обуславливалась быстро менявшейся ситуацией, но зачастую она отражала колебания самого генсека, который порой просто не успевал за развитием событий.

Следует еще раз подчеркнуть, что неизменной чертой его политического курса в деле перевода села на социалистические рельсы с самого начала и до самого конца была ставка на меры принудительного воздействия, использование органов ОГПУ. Это наглядно видно из письма В. Молотову, направленного им во время отпуска.

«Мой совет:

1) дать немедленно директиву органам ГПУ открыть немедленно репрессии в отношении городских (связанных с городом) спекулянтов хлебных продуктов (т.е. арестовывать и высылать их из хлебных районов), чтобы держатели хлеба почувствовали теперь же (в начале хлебозаготовительной кампании), что надежда на спекулянтов плоха, что хлеб можно сдавать без скандала (и без ущерба) лишь государственным и кооперативным организациям;

2) дать немедленно директиву руководящим верхушкам кооперации, Союзхлеба, ОГПУ и судебных органов выявлять и немедленно предавать суду (с немедленным отрешением от должности) всех уличенных в конкуренции хлебозаготовителей, как

⁵⁸ И. В. Сталин. Соч. Т. 12. С. 309-310.

безусловно чуждых и нэпманских элементов (я не исключаю и «коммунистов»), воровским образом пробравшихся в наши организации и злостно вредящих делу рабочего государства;

3) установить наблюдение за колхозами (через колхозцентр, парторганизации, ОГПУ) с тем, чтобы уличенных в задержке хлебных излишков или продаже их на сторону руководителей колхозов немедленно отрешать от должности и предавать суду за обман государства и вредительство.

Я думаю, что без этих и подобных им мер дело у нас не выйдет.

В противном случае у нас получится одна лишь агитация и никаких конкретных мер по хлебозаготовкам.

10/VIII-29.

И. Сталин⁵⁹.

Из своей командировки в Западную Сибирь генсек, очевидно, извлек немало уроков и получил целую гамму самых разных впечатлений. Почему-то мне кажется, что именно эта поездка сыграло весьма значительную роль в стимулировании в сознании вождя антикулацких чувств. Конечно, он не руководствовался в своих действиях чистыми эмоциями, однако сбрасывать со счета это обстоятельство, видимо, не стоит. Оно безусловно сыграло свою роль в формировании в нем стойкой и непреодолимой ненависти к кулакам. Не случайно, что вскоре после этой поездки в одном из своих выступлений он приводил в качестве примера саботажа со стороны кулаков мер по хлебозаготовкам следующий факт. Кстати, этот пассаж прямо был адресован противникам Сталина из правой оппозиции: «А известно ли им, как кулаки глумятся над нашими работниками и над Советской властью на сельских сходах, устраиваемых для усиления хлебозаготовок? Известны ли им такие факты, когда наш агитатор, например в Казахстане, два часа убеждал держателей хлеба сдать хлеб для снабжения страны, а кулак выступил с трубкой во рту и ответил ему: «А ты попляши, парень, тогда я тебе дам пуда два хлеба».

Голоса. Сволочи!

Сталин. Убедите-ка таких людей. Да, товарищи, класс есть класс. От этой истины не уйдёшь⁶⁰.

Последовательно, не считаясь ни с какими издержками, проводя линию на ликвидацию кулачества как класса, Генеральный секретарь увязывал все аспекты этой политики с борьбой против оппозиции в самой партии. Ранее я уже достаточно детально рассмотрел важнейшие эпизоды внутривластной борьбы, закончившейся полным фиаско Бухарина и его группы. Здесь же мне хочется оттенить одну мысль: генсек напрямую ставил решение проблемы кулачества в зависимость от преодоления правого уклона в партии. Таким образом, в один сложный узел переплелись вопросы социально-экономического плана и вопросы личной борьбы за власть. В конечном счете само политическое будущее Сталина было поставлено на карту в этой борьбе. Отсюда неудивительна и та позиция, которую отстаивал Генеральный секретарь: «Можно ли вести успешную борьбу с классовыми врагами, не борясь одновременно с уклонами в нашей партии, не преодолевая этих уклонов? Нет, нельзя. Нельзя, так как невозможно развернуть настоящую борьбу с

⁵⁹ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 142–143.

⁶⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 12. С. 90.

классовыми врагами, имея в тылу их агентуру, оставляя в тылу людей, не верящих в наше дело и всячески старающихся затормозить наше движение вперед»⁶¹.

Столь жесткая и, надо сказать, во многом искусственная постановка вопроса — группа Бухарина в роли агентуры кулачества в партии — была ориентирована не только на полную дискредитацию оппонентов Сталина в партийном руководстве, что подразумевалось само собой. Цель состояла и в том, чтобы заручиться как можно более широкой поддержкой как в самой партии, так и среди населения. Антипатии к кулакам в советском обществе того периода, если его брать в целом, были сильны. Отрицать данный факт могут лишь те, кто вообще не хочет смотреть правде в лицо. И Сталин умело играл на этих чувствах, одновременно используя их в качестве своего рода подспорья во внутрипартийных баталиях. Поражение правой оппозиции вовсе не снимало вопроса о существовании в партии и стране настроений, созвучных оппозиционной платформе правых.

Об этом свидетельствуют достаточно красноречивые письма во власть. Вот выдержки из некоторых писем:

В анонимном письме из Оренбурга говорилось: «Сталин за сырье, кожи и конские хвосты за границей наменяет много тракторов. Они по этой трясучей пути загудят прямо в пропасть, а мы тогда с Рыковым, Бухариным, Томским и прочими на своих лошадках попадаем к светлому ленинскому пути. Рай у нас с Рыковым да Бухариным будет хоть и не такой великий, но зато сытый и одетый». В другом письме говорилось: «Когда во главе были Рыков, Томский да Бухарин, всего было вдоволь, вот их отставили и ничего не стало». Житель из Семипалатинска писал: «Печать всякую реальную заметку рассматривает как кулацкое и нэпманское писание. Троцкий и троцкисты шли с марксизмом, что в одной стране социализма нельзя построить, а им зажали рот и выслали, как меньшевиков. Бухарин, Рыков и все прочие попали под анафему папского престола — сталинского, рот им зажали, статей их нет в печати. Если вы хотите реально строить социализм, так необходимо все газеты обновить, от уракомчванства очистить». Высказывались мнения, что «социализм и коммунизм затеяли еще рано, когда настроите машин, тогда, может, поскорее будет», что «взяли слишком высокие темпы», что «лошадь лишнее не везет», имея ввиду эксплуатацию рабочего класса; раздавались упреки «в слишком гигантских скачках», что «Ленин бы такое не позволил», что «правы правые, а не партия. За два года пятилетки сплошное ухудшение... Никаких товаров для снабжения нет». Общее настроение передавалось и руководителям. По свидетельству одного из очевидцев: «Те же самые ораторы, как накаченные, с трибуны кричат: «Генеральная линия правильная!», а в курилке кроют ЦК и настоящее положение»⁶².

Было бы наивно полагать, что такого рода письма и сигналы вовсе не доходили до Генерального секретаря. И это его не могло не настораживать. В частности, и по этой причине он не снижал накал своих нападок на правых, в особенности в связи с вопросом о классовой борьбе.

Концентрированное выражение постановка данного вопроса содержалась в следующем его заявлении, в котором он обвинил правых в величайшем, по тогдашним понятиям большевиков, грехе. «Они не хотят признавать непримиримой классовой борьбы

И. В. Сталин. Соч. Т. 12. С. 353.

⁶² Голос народа. С. 321–322.

с капиталистическими элементами и развёрнутого наступления социализма на капитализм. Они не понимают, что все эти пути и средства являются той системой мероприятий, без которых невозможно удержание диктатуры пролетариата и построение социализма в нашей стране. Они думают, что социализм можно построить втихомолку, самотёком, без классовой борьбы, без наступления на капиталистические элементы. Они думают, что капиталистические элементы либо сами отомрут незаметно, либо будут вращаться в социализм...

Они не хотят признавать, что без проведения в жизнь политики ликвидации кулачества, как класса, невозможно добиться преобразования деревни на началах социализма. Они думают, что деревню можно перевести на рельсы социализма втихомолку, самотёком, без классовой борьбы, путём одной лишь снабженческо-сбытовой кооперации, ибо они уверены, что кулак сам вращается в социализм. Они думают, что главное теперь не в высоких темпах развития индустрии и не в колхозах и совхозах, а в том, чтобы «развязать» рыночную стихию, «раскрепостить» рынок и «снять путы» с индивидуальных хозяйств вплоть до капиталистических элементов деревни. Но так как кулак не может вращаться в социализм, а «раскрепощение» рынка означает вооружение кулачества и разоружение рабочего класса, то выходит, что **правые уклонисты на деле скатываются на точку зрения отрицания возможности вовлечения основных масс крестьянства в дело построения социализма**⁶¹.

В годы перестройки в Советском Союзе и в современной России широкое распространение получила целостная концепция, утверждавшая, что вообще-то в тогдашней России и кулаков как таковых чуть ли не было и что к ним причисляли в основном крепких самостоятельных хозяев, добившихся относительного материального достатка своим собственным, порой каторжным трудом. Отсюда следует вывод, что и вся кампания по раскулачиванию от начала до конца была искусственно спровоцирована и преследовала главную цель — добиться покорности со стороны богатых крестьян и смирения при конфискации их имущества. Словом, сопротивление кулаков мероприятиям Советской власти носило по всем параметрам законный и справедливый характер.

Конечно, и я об этом выше уже писал, российский кулак — явление сложное и во многом уникальное как в сугубо социальном, так и в чисто психологическом плане. Однако было бы неверным изображать кулака в виде некоего невинного ягненка. Сопротивление кулачества мерам по переводу деревни на социалистические рельсы — это отнюдь не выдумка большевиков и не пугало советской пропаганды. Оно существовало реально и представляло собой важный фактор российского общественного развития того периода. Кулацкую опасность Сталин не высосал из пальца: она была частью общей социально-политической картины тех времен. Не буду растекаться мыслью по древу в связи с этой проблемой. Приведу лишь некоторые факты и цифры, взятые из документов, подобранных так, чтобы в возможно более негативном свете представить сталинскую политику коллективизации.

После некоторого отступления, сигналом для которого послужила статья Сталина «Головокружение от успехов», новая волна сплошной коллективизации началась осенью 1930 года. К лету 1931 года в колхозах было объединено 52,7% крестьянских хозяйств против 23,6% летом 1930 г. Правда, на этом этапе организации колхозов заметно возросла

⁶¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 12. С. 359–360.

роль экономических факторов (началось широкое строительство машинно-тракторных станций и т. п.), более систематической и целенаправленной стала деятельность партийных и советских органов. Однако решающее значение оставалось за фактором принуждения: это было и усиление налогового давления на единоличника, и повышенные для него обязательства по хлебозаготовкам, и главное — продолжавшееся раскулачивание. Неудивительна поэтому и новая волна сопротивления коллективизации. Имели место и антиколхозная агитация, и террористические акты. В Московской области с конца 1930 года до середины мая 1931 года было зарегистрировано более 80 покушений на деревенских активистов, свыше 50 поджогов колхозного имущества и более 20 случаев порчи сельскохозяйственных машин. В Средне-Волжском крае количество антиколхозных выступлений сократилось с 585 в первом полугодии (основная масса выступлений падает на январь — март) до 133 во второй половине года. Но и в январе — марте 1931 г. здесь имели место 55 массовых выступлений, в деревне было убито или ранено 10 человек, совершено 30 покушений на убийство. В 1931 г. из 2688 колхозов Западной Сибири 1138 подверглись нападению в той или иной форме, причем в 10,6% колхозов зарегистрированы поджоги, в 3,3% — отравления скота, в 10,4% — порча машин, в 18% — нападения на актив. Аналогичные сведения поступали и из других районов — Северного Кавказа, Северного края, Урала, Дальнего Востока, Армении, Украины, Белоруссии⁶⁴.

Резюмируя, хочется сказать следующее: кампания по ликвидации кулачества как класса в определенной степени превратилась просто в ликвидацию кулачества. А это — совершенно разные вещи. И Сталин, безусловно, понимал, какая пропасть разделяет эти два понятия, и тем не менее не останавливался перед самыми жесткими мерами. В этом, в частности, и состоял его «творческий вклад» в марксистско-ленинскую теорию классовой борьбы.

4. Обострение ситуации в стране

Процесс коллективизации, важнейшим составным элементом которого была ликвидация кулачества как класса, протекал не изолированно от общего развития государства. Он оказывал свое мощное, порой весьма драматическое воздействие не только на село, но и на страну в целом. Затрагивал не только тем, что в деревню посылались специально отобранные по указанию сталинского руководства представители рабочего класса (так называемые 25-ти тысячники, задачей которых были форсирование коллективизации, организация работы колхозов, но и вообще практическое осуществление спускаемых из Центра директив. Сталин специально подчеркивал значимость данного факта, отмечая, что партия «мобилизовала финансовые ресурсы страны для развёртывания дела совхозов и колхозов, снабдила совхозы лучшими организаторами, дала на помощь колхозам 25 тысяч передовых рабочих, выдвинула лучших людей из колхозных крестьян на дело руководства колхозами, организовала сеть курсов колхозников, заложив, таким образом, основы для выработки стойких и испытанных кадров колхозного движения»⁶⁵.

⁶⁴ См. *Документы свидетельствуют*. С. 38.

⁶⁵ *И. В. Сталин*. Соч. Т. 12. С. 315.

Другим, гораздо более существенным следствием коллективизации, явилось увеличение потока крестьян, покидавших свои села и направлявшихся в поисках работы, а часто и просто куска хлеба, в города. Рост городского населения, конечно, в первую очередь был вызван потребностями индустриализации. Промышленность нуждалась в рабочей силе и она могла черпать трудовые ресурсы главным образом за счет сельского населения. Следует подчеркнуть, что в связи с ростом городского населения значительно возрастали потребности в продовольствии. А удовлетворить эти потребности представлялось возможным прежде всего путем неукоснительного проведения хлебозаготовок, поскольку рыночные механизмы распределения продовольственных ресурсов буквально с каждым месяцем становились все более ограниченными. НЭП с его относительно свободным товарообменом воспринимался уже как приятное воспоминание. Конечно, его остатки еще продолжали существовать, но они уже не оказывали сколько-нибудь существенного воздействия на ход экономических процессов.

Общая оценка сложившейся к тому времени ситуации в советской России не может быть однозначной — позитивной или негативной. Ближе к истине такая оценка, которая органично включает в себя обе эти стороны, причем при различном их соотношении на различных этапах развития страны. По мере своих сил и возможностей я и стремился к такой взвешенной, сбалансированной оценке. Хотя, если говорить со всей откровенностью, самое сложное и трудное дело — дать сбалансированную оценку. Но не такую, где как бы в один ряд выстраиваются позитивные моменты, а в другой ряд — негативные, и в итоге проводится чисто механическое (или арифметическое) их сопоставление. Важно передать внутреннюю логику органической взаимосвязи и взаимообусловленности положительных и отрицательных моментов.

Чтобы соблюсти такой подход я обильно привожу выводы и оценки, принадлежащие представителям самых разных направлений: и тех, кто в политике Сталина и во всех его действиях усматривают только злой умысел тирана и диктатора, и тех, кто склонен проявлять определенную долю объективности в объяснении его политической стратегии.

Вот, например, как описывает сложившееся тогда положение в стране американский советолог Н. Верт, книга которого в свое время была чуть ли не учебником по советской истории в наших учебных заведениях. «Возобновленная с новой силой к осени 1930 г. кампания хлебозаготовок способствовала росту напряженности, временно спавшей весной. Исключительно благоприятные погодные условия 1930 г. позволили собрать великолепный урожай в 83,5 млн. т. (на 20% больше, чем в предыдущем году). Хлебозаготовки, осуществляемые проверенными методами, принесли государству 22 млн. т. зерна, или в два раза больше, чем удавалось получить в последние годы нэпа. Эти результаты, достигнутые на самом деле ценой огромных поборов с колхозов (доходивших до 50—60% и даже до 70% урожая в самых плодородных районах, например на Украине), могли только побудить власти к продолжению политики коллективизации. На крестьян снова различными способами оказывалось давление: районы, сопротивлявшиеся коллективизации, отстранялись от промтоварного снабжения; колхозам отдавались не только конфискованные кулацкие земли, но и все пастбища и леса, находившиеся в общем пользовании крестьян; наконец, прокатилась новая волна раскулачивания, охватившая на Украине 12—15% крестьянских хозяйств. Реакция крестьян на этот грабеж средь бела дня была ожесточенной: во время хлебозаготовок 1930 — 1931 гг. отделы ГПУ регистрировали

десятки тысяч случаев поджогов колхозных построек. Несмотря на это, к 1 июля 1931 г. процент коллективизированных хозяйств вернулся к уровню 1 марта 1930 г. (57,5%)»⁶⁶.

Контроль за ситуацией в обществе был чрезвычайно жестким и повсеместным. Он осуществлялся не только органами ОГПУ, воинскими подразделениями, милицией и т. д. Все партийные и советские органы, все общественные организации должны были вести неусыпное наблюдение за тем, чтобы голоса недовольных были заглушены, а сами они тем или иным способом изолированы. Однако есть свидетельства того, что в стране, несмотря на всеобщий контроль, главным организатором которого выступал сам Генеральный секретарь, распространялись листовки с призывами к борьбе против существующей власти. Вот типичный пример такой листовки:

«Выход только в одном — объединяйтесь и требуйте установления подлинной власти трудящихся, а не политбюро. Рабочие, крестьяне и служащие, отказывайтесь от покупки займов, платежа налогов и сдачи хлеба, проводите забастовки и создавайте свои союзы. Красноармейцы, отказывайтесь от подавления восстаний. Не участвуйте в выборах в советы, которыми партия хочет создать видимость народовластия и свалить на вас ответственность за свою гибельную политику. Этим вы покажете, что требуете обеспечения полной свободы выборов и прекращения вмешательства партии в их дальнейшую работу. Докажите ничтожной кучке людей, удерживающих власть только ради своих интересов, что они не смеют насильствовать нашу волю»⁶⁷.

Возможно, я несколько перебарщиваю по части цитирования писем и документов, однако полагаю, что именно такие документы позволяют хотя бы приблизительно отразить реальное положение, которое создавалось в стране в ходе и в результате сплошной коллективизации. Начиная с 1931 года стало катастрофически ухудшаться положение с продовольствием и обеспечением самыми необходимыми предметами жизни. В перспективе ближайших месяцев четко обозначилась угроза голода. Правда, он не носил повсеместного масштаба, но затронул многие жизненно важные районы страны. О проблемах тех дней свидетельствует следующее письмо власть имущим:

«Еще о социалистическом строительстве и о пятилетке — пятилетка, возможно, будет выполнена, но только не благополучно, а доведете человечество до полной нищеты и рабства. А деревенская молодежь школьного возраста в данное время имеет 75% малокровных от недоедания, и к концу пятилетки 75% будет туберкулезных; и из них на будущий год непосещение школы будет 50%, ввиду отсутствия одежды и обуви. Вы говорите, что экспорт наших товаров всего составляет один миллиард, то почему же ничего не стало? Поэтому надо смело сказать — отсутствие всех предметов явилось следствием убийства свободного труда, поэтому и не стало ничего. Возьмите простые вещи — перочинные ножи, ложки-чашки, эмалированная посуда крестьянского обихода — все отсутствует. Недалеко прошло то время — только 2 года тому назад, когда развивался свободный труд, жизнь дошла до нормальных пределов — чего бы только нужно было купить, все было возможно и дешево. А сейчас — где что можно купить и если можно, то непосильно — ужасно дорого, и можно купить тому, кто получает 200 и более рублей в месяц. Так, значит, жизнь — только много получающим, а остальным — нищета и рабство.

⁶⁶ Н. Верт. История Советского государства. М. 1995. С. 212.

⁶⁷ Ёлос народа. С. 276.

Это не социализм, а страшный феодализм — 400 лет тому назад, когда закрепощалось крестьянство, и это не свободная страна, а страна рабства»⁶⁸.

Лейтмотивом звучала мысль о том, что «насколько бы ни был колхозник сознательным, но голод побивает сознательность»⁶⁹.

И в качестве заключительного аккорда приведу выдержку из письма участников анонимного съезда инженеров, посланного В. Молотову. В этом письме делался вывод о бесперспективности социалистического строительства и вся вина за тяжелое положение, в которое попала страна, возлагалась на большевиков: «Мечутся, бегут от социализма десятки миллионов здоровых и способных людей. Вместо мирного созидającego труда находятся в езде, ищут лучшего, ищут уголка, где нет социализма. В колхозах работают плохо, из рук вон. Не видят они пользы в труде. Тысячи примеров искренней преданной работы, а в результате голод. В помещичьих имениях норма хлеба — 3 фунта на рабочего в день. Теперь повсеместно официально — 2 фунта. Колхозники этого не получают. Рабочие получают только на трудоспособного, а семья — полуголодная. О социализме говорят только там, где нельзя не говорить. ...Вся Россия говорит и думает теперь только о хлебе, картошке, огурцах, капусте, ситце и так далее. Армия мучительно переживает все те ужасы, которые переживает село. Но армия зажата в кулак драконовской дисциплиной. Рабоче-крестьянская Россия голодает — этого не скроешь ты. Знаем мы, — успехи индустриализации есть результат разорения миллионов. Хлеба нет, мяса, масла нет, а за границу плывут эшелоны, незачем воевать капиталистам, колонизировать Россию, обдирать русских мужиков. За них для них успешно все это делают большевики»⁷⁰.

В нашем распоряжении, разумеется, нет никаких конкретных фактов, показывающих реакцию Сталина на те явления, о которых сообщалось в цитированных выше письмах. Однако общая реакция генсека нам доподлинно известна. Впрочем, ее можно было бы со стопроцентной точностью предугадать заранее. И она, коротко говоря, сводилась к тому, что виноваты классовые враги и их пособники. Сталин утверждал, что «...За нашими трудностями скрываются наши классовые враги, что трудности эти осложняются отчаянным сопротивлением отживающих классов нашей страны, поддержкой этих классов извне, наличием бюрократических элементов в наших собственных учреждениях, наличием неуверенности и косности в некоторых прослойках нашей партии. Из этого вытекает... что для преодоления трудностей необходимо, прежде всего, отбить атаки капиталистических элементов, подавить их сопротивление и расчистить, таким образом, дорогу для быстрого продвижения вперед.

Из этого вытекает, наконец, что самый характер наших трудностей, являющихся трудностями роста, даёт нам возможности, необходимые для подавления классовых врагов.

Но чтобы использовать эти возможности и превратить их в действительность, чтобы подавить сопротивление классовых врагов и добиться преодоления трудностей, для этого существует лишь одно средство: организовать наступление на капиталистические элементы по всему фронту и изолировать оппортунистические элементы в наших собственных рядах, мешающие наступлению, мечущиеся в панике из стороны в сторону и вносящие в партию неуверенность в победе».

⁶⁸ Письма во власть. 1928 – 1939. С. 153.

⁶⁹ Там же. С. 194.

⁷⁰ Там же. С. 196–197.

«Других средств нет», — лаконично подытожил вождь⁷¹.

Каких-либо иных рецептов от него трудно было ожидать. Сказанное, впрочем, не означает, что сталинское руководство продолжало с тупым упрямством следовать своей линии, не внося в нее нужных коррективов. Это признают и т.н. демократические критики Сталина и сталинизма. Однако приходится признать, что экономические меры по смягчению положения нередко не просто дополнялись, но и заменялись методами репрессий. Острый продовольственный кризис усиливал социальную напряженность. В это время почти массовый характер принял выход крестьян из колхозов. Голодные крестьяне оказывали сопротивление вывозу хлеба в счет заготовок. Во многих местах толпы крестьян нападали на государственные хлебные склады и разбирали зерно. Весной 1932 г. в связи с сокращением карточной системы начались антиправительственные выступления в городах. Один анонимный автор в письме Сталину предупреждал: «Мы Вам заявляем, что если своевременно не примите мер по снабжению, то будет в городе Пензе поднято вооруженное восстание»⁷². (Наиболее значительные волнения произошли в текстильных центрах Ивановской области.) В связи с этим в «Правде» была опубликована статья верного подручного генсека Е. Ярославского. Он вел речь о необходимости немедленной перестройки партработы, как будто именно в ней коренилась проблема. Сталин отреагировал незамедлительно. Он отправил с Юга, где проводил свой отпуск, письмо Кагановичу, датированное июнем 1932 года:

«Для членов ПБ.

Протестую против опубликования в «Правде» статьи Ярославского о рабочих волнениях в Иваново-Вознесенске и смене там партруководства. Статья — явно неправильная с фактической стороны и вредная политически. Своей статьей Ярославский дал иностранным корреспондентам возможность писать о «новом Кронштадте», якобы «продиктовавшем» последние решения ЦК и СНК о колхозной торговле. Кто дал Ярославскому право выступать с такой статьей, наносящей вред партии и явно выгодной нашим врагам? Почему редакция «Правды» допускает такие безответственные выступления? Почему дают Ярославскому бесконтрольное право пользоваться оружием, которым он не владеет и которым сплошь и рядом злоупотребляет во вред партии? Нельзя ли положить этому конец?

Сталин»⁷³.

Как видим, генсека больше всего беспокоило, какую реакцию можно было ожидать из-за границы. Это свидетельствовало (конечно, косвенным образом), что он придавал этому серьезное значение. Хотя публично не один раз утверждал, что его мало волнует то, что пишут о нем на Западе. В конце концов, положение в данном случае была настолько серьезным, что приходилось думать не только о проникновении нежелательной информации о голодных бунтах в Советской России, но и прежде всего о том, как справиться с ситуацией фактического голода. Видимо, по этой причине Сталин настоятельно подчеркивал, что установка на безусловное исполнение плана хлебозаготовок по СССР совершенно правильна. Но при этом он предлагал сделать исключение для особо пострадавших районов Украины. «Это необходимо не только с

И. В. Сталин. Соч. Т. 12. С. 304–305.

⁷² Письма во власть. 1928 – 1939. С. 201.

⁷³ Сталин и Каганович. Переписка. С. 139.

точки зрения справедливости, но и ввиду особого положения Украины, общей границы с Польшей и т. п.»⁷⁴.

Особенно серьезным было положение на Украине. Чудовищный голод охватил многие районы этой советской республики, считавшейся житницей страны. О масштабах этого бедствия писал в своих мемуарах Н. Хрущев:

«Уже значительно позже я узнал о действительном положении дел. Когда я приехал на Украину в 1938 г., то мне рассказывали, какие раньше были тяжелые времена, но никто не говорил, в чем же заключались эти тяжелые обстоятельства. Оказывается, вот что было, как рассказал мне потом товарищ Микоян. Он говорил: «Приехал однажды товарищ Демченко в Москву, зашел ко мне: «Анастас Иванович, знает ли Сталин, знает ли Политбюро, какое сложилось сейчас положение на Украине?» (Демченко был тогда секретарем Киевского обкома партии, причем области были очень большими). Пришли в Киев вагоны, а когда раскрыли их, то оказалось, что вагоны загружены человеческими трупами. Поезд шел из Харькова в Киев через Полтаву, и вот на промежутке от Полтавы до Киева кто-то погрузил трупы, они прибыли в Киев. «Положение очень тяжелое, — говорил Демченко, — а Сталин об этом, наверное, не знает. Я хотел бы, чтобы вы, узнав об этом, довели до сведения товарища Сталина»⁷⁵.

Эпизод, рассказанный Хрущевым, конечно, потрясает воображение. Но он не только поражает воображение, но и невольно заставляет поставить вопрос: а кому, собственно, пришла в голову мысль загрузить трупами вагоны и направить их в Киев? За такие действия, если они вообще имели место, можно было бы поплатиться головой. Как известно, местное начальство всячески старалось скрыть масштабы жертв голода, и ему ни к чему было такого рода «демонстрация». То же самое можно сказать и о начальстве более высокого. Да и вообще сама идея перевозить трупы умерших от голода куда-то вместо того, чтобы их предать земле, выглядит абсурдной. Но был ли данный эпизод реальным или нет, — не столь уж важно. Бесспорно другое — ситуация на Украине (а также в ряде других районов страны) была чрезвычайно серьезная.

Прямым подтверждением всей остроты положения на Украине является то, что Сталин не исключал даже возможности потери Украины. В письме Кагановичу в августе 1932 года он прямо писал: «Если не возьмемся теперь же за выправление положения на Украине, **Украину можем потерять** (выделено мною — Н. К.). Имейте в виду, что Пилсудский не дремлет, и его агентура на Украине во много раз сильнее, чем думает Реденс (свояк Сталина, тогда был руководителем ОГПУ Украины — Н. К.) или Косиор. Имейте также в виду, что в Украинской компартии (500 тысяч членов, хе-хе) обретается не мало (да, не мало!) гнилых элементов, сознательных и бессознательных петлюровцев, наконец — прямых агентов Пилсудского. Как только дела станут хуже, эти элементы не замедлят открыть фронт внутри (и вне) партии, против партии. Самое плохое это то, что украинская верхушка не видит этих опасностей.

Так дальше продолжаться не может»⁷⁶.

И довольно странным выглядит программа мер по исправлению ситуации на Украине, которую имел в виду генсек. Он предлагал произвести кадровые изменения в украинском

⁷⁴ Сталин и Каганович. Переписка. С. 241.

⁷⁵ Н. С. Хрущев. Время. Люди. Власть. Воспоминания. Т. 1. С. 71.

⁷⁶ Сталин и Каганович. Переписка. С. 274.

руководстве, в том числе и замену первого секретаря ЦК компартии Украины Косиора и руководителя ОГПУ Реденса. К тому же, суть проблемы состояла не в том, что генсек в действительности боялся козней агентов польского лидера Пилсудского. Он не мог не отдавать себе отчета в реальных источниках кризисного положения на Украине. Ссылки на агентуру и мягкотелость линии, проводившейся тогдашним руководством крупнейшей после РСФСР республики Союза, скорее смахивали на попытку искать виновных совсем в другом месте, где они в действительности находились. Иными словами, это была явная попытка снять с себя ответственность за ситуацию, сложившуюся на Украине. Впрочем, Украина являла собой наиболее яркий и наиболее грандиозный пример того, к чему привели непродуманные форсированные методы. Конечно, сказался и неурожай тех лет. Все это в совокупности и привело к тому, что вполне справедливо получило название голода на Украине. Тогдашние украинские руководители, в частности, Постышев, выступая в 1937 году на пленуме ЦК ВКП(б), говорил: «В 1933 г. сельское хозяйство Украины было в страшно тяжелом состоянии, невозможно тяжелом состоянии. И народ колхозный был тоже не особенно хорошо настроен, не преобладающее большинство, но значительная часть, в связи с теми прорывами, которые создались в результате огромной, гигантской вражеской работы»⁷⁷. Здесь стоит обратить внимание и на само признание, и на притянутое буквально за уши объяснение причин такого положения — гигантская вражеская работа. В каком-то роде напоминает двусмысленные оракульские изречения в античных Дельфах: гадай, кто был способен организовать столь грандиозную вражескую работу. Такая работа была явно выше возможностей любой сети вражеских агентов и вредителей. Но ведь чем-то надо было оправдывать случившееся. Оправдывать даже не публично, а в закрытом порядке — на пленуме ЦК партии!

Если подходить к проблеме голода на Украине и в ряде других регионов страны с объективных позиций, то нет оснований искать каких-то оправдательных аргументов и ссылок на происки врагов, могущих хоть как-то смягчить меру вины и ответственности Сталина.

Но существует и другая сторона проблемы. В наше время некоторые деятели, в том числе бывшие в свое время во главе Украины (Л. Кучма), не говоря уже о разного рода заангажированных историках и публицистах, несут полнейший вздор по поводу того, что, мол, большевики (в лице Сталина) сознательно спланировали и провели в жизнь программу умерщвления значительной части украинского населения. Так, в бытность свою президентом «незалежной» Л. Кучма в обращении к народу прямо утверждал: «Спланированный и реализованный коммунистическим режимом голодомор и массовые политические репрессии поставили под вопрос само существование нации. Это — не преувеличение. Голодомор стал национальной катастрофой. Только на протяжении 1932 — 1933 годов погибла пятая часть сельского населения Украины. Люди вымирали целыми селами. Демографические, социально-экономические, историко-культурные последствия тогдашних злодеяний Украина ощущает до сих пор»⁷⁸.

Едва ли нужно полемизировать с подобного рода измышлениями. Скажу лишь, что только идиоты были способны на то, что приписывает бывший коммунист Кучма большевикам. А Сталина нельзя причислить к идиотам. Ему не было никакого резона

⁷⁷ "Вопросы истории" 1995 г. № 5–6. С. 5.

⁷⁸ Электронный вариант обращения Л. Д. Кучмы к украинскому народу.

искусственно организовывать голод на Украине или где-либо еще. Это выходит за рамки не просто разумного, но даже и за пределы неразумного.

Обращение президента Л. Кучмы по поводу голодомора на Украине подробно проанализировал российский автор Ю. Мухин, специализирующийся в основном на советском периоде нашей истории. Его книги и статьи отличают, мягко говоря, весьма нестандартный подход к событиям прошлого и не менее нестандартные оценки и умозаключения. Но по многим вопросам его аргументация выглядит весьма убедительной. Он опроверг фактологические «изыски» Кучмы и привел свои доводы относительно истинных причин голода на Украине. Со многими из его доводов вполне можно согласиться. Ю. Мухин писал:

«У Сталина не хватило духу выслушивать крестьянский мат-перемат со всего Союза, а надо было потерпеть. Ведь это хорошо, что подоспели трактора с введенных в строй тракторных заводов. А если бы они задержались на год-два? Вместо того чтобы решительно вырезать аппендицит, большевики стали его лечить примочками и дождались перитонита. Хорошо хоть не с летальным исходом.

Большевики, на мой взгляд, в 1929 г. коллективизацию начали правильно: в колхозы загоняли быстро и всех. Но уже в марте 1930 г. запаниковали и уступили толпе. А это уже административное преступление. Недаром горький опыт армии учит: сначала заставить подчиненного выполнить приказ, который тот считает неправильным, а уж потом пусть жалуется. В противном случае подчиненные начнут сами командовать и управление войсками будет утеряно. Так и случилось с коллективизацией. Уступив обывателю, большевики дали ему несбыточную надежду, что тот и дальше бунтами и сопротивлением сможет достичь желаемого. И обыватель стал желать прав иноземного оккупанта — права ничего не давать этой стране. В результате и пострадал, как немцы в Сталинграде.

Если сформулировать конкретно, в чем именно вина Сталина и большевиков, то ответ видится таким: в нерешительности при проведении коллективизации и в плохом обдумывании того, на что может пойти алчный обыватель»⁷⁹.

Не скажу, что выводы Ю. Мухина лично для меня вполне убедительны, но определенный резон в них, безусловно, содержится. Неверно, на мой взгляд, уподоблять императивы экономического развития, те или иные кардинальные меры экономического плана военным приказам, подлежащими безусловному выполнению. Это, как говорится, ария совсем из другой оперы. Экономика, в том числе и сельская, особенно в фазе ее коренной реконструкции, не должна и в принципе не может управляться голыми приказами. Это ей органически противопоказано. Кроме того, не надо упускать из виду еще одно обстоятельство: вполне определенные круги на Украине, усиленно раздувая тему голодомора 30-х годов, помимо всего прочего, руководствовались и националистическими соображениями. Им важно было представить Москву и «москалей» как врагов украинского народа, главных виновников бед и страданий украинцев. Националистическая подоплека в этой проблеме существовала с самого начала. Время, однако, не только не ослабило ее, но и даже сделало более злободневной.

Некоторые авторы, ведя полемику с очернителями Сталина, пытаются как-то сгладить масштабы голода и трагедий, связанных так или иначе с проведением коллективизации.

⁷⁹ Электронный вариант статьи Ю. Мухина "Самый позорный голод."

Мне кажется, что их аргументация несколько однобока, а порой и несет на себе печать апологии насилия чуть ли не как одного из главных средств решения социально-экономических проблем.

Еще более радикальные оценки политике Сталина в области коллективизации дает российский автор П. Краснов в статье, посвященной голодомору тех лет. Он видит его вину не в том, что тот был слишком жесток и прямолинеен, а в том, что, наоборот, проявлял много колебаний и был чрезмерно уступчив. Я приведу квинтэссенцию его рассуждений относительно коллективизации.

«Почему это произошло и кто в этом виноват в те годы? На мой взгляд, ответ однозначен — Сталин. Да, были смягчающие обстоятельства. Но многих жертв можно было бы избежать, если бы не ошибки Сталина и его недостаточный профессионализм как руководителя такого уровня в те годы. Жесткие меры не всегда применялась там, где нужно, и не применялась там и тогда, когда было нужно. Имел место массовый саботаж крестьян в районах, именно на них обрушился голод. Как надо поступать с саботажниками в условиях угрозы существования государства? Верно, подавить. Правильно сделала Советская власть, только поздно...

Сказалась неуместная мягкость Сталина, который, подобно неопытному водителю, заметался на дороге. Под его давлением колхозы то вводились, то отменялись, поскольку начались народные протесты и начались неизбежные в такой ситуации злоупотребления. Естественно, протестующие сделали вывод, что можно протестовать и дальше, власть пойдет на попятную. Раз уже сделала так однажды и крестьяне ряда районов демонстративно стали сеять хлеб только для себя. Сталин должен был «прессануть» осатаневшее быдло с необходимой жестокостью, но на два года ранее. Однако он этого не сделал. Нужны был и приклад в зубы, и пули, и штык под ребро. Если потребуются, то и пулеметные роты для особо упертых, чтобы промыть мозги свинцом, при необходимости даже вешать мерзавцев вдоль дорог. Потому что быдло понимает только язык силы. Так были бы погублены тысячи, пусть даже десятки, но спасены сотни тысяч.

Всего этого Сталин не сделал, а должен, обязан был сделать. По большому счету его за это надо было бы судить за преступное бездействие...»⁸⁰

Изучая самые разные источники и работы, посвященные Сталину и его политической и государственной деятельности, неизбежно приходится встречать разительно разнящиеся оценки. Порой невольно даже охватывает чувство, подобное недоумению: как широк, даже безграничен, диапазон оценок и суждений, посвященных одной и той же личности. Не стану комментировать приведенное выше высказывание, и не потому что оно пахнет каким-то политическим экстремизмом, а потому что оно своим откровенным примитивизмом делает бессмысленным какое-либо комментирование.

В чем безусловно правы некоторые апологеты Сталина левого толка, так это в том, что с фактами в руках решительно опровергают фантастически преувеличенные цифры жертв голода 1932 — 1933 гг. Но об этом речь пойдет ниже. Здесь же мне хотелось бы привлечь внимание читателя к тому, что о чудовищных перегибах в процессе коллективизации Сталину сообщали не только «компетентные органы» и другие источники, но и люди, в преданности которых идеалам социализма вождь никак не мог усомниться. Я имею в виду

⁸⁰ Электронный вариант статьи П. Краснова "Ложь о голодоморе."

М. Шолохова. Переписка писателя с вождем — весьма любопытный и исключительно достоверный исторический источник.

Приобретший в то время широкую известность и популярность М. Шолохов в письмах Сталину нарисовал ужасающую картину издевательств над сельскими жителями в период проведения сплошной коллективизации. Эти примеры потрясают своей жестокостью, бессмысленностью и садизмом. Читать о них без содрогания едва ли способен кто-либо. Я не стану их приводить здесь, отсылая читателя к первоисточнику. Приведа ряд конкретных, взятых из жизни, примеров «перегибов», писатель подчеркивает:

«Примеры эти можно бесконечно умножить. Это — не отдельные случаи перегибов, это — узаконенный в районном масштабе «метод» проведения хлебозаготовок. Об этих фактах я либо слышал от коммунистов, либо от самих колхозников, которые испытали все эти «методы» на себе и после приходили ко мне с просьбами «прописать про это в газету»...

Расследовать надо не только дела тех, кто издевался над колхозниками и над советской властью, но и дела тех, чья рука их направляла...

Если все описанное мной заслуживает внимания ЦК — пошлите в Вешенский район дополнительно коммунистов, у которых хватит смелости, невзирая на лица, разоблачать всех, по чьей вине смертельно подорвано колхозное хозяйство района, которые по-настоящему бы расследовали и открыли не только тех, кто применял к колхозникам смертельные «методы» пыток, избиений и надругательства, но и тех, кто вдохновлял их»⁸¹.

Как же отреагировал вождь на полученное им письмо?

Сталин ответил Шолохову, что сказанное им создает «несколько однобокое впечатление», но тем не менее вскрывает «болячку нашей партийно-советской работы, вскрывает то, как иногда наши работники, желая обуздать врага, бьют нечаянно по друзьям и докатываются до садизма. Но это не значит, что я во всем согласен с Вами. Вы видите одну сторону, видите неплохо. Но это только одна сторона дела. Чтобы не ошибиться в политике (Ваши письма не беллетристика, а сплошная политика), надо обозреть, надо уметь видеть другую сторону. А другая сторона состоит в том, что уважаемые хлебоборы Вашего района (и не только Вашего района) проводили «итальянку» (саботаж) и не прочь были оставить рабочих, Красную Армию — без хлеба. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови), — этот факт не меняет того, что уважаемые хлебоборы по сути дела вели «тихую» войну с советской властью. Войну на измор, дорогой товарищ Шолохов... Конечно, это обстоятельство ни в какой мере не может оправдать тех безобразий, которые были допущены, как утверждаете Вы, нашими работниками... И виновные в этих безобразиях должны понести должное наказание. Но все же ясно, как божий день, что уважаемые хлебоборы не такие уж безобидные люди, как это могло показаться издали»⁸².

Из ответа Сталина явствует, что для него издержки перегибов — факт отнюдь не первостепенной важности. Главное для него заключается в том, что сопротивление со стороны крестьян процессу коллективизации необходимо во что бы то ни стало сломить. Что же касается цены, которую придется заплатить, то это — в сущности не решающий, а подчиненный аспект проблемы. Все содержание, а также тональность сталинского ответа позволяют сделать именно такой вывод.

⁸¹ Писатель и вождь. Переписка М. А. Шолохова с И. В. Сталиным. М. 1997. С. 54–58.

⁸² Писатель и вождь. С. 68–69.

В заключение следует хотя бы вскользь коснуться еще одного вопроса — о числе высланных кулаков и количестве жертв голода 1932 — 1933 гг. Я написал вскользь, поскольку не считаю правильным и необходимым вдаваться в дискуссию по этим весьма спорным проблемам. Это — удел специалистов-демографов. Конечно, к политической биографии Сталина вопрос о числе жертв, которые в известной степени и в известной мере можно отнести на его совесть, имеет прямое отношение. Но я исходил из простой мысли: даже самые минимальные подсчеты числа жертв тех лет не могут служить каким-либо оправданием для Сталина. Каждая человеческая жизнь имеет свою уникальную ценность. Поэтому и счет здесь идет совсем по иной шкале ценностей.

Итак, о числе высланных кулаков. В соответствующей литературе по данной проблематике существует много точек зрения. Называются самые разные цифры, порой разнящиеся чуть ли не на порядки. Я склонен принять за близкую к истинной цифру, которую приводит известный специалист по этому вопросу В. Н. Земсков. В своем, основанном на архивной документации исследовании, он показывает, что в 1930 — 1931 гг. было выселено (с отправкой на спецпоселение) 381026 семей общей численностью 1803392 человека⁸³. В. Н. Земсков счел своей обязанностью констатировать следующее. «...Подлинная статистика не подтверждает имеющего широкое хождение в литературе утверждения о том, что во время коллективизации были раскулачены и выселены в отдаленные края якобы десятки миллионов крестьян. Например, А. И. Солженицын пишет: «... Был поток 29 — 30-го годов, с добрую Обь, протолкнувший в тундру и тайгу миллионов пятнадцать мужиков (а как-то и не поболее». Здесь допущено преувеличение более чем в 7 раз. Однако в публикациях зарубежных авторов (да и советских тоже) эта чисто предположительная, далекая от истины статистика А. И. Солженицына воспринимается как совершенно достоверная информация. В немалой степени это объясняется и тем, что до недавних пор подлинная статистика была строго засекречена»⁸⁴.

То же самое, может быть, с еще большим основанием можно сказать и о количестве жертв голода. Здесь особенно выделяется Р. Конквест, автор нашумевшей книги «Жатва скорби», опубликованной в Лондоне в 1986 году и вскоре переведенной на русский язык. Я не стану давать оценку этой работы, поскольку она в принципе мало чем отличается от всех его других работ, посвященных советской истории. Замечу лишь, что она выделяется крайней степенью тенденциозности, явной предвзятостью выводов, их запрограммированностью. Это, разумеется, не дает оснований отвергать с порога любые его оценки и факты. Хотя надо отметить, что факты часто подобраны более чем убийственные, и их опровергнуть невозможно. Что же касается общих оценочных данных числа жертв сплошной коллективизации и голода 1932 — 1933 гг., то здесь Р. Конквест принадлежит к числу тех, кто старается максимально завysить эти данные⁸⁵. В посвященной данной проблеме литературе гуляют цифры чуть ли не порядка 15, а то и больше миллионов. Но это — не более чем политическая статистика, имеющая свои цели и призванная

⁸³ В. Н. Земсков. Кулацкая ссылка в 30-е годы. "Социологические исследования", 1991 г. № 10. Электронный вариант.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ "Новый мир" 1989 г. № 10.

выполнить свои определенные задачи. Некоторые западные биографы Сталина называют цифру в 6 миллионов⁸⁶. Отдельные российские специалисты считают, что от голода погибло, главным образом на Украине, от 4 до 5 млн. человек⁸⁷.

Доходит даже до прямых подтасовок фактов. Так, историк И. Зеленин с уверенностью, граничащей с прямой фальсификацией, утверждал: «Революция сверху» привела к гибели миллионов кормильцев огромной страны. По самым скромным подсчетам ее жертвами стали не менее 10 млн. крестьян, что подтвердил и Сталин в ответе на вопрос Черчилля⁸⁸. Очевидно, имеется в виду приведенный в начале главы отрывок из воспоминаний Черчилля о его беседе на эту тему со Сталиным. Читатель сам мог убедиться, что там шла речь отнюдь не о цифрах жертв репрессий, а о трудностях, с которыми сталкивался процесс коллективизации. Вообще надо заметить, что лишь человеку с каким-то фантастическим воображением придет мысль в голову, что Сталин самолично был способен сообщить цифры пострадавших. Тем более, что речь идет о таких страшных цифрах. Но это, так, к слову.

Окидывая мысленным взором события тех лет, необходимо соблюдать чувство временных пропорций. Иными словами, надо смотреть на прошлое не только с позиций сегодняшнего дня, но и с позиций того времени, о котором идет речь. Иначе мы будем иметь не реальную картину действительности, а некое подобие кривого зеркала. В этой связи позволю себе привести свидетельство тогдашнего американского посла в Москве У. Буллита. Его донесение в госдепартамент США было перехвачено и легло на стол Сталина. Последний внимательно, с карандашом в руке, ознакомился с этим донесением, сделав в нем свои пометы. Думаю, нет особой нужды специально оговаривать то, что посол не склонен был к приукрашиванию ситуации в СССР. Вот что он писал в Вашингтон: «Экономическое положение Советского Союза фактически не изменилось. Донесения о свирепствующем здесь голоде сильно преувеличены. Вместе с тем нельзя отрицать, что имеются обширные территории, где урожай был плохим и где будет ощущаться недостаток продуктов питания. Это относится к Поволжью, довольно обширным территориям на Украине и многим другим крупным зерновым районам. России придется затянуть потуже пояс и сократить экспорт зерна. Но хорошо организованная система распределения в значительной мере спасет положение. При ознакомлении в первую очередь с карточной системой, при помощи которой советы распределяют продукты, можно сказать, что голод среди населения при нормальных условиях является уже делом прошлого. Это может стать понятным... человеку, знавшему Россию при царе, когда даже в самые урожайные годы все же имелись области, где население голодало. Тот факт, что плановое хозяйство Советов и плановое распределение некоторым образом застраховали крестьянское население от голода, является достижением, которого никак нельзя недооценивать»⁸⁹.

Ссылками на подобного рода свидетельства я не имею намерения как-то приукрасить тогдашнее положение в стране. Просто речь идет о сопоставлении фактов и аргументов, ибо только таким путем можно не впасть в крайности и стать жертвой манипулирования цифрами и заранее сформулированных выводов.

⁸⁶ Robert H. Mc Neal. Stalin. Man and Ruler. p. 132.

⁸⁷ А. П. Дудин. Коллективизация сельского хозяйства и ее исторические последствия. Электронный вариант.

⁸⁸ "Вопросы истории." 1994 г. № 10. С. 40.

⁸⁹ Лубянка. Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. С. 574–575.

Еще раз подчеркну, что не вижу резона полемизировать с теми, кто приводит все эти цифры жертв голодомора. Хочу лишь сказать, что, вне зависимости от того, что явилось причиной гибели множества людей (а были не только голод, но и эпидемии и т. д.), с моральной точки зрения оправдания нет и быть не может. И вместе с тем надо не упускать из виду, что такой слишком крутой перелом в жизни страны едва ли мог быть осуществлен безболезненно. Пусть читатель не расценивает мое последнее утверждение как некую апологию репрессий и тягот, сопровождавших, как некий зловеющий естественный спутник, один из самых крутых переломов в нашей истории.

В целом по ходу изложения я уже дал более или менее взвешенную оценку политики коллективизации и тех проблем, которые она обрушила на страну. Достаточно подробно освещена и роль Сталина в проведении этой политики, показаны не только успехи, но и серьезные провалы, сопровождавшие реализацию сталинских планов. В период правления Сталина его заслуги в деле перевода деревни на коллективные рельсы расценивались в качестве одного из важнейших его вкладов в теорию и практику социалистического строительства. Официальная биография вождя специально подчеркивает новации, внесенные генсеком в решение проблем коллективизации. Они, как там указывается, сводились к следующим главным положениям, определившим успех дела коллективизации.

В развитие идей кооперирования, высказанных еще Лениным, Сталин

«1) всесторонне разработал вопрос о колхозной форме социалистического хозяйства в деревне;

2) показал, что основным и главным звеном колхозного строительства на современном этапе является сельскохозяйственная артель, как наиболее правильная и понятная крестьянам форма, дающая возможность сочетать личные интересы колхозников с их общественными интересами, приспособлять личные интересы колхозников к общественным интересам;

3) обосновал переход от политики ограничения и вытеснения кулачества к политике ликвидации кулачества как класса, на основе сплошной коллективизации;

4) раскрыл значение МТС, как опорных пунктов в деле социалистического переустройства сельского хозяйства и оказания помощи сельскому хозяйству и крестьянству со стороны социалистического государства»⁹⁰.

В феврале 1930 года по многочисленным ходатайствам Сталин был награжден вторым орденом «Красного Знамени», как значилось в постановлении, за огромные заслуги на фронте социалистического строительства. Это решение вызвало, мягко говоря, неоднозначную реакцию в народе. Из писем, обращенным к власти имущим, видно, что многие не скрывали своего возмущения, делая упор на то, что вожди награждают сами себя, в то время как обстановка в стране все более осложняется. В таких упреках была голая правда. И с высоты сегодняшнего дня данное награждение представляется если не кошунственным, то по крайней мере в высшей степени несвоевременным. Удивляет одно: как Сталин, умевший уловить настроения масс, поддался на уговоры своих коллег-подхалимов и дал согласие на свое награждение. Конечно, славы это ему не прибавило, а противников вооружило еще одним дополнительным аргументом в борьбе против него.

Но так или иначе значимость великого перелома измеряется не какими-то побрякушками в виде знаков отличия и орденов, прикрепленных к кителю вождя. Даже

⁹⁰ См. **Иосиф Виссарионович Сталин**. Краткая биография. С. 133–134.

наоборот. Знаки отличия как-то приземляют глубокое и далеко идущее историческое значение слишком крутого, но все-таки великого перелома в истории Советской страны. Все предшествующие, да и все последующие преобразования в сфере сельского хозяйства нашей страны, как-то блекнут в сравнении со сталинским великим переломом. Блекнут не только по своим исторически позитивным результатам. Они блекнут и в смысле той железной и жестокой решимости, с которой они проводились в жизнь. В какой-то степени можно согласиться с А. Уламом, писавшем в своей книге: «Сумасшедшие темпы коллективизации отражали убеждение Сталина в том, что нет таких социальных или экономических проблем, которые не могут быть решены силой»⁹¹.

Не вся, но доля правды в этом утверждении, безусловно, есть. Здесь полностью игнорируется то обстоятельство, что, вопреки распространенным измышлениям, планы коренной реконструкции сельского хозяйства, инициатором и проводником которых был прежде всего сам Генеральный секретарь, основывались не на песке. Они имели под собой реальную почву, ибо в противном случае их ждал бы неминуемый крах. На одном насилии строить экономику страны просто невозможно. Но А. Улам прав в том, что справедливо подметил огромную роль методов насилия и принуждения в процессе осуществления коллективизации. Успешное и эффективное применение таких методов, как представляется, повлияло в целом и на всю политическую философию вождя. В отличие от своих марксистских учителей он знал, что насилие в историческом процессе играет отнюдь не ту довольно скромную, по крайней мере подчиненную роль, которая так подчеркивалась классиками марксизма-ленинизма.

И, наконец, поставлю отнюдь не риторический вопрос: а можно ли было в условиях России осуществить такой поворот мягкими методами? Не стали бы эти мягкие методы и формы первопричиной краха всего грандиозно задуманного плана? Иными словами, не превратились бы средства осуществления цели в средства отрицания самой цели? Пусть на этот вопрос ответит каждый сам себе. Я его только ставлю и не даю на него ответа.

И, наконец, еще одно соображение, вызванное ассоциациями с современной российской действительностью. Известно, что социализм как общественный строй в Советском Союзе, в том числе и в самой крупной его республике России, был посредством целой серии тщательно продуманных и отнюдь не спонтанных акций заменен капитализмом не с человеческим, а с явно криминальным лицом. (Уместнее было бы сказать — мордой). Постепенно шаг за шагом ликвидированы или ликвидируются все завоевания социализма. Но как ни покажется парадоксальным, колхозы — это, по оценкам демократов, чудовищное порождение сталинизма, никак не спешат уйти с исторической арены. Почему-то вольный фермер, за которого так ратуют поборники нового (ничего в нем нового в сущности и нет!) строя, никак не может заменить колхозы, многие из которых составляют опору сельского хозяйства современной России. Значит, эта форма ведения хозяйства исторически оправдала себя и выдержала испытание временем. Значит, не правы те, кто одним махом сметает со страниц истории такой глубокий и исторически обоснованный процесс, каким была коллективизация. И в этом, на мой взгляд, заключается зерно истины, глубокий смысл преобразований давно минувших лет. Сами эти преобразования с точки зрения закономерностей общественного прогресса не подлежат сомнению. Чего, однако, нельзя сказать о методах их осуществления. И все-таки в любом

⁹¹ *Adam B. Ulam. Stalin. p. 331.*

случае нельзя рассуждать чисто абстрактно, игнорируя суровые реальности той эпохи и всю грандиозность и сложность задачи, которую предстояло решить. Ведь благими пожеланиями и увещеваниями, а также чисто экономическими мерами, такую не просто проблему, а целую галактику проблем, разрешить было невозможно.

Завершая главу о коллективизации, хочу заметить, что этой проблеме мною было уделено, на первый взгляд, несоразмерно много внимания и пространства. Равно как и главе об индустриализации. Сделано это сознательно, поскольку с точки зрения оценки мировой роли Сталина индустриализация и коллективизация предопределили все остальное не только в политической судьбе вождя, но и в решающей мере значение и место нашей страны в мире на протяжении целой исторической эпохи. Без этих двух компонентов сталинской политической стратегии Советский Союз не стал бы той державой, без участия которой уже нельзя было решать кардинальные вопросы мировой политики и международных отношений. Короче говоря, индустриализация и коллективизация заложили фундамент нашего будущего как великой державы. Отрицать это могут лишь те, для кого факты не имеют никакого значения. Те, для кого идеологические и политические мотивы, базирующиеся на власти и всевластии денег, — все, а остальное — лишь приложение к этим «высшим ценностям».

Глава 9

ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА: 1930 — 1933 гг.

1. Бремя власти и бремя ответственности

При изложении биографии Сталина не может не возникнуть вопроса: какой период его политической судьбы можно рассматривать в качестве наиболее тяжелого и сложного для него самого? Кому-то такая постановка может показаться надуманной или же, по крайней мере, не вполне корректной. Ведь если обзирать всю его деятельность не как сумму отдельных жизненных эпизодов, а как нечто единое и неразрывное целое, то без большого риска ошибиться, есть основания утверждать, что весь его жизненный путь — как политической фигуры мирового масштаба и государственного деятеля такого же измерения — был тернист и до предела насыщен испытаниями, способными сломить даже самого сильного человека. Иными словами, трудно выделить какой-то жизненный период в качестве особо трудного и тяжелого. И тем не менее мне думается, что четыре года — начиная с 1930-го и кончая 1933 годом включительно — стали для него самыми трудными как в политическом, так и в чисто личном плане.

Этот довольно короткий отрезок его политической карьеры протекал под знаком двух взаимосвязанных тенденций. С одной стороны, с каждым годом, если не с каждым месяцем, возрастала его власть в партии и стране. Он все больше утверждал себя в качестве единственного и бесспорного вождя со всеми вытекающими из этого факта последствиями. С другой стороны, неимоверно возрастало и не могло не возрастать и бремя его личной ответственности буквально за все, что происходило в стране. Такова уж природа единоличной власти — чем большей властью располагает человек, тем сильнее на него ложится бремя ответственности. Ответственности, которую уже ни на кого не переложить, потому что сколько-нибудь важные решения принимаются, можно сказать, единолично. Даже если процедура принятия решений внешне носит вполне демократический, коллегиальный характер.

Иногда мне приходит в голову наивная на первый взгляд мысль: наверное, Сталин не раз про себя произносил слова пушкинского Бориса Годунова: «Как тяжела ты, шапка Мономаха!» Но наверняка он не сожалел о бремени власти, ибо обладать ею — значило для него в полной мере реализовать свои политические планы. И здесь мне хочется сделать еще одно замечание относительно власти Сталина. Как и всякая иная форма власти, абсолютная власть не знает пределов, которыми она могла бы себя ограничить. Нужны какие-то внешние ограничительные факторы. Но абсолютная власть органически отторгает любые внешние ограничители, она не способна с ними сосуществовать. Поскольку приятие каких-либо ограничителей в сущности лишает реального содержания само понятие абсолютной власти.

Я использую термин абсолютная власть применительно к Сталину, хотя и осознаю известную условность и даже некоторое преувеличение такой оценки. Ведь даже

диктаторы не в состоянии располагать абсолютной властью. В конце концов они волей-неволей вынуждены считаться со многими объективными условиями и обстоятельствами, ставящими естественный предел их властным устремлениям. О Сталине же первой половины 30-х годов говорить как о диктаторе — значит серьезно упрощать его действительную роль и ситуацию, в которой он находился.

Чрезвычайно тяжелое положение страны в эти годы — вот главный источник угрозы для власти Сталина. Каждый день он должен был ощущать потенциальную угрозу, нависшую над ним. И каждый день он должен был бороться не только за сохранение своей власти, но и за ее расширение и упрочение. Логика, которой он, очевидно, руководствовался была элементарно проста и понятна: чем большую власть он приобретал, тем шире становился круг его не только реальных, но и потенциальных противников. Эта мысль, видимо, может служить отправной точкой для понимания и интерпретации многих его шагов как в тот период, так и впоследствии. Поверженные и принесшие публичные покаяния оппоненты из числа левых и правых отнюдь не смирились со своим поражением — они лишь признали его как очевидный факт. Из этого отнюдь не следовало, что при том или ином неблагоприятном для Сталина повороте событий они не выступят против него и его политического курса. Но уже не разрозненными рядами, а объединенным фронтом. Так что эта опасность была не мифической, а вполне реальной, и ее нельзя было сбрасывать со счета в политической борьбе тех лет. Формы этой борьбы, разумеется, изменились, и их отныне определял уже сам Генеральный секретарь. Но содержание, предмет самой этой борьбы не претерпели серьезных изменений.

Некоторые биографы Сталина, рассматривая вопрос о степени действительной возможности отстранения Сталина с поста Генерального секретаря, высказывались в том плане, что именно в данный период такая возможность существовала и была просто не реализована его деморализованными оппонентами. Американский биограф Сталина А. Улам высказал следующую мысль: «Масштабы национального бедствия были так велики, что ни административные ухищрения, ни ГПУ не могли бы спасти Сталина, если бы примерно 40 членов Центрального Комитета нашли в себе силы выразить то, что они чувствовали и рискнули бы своей властью, чтобы облегчить страдания своего собственного народа. Но они не сделали этого. Вместо этого они решили ждать пока все не разрешится само собой и кризис пройдет»¹.

Ранее я уже касался вопроса о степени вероятности устранения Сталина с поста Генерального секретаря. Здесь же, как мне представляется, есть очевидная необходимость расширить и дополнить приведенную аргументацию. Я не считаю точку зрения, высказанную А. Уламом, убедительной. Таковой она кажется лишь при поверхностном анализе положения, сложившегося к тому времени в партии и стране. Каковы же доводы против версии потенциально возможного развития событий, выдвинутой А. Уламом? Во-первых, фактически весь состав Центрального Комитета был, что называется, повязан по рукам и ногам своими решениями в пользу предложенной Сталиным политики. И теперь, когда эта политика обнажала свои изъяны и пороки, члены ЦК несли и политическую, и моральную ответственность за нее, уклониться от которой они просто были не в состоянии. Но, во-вторых, есть и аргумент более веский и более принципиальный. Смена Сталина на посту генсека в тот период могла стать в определенной мере сигналом для

широких массовых выступлений против большевистского режима как такового, поскольку, мол, он завел страну в тупик. И единственный выход из этого тупика, как мыслили себе перспективу развития событий противники социализма, — замена не только его ведущей фигуры, какой являлся Сталин, но и всей системы власти большевиков.

Бесспорно, что даже самые рьяные противники генсека из партийной верхушки сознавали опасность подобного разворота исторического процесса. И это, естественно, ставило четкие пределы их возможной фронды в отношении Сталина. Его имя уже в полной мере ассоциировалось не только с последними, особенно крутыми, шагами в области коллективизации, но и со всей политической структурой власти большевиков. В конце концов интересы сохранения советского режима они ставили гораздо выше, чем все иные политические соображения, в том числе и замену Сталина на посту Генерального секретаря другой фигурой.

В тот период стало особенно очевидным, что для Сталина постепенное, но неуклонное создание культа собственной личности ни в коем случае не являлось лишь своеобразной данью чрезмерному честолюбию и вождистским амбициям. Это явление следует рассматривать в более широкой исторической перспективе и не столько под углом зрения личных притязаний Генерального секретаря, сколько через призму его серьезных стратегических расчетов. Формирование привлекательного ореола самого верного и последовательного ученика Ленина было всего только ступенькой на пути превращения его самого в неоспоримого вождя партии. Политические функции, которые играла широкая кампания по возвеличиванию Сталина, таким образом, далеко выходила за рамки личных властолюбивых и честолюбивых устремлений генсека. И надо сказать, что его политические оппоненты не сразу разгадали этот замысел Сталина. Сейчас кажется довольно странным и удивительным, что такие многоопытные политики, как Троцкий, Каменев и Бухарин, как-то не разглядели внутренний смысл сталинской стратегии по своему собственному прославлению.

Так, Троцкий (о высылке которого из страны речь пойдет ниже) продолжал дудеть в свою дуду, извергая ниагарские водопады слов по поводу бонапартизма Сталина. Однако Сталин не лавировал между классами (а это один из коренных признаков бонапартизма), а занимал совершенно четкую позицию, и его власть в партии и стране базировалась не на опоре главным образом на военные круги, как в случае с бонапартизмом. У Генерального секретаря имелась гораздо более широкая массовая поддержка, чем, обуреваемый испепеляющей ненавистью к Сталину, пренебрегал Троцкий. Отсюда вытекали и все его фатальные для политического будущего Сталина прогнозы. Собственно, ни один из них не оправдался, если иметь в виду предсказания Троцкого о неизбежном и неминуемом крахе Сталина и всего его политического курса.

Как раз в период кульминации неблагоприятных для Сталина событий Троцкий, подобно дельфийскому оракулу, писал: «Еще в 1926 году Сталину было сказано, что он явно ставит свою кандидатуру на роль могильщика партии и революции. За последние шесть лет Сталин очень приблизился к выполнению этой роли. По партии и за ее пределами все шире стелется лозунг «долей Сталина». Причины возникновения и растущая популярность этой «поговорки» не требуют объяснений. Тем не менее, мы считаем самый лозунг неправильным. Вопрос стоит не о Сталине лично, а о его фракции. Правда, она за последние два года крайне сократилась в размерах. Но она включает все же многие тысячи

аппаратчиков. Другие тысячи и десятки тысяч, у которых раскрылись глаза на Сталина, продолжают тем не менее поддерживать его из страха перед неизвестностью. Лозунг «долой Сталина» может быть понят, и был бы неизбежно понят, как лозунг низвержения правящей ныне фракции, и шире: аппарата. Мы хотим не низвергать систему, а реформировать ее усилиями лучших пролетарских элементов.

Разумеется, бонапартистскому режиму единого вождя и принудительно обожающей его массы должен быть и будет положен конец, как самому постыдному извращению идеи революционной партии. Но дело идет не об изгнании лиц, а об изменении системы².

Странно, но Троцкий, видимо, фетишизировал понятие системы, ибо выпускал из поля зрения то обстоятельство, что систему создают и символизируют конкретные люди, и поэтому само изменение системы вряд ли осуществимо без замены конкретных лиц, не только олицетворявших эту систему, но и являвшихся основной пружиной, приводящей ее в движение. А Сталин к тому времени стал символом и главной фигурой системы. Эта система, конечно, унаследовала от ленинской системы ряд фундаментальных черт и особенностей, но она уже в своей основе была не адекватна ленинской системе. Сталин создавал по существу новую систему. Как говорится, по своему образу и подобию.

Оппозиционные силы в лице остатков троцкистской, объединенной троцкистско-зиновьевской оппозиции и не до конца еще разгромленных правых, разумеется, представляли для его политического курса и для него самого как вождя партии определенную угрозу. И, на мой взгляд, одинаково ошибочно как преувеличивать, так и недооценивать степень опасности, исходившей из этого политического спектра. В те исключительно тяжелые времена полностью исключить возможность какого-либо неблагоприятного для генсека развития событий — значило проявить политическое зазнайство и недопустимую самонадеянность. А Сталина никак нельзя отнести к категории таких деятелей.

С точки зрения реальной угрозы, мне кажется, правые представляли для Сталина в тот период несравненно более серьезную силу. Троцкисты к тому времени были уже в значительной мере превращены в политические трупы. Что же касается их программных установок, то генсек позанимствовал у них то, что считал приемлемым и полезным для себя (в частности, в сфере идей индустриализации и борьбы против кулака). Таким образом, он как бы идейно разоружил их и лишил ряда убедительных аргументов, использовавшихся троцкистами в прежней борьбе против Сталина. Что касается правых, то, хотя их политическое и организационное поражение к концу 1929 года стало свершившимся фактом, их идейная платформа не была окончательно похоронена и в новой обстановке, в новых условиях, особенно при обострении ситуации, вполне могла быть реанимирована. К тому же, следует добавить, что стратегия постепенного и осторожного перехода к коллективизации, а также призывы правых, в первую очередь Бухарина, в большей мере учитывать интересы крестьянства в целом и особенно середняков (и отчасти кулаков) находили позитивный отклик в стране. Все эти факторы нельзя было сбросить с политических весов. И Сталин, несомненно, все это тщательно учитывал и взвешивал. Поэтому, даже после разгрома правого блока, он стремился держать партию и ее руководящие звенья — от высшего до низового — в состоянии полной боевой готовности.

² "Бюллетень оппозиции" 1933 г. № 33. (Электронный вариант)

Все сказанное выше, конечно, имело важное значение для сохранения и упрочения позиций Сталина. Однако главным, решающим фактором было другое. Самые широкие слои населения, в особенности рабочего класса и беднейшего крестьянства, искренне поддерживали политику, проводимую Сталиным. Вся страна, говоря пропагандистским языком того времени, была охвачена энтузиазмом. Она представляла собой огромную стройку. И результаты творческой созидательной работы миллионов и миллионов людей были воочию видны всем без всякой пропаганды. Тогда зарождались и набирали силу социалистическое соревнование, ударничество, обязательства о досрочном выполнении планов и т. д. Что это было реальностью, а не фикцией, всерьез доказывать не приходится. Даже музыка, сочиненная композитором Д. Шостаковичем к фильму «Встречный», может служить иллюстрацией справедливости такой оценки. Не случайно, что эта, полная жизни и энтузиазма музыка, стала несколько десятилетий спустя официальным гимном Организации Объединенных Наций.

Воздавая должное величию того, что было тогда совершено советским народом, никогда нельзя забывать о цене, которая за это была заплачена. И потоки восхвалений по адресу Сталина (в форме ли стихов, песен, изваяний и т. п.), зародившиеся именно в эти трудные годы, звучали в унисон с прославлением успехов строительства нового общественного строя. При этом, конечно, никому не приходило в голову вспомнить или напомнить слова французского писателя-моралиста XVII века герцога Ларошфуко: «Слава великих людей всегда должна измеряться способами, какими она была достигнута»³. Но о способах тогда думали отнюдь не в первую очередь — во главе всего стояла задача любыми средствами добиться решения поставленной цели. Следует заметить, что такой подход был присущ не одному лишь Сталину, его в разной степени разделяли не только партийные функционеры всякого масштаба, но и значительная часть населения страны в целом. И данный исторический феномен служил важнейшей предпосылкой, обеспечившей победу сталинской генеральной линии.

Возвращаясь к вопросу об оппозициях, следует отметить следующее обстоятельство. Троцкисты, хотя они и были идейно, политически и организационно разгромлены, не собирались складывать оружие. Тем более, что постепенно от словесных обличений Сталина они все в большей мере стали переходить на позиции, которые впоследствии, уже в 1933 году, Троцкий сформулировал так: «Для устранения правящей клики не осталось никаких нормальных, «конституционных» путей. Заставить бюрократию передать власть в руки пролетарского авангарда можно только силой»⁴. Сталин, очевидно, предвидел возможность подобной эволюции взглядов троцкистской оппозиции. И предпринимал заранее соответствующие меры.

В 1927 году, после уже упомянутых открытых выступлений во время празднования 10-й годовщины Октябрьской революции, Троцкий был выслан в Казахстан. В другие места были сосланы и многие ведущие сторонники Троцкого. В ссылке Троцкий и его сподвижники не сидели спокойно, они продолжали активную деятельность (стесненную разве что режимными ограничениями). Сам Троцкий вел активную переписку со своими сторонниками, подбадривая их и стремясь консолидировать их ряды, поскольку

³ Библиотека всемирной литературы. Франсуа де Ларошфуко. Блез Паскаль. Жан де Лабрюер. Т. 42. С. 50.

⁴ "Бюллетень оппозиции". 1933 г. № 36–37. (электронный вариант).

некоторые из его единомышленников постепенно начали становиться на путь капитуляции перед Сталиным. Поступавшие таким образом полностью или частично признавали свои прегрешения против партийной линии и зарабатывали этим способом возможность восстановления в партии. Троцкий же был непримирим и непреклонен в своем отторжении Сталина и всего политического курса, проводимого последним. Он вел среди своих сторонников весьма энергичную и последовательную работу, стараясь предотвратить их капитуляцию. В отдельных местах тайно функционировали организации, сложившиеся на базе троцкизма. Словом, угроза, исходившая от разгромленной группировки, существовала, хотя ее масштабы едва ли стоит преувеличивать.

В соответствующей литературе эта тема освещена достаточно подробно. Одни авторы подчеркивают мизерность (в реальном измерении) троцкистской опасности в эти годы. Другие, наоборот, склонны считать ее вполне серьезной, не оставившей почвы для самоуспокоения генсека. Мне думается, что Сталин достаточно объективно оценивал угрозу, исходящую от поверженного соперника. Однако он, как проницательный политик, видел не только сегодняшний день, но и заглядывал далеко вперед. Именно поэтому он сознательно и целеустремленно проводил свою линию, подчеркивая всю глубину троцкистской опасности для дела социалистического строительства. Возможно, (это мое чисто умозрительное предположение) он уже тогда вынашивал планы максимального использования жупела троцкизма для организации широкомасштабных репрессий. Сейчас к нему в душу не заглянешь, а потому и мое предположение как бы повисает в воздухе, не будучи подкрепленным соответствующими фактами.

Но как бы то ни было, активность Троцкого в ссылке не давала покоя вождю. Он пришел к выводу о необходимости нейтрализовать его деятельность путем высылки за границу. Видимо, он рассчитывал, что Троцкий за границей будет представлять для него меньшую угрозу, чем в стране. Поскольку появлялась возможность по-новому интерпретировать антисталинские выступления Троцкого: мол, он полностью перешел в лагерь врагов Советской власти и является агентом капитала в борьбе против социализма. Подвергнуть Троцкого серьезным репрессиям в Советском Союзе было в то время достаточно деликатным и проблематичным делом, способным лишь нанести Сталину морально-политический ущерб. Обвинить его в антигосударственной деятельности, конечно, можно было и тогда. Но убедительно доказать это едва ли представлялось возможным. К тому же, Сталин в то время, очевидно, полагал, что высылка за границу в тактическом плане — более разумный и более целесообразный шаг, нежели прямая судебная расправа.

Сдерживающим моментом служило еще одно существенное обстоятельство, которое Генеральный секретарь тогда еще игнорировать не мог. В партии пока еще помнили о знаменитом завете Ленина: не повторять ошибки якобинцев — не вступать на путь взаимного самоистребления. Как говорилось в письме «Старого большевика», которое якобы было написано на основе бесед Б. Николаевского с Бухариным во время командировки последнего за границу в 1936 году, «считалось аксиомой, что в борьбе с партийной оппозицией можно идти на многое, только не на расстрелы. Правда, кое-какие отступления от этого правила делались уже давно: расстреляли Блюмкина, расстреляли еще нескольких троцкистов, которые по поручению своей организации пробрались в секретный отдел ГПУ и предупреждали своих товарищей об имеющихся в их среде

предателях, о предстоящих арестах. Но эти расстрелы всеми рассматривались как мера исключительная, применяемая не за участие во внутривластной борьбе, а за измену служебному долгу»⁵.

Но так или иначе, а вопрос о высылке Троцкого за границу был решен в январе 1929 года. Причем Сталин сделал все возможное, чтобы осложнить даже саму высылку своего смертельного врага за границу. Москва по дипломатическим каналам делала все возможное, чтобы не допустить предоставления ему политического убежища в Европе. Несостоявшемуся советскому Бонапарту поочередно отказывали в визе на въезд правительства Германии, Англии, Голландии, Австрии, США и даже Люксембурга. И он оказался на значительном расстоянии от их столиц и от Москвы, в Мраморном море, на турецком острове Принкипо.

Обстоятельства принятия решения о его высылке довольно любопытны, хотя и не до конца ясны. По версии самих троцкистов дело обстояло следующим образом.

«Вопрос о высылке был, разумеется, раньше разрешен в секретном заседании сталинской верхушки, а затем проведен через Политбюро, где даны были официальные мотивы высылки.

При обсуждении этого вопроса на ПБ Сталин говорил: «Троцкого нужно выслать за границу 1) потому, что он здесь идейно руководит оппозицией, численность которой все больше растет, 2) для того, чтоб развенчать его в глазах массы, как только он окажется в буржуазной стране, как пособника буржуазии, 3) чтоб его развенчать в глазах мирового пролетариата: социал-демократия безусловно использует его высылку против СССР и станет на защиту «жертвы большевистского террора» — Троцкого, 4) если Троцкий будет выступать против руководства с разоблачениями, то мы будем его изображать, как предателя. Все это говорит о необходимости его высылки» (цитируем по стенограмме).

Против высылки были Рыков, Бухарин, Томский, а на частных обсуждениях еще один член ПБ, имя которого нам достоверно неизвестно, полагают — Куйбышев»⁶.

Приведенная выше информация не воспринимается как полностью достоверная. Едва ли указанные лица, в особенности Куйбышев, выступали против высылки Троцкого. По всей вероятности, решение было принято консенсусом, как это практиковалось в работе Политбюро. К тому же, едва ли такое решение могло быть принято вопреки отрицательной позиции отдельных членов ПБ — фактически высшего партийного органа, обладавшего правом принимать решения по столь важным вопросам. И еще: надо не упускать из виду, что был январь 1929 года, а не февраль 1937 года.

Начало тридцатых годов стало целой эпохой в политической судьбе Сталина. К тому времени он не только победил всех своих основных соперников в борьбе за власть, но и заложил прочный фундамент для своего будущего единовластия в партии и стране. Как ни покажется странным и вроде бы на первый взгляд с точки зрения всех канонов истории аномальным, однако именно на период наибольших трудностей и потрясений выпадет и период наивысшего по тем временам взлета его авторитета. Генеральная линия партии отныне ассоциировалась с именем Сталина. Отсюда логически следовало, что любое выступление против Генерального секретаря равнозначно выступлению против генеральной линии. Эти два понятия как бы слились воедино и отныне рассматривались чуть ли не как равнозначные величины.

⁵ Ю. Г. Фельштинский. Разговоры с Бухариным. С. 107.

⁶ "Бюллетень оппозиции" 1929 г. № 1–2. (Электронная версия).

Как лавина, нарастала кампания по возвеличиванию вождя. Можно привести довольно любопытный факт, относящийся к этому периоду. Один из почитателей генсека обратился с письмом к властям со следующим предложением: «В то время, когда пролетариат напрягает усилия по завершению постройки социализма и индустриализации страны под умелым руководством нашего сталиного вождя товарища Сталина, миллионы рабочих и крестьян, объединившиеся в ударные бригады, творят небывалое мужество, у меня созрела мысль увековечить память вождя ударников товарища Сталина и ввести орден его имени, и выдавать орден особенно выдающимся ударникам строек и труженикам полей. Я думаю, что Президиум Ц.И.К. одобрит мою мысль о выпуске ордена имени товарища Сталина»⁷.

Конечно, такое предложение было, даже по тем временам, смехотворным и могло вызвать лишь снисходительную усмешку как у самого вождя, так и его соратников. Однако то, что вообще могли появиться подобного рода предложения, говорит о многом. И прежде всего о том, что наступала новая эпоха — эпоха Сталина.

2. XVI съезд: одобрение курса Сталина и укрепление его позиций

В 1929 году состоялась XVI-я партийная конференция, обсуждавшая важные вопросы государственного и партийного характера. Однако Генеральный секретарь на ней не выступил, хотя уже стало традицией, что он на всех предыдущих конференциях, начиная с XIII-ой неизменно делал доклады, имевшие принципиальное общепартийное значение. По каким-то не ясным причинам с XVI-й партконференции Сталин ввел практику своего рода политического молчания на партийных конференциях. Я, признаюсь, испытываю затруднение в объяснении данного факта. Или он уже счел себя настолько важной фигурой, что не устаивал конференции своими выступлениями. Или же — что более вероятно — он полагал, что его сторонники (а это уже было не просто абсолютное большинство, а фактически чуть ли не все делегаты) сделают необходимое за него. Словом, молчание Сталина было многозначительным и заставляло строить разного рода предположения.

С тем большим напряжением ожидали его доклада на очередном — XVI съезде партии, проходившем в июне — июле 1930 года. Я счел необходимым достаточно подробно остановиться на этом съезде не потому, что он стал переломной вехой в политической биографии Сталина. Для этого нет веских оснований. XVI съезд можно отнести к разряду привычных общепартийных форумов, особенно в сопоставлении с кардинальными переменами, переживаемыми в тот период страной. И тем не менее в докладе Генерального секретаря содержалось много принципиально важных положений, помогающих вникнуть в суть его политической философии в целом. Думается, что развернутый анализ его доклада вполне оправдан в свете сказанного выше.

Этот съезд генсек рассматривал как форум, где он намеривался подвести не только промежуточные итоги проведения курса на индустриализацию и коллективизацию, но и сформулировать новые задачи по реализации намеченных им планов. Главное предназначение съезда состояло в том, что он был призван поставить формальную печать высшего одобрения политической линии, олицетворением которой был Генеральный

секретарь. Определенная новация съезда заключалась в том, что на нем уже во весь голос звучали пока еще сдержанные, как бы затаенные, дифирамбы в честь нового вождя. Правда, высказывали их не сами делегаты съезда, а представители различных делегаций, приветствовавших высший форум партии. Как правило, каждое приветствие заканчивалось такими словами: «Да здравствует наш вождь — ученик В. И. Ленина — товарищ Сталин!» «Да здравствует наша партия в лице т. Сталина». Но впервые появились и такие панегирики — «Да здравствует наш любимый вождь т. Сталин»⁸. Очевидно, абсолютно прав был наш великий поэт А. С. Пушкин, когда писал, что «нет убедительности в поношениях». Можно лишь добавить, что нет убедительности и в восхвалениях, когда они заранее как бы предопределены местом человека, которому они адресованы.

Съезд проходил в самый разгар экономического кризиса на Западе. Этот кризис непосредственно не мог каким-то существенным образом повлиять на внутреннее развитие Советского Союза. Более того, экономические потрясения в странах капитала имели для него скорее позитивные, нежели негативные последствия. Во-первых, это дало в руки Сталина дополнительные аргументы для подтверждения полной обоснованности неоднократно высказывавшимся им предсказаний, что кризис капиталистической системы — имманентная черта всего развития этого строя. Во-вторых, динамичное развитие Страны Советов на фоне кризиса на Западе производило особенно сильное впечатление не только внутри страны, но и в мире в целом, и давало возможность всячески подчеркивать преимущества социалистического строя. В-третьих, занятые своими внутренними делами, западные державы не могли оказывать сколько-нибудь серьезного давления на Советскую Россию. Генеральный секретарь с явным чувством удовлетворения и даже некоторого злорадства заявил: «Вспомните положение дел в капиталистических странах 2½ года тому назад. Рост промышленного производства и торговли почти во всех странах капитализма. Рост производства сырья и продовольствия почти во всех аграрных странах. Ореол вокруг САСШ (так в те годы в России именовали США — Н. К.), как страны самого полнокровного капитализма. Победные песни о «процветании». Низкопоклонство перед долларом. Славословия в честь новой техники, в честь капиталистической рационализации. Объявление эры «оздоровления» капитализма и несокрушимой прочности капиталистической стабилизации. «Всеобщий» шум и гам насчет «неминуемой гибели» Страны Советов, насчет «неминувшего краха» СССР»⁹.

Сталин довольно детально проанализировал истоки и наиболее важные черты мирового экономического кризиса, сделав акцент на том, что этот кризис является всеобщим, сочетая промышленный и сельскохозяйственный спад и втягивая в свою орбиту по существу все ведущие капиталистические страны. Он с полным основанием отметил, что нынешний экономический кризис является самым серьезным и самым глубоким кризисом из всех происходивших до сих пор мировых экономических кризисов. Генсек высмеял попытки некоторых буржуазных специалистов возложить ответственность за кризис на «козни большевиков» и предрек, что кризис не только не будет сокращаться, а, напротив, предстоит его неизбежное дальнейшее углубление. Надо сказать, что этот прогноз полностью оправдался. Хотя отнюдь не один лишь Сталин указывал на такую перспективу.

⁸ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. 1931. С. 6, 7, 16 и др.

⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 12. С. 235–236.

В политическом отчете съезду Сталин детально остановился на проблемах международного положения, сконцентрировал свое внимание опять-таки на мировом экономическом кризисе, потрясавшем, как тотальное экономическое землетрясение, весь капиталистический мир. Сопоставление ситуации в странах Запада со стремительным экономическим ростом в СССР служило выгодным фоном для прославления достижений Советской страны. Охарактеризовав истоки кризиса и его особенности, Сталин подчеркнул: «Нынешний экономический кризис развёртывается на базе общего кризиса капитализма, возникшего еще в период империалистической войны, подтачивающего устой капитализма и облегчившего наступление экономического кризиса. Что это означает?

Это означает, прежде всего, что империалистическая война и её последствия усилили загнивание капитализма и подорвали его равновесие, что мы живем теперь в эпоху войн и революций, что капитализм уже не представляет **единственной и всеохватывающей** системы мирового хозяйства, что наряду с **капиталистической** системой хозяйства существует **социалистическая** система, которая растет, которая преуспевает, которая противостоит капиталистической системе и которая самым фактом своего существования демонстрирует гнилость капитализма, расшатывает его основы»¹⁰. В качестве бесспорной новации в теоретическом плане следует оттенить тот факт, что Сталин здесь со всей определенностью заявил о существовании не просто одного Советского Союза, но и мировой социалистической системы. Таким образом, была сделана пока еще по существу декларативная, но через десятилетия обретшая реальное содержание, попытка сформировать в будущем принципиально новую структуру мирового сообщества. В дальнейшем эта формула превратилась в фундаментальную основу всей внешней политики Советского Союза. Причем не только сталинского, но и постсталинского периода.

Определенный интерес представляет и постановка Сталиным вопроса о противоречиях между капиталистическими державами. В качестве главного противоречия он выделил противоречия между США и Англией, подчеркнув, что эти противоречия носят наиболее острый и наиболее масштабный характер, причем географическое пространство, на которые они распространяются, включают чуть ли не все основные регионы мира. Перевес сил в этом противоборстве на стороне Соединенных Штатов Америки. За главным противоречием идут противоречия не главные, но довольно существенные: между Америкой и Японией, между Германией и Францией, между Францией и Италией, между Англией и Францией и т. д.

Какие же выводы общего плана сформулировал Генеральный секретарь на основе своего анализа межимпериалистических противоречий и их воздействия на международную ситуацию в целом. Как и следовало ожидать, Сталин сделал вывод о том, что опасность войны возрастает. В частности, он подчеркнул: «Буржуазные государства бешено вооружаются и перевооружаются. Для чего? Конечно, не для беседы, а для войны. А война нужна империалистам, так как она есть единственное средство для передела мира, для передела рынков сбыта, источников сырья, сфер приложения капитала.

Вполне понятно, что в этой обстановке так называемый пацифизм доживает последние дни, Лига наций гниет заживо, «проекты разоружения» проваливаются в пропасть, а

¹⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 12. С. 246.

конференции по сокращению морских вооружений превращаются в конференции по обновлению и расширению морского флота.

Это значит, что опасность войны будет нарастать ускоренным темпом»¹¹.

С высоты прошедшего времени следует признать, что этот общий прогноз в полной мере соответствовал тому пути развития международных отношений, которое имело место на протяжении всех 30-х годов. Как бы кто-то ни старался ныне изобразить дело так, будто Сталин и большевики всегда и по всякому поводу говорили о возрастании военной опасности в мире и что эти их заявления носили скорее политико-пропагандистский характер, факты заставляют сделать совершенно иное заключение: советское руководство в лице Сталина практически за десять лет до начала второй мировой войны громко и без всяких оговорок подчеркивало не только возрастание военной опасности, но главное — потенциальную возможность новой мировой войны. В этом смысле большевиков надо считать первыми, кто на солидном государственном уровне начал бить тревогу по поводу вызревания условий для начала новой мировой войны.

У историков есть серьезные возражения по вопросу о том, что противоречия между США и Великобританией являлись в тот период главными противоречиями системы капитализма. Безоговорочное выделение их в качестве основного противоречия в ретроспективном плане представляется отнюдь не бесспорным, что свидетельствует, кроме всего прочего, и о том, что анализ Сталиным ситуации в мире не всегда отличался абсолютной точностью и обоснованностью. Но в чем он был, бесспорно, прав, так это в том, что указал на следующую тенденцию в развитии мировых отношений: «Я говорил о кризисе, охватившем все отрасли производства. Но есть одна отрасль, которая не захвачена кризисом. Эта отрасль — военная промышленность. Она всё время растет, несмотря на кризис».

Особое внимание он уделил проблеме Германии, и здесь его анализ, на мой взгляд, достаточно прозорлив. Вот его оценка: «Обнажаются и будут обостряться **противоречия между странами — победительницами и странами — побеждёнными**. Из числа последних я имею в виду, главным образом, Германию. Несомненно, что в связи с кризисом и обострением проблемы рынков усилятся нажим на Германию, являющуюся не только должником, но и крупнейшим экспортёром. Оригинальные отношения, сложившиеся между странами-победительницами и Германией, можно было бы изобразить в виде пирамиды, на верху которой по-господски сидят Америка, Франция, Англия и т. д. с планом Юнга в руках, с надписью: «Плати!», а внизу распластана Германия, выбивающаяся из сил и вынужденная вытягивать из себя все силы для того, чтобы выполнить приказ о платеже миллиардных контрибуций. Вы хотите знать, что это такое? Это есть «дух Локарно». Думать, что такое положение может пройти даром для мирового капитализма, — значит ничего не понимать в жизни. Думать, что германская буржуазия сумеет заплатить в ближайшие 10 лет 20 миллиардов марок, а германский пролетариат, живущий под двойным ярмом «своей» и «чужой» буржуазии, даст германской буржуазии выжать из его жил эти 20 миллиардов без серьёзных боев и потрясений, — значит сойти с ума. Пусть германские и французские политики делают вид, что они верят в это чудо. Мы, большевики, в чудеса не верим»¹².

¹¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 12. С. 249

¹² И. В. Сталин. Соч. Т. 12. С. 249–250.

Обоснованность сталинского прогноза, сделанного в отношении Германии, подтвердилась буквально в ближайшие два с половиной года. Именно нарисованный им вероятный ход событий предопределил тенденцию к укреплению фашистских сил в стране, которые буквально выросли на дрожжах реваншизма. Лидеры западных держав оказались не в силах предвидеть подобное развитие событий. А главное — они не смогли разглядеть всю глубину опасности, которую нес миру гитлеровский фашизм.

Но констатируя это, нельзя обойти стороной и крупнейшую политико-стратегическую ошибку Сталина, о которой уже шла речь в одной из предыдущих глав. Он по-прежнему свой главный удар концентрировал на борьбе против пресловутого социал-фашизма, под которым он подразумевал правое крыло социал-демократии. Говоря о крахе иллюзий среди рабочих в отношении социал-демократии, генсек почему-то не заметил одного кардинально важного факта. Отворачиваясь от социал-демократов, широкие массы населения Германии поворачивались лицом к фашизму. И эта тенденция уже тогда проглядывалась достаточно четко. Однако Сталин, по существу, был заложником своей неистребимой ненависти к правым социал-демократам, что лишало его возможности сделать правильные выводы относительно перспектив развития ситуации в Германии.

Если оценивать эту стратегическую ошибку Сталина по большой исторической шкале, то она, конечно, имела самые серьезные отрицательные последствия. Может быть даже, это была одна из самых крупных политико-стратегических ошибок Сталина в предвоенный период. И ее нельзя относить к ошибкам, так сказать, политико-теоретического порядка. Она имела, не побоюсь этого слова, роковые практические последствия, непосредственно сказываясь как на стратегической линии советской внешней политики, так и на ее тактических шагах. Пытаясь найти объяснение этой политической зашоренности Сталина, приходишь к выводу: в ряде важных вопросов он проявлял не свойственный ему в принципе догматизм, отсутствие глубины и широты анализа. Хотя, конечно, данное замечание нельзя толковать в том плане, будто эти качества были характерной чертой его политической философии в целом.

В докладе Сталин широкими мазками обрисовал отношения Советского Союза с другими странами, выделив при этом две особенности: во-первых, тенденцию к авантюристическим наскокам на нашу страну (такие факты, как разрыв английского консервативного кабинета с СССР, захват КВЖД китайскими милитаристами, финансовая блокада СССР, «поход» клерикалов во главе с папой против СССР, организация вредительства агентами иностранных государств, организация взрывов и поджогов, вроде тех, которые были проделаны некоторыми служащими компании «Лена — Гольдфильдс», покушения на представителей СССР (Польша), придирки к нашему экспорту (США, Польша) и т. д. Вторая тенденция была благоприятной для Советской России и определялась она ростом экономического и политического могущества СССР, его обороноспособности, политикой мира, проводимой Москвой. По словам генсека, именно действиями этих факторов объясняются такие факты, как успешная ликвидация конфликта на КВЖД, восстановление сношений с Великобританией, рост экономических связей с капиталистическими странами. Борьбой этих факторов в конечном счете и определялось общее международное положение СССР.

В контексте вопроса об отношениях с зарубежными государствами заслуживает внимание такой знаменательный факт. Еще в 1930 году Сталин поднял вопрос о несправедливом установлении границ СССР с рядом сопредельных государств, которое

было продиктовано тяжелыми условиями Гражданской войны, интервенцией и диктатом со стороны западных держав. Именно тогда прозвучал его отнюдь не риторический вопрос: «Говорят о международном праве, о международных обязательствах. Но на основании какого международного права отсекли господу «союзники» от СССР Бессарабию и отдали её в рабство румынским боярам?»¹³ В дальнейшем, уже на пороге второй мировой войны, этот и ряд других, сопряженных с границами вопросов, был снова поднят, но уже не столько в прежнем, вопросительном ключе, сколько в практической плоскости.

Генеральный секретарь с полным правом мог на съезде заявить, что в области внешней политики советская страна добилась существенных успехов. Результатом этой политики явился тот факт, что Советскому Союзу удалось отстоять мир, не дав врагам вовлечь себя в конфликты, несмотря на ряд провокационных актов и авантюристские наскоки поджигателей войны. «Эту политику мира, — подытожил Сталин, — будем вести и впредь всеми силами, всеми средствами. Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому. (*аплодисменты.*) Такова наша внешняя политика»¹⁴. Надо добавить, что эта чеканная формула стала лейтмотивом всей советской пропаганды в период до начала Великой Отечественной войны. На ней воспитывались все советские люди, в соответствии с ней велась и работа в армии и на флоте. Несколько предвосхищая события, замечу, что в конце 30-х годов эта формула обрела отнюдь не адекватное ее первоначальному смыслу содержание. Но о всех этих сюжетах речь будет идти в соответствующих главах.

Я хочу акцентировать внимание читателя на этом основополагающем тезисе. Можно сказать, что в широком историческом контексте он выражал стремление если не к восстановлению Союза в прежних границах империи, то, по меньшей мере, к тому, чтобы были в международно-правовом порядке заново пересмотрены все несправедливо навязанные нашей стране территориальные размежевания, продиктованные тогдашним тяжелым положением нашей страны. С позиций международного права подобные устремления, зародыш которых явственно просматривается в постановке вопроса Сталиным в 1930 году, никак не противоречат нормам права. Поскольку одним из его фундаментальных принципов был и остается принцип территориальной целостности государства и недопустимость изменять его границы, пользуясь его временной слабостью или какими-то другими обстоятельствами. В твердом отстаивании этого принципа, в стремлении не допустить даже малейшего его нарушения и заключалась одна из характерных особенностей сталинской внешней политики. Можно даже сказать — ее квинтэссенция.

В контексте сказанного вполне логичным, закономерным и даже исторически неизбежным представляется стратегический курс Сталина на создание в Советском Союзе **экономики мобилизационного характера**. В этом мне видится одна из самых важных заслуг Сталина перед нашей страной. Заглядывая далеко вперед, он сознательно или интуитивно (это не столь уж важно) проводил линию, способную не только вывести страну из состояния отсталости, но и создать реальные предпосылки того, чтобы она могла на равных вести дела с ведущими державами Запада. Основы будущего военно-

¹³ И. В. Сталин. Соч. Т. 12. С. 258.

¹⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. 12. С. 261.

экономического могущества государства, а значит, и его политического веса во всей системе международных отношений, начали создаваться именно начиная с конца 20-х годов. Иными словами, без проведения курса на создание мобилизационной экономики СССР перед второй мировой войной мог оказаться в положении «хуже губернаторского». И, естественно, экономика такого типа не могла быть создана без коллективизации сельского хозяйства — как одного из важнейших компонентов не только экономической самостоятельности страны, но и необходимого фундамента на случай войны. Такого типа экономика не могла быть создана и за короткое время, особенно имея в виду уровень ее прежнего развития.

Возвращаясь к основной нити нашего изложения, следует отметить, что Сталин довольно прозорливо предсказал неизбежность социальных потрясений в Германии, которые в конце концов вылились в приход Гитлера к власти. Правда, эти социальные потрясения выразились отнюдь не в революционном взрыве, а в процессах прямо противоположного характера. Этим я вовсе не хочу сказать, что генсек за два с половиной года до событий предвидел возможность победы фашизма в Германии, опутанной бременем Версальского договора. Но факт остается фактом — Сталин считал, что Версальская система служит объективным фактором роста реваншистских настроений в Германии, и хорошим все это не закончится.

Когда Сталин делал свой доклад, уже позади был вооруженный конфликт на КВЖД (1929 г.). Он со всей очевидностью показал, что Москва должна с особым вниманием следить за развитием ситуации на Дальнем Востоке, где Япония приступала к осуществлению своих экспансионистских планов в Китае. Саму ситуацию в Китае генсек охарактеризовал как фактический раздел Китая и заявил, что только Советы могут спасти Китай от окончательного развала и обнищания. Этот его прогноз оказался не то что полностью несостоятельным, но в целом несбывшимся. Времена уже изменились и делать ставку на утверждение в Китае Советов — значило исходить не из реальных условий, а из пожеланий, не подкрепленных серьезными внутренними факторами. В какой-то мере можно считать, что Сталин до сих пор был в плену своих ошибочных представлений о путях развития китайской революции, о которых речь шла в одной из предыдущих глав.

Из политически ошибочных оценок Сталина следует обратить внимание на то, что он в корне неверно, с позиций застаревшего большевистского догматизма, оценивал некоторые аспекты национально-освободительного движения в Индии и в других колониальных и зависимых странах. Ничтоже сумняшеся, заявил: «Господа буржуа рассчитывают залить эти страны кровью и опереться на полицейские штыки, призвав на помощь людей вроде Ганди»¹⁵. Вообще надо сказать, что недоверие к некоторым деятелям освободительного движения Индии (в том числе к Ганди и Неру) он сохранил на протяжении практически всей своей жизни. Правда, уже на исходе лет он начал осторожно пересматривать свои взгляды. Но об этом пойдет речь в дальнейшем.

Возвращаясь к вопросу о двух тенденциях в развитии отношений между Советским Союзом и западными державами, следует отметить, что глубинные причины развития позитивной тенденции — к улучшению взаимосвязей генсек видел в сочувствии и поддержке СССР со стороны рабочих капиталистических стран, росте экономического и политического могущества СССР. Такая трактовка в то время считалась ортодоксально

¹⁵ И. В. Сталин. Соч. Т. 12. С. 252.

верной и ее никто не ставил под сомнение. Однако задним числом становится очевидным, что Сталин, как и все советское руководство, до середины 30-х годов явно переоценивал такой фактор, как поддержка Советского Союза рабочим классом и трудящимися капиталистических стран. Можно сказать, что Сталин долгое время находился в плену ортодоксальных идей пролетарского интернационализма. Однако суровые факты действительности не могли не действовать на него отрезвляюще. Постепенно в ходе развития самой жизни ему приходилось все в большей мере убеждаться в том, что, как говорится, на бога надейся, но сам не плошай. То есть, надейся на пролетарскую солидарность трудящихся с Советским Союзом как на один из факторов упрочения общих международных позиций государства, но самое главное заключается в укреплении и всемерном развитии собственной мощи Советской страны, ее промышленного, сельскохозяйственного, оборонного потенциала, в развитии науки и техники. Словом, не какие-то внешние силы, а лишь собственные силы способны обеспечить дело успешного строительства нового общественного строя и гарантировать безопасность государства от внешней агрессии.

Касаясь проблем внутреннего развития страны, Сталин нарисовал в целом, если не отрадную, то в целом благоприятную картину. Он с явным удовлетворением констатировал, что рабочие и крестьяне живут у нас в общем не плохо, смертность населения уменьшилась по сравнению с довоенным временем на 36% по общей и на 42,5% по детской линии, а ежегодный прирост населения составлял около 3 миллионов человек.

Особенно опрометчивым было следующее заявление Генерального секретаря: «Снабжение хлебом можно считать уже обеспеченным. Труднее обстоит дело со снабжением мясом, молочными продуктами и овощами. Эта трудность, к сожалению, не может быть ликвидирована в продолжение нескольких месяцев. Для преодоления этой трудности необходим, по крайней мере, год. Через год мы будем иметь возможность, благодаря, прежде всего, организованным для этого дела совхозам и колхозам, обеспечить полностью снабжение мясом, молочными продуктами и овощами»¹⁶.

Как говорится, слово не воробей: вылетит — не поймаешь. Особенно это касается столь авторитетных заявлений, прозвучавших с самой высокой трибуны. Если бы Сталин мог заглянуть на год-другой вперед, то, видимо, поостерегся бы от приукрашивания реального положения, а тем более жизненного уровня основных масс населения и вопросов снабжения основными продовольственными товарами. Видимо, это, по существу, беспочвенное обещание ему припоминали не раз те, кто выстаивал огромные очереди, чтобы получить по карточкам довольно мизерные нормы продуктов, не говоря уже о промтоварах, которых катастрофически не хватало.

Разумеется, первостепенное внимание в своем докладе он уделил анализу главных особенностей переживаемого периода, не оставив без рассмотрения трудности, стоявшие перед страной. Корни этих трудностей, по его словам, являются трудностями реконструктивного периода, а потому они коренным образом отличаются от трудностей восстановительного периода. Если при восстановительном периоде речь шла о загрузке старых заводов и помощи сельскому хозяйству на его старой базе, то теперь дело идет о том, чтобы коренным образом перестроить, реконструировать и промышленность, и сельское хозяйство, изменив их техническую базу, вооружив их современной техникой.

¹⁶ И. В. Сталин. Соч. Т. 12. С. 330.

Это значит, что перед Советским государством стоит задача перестройки всей технической базы народного хозяйства. А это требует новых, более солидных вложений во все отрасли экономики, новых, более опытных кадров, способных овладеть новой техникой и двинуть её вперёд.

Не удивительно, что одну из главных причин переживаемых трудностей генсек отнес на счет классовых врагов, общими мазками обрисовав формы их противодействия социалистическому строительству. Определенной новацией в постановке вопросов классового противостояния явилось то, что акцент был сделан на вредительстве, как одной из не сходявших со страниц газет тем. Прошедшие накануне процессы (промпартии и др.), а также новые, которые еще предстояло провести, делали эту тему особенно актуальной. «Злостное вредительство верхушки буржуазной интеллигенции во всех отраслях нашей промышленности, зверская борьба кулачества против коллективных форм хозяйства в деревне, саботаж мероприятий Советской власти со стороны бюрократических элементов аппарата, являющихся агентурой классового врага, — таковы пока что главные формы сопротивления отживающих классов нашей страны,»¹⁷ — резюмировал Сталин.

Сталин изменил бы своим непоколебимым взглядам, если бы не увязал рост внутренней напряженности в стране и обострение форм противостояния в самом обществе с происками зарубежных сил. Вообще при всяком удобном и неудобном случае сталинское руководство подчеркивало необходимость повышенной бдительности ввиду существования капиталистического окружения. Сопротивление отживающих классов происходит не изолированно от внешнего мира, а встречает поддержку со стороны капиталистического окружения. «Капиталистическое окружение, — указывал генсек, — нельзя рассматривать, как простое географическое понятие. Капиталистическое окружение — это значит, что вокруг СССР имеются враждебные классовые силы, готовые поддержать наших классовых врагов внутри СССР и морально, и материально, и путём финансовой блокады, и, при случае, путём военной интервенции. Доказано, что вредительство наших спецов, антисоветские выступления кулачества, поджоги и взрывы наших предприятий и сооружений субсидируются и вдохновляются извне»¹⁸.

Не мог оставить генсек вне поля зрения и вопросы борьбы с уклонами в партии. Хотя на предшествовавших съезду пленумах ЦК правые и сочувствовавшие им потерпели сокрушительное фиаско, Сталин не считал, что эту страницу пора, наконец, закрыть. Я уже касался причин того, почему он и после разгрома той или иной оппозиционной группировки неизменно подчеркивал, что опасность с их стороны не стала достоянием истории. Здесь стоит оттенить одну мысль — Сталин в преддверии новых обострений положения в стране считал крайне важным и абсолютно обязательным подтвердить историческую необходимость и политическую неизбежность борьбы, которую он вел против группы Бухарина. Он говорил: «... Некоторые обывательски настроенные товарищи до сих пор еще думают, что можно было обойтись без борьбы с уклонистами. Нечего и говорить, что эти товарищи находятся в глубоком заблуждении. Стоит только оглянуться назад и вспомнить о художествах троцкистов и правых уклонистов, стоит только вспомнить историю борьбы с уклонистами за истекший период, чтобы понять всю пустоту и никчёмность этой партийной обывательщины. Не может быть сомнения, что, не обуздав

уклонистов и не разбив их в открытом бою, мы не могли бы добиться тех успехов, которыми по праву гордится теперь наша партия»¹⁹.

Вообще надо заметить, что на съезде царила не только атмосфера всеобщего «одобрямс», но и имели место довольно серьезные критические высказывания, особенно по конкретным вопросам практической работы. Это, как говорится, была старая большевистская традиция, отступать от которой в тот период никто, в том числе и сам Сталин, не собирался. Напротив, обилие конкретных критических замечаний, в том числе и прежде всего в адрес промышленных ведомств и местных партийных и советских органов, должно было, по замыслам генсека, продемонстрировать подлинно демократический, открытый для любой критики, характер обсуждения вопросов. Однако пределы и границы критики имели четкие границы, преступить которые означало оказаться в лагере антипартийных элементов, тех, кто ставит под сомнение генеральную линию, олицетворяемую Сталиным. Уже сам по себе этот факт говорил о серьезном изменении общей атмосферы в партии в сторону показной, демонстративной и декоративной демократии.

Естественно, что на съезде не могли не выступить и представители потерпевшего поражение правого блока. Нельзя сказать, что их выступления отличались особой искренностью и чистосердечием. Скорее наоборот: они как бы выполняли роль кающихся грешников, хотя и решительно протестовали против самого этого термина. В этом отношении весьма любопытна речь М. Томского — человека прямого и искреннего, что подтверждали почти все, знавшие его лично. Я приведу довольно обширную выдержку из его речи, поскольку она в концентрированном виде служит как бы зеркалом, отразившим торжество Сталина — сокрушителя оппозиции. Одновременно эта речь передает атмосферу, господствовавшую на съезде. Итак, М. Томский заявил:

«Товарищи, прежде чем выйти на эту трибуну, я задавал себе неоднократно вопрос, чего собственно ждет от нас партия и чем мы виноваты перед партией, имея в виду то, что мы были руководителями известной вам так называемой правой оппозиции. Неправильно было бы, если бы после длительного периода внутрипартийной борьбы, в частности я, выступая на этой трибуне, попытался бы оправдать эту борьбу или попытался бы оправдать свои ошибки. Это было бы негоже. Это было бы неправильно. Всякий большевик-политик должен знать свою ответственность перед партией за свои поступки. Пристойно ли было бы, если бы после большой политической борьбы, имевшей к тому же международное значение, я вышел бы на эту трибуну для того, чтобы покаяться? Это было бы непристойно для большевика, и самый термин «покаяние» — не наш термин, церковный термин. (*Общий смех.*) Однако партия вправе потребовать от людей, которые десятки лет стояли на ответственных партийных постах, после длительной, упорной внутрипартийной борьбы, потрясшей партию до последней ячейки и имевшей отражение не только внутри страны, но и вовне, — партия вправе потребовать, и долг каждого большевика, действительного политика, подвести честно и добросовестно итог этой борьбе. Партия вправе спросить: кто же был прав? И на этот вопрос должны ответить не только те, то вел борьбу против оппозиции и победил оппозицию, но и те, кто был побежден, поскольку они хотят честно и добросовестно, вплотную заглянуть и исправить сделанные ими ошибки. Партия вправе спросить:

¹⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 12. С. 372.

кончена ли борьба, или партия не застрахована от рецидивов и отрывок старого? И на этот вопрос должен быть дан честный ответ. И наконец надо вывести уроки этой борьбы. Я не стану особо останавливаться на том, кто прав. Это уже закреплено, воочию доказано, продемонстрировано не только на этом съезде, не только перед лицом нашей партии, но и перед лицом всего мира. С начала до конца права оказалась партия, и с начала до конца оказались неправы мы. Мы неправы были не только в своих идеологических построениях, мы неправы были в методах борьбы и формах борьбы»²⁰.

На съезде выступил также А. Рыков, занимавший пост главы советского правительства. (Что касается Бухарина, то он не был в числе делегатов съезда и не выступал на нем). Будучи тогда еще членом Политбюро, дни которого в составе этого высшего партийного ареопага уже фактически были сочтены, он вынужден был полностью признать свои ошибки. При этом он вел себя весьма достойно, отвергая нелепые наветы на него, распространявшиеся тогда в партийной среде явно по указке генсека. В ряде вопросов он дистанцировался от Бухарина. Но ехидно высмеял тех, кто требовал от него критики в адрес Бухарина. Вполне резонно формальный глава правительства поставил вопрос: «Скажите, что ошибочного теперь у Бухарина? Мы вместе отказались от ошибок. Но я никак не могу понять, почему я за свои ошибки должен ругать Бухарина, а не себя. Ведь я-то ошибался вместе с ним. Мне предлагают здесь по поводу моих разногласий с ЦК до ноябрьского пленума указывать на Бухарина и кричать: вот он, вор, лови его! За то, что я сделал, за те ошибки, которые я допустил, я за них сам отвечаю и ни на каком Бухарине отыгрываться не буду. И требовать этого от меня нельзя. За ошибки, сделанные мною, нужно наказывать меня, а не Бухарина»²¹.

Вся речь Рыкова была выдержана в достойных тонах. Он понимал, что проиграл политическую борьбу и нет никаких оснований рассчитывать на снисхождение к побежденному. Ибо он хорошо знал Сталина и его характер, чтобы питать на этот счет какие-либо иллюзии. Возможно, в связи со Сталиным ему приходили на память слова из пушкинского «Бориса Годунова»: «Что ни единой он обиды с тех пор как жив, не забывал». Трудно сейчас гадать, чем было продиктовано такое поведение поверженных лидеров правого блока. Скорее всего, в основе их поведения лежало то самое понимание партийного долга и партийной верности, которое они ставили превыше истины и за что в конце концов заплатили своей жизнью. Но именно через эту призму только и можно понять и оценить заключительный аккорд речи Рыкова:

«Я ни в коем случае не отказываюсь, не отказывался и не буду отказываться от той политической ответственности, которая была связана с тем, что я боролся в свое время, до ноябрьского пленума, с ЦК и с генеральной линией партии. Мои ошибки в этом отношении отягощаются положением, которое я занимал в стране и в партии. И это обстоятельство дало возможность враждебным элементам использовать мою борьбу в гораздо большей степени, чем других сторонников правого уклона.

Это отягчает мою ответственность. Я выступаю здесь с этой трибуны с этими моими заявлениями вовсе не для того, чтобы в какой-либо степени что-либо смягчить. Мне кажется, что в своих объяснениях и толкованиях я стремился изложить всю тяжесть последствий той ошибки, которая у меня была, и не только для меня, но и для наших общих

²⁰ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. С. 142.

Там же. С. 149.

интересов. Я обязуюсь сделать все, что найдет необходимым съезд для того, чтобы последствия этих ошибок как можно скорее изжить»²².

Сталин внимательно слушал покаянные речи своих поверженных оппонентов. Не исключено, что он испытывал радостные чувства человека, которому удалось не только политически уничтожить своих противников, но и принудить их к публичным саморазоблачениям. Ведь многие отмечали, что ему было присуще чувство мести, причем гипертрофированное до огромных размеров. Однако я не думаю, что лишь эти соображения побудили генсека заставить своих оппонентов каяться в политических ошибках и даже преступлениях перед партий. Здесь был и свой политический расчет. Генсек, несомненно, отдавал себе отчет в том, что взгляды и позиции правых против чрезмерных темпов индустриализации и чрезвычайных мер по ускорению процесса коллективизации пользуются довольно широкой поддержкой среди партийных масс. Особенно на фоне нараставших затруднений со снабжением, введением карточной системы, беспрецедентным товарным голодом и т. д. Все это понуждало Сталина действовать так, чтобы лидеры оппозиции и их взгляды получили самую суровую оценку на съезде и вообще в стране.

Испытываемые Сталиным опасения нашли косвенное, приглушенное отражение в его заключительной речи, особенно в части, посвященной выступлениям лидеров правого блока. Сталин исходил из того, что правые, будучи не вполне еще уверены в правильности линии партии, продолжали втихомолку некую фракционную работу, отсиживались до поры до времени и выжидали удобного случая для того, чтобы вновь выступить открыто против партии. Вот его аргументация: «Собираясь на свои фракционные собрания и обсуждая партийные вопросы, они обычно прикидывали: подождём до весны, авось партия провалится с посевами, — тогда и ударим как следует. Весна, однако, не давала им никаких плюсов, так как посевы проходили благоприятно. Тогда они вновь прикидывали: подождём до осени, авось партия провалится с хлебозаготовками, — тогда и ударим по ЦК. Однако осень также подводила их, оставляя их на бобах. И так как весна и осень повторяются каждый год, то бывшие лидеры правой оппозиции продолжали отсиживаться, вновь возлагая свои надежды то на весну, то на осень. (*Общий хохот всего зала.*) Понятно, что, отсиживаясь от сезона к сезону и выжидая благоприятного момента для удара на партию, они не могли выполнить своих обязательств.

Наконец, вторая причина. Состоит она, эта вторая причина, в том, что бывшие лидеры правой оппозиции не понимают наших большевистских темпов развития, не верят в эти темпы и вообще не приедают ничего такого, что выходит из рамок постепенного развития, из рамок самотека. Более того, наши большевистские темпы, наши новые пути развития, связанные с периодом реконструкции, обострение классовой борьбы и последствия этого обострения вселяют в них тревогу, растерянность, боязнь, страх. Понятно поэтому, что они отпихиваются от всего того, что связано с наиболее острыми лозунгами нашей партии»²³.

Победа Сталина над правыми была бесспорной и очевидной. Но для Сталина, как тонкого политического стратега и искусного политического борца, бесспорной и очевидной была не только его нынешняя победа. Он не исключал вероятности такого

²² XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. С. 154.

²³ И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 12.

разворота событий, когда трудности индустриализации и коллективизации могут совершенно в иной плоскости поставить вопрос о правильности его генеральной линии. И кто знает, как могли в таком случае развернуться события! Поэтому Сталин бил наверняка, превращая лидеров оппозиции пока еще не в лагерную пыль, но в нечто подобное сборищу политических неудачников и коварных заговорщиков, в глубине души не отказавшихся от своих прежних взглядов.

Сталин принудил лидеров поверженного блока выступать с покаянными речами и постарался создать такую атмосферу, что их речи постоянно прерывались репликами осуждения и недоверия со стороны делегатов. Логика политической борьбы подсказывала Генеральному секретарю: поражение правых отнюдь не сделало их сторонниками его политического курса, а лишь заставило видоизменить свою тактику борьбы. Открытое противостояние ими было проиграно, но в глубине души они были уверены в своей правоте и не преминут в той или иной форме противодействовать политике Сталина. Для такого рода предположений есть веские основания. Так, один из видных представителей блока, бывший руководитель московской организации и кандидат в члены Политбюро Н. Угланов писал в 1932 году в своем заявлении в Центральную контрольную комиссию, занимавшуюся расследованием его дела* (В скобках добавлю от себя, что это был период, когда разного рода признания бывших оппозиционеров еще не выколачивались с помощью пыток или других средств воздействия. Так что в данном случае Угланову можно верить.) Вот суть его заявления: «1932 г. ЦК партии переводит меня обратно на работу в Москву. Принявшись за работу, ухожу в нее. Но вот встают перед партией целый ряд очередных больших вопросов, как-то: весенняя посевная кампания, развертывание ширпотреба, колхозная торговля и хлебозаготовки, требующие сложнейшего маневрирования и руководства, среди правых, бывших моих сторонников, начинается к осени 1932 г. движение за возобновление борьбы против ЦК.

Я вновь начинаю связываться с рядом своих старых сторонников по правой оппозиции и, обсуждая с ними положение в партии и стране, прихожу к выводу, что руководство партии, во главе с т. Сталиным, не в состоянии преодолеть тех огромных затруднений (какие, мне казалось, существуют) в экономической и политической жизни страны»²⁴.

Так что приходится согласиться с предположением, которое прозвучало в заключительной речи Сталина относительно будущей возможной тактики лидеров оппозиции. Не исключено и другое: генсек сознательно строил именно такую политическую конструкцию, чтобы обречь бывших оппонентов не только на политический ostracism, но и предотвратить любую возможность их дальнейшего появления на большой политической сцене. Ему необходимо было не просто нанести поражение своим противникам, но и превратить их в политические (пока!) трупы. Отсюда проистекает жесткость обращения с ними на съезде партии. Во всяком случае линия Сталина в отношении своих оппонентов из правого блока после их фактической

* Для полноты картины хочу привести один пассаж из заявления Угланова в президиум XVI съезда, где он считал необходимым особо покаяться перед Сталиным лично: "В борьбе против линии партии я пытался в разговорах со многими членами партии представить главным виновником создавшегося положения в партии т. Сталина. Я считаю это своей тяжелой ошибкой. Тов. Сталин показал в своем руководстве партией, что он заслуженно является вождем партии, стойким и твердым последователем Ленина." (XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. С. 745.

²⁴ **Неизвестная Россия. XX век.** Т. 1. М. 1992. С. 62.

капитуляции в своей основе не изменилась. Он не принадлежал к разряду тех лидеров, которые довольствуются капитуляцией своих противников, ему нужно было их полное политическое уничтожение. И дело сводилось не только к личной мстительности генсека, что, конечно, играло свою роль. Речь шла о внутренних опасениях, видимо, терзавших душу Сталина, понимавшего, что разгром оппозиционного блока никак нельзя было расценивать как искоренение из рядов партии того духа и той политической ориентации, которые защищали правые. Даже будучи поставленными на колени, лидеры правых, тем не менее, сохраняли в партии определенные позиции и пользовались определенными симпатиями. Сталин этого боялся, он боялся, что при каком-либо неожиданном и резком повороте событий картина может кардинально измениться и вчерашние грешники предстанут в глазах партии праведниками. Поскольку реальная динамика ситуации не столь уж однозначно складывалась исключительно в пользу генерального курса Сталина.

Поражение правого блока было зафиксировано не только политически, но и закреплено организационными мерами. Сталин после съезда имел уже новый, существенно обновленный состав Политбюро и других исполнительных органов ЦК. В составе членов ПБ демонстративно оказался оставленным Рыков, хотя дни его пребывания в этой высшей инстанции партии были predeterminedены, в чем никто не сомневался. Забегая немного вперед и нарушая таким образом хронологию, тем не менее закончу вопрос о Рыкове. Через несколько месяцев — в декабре 1930 года состоялся пленум ЦК, на котором на Рыкова снова были вылиты ушаты обвинений. Хотя он сам безоговорочно признавал правильность генеральной линии партии и осуждал свои ошибки, представители уже безраздельно господствовавшей сталинской группировки (с безусловной подачи Генерального секретаря), поставили вопрос о снятии Рыкова. Вот чем аргументировал, это предложение, носившее характер секрета Полишинеля, новоиспеченный адепт генсека С. Косиор: «Нам нужно, чтобы председатель Совнаркома, который руководит всем нашим советским и хозяйственным аппаратом, стоял во главе руководства в борьбе за линию партии, чтобы он... с бешеной энергией дрался за проведение линии партии, в первую очередь в советской и хозяйственной работе. Только при таких условиях мы сможем работать, как следует. Этого мы в настоящее время не имеем, и надежды на то, что когда-нибудь это положение с т. Рыковым у нас изменится — нет... У тов. Рыкова нет основного, нет главного это — понимания линии партии. Это основное. Нет понимания необходимости настойчивого и инициативного ее проведения во всей нашей работе, в руководстве всем нашим советским и хозяйственным аппаратом. Исходя из этого, я думаю, что мы должны на настоящем Пленуме принять решение: освободить т. Рыкова от обязанностей председателя Совнаркома Союза. Но этим одним ограничиться мы не можем. Вместе с тем я думаю нужно поставить вопрос о дальнейшем пребывании тов. Рыкова в составе Политбюро. Вы все помните после XVI съезда, когда мы из тройки вывели двоих из Политбюро, и оставили т. Рыкова в составе Политбюро, партия никак не могла понять, и вполне справедливо, почему мы это сделали. Вы также знаете, что т. Рыкова мы оставили в Политбюро потому, что он остался на посту председателя Совнаркома»²⁵.

Рыков был выведен из состава членов ПБ. Председателем Совнаркома стал Молотов. На вакантное место члена ПБ вместо Рыкова был избран верный тогда сталинец С. Орджоникидзе. Томский потерял свое место в ПБ, хотя, как и Бухарин, вошел в состав

²⁵ Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М. 1995. С. 111.

нового Центрального Комитета. Таким образом, в ПБ у Сталина уже практически не имелось оппонентов, способных отстаивать самостоятельную, отличную от взглядов генсека, позицию²⁶.

Заслуживает внимания еще один сюжет из доклада Сталина. Речь идет о великорусском шовинизме. Генсек в последний раз поднял вопрос о необходимости борьбы против великорусского шовинизма на столь высоком форуме, каким являлся съезд. В дальнейшем он иногда касался великорусского национализма, но уже избегал применять термин великорусский шовинизм. В чем, на мой взгляд, была причина того, что с какой-то чуть ли не патологической навязчивостью Сталин на протяжении всего времени, прошедшего со дня смерти Ленина (более 7 лет), в своих докладах неизменно поднимал проблему борьбы с великорусским шовинизмом в качестве одной из актуальных задач? Дело было не в том, что имелись реальные причины бить во все колокола, как будто эта мифическая опасность чуть ли не душила Советскую власть. Вовсе нет. Отдельные проявления национализма со стороны великороссов, конечно, имели место быть. Но все они проявлялись, как правило, на чисто бытовом уровне, а потому не могли возводиться до масштабов государственной проблемы. Более того, в жизни страна сталкивалась прежде всего и главным образом с проявлениями национализма в отдельных советских республиках. Вот здесь было больше оснований подавать сигнал тревоги и привлекать внимание всей партии к необходимости решительной и бескомпромиссной борьбы против национализма.

Однако Сталин на первый план выдвинул задачу борьбы против великорусского шовинизма. Он говорил:

«В чём состоит существо уклона к великорусскому шовинизму в наших современных условиях?

Существо уклона к великорусскому шовинизму состоит в стремлении обойти национальные различия языка, культуры, быта; в стремлении подготовить ликвидацию национальных республик и областей; в стремлении подорвать принцип национального равноправия и развенчать политику партии по национализации аппарата, национализации прессы, школы и других государственных и общественных организаций.

Уклонисты этого типа исходят при этом из того, что так как при победе социализма нации должны слиться воедино, а их национальные языки должны превратиться в единый общий язык, то пришла пора для того, чтобы ликвидировать национальные различия и отказаться от политики поддержки развития национальной культуры ранее угнетённых народов»²⁷. И, далее, конкретизируя свою мысль, генсек заявил: «Нетрудно понять, что этот уклон отражает стремление отживающих классов господствовавшей ранее великорусской нации вернуть себе утраченные привилегии.

Отсюда опасность великорусского шовинизма, как главная опасность в партии в области национального вопроса»²⁸.

Никаких доказательств и фактов в подтверждение своих утверждений генсек не привел. Особенно дико и натянуто звучало обвинение мифических великодержавников в стремлении подготовить ликвидацию национальных республик и областей. Но если все это было преимущественно политической игрой со стороны Сталина, то зачем она ему понадобилась? Я полагаю, что Сталина все это время жгло клеймо великодержавного

²⁶ "Известия ЦК КПСС" 1990 г. № 7. С. 74.

И. В. Сталин. Соч. Т. 12. С. 362.

²⁸ Там же. 370–371.

шовиниста и держиморды, которым его наградил Ленин на закате своей жизни. И он не мог просто не замечать этого клейма, игнорировать его как давно забытую кличку. Среди его противников, а также в среднем партийном звене, крепко залегло в памяти это обвинение Ленина в адрес Генерального секретаря. Поэтому он на каждом съезде, в том числе и на XVI, полагал политически выигрышным для себя всячески отмежеваться от великорусского шовинизма и изобразить себя в качестве принципиального и непоколебимого борца с этой мифической опасностью. Иными словами, он лишь отдавал дань прошлому и проявлял чрезмерную осторожность, опасаясь, что его политические оппоненты в случае, если он обойдет эту тему молчанием, могут воскресить дух критических высказываний Ленина в его адрес.

В целом съезд прошел под знаком полного одобрения курса, выдвинутого Генеральным секретарем. Он знаменовал собой дальнейшее упрочение позиций Сталина как неоспоримого и единственного лидера партии. В соответствии со всем духом доклада генсека съезд поручил ЦК партии обеспечить и в дальнейшем боевые большевистские темпы социалистического строительства, добиться действительного выполнения пятилетки в четыре года. В сталинскую летопись великих свершений он вошел как съезд развернутого наступления социализма по всему фронту.

Насколько известно, на первом пленуме ЦК, сформировавшего исполнительные органы, Сталин уже не прибег к набившей оскомину демонстрации своего мнимого желания уйти в отставку с поста Генерального секретаря. В сложившихся тогда условиях даже чисто формальная и показная просьба об отставке была не только неуместна и фальшива, но и могла бы нанести ему серьезный политический ущерб. Ее вполне правомерно могли расценить в качестве попытки уйти от ответственности за довольно серьезное положение в стране. Более того, подобная акция со стороны генсека вообще способна вызвать сомнения в правильности проводившейся генеральной линии, в особенности линии на форсированную коллективизацию сельского хозяйства.

Из чисто тактических соображений временно оставленный в составе членов ПБ председатель СНК А. Рыков доживал свои последние месяцы как сколько-нибудь весомая фигура на партийном Олимпе — его смещение уже было предрешено. (Об этом уже шла речь выше). Оставляя пока Рыкова в составе ПБ, Сталин желал продемонстрировать не только перед партией, но и перед страной в целом, что в руководстве господствует единство, а сам он в политике не руководствуется чувством мести. Примечательно, что лично Сталин, и особенно его подручные, на самом съезде как бы в назидание на будущее и в качестве серьезного предостережения подвергли ведущих деятелей оппозиции — Бухарина, Рыкова, Томского и Угланова — серьезной критике. Смысл ее Сталин резюмировал в своем заключительном слове так: лидеры оппозиции должны «порвать окончательно со своим прошлым, перевооружиться по-новому и слиться воедино с ЦК нашей партии в его борьбе за большевистские темпы развития, в его борьбе с правым уклоном. Других средств нет. Сумеют сделать это бывшие лидеры правой оппозиции, — хорошо. Не сумеют, — пусть пеняют на себя»²⁹. Под дружный хохот делегатов он пригвоздил лидеров оппозиции к стене: «Зашуршал где-либо таракан, не успев еще вылезть как следует из норы, — а они уже шарахаются назад, приходят в ужас и начинают вопить о катастрофе, о гибели Советской власти»³⁰.

²⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 16.

³⁰ Там же. С. 14.

Едва ли есть нужда рассуждать о том, что после всего, что было сказано на съезде в адрес правых, Сталин рассматривал их как политические трупы. В известном смысле для этого у него были определенные резоны. Однако — и я уже обращал на это внимание — нельзя было полностью исключать возможности какого-либо неблагоприятного разворота событий, что вполне могло снова поднять правых на новую политическую волну. Как крайне осторожный и прагматический человек (и, разумеется, политик), Сталин сохранял бдительность и полную боеготовность на случай каких-либо неожиданностей. В этом контексте бесспорный интерес представляет точка зрения, которую начал особенно активно пропагандировать Троцкий в своих «письмах издалека»: «...Накопляющиеся в рамках официальной партии противоречия, при сохранении сталинского режима, неизбежно должны, особенно в момент обострения экономических затруднений, привести к кризису политическому, который может заново поставить вопрос о власти во всем объеме»³¹.

Это сейчас с высоты минувших лет очевидно, что прогнозы Троцкого оказались нереалистическими и полностью не оправдались. А тогда они не могли восприниматься Сталиным как пустая болтовня и иллюзорные прожекты потерпевшего поражение противника, продолжавшего строить свои политические планы на песке. Суровые реальности тех лет не располагали генсека к благодушию и почиванию на лаврах.

Сталин в тот период ставил своей важной целью, чтобы высший партийный орган — съезд — подтвердил не только правильность его политического курса, но и избрал в состав ЦК тех, на кого он мог рассчитывать в той чрезвычайно сложной и чреватой непредсказуемыми поворотами обстановке. И он добился своего. Это нашло свое конкретное выражение и в новом составе Политбюро. В число полноправных членов ПБ были избраны С. М. Киров, бывший в особо близких дружеских отношениях со Сталиным, а также верный приспешник генсека Каганович и — по занимаемой должности — руководитель украинских коммунистов С. Косиор. Свои места в ПБ сохранили сторонники линии генсека — Молотов, Ворошилов, Куйбышев, Калинин и Рудзутак³².

Несмотря на то, а, возможно, именно в силу того, что высший распорядительно-исполнительный орган партии Политбюро состоял теперь из людей, в значительной степени обязанных своим выдвижением Сталину и бывших его верными соратниками, он проводил в отношении них линию, известную еще со времен Римской империи — разделяй и властвуй. Он не довольствовался теперь личной преданностью ему, но и старался при всяком подвернувшемся случае сеять между членами ПБ взаимное недоверие, конфликты и подозрения. Тем более, что объективно для этого существовала почва. Поскольку между членами ПБ строго соблюдались функциональные разграничения — каждый из них отвечал за порученный ему участок советской и (или) партийной работы — вполне естественным явлением было то, что на чисто деловой (а порой и личной) основе между ними возникали трения, а порой и острые конфликты. Каждый из них стремился отстаивать интересы собственного ведомства и вольно или невольно был вынужден вступать в столкновение со своими коллегами при принятии и реализации того или иного решения. Чуть ли не постоянные столкновения в правительстве и Политбюро происходили по поводу распределения материальных ресурсов, капитальных вложений, по поводу тех или иных решений, которые были выгодны одним ведомствам, но ущемляли интересы других.

³¹ "Бюллетень оппозиции" 1931 г. № 20. (Электронный вариант).

³² "Известия ЦК КПСС". 1990 г. № 7. С. 74.

Вождь был в курсе такого рода конфликтов и столкновений и внимательно следил за всем происходящим. Часто он выступал в роли верховного арбитра, беря сторону того или иного соратника. Более того, в литературе о Сталине сложилось твердое и, на мой взгляд, полностью обоснованное мнение, что на каждого из них он имел секретное досье, составлявшееся на основе всякого рода компрометирующих материалов, добытых главным образом по каналам ОПУ, а затем НКВД. Эти секретные досье в любой момент могли быть использованы для того, чтобы «поставить на место» того или иного зарвавшегося соратника, коль в этом возникнет необходимость.

В период отсутствия Генерального секретаря в Москве с ним поддерживалась регулярная связь. Он ни на минуту не выпускал из своих рук контроль за всем происходящим в высших партийных эшелонах. Имеются в виду не только центральные органы партии, но и местные республиканские и областные организации. Держать все нити управления в своих собственных руках — значило для Сталина реально осуществлять свои функции верховного руководителя партии. Переписка Сталина с Молотовым и Кагановичем более чем убедительно подтверждает сделанный вывод.

В подтверждение сказанного приведу одно из многочисленных писем (записок или шифровок) Сталина, касающегося проблем, возникавших среди его соратников. В письме Кагановичу он выражал свое негодование:

«Тяжелое впечатление производит записка т. Куйбышева и вообще все его поведение. Похоже, что убегает от работы. С другой стороны, все еще плохо ведет себя т. Орджоникидзе. Последний, видимо, не отдает себе отчета в том, [что] его поведение (с заострением против т.т. Молотова, Куйбышева) ведет объективно к подтачиванию нашей руководящей группы, исторически сложившейся в борьбе со всеми видами оппортунизма, — создает опасность ее разрушения. Неужели он не понимает, что на этом пути он не найдет никакой поддержки с нашей стороны? Что за бессмыслица!»³³

Как видим, он не только поощрял соперничество между своими сподвижниками, но и следил, чтобы это соперничество не перешло границ и не поставило под угрозу вообще единство сформированного им руководства. Последнее обстоятельство играло, разумеется, доминирующую роль во всей внутриполитической стратегии и тактике Сталина. Причем следует подчеркнуть, что этой линии поведения он последовательно и неуклонно придерживался на всем протяжении своего пребывания у власти.

Укрепление личных позиций генсека с естественной закономерностью влекло за собой постепенно намечавшуюся тенденцию к реальному уменьшению удельного веса и роли Политбюро в целом. Разумеется, речь идет не о каких-то формальных признаках данного явления, а о его реальном содержании. Сталин по-прежнему во всех своих выступлениях, а также в деловой переписке с соратниками подчеркивает, что все решает Политбюро. На деле же, если Политбюро решало, то генсек лично предпринимал все решения этого органа. В руководстве партии подобная практика не составляла секрета. Она начала внедряться в жизнь именно с начала 30-х годов, знаменовавших собой приход эпохи единоличного вождя.

³³ Сталин и Каганович. Переписка. С. 51.

3. Ликвидация антисталинских минигруппировок

По мере обострения продовольственных трудностей и нарастания кризисных явлений в ходе сплошной коллективизации обстановка в стране, а, значит, и в партии, становилась все более напряженной. Ее уже не могли скрыть рапорты о новых успехах и достижениях, досрочном выполнении планов, широком размахе социалистического соревнования, росте числа ударников и т. д. и т. п. Роптали не только простые граждане, но и рядовые члены партии и даже отдельные представители ее среднего руководящего звена. Хорошо проверенным и показавшим свою эффективность средством борьбы с недовольными являлись чистки партии, ставшие традиционными еще во времена Ленина. Новый вождь не только полномасштабно использовал этот инструмент в целях пресечения недовольства и волны критических замечаний в адрес проводившейся политики, но превратил его в эффективное средство упрочения своей власти в целом. С мая 1929 года по май 1930 года была проведена чистка партии от так называемых чуждых элементов. Она мотивировалась необходимостью повышения боеспособности партии, ее роли в социалистическом строительстве. Официально цель чистки состояла в проверке политических и деловых качеств коммунистов под углом зрения классовых задач коммунистической партии. Но, помимо декларируемой цели, чистка была призвана исключить из партии тех, кто реально или потенциально мог выступать против политического курса генсека. В ходе чистки из партии (после рассмотрения всех апелляций) было исключено около 100 тыс. человек, или 7,8 процента прошедших чистку³⁴. Среди исключенных наибольшее количество составляли непролетарские элементы, являвшие собой, по вполне понятным причинам, своего рода значительный людской резерв для возможных антисталинских течений.

Но все эти меры не устранили корней недовольства. Сталинское руководство по ходу развития ситуации делало свои выводы и расширяло масштабы чистки партии от тех, кто выступал или мог выступать против сталинской генеральной линии. С ноября 1932 года была объявлена очередная чистка ВКП(б). Небывало массовый характер приобрело привлечение коммунистов к уголовной ответственности за невыполнение директив центра о вывозе хлеба из деревень. Всего за 1932 — 1933 гг. из партии были исключены около 450 тыс. человек³⁵.

Но одними лишь чистками партийных рядов дело, естественно, не могло ограничиться. Поэтому Сталин настаивает на ужесточении репрессивных мер, призванных сломить сопротивление коллективизации, а главным образом — расхищению социалистической собственности. Иными словами, речь шла в первую голову о том, чтобы строго выполнялись планы хлебозаготовок и урожай доходил до своего главного потребителя — государства. Вождь вспомнил о провозглашенном буржуазией принципе, согласно которому собственность является священной и неприкосновенной. В директивном письме Кагановичу он следующим образом обосновывал перенос действия этого принципа на социалистический уклад: «Капитализм не мог бы разбить феодализм, он не развился бы и не окреп, если бы он не объявил принцип частной собственности основой капиталистического общества, если бы он не сделал частную собственность священной собственностью».

³⁴ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Книга вторая. С. 35.

³⁵ Сталин и Каганович. Переписка. С. 16.

нарушение интересов которой строжайше карается и для защиты которой он создал свое собственное государство. Социализм не сможет добить и похоронить капиталистические элементы и индивидуально-рваческие привычки, навыки, традиции (служащие основой воровства), расшатывающие основы нового общества, если он не объявит общественную собственность (кооперативную, колхозную, государственную) священной и неприкосновенной. Он не может укрепить и развить новый строй и социалистическое строительство, если не будет охранять имущество колхозов, кооперации, государства всеми силами, если он не отобьет охоту у антиобщественных, кулацко-капиталистических элементов расхищать общественную собственность. Для этого и нужен новый закон. Такого закона у нас нет. Этот пробел надо заполнить»³⁶.

За воплощением в жизнь этого указания Сталина дело не стало. 7 августа 1932 г. был издан закон, позволявший приговаривать к высылке сроком до 10 лет за ущерб, наносимый колхозу. В соответствии с законом от 7 августа и статьей 58 Уголовного кодекса (которая позволяла осудить всякого, кто совершил какое-либо действие, подрывающее советскую власть) десятки тысяч колхозников были арестованы за самовольное срезание небольшого количества колосьев ржи или пшеницы.

Конечно, этот закон, получивший печальную известность как закон о колосках, был невероятно жесток, принимая во внимание голодную или полуголодную ситуацию во многих колхозах. Но осуждая его и подчеркивая невероятно драконовский характер наказания за его нарушение, нельзя все-таки не сказать о том, что он был в определенном отношении вынужденной мерой. Расхищение колхозного имущества в тот период приняло настолько широкий размах, что стало реальной угрозой для существования самих коллективных хозяйств. А Сталин не был человеком полумер, он все предпочитал делать с поистине «большевистским размахом». Так что этот закон вполне логично вытекал из всей политической философии вождя.

И невольно в этой связи вспоминаются строки великого русского сатирика: «Но не забудем, что успех никогда не обходится без жертв и что если мы очистим осто́в истории от тех лжей, которые нанесены на него временем и предвзятыми взглядами, то в результате всегда получится только большая или меньшая порция «убиенных». Кто эти «убиенные»? Правы они или виноваты и насколько? Каким образом они очутились в звании «убиенных»? — все это разберется после. Но они необходимы, потому что без них не по ком было бы творить поминки»³⁷.

Но это так — в порядке своеобразного авторского комментария упомянутого закона. Теперь же вернемся к основной нити нашего повествования.

В рассматриваемый период Сталину пришлось столкнуться с сопротивлением небольших группировок, выступавших в той или иной форме (чаще всего в тайном порядке) против его политики. Само появление этих минигруппировок, конечно, служило отражением общего положения в стране. Едва ли следует преувеличивать реальную опасность, представляемую этими группировками для власти Генерального секретаря. Однако он последовательно руководствовался идеей о том, что существование любого вида оппозиции проводимому им курсу в сложившейся обстановке нетерпимо и чревато непредсказуемыми последствиями. Поэтому он обрушил всю силу своего гнева на эти группировки.

³⁶ Там же. С. 240–241.

³⁷ М. Е. *Галтыков-Щедрин*. История одного города. М. 1984. С. 122.

Блок Сырцова — Ломинадзе — Шацкина. 2 декабря 1930 г. в газетах было опубликовано постановление ЦК и ЦКК от 1 декабря 1930 г. «О фракционной работе Сырцова, Ломинадзе и др.», в котором Сырцов и Ломинадзе обвинялись в создании «фракционных подпольных групп», объединившихся в «лево-правый блок» на основе общей политической платформы, совпадающей во всем основном с платформой правых оппортунистов». Было подтверждено ранее принятое решение об исключении Сырцова и Ломинадзе из ЦК, а Шацкина из ЦКК. С. И. Сырцов, в то время кандидат в члены Политбюро и предсовнаркома ведущей советской республики — Российской Федерации, в партийных кругах рассматривался как весьма перспективная фигура, поскольку к нему благоволил сам Сталин. Поговаривали даже о том, что его прочат на пост предсовнаркома взамен уже политически дышавшего на ладан Рыкова. В. В. Ломинадзе был первым секретарем Закавказского крайкома партии и считался выдвиженцем генсека и влиятельного в то время С. Орджоникидзе. В конце 20-х годов Сталин назначил его представителем Коминтерна при ЦК компартии Китая. Видимо, считая себя без всяких на то оснований знатоком Китая, Ломинадзе, словно оправдывая свою фамилию, наломал там немало дров и его отозвали в Москву. А Шацкин каким-то заметным политическим весом не отличался.

Сырцову было вменено в вину то, что он ставил под сомнение успехи индустриализации, считая их простым очковитиризмом. Главное обвинение, адресованное участникам блока, заключалось якобы в стремлении изменить партийную линию и сменить руководство. Согласно показаниям одного из свидетелей, являвшихся, скорее всего, агентом ГПУ, Ломинадзе даже говорил о необходимости сместить Сталина на очередном съезде. В ходе расследования, проведенного ЦКК под руководством ее председателя Орджоникидзе, выяснилось, что, излагая подробно то, что происходило на одном из заседаний Политбюро, Сырцов рассказал о покушении на т. Сталина и говорил, что Ворошилов и Куйбышев здесь зря приписывают это для комиссии, на них никто не покушался и вообще возможно, что тут аналогия с Наполеоном III, который сам на себя организовывал покушения. Он рассказал о террористической подготовке арестованных вредителей и, что по требованию ГПУ, секретный отдел ЦК переводится в Кремль, туда же переводятся секретари ЦК, а ЦИК из Кремля выселяется. Политбюро поручило Ворошилову ускорить дальнейшую очистку Кремля от ряда живущих там не вполне надежных жильцов³⁸.

Но суть проблемы коренилась отнюдь не в этих мнимых покушениях, а скорее всего в том, что Сырцов выражал недовольство лично Сталиным, хотя и делал это достаточно осторожно. В частности, он обращал внимание на ненормальность положения, сложившегося в работе Политбюро, где все вопросы заранее предрешаются Сталиным и приближенными к нему лицами. На опросе в ЦКК он признал: «... Мне кажется, что руководящая группа ЦК тоже не вполне свободна в ряде своих действий, что тут есть известная обстановка, известный автоматизм действия!... Мне кажется ненормальным является положение, при котором целый ряд решений Политбюро предрешается определенной группой. Я вполне понимаю, когда из нее исключается Рыков, как человек, допустивший правые ошибки и ведущий неправильную политическую линию, но насколько я себе представляю, что в составе этой руководящей группы совершенно не участвуют и являются механическими членами Политбюро Куйбышев, Рудзутак, Калинин...»³⁹

³⁸ Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 99.

При устранении членов этого, с позволения сказать, блока в качестве главного тарана генсек использовал своего друга и соратника Орджоникидзе, сформулировавшего главные обвинения: «Сырцов мы знаем как бывшего троцкиста, знаем его по Сибири как проповедника и сторонника знаменитого бухаринского лозунга «обогащайтесь!» Сырцов повторил его иными словами. Кто же будет отрицать, что Сырцов здесь шел по стопам Бухарина: «накопляйте, добрый час». Чем отличается этот лозунг от бухаринского «обогащайтесь!» — решительно ничем. Сырцов пытается показать вид, что он «левый». Он говорит — я боялся, что когда разгромят правых, само нынешнее руководство круто повернет вправо... Вообще очень трудно толком разобраться, что хочет Сырцов. У него путаница невероятная в голове. Точно так же обстоит дело у Ломинадзе, Шацкого. Всем известно, что они патентованные путаники... Что бы они там ни говорили о своей платформе, о своем согласии или несогласии с ЦК, одно остается ясным — это то, что и у Ломинадзе, и у Сырцова, и у Шацкого, если только есть у них какая-нибудь политическая линия, это линия правого уклона... Ведь недаром же Сырцов написал в своем заявлении, что он хоть и был согласен с тов. Сталиным, когда он выступал на конференции аграрников с лозунгом ликвидации кулака как класса, но считал, что это не было подготовлено и т. д. Ну, конечно, принципиально он согласен, а практически — надо бы иначе сделать. С этого начинали все оппортунисты»⁴⁰.

Орджоникидзе сообщил, что при разговоре с Сырцовым «присутствовал т. Сталин, это было в его кабинете, Сталин несколько раз уходил: «может быть при мне не хочешь говорить?» Потом опять приходил, убеждал Сырцова, что так нельзя делать, что нужно сказать прямо в чем дело? Если ты наделал какие-либо глупости, мы вместе постараемся их исправить. Сырцов нам категорически заявил, что я сегодня говорить не буду ничего»⁴¹.

В общем набор обвинений был по тем временам довольно стандартным и сводился к тому, что участники блока выступают против генеральной линии партии. В переводе на всем понятный язык — против Сталина. Можно допустить, что генсек пытался облагородить человека, которого он рассматривал в качестве своего протеже. Но, видимо, все его попытки окончились неудачей. Позиция, занятая Сырцовым, в глазах Генерального секретаря была не просто ошибкой, а политическим предательством и преступлением. Правда, пока еще не уголовно наказуемым. Но все еще было впереди.

Я не стану подробно рассматривать вопрос о **группе А. П. Смирнова, В. Н. Толмачева и Н. Б. Эйсмонта**, которая была объявлена контрреволюционной и подверглась полному разгрому на январском (1933 г.) пленуме ЦК. Объявленный лидером группы А. П. Смирнов одно время был секретарем ЦК, а также народным комиссаром земледелия. То есть он непосредственно сталкивался с тяжелыми последствиями сплошной коллективизации, что, видимо, и подтолкнуло его к активным выступлениям против политики генсека. Сталин внимательно следил за любыми проявлениями недовольства в отношении его политического курса, располагая сетью информаторов, которые внедрялись в ряды оппозиционеров всякого толка. Это видно из его писем своим соратникам. Так, в письме Ворошилову в декабре 1932 года он писал:

«Дело Эйсмонта — Смирнова аналогично делу Рютина, но менее определенное и насквозь пропитано серией выпивок. Получается оппозиционная группа вокруг водки

³⁹ Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 98–99.

⁴⁰ Там же С. 103, 105.

⁴¹ Там же. С. 106.

Эйсмонта — Рыкова, охоты на кабанов Томского, повторяю, Томского, рычание и клекотание Смирнова и всяких московских сплетен, как десерта»⁴². Совершенно очевидно, что сведения о выпивках оппозиционеров и т. п. вещах он получал через каналы секретных осведомителей. Но дело, разумеется, было не в каких-то выпивках и оппозиционных группировках вокруг водки. Сталин концентрировал свои удары против тех, кто выражал (или мог выразить!) свое недовольство сталинским курсом. К тому времени положение сложилось таким образом, что пленумы ЦК все в большей степени превращались в инстанцию, штампуемую вердикты, вынесенные вождем.

Пленум ЦК одобрил решение ЦКК о выведении Смирнова из состава ЦК и исключении из партии Толмачева и Эйсмонта за создание «подпольной фракционной группы» с целью изменения политики в области индустриализации и коллективизации. При обсуждении этого вопроса на заседании ЦК Сталин якобы заявил: «Ведь это враги только могут говорить, что уберете Сталина и ничего не будет»⁴³.

Более детального внимания заслуживает рассмотрение вопроса о **группе Рютина**, поскольку именно в платформе, составленной этой группой, нашли концентрированное выражение все основные политические обвинения в адрес Сталина. В каком-то смысле этот документ можно считать наиболее полным и наиболее аргументированным антисталинским манифестом. Подчеркивая эту важную особенность платформы Рютина, я не хочу тем самым сказать, будто оценки и выводы, содержащиеся в ней, объективно обоснованны и отражали веления времени. Мне думается, что концепция, выраженная в платформе, хотя и вскрывала многие пороки сталинского режима и всей его политики, в целом же она не отвечала исторически неизбежному ходу развития страны. Ратуя за пересмотр генеральной линии, Рютин и его единомышленники, по существу, кроме общих, звучавших внешне убедительно деклараций о восстановлении внутрипартийной демократии и возврате к утраченным ленинским принципам, фактически ничего не противопоставляли и не могли противопоставить курсу на индустриализацию и коллективизацию, последовательно проводившуюся в жизнь Сталиным.

Сам Рютин — сравнительно второстепенный партийный функционер — за резкие выступления против Генерального секретаря и его политического курса был решением ЦКК в октябре 1930 года исключен из партии. Сталин, внимательно следивший за его делом, пишет Молотову письмо, в котором подчеркивает: «Мне кажется, что в отношении Рютина нельзя будет ограничиться исключением. Его придется, спустя некоторое время после исключения, выслать куда-нибудь подальше от Москвы. Эту контрреволюционную нечисть надо разоружить до конца»⁴⁴. Вскоре Рютин был арестован за «контрреволюционную пропаганду и агитацию». Однако он не прекратил своей борьбы против Сталина. Более того, он ее всячески активизировал, создав группу единомышленников. В 1932 году ими была написана довольно объемистая платформа и обращение к членам партии, в сжатом виде излагавшее основные положения платформы. Среди участников группы, естественно, оказался провокатор, внедренный ОГПУ. И все, разумеется, стало известно Сталину и партийному руководству в целом. Рютин и другие члены его группы подверглись аресту. Через короткий промежуток времени до двух десятков человек были исключены из партии как члены «контрреволюционной группы Рютина». Среди них

⁴² Советское руководство. Переписка. 1928 – 1941. С. 196.

⁴³ См. Роберт Такер. Сталин у власти. Т. 2. М. 1997. С. 191.

⁴⁴ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 218–219.

были Зиновьев и Каменев, у которых нашли текст рютинского обращения, а также некоторые другие деятели партии рангом пониже, но все же довольно известные в партии.

Комментируя этот эпизод биограф Сталина Р. Такер, ссылаясь на книгу Д. Волкогонова, пишет: «Сталин, конечно, прочел обращение и пришел в такую ярость, что никак не мог удовлетвориться арестом Рютина и исключением рютинцев из партии. На заседании Политбюро он потребовал вынести Рютину смертный приговор как террористу. Члены Политбюро молчали, наконец заговорил Киров: «Нельзя этого делать. Рютин не пропащий человек, а заблуждающийся... черт его разберет, кто только не приложил руку к этому письму... не поймут нас люди...» Сталин, вероятно чувствуя, что большинство его не поддерживает, настаивать не стал. Рютин получил десять лет, но этим, конечно дело не кончилось... Позже Рютина привезли в Москву, где давлением и пытками его пытались заставить выступить в роли одного из обвиняемых на открытом процессе по делу о государственной измене. Рютин отказался и был казнен в 1937 г. по личному распоряжению Сталина»⁴⁵.

Д. Волкогонов, из книги которого Р. Такер почерпнул приведенную выше версию рассмотрения вопроса о Рютине на заседании Политбюро, излагает обстоятельства дела в несколько ином ключе. Он пишет: «Сталин почему-то быстро согласился... (имеется в виду — согласился с Кировым — Н. К.). Мужественный Рютин получил десять лет и погиб в 1938 году. Но Сталин не забыл: Киров может смело высказывать свое мнение, не считаясь даже, если нужно, с ним»⁴⁶. Здесь приведены, собственно, два несколько различающихся в деталях варианта одной и той же версии. Но суть проблемы не в каких-то разночтениях или мелких деталях, а в том, насколько вообще достоверна эта версия.

Утверждения о том, что в Политбюро произошел чуть ли не раскол и генсек оказался в меньшинстве на протяжении многих лет усиленно муссируются в книгах и статьях, освещающих данный сюжет. Компетентный знаток этого периода советской истории О. Хлевнюк в своей книге убедительно опровергает подобные умозаключения. Он пишет, что они в основном опираются в качестве документального источника на знаменитое «Письмо старого большевика», написанное Б. Николаевским якобы на основе бесед последнего с Бухариным в 1936 году. В этом письме, в частности, утверждалось: «Это было в конце 1932 г., когда положение в стране было похоже на положение времен кронштадтского восстания... Добрая половина страны была поражена жестоким голодом... В самых широких слоях партии только и разговоров было о том, что Сталин своей политикой завел страну в тупик: «поссорил партию с мужиком», — и что спасти положение теперь можно только устранив Сталина. В этом духе высказывались многие из влиятельных членов ЦК; передавали, что даже в Политбюро уже готово противосталинское большинство... Неудивительно, что по рукам ходил целый ряд всевозможных платформ и деклараций. Среди них особенно обращала на себя внимание платформа Рютина... Из ряда других платформ Рютина выделяла ее личная заостренность против Сталина... Вопрос о его судьбе решался в Политбюро, так как ГПУ (конечно, по указанию Сталина) высказалось за смертную казнь, а Рютин принадлежал к старым и заслуженным партийным деятелям, в отношении которых завет Ленина применение казней не разрешал.

⁴⁵ Роберт Такер. Сталин у власти. Т. 2. С. 192.

⁴⁶ Дмитрий Волкогонов. Сталин. Политический портрет. Книга 1. С. 362.

Передают, что дебаты носили весьма напряженный характер. Сталин поддерживал предложение ГПУ. Самым сильным его аргументом было указание на рост террористических настроений среди молодежи, в том числе и среди молодежи комсомольской... Сталин доказывал, что политически неправильно и нелогично, карая так сурово исполнителей, щадить того, чья политическая проповедь является прямым обоснованием подобной практики...

Как именно разделились тогда голоса в Политбюро, я уже не помню. Помню лишь, что определенно против казни говорил Киров, которому и удалось увлечь за собою большинство членов Политбюро. Сталин был достаточно осторожен, чтобы не доводить дело до острого конфликта. Жизнь Рютина тогда была спасена: он пошел на много лет в какой-то из наиболее строгих изоляторов...»⁴⁷

Аргументы О. Хлевнюка весьма убедительны и сводятся к следующему: «Пока ни один архивный документ не обнаруживает хоть какую-то реальную основу свидетельств Николаевского. Детальное изучение обстоятельств дела в связи с реабилитацией Рютина в 1988 г. также не выявило фактов разногласий в Политбюро... Президиум ЦКК принял постановление об исключении 24 человек как «членов и пособников контрреволюционной группы Рютина — Иванова — Галкина... как предателей партии и рабочего класса, пытавшихся создать подпольным путем... буржуазную кулацкую организацию по восстановлению в СССР капитализма и, в частности, кулачества». ОГПУ поручалось принять против организаторов и участников этой «контрреволюционной группы» судебно-административные меры, «отнесясь к ним со всей строгостью революционного закона». Это постановление Президиума ЦКК от 9 октября было утверждено опросом членов Политбюро 10 октября 1932 г. Сталин сделал в тексте решения Президиума ЦКК лишь незначительные поправки и поставил резолюцию: «Согласен». Ниже в знак согласия расписались Молотов, Каганович, Микоян, Ворошилов и Куйбышев. Отсутствие подписи Кирова в данном случае — не исключение. Киров крайне редко появлялся в Москве и почти не участвовал в работе Политбюро. Можно, конечно, предположить, что судьба Рютина решалась на строго секретном заседании Политбюро. Но упоминаний о таком обсуждении нет и в особых протоколах Политбюро («особая папка»)»⁴⁸

Полагаю, что здесь излишни какие-либо комментарии: ведь одно дело реальные документы, а совсем другое — досужие вымыслы и тенденциозные предположения. Тем более, что О. Хлевнюка в каких-либо симпатиях к Сталину заподозрить нельзя. Можно сказать — даже наоборот!

Теперь несколько подробнее остановимся на обвинениях, а точнее сказать, на обличениях, содержащихся в платформе Рютина в адрес главной фигуры нашего повествования. Это, помимо всего прочего, необходимо потому, что в анналах антисталинизма указанный документ занимает отнюдь не второстепенное место.

Прежде всего характеристика Сталина как личности и исторической фигуры, содержащаяся в платформе Рютина. В ней говорилось: «Сталин, несомненно, войдет в историю, но его «знаменитость» будет знаменитостью Герострата. Ограниченный и хитрый, властолюбивый и мстительный, вероломный и завистливый, лицемерный и наглый, хвастливый и упрямый, — Хлестаков и Аракчеев, Нерон и граф Калиостро — такова

Ю. Г. Фельштинский. Разговоры с Бухариным. С. 107–109.

⁴⁸ О. В. Хлевнюк. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. С. 76.

идейно-политическая и духовная физиономия Сталина»⁴⁹. Характеристика, что и говорить, более чем хлесткая. Но она пока касается преимущественно черт характера и особенностей личности. Рютин концентрирует главный удар по Сталину как вождю: «Сталин никогда не был настоящим, подлинным вождем, но ему тем легче было в ходе событий превратиться в настоящего диктатора. Свою сегодняшнюю роль он занял не благодаря поддержке масс. Он пришел к своему теперешнему безраздельному господству путем хитрых комбинаций, опираясь на кучку верных ему людей и аппарат, и с помощью одурачивания масс. Он оторван от масс, он не связан с ними, он держится не на доверии масс, а на терроризировании их. Словом, черты современного Сталина — это черты диктатора, а не вождя.

«Работа» по канонизированию Сталина приняла грандиозные размеры. Люди всех рангов взапуски стараются перещегоолять друг друга в области «соцсоревнования» на поприще услужения «вождю». Теоретические статьи в журналах превратились просто в ходатайства о повышении по службе и мотивированные подписки о политической благонадежности по отношению к Сталину. Партийная машина «заказ» выполняет аккуратно. Но затея канонизирования все же обречена на явный провал»⁵⁰.

Можно соглашаться или не соглашаться с жесткими обличениями в адрес генсека, но нельзя не сказать следующее: если бы Сталин не чувствовал настроения масс и был совершенно от них оторван, то все его планы установления единовластия были бы похоронены еще задолго до того, как они начали воплощаться в жизнь. Рютин здесь явно не в ладах с историческими фактами. Столь же беспочвенной оказалось и его пророчество о том, что канонизация вождя обречена на явный провал. История Сталина у власти — наглядное тому подтверждение.

Весьма резко звучит оценка политической атмосферы, сложившейся в партии и обществе. Рютин пишет: «Господство террора в партии и стране при явно гибельной политике Сталина привело к тому, что лицемерие, двурушничество стали всеобщим явлением. Лицемерие стало знаменем нашего времени. Лицемерят в своих официальных выступлениях на собраниях все члены партии, лицемерят в тисках террора рабочие массы, лицемерит задавленная деревня, лицемерят ответственные работники и рядовые члены партии, партийные и беспартийные, старые большевики и молодые партийцы. Никто не верит в эту политику, и все делают вид, что ею восхищены.

Все видят невиданный кризис и в то же время официально вынуждены кричать о гигантских успехах. Все желают с этой политикой покончить и в то же время не могут. ...Политбюро и Президиум ЦКК, секретари областных комитетов превратились в банду беспринципных политиканов и политических мошенников. Они на деле рассматривают партию лишь как свою вотчину. Не они для партии, а партия для них»⁵¹.

Считая некоторые высказывания Рютина довольно убедительными, я тем не менее не могу понять одного — чем объяснить тот факт, что при всеобщем неверии в политику Сталина и всеобщим желанием покончить с нею — эта политика в конечном счете победила и дала свои плоды? Здесь у автора платформы концы не сходятся с концами и он в порыве испепеляющей ненависти к Сталину сам теряет почву под ногами и желаемое выдает за действительное. Если бы картина, нарисованная Рютиным, отвечала реальностям

⁴⁹ Реабилитация. Политические процессы 30 – 50-х годов. С. 336.

⁵⁰ Там же. С. 352.

⁵¹ Там же. С. 423, 425.

той эпохи, то само политическое выживание Сталина, не говоря уже о его триумфе, явило бы собой какое-то чудо.

Наконец, красной нитью через весь документ проходит мысль о необходимости устранения Сталина, правда, автор не расшифровывает эту постановку вопроса и остается лишь гадать — какими путями мыслилось это устранение? Политическими или же путем индивидуального террора? Вопрос так и остался открытым. Единственное, что считал необходимым добавить Рютин, так это следующее: «Люди, не умеющие марксистски мыслить, думают, что устранение Сталина в то же время будет свержением Советской власти. Сталин такой взгляд всячески культивирует и распространяет. Но он абсолютно неверен»⁵².

Завершая данный раздел, хочу подчеркнуть, что любой политический деятель на месте Генерального секретаря мог вполне расценить дух и всю направленность рютинской платформы не только как призыв к политической борьбе против него, но и как призыв к его физическому уничтожению. Если мы помножим это суждение на чрезмерную подозрительность и мнительность, присущую вождю, то вполне можем и предсказать его возможную реакцию на все это. Наивно было бы думать, что Сталин, ознакомившись с платформой Рютина, начал испытывать чувство страха и озабоченности за свою жизнь. Ведь чего-то принципиально нового в указанной платформе не содержалось — она лишь в суммированном виде формулировала обвинения, выдвигавшиеся против него всеми предшествующими оппозициями. Правда, делалось это без всяких экивоков и фигур умолчания, свойственных декларациям оппозиционеров. То, что говорилось в платформе, было в какой-то степени отражением оценок и обобщений, которые постоянно озвучивал на страницах зарубежной печати Троцкий. Словом, для генсека платформа Рютина являлась всего лишь одной из очередных атак на него лично и на политический курс, проводимый им.

Сказанное, однако, вовсе не равнозначно тому, будто Сталин не придавал появлению платформы серьезного значения. Он прекрасно понимал, что такие явления должны искореняться всеми средствами. В противном случае они, как раковая опухоль, способны разрастаться, и тогда придется столкнуться с весьма опасными политическими метастазами, потенциально опасными для него. Тем более что в качестве вполне приемлемой меры борьбы против Сталина и его политики платформа Рютина рассматривала террористические акты. Хотя об этом в ней не говорилось ясно и без обиняков, но весь дух и содержание платформы позволяют сделать такой вывод. Эпизод с платформой Рютина, безусловно, сыграл свою роль в дальнейшем, он в определенной степени как бы подтолкнул генсека к мысли о возможном развертывании репрессий против реальных и потенциальных противников.

4. Самоубийство жены

Трагедия, словно ураган пронесшаяся по стране, затронула в буквальном смысле судьбы миллионов. Задела она своим крылом и лично Сталина — в ноябре 1932 года

⁵² Реабилитация. Политические процессы 30 – 50-х годов. С. 434.

самоубийством покончила его жена Надежда Сергеевна Аллилуева. Это событие, вне всякого сомнения, наложило свою неизгладимую печать на Сталина, стала незаживающей раной в его душе. Можно строить самые различные предположения и догадки, как эта личная трагедия в политическом разрезе повлияла на генсека. Я пишу политическую биографию Сталина, поэтому, вполне понятно, личные стороны его жизни не стоят в центре моего внимания. Однако данный факт едва ли правомерно считать только трагическим эпизодом сугубо личной жизни вождя. Судя по многим прямым и косвенным признакам, он явился своего рода водоразделом в его судьбе. Многие биографы пишут, что самоубийство жены до крайности ожесточило Сталина, сделало его еще более подозрительным и недоверчивым, усилило в нем чувства непримиримости и жесткости, он стал еще более беспощадным к своим реальным и потенциальным врагам. Иными словами, личная трагедия вождя закономерным образом трансформировалась в своего рода мизантропию, которая не могла не сказываться на его политических действиях, на отношении к людям. Словом, трагедия вышла далеко за рамки сугубо личной судьбы Сталина и стала сказываться на его политических действиях в целом.

Конечно, любой политический и государственный деятель — это прежде всего человек, и его личные качества в том или ином разрезе неизбежно проявляются в его деятельности. Однако было бы упрощением все сводить исключительно к личным качествам и особенностям характера того или иного политического и государственного деятеля. Ведь в конечном счете не те или иные достоинства и недостатки личности как фигуры крупного масштаба определяют ход исторических событий и предопределяют характер действий, предпринимаемых исторической личностью. Если же во главу угла мы поставим личные качества того или иного деятеля, особенно такого формата, как Сталин, то неизбежно впадем в голый субъективизм и не сможем дать исторически достоверную картину эпохи.

Эти мимолетные замечания, конечно, не исчерпывают и не могут исчерпать всю сложность и многоплановость рассматриваемой проблемы. Однако бесспорно одно — природа личности любого деятеля не может служить надежным фундаментом для правильной оценки характера эпохи. Она лишь накладывает свои неизгладимые штрихи на нее, окрашивает ее в цвета самой этой личности. Но движущие силы процессов любой исторической эпохи формируются и развиваются в зависимости от действия более фундаментальных факторов, чем только личные качества деятеля, имя которого начинает ассоциироваться с эпохой и дает ей свое название.

Возвращаясь непосредственно к вопросу о самоубийстве Н. Аллилуевой, следует оговорить, что самоубийство любого человека неизменно сопряжено с множеством факторов, в которых не так-то просто разобраться. Поэтому поспешные, основанные прежде всего на политических мотивах, объяснения этого рокового шага жены вождя, мне представляются крайне сомнительными. В их основе присутствует желание еще больше скомпрометировать личность Сталина и представить его в облике некоего беспощадного чудовища, вампира, получавшего наслаждение при виде человеческих страданий. Привязка акта самоубийства к политическим обстоятельствам как главного спускового механизма, подтолкнувшего Н. Аллилуеву к ее действию, отнюдь не подтверждается убедительными фактами и свидетельствами. Вот почему следующий категорический вывод такого солидного биографа Сталина, как Р. Такер, выглядит, на мой взгляд, совершенно бездоказательным, а потому и неубедительным. Такер пишет: «В любом случае, нет

сомнений, что Сталин несет ответственность за смерть жены. Эта смерть, как бы она ни произошла, была актом протеста против сталинского произвола...»⁵³ Серьезных аргументов у Такера, как и других авторов, придерживающихся данной версии, по существу, нет, разве что кроме ссылок на отдельные высказывания, взятые из воспоминаний дочери Сталина С. Аллилуевой. Я чуть ниже остановлюсь на ее свидетельствах. Сам же Такер мотивирует свою позицию тем, что жена Сталина, столкнувшись с реальной жизнью и имея контакты с другими людьми, и вдохновляемая коммунистическим идеализмом, не могла не придти к отторжению принятого политического курса и мужа как его главного проводника⁵⁴.

Если расшифровать столь осторожно сформулированный вердикт, то он звучит примерно так: самоубийство жены вождя являлось главным образом и прежде всего политическим актом, ярким, а потому и особенно вызывающим, протестом против политики, проводившейся Сталиным. Мол, даже наиболее близкие к вождю люди фактически находились в числе его противников.

Теперь более детально остановимся на обстоятельствах этой человеческой трагедии, в силу понятных причин перешагнувших чисто личные границы.

Вначале несколько слов о личности Н. С. Аллилуевой. Она была младшей дочерью С. Я. Аллилуева — товарища Сталина по революционной работе, прежде всего в Закавказье. С семьей Аллилуевых Сталина связывала давняя дружба, в основе которой лежала революционная деятельность. Н. С. Аллилуева родилась в 1901 году в Баку и с самых юных лет проявляла силу характера и убежденность. Так, ее старшая сестра А. Аллилуева в своих воспоминаниях приводит такой эпизод.

«— Ну вот, окончательно прослыла большевичкой, — сообщила она как-то. И рассказала: — Понимаешь, гимназистки вздумали собирать пожертвования. Для каких-то обиженных чиновников... Пришли к нам, обходят всех. Все что-то дают, жертвуют!.. Подходят ко мне. А я громко, чтобы все слышали, говорю: «Я не жертвую». Они, конечно, всполошились. «Как не жертвуешь? У тебя, наверное, денег с собою нет, ты, наверное, дома забыла». Я повторяю: «Нет, деньги у меня есть... Но я на чиновников не жертвую...» Тут-то и поднялось. Все в один голос: «Да она большевичка! Конечно, большевичка...» Ну, а я очень довольна... Пусть знают»⁵⁵.

Она не только была из семьи старого большевика, но и сама с юных лет стала большевичкой. В 1918 году была принята в партию. В 1919 году вышла замуж за Сталина, который был старше нее более чем на двадцать лет⁵⁶. По некоторым свидетельствам (их скорее можно назвать слухами), сопровождала его во время пребывания Сталина на Царицынском фронте. Затем работала в секретариате Ленина. В связи с рождением сына Василия в 1921 году временно была вынуждена отойти от работы, за что в период чистки 1921 года была исключена из партии. В выписке из протокола заседания комиссии по чистке говорилось: «Слушали: 7. О Аллилуевой Н. С. Постановили: Исключить как балласт, совершенно не интересующийся партийной жизнью. Как советский работник может исполнять всякую работу».

Роберт Такер. Сталин у власти. Т. 2. С. 196.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ А. С. Аллилуева. Воспоминания. М. 1946. С. 187.

⁵⁶ Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. М. 1993. С. 19.

12 декабря 1921 г. Н. С. Аллилуева подала в Московскую губернскую комиссию по проверке и очистке партии следующее заявление: «Проверочной комиссией Замоскворецкого района постановлено считать меня исключенной как балласт и как не интересующуюся партийной работой.

Считая постановление комиссии слишком резким, прошу губернскую комиссию пересмотреть это решение и перевести меня в кандидаты, ввиду моего серьезного желания подготовить себя для партийной работы, которой я не вела до сих пор исключительно только потому, что считала себя неподготовленной. Прошу комиссию принять во внимание то, что мне 20 лет и я не имела еще возможности получить партийную подготовку и опыт. В настоящее время я прохожу партийную школу и надеюсь, что в дальнейшем буду более пригодным членом партии, чем была до сих пор, а поэтому прошу перевести меня в кандидаты для опыта»⁵⁷

Н. Аллилуева, работавшая в аппарате Совнаркома, очевидно, по причине своей скромности, умолчала о том, что на руках у нее был грудной ребенок — сын Василий, родившийся в том же году. За нее вступился Ленин (об этом рассказано в первом томе довольно подробно) и решение об исключении было отменено. В дальнейшем она работала в журнале. Можно предположить, что выполняла какую-то вспомогательную работу для своего мужа. Обладая сильным характером и самостоятельностью, решила получить высшее образование и поступила на учебу в Промышленную академию. По многочисленным свидетельствам (в том числе и Н. С. Хрущева), вела себя исключительно скромно, стремясь ничем не выделяться среди окружающих. По свидетельствам знавших ее людей, была доброй и отзывчивой, хотя порой и проявляла психическую неуравновешенность.

Характеризуя возможные мотивы ее самоубийства, племянник Н. Аллилуевой (сын ее сестры Анны) пишет: «После замужества круг близких людей Надежды как-то неожиданно оборвался — отец пропал без вести (имеется в виду, что не подавал о себе вестей, а не пропал без вести в обычном понимании этих слов — Н. К.), гражданская война забрала двух братьев на фронт, сестра, выйдя замуж, оставила Москву. Рядом с ней самым близким человеком оказался муж, но он был намного старше, и, главное, его все больше и больше отбирала у нее работа, он практически уже не принадлежал себе самому и внимания молодой жене мог уделять все меньше и меньше. Надежда разумом понимала все, но чувства бунтовали. Конфликт между этими по-своему любившими друг друга людьми развивался то приливами, то отливами, то замирал, то разгорался, что и привело, наконец, к трагической развязке. Видимо, она принадлежала к такому типу женщин, которые были максималистами в любви. Логично предположить, что Надежда очень любила Сталина, и это чувство было настолько сильным, всепоглощающим, что не оставляло даже места для любви к детям. К тому же ее постоянно снедало чувство ревности (мне в семье многие говорили, что Надежда была очень ревнивой), а «доброхотов» из числа ее окружения хватало, чтобы это чувство подогревалось»⁵⁸.

О том, что жена Сталина была склонна к ревности, может свидетельствовать даже такая небольшая деталь из ее письма мужу: «О тебе я слышала от молодой интересной женщины, что ты выглядишь великолепно, она тебя видела у Калинина на обеде, что замечательно был веселый и тормошил всех, смущенных твоей персоной. Очень рада»⁵⁹.

⁵⁷ "Известия ЦК КПСС". 1991 г. № 8. С. 150.

⁵⁸ Владимир Аллилуев. Хроника одной семьи. М. 1998. С. 28–29.

⁵⁹ Иосиф Сталин в объятиях семьи. С. 34.

Конечно, как и у каждой семейной пары, у Сталина и Н. Аллилуевой были конфликты и размолвки. Их глухой отзвук ощущается даже в письмах, которыми они обменивались. Так, в одном из писем она сообщала мужу:

«19 сентября 1930 г.

Здравствуй Иосиф!

Как твоё здоровье. Приехавшие т.т. (Уханов и еще кто-то) рассказывают, что ты очень плохо выглядишь и чувствуешь себя. Я же знаю, что ты поправляешься (это из писем). По этому случаю на меня напали Молотовы с упреками, как это я могла оставить тебя одного и тому подобные, по сути совершенно справедливые, вещи. Я объяснила свой отъезд занятиями, по-существу же это конечно не так. Это лето я не чувствовала, что тебе будет приятно продление моего отъезда, а наоборот. Прошрое лето это очень чувствовалось, а это нет. Оставаться же с таким настроением, конечно, не было смысла, т. к. это уже меняет весь смысл и пользу моего пребывания. И я считаю, что упреков я не заслужила, но в их понимании, конечно, да.

На днях была у Молотовых, по его предложению, поинформироваться. Это очень хорошо, т. к. иначе я знаю только то, что в печати. В общем приятного мало. Насчет же твоего приезда Авель (А. Енукидзе — Н. К.) говорит т.т., я его не видела, что вернешься в конце октября; неужели ты будешь сидеть там так долго.

Ответь если не очень недоволен будешь моим письмом, а впрочем как хочешь.

Всего хорошего. Целую.

Надя»⁶⁰.

Сталин ответил письмом, которым рассеял ее сомнения:

«Попрекнуть тебя в чем-либо насчет заботы обо мне могут лишь люди, не знающие дела. Такими людьми и оказались в данном случае Молотовы. Скажи от меня Молотовым, что они ошиблись насчет тебя и допустили в отношении тебя несправедливость. Что касается твоего предположения насчет нежелательности твоего пребывания в Сочи, то твои попреки также несправедливы, как несправедливы попреки Молотовых в отношении тебя. Так, Татьяна. (Так ласкательно Сталин называл свою жену — Н. К.)

Ну, всего хорошего.

Целую кепку ного. (т. е. крепко, много — Н. К.)

Твой Иосиф. 24/ IX — 30»⁶¹.

Круг вопросов, которые обсуждали в своих письмах супруги, не был ограничен исключительно семейными и бытовыми темами. Порой встречались и проблемы, носившие политический характер. Например, в письме от 1929 года она сообщала мужу: «Кстати, должна тебе сказать, что в Москве всюду хвосты и за молоком и за мясом главным образом. Зрелище неприятное, а главное, все же можно было бы путем правильной организации это все улучшить»⁶². В другом письме Н. Аллилуева вступилась за отстраненного от должности одного из ведущих сотрудников редакции газеты «Правда» Ковалева:

«Я знаю, что ты очень не любишь моих вмешательств, но мне все же кажется, что тебе нужно было бы вмешаться в это заведомо несправедливое дело».

Ответ Сталина гласил:

⁶⁰ Иосиф Сталин в объятиях семьи. С. 32.

⁶¹ Там же. С. 33.

⁶² Там же. С. 24.

«Татьяка!

Получил письмо на счет Ковалева. Я мало знаком с делом, но думаю, что ты права. Если Ковалев и виновен в чем-либо, то Бюро редколлегии, которое является хозяином дела, — виновно втрое. Видимо в лице Ковалева хотят иметь «козла отпущения». Все, что можно сделать, сделаю, если уже не поздно...

Целую мою Татьяку кепко, очень много кепко.

Твой Иосиф

23/IX-29г»⁶³.

Из приведенных отрывков явствует, что Сталин не допускал вмешательства со стороны жены в партийные и государственные дела. По крайней мере, не поощрял этого. Сам же он лично, видимо, относился к жене как члену партии без особых поблажек, четко разграничивая сферу семейных отношений и сферу партийных и государственных дел. Нет никаких документальных материалов, говорящих за то, что Сталин проявил даже малейшую активность, чтобы помочь своей жене, когда она была во время чистки начала 20-х годов отчислена из партии. Возможно, он сделал это через Ленина. Но подобное обращение к Ленину мне представляется маловероятным, ибо противоречило строгим взглядам Сталина на такого рода факты. В этой связи стоит напомнить, что он, получив гневное письмо больного Ленина, требовавшего от генсека извиниться перед Крупской, заметил: «Если бы моя жена, член партии, поступила неправильно и ее наказали бы, я не счел бы себя вправе вмешиваться в это дело»⁶⁴.

И еще один штрих, характеризующий быт и жизненные условия сталинской семьи. Он весьма характерен в свете разного рода спекуляций, что Сталин и вся его семья буквально купались в роскоши.

«25 сентября 1929 г.

Татьяка!

Забыл послать тебе деньги. Посылаю их (120 р.) с отъезжающим сегодня товарищем, не дожидаясь очередного фельдъегеря.

Целую.

Твой Иосиф.

25/IX-29 г»⁶⁵.

Любопытно и письмо Надежды Аллилуевой мужу, которое показывает, что она внимательно следила за тем, что говорят и пишут о Сталине, в том числе и за границей. И это вполне естественно. Так что она прекрасно знала не только о славословиях и безмерных восхвалениях своего супруга, но и была осведомлена о резко критических, даже оскорбительных материалах, направленных против Сталина. Как раз на этот период приходится появление на Западе первых книг о Сталине, принадлежащих перу как западных авторов, так и бывших советских функционеров, в силу разных обстоятельств оказавшихся за границей. Вот что она сообщала мужу: «Со следующей почтой, если еще не вернешься к тому времени, pošлю книгу Дмитриевского «О Сталине и Ленине» (это невозвращенеца), сейчас не могу послать, т. к. Двинский (работник секретариата генсека —

⁶³ Иосиф Сталин в объятиях семьи. С. 27.

⁶⁴ "Московские новости" 23 апреля 1989 г. № 17. С. 8.

⁶⁵ Иосиф Сталин в объятиях семьи. С. 27.

Н. К.) не достал ее еще, а я вычитала в белой прессе о ней, где пишут, что это интереснейший материал о тебе. Любопытно? Поэтому я попросила Двинского достать ее»⁶⁶.

Но, пожалуй, хватит цитировать фрагменты из переписки Сталина со своей женой. Как ни скупа эта переписка, но она все же дает некоторое представление о характере их отношений. Видно, что эти отношения никак нельзя назвать отчужденными, а тем более враждебными. Более того, со стороны мужа проскальзывают совсем несвойственные ему элементы полудетского сюсюканья. Так не могут писать равнодушные люди, люди, у которых отсутствует глубокое чувство любви. Вместе с тем, из писем можно сделать вывод, что Сталин был по горло поглощен делами и едва ли был в состоянии уделять жене и семье столько времени, сколько было необходимо для поддержания и сохранения счастливой семейной идиллии.

Еще меньше оснований усматривать в отношениях супругов грозные признаки каких-то серьезных политических расхождений. Надежда, вне всякого сомнения, с должным уважением относилась к своему мужу не только просто как к человеку, но и как ведущему партийному руководителю. С ее стороны мы не располагаем буквально никакими свидетельствами, даже косвенными, что в ней зародилось и росло чувство разочарования в муже как партийном вожде. Следует учитывать, что она выросла и воспитывалась в среде старого большевика, где революционные традиции, в первую очередь, традиции неукоснительного соблюдения партийной дисциплины, чтились как нечто святое и незыблемое. Соответствующую школу она прошла и на работе в секретариате Ленина, где наверняка не раз сталкивалась с фактами принятия суровых, подчас жестоких решений, которые, тем не менее, неуклонно проводились в жизнь. Опыт Гражданской войны также внес свою лепту в складывание ее политических и жизненных убеждений и принципов. Этот суровый опыт никак не мог пройти мимо нее и не оставить следа в ее характере.

Словом, мне представляется весьма маловероятной политическая подоплека факта ее самоубийства. Эта версия усиленно пропагандируется теми, кто таким путем стремится в еще большей степени представить Сталина в качестве беспощадного деспота не только по отношению к массам населения, но и по отношению к своим самым близким людям. В этом же ключе следует расценивать и версию, согласно которой Сталин в приступе яростного гнева во время одного из семейных конфликтов, возникших то ли на бытовой, то ли на политической почве, сам застрелил свою жену. Эта версия стала гулять с самого начала, что неудивительно, учитывая обилие людей, питавших к Генеральному секретарю чувства испепеляющей ненависти. В дальнейшем эта версия получила довольно широкое распространение и даже всерьез рассматривалась и рассматривается некоторыми биографами Сталина.

Я не стану даже рассматривать эту версию, поскольку она представляется мне абсолютно несостоятельной и заведомо тенденциозной. Тратить время и место на полемику с подобными измышлениями едва ли стоит. В каком-то смысле опровергать эту версию — значит лить воду на мельницу явных клеветников. Вся документальная база, касающаяся самоубийства Н. Аллилуевой, более чем убедительно опровергает эту версию, не оставляя от нее камня на камне. Характерен такой момент. В. Аллилуев в своей истории

⁶⁶ Иосиф Сталин в объятиях семьи. С. 39.

семьи Аллилуевых пишет, что «касается всяких слухов и домыслов относительно смерти Надежды, то они клубились еще в то время. Моя мама часто заговаривала об этом со Сталиным, но он только пожимал плечами и отвечал: «На каждый роток не накинешь платок»⁶⁷.

Но что же тогда явилось действительной причиной столь безрассудного шага со стороны жены Сталина? Имеющиеся источники склоняют к выводу, что акт самоубийства был совершен женой вождя в силу двух причин: с одной стороны из-за ее болезненного психического состояния, с другой стороны — из-за приступа дикой ревности. Причем обе эти причины могли соединиться и стать той движущей силой, которая заставила ее взять пистолет и выстрелить в себя. В. Аллилуев в своей книге свидетельствует: «Видимо, трудное детство не прошло даром, у Надежды развивалась тяжелая болезнь — окостенение черепных швов. Болезнь стала прогрессировать, сопровождаясь депрессиями и приступами головной боли. Все это заметно сказывалось на ее психическом состоянии. Она даже ездила в Германию на консультацию с ведущими немецкими невропатологами. Эту поездку ей устроил Павел Сергеевич (брат Н. Аллилуевой — Н. К.), работавший в то время торгпредом в Германии. Врачи предписали ей полный покой и запретили заниматься какой-либо работой.

Вот и накладывалось одно на другое. Скандалы вспыхивали, как сухая солома жарким летом, и чаще по пустякам. Надежда не раз грозилась покончить с собой»⁶⁸.

По поводу болезни как одной из вероятных причин самоубийства даже среди прямых потомков вождя гуляют самые взаимоисключающие точки зрения. Так, внучка Сталина (дочь старшего сына Якова) в одном из интервью заявила: «Ни от кого из родственников я никогда не слышала о ее болезни. Случались у нее порой приступы мигрени, но причина рокового выстрела, конечно, не в этом. Надежда застрелилась после ссоры с дедом, происшедшей на банкете в доме Ворошилова. Она уехала на квартиру в Кремль, а он отправился на дачу. Вечером Надежда Сергеевна несколько раз звонила ему из города, но он бросил трубку и больше к телефону не подходил. Чем это обернется, дед предвидеть не мог»⁶⁹.

Сошлюсь еще на свидетельство В. М. Молотова, в то время ближайшего соратника Сталина. Его осведомленность по данному вопросу представляется мне не подлежащей сомнению. Возможно, время поглотило некоторые детали, но что он на всю жизнь запомнил обстоятельства этого экстраординарного случая, бесспорно. Отвечая на вопросы писателя Ф. Чуева в 70-х годах, он следующим образом изложил причины и обстоятельства смерти жены Сталина:

- Из-за чего она застрелилась, неужели Сталин так плохо к ней относился?
- Он не плохо относился, но ревность могла быть.
- Сталин гулял, что ли? У него ж работа...
- Он не гулял, но на такого человека могла подействовать...
- В народе упорно говорят о письме, которое она оставила. Говорят, кроме Сталина, только Молотов читал.
- Что она оставила? Первый раз слышу. М-да. Придумают...

⁶⁷ Владимир Аллилуев. Хроника одной семьи. С. 31.

⁶⁸ Там же. С. 29.

⁶⁹ "Аргументы и факты". N 44. 3 ноября 1999 г.

— Причина смерти Аллилуевой, наиболее вероятная — ревность.

— Ревность, конечно. По-моему, совсем необоснованная. Парикмахерша была, к которой он ходил бриться. Супруга этим была недовольна. Очень ревнивый человек. Как это так, почему? Такая молодая...

У нас была большая компания после 7 ноября 1932 года, на квартире Ворошилова. Сталин скатал комочек хлеба и на глазах у всех бросил этот шарик в жену Егорова. Я это видел, но не обратил внимания. Будто бы это сыграло роль.

Аллилуева была, по-моему, немножко психопаткой в это время. На нее все это действовало так, что она не могла уж себя держать в руках. С этого вечера она ушла вместе с моей женой, Полиной Семеновной. Они гуляли по Кремлю. Это было поздно ночью, и она жаловалась моей жене, что вот то ей не нравилось, это не нравилось... Про эту парикмахершу... Почему он вечером так заигрывал... А было просто так, немножко выпил, шутка. Ничего особенного, но на нее подействовало.

Она очень ревновала его. Цыганская кровь. В ту ночь она застрелилась. Полина Семеновна осуждала ее поступок, говорила: «Надя была не права. Она оставила его в такой трудный период!»

Что запомнилось? Сталин поднял пистолет, которым она застрелилась, и сказал: «И пистолетик-то игрушечный, раз в году стрелял». Пистолет был подарочный, подарил ей свояк, по-моему...

«Я был плохим мужем, мне некогда было ее водить в кино», — сказал Сталин.

Пустили слух, что он ее убил. Я никогда не видел его плачущим. А тут, у гроба Аллилуевой, вижу, как у него слезы покатились...»⁷⁰

И еще одна деталь. Отвечая на вопрос: не могла ли Н. Аллилуева вступить в конфликт с мужем из-за Бухарина, к которому она, по свидетельству ее дочери С. Аллилуевой, хорошо относилась, В. М. Молотов сказал:

«...чтобы она пошла за Бухариным, а не за Сталиным, я сомневаюсь. Маловероятно. Она очень любила Сталина, это факт. Она, правда, не совсем уравновешенная была». И далее следующий диалог Чуева с Молотовым:

«— Светлана пишет, что Надежда Сергеевна оставила после себя письмо, прочитав которое, «отец мог думать, что мама только для видимости была рядом с ним».

— Она, конечно, поддавалась всяким влияниям. Бухарину в какой-то мере...

— Она пишет: «Подойдя на минуту к гробу, он вдруг оттолкнул его от себя руками и, повернувшись, ушел прочь и на похороны не пошел».

— Нет, ничего подобного, ничего подобного, — возражает Молотов. — Помню хорошо. Сталин подошел к гробу в момент прощания перед похоронами — слезы на глазах. И сказал очень так грустно: «Не уберег». Я это слышал и это запомнил: «Не уберег»⁷¹.

Приведу также отрывки из воспоминаний дочери Сталина С. Аллилуевой. Хотя они также не могут восприниматься в качестве однозначно достоверных, не подлежащих критическому анализу, поскольку основывались на позднейших рассказах, которые услышала Светлана от своей нини. Кроме того, на них, бесспорно, лежит печать политического отчуждения Светланы по отношению к своему отцу. Это, кстати, особенно явственно обнажилось в написанной ею в конце 1960-х годов книге воспоминаний «Только

⁷⁰ Феликс Чуев. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 250–251.

Там же. С. 251–252.

один год». Причем некоторые исследователи склоняются к мысли, что свою лепту в усиление антисталинской направленности этой книги внесли американские специалисты (С. Аллилуева жила тогда в США). Трудно судить, насколько такие предположения соответствует действительности, но заметно, что более поздние печатные публикации и публичные выступления С. Аллилуевой (книги, интервью и т. д.) уже не носят столь ярко выраженной политической направленности против отца.

Итак, предоставим слово дочери Сталина:

«Все дело было в том, что у мамы было свое понимание жизни, которое она упорно отстаивала. Компромисс был не в ее характере. Она принадлежала сама к молодому поколению революции — к тем энтузиастам-труженикам первых пятилеток, которые были убежденными строителями новой жизни, сами были новыми людьми, и свято верили в свои новые идеалы человека, освобожденного революцией от мещанства и от всех прежних пороков. Мама верила во все это со всей силой революционного идеализма, и вокруг нее было тогда очень много людей, подтверждавших своим поведением ее веру. И среди всех, самым высоким идеалом нового человека показался ей некогда отец. Таким он был в глазах юной гимназистки, — только что вернувшийся из Сибири «несгибаемый революционер», друг ее родителей. Таким он был для нее долго, но не всегда... И я думаю, что именно потому что она была женщиной умной и внутренне бесконечно правдивой, она своим сердцем поняла, в конце концов, что отец — не тот новый человек, каким он ей казался в юности, и ее постигло здесь страшное, опустошающее разочарование. Моя няня говорила мне, что последнее время перед смертью мама была необыкновенно грустной, раздражительной. К ней приехала в гости ее гимназическая подруга, они сидели и разговаривали в моей детской комнате (там всегда была «мамина гостиная»), и няня слышала, как мама все повторяла, что «все надоело», «все опостылело», «ничего не радует»; а приятельница ее спрашивала: «Ну, а дети, дети?». «Всё, и дети», — повторяла мама. И няня моя поняла что, раз так, значит, действительно ей надоела жизнь...»⁷²

Со слов своей бабушки Ольги Евгеньевны Аллилуевой (тещи Сталина) В. Аллилуев рисует такую картину произошедшей трагедии.

«Впервые я услышал об этой истории от моей бабушки Ольги Евгеньевны в 1950 году в ее кремлевской квартире. Вот что она мне тогда рассказала.

Восьмого ноября 1932 года Сталин и Надежда были в Большом театре, между ними тогда произошла какая-то неприятная ссора, и Надежда пребывала в заметном напряжении. В тот же вечер на банкете по случаю XV годовщины Октября Сталин шутя бросил ей в тарелку апельсиновую корку (у него действительно была такая насмешливая привычка, и он часто шутил так с детьми, о чем мама с улыбкой писала в своих воспоминаниях о детских годах) и крикнул ей:

— Эй, ты!

— Я тебе не «Эй, ты!» — вспыхнула Надежда и, встав из-за стола, ушла с банкета. Вместе с Надеждой ушла и Полина Семеновна, жена Молотова. Она догнала Надежду и долго гуляла с ней по Кремлю. Надежда как будто успокоилась, и Полина Семеновна проводила ее домой, а утром Надежду нашли в ее комнате мертвой с огнестрельной раной. В руках у нее был маленький дамский пистолет, который однажды так неосторожно подарил ей брат Павел.

⁷² Светлана Аллилуева. Двадцать писем к другу. М. 1990. С. 86–87.

Бабушке сообщили о случившемся сразу, как только обнаружили труп, и она на подкашивающихся ногах едва добежала до квартиры Сталина. Там уже были Молотов и Ворошилов. Был врач. Бабушку встретил совершенно убитый и ошеломленный случившимся Сталин. Ольге Евгеньевне стало совсем плохо, и врач принес ей рюмку с валерианкой. Бабушка рюмку взяла, но выпить капли не смогла, спазм сдавил ей горло, рюмка беспомощно болталась в трясущейся руке. Сталин обнимал бабушку за плечи, пытаясь успокоить, и, поняв, что валерьянку ей не выпить, взял от нее рюмку и потом, махнув рукой, сказал:

— А, давай я сам ее выпью»⁷³.

Вкратце затрону еще один аспект проблемы самоубийства. С. Аллилуева пишет: «Это был 1932 год, страшный год голода, усилий пятилетки, насильственной коллективизации, год, когда внутри самой партии громко раздавались требования об устранении отца с поста генерального секретаря.

Перед смертью мама оставила письмо отцу, полное политических обвинений. Это письмо смогли прочесть тогда лишь самые близкие люди, оно было быстро уничтожено. Его политический характер придавал бы слишком большое значение случившемуся для самой партии»⁷⁴. Звучит внешне вполне убедительно, все как бы вписывается в рамки суровой обстановки того времени. Но вот другое мнение одного из членов семьи Аллилуевых: «В существование какого-то «ужасного письма», которое якобы оставила Надежда, я абсолютно не верю. Так или иначе, это было бы обязательно известно в семье. Да и вообще Надежда была тогда в таком состоянии, что ей было не до писем и политических сочинений»⁷⁵.

Таковы обстоятельства самоубийства жены Сталина. Думаю, что за рамки моей непосредственной задачи выходит детальное рассмотрение всех обстоятельств этой человеческой трагедии. Это — предмет самостоятельного исследования, поскольку проблема к настоящему времени обросла невероятной суммой противоречивых, а порой и просто вымышленных богатым воображением некоторых авторов «фактов» и «деталей». Здесь мне остается добавить, что официальной причиной смерти был объявлен аппендицит. Вскоре после похорон Сталин поместил в газетах коротенькое письмо следующего содержания: «Приношу сердечную благодарность организациям, учреждениям, товарищам и отдельным лицам, выразившим своё соболезнование по поводу кончины моего близкого друга и товарища Надежды Сергеевны Аллилуевой-Сталиной.

И. Сталин

18 ноября 1932 г»⁷⁶.

Завершая этот раздел, я как-то непроизвольно подумал — неужели какой-то зловещий рок витал над всей семьей вождя? Ведь, в сущности, история его семьи — это почти сплошная цепь трагедий и жизненных потрясений. И, действительно, жена покончила самоубийством, старший сын во время Великой Отечественной войны попал в плен к немцам, и, находясь в лагере, бросился на колючую проволоку, чтобы быть застреленным немецким часовым. Другой сын — Василий — при жизни Сталина вел фривольную, порой

⁷³ Владимир Аллилуев. Хроника одной семьи. С. 25.

⁷⁴ Светлана Аллилуева. Только один год. М. 1990. С. 127.

⁷⁵ Владимир Аллилуев. Хроника одной семьи. С. 31.

⁷⁶ И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 145.

беспутную жизнь. Он пользовался неумеренной благосклонностью военного начальства, заискивающего перед вождем. Дослужился до должности командующего ВВС Московского военного округа. После смерти отца попал в немилость новых властей, в основном по причине того, что вел «непозволительные разговоры» о причинах смерти Сталина. В 1953 году был арестован и провел длительное время в тюрьме. Затем был освобожден, но в конце концов снова оказался в заключении. Будучи освобожденным, был сослан в Казань, где вскоре и умер в результате, как гласит общераспространенная версия, от хронического алкоголизма. Дочь Светлана однозначно перешла в стан противников своего отца, покинула Родину и заканчивает свой жизненный путь на чужбине.

Я не хочу выносить какие-то моральные вердикты в отношении Светланы Аллилуевой — на это ни у меня, ни у кого-либо другого нет никаких прав. Сама ее жизнь выступает в качестве единственного судьи ее собственной судьбы. Однако одно замечание я себе все-таки позволю сделать, поскольку оно имеет прямое отношение к политической биографии Сталина в целом. Своими книгами и интервью С. Аллилуева внесла чрезвычайно весомую лепту в поношение Сталина. Ведь она писала не только и не столько личную историю своей жизни и жизни своей семьи, в особенности отца. Она фактически выносила ему политический приговор. И этот приговор поражает не только своей суровостью, но и явной тенденциозностью. И это особенно важно подчеркнуть, поскольку все свидетельства С. Аллилуевой были важны и интересны не только сами по себе, в силу самого предмета, который она рассматривала. Ее многочисленные свидетельства давно уже превратились в нечто вроде одного из краеугольных камней общего здания антисталинизма. Люди, пишущие о Сталине и выносящие свои вердикты по поводу его роли как исторической личности, во многом опираются на мысли, высказанные его дочерью. А здесь она превзошла многих ярких хулителей своего отца, вынося беспалейационные суждения, смахивающие скорее на судебный приговор. И ее суждения в глазах многих обретают силу безусловного доказательства, поскольку исходят не от кого-либо, а от самой дочери вождя. Как можно сомневаться в ее правоте? Ведь она знала больше и лучше других своего собственного отца!

Конечно, своего отца она знала лучше других. Но это еще не значит, что Сталина — политика, Сталина — государственного деятеля она знала и понимала хорошо. Настолько хорошо, чтобы выносить самые суровые и резкие заключения. Ее обобщающий взгляд на Сталина не отличается историческим крутозором и масштабностью. Он отражает скорее ее предубеждения, а не убеждения. Главное в том, что она не поняла духа эпохи, в которую она жила. Этот упрек может показаться высокомерно-несправедливым или даже нахальным наветом на дочь вождя. Но в данном случае я веду полемику с С. Аллилуевой не как дочерью Сталина, а как с одним из авторов, написавшем о нем несколько книг. И она, равно как и каждый другой, не может находиться вне зоны критики. Тем более что для этого есть реальные основания.

Вот типичный образчик ее суждений, явно претендующий на широкое историческое обобщение. И хотя ее слова звучат искренне, все-таки трудно отделаться от подозрения, что ее рукой водила какая-то другая рука.

«Для меня, — писала она, — было много труднее освободиться от мифов и лжи, чем для любого сталиниста. Все, что охватывает собою этот политический термин, всегда было чуждо мне. Даже когда я узнала многое, мне еще долго представлялось, что отец сам был жертвой системы, а не ее создателем и двигателем.

Нет, жертвами были другие, жертвами были миллионы людей — и моя мама... А он дал свое имя системе кровавой единоличной диктатуры. Он знал, что делал, он не был ни душевнобольным, ни заблуждающимся. С холодной расчетливостью утверждал он свою власть и больше всего на свете боялся ее потерять. Поэтому первым делом его жизни стало устранение противников и соперников, а потом уже все остальное. В пореволюционной России он воскресил абсолютизм, террор, тюрьмы, бюрократию, полицию, шовинизм и империалистическую внешнюю политику. В стране, где демократия в 1917 году оставалась выкидышем истории и умерла тут же после рождения, это только укрепило его власть и славу»⁷⁷.

И, наконец, последний аккорд в этом какофоническом диссонансе. Дочь пишет об отце как историк, своего рода Пимен в юбке: «Человеческие чувства в нем были замещены политическими соображениями. Здесь он знал и чувствовал игру, переливы, оттенки. Этим он был поглощен целиком. А так как самым главным для него в течение многих лет было захватить, не упустить, и укреплять свою власть в партии и в стране, то перед этой целью отступило все остальное.

Я думаю, что смерть мамы, которую он воспринял как личное предательство, унесла из его души последние остатки человеческого тепла. Он был теперь свободен от ее смягчающего, и тем мешавшего ему, присутствия. Теперь он только сильнее укрепился в том скептически-недобром взгляде на людей, которое было естественным для его несентиментальной натуры»⁷⁸.

Итак, перед нами портрет политического монстра, написанный рукой собственной дочери. Для легковерных людей именно последнее обстоятельство приобретает особую убедительную силу, своего рода оттенок абсолютной истинности. Лично для меня оценки С. Аллилуевой, в части, касающейся сущности власти Сталина и его исторической роли в судьбах нашей страны, кажутся поверхностными. Они зиждутся скорее на эмоциях, чем на комплексном и объективном исследовании и сопоставлении всей совокупности фактов. Поскольку только на их базе можно вынести вердикт любой исторической фигуре. Своим замечанием я нисколько не ставлю под сомнение многие факты и свидетельства, содержащиеся в опубликованных воспоминаниях дочери Сталина, и составляющих один из важных исторических источников, касающихся его жизни, характера и привычек, личных пристрастий и прочих черт. Но что касается общих оценок его роли в истории и месте в ряду других выдающихся фигур минувшего века, то здесь, как мне кажется, родственники вождя не обладают и не могут обладать какой-то монополией на истину. Их позиция и точки зрения подвластны критическому анализу, как и любое другое историческое свидетельство или вердикт.

* * *

Подводя общий итог рассмотрению вопросов данной главы, можно сказать, что эти годы стали для Сталина порой тяжелых испытаний. Видимо, правы биографы Сталина, считающие, что именно на эти годы приходится глубокий внутренний кризис, который переживал вождь

⁷⁷ Светлана Аллилуева. Только один год. С. 157–158.

⁷⁸ Там же. С. 323–324.

и который оказал на него глубочайшее воздействие. В этот период, особенно в 1932, году Сталин как-то умерил свою публичную активность, мало выступал и часто хранил молчание в то время, когда партия и массы населения хотели бы услышать от него оценки того или иного события. На это обращали внимание не только в партийных и советских верхах, но и за границей. «Рупор» Троцкого счел необходимым поместить специальную статью «Почему молчит Сталин?». В ней, в частности говорилось: «Молчание Сталина и его затворничество приобретают все более и более демонстративный характер. В конце концов всему есть мера! Обжегшись на целом ряде больших вопросов, Сталин стал осторожнее. Это понятно... Молчание на XVII партийной конференции, собравшейся в очень ответственный исторический момент, было уже само по себе скандалом. Но несравненно хуже молчание Сталина по поводу совершающегося за последние месяцы поворота во всей хозяйственной политике. Все чувствуют, что ряд последних декретов, разрозненных, несогласованных и необъясненных, представляет только введение к какому-то более решительному повороту. Все спрашивают себя: вправо, влево или ... шаг на месте? Сталин молчит...

Ходят слухи, что молчание Сталина есть не только мера осторожности, но и своего рода демонстрация. В своем «Завещании» Ленин писал о «капризности» Сталина. Эта характеристика встречается у Ленина и еще кое-где. Старики рассказывают, что еще в эпоху Ленина Сталин, в случае обиды, прятался у себя на квартире или за городом на несколько дней, прерывая с учреждениями партии, в том числе и с Лениным, устные, письменные и телефонные сношения. Тогда говорили в тесном кругу: «на Сталина опять нашло». Такое состояние он переживает, по-видимому, и сейчас, только не в прежнем, домашнем, а так сказать, во «всемирно-историческом» масштабе»⁷⁹.

Своеобразный уход Сталина в тень, конечно, имел свои причины. Одна из них, как мне представляется, заключалась в том, что в 1932 году у него обнаружили некоторые проблемы со здоровьем. Об этом говорит, в частности, то, что Политбюро предоставило ему почти трехмесячный отпуск и он уехал на юг подлечиться. В западной печати в связи с уходом генсека в политическую тень начали распространяться всякого рода слухи о его болезни, о том, что он якобы отстранен от руководства и т. д. Пришлось даже официально опровергать эти слухи, чтобы они не превратились в некую лавину, способную вызвать нежелательные последствия. 3 апреля 1932 года (заметим в скобках — как раз в 10-ю годовщину своего избрания на пост Генерального секретаря) в ответ на письмо корреспондента агентства «Ассошиэйтед пресс» Сталин с чувством ехидства сообщил: «Ложные слухи о моей болезни распространяются в буржуазной печати не впервые. Есть, очевидно, люди, заинтересованные в том, чтобы я заболел всерьез и надолго, если не хуже. Может быть это и не совсем деликатно, но у меня нет, к сожалению, данных, могущих порадовать этих господ. Как это ни печально, а против фактов ничего не поделаешь: я вполне здоров... И. Сталин»⁸⁰.

К приведенному выше сюжету как-то органически примыкает еще один эпизод аналогичного типа, имевший место спустя несколько лет. Я воспроизведу ответ Сталина на запрос американского корреспондента по поводу состояния его здоровья.

«Господину Чарльзу Наттеру, заведующему бюро «Ассошиэйтед пресс»
Милостивый государь!

⁷⁹ "Бюллетень оппозиции" 1932 г. № 29–30. (Электронный вариант)

⁸⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 134.

Насколько мне известно из сообщений иностранной прессы, я давно уже оставил сей грешный мир и переселился на тот свет. Так как к сообщениям иностранной прессы нельзя не относиться с доверием, если Вы не хотите быть вычеркнутым из списка цивилизованных людей, то прошу верить этим сообщениям и не нарушать моего покоя в тишине потустороннего мира.

С уважением

И. Сталин»⁸¹.

Но он, конечно, лукавил. Его состояние здоровья в это время не было нормальным. То, что генсек нуждался в лечении и отдыхе, видно хотя бы его письма Кагановичу от 19 июня 1932 года:

«Вы спрашиваете о моем здоровье. Здоровье мое, видимо, не скоро поправится. Общая слабость, настоящее переутомление — сказываются только теперь. Я думаю, что начиная поправляться, а на деле выходит, что до поправки еще далеко. Ревматических явлений нет (исчезли куда-то), но общая слабость пока что не отходит. Провожу время не плохо.

И. Ст.»⁸².

В декабре того же злосчастного для Сталина года он в письме Ворошилову также жаловался на состояние здоровья. (Хотя, замечу в скобках, эта черта ему вообще была не свойственна): «Я все еще чувствую себя плохо, мало сплю, плохо поправляюсь, но [в] работе не отмечено. Привет.

16. XII. Сталин»⁸³.

В целом же едва ли состояние здоровья играло главную роль в уходе Сталина в политическую тень. И уж, конечно, не чрезмерная скромность, в наличии которой его нельзя упрекнуть. Вместе с тем следует оттенить одну мысль.

Молчание Сталина ни в коем случае не было проявлением паники, отчаяния или растерянности, которые, мол, его охватили. Напротив, он, как показало дальнейшее развитие событий, готовил очередной этап последовательного осуществления своего общего стратегического плана. Свое кредо он достаточно ясно сформулировал уже на январском (1933 г.) пленуме ЦК партии: «Нельзя не подгонять страну, которая отстала на сто лет и которой угрожает из-за её отсталости смертельная опасность. Только таким образом можно было дать стране возможность наскоро перевооружиться на базе новой техники и выйти, наконец, на широкую дорогу»⁸⁴.

Именно укрепление экономической мощи страны и в особенности ее оборонного потенциала вождь расценивал как крупнейшее достижение минувших трудных лет. Он, как бы предвосхищая возможные упреки в свой адрес, указывал, что если бы партия и страна не следовали предложенному им курсу, то государство оказалось бы в смертельно опасном положении. Конечно, кто-то может сказать, что все эти слова нацелены были на то, чтобы оправдать себя и свою политику. Я допускаю, что определенный элемент политического самооправдания в выступлениях Сталина 1933 года присутствовал. Однако это — всего лишь деталь, а не главное в его выступлениях и аргументах. Успешное выполнение первого пятилетнего плана, о чем уже шла речь в одной из предыдущих глав, преодоление кризисной фазы коллективизации, медленное, но четко наметившееся улучшение с

И. В. Сталин. Соч. Т. 14. (Электронная версия)

⁸² Сталин и Каганович. Переписка. С. 180.

⁸³ Советское руководство. Переписка. 1928 – 1941. С. 196.

⁸⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 183.

продовольственным снабжением и рост рынка потребительских товаров первой необходимости — все это были не вымыслы официальной пропаганды, а факты реальной действительности. Сопоставляя отрицательные и положительные тенденции этого периода, подлинно великие достижения и довольно серьезные трудности, надо со всей четкостью констатировать — сталинский курс ускоренного развития страны оказался правильным и он исторически себя в полной мере оправдал. И это все явилось итогом многотрудной и героической работы миллионов и миллионов советских людей. Немалая заслуга принадлежит и Сталину как инициатору этого курса.

Мне представляется закономерным, что именно в весьма тяжелый для него 1932 год Сталин пришел к выводу о том, что дело строительства нового общества в Советском Союзе можно считать обеспеченным. В письме Кагановичу в июне 1932 года он дал следующее указание:

«Необходимо дать в «Правде» передовую об итогах весенней посевной кампании. В статье надо подчеркнуть, что сводки Наркомзема документально устанавливают полную победу колхозов и совхозов в сельском хозяйстве, так как удельный вес единоличного сектора не составляет в этом году и 20 процентов, тогда как удельный вес колхозов и совхозов превышает 80 процентов всей посевной площади. В статье надо обругать грубо и резко всех лакеев капитализма, меньшевиков, эсеров и троцкистов, а также правоуклонистов, сказав, что попытки врагов трудящихся вернуть СССР на капиталистический путь окончательно разбиты и развеяны в прах, что СССР окончательно утвердился на новом, социалистическом пути, что решительную **победу социализма в СССР можно считать уже завершенной**»⁸⁵.

Конечно, возникает законный вопрос: какое содержание вкладывал генсек в эту свою формулу? Имел ли он в виду, что в целом успешно завершено строительство нового общественного строя или же речь шла только о том, что отныне нет и не может быть речи о возможности попятного движения, своего рода социального реванша? По логике вещей Сталин не мог отбросить как ненужный теоретический хлам ленинские указания, согласно которым созидание новой общественной формации не может не занять длительный исторический период. Период, исчисляемый отнюдь не полутора десятками лет, прошедших со времени Октябрьской революции.

Он все это прекрасно понимал. И тем не менее спешил. Спешил сообщить о досрочном выполнении главной стратегической цели всей большевистской революции — победе социализма. В этом видится политическое нетерпение генсека, захваченного общим порывом рапортовать о досрочном выполнении планов и других заданий. В какой-то мере его нетерпение можно понять и даже объяснить стремлением доказать полную обоснованность и жизненность своей концепции о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране. Но если оперировать более емкими и более применимыми для данного случая категориями, то говорить о победе социализма не только в чисто узком смысле, а в широком — в плане созидания экономических, научно-технических, культурных и иных фундаментальных, базисных факторов — говорить об этом было еще рано. Страна только что начинала становиться на ноги и ей предстояло пройти еще немалый тернистый, а порой и весьма извилистый путь, чтобы официально декларировать победу нового общественного строя. Сталину, как и всей его политической

⁸⁵ Сталин и Каганович. Переписка. С. 187.

философии, было присуще такое социально-экономическое и политическое нетерпение. Он постоянно делал акцент на форсировании развития страны по всем направлениям. Упрекать его в этом, конечно, есть веские основания. Но и спешить, наращивать темпы всестороннего развития государства у него было не меньше оснований. Помимо чисто внутренних факторов, к этому побуждали и внешние обстоятельства, игнорировать или преуменьшать значение которых мог только политический дебил. Нужно было идти не просто в ногу со временем. Надо было обгонять время. Эта идея стала не просто девизом той эпохи. Она превратилась в суровый исторический императив. Императив без всяких альтернатив.

Глава 10

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БАРОМЕТР ЛИХОРАДИТ

1. Сталин перед дилеммой: консолидация в обществе или обострение классовой борьбы?

Сталинская пропаганда с каждым годом и даже месяцем расширяла кампанию по возвеличиванию вождя. Никакие трудности и проблемы не могли умерить пыл тех, кто славословия в адрес лидера партии сделал чуть ли не своей основной профессией. Даже наблюдалось, на первый взгляд, какое-то противоестественное явление — чем труднее и сложнее становилось положение в стране, тем громче звучали нескончаемые здравицы в честь вождя. Ему приписывались как реальные, так и выдуманные заслуги и достижения. Ореол мудрости, непогрешимости, железной воли и решительности, непоколебимой твердости и последовательности в проведении генеральной линии партии — все это было призвано не только польстить его честолюбию и самолюбию. Наглядно просматривалось и прикладное — сугубо политическое — назначение кампании по раздуванию культа: она должна была способствовать нейтрализации критических высказываний в адрес лично Сталина и проводимого им политического курса. Причем с начала 30-х годов уже стала проглядывать, сначала пунктиром, а затем все более явственно и отчетливо, мысль о том, что Сталин не только вполне достойно заменил Ленина, но и в ряде принципиальнейших вопросов разработки проблем строительства нового общественного уклада далеко ушел вперед.

Сам Сталин, разумеется, неизменно подчеркивал, что он является всего-навсего лишь учеником великого вождя и, случалось, высказывал даже критические замечания в связи с его собственным восхвалением. Но делал он это как-то стандартно и (если данный термин здесь уместен) как бы по долгу службы. Подобные высказывания обычно облекались в форму подчеркивания марксистско-ленинского тезиса о роли масс как решающем факторе общественного развития. В 1933 году, выступая на первом съезде колхозников-ударников, он подчеркивал: «Прошли те времена, когда вожди считались единственными творцами истории, а рабочие и крестьяне не принимались в расчёт. Судьбы народов и государств решаются теперь не только вождями, но, прежде всего и главным образом, миллионными массами трудящихся. Рабочие и крестьяне, без шума и треска строящие заводы и фабрики, шахты и железные дороги, колхозы и совхозы, создающие все блага жизни, кормящие и одевающие весь мир, — вот кто настоящие герои и творцы новой жизни»¹.

Более глубокое ознакомление с такого рода высказываниями Сталина порождает немало мыслей. Лицемерил ли он, когда порой нарочито скромно говорил о себе и упрекал

¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 255.

тех, кто, мол, незаслуженно преувеличивает его заслуги? Или действительно выражал свое плохо скрываемое неодобрение восторженными здравицами в его честь? Думается, что здесь скорее верно первое, чем второе. Будь он на самом деле противником восхвалений, он не замедлил бы положить всему этому конец, или же поставил строгие границы, введя всю эту аллилуйщину в какие-то приемлемые рамки. Этого он никогда не делал, и остаются только два разумных объяснения. Или его собственное тщеславие и непомерная жажда восхвалений, в лучах которых он мог бы купаться, подавляли в нем чувство здравого смысла и чувство меры. Или же он рассматривал все, что относилось к его прославлению, как к еще одному эффективному инструменту упрочения собственных властных позиций. Ведь в адрес человека, которого на все лады превозносят как великого и мудрого, трудно высказывать любому его противнику какие-либо критические замечания. Скорее всего, здесь мы имеем смесь и первого, и второго. А где между ними проходила грань — на этот вопрос, видимо, даже сам вождь затруднился бы с ответом, если бы от него требовалась не показная, а действительная искренность.

Еще один момент в процессе формирования культа вождя в этот период достоин того, чтобы на нем остановиться. Вообще следует иметь в виду, что культ Сталина — понятие чрезвычайно емкое и многогранное. На каждом историческом этапе он обретал свои особые формы и особенности, поскольку всегда находился не в статичном состоянии, а в процессе непрерывной эволюции. В начале 30-х годов важнейшим компонентом культа вождя было проведение знака равенств, чуть ли не абсолютного тождества между самим Генеральным секретарем и генеральной линией, проводимой на том или ином этапе партией. Смысл подобного отождествления был абсолютно прозрачен — выступать против Сталина значило выступать против линии партии. И если при Ленине допускались (и были не столь уж диковинными) критические замечания в его адрес, то при новом вожде такого уже не было и не могло быть. В противном случае ярлык антипартийного элемента, а то и врага Советской власти, уже был наготове. Таким способом Сталин также укреплял фундамент своего единовластия в партии и стране.

Все эти процессы, протекавшие в стране, в значительной степени облегчались тем, что постепенно ситуация во всех сферах жизни начала обретать все больше черт стабильности. Стабильности — не в статичном ее истолковании, а в плане динамичного развития с позитивными результатами. Успешное выполнение первой пятилетки в области индустрии, достижения в сфере коллективизации, некоторое улучшение продовольственного положения основных масс населения, бесспорные успехи на ниве развития образования и подготовки кадров и многое другое — все это являлось не плодом советской пропаганды, а реальными фактами жизни. Достаточно сказать, что в 1934 году в сельском хозяйстве СССР работали уже 281 тысяча тракторов и 32 тысячи комбайнов. Утверждение колхозного строя и связанный с ним подъем сельского хозяйства дали Советской власти возможность отменить карточную систему на хлеб и другие продукты и установить свободную торговлю продовольственными продуктами.

Высший пик социально-экономического кризиса был преодолен и остался только в исторической памяти. Это, конечно, не значит, что последствия голода не могли еще не сказываться: в ряде регионов серьезные проблемы с продовольствием продолжались и после того, как высшая точка голодного периода (в 1932 — 1933 гг.) осталась позади. Примерно в это время серьезную проблему составили эпидемии тифа и малярии, для

ликвидации которых властями были предприняты эффективные меры, и с этой опасностью удалось справиться. Весенний сев прошел в целом успешно, а урожай осенью был значительно лучше, чем в предыдущие два года. Это позволило существенно увеличить снабжение хлебом городов. В последние несколько месяцев 1933 года наблюдался рост поставок на колхозные рынки. Определенным показателем улучшения ситуации было падение рыночных цен на продовольствие, начиная с июля и далее.

Не случайно Сталин в своем докладе на объединенном январском (1933 г.) пленуме ЦК и ЦКК столь охотно и столь обильно цитировал оценки некоторых ведущих западных газет. Причем делал это умело и тонко, противопоставляя диаметрально противоположные высказывания западной печати по поводу положения дел в Советском Союзе. Так, он привел отзыв английской буржуазной газеты «Дейли Телеграф», данный в конце ноября 1932 года: «Если рассматривать план, как пробный камень для «планируемой экономики», то мы должны сказать, что он потерпел полный крах»². Аналогичную точку зрения высказывала и влиятельнейшая американская газета «Нью-Йорк Таймс». В конце ноября 1932 года она писала: «Пятилетний промышленный план, поставивший своей целью сделать вызов чувству пропорции, стремящийся к своей цели «независимо от издержек», как часто с гордостью похвалялась Москва, не является в действительности планом. Это — спекуляция»³.

Как видим, западные наблюдатели не жалели крепких слов и броских эпитетов, чтобы в самом мрачном свете представить итоги коренных сдвигов в сфере экономического строительства, равно как и в других областях поступательного развития страны Советов.

Пронизанным духом скептицизма и безнадежности оценкам, которые доминировали в западной печати, Генеральный секретарь противопоставил высказывания и оценки диаметрально противоположного характера и направленности. Так, известный в то время английский журнал «Раунд Тэйбл» восторженно писал:

«Достижения пятилетнего плана представляют собой изумительное явление. Тракторные заводы Харькова и Сталинграда, автомобильный завод АМО в Москве, автомобильный завод в Нижнем Новгороде, Днепровская гидроэлектрическая станция, грандиозные сталелитейные заводы в Магнитогорске и Кузнецке, целая сеть машиностроительных и химических заводов на Урале, который превращается в советский Рур, — все эти и другие промышленные достижения во всей стране свидетельствуют, что, каковы бы ни были трудности, советская промышленность, как хорошо орошаемое растение, растёт и крепнет... Пятилетний план заложил основы будущего развития и чрезвычайно усилил мощь СССР»⁴.

Как говорится, начали за упокой, а кончили во здравие. Надо сказать, что отнюдь не те или иные комплиментарные отзывы и оценки буржуазной печати служили для Сталина главным аргументом в защите проводимого им курса. Сама жизнь постепенно начала входить в относительно нормальную колею, что ощущалось населением страны. Однако тяжелые переживания, связанные с минувшими годами, были еще слишком свежи в народной памяти, чтобы их можно было сбрасывать со счета как один из факторов, формировавших общественную атмосферу тех лет. И Сталин косвенным образом (правда,

² См. *И. В. Сталин*. Соч. Т. 13. С. 164.

³ Там же. С. 164.

⁴ Там же. С. 165–166.

с запозданием в два года) вынужден был сам вспомнить о тяжелых временах. Правда, сделал он это в такой форме и в таком контексте, что наполненные неимоверными страданиями годы, выглядели в его истолковании не столь уж тяжелыми и трудными.

Ничтоже сумняшеся, он заявил на первом съезде колхозников-ударников: «Я мог бы вам рассказать некоторые факты из жизни рабочих в 1918 году, когда целыми неделями не выдавали рабочим ни куска хлеба, не говоря уже о мясе и прочих продуктах питания. Лучшими временами считались тогда те дни, когда удавалось выдавать рабочим Ленинграда и Москвы по восьмьюшке фунта чёрного хлеба и то наполовину со жмыхами. И это продолжалось не месяц и не полгода, а целых два года. Но рабочие терпели и не унывали, ибо они знали, что придут лучшие времена и они добьются решающих успехов. И что же, — вы видите, что рабочие не ошиблись. Сравните-ка ваши трудности и лишения с трудностями и лишениями, пережитыми рабочими, и вы увидите, что о них не стоит даже серьёзно разговаривать»⁵.

Нечего сказать — утешил вождь своих слушателей, а главное — многомиллионные массы Советской страны! Трудно даже сказать, чего здесь было больше — лицемерия, или равнодушия к страданиям и тяготам, выпавшим на долю народа. Видимо, сполна было и того, и другого. Но я не стану акцентировать внимание читателя на этих и без комментариев ясных моментах. Хочу лишь подчеркнуть, что вождь, как бы широким шагом перешагнув через все эти невзгоды, и заговорил о новых планах и новых свершениях, ожидавших страну. Отныне Сталин во главу угла начинает ставить вопросы улучшения жизни трудящихся. Он в качестве бесспорного достижения советской власти привел тот факт, что за короткое время в стране была ликвидирована безработица, положен конец пауперизации и обнищанию в деревне, увеличение доходов рабочих и крестьян в 1932 году составило 85% по сравнению с 1928 годом; рост общественного питания с охватом свыше 70 % рабочих решающих отраслей промышленности превысил плановые наметки пятилетки на шесть раз.

Все это, взятое в целом, дало вождю возможность поставить вопрос о том, чтобы **сделать всех колхозников зажиточными**. Эта задача была провозглашена в качестве ключевой на ближайшие годы. Сталин уверял: «Чтобы стать колхозникам зажиточными, для этого требуется теперь только одно — работать в колхозе честно, правильно использовать тракторы и машины, правильно использовать рабочий скот, правильно обрабатывать землю, беречь колхозную собственность...»

И если мы будем трудиться честно, трудиться на себя, на свои колхозы, — то мы добьёмся того, что в какие-нибудь 2 — 3 года поднимем всех колхозников, и бывших бедняков, и бывших середняков, до уровня зажиточных, до уровня людей, пользующихся обилием продуктов и ведущих вполне культурную жизнь»⁶.

Задача, конечно, была благородная, а главное — для ее успешной реализации уже имелись определенные материальные предпосылки в виде довольно мощного по тем временам парка сельскохозяйственных машин, наличия машинно-тракторных станций, — серьезной опоры коллективных хозяйств, — увеличения числа приобретших необходимый опыт хозяйственных руководителей, прежде всего председателей колхозов. Да и сами центральные органы планирования и руководства экономикой уже не выглядели

⁵ И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 243–244.

⁶ Там же. С. 249.

столь беспомощными, как в первые годы индустриализации и коллективизации, когда многие принципиальные вопросы, требовавшие углубленной проработки, решались с кондачка.

Перечисляя все эти позитивные моменты, нельзя забывать о том, что процесс коллективизации еще отнюдь не был полностью завершен. Чтобы обеспечить абсолютный контроль государства над селом предстояло коллективизировать еще 5 млн. сохранившихся к началу 1934 года единоличных хозяйств. По инициативе Сталина были приняты эффективные меры для вовлечения этих 5 млн. в колхозы. Власти объявили об установлении исключительно высокого денежного обложения крестьян-частников. Кроме того, размер государственного налога был увеличен для них на 50% и в таком виде значительно превосходил уровень платежеспособности мелких производителей. Для тех, кто не входил в колхозы, фактически оставалось три варианта дальнейшего поведения: уйти в город (а это было не так-то просто, поскольку с введением в 1932 году паспортной системы проживание в городе требовало соответствующих разрешений; крестьяне же паспортов не получали), вступить в колхоз или стать наемным рабочим в совхозе. Был еще и четвертый вариант — владеть жалкое существование в деревне, не имея обеспеченного дохода.

Сталин в изменившихся условиях взял курс на более благосклонное отношение к середнякам, видя в этом реальное средство укоренного их вовлечения в колхозы. Хотя середняки уже и не составляли такой крупной силы, как прежде, но без их включения в процесс коллективизации сам этот процесс нельзя было признать полностью и успешно завершенным. Вождь не любил и, можно сказать, не умел останавливаться на полпути и ограничиваться полумерами. Это как-то не вписывалось в его политическую философию и личные свойства натуры. С целью дать импульс всему этому процессу он специально аргументировал на съезде колхозников необходимость проявлять к единоличникам больше внимания, больше терпимости и больше готовности пойти навстречу их пожеланиям. Для популяризации этой линии он прибег к широко использовавшемуся им методу — сослался на полученное им письмо и дал на него публичный ответ. Ответ этот должен был стать своего рода сигналом для претворения его в практику колхозной жизни. Вот его содержание.

«Два года тому назад я получил письмо с Волги от одной крестьянки-вдовы. Она жаловалась, что её не хотят принять в колхоз, и требовала от меня поддержки. Я запросил колхоз. Из колхоза мне ответили, что они не могут её принять в колхоз, так как она оскорбила колхозное собрание. В чём же дело? Да в том, что на собрании крестьян, где колхозники призывали единоличников вступить в колхоз, эта самая вдова в ответ на призыв подняла, оказывается, подол и сказала — нате, получайте колхоз. (*Весёлое оживление, смех*). Несомненно, что она поступила неправильно и оскорбила собрание. Но можно ли отказывать ей в приёме в колхоз, если она через год искренно раскаялась и признала свою ошибку? Я думаю, что нельзя ей отказывать. Я так и написал колхозу. Вдову приняли в колхоз. И что же? Оказалось, что она работает теперь в колхозе не в последних, а в первых рядах. (*Аплодисменты*).»⁷

Вождь призывал к терпимости и сам демонстрировал таковую на практике. Однако подобного рода проявления терпимости было бы в корне неверно трактовать в том ключе,

что Сталин хотя бы на йоту изменил свою принципиальную позицию по отношению к проблеме классовой борьбы вообще, и классовой борьбы в деревне в частности. Более того, он стал особо подчеркивать тезис об усилении классовой борьбы в новых условиях. Делал он это с явной целью держать страну и партию в состоянии постоянной повышенной готовности к новым классовым схваткам. В них он видел если не смысл, то одну из важных особенностей процесса построения социалистического общества. Сошлюсь на его высказывание, относящееся как раз к началу 1933 года.

«Некоторые товарищи поняли тезис об уничтожении классов, создании бесклассового общества и отмирании государства, как оправдание лени и благодушия, оправдание контрреволюционной теории потухания классовой борьбы и ослабления государственной власти. Нечего и говорить, что такие люди не могут иметь ничего общего с нашей партией. Это — перерожденцы, либо двурушники, которых надо гнать вон из партии. Уничтожение классов достигается не путём потухания классовой борьбы, а путём её усиления. Отмирание государства придёт не через ослабление государственной власти, а через её максимальное усиление, необходимое для того, чтобы добить остатки умирающих классов и организовать оборону против капиталистического окружения, которое далеко еще не уничтожено и не скоро еще будет уничтожено»⁸.

Казалось бы, общество, да и сама партия, в определенной степени уже устали от постоянного нагнетания угрозы разрастания классовой борьбы и обострения ее форм проявления. Ведь нельзя же все время, без малейшего перерыва, обострять и обострять борьбу классов как ось всего развития советского общества. Нужно дать людям и передышку, чтобы они могли спокойно вздохнуть и хоть недолго подышать воздухом, если не свободы, то хотя бы отсутствия непрерывных классовых схваток! Такие настроения в те годы витали в воздухе и многие надеялись на послабления, способные привести страну к состоянию относительной стабилизации. О какой-либо консолидации различных слоев общества тогда никто и не помышлял, ибо реальных предпосылок для нее не существовало при сложившейся к тому времени структуре общества в целом.

В качестве задачи первостепенной важности вождь выдвинул борьбу с хищениями и воровством государственного и общественного имущества. Кому-то сейчас эта задача и может показаться довольно мелковатой по масштабу, чтобы придавать ей столь грандиозный размах. Однако думать так — значит не понимать характера той эпохи и обстановки, сложившейся в стране. Ведь на селе все стало общим, а значит и ничьим, бесхозным. Психология же собственника как была, так и осталась определяющей чертой менталитета нового колхозника. От многовековых традиций и привычек, от психологии, сложившейся на протяжении целых столетий, нельзя было избавиться в какие-то считанные годы. Вот почему хищения колхозного и общественного имущества приобрели настолько серьезный характер и столь большие масштабы, что о них вынужден был поставить вопрос сам Сталин.

В перестроечный период псевдодемократическая пропаганда особый акцент в нападках на сталинскую политику придавала борьбе против хищений социалистического имущества, изображая эту борьбу как яркое проявление кровожадной природы сталинизма. В наши же дни об этом предпочитают или вообще не говорить, или говорить так, что в корне извращается сама суть вопроса. Да и действительно, трудно нынешней

⁸ И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 210–211.

финансовой элите и ее пропагандистской обслуге вести предметный разговор на данную тему. Клеймя якобы большевистский девиз — грабь награбленное — новые хозяева русской земли разграбили то, что принадлежало всему народу. Грабили бесстыдно, нагло и в открытую. Под всякими фиговыми прикрытиями, вроде приватизации, торгов и мошеннических тендеров, жадно присваивали не только крупнейшие предприятия, но чуть ли не целые отрасли хозяйства. И как здесь не вспомнить одно американское крылатое выражение, взятое из прошлого: если ты украл булку, тебя посадят в тюрьму, если ты украл железную дорогу, тебя изберут сенатором.

Так и в современной России. Конечно, с прибавлением большой доли национальной специфики. Изберут не в сенат, а в Государственную Думу. И поскольку сената в России нет, то нужно членов Совета Федерации называть сенаторами. Ведь это все-таки звучит: сенатор! Хотя и не сенатор американского конгресса или римского сената, но все же сенатор! Их ничуть не смущает смехотворность такого рода обезьянничанья. И можно только посоветовать — переименуйте Совет Федерации в Сенат и со спокойной душой величайте себя сенаторами! Но это — всего лишь навеянная излагаемым материалом ассоциация.

Вернусь к теме. Масштабы и серьезность проблемы хищений и воровства были таковы, что грозили поставить под вопрос саму эффективность создаваемой экономической системы. И Сталин ударил в набат. Он связал эту проблему с проблемой классовой борьбы, придав ей таким образом более глубокое содержание и более емкое измерение. С гневом он обрушился на окопавшихся в недрах советских хозяйств и учреждений неисправимых врагов новой власти. «Главное в «деятельности» этих бывших людей состоит в том, что они организуют массовое воровство и хищение государственного имущества, кооперативного имущества, колхозной собственности, — подчеркивал он. — Воровство и хищение на фабриках и заводах, воровство и хищение железнодорожных грузов, воровство и хищение в складах и торговых предприятиях, — особенно воровство и хищение в совхозах и колхозах, — такова основная форма «деятельности» этих бывших людей. Они чувствуют как бы классовым инстинктом, что основой советского хозяйства является общественная собственность, что именно эту основу надо расшатать, чтобы напакостить Советской власти, — и они действительно стараются расшатать общественную собственность путём организации массового воровства и хищения»⁹.

Я не думаю, что вождь здесь допускал серьезные преувеличения по части фактов. Но суть дела состояла в том, что на базе этих фактов он делал выводы широкого исторического масштаба. Речь идет о природе и формах классовой борьбы в период социалистического строительства. Эти вопросы вызывали и вызывают до настоящего времени много споров и разногласий среди как специалистов-историков, так и публицистов, пишущих на данную тему. Я позволю себе сделать несколько личных замечаний в связи с постановкой данного вопроса.

Прежде всего, мне кажется неправильным огульное отрицание неизбежности классовой борьбы в эпоху социализма. Поскольку классы являются своеобразным отражением сложившихся имущественных отношений в обществе, и поскольку собственность как таковая, выступает как локомотив классовых битв и столкновений, то говорить о какой-то классовой гармонии при наличии различных (имею в виду

⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 208.

противоположных) форм собственности — значит впадать в благостную иллюзию. Ведь теорию классовой борьбы не выдумали коммунисты. Они лишь определили ее место в системе общественных отношений и ее роль в историческом процессе. Их упрекают в том, что они преувеличили роль и место классовой борьбы в системе общественных отношений. Возможно, доля истины в таких упреках и присутствует. Однако же надо вести речь не вообще, а применительно к той или иной стране, да и то в органичной увязке с конкретным историческим периодом. 30-е годы минувшего века в истории нашей страны безусловно не принадлежали к годам классовой идиллии. Борьба прежних имущих классов, их стремление взять социальный реванш — это не плод фантазии или преувеличения.

Достаточно только бросить даже беглый взгляд на современную историю России, чтобы без каких-либо дополнительных пояснений убедиться в том, что вопросы собственности играют ключевую роль во всей нашей нынешней жизни. Те, кто захватил эту собственность, прекрасно понимают, что категорически и полностью, как говорится, раз и навсегда исключить возможность ее ренационализации при том или ином развороте событий, нельзя. Они смертельно боятся потерять незаконно приобретенную собственность и готовы пойти на все, чтобы ее сохранить. Вот почему они не только в теории, но и на практике ополчаются даже против самого понятия классовой борьбы. Даже в правовом порядке чуть ли не причислили ее к классовой ненависти, за разжигание которой полагается соответствующее уголовное наказание. Кажется, в приложении к вопросам собственности и классовой борьбы в современной России картина вырисовывается достаточно четкая, хотя и покрытая мраком неизвестности.

Что же тогда говорить об эпохе 30-х годов, когда бывшие собственники еще никак не могли смириться с утратой своей собственности и привилегий, сопряженных с владением ею. Сталин, акцентируя внимание на вопросах классовой борьбы, разумеется, рассчитывал на поддержку подавляющего большинства народа. И в этом была его главная сила. Кстати, и западные биографы Сталина отмечают данную особенность его режима. Так, американский советолог Алекс де Йонге писал о Сталине: «Он пользовался общенациональной поддержкой на всех уровнях, поскольку он и его стиль правления были популярны; он был действительно народным диктатором. Партия следовала за ним, потому что видела в нем победителя, практичного политика, на которого можно было положиться...»¹⁰

В свете сказанного весьма поверхностными и даже примитивными выглядят утверждения некоторых биографов Сталина, что все его жесткие меры и решения опирались исключительно только на голую силу, на кровавые репрессии. Все это, конечно, имело место быть. Но была и другая сторона медали, которую также надо рассматривать, чтобы получить близкое к истине представление о событиях тех лет, а не голую и упрощенную схему — лагерь и револьвер вершили судьбы исторических изменений, арендой которых стала страна Советов. Если в принципе неверным и тенденциозным является тезис о том, что все, что было создано в тот период во всех сферах жизни, являлось прежде всего результатом голого и ничем не ограниченного насилия, то столь же ошибочным является и противоположный тезис. Я имею в виду тезис, согласно которому репрессии и насилие являлись всего лишь мерой наказания для действительных противников советского строя. Было целое море безвинных, на которых обрушились эти репрессии.

¹⁰ *Alex de Jonge. Stalin and the shaping of the Soviet Union. Glasgow. 1987. p. 517.*

И Сталин, хотя и хорошо знал русские пословицы, понимал, что при решении коренных социальных проблем пословица — лес рубят, щепки летят — не может служить серьезным оправданием. Не случайно в мае 1933 г. по инициативе Генерального секретаря было принято решение «О тройках ОГПУ». В соответствии с этим решением тройкам ОГПУ в республиках, краях и областях запрещалось выносить приговоры о высшей мере наказания. В то же время была принята инструкция, адресованная партийно-советским работникам, органам ОГПУ, суда и прокуратуры. Инструкция запрещала массовые выселения крестьян (предусматривала только индивидуальные выселения активных «контрреволюционеров», причем в рамках установленных лимитов — 12 тыс. хозяйств по всей стране), запрещала производить аресты лицам, не уполномоченным на то по закону, а также применять в качестве меры пресечения заключение под стражу до суда за маловажные преступления. Был установлен предельный лимит заключенных в местах заключения Наркомата юстиции, ОГПУ и главного управления милиции (кроме лагерей и колоний) — 400 тыс. человек вместо 800 тыс., фактически находившихся там в этот период. Всем осужденным по суду до 3 лет инструкция предписывала заменить лишение свободы принудительными работами до одного года, а оставшийся срок считать условным¹¹.

Видимо, имеет смысл в данном контексте привести и обширную выдержку из инструкции, принятой ЦК ВКП(б) и СНК в мае 1933 года и адресованной всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры. Она весьма любопытна, так как содержит признание прежде всего факта массовых репрессий и рисует довольно мрачную перспективу того, что может ожидать страну, если такие репрессии будут продолжаться. Естественно, инструкция носила секретный характер.

Вот наиболее существенные моменты, позволяющие судить о том, насколько высшие власти, в первую очередь сам Сталин, были обеспокоены ситуацией в стране.

«ЦК и СНК СССР считают, что все эти обстоятельства создают в деревне новую благоприятную обстановку, дающую возможность прекратить, как правило, применение массовых выселений и острых форм репрессий в деревне.

ЦК и СНК считают, что в результате наших успехов в деревне наступил момент, когда мы уже не нуждаемся в массовых репрессиях, задевающих, как известно, не только кулаков, но и единоличников, и часть колхозников.

Правда, из ряда областей все еще продолжают поступать требования о массовом выселении из деревни и применении острых форм репрессий. В ЦК и СНК имеются заявки на немедленное выселение из областей и краев около ста тысяч семей. В ЦК и СНК имеются сведения, из которых видно, что массовые беспорядочные аресты в деревне все еще продолжают существовать в практике наших работников. Арестовывают председатели колхозов и члены правлений колхозов. Арестовывают председатели сельсоветов и секретари ячеек. Арестовывают районные и краевые уполномоченные. Арестовывают все, кому только не лень и кто, собственно говоря, не имеет никакого права арестовывать. Неудивительно, что при таком разгуле практики арестов органы, имеющие право ареста, в том числе и органы ОГПУ, и особенно милиция, теряют чувство меры и зачастую производят аресты без всякого основания, действуя по правилу: сначала арестовать, а потом разобраться.

Но о чем все это говорит?

¹¹ См. Сталин и Каганович. Переписка. С. 300–301.

Все это говорит о том, что в областях и краях имеется еще немало товарищей, которые не поняли новой обстановки и все еще продолжают жить в прошлом...

Похоже на то, что эти товарищи готовы подменить и уже подменяют политическую работу в массах в целях изоляции кулацких и антиколхозных элементов административно-чекистскими операциями органов ГПУ и милиции, не понимая, что подобная подмена, если она примет сколько-нибудь массовый характер, может свести к нулю влияние нашей партии в деревне.

Эти товарищи, видимо, не понимают, что метод массового выселения крестьян за пределы края в условиях новой обстановки уже изжил себя, что выселение может применяться лишь в частичном и единоличном порядке и лишь к главарям и организаторам борьбы против колхозов.

Эти товарищи не понимают, что метод массовых и беспорядочных арестов, если только можно считать его методом, в условиях новой обстановки даст лишь минусы, роняющие авторитет Советской власти, что производство арестов должно быть ограничено и строго контролируемо соответствующими органами, что аресты должны применяться лишь к активным врагам Советской власти.

ЦК и СНК не сомневаются, что все эти и подобные им ошибки и отклонения от линии партии будут ликвидированы в кратчайший срок.

Было бы неправильно думать, что наличие новой обстановки и необходимость перехода к новым методам работы означают ликвидацию или хотя бы ослабление классовой борьбы в деревне. Наоборот, классовая борьба в деревне будет неизбежно обостряться, так как классовый враг видит, что колхозы победили, он видит, что наступили последние дни его существования, и он не может не хвататься с отчаяния за самые острые формы борьбы с Советской властью. Поэтому не может быть и речи об ослаблении нашей борьбы с классовым врагом. Наоборот, наша борьба должна быть всемерно усилена, наша бдительность — всемерно заострена. Речь идет, стало быть, об усилении нашей борьбы с классовым врагом. Но дело в том, что усилить борьбу с классовым врагом и ликвидировать его при помощи старых методов работы невозможно в нынешней новой обстановке, ибо они, эти методы, изжили себя»¹².

Если внимательно вчитаться и проанализировать приведенные выше высказывания Сталина, а также явно тревожную инструкцию, и сопоставить их с практическими действиями, которые предпринимались в этот период, то невооруженным взглядом видна определенная двойственность и противоречивость, присущая высказываниям генсека и директивным документам, подготовленным на основе его указаний. С одной стороны, настоятельные призывы активизировать борьбу против классовых врагов, особенно замаскировавшихся. Весьма показательно, что на печально-знаменитом февральско — мартовском пленуме 1937 года тогдашний нарком внутренних дел Н. Ежов, расхваливая упомянутую инструкцию, подчеркивал: «Как видите, речь шла не об ослаблении борьбы. Наоборот, речь шла об ее усилении, об изменении методов нашей работы»¹³.

С другой стороны — некоторые практические послабления строгого режима, попытки ввести действия властей в некое подобие правового поля. И это — не кажущееся противоречие, а зеркальное отражение действительности той поры. Сталин, очевидно,

¹² Лубянка. Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936. С. 436—437.

¹³ "Вопросы истории". 1994 г. № 10. С. 15.

стремился дозировать эти меры двоякого характера, чтобы не разбалансировать достигнутую степень стабилизации. Если, конечно, это понятие можно использовать при характеристике положения, сложившегося тогда в стране. Кроме того, генсек, как покажет дальнейшее развитие событий, не хотел заранее раскрывать свои планы и намерения, чтобы его реальные и потенциальные противники не смогли подготовиться и встретить новое сталинское наступление со всей возможной готовностью. Складывается такое впечатление, что он сознательно и целенаправленно вел линию на усыпление всех, против кого он в будущем готовился нанести завершающий удар.

В свете сказанного особый акцент следует сделать на следующем положении, содержащемся в докладе Сталина на январском (1933 г.) пленуме ЦК. Прежде чем привести его, хочу подчеркнуть, что в дальнейшем, в самый разгар сталинских чисток, данное высказывание использовалось в качестве основного аргумента для теоретической мотивации проводимых репрессий. Итак, Сталин говорил: «Надо иметь в виду, что рост мощи Советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов. Именно потому, что они умирают и доживают последние дни, они будут переходить от одних форм наскоков к другим, более резким формам наскоков, апеллируя к отсталым слоям населения и мобилизуя их против Советской власти. Нет такой пакости и клеветы, которых эти бывшие люди не возвели бы на Советскую власть и вокруг которых не попытались бы мобилизовать отсталые элементы. На этой почве могут ожить и зашевелиться разбитые группы старых контрреволюционных партий эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могут ожить и зашевелиться осколки контрреволюционных элементов из троцкистов и правых уклонистов. Это, конечно, не страшно. Но все это надо иметь в виду, если мы хотим покончить с этими элементами быстро и без особых жертв»¹⁴.

Важным инструментом реализации сталинской политики стали чистки партийных рядов, которые и прежде, как мог убедиться читатель, играли роль своеобразной дубинки для наказания недовольных или сомневающихся. Дамоклов меч партийных чисток всегда висел над судьбой каждого члена партии, в особенности ее руководящего звена. Это позволяло Генеральному секретарю вовремя «выпускать пар» путем исключения из партии тех, кто выражал сомнения в правильности генеральной линии, а также превентивного наказания совсем уже невиновных ни в каких уклонах и отклонениях от партийного курса. Угроза подвергнуться чистке заставляла не только рядовых членов, но и крупных функционеров всегда держать нос по ветру и ориентироваться на указания вождя — который всегда и во всем был прав.

Январский (1933 г.) пленум ЦК принял решение о проведении чистки и поручил Политбюро «организовать дело чистки партии таким образом, чтобы обеспечить в партии железную пролетарскую дисциплину и очищение партийных рядов от всех ненадежных, неустойчивых и примазавшихся элементов»¹⁵.

Можно сказать, что в этом пассаже содержалась в своем зародыше программа самых беспощадных мер, которые зарождались в голове у вождя в отношении его бывших оппонентов по борьбе за власть. Но пока что раскрывать свои замыслы и масштабы будущих чисток он не хотел. Внешне дело сводилось как бы к проведению ставших

¹⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 211–212.

ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. С. 531.

имманентной чертой партийной жизни проверок членов партии и исключении из нее тех, кто не отвечал необходимым критериям.

Немного позднее по прямому указанию вождя были очерчены примерные масштабы и параметры предстоявшей партийной чистки. В частности, исключению из партии подлежали: 1) классово чуждые и враждебные элементы, обманом пробравшиеся в партию и деморализующие партийную массу; 2) двурушники, обманывающие партию, скрывающие от нее свои истинные устремления, давшие ложную клятву в верности партии и стремившиеся к подрыву партийной политики; 3) явные и скрытые нарушители железной партийно-государственной дисциплины, не выполняющие решения партийных и государственных органов, подвергающие сомнению или порочащие планы и решения партии разговорами об их «нереальности» и «неосуществимости». Перечислялись и некоторые другие категории членов партии, которых ожидало это чистилище, чем-то напоминавшее инквизицию.

О том, как, например, прошел чистку Н. Бухарин, свидетельствует следующий документ. «Тов. Бухарин перед комиссией по чистке заявил, что партийная организация совершенно правильно поступила, потребовав его чистки, так как у него «особенно за последнее время деятельности в рядах партии был целый ряд тяжелейших ошибок». Далее, т. Бухарин признал свои теоретические и политические ошибки и тот вред, который его ошибки нанесли партии, и заявил, что он критику его ошибок и те меры, которые партия против него приняла, признает совершенно правильными и необходимыми, а также признает правильной генеральную линию и практическое руководство ЦК ВКП(б). По вопросу о генеральной линии партии и руководстве партии т. Бухарин заявил: «Выработка генеральной линии и оперативное проведение разгрома оппозиции, мобилизация партийных масс и рабочего класса, правильная линия в Коминтерне, совершенно блестящая линия в области внешней политики — это заслуга нашего руководства, которое сложилось в битвах на оба фланга, — лично т. Сталина». «Я должен сказать, что т. Сталина можно считать идейным фельдмаршалом революционных сил в нашей стране». «Буду всякую работу делать, которую мне поручила партия, и выражаю надежду, что под руководством Центрального Комитета нашей партии и лично т. Сталина могу вложить лепту в то великое дело, которое совершает наша партия и наш рабочий класс, что я свою лепту в это великое дело внесу»¹⁶.

Если Бухарин, не так давно столь авторитетная фигура, успешно на протяжении нескольких лет соперничавший со Сталиным, вынужден был ценой столь унижительного поведения платить за свое право остаться в партии, то о других и говорить излишне. Впрочем, как раз видным деятелям оппозиции приходилось особенно тяжело во время партийных чисток, ибо в приложении к ним эти инквизиторские методы должны были не только унизить их политически и по человечески, но и показать другим, что их может ожидать в случае, если они вздумают выступить против вождя. Убеденный противник и наиболее подготовленный критик сталинского курса должен был, подобно Галилею, признать перед партийной инквизицией, что не Земля вращается вокруг Солнца, а Солнце вокруг Земли. То есть, не его, бухаринская стратегия верна, а правильна линия фельдмаршала революционных сил Сталина.

¹⁶ "Вопросы истории КПСС". 1991 г. № 3. С. 59.

Завершая раздел, можно констатировать, что перед Сталиным в рассматриваемый период довольно определенно вырисовалась простая и в то же время сложная дилемма — или взять курс на последовательное проведение в жизнь консолидации общества, или же в изменившихся условиях продолжать политическую линию, базирующуюся на концепции продолжения и усиления классовой борьбы. Как видим, он попытался сделать свой выбор таким образом, чтобы, хотя бы в ограниченных масштабах и рамках, продолжался курс на консолидацию и одновременно не снимался с повестки дня вопрос усиления классовой борьбы. Он стремился соединить в своей платформе, по существу, две взаимно исключавшие друг друга линии. В итоге получался некий симбиоз, трудно поддающийся определению, — то ли это была действительная консолидация общества, то ли это был новый виток развертывания классовой борьбы.

2. Съезд обреченных победителей

Укрепление и расширение единоличной власти Сталина в партии и стране с логической закономерностью влекло за собой существенные перемены во всех сферах партийной и государственной жизни. В данном случае уместно оттенить одно из последствий этого процесса. Речь идет о кардинальном изменении удельного веса и роли съездов партии и ее центральных исполнительных органов — Центрального Комитета, Центральной контрольной комиссии, Политбюро и Оргбюро. С некоторыми оговорками сюда можно отнести и Секретариат ЦК, поскольку он все больше превращался из коллегиального органа в личный аппарат самого Генерального секретаря. С каждым годом увеличивался временной разрыв в проведении съездов партии. Если XV съезд был проведен с запозданием на год, то следующий съезд уже собрался через два с лишним года. Очередной, XVII съезд, был проведен уже почти через четыре года. Складывалось впечатление, что само проведение съездов становится для вождя чем-то вроде обузы. Однако отказаться от их проведения он, по очевидным причинам, не мог. Хотя многие уже догадывались, что для Сталина проведение съездов все больше превращается в официальную формальность. Вождь по-прежнему нуждался в легитимном, с точки зрения норм партийного устава, одобрении своего политического курса.

Поверженные оппозиционные силы в лице Троцкого, находившегося за границей, имели возможность высказывать свои откровенные мысли по поводу подготовки съезда и атмосферы, в которой она проходила. В своем печатном органе Троцкий писал: «Если в классический период большевизма каждому съезду предшествовала горячая дискуссия, занимавшая ряд недель, то нынешнему съезду предшествовала бюрократическая чистка, растянувшаяся на полгода. При этих условиях съезд явится лишь вынужденным парадом бюрократии»¹⁷.

В политической биографии Сталина XVII съезд в силу целого ряда обстоятельств занимает особое место. Именно с этим съездом многие исследователи сталинской эпохи связывают безуспешную попытку сместить его с поста Генерального секретаря. По ходу рассмотрения вопросов, касающихся данного съезда, я постараюсь осветить эту сторону работы съезда. Вначале же мне представляется необходимым остановиться на ключевых

¹⁷ "Бюллетень оппозиции". 1934 г. № 38–39. (Электронный вариант).

моментах практического и теоретического характера, нашедших отражение в Отчетном докладе съезду, с которым выступил Сталин.

XVII съезд проходил в январе — феврале 1934 года. На нем присутствовало 1225 делегатов с решающим голосом и 736 делегатов с совещательным голосом, представлявших 1874488 членов партии и 935298 кандидатов. В сталинскую эпоху этот съезд именовался не иначе, как съезд победителей. Конечно, в таком пафосном названии проявилась скорее всего злая ирония истории. Дальнейшая судьба делегатов съезда дает основание скорее именовать его съездом обреченных победителей. А если уж быть совсем точным и следовать правде истории, то XVII съезд партии можно и нужно было именовать съездом победителя. Разумеется, единственным и бесспорным победителем был именно Сталин. В конечном счете он, а не его реальные или вымышленные противники, одержал победу. Победу, за которую делегаты съезда заплатили ценой своих жизней.

Но не будем нарушать логику нашего изложения и осветим сначала ключевые аспекты новых положений и оценок, выдвинутых и обоснованных вождем в его докладе.

В **международной** части своего доклада Сталин дал характеристику мирового экономического кризиса, особо отметив его затяжной характер. К этому времени кризис уже прошел свой пик и перерос в депрессию особого рода, которая, по словам вождя, не «ведёт к новому подъёму и расцвету промышленности, но и не возвращает её к точке наибольшего упадка»¹⁸. Столь витиеватая характеристика, конечно, свидетельствовала о том, что ни сам вождь, ни его экономические советники не могли тогда строить более или менее надежные прогнозы относительно перспектив экономического развития капиталистического мира.

Более внятными и конкретными представляются оценки общей картины международного положения, сложившегося в тот период. Сталин подчеркнул, что минувшие со времени предыдущего съезда годы были годами дальнейшего обострения отношений как между капиталистическими странами, так и внутри этих стран. Война Японии с Китаем и оккупация Манчжурии, обострившие отношения на Дальнем Востоке; победа фашизма в Германии и торжество идеи реванша, обострившие отношения в Европе; выход Японии и Германии из Лиги Наций — все это дало новый толчок росту вооружений и подготовке к империалистической войне. Сталин, в который уже раз, указал на то, что буржуазный пацифизм дышит на ладан, а тенденции к разоружению (по крайней мере тогда подобное намерение официально декларировали многие правительства Запада) открыто и прямо сменяются противоположными тенденциями — к росту вооружений и довооружений тех, кто еще считал себя недостаточно вооружившимся.

Резко усилилось соперничество в военно-морской сфере между США, Англией, Францией и Японией. Выход Германии из Лиги наций и пока что начавший четко обозначиваться призрак реванша дали новый толчок к обострению положения и росту вооружений в Европе. И как общий итог всего этого анализа — вывод Сталина, имевший под собой солидную доказательную базу — **дело явным образом идет к новой войне**. Эти слова специально выделены жирным шрифтом, чтобы подчеркнуть их историческую обоснованность и бесспорную актуальность для того времени. Ведь не секрет, что только Советский Союз устами своего лидера настойчиво и последовательно подчеркивал растущую опасность войны и вероятность того, что она способна обрести подлинно

¹⁸ И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 291.

мировые масштабы. Другие правительства, провозглашавшие мирные лозунги, предпочитали не акцентировать внимание общественности на нараставшей угрозе мировой войны. Так что данный вывод советского вождя без всяких натяжек может быть зачислен в его политический актив.

Справедливости ради, нельзя обойти молчанием и вопрос о том, что Сталин по шаблонной марксистско-ленинской схеме, был уверен, что война наверняка развяжет революцию и поставит под вопрос само существование капитализма в ряде стран, как это имело место в ходе первой мировой войны. В какой-то мере он оказался прав, но не в том смысле, что война развяжет революцию, а в том, что она поставит вопрос об отпадении от капиталистической системы ряда стран. Произойдет же это, как мы увидим в дальнейшем, в результате действий прежде всего Советского Союза, а не внутренних революций в этих странах.

Тот же традиционный мотив классовой солидарности трудящихся как одного из важных факторов грядущей победы СССР в случае, если против него будет развязана война, вновь озвученный Сталиным, в новой мировой обстановке воспринимался как некое заклинание, а не как итог взвешенного и объективного анализа сложившейся ситуации. Едва ли можно сомневаться, что эта война будет самой опасной для буржуазии войной. Сталин подчеркнул, что война против Советского Союза «будет самой опасной не только потому, что народы СССР будут драться на смерть за завоевания революции. — И здесь с ним нельзя не согласиться, дополнив, что не только за завоевания революции, но прежде всего за независимость своей Родины. — Она будет самой опасной для буржуазии ещё потому, что война будет происходить не только на фронтах, но и в тылу у противника. Буржуазия может не сомневаться, что многочисленные друзья рабочего класса СССР в Европе и Азии постараются ударить в тыл своим угнетателям, которые затеяли преступную войну против отечества рабочего класса всех стран. И пусть не пеняют на нас господа буржуа, если они на другой день после такой войны не досчитаются некоторых близких им правительств, ныне благополучно царствующих «милостью божией»¹⁹.

Как показала жизнь, расчеты советского руководства на войну друзей рабочего класса СССР в тылу противника, т.е. в тылу тех государств, которые нападут на нас, (а такие схемы считались в качестве реального фактора огромной важности) на деле оказались не более чем политической химерой, а точнее, говоря — серьезным политико-стратегическим самообманом.

Должное внимание — и это вполне естественно — в докладе было уделено приходу к власти в Германии Гитлера. Однако, как мне представляется, анализ этого события Сталиным нес на себе явные черты схематизма и приверженности к устоявшимся догматам. Он подошел к этой проблеме исключительно через призму классовых понятий. «В этой связи, — подчеркнул вождь, — победу фашизма в Германии нужно рассматривать не только как признак слабости рабочего класса и результат измен социал-демократии рабочему классу, расчистившей дорогу фашизму. Её надо рассматривать также, как признак слабости буржуазии, как признак того, что буржуазия уже не в силах властвовать старыми методами парламентаризма и буржуазной демократии, ввиду чего она вынуждена прибегнуть во внутренней политике к террористическим методам управления, — как признак того, что она не в силах больше найти выход из нынешнего положения на базе мирной внешней политики, ввиду чего она вынуждена прибегнуть к политике войны»²⁰.

¹⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 297.

²⁰ Там же. С. 293–294.

Между тем преимущественно классовые критерии, положенные в основу оценки гитлеровского фашизма, были уже слишком узкими, чтобы объяснить этот исторический феномен и сделать из него соответствующие выводы. Здесь требовалось нечто большее — геополитические критерии, дававшие возможность более глубокого и основательного понимания сущности фашизма и потенциальных опасностей, связанных с ним. В то время Сталин, грубо выражаясь, еще пока не дорос до проникновения вглубь новых геополитических реальностей. Узость чисто классовых критериев в приложении к данному событию была налицо и ее нельзя ничем оправдать. Хотя объяснить можно, ибо классовый подход, классовые критерии в то время выступали в качестве альфы и омеги при рассмотрении любого общественного (в том числе и международного) явления.

В связи с этим нельзя не отметить, что на том же съезде Н. Бухарин проявил больше политического предвидения, чем Сталин. В своей речи он, по существу, бил в набат, акцентируя внимание на опасности так называемой восточной политики Гитлера. Он обильно цитировал гитлеровские высказывания и прогнозировал всю серьезность опасности, исходящей от фашистской Германии. (И это в то время, когда кое-кто в советском руководстве питал иллюзии насчет возможности найти приемлемый *modus vivendi* с Гитлером!)

Вот пассаж из речи Бухарина, в которой он цитировал «Майн кампф» Гитлера :

1. «Мы заканчиваем вечное движение германцев на юг и на запад Европы и обращаем взор к землям на восток. Мы кончаем колониальную торговую политику и переходим к политике завоевания новых земель. И когда мы сегодня говорим о новой земле в Европе, то мы можем думать только о России и подвластных ей окраинах. Сама судьба как бы указала этот путь. Предав Россию власти большевизма, она отняла у русского народа интеллигенцию, которая до этого времени создавала и гарантировала его государственное состояние. Ибо организация русского государства «не была результатом государственной способности славянства в России, а только блестящим примером государственно-творческой деятельности германского элемента среди нижестоящей расы».

2. Миссия Германии — «в прилежной работе немецкого плуга, которому меч должен дать землю».

3. «Политическое евангелие германского народа» в области его внешней политики должно «раз навсегда» заключаться в следующем:

Если образуется рядом с Германией новое государство, то «рассматривайте не только как ваше право, но как ваш долг препятствовать возникновению такого государства всеми средствами вплоть до применения вооруженной силы или, если оно уже возникло, разбейте такое государство».

4. «Будущей целью нашей внешней политики должна быть не западная и не восточная ориентация, а восточная политика в смысле приобретения необходимой для нашего германского народа территории».

И Бухарин резюмировал:

«Гитлер открыто призывает, таким образом, разбить наше государство, Гитлер открыто говорит о приобретении мечом необходимой якобы для германского народа территории из тех земель, которыми обладает наш Советский Союз»²¹.

Казалось бы, что не опальному лидеру разгромленного правого блока пристало во весь голос трубить об опасности, нависшей над страной. Более это пристало было сделать самому Сталину. Нельзя, разумеется, утверждать, что он игнорировал гитлеровскую угрозу. Однако в тот период она не обрела тех колоссальных масштабов и тех грозных форм, которые стали очевидными уже для всех по прошествии немногих лет. Видимо, вождь исходил, кроме всего прочего, еще из дипломатических соображений: мол, нельзя преждевременно сжигать все мосты, пока ситуация еще не прояснилась до конца. Но и он, вне всякого сомнения, отнюдь не сбрасывал со счета германскую угрозу.

Подтверждением этой мысли служит его опровержение гитлеровской расистской теории. По поводу этой теории он говорил: «Известно, что старый Рим точно так же смотрел на предков нынешних германцев и французов, как смотрят теперь представители «высшей расы» на славянские племена. Известно, что старый Рим третировал их «низшей расой», «варварами», призванными быть в вечном подчинении «высшей расе», «великому Риму», причём, — между нами будь сказано, — старый Рим имел этого некоторое основание, чего нельзя сказать о представителях нынешней «высшей расы». (*Гром аплодисментов*.) А что из этого вышло? Вышло то, что неримляне, т. е. все «варвары», объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим. Спрашивается: где гарантия, что претензии представителей нынешней «высшей расы» не приведут к тем же плачевным результатам — Где гарантия, что фашистско-литературным политикам в Берлине посчастливится больше, чем старым и испытанным завоевателям в Риме? Не вернее ли будет предположить обратное?»²²

Сталин в своем докладе коротко обрисовал главные направления и трудности советской внешней политики, подчеркнув, до чего сложно было СССР проводить свою мирную политику в этой, отравленной миазмами военных комбинаций, атмосфере. Он отметил перелом к лучшему в отношениях между СССР и Польшей, между СССР и Францией, который произошёл в последнее время. Причина этого перелома, по мысли Сталина, состояла, с одной стороны в связи с ростом силы и могущества СССР, а с другой стороны, с некоторыми изменениями в политике Германии, отражающими рост реваншистских и империалистических настроений в Германии. Иными словами, и Франция, и Польша перед лицом опасности, исходящей от Гитлера, сочли целесообразным пойти на определенное улучшение отношений с Советским Союзом.

Надо признать, что в той обстановке довольно верную оценку тенденций во внешней политике ведущих держав дал ярый враг Сталина Троцкий. Он, в частности, писал: «В тесной связи с программой «движения на Восток» (*Drang nach Osten*), Гитлер берет на себя задачу ограждения европейской цивилизации, христианской религии, британских колоний и других духовных и материальных ценностей от большевистского варварства. Из этой исторической миссии, именно из нее, прежде всего из нее, он надеется почерпнуть право Германии на вооружение. Гитлер убежден, что на весах Великобритании, опасность немецкого фашизма для Западной Европы весит меньше опасности большевистских советов на Востоке. Эта оценка составляет важнейший ключ ко всей внешней политике Гитлера»²³.

Какаясь распространявшихся тогда в западных кругах спекуляций по поводу

И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 296.

²³ "Бюллетень оппозиции". 1933 г. № 35. (Электронный вариант).

возможных зигзагов и переориентаций во внешней политике Советской страны, Сталин четко заявил: «...Мы далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии. Но дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной. Дело также не в мнимых изменениях в нашем отношении к Версальскому договору. Не нам, испытавшим позор Брестского мира, воспевать Версальский договор. Мы не согласны только с тем, чтобы из-за этого договора мир был ввергнут в пучину новой войны. То же самое надо сказать о мнимой переориентации СССР. У нас не было ориентации на Германию, так же как у нас нет ориентации на Польшу и Францию. Мы ориентировались в прошлом и ориентируемся в настоящем на СССР и только на СССР. (*Бурные аплодисменты.*) И если интересы СССР требуют сближения с теми или иными странами, не заинтересованными в нарушении мира, мы идём на это дело без колебаний»²⁴.

Напрашивается небольшое замечание в связи с этим заявлением Сталина. Кто ищет корни «сговора Сталина с Гитлером» в 1939 году, мог бы не без пользы для себя обратить внимание на приведенное выше высказывание советского лидера. Оно как раз и поможет понять не только смысл и содержание его политики в начале 30-х годов, но и на исходе того же десятилетия, т.е. в конце 30-х. Советский Союз в своей политике проводил последовательную линию на отстаивание своих коренных национальных интересов. Сами же эти интересы требовали того, чтобы его политика была гибкой, а не статичной, сформулированной раз и навсегда, игнорирующей непрерывно происходящие в мире изменения.

Касаясь внешней политики гитлеровской Германии, вождь высказал точку зрения, что там происходит борьба между двумя тенденциями — первую он определил как линию на сохранение добрососедских отношений с Советской Россией и дальнейшее развитие связей с ней в «духе Локарно». Вторая линия, по его мнению, выражала наиболее агрессивные устремления германского империализма и напоминала захватническую политику кайзера. Сталин констатировал, что сторонники второй — агрессивной тенденции берут верх, и с этим необходимо считаться. Нет смысла вникать в детали, но представляется неоспоримым, что особого противоборства в фашистских правящих кругах относительно фундаментальных направлений будущей германской внешней политики просто не было. Сталин в данном случае стал жертвой не столько дезинформации, сколько собственных неосновательных расчетов на существование какого-то миролюбивого крыла в германских правящих кругах той поры. Конечно, с их стороны делались заявления миролюбивой тональности, но они имели целью усыпить бдительность вероятного противника и не раскрывать раньше времени свои карты в предстоящей серьезной борьбе, которая все более явно маячила на политическом горизонте. В дальнейшем эти, назовем их условно, иллюзии Сталина о том, что в стане гитлеровского фашизма может существовать миролюбивое крыло, рассеялись в прах. Однако они сыграли свою негативную роль в ряде практических подходов Москвы к некоторым проблемам Европы.

Еще за несколько лет до открытия съезда в качестве одного из весьма актуальных международных вопросов в повестке дня возник вопрос о возможности заключения пакта о ненападении между Москвой и Варшавой. Такое развитие событий явно встревожило

²⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 302–303.

германские правящие круги и Сталин в беседе с писателем Э. Людвигом выступил с исчерпывающими пояснениями. На это стоит специально обратить внимание читателя, поскольку речь идет о пактах о ненападении. В дальнейшем, в конце 30-х годов, в связи с заключением пакта о ненападении с Германией, этот вопрос превратился чуть ли не в ось, вокруг которой вращались международные проблемы. Поэтому будет уместным изложить здесь принципиальную, более раннюю позицию Сталина по вопросу о пактах о ненападении, ибо это дает возможность глубже понять его решение конца 30-х годов.

Вождь следующим образом сформулировал советскую точку зрения: «Мы всегда заявляли о нашей готовности заключить с любым государством пакт о ненападении. С рядом государств мы уже заключили эти пакты. Мы заявляли открыто о своей готовности подписать подобный пакт и с Польшей. Если мы заявляем, что мы готовы подписать пакт о ненападении с Польшей, то мы это делаем не ради фразы, а для того, чтобы действительно такой пакт подписать. Мы политики, если хотите, особого рода. Имеются политики, которые сегодня обещают или заявляют одно, а на следующий день либо забывают, либо отрицают то, о чём они заявляли, и при этом даже не краснеют. Так мы не можем поступать...

Что является с точки зрения немцев наиболее опасным из того, что может произойти? Изменение отношений к немцам, их ухудшение? Но для этого нет никаких оснований. Мы, точно так же, как и поляки, должны заявить в пакте, что не будем применять насилия, нападения для того, чтобы изменить границы Польши, СССР или нарушить их независимость. Так же, как мы даём это обещание полякам, точно так же и они дают нам такое же обещание. Без такого пункта о том, что мы не собираемся вести войны, чтобы нарушить независимость или целостность границ наших государств, без подобного пункта нельзя заключать пакт. Без этого нечего и говорить о пакте. Таков максимум того, что мы можем сделать»²⁵.

От себя замечу, что пакты о ненападении рассматривались Советским Союзом в те годы как один из наиболее простых и наиболее эффективных способов обеспечения безопасности от внезапного нападения. И здесь не было чего-то выходящего за рамки общепринятой международной практики.

С особым удовлетворением Сталин констатировал улучшение отношений с ведущей капиталистической державой — Соединенными Штатами Америки. Установление в 1933 году официальных отношений между двумя странами имело в то время серьезнейшее значение для всей системы международных отношений. Сталин подчеркнул, что дело не только в том, что установление отношений поднимает шансы дела сохранения мира, улучшает отношения между обеими странами, укрепляет торговые связи между ними и создаёт базу для взаимного сотрудничества. Дело в том, что он кладёт вежу между старым, когда Америка считалась в различных странах оплотом для всяких антисоветских тенденций, и новым, когда этот оплот добровольно снят с дороги ко взаимной выгоде обеих стран²⁶.

Специальное внимание в докладе было уделено оценке отношений Советского Союза с Японией. Сталин в то время, да и впоследствии, полагал, что агрессивные устремления Токио в отношении Советского Дальнего Востока являются чрезвычайно важным фактором

²⁵ И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 116–117.

²⁶ Там же. С. 303–304.

беспокойства для Советского Союза. Опасность нападения со стороны Японии представлялась Сталину не только гипотетической, но и вполне реальной, можно даже сказать — непосредственной. Продвижение японского милитаризма в Китай, создание там марионеточного государства Маньчжоуго, затягивание переговоров по поводу КВЖД, в сочетании с постоянными мелкими и крупными провокациями на границах с Советским Союзом, — все это делало данный регион предметом особого внимания со стороны Москвы. Сталин считал необходимым подчеркнуть готовность Советского Союза к улучшению взаимоотношений с Токио и вместе с тем отметил: «...Часть военных людей в Японии открыто проповедует в печати необходимость войны с СССР и захвата Приморья при явном одобрении другой части военных, а правительство Японии вместо того, чтобы призвать к порядку поджигателей войны, делает вид, что это его не касается. Не трудно понять, что подобные обстоятельства не могут не создавать атмосферу беспокойства и неуверенности. Конечно, мы будем и впредь настойчиво проводить политику мира и добиваться улучшения отношений с Японией, ибо мы хотим улучшения этих отношений. Но не всё здесь зависит от нас. Поэтому мы должны вместе с тем принять все меры к тому, чтобы оградить нашу страну от неожиданностей и быть готовыми к её защите от нападения»²⁷.

Коротко говоря, по мере осложнения обстановки в Европе и на Дальнем Востоке вопросы внешней политики Советского Союза все в большей мере выдвигались на первый план. Нельзя сказать, что до этого они находились в загоне. Но неуклонный рост экономического и оборонного потенциала СССР, зарождавшиеся признаки двух очагов военной опасности — в Европе и на Дальнем Востоке — заставили Сталина уделять внешнеполитическим проблемам неизмеримо больше времени и внимания. Собственно, именно в эти годы не на словах, а на деле шел процесс вхождения Советской России в число великих держав мира. Это, естественно, не могло не отразиться на некоторых принципиальных политико-теоретических положениях, унаследованных от классического большевизма. Здесь имеется в виду прежде всего вопрос о так называемой мировой революции. Эта химерическая идея на протяжении слишком долгого отрезка времени не просто доминировала в сознании правоверных большевиков, но и — что было особенно прискорбным — в проведении практической политики на международной арене наносила стране существенный ущерб. Разумеется, и при жизни Ленина в эту фактически абстрактную идею-миф вносились коррективы, продиктованные требованиями самой жизни. Иначе было трудно, если вообще возможно, всерьез вести речь о налаживании отношений с капиталистическими государствами. Ведь и лидеры стран капитала вполне резонно ставили вопрос: как мы можем развивать с вашей страной нормальные отношения, если вы в качестве своей цели ставите свержение установившегося у нас строя?

Можно было, конечно, успокаивать их тем, что это все имеет отношение к вопросам теории общественного развития, а не к практике межгосударственных отношений. Однако подобные доводы не выдерживали серьезной критики и вызывали лишь ироническую реакцию. Но самое главное заключалось в том, что сама концепция мировой революции оказалась тупиковой. За ней не стояли реалии жизни. Она от начала до конца базировалась скорее на благих пожеланиях, нежели на реальной общественной почве. К началу 30-х годов это становилось очевидным даже самым ортодоксальным большевикам. Но открыто признать это они не могли в силу вполне понятных причин.

²⁷ И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 305.

Сталин не составлял здесь какого-либо исключения. Хотя он все реже и реже в своих выступлениях затрагивал тему мировой революции, но тем не менее отказаться от этой идеи и признать всю иллюзорность надежд на нее он не мог. Коренной пересмотр позиции по данному вопросу был произведен Сталиным на практике, что, на мой взгляд, ценнее и важнее, чем словесное признание ее неосуществимости. Да иначе и не могло быть, поскольку теперь он выступал уже не в тоге революционера, целью которого было низвергнуть устои старого мира, а в тоге государственного деятеля. А задачи того и другого не просто различаются, но и зачастую вступают в открытый конфликт. Сталин был не просто голым прагматиком, но и реалистом до мозга костей. Он понимал, что созидание социалистического строя в СССР — это главная задача, выполнению которой должны быть подчинены все остальные цели и задачи.

В этой связи интересна оценка, содержащаяся в письме американского посла в Москве У. Буллита в госдеп США в октябре 1934 года: «...Очевидно, страх перед недовольством других стран заставил СССР отодвинуть в сторону интересы интернационала, чем он еще раз доказал, что миру не особенно приходится опасаться идеи марксизма, какой бы шум ни поднимали пропагандисты этой идеи. Советский Союз хочет мировой революции лишь в тех случаях, когда это сможет оказаться выгодным для русских интересов. Он уже давно, перестал проводить работу, отвечающую нуждам мирового пролетариата»²⁸.

Конечно, вывод американского дипломата не нуждается в каких-либо комментариях: он выразил свою мысль предельно четко и однозначно. И Сталин, на стол которого ложились добытые органами разведки материалы такого рода, читая эти строки, видимо, был согласен с американским послом, если не на словах, то на деле.

За скобками нашего изложения сознательно оставлены аспекты отчетного доклада Сталина, посвященные внутренним проблемам, — и не потому, что они вообще не представляют интереса. Но все же факты и цифры, приведенные им, в наше время уже пахнут нафталином, и едва ли сколь-нибудь существенным образом изменят нарисованную ранее картину. Заслуживают быть отмеченными следующие моменты. Были внесены существенные коррективы в экономическую политику, причем эти коррективы исходили из более реалистических оценок положения и учитывали минусы, выявившиеся в период борьбы за выполнение первой пятилетки. Во втором пятилетнем плане, утвержденном на съезде, была окончательно закреплена относительно сбалансированная экономическая политика: по сравнению с первой пятилеткой значительно снижены темпы прироста промышленной продукции, официально признана необходимость приоритетного развития отраслей группы «Б». Вместе с тем на съезде проявились некоторые, считавшиеся до этого просто маловероятными, тенденции в политической сфере: руководство партии продемонстрировало готовность примириться с бывшими оппозиционерами на условиях безусловного и безоговорочного признания последними собственных ошибок, с одной стороны, и неоспоримого права Генерального секретаря на безраздельную власть — с другой стороны. Накануне съезда лидеры левой оппозиции — Зиновьев, Каменев и Преображенский были восстановлены в партии. Представителям разгромленной левой и правой оппозиции была предоставлена возможность выступить на съезде. Внешне, все это вместе взятое, явно имело целью показать, что Сталин проявляет благоразумие и сдержанность и готов «простить» своих противников. Разумеется, на условиях их публичной полной и безоговорочной капитуляции.

²⁸ См. Лубянка. Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936. С. 575.

При этом прения на съезде позволяли надеяться, что примирение в партии будет первым шагом на пути осуществления политики умиротворения в обществе в целом. Отмечу лишь один знаменательный факт (особенно в свете нынешней демографической ситуации в РФ): вождь сообщил динамику роста населения Советского Союза — со 160,5 миллиона человек в конце 1930 года до 168 миллионов в конце 1933 года²⁹. Сделано это было с очевидной целью — таким способом опровергнуть разговоры о голоде в стране и огромном количестве жертв этого страшного бедствия. Открыто говорить об этом вождь не решился по вполне понятным причинам — советская печать и советские органы власти вообще замалчивали факт голода. Хотя «замолчать» это было невозможно.

Из теоретических и внутрипартийных проблем стоит выделить два момента. Первый — это вопрос о построении бесклассового социалистического общества. Сталин в своем докладе сослался на решение XVII конференции, сформулировавшей следующую перспективную цель: «Конференция считает, что основной политической задачей второй пятилетки является окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплуатацию, и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества»³⁰. Констатируя, что страна идет к созданию именно такого общества, генсек подчеркнул, что это общество надо завоевывать и построить усилиями всех трудящихся — путём усиления органов диктатуры пролетариата, путём развёртывания классовой борьбы, путём уничтожения классов, путём ликвидации остатков капиталистических классов, в боях с врагами как внутренними, так и внешними. На первый взгляд, все кажется логичным (с точки зрения марксистско-ленинской теории). Но объективно оценивая с высоты прошедших десятилетий ситуацию, в которой пребывало тогдашнее советское общество, приходишь к однозначному и бесспорному выводу: вождь слишком все упрощал и спешил, ставя целью создание бесклассового общества. Причем странно и то, что сам процесс созидания этого бесклассового общества он мыслил себе через усиление классовой борьбы. Вообще говоря, классовая борьба в политической философии Сталина далеко выходила за рамки, объективно отведенные ей историей, самим ходом исторического процесса. Для создания бесклассового общества требуются многие и многие десятилетия, а, по Сталину, выходило, что это — задача ближайшего или ближайших десятилетий. Видимо, серьезно обжегшись на этой самой классовой борьбе, он мановением волшебной палочки хотел форсировать приход бесклассового общества.

Впрочем, чтобы избежать невольной примитивизации взглядов вождя на такие коренные вопросы, необходимо отметить, что Сталин в своем докладе коснулся и другой стороны проблемы, имевшей принципиальное значение. В то время, как по всей стране звучали гимны и здравицы в честь бесспорных побед на всех фронтах социалистического строительства, вождь обратил внимание на то, что социализм несовместим с нищетой. Кое-кому тогда уже мерещилось вступление страны в социалистический рай. Но надо было спокойно оглянуться вокруг, чтобы убедиться в том, что до этого, ой, как еще далеко. Он говорил: «Было бы глупо думать, что социализм может быть построен на базе нищеты и лишений, на базе сокращения личных потребностей и снижения уровня жизни людей до

²⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 336.

³⁰ XVII конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. 1932. С. 278.

уровня жизни бедноты, которая к тому же сама не хочет больше оставаться бедной и прёт вверх к зажиточной жизни. Кому нужен такой, с позволения сказать, социализм? Это был бы не социализм, а карикатура на социализм. Социализм может быть построен лишь на базе бурного роста производительных сил общества, на базе обилия продуктов и товаров, на базе зажиточной жизни трудящихся, на базе бурного роста культурности. Ибо социализм, марксистский социализм, означает не сокращение личных потребностей, а всемерное их расширение и расцвет, не ограничение или отказ от удовлетворения этих потребностей, а всестороннее и полное удовлетворение всех потребностей культурно-развитых трудящихся людей»³¹.

Что верно, то верно. Здесь можно узреть исходную посылку сформулированного Сталиным на закате жизни основного экономического закона социализма. Об этом, естественно, речь будет идти в соответствующих главах. Здесь же я хочу вычленить тезис Сталина об обострении классовой борьбы, о чем он говорил на съезде в разных частях отчета, но каждый раз акцентировал на этом внимание. В стратегические расчеты Сталина, о которых тогда никто не знал и не мог знать, как имманентное звено входил тезис о необходимости борьбы с врагами в партии и обществе. Впрочем, все настолько уже привыкли к тому, что вождь неизменно говорил о классовой борьбе, что отсутствие в докладе этой темы, показалось бы чем-то вроде политического землетрясения.

Сталин призывал к повышению бдительности, к тому, чтобы ни на миг не забывали, что классовый враг не дремлет, что он всегда готов нанести удар по советской власти. «Врагов партии, оппортунистов всех мастей, национал-уклонистов всякого рода — разбили. Но остатки их идеологии живут еще в головах отдельных членов партии и нередко дают о себе знать, — подчеркивал он. — Партию нельзя рассматривать, как нечто оторванное от окружающих людей. Она живёт и подвизается внутри окружающей её среды. Не удивительно, что в партию проникают нередко извне нездоровые настроения. А почва для таких настроений несомненно имеется в нашей стране, хотя бы потому, что у нас всё еще существуют некоторые промежуточные слои населения как в городе, так и в деревне, представляющие питательную среду для таких настроений... Остатки идеологии разбитых антиленинских групп вполне способны к оживлению и далеко не потеряли своей живучести»³².

Это была, если так можно выразиться, заявка на будущие акции против своих врагов, реальных или мнимых — не в этом суть. Некоторую мягкость вождь проявил в отношении политически разгромленных и повергнутых к его ногам бывших оппонентов по антипартийным блокам, с несвойственным ему благодушием заявив: «Если на XV съезде приходилось еще доказывать правильность линии партии и вести борьбу с известными антиленинскими группировками, а на XVI съезде — добивать последних приверженцев этих группировок, то на этом съезде — и доказывать нечего, да, пожалуй — и бить некого. Все видят, что линия партии победила»³³.

Но если некого было бить, то нашлись те, кто сам стал себя бить. В этой роли выступили лидеры разгромленных и капитулировавших группировок. Они не только самими последними словами осуждали свои ошибки и преступления против генеральной линии и ее инициатора Сталина. С еще большим, просто неиссякаемым, запалом, от которого так и

И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 359–360.

³² Там же. С. 348–349, 351.

³³ И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 347.

веляло замаскированным лицемерием и двоедушием, они пели дифирамбы победителю. Казалось, что им просто не хватает эпитетов в русском языке, чтобы достойно восславить Сталина. Приведу несколько коротких пассажей из выступлений бывших лидеров оппозиции.

Вот что говорил Л. Каменев: «... Я думаю, что я прав, когда говорю, что эпоха последнего восьмилетия — эпоха Сталина — по своему теоретическому содержанию, по достигнутым результатам, по напряжению строительной энергии, по необходимой для этого мобилизации широких пролетарских сил, — что она не меньше той эпохи, которой всегда конечно будет гордиться победоносное пролетарское человечество, эпохи, когда во главе нас стоял Ленин, впервые сокрушивший власть буржуазии и заложивший основы социализма путем пролетарской диктатуры. Это две равноправные эпохи, которые так и должны войти в историю»³⁴.

Г. Зиновьев возвел Сталина в разряд классиков марксизма-ленинизма, поставив его на один уровень с ними: «...В книге великой освободительной борьбы пролетариата эти четыре имени — Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин — стоят рядом...» И далее: «Товарищи, сколько личных нападок было со стороны моей и других бывших оппозиционеров на руководство партии и в частности на товарища Сталина! И мы знаем теперь все, что в борьбе, которая велась товарищем Сталиным на исключительно принципиальной высоте, на исключительно высоком теоретическом уровне, — что в этой борьбе не было ни малейшего привкуса сколько-нибудь личных моментов. И именно, когда я глубже... понял свои ошибки и когда я убедился, что члены Политбюро, и в первую очередь товарищ Сталин, увидев, что человек стал глубже понимать свои ошибки, помогли мне вернуться в партию, — именно после этого становится особенно стыдно за те нападки, которые с нашей стороны были»³⁵.

Но покаянные речи бывших, хотя они, судя по всему, и радовали слух вождя, вовсе не делали его благодушным. Видимо, слушая их пышные словоизлияния, он про себя презрительно усмехался и думал, какими же словами они награждают его молча, как проклинают его за все, что он причинил им. Он не верил ни одному их слову, а тем паче лизоблюдским панегирикам, — это вряд ли подлежит сомнению.

Поверженные лидеры оппозиции ненавидели Сталина, и их ненависть легко объяснима. Но упреки они должны были обратить в первую очередь в свой собственный адрес. Они были побежденными. Он — безоговорочный победитель. И этот расклад определял всю фабулу и мизансцены грандиозного спектакля.

К хору левших осанну вождю, присоединились и родственники Ленина — его жена Н. К. Крупская и сестра М. И. Ульянова. Последняя была особенно красноречива в своих славословиях. «Наши достижения неразрывно связаны с именем товарища Сталина, ибо ему как руководителю партии и миллионных масс рабочих и колхозников обязаны мы всем тем, что имеем в настоящее время в Советском Союзе. Он, Сталин, явился организатором этих побед, обеспечивающих завершение дела Ленина.

10 лет прошло с тех пор, как умер Ленин. Без Ленина творим мы дело Ленина, черпая указания в его богатом литературном наследии, вдохновляясь его светлым, незабываемым образом. Без Ленина, но по ленинскому пути ведет нашу партию, трудящихся нашей

³⁴ XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. С. 520.

³⁵ Там же. С. 496–497.

страны и международный пролетариат лучший соратник Ильича, продолжатель его дела — Сталин. *(Аплодисменты.)*³⁶

Своеобразную точку во всем этом поставил С. М. Киров. Он озаглавил свое выступление «Доклад товарища Сталина — программа всей нашей работы». Именно с его «легкой» руки в партии стал утверждаться порядок, согласно которому уже перестали принимать развернутые резолюции, формулировавшие основные направления политики. Официальными документами стали доклады Сталина. Это было нечто новое в практике партии, и оно отражало уже принципиально новую ступень возвышения вождя.

Киров так мотивировал свое предложение: «Мне, товарищи, казалось бы, что в итоге такого подробного обсуждения доклада ЦК нашей партии, которое имело место на настоящем съезде, было бы напрасно ломать голову над вопросом о том, какое вынести решение, какую вынести резолюцию по докладу товарища Сталина. Будет правильнее, помоему, — и для дела во всяком случае это будет гораздо целесообразнее, чем всякое другое решение, — принять к исполнению, как партийный закон, все положения и выводы отчетного доклада товарища Сталина. *(Голоса: «Правильно!» Бурные, продолжительные аплодисменты. Все встают аплодируя.)*

Из его уст прозвучали слова, ставшие впоследствии чуть не крылатыми:

«Успехи действительно у нас громадны. Чёрт его знает, если по-человечески сказать, так хочется жить и жить *(смех)*, на самом деле, посмотрите, что делается. Это же факт! *(Шумные аплодисменты.)*»³⁷

Интересно отметить, как прокомментировал эту речь Троцкий. Ведь буквально через несколько месяцев все, что было связано с Кировым, будет находиться в фокусе внимания не только в нашей стране, но и в мире. Поэтому оценка Троцкого в данном случае весьма показательна: «Что Киров радуется техническим успехам и смягчению продовольственной нужды, — вполне понятно. Во всем мире не найдется ни одного честного рабочего, который бы не радовался этому. Чудовищно здесь то, что Киров видит только эти частичные национальные успехи, оставляя безо всякого внимания все поле международного рабочего движения... В то время, как в Германии цвет пролетариата томится в концентрационных лагерях и тюрьмах, бюрократия Коминтерна вместе с социал-демократией, как бы сговорившись, делает все, чтобы всю Европу, да и весь мир превратить в фашистский концентрационный лагерь, а Киров, член руководящей верхушки первого в мире рабочего государства, признается, что ему не хватает слов, чтобы выразить, как хорошо сейчас жить! Что это: глупость? Нет, этот человек не глуп; и притом он выражает не только свои собственные чувства. Его крылатое словечко повторяется, передается и восхваляется всеми советскими газетами. Оратор, как и его слушатели на съезде, просто забывают обо всем остальном мире: они действуют, думают и чувствуют только «по-русски», и даже в этих рамках только по-бюрократически»³⁸.

Пожалуй, нет особой необходимости давать оценку столь широкому, поистине «интернационалистскому» подходу Троцкого к успехам Советской страны. Согласно его логике, надо было чуть ли немедленно с оружием в руках выступить против фашистской Германии, чтобы освободить всех, кто томился в концлагерях! Красиво звучит, но отдает дешевой демагогией.

³⁶ XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. С. 291.

³⁷ Там же. С. 251–252, 258.

³⁸ "Бюллетень оппозиции". 1934 г. № 40. (Электронная версия).

Нет смысла и в том, чтобы знакомить читателя с новыми суперлативами в восхвалении вождя. Картина и без того предстает как вполне законченное политическое полотно. Налицо был триумф вождя. Однако тот был не столь прост и наивен, чтобы все слова принимать за чистую монету и не отдавать себе отчета в том, что его власть, как бы высоко его не превозносили, до тех пор будет оставаться незабываемой, пока он будет изо дня в день укреплять ее и делать все более прочной и всеобъемлющей.

В литературе о Сталине порой высказывается мнение, что он с начала 30-х годов уже не нуждался в партии как инструменте власти. Мол, иные социальные силы и средства были в его распоряжении, низводившие роль партии до уровня второстепенного приводного механизма. Так, российский историк Ю. Жуков в статье под характерным названием «Сталин не нуждался в партии власти» пишет: «ВКП(б), партию власти с ноября 1917 г., Сталин получил в наследство. Эта партия была создана с единственной целью — для захвата и удержания власти до победы мировой революции. С завершением гражданской войны и после утраты надежд на приход к власти коммунистов хотя бы в Германии эта партия в тогдашнем виде фактически исчерпала себя. С началом индустриализации она стала нуждаться в коренном реформировании, ибо переродилась в профсоюз чиновников. Однако лишь немногие осознали это. В первую очередь — Сталин и его идейные соратники»³⁹.

Эта точка зрения не кажется убедительной, опирающейся на реальные факты и отражающей эти реальные факты. Если ее автор имеет в виду появление на советской исторической арене такого социального явления, как номенклатура, или новый класс, то он, во-первых, опережает события, а во-вторых, приписывает этой номенклатуре, или, говоря его словами, профсоюзу чиновников, такую общественную и социальную функцию, которую они не в силах были выполнить. Можно придерживаться различных точек зрения по вопросу о зарождении и формировании нового класса, его роли в системе сталинской власти. Но это не должно заслонять реальной картины действительности той поры — партия, и только она, была фундаментом всей системы власти. Без нее эта система не могла бы эффективно функционировать, не говоря о том, что она едва ли могла бы существовать как таковая. Думается, что позднейшие наслоения советской действительности подвигли некоторых исследователей узреть в номенклатуре главный фундамент сталинской власти.

Нет, он считал, что только партия способна выполнить роль главного локомотива, движущего страну по пути созидания нового общественного строя. Правда, надо признать, что Сталин прекрасно видел недостатки партийной системы, крупные пороки в организации ее функционирования и т. д. Именно поэтому он многократно подвергал партийные структуры серьезным трансформациям и перетряскам, стремясь приспособить партийный механизм к потребностям реальной жизни. Одну из таких попыток он совершил на XVII съезде партии. На нем была ликвидирована ЦКК — очевидно, потому что она не вписывалась в новую сталинскую систему функционирования власти. Под предлогом того, что теперь в партии нет больше опасности раскола, но зато имеется настоятельная необходимость такой организации, которая могла бы сосредоточить главное своё внимание на работе по проверке исполнения решений партии и её Центрального Комитета, вождь предложил ликвидировать ЦКК и вместо нее создать Комиссию Партийного Контроля при ЦК ВКП(б). Оговаривались функции этой комиссии,

³⁹ По материалам газеты "Дуэль" (Электронный вариант).

в частности, она могла привлекать к ответственности любого провинившегося ответственного работника, в том числе и членов ЦК. Состав комиссии избирался съездом партии. Делалось это якобы с целью обеспечить контроль над исполнением решений центральных органов партии и укрепить партийную дисциплину.

Серьезной реорганизации подвергся и аппарат Центрального Комитета, непосредственно контролировавший выполнение решений и указаний генсека. Он стал более громоздким в связи с увеличением масштабов работы, которую предстояло проделывать. В определенной мере перераспределялись и функциональные обязанности и сфера ответственности членов ПБ, Оргбюро и Секретариата. Смысл и цель всех этих реорганизаций сводилась к еще большему сосредоточению власти в руках Генерального секретаря.

Работой по проверке исполнения решений центральных учреждений Советской власти должна была заниматься создаваемая Комиссия Советского Контроля при СНК Союза ССР, работающая по заданиям СНК и имеющая на местах независимых от местных органов представителей. Словом, выстраивалась новая система контроля не только за исполнением решений центральных органов партии и государства, но прежде всего и главным образом за контролем за людьми. Есть основания полагать, что такая реорганизация системы контроля была задумана Сталиным для того, чтобы сделать себя полностью независимым от любых неожиданностей в связи с безусловно намечавшимися им грандиозными планами ликвидации остатков оппозиции и ужесточения контроля над всеми сферами жизни партии и страны.

3. Попытка смещения Сталина: миф или реальность?

В литературе о Сталине вот уже на протяжении десятков лет живо обсуждается вопрос о том, была ли в действительности накануне и в период работ XVII съезда партии попытка осуществить его смещение с поста Генерального секретаря и заменить его на этой должности другой, более подходящей фигурой. Вопрос этот настолько сложный, противоречивый и запутанный, что на него трудно, если вообще возможно (по прошествии 70 с лишним лет), дать достоверный ответ. Достоверный не только в смысле соответствия его реальной действительности, но и в смысле подкрепления его надежными объективными фактами и доказательствами. Крут документальных источников здесь столь же противоречив, сколь и сомнителен в плане убедительности и достоверности. По большей части, мы сталкиваемся при рассмотрении данной проблемы с высказываниями и свидетельствами отдельных лиц, имевших то или иное касательство к вопросу, и принимать в качестве неоспоримых доказательств эти свидетельства нет оснований. Не только потому что свидетельства противоречат одно другому, но и как-то рискованно верить на слово. А ведь вынести исторический вердикт какому-либо событию — значит подкрепить его достаточной суммой неопровержимых фактов и доказательства.

Второй момент, заставляющий проявлять особую щепетильность и здоровый скептицизм, заключается в следующем. Версия о попытке смещения Сталина появилась в самый пик антисталинской кампании разоблачения культа личности. Тогда любое

обвинение в адрес усопшего вождя находило самый благоприятный отклик и воспринималось на веру, без необходимой в таких случаях критической оценки. А некоторые свидетели — бывшие жертвы сталинских репрессий — в силу своего положения и жизненных испытаний, выпавших на их долю, априори не могли рассматриваться в качестве вполне объективных свидетелей. Их пристрастность, даже подсознательная, а не намеренная, не могла не сказаться на их воспоминаниях. На эту ахиллесову пятю подобного рода источников указал в своей книге о сталинских чистках американский автор Дж. А. Гетти. Он справедливо заметил: «Они могут сообщить нам, что и как чувствовали они сами, но не то, что чувствовал Сталин. Никто из них не был настолько близок к источникам власти (некоторые вообще не имели к этому отношения), чтобы знать споры и расхождения внутри руководства, не говоря уже о целях и методах Сталина»⁴⁰. Поэтому, заключает американский автор, слухи и анекдоты часто превращаются в подлинные истории. И с данным заключением нельзя не согласиться.

Третий момент касается реальной возможности самого смещения Сталина в тех исторических условиях. Это — особый вопрос, и на нем я остановлюсь несколько позднее, после изложения существующих версий и соответствующей их мотивировки. Причем, заранее оговорюсь, что моя точка зрения также должна восприниматься не как заявка на бесспорную истину, а как одна из возможных интерпретаций событий давно минувших лет.

Итак, к чему сводится основная канва событий, породивших данный миф или еще не до конца установленный исторический факт? Попытаюсь в самых общих чертах изложить главные версии происходивших или могущих иметь место быть событий. В какой-то степени отправным пунктом здесь служит известное «Письмо старого большевика», о котором уже упоминалось ранее. В этом письме была изложена, так сказать, социально-политическая подоплека, делавшая возможным саму постановку вопроса о смещении генсека с его поста. В самых широких слоях партии только и разговоров было о том, что Сталин своей политикой завел страну в тупик: «поссорил партию с мужиком», — и что спасти положение теперь можно, только устранив Сталина. В этом духе якобы высказывались многие из влиятельных членов ЦК; передавали, что даже в Политбюро уже готово противосталинское большинство. Вопрос о том, что именно нужно делать, какой программой нужно заменить программу сталинской генеральной линии, обсуждался везде, где только сходились партийные работники. «Именно в это время особенно выдвинулся Киров. Последний в Политбюро вообще играл заметную роль. Он был, что называется, «стопроцентным» сторонником генеральной линии и выдавался непреклонностью и энергией в ее проведении. Это заставляло Сталина весьма высоко его ценить. Но в его поведении всегда была некоторая доля самостоятельности, приводившая Сталина в раздражение. Мне передавали, что как-то, недовольный оппозицией Кирова по какому-то частному вопросу, Сталин в течение нескольких месяцев, под предлогом невозможности для Кирова отлучаться из Ленинграда, не вызывал его на заседания Политбюро. Но применить более решительные репрессии против него Сталин все же не решался: слишком велики были круги недовольных, чтобы можно было с легким сердцем идти на увеличение их таким видным партийным работником, каким был Киров»⁴¹.

⁴⁰ J. Arch Getty. *Origins of the great purges. The Soviet Communist Party reconsidered. 1933 – 1938.* Cambridge. 1985. p. 4–5.

⁴¹ Ю. Г. Фельштинский. Разговоры с Бухариным. С. 111.

В преломлении через зеркало политики вопрос якобы сводился к дилемме: или проводить прежнюю жесткую линию, опираясь прежде всего на репрессии и даже террор, или же сделать попытку «примирения с советской общественностью», ослабив репрессивные методы и сделав упор на поиск согласия со всеми, кто готов к этому. Киров и ряд других видных партийных руководителей, мол, ратовали за проведение умеренной линии. Такова в самом общем виде картина политических перспектив, открывавшихся в то время перед страной.

В подтверждение существования даже в рядах членов Политбюро настроений в пользу умеренности автор письма ссылается на выступление М. Калинина в декабре 1932 года в Ленинграде, когда он после чтения одним из поэтов особенно кровожадных стихов, воспевавших ОГПУ, чуть ли не прервав чтеца-поэта посередине его торжественной декламации, встал и начал чуть ли не со слезами на глазах говорить о том, что террор иногда приходится делать, но его никогда не нужно славословить. Это наша трагедия, говорил он, что нам приходится идти на такие жестокие меры, и мы все ничего другого так не хотели бы, как иметь возможность от террора отказаться. Поэтому нужно не прославлять беспощадность Чека, а желать, чтобы скорее пришло время, когда «карающая рука» последней могла бы остановиться.

Речь эта тогда произвела большое впечатление, и о ней много говорили в литературных кругах не только Ленинграда, но и Москвы. Передают, что за нее Калинин потом «влетело».

Если это имело место, то неудивительно, что Калинин влетело⁴². Поскольку именно в эти дни Сталин послал краткое, но емкое приветствие в адрес ОГПУ в связи с его 15-летием: «Привет работникам и бойцам ОГПУ, честно и мужественно выполняющим свой долг перед рабочим классом и крестьянством Советского Союза!

Желаю им успеха в сложном деле искоренения врагов диктатуры пролетариата!

Да здравствует ОГПУ, обнаженный меч рабочего класса!

И. Сталин»⁴³.

По Сталину, меч обнажают не для того, чтобы только запутывать врагов, но и беспощадно их карать. Так что данная метафора имела не столько литературный, сколько глубокий политический смысл — политика репрессий рассматривалась им как важнейший компонент общей политической линии, проводимой им.

Это по вопросу о гипотетическом выборе возможных вариантов дальнейшей политической линии. Теперь немного о Кирове как якобы фигуре, потенциально способной стать противовесом Сталину в осуществлении генерального курса партии. Как известно, Киров принадлежал к ближайшим соратникам и даже личным друзьям Генерального секретаря. Кирова Сталин ценил и всячески способствовал его политическому росту и возвышению. При возникновении неизбежных в то время коллизий Кирова с другими работниками, в том числе и в Ленинградской организации, он неизменно становился на сторону Кирова. Хотя надо сказать, что про себя, в уме, вел своеобразный кондуит его проступков, чтобы при необходимости «приструнить» Кирова, если тот вздумает «брыкаться». Так было и во время конфликта Кирова с рядом работников Ленинградского обкома партии, которые выдвинули против своего первого секретаря фактически обвинение в политической неблагонадежности.

Ю. Г. Фельштинский. Разговоры с Бухариным. С. 113.

⁴³ И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 158.

Ответственные ленинградские работники Г. А. Десов, Н. П. Комаров и другие написали в конце 1929 года в ЦК записку, в которой доказывали, что Киров — не настоящий большевик, что он, работая до революции во Владикавказе в либеральной газете «Терек», в 1913 году, в дни празднования 300-летия дома Романовых, поместил в газете «патриотическую» статью.

С получением записки Сталин созвал в Москве в ЦК заседание, на которое были приглашены авторы записки и почти все члены бюро Ленинградского обкома партии. Заседание длилось два дня, велась стенограмма. Спустя некоторое время, когда участники заседания в Москве вернулись в Ленинград, был созван пленум обкома. На нем выступил второй секретарь М. С. Чудов. Он сообщил, что на заседании после двухдневного обсуждения заявления ленинградских товарищей выступил Сталин и внес предложение из двух пунктов: «Киров допускал ошибки при работе в газете «Терек», он их признает, но право сотрудничать в либеральной газете он имел. Товарищи, выступившие со своей запиской, неправильно подошли к оценке Кирова в его полезной работе по Ленинграду. ЦК считает целесообразным этих товарищей перевести на другую работу вне Ленинграда»⁴⁴.

Сам вожь следующим образом охарактеризовал этот эпизод и его последствия. В письме Молотову он отмечал: «Пакоостное дело (Десов — Комаров) против Кирова помогло в деле ускорения чистки лен[инградской] организации от обюрократившихся элементов. Нет худа без добра! Ленинградский обком принял решение ЦК — по рассказу очевидцев — не без энтузиазма. Факт! Сыграли тут роль и бюрократизм Комарова, и авторитет ЦК, и то, что Киров, видимо, приобрел в Ленинграде за последний период большое уважение организации»⁴⁵.

Впрочем, высокая оценка Кирова не помешала тому, что в эти годы на страницах «Правды» была опубликована статья, в которой руководство ленинградской организации обвинялось в зажиме критики. Что, по всей видимости, не могло произойти без молчаливой санкции Сталина. Это — лишнее свидетельство того, что и своих соратников он всегда старался держать на коротком поводке, чтобы они не могли, что называется, распоясаться. В этом была своя логика и свой внутренний смысл.

Словом, политическая физиономия Кирова и его, если уместно данное выражение, большевистский послужной список не были такими, как их пытаются представить сторонники той точки зрения, что именно накануне и во время XVII съезда партии он стал фигурой, которая могла бы сыграть роль политической альтернативы Сталину как Генеральному секретарю.

Точка зрения, согласно которой Киров мог стать противовесом Сталину, отвергается многими исследователями, в том числе и упомянутым выше Дж. А. Гетти. Вот что он пишет в связи с этим: «Иногда думают, что Киров был «умеренным», противостоящим жесткой генеральной линии Сталина по многим вопросам... В действительности же, представляется более вероятным, что Сталин и Киров были союзниками и смерть Кирова не была причиной какого-либо изменения в политике»⁴⁶.

Противоположной точки зрения придерживается немало историков и биографов вожь. Так, П. Феденко, подвизавшийся в середине прошлого века в Западной Германии на

⁴⁴ М. Росляков. Убийство Кирова. Свидетельства очевидца. Л. 1991. С. 106–110.

⁴⁵ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 172.

⁴⁶ J. Arch Getty. Origins of the great purges. p. 92.

поприще исследований Советского Союза, в своей книге безапелляционно утверждал: «Большинство съезда шло за Кировым, который отстаивал линию примирения с крестьянством и политику некоторой «либерализации» режима. С другой стороны, не была одобрена политика Сталина, направленная на поддержку фашистских движений в Германии и Франции с целью разрушения там демократии и провоцирования войны между «капиталистическими государствами». Это поражение Сталина на XVII съезде партии было ознаменовано назначением Кирова секретарем ЦК партии, рядом со Сталиным, который был лишен титула «генерального секретаря». Бухарин был, против воли Сталина, назначен главным редактором «Известий»⁴⁷

Один из наиболее компетентных и авторитетных биографов Сталина Р. Такер рисует следующую картину событий тех лет: «Один из оставшихся в живых делегатов съезда спустя тридцать лет отмечал, что «ненормальная обстановка, складывавшаяся в партии, вызвала тревогу у части коммунистов, особенно у старых ленинских кадров. Многие делегаты съезда, прежде всего те из них, кто был знаком с завещанием В. И. Ленина, считали, что наступило время переместить Сталина с поста генсека на другую работу». Такая мысль созрела, в частности, у членов ЦК И. М. Варейкиса, Б. П. Шеболдаева, М. Д. Орахелашвили, С. В. Косиора, Г. И. Петровского и Р. И. Эйхе. Съезд уже шел, когда они тайно обсуждали этот вопрос на квартире у Орджоникидзе и, возможно, в других местах в Москве. Если действительно смещать Сталина, то действовать нужно было безотлагательно. Съезд, по уставу высший орган партии, должен завершиться выборами нового состава Центрального Комитета, который в свою очередь должен избрать постоянно действующие органы: Политбюро, Оргбюро и Секретариат. Один из секретарей ЦК должен стать генеральным секретарем. В Кирове противники Сталина видели наиболее подходящего кандидата на этот пост, но прежде необходимо было заручиться согласием самого Кирова»⁴⁸.

Такер опирается на воспоминания Хрущева как вполне заслуживающий доверия источник. Хрущев по этому вопросу писал следующее:

«В то время в партии занимал видное место секретарь Северо-Кавказского краевого партийного комитета Шеболдаев. Шеболдаева я знал, хотя близко с ним знаком не был. В 1917 г. он находился в царской армии на Турецком фронте и вел среди солдат очень активную агитационную работу. Как стало теперь известно, этот-то Шеболдаев, старый большевик с дореволюционным стажем, во время работы XVII съезда партии пришел к товарищу Кирову и сказал ему: «Миرونч (так называли Кирова близкие люди), старики поговаривают о том, чтобы возвратиться к завещанию Ленина и реализовать его, то есть передвинуть Сталина, как рекомендовал Ленин, на какой-нибудь другой пост, а на его место выдвинуть человека, который более терпимо относился бы к окружающим. Народ поговаривает, что хорошо бы выдвинуть тебя на пост Генерального секретаря Центрального Комитета партии»⁴⁹.

В подкрепление своей версии Такер приводит также воспоминания А. И. Микояна (Я привожу более позднюю версию, взятую из воспоминаний А. И. Микояна): «Через какое-

⁴⁷ Панас Феденко. Новая "История КПСС". Институт по изучению СССР. Мюнхен. 1960 г. (Электронная версия)

⁴⁸ Роберт Такер. Сталин у власти. С. 225–226.

⁴⁹ Н. С. Хрущев. Время Люди. Власть. Воспоминания. Т. 1. С. 97–98.

то время, после XVII съезда партии, нам, членам и кандидатам в члены Политбюро ЦК, стало известно о том, что группа товарищей, недовольная Сталиным, намеревается его сместить с поста Генсека, а на его место избрать Кирова. Об этом Кирову сказал Б. Шеболдаев, работавший тогда секретарем одного из обкомов партии на Волге. Киров отказался и рассказал Сталину, который поставил в известность об этом Политбюро. Нам казалось тогда, что Сталин этим и ограничится»⁵⁰.

И в качестве окончательного вывода Такер заключает: «Несомненно, после этого эпизода Сталин не мог не питать подозрительности к съезду, и Киров должен был стать в его глазах опаснейшим потенциальным соперником. Более того, представление Сталина о высшем партийном эшелоне как о гнезде заговорщиков должно было укрепиться. В конце концов сговор против него действительно имел место»⁵¹.

Прежде чем перейти к изложению хода событий, как они выглядят согласно имеющимся документальным данным, хочу противопоставить изложенные выше свидетельства точке зрения В. Молотова, который, вне всякого сомнения, был лучше цитировавшихся лиц осведомлен как и об отношениях Сталин — Киров, так и о политическом потенциале самого Кирова, которого якобы прочили в преемники Сталина на посту Генерального секретаря. Так вот, В. М. Молотов по этому чрезвычайно пикантному сюжету высказался следующим образом: «Говорить о Кирове, как о каком-то его заместителе в этом деле, — это такой абсурд для каждого грамотного, знающего дело коммуниста! Это настолько противоречило взаимоотношениям между Сталиным и Кировым и, прежде всего, мнению самого Кирова о своих возможностях! Это настолько противоречило, что только такой уголовный тип, как Никита (имеется в виду Н. Хрущев — Н. К.), мог договориться до того, что Сталин будто бы имел специальную цель покончить с Кировым...

Правильно, Киров рассказал Сталину на XVII съезде, что группа делегатов его предлагает, — это абсурд, это такой абсурд просто, это только абсурд! Киров был агитатор замечательный, хороший коммунист. Теоретиком не был и не претендовал. Нет, не претендовал. О том, что ему идейно разбить Троцкого, Зиновьева, Каменева, об этом и говорить нечего! Да, посильней были Кирова, другие-то посильней были Кирова! Посильнее!»⁵²

Но от мемуаристов (хотя и в такой форме, как записи бесед) вернемся к историкам-специалистам. Упомянувшийся уже мною О. Хлевнюк на солидном фундаменте архивных материалов также пришел к выводу, что Киров не мог быть соперником Сталина и претендовать на его место, которое ему якобы предлагали некоторые большевистские руководители относительно скромного формата. О. Хлевнюк пишет: «Что касается политической карьеры Кирова, то она дает мало аргументов в пользу предположений о его независимой (а тем более, принципиально отличной от сталинской) политической позиции. Киров, как и другие члены Политбюро 30-х годов, был человеком Сталина. Именно по настоянию Сталина Киров занял пост руководителя второй по значению партийной организации в стране, что гарантировало ему вхождение в высшие эшелоны власти. Помимо хороших личных отношений с Кировым, для Сталина, не исключено,

⁵⁰ Анастас Микоян. Так было. С. 593.

Роберт Такер. Сталин у власти. С. 228.

⁵² Феликс Чуев. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 477–478.

определенное значение имел тот факт, что Киров был политически скомпрометированным человеком. В партии знали, что Киров в дореволюционные годы не только отошел от активной деятельности, не только не примыкал к большевикам, но занимал небольшевистские, либеральные политические позиции, причем, будучи журналистом, оставил многочисленные следы этого своего «преступления» в виде газетных статей. Весной 1917 г., например, он проявил себя как горячий сторонник Временного правительства и призывал к его поддержке»⁵³.

И, на мой взгляд, вполне убедительно звучит вывод, сделанный О. Хлевнюком: «...Судя по документам Политбюро, он вел себя не как полноправный член Политбюро, а, скорее, как влиятельный руководитель одной из крупнейших партийных организаций страны... В Москве, на заседаниях Политбюро Киров бывал крайне редко. Столь же редко (видимо, прежде всего по причинам удаленности) участвовал в голосовании решений Политбюро, принимаемых опросом. В общем, из доступных пока документов никак не удастся вывести не только образ Кирова — лидера антисталинского крыла партии, не только образ Кирова — «реформатора», но даже сколько-нибудь деятельное участие Кирова в разработке и реализации того, что называется «большой политикой»⁵⁴.

Рискуя перегрузить изложение цитированием, я все же приведу оценку, принадлежащую автору, пожалуй, наиболее обстоятельной и доказательной книги о Кирове — Алле Кирилиной. Вот что она пишет по существу данного вопроса: «Вряд ли можно поверить, что именно Киров был той фигурой, которая могла стать, по мнению делегатов, антиподом Сталина на посту генсека. Масштаб не тот. Он не имел никогда собственных политических программ, был несопоставим и несоизмерим со Сталиным как политический деятель. На заседаниях Политбюро он не был инициативен, если только вопрос не касался Ленинграда... Все имеющиеся и доступные историкам документы свидетельствуют, что Киров был верным, последовательным сторонником Сталина, возглавляя влиятельную партийную организацию страны, был значительной, но не самостоятельной политической фигурой»⁵⁵.

Можно только добавить: ореол вокруг Кирова был создан после его убийства, и как бы задним числом был распространен на Кирова более раннего периода. Так нередко случается с политическими, да и не только политическими, деятелями. Свет лучей более поздней славы озаряет чуть ли не весь их жизненный путь и они в историческом зеркале получают не адекватное их реальной роли отражение.

Остается еще одна важная проблема, помогающая дать ответ на поставленный в разделе заголовок — были ли сфальсифицированы итоги выборов в состав Центрального Комитета и действительно ли Сталин при голосовании получил огромное количество голосов против. В историографии данного аспекта проблемы также наблюдается разногласия. Истоки ее, как и вообще в целом всей рассматриваемой проблемы, коренятся в факторах, уже затронутых мною выше. Я не ставлю перед собой задачу внести что-либо новое в фактологическую сторону исследуемой темы. Она, как мне представляется, весьма убедительно раскрыта в информационно-аналитическом материале, подготовленном группой сотрудников бывшего Центрального партийного архива и заслуживает того, чтобы изложить основные положения и выводы их работы.

⁵³ О. В. Хлевнюк. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. С. 121.

⁵⁴ Там же. С. 121–122.

⁵⁵ Алла Кирилина. Неизвестный Киров. Мифы и реальность. СПб. – М. 2001. С. 315–316.

Как отмечают авторы публикации, сообщения о возможной фальсификации итогов голосования при выборах на XVII съезде партии впервые появились в печати в 60-х гг., когда стала широко известна трагическая судьба многих делегатов XVII съезда. Ее разделили и члены центральных органов партии, избранных на этом съезде. На XVII съезде в состав ЦК ВКП(б) были избраны 71 член ЦК и 68 кандидатов в члены ЦК. По установленным данным, подверглись необоснованным репрессиям и расстреляны 44 члена ЦК и 53 кандидата в члены ЦК, то есть почти 70% состава ЦК⁵⁶.

В опубликованной 7 февраля 1964 г. в «Правде» статье Л. С. Шаумяна «На рубеже первых пятилеток К 30-летию XVII съезда партии», в частности, утверждалось, что против кандидатуры И. В. Сталина голосовало более 300 делегатов съезда. С тех пор версия о фальсификации итогов выборов на XVII съезде ВКП(б) неоднократно всплывала как в статьях историков и публицистов, так и в художественных произведениях. Причем такое голосование объяснялось стремлением делегатов XVII съезда сместить И. В. Сталина с поста Генерального секретаря ЦК ВКП(б) и заменить его С. М. Кировым.

Какие же документальные материалы приводились в подтверждение данной версии? «Основным источником, питавшим эту версию, были устные и печатные выступления делегата XVII съезда от московской парторганизации В. М. Верховых. Он утверждал, что, будучи членом счетной комиссии съезда, знал об уничтожении тех бюллетеней, в которых кандидатура И. В. Сталина была вычеркнута»⁵⁷. По его словам, «всего было избрано 65 или 75 человек, точно не помню. Тоже не помню, сколько было урн — 13 или 15... В голосовании должно было участвовать 1225 или 1227. Проголосовало же 1222. В итоге голосования наибольшее количество голосов «против» имели Сталин, Молотов, Каганович, каждый имел более 100 голосов «против», точно теперь не помню..., но, кажется, Сталин 125 или 123». Тот же В. М. Верховых сообщал также, что «в процессе работы съезда в ряде делегаций были разговоры о Генеральном секретаре ЦК. В беседе с Косиором последний мне сказал: некоторые из нас говорили с Кировым, чтобы он дал согласие быть Генеральным секретарем. Киров отказался, сказав: надо подождать, все уладится»⁵⁸.

Авторы публикации сообщают, что имелись и противоположные показания. Так, делегат XVII съезда от ленинградской парторганизации К. С. Сидоров в своем объяснении в КПК от 22 июля 1965 г. утверждал: «В период съезда ... никаких разговоров о выдвижении Кирова в Генеральные секретари я не слышал, да и не могли они высказываться». Об этом же писала в КПК делегат XVII съезда А. Г. Слинко: «Я твердо помню, что никаких разговоров о выдвижении Кирова на пост генсека вместо Сталина я не слышала»⁵⁹.

Не менее противоречивы заявления и по поводу итогов голосования. Так, член счетной комиссии XVII съезда, делегат от московской парторганизации Н. В. Андреасян в своем объяснении писал: «Помню наше возмущение по поводу того, что в списках для тайного голосования были случаи, когда фамилия Сталина оказалась вычеркнутой. Сколько было таких случаев, не помню, но, кажется, не больше трех фактов». Другой член счетной комиссии, делегат XVII съезда от сталинградской парторганизации С. О. Виксинин указывал: «Сколько против Сталина было подано голосов — не помню, но отчетливо припоминаю,

⁵⁶ Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. М. 2002. С. 153.

⁵⁷ «Известия ЦК КПСС.» 1989 г. № 7. С. 114.

⁵⁸ Там же. С. 115.

⁵⁹ Там же. С. 117.

что он получил меньше всех голосов «за». Делегат XVII съезда от Белоруссии К. К. Ратнек: «Среди делегатов были разговоры, что против Сталина было подано несколько голосов, что-то около 5 — 6. Делегат XVII съезда от восточносибирской парторганизации Я. М. Страумит: «Против Сталина было 2 — 4 голоса, точно не помню».

Словом, картина вырисовывается вполне определенная — ничего достоверно определенного на основании таких свидетельств установить просто невозможно. Остается только развести руками и сказать, что в основу каких-либо серьезных заключений такие свидетельства ни в коем разе положены не могут быть. Это ясно, как божий день!

Авторы информационно-аналитического материала приводят данные, заверенные подписями председателя (им был делегат от Украины В. Затонский, впоследствии репрессированный) и секретаря счетной комиссии. Согласно этим данным, все предложенные кандидатуры получили абсолютное большинство голосов «за». Единогласно были избраны в состав ЦК ВКП(б) только М. И. Калинин и И. Ф. Кодацкий. «За» И. В. Сталина было подано 1056 голосов (следовательно, «против» было 3 голоса), «за» С. М. Кирова — 1055 голосов («против» 4)⁶⁰.

«Являются ли эти итоги голосования реальными или фальсифицированными?» — ставится вопрос в материале. И дается ответ — «Категорически ответить на этот вопрос сегодня невозможно». Дело в том, что в ходе проверки выяснилось, что число розданных бюллетеней не соответствовало числу делегатов — исчезла ли куда-то часть проголосованных бюллетеней, или 166 делегатов с правом решающего голоса по каким-либо причинам не приняли участия в голосовании. Вопрос остается открытым и его невозможно разрешить при помощи всякого рода гипотез или логических умозаключений. Тем более, как отмечается в материале, заявления делегатов съезда чрезвычайно противоречивы, неопределенны и также не проясняют вопрос.

Квинтэссенция проведенного исследования сформулирована таким образом:

«Не дает оснований для подозрений в фальсификации итогов голосования и сама атмосфера XVII съезда. Названный в то время «съездом победителей», он проходил в обстановке постоянных славословий и оваций в честь И. В. Сталина. Причем в таком же духе была построена и речь С. М. Кирова.

Наиболее убедительным, на первый взгляд, аргументом в пользу фальсификации итогов голосования является сама трагическая судьба многих делегатов съезда. Но только — на первый взгляд. Было бы слишком упрощенно объяснять сталинскую расправу над ленинской гвардией партии его «обидой» на те или иные итоги голосования. Причины незаконий и произвола 30-х годов, несомненно, глубже и еще ждут скрупулезных исследований»⁶¹.

Процитированный материал лучше всяких рассуждений и домыслов позволяет придти к какому-то определенному мнению. Его выразить можно кратко — документальная база, которая дала бы веские и достоверные доказательства фальсификации выборов на съезде и попытки путем голосования выразить вотум недоверия Генеральному секретарю, отсутствует. И ее нельзя ничем заменить. Поэтому рассуждения на эту тему носят большей частью умозрительный характер и не вправе расцениваться как отвечающие критериям исторической истины.

⁶⁰ "Известия ЦК КПСС." 1989 г. № 7. С. 121.

⁶¹ Там же.

Отличительной чертой поведения Сталина в этот период было то, что он внешне демонстрировал мнимую либеральность, готовность прощать своих противников и даже протянуть им нечто вроде оливковой ветки мира. Таким жестом с его стороны явилось включение Бухарина и Рыкова в состав кандидатов в члены вновь избранного ЦК. Позднее, в 1937 году, один из участников пленума ЦК говорил: «Ведь не секрет, что весь съезд был против введения правых, в том числе Бухарина и Рыкова, в состав кандидатов ЦК, был против оставления правых в ЦК и только благодаря вмешательству членов Политбюро и лично т. Сталина XVII съезд партии избрал их в кандидаты ЦК»⁶². Сталину, конечно, было выгодно предстать в тоге миролюбца, человека, напроць лишенного чувства мстительности, в чем его упрекали Троцкий и многие другие оппоненты.

Состоявшийся после съезда пленум ЦК ВКП(б) избрал исполнительные органы — Политбюро, Оргбюро и Секретариат. Их состав однозначно свидетельствовал не только о полном сохранении Сталиным своих властных позиций, но и о их дальнейшем укреплении. Членами ПБ были избраны Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Калинин, Орджоникидзе, Куйбышев, Киров, Андреев и Косиор; кандидатами в члены Политбюро были избраны Микоян, Чубарь, Петровский, Постышев и Рудзутак. Причем надо особо подчеркнуть, что впервые члены ПБ были перечислены не в алфавитном порядке, как это имело в прошлом, а в порядке, так сказать, значимости и веса в партийной иерархии. По сравнению с прежним составом в Политбюро вошел Андреев — верный соратник вождя. Он заменил Рудзутака, переведенного в ранг кандидатов. Персональный список Оргбюро, включавшего 12 человек, открывал также Сталин. Обращает на себя внимание тот факт, что в состав Оргбюро был избран Н. И. Ежов. Определенные изменения мы наблюдаем в составе Секретариата, он был сокращен до четырех человек. На первом месте стоял Сталин, далее следовали Каганович, Киров (который сохранил за собой пост первого секретаря Ленинградской парторганизации) и Жданов (освобожденный от обязанностей первого секретаря Горьковского крайкома)⁶³.

Всех буквально поразило, что Сталин был назван всего лишь секретарем ЦК, а не Генеральным секретарем, как это было на всех съездах, начиная с XI съезда. Все гадали — что за этим кроется: не очередной ли хитрый маневр вождя? Каких-либо официальных разъяснений не последовало. Да, собственно, их и нельзя было ожидать. С чисто формальной точки зрения, в соответствии с уставом партии, такого поста вообще не существовало. Это была практика, введенная после XI съезда, так сказать, рабочим порядком — в последующих редакциях устава партии нигде даже не упоминалось само существование такой партийной должности. Поэтому усматривать в новации, введенной XVII съездом, какую-то чуть ли не политическую или организационную революцию, нет никаких оснований. Это, разумеется, с сугубо формальной точки зрения. По существу же этот шаг был тщательно продуман Сталиным. Я склонен считать, что такой поступок Сталина был продиктован довольно простым расчетом.

Он твердо и безоговорочно занял место первого и неоспоримого лидера партии, среди секретарей числился первым, и это как бы подчеркивало официально его положение. Но главное состояло в том, что ему, видимо, уже надоело время от времени слышать от своих реальных и потенциальных противников ссылки на Завещание Ленина с предложением о

⁶² "Вопросы истории". 1992 г. № 8–9. С. 18.

⁶³ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. С. 607.

замене его на посту Генерального секретаря. И поскольку сама должность как бы формально ликвидируется, то и автоматически становятся бессмысленными и беспочвенными любые разговоры о его замене на посту генсека. С точки же зрения реальной власти и реальных полномочий данная новация абсолютно ничего не меняла ни в политическом, ни в организационном, ни с каком-либо другим отношении. Для Сталина куда важнее и значимее стала формально нигде не прописанная, но твердо закрепленная за ним «новая должность» — вождя партии. И эта должность, вернее этот статус, был несоизмерим с постом просто генсека. Должность генсека в его глазах являлась уж не атрибутом и символом его власти, а скорее в некоторой степени обузой, связанной с грузом прошлых прегрешений перед Лениным. Именно в таком контексте мне видится не случайное исчезновение из партийных документов поста Генерального секретаря. Такое звучное наименование имело для него смысл, когда он боролся за власть. Ныне он обладал таковой, и какие-либо дополнительные формальные подтверждения его нового статуса ему просто были не нужны.

В заключение раздела хочу высказать ряд соображений по поводу того, является ли версия о попытке смещения Сталина с поста Генерального секретаря накануне и во время XVII съезда партии мифом или реальностью. Сразу же замечу, что на все 100% утверждать, что такая вероятность вообще была исключена, я, конечно, не могу, ибо в истории даже малейшая возможность порой становится реальностью — все зависит от множества факторов и стечения обстоятельств, не поддающихся учету.

Однако я твердо уверен в том, что это — скорее миф, чем реальность, которая не нашла своего осуществления. Постараюсь подтвердить свою мысль некоторыми доводами. Вкратце они сводятся к следующему.

Во-первых, Сталин к тому времени держал под своим твердым контролем весь партийный аппарат сверху донизу. В целом его политический курс — и это главное — доказал свою жизненность и перспективность. Несмотря на проявления недовольства со стороны отдельных групп населения, страна в своей массе поддерживала курс на строительство нового общественного строя. Сам же вождь стал не просто выразителем этого курса, но и его олицетворением. И в таких условиях смещение Сталина было бы равносильно признанию ошибочности проводившейся прежде линии во всех областях социалистического строительства. Образно говоря, это был бы не удар по Сталину, а серьезнейший удар по курсу на созидание нового строя. И как бы ни были недовольны противники вождя его политикой и личными качествами, они не могли не принимать в расчет этого, самого важного соображения.

Во-вторых, Сталину в тот период не было серьезной альтернативы. Его соратники скорее светили отраженным от вождя светом и не могли рассчитывать на какую-либо значительную политическую роль и самостоятельность. Версия с кандидатурой Кирова выглядит малоубедительной, а по существу несостоятельной. Рассчитывать же на успех в серьезной политической схватке без наличия реальной альтернативной фигуры — значило играть в политические игры, а не заниматься большой политикой.

В-третьих, хотя страна и вышла из полосы тяжелых трудностей, все же говорить о полной стабилизации положения было нельзя. Как нельзя было исключить и возможности неожиданных крутых поворотов в худшую сторону, имея в виду не только внутреннее развитие, но и международную обстановку. Как говорится, лошадей на переправе не

меняют. А страча, если говорить в широком историческом смысле, еще не полностью преодолела сложнейшую социально-экономическую переправу от капитализма к социализму. Так что и по этому параметру шансы на смещение Сталина были малы.

В-четвертых, ничтожно мало имелось шансов забаллотировать Сталина на выборах в ЦК. Даже если бы против него голосовало и более 300 делегатов, то это еще не означало, что он потерпел полное поражение. Конечно, это был бы удар по его престижу, но никак не политическое фиаско всеобщего масштаба. В его руках оставались основные рычаги и партийной, и государственной власти. Наконец, под его личным контролем находился аппарат ОГПУ (НКВД). А без этих инструментов всякого рода попытки дворцовых закулисных переворотов превращались лишь в потешные игры дилетантов от политики.

Глава 11

ПОЛИТИКА СТАЛИНА В СЕРЕДИНЕ 30-Х ГОДОВ

1. Макиавеллизм или политический реализм?

В предшествующих главах, как мог убедиться читатель, в эпицентре внимания находились проблемы борьбы Сталина со своими политическими противниками и разного рода оппонентами из различных спектров тогдашней большевистской правящей верхушки. Конечно, эту верхушку можно было бы назвать, пользуясь современной модной терминологией, элитой. Но в приложении к реальностям тех лет это понятие воспринималось бы как искусственное и надуманное, поскольку весь смысл и цель политики партии состоял как раз в том, чтобы экономическими и политическими средствами, и прежде всего с помощью целенаправленной государственной политики, ликвидировать элитарную структуру общества. Строительство нового общественного строя предполагало создание условий, начисто исключающих возможность появления всякого рода привилегированных слоев и прослоек общества. Такова была официально провозглашенная цель. Однако в реальной жизни уже вполне явственно вырисовывались прямо противоположные тенденции формирования и развития главных устоев общественного бытия.

Видимо, в самой природе общественного процесса, если его рассматривать как закономерное историческое явление, а не просто как результат тех или иных действий власти, имманентно заложены истоки и предпосылки постепенного складывания и дальнейшего развития элементов неравенства. Как идея — создание общества, базирующегося на принципах всеобщего равенства и всеобщей справедливости — конечно, вещь привлекательная. Иначе она не была бы могучим побудительным мотивом, под непосредственным воздействием которого протекал весь ход исторических событий в самые разные эпохи и в самых различных странах. Однако от привлекательной идеи, идеодвигателя истории, до реальной практики общественного развития, как говорят, — дистанция огромного размера. И еще никем не доказано, а практикой не удостоверено, что сама эта идея в принципе реализуема.

Это общее положение непосредственно и в полной мере приложимо и к сталинской эпохе, особенно на зрелых этапах ее эволюции. Процесс образования привилегированных слоев в Советском Союзе начался, собственно, еще во времена Ленина. Однако тогда он имел лишь зачаточный характер и сравнительно ограниченные масштабы. Причем формы привилегий носили довольно скромный характер и зачастую диктовались объективными условиями суровой обстановки. В этом плане они даже имели какое-то, пусть и весьма шаткое, но некое подобие оправдания.

По мере утверждения власти Сталина этот процесс стал обретать устойчивый характер и широкие масштабы. Собственно, многие биографы вождя, особенно резко критически

настроенные по отношению к нему, такие, например, как Троцкий, в формировании партийно-государственной бюрократии усматривают главную опору создававшейся Сталиным системы власти в стране. Главный критик и оппонент Сталина также не совсем ясно и точно представлял себе, как можно свергнуть Сталина, ставя вопрос всего лишь о реформировании системы власти. Пойти на призыв к устранению самой этой системы троцкисты в силу понятных причин не могли, ибо это было бы равнозначно признанию с их стороны порочности самой советской власти.

Установление в советской России принципиально новой системы власти, связанной с именем ее организатора и главного архитектора Сталина, поставило перед его противниками немало довольно щекотливых теоретических и практических проблем. Прежде всего, оппоненты вождя из среды троцкистов попытались представить дело так, будто социальное содержание и основные качественные параметры созданной системы не утратили своего прежнего классового содержания. Поэтому нужно было найти какое-то внешне убедительное логическое объяснение, отталкиваясь от которого, можно было обосновать не только допустимость, но и историческую необходимость борьбы против Сталина и системы власти, созданной им.

В истории России трудно было найти каких-либо даже самых отдаленных аналогий. Троцкий, как и многие другие, обратили свой взор к истории Франции, давшей в этом плане исключительно богатый материал. Причем классики марксизма-ленинизма в своих работах охотно оперировали примерами и аналогиями из французской истории эпохи великих потрясений и перемен. Особое место здесь занимали как сами революционные приливы, так и отливы, т.е. сочетание и взаимоотношение между революцией и контрреволюцией. Получивший, с легкой руки Маркса, права гражданства тезис о бонапартизме в политическом инструментарии большевизма стал играть роль своего рода палочки-выручалочки: к нему часто и охотно прибегали, чтобы объяснить и чисто внутренние причины резких поворотов в развитии социально-политических процессов, ареной которых являлась Россия в период после свержения царизма.

Когда утверждение власти Сталина стало свершившимся фактом, Троцкий, пытаясь найти классовое объяснение данного явления, не придумал ничего нового, как обратиться к идее бонапартизма как особой форме правления, возникающего на базе наличия определенных исторических условий. Его мало тревожило то обстоятельство, что в данном случае он произвольно переносил на русскую почву явления, имевшие сугубо французский характер. Впрочем, данное мое замечание нельзя трактовать абстрактно и в абсолютной форме, поскольку отдельные элементы бонапартизма могут возникать и находить свое отражение в практике общественного развития и в других, кроме Франции, странах. Однако во всем должна соблюдаться мера, и тогда исторические аналогии не будут выглядеть надуманными или притянутыми за уши.

Троцкий следующим образом определял социальную сущность сталинского режима: «Сталинская фракция вынуждена снова и снова «окончательно» истреблять «остатки» старых и новых оппозиций, применять все более сильно действующие средства, пускать в оборот все более отвратительные амальгамы. В то же время, сама эта фракция все более поднимается над партией и даже над бюрократией; она открыто провозглашает чисто бонапартистский принцип непогрешимого пожизненного вождя. Единственной добродетелью революционера признается отныне верность вождю»¹.

¹ "Бюллетень оппозиции" 1935 г. № 41. (Электронный вариант).

У Троцкого, как это с ним случалось весьма часто, концы с концами не вяжутся. Провозглашая целью низвергнуть Сталина и его власть как особую разновидность диктатуры бонапартистского толка, он, тем не менее, категорически выступал против свержения системы советской власти. Остается только сделать единственно логичный вывод: он так до конца и не понял, что система власти Сталина как раз и стала системой советской власти. Они слились в одно неразрывное целое. Вот почему все его призывы на протяжении более чем десяти лет звучали, как глас вопиющего в пустыне.

К тому же, коренной просчет троцкистов и других противников Сталина, считавших его режим бонапартистским, заключался в том, что этот режим делал ставку на трудящиеся классы. И именно в силу данного обстоятельства он не может быть причислен к режимам бонапартистского толка. Рабочий класс и кооперированное крестьянство являлись прочным социальным фундаментом сталинского режима. Это, впрочем, не исключает того, что другие партийные и государственные инструменты играли важную, а порой и решающую роль в обеспечении устойчивости власти Сталина. В его распоряжении была партия, пронизывавшая буквально все поры общественной жизни страны, другие массовые организации, такие, как комсомол, профсоюзы и т. д. Наконец, он располагал достаточно эффективным контролем над всеми структурами органов государственной власти и управления. И, бесспорно, ключевую роль здесь играли органы государственной безопасности. Ниже я более детально остановлюсь на теме взаимоотношений и взаимодействия между Сталиным и службами государственной безопасности. Здесь же я хочу оттенить одну мысль — эти органы не просто находились под прямым контролем Сталина, но и этот контроль дополнялся и подкреплялся общепартийным контролем над ОГПУ, а затем НКВД. Система контроля строилась таким образом, чтобы эти органы в какой-то прекрасный момент не могли обрести самостоятельность и не стали претендовать на то, чтобы быть не просто инструментом реализации определенного политического курса, а самим диктовать характер и направление этого курса.

Иными словами, чисто умозрительная, построенная на абстрактных понятиях, оценка природы власти Сталина не выдерживает серьезной проверки фактами. В этой связи проводить какую-то аналогию между сталинизмом и макиавеллизмом (что нередко встречается в литературе, посвященной Сталину и сталинизму как уникальному историческому феномену) — значит намеренно или не намеренно примитивизировать сложную и многоплановую проблему. Сталинизм как система власти, конечно, кое в чем заимствовал идеи Макиавелли. Да и не только Макиавелли! Ведь в числе авторов, посвятивших свои труды искусству управления государственными делами, было немало и других политических мыслителей. Начиная с древнекитайских и античных философов, римских императоров, средневековых авторов и просветителей нового времени. Так что арсенал, из которого Сталин мог черпать свои познания в области управления государственными делами, представлял поистине бездонную кладезу мудрости.

Прежде чем приступить к общему обзору реальных достижений страны, ставших возможными в результате воплощения в жизнь сталинского генерального курса в первой половине 30-х годов, следует вкратце остановиться на одном принципиально важном вопросе. В обширной литературе о Сталине почти что аксиоматичным с легкой подачи Троцкого стал тезис, согласно которому фундаментом сталинской власти явилась постоянно расширявшаяся прослойка партийных и государственных чиновников и

всякого рода бюрократов, получивших немалые привилегии в новом обществе. Этот постулат представляется весьма шатким и неубедительным. Конечно, глупо отрицать, что без определенной социальной поддержки любой режим, даже самый свирепый диктаторский режим, не может успешно функционировать на протяжении ряда десятилетий. Особенно в периоды глубочайших мировых потрясений и тектонических сдвигов как в самой стране, так и на мировой арене. Поддержки таких, прямо скажем, прослоек, сколь бы многочисленными они ни были, явно недостаточно, чтобы осуществлять грандиозные преобразования, менявшие коренным образом весь привычный облик страны. Здесь нужны были гораздо более значительные социальные тылы, на которые можно было бы опереться в осуществлении столь глубокой и столь широкомасштабной программы, какую выдвинул и отстаивал Сталин.

Притом недостаточно оперировать преимущественно психологическими категориями и ссылками на то, что Сталин искусно использовал советы Макиавелли о том, как государю положено управлять народом, если он хочет добиться успеха. Р. Такер во втором томе своего фундаментального труда о Сталине подчеркивает, что вождь в свое время внимательно проштудировал произведения великого итальянца и сделал из них соответствующие выводы, касающиеся наиболее проверенных методов управления народом². Думается, что при всем уважении к глубине и широте суждений Макиавелли, при объяснении истоков и причин успеха сталинской политики, и в частности, искусства управления им делами государства, проницательных советов мудрого итальянца было явно недостаточно. Ибо здесь мы имеем дело не столько с проблемами самого искусства государственного управления, сколько с искусством осуществления фундаментальных общественных преобразований. А это, как говорится, вещи разные!

К тому же, советы итальянского мыслителя были полезны и применимы к условиям раздробленной феодальными дрязгами средневековой Италии и выглядели анахронизмом в XX веке в приложении к обстановке величайших по своей глубине социально-экономических преобразований. Но в высказываниях великого итальянца — которого, кстати, без всяких на то оснований причисляют к людям, прославлявшим в качестве разумных принципов государственного управления двуличие, подлость и пренебрежение к нормам нравственности, — есть немало действительно здравых суждений, касающихся искусства управления государственными делами. Думается, что вне поля внимания Сталина не остались следующие рассуждения мудрого итальянца относительно умелого сочетания различных способов при осуществлении верховной власти. Так, вполне актуально, особенно к эпохе сталинских преобразований, звучат его следующие слова:

«...Может возникнуть спор, что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись. Говорят, что лучше всего, когда боятся и любят одновременно; однако любовь плохо уживается со страхом, поэтому если уж приходится выбирать, то надежнее выбрать страх. Ибо о людях в целом можно сказать, что они неблагодарны и непостоянны, склонны к лицемерию и обману, что их отпугивает опасность и влечет нажива: пока ты делаешь им добро, они твои всей душой, обещают ничего для тебя не щадить: ни крови, ни жизни, ни детей, ни имущества, но когда у тебя явится в них нужда, они тотчас от тебя отвернутся. И худо придется тому государю, который, доверясь их посулам, не примет никаких мер на случай опасности. Ибо дружбу, которая дается за деньги, а не приобретается величием и

² См. Роберт Такер. Сталин у власти. С. 253.

благородством души, можно купить, но нельзя удержать, чтобы воспользоваться ею в трудное время. Кроме того, люди меньше остерегаются обидеть того, кто внушает им любовь, нежели того, кто внушает им страх, ибо любовь поддерживается благодарностью, которой люди, будучи дурны, могут пренебречь ради своей выгоды, тогда как страх поддерживается угрозой наказания, которой пренебречь невозможно.

Однако государь должен внушать страх таким образом, чтобы, если не приобрести любви, то хотя бы избежать ненависти, ибо вполне возможно внушать страх без ненависти...»³

Сталин в чем-то, безусловно, следовал логике рассуждений итальянца. Однако не следует впадать в преувеличения и думать, будто его политика основывалась на макиавеллизме. Фундаментальной предпосылкой всей политической философии Сталина была и всегда оставалась ставка не на какую-то узкую группу лиц, а на самые широкие слои населения. И дело здесь не только и даже не столько в том, что зачастую меры, проводимые им в жизнь, для широких слоев населения Советского Союза оказывались не просто тяжелыми, но и крайне тяжелыми. Однако вождь рассчитывал на понимание и одобрение своего курса, исходя из того, что он сулит народным массам реальные плоды в виде коренных социальных завоеваний, а не привилегий для отдельных категорий граждан. Именно в этом была главная особенность политики Сталина, если рассматривать ее в широкой исторической перспективе.

Противопоставляя идеи макиавеллизма политическому реализму Сталина, я хочу тем самым оттенить такую важную особенность его политической стратегии, как опора не на личности, а на массы. Если бы ему не удалось завоевать более чем широкую массовую поддержку своего политического курса, то вряд ли этот курс привел бы к столь внушительным практическим результатам. Данную истину трудно оспорить даже тем, кто во всей советской истории периода Сталина видит только негативные черты и стороны, концентрирует только на них свое внимание и в итоге рисуется картина, страшнее которой трудно даже представить. Но если бы было так на самом деле, то мы имели бы совершенно иной разворот исторических событий, чем он имел место в реальной жизни.

Несмотря на суровые условия жизни и колоссальные трудности, в стране в целом царил атмосфера величайшего энтузиазма и отнюдь не искусственного исторического пафоса. Широкие массы населения страны видели себя создателями невиданного в истории общественного строя. Они были проникнуты духом оптимизма, творческого поиска, решимости и готовности к преодолению любых трудностей во имя достижения поставленной цели. Высокий духовный потенциал советского общества стал той главной движущей силой, которая в конечном счете и предопределила исторические достижения советского народа в тот период. Излагая материал, я стремился к тому, чтобы успехи не играли роль прикрытия и оправдания серьезных просчетов, ошибок и преступлений сталинского режима. Лицевая сторона медали не должна заслонять собой и обратную ее сторону. Но самое главное заключается в том, чтобы соблюсти верность исторической истине, не допустить того, чтобы отрицательные моменты в истории тех лет заслонили собой поистине невиданные доселе достижения человеческого духа, всенародное стремление построить общество, основанное на идеалах социальной справедливости. А к этому на протяжении многих веков, если не тысячелетий, всегда были устремлены

³ *Никколо Макиавелли. Избранные сочинения. М. 1982. С. 348–349.*

мысли и желания лучших представителей рода людского. Если же выпячивать и ставить на передний план только отрицательные моменты (а их было более чем достаточно), то от настоящей советской истории тех лет не останется ничего. А ведь это была подлинно великая историческая эпоха, в корне изменившая облик всей страны и открывшая ей путь к обретению достойного места в мире, полном опасных подводных рифов и течений.

Конечно, в этом обществе было немало противников советского строя и откровенных врагов новой власти. Но они составляли не столь уж значительную по самым строгим меркам силу, чтобы влиять сколько-нибудь существенным образом на пути развития страны. И еще надо подчеркнуть, что общество в целом не было атомизировано, как это наблюдается при объективном и внимательном анализе положения дел в современной России. И отнюдь не случайными в этом плане выглядят в современной России призывы к поиску национальной идеи. Вообще говоря, национальную идею не ищут и не формулируют. Она всегда является естественным порождением самой жизни и отражает ее главные черты и весь ее смысл. В те времена никто не призывал к поиску какой-то сплывающей, цементирующей общество идеи. Она витала в воздухе как реальность и объединяла людей. Этой идеей было созидание нового общественного строя. И советские люди в своем подавляющем большинстве ощущали себя пионерами процесса исторического переустройства мира на началах социальной справедливости.

Я несколько увлекся рассуждениями на, казалось бы на первый взгляд, абстрактные темы. В действительности же они в рассматриваемый период не являлись таковыми. Они носили сугубо реальный и практический характер. Сталин как раз и черпал свои политические ресурсы в новом духовном состоянии российского общества. Он — и это представляется более чем очевидным — умело использовал, можно даже сказать, эксплуатировал царивший в стране энтузиазм, превращая его в мощный ресурс для реализации своих политических планов. Упрекать его в этом и раздражаться бессодержательными филиппиками в связи с таким поведением вождя неуместно и даже глупо. Как показывает исторический опыт, в политике использование такого ресурса — явление не уникальное и не экстраординарное, а типичное, и свойственно оно в той или иной степени и в той или иной мере всем обществам и всем политическим деятелям. Так что Сталин не является каким-то исключением.

Но надо заметить, что делал это вождь достаточно умело, соблюдая необходимый такт и чувство меры. В своей тогдашней повседневной деятельности он старался вести себя скромно и лично не выпячивал свою собственную персону. Правда, нельзя забывать и о том, что буквально вся страна тогда была своего рода сценой, где в роли и главного режиссера, и основного актера выступал неизменно один человек — Сталин. Одним из важных атрибутов культа его личности, набиравшего все большую силу, стала персонификация всего политического курса страны с именем Сталина. Видимо, таким путем вождь не только стремился придать дополнительный вес своему влиянию, но и раз и навсегда связать задачу построения социализма со своим именем.

Об этом он, не демонстрируя ложную скромность, сам писал в письме Кагановичу и Молотову, давая указание, как следует освещать процесс Зиновьева — Каменева в печати. «Надо было сказать в статьях, что борьба против Сталина, Ворошилова, Молотова, Жданова, Косиора и других есть борьба против Советов, борьба против коллективизации, против индустриализации, борьба, стало быть, за восстановление капитализма в городах и

деревнях СССР. Ибо Сталин и другие руководители не есть изолированные лица, — а олицетворение всех побед социализма в СССР, олицетворение коллективизации, индустриализации, подъема культуры в СССР, стало быть, олицетворение усилий рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции за разгром капитализма и торжество социализма»⁴.

И это была не столько дань личному тщеславию вождя (которого, как свидетельствуют факты, он отнюдь не был лишен), сколько тщательно продуманный политический расчет, дававший, по его убеждению, дополнительные возможности для полной реализации задуманных планов. А о своих планах, имевших долговременный характер, он предпочитал не распространяться, храня их в величайшем секрете.

Сталин хотел, чтобы между ним как вождем партии и лидером государства и народом не было пропасти. Он желал и делал все возможное, чтобы его воспринимали не как личность, стоящую над всеми, а как человека, выполняющего выпавшую на его долю историческую миссию. Мол, не он, так другой делал бы то же самое. Поэтому частенько прибегал к довольно дешевым способам показной демонстрации своей большевистской скромности. Одним из малоизвестных примеров этого служит эпизод с идеей издания собрания его сочинений.

Как уже упоминалось выше, его основные оппоненты в период междуцарствия — Троцкий, Зиновьев и Каменев — выпустили многотомные издания своих сочинений. Благо, все они отличались не столько глубокими теоретическими познаниями и талантами (исключая, конечно, Троцкого), но и чрезмерной политической словоохотливостью. Так что ими было написано и наговорено довольно много, и было из чего составлять собрания сочинений. Сталин же в этом отношении продемонстрировал не только и не столько скромность, но и чувство здравого смысла. Во-первых, он не хотел в данном случае походить на своих поверженных соперников. Во-вторых, этим своим нежеланием он как бы подчеркивал, что является лишь верным учеником Ленина и следует его примерам скромности и отсутствия политического тщеславия.

Один из самых (если не самый рьяный) сталинский подхалим и льстец Е. Ярославский в 1934 году публично выступил с предложением приступить к изданию собрания сочинений вождя. Однако этот акт лизоблюдства не был воспринят Сталиным. С его явного одобрения та часть выступления Е. Ярославского, которая содержала данное предложение, была опущена при публикации. Но льстецы и подхалимы в своем рвении неустойчивы. Е. Ярославский обратился с письмом к Кагановичу, в отсутствие Сталина в Москве занимавшегося текущими партийными делами. Он пытался аргументировать свое предложение ссылками на историю издания собрания сочинений Ленина. Вот что он писал в своем послании:

«20 января 1934 г.

Дорогой Л. М.

Я вчера говорил с Вами о напечатании в «Правде» моего выступления. Я об этом пишу потому, что т. Мехлис (бывший работник аппарата генсека, назначенный в то время редактором газеты «Правда» — Н. К.) со ссылкой на разговор с Вами, сообщил мне, что он считает неудобным печатать мое предложение об издании собрания сочинений т. Сталина. Правильно ли это? Лично я думаю, что это неправильно. Напомню, что и Ленин не очень одобрял такое решение, а партия все-таки решила печатать полное собрание сочинений

⁴ Сталин и Каганович. Переписка. С. 664–665.

Ленина. Вряд ли и Московская областная конференция поймет, почему это предложение не может быть опубликовано. Просьба переговорить со мною об этом»⁵.

В дальнейшем тема издания сочинений Сталина всплывала неоднократно. Причем, как правило, ее поднимали ближайшие соратники вождя, стремившиеся таким способом снискать благосклонность к своим собственным персонам. Но она так же не находила своего логического завершения ввиду сопротивления со стороны вождя. Однако ближайшие сподвижники не утрачивали своего пыла и не умеряли свое рвение. Они состязались друг с другом в восхвалениях Сталина в переписке между собой. К примеру, К. Ворошилов в 1933 году в письме А. Енукидзе — одному из тогдашних ближайших друзей Сталина — восторженно писал: «Замечательный человек, наш Коба. Просто непостижимо, как он может сочетать в себе и великий ум пролетарского стратега, и такую же волю государственного и революционного деятеля и душу совсем обыкновенного, простого, доброго товарища, помнящего всякую мелочь, обо всем заботящегося, что касается людей, которых знает, любит, ценит. Хорошо, что у нас есть Коба!»⁶

В дополнение приведу письмо Сталина, в котором он со свойственной ему резкостью, протестует против публикации в центральной советской печати информации о посещении корреспондентом газеты матери Сталина и беседе с нею. Вот текст его телеграммы, которую следует расценивать и как выговор своим соратникам, и как директиву на будущее:

«Москва. ЦК ВКП(б).

Молотову, Кагановичу, Андрееву, Жданову, Талю. (Последний тогда работал в ЦК партии зав. отделом печати — Н. К.)

Прошу воспретить мешанской швали, проникшей в нашу центральную и местную печать, помещать в газетах «интервью» с моей матерью и всякую другую рекламную дребедень вплоть до портретов. Прошу избавить меня от назойливой рекламной шумихи этих мерзавцев. Сталин. 29/X.35г»⁷.

Выше приведены некоторые документы с одной единственной целью — показать, что Сталин, прекрасно отдавая себе отчет в том, что его фигура находится под освещением мощных прожекторов советского и мирового общественного мнения, прилагал усилия, чтобы не выглядеть смешным и одиозным, снедаемым тщеславием, деятелем. Он порой сдерживал потуги своих апологетов, проявлявших неумное усердие в его восхвалении, имея в виду желание, чтобы в мире в целом, и особенно у советской общественности, не сложилось неблагоприятное впечатление о нем. Играть роль скромного, но достаточно хорошо осознающего свою историческую миссию человека, — это была характерная черта его политического поведения. Особенно в 20-е и 30-е годы.

Завершая этот небольшой, но, на мой взгляд, важный с точки зрения осмысления природы сталинского политического мышления раздел, стоит подчеркнуть следующее. Сталин, бесспорно, не был харизматическим лидером — ни по своим личным качествам, ни по другим параметрам, которые предъявляются к лидерам такого толка. Но и сама историческая эпоха, в которую разворачивалась его деятельность, особенно и не нуждалась в лидерах харизматического склада. Иные были времена, суровая действительность как-то

⁵ Советское руководство. Переписка. 1928 – 1941. С. 266.

⁶ Там же. С. 241.

⁷ Сталин и Каганович. Переписка. С. 617.

отодвигала на второй план такие критерии, как харизматичность вождя или его чисто внешние данные. Сама система власти как раз и базировалась на примате масс над личностью, в силу чего и личность как бы отступала в тень. В приложении к Сталину даже само это выражение «отступить в тень» звучит как-то парадоксально, поскольку он всегда находился в центре внимания и сама его власть отбрасывала свою тень на жизнь всей страны, на все процессы, происходившие в ней. Грандиозные события той эпохи сами как бы высвечивали роль вождя, а деяния его самого накладывали свой отпечаток на картины той исторической эпохи. И в итоге складывалось поистине сложное историческое полотно, в мозаике которого уже на протяжении ряда десятилетий пытаются разобраться историки и литераторы, ученые и простые обыватели.

2. «Жить стало лучше, жить стало веселее»

Успехи и проблемы в развитии промышленности. В соответствии с разработанным на основе указаний Сталина и на базе всестороннего обсуждения с учетом ошибок и уроков прошлого план второй пятилетки успешно осуществлялся. Причем надо подчеркнуть, что исходные позиции для экономического развития страны коренным образом отличались в лучшую сторону от условий времен первой пятилетки. Главное заключалось в том, что был создан надежный фундамент социалистической экономики, завершено строительство многих невиданных до сих пор крупных промышленных предприятий. Опыт первой пятилетки сыграл неоценимую роль в организации машинного производства на базе передовой техники. Принципиально важное значение не только с точки зрения экономических параметров, но и с точки зрения морально-политической имело то, что были достигнуты значительные успехи в подготовке кадров инженеров, техников, квалифицированных рабочих, специалистов нового профиля, в которых так нуждались все отрасли экономики. В целом можно было констатировать решение, хотя и не совсем в полном объеме, главной социально-экономической и политической задачи, важность которой Сталин неизменно выдвигал на первый план — укрепление экономической независимости страны. Логическим следствием того, что Советский Союз освоил многие виды производства, стало сокращение импорта. А ведь в первой пятилетке несоразмерные с возможностями государственной экономики размеры импорта существенно сказывались не только на общей ситуации в экономике страны, но и непосредственно на материальном положении широких масс как городского, так и сельского населения. Ведь в значительной степени импорт обеспечивался поставками за рубеж продукции сельского хозяйства, прежде всего хлеба, в котором страна сама испытывала большую нужду. Проблема заключалась не только в том, что ряд лет были неурожайными, но и в том, что колоссальными темпами росла численность городского населения, вызванная процессом индустриализации. К середине 30-х годов Советский Союз осуществлял ввоз в основном лишь сложных станков, высококачественной стали, цветных и редких металлов, каучука. Отрадным фактом явилось и то, что внешняя торговля в отличие от предыдущего пятилетия характеризовалась уже не отрицательным, а положительным балансом.

Приведенная выше общая оценка не должна вводить в заблуждение и создавать у читателя впечатление, что все главные проблемы были уже решены и следует лишь и дальше двигаться по намеченному пути. Трудностей и проблем существовало множество, и по мере дальнейшего развития они не только не исчезали, но и усложнялись, принимая новые формы. Сталин в своих выступлениях постоянно повторял, что нет никаких оснований для самоуспокоения и зазнайства, а тем более бахвальства. И это напоминание воспринималось особенно актуально перед лицом новых, еще более грандиозных задач, выдвигавшихся перед страной в ходе коренной реконструкции народного хозяйства. Важным моментом был и процесс изменения общей мировой обстановки, когда все отчетливее вырисовывались не на столь отдаленном горизонте новые суровые международные реальности, таившие в себе нарастающую угрозу войны. Все эти факторы требовали всестороннего учета и внесения соответствующих коррективов в народнохозяйственные планы.

Сталин ориентировал партию и страну на необходимости сосредоточивать основное внимание на решающих участках технической реконструкции: энергетике и машиностроении, черной и цветной металлургии, топливной промышленности и транспорте. Именно решение узловых проблем — освоение новой техники и новых производств — должно было обеспечить выполнение второй пятилетки. Однако решение этих проблем упиралось в наличие достаточного числа подготовленных кадров. Невиданное по масштабам и темпам насыщение промышленности и транспорта новой техникой само по себе ничего не значило без наличия кадров соответствующего уровня. Численность рабочего класса (а она возрастала миллионами) не решала всех вопросов дальнейшего экономического прогресса, особенно принимая во внимание, что новые рабочие являлись вчерашними крестьянами и не имели нужных профессиональных навыков. Если в первой пятилетке вопрос о специалистах пытались решить за счет привлечения иностранных кадров, то в новых условиях эта мера уже не могла удовлетворить потребности страны. Хотя надо подчеркнуть, что иностранные специалисты сделали немало полезного для нашего развития, внося тем самым (часто не в силу своего желания, а в силу реальных обстоятельств жизни) свой посильный вклад в дело строительства нового общественного строя. Ставка на привлечение иностранных специалистов имела как свои плюсы, так и минусы. Сталин прекрасно сознавал это. Он считал, что с опорой на иностранных специалистов фундаментальных проблем экономического подъема государства никогда не решить. Тем более, что такой метод решения проблемы сам по себе ставил страну в известную зависимость от внешних сил, а это в корне противоречило его курсу на создание самодостаточной экономической системы. И дело здесь не только и не столько в подозрительности вождя и в его отрицании возможности строить новый общественный уклад с помощью преимущественно буржуазных спецов. Само международное положение Советского государства настоятельно диктовало необходимость опоры на собственные силы. И, надо признать, что эта стратегическая линия оказалась единственно правильной и вполне себя оправдала в дальнейшем, когда государство оказалось в состоянии войны.

Следует воздать должное Сталину, который всем своим весом и авторитетом поднял вопрос о кадрах на уровень важнейшей экономической, политической, партийной и государственной задачи. Именно в подготовке кадров он усматривал то звено, ухватившись

за которое можно было вытащить всю цепь: быстрое насыщение промышленности и транспорта новой техникой, а также увеличение численности рабочих. Сталин всегда держал ключевые вопросы экономического развития страны в поле своего пристального внимания. Не случайно, что наиболее важные, можно сказать фундаментальные лозунги и директивы по вопросам экономического развития, исходили из его уст. Так, в начале 1931 года он выдвинул задачу овладения техникой. «Большевики должны овладеть техникой. Пора большевикам самим стать специалистами. Техника в период реконструкции решает всё»⁸. И эта установка вождя довольно быстро трансформировалась в целостную и продуманную систему государственных мер по внедрению новой техники. Однако экономика не стояла на месте, ее динамичное развитие ставило все новые и новые проблемы, причем с каждым годом это были все более сложные проблемы. И решать их необходимо было безотлагательно, можно сказать, в авральном порядке, хотя и без изъяснов и промахов, присущих таким методам. Значение выдвинутой вождем задачи состояло в том, что оно положило конец пренебрежительному отношению к технике со стороны хозяйственников-коммунистов, повернуло хозяйственников-коммунистов лицом к технике, открыло новую полосу борьбы за овладение техникой силами самих большевиков и облегчило тем самым дело осуществления реконструкции народного хозяйства.

Сталин постоянно держит руку на пульсе экономического здоровья и развития страны. Он с удивляющей многих прозорливостью умел выделить ключевые, решающие моменты, от которых непосредственно зависело дело социалистической реконструкции народного хозяйства. Так, выступая в декабре 1934 года, он подчеркивал:

«Многие неправильно поняли лозунг партии: «Техника в период реконструкции решает все». Многие поняли этот лозунг механически, то есть поняли в том смысле, что ежели нагромоздить побольше машин, то этим будто бы будет сделано все, что требуется этим лозунгом. Это неверно. Нельзя технику отрывать от людей, приводящих технику в движение. Техника без людей мертва. Лозунг «Техника в период реконструкции решает все» имеет в виду не голую технику, а технику во главе с людьми, овладевшими техникой. Только такое понимание этого лозунга является правильным. И поскольку мы уже научились ценить технику, пора заявить прямо, что главное теперь — в людях, овладевших техникой. Но из этого следует, что если раньше однобоко делали ударение на технику, на машины, то теперь ударение надо делать на людях, овладевших техникой. Этого требует наш лозунг о технике. Надо беречь каждого способного и понимающего работника, беречь и выращивать его. Людей надо заботливо и внимательно выращивать, как садовник выращивает облюбванное плодое дерево. Воспитывать, помогать расти, дать перспективу, вовремя выдвигать, вовремя переводить на другую работу, ежели человек не справляется со своим делом, не дожидаясь того, когда он окончательно провалится. Заботливо выращивать и квалифицировать людей, правильно расставить и организовать их на производстве, организовать зарплату так, чтобы она укрепляла решающие звенья производства и двигала людей на высшую квалификацию, — вот что нам нужно для того, чтобы создать многочисленную армию производственно-технических кадров»⁹.

Отныне на первый план выходила задача подготовки и воспитания кадров. И Сталин дает краткое, но емкое определение этой новой задачи: «...Старый лозунг «техника решает все», являющийся отражением уже пройденного периода, когда у нас был голод в области

⁸ И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 41.

⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 14. Выступление на приеме металлургов. (Электронный вариант).

техники, должен быть теперь заменен новым лозунгом, лозунгом о том, что **«кадры решают все»**¹⁰. (Выделено мной — Н. К.) И, наконец, вождь сформулировал самый гуманистический свой лозунг-директиву — «Надо, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры»¹¹.

Одной из форм подготовки кадров рабочих стали школы фабрично-заводского ученичества. За годы второй пятилетки школы ФЗУ дали стране около полутора миллионов квалифицированных рабочих. Но все-таки главный упор был сделан на приобретении профессии в процессе производства. Сталин конкретизировал свой призыв, придав ему убедительную и вместе с тем лаконичную форму — «кадры, овладевшие техникой, решают все!» По его инициативе данные вопросы находились в центре внимания партийных и государственных органов. Центральным Комитетом была дана директива, чтобы промышленные предприятия и совхозы, в особенности те из них, которые наиболее технически оборудованы, превратились бы в своего рода школу по массовой подготовке и переподготовке неквалифицированных кадров рабочих, мастеров, техников и инженеров.

Особенно широкий размах эта борьба получила после введения обязательной государственной проверки знаний рабочих, обучавшихся техминимуму в кружках и на курсах. О реальных масштабах проделанной работы свидетельствует простой факт: за период 1937 — 1938 гг. технические экзамены сдали свыше 4 миллионов человек¹². Таковы были масштабы этой кампании! Кое-кому ныне она может показаться типичной показухой и очковитательством. Но подобный вердикт — не более чем злопыхательство, основанное на ненависти ко всему советскому. И ничуть не больше! История доказала прозорливость и полную практическую обоснованность проведенных мер. Именно, в частности, благодаря таким мерам наша страна оказалась технически более или менее подготовленной к суровым испытаниям, выпавшим на ее долю в годы войны. Сталин обладал способностью смотреть вперед и заглядывать за горизонты текущих событий. Для политического и государственного деятеля такого формата это — имманентное качество, без наличия которого он просто даже не имеет права именоваться государственным деятелем. А известно, что способность заглянуть за горизонт событий — вещь отнюдь не простая. Еще знаменитый французский моралист Ларошфуко в своих «Максимах» проникательно отмечал: «Нам труднее поверить тому, что лежит за пределами нашего кругозора»¹³.

Конечно, эти высказывания не должны восприниматься как апологетические по отношению к рассматриваемой нами персоне. Объективная оценка — не разновидность или особый вид апологетики. Тот факт, что Сталин обладал широким политическим и государственным кругозором, не решаются открыто отрицать даже многие его противники. Правда, при этом они подчеркивают, что эта его способность скорее была выражением чрезвычайно развитого у него чувства прагматизма. Полагаю, что нет смысла вести полемику по этому поводу, ибо она в данном случае малопродуктивна, а попросту говоря излишня. Факты не перестают быть фактами, если их кто-то отрицает. Особенно по политическим или чисто конъюнктурным соображениям.

¹⁰ *И. В. Сталин. Вопросы ленинизма*. М. 1947. С. 490.

¹¹ Там же С. 491.

¹² *История Коммунистической партии Советского Союза*. Т. 4. Книга вторая. С. 369.

¹³ *Библиотека всемирной литературы. Франсуа де Ларошфуко. Блез Паскаль. Жан де Лабрюер*. Т. 42. С. 106.

Достижения и проблемы в развитии сельского хозяйства. После тяжелых лет начала 30-х годов стабилизация положения в сфере сельского хозяйства и его дальнейшее развитие уже на новой, коллективной базе, выступили в качестве одной из важнейших стратегических задач страны. Естественно, что Сталин особо пристальное внимание уделял, если уместно употребить это понятие, своему детищу — колхозам и совхозам. Здесь накопилось множество проблем, от решения которых зависела продовольственная независимость страны, а говоря более широко — успехи в окончательном утверждении нового общественного строя в целом. Как и в промышленности, здесь в центре внимания стояли вопросы подготовки кадров. Этой проблемой Сталин занимался каждодневно. Несмотря на все трудности ее решить удалось — к концу второй пятилетки в колхозах, совхозах и МТС был создан постоянный и надежный контингент квалифицированных работников.

Именно машинно-тракторные станции стали главным локомотивом развития сельского хозяйства. И в этой области были осуществлены в спешном, но планомерном порядке меры по подготовке необходимых кадров и повышению их профессиональной выучки. В частности, была проведена широкомасштабная проверка квалификации трактористов, итогом которой явилась посылка около 30 тыс. трактористов на учебу и повышение квалификации. Был введен технический минимум, что помогло уже на более солидной основе вести дальнейшую подготовку специалистов. Одновременно развернута была широкая сеть сельскохозяйственных техникумов, различного рода курсов и т. д. В итоге с 1934 по 1937 год для колхозов и совхозов было подготовлено около 1300 тысяч трактористов, более 164 тыс. комбайнеров, около 97 тыс. шоферов. Широко осуществлялась по всей стране подготовка высококвалифицированных специалистов в сельскохозяйственных вузах и техникумах. В результате всех этих мер к концу второй пятилетки было подготовлено 1,6 тысячи специалистов высшей и 94,4 тысячи — средней квалификации. В 390 научно-исследовательских институтах, филиалах и опытных станциях страны действовал почти 10-тысячный отряд научных сотрудников¹⁴.

Одним из узких мест, ставивших препоны росту сельскохозяйственного производства и производительности труда в колхозах, являлись серьезные недостатки в системе оплаты труда. Без наведения должного порядка в этой сфере трудно было рассчитывать на выполнение намеченных во второй пятилетке планов развития сельского хозяйства. По инициативе Сталина здесь были проведены соответствующие реформы, направленные на стимулирование активного и производительного труда колхозников, трактористов, шоферов и других лиц, непосредственно причастных к сельскохозяйственному производству. Параллельно принимались довольно жесткие меры, нацеленные на устранение всякого рода нарушений колхозного устава, ликвидацию таких явлений, как расхищение или неправильное использование материальных фондов, нарушения трудовой и производственной дисциплины. Стали широко внедряться меры материального поощрения тружеников сельского хозяйства. Все это в целом привело к тому, что коренным образом изменилось социальное лицо деревни, произошли фундаментальные сдвиги в психологии колхозников — вчерашних единоличников. Можно было с полным основанием констатировать, что ситуация на селе обрела устойчивую тенденцию к улучшению. Причем важно подчеркнуть, что база, на которой происходили

¹⁴ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Книга вторая. С. 417.

все эти позитивные перемены, отнюдь не сводилась и тем более не исчерпывалась мерами государственно-административного воздействия. Решающую роль здесь играл все возраставший поток капиталовложений в данную отрасль хозяйства. Без этого все предпринимавшиеся усилия, разумеется, были бы неэффективными.

Но надо прямо сказать, что перечисленные выше факторы отнюдь не служили достаточной гарантией как успешного развития сельского хозяйства, так и укрепления колхозной формы хозяйствования. В качестве одного из наиболее злободневных вопросов, кровно затрагивавших в буквальном смысле интересы всех сельских жителей, был вопрос о правильном сочетании общественных и личных интересов тружеников села. В печати тех лет данная проблема обсуждалась с особенной страстью и вызвала большие разногласия. Корень лежал в том, что часть партийных и советских работников, находясь в плену ортодоксальных большевистских догматов, на практике никак не могла смириться с тем, что колхозники имеют свои собственные интересы, зачастую не совпадающие с интересами общественного хозяйства. Такие, с позволения сказать, прямолинейные ортодоксы, наломали немало дров в проведении политики государства на селе. В феврале 1935 года Сталин счел необходимым лично вмешаться в эти споры и сформулировал точку зрения, которая в своем общем виде выглядела абсолютно разумной и приемлемой.

Он, в частности, говорил: «Если у вас в артели нет еще изобилия продуктов и вы не можете дать отдельным колхозникам, их семьям все, что им нужно, то колхоз не может взять на себя, чтобы и общественные нужды удовлетворять и личные. Тогда лучше сказать прямо, что вот такая-то область работы — общественная, а такая-то — личная. Лучше допустить прямо, открыто и честно, что у колхозного двора должно быть свое личное хозяйство, небольшое, но личное. Лучше исходить из того, что есть артельное хозяйство, общественное, большое, крупное и решающее, необходимое для удовлетворения общественных нужд, и есть наряду с ним небольшое личное хозяйство, необходимое для удовлетворения личных нужд колхозника. Коль скоро имеется семья, дети, личные потребности и личные вкусы, то с этим нельзя не считаться. И вы не имеете права не считаться с личными бытовыми интересами колхозников. Без этого невозможно укреплять колхозы. Сочетание личных интересов колхозников с общественными интересами колхозов — вот где ключ укрепления колхозов»¹⁵.

Цитируя все эти высказывания вождя по вопросам дальнейшего укрепления основ кооперативной системы в сельском хозяйстве, я испытываю некоторое беспокойство, связанное вот с чем. У читателя может сложиться впечатление, что я рисую некую идилическую картину, далекую от реальной жизни тех лет. Поэтому необходимо особо оттенить мысль о том, что правильные в своей основе указания Сталина вовсе не означали, что реальные процессы на селе развивались в полном соответствии с этими его советами-директивами. В жизни складывалась — и очень часто — совсем иная ситуация, чем это предусматривалось указаниями сверху. Как говорится, до Бога высоко, а до царя далеко. На местах жизнь текла своим чередом и нередко самые правильные указания оказывались на деле лишь благими пожеланиями.

Полагаю необходимым сделать еще одно важное замечание. Как показала вся эпоха сталинского правления, да и последующая постсталинская эра, Советская власть на всем протяжении своего существования так и не смогла наиболее оптимальным образом

¹⁵ И. В. Сталин. Соч. Т. 14. Из речи на 2-м съезде колхозников-ударников. (Электронный вариант)

решить вопрос о сочетании общественных и личных интересов колхозников. Более чем наглядно об этом говорит тот факт, что вопросы сельского хозяйства на протяжении многих десятилетий постоянно ставились на обсуждение высших органов партийной и государственной власти, принималось бесчисленное множество решений и постановлений, но кардинально решить проблемы сельского хозяйства так и не удалось. Многократно менялись решения о размерах приусадебных участков колхозников, размеры и формы налогообложения, но оптимальным образом решить проблему все же не удавалось. Да и сам Сталин, ставя вопрос о необходимости учета личных интересов колхозников, в силу своих ортодоксальных убеждений все-таки не мог пойти до конца. В душе он рассматривал все это как скрытые уступки частнокапиталистической, мелкобуржуазной психологии крестьянства. Хотя, конечно, публично заявить об этом он не мог по вполне понятным основаниям.

Думаю, что расставленные мною акценты несколько проясняют позицию автора и она не выглядит однозначно апологетической по отношению к общей оценке политики Сталина в области кооперирования. Но тем не менее, следует все-таки не увлекаться голой критикой (большей частью вполне правомерной), а в должной мере видеть как бесспорно крупные, даже исторические по своим масштабам достижения, так и ошибки, трудности и порой даже провалы в проведении этой политики.

О том, что успехи были не фикцией, а реальностью, свидетельствует то, что состоявшийся в конце ноября 1934 года пленум ЦК ВКП(б), принял решение об отмене карточной системы на продукты питания. Заметное увеличение колхозного и совхозного производства позволило отменить карточную систему. «Государство теперь располагает достаточно большим количеством хлеба, — отмечалось в резолюции пленума, — для того, чтобы полностью и безусловно обеспечить снабжение населения без карточной системы, путем повсеместного развертывания широкой торговли хлебом»¹⁶. Причем торговля производилась по единым твердым государственным ценам.

Сталин придавал колоссальное значение отмене карточной системы на главные продукты питания. Ведь, если говорить по существу, то это был главный реальный козырь в доказательство правильности избранного им курса коллективизации. Вождь всегда считал, что трудности носят закономерный характер, но являются временными и по мере развития будут преодолеваются, доказывая тем самым историческую обоснованность коллективизации. Особенно это выглядело впечатляющим образом после тяжелейших 1932 и 1933 годов, оставивших неисчезающую зарубку в живой памяти народов Советского Союза.

Вот как описывает реакцию Сталина на отмену карточной системы его родственница по линии первой жены М. Сванидзе. Она вела дневник и в записи от ноября 1934 года содержится такой пассаж: «После обеда у И. (имеется в виду И. Сталин — Н. К.) было очень благодушное настроение. Он подошел к междугородней вертушке и вызвал Кирова, стал шутить по поводу отмены карточек и повышения цен на хлеб. Советовал Кирову немедленно выехать в Москву, чтоб защитить интересы Ленинградской области от более высокого повышения цен, нежели в других областях. Очевидно Киров отбояривался, потом И. дал трубку Кагановичу и тот уговаривал Кирова приехать на 1 день. И. любит Кирова и очевидно ему хотелось после приезда из Сочи повидаться с ним, попариться в русской бане и побалагурить между делами, а повышение цен на хлеб было предлогом»¹⁷.

¹⁶ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. С. 621. "Источник". 1993 г. № 1. С. 9.

Однако вернемся к главной нити нашего изложения.

В 1935 году был принят новый Устав сельскохозяйственной артели, разработка которого проходила не только под непосредственным руководством Сталина, но и при самом активном его участии. Устав закрепил колхозы как общественную форму социалистического хозяйства и сформулировал принципы управления ею. В Уставе нашел свое воплощение основной принцип колхозного строительства — сочетание общественных интересов развития колхоза и личных интересов колхозников. Естественно, что в соответствии со сталинскими понятиями, на первое место ставились выполнение заданий государства, всемерное развитие артельного производства и умножение общественной собственности колхоза как основного источника подъема благосостояния колхозных масс. Приусадебному участку, личному хозяйству колхозников отводилась подсобная, вспомогательная роль. Их размеры определялись в зависимости от хозяйственного направления колхозного производства. Устав утвердил единый для всех колхозов принцип распределения доходов по трудодням в соответствии с количеством и качеством затраченного труда.

Подводя краткий итог, можно констатировать, что в Советском Союзе в сфере сельского хозяйства окончательно победил социалистический способ производства. Страна превратилась в крупного сельскохозяйственного производителя. Вместо бывших ранее 23,7 миллиона мелких крестьянских хозяйств к концу второй пятилетки было создано 243,7 тысячи колхозов и 3992 совхоза. Возросла концентрация сельскохозяйственного производства. В 1928 году на один колхоз приходилось 13 крестьянских дворов, в 1937 году — 76 дворов. В 1937 году удельный вес посевных площадей единоличных хозяйств составлял по стране менее процента. К концу 1937 года в машинно-тракторных станциях было сосредоточено 365,8 тысячи тракторов, около 105 тысяч зерноуборочных комбайнов и 60,3 тысячи грузовых автомобилей. МТС обслуживали более 90 процентов посевных площадей колхозов. Создание крупных социалистических хозяйств сопровождалось ростом культуры земледелия, велись большие работы по орошению земель в засушливых районах. В годы второй пятилетки молодое социалистическое земледелие давало стране продуктов больше, чем единоличное крестьянское хозяйство до проведения коллективизации. Особенно выросло производство технических культур. Изменилось соотношение между секторами в структуре производства. В 1928 году колхозы и совхозы давали лишь 2,7 процента производства зерна, а единоличные хозяйства — 97,3 процента. В конце второй пятилетки продукция колхозов и совхозов составила 72,2 процента, подсобных хозяйств колхозников, рабочих и служащих — 26,3 процента, единоличных крестьянских хозяйств — лишь 1,5 процента. В годы первой и второй пятилеток было создано крупное общественное животноводство. Если раньше скот главным образом был рассредоточен в единоличных крестьянских хозяйствах, то теперь 30 — 40 процентов его находилось в совхозах и колхозах. Однако больше половины продуктивного скота находилось пока в личных хозяйствах колхозников, рабочих и служащих¹⁸. Это обстоятельство говорило о многом, и прежде всего о том, что большевикам в целом пока не удалось преодолеть извечную привязанность крестьянина к своей собственности, одним из главных компонентов которой всегда выступал скот.

Существенно важно подчеркнуть, что в итоге всех этих преобразований значительно возросла товарность сельскохозяйственного производства. А именно это представляло в

¹⁸ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Книга вторая. С. 445–447.

глазах Сталина одну из ключевых целей коллективизации. Поскольку повышение товарности неразрывно сказывалось и на укреплении стратегических позиций страны в мире, на росте ее обороноспособности в целом. Как уже не раз отмечалось, важнейшей особенностью всей сталинской экономической стратегии, рассчитанной на перспективу, являлось создание мобильной экономики. Такой тип экономики открывал новые, невиданные ранее возможности для реализации целей надежного обеспечения национальной безопасности государства. Без создания такого типа экономики наша страна была бы не в состоянии ответить на грозные вызовы времени. А эти вызовы с каждым годом становились все более явственными и все более масштабными. Так что осуществление коллективизации выступало в качестве одного из краеугольных камней в формировании новой, мобильной структуры всего экономического комплекса государства.

Возвращаясь к предмету нашего непосредственного рассмотрения, а именно к показу успехов в развитии сельского хозяйства и, в частности, животноводства, в интересах истины следует заметить, что составители приведенной выше официальной статистики начисто проигнорировали колоссальное сокращение поголовья скота в период коллективизации. Поэтому приведенные официальные цифры, хотя и впечатляют своими масштабами, все же отражают лишь одну — позитивную сторону тогдашнего положения в сельском хозяйстве. Как бы в тени забвения остаются его негативные стороны. Однако вождь в целом мог испытывать чувство удовлетворения, поскольку главные цели оказались достигнутыми. Тот факт, что процесс коллективизации затянулся почти на целое десятилетие, что первые кавалерийские методы решения этой чрезвычайно сложной, но исторически насущной социально-экономической задачи, оказались не только неэффективными, но и губительными, — все это свидетельствовало о серьезных провалах и ошибках главного архитектора этого курса — Сталина. Но это — одна, хотя и весьма важная сторона проблема. Другая — не менее важная — заключалась в том, что задача в конце-концов все-таки была решена. И это обозначило новые рубежи в развитии нашей страны.

Улучшение экономического положения населения. Сталин отчетливо понимал, что любые пропагандистские шаги, нацеленные на восхваление достижений нового режима в годы его правления, окажутся бесплодными, если они не будут подкреплены реальным улучшением материального положения основных масс населения страны. Выполнение второй пятилетки создало для этого определенные предпосылки. В стране невиданный в истории размах приобретали различные движения и кампании, главная цель которых состояла в максимально широком привлечении трудящихся к участию в форсировании экономического роста, в повышении уровня и качества труда на всех участках экономического фронта. Стихийно или же по подсказке сверху возникли такие движения, как принятие обязательств по досрочному выполнению плановых заданий, стахановское движение, составившее целую героическую эпоху в жизни нашей страны в 30-е годы. По личной инициативе вождя развернулась повсеместная кампания по возвеличиванию и прославлению труда простых тружеников города и деревни. Крылатые слова Сталина о том, что труд в Советской стране стал делом чести, доблести и геройства превратились в доминанту всей жизни общества. Несмотря на определенную утилитарную цель, которую лидеры партии усматривали в кампаниях подобного рода, сами по себе они

играли колоссальную воспитательную и стимулирующую роль. Ни в каком другом обществе труд простых людей не был вознесен столь высоко и не прославлялся как своего рода подвиг; а не просто как средство получения заработной платы для обеспечения жизни. Во всем этом проглядывали элементы романтизма, окрашивавшего нелегкую жизнь советских людей. С высоты нынешних дней все это может показаться или же наивным, или же тщательно продуманным пропагандистским ходом властей. Однако, если взглянуть на вещи глубже, то можно увидеть, что тогда действительно формировалось новое отношение к труду. Это, в свою очередь, оказывало самое благотворное воздействие на морально-психологическую обстановку в стране.

Пишу об этом, чтобы читатель мог хотя бы в небольшой степени представить атмосферу той эпохи. Это важно, особенно в связи с тем, что эта эпоха ныне всеми доступными средствами псевдодемократической пропаганды извращается и изображается чуть ли не в виде некоего рабства коммунистического окраса, где правили бал лишь террор и репрессии, где люди испытывали друг к другу чуть ли не врожденное недоверие, соединенное с неистребимым чувством страха. Словом, это общество представляется чуть ли не в виде одного из первоначальных кругов дантова ада.

Реальная жизнь советских людей была совсем иной, чем ее рисуют рьяные антикоммунисты и ненавистники социализма. Конечно, она была нелегкой, как нелегким было и положение государства в целом. Страна находилась на марше, прокладывая пути в неизведанное будущее. Но с каждым годом жизнь становилась лучше в материальном плане, о чем свидетельствуют бесчисленные факты и свидетельства. Это — основной вывод. Он, разумеется, не исключает и наличия серьезных трудностей, в том числе и в материальном обеспечении основных масс населения страны. И все же доминирующей тенденцией была тенденция к росту материального уровня жизни и условий труда. Показателей реального улучшения жизни населения было немало. Стоит упомянуть такие, как улучшение условий труда, совершенствование системы оплаты. Особое внимание уделялось преодолению элементов уравниловки, а также обеспечению более высокой заработной платы передовикам производства, работникам ведущих профессий и лицам, занятым тяжелым трудом. Шире стала применяться сдельная оплата труда (в 1935 г. 70% всего рабочего времени оплачивалось сдельно). Было введено дополнительное премирование за сохранность механизмов, экономию электроэнергии, топлива, сырья, материалов. Повысились ставки инженеров и техников, работающих непосредственно на производстве. При семичасовой длительности рабочего дня и пятидневной рабочей неделе в 1936 году 5 миллионов человек имели шестичасовой и более сокращенный рабочий день. Значительное облегчение труда и рост его производительности были достигнуты в результате механизации тяжелых и трудоемких работ. Советский Союз во второй пятилетке превзошел капиталистические страны по уровню механизации добычи угля. В целом средняя денежная заработная плата рабочих и служащих за пятилетку выросла более чем в два раза (в среднем на одного рабочего)¹⁹.

В годы второй пятилетки руководство страны, и в первую очередь сам вожьд, первостепенное внимание стали обращать на развитие отраслей легкой и пищевой промышленности, расширению ассортимента товаров народного потребления, культурного обихода. Не случайно нарком А. Микоян, ведавший этими отраслями

¹⁹ См. *История Коммунистической партии Советского Союза*. Т. 4. Книга вторая. С. 453.

хозяйства, был послан в длительную командировку в США, чтобы ознакомиться с местным опытом и заключить контракты на поставку новейшего оборудования. В эти годы были созданы настоящие гиганты пищевой промышленности, некоторые из которых функционируют до сих пор. Словом, партия и ее лидер обратились лицом к народу и его насущным нуждам. Причем не в каком-то сутубо демонстративном плане, а по существу, на деле. И это не могло не быть замеченным в стране. Не случайно именно тогда прозвучали ставшие крылатыми слова Сталина об улучшении жизни: «Жить стало лучше, веселее. Это, конечно, верно. Но это ведет к тому, что население стало размножаться гораздо быстрее, чем в старое время. Смертности стало меньше, рождаемости больше, и чистого прироста получается несравненно больше. Это, конечно, хорошо, и мы это приветствуем. Сейчас у нас каждый год чистого прироста населения получается около трех миллионов душ. Это значит, что каждый год мы получаем приращение на целую Финляндию²⁰».

При всей своей политической заданности формула вождя о том, что жить стало лучше, жить стало веселее, она тем не менее отражала происходившие в стране и в общественных настроениях серьезные перемены в лучшую сторону. И это, бесспорно, способствовало не чисто пропагандистскому, а реальному росту авторитета Сталина в советском обществе.

Я специально подчеркиваю последнее обстоятельство, поскольку оно сыграло свою роль в том, что Сталину удалось провести беспрецедентную серию процессов и чисток, не встретив при этом сколько-нибудь организованного и серьезного сопротивления со стороны широких масс населения. Но это уже тема последующих глав. Здесь же мне хотелось дать некий абрис общих достижений и проблем сталинской политики в сфере экономики.

Вне поля моего внимания остались многие важные вопросы экономической жизни страны и материальных условий существования основных слоев советского общества. Во-первых, объять все невозможно, а во-вторых, в центре внимания лежали и лежат не сами конкретные экономические, политические, культурные и иные проблемы, а политическая деятельность Сталина. Поэтому в силу естественных причин приходится ставить себе самому ограничительные рамки и затрагивать и освещать только те аспекты важных проблем, через призму которых можно лучше раскрыть политику и действия главной фигуры нашего повествования. Конечно, такой метод имеет множество пороков и изъянов, но избежать их трудно, даже тогда, когда сам видишь их хорошо, но просто не имеешь возможности в пределах поставленной задачи поступить иначе — в ущерб выполнению главной задачи.

Достижения в культурной и научной областях. Если попытаться в двух словах охарактеризовать основные достижения второй сталинской политики в сфере образования, науки и культуры в рассматриваемый период, то сделать это можно будет просто — была осуществлена подлинная культурная революция. Революция, по фундаментальным своим параметрам, вполне сопоставимая с революцией в сфере социально-экономических и политических отношений. Строительство нового общества, разумеется, было немыслимо без ликвидации неграмотности, поскольку неграмотный член общества не мог быть активным участником этого процесса. Начатая в первые годы Советской власти кампания по ликвидации неграмотности в основном была завершена во второй пятилетке. В эти годы успешно осуществлена программа обязательного начального

²⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 14. (Речь на совещании комбайнеров и комбайнерок). Электронный вариант.

обучения и всеобщего обязательного политехнического образования в объеме семилетки. Всего за вторую пятилетку в городах и поселках городского типа была построена 3671 школа, а в сельской местности — 15 107. Кроме того, по указанию партийных органов в 1936 году было освобождено 941 школьное здание, использовавшееся не по назначению. Масштабы решения проблемы выглядят впечатляющими и наглядно показывают, что в этом деле успехи нашей страны не имели аналога в мировой истории. Надо подчеркнуть, что столь впечатляющие результаты базировались на продуманной политике в области подготовки в массовом количестве педагогических кадров как среднего, так и высшего звена: создавались педагогические вузы, совершенствовалось качество учебников, был, наконец, положен конец всевозможным экспериментам в области образования, нанесший в предшествующие годы существенный ущерб делу.

Что касается роли Сталина во всех этих делах, то надо сказать, что он не просто следил за развитием процесса в целом и определял его магистральные направления, но и лично участвовал в выработке основополагающих указаний по таким проблемам, как составление учебников по новой истории и истории СССР. Проекты учебников по всеобщей истории и особенно истории СССР широко обсуждались общественностью. Вождь выступил в роли одного из участников обсуждения, причем, само собой понятно, что его мнение воспринималось как истина в последней инстанции. Попутно надо отметить, что тиражи учебников по различным областям знаний росли не по дням, а по часам, что также свидетельствовало о внимании руководства страны к вопросам образования. За 1934 — 1938 годы тираж учебников для начальной и средней школы превысил 596 миллионов экземпляров²¹

В августе 1934 года, находясь на отдыхе на Юге, он вместе с Кировым и Ждановым сформулировал требования к подготавливавшимся учебникам по этим предметам. Участие Кирова и Жданова в составлении замечаний, по всей вероятности, носило чисто номинальный характер: вождь таким способом желал продемонстрировать наличие коллективного руководства и что не он один и самостоятельно выносит вердикты по оценке исторических событий прошлого.

Нельзя сказать, что эти замечания отличались особой глубиной и широтой постановки проблем. Но ряд ценных и новых мыслей в них все же содержится, и они важны не только сами по себе, но и как зримый показатель и предвестник постепенной эволюции Сталина в сторону все более определенного и безусловного восприятия государственного мышления как основы подхода не только к истории, но и к внешней политике, международным отношениям в целом. Речь, разумеется, не шла об отказе вождя от классового подхода при анализе исторических событий: такого шага от него нельзя было ожидать в любом случае. Но тем не менее он продемонстрировал способность в ряде случаев преодолеть шаблонные и зауженные рамки чисто классовых критериев в оценке ряда важнейших событий российской и мировой истории.

Так, вполне справедливо и в полном соответствии с реальностями прошлого он подчеркивал необходимость рассматривать историческое развитие России не в отрыве от общего исторического хода событий, а в органической связи с ним. В частности, он писал: «Мы считаем необходимой коренную переработку конспекта в духе изложенных выше положений, при этом должно быть учтено, что речь идет о создании учебника, где должно

²¹ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Книга вторая. С. 467.

быть взвешено каждое слово и каждое определение, а не о безответственных журнальных статьях, где можно болтать обо всем и как угодно, отвлекаясь от чувства ответственности.

Нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история великороссии не отрывалась от истории других народов СССР, — это во-первых, — и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и вообще мировой истории, — это во-вторых»²².

Весьма примечательно и другое принципиальное замечание Сталина, отражающее интернационалистский подход вождя к истории страны. Он ставил в упрек группе авторов конспекта учебника следующее: «Она составила конспект русской истории, а не истории СССР, то есть истории Руси, но без истории народов, которые вошли в состав СССР (не учтены данные по истории Украины, Белоруссии, Финляндии и других прибалтийских народов, северокавказских и закавказских народов, народов Средней Азии и Дальнего Востока, а также волжских и северных районов, — татары, башкиры, мордва, чуваш и т. д.)»²³.

Замечание Сталина, конечно, по существу верное. Однако сразу же за этим замечанием следует унаследованный от ортодоксального большевизма тезис о колонизаторской роли, которую якобы сыграла Россия по отношению к другим народам империи. Мне уже в первом томе доводилось достаточно подробно касаться данного сюжета. И, как представляется, в целом удалось показать несостоятельность этого старого большевистского тезиса, на базе которого в силу многих причин росли и набирали силу различные националистические течения, подрывавшие основы единого государственного пространства страны. Сталин занимал в данном вопросе явно непоследовательную и двойственную позицию. Он то подвергал критике колониальную природу внешней политики царской России, особенно в отношении так называемых покоренных народов. То обрушивал свой удар против проявлений местного национализма. Иными словами, его воззрения по данному вопросу напоминали собой маятник, качавшийся то в одну, то в другую сторону — в зависимости от политической конъюнктуры, складывавшейся на данный момент. Вот и в своих замечаниях он счел необходимым акцентировать внимание на том, что «в конспекте не подчеркнута аннексионистско-колонизаторская роль русского царизма, вкуче с русской буржуазией и помещиками («царизм — тюрьма народов»)»²⁴.

Замечания к конспекту учебника по новой истории носят довольно поверхностный характер. Здесь вождем, видимо, не хватило масштабности и широты подхода. Суть его замечаний сводилась к сумме не очень принципиальных по своей значимости упреков. Так, отметив, что конспект учебника по новой истории выглядит лучше, чем по истории СССР, Сталин добавляет: «но сумбура в этом конспекте все же достаточно много». И дальше идет, что называется, игра в дефиниции. Вождь пишет: «Нельзя поэтому допускать, чтобы Французскую революцию называли просто «Великой», — ее надо называть и трактовать как революцию *буржуазную*.

Равным образом нельзя называть нашу социалистическую революцию в России просто революцией Октябрьской, — ее надо называть и трактовать как революцию *социалистическую, революцию советскую*.

Сообразно с этим надо перестроить конспект учебника новой истории с подбором соответствующих определений и терминов»²⁵.

²² В. И. Сталин. Соч. Т. 14. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР. (Электронный вариант)

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

Нет, конечно, смысла вдаваться в детали всех этих вопросов. Принципиальное значение имело то, как в замечаниях прослеживается дальнейшая эволюция взглядов Сталина на философию истории вообще и на российскую историю в первую голову. Кое-какие новые моменты в этой эволюции уже прочерчиваются, хотя бы пока только пунктиром. Но в целом, как любили острить в пору перестройки, процесс пошел. И это был закономерный процесс, обусловленный не столько личными пристрастиями самого вождя, сколько реалиями эпохи. Несколько упрощая суть проблемы, можно выразить ее так — шел процесс формирования Сталина как государственника. Этот процесс не был однолинейным движением от одной суммы ценностей к другой. Он больше походил на органическое соединение различных по своей ценностной шкале принципов и подходов.

Но возвращаясь к теме развития образования, стоит упомянуть, что претерпела коренные изменения сама система вузов и техникумов; эти учебные заведения были укрупнены, в результате чего их общее количество сократилось с 832 в 1932/33 учебном году до 683 в 1937/38 учебном году. Однако число студентов выросло с 504,4 до 547,2 тысячи. Повысилась требовательность к поступающим в вузы. Отменялись ограничения, связанные с их социальным происхождением, введенные в первые годы Советской власти. Последнее было знаковым явлением, свидетельствовавшим о стремлении Сталина создать в стране и за рубежом впечатление о равенстве всех советских граждан. Это было тем более необходимо после принятия новой конституции, о чем речь пойдет в дальнейшем.

За годы второй пятилетки в СССР выросла большая армия работников высокой квалификации и культуры. Высшие учебные заведения страны выпустили около 370 тысяч специалистов для народного хозяйства — почти на 200 тысяч больше, чем в предыдущее пятилетие. Таким образом, в короткий исторический срок сформировались многочисленные кадры советской интеллигенции, в своем подавляющем большинстве они представляли собой корпус высокообразованных специалистов, преданных новой власти. Социально-политическое предназначение огромного отряда новой, советской интеллигенции, Сталин видел в том, чтобы она выполнила свою историческую миссию и стала активным участником созидания социалистического уклада жизни во всех формах ее проявления. Без решения проблемы образования и создания кадров интеллигенции все планы по реконструкции страны повисали в воздухе. И одна из важных заслуг Сталина как раз и состоит в том, что он вовремя уяснил себе значимость этой проблемы и делал все возможное и невозможное для ее решения.

Говоря о деятельности Сталина в эти годы, нельзя обойти молчанием **вопрос о его отношении к науке и к научным исследованиям**. Наряду со всеми другими проблемами, которым он уделял повседневное внимание, наука и все, что связано с ее развитием, находились также в поле его неусыпного надзора и контроля. Правда, этот контроль касался прежде всего организационной стороны вопроса. Но случалось и так, что он непосредственно вмешивался и в конкретные вопросы, хотя, надо сказать, делал это не слишком часто, поскольку сознавал свои ограниченные в этой сфере познания. Но генеральное направление научной политики, конечно, формировалось при доминирующем воздействии самого Сталина. Согласно его представлению, наука была призвана содействовать завершению реконструкции всего народного хозяйства, успешному строительству социалистического общества, осуществлению задач культурной революции. Для выполнения этих задач необходимо было перестроить деятельность научных учреждений, подготовить новые кадры высококвалифицированных научных

работников. В связи с этим возросли ассигнования на науку. Во второй пятилетке они увеличились по сравнению с первой более чем в 3,6 раза.

Перестраивалась работа научных учреждений с целью установления более тесного и планомерного сотрудничества науки и практики. Академия наук СССР была подчинена непосредственно Совету Народных Комиссаров Союза СССР. В 1935 году был принят новый Устав Академии, в план научных исследований были включены теоретические проблемы, непосредственно связанные с насущными задачами развития промышленности, сельского хозяйства и культурного строительства. Сталин особое внимание уделял усовершенствованию планирования и координации научной работы в масштабах страны. В Академии наук создавались новые научно-исследовательские институты и лаборатории. Количество институтов Академии наук увеличилось с 28 в 1932 году до 48 в 1937 году, а число работников в них за то же время возросло в 2,6 раза (на отделении физико-математических наук — более чем в 3 раза, технических наук — в 4 раза).

Всего к концу 1937 года в СССР действовало 806 научно-исследовательских институтов и их филиалов, 397 сельскохозяйственных и других отраслевых опытных станций, 31 обсерватория. Повышению квалификации научных кадров способствовала введенная в 1937 году единая система аттестации научных и педагогических работников. Была установлена защита докторских и кандидатских диссертаций, присвоение ученых званий²⁶.

Сталин поддерживал постоянный контакт с некоторыми видными советскими учеными, был в курсе их научных интересов и разработок. Особое значение он придавал концентрации усилий наших ученых на разработке важнейших теоретических и народнохозяйственных проблем: физики и химии вели работы в области изучения металлов и сплавов, новых видов сырья и источников энергии. Геологи изыскивали новые месторождения железа, нефти, угля, свинца, молибдена, олова, хрома, никеля, золота и других нужных стране полезных ископаемых. Создавались условия для сокращения импорта редких металлов и увеличения государственных ресурсов. Не говоря уже о чисто хозяйственном значении всех этих вопросов, они входили как органическое звено в создававшуюся Сталиным систему мобилизационной экономики. Едва ли есть нужда подчеркивать, что научные исследования, на проведении которых настаивал вождь, имели прежде всего прямое отношение к вопросам укрепления обороноспособности государства. Показателем бурного развития советской науки, причем на ее наиболее перспективных направлениях, является участие в этом многих крупнейших ученых, ставших гордостью не только советской, но и мировой науки. В это время развернула свою деятельность возглавляемая С. П. Королевым группа изучения реактивного движения (ГИРД), коллективом которой были созданы первые экспериментальные ракеты. В эти же годы была смонтирована одна из крупнейших в мире установок для расщепления атомного ядра. Развертывались работы в области телемеханики, радиотехники, электроники и автоматики. Широким фронтом велось изучение Арктики. В стране плодотворно трудились выдающиеся ученые, такие, как Н. И. Вавилов, С. И. Вавилов, А. Ф. Иоффе, В. Л. Комаров, И. В. Курчатов, И. В. Мичурин, В. А. Обручев, Е. О. Патон, И. Е. Тамм, В. А. Фок, С. А. Чаплыгин и многие другие.

Я в этой главе не рассматриваю проблемы Сталин и литература, Сталин и искусство. Хотя по логике вещей здесь было бы уместно остановиться на них. Однако мне

²⁶ См. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Книга вторая. С. 471–472.

представляется необходимым посвятить специальный раздел данным проблемам, причем он будет построен не в хронологических рамках, а выдержан в проблемно-тематическом ключе. К тому же, для удобства изложения и создания полноты представления об отношении Сталина к этим вопросам, на мой взгляд, стоит объединить в одно целое весь период сталинского правления, что даст возможность проследить эволюцию его взглядов и позиций по вопросам литературы и искусства.

3. Сталин и вопросы укрепления обороноспособности страны

Сталкиваясь с поистине необъятным кругом проблем, которыми занимался Сталин, невольно испытываешь чувство удивления, а порой и недоумения. Иногда даже создается некое подобие недоверия к источникам, отражающим всю гамму его интересов как государственного деятеля. Но это — ложное чувство: как высший руководитель партии и фактически государства он в силу объективных причин был вынужден заниматься не теми проблемами, которые интересовали его лично, а теми, в которых было заинтересовано государство. Кредо вождя по данному вопросу можно было бы выразить его же собственными словами, правда, имеющими более широкий смысл. В одном из его писем Кагановичу есть такая примечательная фраза: «Нельзя зевать и спать, когда стоишь у власти»²⁷

Вдумываясь в смысл этой незамысловатой фразы, начинаешь понимать, что для Сталина она не была чисто обиходным выражением, так сказать, красным словцом. Если попытаться ее расшифровать, то в ней как-то незримо просматривается некая целостная философия, которую исповедовал вождь. Видимо, даже во сне его не покидала мысль о том, что он стоит у власти, а, значит, и несет ответственность за все, что происходит «в его епархии». А что вопросы военного плана, прежде всего повышения боеготовности вооруженных сил страны, укрепления ее обороноспособности, находились всегда в эпицентре его внимания: в этом убеждает огромный массив документов, да и вся в целом политическая и государственная деятельность Сталина. Здесь, конечно, нет возможности затронуть все аспекты такой многоплановой и емкой проблемы. Поэтому остановлюсь лишь на некоторых ее ключевых моментах.

Прежде всего возникает вопрос: считал ли сам Сталин себя военным деятелем? На этот вопрос однозначного ответа дать нельзя. В самом упрощенном виде можно утверждать, что, с одной стороны, он не раз подчеркивал, что является прежде всего политиком и вопросы военной стратегии для него представляются как часть политической стратегии вообще. То есть не рассматривал себя как военного деятеля. С другой стороны, его деятельность во время Гражданской войны показала, что он активно решал и вопросы сугубо военного плана, и, таким образом, как бы выступал в роли военного деятеля. Вспомним также, что нарком обороны Ворошилов уже в конце 20-х годов проповедовал идею, согласно которой не кто иной, как Сталин был фактическим создателем Красной Армии. Конечно, эта ворошиловская версия не соответствует исторической правде и должна быть отвергнута как заведомо апологетическая и подхалимская по своему

содержанию и духу. Но и отрицать важную и активную роль Сталина в строительстве Красной Армии — значит противоречить истине. Как член Политбюро, а затем Генеральный секретарь ЦК он непосредственно участвовал в разработке и принятии ключевых решений по вопросам обороны страны и строительства армии и флота. Приведу оценку английского военного специалиста, написавшего книгу о Сталине как военачальнике, отметив при этом, что английский автор отнюдь не может быть причислен к почитателям Сталина.

Вот что он писал о Сталине того периода, который мы сейчас рассматриваем: «В период 20 — 30-х годов Сталин в конечном счете контролировал важнейшие назначения в армии, одобрял или указывал направление развития военной теории, подготовки, организации, оснащения и размещения вооруженных сил... Главный позитивный вклад Сталина в это время заключался в создании высокоразвитой собственной индустриальной базы, ответственной за производство огромного количества военного снаряжения, большая часть которого была на современном уровне и хорошего качества, имея в виду время, когда оно принималось на вооружение»²⁸.

Когда же Сталин превратился в единовластного правителя страны, его роль в решении всех военных вопросов не только возросла, но и стала определяющей по всем параметрам. Особое место занимает Великая Отечественная война, но об всем этом пойдет речь в соответствующих главах. Здесь же мне хотелось затронуть один важный эпизод, проливающий свет на подходы Сталина к военной проблематике.

В 1930 году тогдашний заместитель наркома обороны М. Тухачевский обратился в ЦК партии с предложениями о новых планах строительства армии. Сталин внимательно ознакомился с этими предложениями и в письме Ворошилову подверг их уничижительной критике. Основные критические замечания, высказанные вождем, стоит воспроизвести, поскольку они раскрывают глубокое понимание Сталиным самой природы военного строительства и взаимосвязи проблем обороны с общим развитием страны. А именно такого подхода от него требовала его должность лидера страны.

В письме, относящемся к марту 1930 года, он писал: «Получил оба документа, и объяснительную записку т. Тухачевского, и «соображения» Штаба. Ты знаешь, что я очень уважаю т. Тухачевского, как необычайно **способного** товарища (выделено мной — Н. К.). Но я не ожидал, что марксист, который не должен отрывать от почвы, может отстаивать такой, оторванный от почвы фантастический «план». В его «плане» нет главного, т. е. нет учета реальных возможностей хозяйственного, финансового, культурного порядка. Этот «план» нарушает в корне всякую мыслимую и допустимую пропорцию между армией, как частью страны, и страной, как целым, с ее лимитами хозяйственного и культурного порядка. «План» сбивается на точку зрения «чисто военных» людей, нередко забывающих о том, что армия является производным от хозяйственного и культурного состояния страны.

Как мог возникнуть такой «план» в голове марксиста, прошедшего школу гражданской войны?

Я думаю, что «план» т. Тухачевского является результатом модного увлечения «левой» фразой, результатом увлечения бумажным, канцелярским максимализмом. Поэтому-то анализ заменен в нем «игрой в цифири», а марксистская перспектива роста Красной Армии — фантастикой.

²⁸ Albert Seaton. Stalin as military commander. N.Y. 1976. p. 270.

«Осуществить» такой «план» — значит наверняка загубить и хозяйство страны, и армию. Это было бы хуже всякой контрреволюции.

Отрадно, что Штаб РККА, при всей опасности искушения, ясно и определенно отмежевался от «плана» т. Тухачевского.

23 марта 1930 г. Твой И. Сталин»²⁹.

Как видим из письма, Сталин, по существу, обвинил Тухачевского не только в том, что тот стоит на явно антимарксистских позициях, плохо понимает природу органической и неразрывной взаимосвязи военного строительства с другими важнейшими параметрами экономического развития страны, но и что его предложения «хуже всякой контрреволюции». Все это как-то не вяжется с высказанной ранее высокой оценкой Тухачевского как необычайно способного товарища. При таком отношении к предложениям заместителя наркома обороны мог стоять только вопрос о его освобождении от должности, до которой он явно не дорос. Но в начале 1930-х годов подобный отзыв со стороны вождя отнюдь не был равнозначен вердикту о политической неблагонадежности автора представленных предложений.

Но данный сюжет интересен не только этими моментами, но и тем, какое он имел продолжение через два с лишним года. Сталин в 1932 году написал письмо Тухачевскому с признанием своей неправоты, что случалось с ним не столь уж часто. Особенно если принять во внимание не демонстративно-показное, а реальное отношение вождя к Тухачевскому. Между ними пробежала кошка еще во время войны с Польшей в 1920 году, когда они сошлись в прямом противоборстве. А Сталин не забывал старых обид, и тем более не умел их прощать. Поэтому его письмо Тухачевскому со своего рода самокритикой, вызывает удивление, граничащее с шоком. С какой стати ему понадобилось через два года признавать свою неправоту? К этому его побуждали отнюдь не сентиментальные чувства, а сугубо деловые соображения. Суть в том, что в тот период в практическом плане обсуждались предложения о внесении коренных коррективов в долгосрочную программу военного строительства. И здесь выяснилось, что ряд идей и соображений Тухачевского вполне соответствуют новым условиям и их реализация может существенно способствовать укреплению мощи и повышению боеспособности и мобильности Красной Армии. Словом, предложения Тухачевского стоили того, чтобы к ним отнеслись со всей серьезностью. Тем более, что именно в тот период со всей остротой стоял вопрос о том, чтобы довести нашу армию до уровня самых современных армий мира.

Видимо, все это в своей совокупности и побудило вождя отбросить в сторону всякого рода эмоции и соображения «чести мундира». И он направил человеку, которого недавно чуть ли не смешал с грязью, послание следующего содержания.

«7 мая 1932 г.

Товарищу Тухачевскому. Копия товарищу Ворошилову.

Приложенное письмо на имя т. Ворошилова написано мной в марте 1930 г. Оно имеет в виду 2 документа: а) Вашу «записку» о развертывании нашей армии с доведением количества дивизий до 246 или 248 (не помню точно); б) «соображения» нашего штаба с выводом о том, что Ваша «записка» требует, по сути дела, доведения численности армии до 11 миллионов душ, что «записка» эта ввиду этого — нереальна, фантастична, непосильна для нашей страны.

²⁹ Советское руководство. Переписка. 1928 – 1941. С. 113.

В своем письме на имя т. Ворошилова, как известно, я присоединился, в основном, к выводам нашего штаба и высказался о Вашей «записке» резко отрицательно, признав ее плодом «канцелярского максимализма», результатом «игры в цифры» и т. п.

Так было дело два года назад.

Ныне, спустя два года, когда некоторые неясные вопросы стали для меня более ясными, я должен признать, что моя оценка была слишком резкой, а выводы моего письма — не во всем правильными.

Во-первых, ближайшее знакомство с делом показало, что цифра «11 миллионов душ» не вытекает из Вашей «записки», ибо то, чего может требовать Ваша «записка» и чего она в самом деле требует — это армия в 8 миллионов душ. Конечно, 8-ми миллионная армия — тоже нереальна, не нужна и непосильна для нашей страны, по крайней мере, в ближайшие три-четыре года (не говоря уже о первой пятилетке). Но 8 миллионов все же не 11 миллионов.

Во-вторых, несомненно, что изменившийся за последние годы характер армий, рост техники, военного транспорта и развитие авиации, появление механизированных частей и соответствующая реорганизация армии — создают совершенно новую обстановку, лишаящую старые споры о большом количестве дивизий их решающего значения. Нет нужды доказывать, что не количество дивизий, а, прежде всего, их качество, их насыщенность техникой будет играть отныне решающее значение. Я думаю, Вы согласитесь со мною, что 6-ти миллионной армии, хорошо снабженной техникой и по-новому организованной — будет вполне достаточно для того, чтобы отстоять независимость нашей страны на всех, без исключения, фронтах. А такая армия нам более или менее по силам. Мне кажется, что мое письмо на имя т. Ворошилова не было бы столь резким по тону и оно было бы свободно от некоторых неправильных выводов в отношении Вас, если бы я перенес тогда спор на эту новую базу. Но я не сделал этого, так как, очевидно, проблема не была еще достаточно ясна для меня.

Не ругайте меня, что я взялся исправить недочеты своего письма с некоторым опозданием.

7. V. 32 г.

С коммунистическим приветом И. Сталин»³⁰.

Приведенный выше обмен эпистолярными посланиями дает основание сделать вывод: Сталин, когда это было нужно, интересы дела, заботу об укреплении оборонной мощи наших вооруженных сил ставил выше всех других соображений. В том числе и соображений личного престижа. Данная оценка, разумеется, не носит и не может носить абсолютный и вневременной характер. Ее неправомерно было бы распространять на все последующие этапы деятельности вождя. Но в рассматриваемый отрезок времени он, вне всякого сомнения, продемонстрировал как чувство здравого смысла, так и чувство ответственности в столь щепетильном и важном деле, как военное строительство. Для изыскания средств на укрепление обороноспособности страны Сталин не останавливался буквально ни перед чем. Известно, что в 20-е годы в партии серьезно встал вопрос о разрешении продажи водки, что могло бы дать весьма существенные поступления в государственный бюджет. Однако среди значительной части большевиков была жесткая оппозиция такого рода курсу. При этом ссылались на принципиальную позицию Ленина,

³⁰ Советское руководство. Переписка. 1928 – 1941. С. 171–172.

категорически выступавшего против идеи спаивания народа под эгидой государства. Сталин не сразу, но решительно выступил за введение такой меры. В конце концов вопрос о продаже водки при государственной монополии был решен положительно, однако объемы реализации водочной продукции все же пытались как-то регулировать.

Вождь в начале 30-х годов настойчиво проталкивал идею увеличения продажи водки, видя в этом один из важнейших источников получения средств от населения. Аргументация его носила чисто прагматический характер и была далека от всякого рода сантиментов. Вот отрывок из его письма Молотову, в котором обсуждались детали предстоящей реформы в военном деле: «И наоборот, при этой «реформе» мы наверняка обеспечиваем победоносную оборону СССР. Но для «реформы» потребуются немаленькие суммы денег (большее количество «выстрелов», большее количество техники, дополнительное количество командного состава, дополнительные расходы на вещевое и продовольственное снабжение). Откуда взять деньги? Нужно, по-моему, увеличить (если возможно) производство водки. Нужно отбросить ложный стыд и прямо, открыто пойти на максимальное увеличение производства водки на предмет обеспечения действительной и серьезной обороны страны. Стало быть, надо учесть это дело сейчас же, отложив соответствующее сырье для производства водки и формально закрепить его в госбюджете 30 — 31 года. Имей в виду, что серьезное развитие гражданской авиации тоже потребует уйму денег, для чего опять же придется апеллировать к водке»³¹.

Правительство изыскивало деньги всюду, где это было возможно. Одним из важных и стабильных источников пополнения бюджета явились государственные займы, распространявшиеся среди населения. Формально они носили добровольный характер, но на деле были добровольно-принудительными, а если говорить точнее, то в основном принудительными. Введенные в практику в период первой пятилетки, они стали имманентной чертой советской жизни и просуществовали вплоть до 1957 года, когда Хрущев сделал «красивый жест», возвестив об их отмене. Немалая доля и без того не ахти какой высокой заработной платы высчитывалась в пользу государства. И если на первых порах, когда стране неоткуда было черпать средства, эта мера могла быть объяснена и оправдана, то на последующих стадиях она выглядела не иначе, как дополнительный побор, взимаемый в пользу государства.

Помимо экспорта традиционных товаров (хлеб, древесина и т. д.), достаточно широкий размах приняла практика продажи за границей ценных произведений искусства, в первую очередь живописи. Какой-то вклад в общегосударственную копилку эта мера вносила, однако, рассматривая ее в ретроспективном плане, представляется очевидным, что она безусловно нанесла ощутимый урон культурному национальному достоянию страны. Даже учитывая всю сложность тогдашней ситуации с добыванием валюты, эту политику, проводившуюся если не по инициативе Сталина, то с его бесспорного одобрения, никак нельзя признать продуманной государственной линией. Широкое внедрение в те годы получила также система так называемого торгсина, т. е. торговли с иностранцами. Для реализации этой системы в стране была создана сеть закрытых магазинов, в которых иностранцы за валюту могли покупать необходимые продовольствие и товары широкого потребления. Со временем доступ к этим магазинам был разрешен и советским гражданам: свои покупки они оплачивали золотом, драгоценными изделиями, произведениями искусства и т. д.

³¹ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925 – 1936 гг. С. 209–210.

Словом, все мыслимые и немыслимые источники оказались задействованными в целях получения средств, необходимых для осуществления индустриализации. Само собой очевидно, что значительная часть этих средств предназначалась на военные нужды, на цели укрепления армии и флота и оснащения их необходимыми видами вооружения и техники. Проводил эту линию Сталин последовательно и непоколебимо.

Успехи страны в осуществлении первой и второй пятилеток позволили поставить дело военного строительства на совершенно новую основу. В итоге были созданы условия, позволившие в весьма короткий исторический отрезок времени осуществить необходимое перевооружение Красной Армии и Военно-Морского Флота. В результате проведения сплошной коллективизации укрепились социальная база и тыл Красной Армии, выросло сельскохозяйственное производство и улучшилось материальное снабжение армии. Не последнее место занимало и то, что были подготовлены необходимые предпосылки создания мобилизационных резервов на случай войны. Бурный рост автотракторного машиностроения позволял переключать предприятия этой отрасли на производство танков, военных тягачей и другой боевой техники. Сельские механизаторы становились важным источником технически подготовленного пополнения армии (вспомним хотя бы популярный в то время фильм «Трактористы», где эти проблемы нашли отражение в художественной форме). И едва ли у кого-нибудь возникнут сомнения в том, что у истоков всех этих дел стоял Сталин, последовательно осуществлявший свой курс на создание мобильной экономики.

На XVII съезде партии в 1934 году и в своих последующих выступлениях Сталин подчеркивал необходимость расширения мобилизационных возможностей индустрии и всего народного хозяйства, создания новых предприятий тяжелой промышленности, в том числе оборонной, в восточных районах страны. Эта географическая переориентация, как показали предстоявшие грозные события второй мировой войны, с полным правом может расцениваться как огромная заслуга Сталина перед страной и перед ее будущими поколениями. Достаточно даже чисто умозрительно, гипотетически представить себе, — будь это не было сделано, — чтобы во всем грандиозном масштабе представить всю сумму неразрешимых проблем, с которыми столкнулась бы страна в период войны. Можно сказать, что для созидания мощного военного потенциала вождь не позволял тратить впустую не только одного года, но и ни одного дня. И все это сторицей воздастся в дальнейшем.

В плане реализации намеченного курса в марте 1934 года было принято постановление «О системе артиллерийского вооружения РККА на вторую пятилетку»; в апреле 1935 года был утвержден план развития Военно-Воздушных Сил на 1935 — 1937 годы. Несколько раньше (в июне 1933 г.) было принято решение «О программе военно-морского строительства на 1933 — 1938 гг.». Эти документы явились составными частями второго пятилетнего плана строительства Вооруженных Сил СССР, основная задача которого заключалась в том, чтобы обеспечить за Красной Армией превосходство над армиями капиталистических государств по всем основным средствам борьбы — авиации, танкам, артиллерии, флоту³².

По инициативе Сталина и на основе сформулированных в решениях ПБ и СНК установок проводилась реконструкция предприятий оборонной промышленности, строились десятки новых военных заводов. Причем надо отметить, что во всех отраслях

³² 50 лет Вооруженных Сил СССР. М. 1968. С. 197.

оборонной индустрии были обновлены основные фонды, созданы новые производства, значительно увеличился выпуск производимой продукции. Говоря в целом, оборонная промышленность СССР во второй пятилетке развивалась намного быстрее других отраслей народного хозяйства. Ее валовая продукция за эти годы возросла в 2,8 раза; почти удвоилась численность рабочих, инженерно-технических работников и служащих, занятых на военных предприятиях, более чем в три раза увеличилась выработка продукции на одного рабочего. Производство самолетов и авиационных моторов за вторую пятилетку возросло в 5,5 раза, в том, числе боевых самолетов — в 7,5 раза, военных кораблей — в 3 раза, артиллерийского и стрелкового вооружения — в 4 раза, радиоаппаратуры — в 3 раза, боеприпасов — почти в 5 раз, танков — более чем в 2 раза, пороха — почти в 7 раз и т. д.³³ В целях концентрации сил и средств, а также в интересах улучшения дела оборонного строительства по инициативе Сталина в 1936 году было принято решение об образовании общесоюзного Народного комиссариата оборонной промышленности. В апреле 1937 года опять же по предложению Сталина было принято постановление о создании при СНК СССР Комитета Оборона Союза Советских Социалистических Республик³⁴. По прямому указанию Сталина, оформленным решениями ЦК партии, в стране были созданы специализированные по родам войск научно-исследовательские институты, крупные военно-конструкторские бюро и опытные производства, которые развернули работу по освоению новейших видов боевой техники и вооружения. Начались исследования в области ракетостроения. В начале 30-х годов были образованы специальные научно-исследовательские учреждения по созданию средств ракетной техники. Созданные, испытанные и пущенные в серийное производство в конце 30-х — начале 40-х годов, эти средства сыграли важную роль в предстоявшей войне.

За эти же годы выросли замечательные кадры военных конструкторов. Так, центральные конструкторские бюро и институты самолетостроения возглавили выдающиеся инженеры и ученые Н. Н. Поликарпов, А. Н. Туполев, В. М. Петляков, С. В. Ильюшин, А. С. Яковлев, С. А. Лавочкин и другие. В области авиационного моторостроения успешно работали А. А. Микулин, В. Я. Климов и А. Д. Швецов. Крупнейшими специалистами в танкостроении были Ж. Я. Котин, Н. А. Кучеренко, М. И. Кошкин и др. Большой вклад в развитие советской артиллерии вносили В. Г. Грабин, И. И. Иванов, Ф. Ф. Петров. Плодотворно трудились старые, опытные конструкторы стрелкового оружия В. А. Дегтярев, Ф. В. Токарев, В. Г. Федоров, С. Г. Симонов, Б. Г. Шпитальный, Г. С. Шпагин. Неоценимое значение для Военно-Морского Флота имела деятельность талантливых кораблестроителей А. Н. Крылова и др.

Выше перечислены лишь обобщающие факты и данные, рисующие крупными мазками картину всего того, чем приходилось заниматься лично Сталину как главному советскому лидеру в области укрепления обороноспособности страны. Сохранились многочисленные воспоминания военачальников и ученых, конструкторов и летчиков, лиц, непосредственно связанных с развертыванием военной промышленности Советского Союза. Не буду перегружать книгу воспроизведением этих живых и весьма поучительных воспоминаний. Сошлюсь лишь на трех человек. Первый — это Молотов, знавший Сталина не только дольше всех его соратников, но и, видимо, лучше них. Вот его оценка:

³³ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Книга вторая. С. 398–399.

³⁴ КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Документы. 1917 – 1968. М. 1968. С. 277.

«На мой взгляд, Сталин быстро и глубоко схватывал вопросы техники. Это всегда сказывалось при рассмотрении вопросов военной техники: авиации, артиллерии, танков, морских судов. В этом Сталин легко ориентировался, и хотя совершенно не любил математическую сторону техники, хорошо улавливал прогресс и активно толкал вперед дела военной техники. В этих делах, естественно, на экономическую сторону обращалось мало внимания. В вопросы экономики Сталин не старался углубляться»³⁵.

Другой свидетель, на мнение которого я сошлюсь, — это блестящий знаток проблем оборонной промышленности Д. Ф. Устинов, назначенный в 1941 году Сталиным на пост наркома вооружений. Его оценки достойны веры, поскольку появились тогда, когда имя вождя отнюдь не находилось в почете. Важно и другое — он близко соприкасался со Сталиным и имел хорошую возможность наблюдать его подходы к решению проблем оборонных отраслей. Вот что писал Д. Устинов о стиле работы Сталина: «При всей своей властности, суровости, я бы сказал, жесткости, он живо откликался на проявление разумной инициативы, самостоятельности, ценил независимость суждений. Во всяком случае, насколько я помню, как правило, он не упреждал присутствующих своим выводом, оценкой, решением. Зная вес своего слова, Сталин старался до поры не обнаруживать отношения к обсуждаемой проблеме, чаще всего или сидел будто бы отрешенно, или прохаживался почти бесшумно по кабинету, так что казалось, что он весьма далек от предмета разговора, думает о чем-то своем. И вдруг раздавалась короткая реплика, порой поворачивавшая разговор в новое и, как потом зачастую оказывалось, единственно верное русло...

Обладая богатейшей, чрезвычайно цепкой и емкой памятью, И. В. Сталин в деталях помнил все, что было связано с обсуждением, и никаких отступлений от существа выработанных решений или оценок не допускал. Он поименно знал практически всех руководителей экономики и Вооруженных Сил, вплоть до директоров заводов и командиров дивизий, помнил наиболее существенные данные, характеризующие как их лично, так и положение дел на доверенных им участках. У него был аналитический ум, способный выкристаллизовывать из огромной массы данных, сведений, фактов самое главное, существенное. Свои мысли и решения Сталин формулировал ясно, четко, лаконично, с неумолимой логикой. Лишних слов не любил и не говорил их»³⁶.

И, наконец, свидетельство выдающегося советского конструктора А. С. Яковлева: «Сталин задал несколько вопросов. Его интересовали состояние и уровень немецкой, английской и французской авиации. Я был поражен его осведомленностью. Он разговаривал как авиационный специалист»³⁷.

Сталин уделял внимание развитию всех видов и родов войск, сознавая, что грядущая война будет прежде всего войной моторов, и в ней одержит победу лишь тот, кто будет иметь современное вооружение, отвечающее потребностям новых форм ведения боевых операций. Соответственно, ускоренными темпами осуществлялось формирование

"Независимая газета". 30 июня 2001 г. В примечании хочется выразить достаточно обоснованное сомнение в том, что при рассмотрении военно-технических вопросов Сталин экономической стороне дела уделял мало внимания. Это — явная натяжка, поскольку противоречит просто здравому смыслу, а отсутствие такового у Сталина еще никто не замечал. Во-вторых, историография располагает многочисленными фактами, свидетельствующими как раз об обратном — Сталин неизменно вникал в экономическую цену того или иного проекта или решения. Другой вопрос — часто приходилось идти на жертвы, несмотря на высокую цену, поскольку того требовали интересы дела.

³⁵ Устинов Д. Ф. Во имя победы. Записки наркома вооружения. М., 1988. С. 91–92.

А. С. Яковлев. Цель жизни. Записки авиаконструктора. М. 2000. С. 133.

танковых частей и соединений. Если в 1931 году армия получила 740 танков отечественного производства, то в 1938 году — уже 2271 танк. К концу второй пятилетки в Красной Армии только основных образцов танков насчитывалось 12 тысяч единиц. И хотя наши танки отличались быстроходностью и огневой мощью, слабым их местом была недостаточно прочная броня. Для ликвидации этих изъянов предпринимались энергичные меры. Советские конструкторы в этот период вплотную приступили к созданию не имевших мировых аналогов боевых машин Т-34 и КВ³⁸.

Можно сказать, что любимым детищем вождя была авиация. Ее развитию уделялось первостепенное внимание: с 1933 по 1937 год количество боевых самолетов увеличилось более чем в два раза. На созданных нашими конструкторами отечественных самолетах советские летчики установили выдающиеся международные рекорды, свидетельствовавшие о превращении СССР в передовую авиационную державу. В июле 1936 года на самолете АНТ-25 В. П. Чкалов, Г. Ф. Байдуков, А. В. Беляков пролетели без посадки более 9 тысяч километров по маршруту Москва — Петропавловск-на-Камчатке — остров Удд. Через год этот же экипаж совершил беспосадочный перелет из Москвы в США. И все это были не акции пропагандистского плана, а реальная демонстрация высокого уровня советской авиации и ее военной промышленности.

Не оставалась вне поля внимания Сталина и советского руководства такая важная составляющая оборонной мощи страны, как военно-морской флот. Было развернуто строительство подводных лодок и надводных судов. К концу второй пятилетки в строй вступило 500 боевых и вспомогательных кораблей различных классов, оснащенных совершенными артиллерийскими и зенитными системами, торпедными аппаратами. С 1930 по 1936 год число подводных лодок увеличилось более чем в 8 раз, малых надводных кораблей — в 4 раза. Балтийский, Черноморский, Тихоокеанский и Северный флоты располагали уже линейными кораблями, крейсерами, эскадренными миноносцами, подводными лодками, торпедными катерами³⁹.

Укрепились противовоздушная и береговая оборона. С 1929 по 1935 год были созданы новые укрепленные районы с долговременными оборонительными сооружениями. Ассигнования на оборону в 1937 году составили 17,5 миллиарда рублей вместо запланированных 4,3 миллиарда рублей. Все эти меры в своей совокупности дали свои результаты: Красная Армия и ВМФ к концу второй пятилетки по технической оснащенности не отставали от армий крупнейших держав мира, а по главным образцам боевой техники и оружия превосходили их.

Укреплению советских вооруженных сил способствовали и своевременно принятые меры организационно-управленческого порядка. В довольно короткий период, охватывающий 1935 — 1937 гг., были произведены коренные изменения в военной системе СССР: осуществлен переход от территориально-кадрового принципа комплектования Красной Армии к единому кадровому принципу. Необходимость этой перестройки была вызвана тем, что старая система уже не отвечала новым потребностям и реальному положению в мире. Переход к кадровой системе был обусловлен и технической реконструкцией армии и флота. Полностью переход к кадровой системе был завершен в 1938 году. В результате организационной перестройки и повышения технической

³⁸ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Книга вторая. С. 401.

³⁹ Там же. С. 402.

оснащенности Красной Армии претерпели серьезные изменения ее структура и состав. В сухопутных войсках возрос удельный вес артиллерии, бронетанковых и механизированных частей. Кардинальные изменения касались также структуры и состава ВВС и ВМФ. Эти изменения имели своей целью приведение состояния этих видов и родов войск в соответствие с новыми реальностями. В середине тридцатых годов появились авиационные корпуса дальней бомбардировочной авиации, были созданы воздушно-десантные войска. Появились новые флоты — Северный флот.

Изменилась и структура военного управления. В июне 1934 года Реввоенсовет СССР был упразднен, а Народный комиссариат по Военным и Морским делам был преобразован в Народный комиссариат Обороны СССР. Наркомом Обороны остался К. Е. Ворошилов, а его заместителями Я. Б. Гамарник и М. Н. Тухачевский. При народном комиссаре обороны был создан Военный совет в составе 80 человек. В сентябре 1935 года было принято решение преобразовать Штаб РККА в Генеральный штаб Красной Армии, начальником которого стал А. И. Егоров. В 1936 году образована академия Генерального штаба. В апреле 1936 года Политбюро признало необходимым создать в составе Наркомата Обороны Управление боевой подготовки РККА; во главе его был утвержден заместитель наркома обороны М. Н. Тухачевский. Было организовано также Главное управление вооружения и технического снабжения РККА. Наконец, в конце 1937 года был образован Народный комиссариат Военно-морского флота. В 1935 году были введены новые воинские звания. Первыми маршалами Советского Союза стали К. Е. Ворошилов, М. Н. Тухачевский, С. М. Буденный, А. И. Егоров и В. К. Блюхер. Звание командарма 1 ранга получили С. С. Каменев, И. Э. Якир, И. П. Уборевич, И. П. Белов, Б. М. Шапошников; командарма 2 ранга — П. Е. Дыбенко, М. К. Левандовский, И. Н. Дубовой, И. Ф. Федько, А. И. Корк, Н. Д. Каширин, А. И. Седякин, Я. И. Алкснис, И. А. Халепский, И. И. Вацетис. Звание армейского комиссара 1 ранга было присвоено начальнику Политического управления РККА Я. Б. Гамарнику.

В данном разделе освещены лишь наиболее важные стороны деятельности Сталина по совершенствованию строительства вооруженных сил страны и максимальному укреплению ее обороноспособности. Магистральное направление всех этих мероприятий заключалось в том, чтобы поднять уровень вооруженных сил до современных требований, которые предъявлялись самой жизнью. Сталин с помощью различных средств, в первую очередь разведывательных, дотошно следил за военным строительством в других государствах, и прежде всего — будущих вероятных противников. Он ставил перед военными задачу — не только не отставать от зарубежных армий, но и быть по всем параметрам не ниже них. Это касалось численности, структуры, организации, оснащенности вооружением и военной техникой, уровня военной стратегии и тактики, профессиональной подготовки бойцов и командиров всех звеньев. Я уже не говорю о морально-политических критериях, по которым армия и флот Страны Советов не имели себе равных в мире.

Рискуя повториться, завершу данный раздел выводом: советский лидер не питал иллюзий относительно вероятного развития мировой обстановки. Он считал военное столкновение неизбежным. И залогом победы могла быть только мобилизационная экономика и построенная на ее базе вся военная структура государства.

4. Сталинская конституция как зеркало эпохи

Логическим завершением сталинской политики середины 30-х годов стало принятие новой конституции государства. Необходимость разработки новой конституции обуславливалась глубокими объективными факторами. Конституция должна была учесть коренные изменения в советском общественном строе, выразить их в соответствующих политических и правовых формах. Речь шла в первую очередь о том, чтобы новый основной закон отразил фундаментальные перемены в социально-экономическом, политическом, национальном, международном положении страны. Как мог убедиться читатель, эти перемены самым непосредственным образом затронули все сферы бытия советского общества. И жить по старым нормам, закрепленным в конституции 1924 года, — выглядело не просто анахронизмом, но и было практически невозможно. Новые реалии жизни ежечасно ставили новые вопросы, требовали своего решения, а делать это в рамках прежней конституции было не только затруднительно, а зачастую и просто невозможно. И это касалось буквально всех сторон государственной и общественной жизни, всех сфер экономики, социальных отношений, межнациональных отношений и т. д. Все более пробивала себе дорогу мысль, что латать старую конституцию — занятие бесперспективное и в высшей степени паллиативное.

Но помимо чисто объективных причин, обусловивших актуальность разработки и принятия новой конституции, у Сталина, видимо, были еще и другие соображения. Он, как мне представляется, хотел принятием новой конституции четко и однозначно определить принципиально новый рубеж в истории государства — наступление эпохи Сталина. В более конкретном смысле вождь считал необходимым четко обозначить новый исторический этап, в который вступило государство — в этап завершения построения социализма в нашей стране. Тем самым он хотел продемонстрировать как перед народами Советского Союза, так и перед международным коммунистическим движением, а в более широком аспекте — и перед всем миром, что Советская страна впервые в мировой истории воплотила в жизнь извечную мечту всего человечества — построение справедливого и демократического общества, где правят не капитал и классовое насилие, а труд и социальная справедливость. Новая конституция должна была стать историческим документом, свидетельствующим о полной и окончательной победе стратегического курса, выдвинутого и отстаивавшегося Сталиным на протяжении полутора десятков лет. Назвать новую конституцию апофеозом победы вождя не будет преувеличением или красивой метафорой. В каком-то смысле акт принятия нового основного закона подводил итог многолетней политической борьбе Сталина, служил неопровержимым доказательством того, что не его политические оппоненты, а он оказался прав, что логика истории на его стороне.

В широком историческом контексте новая конституция, конституция 1936 года, может рассматриваться в качестве своеобразного зеркала сталинизма как системы политических взглядов и практической политики. Именно поэтому она и привлекает к себе живое внимание, хотя многие аспекты, связанные с этой конституцией, и воспринимаются в наше время как далекая, чуть ли не ветхозаветная история.

По понятным причинам нет резона вдаваться во многие детали, связанные с историей разработки и принятием конституции, ее основными чертами и особенностями, исторической значимостью самого этого акта. Полагаю, что будет целесообразным ограничиться наиболее кардинальными моментами, способными в какой-то мере раскрыть масштабы личного участия Сталина во всем этом деле, а главное — его роль как главного архитектора новой государственной конструкции.

Именно Сталину принадлежит идея радикальной конституционной реформы в СССР. Об этом говорит следующий факт: 6 февраля 1935 г. он направил членам Политбюро записку такого содержания: «По-моему, дело с Конституцией Союза ССР обстоит куда сложнее, чем это может показаться на первый взгляд. Во-первых, систему выборов надо менять не только в смысле уничтожения ее многостепенности. Ее надо менять еще в смысле замены открытого голосования закрытым, (тайным) голосованием. Мы можем и должны пойти в этом деле до конца, не останавливаясь на полдороге. Обстановка и соотношение сил в нашей стране в данный момент таковы, что мы можем только выиграть политически на этом деле... Во-вторых, надо иметь в виду, что Конституция Союза ССР выработана в основном в 1918 году... Понятно, что конституция, выработанная в таких условиях, не может соответствовать нынешней обстановке и нынешним потребностям... Таким образом, изменения в конституции надо провести в двух направлениях: а) в направлении улучшения ее избирательной системы; б) в направлении уточнения ее социально-экономической основы. Предлагаю:

1. Собрать через день-два после открытия VII съезда Советов пленум ЦК ВКП(б) и принять решение о необходимых изменениях в Конституции Союза ССР.

2. Поручить одному из членов политбюро ЦК ВКП(б) (например, т. Молотову) выступить на VII съезде Советов от имени ЦК ВКП(б) с мотивированным предложением: а) одобрить решения ЦК ВКП(б) об изменениях Конституции Союза ССР; б) поручить ЦИК Союза ССР создать конституционную комиссию для выработки соответствующих поправок к конституции с тем, чтобы одна из сессий ЦИК Союза ССР утвердила исправленный текст конституции, а будущие выборы органов власти производились на основе новой избирательной системы.

Сталин»⁴⁰.

В феврале 1935 года пленум ЦК партии в соответствии с инициативой Сталина признал необходимым внести изменения в действующую Конституцию СССР в целях дальнейшей демократизации избирательной системы и уточнения социально-экономической основы конституции в соответствии с новой классовой структурой, сформировавшейся в стране и утверждения безраздельного господства социалистической собственности в экономике. Пленум поручил комиссии во главе со Сталиным подготовить соответствующий проект и внести его на рассмотрение высшего органа государственной власти. Была создана конституционная комиссия, в которую вошли руководящие партийные и советские работники, представители союзных республик, юристы и общественные деятели. Были созданы также подкомиссии по различным аспектам работы. В конечном счете в мае 1936 года конституционная комиссия на своем пленарном заседании выработала окончательный текст. Проект был рассмотрен в июне 1936 года пленумом ЦК, который принял и одобрил в основном проект Конституции СССР. В соответствии с решением ЦИК

⁴⁰ "Вопросы истории". 2000 г. № 2. С. 49.

СССР этот проект был вынесен на всенародное обсуждение, в котором приняло участие несколько десятков миллионов граждан. Вносились самые различные поправки и предложения, рассматривавшиеся в соответствующих подкомиссиях.

25 ноября 1936 г. в Москве открылся Чрезвычайный VIII съезд Советов Союза ССР. С докладом о проекте конституции выступил Сталин, обосновавший основные положения новой конституции, сформулировавший мотивы, лежавшие в основе принятия или отклонения того или иного предложения, раскрывшего значение новой конституции для Советской страны и ее международную значимость.

Особый акцент в докладе был сделан на анализе социально-экономических и политических перемен, произошедших в стране с 1924 года и создавших реальный фундамент для возможности принятия новой конституции: «Наше советское общество добилось того, что оно уже осуществило в основном социализм, создало социалистический строй, т. е. осуществило то, что у марксистов называется иначе первой или низшей фазой коммунизма. Значит, у нас уже осуществлена в основном первая фаза коммунизма, социализм»⁴¹

Нет надобности детально рассматривать все главные аспекты обстоятельного доклада, многие из которых представляют собой уже узко историческую ценность. Остановлюсь лишь на моментах, имеющих прямое отношение к принципиальным положениям, не утратившим своего значения и в наше время. А часто и напрямую связанных с современностью.

Прежде всего Сталин уделил должное внимание обоснованию существования в Советском Союзе однопартийной системы. Ведь большинство буржуазных, а также леводемократических критиков советской конституции указывали на данное обстоятельство как доказательство отсутствия в Советском Союзе подлинно демократических начал. Аргументация вождя не отличалась особой оригинальностью и сводилась к известным большевистским постулатам, незыблемость которых прокламировалась фактически на протяжении всей истории существования Советской власти.

Сталин, в частности, дал развернутый ответ на упреки в том, что новая конституция «не допускает свободу политических партий и сохраняет в силе нынешнее руководящее положение партии коммунистов в СССР. При этом эта группа критиков считает, что отсутствие свободы партий в СССР является признаком нарушения основ демократизма.

Я должен признать, что проект новой Конституции действительно оставляет в силе режим диктатуры рабочего класса, равно как сохраняет без изменения нынешнее руководящее положение Коммунистической партии СССР. (*Бурные аплодисменты.*) Если уважаемые критики считают это недостатком проекта Конституции, то можно только пожалеть об этом. Мы же, большевики, считаем это достоинством проекта Конституции. (*Бурные аплодисменты.*)

Что касается свободы различных политических партий, то мы держимся здесь несколько иных взглядов. Партия есть часть класса, его передовая часть. Несколько партий, а значит и свобода партий может существовать лишь в таком обществе, где имеются антагонистические классы, интересы которых враждебны и непримиримы, где имеются, скажем, капиталисты и рабочие, помещики и крестьяне, кулаки и беднота и т. д. Но в СССР нет уже больше таких классов, как капиталисты, помещики, кулаки и т. п. В СССР имеются

только два класса, рабочие и крестьяне, интересы которых не только не враждебны, а наоборот — дружелюбны. Стало быть, в СССР нет почвы для существования нескольких партий, а значит и для свободы этих партий. В СССР имеется почва только для одной партии, Коммунистической партии. В СССР может существовать лишь одна партия — партия коммунистов, смело и до конца защищающая интересы рабочих и крестьян»⁴².

Логика в рассуждениях вождя, конечно, железная, если все рассматривать исключительно через призму классовых критериев. Однако в реальной жизни приходится иметь дело не только с этими безусловно важными, можно сказать, решающими, критериями. У Сталина все другие критерии как бы отметались с порога в виду их подчиненной значимости. Надо сказать, что в борьбе против социализма уже в послесталинскую эпоху так называемый императив, признающий однопартийную систему в условиях социализма, превратился в ахиллесову пяту Советской власти, и в конечном счете сыграл роль одного из основных рычагов для свержения социалистического строя. Так что чисто формальное провозглашение однопартийности как принципа государственного строительства отнюдь не является достаточной гарантией от попыток реставрации прежнего строя. В условиях же того времени, о котором идет речь, этот принцип казался настолько незыблемым и долговечным, что мало у кого могла возникнуть мысль о том, что он не выдержит сурового испытания временем.

Я не хочу подвести читателя к мысли, будто сама по себе многопартийность уже является основой и гарантией успешного строительства демократического общества. Как показывает исторический опыт многих стран, в особенности, современной России, принцип многопартийности слишком часто служит лишь фиговым листком, призванным замаскировать отсутствие подлинной демократии. Сугубо формальные моменты демократии демонстративно выпячиваются на первый план и создается иллюзия существования действительно демократического устройства. На самом же деле мнимая многопартийность играет своеобразную роль пропагандистского прикрытия для реализации главной цели — обеспечения господства власти капитала. Сама эта, подчас искусственно создаваемая многопартийность, на деле, в реальной жизни, оказывается лишь оборотной стороной реальной однопартийности, где доминирует и все определяет лишь власть денег, власть капитала и государственной бюрократии, стремящейся сделать эту власть чуть ли не наследственной. Об этом более чем убедительно свидетельствует практика политической жизни России наших дней, где высшие посты в органах федеральной и местной власти занимают одни и те же лица на протяжении многих сроков. При этом всегда находятся «убедительные» аргументы и «правовые» основания, чтобы оправдать и узаконить подобную практику.

Так что, сопоставляя прошлое с настоящим, можно сделать вывод: гораздо более честным и понятным с точки зрения нормальной человеческой логики было открытое признание и обоснование со стороны большевиков, и Сталина в первую очередь, исторической необходимости существования однопартийной системы. По крайней мере, людей не водили за нос и не доказывали, что многопартийность — это главный родовый признак подлинной демократии. Это мое отступление от темы продиктовано не эмоциональным всплеском, а бесстрастным сравнением, которое с исторической точки зрения просто напрашивается как бы само собой.

⁴² И. Сталин. Вопросы ленинизма. С. 523.

Попутно стоит отметить, что и в условиях многопартийности вполне возможно строительство социалистического строя. Это наглядно видно на примере Китайской Народной Республики. Система многопартийности в Китае отнюдь не служит препятствием для компартии в полной мере реализовывать свою руководящую роль во всех сферах жизни. В дальнейшем, уже в послевоенный период, Сталин серьезно пересмотрел свою концепцию однопартийности. Но об этом речь пойдет в соответствующих главах.

В докладе Сталина содержалось еще одно принципиально важное положение, заслуживающее того, чтобы на нем специально остановиться. Речь идет о том, что вождь категорически выступил против следующей поправки. «Поправка состоит в том, что предлагают исключить вовсе из проекта Конституции 17-ую статью, говорящую о сохранении за Союзными республиками права свободного выхода из СССР. Я думаю, — подчеркивал Сталин, — что это предложение неправильно и потому не должно быть принято Съездом. СССР есть добровольный союз равноправных Союзных республик. Исключить из Конституции статью о праве свободного выхода из СССР, — значит нарушить добровольный характер этого союза. Можем ли мы пойти на этот шаг? Я думаю, что мы не можем и не должны идти на этот шаг. Говорят, что в СССР нет ни одной республики, которая хотела бы выйти из состава СССР, что ввиду этого статья 17-ая не имеет практического значения. Что у нас нет ни одной республики, которая хотела бы выйти из состава СССР, это, конечно, верно. Но из этого вовсе не следует, что мы не должны зафиксировать в Конституции право Союзных республик на свободный выход из СССР»⁴³.

Конечно, с точки зрения формальной логики аргументация Сталина вполне убедительна. Однако опять-таки следует заметить, что в основе его аргументации лежали чисто классовые критерии и оставались как бы в тени все другие. Подобная аргументация не принимала во внимание многих факторов будущего государственного строительства СССР, которые предвидеть было невозможно, ибо они находились за горизонтом событий, поддающихся предвидению. Вождь, как мне кажется, все еще не отошел от удара, нанесенного ему в свое время Лениным в связи с предложением Сталина строить новое союзное государство на основе автономизации, т. е. вхождения республик в состав России. Хотя, как показал опыт исторического развития страны (особенно через призму ретроспективного подхода), идея Сталина больше отвечала историческим условиям нашей страны и — это главное — служила определенной гарантией против попыток всевозможных внутренних и внешних сил подорвать изнутри наше государство и развалить его. Здесь опять-таки свою негативную роль сыграла узость чисто классового подхода, поскольку считалось, что во всех союзных республиках у власти стоят трудящиеся классы, а они ни в коей мере не заинтересованы в разъединении своих общих сил. Такой глубокий знаток национального вопроса, каким был Сталин, недоучел исключительной сложности и динамичности национального вопроса, национальных факторов, подверженных постоянным изменениям, и способных в силу этого на том или ином историческом рубеже выступить в качестве локомотива регрессивного развития. В конечном счете, как показал послесталинский период нашей истории, совокупность национальных моментов и стала тем опорным рычагом, с помощью которого было подорвано единство Союзного государства.

⁴³ И. Сталин. Вопросы ленинизма. С. 527.

Конечно, читатель может упрекнуть автора: легко быть прозорливым задним числом! И будет, конечно, прав. Однако я выступаю в роли не судьи и обличителя тех или иных ошибок Сталина, а всего лишь в качестве как бы беспристрастного созерцателя событий тех лет, о которых имею право высказать собственное суждение. Именно суждение, а не какой-то исторической вердикт.

В связи с конституцией у историков возникало и возникает немало вопросов, касающихся роли самого Сталина в ее разработке. Что касается принятия конституции, то здесь относительно роли Сталина ни у кого нет никаких сомнений — он был верховным арбитром, выносившим окончательный вердикт о судьбе конституции, а всенародное обсуждение и голосование на съезде Советов лишь служило демократическим прикрытием его окончательного решения. Но совершенно бесспорным является то, что Сталин активно участвовал в разработке проекта конституции. Это его участие выражалось прежде всего в том, что он определял основные направления и параметры конституции, характер ее главных социальных, экономических и политических норм. Ему же, конечно, принадлежало и последнее слово в вопросах, касавшихся формулирования демократических норм — о правах и обязанностях граждан, о характере выборов, об отмене всех и всяческих ограничений в правовом положении граждан и т. д.

Но едва ли допустимо полагать, что он лично формулировал статьи конституции, даже самые принципиальные, поскольку здесь требовались солидные правовые знания, коими он, разумеется, обладал в недостаточной мере. Да и было бы наивным считать, что творец конституции, которым его по праву называли, должен был самолично писать весь ее текст. Хотя имеются доказательства того, что он внимательно изучал весь комплекс конституционных проблем, в том числе и опыт конституционного устройства в западных странах. Поскольку СССР являлся федеративным государством, то вождя интересовало то, как федеративные принципы и нормы воплощены в конституциях стран, построенных на федеративных началах. В шифровке от октября 1935 года Кагановичу он просит: «Переговорите с Радеком и пришлите мне срочно Конституцию Швейцарии. Жду ответа. Сталин»⁴⁴.

Из текста шифровки явствует, что знакомство с Конституцией Швейцарии Сталин считал для себя важным делом. Вообще, будучи знатоком национального вопроса, он нередко ссылаясь в своих произведениях на пример этого небольшого, но богатого по части конституционного опыта государства. Упоминание в данном контексте имени Радека однозначно говорит о том, что последний принимал самое активное участие в составлении конституции. Некоторые западные специалисты, такие, как С. Коен, Р. Такер и ряд других (я уже не говорю о советских и российских историках), придерживаются, причем весьма твердо, убеждения, что подлинными авторами сталинской конституции были Бухарин и Радек. Так, Р. Такер пишет: «Особое внимание привлекли положения о гражданских правах, автором которых считается Бухарин»⁴⁵. Можно было бы привести немало других высказываний того же рода, но, думаю, в этом нет необходимости. По всей вероятности, и Бухарин, и Радек, и Таль и многие другие принимали деятельное участие в составлении конституции. Однако по одному этому параметру причислять их к авторам конституции нет оснований. Их роль — какой бы крупной она ни была — в любом случае

⁴⁴ Сталин и Каганович. Переписка. С. 597.

⁴⁵ Роберт Такер. Сталин у власти. С. 322.

была ролью исполнителей воли Сталина. Вопреки его мнению каких-либо серьезных новаций в конституцию ни Бухарин, ни Радек, ни кто-либо другой внести никак не могли. Просто это лежало вне пределов их возможностей. Выражаясь более поздним жаргоном, они просто выполняли функции литературных негров, работавших на вождя.

Любопытно отметить такую деталь: еще до опубликования проекта конституции Сталин лично развернул пропагандистскую кампанию в ее пользу. Причем адресатом была зарубежная общественность, у которой вождь стремился создать себе (выражаясь современным нижегородски-английским сленгом) имидж последовательного сторонника и гаранта демократических свобод. Ведь к тому времени на Западе его репутация была диаметрально противоположного свойства. В беседе с председателем американского газетного объединения Р. Говардом вождь широкими мазками нарисовал радужную картину торжества подлинно демократических норм в результате принятия новой конституции. «... По новой конституции, — заявил он, — выборы будут всеобщими, равными, прямыми и тайными. Вас смущает, что на этих выборах будет выступать только одна партия. Вы не видите, какая может быть в этих условиях избирательная борьба. Очевидно, избирательные списки на выборах будет выставлять не только коммунистическая партия, но и всевозможные общественные беспартийные организации. А таких у нас сотни»⁴⁶.

И как бы предвидя обоснованную скептическую реакцию собеседника относительно возможности какой-либо избирательной борьбы в условиях однопартийной системы, Сталин следующим образом дополнил свою аргументацию: «Вам кажется, что не будет избирательной борьбы. Но она будет, и я предвижу весьма оживленную избирательную борьбу. У нас немало учреждений, которые работают плохо. Бывает, что тот или иной местный орган власти не умеет удовлетворить те или иные из многосторонних и все возрастающих потребностей трудящихся города и деревни. Построил ли ты или не построил хорошую школу? Улучшил ли ты жилищные условия? Не бюрократ ли ты? Помог ли ты сделать наш труд более эффективным, нашу жизнь более культурной? Таковы будут критерии, с которыми миллионы избирателей будут подходить к кандидатам, отбрасывая негодных, вычеркивая их из списков, выдвигая лучших и выставляя их кандидатуры. Да, избирательная борьба будет оживленной, она будет протекать вокруг множества острейших вопросов, главным образом вопросов практических, имеющих первостепенное значение для народа»⁴⁷.

Вождь, конечно, лукавил, говоря об оживленной избирательной борьбе в ходе выборов. Это ему понадобилось не только для оправдания существования монопольного положения коммунистической партии. Вопрос состоял в том, что в ходе обсуждения проекта конституции усиленно циркулировали разговоры о том, что будет введена система выдвижения нескольких кандидатов, поскольку только в таком случае выборы можно было бы именовать выборами, а не простой процедурой опускания избирательных бюллетеней в урны с заранее предreshенным итогом голосования. В конце концов голосование — это еще не выборы. Тысячи подтверждений тому мы имеем и в нашей сегодняшней российской действительности, когда при отсутствии монополии на власть одной партии используются различные рычаги и средства, прежде всего так называемый административный ресурс, чтобы заранее фактически предreshать исход выборов в пользу партии власти.

⁴⁶ И. В. Сталин. Соч. Т. 14. (Беседа с Р. Говардом). (Электронная версия).

⁴⁷ Там же.

В этом плане сталинская конституция была вполне четкой, не допускавшей даже каких-либо попопзновений на политическую конкуренцию. Она закрепила ведущую роль Коммунистической партии в Советском государстве, зафиксировав положение, что наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются в Коммунистическую партию, «являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных»⁴⁸.

Новая конституция зафиксировала новую реальность — социальное единство советского общества. Но Сталин не был так одержим всякого рода демократическими нововведениями, чтобы пойти на признание отсутствия в стране классовых различий. В конституции было сказано, что СССР является социалистическим государством рабочих и крестьян, что явно подчеркивало его классовый характер. Интересно отметить, что уже тогда, в середине 30-х годов, в ходе обсуждения проекта конституции вносились предложения в законодательной форме провозгласить советское государство общенародным. Тогда на принятие данного предложения не пошли, исходя из постулата, что для этого отсутствуют необходимые реальные предпосылки. Впоследствии, уже в хрущевские времена, формула об общенародном государстве обрела характер правовой конституционной нормы.

Касаясь вопроса о классовой природе советского государства, необходимо отметить, что даже те довольно скромные и в общем не менявшие сути коррективы, внесенные в новую конституцию, вызвали яростную критическую реакцию главного политического оппонента вождя Троцкого. В статье о новой конституции, помещенной в бюллетене троцкистов, она подверглась уничтожающей критике как раз с позиций ортодоксального большевизма. В частности, там говорилось: «...Совершенно нельзя понять, какова же социальная природа того государства, для которого вырабатывается новая конституция? Советский строй официально считался выражением диктатуры пролетариата. Но если классы уничтожены, то тем самым уничтожена и социальная основа диктатуры. Кто же теперь является ее носителем? Очевидно, все население в целом. Но когда носителем диктатуры становится весь народ, освобожденный от классовых противоположностей, то это означает не что иное, как растворение диктатуры в социалистическом обществе, и, следовательно, ликвидацию государства. Марксистская логика неуязвима. Ликвидация государства, в свою очередь, начинается с ликвидации бюрократии. Не означает ли новая конституция хотя бы ликвидацию ГПУ? Пусть кто-нибудь попробует в СССР высказать эту мысль: ГПУ немедленно найдет убедительные доказательства для ее опровержения. Классы уничтожены, советы отменяются, классовая теория государства летит прахом, но бюрократия остается. Что и требовалось доказать»⁴⁹.

Но Сталина мало тревожили возможные упреки со стороны левого спектра коммунистического движения в отходе от традиционного марксизма. Он строил новое государство и не желал, чтобы на его ногах висели гири прежних догм или даже откровенных марксистских иллюзий. Руководствуясь ими, двигаться вперед он не мог. Да,

⁴⁸ Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. Сборник документов. Т. III (1922 – 1936 гг.) М. 1936. С. 243.

⁴⁹ "Бюллетень оппозиции". 1936 г. № 50. (Электронный вариант)

собственно говоря, никакой фундаментальной ревизии марксистско-ленинских установок о государстве в сталинских нововведениях не было. Там имелись лишь новые формулировки, прикрывавшие по существу классовый подход к определению природы советского общества. В то время такой подход все еще оставался альфой и омегой его политического мышления.

Сталину важно было продемонстрировать перед своим народом, да и перед всем миром, что социализм отнюдь не враждебен демократии, не является ее отрицанием, а тем более антиподом. И такой подход нельзя не признать не только прагматичным, но и здравым по существу. Именно поэтому новая конституция не только установила полное равноправие советских граждан независимо от их социального происхождения и классовой принадлежности, но и в соответствии с этим расширила круг основных прав и свобод советских людей. Историческим достижением явилось законодательное закрепление фундаментальных социально-политических прав и свобод: права на труд, на отдых, образование, на материальное обеспечение в старости, равные права женщины с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни, свободу совести, слова, печати, собраний и митингов, объединения трудящихся в различные общественные организации, неприкосновенность личности, жилища, тайну переписки.

Сталинская конституция закрепила принцип единства прав и обязанностей граждан. Гарантируя советским гражданам их права, конституция в то же время требовала строгого исполнения законов, соблюдения дисциплины труда и выполнения других обязанностей по укреплению советского общественного строя и защите социалистического отечества. Иными словами, в конституции находило свое воплощение классическое положение — «нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав».

Но чтобы люди не слишком расслабились и не изнемогали под бременем своего счастья, в конституции указывалось, что права и свободы предоставляются гражданам СССР в целях укрепления социалистического строя. Эта емкая и расплывчатая формула могла быть истолкована в пределах желаемого, т. е. ее содержание открывало возможности для проведения всякого рода акций против тех, кто, по мнению власти имущих, выступает против социалистического строя.

Короче говоря, весь дух и смысл новой сталинской конституции был двойственным и противоречивым. С одной стороны, она действительно закрепляла неведомые ранее нашему обществу и государству социально-экономические права и демократические свободы, что потенциально открывало перед советским обществом возможность действительно эффективного продвижения к утверждению подлинной демократии (разумеется, не в буржуазном, т. е. западном понимании ее), к расцвету всех творческих возможностей личности. С другой стороны, некоторые ее положения, прежде всего касающиеся прав и свобод человека, всего лишь декларировались и не обеспечивались в реальной жизни.

В связи с вопросом о конституции трудно обойти молчанием и выступление Сталина перед избирателями в 1937 году. Многие положения этого выступления уже, разумеется, утратили свою историческую актуальность, что вполне естественно. Но на одном сюжете из этой речи стоит акцентировать внимание читателя. Сталин поставил вопрос об ответственности депутатов перед своими избирателями, причем постановка этого вопроса,

на мой взгляд, удивительным образом перекликается с практикой выборов, которую мы сейчас наблюдаем в нашей стране. Аналогия, как говорится, напрашивается сама собой. «Пока идут выборы, — говорил Сталина, — депутаты заигрывают с избирателями, лебезят перед ними, клянутся в верности, дают кучу всяких обещаний. Выходит, что зависимость депутатов от избирателей полная. Как только выборы состоялись и кандидаты превратились в депутатов, отношения меняются в корне. Вместо зависимости депутатов от избирателей получается полная их независимость. На протяжении 4-х или 5-ти лет, то есть вплоть до новых выборов, депутат чувствует себя совершенно свободным, независимым от народа, от своих избирателей. Он может перейти из одного лагеря в другой, он может свернуть с правильной дороги на неправильную, он может запутаться в некоторых махинациях не совсем потребного характера, он может кувыркаться, как ему угодно, — он независим.

Можно ли считать такие отношения нормальными? Ни в коем случае, товарищи. Это обстоятельство учла наша Конституция, и она провела закон, в силу которого избиратели имеют право досрочно отозвать своих депутатов, если они начинают финтить, если они свертывают с дороги, если они забывают о своей зависимости от народа, от избирателей»⁵⁰.

Невольно напрашивается мысль, что вождь как-будто заглянул через многие десятилетия в нынешнюю российскую действительность. Комментарии здесь, пожалуй, излишни, и каждый более или менее объективный наблюдатель едва ли оспорит утверждение, что картина выборов в современной России удивительно напоминает нарисованную Сталиным в 1937 году.

Возвращаясь к конституции, следует подчеркнуть следующее. У меня нет намерения как-то принизить действительно большое историческое значение самого факта принятия новой конституции. Особенно, если учитывать реалии того сурового времени. Но и закрывать глаза на то, что нормы и положения конституции на деле зачастую являлись сплошной фикцией — этого не замечать может только тот, кто вообще ничего не хочет видеть. А данное качество — хуже политической слепоты. В связи с оценкой сталинской конституции (а она с самого начала ее подготовки, и особенно после принятия в декабре 1936 года, называлась не иначе, как сталинской — и в этом был свой резон) невольно приходит на память один пассаж из бессмертного творения Щедрина. О ситуации, чем-то напоминающей ту, о которой идет речь, он писал:

«Конечно, невозможно отрицать, что попытки конституционного свойства существовали; но, как кажется, эти попытки ограничивались тем, что квартальные настолько усовершенствовались свои манеры, что не всякого прохожего хватили за воротник. Это единственная конституция, которая предполагалась возможною при тогдашнем младенческом состоянии общества. Прежде всего необходимо было приучить народ к учтивому обращению и потом уже, смягчив его нравы, давать ему настоящие якобы права. С точки зрения теоретической такой взгляд, конечно, совершенно верен. Но, с другой стороны, не меньшего вероятия заслуживает и то соображение, что как ни привлекательна теория учтвого обращения, но, взятая изолированно, она нисколько не гарантирует людей от внезапного вторжения теории обращения неучтвого (как это и доказано впоследствии появлением на арене истории такой личности, как майор Угрюм-Бурчеев), и, следовательно, если мы действительно желаем утвердить учтвое обращение

⁵⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 14. Речь на предвыборном собрании избирателей. (Электронный вариант)

на прочном основании, то все-таки прежде всего должны снабдить людей настоящими якобы правами. А это в свою очередь доказывает, как шатки теории вообще и как мудро поступают те военачальники, которые относятся к ним с недоверчивостью»⁵¹

Но отбросим в сторону всю горькую иронию сравнений и сопоставлений и взглянем в глаза фактам. А они более чем внушительны. Промышленное производство в СССР увеличилось в 1937 году по сравнению с 1913 годом почти в 6 раз, в США — лишь в 1,9 раза, а в Англии — в 1,2 раза. Ко времени принятия сталинской конституции Советская Россия выдвинулась на второе место в мире по объему промышленного производства. Царская же Россия занимала лишь пятое место. Увеличилась при этом и доля страны в мировом промышленном производстве: если в 1917 году Россия производила менее 3 процентов мировой промышленной продукции, то в 1937 году удельный вес СССР в мировом производстве приблизился к 10 процентам⁵². Можно было бы приводить массу цифр и фактов, свидетельствовавших о реальных, причем фундаментальных по своему значению, достижениях Советского Союза за две пятилетки. Однако не в одних фактах и цифрах дело. Даже беглый обзор деятельности Сталина в рассматриваемый период убедительно говорит о том, что, по всей видимости, он мог испытывать удовлетворение. Но в политике удовлетворение усыпляет и расхолаживает. Даже в какой-то степени обезоруживает. А вождь относился не к этой категории политиков. Всякий взятый рубеж он рассматривал как трамплин для нового прыжка. Тем более что время подгоняло, и стоять на месте, восторгаясь достижениями, было бы равносильно преступлению.

А на политическом горизонте между тем собирались тучи, грозившие обрушить на страну не просто ураган, а «настоящий русский тайфун». Приближалась новая фаза в сталинской политике, та фаза, которой в русском языке, наверное, трудно найти адекватное определение — великая чистка, большой террор, просто нарицательно — «1937 год»... Но какое бы, даже самое емкое, определение мы не использовали, оно едва ли способно отразить весь трагизм, всю глубину и огромные масштабы потрясений, обрушившихся на страну. Эти страницы, а они являются и наиболее мрачными страницами и в политической биографии Сталина, кровью и страданиями написаны на скрижалях советской истории того периода.

Как уже не раз подчеркивалось, разительная противоречивость многих сторон политической стратегии Сталина и вообще его деятельности, является фактом абсолютно бесспорным, не вызывающим каких-либо серьезных разночтений в трудах историков отнюдь неодинаковой ориентации. Споры и противостояния позиций начинаются тогда, когда встает вопрос об оценке и соотношении позитивных и негативных моментов во всей сталинской политике. Независимо от того, к какому периоду она относится. Здесь уже сказывается не столько противоборство различных методологий и подходов к оценке, а скорее чисто политические и идеологические мотивы. В своем подходе к этим чрезвычайно сложным и не поддающимся однозначной оценке проблемам я, насколько это было в моих силах, пытался соблюсти необходимую долю объективности. О беспристрастности говорить не приходится, поскольку любой, даже самый объективный исследователь, не может прыгнуть выше своей головы — то есть, продемон-

М. Е. Салтыков-Шедрин. История одного города. С. 128.

⁵² СССР и зарубежные страны после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Статистический сборник. М. 1970. С. 23.

стрировать полную беспристрастность. Мы не можем быть выше предела, predetermined природой, а человек, тем более историк, в любом случае не может полностью избежать положения, которое можно назвать, фигурально выражаясь, положением невольника собственных мыслей и чувств.

И тем не менее, я хочу еще раз подчеркнуть, что в максимальной мере стремился быть объективным при изложении событий и интерпретации фактов, связанных с так называемым синдромом 1937 года. Многие оценки могут быть восприняты как слишком односторонние и категоричные. Но я не хотел их сглаживать, чтобы обелить главного героя нашего повествования. Однако со всей убежденностью хочу подчеркнуть одну мысль — все ужасные события 30-х годов не могут затмить и отодвинуть на задний план истории то подлинно великое, что происходило в те годы. В конечном счете магистральное направление развития нашей страны в ту пору определялось не террором и репрессиями. Хотя они, конечно, не могли не сказаться отрицательным образом на ритме и темпах продвижения по выпавшему на нашу долю историческому пути. Суть и природу глубинных процессов той поры выражали не репрессии, а поступательное движение страны, укрепление ее могущества как великой державы. Именно это составляло главное содержание данного этапа развития Советского государства. Однако критики Сталина концентрируют все внимание на репрессиях, заслоняя ими все остальное. Никто, конечно, не может, не попирая истину, закрывать глаза на несправедливости той эпохи, в первую очередь на массовые репрессии. Но еще более противоречит исторической правде такой подход, когда самим фактом репрессий бесцеремонно отвергаются все другие факты. И прежде всего стремительное и невиданное в истории поступательное развитие советского общества, сам непереоценимый по своему значению факт превращения нашей страны из отсталой в высокоразвитую индустриальную державу. В конечном счете именно это и предопределило дальнейшую судьбу Советского государства, сумевшего выстоять в исключительно суровой борьбе с фашизмом.

Подводя краткое резюме, есть основания сказать, что сталинская политика в середине 30-х годов несла на себе печать двойственности и противоречивости.

С одной стороны, она обозначила колоссальный экономический и социальный прорыв, невиданный доселе рост образования и культуры народов Советского Союза, качественно новый уровень обороноспособности государства и т. д. Заметно улучшилось и материальное положение широких масс населения страны. Были декларированы и в правовой форме закреплены демократические нормы функционирования государственных структур и основные социальные и политические права граждан.

С другой стороны, именно середина 30-х годов вошла в нашу историческую летопись как период подготовки широкомасштабных репрессий и чисток. В этот период были подготовлены условия, сделавшие возможным осуществление Сталиным уже не политического, а физического устранения своих реальных и потенциальных противников. Словом, этот сравнительно короткий исторический отрезок времени вместил в себя то, что порой не вмещается и в рамки целых десятилетий.

Глава 12

УБИЙСТВО, ПОТЯСШЕЕ СТРАНУ

1. Причины репрессий: размышления и сомнения

В самом начале необходимо сделать одно замечание по поводу сделанного сознательно нарушения хронологических рамок изложения материала. Читателю, несомненно, бросится в глаза то, что глава, посвященная убийству Кирова, следует за рассмотрением общей политики Сталина в середине 30-х годов. Тогда как каноны хронологии диктовали обратный порядок расположения глав. Но в данном случае я намеренно пошел на это нарушение: мне представлялось логически обоснованным рассмотреть проблему репрессий в одном блоке, и здесь убийство Кирова как раз и служит своего рода отправной точкой. Оно органически связано с развертыванием широкомасштабных репрессий и чисток, последовавших вслед за ним. Поэтому, нарушая в чем-то требования хронологической последовательности, я стремился во главу угла поставить принцип внутренней взаимосвязи развертывавшихся тогда событий. Что, на мой взгляд, существенно важнее, нежели строгое соблюдение событийной хронологии. Короче говоря, лучше нарушить каноны хронологии, чем разорвать внутреннюю связь времен и событий.

В политической биографии Сталина наступает новый крутой поворот и все его биографы единодушны в том, что рубежом такого поворота стал 1934 год. Это был год убийства Кирова, открывший полосу неуклонно нараставших, как грандиозный вал, репрессий. Приступая к описанию этого периода в политической судьбе вождя, испытываешь наплыв весьма противоречивых мыслей и чувств. Они порождены как важностью самой проблематики, так и чрезвычайной сложностью исторического материала, которому предстоит дать определенную оценку. Если быть до конца откровенным, то у меня самого не сформировалась четкая и ясная концепция, базируясь на которой, можно вынести вполне обоснованные суждения. Слишком уж все настолько потрясает своей, на первый взгляд, жестокой бессмысленностью и еще более — своими грандиозными масштабами, — чтобы могло уложиться в сознании, найти свое логическое и историческое объяснение и обоснование. Обилие противоречий мешает избрать правильный путь к познанию событий той поры. Иногда кажется, что все происходившее выходит за пределы человеческого понимания. И тем не менее, оно имело место в жизни, и требует своего истолкования.

Заранее следует оговориться: читатель столкнется на страницах, посвященных данному периоду политической биографии Сталина, с противоречивостью, а порой и неопределенностью, явной двойственностью авторских суждений и выводов. И причина не

в неряшливости или торопливости автора, а в противоречивости самого исторического материала. Мне иногда приходила на ум мысль, что политическая арена той поры скорее напоминала сумасшедший дом, нежели определенную историческую реальность, доступную объективному логическому и психологическому анализу. А разобраться в том, что происходило в сумасшедшем доме, по силам разве что самому сумасшедшему. Получался некий заколдованный круг, выйти за рамки которого было равносильно выходу за пределы человеческой логики. Поэтому я и сам, помимо своей воли и желания, погружался порой в некий омут сомнений и недоумения. Меня пронизывало острое чувство неопределенности, когда требовалась четкость и определенность при формулировании того или иного конкретного вывода или общей оценки.

При этом надо заметить, что я достаточно основательно ознакомился с большой суммой фактов, неплохо знал позиции и оценки историков, исследовавших данный период сталинской деятельности. Terra incognita для меня была не сама эпоха репрессий, а ее объяснение, ее внутренняя сущность, внутренняя логика, служившая локомотивом, приведшим в движение весь этот процесс. В сталинской историографии существует огромное множество концепций и просто гипотез, интерпретирующих рассматриваемый период. Но каждая из них в отдельности и все они в совокупности не дают четкого ответа на многие, причем фундаментальные вопросы. Складывается такое впечатление, что эпоха репрессий пока еще не нашла своего действительно глубокого, всесторонне обоснованного и по всем важным параметрам мотивированного исторического объяснения. Она была и еще, видимо, долго будет предметом не только научных изысканий, но и жестких полемических схваток.

Конечно, усилия автора в этой области едва ли станут какой-то принципиальной новацией, своего рода революцией в интерпретации событий того времени. Мне кажется, что слишком мал временной диапазон, отделяющий нас от той эпохи, чтобы мы могли без всплесков эмоций дать им объективную, соответствующую требованиям исторической истины, обобщающую оценку. Ведь сказать, что это были преступления и поставить на этом точку — это все равно, что сказать только А. Но нужно сказать и Б. Нужно объяснить внутреннюю логику того, что имело место в жизни. Нужно вскрыть не только мотивы, которыми руководствовался Сталин, но и то, почему все это стало возможным. Понять внутренние пружины, запускающие в действие исторический процесс любого масштаба, — отнюдь не простое дело.

Наконец, важно всегда иметь в виду и никогда не упускать из нити своих размышлений два принципиально важных момента: роль субъективного фактора, т.е. роль самого вождя, и роль объективного фактора, т.е. совокупности реальных условий, в которых протекали события той поры. Одни исследователи видят основные причины репрессий в личных качествах Сталина как человека, дополненных и помноженных на особенности его политической философии. Отсюда и вытекает методология их подхода, предопределяющая окончательные выводы и оценки. Другие акцент делают на действии объективных закономерностей, в силу которых вождь, вне зависимости от своих личных планов и побуждений, поступал именно так, как это имело место в жизни, что все было чуть ли заранее предreshено логикой исторического процесса.

Полагаю, что первый подход страдает однобокостью, отсутствием широты исторического видения событий, придает отдельной личности значение, несоразмерное с ее реальной ролью в развитии и динамике общественных процессов. Поэтому такой

подход не открывает возможности глубоко и всесторонне объяснить как истоки репрессий, так и их масштабы. Не намного убедительнее выглядит и второй подход, в силу которого личность как бы исключается из поля действия исторических закономерностей. И если даже не исключается вовсе, то во всяком случае весьма ограничивается, выступая лишь в качестве какого-то обязательного статиста на арене событий.

Путь к решению проблемы, как я полагаю, состоит в том, чтобы соединить оба эти подхода в нечто единое целое. Но соединить не механически, а органически. Правда, сказать это легко, а сделать чрезвычайно трудно. Внутренняя взаимосвязь и взаимодействие первого и второго подходов, их взаимопереплетение могут служить хорошей предпосылкой для того, чтобы избежать крайностей обоих этих подходов, взятых по отдельности. Но любой исторический материал всегда представляет собой единое целое, и искусственно расчленять его недопустимо. Хотя, в данном случае имеется в виду не сам исторический материал как таковой, а лишь методология его анализа.

Мои рассуждения о первопричинах репрессий в Советской России в 30-е годы несут на себе печать какой-то абстрактности, внеисторичности. У читателя невольно возникнет мысль о том, будто такого рода явления являлись уникальными и не имели прецедента в мировой истории. Но это будет заблуждением: всемирная история настолько богата событиями любого рода, что ее, как говорится, ничем не удивишь. В других странах и у других народов тоже случались явления более или менее аналогичного порядка.

Но нет смысла вникать в глубины истории других стран и проводить какие-то сравнения и сопоставления, чтобы доказать некую уникальность репрессий, предпринятых Сталиным в 30-е годы. Хотя, конечно, они имеют свои неповторимые черты и особенности. Главное в том, чтобы попытаться разобраться в их истоках, целенаправленных мотивах и последствиях, оставивших глубокий след в сознании многих миллионов людей.

Прежде всего, конечно, следует начать с режиссера и главного исполнителя грандиозного политического действия, столь глубоко затронувшего все советское общество и в конце концов имевшего далеко идущие международно-политические последствия. Сталин в качестве неоспоримого лидера страны, вне всякого сомнения, имел свои собственные резоны, чтобы развернуть грандиозную чистку, с разной интенсивностью продолжавшуюся в течение почти четырех лет. Да и как таковая, чистка, собственно, никогда и не прекращалась. Поэтому есть основания утверждать, что чистки и репрессии являлись перманентным явлением в период правления Сталина. И в этом состояла одна из характерных черт всей сталинской эпохи.

Прежде чем перейти к мотивации, лежавшей в основе сталинского курса на репрессии, следует не упустить из поля зрения и личные черты его характера, о которых довольно подробно было сказано в первом томе. Здесь я не хочу повторяться, хотя повторение иногда и диктуется необходимостью: ведь сама личность вождя — это динамика в своем самом реальном выражении. Сталин 20-х годов не адекватен Сталину 30-х годов, а тем более последующих десятилетий. Он был в непрерывном развитии, обретая новые черты и новый опыт, отказываясь от некоторых своих прежних взглядов и представлений. О нем судить надо с неременным учетом фактора времени. Сталина трудно представить себе в статичном состоянии, в качестве некоего неизменного в своих проявлениях политического лидера. На его политической деятельности лежит неизгладимая печать прагматизма. Но сам он не был прагматиком в обычном понимании этого слова. Его

политическая философия отличалась широтой кругозора и умением распознавать глубинные тенденции исторического процесса и учитывать их в своей практической деятельности. К тому же, он был не столь прост, каким казался и каким любил изображать себя в глазах общественного мнения своей страны и за рубежом. Есть немало высказываний Сталина, характеризующих его отношение к оценкам своей личности за рубежом. Вот одно из них, относящееся к 1931 году, когда он не находился еще в зените своей славы. В беседе с Э. Людвигом он заявил: «Я знаю, что господа из враждебного лагеря меня считают чем угодно. Я считаю ниже своего достоинства разубеждать этих господ. Подумают еще, что ищущую популярность»¹. Кстати, это место из записи беседы не было передано гласности при жизни Сталина по причинам, о которых можно только гадать.

В еще меньшей степени он соответствовал образу, который рисовали его политические оппоненты. Хотя, надо сказать, что многие отрицательные черты его характера и личности в целом они смогли разглядеть чуть ли не с самого начала его восхождения на вершины власти. Особенно в этом преуспел Троцкий, изображавший своего смертельного врага как человека, в котором соединились чуть ли не все пороки, присущие политическому деятелю. Но главных достоинств Сталина Троцкий так и не сумел разглядеть. Ему, несмотря на определенную проницательность, оказалось не под силу увидеть в Сталине личность исторического масштаба. То ли помешало чувство неистребимой пламенной ненависти к генсеку, то ли непомерно высокое самомнение, лишавшее способности объективно оценивать людей, в том числе и своих соперников. При всей обстоятельности работ Троцкого о Сталине (а они, даже с учетом их не подлежащей сомнению тенденциозности, бесспорно, занимают первое место в сталинской историографии) в них явственно ощущается отсутствие не столько полета мысли, сколько проникновения в суть исторических событий, заикленность на желании представить своего противника серой личностью, пробравшейся на историческую сцену только благодаря своей хитрости, беспринципности и непревзойденного лицедейства. Правда, на одних этих качествах (при отсутствии других — более весомых) сыграть такую роль в истории страны, да и в мировой истории в целом, просто невозможно.

Справедливости ради необходимо отметить, что уничижительные оценки Троцкого содержатся в его публичных выступлениях и публикациях. В своем же дневнике, оставаясь наедине с самим с собою, главный оппонент вождя был в своих оценках гораздо более прозорлив и более объективен. В середине 30-х годов он писал: «победа... Сталина была предопределена. Тот результат, который зеваки и глупцы приписывают личной силе Сталина, по крайней мере его необыкновенной хитрости, был заложен глубоко в динамику исторических сил... Сталин явился лишь полубессознательным выражением второй главы революции, ее похмелья»².

Иными словами, Троцкий вынужденно признает, что победа стратегического курса Сталина была предопределена логикой и закономерностями исторического процесса. В дальнейшем я еще коснусь вопроса о том, насколько исторически неизбежными и закономерными были события, наполнившие сталинскую эпоху страницами жестоких репрессий и преследований. Сейчас же коснусь лишь личных качеств вождя и того, как они повлияли на разворот российской истории в тот период.

¹ "Исторический архив". 1998 г. № 3. С. 217.

² *Лев Троцкий. Дневники и письма*. М. 1991. С. 91–91.

Размышляя о Сталине и том, как его личные человеческие качества отразились на его деятельности и вообще на его судьбе, хочется привести строки из Д. Байрона. Они, как мне кажется, помогают понять хотя бы отдельные черты этой исторической фигуры. Д. Байрон писал в своем «Чайлд-Гарольде»:

«Всю жизнь он создавал себе врагов,
Он гнал друзей, любовь их отвергая,
Весь мир подозревать он был готов.
На самых близких месть его слепая
Обрушивалась, ядом обжигая, —
Так светлый разум помрачала тьма.
Но скорбь виной, болезнь ли роковая?
Не может пронизательность сама
Постичь безумие под маскою ума...»³

Эти строки, кажется, рисуют не образ героя байроновского творения, а личность Сталина — они так верно и точно передают его общий облик и даже в чем-то трагичность всей его судьбы. Ведь политический триумф Сталина—вождя всегда, как тень, сопровождала какая-то личная обреченность, которую он и сам не сознавал.

В контексте рассматриваемой проблемы личные качества Сталина, несомненно, сыграли чрезвычайно важную роль — они определили весь стиль и методы осуществления великой чистки (или великих репрессий — кому какое название больше по душе!). Печать присущих вождю подозрительности, недоверчивости, мстительности и даже коварства явственно проглядывает через все страницы страшной эпопеи, вошедшей в нашу историю как преступления периода культа личности. Но с того самого времени, когда Н. Хрущев выступил с разоблачениями Сталина на XX съезде КПСС в 1956 году, во весь рост встал вопрос о том, как соизмерить и как совместить преступления, ответственность за которые возлагалась исключительно на одного человека, с действием так называемых законов общественного развития? Как в рамках советской социалистической системы оказались возможными такие явления? Или эти «объективные» законы не так уж и объективны, если один человек может перечеркнуть их действие? Или действие самих этих объективных законов предопределило политику, проводимую Сталиным?

Словом, вопросов возникло гораздо больше, чем людей, способных дать на них вразумительные ответы. С течением времени, по мере развертывания различных этапов десталинизации, всякого рода откатных движений в критике вождя и т. п. событий, острота поставленных вопросов не только не ослабевала, но и становилась все более злободневной. Возникло немало концепций, в рамках которых предпринимались попытки дать, наконец, необходимое и исторически верное объяснение событиям того времени.

Одна из таких концепций, активным сторонником и разработчиком которой был видный российский историк патриотического направления В. Кожинов, сводится к следующему. «...Столь масштабный и многосторонний поворот неверно, даже нелепо рассматривать как нечто совершившееся по личному замыслу и воле Сталина...» И далее он пишет, что это был: «... ход самой истории, а не реализация некой личной программы

³ Библиотека Всемирной литературы. Джордж Гордон Байрон. Т. 67. М. 1972. С. 121.

Сталина, который только в той или иной мере осознавал совершавшееся историческое движение и так или иначе закреплял его в своих «указаниях». И, как явствует из многих фактов, его поддержка этого объективного хода истории диктовалась прежде всего и более всего нарастанием угрозы глобальной войны, которая непосредственно стала в повестку дня после прихода к власти германских нацистов в 1933 году»⁴.

Если коротко изложить существо позиции В. Кожина (а равно и ряда других исследователей, придерживающихся аналогичных взглядов), то его можно свести к следующему. Начиная с 1934 года в политической стратегии Сталина обозначился явственный поворот от традиционных марксистско-ленинских классовых постулатов к геополитическому мышлению. Последнее требовало возрождения русских национальных ценностей, многих, подвергавшихся прежде шельмованию, традиций, наконец, возвращения стране и народу ее подлинной истории. Истории, которая бы базировалась на реальных фактах, а не на узко толкуемых классовых критериях. Иными словами, этап революционного ниспровержения завершался своим логическим концом и неизбежно должен был начаться этап национального созидания. Причем, под национальным созиданием подразумевалось не только русское национальное достояние (история, культура, наука, искусство и т. д.), но и национальные ценности других наций и народов, входивших в состав Союза.

Именно с этого времени в политической философии Сталина все более четко и последовательно стал обозначаться крен в сторону исторически объективной, соответствующей действительности, оценке роли русского народа и вообще принципа государственности в становлении и утверждении на международной арене многонациональной Российской державы. Державы, коренным образом отличавшейся от классических колониальных империй эпохи капитализма и империализма. Так, критикуя поэта Д. Бедного, Сталин подчеркивал в начале 1930 года:

«Руководители революционных рабочих всех стран с жадностью изучают поучительнейшую историю рабочего класса России, его прошлое, прошлое России, зная, что кроме России реакционной существовала ещё Россия революционная, Россия Радищевых и Чернышевских, Желябовых и Ульяновых, Халтуриных и Алексеевых. Всё это вселяет (не может не вселять!) в сердца русских рабочих чувство революционной национальной гордости, способное двигать горами, способное творить чудеса.

А Вы? Вместо того, чтобы осмыслить этот величайший в истории революции процесс и подняться на высоту задач певца передового пролетариата, ушли куда-то в лошину и, запутавшись между скучнейшими цитатами из сочинений Карамзина и не менее скучными изречениями из «Домостроя», стали возглашать на весь мир, что Россия в прошлом представляла сосуд мерзости и запустения...»⁵

В контексте реалий сегодняшней России особенно важно подчеркнуть, что Сталин фактически проводил вполне здравую и испытанную временем идею: созидание нового нельзя осуществлять на базе всеобщего разрушения и поругания прошлого. В жизни стран и народов неумолимо действует железный закон исторической преемственности. И разорвать эту преемственность времен значило поставить под угрозу будущее всей страны. Ибо история только тогда остается настоящей историей, когда сохраняется связь времен, связь между прошлым, настоящим и будущим.

⁴ Вадим Кожин. Россия. Век XX. (1901 – 1939). М. 2002. С. 301, 303.

И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 25.

Российская эмиграция с огромным напряжением следила за поворотом, который осуществлялся в Советской стране. Часть эмигрантов расценивала этот поворот как революцию, правда, носившую не социальный и политический характер, а бытовой, т.е. на уровне обычной жизни. Видный русский мыслитель Г. Федотов писал в связи с этим: «Начиная с убийства Кирова (1 декабря 1934 г.) в России не прекращаются аресты, ссылки, а то и расстрелы членов коммунистической партии. Правда, происходит это под флагом борьбы с остатками троцкистов, зиновьевцев и других групп левой оппозиции. Но вряд ли кого-нибудь обманут эти официально пришиваемые ярлыки. Доказательства «троцкизма» обыкновенно шиты белыми нитками. Вглядываясь в них, видим, что под троцкизмом понимается вообще революционный, классовый или интернациональный социализм... Борьба... сказывается во всей культурной политике. В школах отменяется или сводится на нет политграмота. Взамен марксистского обществоведения восстанавливается история. В трактовке истории или литературы объявлена борьба экономическим схемам, сводившим на нет культурное своеобразие явлений... Можно было бы спросить себя, почему, если марксизм в России приказал долго жить, не уберут со сцены его полинявших декораций. Почему на каждом шагу, изменяя ему и даже издеваясь над ним, ханжески бормочут старые формулы?.. Отречься от своей собственной революционной генеалогии — было бы безрассудно. Французская республика 150 лет пишет на стенах «Свобода, равенство, братство», несмотря на очевидное противоречие двух последних лозунгов самим основам ее существования»⁶.

Читая эти строки, невольно задаешься вопросом: а действительно ли Советская Россия с середины 30-х годов вступила в полосу отката от революции, а точнее — на путь своеобразной контрреволюции? Если да, то все последующие репрессии массового характера находят свое историческое и логическое объяснение, и отнюдь не потому, что, согласно знаменитому выражению, революция пожирает своих детей. Кстати сказать, противники Сталина из лагеря троцкистов и правых полагали, что дело оборачивается именно таким образом, поскольку основы самой психологии старого большевизма оказались несовместимыми с новым курсом сталинской политики, с его реформами, возрождавшими многие из устоев прежнего режима.

Позднее даже возникла идея некоего исторического возмездия, которое, мол, должно было обрушиться на старую гвардию большевиков в качестве законной кары за все то, что они сотворили с прежней Россией. И орудием этой кары судьба избрала Сталина, положившего конец ставшим уже не только ненужными, но и вредными и опасными, проявлениям революционного интернационализма.

Конечно, можно соглашаться или не соглашаться с такого рода концепциями, объяснявшими события тридцатых годов. Мне лично представляется, что они выглядят неубедительными, ибо базируются на чисто внешнем совпадении событий, а не на их глубоком историческом анализе. Да и в конце концов фундаментальные параметры советского строя при Сталине в эти годы не претерпели радикальных перемен. Поэтому в своем истинном значении термины новая революция или же контрреволюция здесь применять неправомерно. Реформы, проводившиеся Сталиным, были продиктованы не стремлением разрушить или подорвать основы укоренившегося советского строя, а желанием приспособить его к новым историческим реалиям. Это значило — сделать этот

⁶ Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. СПб. 1992. Т. 2. С. 83–84.

строй более жизнестойким, более эффективным перед лицом неизбежно надвигавшихся потрясений в международной сфере. И еще один аргумент: вождь никогда не переставал считать себя последовательным учеником Ленина, а значит, и приверженцем теории революционного преобразования мира. Конечно, и в теории, и особенно в практике, между двумя этими корифеями советского коммунизма были определенные различия, что вполне укладывается в рамки эволюционного развития. Ведь коренным образом изменялись, причем невиданными в истории темпами, объективные условия жизни самой страны и мира в целом. Поэтому слепо следовать каким-то заранее сформулированным теориям и принципам было бы равносильно идиотизму, в чем Сталина никак нельзя заподозрить. Новые условия требовали новых подходов и новых решений. Но они тем не менее осуществлялись в целом в рамках системы, фундаментальные основы которой были заложены основателем большевизма.

В силу указанных выше доводов нет каких-либо серьезных оснований расценивать события середины и второй половины 30-х годов как некую новую революцию сталинского образца. Отсюда вытекает, что и идея какого-то социального возмездия как первопричина террора выглядит скорее как литературная метафора, нежели как солидный исторический аргумент. Бесспорно, сталинские реформы этого периода затронули многие стороны жизни страны, но они не коснулись социально-экономических и политических устоев советского режима. Напротив, именно благодаря этим реформам режим стал более устойчивым и более приспособленным к реалиям жизни. Он очищал себя лишь от плотных наростов ортодоксального большевизма, следование которому могло действительно привести многонациональное советское общество к глубокому кризису. А отдельные симптомы подобного рода явлений становились все более ощутимыми. Но главное заключалось в том, что Советская Россия должна была подготовить себя к суровым и неотвратимым испытаниям на внешнем фронте. Ибо угроза войны из пропагандистского штампа, каким она была в конце 20 — начале 30-х годов, все более явственно превращалась в неотвратимую реальность. Вопрос стоял лишь о том, когда она разразится.

Сталин, будучи сам старым большевиком, мягко выражаясь, не испытывал к ним особого почтения. Больше того, в глубине души он считал их обузой нового режима, поскольку они то ли в силу своей убежденности, то ли в силу свойственного людям такого склада консерватизма, весьма критически, если не искать более сильных выражений, относились к генеральному курсу Сталина. Они органически отторгали реформы, столь необходимые режиму для дальнейшего продвижения вперед. Старыми большевиками вся политика Сталина воспринималась как отказ от ленинских заветов, как своего рода измена идеалам революции. Свидетельств тому немало. Сошлюсь хотя бы на «Письмо старого большевика», о котором уже шла речь ранее. В нем говорилось: «Выросшие в условиях революционной борьбы, мы все воспитали в себе психологию оппозиционеров... мы все — не строители, а критики, разрушители. В прошлом это было хорошо, теперь, когда мы должны заниматься положительным строительством, это безнадежно плохо. С таким человеческим материалом... ничего прочного построить нельзя...»⁷

В контексте всех этих реалий не случайным был и роспуск организации старых большевиков, общества бывших политкаторжан и другие меры, призванные поставить точку в уже перевернутой странице истории.

Все эти рассуждения лишь дополняют общую мозаику картины, но они не дают ответа на главный вопрос — каковы глубинные причины массового террора и репрессий тех незабываемых лет. Сейчас я попытаюсь в самом общем виде ответить на него, хотя и понимаю, что мои объяснения также носят в большей мере характер исторических гипотез и умозрительных предположений, нежели убедительных выводов.

Я не стану придерживаться какой-то строго выверенной системы в обосновании своих предположений. Причины, весь их набор, тесно взаимосвязаны друг с другом, порой так переплетены, что между ними трудно провести разграничительную линию. Но в конце концов не в их разграничении суть проблемы.

Во-первых, весь десятилетний период, начиная со смерти Ленина, для Сталина был наполнен перманентной, в сущности никогда не ослаблявшейся, борьбой сначала за завоевание, а затем и утверждение своей власти. Он из этого сделал для себя ряд выводов, и, очевидно, один из главных состоял в следующем: его оппоненты никогда не прекратят против него борьбы, никогда не согласятся с его стратегическим курсом. Их публичные признания своих ошибок, их покаянные речи на съездах и пленумах ЦК — всего лишь маскировка, вынужденные действия, которые они моментально дезавуируют, как только представится подходящий момент. Более того, при малейшем ослаблении его властных позиций они, ни минуты не колеблясь, снова перейдут в контрнаступление против него. Единственный компромисс, приемлемый для них, — это его безоговорочная и полная капитуляция, т. е. отстранение от власти.

Оснований для подобного потока размышлений у вождя было более чем достаточно. Читатель может сам вспомнить приводившиеся в предшествующих главах речи кающихся оппонентов Сталина, от которых на целую версту разило лицемерием и двоедушием. Могут возразить, что это лицемерие и не знавшие меры восхваления Сталина, звучавшие из уст людей, в душе его люто ненавидевших, — был шаг вынужденный, продиктованный безвыходностью ситуации, в которой находились противники Сталина. Все это, конечно, так, но от понимания данного обстоятельства у вождя, видимо, недоверие к своим поверженным оппонентам не только не уменьшалось, но и возрастало в геометрической прогрессии: чем больше они клялись в верности ему и преданности его генеральной линии, тем меньше он верил им.

Второй важный фактор, объясняющий нараставший вал репрессий, имел своим истоком глубокую убежденность Сталина (искреннюю или нет — другой вопрос) в неизбежности обострения классовой борьбы даже в условиях триумфальных побед социализма, о чем в то время трубили все органы пропаганды. Как раз в самый разгар волны репрессий вождь счел необходимым снова подтвердить, что его концепция обострения классовой борьбы не только не утратила свою актуальность, но и стала еще более злободневной. Вот как он сформулировал эту свою мысль: «Надо покончить с оппортунистическим благодушием, исходящим из ошибочного предположения о том, что по мере роста наших сил враг становится будто бы все более ручным и безобидным. Такое предположение в корне неправильно. Оно является отрывкой правого уклона, уверяющего всех и вся, что враги будут потихоньку вползать в социализм, что они станут в конце концов настоящими социалистами. Не дело большевиков почивать на лаврах и ротозействовать. Не благодушие нам нужно, а бдительность, настоящая большевистская революционная бдительность. Надо помнить, что чем безнадежнее положение врагов, тем

Все эти рассуждения лишь дополняют общую мозаику картины, но они не дают ответа на главный вопрос — каковы глубинные причины массового террора и репрессий тех незабываемых лет. Сейчас я попытаюсь в самом общем виде ответить на него, хотя и понимаю, что мои объяснения также носят в большей мере характер исторических гипотез и умозрительных предположений, нежели убедительных выводов.

Я не стану придерживаться какой-то строго выверенной системы в обосновании своих предположений. Причины, весь их набор, тесно взаимосвязаны друг с другом, порой так переплетены, что между ними трудно провести разграничительную линию. Но в конце концов не в их разграничении суть проблемы.

Во-первых, весь десятилетний период, начиная со смерти Ленина, для Сталина был наполнен перманентной, в сущности никогда не ослаблявшейся, борьбой сначала за завоевание, а затем и утверждение своей власти. Он из этого сделал для себя ряд выводов, и, очевидно, один из главных состоял в следующем: его оппоненты никогда не прекратят против него борьбы, никогда не согласятся с его стратегическим курсом. Их публичные признания своих ошибок, их покаянные речи на съездах и пленумах ЦК — всего лишь маскировка, вынужденные действия, которые они моментально дезавуируют, как только представится подходящий момент. Более того, при малейшем ослаблении его властных позиций они, ни минуты не колеблясь, снова перейдут в контрнаступление против него. Единственный компромисс, приемлемый для них, — это его безоговорочная и полная капитуляция, т. е. отстранение от власти.

Оснований для подобного потока размышлений у вождя было более чем достаточно. Читатель может сам вспомнить приводившиеся в предшествующих главах речи кающихся оппонентов Сталина, от которых на целую версту разило лицемерием и двоедушием. Могут возразить, что это лицемерие и не знавшие меры восхваления Сталина, звучавшие из уст людей, в душе его люто ненавидевших, — был шаг вынужденный, продиктованный безвыходностью ситуации, в которой находились противники Сталина. Все это, конечно, так, но от понимания данного обстоятельства у вождя, видимо, недоверие к своим поверженным оппонентам не только не уменьшалось, но и возрастало в геометрической прогрессии: чем больше они клялись в верности ему и преданности его генеральной линии, тем меньше он верил им.

Второй важный фактор, объясняющий нараставший вал репрессий, имел своим истоком глубокую убежденность Сталина (искреннюю или нет — другой вопрос) в неизбежности обострения классовой борьбы даже в условиях триумфальных побед социализма, о чем в то время трубили все органы пропаганды. Как раз в самый разгар волны репрессий вождь счел необходимым снова подтвердить, что его концепция обострения классовой борьбы не только не утратила свою актуальность, но и стала еще более злободневной. Вот как он сформулировал эту свою мысль: «Надо покончить с оппортунистическим благодушием, исходящим из ошибочного предположения о том, что по мере роста наших сил враг становится будто бы все более ручным и безобидным. Такое предположение в корне неправильно. Оно является отрывкой правого уклона, уверяющего всех и вся, что враги будут потихоньку вползать в социализм, что они станут в конце концов настоящими социалистами. Не дело большевиков почивать на лаврах и ротозействовать. Не благодушие нам нужно, а бдительность, настоящая большевистская революционная бдительность. Надо помнить, что чем безнадежнее положение врагов, тем

охотнее они будут хвататься за крайние средства как единственные средства обреченных в их борьбе с Советской властью. Надо помнить это и быть бдительным»⁸.

Следующей существенной причиной развязывания репрессий явилось то, что, по мнению Сталина, успехи в строительстве нового общественного уклада создали в стране обстановку зазнайства и благодушия. Эта обстановка таила в себе немалые опасности и угрозы, поскольку расхолаживала людей и открывала для подрывных действий врагов благоприятные возможности. Вождь постарался развеять эти настроения, без чего сама кампания по разворачиванию массовых репрессий была бы невозможна. Создание соответствующей политико-психологической атмосферы в партии и в обществе выступало в качестве обязательного компонента кампании репрессий. В такой простоватой утрированной форме Сталин обрушился на благодушие и упоение успехами, якобы чуть ли не парализовавшими всю страну:

«Не удивительно, что в этой одуряющей атмосфере зазнайства и самодовольства, атмосфере парадных манифестаций и шумливых самовосхвалений люди забывают о некоторых существенных фактах, имеющих первостепенное значение для судеб нашей страны, люди начинают не замечать таких неприятных фактов, как капиталистическое окружение, новые формы вредительства, опасности, связанные с нашими успехами, и т. п. Капиталистическое окружение? Да это же чепуха! Какое значение может иметь какое-то капиталистическое окружение, если мы выполняем и перевыполняем наши хозяйственные планы? Новые формы вредительства, борьба с троцкизмом? Все это пустяки! Какое значение могут иметь все эти мелочи, когда мы выполняем и перевыполняем наши хозяйственные планы? Партийный устав, выборность парторганов, отчетность партийных руководителей перед партийной массой? Да есть ли во всем этом нужда? Стоит ли вообще возиться с этими мелочами, если хозяйство у нас растет, а материальное положение рабочих и крестьян все более и более улучшается? Пустяки все это! Планы перевыполняем, партия у нас неплохая, ЦК партии тоже неплохой, — какого рожна еще нам нужно? Странные люди сидят там, в Москве, в ЦК партии: выдумывают какие-то вопросы, толкуют о каком-то вредительстве, сами не спят, другим спать не дают...»⁹

В связи с процитированными высказываниями невольно возникает вопрос — а верил ли сам Сталин в то, что он говорил? Был ли он искренен даже перед самим собой? Неужели эта зловещая идея о беспредельном обострении классовой борьбы могла ужиться в сознании вождя с его острым практическим умом, с его способностью реалистически оценивать ситуацию и не впадать в непростительные для политического лидера преувеличения. На этот вопрос дать однозначный ответ трудно. Думается, что он не был невольным и беспомощным пленником идеи обострения классовой борьбы. Больше оснований полагать, что он сознательно и целенаправленно заострял вопрос о классовой борьбе, чтобы иметь и теоретическое, и политико-психологическое оправдание своему курсу на развязывание репрессий.

Однако с позиций исторической объективности не столь уж важно — верил ли сам Сталин в то, что говорил или же занимался самообманом вкупе с обманом общественного мнения в целом. В конце концов значение имеет финальный результат.

Рассматривая далее причины масштабных репрессий, нельзя выпускать из поля зрения следующий момент. В партии и стране было немало недовольных политикой Сталина.

⁸ "Вопросы истории" 1995 г. № 3. С. 4.

⁹ Там же. С. 9.

Кстати, это подтвердил и близкий тогда соратник Сталина А. Микоян, заявивший в 1937 году: «Я думал, я должен это сказать, не знаю как вы, товарищи, но я думал, что, если марксисты до революции были против террора, против царя и самодержавия, как они могут, люди, прошедшие школу Маркса, быть за террор при большевиках, при советской власти? Если коммунисты всего мира, будучи врагами капитализма, не взрывают заводов, как может человек, прошедший школу марксизма, взорвать завод своей страны? Я должен сказать, что никак это в голову в мою не влезало. Но, видимо, приходится учиться. Видимо, падение классового врага, троцкистов так низко, что мы и не предполагали, а именно, как предсказывал т. Сталин, который как будто вел нас за руку и говорил, что нет такой пакости, которой не могли бы совершить троцкисты и правые. Вот это и вышло, что наша бдительность политическая оказалась ослабленной... Поймите, товарищи... у нас есть **много людей недовольных** (выделено мной — Н. К.). Эти люди вербуются для подрывной работы японо-германскими фашистами»¹⁰.

Сталин, располагавший всей полнотой информации, планируя развертывание кампании широкомасштабных репрессий, несомненно учитывал весьма серьезный уровень недовольства его политикой. И здесь имелись в виду не только бывшие его противники из рядов самой партии, но и другие социальные силы, которые никогда не смирились с революцией и Советской властью. Остатки бывших эксплуататорских классов, раскулаченные крестьяне, большой контингент невинно пострадавших в результате великих потрясений конца 20-х — начала 30-х годов, спецпереселенцы, представители старой интеллигенции, подвергавшиеся незаслуженной травле, всякого рода националисты в советских республиках, и вообще те, кто в чем-либо пострадал от Советской власти, — все они, вместе взятые, представляли большую силу. И эта сила при определенном стечении обстоятельств могла открыто выступить против нового строя, против курса, олицетворением которого являлся Сталин.

Согласно логике вождя, все недовольные Советской властью, автоматически становились ее врагами и ждали лишь удобного случая, чтобы нанести по ней удар. Политика вождя исходила из того, что по всем этим силам в подходящий момент должен быть нанесен превентивный удар, чтобы не только деморализовать их, но и, если понадобится, физически уничтожить. Не случайно в эти годы чуть ли не лозунгом дня стал девиз, провозглашенный М. Горьким: «Если враг не сдается — его уничтожают!»

Перечисляя действительные и потенциальные причины репрессий, нельзя обойти молчанием и следующее обстоятельство, которое сыграло роль своего рода движущей пружины, приведшей в действие весь репрессивный механизм. Речь идет о том, что Сталин на протяжении ряда лет получал достаточно надежные и внушавшие полное доверие донесения органов безопасности о планах его физической ликвидации. **Пресечение планов физической ликвидации Сталина явилось одной из важнейших причин развертывания кампании массовых репрессий, по крайней мере на первых ее этапах.**

На этом вопросе стоит остановиться специально, поскольку в литературе о Сталине достаточно прочно укоренилась точка зрения, будто все разговоры о планах убийства вождя — не более чем специально сработанный самим Сталиным и его окружением миф, призванный обосновать и оправдать сами репрессии. Между тем, есть веские основания считать такую точку зрения несостоятельной. Ведь еще до развертывания массовых

¹⁰ "Вопросы истории" 1994 г. № 6. С. 16.

репрессий и включения попыток организовать убийство Сталина и некоторых его ближайших соратников в число неперенных и особенно тяжких обвинений, которые предъявлялись арестованным, имелись объективные факты, свидетельствовавшие о том, что противники вождя вполне серьезно ставили вопрос о необходимости его устранения. Вспомним хотя бы платформу Рютина, не говоря уже о других эпизодах. Ведь призыв к устранению Сталина, если его трактовать юридически грамотно, ничуть не исключал возможности его физического уничтожения. Отрицать это, не попирая элементарный здравый смысл, нельзя. К тому же, каким бы незначительным ни было число подпольных троцкистских и иных антисталинских организаций, совершенно ясно, что они существовали. И существовали не ради того, чтобы периодически обмениваться конспиративными письмами с осуждением сталинского режима и его политики. Их планы простирались гораздо дальше и не исключали безоговорочно использование индивидуального террора. Надо признать, что на месте Сталина любой другой политический и государственный деятель должен был учитывать возможность организации покушения на его жизнь.

А если все это помножить на общепризнанную подозрительность Сталина, его имманентное чувство недоверия к людям, то не приходится удивляться, что этот момент стал одним из рычагов, приведших в движение механизм репрессий. Поскольку сам вождь исходил из того, что лишь физическое уничтожение реального или потенциального противника ставит окончательную точку в борьбе с ним, постольку он распространял подобный образ мышления и на тех, против кого он вел борьбу. Получалось, что финалом политической победы над врагом являлось его физическое уничтожение. Этот невысказанный нигде постулат во многом и определял как характер репрессий, так и их масштабы.

Следующим побудительным мотивом репрессий было стремление Сталина запугать не только своих противников, но и своих собственных сторонников, в том числе и ближайших соратников. Люди, исполненные страха и неуверенности в своем завтрашнем дне, будут с большим рвением выполнять указания вождя и не осмелятся выступить против него в любой ситуации. Подобный расчет, конечно, присутствовал в системе мотиваций, объясняющих политику и поведение Сталина. Но этот мотив имеет и более широкое измерение. В обстановке страха и подозрений гораздо легче было проводить в жизнь самые жесткие решения, принимаемые вождем. Никто не осмеливался высказать даже малейшее сомнение в правильности таких решений. И это распространялось не только на политическую верхушку или среднее звено партийных функционеров, а фактически на все слои населения.

Конечно, Сталин больше полагался на страх, чем на любовь своих сограждан. Его, видимо, не вводили в заблуждение бесконечные панегирики в его адрес — он знал, как все это делается и чего все это стоит на поле политической борьбы. Поэтому, развертывая кампанию репрессий, он отдавал отчет в том, что страх, поселившийся в стране, в душах его сограждан, будет серьезным подспорьем, своего рода безотказным инструментом в осуществлении его дальнейших планов.

Наконец, еще одна версия в отнюдь не полном перечне причин, вызвавших вал репрессий, — **это версия, согласно которой Сталин наносил превентивный удар против якобы существовавшей и действовавшей Советском Союзе в условиях**

глубочайшей конспирации так называемой пятой колонны. Эта версия имеет немало приверженцев среди левого спектра российских историков. Они, опираясь на определенные данные и факты, доказывают, что Сталин своевременно узнал о существовании такой пятой колонны, орудовавшей прежде всего в рядах армии, и нанес поэтому сокрушительный превентивный удар, чем обезопасил страну от измены и предательств среди высшего командного состава вооруженных сил в условиях надвигавшейся войны. Тем самым, мол, он спас страну от поражения во время гитлеровского нашествия.

Я не буду анализировать обоснованность данной версии, поскольку в ходе дальнейшего изложения коснусь вопроса о так называемом фашистском заговоре в Красной Армии в связи с делом Тухачевского и других военачальников. Здесь же замечу, что эта версия представляется не в полной мере убедительной. Ведь нельзя же считать серьезным аргументом одно из заявлений Гитлера, который сказал: «Правильно сделал Сталин, что уничтожил всех своих военачальников...»¹¹ Похвала злейшего врага — отнюдь не комплимент в адрес Сталина и тем более не доказательство правильности того, что верхушка армии была репрессирована в эти годы. Конечно, многое в данной версии вызывает недоуменные вопросы, не находящие убедительного ответа. Но в качестве одной из возможных побудительных причин сталинских чисток она может рассматриваться и подвергаться анализу и критической оценке. И в этом смысле она, бесспорно, имеет право на существование. Вообще следует заметить, что в столь сложных и деликатных вопросах докопаться до истины бывает часто практически невозможно. На любой аргумент находится свой контраргумент, и все, как говорится, возвращается на круги своя. Но, повторяясь, скажу, что она имеет право рассматриваться в качестве одного из возможных объяснений эпидемии сталинских репрессий в 30-е годы. Хотя попутно нужно заметить, что вакханалия репрессий началась до раскрытия якобы существовавшего заговора в армии. Это уже кое о чем говорит.

К рассмотренной выше версии о превентивном ударе по пятой колонне органически примыкает **версия всеобъемлющей генеральной чистки**, которую Сталин предпринял для того, чтобы полностью гарантировать реализацию своей генеральной линии в новых условиях, сложившихся после завершения коллективизации и в связи с коренными изменениями на международной арене. Магистральным направлением этих изменений, безусловно, выступала возрастающая опасность войны, избежать которой было практически невозможно. Эту версию, как ни покажется парадоксальным, первым высказал Н. И. Бухарин — одна из главных жертв сталинского молота репрессий. За три месяца до расстрела, находясь под следствием, он направил сутубо личное письмо Сталину. В этом послании содержится следующее примечательное предположение относительно глубинных мотивов осуществлявшихся репрессий.

«Есть какая-то большая и смелая политическая идея генеральной чистки а) в связи с предвоенным временем, б) в связи с переходом к демократии. Эта чистка захватывает а) виновных, б) подозрительных и с) потенциально-подозрительных. Без меня здесь не могли обойтись. Одних обезвреживают так-то, других — по другому, третьих — по третьему. Страхочным моментом является и то, что люди неизбежно говорят друг о друге и навсегда поселяют друг к другу недоверие (сужу по себе: как я озлился на Радека, который

на меня натрепал! а потом и сам пошел по этому пути...). Таким образом, у руководства создается полная гарантия.

Ради бога, не пойми так, что я здесь скрыто упрекаю, даже в размышлениях с самим собой. Я настолько вырос из детских пеленок, что понимаю, что большие планы, большие идеи и большие интересы перекрывают все, и было бы мелочным ставить вопрос о своей собственной персоне наряду с всемирно-историческими задачами, лежащими прежде всего на твоих плечах.

Но тут-то у меня и главная мука, и главный мучительный парадокс¹².

Внутренняя логика в рассуждениях Бухарина такова, что он как бы соглашается с исторической неизбежностью репрессий, рассматривая их через призму грандиозных задач и планов строительства нового общества. Нельзя сказать, что он оправдывает эти репрессии, но в каком-то смысле выражает понимание их неизбежности и даже закономерности. Конечно, вполне естественно предположить, что, арестованный, высказывая подобную точку зрения, хотел снискать снисхождение вождя, надеялся на то, что тот оценит его «объективность» и не пойдет на вынесение смертного приговора в ходе предстоявшего судебного процесса. Вместе с тем, приведенное выше объяснение, отнюдь не выглядит только лишь как мольба о прощении. Оно содержит и большую долю истины, бросает дополнительный свет на картину происходивших событий. Вернее, на их закулисную — и самую важную — сторону.

Ряд историков левого толка, в целом осуждая репрессии и террор, считают, что они были в каком-то смысле исторически обусловлены самим характером эпохи и обстоятельствами времени. Эта точка зрения достаточно спорна и против нее можно выдвинуть немало аргументов. Однако и она содержит в себе зерно истины. Достаточно четко и лапидарно ее изложил историк И. Я. Фроянов: «Мы видим, как на протяжении 30-х годов происходит поворот руководства, его политики к национальным истокам. Это прежде всего коллективизм и общинность, умение жертвовать собой. Все это русский народ доказал на протяжении многих веков. Перед Сталиным в 30-е годы стояла задача построения мобилизационного общества. Иначе устоять было невозможно. Удержаться во враждебном окружении иначе было нельзя. Необходимо было все сосредоточить в одних руках. Сталин с этой задачей справился, но построение мобилизационного общества, конечно, было связано с большими издержками. Прежде всего, я имею в виду репрессии. С точки зрения жизни отдельного человека, репрессии были страшной и безобразной практикой. Но есть еще один аспект измерения. Этот аспект связан, прежде всего, с нуждами и потребностями общества в целом, страны в целом. Если принимать тезис о том, что мобилизационное общество не могло быть создано без потерь, без жертв, которые приняли форму репрессий, то мы, тем самым, должны будем признать в определенной степени историческую обусловленность этих репрессий»¹³.

Завершить этот раздел хочется следующим заключительным аккордом. Советская страна в какой-то мере была подготовлена к сталинским репрессиям. Она пережила братоубийственную Гражданскую войну, благодаря которой у какой-то части населения выработался инстинкт кровожадности, безразличия или равнодушия к страданиям других людей. Пережила она и тяжелые, наполненные лишениями, годы индустриализации,

¹² "Родина" 1995 г. № 2. С. 52.

Интервью И. Я. Фроянова сетевому журналу "Полярная звезда" (К 125 летию Сталина) (Электронный вариант).

которые также сказались на общем психологическом климате в стране отнюдь не в благотворном смысле. Вынесла она и великий перелом со всеми его трагическими последствиями. Иными словами, к трудностям и страданиям она была подготовлена. Даже очень подготовлена! И Сталин прекрасно это понимал. Он знал, что при создании соответствующей морально-психологической атмосферы массовые репрессии не будут восприниматься как что-то из ряда вон выходящее, как гром среди ясного неба. Постоянная, на протяжении многих лет, промывка мозгов и внушение людям идеи, что вокруг орудуют замаскированные враги и что их число не только не уменьшается, но и возрастает — все это создало политические и морально-психологические предпосылки для проведения массовых чисток и репрессий. К чисткам советские коммунисты были приучены с самого начала Советской власти. Не были для масс населения Советской России чем-то экстраординарным и репрессии, в том числе и массового характера. Словом, и партия, и народ, да и страна в целом, приобрели такой богатый исторический опыт, что готовы были к любым неожиданностям.

2. Убийство Кирова: основные версии

К любым неожиданностям, но не такому, которое произошло 1 декабря 1934 г. В 16 часов 30 минут в Ленинграде, в коридоре Смольного выстрелом из револьвера был убит член Политбюро и секретарь ЦК ВКП(б), член Президиума ЦИК СССР, секретарь Ленинградского обкома партии Сергей Миронович Киров. Убийство совершил задержанный на месте преступления Л. В. Николаев. Этот акт стал не просто убийством одного из виднейших представителей советского режима, но и коренным поворотным рубежом в развитии страны. В один день все общество было, фигурально выражаясь, вздыблено и открылась качественно новая полоса в жизни Советского Союза и всех его народов. Последствия этого события явились настолько глубокими, масштабными и далеко идущими, что и сейчас, 70 с лишним лет после свершившегося, остаются в поле внимания российской общественности. Убийство Кирова и все обстоятельства, связанные с этим поистине трагическим событием, поставили бесчисленное множество вопросов, породили целый поток литературы, включая специальные исследования как у нас в стране, так и за рубежом. Один из ведущих западных специалистов по советской истории Р. Конквест на исходе 80-х годов минувшего столетия, когда в Советском Союзе полным ходом шла не только перестройка, но и происходила настоящая революция в исторической науке, опубликовал книгу под интригующим названием «Сталин и убийство Кирова». Я еще коснусь выводов, сделанных этим автором по поводу самого предмета исследования, но здесь хочу солидаризироваться с такой его оценкой: «это — одно из наиболее удивительных и наиболее значительных событий столетия»¹⁴.

Действительно, в нашей истории прошлого века убийство Кирова относится к числу тех событий, которые принято именовать историческими по своей значимости, а точнее — по последствиям, которые сопряжены с ним. России было не привыкать к политическим убийствам — начиная с убийства Александра II и кончая длинным рядом убийств деятелей

¹⁴ Robert Conquest. Stalin and the Kirov murder. London. 1989. p. VII.

более низкого ранга. Но в данном случае речь идет не просто об убийстве видного, хотя и не ключевого деятеля советского режима, а о первом акте трагедии, всколыхнувшей в буквальном смысле всю страну и послужившей прологом полосы репрессий и террора. Эту новую страницу советской истории закономерно связывают с именем Сталина. Отсюда и проистекает тот громадный интерес к вопросам о том, причастен ли был сам вождь к убийству в Смольном, был ли он лично заинтересован в устранении Кирова как якобы своего потенциального соперника на вершине пирамиды партийной власти, и, наконец, какую роль сыграло убийство Кирова в развертывании сталинских репрессий.

С самого начала следует четко очертить задачи, которые поставлены в данном разделе. Во-первых, я не намерен и не имею просто возможности подробно рассказать об обстоятельствах, в том числе загадочных и не проясненных по настоящий день, непосредственно связанных с убийством Кирова. Хотя кое-какие важные моменты осветить необходимо, ибо без этого картина останется не только неполной, но и весьма схематичной. Во-вторых, главное внимание будет уделено прояснению вопроса о том, причастен ли был Сталин к совершенному злодейству и какова была его роль в расследовании самого убийства. И в-третьих, какие практические выводы сделал вождь из всего происшедшего и каковы были последствия его действий для партии и страны в целом. Иными словами, проблема — Сталин и Киров — здесь рассматривается прежде всего под углом зрения того, каковы место и значимость данного исторического события в политической биографии вождя. А в более широком аспекте — какую роль сыграло убийство Кирова в сталинский период правления. Ведь в истории не так уж часто случается, что трагическая смерть одного человека в силу каких-то, чуть не мистических причин, оборачивается трагедией для сотен тысяч людей. Но все это к мистике не имело и не имеет ровным счетом никакого отношения. Здесь правили бал факторы совсем иного рода.

Убийство Кирова, в особенности вопрос о мнимой причастности Сталина к нему, требуют серьезного исследовательского подхода, а не вынесения окончательных и безоговорочных заключений, базирующихся главным образом на конъюнктурных соображениях. В данном случае совершенно права автор наиболее серьезной и обстоятельной (до сего времени) книги о Кирове А. Кирилина. Она пишет: «... в таком сложном деле, как убийство Кирова, не надо нагнетать страсти. Сегодня многие фактически действуют так. И на основе частушек, якобы народных, типа «Огурчики, помидорчики, Сталин Кирова убил в коридорчике» — выносят свой вердикт. Полагаю, что если историки будущего станут оценивать развитие нашей страны на рубеже 80 — 90-х годов по тем частушкам, которые бытуют среди народа, то это вряд ли явится отражением реалий»¹⁵.

С сожалением можно констатировать, что подобная ситуация характерна и для наших дней. Особенно этим отличаются современные российские электронные средства массовой информации, целеустремленно и назойливо забивающие мозги зрителям многочисленными псевдоисторическими передачами, в которых тенденциозность соперничает разве что с некомпетентностью авторов таких передач. Но в мою задачу не входит вести полемику с ними, хотя и воздержаться от этого замечания было трудно. Но это, так, к слову.

Перейдем к существу проблемы.

¹⁵ Алла Кирилина. Неизвестный Киров. С. 355.

Сталину сообщили об убийстве Кирова буквально через несколько минут после того, как это свершилось. Вот свидетельство В. Молотова. На вопрос, как Вы узнали о смерти Кирова — он ответил:

«Я был в кабинете Сталина, когда позвонил Медведь, начальник Ленинградского ОГПУ, и сказал, что сегодня в Смольном убит товарищ Сергей. Сталин сказал в трубку: «Шляпы!»¹⁶

Как явствует из журнала записей посетителей Сталина, в Кремле 1 декабря 1934 г. в 15.05 в его кабинете началось заседание. Кроме Сталина, присутствовали: В. М. Молотов, Л. М. Каганович, К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов. После звонка из Смольного с сообщением о покушении на Кирова на Политбюро по указанию Сталина был вызван нарком внутренних дел Ягода, а также группа ответственных сотрудников этого наркомата. Обсуждалась возникшая ситуация и намечались меры, которые необходимо было предпринять в самом срочном порядке. Прежде всего вопрос о выезде в Ленинград группы руководителей партии во главе со Сталиным, а также вопросы, связанные с организацией похорон Кирова.

Сталин решил лично принять участие в выяснении обстоятельств всего происшедшего. Вместе с ним утром 2 декабря в Ленинград прибыли К. Е. Ворошилов, В. М. Молотов, А. А. Жданов, Г. Г. Ягода. Их сопровождала группа работников ЦК ВКП(б) и НКВД. Среди них: Н. И. Ежов, А. В. Косарев (Генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ), Н. С. Хрущев, К. В. Паукер (по некоторым данным, одно время бывший начальником личной охраны вождя, а в то время — начальник оперативного отдела НКВД), А. Я. Вышинский и другие. На вокзале их встречало ленинградское руководство, а также начальник Ленинградского управления НКВД Ф. Д. Медведь. По рассказам очевидцев (их достоверность не поддается проверке), в ответ на протянутую Медведем руку Сталин ответил ему пощечиной. С вокзала Сталин, Молотов, Жданов и Ворошилов направились в больницу, где находилось тело Кирова, затем посетили его вдову и наконец прибыли в Смольный.

А. Кирилина, со ссылкой на очевидцев, приводит весьма интересную деталь о прибытии Сталина в Смольный: «Это было в главном коридоре. Вижу идет группа лиц. Смотрю, в середине — Сталин. Впереди Сталина шел Генрих Ягода с поднятым в руке наганом и командовал: «Всем лицом к стенке! Руки по швам!»¹⁷. Сталину доставили для личного допроса Николаева. Обстоятельства этого допроса, конечно, не нашли отражения в документальных источниках. Существуют лишь различные версии, достоверность которых так же трудно подтвердить, как и опровергнуть. По некоторым версиям, озвученным в период перестройки, Николаев был в полубессознательном состоянии, когда его ввели в комнату, где находился Сталин и сопровождавшие его лица. Он якобы даже сначала не узнал Сталина и постоянно повторял «Что я наделал, что я наделал!»¹⁸ По версии Н. Хрущева, на вопрос Сталина, почему он убил Кирова, якобы Николаев на коленях уверял, что сделал это от имени партии и по ее поручению¹⁹. Существуют и другие версии этого допроса, но все они, как мне представляется, не могут быть признаны в качестве надежных документальных фактов, а тем более серьезных аргументов. Как говорится, все они исходят из вторых, а то и третьих уст.

¹⁶ *Феликс Чуев. Сто сорок бесед с Молотовым.* С. 310.

Алла Кирилина. Неизвестный Киров. С. 233.

¹⁸ «Советская культура». 15 августа 1989 г.

¹⁹ *Н. С. Хрущев. Время. Люди. Власть. Воспоминания.* Т. 1. С. 95.

Архитектор перестройки академик А. Яковлев, возглавлявший во время и после перестройки комиссию по реабилитации, в своей статье «О декабрьской трагедии 1934 года», в которой он комментирует заключение комиссии относительно убийства Кирова, писал: «Сталин, естественно, всегда стремился скрыть свою роль в руководстве машиной террора. Он много раз выступал как поборник справедливости, хотел показать, что не имеет ничего общего с арестами и расправами, которые творились в стране. Ему это часто удавалось. Тем более важно проследить тот первый акт трагедии, в котором он выступает непосредственным участником, непосредственным организатором расправы над большой группой ни в чем не повинных людей. Можно ли отбросить в сторону непосредственную роль в организации работы следствия, вмешательство, давление, стремление навязать свою точку зрения? Чем она была продиктована, к каким последствиям вела?»

Взяв на себя руководство расследованием, Сталин тем самым взял и ответственность за его полноту и качество, за подмену тут конституционных органов — и объективно получил все возможности завести его на ложный путь, если к тому были основания. Но были ли?

По существу вопрос прост и сложен: было ли убийство Кирова организовано по прямому и непосредственному указанию Сталина? Или же оно подготовлено по инициативе сталинского окружения, верно рассчитавшего, что рвение будет оценено? Или же оно — следствие каких-то иных обстоятельств?²⁰

Сама постановка Яковлевым этих вопросов незримо содержит в себе и утвердительные ответы на них, хотя он и подчеркивает многократно свою объективность, заинтересованность в раскрытии истины и, мол, высказывает лишь законные сомнения в обоснованности выводов комиссии. А надо сказать, что после XX съезда партии на протяжении ряда лет работала комиссия по расследованию этого дела. Сменялся состав этой комиссии, изменялись и окончательные выводы. Иными словами, результатам работ комиссии трудно доверять, поскольку они формулировались в зависимости от того, кто находился у власти, т.е. по определению не могли быть объективными и достоверными. Впрочем, надо сказать, и в той обстановке основное заключение, сделанное в результате проверки обстоятельств убийства С. М. Кирова, проведенной Прокуратурой СССР и КГБ СССР, сводился к выводу, что террористический акт был задуман и совершен одним Николаевым.

Как представляется жирную точку в расследовании всего этого дела поставила обстоятельная справка работников прокуратуры СССР и следственного отдела КГБ СССР по поводу записки А. Н. Яковлева «Некоторые соображения по итогам изучения обстоятельств убийства С. М. Кирова» от 14 июня 1990 г. В этой справке со всей скрупулезностью, на основе приведения конкретных документальных архивных данных и иных свидетельств, доказано следующее:

«Всесторонний и глубокий анализ всех документов и материалов дает основание к выводу — террористический акт в отношении С. М. Кирова 1 декабря 1934 года был подготовлен и осуществлен одним Николаевым. Руководствуясь устными указаниями И. В. Сталина о том, что убийство Кирова совершили зиновьевцы, сотрудники органов НКВД искусственно связали Николаева с бывшими участниками зиновьевской оппозиции Котолыновым, Румянцевым, Толмазовым и другими, сфальсифицировали первоначально уголовные дела т. н. «ленинградского» и «московского» центров, «ленинградской

²⁰ "Правда" 28 января 1991 г.

контрреволюционной группы Сафарова, Залуцкого и других», а впоследствии — «правотроцкистского блока», «объединенного» и «параллельного» центров и другие. По этим делам необоснованно была репрессирована большая группа ни в чем не повинных советских граждан, многие из которых подвергнуты расстрелу. Большинство из них реабилитированы»²¹.

Каковы же были мотивы этого убийства, а, значит, какой характер имело само это убийство? Являлось ли оно актом политического террора, осуществленного в рамках заговора или же было совершено по каким-то другим мотивам? На этот счет также имеются различные версии. Основные из них выглядят следующим образом.

Первая версия утверждает, что Николаев действовал как одиночка, при этом большое значение имели личные мотивы. Органы НКВД и Сталин к убийству не причастны.

Вторая версия строится на том, что убийство совершено Николаевым — членом контрреволюционной организации, в состав которой входили бывшие участники зиновьевской оппозиции.

Третья версия исходит из того, что Николаев был лишь орудием в руках сотрудников НКВД, действовавших по указанию Сталина.

Вторая превратилась в таковую лишь после смерти Сталина. До этого она была не версией, а единственной и вполне доказанной юридически истиной. На ней мы остановимся чуть позже, поскольку это даст возможность раскрыть некоторые стороны политической деятельности Сталина того периода, в том числе и его взаимоотношения с органами государственной безопасности.

На третьей версии мы также остановимся позже, поскольку развенчание этой версии, как мне представляется, позволяет снять со Сталина груз обвинений в преступлении, к которому он никоим образом не был причастен. Как говорится, у него и без того много грехов на душе, чтобы вешать на него еще одно обвинение.

Начнем с первой по счету и, на мой взгляд, первой по достоверности и соответствию историческим фактам и обстоятельствам версии. Именно она является наиболее приемлемой и согласовывается со многими объективными данными и просто здравыми размышлениями. Согласно этой версии, Киров был убит Николаевым из чувства ревности. Сам Киров, как и некоторые советские «вожди» (Калинин, Енукидзе и некоторые другие), слыл в некотором смысле большевистским Дон Жуаном и отличался любвеобилием. Его жена болела и их брак носил по существу формальный характер. Он связался с женой Николаева Мильдой Драуле, что, естественно, породило в ревнивом муже отнюдь не самые добрые чувства в отношении руководителя ленинградских большевиков. Сошлюсь на свидетельство такого компетентного человека, как П. Судоплатов — крупного работника НКВД и одного из главных организаторов будущего убийства Троцкого. Он дослужился до высоких должностей в органах госбезопасности, но после падения всемогущего шефа МВД Л. Берия был арестован и осужден как его пособник. Долгое время просидел в заключении, но потом был освобожден и уже в 90-е годы выпустил очень интересную книгу своих воспоминаний. Так что о закулисных сторонах сталинского режима, в особенности о деятельности органов НКВД, был прекрасно осведомлен.

Как об очевидном факте он пишет о том, что убийство Кирова произошло на почве личной мести со стороны Николаева. Предоставим ему слово:

²¹ Реабилитация: как это было. Середина 80-х годов – 1991. М. 2004. С. 460

«Киров был убит Николаевым. Жена Николаева, Мильда Драуле, работала официанткой при секретариате Кирова в Смольном. Естественно, охрана пропускала Николаева в Смольный по партбилету. Кстати говоря, по партбилету можно было войти в любую партийную инстанцию, кроме ЦК ВКП(б). В Смольном, как и в других обкомах, не было системы спецпропусков для членов партии, и Николаеву требовалось только предъявить свой партбилет, чтобы попасть туда, куда был запрещен вход посторонним.

От своей жены, которая в 1933 — 1935 годах работала в НКВД в секретном политическом отделе, занимавшимся вопросами идеологии и культуры (ее группа, в частности, курировала Большой театр и Ленинградский театр оперы и балета, впоследствии театр им. С. М. Кирова), я узнал, что Сергей Миронович очень любил женщин, и у него было много любовниц как в Большом театре, так и в Ленинградском. (После убийства Кирова отдел НКВД подробно выяснял интимные отношения Сергея Мироновича с артистками). Мильда Драуле прислуживала на некоторых кировских вечеринках. Эта молодая привлекательная женщина также была одной из его «подружек». Ее муж Николаев отличался неуживчивым характером, вступал в споры с начальством и в результате был исключен из партии. Через свою жену он обратился к Кирову за помощью, и тот содействовал его восстановлению в партии и устройству на работу в райком. Мильда собиралась подать на развод, и ревнивый супруг убил «соперника»...»²²

Версию об убийстве на личной почве достаточно убедительно аргументирует А. Кирилина в своей книге о Кирове. Она приводит, в частности, мнение великого русского ученого физиолога академика И. П. Павлова. На очередной беседе со своими учениками и другими научными работниками в Физиологическом институте Академии наук он заявил: «Газеты раздули убийство Кирова в политическое событие... Вероятно, ревность или личные взаимоотношения вызвали эту смерть»²³.

Далее А. Кирилина цитирует одного из постоянных авторов «Социалистического вестника», сообщавшего из Москвы 9 декабря: «...Но толком никто ничего не знает. Даже видные коммунисты совершенно не осведомлены о том, что произошло собственно в Ленинграде, кто такой Николаев, каковы причины убийства, что означает новый припадок террористического бешенства. Поэтому все крутом полно шепотами и слухами — самыми противоположными и противоречивыми, но одинаково передаваемые, как полученные из самых достоверных источников... Отказываясь в этой громаде слухов разобраться, передам лишь, что удалось услышать самому... ленинградское убийство вовсе не носит политического характера, а произошло на романтической почве: Киров и Николаев не поделили между собой некой особы прекрасного пола»²⁴.

О том, что слухи о мотивах личной мести, двигавших убийцей Кирова, имели тогда широкое распространение, красноречиво говорят факты исключения из партии тех, кто только осмеливался говорить об этом. Через сеть сексотов (т. е. секретных сотрудников — а попросту осведомителей НКВД) такие разговоры становились известны властям и те принимали соответствующие меры, в частности, исключение из партии. Ведь признать в качестве мотива убийства одного из руководителей партии то, что тот сожительствовал с чужой женой, — было невозможно по понятным причинам. Настолько банально и дискредитирующе все это выглядело.

²² Павел Судоплатов. Разведка и Кремль. М. 1996. С. 59–60.

²³ Цит. по Алла Кирилина. Неизвестный Киров. С. 203.

²⁴ Там же. С. 203.

Имеются некоторые (отнюдь не вполне надежные) сведения, что якобы Сталин по прибытии в Ленинград после допроса Николаева и его жены быстро разобрался в том, что причиной убийства была, говоря современным жаргоном, обыкновенная бытовуха. Однако его такая версия, конечно, не устраивала и о ней все как бы забыли. Примечательно еще одно обстоятельство. В первые дни допросов Николаев отрицал всякую свою связь с какой-либо организацией, замыслившей убийство. Лишь через несколько дней после «ведомственной» обработки он стал давать нужные следователям признания. Вот соответствующие показания Николаева, представленные НКВД Сталину.

«ВОПРОС: Каких политических взглядов придерживались участники группы?

ОТВЕТ: Участники группы стояли на платформе троцкистско-зиновьевского блока. Считали необходимым сменить существующее партийное руководство всеми возможными средствами.

ВОПРОС: Кем было санкционировано убийство тов. Кирова?

ОТВЕТ: Убийство КИРОВА было санкционировано участником группы КОТОЛЫНОВЫМ и ШАЦКИМ от имени всей группы.

ВОПРОС: Какие Вы получили указания от КОТОЛЫНОВА, ШАЦКОГО по вопросу о том, как держать себя во время следствия?

ОТВЕТ: Я должен был изобразить убийство КИРОВА как единоличный акт, чтобы скрыть участие в нем зиновьевской группы.

Записано с моих слов правильно. Протокол мне прочитан. Л. Николаев»²⁵.

В обоснование достоверности данной версии можно было бы привести немало других свидетельств и соображений. Но в таком случае пришлось бы далеко выйти за рамки рассматриваемой темы.

Заслуживает внимания еще один момент. Речь идет о том, что некоторые историки полагают, что Николаев совершил убийство, питая глубокую ненависть к советским руководителям и желая совершить акт политической мести и таким путем войти в историю. Р. Конквест в своей книге «Большой террор», ссылаясь опять-таки на якобы достоверные фактические материалы, а по существу слухи, пишет: «Он воображал себя мстителем в старом героическом русском духе. Говорят, что когда Сталин сказал Николаеву, что «ведь он теперь — погибший человек», Николаев ответил: «Что ж, теперь многие гибнут. Зато в будущем мое имя будут поминать наряду с именами Желябова и Балмашева!»²⁶ Не исключено, что подобный личный мотив также мог служить одной из побудительных причин, заставивших его предпринять свой шаг. Если таковой и имел место, то он ничуть не противоречит версии об убийстве из чувства ревности. Более того, два этих сугубо личных мотива, слившись воедино и превратившись в результате в некую гремучую смесь ревности и ненависти, и стали той силой, которая двигала им, когда он нажимал на спусковой крючок револьвера.

В заключение сошлюсь на то, о чем уже говорилось выше: последняя проверка всех обстоятельств этого дела, проведенная прокуратурой и органами КГБ СССР, также фактически свелась к признанию личных мотивов основной причиной убийства в Смольном. Эта проверка констатировала: «Таким образом, в процессе дополнительного исследования обстоятельств трагического события 1 декабря 1934 года достоверно установлено, что никакого заговора с целью убийства С. М. Кирова не существовало и это

²⁵ Лубянка. Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936. С. 578–579.

²⁶ Роберт Конквест. Большой террор. Т. I. М. 1991. С. 79.

преступление было совершено одним Николаевым»²⁷. Надо добавить, что в указанной справке подвергнуты тщательному критическому анализу высказывания Н. Хрущева, а также оценки и выводы, содержащиеся в книге Р. Медведева относительно убийства Кирова. В итоге авторы записки приходят к заключению, что воспоминания Н. С. Хрущева, исследования Р. А. Медведева по указанным вопросам носят тенденциозный характер. «Анализ описанных в указанной книге обстоятельств убийства С. М. Кирова свидетельствует о том, что Р. А. Медведев использовал материалы, предоставленные ему О. Г. Шатуновской, принимавшей участие в составе комиссии ЦК КПСС при проверке в 1960 — 1961 гг. обстоятельств совершения этого преступления. Сравнение описанных событий с доводами О. Г. Шатуновской, изложенными в итоговом документе указанной комиссии, свидетельствует о тенденциозном подборе материалов, специально собранных для подтверждения версии о причастности к совершению этого преступления работников органов НКВД и лично Сталина»²⁸.

Но ныне, как и в прошлом, многих, особенно рьяных демократов и хулителей советского периода нашей истории, эта версия не устраивает, поскольку она как бы снимает вину со Сталина и не дает им в руки дополнительные козыри для кампании по очернению социализма и дискредитации Сталина.

Я придерживаюсь версии о личных мотивах убийства Кирова отнюдь не из желания как-то сгладить вину Сталина и представить его в более выгодном свете. Такого стремления у меня нет. Меня интересует не престиж вождя, а интересы истины. В конце концов, если говорить грубо и упрощенно, то возложение на Сталина ответственности за убийство Кирова не меняет ничего по существу. Ведь на чаше весов Фемиды данное деяние, если бы оно являлось результатом действий вождя, не повлияло бы сколько-нибудь существенным образом на общий баланс.

Вторая версия — убийство совершено Леонидом Николаевым — членом контрреволюционной организации, в состав которой входили бывшие участники зиновьевской оппозиции. Эта версия была официальной версией, закреплённой приговором суда и считавшаяся незыблемой на протяжении всех лет сталинской власти. Эта версия была выгодна Сталину во всех отношениях, поскольку она как бы подтверждала его многократные заявления о том, что Зиновьев, Каменев и их сторонники не разоружились и продолжают вести борьбу против генеральной линии партии, прибегая к методам подпольной работы, заговоров и подготовки террористических акций. Причем Сталин объединял в одно целое как троцкистов, так и зиновьевцев, хотя некоторые из последних все еще оставались членами партии.

Официальная версия убийства Кирова членами зиновьевской подпольной организации фактически была выдвинута лично Сталиным. В первых сообщениях об убийстве говорилось, что Киров погиб от руки убийцы, подосланного врагами рабочего класса. Через несколько дней появилось сообщение о причастности к заговору некоего консула иностранной державы (имелась в виду Эстония). Иными словами, сами органы НКВД никак не могли определиться, на кого же возложить главную ответственность за убийство. Имеется немало свидетельств, что ряд руководящих лиц НКВД вообще считали смехотворной, лишенной реальной основы, мысль о том, что убийство осуществлено

участниками троцкистской или зиновьевской организации. По словам крупного чина НКВД Реденса, когда наркому внутренних дел Ягоде «говорила центральная агентура совершенно точно и ясно о троцкистах, он говорил, что таких вещей у троцкистов быть не может. Он сказал: «Что вы нам говорите, мы у Троцкого чай пьем»²⁹

Здесь уместно упомянуть о том, как Троцкий и его сторонники прореагировали на выстрел в коридоре Смольного. Троцкий незамедлительно откликнулся на происшедшее и высказал свое принципиальное отношение к тому, что случилось. Он писал: Если марксисты решительно осуждали индивидуальный терроризм, — конечно, по политическим, а не мистическим причинам, — даже тогда, когда выстрелы направлялись против агентов царского правительства и капиталистической эксплуатации, тем более беспощадно осудят и отвергнут они преступный авантюризм покушений, направленных против бюрократических представителей первого в истории рабочего государства. Субъективные мотивы Николаева и его единомышленников для нас при этом безразличны. Лучшими намерениями вымощен ад...

Сталинская бюрократия, — продолжал он, — создала отвратительный культ вождей, наделяя их божественными чертами. Религия «героев» есть также и религия терроризма, хоть и со знаком минус. Николаевы воображают, что стоит, при помощи револьверов, устранить нескольких вождей, и ход истории примет другое направление. Коммунисты-террористы, как идейная формация, представляют собою плоть от плоти и кость от кости сталинской бюрократии³⁰.

Нельзя не признать, что в этих рассуждениях есть немало здравых мыслей. Но присутствует и изрядная доля догматизма марксистского толка. Трудно сказать, как повернулся бы ход событий в стране, если бы Сталина удалось устранить посредством террористического акта. Здесь, как говорится, бабушка надвое сказала! Вполне возможен был и совершенно иной ход исторического процесса, нежели тот, каким он оказался в действительности. Однако история — это не сумма альтернатив, из которых можно было выбирать приглянувшуюся тебе. И она, как известно, в отличие от лингвистики, не терпит сослагательного наклонения.

Но возвратимся к основной нити нашего изложения.

Итак, убийство совершено, и перед Сталиным сразу встал вопрос, на кого возложить ответственность за него. Пока органы НКВД терзались сомнениями, кто и почему совершил убийство, вождь предпринял первый, причем самый радикальный шаг. По его указанию было разработано и опубликовано постановление ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов».

Положения этого закона были сформулированы буквально в пожарном порядке в течение нескольких часов после поступления сообщения об убийстве Кирова. Законом от 1 декабря 1934 года предписывалось заканчивать следствие по делам о террористических организациях и террористических актах в десятидневный срок; слушать такие дела в суде без участия обвинения и защиты; кассационного обжалования и ходатайств осужденных о помиловании не допускать; приговоры о расстреле приводить в исполнение немедленно после их оглашения в суде. Едва ли есть необходимость как-то комментировать этот

²⁹ "Вопросы истории" 1994 г. № 12. С. 27.

³⁰ "Бюллетень оппозиции" 1935 г. № 41. (Электронный вариант).

поистине драконовский закон, который действовал вплоть до апреля 1956 года³¹. Заметим лишь, что в целом он создавал для органов власти, прежде всего НКВД, фактически неограниченные возможности любое дело повести так, как им заблагорассудится. Нормы этого закона на деле попирали основные права граждан, гарантированные действовавшими уголовным и уголовно-процессуальными кодексами, а пункт о немедленном приведении приговоров о расстреле в исполнение исключал всякую возможность проверки обоснованности обвинения даже в тех случаях, когда подсудимый в судебном заседании отказывался от своих «признаний» и убедительно опровергал предъявленное ему обвинение. Короче говоря, принятием этого закона было создано такое правовое поле для проведения репрессий, которое можно было расширять до любых желаемых пределов. А точнее сказать, правовое поле как таковое превратилось в сплошную фикцию.

Итак для начала активных действий против заговорщиков и террористов были созданы все условия. Теперь очередь стояла за органами НКВД во главе с наркомом Ягодой. А они, как потом выяснилось, всячески тормозили разворот дела в нужном направлении. Вот как описывает ситуацию Н. И. Ежов, по поручению лично Сталина и Политбюро курировавший работу НКВД.

На февральско-мартовском 1937 года пленуме ЦК ВКП(б), на ходе которого я остановлюсь подробнее в дальнейшем, Ежов по этому поводу говорил следующее:

«Можно ли было предупредить убийство т. Кирова, судя по тем материалам и по данным, которые мы имеем? Я утверждаю, что можно было, утверждаю. Вина в этом целиком лежит на нас. Можно ли было после убийства т. Кирова во время следствия вскрыть уже тогда троцкистско-зиновьевский центр? Можно было. Не вскрыли, проморгали. Вина в этом и моя персонально, обошли меня немножечко, обманули меня, опыта у меня не было, нюху у меня не было еще.

Первое — начал т. Сталин, как сейчас помню, вызвал меня и Косарева и говорит: **«Ищите убийц среди зиновьевцев»** (выделено мной — Н. К.). Я должен сказать, что в это не верили чекисты и на всякий случай страховали себя еще кое-где и по другой линии, по линии иностранной, возможно, там что-нибудь выскочит.

Второе — я не исключаю, что по этой именно линии все материалы, которыми располагал секретно-политический отдел, все агентурные материалы, когда поехали на следствие, надо было забрать, потому что они давали направление, в них много было фактов, благодаря которым вскрыть можно было тогда же и доказать непосредственное участие в убийстве т. Кирова Зиновьева и Каменева. Эти материалы не были взяты, а шли напролом. Неслучайно мне кажется, что первое время довольно туго налаживались наши взаимоотношения с чекистами, взаимоотношения чекистов с нашим контролем. Следствие не очень хотели нам показывать, не хотели показывать, как это делается и вообще. Пришлось вмешаться в это дело т. Сталину. Тов. Сталин позвонил Ягоде и сказал: «Смотрите, морду набьем». Результат какой? Результат — по Кировскому делу мы тогда благодаря ведомственным соображениям, а кое-где и кое у кого благодаря политическим соображениям, например, у Молчанова, (являлся тогда начальником СПО — секретно-политического отдела, важнейшая задача которого состояла в ликвидации троцкистско-зиновьевских группировок, в слежке за ними — Н. К.) были такие настроения, чтобы

³¹ Реабилитация : как это было. Февраль 1956 – начало 80-х годов. С. 544.

подальше запрятать агентурные сведения. Ведомственные соображения говорили — впервые в органы ЧК вдруг ЦК назначает — контроль. Люди не могли никак переварить этого. И немалая доля вины за то, что тогда не смогли вскрыть центра, немалая доля вины и за убийство т. Кирова лежит на тех узколобых ведомственных антипартийных работниках, хотя и убежденных чекистах»³².

В своей речи Ежов счел необходимым еще раз акцентировать внимание на роли вождя в том, что следствие было по его прямому указанию сориентировано на поиски террористов-заговорщиков среди зиновьевцев. Правда, по причине своей малограмотности Ежов выразился весьма двусмысленно — «виновником раскрытия дела был по существу т. Сталин»³³.

Более убедительного доказательства того, что Сталин лично направлял ход следствия по выбранному им пути, найти трудно. Если говорить о целях, преследовавшихся вождем, то они лежат как будто на поверхности, хотя на самом деле не все так примитивно просто. Стратегия Сталина в ходе разворачивания этого дела состояла в том, чтобы создать необходимую базу (как в смысле фактуры, так и в политико-психологическом плане) для того, что в надлежащий момент объявить приверженцев Троцкого и Зиновьева не политическими оппонентами, не идейными борцами, а просто бандой убийц и агентов иностранных разведок. Сделать сразу это было невозможно, требовалось время и соответствующая многоплановая подготовительная работа. Именно она и была поручена Ежову, который стал рассматриваться как правая рука Сталина в деле наведения порядка в стране и в органах НКВД. Попутно Сталин создавал почву и для проведения соответствующих перестановок в высших эшелонах самого карательного ведомства. Были, разумеется, и другие цели более узкого, так сказать, прагматического порядка, но я на них останавливаться не буду.

Полным ходом шла подготовка к процессу над Николаевым и его мнимыми сообщниками. Главными из сообщников были Котолынов и Шатский, являвшиеся в действительности бывшими зиновьевцами. Одновременно в Ленинграде, Москве и в других городах начались массовые аресты бывших зиновьевцев и участников некоторых других оппозиционных в прошлом групп. 16 декабря 1934 г. были арестованы и этапированы в Ленинград проживавшие в Москве лидеры оппозиции Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев.

Котолынов, Шатский, Румянцев, Левин и другие лица, арестованные в связи с убийством Кирова, действительно одно время проводили активную оппозиционную деятельность. В 1928 — 1929 годах в связи с подачей заявлений об отходе от оппозиции все упомянутые выше лица, кроме Шатского, были восстановлены в партии. Однако и после разгрома партией зиновьевской оппозиции, изредка встречаясь между собой, высказывались за возвращение Зиновьева и Каменева к партийному руководству, резко критиковали деятельность Сталина и некоторых других руководителей партии. Такое их поведение было известно партийным органам и органам госбезопасности. Однако, якобы по своей политической слепоте или же заведомо покрывая их, соответствующие органы не приняли никаких мер. Более того, есть документальные подтверждения такого факта — Киров лично отклонил предложение начальника Ленинградского управления НКВД подвергнуть

³² "Вопросы истории". 1995 г. № 2. С. 16–17.

³³ Там же.

репрессиям ряд лиц, которые в дальнейшем проходили по делу так называемого «Ленинградского террористического зиновьевского центра» — такое название получил процесс над Николаевым и его мнимыми соучастниками.

О том, к каким грязным методам прибегали органы НКВД, чтобы притянуть зиновьевцев к убийству Кирова, говорит следующий факт. Одна из сексоток некая М. Волкова написала письмо в ЦК КПСС в 1956 году, где уверяла, что предупреждала НКВД о том, что Кирова собираются убить. О характере и серьезности ее информации можно судить на основе следующего ее заявления:

«После того, как я вышла из Дома предварительного заключения, я пошла на пленум райсовета, ибо я была член Совета. После пленума явилась домой. Дома меня ждал Николаев и мы с ним поехали в Лигово в особняк некоего члена ЦК партии Шадручина (так я его знала). Дорогой в машине меня Николаев спросил: что скажи правду, ты на нас заявляла в ОГПУ, его об этом предупредил Запорожец. Я засмеялась, обозвала его сумасшедшим, но он мне сказал, что если это правда, то первая пуля из его нагана будет моя, я сказала — принимаю. Наш разговор на этом закончился. Когда мы приехали в Лигово, то там было несколько человек из Москвы, которых мне Николаев назвал по фамилии: Зиновьев, Каменев, Евдокимов. Там выгружена была подводная лодка с ящиками (груз был доставлен из Германии), ящики прятали в подвал под особняком: в комнате под ковром был люк и туда все опускали. Я оттуда, т. е. из одного ящика, взяла один предмет как вещественное доказательство, привезла своему начальнику Соколову (это оказалась граната)»³⁴.

Донесения этой шизофренички, естественно, вызвали недоверие в силу своей очевидной вздорности. Но в тот период, когда расследовались обстоятельства убийства, их также приходилось рассматривать. У некоторых сотрудников НКВД, не утративших элементарное чувство здравого смысла, подобного рода доносы не могли не вызвать отторжения. Впоследствии этот донос фигурировал в качестве одного из свидетельств потери бдительности со стороны сотрудников Ленинградского управления НУВД. Вообще нужно сказать, что ситуация с руководством этого управления выглядит весьма запутанной и странной. За несколько месяцев до зловещего дня Ягода обратился лично к Сталину с предложением заменить начальника Ленинградского управления НКВД Медведя, кстати сказать, личного друга Кирова. Как писал Ягода, «фактическое положение, обнаруженное в результате проверки и в Новосибирске, и в Ленинграде, убедило меня в том, что ни Алексеев (начальник Западно-Сибирского управления НКВД), ни Медведь абсолютно не способны руководить нашей работой в новых условиях и обеспечить тот резкий поворот в методах работы по управлению государственной безопасностью, который сейчас необходим.

...Считаю необходимым Алексеева и Медведя снять с занимаемых ими должностей.

Одновременно полагал бы целесообразным назначить вместо Медведя в Ленинград Заковского из Белоруссии, несомненно сильного и способного оперативного работника, который сумеет поставить работу в Ленинграде на надлежащую высоту...

Медведя же полагал бы отозвать в Москву и использовать его в центральном аппарате Наркомвнудела, где посмотреть на работе, годен ли он еще для работы в НКВД или уже совсем выработался.

³⁴ "Источник". 1994 г. № 3. С. 60.

Если Вы найдете мои предложения правильными, я их поставлю на разрешение.

Очень прошу сообщить Ваше мнение»³⁵.

Какова же была реакция Сталина на это предложение? Он, конечно, знал об отношениях между Кировым и Медведем, но тем не менее поддержал предложение Ягоды. Об этом говорил на пленуме ЦК в 1937 году Ежов. «Т. Сталин согласился снять его с работы, но Киров сказал: «Ну его к черту, там плохие взаимоотношения, давайте подождем». А если бы сказали С. М. Кирову: «Смотрите, какая у вас там яма», — он не стал бы защищать его»³⁶.

Как ни интерпретировать этот эпизод, очевидно одно — Киров явно не хотел расставаться со своим другом с перспективой замены его человеком мало ему знакомым. Более того, он нашел в себе мужество оспорить мнение Сталина, и последний вынужден был уступить. Но это — всего лишь небольшой штрих к картине разворачивавшихся за кулисами событий.

Следствие продвигалось довольно быстрыми темпами, хотя явно не укладывалось в нормы закона от 1 декабря 1934 г. Через три недели после убийства Сталин принял Ягodu и Агранова, председателя Военной коллегии Верховного суда СССР Ульриха, прокурора СССР Акулова и его заместителя Вышинского. Одновременно Ягода и Агранов представили Сталину проект сообщения в печати о результатах следствия и передаче дела в Прокуратуру СССР для составления обвинительного заключения и направления в суд.

Сталин дважды правил текст проекта сообщения в печати. Он собственноручно вписал туда Румянцева и Николаева, хотя никто из арестованных членом «центра» Николаева не называл и сам он таких показаний не давал. Далее Сталин возложил на «центр» главную роль в организации террористического акта, написав в сообщении, что «убийство тов. Кирова было совершено Николаевым по поручению террористического подпольного «Ленинградского центра». Из 23 арестованных, перечисленных в проекте, Сталин отобрал для судебного процесса 14 человек: Сталин вычеркнул из представленного ему проекта сообщения в печати фамилии Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Бакаева и других, которые позднее были осуждены по делу «Московского центра»³⁷.

Сам суд носил закрытый характер. Во время судебного процесса около Николаева постоянно находились сотрудники НКВД, имевшие отношение к следствию, которые поддерживали у него надежду, что ему будет сохранена жизнь и определена мягкая мера наказания. Когда же огласили приговор о расстреле, то Николаев, по сообщению ряда очевидцев, воскликнул, что его жестоко обманули, ругал следователя Дмитриева и ударился головой о барьер. В судебном заседании предъявленные подсудимым обвинения, за исключением обвинения Николаева в убийстве Кирова, объективного подтверждения не нашли, а ряд обвиняемых (прежде всего Котолынов, которого изображали в качестве главаря группы заговорщиков), категорически отрицали свою причастность к убийству. Тем не менее Военная коллегия Верховного суда 29 декабря 1934 года приговорила всех подсудимых к расстрелу.

Так завершился первый акт трагедии. Вернее сказать, ее пролог, поскольку главной целью для Сталина были фигуры более высокого пошиба. 23 декабря 1934 г. в печати было опубликовано сообщение о передаче дела по обвинению Зиновьева, Каменева и других на

³⁵ Лубянка. Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. С. 569–571.

³⁶ «Вопросы истории» 1995 г. № 2. С. 20.

³⁷ См. Реабилитация: как это было. Февраль 1956 – начало 80-х годов. С. 548.

рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР ввиду «отсутствия достаточных данных для предания их суду». От арестованных (а их обвиняли в создании «Московского центра», аналогичного «Ленинградскому центру») добивались признания политической и моральной ответственности за совершенное Николаевым преступление. Некоторые из обвиняемых поддались на угрозы или посулы и признали существование «Московского центра» и факт его связей с «Ленинградским центром». В конце концов такое признание было получено и от Зиновьева и Каменева. 16 января 1935 г. в Ленинграде Военной коллегией Верховного суда СССР по делу «Московского центра» были осуждены к лишению свободы на сроки от пяти до десяти лет — Зиновьев, Каменев, Евдокимов и Бакаев³⁸.

Это уже выглядело как подготовительная стадия нового более масштабного процесса, ибо Сталин никогда не спешил опережать события. Он ждал, чтобы плод окончательно созрел и тогда он сам упадет тебе в руки. Необходимо было время для поэтапного развития зловещего процесса широкомасштабных репрессий. Здесь нельзя было допускать поспешности, чтобы не случилось какой-либо оплошности, противоречий в показаниях обвиняемых, в изложении ими фактов и событий, перечислений лиц и дат и т. д. и т. п. Словом, это был чрезвычайно трудоемкий и деликатный труд, требующий, к тому же, высокой квалификации. Но дамоклов меч уже был занесен и висел над теми, кто еще несколько лет назад считали Сталина своим младшим партнером и порой в разговорах между собой третировали и высмеивали его. Но их время прошло. Наступал его час — час мщения.

Одним из средств подготовки партии и широких слоев населения к неотвратимо приближавшимся новым волнам репрессивного вала явилось закрытое письмо ЦК ВКП(б) от января 1935 года. Подготовленное по указанию Сталина и лично им отредактированное, оно должно было объяснить причины произошедшего, назвать истинных виновников, а главное — политически и морально подготовить страну к акциям еще более широкого плана. Это было важное звено в идеологическом оправдании и обосновании сталинской политики в тот период³⁹. В письме подчеркивалось, что идейным и политическим руководителем «Ленинградского центра» был «Московский центр» зиновьевцев, который не знал, по-видимому, о готовившемся убийстве т. Кирова, но наверное знал о террористических настроениях «Ленинградского центра» и разжигал эти настроения. Отличаясь друг от друга настолько же, насколько могут отличаться вдохновители злодеяния от исполнителей злодеяния, оба эти «центра» составляли одно целое, ибо их объединяла одна общая истрепанная, разбитая жизнью троцкистско-зиновьевская платформа и одна общая беспринципная чисто карьеристская цель — дорваться до руководящего положения в партии и правительстве и получить во что бы то ни стало высокие посты⁴⁰. Здесь интересно то, что пока Зиновьеву и Каменеву не ставилось в вину участие в убийстве Кирова — они, мол, не знали о подготавливавшемся убийстве, но были осведомлены о террористических настроениях. Последнее можно истолковать как намек на то, что прямое обвинение в их адрес вскоре последует.

Сравнительно мягким выглядели упреки в адрес органов внутренних дел. В частности, отмечалось, что недостаточная бдительность Ленинградской организации, особенно же

³⁸ См. **Реабилитация: как это было. Февраль 1956 — начало 80-х годов.** С. 550.

³⁹ Полный текст письма см. **Реабилитация. Политические процессы 30 - 50-х годов.** С. 191-195.

⁴⁰ Там же. С. 191.

невнимательное отношение и прямая халатность к элементарным требованиям охраны со стороны органов Наркомвнудела в Ленинграде, получивших с разных сторон за месяц до убийства тов. Кирова сообщения о готовящемся покушении на тов. Кирова и не принявших никаких серьезных мер охраны, — затруднили партии и правительству возможность предупредить злодейское убийство. Подобная либеральность оценки, видимо, и предопределила мягкость приговора по делу руководителей ленинградского НКВД во главе с Медведем — они получили довольно скромные сроки заключения, впрочем, в разгар репрессий в дальнейшем, они ответили, как говорят, на полную катушку.

В политическом аспекте главный огонь был направлен на зиновьевскую группировку. В письме подчеркивалось, что эта группировка оказалась единственной в истории нашей партии группой, которая сделала двурушничество своей заповедью и скатилась в болото контрреволюционного терроризма, маскируя свои черные дела неоднократными заявлениями в печати и на съезде партии о преданности партии. Партии и ее руководству трудно было предположить, что старые члены партии вроде Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Бакаева могут пасть так низко и смешаться в конце концов с белогвардейской сворой. (В скобках заметим: последней фразой вождь как бы оправдывался, что своевременно не разглядел до конца бандитскую сущность этой группировки.) Далее в письме говорилось: но данный факт поддается объяснению, поскольку в такой большой партии, как наша, не трудно укрыться несколькими десятками и сотнями вырожденцев, порвавших с партией Ленина и ставших по сути дела сотрудниками белогвардейцев.

Выводы, сделанные в закрытом письме, вновь концентрировали удар против Зиновьева и его сторонников: «История нашей партии знает немало фракционных группировок. Их отличительная черта состояла в том, что они не скрывали своих разногласий с партией, не скрывали своих взглядов и открыто отстаивали их перед партией. Только последние 7-8 лет, когда политическая победа партии и правильность ее линии стали слишком очевидными, а безнадежность позиции всех и всяких антипартийных групп — слишком несомненными, остатки старых фракционных групп стали скрывать свои взгляды и частично переходить на путь двурушничества. Зиновьевская группа является единственной группой, которая не только скрывает свои разногласия с партией, но открыто и систематически шельмовала свою собственную платформу и клялась в своей верности партии, лишь бы войти в доверие и обмануть партию»⁴¹.

Особое внимание в письме обращалось на необходимость борьбы с двурушничеством, поскольку: «Задача состоит в том, чтобы вытравить и искоренить это зло без остатка. Двурушник не есть только обманщик партии. Двурушник есть вместе с тем разведчик враждебных нам сил, их вредитель, их провокатор, проникший в партию обманом и старающийся подрывать основы нашей партии, следовательно, основы нашего государства, ибо подрывать мощь нашей партии, являющейся правящей партией, значит подрывать мощь нашего государства. Поэтому в отношении двурушника нельзя ограничиваться исключением из партии, — его надо еще арестовать и изолировать, чтобы помешать ему подрывать мощь государства пролетарской диктатуры»⁴². Иными словами, борьба против оппонентов Сталина отныне переносилась из плоскости политической в плоскость открыто репрессивную, нормы политического противостояния уже заменялись

⁴¹ Реабилитация. Политические процессы 30 – 50-х годов. С. 194.

⁴² Там же. С. 195.

невнимательное отношение и прямая халатность к элементарным требованиям охраны со стороны органов Наркомвнудела в Ленинграде, получивших с разных сторон за месяц до убийства тов. Кирова сообщения о готовящемся покушении на тов. Кирова и не принявших никаких серьезных мер охраны, — затруднили партии и правительству возможность предупредить злодейское убийство. Подобная либеральность оценки, видимо, и предопределила мягкость приговора по делу руководителей ленинградского НКВД во главе с Медведем — они получили довольно скромные сроки заключения, впрочем, в разгар репрессий в дальнейшем, они ответили, как говорят, на полную катушку.

В политическом аспекте главный огонь был направлен на зиновьевскую группировку. В письме подчеркивалось, что эта группировка оказалась единственной в истории нашей партии группой, которая сделала двурушничество своей заповедью и скатилась в болото контрреволюционного терроризма, маскируя свои черные дела неоднократными заявлениями в печати и на съезде партии о преданности партии. Партии и ее руководству трудно было предположить, что старые члены партии вроде Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Бакаева могут пасть так низко и смешаться в конце концов с белогвардейской сворой. (В скобках заметим: последней фразой вождь как бы оправдывался, что своевременно не разглядел до конца бандитскую сущность этой группировки.) Далее в письме говорилось: но данный факт поддается объяснению, поскольку в такой большой партии, как наша, не трудно укрыться несколькими десятками и сотнями вырожденцев, порвавших с партией Ленина и ставших по сути дела сотрудниками белогвардейцев.

Выводы, сделанные в закрытом письме, вновь концентрировали удар против Зиновьева и его сторонников: «История нашей партии знает немало фракционных группировок. Их отличительная черта состояла в том, что они не скрывали своих разногласий с партией, не скрывали своих взглядов и открыто отстаивали их перед партией. Только последние 7-8 лет, когда политическая победа партии и правильность ее линии стали слишком очевидными, а безнадежность позиции всех и всяких антипартийных групп — слишком несомненными, остатки старых фракционных групп стали скрывать свои взгляды и частично переходить на путь двурушничества. Зиновьевская группа является единственной группой, которая не только скрывает свои разногласия с партией, но открыто и систематически шельмовала свою собственную платформу и клялась в своей верности партии, лишь бы войти в доверие и обмануть партию»⁴¹.

Особое внимание в письме обращалось на необходимость борьбы с двурушничеством, поскольку: «Задача состоит в том, чтобы вытравить и искоренить это зло без остатка. Двурушник не есть только обманщик партии. Двурушник есть вместе с тем разведчик враждебных нам сил, их вредитель, их провокатор, проникший в партию обманом и старающийся подрывать основы нашей партии, следовательно, основы нашего государства, ибо подрывать мощь нашей партии, являющейся правящей партией, значит подрывать мощь нашего государства. Поэтому в отношении двурушника нельзя ограничиваться исключением из партии, — его надо еще арестовать и изолировать, чтобы помешать ему подрывать мощь государства пролетарской диктатуры»⁴². Иными словами, борьба против оппонентов Сталина отныне переносилась из плоскости политической в плоскость открыто репрессивную, нормы политического противостояния уже заменялись

⁴¹ Реабилитация. Политические процессы 30 – 50-х годов. С. 194.

⁴² Там же. С. 195.

нормами уголовного права. И это была серьезная новация, которую Сталин вводил в практику борьбы со своими противниками, да и вообще со всеми, кого он мог заподозрить в неояльности по отношению к своему курсу.

Естественно, в закрытом письме снова и снова, как заклинание, повторялся излюбленный тезис Сталина об обострении классовой борьбы по мере роста успехов в строительстве социализма: «Надо помнить, что чем безнадежнее положение врагов, тем охотнее они будут хвататься за «крайнее средство», как единственное средство обреченных в их борьбе с Советской властью»⁴³.

Не довольствуясь чисто политическими выводами, Сталин посчитал крайне необходимым обратить особое внимание на коренное улучшение дела в партийном просвещении. Речь шла об углубленном изучении истории партии, в первую очередь, истории борьбы против различных внутрипартийных фракционных группировок. По мысли вождя, эта промывка мозгов окончательно выветрит из сознания членов партии всякие мысли и даже воспоминания о бытовавших прежде в партии нормах, допускавших разномыслие и свободу выражения своих взглядов. Короче говоря, ту же завязывались не только политические и административные, но и идеологические узлы. Партия в целом должна была быть подготовлена к событиям еще более крупного масштаба — таков был стратегический и политический императив Сталина.

ИЗДАНИЕ

ТРЕТЬЯ СЕРИЯ

3. Причастен ли Сталин к убийству?

ИЗДАНИЕ

Наконец мы подошли к третьей версии, согласно которой убийца Кирова был просто слепым орудием в руках НКВД, которое действовало по указанию Сталина. Если формулировать смысл этой версии вполне четко и без всяких экивоков, то не кто иной, как Сталин предстает перед историей как фактический организатор убийства своего ближайшего соратника. Со всеми вытекающими из этого последствиями. Имеется в виду прежде всего то, что признанием этой версии в качестве достоверной и обоснованной открывается широкое поле для еще большей дискредитации Сталина как политического и государственного деятеля и сталинизма как системы, созданной им.

Как уже говорилось выше, эта версия выглядит крайне тенденциозной, несостоятельной с точки зрения исторических фактов и базируется большей частью на слухах, сомнительных свидетельствах и тому подобных, с позволения сказать, аргументах. Ее не подтвердили многократные проверки, проводившиеся различными комиссиями ЦК КПСС на протяжении целого ряда лет. Если бы имелись хоть какие-то зацепки, то они, в этом можно не сомневаться, были бы интерпретированы в пользу данной версии. В особенности во времена Хрущева, когда буквально все проблемы, с которыми столкнулась страна, объяснялись тяжким наследием сталинизма и личными преступлениями или ошибками вождя. Это, конечно, не метод установления исторической истины, а скорее способ найти легкое объяснение трудным проблемам.

Отмечу, что в мою задачу, как я ее понимаю, не входит криминалистическое исследование и взвешивание всех фактов и обстоятельств, на которые ссылаются

⁴³ Реабилитация. Политические процессы 30 – 50-х годов. С. 195.

апологеты именно данной версии. Это не только выходит за пределы моих возможностей, но и за пределы основной цели данной работы — дать объективную картину политической деятельности Сталина на протяжении всего периода его жизни. Однако привести аргументы сторонников третьей версии и прокомментировать их я, конечно, обязан. В противном случае мне заслуженно могут поставить в упрек, что я стремлюсь приукрасить Сталина как политическую фигуру и как государственного деятеля.

Начнем с того, что рассматриваемая версия родилась в определенных кругах сразу же после совершенного убийства. Ее апологеты стремились представить Сталина в качестве чуть ли не уголовного, по невероятному стечению исторических обстоятельств ставшего во главе партии и страны. Нет смысла полемизировать с выразителями подобной точки зрения, поскольку в виду своей беспредельной тенденциозности она едва ли заслуживает этого. Более целесообразным представляется остановиться на выводах и оценках, содержащихся в работах ряда авторов, отстаивающих данную версию.

Можно смело утверждать, что именно Н. Хрущеву принадлежит пальма первенства в обвинении Сталина в непосредственной причастности к убийству Кирова. Впервые он сделал это в своем знаменитом докладе на XX партии в 1956 году. Затем не раз возвращался к этой теме в своих многочисленных и многословных выступлениях. Позволю себе привести пару его высказываний на сей счет, чтобы читатель сам мог судить, насколько состоятельны аргументы Н. С. Хрущева.

«Конечно, не лично Сталин поручал дело Николаеву. Для этого Николаев был слишком мал. Но у меня нет сомнений, что по поручению Сталина кто-то его подготовил. Это убийство было организовано сверху. Я считаю, что оно было подготовлено руководителем ОГПУ Ягодой, который, в свою очередь, мог действовать только по секретному поручению Сталина, данному, как говорится, с глазу на глаз. Если принять именно такую схему рассуждений, то Николаев, наверное, надеялся на какое-то снисхождение. Но по-настоящему рассчитывать на это было слишком наивно. Не такой уж большой человек этот Николаев: он выполнил поручение и думал, что ему будет дарована жизнь. Просто глупец. Как раз после исполнения такого поручения для сохранения тайны требовалось уничтожить исполнителя. И Николаев был уничтожен»⁴⁴.

Убежденность, с которой Н. Хрущев утверждает это, невольно даже побуждает задуматься: а не был ли он третьим участником подобной беседы? Но это, конечно, со стороны автора только дань юмору, и не более того.

Какие же доказательства приводит Н. Хрущев в подтверждение своей версии, которую он отстаивал с тем большим пылом и усердием, чем больше она подвергалась обоснованным сомнениям? Вот как он мотивирует свою позицию: «Теперь я подхожу к главному: почему же «выбор» пал на Кирова? Зачем Сталину была нужна смерть Кирова? Киров был человек, близкий к Сталину. Он был послан в Ленинград после разгрома зиновьевской оппозиции и провел там большую работу, а Ленинградская организация состояла прежде в своем большинстве из сторонников Зиновьева. Киров повернул ее, и она стала опорой Центрального Комитета, проводником решений ЦК. Все это сам Сталин ставил в заслугу Кирову. Кроме того, Киров — это большой массовик. Я не стану тут касаться всех тех его качеств, которые высоко ценились в партии. Напомню лишь, что он был прекрасным оратором и, как мог, боролся за идеи партии, за идеи Ленина, был очень

⁴⁴ Н. С. Хрущев. Время. Люди. Власть. Воспоминания. Т. 1. С. 95.

популярен в партии и в народе. Поэтому удар по Кирову больно отозвался и в партии, и в народе. Кирова принесли в жертву, чтобы, воспользовавшись его смертью, встряхнуть страну и расправиться с людьми, неугодными Сталину, со старыми большевиками, обвинив их в том, что они подняли руку на Кирова»⁴⁵.

Как видим, рассуждения носят умозрительный характер и не подкрепляются какими-либо достоверными или близкими к ним фактами. В дальнейшем я еще остановлюсь на опровержении данной версии, столь милой душе ярых противников Сталина. В данном случае, разумеется, главную и решающую роль должны играть не умозрительные рассуждения, а серьезная аргументация. Тем более что речь идет о прямом обвинении в соучастии в убийстве.

Что можно сказать в связи с этим? Конечно, на все 100% быть уверенным в том, что ничего подобного быть не могло, было бы самоуверенностью. Теоретически нельзя отрицать и версию, защищаемую Хрущевым. Однако она не подтверждается никакими фактами и не имеет доказательной базы. Более того, в свете этой версии абсолютно необъяснимым выглядит поведение Ягоды во время процесса 1938 года, когда он фактически признав большинство предъявленных ему обвинений, тем не менее пытался всячески преуменьшить свою роль, изобразив себя не организатором, а лишь подневольным исполнителем решения, которое якобы принял «правотроцкистский центр» в убийстве Кирова.

Вот его показания относительно обстоятельств убийства Кирова на процессе 1938 года: «Я не хочу и не могу опорочивать ни одного из предъявленных мне обвинений по части совершенных террористических актов. Но я хочу только подчеркнуть, что ни один из этих актов не совершен мною без директивы «правотроцкистского блока».

Во-первых, — убийство Кирова. Как обстояло дело? В 1934 году, летом, Енукидзе сообщил мне об уже состоявшемся решении центра «правотроцкистского блока» об организации убийства Кирова. В этом решении принимал непосредственное участие Рыков. Из этого сообщения мне стало известно, что троцкистско-зиновьевские террористические группы ведут конкретную подготовку этого убийства. Енукидзе настаивал на том, чтобы я не чинил никаких препятствий этому делу, а террористический акт, говорил он, будет совершен троцкистско-зиновьевской группой. В силу этого я вынужден был предложить Запорожцу, который занимал должность заместителя начальника Управления НКВД, не препятствовать совершению террористического акта над Кировым. Спустя некоторое время, Запорожец сообщил мне, что органами НКВД был задержан Николаев, у которого были найдены револьвер и маршрут Кирова. Николаев был освобожден. Вскоре после этого Киров был убит этим самым Николаевым»⁴⁶.

И далее, отвечая на конкретный вопрос прокурора А. Вышинского: «Признаете себя виновным в организации и осуществлении террористических актов: первое — убийство товарища Кирова по поручению блока и по предложению блока?

Ягода. Признаю себя виновным в соучастии в убийстве»⁴⁷.

Ведь Ягода прекрасно сознавал, какая судьба его ожидает и не питал, в отличие от других, никаких сомнений насчет приговора суда. Что ему стоило взять на себя полную

Н. С. Хрущев. Время. Люди. Власть. Воспоминания. Т. 1. С. 97.

⁴⁶ Судебный отчет по делу по делу антисоветского правотроцкистского блока. М. 1938. С. 253.

⁴⁷ Там же. С. 255.

ответственность еще за одно преступление? Ответа на этот вопрос нет. Ягода говорил лишь о соучастии в преступлении, а не в его организации. И это заставляет задуматься. По крайней мере, не принимать на веру слова Хрущева.

Но еще больше придется задуматься, если мы процитируем не признание Ягоды, процитированные мной по судебному отчету, изданному в 1938 году (он был во многом фальсифицирован), а по другим источникам, гораздо более достоверным. В своем последнем слове он категорически отрицал свою причастность к убийству Кирова. Вот выдержка из его последнего слова: «Неверно не только то, что я являюсь организатором, но неверно и то, что я являюсь соучастником убийства Кирова. Я совершил тягчайшее служебное преступление — это да. Я отвечаю за него в равной мере, но я — не соучастник. Соучастие, гражданин Прокурор, вы так же хорошо знаете, как и я, — что это такое. Всеми материалами судебного следствия, предварительного следствия **не доказано** (выделено мной — Н. К.), что я — соучастник этого злодейского убийства.

Мои возражения по этим моментам не являются попыткой ослабить значение моих преступлений. Моя защита и не имела бы здесь никакого практического значения, ибо за каждую миллионную часть моих преступлений, как говорит Прокурор, он требует моей головы»⁴⁸.

Суммируя, можно сказать, что здесь есть о чем серьезно поразмыслить. В том числе и относительно достоверности версии, высказанной Хрущевым. И не только Хрущевым.

Наиболее рьяно и последовательно версию о причастности Сталина к убийству Кирова отстаивает Р. Конквест. Кроме книги о большом терроре, он написал небольшую по объему и довольно жиденькую с точки зрения научной глубины и аргументации книгу, специально посвященную рассматриваемой проблеме. Исходной посылкой в его системе аргументации лежит следующее удовлетворительное для него политическое решение. Но он видел один выход из положения. Выход был крайне необычный, но на этом примере ясно, что у Сталина не было никаких моральных или иных сдерживающих факторов. Убить Кирова означало убрать ближайшее препятствие; это позволяло в то же время создать атмосферу насилия; создать возможность обвинения противников Сталина в убийстве и стереть их с лица земли без тех споров, какие ему пришлось вести по поводу судьбы Рютина»⁴⁹.

Р. Конквест утверждает (и в данном пункте с ним нельзя не согласиться), что теоретическим обоснованием репрессий стала сталинская концепция обострения классовой борьбы и ужесточения сопротивления бывших господствующих классов, взгляды и устремления которых якобы выражали оппозиционные в партии силы. Центральным моментом здесь явилось убийство Кирова. И ссылается на одного из тех, кто пострадал в годы репрессий, что «1937 год в действительности начался 1 декабря 1934 года»⁵⁰. По убеждению американского советолога, «в виновности Сталина едва ли можно сомневаться, хотя ее окончательное подтверждение весьма приветствовалось бы». Но сам Р. Конквест не питает каких-либо иллюзий и полагает, что полная история этого сложного заговора, который привел к убийству, вряд ли будет полностью раскрыта в ближайшее

⁴⁸ Судебный отчет. (Материалы военной коллегии верховного суда СССР). М. 1997. С. 675.

⁴⁹ Роберт Конквест. Большой террор. Т. I. С. 71.

⁵⁰ Robert Conquest. Stalin and the Kirov murder. London. 1989. p. 4.

время. Еще меньше шансов на то, что экстраординарные детали использования Сталиным методов борьбы против его конкурентов и коллег будут полностью выявлены⁵¹

Приведенные оценки Р. Конквеста сами по себе ничего не доказывают и являются всего лишь точкой зрения самого автора. На чем же он в дальнейшем строит систему доказательств? Прежде всего на том, что Киров якобы являлся реальной альтернативой Сталину и что тревожным сигналом для вождя послужило голосование на XVII съезде партии и предпринятая попытка заменить его Кировым на посту Генерального секретаря. Далее он делает такой вывод:

«Что могло бы последовать, если бы Киров стал Генеральным секретарем?

Политически он показал себя чрезвычайно способным тактиком. Есть немного доказательств того, что он был способен к управлению страной. Его представляли в качестве неподходящего для этой роли, поскольку он «не теоретик, а практический революционер». С другой стороны, его назначение Генеральным секретарем могло бы подразумевать появление некоего подобия подлинного коллективного руководства с разделением полномочий и низведением власти Секретариата к более низкому уровню»⁵².

Другим моментом, на котором акцентирует внимание Р. Конквест, является то, что якобы Киров имел серьезные разногласия со Сталиным в отношении политики коллективизации. Далее, американский советолог, не приводя никаких фактов, утверждает, что между Кировым и Сталиным имелись серьезные разногласия по вопросам внешней политики. В первую очередь речь шла о политике в отношении Германии. Мол, старые большевики после прихода Гитлера к власти видели в гитлеровской Германии огромную угрозу, а Сталин, наоборот, считал, что и с новым режимом можно развивать отношения. При этом в работе Р. Конквеста содержится ссылка на высказывание Сталина на XVII съезде партии о том, что приход фашистов к власти не может служить препятствием для развития нормальных межгосударственных отношений⁵³.

Совершенно безапелляционно другой американский автор Р. Такер утверждает, что не может быть сомнений в том, что именно Сталин нес ответственность за убийство Кирова. Звучит это несколько расплывчато (нес ответственность!), но смысл вполне определенный⁵⁴.

Выше я уже довольно подробно касался вопроса о так называемой попытке смещения Сталина и назначения на пост генсека Кирова. Думаю, что вновь возвращаться к этой теме нет смысла, поскольку вопрос, как мне представляется, выяснен и не нуждается в дополнительных подтверждениях. Разве что есть смысл привести еще некоторые дополнительные аргументы, в частности, мнение В. Молотова, который, несомненно, знал наверняка лучше, чем, скажем, Н. Хрущев, расклад сил в руководстве той поры и внутренние взаимоотношения среди ведущих партийных лидеров. Предоставим слово В. Молотову:

«...Он (т. е. Киров — Н. К.) и сам на первого не претендовал ни в какой мере. Он мог работать, но не на первых ролях. Первым его бы и не признали, я прямо вам могу сказать, особенно ответработники...

⁵¹ *Robert Conquest. Stalin and the Kirov murder.* p. VII.

⁵² Там же. p. 29–30.

⁵³ Там же. p. 30.

⁵⁴ *Роберт Такер. Сталин у власти.* С. 266.

— Говорят: какой-то грузин правил Россией... — Тут еще есть такой момент, что Сталин, как грузин, инородец, мог позволить себе такие вещи в защиту русского народа, на какие на его месте русский руководитель не решился бы, — утверждает Молотов»⁵⁵.

Мне думается, что оценки Молотова соответствуют исторической истине. Они подтверждаются и другими свидетельствами. Что же касается мнимых разногласий по вопросам внешней политики между Сталиным и Кировым, то они представляются надуманными. В действительности подобного рода разногласий не было. Позиция по кардинальным проблемам международной политики Советского Союза в тот период формировалась с учетом реального положения дел в Европе, и об этом пойдет речь в специальном разделе, посвященном комплексу внешнеполитических аспектов сталинской линии в тот период.

Характерно, что усердными проповедниками третьей версии выступали бежавшие на Запад бывшие крупные работники НКВД. Так, один из них А. Орлов (настоящая фамилия Л. Л. Фельдбин) после смерти вождя выпустил в США книгу под названием «Тайные преступления Сталина», в которой подробно описал пикантные обстоятельства, связанные с деятельностью НКВД, процессами 30-х годов и характером отношений Сталина с органами государственной безопасности, а также и многие другие весьма любопытные моменты. Касательно рассматриваемого здесь вопроса, он написал следующее:

«Неудивительно, что в партийных кругах ходил слух о том, что Киров возглавил новую оппозицию, но ее удалось уничтожить в зародыше.

Сотрудникам НКВД также было известно больше чем следовало, и, видимо, через них информация о том, что ленинградское управление НКВД приложило руку к убийству Кирова, просочилась в аппарат ЦК.

В тех кругах партийцев, которые ориентировались в обстановке, было известно, что Ягода — лишь номинальный руководитель НКВД, а подлинный хозяин этого ведомства — Сталин. Эти круги прекрасно понимали (или догадывались), что раз НКВД замешан в убийстве Кирова, значит, убийство совершено по указанию Сталина.

О том, что тайна убийства Кирова в общем-то перестала быть тайной, Сталин узнал с запозданием. Ягода, снабжавший его разнообразной информацией, в том числе и сводками различных слухов и настроений, боялся докладывать об этом. В ушах Ягоды все еще звучала бешеная сталинская реплика: «Мудак!», брошенная ему в Ленинграде. Видные члены ЦК, постепенно узнавшие тайну убийства Кирова, тоже не спешили сообщить об этом Сталину, поскольку этим они автоматически зачислили бы себя в категорию людей, знающих «слишком много».

В общем, когда все это стало известно Сталину, было уже поздно думать о более тщательном сокрытии истины. Оставалось только одно: объявить открыто, что убийство Кирова было делом рук НКВД, и отнести все на счет Ягоды»⁵⁶.

Кстати сказать, именно информация типа приведенной выше, служила и служит до сих пор основной материально-доказательной базой, на которую ссылаются как западные, так и российские авторы, пишущие на данную тему. Сюда надо добавить и свидетельство Г. Люшкова, крупного работника НКВД, принимавшего участие в расследовании убийства Кирова, а затем, в 1938 году бежавшего в Японию. В момент своего бегства он являлся начальником Управления

⁵⁵ Феликс Чуев. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 311.

⁵⁶ Александр Орлов. Тайная история сталинских преступлений. СПб. 1991. С. 230.

НКВД по Дальнему Востоку. Приведу довольно обширную часть заявления, сделанного им после бегства, имеющую прямое отношение к рассматриваемому вопросу.

«Я до последнего времени совершал большие преступления перед народом, так как я активно сотрудничал со Сталиным в проведении его политики обмана и терроризма. Я действительно предатель. Но я предатель только по отношению к Сталину... Таковы непосредственные причины моего побега из СССР, но ими только дело не исчерпывается. Имеются и более важные и фундаментальные причины, которые побудили меня так действовать.

...Я впервые почувствовал колебания со времени убийства Кирова Николаевым в конце 1934 года. Этот случай был фатальным для страны так же, как и для партии. Я был тогда в Ленинграде. Я не только непосредственно занимался расследованием дела об убийстве Кирова, но и активно принимал участие в публичных процессах и казнях, проводившихся после кировского дела под руководством Ежова...Перед всем миром я могу удостоверить с полной ответственностью, что все эти мнимые заговоры никогда не существовали и все они были преднамеренно сфабрикованы. Николаев, безусловно, не принадлежал к группе Зиновьева. Он был ненормальный человек, страдавший манией величия. Он решил погибнуть, чтобы стать историческим героем. Это явствует из его дневника.

...Сталин использовал благоприятную возможность, представившуюся в связи с делом Кирова, для того, чтобы избавиться от этих людей посредством фабрикации обширных антисталинских заговоров, шпионских процессов и террористических организаций.

Так Сталин избавлялся всеми мерами от политических противников и от тех, кто может стать ими в будущем. Дьявольские методы Сталина приводили к падению даже весьма искушенных и сильных людей. Его мероприятия породили много трагедий. Это происходило не только благодаря истерической подозрительности Сталина, но и на основе его твердой решимости избавиться от всех троцкистов и правых, которые являются политическими оппонентами Сталина и могут представить собой политическую опасность в будущем...»⁵⁷

Наверное, читатель уже утомлен цитатами и ссылками на свидетельства тех, кто прямо обвиняет Сталина, что он являлся виновником убийства Кирова. Пожалуй, на этом стоит остановиться. Остановиться, но не поставить точку. Точку можно будет поставить после того, как будут приведены контраргументы, опровергающие данную версию. В подтверждение и обоснование своей позиции по этому вопросу я буду апеллировать прежде всего к доводам здравого смысла и к логике, поскольку каких-то новых фактов и свидетельств, подтверждающих свою правоту я не могу привести. Ведь и до меня переворочено столько дел и материалов различными комиссиями по реабилитации, но и эта работа не прибавила ничего принципиально нового в доказательную базу.

Но прежде чем перейти к контраргументам, представляется уместным сослаться на мнение такого крупного специалиста в этом вопросе, каким является А. Кирилина. Ее точка зрения базируется на глубоком исследовании и анализе огромного массива фактов и архивных документов, на сопоставлении различных показаний. Уже в силу этого ее обобщающая оценка достойна внимания.

Она пишет, что убийство Кирова «было той козырной картой, которая разыгрывалась многими политическими лидерами в своих целях. Сначала ее цинично использовал Сталин для укрепления режима личной власти, создания в стране обстановки страха и

беспрекословного повиновения. Затем трагическим выстрелом в Смольном воспользовался Н. С. Хрущев для развенчания культа личности великого диктатора.

И наконец, сегодня в условиях вседозволенности и так называемого плюрализма появились статьи, авторы которых не затрудняют себя поисками документов, не обременены стремлением объективно разобраться в том, что же случилось 1 декабря 1934 года. Их главная цель — еще раз заявить, что «Сталин — убийца Кирова», не располагая при этом ни прямыми, ни косвенными доказательствами, но широко используя мифы, легенды, сплетни»⁵⁸.

Подобная направленность в трактовке убийства Кирова сохраняется и по сей день. Вокруг этой проблемы не утихают страстные споры. Но часто они носят характер диалога глухого с глухим, где взвешенный анализ фактов подменяется голыми утверждениями и предположениями, которым придают статус истин в последней инстанции.

Прежде всего зададимся вопросом: какими мотивами мог руководствоваться Сталин, организуя убийство Кирова? Без серьезных мотивов не совершается ни одно серьезное преступление, не говоря уже о преступлении века, как окрестили с полным основанием убийство 1 декабря 1934 г. В приложении к Сталину довольно резонно звучит оценка, принадлежащая перу автора книги о нем Р. Макнилу: «Нет оснований пытаться реабилитировать Сталина. Сложившееся мнение, что он осуществлял кровавые боины, сажал в тюрьмы и осуществлял репрессии самого большого масштаба — это не ошибочное впечатление. С другой стороны, невозможно понять этого безусловно одаренного политика, приписывая только ему все преступления и страдания его эпохи. Или рассматривать его просто как чудовищного монстра и психически больного человека. С самой своей юности до самой своей смерти он был бойцом в деле, которое он и многие другие рассматривали как справедливую борьбу»⁵⁹.

Безусловно, в корне неверна исходная посылка, будто Сталин видел в Кирове соперника, способного бросить ему перчатку в борьбе за власть. Как было показано выше, по всем параметрам лидер ленинградских большевиков был фигурой отнюдь не того масштаба, чтобы претендовать на обладание высшей властью в партии и стране. Лишь его трагическая смерть послужила предпосылкой для того ореола, которым стали окружать его имя после трагической гибели. И Сталин не был настолько наивен, чтобы не понимать этого. Более того, вождь намеревался еще больше приблизить Кирова к себе, сделав его секретарем ЦК с перспективой перевода на постоянную работу в Москве. Он явно нуждался в людях такого склада, как Киров, и рассчитывал, что с его переходом на работу в Москву удастся усилить общее партийное руководство. Какой же резон был у Сталина устранять своего надежного соратника?

А то, что Киров был таковым, свидетельствуют многочисленные факты, в том числе и приведенные в предшествующих главах. Разговоры о наличии каких-то серьезных разногласий между ними по коренным вопросам политики — не более чем досужий вымысел. Вспомним хотя бы то, что именно Киров предложил принять в качестве резолюции XVII съезда доклад Сталина. Это предложение говорило о многом, по крайней мере о том, что Киров безраздельно стоял на позициях последовательного сторонника и защитника сталинского стратегического курса. Это, разумеется, не исключало

⁵⁸ Алла Кирилина. Незвестный Киров. С. 304.

⁵⁹ Robert H. Mc Neal. Stalin. Man and Ruler. p. 315.

возможности каких-то мелких разногласий между ними по отдельным практическим вопросам. Но все это не меняло общей картины.

В контексте сказанного субъективной и малоубедительной представляется аргументация, выдвигаемая Р. Медведевым. В своей книге он писал:

«Киров, хоть и обладал многими чертами, характерными для окружения Сталина, все же как личность во многом отличался от него. Он был прост и доступен, близок рабочим, часто бывал на предприятиях, обладал огромной энергией, ярким ораторским талантом, неплохой теоретической подготовкой. Влияние Кирова в стране росло, и в 1934 г. он был, несомненно, вторым по авторитету человеком в партии. Известно также, что, когда летом 1934 г. Сталин впервые серьезно заболел и возник вопрос о его возможном преемнике на посту генсека, Политбюро единодушно высказалось за кандидатуру С. М. Кирова.

Грубый, властолюбивый, подозрительный и жестокий Сталин плохо переносил возле себя людей ярких и самостоятельных. Растущие популярность и влияние Кирова не могли не вызвать у него зависти и подозрений. Можно с уверенностью сказать, что смерть Кирова не вызвала у Сталина сожаления. Убийство Кирова явилось важным звеном в цепи событий, которые привели в конечном счете к узурпации Сталиным всей власти в стране. Вот почему версия о причастности Сталина к убийству Кирова, которая в 1934 — 1935 гг. могла показаться невероятной, представляется в настоящее время весьма правдоподобной и с политической, и с логической точек зрения»⁶⁰.

Многие из утверждений Р. Медведева выглядят не как объективные аргументы, а скорее как собственные предположения, возводимые в разряд аргументов. Авторитет и популярность Кирова в то время явно преувеличена, он по своему влиянию едва ли был второй после Сталина фигурой. На заседаниях Политбюро, как уже упоминалось, он большей частью отмалчивался (по свидетельству А. Микояна). Вторая после Сталина фигура в руководстве Молотов также, как я писал выше, довольно скептически оценивал политический вес Кирова. Очевидно, в данном случае больше оснований верить Микояну и Молотову, нежели Р. Медведеву. Вызывает серьезные сомнения и утверждение, что Политбюро во время болезни Сталина летом 1934 года высказалось в пользу Кирова как возможного преемника Сталина на посту Генерального секретаря. Сам факт подобного рода мне представляется невероятным — при живом вожде рассматривать вопрос о его преемнике! Все члены ПБ прекрасно знали крутой характер и чрезвычайную подозрительность и мнительность хозяина, чтобы вообще обсуждать данный вопрос. Это явно выходит за горизонты событий той поры. Так что, в целом заключение российского историка (кстати, возможно, одного из наиболее компетентных в данной проблематике) едва ли можно признать убедительным.

В поле зрения имеются и некоторые другие варианты рассматриваемой версии. В частности, теоретически можно предположить, что Сталин дал санкцию на убийство Кирова для того, чтобы создать самый что ни есть благовидный предлог для развертывания всеобщей кампании репрессий в стране. Но, во-первых, Сталин не так уж и нуждался в создании каких-либо предлогов, поскольку сама идея широкомасштабной чистки органически вытекала из его концепции обострения классовой борьбы по мере роста успехов в строительстве социалистического общества. Это, конечно, не противоречит тому, что, коль такой предлог появился, то Сталин не преминул использовать его, что

⁶⁰ Рой Медведев. О Сталине и сталинизме. С. 307.

называется, на всю катушку. Во-вторых, сама организация Сталиным убийства члена Политбюро и своего ближайшего соратника — дело отнюдь не такое простое, как пытаются изобразить некоторые биографы вождя. Ведь в реализацию подобного рода «проекта» должно было быть вовлечено определенное число лиц, что создавало угрозу практически неизбежной утечки информации. Идти ради сомнительного дела на потерю своего авторитета Сталин, конечно, не мог. Да и едва ли он рисковнул бы положиться на кого-либо в таком грязном деле с непредсказуемыми и неконтролируемыми последствиями.

Но главное состояло в другом. Система власти, в том числе и в отношениях между органами внутренних дел и Сталиным, была такова, что он не мог отдать указание о физической ликвидации члена ПБ. Не только открыто, но и путем намека, как, например, чтобы не чинились препятствия для осуществления террористического акта в отношении намеченного лица. И это, несмотря на то, что Сталин осуществлял не просто строжайший контроль над деятельностью НКВД, но и по существу руководство этим наркоматом. Не случайно Ежов говорил, что органы безопасности непременно улучшат свою работу, «при помощи т. Сталина, который **изо дня в день руководит нами** (выделено мной — Н. К.)»⁶¹. Ему же принадлежат слова о том, что: «...нет буквально ни одного мельчайшего вопроса, с которым я не мог бы обратиться к т. Сталину и получить от него совершенно исчерпывающие указания»⁶².

О том, что вождь твердо держал все нити управления НКВД в своих руках, говорят многие факты. Это подтвердил в косвенной форме и Ягода, когда впоследствии на февральско-мартовском пленуме возник вопрос о том, могло бы быть предотвращено убийство Кирова. Тогда Ягода заявил: «т. Сталин меня предупредил однажды насчет Молчанова. Он мне прямо сказал, что Молчанов, что-то Медведем от него пахнет, не похож ли он на Медведя? Я ему сказал, что Медведя в нем нет. И к Молчанову трудно было придаться. Человек работал день и ночь. (*Сталин. Я сказал: либо он тупица, либо подозрительный человек*)...

Если Медведь благодаря плохой охране не смог охранить Кирова, то мы здесь также виноваты. (*Голос с места. Какая же охрана, когда вы троцкистов не брали и не арестовывали.*) Тем более, что злодей Николаев — убийца Кирова, — заявил, что если бы был один человек при Кирове, он бы не решился стрелять. (*Голос с места. А почему у Кирова не было охраны?*) Была, но очень плохая, потому что Киров никогда не брал ее, а в этом моя вина, что я не настоял. Но в данном случае аппарат ГПУ безусловно мог бы предотвратить это убийство. Если бы мы не имели Молчанова на секретном отделе, если мы, мы — чекисты, больше бы контролировали, а все эти агентурные данные, которые были у нас в руках, использовали бы вовремя, этого злодейского убийства С. М. Кирова не было бы, и в этом наша самая большая, ничем не поправимая вина. Тов. Ежов говорил о плохом следствии и это правильно. Тов. Сталин непрерывно в течение всей моей работы указывал на плохое ведение следствия, о порядке допросов. Если бы следствие по делам контрреволюционной троцкистской банды велось так, как нужно было его вести, то даже по одному следствию можно было своевременно вскрыть этот контрреволюционный бандитский заговор»⁶³.

⁶¹ "Вопросы истории" 1994 г. № 10. С. 27.

⁶² "Вопросы истории" 1995 г. № 2. С. 21.

⁶³ "Вопросы истории". 1994 г. № 12. С. 9.

Приведенные выше выдержки из выступлений руководителей НКВД однозначно говорят о том, что Сталин не только держал под своим личным контролем важнейшие дела, но и непосредственно вмешивался в процедуру ведения допросов и следствия в целом. Делал он это на основе полномочий Генерального секретаря, в прерогативу которого входило осуществление общего надзора и руководства органами внутренних дел. Но все это отнюдь не было равносильно тому, что он был вправе дать указание или же намек на устранение члена Политбюро и секретаря ЦК. Такими полномочиями он не обладал и обладать не мог. Единственное, что он был в состоянии сделать, так это намекнуть Ягоде, чтобы органы НКВД не препятствовали покушению на Кирова. Это было бы равносильно приказу. Однако сделать этого он не мог по той простой причине, что сам в таком случае становился своего рода заложником в руках Ягоды. Возразят: какой, к черту, заложник, если Ягода был у него в руках и во всем следовал указаниям хозяина (как стали называть Сталина в его собственном окружении)? Словом, сам Ягода был заложником в руках у Сталина.

Итак, получается нечто вроде заколдованного круга — кто у кого был заложником? Конечно, всерьез рассуждать о том, что вождь мог быть заложником в руках Ягоды — вещь достаточно наивная, а, может быть, и смешная. Но в определенных пределах Сталин неизбежно должен был испытывать к своему наркомку внутренних дел недоверие. Нельзя забывать, что Ягода одно время разделял взгляды правого блока и при случае мог нанести Сталину непоправимый политический ущерб, например, путем утечки информации о секретном задании Сталина. Прямые указания Ягода получал от Сталина в отношении лиц, которые уже были политически дискредитированы и осуждены на уровне не только пленумов ЦК, но съездов партии. И здесь указания вождя не подвергались сомнению. Они выполнялись, правда, не всегда, неукоснительно, о чем свидетельствует первоначальный этап ведения следствия по делу об убийстве в Смольном. Отдать секретное указание Ягоде о ликвидации Кирова Сталин не мог хотя бы в силу колоссального риска, сопряженного с этим. А он, как известно, предпочитал играть наперняка, исключив, по возможности, любой серьезный риск.

Добавим еще одно соображение. Ко времени убийства Кирова говорить о полном и безраздельном господстве Сталина можно было с учетом той поправки, что наряду с ним были и другие достаточно влиятельные члены ПБ, как, например, Орджоникидзе. И хотя все принципиальные вопросы решались Сталиным, но и они требовали формального одобрения Политбюро или пленума ЦК. Ведь не случайно в тот период пленумам ЦК уделялось столь большое внимание и Сталин прилагал немалые усилия, чтобы, упаси Боже, члены пленума не поставили под сомнение то или иное его решение. Скажут, чистая формальность? Вроде бы и да, а на самом деле не совсем так. Иначе Сталин не осуществил бы на протяжении ряда лет радикальную чистку состава ЦК партии.

Словом, для вождя было абсолютно исключенным и неоправданным риском связывать себя с физическим устранением члена Политбюро. Я уже оставляю в стороне то, что он считал Кирова «другом и братом». Ведь эмоции и сентиментальные чувства в политическом соперничестве отступают на второй план. Хотя и эти моменты нельзя сбрасывать со счета. К Кирову, как свидетельствует и его дочь Светлана, он питал особенно теплые чувства. И не случайно, по словам очевидцев, при прощании с телом покойного Сталин якобы промолвил «Мы отомстим за тебя». И мало кто мог себе представить, сколь грандиозной будет эта месть. Да и местью ее можно назвать лишь условно, ибо это превосходило все

мыслимые и немыслимые масштабы мести как таковой. Это было нечто иное, чему не просто найти адекватное определение.

В рамках рассматриваемой мною версии — как один из ее возможных вариантов — вписывается и предположение о том, что убийство Кирова было организовано самими работниками НКВД. Именно такую мысль высказал преемник Кирова на посту руководителя ленинградских большевиков А. А. Жданов. Правда, сделал он это не публично, а в узком семейном кругу. Как свидетельствует его сын Ю. А. Жданов, зловещее событие, происшедшее в декабре 1934 года, сильно волновало людей даже по прошествии многих лет после случившегося. Сын соратника вождя пишет: «Десятки лет партийцы задавали себе и другим вопрос: чем же было убийство Кирова? Задавала отцу этот вопрос и моя мать. Уже после войны резко и запальчиво он сказал: «Провокация НКВД!»⁶⁴

Видимо, Жданов-отец знал, о чем говорил. Но для нас его ответ выглядит задачей с огромным числом неизвестных, и решить ее, видимо, так же трудно, как и теорему Ферма. Представляется в высшей степени сомнительным, что НКВД по своей собственной инициативе организовал провокацию, стоившую жизни члену высшего партийного руководства. Хотя стопроцентно исключить и такой вариант нельзя. Здесь существо проблемы сводится к тому, зачем понадобилась такая провокация? Какую цель она могла преследовать? Может быть, чтобы продемонстрировать свою активность, то, что и работники НКВД не даром едят государственный хлеб (включая сюда многочисленные привилегии и т. п.)? Но уж слишком рискованным и маловероятным выглядит подобный мотив. Да и к тому же, для организации провокации такого масштаба и такого характера, нужна была, вне всякого сомнения, санкция высшего руководства. Поэтому списать провокацию на самостоятельность местных или даже центральных органов НКВД просто смешно. Думается, что версия о грандиозной провокации со стороны НКВД — не более чем отговорка со стороны А. А. Жданова. Или же — что представляется более вероятным — этим он хотел сказать, что в тот период в стране и в самих органах безопасности царил такой хаос и неразбериха, что в подобных условиях было все возможно. Однако за мыслью Жданова, мне кажется, скрывается попытка снять с высших партийных руководителей тех лет ответственность за убийство Кирова. А такую ответственность они, в том числе и Сталин, безусловно несут. Не в том смысле, что они сами организовали все это дело, а в том, что не предприняли необходимых мер по наведению должного порядка в самих органах НКВД. В следующей главе я более детально коснусь этой проблемы, поскольку она имеет непосредственное отношение и к Сталину как верховному руководителю страны.

Подводя общий итог, следует констатировать: версия о причастности Сталина к убийству Кирова несостоятельна, поскольку не выдерживает проверки фактами и противоречит логике развития событий той поры. Ведь ни одного действительно убедительного мотива такого рода действий со стороны вождя мы не находим. Есть только гадательные предположения и всякого рода допущения, сами по себе в серьезном анализе недопустимые. Разумеется, ведя полемику с теми, кто отстаивает гипотезу о личной причастности Сталина к преступлению века, никто не имеет морального права априори считать все, что они пишут, нелепицей, выдумкой, профанацией фактов. Конечно, в их позиции явно просматривается политическая или идеологическая заангажированность. Но и при всем этом высказываемая ими точка зрения имеет бесспорное право на

⁶⁴ Ю. А. Жданов. Взгляд в прошлое. Ростов-на-Дону. 2004. С. 153.

существование. Другое дело, что она страдает серьезным изъяном — сложные и противоречивые процессы и тенденции развития нашей страны в тот период объясняются и интерпретируются исключительно через призму одной личности. Но каким бы всемогущим демиургом не выглядел Сталин, свести все перипетии событий тех лет главным образом к его деятельности — значит серьезно упростить и примитивизировать реальный ход событий той поры. Бесспорно, он во многом определял направления и пути развития советского общества в период беспрецедентных репрессий. Он наложил на весь этот процесс печать своей личности. Неизгладимую печать! Но кроме его воли и его планов существовали и действовали объективные причины и обстоятельства, взаимодействие которых неизбежно сказывалось на общей картине политической жизни нашей страны в середине 30-х годов.

Здесь мы сталкиваемся с вопросом о соотношении роли личности и объективных исторических закономерностей, действующих в любую эпоху. Нет смысла повторять набившие оскомину в прежние времена аксиомы о примате объективных закономерностей над волей и побуждениями исторических личностей, каков бы велик ни был их формат. Ведь в самой проблеме взаимосвязи и соотношения объективных и субъективных моментов слишком много накопилось трафаретных прописей, чтобы в данном случае оперировать ими. Но бесспорно одно — в событиях декабря 1934 года, как в своеобразном историческом зеркале, отразилось наступление новой полосы в развитии нашей страны. Какими бы факторами это не было вызвано, оно стало суровой реальностью. В исторической драме пролог был уже позади. Пришел черед главных актов этой трагедии. И здесь, в еще большей степени чем когда-либо раньше, режиссером и главным действующим персонажем выступал Сталин. В скрижали нашей истории он вписывал одни из самых мрачных ее страниц. И история, конечно, сохранила эти страницы, содержание которых до сих пор поражает своей жестокостью, масштабами, а порой и бессмысленностью. Но вычеркнуть эти страницы из исторической памяти невозможно. Не все в них прояснено до конца, не все факты и детали получили свое объективное истолкование. Но общая картина ясна, и какие-то новые детали не изменяют ее общий рисунок.

Мрачны эти страницы и в политической биографии Сталина. Объективная оценка его личности вообще и его качеств как государственного и политического деятеля невозможна без объективного и справедливого анализа этого периода его жизни. Как ни прискорбно, но здесь придется пользоваться не всей палитрой красок, которой пишется ход истории, а преимущественно черной краской. Другие как-то не подходят.

Мне могут поставить в укор, что в одних случаях я выступаю как апологет Сталина, в иных — как его рыяный обличитель. Но в действительности (по крайней мере в своих намерениях) я далек от этих обеих крайностей. Поскольку они, как бы ни казались порой убедительными или привлекательными, не могут способствовать постижению подлинной исторической правды. И если поставить вопрос — какая из них хуже — то можно, перефразируя Сталина, ответить: обе хуже. Описывая обстановку репрессий и не умаляя их поистине грандиозных масштабов, необходимо предостеречь против одного — не следует толковать этот исторический период однозначно. Террор и репрессии не должны заслонять собой величайшие достижения нашего народа в этот самый период. Процессы, как говорится, шли параллельным курсом. Именно их сложное переплетение и наложало

свою неизгладимую печать на нашу историю тех лет. И глубоко ошибаются те, кто за великими достижениями народа не хочет видеть и серьезных исторических издержек, понесенных советским обществом. Но не в меньшей, а в еще большей степени неправы те, кто видит только репрессии и террор, которые, мол, и составляли основное содержание всей жизни советского общества в 30-е годы. Последняя позиция в корне ошибочна и заведомо тенденциозна, и продиктована она по большей части политической заангажированностью, если не сказать резче — зоологической ненавистью к социализму и всему периоду советской истории.

1977

1977

1977

1977

1977

1977

1977

Глава 13

МЕСТО РЕПРЕССИЙ В ПОЛИТИКЕ СТАЛИНА

1. Первые раскаты грома

Убийство Кирова большинство биографов Сталина считает событием, ставшим убедительным предлогом и своеобразным политическим оправданием грозного вала репрессий, вскоре обрушившихся на партию и страну. Для понимания и объяснения сталинской политической философии и сталинского мышления той поры (да и не только той поры) весьма характерно следующее заявление вождя, сделанное им в беседе с американским писателем Г. Уэллсом в 1934 году: «Кому нужен полководец, усыпляющий бдительность своей армии, полководец, не понимающий, что противник не сдастся, что его надо добить? Быть таким полководцем — значит обманывать, предавать рабочий класс. Вот почему я думаю, что то, что кажется Вам старомодным, на самом деле является мерой революционной целесообразности для рабочего класса»¹. И для убедительности добавил: «Вы не правы, если думаете, что коммунисты влюблены в насилие». В обоснование необходимости насилия он ссылался на пример английской революции и меры, предпринятые в ее ходе Кромвелем, а также на излюбленный большевиками в качестве исторического прецедента опыт Великой Французской революции. Однако он как бы не замечал, что история российской революции и последующие за ней события во много раз перекрыли все «достижения» по части террора указанных революций и стали уникальными в новейшую эпоху.

Сталин признал необходимым коренным образом реорганизовать структуру органов государственной безопасности и провести в них существенные кадровые перестановки. Эти мероприятия начали осуществляться еще до убийства Кирова. После смерти в мае 1934 года номинального главы ОГПУ Менжинского (он был серьезно болен и фактически всеми делами заправлял его заместитель Ягода) назревший вопрос о реорганизации органов безопасности был решен. В июле того же года было принято постановление о создании наркомата внутренних дел, в состав которого вошло Главное управление государственной безопасности — так сказать, правопреемница ОГПУ. Во главе НКВД был поставлен Ягода. При НКВД создавался новый институт, снискавший себе мрачную известность на всем последующем этапе сталинского правления. Речь идет об учреждении Особого совещания, обладавшего правом выносить внесудебные решения. Сначала объем прав этого совещания ограничивался вынесением постановлений о ссылке или заключению в исправительно-трудовой лагерь на срок до пяти лет. В дальнейшем, по мере развертывания масштабов репрессий, Особое совещание получило право выносить смертные приговоры. Специальным пунктом

¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 14. Беседа с Г. Уэллсом. (Электронный вариант).

предусматривалось, что дела о шпионаже, террористической и контрреволюционной деятельности подлежат суду Военной коллегии Верховного суда.

Словом, внешне все это выглядело как наведение должного порядка в органах государственной безопасности и создание солидной правовой основы для деятельности органов правосудия. В действительности все эти и ряд других мер имели своей целью укрепить контроль Сталина над НКВД и создать необходимые предпосылки для проведения в дальнейшем широкомасштабной кампании репрессий против не только уже поверженных политических противников вождя, но и против всех, кто так или иначе попадет под подозрение в нелояльности.

Весьма примечательна одна деталь. В закрытом постановлении о ведении следствия и судебного разбирательства специально подчеркивалось, что «секретные сотрудники органов Главного управления государственной безопасности НКВД при слушании дел о преступлениях, ими раскрытых, не подлежат вызову в суд в качестве свидетелей ни в коем случае»². Такая оговорка в высшей степени показательна: Сталин и органы НКВД в значительной мере в фабрикации дел опирались на информацию, полученную с помощью специально внедренных агентов и осведомителей, и большей частью именно их информация служила доказательной базой при предъявлении обвинений как на стадии следствия, так и на стадии судебного разбирательства. Наверняка зная, что при объективном расследовании дел в суде свидетельства, полученные через подобного рода каналы, могут быть опровергнуты, инициаторы этого нововведения стремились гарантировать судебные процессы от всякого рода неожиданностей. Ведь в таком случае на карту были бы поставлены как объективность следствия, так и достоверность материалов, на которых базировалось обвинение.

Сталин принял и другие меры с тем, чтобы повысить престиж органов безопасности, введя специальные звания для сотрудников НКВД. В опросном порядке Политбюро утвердило список лиц, которым присваивались высшие звания. Вот их перечень (он не только интересен сам по себе, но и важен под углом зрения того, кто на практике осуществлял сталинскую репрессивную политику).

В ноябре 1935 г. вышло постановление ЦИК о присвоении званий следующим лицам:

а) ГЕНЕРАЛЬНОГО КОМИССАРА: т. ЯГОДА Генриху Григорьевичу.

б) КОМИССАРА 1-го РАНГА — т.т.:

1. АГРАНОВУ Якову Сауловичу;

2. БАЛИЦКОМУ Всеволоду Аполлоновичу;

3. ДЕРИБАСУ Терентию Дмитриевичу;

4. ПРОКОФЬЕВУ Георгию Евгеньевичу;

5. РЕДЕНСУ Станиславу Францевичу;

6. ЗАКОВСКОМУ Леониду Михайловичу.

в) КОМИССАРА 2-го РАНГА — т.т.:

1. ГАЮ М. И. — Нач. Особого отдела ГУТБ НКВД СССР;

2. ГОГЛИДЗЕ С. А. — Нач. управления НКВД по ЗСФСР и Народному Комиссару Внутр. дел ЗСФСР;

3. ЗАЛИНУ Л. Б. — Нач. управления НКВД по Казахской АССР;

4. КАЦНЕЛЬСОНУ З. В. — Зам. нач. управления НКВД по УССР и Зам. Наркома Внутр. дел УССР;

² Лубянка. Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936. С. 563.

5. КАРЛСОНУ К. М. — Нач. управления НКВД по Харьковской обл. УССР;
  6. ЛЕПЛЕВСКОМУ И. М. — Нач. управления НКВД по БССР и Наркому Внутрен. дел БССР;
  7. МОЛЧАНОВУ Г. А. — Нач. Секретно — политического отдела ГУТБ НКВД СССР;
  8. МИРОНОВУ Л. Г. — Нач. Экономического отдела ГУТБ НКВД СССР;
  9. ПАУКЕРУ К. В. — Нач. Оперативного отдела ГУТБ НКВД СССР;
  10. СЛУЦКОМУ А. А. — Нач. Иностранного отдела ГУТБ НКВД СССР;
  11. ШАНИНУ А. М. — Нач. Транспортного отдела ГУТБ НКВД СССР;
  12. БЕЛЬСКОМУ Л. Н. — Нач. Главного управления Рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР;
  13. ПИЛЛЯРУ Р. А. — Нач. управления НКВД по Саратовскому краю.
- г) КОМКОРА — т.т.:
1. ФРИНОВСКОМУ М. П. — Нач. Главного Управления Пограничной и Внутренней охраны НКВД СССР.
- д) КОМИССАРА КОРПУСА — т.:
1. РОШАЛЮ Л. Б. — Зам. нач. Главного Управления и Нач. Политотдела Пограничной и Внутренней охраны НКВД СССР³.

Следует отметить, что высшее звание в НКВД — звание Генерального комиссара государственной безопасности приравнивалось к воинскому званию маршала Советского Союза. Другие высокие звания также имели адекватные сопоставления с воинскими званиями в РККА. Помимо этого, по распоряжению Сталина были существенно улучшены и материальные условия службы и жизни сотрудников НКВД, особенно ГУТБ. Вождь хотел продемонстрировать на них свою отеческую заботу, и не только на словах, но и на деле, рассчитывая, естественно, что на проявленное внимание сотрудники НКВД ответят так, как надо — т. е. особым усердием в исполнении директив вождя и беспрекословным выполнением его личных указаний. Ведь впереди предстояла совсем нелегкая работа.

Здесь хотелось бы обратить внимание читателей на то, что на более поздних этапах великой чистки почти все, за единичным исключением, перечисленные в списке лица, сами станут жертвами репрессий. Сначала в период чистки НКВД от людей Ягоды, а затем от людей Ежова. Лишь С. А. Гоглидзе не надолго пережил Сталина и был расстрелян в декабре 1953 года вместе с Берией. Искреннего сочувствия все эти лица едва ли заслуживают, поскольку их собственные руки по локоть были в крови. Но такова уж выпала на их долю планида. Пока же они выступали в качестве основных исполнителей замыслов вождя по искоренению врагов народа и всех неудобных режиму лиц.

Проводившиеся в самих рядах чекистов чистки, несомненно, заслуживают внимания, но в рамках поставленной задачи нет возможности в деталях рассматривать данный аспект, поскольку это уведило бы нас от главной нити нашего повествования. В отдельных случаях я неизбежно буду касаться того, как сами работники госбезопасности становились жертвами молоха репрессий, орудием которых они выступали по воле Сталина. Но нельзя упустить один важный момент — они не только выполняли указания вождя и собственных начальников, но и сами по своей воле проявляли изрядное рвение в искоренении «врагов народа». Словом, печальная сага о репрессиях в какой-то, причем немалой мере, это и сага об их собственных трагедиях. Для Сталина периодические, а точнее сказать, систематические чистки в рядах самих «чистильщиков» было явление ординарное. Таким путем он не только усиливал свой

контроль над органами, но и душил в зародыше даже малейшую мысль о каком-либо сопротивлении проводимой им линии в борьбе с реальными или мнимыми врагами.

Здесь возникает еще одна противоречивая проблема. Суть ее сводится к следующему. В историографии Сталина существует целое течение, представители которого считают, что не было прямой связи между убийством Кирова, первыми репрессиями после принятия закона от 1 декабря 1934 г. и «большим террором», что 1935 — 1936 гг. были годами ослабления террора. Французский автор книги по истории Советского государства Н. Верт придерживается следующей точки зрения: «На эту тему идет много споров. Я считаю, что в несколько историков, в том числе Олег Хлевнюк, довольно убедительно доказали, что в промежутке между убийством Кирова и началом «большого террора», за эти два с половиной года, были разные тенденции и линия террора не проводилась последовательно»⁴.

О. Хлевнюк, на которого ссылается Н. Верт, ситуацию тех лет характеризует следующим образом: «Вместе с тем и в 1935-м и в первой половине 1936 г. наряду с усилением террора наблюдалась другая тенденция — попытки притормозить его, сгладить особенно болезненные последствия произвола.

Сколько-нибудь заметное существование этой тенденции было возможно прежде всего потому, что к развертыванию массовых репрессий в варианте 1937 г. пока не был готов сам Сталин. Об этом свидетельствовали и его публичные выступления, в которых он давал повод надеяться на смягчение репрессивной политики, и постепенные, осторожные практические действия. Скорее всего Сталина сдерживало опасение подорвать сравнительно успешное развитие народного хозяйства страны на основе принятого в годы второй пятилетки умеренного экономического курса. Могли играть свою роль и внешнеполитические расчеты на сотрудничество с западными демократиями. Несомненно, Сталин сталкивался с противодействием репрессивной политике в части партийного и государственного аппарата»⁵.

Прежде чем высказать свое личное мнение по этому комплексу вопросов, позволю еще привести оценку известного советолога Дж. А. Гетти. Действительно, он ставит под вопрос существование у Сталина после убийства Кирова детально разработанного и четко продуманного плана осуществления широкомасштабной кампании репрессий. Каковы же аргументы, приводимые Дж. А. Гетти, в обоснование данной точки зрения? В своем солидном исследовании он пишет: «Очевидные признаки замешательства в самых верхах, контрпродуктивные инициативы и недостаточный контроль над событиями — все это говорит не в пользу существования грандиозного плана. Тщательный анализ архивных данных, исторических документов, прессы и достойных доверия мемуарных источников не подтверждает и не опровергает существование такого плана. И все же возможно, что события 1933 — 1939 годов были частью дьявольской и хитроумной стратегии, но свидетельства показывают, что грандиозный план Сталина, по всей вероятности, априори остался только лишь предположением, интуитивной догадкой или гипотезой. На базе доступных в настоящее время доказательств его существование можно лишь предполагать, но нельзя считать установленным фактом. Сталин не был инициатором и не контролировал все, что происходило в партии и стране»⁶.

⁴ См. Интервью с Н. Вертом. "Время новостей" № 221. 2 декабря 2004 г.

⁵ О. В. Хлевнюк. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М. 1992. С. 58–59.

⁶ J. Arch Getty. Origins of the great purges. p. 203.

Мне думается, что Дж. Гетти прав в том, что Сталин, учитывая его колоссальную загруженность, не мог контролировать буквально все происходящее в стране. Однако неоспоримо и то, что все важные, имеющие общегосударственное значение вопросы, не могли решаться, если не при его личном участии, то уж во всяком случае без учета его позиции по этим вопросам. Можно, конечно, только гадать, был ли у вождя с самого начала развертывания репрессий какой-то грандиозный план, разбитый на этапы и временную последовательность реализации задуманного. Вполне допустимо, что многие вопросы возникали, так сказать, по ходу дела. Иными словами, кампания репрессий отчасти несла на себе следы спешки и непродуманности. Однако речь идет не о каких-то неувязках в реализации целей, поставленных Сталиным, а о существовании у него самого такого плана. На мой взгляд, весь стремительно развивавшийся процесс репрессий, то, как он чуть ли не с естественной закономерностью переходил от одного этапа к другому, постепенно захватывая в свою орбиту именно тех людей, которых Сталин намеревался устранить уже не политически, а физически, — все это говорит в пользу существования такого плана. Разумеется, это был не пятилетний план, который нужно было выполнить досрочно и с превышением, и потом бахвалиться успехами на всю вселенную. Об этом плане никто не знал и не мог знать. В противном случае он бы безусловно провалился.

Представим на минуту, что члены ЦК, избранные на XVII съезде партии, знали бы или догадывались об участии, им предназначенной. В любом варианте развития событий они, вне всякого сомнения, выступили бы против своего вождя, ибо собственная жизнь на любых весах всегда перевешивает самые изощренные политические расчеты и соображения. Короче говоря, Сталин приступал к проведению великой чистки, зная (хотя и не в деталях) ее предстоящий размах, ее масштабы.

Но прав и О. Хлевнюк относительно наличия в те годы различных, в том числе и умеренных тенденций, истоки которых заключались в том, что вождю приходилось учитывать множество факторов, и не в последнюю очередь виртуальную возможность серьезной оппозиции своему курсу. Сталин никогда не играл вслепую, тем более в такой грандиозной постановке, какой явилась великая чистка. Он все тщательно и скрупулезно готовил заранее. Сюда входили меры организационного и пропагандистско-идеологического порядка. Кроме того, одной из важных особенностей политической стратегии вождя выступал принцип постепенности, когда развитие событий по восходящей линии тщательно взвешивалось и контролировалось. Люди должны были постепенно, шаг за шагом, день за днем привыкать к тому, что последуют события еще большего размаха. Из такого расчета и осуществлялась серия мероприятий репрессивного плана.

Такой маститый специалист, как Р. Такер, также полагает, что в этот период Сталин был вынужден считаться с общими настроениями в пользу определенной разрядки положения в стране и укрепления духа народа ввиду вероятности войны в недалеком будущем. «Он мог воспользоваться передышкой, — пишет американский биограф, — чтобы сосредоточить усилия на следующем этапе революции сверху и вывести на сцену новых людей, которые займут высокие посты и будут его людьми»⁷.

Но какие бы признаки разрядки мы не просматривали в действиях вождя в рассматриваемый отрезок времени, главное его внимание, несомненно, было

сосредоточено на тщательной подготовке репрессий. Ведь в конце концов так называемый курс на паллиативную разрядку никак не исключал и мероприятий по подготовке и осуществлению репрессий.

Одним из таких мероприятий была, выражаясь современным слогом, зачистка в Ленинграде. После расстрела Николаева и группы его мнимых соучастников, а также почти всех родственников самого убийцы, НКВД, видимо, по указанию Сталина, наметил кампанию по выселению и изоляции так называемых «бывших», проживавших в Ленинграде. Что это было за мероприятие, видно из записки наркома Ягоды:

«26 февраля 1935 г.

Товарищ Заковский предлагает провести очистку Ленинграда кампанейским путем порядком массовых арестов и массовых выселок.

Указанный способ мог бы без нужды дать пищу для зарубежной клеветнической кампании в прессе против Советского Союза, тем более многие из указанных лиц тесно связаны с крутами научной и технической интеллигенции как в Советском Союзе, так и за рубежом.

Полагал бы целесообразным:

1. Всех лиц, на кого имеются материалы о контрреволюционной работе, арестовать, провести расследование и рассмотреть дела на Особом совещании.

2. Провести высылку всех семей из Ленинграда, в составе которых были расстреляны члены семейств по решениям судов и Коллегии бывшего ОГПУ, запретив им проживание в Москве, погранполосе, Тифлисе, Киеве.

3. Наркомпросу провести очистку учебных заведений от социально чуждых элементов.

Все эти мероприятия провести в кратчайший срок, но не единовременно, а растянув их на два-три месяца»⁸.

Как видим, заботились не только об арестах, но и о сохранении своего лица, чтобы, не дай бог, информация об арестах не стала достоянием известности не только там, где они производились, но и за рубежом. Однако эти потуги оказались тщетными, поскольку сами масштабы арестов и высылки невозможно было скрыть. Следует подчеркнуть, что в первую очередь арестам и высылке подвергались бывшие реальные или потенциальные участники зиновьевской и троцкистской оппозиции. Но вскоре очередь дошла и до других.

За два с половиной месяца после убийства Кирова органы НКВД арестовали в Ленинградской области 843 человека. Кроме того, по решению Политбюро, принятому на основании записки Ягоды, из Ленинграда было выслано на север Сибири и в Якутию сроком на 3 — 4 года 663 бывших зиновьевца и откомандировано на работу из Ленинграда в другие места 325 бывших оппозиционеров, большинство которых из партии не исключались. В этот период значительно увеличилось число арестов по обвинению в подготовке террористических актов и за высказывания террористического характера. Если за весь 1934 год по обвинению в терроре арестовано 6501 человек, то в 1935 году — 15986 человек, причем, только за декабрь 1934 и четыре месяца 1935 года арестовано 9163 человека⁹.

Но это лишь официальные закрытые данные. Западные исследователи, ссылаясь, в частности, на донесения американского посла в Москве Буллита, утверждают, что

⁸ Лубянка. Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936. С. 617.

⁹ Реабилитация: как это было. Февраль 1956 — начало 80-х годов. С. 553.

количество высланных из Ленинграда достигло 100 тыс. человек¹⁰. Можно, конечно, усомниться в достоверности этой цифры, однако суть дела не в точности цифр, а в том, что масштабы чистки в Ленинграде были внушительны. Надо полагать, инициативу ленинградцев подхватили и чекисты других крупных городов, чтобы там тоже навести «революционный» порядок, арестовав или сослав в места не столь отдаленные многих из так называемых бывших.

Еще одним симптомом надвигавшихся зловещих изменений было избрание на пленуме ЦК партии в феврале 1935 года Н. Ежова секретарем Центрального Комитета. Членами Политбюро взамен выбывших Кирова и умершего в начале 1935 года Куйбышева стали Микоян и Чубарь¹¹. Особенно зловещим было возвышение Ежова, которому явно покровительствовал вождь и которого он, по всей вероятности, уже тогда намечал на место Ягоды. Последний уже не удовлетворял Сталина то ли отсутствием необходимого рвения в искоренении политических оппонентов вождя, то ли тем, что знал слишком много. А такие люди Сталину не были нужны. Слишком большую осведомленность, особенно по части всякого рода деликатных дел, он считал если не политическим недостатком, то по крайней мере небезопасной для себя. Еще одним шагом в направлении подготовки чисток явилось создание комиссии, в круг полномочий которой включалось наблюдение за ходом чисток. Во главе этой комиссии стал сам вождь, в ее состав вошли Ежов, Жданов, Шкирятов и Маленков. Партийная чистка была завершена (если вообще уместно говорить о каком-либо ее завершении) рассмотрением данного вопроса на декабрьском (1935 г.) пленуме ЦК, где с докладом выступил Ежов. Что это была всего лишь очередная фаза кампании по выявлению и исключению из партии всех недовольных и подозреваемых в нежелании по отношению к генеральной линии — читай к курсу Сталина — видно хотя бы из того, что сразу же было объявлено о начале фактически нового ее этапа, получившего название «обмен партийных билетов». Разумеется, речь шла не о какой-то чисто технической процедуре, а о продолжении чистки партийных рядов. Причем на этот раз своеобразной проверке «на партийную вшивость» подвергались, по существу, все члены партии.

Таким образом, необходимая организационная подготовка новой фазы сталинской кампании по искоренению врагов партии на данном этапе была в целом проведена.

За раскрытием новых заговоров дело не стало. В июле 1935 года сотрудниками НКВД было сфальсифицировано дело «О контрреволюционных террористических группах в правительственной библиотеке, комендатуре Кремля и других», по которому осуждено 110 человек, из них двое к расстрелу.

К уголовной ответственности по данному делу привлечены сотрудники охраны Кремля, работники правительственной библиотеки, служащие и технический персонал (секретари, телефонистки, уборщицы), работавшие в Кремле и в различных учреждениях Москвы. Большинство из них знали друг друга только по службе, часть находилась в родственных связях, а некоторые вообще не были знакомы между собой. Основанием для ареста этих лиц послужили полученные органами НКВД оперативным путем данные о том, что некоторые из них вели разговоры, касающиеся обстоятельств смерти Н. С. Аллилуевой и убийства С. М. Кирова. Вот образец такого рода разговоров, выявленных в ходе следствия. Одна из допрашиваемых давала следующие показания:

¹⁰ Роберт Такер. Сталин у власти. С. 275.

¹¹ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. С. 627

«Мы сидели на 1-м этаже правительственного здания в маленькой комнате и пили чай. АВДЕЕВА стала говорить, что нам плохо живется, наше начальство пьет, ест хорошо, а мы питаемся очень плохо. А я ей сказала, что я сейчас живу лучше, чем жила раньше. Потом АВДЕЕВА стала говорить, что Сталин не русский, с первой женой разошелся, а вторую, говорят, застрелил. Я сказала, что это неправда, мы же не знаем. На этом разговор закончился, и мы пошли все на работу»¹².

Это, как говорится, лишь прелюдия. Главная задача заключалась в том, чтобы подвести обвинения под Каменева, поскольку бывшая жена его брата некая Розенфельд также работала в кремлевской библиотеке. О том, как подводилась соответствующая доказательная база под этот замысел, свидетельствует следующий фрагмент допроса одной из подследственных:

«ВОПРОС: Вам хорошо известны антисоветские настроения РОЗЕНФЕЛЬД. В беседах с Вами она их не скрывала.

ОТВЕТ: Она выражала мне иногда недовольство материальными условиями, нехваткой продуктов и по другим бытовым вопросам.

ВОПРОС: Это не все. Какие контрреволюционные разговоры с Вами вела РОЗЕНФЕЛЬД; она ведь Вам передавала клевету на руководство партии и правительства?

ОТВЕТ: Да, РОЗЕНФЕЛЬД мне передавала, что ей известно (от кого, я не знаю), что официальная версия о смерти АЛЛИЛУЕВОЙ в результате болезни не соответствует действительности, что на самом деле АЛЛИЛУЕВА покончила жизнь самоубийством.

РОЗЕНФЕЛЬД мне также говорила, что самоубийство АЛЛИЛУЕВОЙ было вызвано ее несогласием с политическим курсом, проводимым в стране, в результате которого якобы деревня доведена коллективизацией до обнищания; в городе населению не хватает продуктов питания и др.

ВОПРОС: Еще какие контрреволюционные разговоры с Вами вела РОЗЕНФЕЛЬД?

ОТВЕТ: Она распространяла гнусную клевету в отношении т. Сталина, говорила, что старые и ближайшие ученики Ленина — Зиновьев и Каменев отстранены от политической жизни, что в стране и в партии отсутствуют элементы демократии.

ВОПРОС: Еще что Вам говорила РОЗЕНФЕЛЬД о Зиновьеве и Каменеве?

ОТВЕТ: Она восхваляла Зиновьева и Каменева, считая, что они имеют все данные находиться у руководства. Из ряда разговоров по этому вопросу с РОЗЕНФЕЛЬД я вынесла заключение об ее озлобленности по отношению к т. Сталину»¹³.

Помимо жены брата Л. Б. Каменева, в орбиту мнимого заговора с целью убийства Сталина были явно искусственным образом притянуты сам брат Каменева, его сын и косвенно Л. Б. Каменев собственной персоной. Приведу небольшой фрагмент с признаниями на этот счет племянника Л. Б. Каменева.

ВОПРОС: Каким образом и когда Вам стали известны террористические настроения названных Вами лиц?

ОТВЕТ: Впервые вопрос о необходимости террористической борьбы с руководством ВКП(б) возник в 1932 г. в связи с высылкой Каменева в Минусинск. РОЗЕНФЕЛЬД Н. А. ... заявила в моем присутствии, в состоянии аффекта, что она готова убить Сталина...

ВОПРОС: Значит, уже тогда Вы были согласны с Н. А. РОЗЕНФЕЛЬД по вопросу о применении террора в отношении руководства ВКП(б)?

ОТВЕТ: Да, фактически я стал разделять взгляды Н. А. РОЗЕНФЕЛЬД по этому вопросу с того времени. Я болезненно воспринял репрессии в отношении Л. Б. Каменева, считал, что они являются следствием сведения с ним счетов Сталиным, и пришел к заключению, что выходом из положения является борьба путем террора.

ВОПРОС: А когда Вы впервые узнали о террористических намерениях Н. Б. РОЗЕНФЕЛЬД?

ОТВЕТ: Это было позднее, по-моему в 1933 году, после возвращения Каменева из ссылки. Мой отец, Н. Б. РОЗЕНФЕЛЬД, имел со мной беседу о Каменеве. Он мне сказал, что возвращение Каменева из ссылки не решает вопроса о нем, что Каменев чувствует себя угнетенным, так как он устранен от политической деятельности, к которой Сталин его не допустит. По словам Н. Б. РОЗЕНФЕЛЬД, до тех пор, пока Сталин находится у руководства, рассчитывать на возвращение Каменева к политической деятельности нельзя. Весь разговор отца со мной отражал настроения Каменева, с которым отец имел по этому поводу беседы. В заключение мне отцом было заявлено, что он и Каменев пришли к выводу о необходимости устранения Сталина.

ВОПРОС: Н. Б. РОЗЕНФЕЛЬД к этому времени знал о Ваших террористических настроениях?

ОТВЕТ: Да, о моих террористических настроениях отец знал, его заявление о необходимости устранения Сталина фактически являлось указанием о необходимости подготовки террористического акта¹⁴.

И, последний аккорд этого отнюдь не музыкального фарса.

«Н. А. РОЗЕНФЕЛЬД считала, что какое бы то ни было изменение существующего положения может быть осуществлено только путем устранения Сталина. Она была менее сдержанна, чем Н. Б. РОЗЕНФЕЛЬД, вернее была более озлоблена и несколько раз заявляла о своей личной готовности убить Сталина.

ВОПРОС: Вы показываете, что Н. А. РОЗЕНФЕЛЬД выражала готовность лично убить Сталина. Каким путем она это думала осуществить?

ОТВЕТ: Н. А. РОЗЕНФЕЛЬД до последнего времени работала в Кремле, имела там много знакомых, была вхожа в личные библиотеки членов Политбюро (библиотека Молотова). Знаю, что она пыталась устроиться в библиотеку Сталина. При таком положении она имела возможность непосредственно совершить террористический акт¹⁵.

Дело в отношении кремлевских сотрудников и сотрудниц фактически стало делом против Енукидзе. Опала Енукидзе говорила о многом. Становилось все более очевидным, что Сталин не останавливается даже перед устранением своих бывших ближайших друзей. Подлинная причина сначала политического, а в 1937 году и физического устранения старого партийного товарища и друга ранней революционной поры покрыта завесой тайны. Однако есть вполне логичные и не противоречащие истине предположения, что реальной причиной расправы с Енукидзе явилось то, что тот стал (хотя и не открыто) выражать сомнения в правильности действий хозяина. Более того, он поддерживал хорошие отношения и вступался в защиту лиц, подвергавшихся со стороны Сталина политической дискредитации и возможной расправе с ними. В первую очередь имеется в виду Б. Ломинадзе, который в отчаянии вынужден был пойти на самоубийство.

¹⁴ Лубянка. Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. С. 628–629.

¹⁵ Там же. С. 629.

Между тем после сфабрикованного дела о кремлевских библиотекарях и уборщицах необходимо было раздуть масштабы всего происшедшего и поднять все это на государственный уровень. Расследование продолжалось и итогом его явился арест ряда лиц из кремлевской охраны, в том числе и коменданта Кремля Петерсона. В соответствии с логикой сотрудников НКВД, которым, видимо, сам Сталин указал направление следствия, под подозрение попал и один из прежних ближайших друзей Кобы еще по кавказскому подполью А. Енукидзе, работавший на протяжении многих лет секретарем ЦИК. В его функции входило и обслуживание высшего партийного и государственного руководства, ибо фактически он распоряжался всеми кремлевскими хозяйственными службами.

Расправа с Енукидзе растянулась на ряд этапов, поскольку в то время предъявление ему обвинения в контрреволюционной и заговорщической деятельности выглядело бы, по меньшей мере, странным, если не абсурдным. Поэтому на всю катушку использовалась схема поэтапной компрометации с тем, чтобы затем уже взвалить на него весь набор самых серьезных обвинений.

На основании показаний, часть из которых приводилась выше, ПБ утвердило проект сообщения, выработанный Сталиным, Молотовым, Кагановичем и Ежовым, «Об аппарате ЦИК СССР и тов. Енукидзе». В нем, в частности, констатировалось, что в Кремле раскрыты три контрреволюционные заговорщические группы. Эти группы вели подготовку убийства Сталина. Все контрреволюционные группы добивались этой цели разными путями, считая, однако, наиболее удобным план проникновения на квартиру товарища Сталина. В этих целях Муханова и Розенфельд через секретаря тов. Енукидзе — Минервину пытались проникнуть на квартиру товарища Сталина в качестве библиотекарей. Лишь благодаря тому, что товарищ Сталин категорически отказался от услуг библиотекарей, которых к нему пыталась направить группа Каменева — Розенфельд — Мухановой через Минервину, удалось помешать террористам в осуществлении их злодейского замысла.

Далее в постановлении подчеркивалось, что «проникновение и оседание этих контрреволюционных элементов в аппарате ЦИКа СССР (секретариат ЦИКа СССР, комендатура Кремля, Правительственная библиотека, Оружейная палата) было облегчено тем, что в секретариате ЦИКа СССР укоренилась своеобразная, ничего общего не имеющая с принципами Советской власти система подбора работников. В аппарат ЦИКа СССР сотрудники и сотрудницы принимались не по деловым признакам, а по знакомству, личным связям и нередко по готовности принимавшейся сотрудницы сожительства с тем или иным из ответственных работников секретариата ЦИКа.

Прямым результатом такой системы подбора работников явилось то, что аппарат ЦИКа СССР оказался крайне засоренным чуждыми и враждебными советскому государству элементами...»

Что касается самого Енукидзе, то ему предъявлялись обвинения, однозначно говорившие о финале его не только политической карьеры, но и вскоре самой жизни. В постановлении Политбюро подчеркивалось: «Надо сказать, что многие из участников, и в особенности участниц, кремлевских террористических групп (Нина Розенфельд, Никитинская, Раевская и др.) пользовались прямой поддержкой и высоким покровительством тов. Енукидзе. Многих из этих сотрудниц тов. Енукидзе лично принял на работу, с некоторыми из них сожительствовал.

Само собой разумеется, что тов. Енукидзе ничего не знал о готовящемся покушении на товарища Сталина, а его использовал классовый враг как человека, потерявшего

политическую бдительность и проявившего несвойственную коммунистам тягу к бывшим людям.

Однако тов. Енукидзе несет за все это политическую ответственность, поскольку он в подборе работников руководствовался соображениями, не связанными с интересами дела, тем самым способствовал проникновению в Кремль враждебных Советской власти террористических элементов...»¹⁶

Вывод был, как говорится, предопределен следующей формулировкой: «В связи с этими новыми выявившимися материалами ЦК ВКП(б) считает необходимым обсудить на ближайшем Пленуме ЦК вопрос о возможности оставления тов. Енукидзе в составе членов ЦК ВКП(б)»¹⁷. Собравшийся вскоре пленум исключил Енукидзе из состава ЦК, но пока он оставался на свободе и ему даже предлагали различные довольно высокие должности. От всего этого веяло сталинской тактикой постепенного удушения.

Немного позднее, в июне 1937 года, Сталин счел необходимым пролить свет на свое истинное отношение к Енукидзе. Он высмеял попытки оппозиционеров выступить в роли защитников интересов крестьянства и заодно припомнил старые грехи своего бывшего друга. «Видите, им стало жалко крестьян, — высмеивал Сталин. — Вот этому мерзавцу Енукидзе, который в 1918 г. согнал крестьян и восстановил помещичье хозяйство, ему теперь стало жалко крестьян. Но так как он мог прикидываться простачком и заплакать, этот верзила (смех), то ему поверили.

Второй раз, в Крыму, когда пришли к нему какие то бабенки, жены, также как и в Белоруссии, пришли и поплакали, то он согнал мужиков, вот этот мерзавец согнал крестьян и восстановил какого-то дворянина. Я его еще тогда представлял к исключению из партии, мне не верили, считали, что я как грузин очень строго отношусь к грузинам. А русские, видите ли, поставили перед собой задачу защищать «этого грузина». Какое ему дело вот этому мерзавцу, который восстанавливал помещиков, какое ему дело до крестьян»¹⁸. Сталин — и это проиллюстрировано множеством фактов и примеров — всегда все помнил и ничего не забывал. Не только не забывал, но и не прощал. Это была неотъемлемая черта его характера и отличительная особенность политической философии вождя. Он не делал никаких исключений — ни для бывших друзей, ни для своих родственников, что еще больше рождало разговоры и слухов о мстительности Сталина.

Что же касается «кремлевского дела», то ПБ также приняло по этому вопросу постановление, предопределившее исход судебного решения. Один из участников был приговорен к расстрелу, другие к различным срокам заключения. Л. Б. Каменев, против которого в суде давал показания его собственный брат, был приговорен к 10 годам тюремного заключения¹⁹.

В целом можно сказать: практически вся подготовительная работа по организации открытого судебного процесса, на котором Зиновьев и Каменев предстали бы в качестве главных обвиняемых, была проведена. Оставалось только подобрать остальной состав обвиняемых и сфабриковать посредством использования всякого рода «свидетелей» и признаний, полученных отнюдь не законными методами, хотя бы внешне убедительный спектакль под названием открытый судебный процесс.

¹⁶ Лубянка. Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. С. 659–660.

Там же. С. 629.

¹⁷ "Источник". 1994 г. № 3. С. 77.

¹⁹ Лубянка. Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. С. 681.

Большой акцент в спектре обвинений, выдвигавшихся против лидеров зиновьевской оппозиции, приобрел вопрос о подготовке террористических актов в отношении самого Сталина, а также ряда других руководителей партии и правительства. В этой связи интересен тот факт, что в число руководителей, на которых якобы готовились покушения, не был включен Молотов. Это породило массу слухов относительно возможной печальной судьбы, которая ожидает второго после Сталина лица в государстве и партии. По свидетельству А. Орлова, из признаний, где один из будущих подсудимых Рейнгольд давал показания, что Зиновьев настаивал на убийстве Сталина, Молотова, Кагановича и Кирова, Сталин собственноручно в вычеркнул фамилию Молотова²⁰. И действительно, в обвинительном заключении фамилия Молотова отсутствовала. Правда, в дальнейших процессах она появляется, но факт остается фактом — в первом открытом судебном процессе Молотов не фигурировал в качестве намеченной террористами жертвы. Видимо, для читателя будет интересным то, как прокомментировал этот эпизод бывший чекист А. Орлов:

«Зато на последующих двух процессах все обстояло иначе. Молотов вернул себе расположение Сталина, был включен по его указанию в перечень вождей, которых намеревались уничтожить заговорщики. И те дружно сознавались на суде в своих злодейских замыслах против Молотова. Более того, на этих последующих процессах заговорщики утверждали, это убийство Молотова планировалось также Зиновьевым и Каменевым (которые к тому времени давно уже были расстреляны по приговору, вынесенному на первом процессе). То обстоятельство, что сами Зиновьев и Каменев по приказу Сталина должны были тщательно пропускать это имя в своих показаниях, теперь уже не имело значения. Ведь тогда сам Сталин не знал, куда отнести Молотова: то ли к жертвам заговорщиков, то ли, наоборот, к их соучастникам... То, что произошло с Молотовым, могло случиться и с любым другим членом Политбюро, попавшим в немилость к Сталину. А сам Молотов, как мы могли убедиться, был лишь на волосок от того, чтобы угодить из отпуска прямо в тюрьму НКВД»²¹.

Инкриминирование обвиняемым террористических планов и практической подготовки их осуществления придавало всему ходу дела совершенно иной, чем прежде характер. Ведь выступление против генеральной линии, любая, даже самая жесткая критика политического курса вождя, что имело место в прошлые годы, отнюдь не давала законных оснований для вынесения самых суровых приговоров лидерам разгромленной оппозиции. Задним числом нельзя было предъявлять такого рода обвинения. Но, допустим, что они продолжали бы свою критику и в то время. Разве это могло служить достаточным правовым основанием для применения норм уголовного законодательства? Тем более в их поистине драконовских формах после событий декабря 1934 года. Теперь же, когда под действия бывших оппозиционеров подводилась база иного характера, а именно террористические замыслы и попытки их реального осуществления, все приобретало поистине зловещую направленность. Даже ежу в то время было понятно, куда все клонится. Но Сталин не проявлял спешки и нетерпения, хотя, видимо, ему хотелось как можно скорее расправиться со своими бывшими соперниками. Скрупулезно готовилась гораздо более богатая и более разнообразная палитра обвинений. Одних планов осуществления терактов казалось мало,

²⁰ Александр Орлов. Тайная история сталинских преступлений. С. 71.

²¹ Там же. С. 147–148.

и их сполна дополнили другими, не менее тяжкими обвинениями. Читая материалы судебных процессов тех лет, порой приходишь в недоумение — неужели Сталин не отдавал себе отчета в том, что нагромождение часто противоречивших друг другу обвинений, могло лишь посеять сомнения в их достоверности?

2. На скамье подсудимых Зиновьев и Каменев

Предстоявший процесс, где главными фигурантами выступали Зиновьев и Каменев, — зачатые враги Сталина — был процессом необычным, каких до этого еще в сталинские времена не было. На скамье подсудимых оказались ближайшие соратники Ленина и в недавнем прошлом виднейшие руководители партии и страны. Здесь требовалась особенно тщательная режиссура, поскольку процесс был открытым и все должно было выглядеть вполне убедительно и пристойно. По крайней мере с чисто внешней стороны — обвинения подкреплены если не документальными фактами и доказательствами, то хотя бы заслуживающими доверия признаниями самих подсудимых. Доверия в том смысле, чтобы они не выходили за рамки элементарного здравого смысла. В какой-то степени партийная масса и население страны уже были подготовлены к тому, чтобы воспринять предстоящее осуждение обвиняемых. Но в данном случае речь шла не о обычном приговоре к различным срокам тюремного заключения. Вопрос стоял о применении высшей меры наказания — расстрела. Поэтому, естественно, требовалась более тщательная морально-политическая и психологическая обработка как членов партии, так и широких слоев населения, чтобы у них сразу же не возникло сомнений в справедливости, обоснованности и доказательности выносимого решения. Надо сказать, что отсутствие достаточного опыта проведения публичных процессов подобного масштаба, видимо, вселяло в вождя некоторую тревогу и озабоченность. Хотя позади остались «шахтинский» процесс, процесс по делу промпартии и ряд других. Однако предстоявший превосходил все предыдущие по всем параметрам и предъявлял к его организаторам весьма высокие требования.

Одним из способов более основательной подготовки к публичному процессу и обработки общественного мнения явилось закрытое письмо ЦК ВКП(б), направленное в адрес обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, горкомов и райкомов. Разумеется, Сталин рассчитывал, что это письмо станет известным не только тем, кому оно предназначалось, но и гораздо более широкому кругу. Как говорится, чем шире круг, тем обеспеченней успех. Письмо получило название «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока», причем этот заголовок принадлежит руке самого вождя. Прежде чем изложить некоторые наиболее существенные положения этого письма, следует подчеркнуть, что оно прошло собственную редактуру Сталина. Но о его конкретных исправлениях и дополнениях, носивших принципиальное значение, речь пойдет несколько позже. Здесь же стоит оттенить одно важное обстоятельство — оно было составлено и разослано еще до окончания следствия. Это означало не что иное, как predetermined характер всего судебного процесса и приговора, который был фактически вынесен до начала суда.

Акценты в письме расставлены таким образом, чтобы создать впечатление, будто Сталин и партийное руководство в целом только недавно узнали о новых фактах преступных деяний зиновьевской группировки. В письме отмечалось, что на основании новых материалов НКВД, полученных в 1936 году, можно считать установленным, что Зиновьев и Каменев были не только вдохновителями террористической деятельности против вождей нашей партии и правительства, но и авторами прямых указаний как об убийстве С. М. Кирова, так и готовившихся покушений на других руководителей нашей партии, и в первую очередь на т. Сталина. Равным образом считается теперь установленным, что зиновьевцы проводили свою террористическую практику в прямом блоке с Троцким и троцкистами, — констатировалось в письме. Этот тезис в дальнейшем превратился едва ли не в главную козырную карту в руках Сталина.

Сталин стремился создать впечатление, что антисоветская и антипартийная деятельность блока началась не позже 1932 года. «Блок троцкистской и зиновьевско-каменевской группы сложился в конце 1932 года после переговоров между вождями контрреволюционных групп, в результате чего возник объединенный центр в составе — от зиновьевцев — Зиновьева, Каменева, Бакаева, Евдокимова, Куклина и — от троцкистов — в составе Смирнова И. Н., Мрачковского и Тер-Ваганяна». Эта констатация как бы еще раз бы демонстрировала всю лживость и лицемерие заявлений лидеров поверженной оппозиции о капитуляции перед партией и признании ими правильности генеральной линии в целом и сталинского курса в особенности. Тем самым выступления Зиновьева и Каменева на минувшем съезде партии выглядели всего лишь как политический камуфляж. В письме подчеркивалось, что всю свою враждебную деятельность против партии и правительства этот блок сосредоточил главным образом на организации террористической работы и осуществлении террора. «Объединенный центр троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока своей основной и главной задачей ставил убийство товарищей Сталина, Ворошилова, Кагановича, Кирова, Орджоникидзе, Жданова, Косиора, Постышева. Решение об убийстве товарища Сталина было принято одновременно с решением об убийстве тов. Кирова. С этой целью центром было организовано в Москве несколько строго законспирированных террористических групп»²².

Подчеркивая активное участие Зиновьева и Каменева в подготовке террористических актов, письмо вместе с тем акцентировало внимание на особой, руководящей и направляющей роли Троцкого. Он якобы указывал, что убийство Сталина должно быть совершено не конспиративно, в тиши, а открыто на одном из пленумов или на конгрессе Коминтерна. В подтверждение этого в письме приводились показания одного из обвиняемых, бывшего члена компартии Германии, связанного с аппаратом Коминтерна. Речь шла о совершении террористических актов против Сталина на VII конгрессе Коминтерна, проходившем в августе 1935 года в Москве в Колонном зале. В письме присутствовал и почти смехотворный довод, согласно которому лидеры троцкистско-зиновьевского центра якобы рассчитывали, что одновременное убийство ряда руководителей партии в Москве, Ленинграде и на Украине расстроит ряды ВКП(б), вызовет панику в стране и позволит Троцкому, Зиновьеву и Каменеву пробраться к власти.

У читателя, надо полагать, сложилось вполне определенное представление о содержании и основных целях, на достижение которых и было рассчитано закрытое

²² Реабилитация. Политические процессы 30 – 50-х годов. С. 200.

письмо. Здесь уместно остановиться лишь на личном вкладе вождя в его составление и редактирование, а также на его участии в формулировании обвинительного заключения, поскольку это представляет несомненный интерес с точки зрения акцентов, расставленных Сталиным.

В проекте письмо носило название «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевско-каменевской контрреволюционной группы». Вождь собственноручно внес изменение: «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока». Это повышало, так сказать, «преступный» статус, поскольку группа, по мнению Сталина, как бы преуменьшала степень опасности деятельности его противников. Одновременно превращение группы в блок повышало меру ответственности обвиняемых как участников якобы вполне организованного объединения, а проще говоря, шайки заговорщиков и террористов.

Далее, в проекте письма предложение «до конца не были еще вскрыты все факты подлой контрреволюционной белогвардейской деятельности троцкистско-зиновьевско-каменевской группы» он переделал следующим образом: «... до конца не были еще вскрыты все факты подлой контрреволюционной белогвардейской деятельности зиновьевцев, равно как не была вскрыта роль троцкистов в деле убийства тов. Кирова». На этой же странице И. В. Сталин вписывает новое предложение — «Равным образом считается установленным, что зиновьевцы проводили свою террористическую практику в прямом блоке с Троцким и троцкистами». И, как уже отмечалось выше, своей рукой вождь расширил перечень лиц, против которых планировались террористические акты. Содержавшаяся в проекте формулировка — «Объединенный центр троцкистско-зиновьевско-каменевской контрреволюционной группы своей основной и главной задачей ставил убийство товарища Сталина» также была изменена и стала выглядеть так: «Объединенный центр троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока своей основной и главной задачей ставил убийство товарищей Сталина, Ворошилова, Кагановича, Кирова, Орджоникидзе, Жданова, Косиора и Постышева»²³.

Хозяин намеренно расширил список мнимых объектов террористических актов, поскольку оставление только одной фамилии — Сталина — невольно могло создать впечатление, что так называемые заговорщики видят в нем, и только в нем, единственную преграду для изменения политического курса партии и страны. Это, с одной стороны, как бы повышало его престиж и подчеркивало ключевую роль в жизни страны. С другой стороны, порождало надежду на то, что устранение Сталина является главной и достаточной гарантией того, что с проводившейся политической линией будет покончено. Можно все это было истолковать и как своеобразное предложение — чтобы исправить ситуацию в стране, надо как можно быстрее освободиться от бремени сталинского господства. Вождь действительно и вполне серьезно считал, что в отношении него существуют и куются планы физического устранения. А при подозрительности и мнительности вождя любые, даже заведомо сфальсифицированные показания об организации террористического акта против него, вне всякого сомнения, обретали в его глазах убедительность неопровержимых фактов. К тому же, Сталин желал сохранять хоть какую-нибудь видимость наличия в партии коллективного руководящего ядра. Ему не хотелось в данном случае быть в гордом одиночестве.

²³ Реабилитация. Политические процессы 30 – 50-х годов. С. 186

Но надо сказать, что существовали не только сфальсифицированные материалы. О том, что Троцкий и его ближайшие соратники готовятся к физическому устранению вождя, докладывала агентура, внедренная в окружение Троцкого. В частности, агент НКВД в ближайшем окружении Троцкого М. Зборовский доносил в Москву: «С 1936 года «Сынок» (псевдоним сына Л. Троцкого Л. Седова в оперативной переписке НКВД — Н. К.) не вел со мной разговор о терроре. Лишь недели две-три тому назад, после собрания группы, «Сынок» снова заговорил на эту тему. В первый раз он только теоретически старался доказать, что терроризм не противоречит марксизму. «Марксизм — по словам «Сынка» — отрицает терроризм постольку, поскольку условия классовой борьбы не благоприятствуют терроризму, но бывают такие положения, в которых терроризм необходим». В следующий раз «Сынок» заговорил о терроризме, когда я пришел к нему на квартиру работать. Во время читки газет «Сынок» сказал, что так как весь режим в СССР держится на Сталине, то достаточно убить Сталина, чтобы все развалилось»²⁴. Получая такую информацию, как говорится, из первых рук, Сталин, естественно, не мог ее игнорировать. Видимо, он был твердо убежден в том, что Троцкий и его сторонники не на словах, а на деле готовят заговор с целью его устранения. Соответственной была и его реакция на это.

Сталин откорректировал и проект обвинительного заключения, исключив из его первоначального варианта одних лиц, заменив их другими. Какими соображениями он при этом руководствовался, остается неизвестным. В окончательно утвержденном проекте обвинительного заключения фигурировали 16 человек во главе с Зиновьевым и Каменевым. Во время следствия работники НКВД «получили» от арестованных показания о том, что в различных городах Советского Союза, в том числе в Москве, Ленинграде и Горьком, а также в Красной Армии были созданы многочисленные террористические организации с целью убийства Сталина и других руководителей партии и Советского правительства. На основании этого в 1936 г. было арестовано и расстреляно более 160 человек, якобы принимавших участие по заданию «объединенного центра» в подготовке террористических актов.

После всего сказанного возникает естественный вопрос: как удалось получить признательные показания практически от всех, кто предстал перед судом. Это — принципиально важный вопрос и вокруг него шли и продолжают идти серьезные дискуссии. В отношении того, как добывались признательные показания, имеются свидетельства А. Орлова. И хотя не все, что он пишет, внушает доверие, все же значительная доля истины в его рассказах безусловно есть. Поэтому я приведу некоторые наиболее интересные и наиболее существенные сюжеты, касающиеся главных фигур данного процесса.

«Даже верхушка НКВД, зная коварство и безжалостность Сталина, — писал Орлов, — была поражена той звериной ненавистью, какую он проявлял в отношении старых большевиков, особенно Каменева, Зиновьева и Смирнова. Его гнев не знал границ, когда он слышал, что тот или иной заключенный «держится твердо» и отказывается подписать требуемые показания. В такие минуты Сталин зеленел от злости и выкрикивал хриплым голосом, в котором прорезался неожиданно сильный грузинский акцент:

«Скажите им, — это относилось к Зиновьеву и Каменеву, — что бы они ни делали, они не остановят ход истории. Единственное, что они могут сделать, — это умереть или спасти

²⁴ О. Царев, Джон Костелло. Роковые иллюзии. М. 1995. С. 322–323.

свою шкуру. Поработайте над ними, пока они не приползут к вам на брюхе с признаниями в зубах!»²⁵

И вот еще один сюжет из писаний Орлова, ставший в литературе о Сталине чем-то вроде своего рода гималайской вершины в сталинском искусстве выжимать нужные показания из допрашиваемых.

«На одном из кремлёвских совещаний Миронов... доложил, что Каменев оказывает упорное сопротивление; мало надежды, что удастся его сломить.

Так вы думаете, Каменев не сознается? — спросил Сталин, хитро прищурившись.

Не знаю, — ответил Миронов. — Он не поддаётся уговорам.

Не знаете? — спросил Сталин с подчеркнутым удивлением, пристально глядя на Миронова. — А вы знаете, сколько весит наше государство, со всеми его заводами, машинами, армией, со всем вооружением и флотом?

Миронов и все присутствующие с удивлением смотрели на Сталина, не понимая, куда он клонит.

Подумайте и ответьте мне, — настаивал Сталин.

Миронов улыбнулся, полагая, что Сталин готовит какую-то шутку. Но Сталин, похоже, шутить не собирался. Он смотрел на Миронова вполне серьёзно.

Я вас спрашиваю, сколько всё это весит, — настаивал он.

Миронов смешался. Он ждал, по-прежнему надеясь, что Сталин сейчас обратит всё в шутку, но Сталин продолжал смотреть на него в упор, ожидая ответа. Миронов пожал плечами и, подобно школьнику на экзамене, сказал неуверенно:

Никто не может этого знать, Иосиф Виссарионович. Это из области астрономических величин.

Ну а может один человек противостоять давлению такого астрономического веса? — строго спросил Сталин.

Нет, — ответил Миронов.

Ну так и не говорите мне больше, что Каменев или кто-то другой из арестованных способен выдержать это давление. Не являйтесь ко мне с докладом, — заключил Сталин, — пока у вас в портфеле не будет признания Каменева!»²⁶

И многозначительно добавил: «Скажите ему (Каменеву), что если он откажется явиться на суд, мы, найдём ему подходящую замену — его собственного сына, который признается суду, что по заданию своего папаша готовил террористический акт против руководителей партии...»²⁷

Вообще приведенный выше пассаж вполне вписывается в стиль мышления и подходы Сталина к выбиванию признаний из арестованных. В 1934 году в письме по поводу допросов одного из обвиняемых (совсем по другому делу — Н. К.) он писал Кагановичу: «Надо его прижать к стенке, заставить сказать — сообщить всю правду и потом наказать по всей строгости. Он, должно быть, агент польско-немецкий (или японский). Чекисты становятся смешными, когда дискутируют с ним об его «политических взглядах» (это называется допрос!). У продажной шкуры не бывает политвзглядов иначе он не был бы

²⁵ Александр Орлов. Тайная история сталинских преступлений. (Зиновьев и Каменев). Электронный вариант)

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

агентом посторонней силы. Он призывал вооруженных людей к действию против правительства, значит, его надо уничтожить. Привет! И. Ст»²⁸

Девиз — уничтожить — вот главная директива Сталина по поводу того, как вести следствие и какой приговор надо выносить. Это хорошо видно, как на примере первого показательного процесса, так и на примере других процессов, в том числе и закрытых. Диапазон методов достижения цели был обширен. И это можно продемонстрировать на примере того, как велась обработка главного обвиняемого Зиновьева. Тот был сломлен уже задолго до этого, что видно из его писем, адресованных Сталину.

Вот выдержки из них:

«10 апреля 1935 г. Еще в начале января 1935 года в Ленинграде в ДПЗ (дом предварительного заключения — Н. К.) секретарь ЦК тов. Ежов, присутствовавший при одном из моих допросов, сказал мне: «Политически Вы уже расстреляны».

Я знаю, что и физическое мое существование во всяком случае кончается. Один я чувствую и знаю, как быстро и безнадежно иссякают мои силы с каждым часом, да и не может быть иначе после того, что со мной случилось...

14 апреля 1935 г. При всех обстоятельствах мне осталось жить во всяком случае очень недолго: вершок жизни какой-нибудь, не больше.

Одного я должен добиться теперь: чтобы об этом последнем вершке сказали, что я осознал весь ужас случившегося, раскаялся до конца, сказал Советской власти абсолютно все, что знал, порвал со всем и со всеми, кто был против партии, и готов был все, все, все сделать, чтобы доказать свою искренность.

В моей душе горит одно желание: доказать Вам, что я больше не враг. Нет того требования, которого я не исполнил бы, чтобы доказать это... Я дохожу до того, что подолгу пристально гляжу на Ваш и других членов Политбюро портреты в газетах с мыслью: родные, загляните же в мою душу, неужели же Вы не видите, что я не враг Ваш больше, что я Ваш душой и телом, что я понял все, что я готов сделать все, чтобы заслужить прощение, снисхождение...

...За эти месяцы я состарился на 20 лет. Силы на исходе.

Л. Каг

...Помогите. Поверьте. Не дайте умереть в тюрьме. Не дайте сойти с ума в одиночном заключении»²⁹.

До Сталина такие вопли души не доходили, а если доходили, то, видимо, еще больше рождали в нем ненависти и презрения к своим бывшим коллегам, на долю которых выпала совсем иная судьба, чем ему. Они были поверженными соперниками, когда-то свысока относившимися к нему, а он был победителем, и триумф победителя, как ему, очевидно, представлялось, включал в себя и отсутствие даже малейшего снисхождения к бывшим соперникам по борьбе за власть. Вождь не руководствовался человеческими чувствами и нормами. Они в данном случае для него были химерами. В основе его действий господствовал принцип — добить побежденного до конца. А под этим разумелось физическое уничтожение.

Однако, как мы видим из воспоминаний А. Орлова, Сталину пришлось приложить немало усилий, чтобы сломить сопротивление Зиновьева (равно, как и других его сопроцессников). Впрочем, в данном случае свидетельства Орлова вызывают сомнения в

²⁸ Сталин и Каганович. Переписка. С. 550.

²⁹ Реабилитация. Политические процессы 30 – 50-х годов. С. 184.

их достоверности, принимая во внимание приведенные выше отрывки из писем Зиновьева. Но все-таки их стоит привести. Вот как, в изображении А. Орлова, это происходило.

«От имени Политбюро Ежов объявил Зиновьеву, что он должен помочь партии «нанести по Троцкому и его банде сокрушительный удар, чтобы отогнать рабочих за границы от его контрреволюционной организации на пушечный выстрел».

Что вам от меня требуется? — осторожно спросил Зиновьев.

Ежов, не давая прямого ответа, заглянул в свою шпаргалку и начал перечислять зиновьевские грехи по отношению к руководству партии и упрекать его и Каменева в том, что они до сего времени полностью не разоружились.

Политбюро, — продолжал Ежов, — в последний раз требует от вас разоружиться до такой степени, чтобы для вас была исключена малейшая возможность когда-нибудь снова подняться против партии.

В конце концов Ежов сказал Зиновьеву, в чём суть этого требования, исходящего от Политбюро: он, Зиновьев, должен подтвердить на открытом судебном процессе показания других бывших оппозиционеров, что по уговору с Троцким он готовил убийство Сталина и других членов Политбюро.

Зиновьев с негодованием отверг такое требование. Тогда Ежов передал ему слова Сталина: «Если Зиновьев добровольно согласится предстать перед открытым судом и во всём сознается, ему будет сохранена жизнь. Если же он откажется, его будет судить военный трибунал — за закрытыми дверями. В этом случае он и все участники оппозиции будут ликвидированы».

Я вижу, — сказал Зиновьев, — настало время, когда Сталину понадобилась моя голова. Ладно, берите её!

Не рискуйте своей головой понапрасну, — заметил Ежов. — Вы должны понять обстановку: хотите вы или нет, партия доведет до сведения трудящихся масс в СССР и во всём мире показания остальных обвиняемых, что они готовили террористические акты против Сталина и других вождей по указаниям, исходившим от Троцкого и от вас.

Я вижу, что вы всё предусмотрели и не нуждаетесь в том, чтобы я клеветал на самого себя, — сказал Зиновьев. — Почему же тогда вы так настойчиво меня уговариваете? Не потому ли, что для большего успеха вашего суда важно, чтобы Зиновьев сам заклеил себя как преступник? Как раз этого-то я никогда и не сделаю!

Ежов возразил ему:

Вы ошибаетесь, если думаете, что мы не сможем обойтись без вашего признания.

Если на то пошло, кто может помешать нам вставить всё, что требуется, в стенограмму судебного процесса и объявить в печати, что Григорий Евсеевич Зиновьев, разоблачённый на суде всеми прочими обвиняемыми, полностью сознался в своих преступлениях?

Значит, выдадите фальшивку за судебный протокол? — негодуя воскликнул Зиновьев.

Ежов посоветовал Зиновьеву не горячиться и всё спокойно обдумать.

Если вам безразлична ваша собственная судьба, — продолжал он, — вы не можете оставаться равнодушным к судьбе тысяч оппозиционеров, которых вы завели в болото. Жизнь этих людей, как и ваша собственная, — в ваших руках.

Вы уже не впервые накидываете мне петлю на шею, — сказал Зиновьев. — А теперь вы её ещё и затянули. Вы взяли курс на ликвидацию ленинской гвардии и вообще всех, кто боролся за революцию. За это вы ответите перед историей!

Он остановился, чтобы перевести дыхание, и слабым голосом добавил:

Скажите Сталину, что я отказываюсь...»³⁰

Но все это были заранее обреченные на неуспех попытки как-то сопротивляться. В конце концов Ежову, Ягоде и следователям удалось убедить Зиновьева и Каменева в том, что им будет сохранена жизнь, если они признают, что по указанию Троцкого готовили свои террористические и антисоветские акции. Мол, это будет удар против Троцкого, который действительно при помощи иностранных разведок ведет разнузданную борьбу с Советской властью. Посоветовавшись наедине (а их разговор, естественно, прослушивался), Зиновьев и Каменев дали согласие на признание, но поставили условием, что обещание сохранить им жизнь будет дано в присутствии всех членов Политбюро. Когда их привели в зал, то там были только Сталин и Ворошилов. На их недоуменный вопрос вождь ответил, что перед ними как раз и находится комиссия, уполномоченная выслушать все, что они скажут.

Зиновьев впал в истерику. Каменев держался достойно.

— А где гарантия, что вы нас не расстреляете? — наивно спросил Каменев.

Гарантия? — переспросил Сталин. — Какая, собственно, тут может быть гарантия?

Это просто смешно! Может быть, вы хотите официального соглашения, заверенного Лигой Наций? — Сталин иронически усмехнулся. — Зиновьев и Каменев, очевидно, забывают, что они не на базаре, где идёт торг насчёт украденной лошади, а на Политбюро коммунистической партии большевиков. Если заверения, данные Политбюро, для них недостаточны, — тогда, товарищи, я не знаю, есть ли смысл продолжать с ними разговор.»

И, наконец, финал этой встречи, если она только в действительности имела место быть. Сталин заговорил: «Было время, когда Каменев и Зиновьев отличались ясностью мышления и способностью подходить к вопросам диалектически. Сейчас они рассуждают, как обыватели. Да, товарищи, как самые отсталые обыватели. Они себе внушили, что мы организуем судебный процесс специально для того, чтобы их расстрелять. Это просто неумно! Как-будто мы не можем расстрелять их без всякого суда, если сочтём нужным. Они забывают три вещи: первое — судебный процесс направлен не против них, а против Троцкого, заклятого врага нашей партии; второе — если мы их не расстреляли, когда они активно боролись против ЦК, то почему мы должны расстрелять их после того, как они помогут ЦК в его борьбе против Троцкого; третье — товарищи также забывают (Миронов особо подчеркнул то обстоятельство, что Сталин назвал Зиновьева и Каменева товарищами), что мы, большевики, являемся учениками и последователями Ленина и что мы не хотим проливать кровь старых партийцев, какие бы тяжкие грехи по отношению к партии за ними ни числились. Последние слова, добавил Миронов, были произнесены Сталиным с глубоким чувством и прозвучали искренне и убедительно.

«Зиновьев и Каменев, — продолжал Миронов свой рассказ, — обменялись многозначительными взглядами. Затем Каменев встал и от имени их обоих заявил, что они согласны предстать перед судом, если им обещают, что никого из старых большевиков не

³⁰ Александр Орлов. Тайная история сталинских преступлений. (Зиновьев и Каменев). Электронный вариант).

ждёт расстрел, что их семьи не будут подвергаться преследованиям и что впредь за прошлое участие в оппозиции не будут выноситься смертные приговоры. — Это само собой понятно, — отозвался Сталин. Физические страдания Зиновьева и Каменева закончились. Их немедленно перевели в большие и прохладные камеры, дали возможность пользоваться душем, выдали чистое бельё, разрешили книги (но, однако же, не газеты). Врач, выделенный специально для Зиновьева, всерьёз принялся за его лечение. Ягода распорядился перевести обоих на полноценную диету и вообще сделать всё возможное, чтобы они на суде выглядели не слишком изнурёнными. Тюремные охранники получили указание обращаться с обоими вежливо и предупредительно. Суровая тюрьма обернулась для Зиновьева и Каменева чем-то вроде санатория»³¹.

Так описано личное участие Сталина в обработке своих бывших коллег, чтобы они сделали на суде публичное признание обвинений, предъявленных им. Судить о достоверности всего описанного трудно. Однако многое говорит за то, что нечто подобное если и не имело место в действительности, то вполне могло быть. Сталин был искусным лицедеем и для него ничего не стоило сыграть, причем вполне артистично, и эту роль. Манера поведения Сталина описана так, что в нее невольно веришь, даже если здравый смысл или скептицизм и нашептывает какие-то сомнения.

Судебный спектакль в августе 1936 года разыгрывался по плану главного режиссера-постановщика. Сам он, по каким-то своим соображениям, находился на отдыхе в Сочи и оттуда внимательно следил за его ходом, по мере необходимости давая необходимые указания. В частности, давал распоряжения о порядке освещения процесса в центральных советских газетах. Все в целом шло по плану. Случались, правда, и некоторые срывы, заставлявшие внимательных наблюдателей кое о чем призадуматься. К примеру, во время допроса И. Смирнова между ним и обвинителем — прокурором А. Вышинским — произошел такой обмен репликами:

«Вышинский. Когда же Вы вышли из «центра»?

Смирнов. Я и не собирался выходить, не из чего было.

Вышинский. Центр существовал?

*Смирнов. Какой там центр»*³².

Ход процесса был отмечен и рядом других «ляпов»: в показаниях одного из обвиняемых фигурировал несуществующий в Копенгагене отель «Бристоль». Но не эти частности и «мелочи» определяли резко критическое отношение к процессу зарубежной общественности. Там с чувством озабоченности и тревоги следили, как постепенно обретает новую силу вал репрессий, что, несомненно, не способствовало укреплению международного авторитета и престижа как самого Сталина, так и Советского Союза. О том, что волна репрессий будет нарастать, предвещали многие зловещие признаки.

На одном из судебных заседаний государственный обвинитель сделал неожиданное заявление следующего содержания: в ходе судебных слушаний подсудимые в своих показаниях ссылались на Томского, Бухарина, Рыкова, Угланова, Радека, Пятакова, Серебрякова и Сокольников как лиц, в той или иной степени вовлеченных в преступную контрреволюционную деятельность. Прокурор Вышинский сообщил суду, что он отдал

Александр Орлов. Тайная история сталинских преступлений. (Зиновьев и Каменев). Электронный вариант).

³² **Реабилитация.** Политические процессы 30 – 50-х годов. С. 184.

соответствующее распоряжение о проверке этих сведений. Через короткое время появилось сообщение, что проведенная проверка не подтвердила показания против упомянутых лиц.

Было совершенно ясно, что этот шаг являлся продуманным ходом Сталина и преследовал цель показать лидерам правой оппозиции и другим фигурантам, что они находятся «на крючке» у него. Иными словами, меч уголовного преследования был уже занесен, но пока что удара не последовало. Однако последствия этого действия Сталина имели весьма широкий резонанс как внутри страны, так и за рубежом. Бывший член Политбюро Томский в эти дни покончил жизнь самоубийством. Перед смертью он написал письмо Сталину. В нем говорилось: «...Я обращаюсь к тебе не только как к руководителю партии, но и как к старому боевому товарищу, и вот моя последняя просьба — не верь наглой клевете Зиновьева, никогда ни в какие блоки я с ним не входил, никаких заговоров против партии я не делал»³³. Никакого ответа не последовало, да и не могло последовать, поскольку отправитель письма был уже на том свете.

Официальная партийная печать расценила самоубийство Томского как трусливую попытку уйти от ответственности. 23 августа 1936 г. в газете «Правда» было помещено сообщение о том, что кандидат в члены ЦК ВКП(б) М. П. Томский, запутавшись в своих связях с контрреволюционными троцкистско-зиновьевскими террористами... покончил жизнь самоубийством. Но это скорее был не трусливый шаг, а мужественный и обдуманый ответ на угрозы, исходившие от вождя. Одновременно акт самоубийства стал тревожным сигналом для тех, кто еще питал иллюзии относительно намерений Сталина остановить кампанию репрессий против своих бывших оппонентов.

Но это были всего лишь издержки и временные сбои. Все обвиняемые признали свою вину. Причем делали это с какой-то непонятной нормальному человеку готовностью, чуть ли не с чувством исполнения высокого долга. Казалось, что они соревновались друг с другом в стремлении выставить себя в наихудшем виде. Так, в своем последнем слове Каменев заявил: «На протяжении десяти лет, если не больше, я вел борьбу против партии, против правительства Страны Советов, против Сталина лично. И в этой борьбе, мне кажется, я использовал любое оружие из политического арсенала, известного мне, — открытые политические дискуссии, попытки проникновения на заводы и фабрики, нелегальные листовки, подпольную печать, обман партии, организацию уличных демонстраций, заговоры и, наконец, терроризм... Я изучал историю политических движений и не могу вспомнить ни одной формы политической борьбы, которую мы бы не использовали на протяжении последних десяти лет... Мы служили фашизму, мы организовывали контрреволюцию против социализма, расчищали путь для интервенции (против СССР — Н. К.)»³⁴.

Со свойственным ему ораторским пылом клеймил себя и своих соратников и Зиновьев: «Я хочу сказать еще раз, что целиком и полностью признаю свою вину. Я виновен в том, что был организатором троцкистско-зиновьевского блока, вторым после Троцкого, блока, поставившего своей целью убийство Сталина, Ворошилова и ряда других руководителей партии и правительства. Я признаю, что был главным организатором убийства Кирова...

³³ Реабилитация: как это было. Февраль 1956 – начало 80-х годов. С. 626.

³⁴ Отчет о судебном процессе над Зиновьевым, Каменевым и др. Издан на английском языке в Москве в 1936 году. (Электронный вариант).

Партия видела, куда мы катимся и предупреждала нас. В одной из своих речей Сталин подчеркнул, что в рядах оппозиции может возникнуть тенденция навязать свою волю партии силой...»³⁵

Не поворачивается язык осудить выступавших с такими последними словами подсудимых. Надо было побывать на их месте, чтобы иметь право на такое осуждение. Но складывается вполне определенное впечатление, что своими заявлениями и даже замаскированными реверансами в адрес Сталина они хотели доказать, что честно выполняют условия договоренности с ним. Однако чем охотнее признавались в своих мнимых преступлениях подсудимые, тем озлобленнее вел себя прокурор Вышинский. В своей речи, пронизанной беспардонной лезть в отношении вождя, он вменил в вину подсудимым чуть ли не все мыслимые пороки. Он даже обрушился на Каменева, приводя цитаты из сочинений Макиавелли, изданных в 1934 году издательством «Академия», которым руководил тогда Каменев и который написал предисловие к этим сочинениям. Выглядело это как-то комично, поскольку ссылки на советы великого итальянца, как управлять подданными, никак не вязались с самим процессом и тем, что на нем разыгрывалось. Обвинитель не приводил фактов и документальных доказательств вины подсудимых, а опирался лишь на их признания. Не случайно позднее Вышинский написал «научную» работу, обосновывавшую тезис, что признание — царица доказательств. Словом, даже по этому параметру процесс выглядел неубедительным, хотя вся советская печать во всю трубила о том, что, наконец, преступники схвачены с поличным и полностью изобличены. И вполне предсказуемым был призыв государственного обвинителя к судьям: «Я требую, чтобы бешеные собаки были расстреляны — все до одного».

Таков и был окончательный приговор. Все 16 обвиняемых были приговорены к высшей мере наказания с конфискацией лично принадлежащего им имущества. Прощения о помиловании, естественно, были отклонены. Зиновьев, Каменев, Смирнов, Евдокимов, Бакаев, Мрачковский и их сопроцессники были расстреляны. Сообщение об этом на следующий день появились в газетах. Такова была истинная цена обещания вождя сохранить жизнь своим бывшим соперникам в борьбе за власть, если, конечно, оно вообще давалось.

Грандиозный спектакль, разыгранный в августе 1936 года, закрыл одну страницу советской истории и открыл другую. И это была не только страница в истории страны, но и страница в политической биографии Сталина. Страница мрачная и не поддающаяся никакому оправданию. Даже с помощью самых изощренных ссылок на сложную и противоречивую природу диалектики развития общественных процессов. Иногда возникает мысль, что сам Сталин порой пугал процессы исторического развития с процессами по политическим делам. Хотя, конечно, смешно допускать, что он не понимал, что это — вещи несоизмеримо разного плана.

Хочется обратить внимание на такое обстоятельство. Один из центральных пунктов обвинения — подготовка террористических актов против Сталина (и для соблюдения определенного декора — и в отношении некоторых его соратников, ставших потом жертвами репрессий) — вообще играл роль обоюдоострого меча. Ведь он как бы невольно подталкивал недовольных сталинской политикой к мысли о том, что индивидуальный террор является в сложившихся условиях вполне адекватной формой борьбы против

³⁵ **Отчет о судебном процессе над Зиновьевым, Каменевым и др.** Издан на английском языке в Москве в 1936 году. (Электронный вариант).

вождя. Тем более, если принять во внимание высокий пафос, с которым советские органы пропаганды освещали революционную деятельность героев «Народной воли» в XIX веке. Думается, что Сталин в ту пору сам еще не осознавал двоякую роль подобного рода обвинений: ведь они могли подтолкнуть недовольных его политикой к реальным шагам по его физическому устранению.

3. Почему они признавались?

На первый взгляд, вопрос вроде бы и звучит надуманно, поскольку ответ как бы подразумевается сам собой. Хотя бы из материала, приведенного в ходе рассказа о первом большом публичном процессе. Я специально подчеркиваю слово публичном, ибо в дальнейшем в самых широких масштабах использовалась практика закрытых судебных процессов. Как правило, закрытые процессы проводились тогда, когда не удавалось в полной мере сломить волю обвиняемых и предание их суду в открытом процессе могло обернуться полным провалом организаторов судилища. Видимо, играло свою роль и то обстоятельство, что массовое проведение открытых судебных спектаклей вполне закономерно вызвало бы у населения, да и за рубежом, вполне естественное впечатление, что Советский Союз превратился в страну перманентных судебных процессов. К тому же, от чрезмерного избытка такого рода спектаклей эффект значительно снижался, если не приближался к нулю. Сталин понимал, что во всем, в том числе и в таких делах, необходимо соблюдать чувство меры. Тем более в его распоряжении имелись и другие, достаточно эффективные средства сохранения и поддержания в стране обстановки, приближающейся к той, какая бывает в осажденной крепости. Видимо, еще одним мотивом служила слишком большая трудоемкость организации такого рода процессов, не говоря уже о том, что чем большим было число таких процессов, тем большей была вероятность попасть в неприятную ситуацию, поскольку всякого рода ляпов и недоработок в ходе их подготовки и проведения трудно было избежать. Они были неизбежны, как тщательно не разрабатывались сценарии этих процессов и репетировались роли главных действующих лиц в подобных политических инсценировках.

Невозвращенец В. Кривицкий в своей книге писал: «Западный мир так до конца и не понял, что советские показательные суды были вовсе не судами, а орудием политической войны. В информированных советских кругах с момента прихода к власти Сталина мало кто не считал показательные процессы с их драматическими признаниями не чем иным, как политическим рычагом, не имеющим ничего общего с отправлением правосудия. Как только политическая власть большевиков сталкивалась с кризисом, они всегда находили «козлов отпущения» для таких процессов. Это имело такое же отношение к правосудию, как к милосердию»³⁶. Едва ли такую оценку показательных процессов можно опровергнуть или подвергнуть разумному сомнению. Дело здесь не в том, что она исходит от перебежчика — в конце концов правда не зависит от того, кто ее делает достоянием людей. Тот же Кривицкий попытался раскрыть истинные причины «добровольных» признаний,

* Вальтер Кривицкий. Я был агентом Сталина. М. 1991. С. 208.

сделанных подсудимыми в ходе процессов. Думаю, что он писал это со знанием дела, поскольку сам длительное время провел в органах НКВД — и не на незначительных постах, — а также обладал широкими связями и знакомствами в кругах сотрудников НКВД. В том числе и теми, кто непосредственно вел следствие и готовил арестованных к даче признательных показаний.

Сослюсь снова на Кривицкого, поскольку, как мне представляется, он попытался в своей книге дать ответы, на вопросы, волновавшие и волнующие до сих пор не только граждан бывшего Советского Союза, но многих в других странах. Не все его ответы выглядят обоснованными, поэтому в ряде случаев они нуждаются в соответствующих комментариях. Но и эти комментарии также не должны восприниматься как исчерпывающие. По крайней мере, база для выяснения истины по этим проблемам имеется достаточно обширная и во многом хорошо исследованная.

Итак, Кривицкий утверждает:

«Каким образом были получены эти признания? Ничто в такой степени не озадачивало Запад, как этот вопрос. Ошеломленный мир наблюдал, как создатели Советского государства бичевали себя за преступления, которые не могли совершить и которые были очевидной, фантастической ложью. Вопрос, почему они каялись, все еще интригует западный мир. Однако этот факт никогда не был загадкой для тех из нас, кто работал внутри аппарата Сталина.

Хотя факторов, повлиявших на то, что эти люди выступили на суде со своими признаниями, было несколько, главное, что заставило их каяться, была искренняя убежденность, что этим они оказывают последнюю возможную для них услугу партии и революции. Они принесли в жертву и свою честь, и свою жизнь ради защиты ненавистного им режима Сталина, потому что он давал им слабую надежду, что светлое будущее, которому они посвятили свою молодость, все же наступит»³⁷.

Кривицкий считает этот фактор самым важным, в конечном счете определявшим поведение подсудимых. С ним солидарны и некоторые другие историки и даже писатели, отразившие в своих произведениях трагедию этих людей. Достаточно вспомнить хотя бы получивший в свое время широкий общественный резонанс роман А. Кёстлера «Слепящая тьма», где выведен образ старого большевика, Рубашова, дающего заведомо ложные признания. Нить рассуждений этого «стального» большевика по поводу признательных показаний на процессе такова: «Одни молчали, страшись пыток, другие надеялись, что их помилют, третьи хотели спасти родных, которые оказались в лапах у глеткиных (Глеткин — следователь, допрашивавший главного героя романа Рубашова — Н. К.). Лучшие молчали, чтоб на пороге смерти выполнить последнее партийное поручение, то есть добровольно приносили себя в жертву... Они погрязли в собственном прошлом, запутались в сетях, сплетенных ими же по законам партийной морали и логики, — короче, все они были виновны, хотя и приписывали себе преступления, которых на самом деле не совершали. Они не могли возвратиться назад. И вот уходили за пределы жизни, разыгрывая ими же начатый спектакль. От них не ждали правдивых слов. Они сами вырастили Главного режиссера и на пороге смерти, по его указке, скрежетали зубами и плевали серой... Но для него со всем этим было покончено. Он сыграл свою последнюю роль»³⁸.

Вальтер Кривицкий. Я был агентом Сталина. С. 209–210.

³⁸ *Артур Кёстлер. Слепящая тьма. Трагедия "стальных людей". М. 1989. С. 187–188.*

Что же, мотивы поведения на суде раскрыты впечатляюще. Но главная посылка автора о выполнении «последнего партийного поручения» все-таки с исторической точки зрения, в сопоставлении с фактами представляется не вполне убедительной.

Мои контраргументы сводятся к следующему. Неверно представлять когорту старых большевиков в качестве неких наивных, хотя, конечно, и глубоко убежденных и идейных политических младенцев. Вся история борьбы Сталина с оппозицией, все перипетии этой довольно длительной борьбы однозначно говорят о том, что в политической стратегии Сталина они усматривали не просто какое-то количество ошибок и заблуждений. Таких, которые поддаются исправлению, а потому, мол, и политический компромисс с Генеральным секретарем возможен. В линии, с железной решимостью проводимой Сталиным, они усматривали смертельную угрозу самому существованию социалистического строя. Поэтому в умах и сердцах этих людей, прошедших суровую школу жизни и политической борьбы, не могли оставаться, а тем паче доминировать сентиментальные мысли и чувства, что своей гибелью они как бы помогают сохранению социалистического строя. Больше того, из всей логики их высказываний в ходе борьбы со Сталиным явствовало, что режим Сталина они не считали социалистическим. Открыто говорить об этом они, по понятным причинам, не могли. Но сами-то перед собственной совестью они не могли думать по-другому. Так что этот аргумент, с моей точки зрения, отдает какой-то сентиментальщиной и не отражает реального положения дел. Давая признательные показания, подсудимые прекрасно осознавали, что служат в данном случае не идеалам нового общественного строя, а интересам Сталина, интересам укрепления режима, против которого они боролись.

Я лично убежден, что они наверняка не остановились бы перед совершением террористического акта в отношении Сталина, если бы таковая возможность им представилась. Не думаю, что старые марксистские представления о неприменимости индивидуального террора как метода политической борьбы каким-то образом связывали их руки и заставляли мириться с существовавшим положением. Трудно поверить в доводы тех, кто полагает, что с физическим устранением Сталина с политической арены его противники связывали опасения насчет возможного ослабления позиций социализма в СССР или же его международной роли. Они были реалистами, а не просто мечтателями. Хотя, конечно, известная доля политического идеализма им была присуща.

На ранних стадиях политической борьбы со Сталиным все его противники допустили целую пропасть недопустимых ошибок. И главная состояла в том, что они не только в корне неверно интерпретировали целенаправленность и стратегическую обоснованность курса Сталина, но и слишком примитивно подошли к оценке его личности как политической фигуры. В конечном счете за все это им пришлось заплатить ценой собственной жизни. Но они платили эту цену не потому, что таким путем надеялись в последний раз послужить идеалам своей жизни.

В представлении некоторых старые большевики являли собой некий эталон рыцарей без страха и упрека. Это, естественно, сказалось и на рождении легенды относительно главной побудительной причины, толкавшей их давать невероятные показания на себя и своих друзей и знакомых. Но таковыми они не были. Это были люди со всеми свойственными людям достоинствами и слабостями. Часто они вступали в острое соперничество друг с другом, склоничали, проявляли непомерный карьеризм и т. д.

Говоря все это, я ни коим образом не желаю бросить тень на когорту старых большевиков. Единственной целью моих критических замечаний является стремление представить их не в некоем идеальном ореоле, а такими, какими они были в действительной жизни. К тому же, развернувшаяся после смерти Ленина политическая борьба за власть наложила и на них свою гнетущую печать. Им часто приходилось лавировать, менять свои позиции и взгляды, приспосабливаться к условиям и требованиям тех, кто одерживал победу. А таковым был Сталин. Ленинская закалка с каждым годом все больше превращалась в некий миф. А сталинский политический котел, в котором они теперь варились, прививал им совершенно иные качества. Словом, чисто идейные соображения как главный побудительный мотив признательных показаний на показательных процессах выглядит, по меньшей мере, если недостаточно обоснованным, то уж во всяком случае преувеличенным.

Гораздо более убедительным выглядит краткий перечень мер воздействия на арестованных, с помощью которых выбивались признания. Кривицкий перечисляет следующие четыре фактора (так он называет эти меры).

«Первый по важности фактор — это действующая в ОГПУ машина физических и моральных пыток, противостоять которой у них не было сил. Эта «третья степень» была известна у нас как «конвейерная система» допроса заключенных. Она предусматривала пропускание жертвы через цепочку следователей, начиная с неопытных новичков и до квалифицированных мастеров искусства исторжения признаний.

Вторым элементом системы фабрикации признаний служило сталинское секретное досье. Там были собраны донесения его личной шпионской сети, касающиеся политической деятельности и личной жизни всех лидеров за многие годы. Это досье превратилось в арсенал порочащих данных, направленных против всех потенциальных противников сталинского правления.

Третьим элементом, участвовавшим в подготовке показательных судов, была разновидность обычного шантажа. Провокаторов, якобы признавшихся в участии в мнимых заговорах, помещали в камеры, где они играли омерзительную роль, впутывая своих наиболее выдающихся «подельников» в эти заговоры. Они играли роль изобличающих «свидетелей» или «соучастников», давая понять главным действующим лицам, намеченным Сталиным, что любая попытка оправдаться безнадежна.

Четвертым, однако не менее важным, элементом в фабрикации признаний были сделки, заключенные между Сталиным и некоторыми особо важными заключенными. На Западе может вызывать удивление тот факт, что между Генеральным прокурором и его заключенными совершаются подобные сделки. Принадлежа к информированным партийным кругам, мы воспринимали такие договоренности как обычное дело, зная, что семьи, друзья и даже менее заметные политические сторонники жертвы будут помилованы, если она сознается и тем самым поможет вовлечь в дело ключевые фигуры и облегчит проведение общей чистки»³⁹

На мой взгляд, основным средством сломить волю подсудимого и заставить его признать вменяемые ему преступления, а заодно и оговорить тех, на кого указывал следователь, безусловно, являлись меры физического воздействия. Прежде всего пытки во всех формах и разновидностях их существования. «Метод пыток, метод подтасовки фактов

³⁹ Вальтер Кривицкий. Я был агентом Сталина. С. 211.

с помощью самодельных лжесвидетелей и метод переговоров между Кремлем и жертвами использовались одновременно для получения быстрых результатов, — пишет Кривицкий. — Я могу говорить о физических пытках лишь настолько, насколько я узнал о них из первых рук. Я знал одного заключенного, которого заставляли стоять на протяжении всех дознаний с различными перерывами на протяжении 55 часов под слепящим светом ламп. Возможно, это была самая простая разновидность «третьей степени»⁴⁰.

Не стану комментировать умозаключения Кривицкого. В литературе о сталинском периоде нашей истории имеется множество свидетельств того, насколько широко и с каким изуверским садизмом порой применялись меры физического воздействия при ведении следствия. В данном случае едва ли можно добавить что-либо новое или оригинальное. Да и не в этом состоит убедительность объективной оценки роли Сталина во всех этих делах. Мне кажется, вполне достаточно будет сослаться на известную телеграмму, подписанную от имени ЦК партии Сталиным, где уже задним числом не только подтверждается правомерность применения мер физического воздействия на подследственных, но и как бы содержится невысказанное недоумение вождя: неужели нельзя понять столь простые до примитивности вещи. Ведь пытки применяют и наши враги, почему же нам не пользоваться такими же методами, но уже в целях благородных.

В телеграмме от 10 января 1939 г., подписанной Сталиным, говорилось: «ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 г. с разрешения ЦК ВКП(б)... Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа как совершенно правильный и целесообразный метод»⁴¹.

Конечно, открыто, а тем более публично, Сталин не ратовал в пользу применения мер физического воздействия при ведении следствия. Но, по существу говоря, он не придавал слишком серьезного значения тому, как вся его репрессивная политика будет воспринята мировым общественным мнением. Он исходил из принципа, что «Европа все проглотит». Эта циничная позиция отнюдь не означала, что он вообще был безразличен к тому, что скажет о нем и его политике за граница. Напротив, по указанию Сталина и при его личном участии велась широкая пропагандистская кампания, нацеленная на то, чтобы всячески обосновать и подкрепить фактами правильность мер, предпринимаемых властями. Сталин лично участвовал в этом деле, принимая видных зарубежных представителей литературы, отвечал на их порой каверзные вопросы. Причем вел себя настолько умело и убедительно, что некоторые из них по возвращении на родину разразились восторженными книгами в адрес Советского Союза и сталинской политики.

Один характерный пример. Принимая немецкого писателя Л. Фейхтвангера, Сталин приводил примеры лживости и неискренности арестованных. Так, находясь в тюрьме, Радек написал Сталину большое письмо, в котором заверял вождя в своей полной

⁴⁰ Вальтер Кривицкий. Я был агентом Сталина. С. 214.

Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. С. 82.

невиновности. Сталин посчитал это письмо лживым, поскольку Радек на следующий день якобы «сознался» в предъявленных ему следователями антисоветских и террористических преступлениях. Об этом лично сам вождь поведал своему немецкому собеседнику. Причем тот воспринял это с полным доверием⁴².

Сталин старался заручиться морально-политической поддержкой видных деятелей западной литературы и культуры. Он считал, что их авторитет поможет ему в выгодном для себя свете представить перед западной общественностью все, что происходило тогда в СССР. Достаточно назвать такие имена, как Р. Роллан, А. Жид, Л. Фейхтвангер. Не говоря уже об А. Барбюсе, написавшем биографию вождя, больше смахивающую на заказной панегирик.

А. Жид такими словами выразил отношение прогрессивно настроенной западной интеллигенции к Советскому Союзу: «Кто может определить, чем СССР был для нас? Не только избранной страной — примером, руководством к действию. Все, о чем мы мечтали, о чем помышляли, к чему стремились наши желания и чему мы готовы были отдать силы, — все было там. Это была земля, где утопия становилась реальностью. Громадные свершения позволяли надеяться на новые, еще более грандиозные. Самое трудное, казалось, было уже позади, и мы со счастливым сердцем поверили в неизведанные пути, выбранные им во имя страдающего человечества»⁴³. Столь высокие, почти романтические чувства в отношении СССР, не помешали, однако, тому же А. Жиду пересмотреть свои оценки несколько позднее, причем во многом под влиянием сталинских репрессий и отсутствия свобод в западном их понимании. Его объяснение сводилось к тому, что в Москве хотят и требуют только одобрения всему, что происходит в СССР. Пытаются добиться, чтобы это одобрение было не вынужденным, а добровольным и искренним, чтобы оно выражалось даже с энтузиазмом. И самое поразительное — этого добиваются. С другой стороны, малейший протест, малейшая критика могут навлечь худшие кары, впрочем, они тотчас же подавляются. И не думаю, чтобы в какой-либо другой стране сегодня, хотя бы и в гитлеровской Германии, сознание было бы так несвободно, было бы более угнетено, более запугано (терроризировано), более порабощено. С неподдельным пафосом А. Жид обрушился с обвинениями в адрес лично Сталина. В частности, он писал: «Критику и свободу мысли называют в СССР «оппозицией». Сталин признает только одобрение всех, тех, кто ему не рукоплещет, он считает врагами. Нередко он сам высказывает одобрение какой-нибудь проводимой реформе. Но если он реализует какую-либо идею, то сначала убирает того, кто ее предложил, чтобы лучше подчеркнуть, что эта идея его собственная. Это его способ утверждать свою правоту. Скоро он будет всегда прав, потому что в его окружении не останется людей, способных предлагать идеи. Такова особенность деспотизма — тиран приближает к себе не думающих, а раболепствующих»⁴⁴.

В данном контексте нельзя обойти молчанием то, как Троцкий расценивал поездки в СССР этих видных представителей западноевропейской литературы. Ведь он не мог не понимать, что их моральный авторитет высок и они не такие уж простачки, чтобы легко поддаться на уловки Сталина. Не имея фактически никаких оснований обличить их в неискренности или политической слепоте, он выдвинул другую версию. По его словам,

⁴² *Лион Фейхтвангер*. Москва 1937. М. 1937. С. 87.

⁴³ *Андре Жид*. Возвращение из СССР. *Лион Фейхтвангер*. Москва 1937. М. 1990. С. 64.

⁴⁴ Там же. С. 136–137.

«писатели с громкими или известными именами, как Ромен Роллан, покойный Барбюс, Мальро, Генрих Манн или Фейхтвангер являются, на самом деле, стипендиатами ГПУ, которое щедро оплачивает «моральные» услуги этих друзей через посредство Государственного издательства... Обманывать так нагло можно только тех, которые сами хотят быть обмануты: к этой категории относится немало двусмысленных светил»⁴⁵. «Применительно к таким крупным фигурам подобного рода ярлык выглядел если не натяжкой, то недопустимым упрощением. Бесспорно, все эти люди хвалили достижения Советской России не за деньги (даже в форме литературных договоров об издании их произведений в СССР). Восторженно отзывались об успехах Советской России прежде всего потому, что такие успехи и достижения были реальностью, а не пропагандистской выдумкой. Панегирики политике вождя пел разве что А. Барбюс. Л. Фейхтвангер видел в лице СССР, а значит и его руководителя, силу, способную реально противостоять гитлеровскому фашизму. Да и то обстоятельство, что, например, А. Жид вскоре как бы дезавуировал свои первоначальные впечатления и оценки, опровергает аргументацию Троцкого.

Высвечивая эти моменты, я тем самым не хочу сказать, будто Сталин выступал чуть ли не оптовым покупателем видных европейских интеллектуалов. Он, конечно, придавал немалое значение положительным отзывам об успехах страны и о позитивных моментах в его политике. Но он не хотел — и не мог хотеть, — чтобы негативные стороны советского бытия, в первую очередь набиравшие все большую силу репрессии, подвергались объективному освещению на Западе. Вот почему кампания дезинформации зарубежной общественности была поставлена на широкую ногу. На это не жалели ни средств, ни усилий, ибо игра, как говорится, стоила свеч.

Стенограммы бесед Сталина с видными представителями западной литературы и культуры отличались откровенностью и, по крайней мере, внешней искренностью со стороны вождя. Он не увиливал от острых вопросов и давал на них достаточно откровенные ответы. Разумеется, в пределах допустимого. Достоверно неизвестно изучал ли вождь произведения великого мыслителя античности Аристотеля, но главный аргумент, которым он мог бы подкрепить свои доводы, был сформулирован за много столетий до него именно Аристотелем: «Сначала следует установить общее правило для всех видов государственных устройств вообще: сторонники того или иного строя в государстве должны быть сильнее его противников»⁴⁶. Кстати сказать, в той или иной форме эта идея неизменно доводилась до сознания его просвещенных собеседников. И вообще, читая записи бесед Сталина со своими прославленными посетителями, вполне убеждаешься в одном — недоучившийся семинарист обладал бесспорной способностью вести на равных разговор на различные темы с теми, кого считали крупными писателями и видными деятелями культуры, в том числе и культуры политической.

Надо подчеркнуть одно чрезвычайно важное обстоятельство. В это время Европа была особенно встревожена опасностью гитлеровского фашизма. На этом фоне европейцы были склонны проявлять к Советскому Союзу и Сталину как его вождю больше снисходительности, т.е. старались воздерживаться от критики тогда, когда это было возможно. И речь идет не только о тех кругах, которые испытывали симпатии к СССР, но

⁴⁵ «Бюллетень оппозиции» 1937 г. № 60 – 61. (Электронный вариант).

⁴⁶ Аристотель. Сочинения. Т. 4. М. 1983. С. 510

даже о тех, кто занимал нейтральные позиции и даже был критически настроен по отношению к Советской стране вообще и к политике Сталина, в частности. Словом, сложная взаимосвязь множества разных факторов помогала Сталину как-то сгладить в глазах западного общественного мнения впечатление от перманентных чисток, ареной которых стала Советская Россия.

Завершая данный раздел, было бы непростительной ошибкой вообще обойти молчанием один отнюдь не второстепенный момент. Речь идет о том, что неправомерно полагать, будто абсолютно все показания и признания подсудимых являлись сплошным вымыслом. Несомненно, что ряд фактов, которые вменялись в вину обвиняемым, имел место в действительности. Ведь история борьбы оппозиции против Сталина и его курса достаточно убедительно показала, что они не сидели сложа руки и предпринимали попытки сначала легальными, а затем и конспиративными способами вести против него борьбу. И борьбу не на жизнь, а на смерть. С этой целью и создавались различные тайные группировки, налаживались связи, согласовывалась программа антисталинских действий. Словом, не вымышленные, а реальные шаги по устранению Сталина ими предпринимались. Другое дело, что они не увенчались успехом. И эти их действия, конечно, не могли не настораживать вождя. Так что, как говорится, не бывает дыма без огня. Другое дело, что Сталин в борьбе со своими противниками не гнушался никакими средствами и в конце концов дошел до того, что обвинил их в намерении свергнуть Советскую власть и восстановить капитализм в стране. А это уже не поддается никакому логическому и историческому объяснению. Но логика политической борьбы порой вообще попирает нормальную человеческую логику.

4. Начало «ежовщины»

1

После «успешного», на поверхностный взгляд, завершения первого большого показательного процесса, казалось бы, все идет как нельзя гладко. Иными словами, в полном соответствии с разработанным Сталиным сценарием. Однако за кулисами событий зрело настоящее политическое землетрясение общесоюзного масштаба. Эпицентром его стали органы государственной безопасности в лице НКВД. Вождь уже на протяжении ряда лет выражал неудовлетворенность деятельностью органов. В 1935 году в связи с побегом во время этапирования одного из крупных военных чинов он писал Кагановичу: «Я думаю, что чекистская часть НКВД болеет серьезной болезнью. Пора заняться нам ее лечением»⁴⁷. К лечению НКВД Сталин как раз и приступил вскоре после завершения первого процесса. Находясь на отдыхе в Сочи, он отправил шифротелеграмму Кагановичу и Молотову, подписанную для того, чтобы это не выглядело сугубо единоличным решением, также и Ждановым, недавно ставшим секретарем ЦК партии. Вот текст этой, вошедшей в историю, телеграммы:

«Сталин, Жданов — Кагановичу, Молотову. 25 сентября 1936 г.

Москва. ЦК ВКП(б).

Т.т. Кагановичу, Молотову и другим членам Политбюро ЦК. Первое. Считаю абсолютно необходимым и срочным делом назначение тов. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода

явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей Наркомвнудела. Запом Ежова в Наркомвнуделе можно оставить Агранова.

Второе. Считаю необходимым и срочным делом снять Рыкова по Наркомсвязи и назначить на пост Наркомсвязи Ягоду. Мы думаем, что дело это не нуждается в мотивировке, так как оно и так ясно...

Четвертое. Что касается КПК (Комиссии партийного контроля — Н. К.), то Ежова можно оставить по совместительству председателем КПК с тем, чтобы он девять десятых своего времени отдавал Наркомвнуделу, а первым заместителем Ежова по КПК можно было бы выдвинуть Яковлева Якова Аркадьевича.

Пятое. Ежов согласен с нашими предложениями.

Сталин. Жданов⁴⁸.

Если говорить коротко, то телеграмма знаменовала собой вступление в период, получивший в советской истории емкое название ежовщины. Главный мотив, послуживший вождю предлогом для снятия Ягоды и замены его Ежовым, содержал в себе злоебный смысл. Опоздание на четыре года подразумевало, что необходимо наверстать упущенное и резко интенсифицировать кампанию чистки и репрессий. Что касается даты, от которой Сталин вел отсчет, то, очевидно, это прямо или косвенно связано с делом Рютина, когда стала усиленно муссироваться тема устранения Сталина. 1932 год, как было показано в соответствующей главе, был для него особенно тяжелым как по политическим, так и по личным причинам. Именно с этого времени он в дальнейшем станет считать, что разного рода партийные оппозиции, прежде всего троцкистско-зиновьевская, а также правая, перестали быть политическими оппонентами и полностью переродились в откровенно антисоветскую контрреволюционную коалицию. Вождь пришел к твердому убеждению, что любые выступления против него равносильны выступлениям против социалистического строительства, против государства вообще. Это был принципиально важный рубеж, предопределивший и серьезную перемену в политической стратегии Сталина в отношении бывших оппозиционеров. Если на XVII съезде он демонстрировал готовность «помиловать» своих бывших конкурентов в борьбе за власть и предоставить им возможность продолжать работу (правда, на сравнительно скромных постах), то отныне он взял безоговорочный курс на их устранение, в том числе и физическое.

Но если взглянуть вглубь причин назначения Ежова, то выяснится, что Сталин уже не доверял прежнему ОГПУ. Как и не питал особого доверия и к руководству Красной Армии. Ежов в глазах Сталина был именно тем человеком, на которого он возлагал обязанность, во-первых, расширить масштабы и рамки репрессий, во-вторых, радикально почистить органы безопасности от людей Ягоды. В-третьих, безжалостно и до конца выкорчевать все оставшиеся очаги оппозиции. Причем имелось в виду изничтожить их не только политически (это уже был свершившийся факт), сколько физически. В четвертых, репрессии не ограничивать пределами Москвы, Ленинграда и ряда других крупных городов, а распространить их, по существу, на всю страну. Благо что она широка и необъятна. Были, разумеется, другие соображения, о которых мы будем говорить по ходу изложения соответствующего материала.

⁴⁸ Сталин и Каганович. Переписка. С. 682–683.

В чисто человеческом измерении Ежов подходил для предназначавшейся ему роли. Он был безоглядно предан Сталину и готов был без малейшего сомнения и размышления исполнить любое его указание. Можно сказать, на лету ловил эти указания и немедленно претворял их в жизнь. По прежнему опыту работы Ежова вождь знал его как личность, не обремененную чувствами жалости, сострадания и справедливости. Если говорить проще, то его без преувеличения можно назвать политическим садистом. К тому же, в чисто личном плане новый нарком был повязан по рукам и ногам, поскольку страдал склонностью к алкоголизму и был гомосексуалистом. А последнее по советскому законодательству каралось как уголовное преступление. Бросая ретроспективный взгляд на нашу историю, кажется, что лучшей фигуры для реализации намечавшихся Сталиным планов трудно было и найти.

И Ежов приступил к работе. Вот что докладывал Каганович о первых шагах «сталинского карлика» (так называли Ежова из-за его маленького роста): «У т. Ежова дела идут хорошо. Взлся он крепко и энергично за выкорчевывание контрреволюционных бандитов, допросы ведет замечательно и политически грамотно. Но, видимо, часть аппарата, несмотря на то, что сейчас притихла, будет ему нелояльна. Взять, например, такой вопрос, который оказывается имеет у них большое значение, это вопрос о звании. Ведутся разговоры, что генеральным комиссаром остается все же Ягода, что де Ежову этого звания не дадут и т. д. Странно, но эта «проблема» имеет в этом аппарате значение. Когда решали вопрос о наркоме, этот вопрос как-то не ставился. Не считаете ли, т. Сталин, необходимым этот вопрос поставить?»⁴⁹

С присвоением наркому внутренних дел Ежову звания генерального комиссара государственной безопасности проблемы не существовало. Вскоре он по воле вождя получил звание, равнозначное маршалу, и теперь ни в чем не уступал своему предшественнику. Не уступал — не то слово. Он его многократно и по всем параметрам превзошел в удивительно короткие сроки. К примеру, уже через несколько дней по инициативе то ли Ежова, то ли кого-то другого Политбюро в опросном порядке принимает постановление «Об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам».

В нем говорилось:

«Утвердить следующую директиву об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам:

а) До последнего времени ЦК ВКП(б) рассматривал троцкистско-зиновьевских мерзавцев как передовой политический и организационный отряд международной буржуазии.

Последние факты говорят, что эти господа скатились еще больше вниз и их приходится теперь рассматривать как разведчиков, шпионов, диверсантов и вредителей фашистской буржуазии в Европе.

б) В связи с этим необходима расправа с троцкистско-зиновьевскими мерзавцами, охватывающая не только арестованных, следствие по делу которых уже закончено, и не только подсудимых вроде Муралова, Пятакова, Белобородова и других, дела которых еще не закончены, но и тех, которые были раньше высланы».

⁴⁹ Сталин и Каганович. Переписка. С. 702. 180-183. 1990.

В личном архиве Ежова обнаружен рукописный проект этого постановления. В нем имеется не вошедший в окончательный текст постановления третий пункт следующего содержания: «3. В общей сложности расстрелять не менее тысячи человек. Остальных приговорить к 10 — 8 годам заключения плюс столько же лет ссылки в северные районы Якутии»⁵⁰.

Сразу виден размах, которого так от него ждали!

Центральной задачей во второй половине 1936 года для Ежова явилась подготовка и проведение второго большого показательного процесса, на котором оказалось семнадцать обвиняемых. Сам процесс состоялся в январе 1937 года. Главными фигурами среди обвиняемых были Пятаков, Серебряков, Радек и Сокольников. У членов партии, по крайней мере тех, кто был знаком с ленинским завещанием, четко отложилось в памяти характеристика, данная Пятакову. «Пятаков — человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством...» Ко времени своего ареста Пятаков стал государственным деятелем весьма высокого ранга. Он работал заместителем Орджоникидзе по руководству Народным комиссариатом тяжелой промышленности. Фактически он стоял у руля советской промышленности и многие считали — и не без оснований — что именно ему страна в первую очередь обязана успешным выполнением первой и второй пятилеток. Он показал себя выдающимся организатором производства: компетентным, деловым, требовательным, все свои силы, отдававшим исключительно работе. А Орлов в своей книге приводит такой эпизод, характеризующий отношение Пятакова к вождю: «Из донесения НКВД знал он и о том, что в разговоре с группой друзей Пятаков однажды высказался так: «Я не могу отрицать, что Сталин является посредственностью и что он не тот человек, который должен бы стоять во главе партии; но обстановка такова, что, если мы будем продолжать упорствовать в оппозиции Сталину, нам в конце концов придется оказаться в ещё худшем положении: наступит момент, когда мы будем вынуждены повиноваться какому-нибудь Кагановичу. А я лично никогда не соглашусь подчиняться Кагановичу!»⁵¹

Другие фигуранты процесса также хорошо были известны в стране. Серебряков короткое время состоял членом Оргбюро и секретариата ЦК (сразу же после учреждения этих органов). Сокольников считался творцом финансовой реформы начала 20-х годов, был кандидатом в члены Политбюро в середине 20-х годов, затем играл весьма активную роль в зиновьевской оппозиции, за что подвергался исключению из партии. Радек имел в партии репутацию прекрасного, но довольно путанного публициста, склонного к вопросам теории. Сталин охотно пользовался его услугами в борьбе со своими оппонентами. Тем более что делать это было легко ввиду феноменальной беспринципности Радека.

При подготовке второго показательного процесса были учтены и накладки, имевшие место в первом процессе. На этот раз, чтобы склонить подсудимых к признанию, в печати было опубликовано соответствующее изменение в уголовном законодательстве, позволявшее подсудимым рассчитывать на сохранение жизни в случае их чистосердечного признания своих преступлений. Без этого подсудимые, помня вердикт проведенного в августе процесса, могли оказаться не столь уж и сговорчивыми. Ведь при сохранении прежних положений им светила только одна перспектива — расстрел.

⁵⁰ Реабилитация : как это было. Февраль 1956 – начало 80-х годов. С. 563.

Александр Орлов. Тайная история сталинских преступлений. (Пятаков). (Электронный вариант).

Арестованные по делу так называемого «Параллельного антисоветского троцкистского центра» в ходе следствия подвергались той же процедуре запугивания, допросов с пристрастием (т. е. всякого рода физическим и моральным пыткам), шантажу. Широко применялись ночные и изнурительные по продолжительности допросы с применением так называемой конвейерной системы и многочасовых «стоек», когда допрашиваемому не разрешали садиться на протяжении многих часов. Не последнюю роль играли и обещания сохранить жизнь в случае лояльного поведения на суде. Если говорить о предъявленных им обвинениях, то они были в каком-то смысле стандартными. Подсудимые, мол, в качестве основной своей задачи ставили свержение Советской власти в СССР. Для достижения этой цели участники центра якобы развернули широкую вредительско-диверсионную, шпионскую и террористическую деятельность. Им вменялось в вину и то, что для непосредственного руководства антисоветской деятельностью на местах в некоторых крупных городах СССР были созданы местные троцкистские центры. Обвиняемых также выставляли в роли козлов отпущения за многочисленные недостатки в снабжении населения продовольствием, промтоварами и т. п. Они должны были признать, что их диверсионная и вредительская работа заключалась в срыве планов производства, ухудшении качества продукции, в организации поджогов и взрывов заводов или отдельных цехов и шахт, крушений поездов, порче железнодорожного пути и т. д. Кроме того, подсудимые были обвинены в шпионаже в пользу германской и японской разведок, а также в создании нескольких террористических групп с целью совершения покушений на руководителей партии и государства. Словом, набор обвинений явно тянул чуть ли не на все статьи уголовного кодекса.

Следует подчеркнуть, что Сталин лично просматривал протоколы допросов обвиняемых и вносил свои собственные коррективы. В русле его директивных указаний шел весь ход следствия. Однако большинство обвиняемых по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра» длительное время категорически отрицало свою виновность. Многие обвиняемые, давая требуемые от них показания, делали это, по их словам, прежде всего в интересах окончательного разоблачения и разгрома троцкизма.

Особо следует сказать о Пятакове. После того, как на предыдущем процессе в показаниях подсудимых его фамилия промелькнула в числе тех, кто замешан в делах антисоветской направленности, он обратился с письмом к Сталину, а также имел беседу с Ежовым. Во время этой беседы, проходившей еще до начала первого процесса, он просил назначить его обвинителем на процессе. Причем такое назначение рассматривал бы как акт огромнейшего доверия ЦК и шел на это от души. Считал, что после процесса, на котором он выступит в качестве обвинителя, доверие ЦК к нему укрепитя, несмотря на арест бывшей жены. Далее, он просил предоставить ему любую форму (по усмотрению ЦК) реабилитации. В частности, от себя внес предложение разрешить ему лично расстрелять всех приговоренных к расстрелу по процессу, в том числе и свою бывшую жену, и опубликовать это в печати. В личном письме на имя Сталина Пятаков имеющиеся на него показания назвал клеветническими и заверял, что бесповоротно рассчитался со своими прошлыми политическими ошибками, старается на деле проводить линию партии и готов умереть за партию и Сталина⁵².

⁵² Реабилитация. Политические процессы 30 – 50-х годов. С. 219.

Но все было напрасно. Пятаков, как и другие, предстал перед судом и прошел, как говорится, всю заранее отработанную процедуру выбивания признаний. Интересно процитировать некоторые пассажи из последних слов подсудимых. Так, Пятаков произнес весьма прочувствованную речь, искренность которой может даже смутить доверчивого человека. Невольно зарождается сомнение: за него писали, а он только зачитывал свое последнее слово. Вот пассажи из него: «Ведь самое тяжелое, граждане судьи, для меня это не тот приговор справедливый, который вы вынесете. Это сознание прежде всего для самого себя, сознание на следствии, сознание вам и сознание всей стране, что я очутился в итоге всей предшествующей преступной подпольной борьбы в самой гуще, в самом центре контрреволюции, — контрреволюции самой отвратительной, гнусной, фашистского типа, контрреволюции троцкистской...»

Я не стану говорить, граждане судьи, — было бы смешно здесь об этом говорить, — что, разумеется, никакие методы репрессий или воздействия в отношении меня не принимались. Да эти методы, для меня лично по крайней мере, не могли явиться побудительными мотивами для дачи показаний. Не страх являлся побудительным мотивом для рассказа о своих преступлениях»³³

Но всех перещеголял Радек. Он говорил с пафосом, обличая себя и тем самым как бы зарабатывая себе право на жизнь. «Я признал свою вину и дал полные показания о ней, не исходя из простой потребности раскаяться, — раскаяние может быть внутренним сознанием, которым можно не делиться, никому не показывать, — не из любви вообще к правде, — правда эта очень горька, и я уже сказал, что предпочел бы три раза быть расстрелянным, чем ее признать, — а я должен признать вину, исходя из оценки той общей пользы, которую эта правда должна принести. И если я слышал, что на скамье подсудимых сидят просто бандиты и шпионы, то я против этого возражаю, возражаю не с точки зрения защиты себя, потому что, если я признал измену родине, то изменял ли я ей в сговорах с генералами, с моей точки зрения, человеческой, это мало значит, и нет у меня профессионального высокомерия, — что допускается предавать с генералами, а не допускается с агентами.

А дело состоит в следующем — процесс этот показал два крупных факта: сплетение контрреволюционных организаций со всеми контрреволюционными силами страны. Это один факт. Но этот факт есть громадное объективное доказательство... Но процесс — двуцентрический, он имеет другое громадное значение. Он показал кузницу войны и он показал, что троцкистская организация стала агентурой тех сил, которые готовят новую мировую войну»³⁴.

Как видно, он с усердием отработывал полученное задание, не жалел красок, чтобы ярче обрисовать всю картину преступлений, вменяемых ему и его сопроцессникам. Но у него была еще одна задача, точнее сверхзадача — он должен был подвести базу под обвинения, готовившиеся в отношении Бухарина и других бывших правых. В этом состояла одна из главных целей проводившегося судебного спектакля. Видимо, таковой являлась цена, заплаченная им за обещание вождя сохранить ему жизнь. И Радек не обманул возлагавшихся на него надежд. В своем последнем слове он, как бы вспомнив о чем-то чрезвычайно важном, заявил: «Я признаю за собою еще одну вину: я, уже признав свою вину и раскрыв организацию, упорно отказывался давать показания о Бухарине. Я знал: положение Бухарина такое же безнадежное, как и мое, потому что вина у нас, если не

³³ Процесс антисоветского троцкистского центра. М. 1937. С. 223.

³⁴ Процесс антисоветского троцкистского центра. С. 225.

юридически, то по существу, была та же самая. Но мы с ним — близкие приятели, а интеллектуальная дружба сильнее, чем другие дружбы. Я знал, что Бухарин находится в том же состоянии потрясения, что и я, и я был убежден, что он даст честные показания советской власти. Я поэтому не хотел приводить его связанного в Наркомвнудел. Я так же, как и в отношении остальных наших кадров, хотел, чтобы он мог сложить оружие. Это объясняет, почему только к концу, когда я увидел, что суд на носу, понял, что не могу явиться на суд, скрыв существование другой террористической организации»⁵⁵.

Между прочим, в ходе судебного заседания произошел эпизод, который даже трудно назвать — был ли он трагикомическим или просто комическим. Радек в своем последнем слове обратился: «Товарищи судьи...» Последовала немедленная реакция:

«Председательствующий: Подсудимый Радек, не «товарищи судьи», а граждане судьи.

Радек: Извиняюсь, граждане судьи»⁵⁶.

Итак, судебный спектакль подошел к своему закономерному финалу. На этот раз прокурор Вышинский не требовал расстрелять подсудимых, как бешеных собак — всех до одного. Сталин сознательно предусмотрел для данного процесса несколько иной сценарий. Ведь в ближайшее время предстоял еще один, возможно, самый важный открытый судебный процесс. Поэтому и вердикт суда показался сравнительно «мягким», если здравый смысл позволяет использовать в данном случае это определение.

Суд приговорил Пятакова, Серебрякова, Муралова и еще десяти других подсудимых к расстрелу. Сокольников и Радек, а также два других второстепенных персонажа этого судебного спектакля получили по 10 лет тюремного заключения. Но судьба, так сказать, пощаженных, оказалась практически такой же, как и расстрелянных: в мае 1939 года Сокольников и Радек были убиты сокамерниками в тюрьме⁵⁷.

Перед Сталиным стояла теперь задача окончательно решить судьбу Бухарина, Рыкова и других. Несмотря на отработанные шаблоны, здесь нужно было действовать иначе. Поскольку Бухарин и Рыков являлись кандидатами в члены ЦК. Это в дальнейшем Сталин перестал считаться с такой, на его взгляд, второстепенной деталью, как членство в Политбюро и в ЦК партии. В то время, как говорится, наплевать на это он просто не мог. Необходимо было подготовить как саму большевистскую верхушку, так и всех членов партии, а также общество к физической расправе над «любимцем партии» и его соратниками.

Такая подготовка протекала поэтапно и заняла некоторое время. Первый важный компонент будущих обвинений — показания жертв предшествующих процессов уже были получены. Нужно было все это, как принято сейчас говорить, раскрутить. Эту роль призваны сыграть пленумы ЦК партии.

Первая артиллерийская подготовка была начата на декабрьском пленуме 1936 года. К сожалению, сохранились только части стенограммы заседаний. С наиболее важными и интересными моментами этих заседаний я и познакомлю читателя.

На пленуме доклад о группе Бухарина делал Ежов. Он состоял из набора обвинений, в той или иной форме уже высказывавшихся в адрес Бухарина и Рыкова ранее. Одно из центральных заключалось в подготовке террористического акта в отношении Сталина, для

⁵⁵ Процесс антисоветского троцкистского центра. С. 231.

⁵⁶ Там же. С. 228–229.

⁵⁷ Реабилитация. Политические процессы 30 – 50-х годов. С. 215–216.

чего были созданы две группы. В этом контексте интересен диалог между Сталиным и докладчиком. Ежов: «Первая должна была готовить террористический акт на т. Сталина, вторая — террористический акт на т. Кагановича». (*Сталин*. А при чем здесь Рыков?) Это Яковлев говорил. (*Сталин*. А Рыков при чем?) Яковлев дает показания, о том, что центр, который был осведомлен о террористических намерениях троцкистско-зиновьевского блока, сам персонально через своих членов считал необходимым перейти к методам террора. И он называет состав центра из: Рыкова, Томского, Шмидта, Котова и Угланова. (*Сталин*. Кто он? Кто называет?) Угланов это называет, Куликов, Яковлев. (*Сталин*. Об этом есть показания Яковлева?) Да»⁵⁸.

Бухарин с гневом и возмущением отвергал все показания, смысл которых сводился к тому, что он замешан в планах организации террористических акций против Сталина и ряда других членов советского руководства. Он не отрицал своего разговора с Радеком и объяснял его следующим образом: «Я говорил, что надо мной тяготеет такое же обвинение, как и над ним. Я рассматривал его как товарища по несчастью. Я не отрекаюсь. Поймите же, когда человек совершенно одинок, когда у него нет никого, с кем он мог бы поделиться, и когда над ним такое обвинение тяготеет, он станет искать притыка и он приткнется к любому теплему месту. Радек по сути дела находился в таком же положении, как и я, и я приткнулся к нему...

Сталин. Когда имеется тысяча показаний против тебя, ты не волнуйся, подожди, хотим выяснить, когда имеются показания таких людей, как Куликов — он же считался честным человеком...

Бухарин. Я не видел Куликова с 1928 года.

Сталин. Имеется показание такого человека, как Куликов, Угланов, Сосновский... Почему они должны врать на вас? Они могут врать, но почему? Можем мы это скрыть от пленума? Ты возмущаешься, что мы поставили этот вопрос на пленуме, и вот ты стоишь перед фактом.

Бухарин. Я возмущаюсь не тем, что этот вопрос поставлен на пленуме, а тем, что Николай Иванович (имеется в виду Н. И. Ежов — Н. К.) делает заключение, что я знал о терроре, виноват в терроре и прочее»⁵⁹.

Оправдывался на пленуме и Рыков, приводя очевидные аргументы, опровергающие обвинения в его адрес. И вот реакция на все это Сталина:

«*Сталин*. Видите ли, после очной ставки Бухарина с Сокольниковым у нас создалось мнение такое, что для привлечения к суду тебя и Бухарина нет оснований. Но сомнение партийного характера у нас осталось. Нам казалось, что и ты, и Томский, безусловно, может быть, и Бухарин, не могли не знать, что эти сволочи какое-то черное дело готовят, но нам не сказали. (*Голоса с мест*. Факт.)

Бухарин. Ну что вы, товарищи, как вам не совестно.

Сталин. Я говорю, что это было только потому, что нам казалось, что этого мало для того, чтобы привлекать вас к суду.

Бухарин. Тов. Сталин, но правда или нет, как только я случайно узнал об этом деле, я сейчас же, будучи у черта на куличках, сел на самолет, послал тебе телеграмму, т. Сталин. Я считал совершенно элементарным, что если меня оговорили, то мне дадут очную ставку.

⁵⁸ "Вопросы истории". 1995 г. № 1. С. 6.

⁵⁹ Там же. С. 7.

(*Сталин*. Я сказал, не трогать Бухарина, подождать.». И далее : *Сталин*. Не хотели вас суду предавать, пощадили, виноват, пощадили»⁶⁰).

Рискуя переборщить по части цитирования, я тем не менее продолжу его. Поскольку считаю, что высказанные Сталиным соображения достаточно адекватно и полно передают логику его политического мышления. Это, с одной стороны. С другой, читатель убедится, что вождь был хорошим полемистом и умел нащупывать слабые места в аргументации своих оппонентов. Так что в итоге создавалось впечатление, что Сталин озабочен лишь одним — установлением истины, а отнюдь не чувствами мести и т. п.

«*Сталин*. Я хотел два слова сказать, что Бухарин совершенно не понял, что тут происходит. Не понял. И не понимает, в каком положении он оказался, и для чего на пленуме поставили вопрос. Не понимает этого совершенно. Он бьет на искренность, требует доверия. Ну хорошо, поговорим об искренности и о доверии.

Когда Каменев и Зиновьев заявили в 1932 г., что они отрекаются от своих ошибок и признают позицию партии правильной, им поверили. Поверили потому, что предполагали, что коммунисту — бывшему или настоящему — свойственна идейная борьба, этот идейный бывший или настоящий коммунист борется за свою идею. Если человек открыто сказал, что он придерживается линии партии, то, по общеизвестным утвердившимся в партии Ленина традициям, партия считает — значит человек дорожит своими идеями и он действительно отрекся от своих ошибок и стал на позиции партии. Поверили — ошиблись. Ошиблись, т. Бухарин. Да, да. Когда Смирнов и Пятаков заявили, что они отрекаются от своих взглядов, открыто заявили об этом в печати, мы им поверили. Тоже исходили при этом из того, что люди выросли на марксистской школе, очевидно, дорожат своей позицией, своими идеями, их не скрывают, за них борются. Поверили, орден Ленина дали, двигали вперед и ошиблись. Верно, т. Бухарин? (*Бухарин*. Верно, верно, я говорил то же самое.)...»

Сталин продолжал: «Радек до последнего времени, до вчерашнего дня все пишет мне письма. Мы задержали дело его ареста, хотя оговоров было сколько угодно с разных сторон. Все, сверху донизу, оговаривают Радека. Мы задержали дело его ареста, а потом арестовали. Вчера и позавчера я получил длинное письмо от него, в котором он пишет: страшное преступление совершается. Его — человека искреннего, преданного партии, который любит партию, любит ЦК и прочее и прочее, хотят его подвести. Неправильно это. Вы можете расстрелять или нет, это ваше дело. Но он бы хотел, чтобы его честь не была посрамлена. А что он сегодня показал? Вот, т. Бухарин, что получается. (*Бухарин*. Но я ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра ничего не могу признать. *Шум в зале*.) Я ничего не говорю лично о тебе. Может быть, ты прав, может быть — нет. Но нельзя здесь выступать и говорить, что у вас нет доверия, нет веры в мою, Бухарина, искренность. Это ведь все старо. И события последних двух лет это с очевидностью показали, потому что доказано на деле, что искренность — это относительное понятие. А что касается доверия к бывшим оппозиционерам, то мы оказывали им столько доверия... (*Шум в зале. Голос с мест*. Правильно!) Сечь надо нас за тот максимум доверия, за то безбрежное доверие, которое мы им оказывали.

Вот вам искренность и вот вам доверие! Вот почему мы этот вопрос ставим на пленуме ЦК. Но из-за того, что Бухарин может обидеться и возмущаться, мы должны скрывать это?

⁶⁰ "Вопросы истории" 1995 г. № 1. С. 8.

Нет, чтобы этого не скрывать, надо поставить вопрос на пленуме. Более того, бывшие оппозиционеры пошли на еще более тяжкий шаг для того, чтобы сохранить хотя бы крупицу доверия с нашей стороны и еще раз продемонстрировать свою искренность, — люди стали заниматься самоубийствами. Ведь это тоже средство воздействия на партию. Ломинадзе кончил самоубийством, он хотел этим сказать, что он прав, зря его допрашивают и зря его подвергают подозрению. А что оказалось? Оказалось, он в блоке с этими людьми. Поэтому он и убили, чтобы замести следы.

Так это политическое убийство — средство бывших оппозиционеров, врагов партии сбить партию, сорвать ее бдительность, последний раз перед смертью обмануть ее путем самоубийства и поставить ее в дурацкое положение»⁶¹.

Не мог вождь обойти вопрос и о самоубийстве Томского, поскольку даже среди членов ЦК, не говоря уже о массе членов партии, было распространено убеждение, что такой сильный по характеру человек, каким был Томский, не пойдет на самоубийство, если не придет к выводу, что все средства доказать свою невиновность абсолютно недейственны, что Сталин и его ближайшее окружение не собираются всерьез их рассматривать. Сталину важно было доказать, что даже акт самоубийства отнюдь не свидетельствует о том, что таким путем человек хочет доказать свою невиновность. Важно было изобразить дело так, что и самоубийство является предательством по отношению к партии. Поэтому вождь и затронул тему самоубийства Томского.

Вот как он закончил свою, надо сказать, весьма откровенную и поучительную речь, где внешняя логическая убедительность служила всего лишь прикрытием и оправданием политического и, в конечном счете, уголовного преследования своих оппонентов. «Я бы вам посоветовал, т. Бухарин, подумать, почему Томский пошел на самоубийство, и оставил письмо — «чист». А ведь тебе видно, что он далеко был не чист. Собственно говоря, если я чист, я — мужчина, человек, а не тряпка, я уж не говорю, что я — коммунист, то я буду на весь свет кричать, что я прав. Чтобы я убили — никогда! А тут не все чисто. *(Голоса с мест. Правильно!)* Человек пошел на убийство потому, что он боялся, что все откроется, он не хотел быть свидетелем своего собственного всесветного позора... Вот вам одно из самых последних острых и самых легких средств, которым перед смертью, уходя из этого мира, можно последний раз плюнуть на партию, обмануть партию. Вот вам, т. Бухарин, подоплека последних самоубийств. И Вы, т. Бухарин, хотите, чтобы мы вам на слово верили? *(Бухарин. Нет, я не хочу.)* Никогда, ни в коем случае. *(Бухарин. Нет, не хочу.)*

А если вы этого не хотите, то не возмущайтесь, что мы этот вопрос поставили на пленуме ЦК. Возможно, что Вы правы, Вам тяжело, но после всех этих фактов, о которых я рассказывал, а их очень много, мы должны разобраться. Мы должны объективно, спокойно разобраться. Мы ничего, кроме правды, не хотим, никому не дадим погибнуть ни от кого. Мы хотим доискаться всей правды объективно, честно, мужественно. И нельзя нас запугать ни слезливостью, ни самоубийством. *(Голоса с мест. Правильно! Продолжительные аплодисменты.)*»⁶²

Как видим, вождь умел красиво подать даже самые темные свои дела и замыслы. Его, якобы, ничего кроме правды не устраивало. Факты, однако, говорили совсем о другом. Речь шла не о выяснении истины, а о том, чтобы собрать необходимое количество

⁶¹ "Вопросы истории" 1995 г. № 1. С. 10–11.

⁶² "Вопросы истории". 1995 г. № 1. С. 11.

псевдофактов и заведомо ложных свидетельств, чтобы исключить Бухарина и Рыкова из партии, а затем предать суду, причем приговор суда заранее был predetermined.

Бухарин все еще продолжал оказывать сопротивление, хотя заранее было ясно, что он и его товарищи обречены. В своем заявлении в адрес пленума он четко выразил характер происходящего и сделал единственно логичный вывод, который вскоре был полностью подтвержден ходом событий. «Обвинения, выдвинутые против меня на пленуме, представляются мне просто чудовищными по своему характеру. Но я хочу обратить внимание и на другие стороны дела. Что получается? По разъяснениям т. Кагановича выходит, что пленум ставит вопрос не юридически, а политически. Из хода прений вытекает, что речь идет об общей политической оценке таких-то обвиняемых или подозреваемых, а дальше, после решения пленума, последуют очные ставки, подробный анализ фактов и т. д.

Что же такое политическая оценка с этой точки зрения? Она выражается в предложениях резолютивного характера: вывести из состава ЦК, исключить из партии, предать суду и т. д. Это есть (или что-либо другое, дискриминирующее) решение наивысшей партия инстанции. Что же тогда остается на долю дальнейшего следствия? Ясно: оправдать во что бы то ни стало обязательное решение, обязательное для следователя, обязательное для судебного следователя, обязательное для судьи (если дело доходит до суда), обязательное — как это ни странно — даже для подсудимого, если он еще член партии. Не может следствие обелить того, кто политически очернен высшей партийной инстанцией»⁶³.

Бухарин как в воду глядел: все дальнейшее происходило по сценарию, им описанному. На самом же пленуме было принято решение продолжать расследование дела и вернуться к нему еще раз на ближайшем пленуме ЦК партии. Это был, конечно, не финал, а лишь промежуточная ступень восхождения на политическую Голгофу. Сначала политическую, а потом и просто Голгофу.

5. Бараны, идущие на бойню: февральско-мартовский пленум 1937 года

По мере приближения срока начала очередного пленума ЦК ситуация становилась все более напряженной. Сталин замыслил провести не просто пленум, а настоящее генеральное наступление против остатков уже капитулировавшей оппозиции. Но не в этом заключалась главная задумка вождя. Он решил провести пленум в такой направленности и в такой тональности, чтобы он явился сигналом для проведения широкомасштабной кампании репрессий буквально во всех областях жизни страны. Необходимо было создать обстановку осажденной крепости и задействовать все рычаги для осуществления поставленной цели. В повестке дня стояли разные вопросы, но все они сводились к борьбе с врагами народа, с вредительской и подрывной деятельностью в ведущих отраслях промышленности. Главными докладчиками должны были выступить, кроме Ежова,

⁶³ "Вопросы истории". 1995 г. № 1. С. 17.

Орджоникидзе, отвечавший за тяжелую промышленность, Каганович, руководивший транспортом, а также сам вождь — с основным, целеопределяющим докладом. Кроме того, предстояло окончательно решить в партийном порядке вопрос о Бухарине и Рыкове. Словом, есть основания сказать, что репрессии были единственным и главным пунктом повестки дня. О значении и месте этого поистине зловещего пленума в истории нашей страны и в политической биографии Сталина речь пойдет позднее. Сначала рассмотрим события, предшествовавшие началу пленума.

Буквально накануне открытия пленума покончил жизнь самоубийством Г. К. Орджоникидзе, влиятельный член Политбюро, нарком тяжелой промышленности и один из ближайших соратников и друзей Сталина. Пришлось искать другого докладчика, и им стал Молотов. В официальной печати было сообщено, что Орджоникидзе скончался скоропостижно в результате болезни сердца. Сталин не мог допустить, чтобы истинная версия происшедшего каким-либо образом стала достоянием известности: утечка подобной информации, вне всяких сомнений, была бы колоссальным ударом по авторитету вождя и в известной мере могла поставить под вопрос ужесточение курса на репрессии. Именно поэтому власти делали все, чтобы официальная версия смерти Орджоникидзе не вызвала ни малейшего сомнения или вопросов. После гибели Орджоникидзе вокруг его имени усиленно создавался ореол верного сторонника Сталина, торжественно отмечались годовщины смерти, публиковались многочисленные мемуары о жизни наркома, в особенности о последних днях, из которых следовало одно: смерть была внезапной, обусловленной чисто медицинскими причинами. Серго был в прекрасном настроении, переполнен замыслами и планами. Любая информация, в том числе и слухи о подлинной причине его гибели, беспощадно пресекались, приравниваясь к злостной антисоветской пропаганде.

В рамках тома, естественно, нет возможности подробно рассмотреть вопросы взаимоотношений Сталина и Орджоникидзе, а также все обстоятельства, предшествовавшие роковому событию — его самоубийству. Тех, кто интересуется этим, можно отослать к небольшому по объему, но весьма содержательному, хорошо документированному исследованию О. Хлевнюка. В нем на базе архивных источников и других материалов проанализированы практически все этапы взаимоотношений между Сталиным и Орджоникидзе, в особенности в период разгула репрессий.

Итак, возникает вопрос: почему Орджоникидзе покончил жизнь самоубийством? И действительно ли он покончил с собой или был застрелен по приказу Сталина? Имеющиеся в распоряжении историков факты позволяют дать на эти вопросы если не вполне исчерпывающие ответы, то по крайней мере выдвинуть вполне убедительные, построенные на анализе объективных фактов, версии.

По некоторым свидетельствам, накануне пленума при обсуждении на Политбюро вопроса о борьбе с вредительством С. Орджоникидзе сказал, что никакого вредительства в тяжелой промышленности нет. Сталин оборвал его: — Ты ничего не понимаешь или делаешь вид, что не понимаешь. Иди отсюда. — Орджоникидзе, не закончив доклада, ушел⁶⁴.

Сталин не хотел открыто демонстрировать перед другими, что у него с Орджоникидзе существуют серьезные разногласия, и прежде всего по вопросам расширения фронта репрессий. Не говоря уже о том, что серьезные стычки происходили на почве того, что

⁶⁴ О. В. Хлевнюк. Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 30-е годы. М. 1993. С. 114

Серго часто выступал в защиту сотрудников своего наркомата, которых подвергали арестам и преследованиям как замаскированных троцкистов, зиновьевцев и бухаринцев, или же агентов иностранных разведок. Известно, что Орджоникидзе пытался весьма энергично защитить Пятакова, высоко ценимого им не только в качестве своего заместителя по наркомату, но и как весьма компетентного организатора и руководителя промышленности. Однако эта попытка провалилась — Сталин не вынял доводам Серго. Да и как Орджоникидзе мог оказать помощь Пятакову, если он сам находился под угрозой. Об этом свидетельствует хотя бы такой красноречивый факт: его родной брат П. Орджоникидзе был арестован и против него выдвигались отнюдь не шуточные обвинения. Если он был не в состоянии помочь своему брату, то это говорит о многом. Ситуация была уже за рамками критической.

Но это еще не все. В квартире самого Орджоникидзе сотрудниками НКВД был произведен обыск, что, конечно, выходило за все пределы допустимого в отношении действующего члена Политбюро. Даже учитывая обстановку тех лет. Когда Орджоникидзе вернулся домой, он сразу же позвонил Сталину, но тот спокойно ему заметил: — «Серго, что ты волнуешься? Этот орган может в любой момент произвести обыск и у меня. — «Значит, над правительством и Политбюро стоит госбезопасность, которая руководит ими?» — якобы, ответил Орджоникидзе. Сталин пригласил Орджоникидзе к себе для разговора. Серго бросился на улицу без верхней одежды и за ним, взяв шинель и папаху мужа, поспешила его жена Зинаида Гавриловна. Ждать у дома, где жил Сталин, ей пришлось около полутора часов. «Серго высочил от Сталина очень взволнованный, не стал одеваться и побежал к себе домой»⁶⁵.

Уже после гибели Серго ходили слухи, что на предстоявшем пленуме ЦК он якобы намеревался выступить против курса Сталина на дальнейшее расширение репрессий и что, таким образом, имелись шансы остановить террор. Зная обо всем этом, Сталин якобы поручил начальнику охраны Ежова убить Орджоникидзе. И Серго был застрелен у себя на квартире⁶⁶.

Все эти версии выглядят всего лишь предположениями, не подкрепленными фактами и реальными доказательствами. Изображать Орджоникидзе политическим антиподом Сталина нет никаких серьезных оснований. Конечно, в силу своего характера (он был чрезвычайно вспыльчив) у него нередко бывали конфликты со Сталиным, порожденные, видимо, не столько горячностью и темпераментом Серго, сколько грубостью вождя. Это нашло свое косвенное отражение даже в переписке между ними. В одном из писем Сталина есть такая примечательная концовка: «Не ругай меня за грубость и, может быть, излишнюю прямоту. Впрочем, можешь ругать сколько влезет.

Твой И. Сталин»⁶⁷.

Конечно, неправильно было бы полагать, что ухудшение личных отношений со Сталиным не влияло на отношение Орджоникидзе и к политическому курсу вождя. Очевидно, поворот в личных отношениях в значительной мере был предопределен и различиями в подходе к политическим проблемам, прежде всего к вопросу о репрессиях. Об этом можно судить на основании воспоминаний А. Микояна. О самоубийстве Серго он писал следующее: «За 3 — 4 дня до самоубийства мы с ним вдвоем ходили вокруг Кремля

⁶⁵ О. В. Хлевнюк. Сталин и Орджоникидзе. С. 116.

⁶⁶ Там же. С. 122.

⁶⁷ Сталин и Каганович. Переписка. С. 711.

ночью перед сном и разговаривали. Мы не понимали, что со Сталиным происходит, как можно честных людей под флагом вредительства сажать в тюрьму и расстреливать. Серго сказал, что у него нет сил дальше так работать. «Сталин плохое дело начал. Я всегда был близким другом Сталину, доверял ему, и он мне доверял. А теперь не могу с ним работать, я покончу с собой».

Я был удивлен и встревожен его выводом, поскольку до этого его высказывания были иными. Я стал его уговаривать, что он неправильно рассуждает, что самоубийство никогда не было средством решения той или иной проблемы. Это не решение проблемы, а уход от нее. И другие аргументы приводил. Мне казалось, что я его убедил. Несколько успокоились и пошли спать»⁶⁸.

Как видим, здесь личные отношения тесно переплелись с политическими проблемами. Но в данном случае акцент следует сделать не на личных отношениях, а на политической позиции Орджоникидзе. И здесь, мне думается, прав О. Хлевнюк, который выражает серьезные сомнения относительно намерения Орджоникидзе выступить против курса Сталина на ужесточение чистки и репрессий на предстоящем пленуме. Орджоникидзе, конечно, хорошо понимал реальный расклад сил в руководстве партии, потому что сам приложил руку к невероятному укреплению единоличной власти Сталина, опиравшегося на всевластное НКВД. Что, наконец, мог сказать Орджоникидзе на пленуме? Выразить недоверие НКВД и Ежову? В устах Орджоникидзе, вокруг которого одного за другим арестовывали ближайших сотрудников и даже родственников, это могло выглядеть лишь как попытка оправдаться, шаг отчаяния и предвзятость. Орджоникидзе не мог не понимать, что на пленуме не найдут поддержки даже самые мягкие, безобидные намеки и призывы. И все его усилия перед пленумом, воспринимаемые теперь как подготовка к антисталинскому выступлению, скорее всего были ни чем иным, как попыткой переубедить Сталина накануне пленума, заставить его при помощи фактов и доказательств невиновности хозяйственников отказаться от намерений продолжать террор.

Вполне убедительно звучит вывод О. Хлевнюка в связи со всем этим делом:

Орджоникидзе вряд ли был готов вступить в серьезную борьбу со Сталиным. Для этого он был слишком сталинистом и слишком политически несамостоятельной фигурой. На фоне малообразованного Орджоникидзе (так же, как и Кагановича, Ворошилова и др.) Сталин выглядел и великим теоретиком, и выдающимся политиком. Сам Орджоникидзе не мог не понимать этого. Не удивительно, поэтому, что имеющиеся пока факты свидетельствуют скорее о том, что Орджоникидзе лишь пытался переубедить Сталина, хотя делал это настойчиво и, можно сказать, бесстрашно»⁶⁹.

Возвращаясь к основной теме нашего изложения, хочу акцентировать внимание на одном обстоятельстве. В своем заключительном слове на пленуме Сталин не случайно уделил немало внимания Орджоникидзе. Казалось бы, о мертвом говорят хорошо или вообще не говорят, однако Сталин, очевидно, сам серьезно озабоченный самоубийством Серго, счел допустимым высказать в его адрес ряд серьезных критических замечаний. Разумеется, сопроводив их общими словами похвалы, чтобы его замечания не воспринимались как проявление человеческого и политического цинизма. Я приведу эти высказывания здесь, по ходу изложения проблемы, хотя тем самым немного нарушаю общий и хронологический строй изложения материала.

⁶⁸ Анастас Микоян. Так было. С. 329.

⁶⁹ О. В. Хлевнюк. Сталин и Орджоникидзе. С. 142.

ночью перед сном и разговаривали. Мы не понимали, что со Сталиным происходит, как можно честных людей под флагом вредительства сажать в тюрьму и расстреливать. Серго сказал, что у него нет сил дальше так работать. «Сталин плохое дело начал. Я всегда был близким другом Сталину, доверял ему, и он мне доверял. А теперь не могу с ним работать, я покончу с собой».

Я был удивлен и встревожен его выводом, поскольку до этого его высказывания были иными. Я стал его уговаривать, что он неправильно рассуждает, что самоубийство никогда не было средством решения той или иной проблемы. Это не решение проблемы, а уход от нее. И другие аргументы приводил. Мне казалось, что я его убедил. Несколько успокоились и пошли спать»⁶⁸.

Как видим, здесь личные отношения тесно переплелись с политическими проблемами. Но в данном случае акцент следует сделать не на личных отношениях, а на политической позиции Орджоникидзе. И здесь, мне думается, прав О. Хлевнюк, который выражает серьезные сомнения относительно намерения Орджоникидзе выступить против курса Сталина на ужесточение чистки и репрессий на предстоящем пленуме. Орджоникидзе, конечно, хорошо понимал реальный расклад сил в руководстве партии, потому что сам приложил руку к невероятному укреплению единоличной власти Сталина, опиравшегося на всевластное НКВД. Что, наконец, мог сказать Орджоникидзе на пленуме? Выразить недоверие НКВД и Ежову? В устах Орджоникидзе, вокруг которого одного за другим арестовывали ближайших сотрудников и даже родственников, это могло выглядеть лишь как попытка оправдаться, шаг отчаяния и предвзятость. Орджоникидзе не мог не понимать, что на пленуме не найдут поддержки даже самые мягкие, безобидные намеки и призывы. И все его усилия перед пленумом, воспринимаемые теперь как подготовка к антисталинскому выступлению, скорее всего были ни чем иным, как попыткой переубедить Сталина накануне пленума, заставить его при помощи фактов и доказательств невиновности хозяйственников отказаться от намерений продолжать террор.

Вполне убедительно звучит вывод О. Хлевнюка в связи со всем этим делом:

Орджоникидзе вряд ли был готов вступить в серьезную борьбу со Сталиным. Для этого он был слишком сталинистом и слишком политически несамостоятельной фигурой. На фоне малообразованного Орджоникидзе (так же, как и Кагановича, Ворошилова и др.) Сталин выглядел и великим теоретиком, и выдающимся политиком. Сам Орджоникидзе не мог не понимать этого. Не удивительно, поэтому, что имеющиеся пока факты свидетельствуют скорее о том, что Орджоникидзе лишь пытался переубедить Сталина, хотя делал это настойчиво и, можно сказать, бесстрашно»⁶⁹.

Возвращаясь к основной теме нашего изложения, хочу акцентировать внимание на одном обстоятельстве. В своем заключительном слове на пленуме Сталин не случайно уделил немало внимания Орджоникидзе. Казалось бы, о мертвом говорят хорошо или вообще не говорят, однако Сталин, очевидно, сам серьезно озабоченный самоубийством Серго, счел допустимым высказать в его адрес ряд серьезных критических замечаний. Разумеется, сопроводив их общими словами похвалы, чтобы его замечания не воспринимались как проявление человеческого и политического цинизма. Я приведу эти высказывания здесь, по ходу изложения проблемы, хотя тем самым немного нарушаю общий и хронологический строй изложения материала.

⁶⁸ Анастас Микоян. Так было. С. 329.

⁶⁹ О. В. Хлевнюк. Сталин и Орджоникидзе. С. 142.

Сталин: «Вот тоже товарищ Серго, — он был у нас одним из первых, из лучших членов Политбюро, руководитель хозяйства высшего типа, я бы сказал, он тоже страдал такой болезнью: привяжется к кому-нибудь, объявит людей лично ему преданными и носится с ними, вопреки предупреждениям со стороны партии, со стороны ЦК. Сколько крови он себе испортил на то, чтобы цацкаться с Ломинадзе. Сколько крови он себе испортил, все надеялся, что он может выправить Ломинадзе, а он его надувал, подводил на каждом шагу. ..Сколько он крови себе испортил и нам сколько крови испортил, и он ошибся на этом, потому что он больше всех нас страдал и переживал, что эти люди, которым он больше всех доверял и которых считал лично себе преданными, оказались последними мерзавцами».

И далее Сталин продолжал: «Я хотел бы выдвинуть опять несколько фактов из области, так сказать, практической работы некоторых наших очень ответственных руководителей. Это было у товарища Серго, которого я уважаю не меньше, а больше, чем некоторые товарищи, но об ошибках его я должен здесь сказать для того, чтобы дать возможность и нам, и вам поучиться...» Сталин весьма подробно описал инцидент, связанный с Ломинадзе, которого Серго защищал перед Сталиным. Последний же убеждал, что Ломинадзе нельзя верить, что он обязательно проявит себя противником генеральной линии партии.

Сталин: «Оно так и вышло. Попался на большем. Ну, конечно, никто так не переживал эту трагедию, как Серго, потому что лично доверял человеку, а он его личное доверие обманул. Он требовал расстрела Ломинадзе. Такая крайность. От его защиты перешел к расстрелу. Мы сказали: «Нет, мы расстреливать его не будем, арестовывать не будем, даже исключать из партии не будем. Мы его просто выведем из состава ЦК». Вот вам пример, товарищи, пример человека, товарища Серго, через руки которого проходили десятки тысяч людей, который тысячи замечательных хозяйственников и партийцев вырастил. Вот, видите ли, вот такая штука получается, когда замазываешь, скрываешь ошибки товарища и вовремя его не одергиваешь, а, наоборот, прикрываешь, — губишь его, наверняка губишь»⁷⁰.

Говоря все это, Сталин хотел показать всем участникам пленума, что необходимо проявлять не просто требовательность, а занимать непримиримую позицию по отношению ко всем тем, кто выказывал хотя бы малейшее сомнение в правильности его политического курса. Более того, своей критикой в адрес Орджоникидзе вождь как бы давал ясное и недвусмысленное предупреждение всем участникам пленума — никакой пощады своим вчерашним товарищам по партии, никакого снисхождения к ним. И кроме того — и на это следует обратить внимание — он как бы косвенно подтверждал самоубийство Орджоникидзе и одновременно давал этому акту однозначную оценку, рассматривая это в качестве предательства по отношению к партии.

Но вернемся к основным темам повестки дня. Первым пунктом стоял вопрос о Бухарине и Рыкове. Чтение стенограммы пленума оставляет впечатление, что мы являемся свидетелями заседания не пленума ЦК партии большевиков, а своего рода коллегии инквизиции: настолько драматическими, а порой и трагическими выглядела сама процедура «выяснения» вины и поведение «судей». Накануне, исчерпав все мыслимые возможности доказать свою невиновность, Бухарин объявил голодовку. Этот шаг участники пленума сочли не только проявлением малодушия, но и шантажа по отношению к пленуму. Бухарин обратился с письмом к пленуму. В нем он демонстрировал свою

⁷⁰ См. Заключительное слово Сталина на пленуме. "Вопросы истории" 1995 г. № 11–12. С.14–17.

решимость стоять до конца: «Дорогие товарищи! Я обращаюсь к вам с настоящим письмом прежде, чем вы будете выносить решение по моему делу. Я вновь подтверждаю, что я абсолютно невиновен в возводимых на меня обвинениях, представляющих злостную и подлейшую клевету. Я в течение многих месяцев подвергаю мучительнейшей моральной пытке, меня объявляют соучастником троцкистских преступлений, против меня поднимаются массы, выносятся резолюции самого ужасного свойства, мое имя сделано позорным, меня политически уже убила подлая клевета троцкистов и правых, со мной можно сделать все, что угодно. Но я заявляю всем, что пройдя сквозь строй этих неслыханных мучений, самых страшных, я продолжаю бороться против вредительской клеветы, и никакие силы в мире не заставят меня отказаться от самых резких протестов против этой клеветы»⁷¹.

Но обелить себя ему никак не удавалось. Снова всплыл вопрос о мнимой попытке Бухарина убить Сталина. На пленуме зафиксирован, например, такой любопытный эпизод. Один из выступавших (им был А. Рыков) сообщил: «Первое у меня воспоминание связано с тем, что однажды мне позвонили из квартиры Бухарина, что он нервный очень, и просили зайти. Я нашел его в состоянии полуистерическом... Это было в том году, когда его обвиняли, когда, как он мне передал, ему Сталин по телефону звонил и сказал: ты хочешь меня убить. (*Сталин*. Я ему сказал?) Я не могу вам совершенно точно сказать, но, если Сталин помнит, в тот же день, когда обвинили Бухарина, я подошел к Сталину и спросил об этом, неужели я тоже самое был безумным, и спросил Сталина о том, верит ли он действительно в то, что Бухарин может убить Сталина. (*Сталин*. Нет, я смеялся, и сказал, что ежели в самом деле нож когда-либо возьмешь, чтобы убить, так будь осторожен, не порежись. *Смех и шум*.) Я был в крайне взволнованном состоянии и подошел тогда к Сталину потому, что считал это совершенно безумным»⁷².

Об обстановке, которая окружала Бухарина и Рыкова, можно судить и по следующему эпизоду. О нем на пленуме поведал Ворошилов: «А вот я вспоминаю, мы недавно вспоминали с товарищем Молотовым один случай. Это было в прошлом 1936 г. перед отпуском Рыкова. На заседании Политбюро Рыков стоял недалеко от стола председательствующего. Я подошел к нему. У него вид был очень плохой. Я спрашиваю: «Алексей Иванович, почему у вас такой вид плохой?» Я спрашиваю: «Что у тебя такой плохой вид?» Он вдруг ни с того, ни с сего, у него руки затряслись, начал рыдать навзрыд, как ребенок. (*Рыков*. У меня было острое воспаление...) Подожди, подожди. Мне тебя было по-человечески жаль. Я Вячеславу Михайловичу сказал, он подошел, а Рыков говорит: «Да, вот устал...» Начал бормотать неразборчиво. Я привлек Вячеслава Михайловича и стал с ним разговаривать. Он стал рыдать, трясется весь и рыдает. Тогда мы с Вячеславом Михайловичем рассказали Сталину, Кагановичу и другим товарищам этот случай и все мы отнесли это к тому, что человек переработался, что с ним физически не все благополучно.

А теперь для меня все это понятно. Слушайте, человек носил на себе груз такой гнусный, и я, который ему руки не должен был бы подавать, я проявил участие, спрашиваю у него: «Как он себя чувствует?». Очевидно, так я себе объясняю, другого объяснения найти себе не могу, почему вдруг взрослый человек ни с того, ни с сего в истерику упал от одних моих слов. Это было в прошлом году. (*Молотов*. В 1935 году, вероятно, осенью.) *Рыков*. Это можно в

⁷¹ "Вопросы истории". 1992 г. № 2–3. С. 6.

⁷² "Вопросы истории". 1992 г. № 6–7. С. 13.

больнице узнать. У меня было острое воспаление желчного пузыря перед этим. Я лежал, врач у меня сидел...) Это было в прошлом году, все-таки. (*Сталин: От этого не плачут.*)⁷³

Вместо комментария: самое пикантное здесь последнее замечание Сталина! Мол, все это пустяки и нечего валять дурака!

Вообще в поведении вождя на этом пленуме можно обнаружить две, казалось бы, взаимоисключающие линии: с одной стороны, он пытался демонстрировать максимум объективности, внимательного отношения как к самим обвиняемым, так и к аргументам, которые Бухарин и Рыков приводили в свою защиту. С другой стороны, жестко и последовательно проводил курс на их безусловное исключение из партии, а затем и преследование уже в уголовном порядке. Поступал он так отнюдь не случайно — ему не хотелось предстать в ореоле безжалостного и мстительного человека. На пленуме, явно не без ведома самого Сталина, прозвучали даже голоса, долженствовавшие имитировать подобие критики в его адрес — мол, он вел себя до сих пор слишком либерально и не проявлял необходимой жесткости и твердости. Его верный соратник и подхалим по совместительству Каганович вещал с трибуны: «...Мы слишком долго проявляли великодушие победителей. (*Голоса с мест. Правильно, правильно!*) Нельзя все же. Хорошо, можно и нужно проявлять великодушие, тем более, что дело идет не столько о великодушии, сколько идет о политическом подходе. В данном случае я должен сказать, что у ЦК и у т. Сталина было проявлено большое великодушие и к Рыкову, и к Бухарину, и к другим. Мы, близкие работники, несколько раз говорили, но т. Сталин нам всегда говорил, что мы слишком ретиво подходим к вопросу, что надо попробовать этих людей сохранить в партии. ...По-моему, дальше продолжать это великодушие нельзя. Надо очистить нашу партию от этих людей, надо вести и дальше следствие для того, чтобы этих людей, которые хотя и не имеют за собой силы, но которые могут быть врагами, мы должны покончить с ними для того, чтобы обезвредить себя от этих людей»⁷⁴.

Одновременно Бухарина упрекали в том, что он беззастенчиво эксплуатирует такое к себе отношение со стороны вождя. Надо отметить, что Бухарин вполне серьезно, но с тонким намеком ответил на подобные обвинения, заявив: «Мне говорят, что я хочу спекулировать на доброте т. Сталина. Я думаю, что т. Сталин не такой человек, чтобы можно было на его доброте спекулировать. Он быстро раскусит всякую спекуляцию. Поэтому мне напрасно приписывалось это в качестве дополнительной отрицательной черты»⁷⁵.

Если суммировать главные обвинения, прозвучавшие с трибуны пленума в адрес Бухарина и Рыкова, то они сводились к следующему.

Во-первых, в том, что Бухарин и Рыков после подачи ими заявления о полном подчинении партии и отказе от своих правооппортунистических взглядов обманывали партию, двурушнически маскируясь, отказываясь от своих правооппортунистических взглядов. Они сохранили свою фракцию, члены которой ушли в подполье, продолжали стоять на своей старой политической платформе, не прекращая борьбу с партией, подчиняясь только своей внутрифракционной дисциплине. Для руководства этой фракцией еще в 1928 г. был создан центр, который существовал до последнего времени. Активнейшими участниками, членами этого центра были Бухарин и Рыков.

⁷³ "Вопросы истории". 1992 г. № 6–7. С. 27.

⁷⁴ "Вопросы истории". 1992 г. № 10. С. 35–36.

⁷⁵ "Вопросы истории" 1993 г. № 2. С. 4.

Во-вторых, Бухарину и Рыкову было предъявлено обвинение в том, что они не отказывались от своих политических, враждебных Советской стране убеждений, и стояли на платформе капиталистической реставрации в СССР.

И, в-третьих, их обвиняли в том, что для достижения поставленных ими целей по свержению сталинского руководства они пошли на прямой блок с троцкистами, зиновьевцами, «леваками», эсерами, меньшевиками и со всеми остальными фракционными группировками, которые были разгромлены давным-давно. В блоке со всеми врагами Советского Союза они перешли к методу террора, организуя вооруженное восстание, к методам вредительства⁷⁶.

Было совершенно очевидно, что Сталин, нагромоздив целую кучу обвинений, не оставлял для своих поверженных противников даже малейшего намска на возможность как-то выйти из положения. На политическом горизонте не просматривался никакой компромисс. Это видно хотя бы из обмена репликами между Сталиным и Рыковым, когда вождь упрекал последнего в отказе признать свою вину и честно во всем признаться. Вот как все это выглядело:

Сталин. Есть люди, которые дают правдивые показания, хотя они и страшные показания, но для того, чтобы очиститься вконец от грязи, которая к ним пристала. И есть такие люди, которые не дают правдивых показаний, потому что грязь, которая прилипла к ним, они полюбили и не хотят с ней расстаться.

Рыков. В такие моменты, при этих условиях, в которых я сейчас, просто для того, чтобы выйти из этого тупика, скажешь то, чего не было.

Сталин. Вы голову потеряли. Какая корысть?

Рыков. Что, что?

Ворошилов. Какой интерес?

Сталин. Выгода какая нам?

Рыков. Я говорю, что тут просто произвольно скажешь то, чего не было.

Сталин. Мрачковский, Шестов, Пятаков — они хотели освободиться от грязи, в какую попали, чего бы это ни стоило. Все-таки таких людей нельзя ругать, как тех, которые дают неправдивые показания, потому что привыкли к грязи, которая к ним пристала.

Рыков. Это верно. Теперь мне совершенно ясно, что ко мне будут лучше относиться, если я признаюсь, мне совершенно ясно, и для меня будет окончен целый ряд моих мучений, какой угодно ценой, хоть к какому-то концу. *(Постышев.* Чего ясно? Какие мучения? Изображает из себя мученика.) Я извиняюсь, на это не нужно было ссылаться⁷⁷.

Читая стенограмму февральско-мартовского пленума, невольно ловишь себя на мысли, что все это смахивает на плохой детектив. Столько здесь налеплено сюжетов, противоречащих один другому! Столько страстей и еще больше лицемерия, проявленного теми, кто вел расследование. Но это был не детектив, а тщательно продуманная и отрежиссированная рукой опытного мастера политическая операция. Сталин все время апеллировал к признаниям, полученным органами НКВД от тех, кого арестовали раньше и кто уже полностью капитулировал под мощным прессом давления государственной машины, на астрономическую величину которой в свое время обращал внимание вождь. Устоять против этой машины, по его мнению, было невозможно. Достоинство внимания и то,

⁷⁶ "Вопросы истории" 1993 г. № 2. С. 26.

⁷⁷ "Вопросы истории" 1993 г. № 2. С. 20.

что Сталин считал работу чекистов честной, не вызывающей сомнений, хотя и допускал возможность некоторых преувеличений. И что самое удивительное — абсолютно неоспоримым доказательством он расценивал данные, полученные в результате очных ставок. Как будто сами эти очные ставки нельзя соответствующим образом подготовить и заранее принудить их участников давать заведомо ложные показания. В виде иллюстрации я приведу пассаж, взятый из стенограммы.

«Сталин. На последней очной ставке мы не только Бухарина привлекли, но и известного военного работника Пугачева проверили. Ведь очная ставка отличается тем, что обвиняемые, когда приходят на очную ставку, то у них у всех появляется чувство: вот пришли члены Политбюро, и я могу здесь рассказать все в свое оправдание. Вот та психологическая атмосфера, которая создается в головах арестованных при очной ставке. Если я мог допустить, что чекисты кое-что преувеличивают, — таков род их работы, что они могут допустить некоторые преувеличения, я в искренности их работы не сомневаюсь, но они могут увлечься, но на последней очной ставке, где было полное совпадение старых протоколов с показаниями в нашем присутствии, я убедился, что очень аккуратно и честно работают чекисты.

Петровский. Честно? (Сам Петровский вскоре на собственной шкуре испытает эту честность чекистов и достоверность признаний на очных ставках — Н. К.).

Сталин. Честно. Вот здесь для Радека и для всех была возможность сказать правду. Мы же просили — скажите правду по чести. Я говорю правду, и глаза его, тон его рассказа, — человек я старый, людей знаю, видал, ошибаться я могу, но здесь впечатление — искренний человек.

Бухарин. Я не могу тебя переубедить, если ты думаешь, что он говорил правду, что я на охоте давал террористические директивы, а я считаю, что это чудовищная ложь, к которой я серьезно относиться не могу.

Сталин. Была у тебя с ним болтовня, а потом забыл.

Бухарин. Да ей-богу не говорил.

Сталин. Много болтаешь.

Бухарин. То, что я много болтаю, я согласен, но то, что я болтал о терроре, это абсолютная чепуха. Вы подумайте, товарищи, если мне приписывают план дворцового переворота...»⁷⁸

Можно было бы приводить еще немало диалогов подобного рода, раскрывающих существенные черты и особенности сталинского политического мышления и подхода к решению вынесенных на пленум вопросов. Но, пожалуй, достаточно иллюстраций. Впрочем, все приведенные примеры едва ли следует называть иллюстрациями. Они скорее живые штрихи той эпохи, позволяющие хотя бы в некоторой степени воссоздать картину тех лет.

На пленуме по делу Бухарина и Рыкова была создана специальная комиссия с поручением представить пленуму соответствующий проект решения. Комиссию возглавил А. Микоян. В ее состав вошел и сам Сталин. От имени комиссии он и сделал доклад, в котором изложил суть внесенных предложений и привел доводы в обоснование решения. В частности, вождь сказал: «Комиссия пленума ЦК поручила мне сделать сообщение о результатах ее работы. Разрешите сделать это сообщение. В комиссии не было никаких

⁷⁸ "Вопросы истории". 1992 г. № 4–5. С. 34.

разногласий насчет того, чтобы мерой наказания Бухарина и Рыкова считать, и притом как минимум, исключение их из состава кандидатов в члены ЦК и из рядов ВКП(б). В комиссии не нашлось ни одного голоса, который высказался бы против этого предложения. Были разногласия по вопросу о том, предать ли их суду или не предавать, а если не предавать суду, чем ограничиться. Часть членов комиссии высказалась за то, чтобы предать их суду Военного трибунала и добиться того, чтобы они были расстреляны. Другая часть комиссии высказалась за то, чтобы предать их суду и добиться того, чтобы им был вынесен приговор о заключении в тюрьму на 10 лет. Третья часть высказалась за то, чтобы предать их суду без преднесения вопроса о том, каков должен быть приговор. И, наконец, четвертая часть комиссии высказалась за то, чтобы суду не предавать, а направить дело Бухарина и Рыкова в Наркомвнудел. Последнее предложение одержало верх.

В результате комиссия единогласно приняла решение о том, чтобы исключить их из состава кандидатов в члены ЦК и из рядов ВКП(б) и направить дело Бухарина и Рыкова в Наркомвнудел⁷⁹. Решение было принято при двух воздержавшихся — Бухарин и Рыков.

Итак, вопрос о судьбе двух известнейших деятелей партии и государства был решен, точнее сказать предreshен — Сталин «забыл» сообщить, что принятое комиссией предложение было внесено им самим и выглядело как будто менее кровавым, чем некоторые другие. Однако это была очередная уловка вождя, призванная продемонстрировать его непредубежденность и стремление во всем досконально разобраться, чтобы, не дай бог, осудить невиновных. Мало кто сомневался, чем в конце концов завершится расследование дела в НКВД.

О настроениях, царивших на пленуме, говорит такой, на первый взгляд, малозначительный, но в действительности весьма симптоматический эпизод. Один из ораторов с подъемом докладывал на пленуме: «Я не стану занимать ваше время зачитыванием большого списка, у меня этот список имеется на 77 человек (*С м е х.*), из которых 2/3 арестованы. (*Сталин.* Маловато что-то.) Тов. Сталин, я вам сказал, что это только начало (*Смех всего зала*)»⁸⁰.

Действительно, причин для смеха было более чем достаточно. Но это был смех, который для многих из присутствовавших в зале заседаний, скоро превратится в слезы. Поэтому вернее было бы переиначить поговорку: не смех сквозь слезы, а слезы сквозь смех. Вообще на пленуме было немало эпизодов, поражающих своей нелогичностью. Взять хотя бы то, что Бухарин и Рыков при голосовании воздержались, хотя категорически отрицали свою вину. Очевидно, этим своим шагом они хотели продемонстрировать партийную дисциплину и партийную традицию — не голосовать против, когда решался вопрос, касавшийся их лично. А между тем речь шла не о партийных традициях, а об элементарных понятиях — виновен или невиновен, и третьего выбора просто не было. В контексте сказанного более чем обоснованно звучит саркастическая оценка этого пленума, данная А. Уламом в его книге о Сталине: «... Они обсуждали проблему рационализации их собственной ликвидации»⁸¹. Оправданной представляется и оценка А. Уламом поведения членов ЦК, которых он называет баранами, идущими на бойню⁸².

⁷⁹ "Вопросы истории" 1994 г. № 1. С. 12–13.

⁸⁰ "Вопросы истории" 1994 г. № 2. С. 16.

⁸¹ Adam B. Ulam. Stalin. p. 429.

⁸² Там же. p. 430.

Говоря о работе пленума, любопытно отметить одну примечательную деталь — весьма заметную активность на нем Л. Берия. Он не только выступил с речью, но и многократно бросал реплики ораторам, причем реплики эти носили ядовитый и агрессивный характер. Громил он в своей речи бывшее руководство Закавказья и Грузии, не жалея при этом ни крепких слов, ни красок. Складывалось впечатление, что Берия прочно сидит на коне, чувствуя поддержку и патронаж со стороны вождя. Любопытен факт, что он особый сделал акцент, видимо, не без совета со Сталиным, на борьбе против интеллигенции, в особенности проявлений национализма среди старой интеллигенции: «Хотя Грузия сама по себе невелика, но актив у нее немаленький, и основная масса старой интеллигенции была заражена ядом национализма, довольно значительная часть интеллигенции была антисоветски настроена с западной ориентировкой, ориентировалась на запад, на так называемую европейскую культуру, минуя Советский Союз. ЦК Грузии в прошлом вел работу с интеллигенцией неправильно, неумело, доверял отдельные участки культурного фронта националистическим, а иногда и враждебным, элементам, проводил работу не непосредственно, а связывался с интеллигенцией через них. Благодаря этому зачастую не коммунисты влияли на эту интеллигенцию, а враждебно настроенные слои интеллигенции влияли на коммунистов»⁸³.

Сталин, будучи грузином, считался как бы неофициальным патроном своей родной республики, и резкая критика в адрес грузинской интеллигенции, как мне кажется, не могла не быть заранее санкционирована им лично. Берия, обладавший тонким политическим нюхом, явно старался угодить вождю, питавшему личную неприязнь к представителям той среды, против которых он вел борьбу еще в царские времена.

Коль скоро я вскользь коснулся роли Берии в те времена, то считаю уместным остановиться и на выступлении Н. С. Хрущева — будущего разоблачителя и обличителя культа личности Сталина. Его выступление ничем особо примечательным не выделялось среди других, пламенно клеймивших бывших оппозиционеров и вообще врагов народа. Свою лепту внес и Хрущев. Начал он, как было принято тогда, с самокритики: «К сожалению, я должен сказать, товарищи, что и в Московской партийной организации врагам рабочего класса, этим предателям, убийцам, троцкистам удалось также вести свою гнусную контрреволюционную работу, а отдельным из них даже пробраться в руководящие органы Московской партийной организации. У нас оказался враг троцкист — бандит Фурер, который покончил жизнь самоубийством, потому что он чувствовал, что к нему потянулись нити, что он был бы разоблачен как враг. Желая скрыть следы своей преступной работы и этим самым облегчить врагам борьбу с нашей партией, он всячески запутывал эти нити, покончив даже жизнь самоубийством»⁸⁴. Прочитирован именно данный пассаж из выступления Хрущева сознательно, поскольку по поводу упомянутого им Фурера в воспоминаниях Н. С. Хрущева дается диаметрально противоположная оценка всему этому делу.

Н. Хрущев вспоминает, что Фурер перед смертью оставил письмо Сталину, в котором хотел подействовать на Сталина, чтобы тот изменил свою точку зрения и прекратил массовые аресты. Фурер считал, что арестовывают честных людей. Далее Н. Хрущев продолжает: «Прошло какое-то время, приближалась осень. Сталин возвратился из отпуска

⁸³ "Вопросы истории" 1995 г. № 5–6. С. 12.

⁸⁴ "Вопросы истории" 1995 г. № 8. С. 20.

в Москву. Меня вызвали к нему. Я пришел, совершенно ни о чем не подозревая. Сталин сказал: «Фурер застрелился, этот негодный человек». ...Я очень переживал потом, что оказался глупцом, поверил ему и считал, что это искреннее письмо, что человек исповедался перед смертью. Он не сказал ничего плохого о партии, о ее руководстве... Он своей смертью хотел приковать внимание партии к фактам гибели честных и преданных людей. Для меня это было большим ударом»⁸⁵.

В данном случае, сопоставляя взаимоисключающие интерпретации одного и того же факта, я не стремлюсь уличить Хрущева в лицемерии и двуличии. Ведь каждый может возразить: а как он мог в тех условиях поступить? Идти наперекор вождю? Конечно, нет. Однако, соглашаясь с такого рода возражением, хочу отметить тот пыл и размах, с которым тогдашний руководитель Московского комитета партии заверял вождя: «Я могу с уверенностью и без бахвальства заявить от имени Московской организации, что мы все силы приложим для выполнения решений пленума и указаний т. Сталина... до конца искореним остатки недобитых враждебных классов, этих бандитов — фашистов, троцкистов, зиновьевцев и правых. (*Голоса с мест. Правильно!*)»⁸⁶

Но, видимо, довольно деталей — хотя и любопытных, но отвлекающих от главной нити изложения. В целом по представленным докладом пленум принял резолюции. Стоит выделить одну из них — по докладу Ежова. Она была короткой, но содержала в себе заряд огромной взрывной силы, поскольку фактически давала карт-бланш для широкого развертывания репрессий в стране. Текст ее гласил:

«Пленум ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Одобрить мероприятия ЦК ВКП(б) по разгрому антисоветской, диверсионно-вредительской, шпионской и террористической банды троцкистских и иных двурушников.

Обязать Наркомвнудел СССР довести дело разоблачения и разгрома троцкистских и иных агентов фашизма до конца с тем, чтобы подавить малейшие проявления их антисоветской деятельности.

2. Одобрить мероприятия ЦК ВКП(б), направленные к улучшению обстановки работы в органах Наркомвнудела, и, в частности, мероприятия организационной перестройке аппарата ГУТБ и укреплению его новыми партийными кадрами»⁸⁷

Но, конечно, центральным событием, апофеозом работы пленума явился доклад Сталина «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников», с которым он выступил 3 марта 1937 г. Этот доклад заслуживает более обстоятельного освещения. В нем по существу была изложена стратегическая линия вождя на максимальное расширение репрессий и придание им широкомасштабного, массового характера с тем, чтобы вся страна прошла соответствующую чистку. Сталин попытался не только обосновать необходимость дальнейших репрессий, но и придать этому процессу некий оттенок исторической закономерности и неизбежности. Причем он не просто провозглашал свой курс на репрессии, но и пытался дать ему теоретическое обрамление, чтобы этот курс был воспринят не как некое случайное явление, а как необходимая предпосылка дальнейшего успешного строительства и совершенствования советского общественного строя. И в этом мне видится коренной порок всей политической

Н. С. Хрущев. Время. Люди. Власть. Воспоминания. Т. 1. С. 158–159.

⁸⁶ "Вопросы истории" 1995 г. № 8. С. 25

⁸⁷ "Вопросы истории" 1995 г. № 2. С. 25.

философии Сталина на данном этапе развития страны. Социализм представлял в качестве строя, который полностью и окончательно не может быть построен без насилия и репрессий. В этом — но не только в этом — главная историческая ошибка и вина Сталина.

Однако подводить общие итоги пока рано. Ведь речь идет об определенном историческом периоде, и этот период как раз и освещен в докладе Сталина. Он передавал не только видение вождем ситуации в целом, но и фактически являлся программой практической работы, своего рода руководством к действию.

В чем же усматривал особенность сложившейся ситуации вождь?

Во-первых, вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств, в числе которых довольно активную роль играли троцкисты, задела в той или иной степени все или почти все наши организации — как хозяйственные, так и административные и партийные.

Во-вторых, агенты иностранных государств, в том числе троцкисты, проникли не только в низовые организации, но и на некоторые ответственные посты.

В-третьих, некоторые наши руководящие товарищи как в центре, так и на местах не только не сумели разглядеть настоящее лицо этих вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, но оказались до того беспечными, благодушными и наивными, что нередко сами содействовали продвижению агентов иностранных государств на те или иные ответственные посты.

Обращает на себя внимание чеканная формула, ставшая впоследствии эталоном для определения всех, кто был занесен в разряд врагов — вредители, диверсанты, шпионы и убийцы. В будущем эта формула будет применяться чуть ли не до конца жизни вождя, ибо она, как покажет практика, была универсальна и ее легко было применить буквально ко всем обвиняемым, изменяя только лишь акценты.

В докладе Сталин особо подчеркнул, что враждебная Советскому государству деятельность является не случайной и мотивировал это своей сакраментальной ссылкой на обострение классовой борьбы. Причины того, что партийные и государственные органы, а также хозяйственные и иные организации оказались застигнутыми как бы врасплох валом подрывной деятельности, вождь усмотрел в том, что они, будучи увлечены хозяйственными кампаниями и колоссальными успехами на фронте хозяйственного строительства, забыли просто о некоторых очень важных фактах, о которых большевики не имеют права забывать. Они забыли об одном основном факте из области международного положения СССР и не заметили двух очень важных фактов, имеющих прямое отношение к нынешним вредителям, шпионам, диверсантам и убийцам, прикрывающимся партийным билетом и маскирующимся под большевика⁸⁸.

Сталин на первое место поставил то, что Советский Союз находится в обстановке капиталистического окружения, при этом особо акцентировал внимание на том, что капиталистические страны выжидают случая для того, чтобы напасть на него, разбить его или, во всяком случае, подорвать его мощь и ослабить его. И это обстоятельство, по его словам, определяет основу взаимоотношений между капиталистическим окружением и Советским Союзом. В порядке комментария надо заметить, что отнюдь не только желание напасть на СССР определяло политику западных держав в отношении Советского Союза.

⁸⁸ И. В. Сталин. Соч. Т. 14. "О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников" (Электронный вариант).

Были и другие тенденции и факторы, которые Сталин сознательно опустил, сделав акцент на опасности капиталистического окружения.

Специальный раздел в докладе был посвящен троцкизму. Бросая ретроспективный взгляд на ситуацию того периода, нельзя не прийти к выводу о серьезной переоценке Сталиным опасности троцкизма. К тому времени, о котором идет речь, видеть в троцкизме главную угрозу Советской власти — значило упрощать реальное положение дел. В самой партии и стране вследствие жестких репрессивных мер троцкистская оппозиция фактически была ликвидирована, а ее остатки не представляли собой какой-либо серьезной политической силы, а тем более угрозы устоям сталинского режима. Конечно, сам Троцкий и его сторонники попытались развернуть за границей свою деятельность, причем стремились придать ей международный характер (образование так называемого IV интернационала). Но факты заставляют признать, что несмотря на все усилия троцкистов, плоды их деятельности были более чем скромными. За исключением разве одного аспекта — разоблачение Троцким политики Сталина, личной безудержной критики в его адрес. Последнее обстоятельство, как мне кажется, и сыграло роль главного раздражителя для вождя. Поэтому он и сконцентрировал свой удар против троцкизма.

Он отмечал: члены партии не заметили, проглядели, что нынешний троцкизм уже не тот, чем он был, скажем, лет 7 — 8 тому назад, что троцкизм и троцкисты претерпели за это время серьезную эволюцию, в корне изменившую лицо троцкизма, что ввиду этого и борьба с троцкизмом, методы борьбы с ним должны быть изменены в корне. «Наши партийные товарищи не заметили, что троцкизм перестал быть политическим течением в рабочем классе, что из политического течения в рабочем классе, каким он был 7 — 8 лет тому назад, троцкизм превратился в оголтелую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданию разведывательных органов иностранных государств»⁸⁹.

Сталин подверг критике взгляды тех, кто отрицал наличие у троцкистов и других бывших оппозиционеров определенной политической платформы. Такая платформа у них есть, — подчеркнул он, — и сводится она к реставрации капитализма в СССР. Более сурового и более надуманного вывода сделать было нельзя. Хотя, конечно, надо признать, что призыв к свержению власти Сталина в тот период по своему объективному содержанию мог быть с полным основанием приравнен к призыву заменить существующий строй. Ведь, как уже отмечалось ранее, социализм как новый общественный строй в те годы в глазах основной массы населения, да и по существу в глазах зарубежного мира, ассоциировался с именем Сталина. Именно поэтому вождь и проводил знак тождества между призывами устранить Сталина с линией на реставрацию капитализма в СССР.

В своем докладе вождь подчеркивал, что, перестав быть политическим течением в рядах рабочего класса, троцкизм перешел на платформу, основными компонентами которой являются: реставрация капитализма, ликвидация колхозов и совхозов, восстановление системы эксплуатации, союз с фашистскими силами Германии и Японии для приближения войны с Советским Союзом, борьба за войну и против политики мира, территориальное расчленение Советского Союза с отдачей Украины немцам, а Приморья — японцам, подготовка военного поражения Советского Союза в случае нападения на него враждебных государств и как средство достижения этих задач — вредительство, диверсия,

⁸⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 14. "О недостатках партийной работы..." (Электронный вариант).

индивидуальный террор против руководителей Советской власти, шпионаж в пользу японо-немецких фашистских сил⁹⁰.

Возможно, в те годы подобная оценка и воспринималась массой членов партии как отвечающая реальности. Однако если говорить о мыслящем слое членов партии и населения вообще, то, на мой взгляд, она не могла не казаться не просто преувеличенной, а явно фантастической. Уже сама возможность какого-либо союза троцкистов с фашистами Германии, одним из составляющих расовой политики которых выступал оголтелый антисемитизм, выглядела как политическая фантастика, как плод большого воображения. Однако это Сталина не смущало, как не смущало наличие массы других несуразностей и противоречий в изложенном им курсе на ужесточение репрессий.

Анализируя причины недостатков в борьбе с вредительством, диверсиями и прочими антисоветскими преступлениями, Сталин в качестве главной из них назвал потерю бдительности и зазнайство, порожденные крупными успехами в деле созидания нового общественного строя. «Успехи и достижения — дело, конечно, великое, — говорил он. — Наши успехи в области социалистического строительства действительно огромны. Но успехи, как и все на свете, имеют и свои теневые стороны. У людей, малоискушенных в политике, большие успехи и большие достижения нередко порождают беспечность, благодушие, самодовольство, чрезмерную самоуверенность, зазнайство, хвастовство. Вы не можете отрицать, что за последнее время хвастунов у нас развелось видимо-невидимо. Не удивительно, что в этой обстановке больших и серьезных успехов в области социалистического строительства создаются настроения бахвальства, настроения парадных манифестаций наших успехов, создаются настроения недооценки сил наших врагов, настроения переоценки своих сил и как следствие всего этого появляется политическая слепота»⁹¹.

Конечно, вождь был безусловно прав, когда осуждал самодовольство, зазнайство и парадные манифестации успехов — все это было налицо. Однако он «забыл» сказать, что эти настроения усиленно раздувались и превозносились прежде всего партийным руководством в центре и на местах, что главным виновником чрезвычайно широкого распространения подобных явлений был прежде всего он сам. Превозносить успехи (а их было действительно немало) в то время — значило прославлять генеральную линию партии, превозносить правильность и мудрость руководства самого Сталина. Но у вождя не было никакого резона вскрывать истинные корни зазнайства и бахвальства. Он, как правило, умел находить виновных и сваливать на них всю ответственность.

Пусть покажется немного смешным, но сам Сталин в докладе использовал одно выражение, которое, как нельзя лучше, описывает ситуацию тех лет: «Странные люди сидят там, в Москве, в ЦК партии: выдумывают какие-то вопросы, толкуют о каком-то вредительстве, сами не спят, другим спать не дают...» Правда, употребил он эту оценку в критически-ироническом ключе, но она-то и давала ответ на многие вопросы, возникавшие у обывателя. Да и не только у обывателя.

Касаясь задач, стоявших в то время перед партией, вождь снова подчеркнул: «Необходимо помнить и никогда не забывать, что капиталистическое окружение является основным фактом, определяющим международное положение Советского Союза.

⁹⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 14. "О недостатках партийной работы..." (Электронный вариант).

⁹¹ Там же.

Помнить и никогда не забывать, что пока есть капиталистическое окружение, будут и вредители, диверсанты, шпионы, террористы, засылаемые в тылы Советского Союза разведывательными органами иностранных государств, помнить об этом и вести борьбу с теми товарищами, которые недооценивают значения факта капиталистического окружения, которые недооценивают силы и значения вредительства»⁹².

Видимо, я повторяюсь, но не могу еще раз не обратить внимание на тот факт, что Сталин снова и снова вдалбливал в головы своих слушателей (а аудиторией, жадно внимавшей его словам, была буквально вся необъятная Советская страна), что классовая борьба была и остается альфой и омегой всей политической действительности той эпохи. Об этом он не преминул сказать и в своем докладе: «Необходимо разбить и отбросить прочь гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас должна будто бы все более и более затухать, что по мере наших успехов классовый враг становится будто бы все более и более ручным.

Это не только гнилая теория, но и опасная теория, ибо она усыпляет наших людей, заводит их в капкан, а классовому врагу дает возможность оправиться для борьбы с Советской властью.

Наоборот, чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить Советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы как последние средства обреченных»⁹³.

Новым нюансом в докладе вождя была следующая идея — враги всех мастей обычно приурочивают главную свою вредительскую работу не к периоду мирного времени, а к периоду кануна войны или самой войны. Что из этого следует, понять мог каждый. Репрессивная политика, таким образом, выступала как один из важных факторов подготовки страны к неизбежной войне. Здесь необходимо сделать оговорку, что данная мысль Сталина, на первый взгляд, довольно тривиальная, в действительности была в то время актуальной. Думается, что логика в его заявлении была обоснованной, вне зависимости от той общей критической оценки, которую мы даем его репрессивной политике в целом.

Другим важным аспектом, на который в докладе было обращено особое внимание, был вопрос о подготовке кадров, способных заменить те, которые были в наличии. Для пущей убедительности вождь (видимо, подражая Ленину) завел речь о том, что и он, как и другие соратники, находится чуть ли не на пороге ухода с политической арены и ему нужна тоже смена: «Я говорил в докладе, повторяю здесь, что мы, старики, члены Политбюро, скоро отойдем, сойдем со сцены. Это закон природы. И мы бы хотели, чтобы у нас было несколько смен, а для того, чтобы дело организовать, надо теперь же заняться этим, дорогие товарищи, первые секретари обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, и в международные и внутренние дела впутаться как следует, вместе с нами»⁹⁴. Но это было сказано скорее всего для демонстрации своей демократичности и придания большей убедительности постановке вопроса о подборе новых кадров.

⁹² *И. В. Сталин*. Соч. Т. 14. "О недостатках партийной работы..." (Электронный вариант).

⁹³ *И. В. Сталин*. Соч. Т. 14. "О недостатках партийной работы..." (Электронный вариант).

⁹⁴ "Вопросы истории". 1995 г. № 11–12. С. 18.

Сталин аргументировал это так: «В составе нашей партии, если иметь в виду ее руководящие слои, имеется около 3 — 4 тысяч высших руководителей. Это, я бы сказал, генералитет нашей партии. Далее идут 30 — 40 тысяч средних руководителей. Это — наше партийное офицерство. Дальше идут около 100 — 150 тысяч низшего партийного командного состава. Это, так сказать, наше партийное унтер-офицерство... Прежде всего необходимо предложить нашим партийным руководителям — от секретарей ячеек до секретарей областных и республиканских партийных организаций — подобрать себе в течение известного периода по два человека, по два партийных работника, способных быть их действительными заместителями. Могут сказать: а где их достать, двух заместителей на каждого, у нас нет таких людей, нет соответствующих работников. Это неверно, товарищи. Людей способных, людей талантливых у нас десятки тысяч. Надо только их знать и вовремя выдвигать, чтобы они не переставали на старом месте и не начинали гнить. Ищите да обрящите»⁹⁵.

Здесь обращает на себя внимание (естественно, помимо выражения, взятого из Священного писания — тут сказывался Сталин-семинарист) то, что подбор заместителей был поставлен в качестве глобальной общесоюзной задачи. Значит, где-то в глубине души вождь сознавал, что масштабы развернутой им чистки будут грандиозными и вовлекут в свою орбиту все звенья партийного, советского и хозяйственного руководства. Разумеется, он это только имел в виду, но никак не выдал своих замыслов. В заключение своего доклада он выразил уверенность в том, что поставленные пленумом задачи будут выполнены. Для этого, по его словам, нужно только ликвидировать свою собственную беспечность, свое собственное благодушие, свою собственную политическую близорукость.

Такова была целостная и, надо сказать, по-своему последовательная и выверенная, программа действий на ближайшее время. Как определить временные границы реализации намеченного, вождь, видимо, в то время не знал и сам. Он исходил из того, что время само определит эти границы.

Подводя итог, нельзя обойти молчанием один вопрос. Неужели на пленуме все шло гладко и без задоринки? Неужели участников пленума не тревожили масштабы проводившейся чистки и «охота на ведьм», атмосферой которой был пронизан весь ход пленума. Ответ на него таков — озабоченность, несомненно, была, но проявлялась она весьма робко и нерешительно и принимала какие-то странные формы. Так, одна из будущих жертв репрессий (и, как помнит читатель, один из участников якобы имевшей место попытки смещения Сталина с поста Генерального секретаря во время XVII съезда партии) Шеболдаев следующим образом выразил свои сомнения: «... после доклада т. Сталина стало легче потому, что доклад показал те истинные, действительные размеры того, что угнетало меня очень крепко и, я думаю, угнетало не только меня, а угнетало и очень многих. То огромное количество шпионов, врагов, которое оказалось рядом со мной и, очевидно, у ряда других товарищей, конечно, не могло не угнетать, не ставить перед нами ряда вопросов о том, как это произошло и что же действительно происходит в партии и в наших советских и других организациях»⁹⁶.

Сталин, конечно, и без подсказки Шеболдаева понимал, что у слишком многих людей вызывают недоумение столь грандиозные масштабы чисток. И он постарался как-то

⁹⁵ *И. В. Сталин*. Соч. Т. 14. "О недостатках партийной работы..." (Электронный вариант).

⁹⁶ "Вопросы истории". 1995 г. № 4. С. 14.

сбалансировать все то, что он высказал в своем докладе. В заключительном слове он специально коснулся этого вопроса, не ставя, разумеется, всех точек над *i*. «То, что мы за это время понаисключили десятки, сотни тысяч людей, то, что мы проявили много бесчеловечности, бюрократического бездушия в отношении судеб отдельных членов партии, то, что за последние два года чистка была и потом обмен партбилетов — 300 тысяч человек исключили. Так что с 1922 года у нас исключенных насчитывается полтора миллиона... Вы не утешайте себя тем, что каких-нибудь 12 тысяч, может быть, из старых кадров остается и что троцкисты последние кадры пускают в ход для того, чтобы пакостить, **которых мы скоро перестреляем** (выделено мной — Н. К.), не утешайте себя. Бездушная, бесчеловечная политика в отношении рядовых членов партии, отсутствие всяких интересов у многих из наших руководителей к судьбам отдельных членов партии, эта готовность тысячами вышибать людей, которые оказались замечательными людьми, когда мы их проверили, первоклассными стахановцами, готовыми идти на всякие жертвы.

Все это создает обстановку для того, чтобы умножать резервы врагов — и для правых, и для троцкистов, и для зиновьевцев, и для кого угодно. Вот с этой бездушной политикой, товарищи, надо покончить»⁹⁷.

Однако слова Сталина остались всего лишь словами. Они являлись скорее формой маскировки и способом успокоения и не повлекли за собой каких-то изменений в общем курсе. В еще большей степени они являлись попыткой выглядеть радетелем справедливости и поборником умеренной линии в проведении чистки. И здесь нельзя не признать зерно истины в оценке Р. Такера, что «Сталин возложил собственную ответственность за чистку последних лет на «некоторых товарищей», которые на самом деле во время кампании по проверке и обмену партийных документов в 1935 — 1936 гг. выполняли его указания»⁹⁸.

Сталин на этом пленуме продемонстрировал мастерство политической эквилибристики. С одной стороны — и это являлось главным — он провозгласил курс на расширение и углубление процесса репрессий и чисток. С другой стороны, в своем заключительном слове призывал проявлять внимательность и человечность по отношению к членам партии, положить конец бездушию и бюрократическому подходу при рассмотрении дел коммунистов. По его арифметическим прикидкам, врагов в партии было не так уж и много, но одновременно он указывал, что они проникли повсюду. Если брать его отдельные высказывания, то можно было бы рассчитывать на то, что вакханалии «охоты на ведьм» будет положен конец. Но это были бы наивные расчеты — они решительно и безоговорочно опровергались стратегической линией на ужесточение репрессий. И вал репрессий нарастал с каждым днем. Масштабы репрессий вплотную приближались к своему апогею.

⁹⁷ «Вопросы истории». 1995 г. № 11–12. С. 21–22.

⁹⁸ Роберт Такер. Сталин у власти. С. 394.

Глава 14

АПОГЕЙ «ВЕЛИКОЙ ЧИСТКИ» И ЕЕ ФИНАЛ

1. Был ли заговор в военных кругах?

«Великая чистка», как уже отмечалось ранее, и по прошествии семи десятилетий вызывает множество вопросов, ответы на которые или слишком прямолинейны и однозначны, или же слишком эмоциональны, а чаще тенденциозны, — и потому не способны убедительно объяснить стратегические цели и глубинные, а не лежащие на поверхности, замыслы ее организатора. Пользуясь образными словами Шекспира, можно сказать, что многие исследователи определяют тот период как «конец времен и прекращение дней». Но смею заметить, что такое представление отнюдь не было свойственно современникам той эпохи. Это наш ретроспективный взгляд искажает истинные параметры и черты тех лет. Тогда же они воспринимались совсем иначе. Я приведу дневниковую запись дальней родственницы Сталина М. Сванидзе, которая в связи с процессом над Пятаковым, Радеком и другими писала: «...Крупное событие — был процесс троцкистов — душа пылает гневом и ненавистью, их казнь не удовлетворяет меня. Хотелось бы их пытать, колесовать, сжигать за все мерзости, содеянные ими. Торговцы родиной, присосавшийся к партии сброд. И сколько их. Ах, они готовили жуткий конец нашему строю, они хотели уничтожить все завоевания революции, они хотели умертвить наших мужей и сыновей»¹.

Конечно, подобные мысли и чувства обуревали отнюдь не многих. Однако на собраниях и митингах, специально призванных продемонстрировать «всенародную поддержку» вынесенным приговорам, доминировали высказывания, близкие к приведенному выше. Подавляющее большинство населения видело в то время в Сталине гаранта дальнейшего улучшения жизни, гаранта устойчивости и стабильности развития страны по пути социалистического строительства. Даже критически настроенные по отношению к Сталину западные авторы подчеркивают этот момент. Так, А. Улам пишет: «Он был утесом, основой, на которой строилось здание всей системы. И кажется нелепым, но это именно так, что любой успешный заговор против Сталина в 1937 или 1938 годах был бы воспринят большинством советских граждан как дополнительное доказательство широко распространенной измены...»²

Говоря обобщенно, морально-психологический климат в СССР был таков, что широкомасштабные репрессии вовсе не воспринимались как нечто экстраординарное. В целом в стране и в партии создавалась атмосфера всеобщей подозрительности и доносительства, складывалась такая обстановка, в которой дальнейшее развертывание

¹ "Источник". 1993 г. № 1. С. 28.

Adam B. Ulam. Stalin. p. 422.

репрессий воспринималась не просто как естественное, но даже закономерное и неотвратимое развитие политической ситуации. Разочаровавшись в советском строе, А. Жид дал следующую характеристику морально-психологического состояния, господствовавшего в стране: «Результат — тотальная подозрительность. Невинный детский лепет может вас погубить, в присутствии детей становятся опасными разговоры. Каждый следит за другими, за собой и подвергается слежке. Никакой непринужденности, свободного разговора — разве что в постели с собственной женой, если вы в ней уверены... Лучший способ уберечься от доноса — донести самому. Впрочем, люди, ставшие свидетелями крамольных разговоров и не донесшие, подвергаются высылке и тюремному заключению. Доносительство возведено в ранг гражданской добродетели»³.

Возможно, А. Жид кое в чем и сгустил краски, но характерные черты того периода он отразил в целом верно. Жена одного из видных деятелей компартии Германии М. Бубер-Нейман, находившаяся тогда в Москве, писала впоследствии: «В то время отчаявшиеся люди отводили душу в характерной шутке: «Встретились на улице два человека. Один у другого шепотом спрашивает: «Ты уже слышал, они взяли Теруэль?» — «Теруэль? Они взяли и его жену тоже?» — «Нет, Теруэль — это ведь испанский город!» — «Что, они арестовывают уже целые города?!»⁴

У некоторых читателей может возникнуть недоуменный вопрос: зачем я акцентирую внимание на такого рода свидетельствах? Не с целью ли опорочивания Сталина и его политики? Отнюдь нет! Просто интересы истины требуют, чтобы историческая картина тех лет была освещена под разными углами зрения. Тем более что факт беспрецедентных репрессий не оспаривается даже многими самыми ярыми поклонниками Сталина. Принципиально важно понять причины этих репрессий, мотивы, которыми руководствовался вожь в их осуществлении.

Совершенно очевидно, что широкомасштабные репрессии он рассматривал не через призму моральных или иных подобного рода критериев, а с точки зрения тонкого политического расчета. Невольно приходит на ум высказывание Робеспьера: «Первым правилом политики должно быть управление народом — при помощи разума и врагами народа — при помощи террора»⁵. Полагаю, что Сталин, если и руководствовался идеей подобного рода, то интерпретировал ее в гораздо более широком контексте. «Великая чистка» преследовала более глубокие и далеко идущие цели: она была призвана не только устранить реальных и потенциальных врагов народа (кстати, это понятие в его тогдашнем понимании уходило своими корнями в историю Великой французской революции), но и внушить страх и трепет всем тем, кто мог бы при благоприятном стечении обстоятельств восстать против Сталина и его политического курса. Запугивание и нагнетание обстановки осажденной врагами крепости выступало в качестве органической составной части политики репрессий.

В этой связи уместно сослаться на мнение такого непримиримого и явно тенденциозного биографа Сталина, как Р. Конквест. (В конце концов то, что он в целом с предвзятых позиций оценивает как Сталина, так и его политику, отнюдь не означает, что он во всем абсолютно неправ. У него встречаются и оценки, заслуживающие внимания). Так вот, он писал: «Если рассматривать сталинский террор со статистическими данными в

Андре Жид. Возвращение из СССР. Лион Фейхтвангер. Москва 1937. С. 119–120.

⁴ Маргарете Бубер-Нейман. Мировая революция и сталинский режим. М. 1995. С. 248.

⁵ Великие мысли великих людей. Т. III. М. 1998. С. 544.

руках, как массовое явление, а не с точки зрения отдельных личностей, то он предстает в более рациональном виде. Отсутствие направленности на какие-либо определенные категории жертв — как могло бы быть у какого-нибудь Троцкого, — указывает на осмотрительную извилистость террора и не дает критикам выявить сколько-нибудь ясно его цели. Сталин, возможно, считал, что террористический эффект получается тогда, когда арестовывается и расстреливается определенная часть данной общественной группы. Тогда остальные приводятся к повиновению и подчиняются без жалоб. И с этой точки зрения не так уж важно, кто избран в качестве жертв — особенно если все или почти все ни в чем не виноваты»⁶.

Р. Конквест, конечно, прав, подчеркивая «извилистость» террора, но он, на мой взгляд, ошибается, когда утверждает, что репрессии носили чуть ли не беспорядочный характер и не направлялись против определенной части данной общественной группы. Напротив, «великая чистка» была глубоко продуманной и хорошо рассчитанной по времени и этапам системой мероприятий. В конечном счете цель ее была вполне определена — уничтожить всякую реальную и потенциальную оппозицию политике Сталина. А угрозы своему курсу вождь видел с разных сторон. К тому же — и это необходимо подчеркнуть особо — Сталин, очевидно, не без оснований полагал, что заговоры с целью его физического устранения являются вполне реальной опасностью, а не какой-то чисто гипотетической возможностью.

В контексте сказанного вполне объяснимо, что свои взоры он обратил на те силы, которые были в состоянии реально осуществить цели вероятного заговора. Такими силами выступали армия и сами органы государственной безопасности. И он решил провести генеральную чистку в армии и в этих органах. Сейчас, по прошествии семи десятилетий, трудно, если вообще возможно, с полной исторической достоверностью доказать или опровергнуть идею о военном заговоре против Сталина и его режима. Да, это несколько выходит за рамки моей работы, поскольку требует самостоятельного исследования. По данной проблематике как в нашей стране, так и за рубежом, имеется обширная литература как мемуарного, так и исследовательского плана. В своем изложении я буду опираться на эти материалы, приводить различные версии и точки зрения, сопоставлять их друг с другом, с тем чтобы сделать свои собственные выводы. Эти выводы, разумеется, также носят характер исторической версии и никак не претендуют на то, чтобы считаться бесспорными и убедительными. Однако в рамках общей политической биографии Сталина они совершенно необходимы, поскольку без них невозможно дать адекватную оценку многим страницам жизни вождя.

Итак, вопрос о военном заговоре. Прежде всего замечу, что возможность такого рода заговора выглядит, на мой взгляд, достаточно реальной, чтобы ее рассматривать не в качестве какого-то параноидального бреда мнительного вождя, а как один из вариантов, который Сталин не мог не учитывать в своих расчетах. То, что у вождя к началу 1937 года вполне созрела мысль о существовании серьезной оппозиции его политическому курсу среди высших военных руководителей страны, не вызывает сомнений. Своеобразным подтверждением служат следующие его слова:

«... Почему мы так странно прошили это дело? Сигналы были. В феврале был Пленум ЦК. Все-таки как никак дело это наворачивалось, а вот все-таки прошили, мало кого мы сами открыли из военных. В чем тут дело? Может быть мы малоспособные люди, или

⁶ Роберт Конквест. Большой террор. Т. I. С. 118.

совсем уже ослепли? Тут причина общая. Конечно, армия не оторвана от страны, от партии, а в партии вам известно, что эти успехи несколько вскружили голову, когда каждый день успехи, планы перевыполняются, жизнь улучшается, политика будто бы неплохая, международный вес нашей страны растет бесспорно, армия сама внизу и в средних звеньях, отчасти в верхних звеньях, очень здоровая и колоссальная сила, все это дело идет вперед, поневоле развинчивается, острота зрения пропадает, начинают люди думать, какого рожна еще нужно? Чего не хватает? Политика неплохая, Рабоче-Крестьянская Красная Армия за нас, международный вес нашей страны растет, всякому из нас открыт путь для того, чтобы двигаться вперед, неужели же еще при этих условиях кто-нибудь будет думать о контрреволюции? Есть такие мыслишки в головах. Мы-то не знали, что это ядро уже завербовано германцами и они даже при желании отойти от пути контрреволюции, не могут отойти, потому что живут под страхом того, что их разоблачат и они головы сложат. Но общая обстановка, рост наших сил, поступательный рост и в армии, и в стране, и в партии, вот они у нас притупили чувство политической бдительности и несколько ослабили остроту нашего зрения. И вот в этой-то как раз области мы и оказались разбитыми»⁷.

Здесь вождь явно наговаривает на себя: он как раз постоянно твердил о том, что враги орудуют повсюду и нужно многократно усилить бдительность, отрешиться от благодушия и зазнайства. Его-то упрекнуть в потере бдительности и благодушии нельзя. Упреки Сталина в первую очередь касались наркома обороны Ворошилова, который еще на февральско-мартовском пленуме разглагольствовал о том, что «мы имеем, к счастью, небольшую группу арестованных врагов. Но здесь приходится оговориться: может быть это счастье, а может быть это и несчастье...Безусловно, не исключено, что может быть, у нас в рядах армии еще имеется значительная доля врагов не выявленных, не раскрытых»⁸.

И буквально через несколько месяцев на расширенном заседании Военного совета РККА в начале июня 1937 года вынужден был каяться: «Я, как Народный Комиссар... откровенно должен сказать, что не только не замечал подлых предателей, но даже когда некоторых из них (Горбачева, Фельдмана и др.) уже начали разоблачать, я не хотел верить, что эти люди, как казалось, безукоризненно работавшие, способны были на столь чудовищные преступления. Моя вина в этом огромна. Но я не могу отметить ни одного случая предупредительного сигнала и с вашей стороны, товарищи... Повторяю, никто и ни разу не сигнализировал мне или ЦК партии о том, что в РККА существуют контрреволюционные конспираторы...»⁹.

Как видим, чистка военных осуществлялась на основе главного постулата — заговора против партийного и государственного руководства, который якобы вызревал давно и принял совершенно отчетливые формы к середине 30-х годов. В соответствующей литературе тема заговора освещается по-разному. Одни считают, что такой заговор действительно существовал, другие, что разговоры о нем были лишь предлогом для Сталина организовать чистку в армии. Аргументы, приводимые сторонниками и первой, и второй версий, заслуживают внимания. Они в определенной степени логичны, хотя имеют свои сильные и слабые стороны. Полагая, что нет необходимости в деталях анализировать эти версии, все же на некоторых важных моментах следует остановиться.

⁷ "Источник". 1994 г. № 3. С. 78–79.

⁸ "Вопросы истории" 1994 г. № 8. С. 11.

⁹ **Реабилитация.** Политические процессы 30 – 50-х годов. С. 293.

Одна из основных версий сводится к тому, что материал на Тухачевского и группу высших генералов Красной Армии как на агентов, завербованных Германией, был сфабрикован гестапо и подброшен Сталину. Руководство германской разведки якобы убедило Гитлера в том, что такая провокация позволит ослабить боеготовность Красной Армии и посеет семена брожения в самом армейском руководстве. Главное же состояло в том, что руками Сталина будет ликвидирована группа наиболее видных руководителей армии. Надежды на успешную реализацию такого рода провокации вселяло то обстоятельство, что сам Тухачевский, а также Якир, Уборевич и другие на протяжении ряда лет поддерживали тесные контакты с германским рейхсвером. Правда, делалось это на официальном уровне, поскольку с середины 20-х годов Советский Союз и Германия осуществляли довольно тесное и разностороннее сотрудничество не только в экономической сфере, но и по военной линии. Советские военачальники совершали командировки в Германию, обменивались опытом с рейхсвером, проводили мероприятия иного рода по углублению сотрудничества в военной области. Это делалось вполне официально, но, разумеется, в полусекретном порядке, чтобы не демонстрировать перед Францией и Англией и другими державами нарушение ограничений, наложенных на Германию Версальским мирным договором. Немецкие военные, в свою очередь, посещали Советский Союз, где осуществлялась, в частности, и подготовка некоторых категорий немецких военных специалистов. Это сотрудничество было взаимовыгодным и в нем были заинтересованы обе страны. Естественно, что при его осуществлении подписывались соответствующие документы. Последнее обстоятельство позволяло немецкой разведке изготовить поддельные материалы, свидетельствующие о том, что ряд советских военачальников были завербованы гестапо.

Эту версию обычно связывают с именем В. Шелленберга, начальника немецкой внешней разведки, который предал ее гласности в своих мемуарах, опубликованных в 1956 году. Многие исследователи называют эту версию фальшивкой Шелленберга. Но прежде чем перейти к критическому разбору этой версии, хочу специально оттенить два важных обстоятельства. Первое. Подозрения относительно Тухачевского и его отнюдь не только чисто официальных контактах с немецкими военными возникали и раньше. Имеются данные о том, что ОГПУ внимательно отслеживал его деятельность, подозревая, что тот ведет двойную игру. Так, например, в 1930 году эти подозрения всплыли наружу из-за показаний на Тухачевского ряда арестованных лиц. Скорее всего, эти лица исполняли роль провокаторов. В 1930 г. арестованные преподаватели Военной Академии им. Фрунзе Какурин и Троицкий дали показания о том, что Тухачевский, командовавший тогда войсками Ленинградского военного округа, якобы считает положение в стране тяжелым и выжидает благоприятной обстановки для захвата власти и установления военной диктатуры, что у Тухачевского имеется много сторонников в военных кругах.

24 сентября 1930 г. Сталин в письме Орджоникидзе писал:

«Прочти-ка поскорее показания Какурина — Троицкого и подумай о мерах ликвидации этого неприятного дела. Материал этот, как видишь, сугубо секретный: о нем знает Молотов, я, а теперь будешь знать и ты. Не знаю, известно ли Климу об этом. Стало быть, Тухачевский оказался в плену у антисоветских элементов и был сугубо обработан тоже антисоветскими элементами из рядов правых. Так выходит по материалам. Возможно ли это? Конечно, возможно, раз оно не исключено. Видимо, правые готовы идти даже на

военную диктатуру, лишь бы избавиться от ЦК, от колхозов и совхозов, от большевистских темпов развития индустрии. Как видишь, показания Орлова и Смирнова (об аресте ПБ) и показания Какурина и Троицкого (о планах и «концепциях» Тухачевского) имеют своим источником одну и ту же питательную среду — лагерь правых. Эти господа хотели, очевидно, поставить военных людей Кондратьевым — Громянам — Сухановым. Кондратьевско-сухановско-бухаринская партия, — таков баланс. Ну и дела... Покончить с этим делом обычным порядком (немедленный арест и пр.) нельзя. Нужно хорошенько обдумать это дело»¹⁰.

Были проведены очные ставки, на которых присутствовал сам Сталин. В конечном итоге тогда дело разрешилось в пользу Тухачевского.

Сталин в письме Молотову от 23 октября 1930 г. сообщал: «Что касается дела Тухачевского, то последний оказался чистым на все 100%. Это очень хорошо»¹¹. Судя по письму, Сталин был доволен исходом дела. Однако это отнюдь не означало, что вождь питал полное доверие к Тухачевскому. Тем более что еще со времен войны с Польшей в 1920 году в отношениях между ними существовали серьезные проблемы, связанные с диаметрально противоположной оценкой причин наших поражений и виновников таковых. Тухачевский, к примеру, считал Сталина главным виновником финальных неудач советских войск в ту войну. Кое-кто из историков полагает, что давний эпизод времен Гражданской войны и предопределил в конечном счете непреодолимо враждебное отношение вождя к Тухачевскому. Всем, и в первую очередь самому Сталину, была известна непомерная амбициозность Тухачевского, давшая повод называть его красным Наполеончиком (или Бонапартиком). Все это как бы накладывалось одно на другое и в итоге возникла непреодолимая пропасть между вождем и Тухачевским.

Второе. Сталин, конечно, не любил Тухачевского, но до поры до времени скрывал свое истинное отношение к нему. Он учитывал определенный авторитет, которым пользовался тот в военных кругах, а кроме того, с явным удовлетворением наблюдал за соперничеством между Тухачевским и наркомом обороны Ворошиловым. Хотя Ворошилов и был человеком Сталина, тем не менее последний охотно поощрял и даже порой провоцировал раздоры между своими сторонниками. Эти личные моменты были личными только на первый взгляд. В условиях резкого обострения обстановки они могли легко и естественно перенестись в политическую плоскость. Так, например, в период коллективизации, когда обстановка на селе часто доходила до градуса кипения, это отражалось и на положении в армии — ведь значительная часть красноармейцев были крестьянами и общее недовольство в деревне отражалось и на их позиции. Сталин, как политик реалистического плана, не мог сбрасывать со счета, что военные — даже если они и не представляли собой организованную оппозицию — могут в случае каких-либо осложнений при проведении сталинского политического курса выступить против него. Причем в отличие от лиц гражданских — типа Бухарина и Рыкова — в их распоряжении имелись реальные инструменты для осуществления военного заговора с целью устранения вождя от власти. Словом, с военными шутки были плохи, особенно если учесть бонапартистские замашки людей типа Тухачевского. Поэтому для последнего серьезным и симптоматическим сигналом должен был послужить и, очевидно, послужил, на первый взгляд, мимолетный

¹⁰ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 231–232.

Там же. С. 231.

эпизод, когда во время процесса над троцкистами как бы мимоходом и без явной политической подоплеки прозвучала его фамилия в показаниях одного из подсудимых.

Суммируя, можно сказать, что определенная почва для подозрений в отношении Тухачевского существовала. И согласно одной из основных версий, гитлеровская разведка решила воспользоваться ситуацией. Вот как излагает планирование и осуществление этой операции сам В. Шелленберг: «От одного белогвардейского эмигранта, генерала Скоблина, Гейдрих (в то время начальник службы безопасности Германии — Н. К.) получил сведения о том, что Тухачевский, маршал Советского Союза, участвовал вместе с германским генеральным штабом в заговоре, имевшем своей целью свержение сталинского режима.

Гейдрих сразу понял огромное значение этого донесения. При умелом его использовании на руководство Красной Армии можно было обрушить такой удар, от которого она не оправилась бы в течение многих лет. Янке (один из сотрудников службы безопасности Германии — Н. К.) придерживался противоположного мнения. Он предупредил Гейдриха, что Скоблин мог вести двойную игру и что его сообщение могло быть сфабриковано русскими и передано Скоблиным по распоряжению Сталина. Янке полагал, что Сталин преследовал этим двойную цель: он хотел ослабить германский генеральный штаб, вызвав у Гейдриха подозрения против его руководства, и, в то же самое время, он смог бы выступить против советской военной фракции, которую возглавлял Тухачевский. Янке считал, что, учитывая обстановку внутри Советского правительства, Сталин не хотел сам начинать процесс против генералов и предпочитал, чтобы инкриминирующий материал поступил из-за границы»¹². И далее Шелленберг продолжает: «По зрелом размышлении решено было установить контакт со Сталиным через следующие каналы: одним из немецких дипломатических агентов, работавших под началом штандартенфюрера СС Беме, был некий немецкий эмигрант, проживавший в Праге. Через него Беме установил контакт с доверенным другом доктора Бенеша, тогдашнего президента Чехословацкой Республики. Доктор Бенеш сразу же написал письмо лично Сталину, от которого к Гейдриху по тем же каналам пришел ответ с предложением установить контакт с одним из сотрудников советского посольства в Берлине. Мы так и поступили, и названный русский моментально вылетел в Москву и возвратился в сопровождении личного посланника Сталина, предъявившего специальные полномочия от имени Ежова, бывшего в то время начальником ГПУ.

Сталин запрашивал, в какую сумму мы оцениваем собранный материал. Ни Гитлер, ни Гейдрих и не помышляли о том, что будет затронута финансовая сторона дела. Однако, не подав и вкось, Гейдрих запросил три миллиона рублей золотом, которые эmissар Сталина выплатил сразу после самого беглого просмотра документов.

Материал против Тухачевского был передан русским в середине мая 1937 года»¹³.

Такова в общих чертах картина, нарисованная начальником немецкой внешней разведки В. Шелленбергом. Она подверглась серьезной критике как малодостоверная и противоречивая. Вот мнение одного из видных руководителей советской разведки сталинских времен П. Судоплатова: «Для меня это — миф. Подобные документы так и не были обнаружены в архивах КГБ или архивах самого Сталина...

Уголовное дело против Тухачевского целиком основывалось на его собственных признаниях, и какие бы то ни было ссылки на конкретные инкриминирующие факты,

¹² Вальтер Шелленберг. Лабиринт. М. 1991. С. 37.

¹³ Там же. С. 39.

полученные из-за рубежа, начисто отсутствуют. Если бы такие документы существовали, то я как заместитель начальника разведки, курировавший накануне войны и немецкое направление, наверняка видел бы их или знал об их существовании.

...Итак, в действительности нет никаких данных о несанкционированных контактах Тухачевского с немцами. Зато в архивах много материалов, содержащих обзоры зарубежной прессы и отклики руководителей западных стран о заговоре Тухачевского»¹⁴.

Серьезной критике эта версия подвергнута и в книге двух российских авторов, специально посвященной теме заговоров против Сталина и против Гитлера, которые существовали, соответственно — в советских и в германских военных кругах. Их аргументация сводится к следующему: «В первую очередь поразительное легкоеверие Сталина. Получив сомнительное досье на одного из крупнейших военачальников, первых людей государства, он практически тут же отдает приказ о его аресте. Через несколько недель тот уже осужден и расстрелян — без какой бы то ни было проверки по линии разведки, без признаков сомнений и колебаний. Вот так вот взял и поверил, хотя за несколько лет до того не верил куда более серьезным обвинениям против того же Тухачевского. Этот факт хорошо ложится в версию о сталинской паранойе, но, поскольку сталинская паранойя пока что никем не доказана...»¹⁵

А. Колпакиди и Е. Прудникова в своей книге развернуто мотивируют свою версию о существовании военного заговора против Сталина. Они, в частности, пишут, что Тухачевский был властью недоволен — непонимание его проектов реорганизации армии, необходимость подчиняться наркому, которого он и его соратники ни в грош не ставили. Колоссальная амбициозность, за которую его прозвали «наполеончиком», довершала дело. Сведения о «военной партии» стали поступать еще в 1923 — 1924 гг., а затем в 1931 — 1932 годах. Правда, партия — это еще не заговор, а всего лишь группа единомышленников. Но так было у военных. А политический заговор к тому времени уже сформировался и развивался полным ходом.

Как и немецкий, наш заговор объединил все оппозиционные Сталину группы, которые в начале 30-х годов стали, не сливаясь, все же формироваться в единую силу. Ибо даже таких антагонистов, как троцкисты и «правые», вполне может объединить нечто, что сильнее любых партийных раздоров, — единая ненависть к общему врагу¹⁶.

В качестве доказательства существования заговора военных против Сталина некоторые авторы, в том числе и те, которых я выше цитировал, приводят показания Н. Крестинского на процессе 1938 года. Вот что показал на нем Крестинский: «...Начиная с осени 1936 года Тухачевский торопит с выступлением... В конце ноября 1936 года ...Тухачевский имел со мной взволнованный, серьезный разговор. Он сказал: начались провалы, и нет никакого основания думать, что на тех арестах, которые произведены, дело остановится. Очевидно, пойдет дальнейший разгром троцкистов и правых. Снятие Ягоды из НКВД указывает на то, что тут не только недовольство его недостаточно активной работой в НКВД. Очевидно, здесь политическое недоверие ему, Ягоде, как Ягоде не просто бывшему народному комиссару внутренних дел, а как активному правому, участнику объединенного центра, и, может быть, до этого докопаются. А если докопаются до этого, докопаются и до военных,

¹⁴ Павел Судоплатов. Разведка и Кремль. С. 104.

¹⁵ А. Колпакиди, Е. Прудникова. Двойной заговор. Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. М. 2000. С. 285.

¹⁶ См. А. Колпакиди, Е. Прудникова. Двойной заговор. С. 535.

тогда придется ставить крест на выступлении. Он делал выводы: ждать интервенции не приходится, надо действовать самим. Начинать самим — это трудно, это опасно, но зато шансы на успех имеются. Военная организация большая, подготовленная, и ему кажется, что надо действовать»¹⁷

Приведенные рассуждения едва ли могут рассматриваться как серьезный и убедительный аргумент, поскольку, как уже было сказано выше и о чем речь будет идти и дальше, знаменитые открытые судебные процессы 1936 — 1938 гг., если не полностью, то в своих самых существенных частях являлись плодом фальсификации. После тщательного расследования почти все обвиняемые, за исключением разве что Ягоды, были реабилитированы. Можно, конечно, поставить под вопрос правомерность такой реабилитации и с упорством, достойным лучшего применения, доказывать, что все, сказанное на этих процессах, — чистейшая правда. Лично у меня сложилось убеждение, что к материалам данных процессов нельзя относиться с доверием как к объективному исторически достоверному источнику. Хотя, я допускаю, что многие детали, всплывшие в ходе этих процессов, соответствовали действительности. Но в конечном счете не отдельные детали, а главное содержание этих процессов, формула предъявленных обвинений, — все это было далеко от действительности.

Однако на существование реального заговора военных против Сталина проливают свет не одни только материалы указанных процессов. Трезвый, лишенный эмоционального налета, анализ тогдашней ситуации в стране дает основания предполагать, что такого рода заговор вполне мог существовать. Характерно в этом плане, что информация о нем поступала не только через посредство чехословацкого президента Бенеша, но и по другим каналам. В марте 1937 года советский посол во Франции В. Потемкин доносил в телеграмме в Москву, что премьер-министр Э. Даладье сообщил ему, что «Из якобы серьезного французского источника он недавно узнал о расчетах германских кругов подготовить в СССР государственный переворот при содействии враждебных нынешнему советскому строю элементов из командного состава Красной Армии... Даладье добавил, что те же сведения о замыслах Германии получены военным министерством из русских эмигрантских кругов...»¹⁸

Американский биограф Сталина А. Улам, отвергая версию о существовании военного заговора против Сталина, тем не менее приводит в своей книге интересное, даже весьма многозначительное заявление одного из авторов меньшевистского зарубежного издания «Социалистический вестник»: «...Я не скажу, что Сталин уже является заложником армии... но в течение короткого периода времени политическое руководство страной перейдет в руки армии»¹⁹. Действительно, не слишком ли много совпадений? Различные источники сообщают об одном и том же! Это заставляет серьезно задуматься и не отбрасывать как якобы явную фальсификацию версию о проводившейся реальной подготовке к военному перевороту, который планировался Тухачевским и другими военными. В этой связи любопытны сведения, сообщаемые А. Орловым. Он писал: «Среди иностранных дипломатов в Москве получила распространение легенда о «большом человеке в Кремле». Полагали, что столь чудовищные действия мог предпринять лишь ненормальный, охваченный манией

Судебный отчет. Материалы военной коллегии верховного суда СССР. М. 1997. С. 246.

¹⁸ А. Колпакиди, Е. Прудникова. Двойной заговор. С. 287.

¹⁹ Adam B. Ulam. Stalin. P. 446.

преследования. Но нет, всемогущий диктатор не был безумцем. Когда станут известны все факты, связанные с делом Тухачевского, мир поймет: Сталин знал, что делает». И далее он приводит информацию, полученную им в Москве от ответственных сотрудников советской внешней разведки.

— Это был настоящий заговор! — восклицал Шпигельглас (тогда заместитель начальника иностранного отдела НКВД — Н. К.) — Об этом можно судить по панике, охватившей руководство: все пропуска в Кремль были вдруг объявлены недействительными, наши части подняты по тревоге! Как говорил Фриновский, «все правительство висело на волоске»...»²⁰

И едва ли случайным совпадением является то, что примерно в том же духе ситуацию обрисовывает другой советский разведчик-невозвращенец В. Кривицкий. (Правда, в скобках надо заметить, что А. Орлов, когда писал свою книгу, мог воспользоваться информацией, содержащейся в ранее изданной книге В. Кривицкого. Впрочем, это не столь уж принципиально: важно то, что подобные разговоры имели место). Он пишет, что по приезде он «пошел прямо к Фриновскому, заместителю наркома ОГПУ, который вместе с Ежовым проводил великую чистку по приказу Сталина.

— Скажите, что происходит? Что происходит в стране? — добивался я от Фриновского.? Я не могу выполнять свою работу, не зная, что все это значит. Что я скажу своим товарищам за границей?

— Это заговор, — ответил Фриновский.? Мы как раз раскрыли гигантский заговор в армии, такого заговора история еще никогда не знала. Но мы все возьмем под свой контроль, мы их всех возьмем»²¹.

Переворот против Сталина был назначен на 1 мая 1937 г., главным образом из-за того, что Первомайские парады позволяли осуществить значительные перемещения войск в Москву, не вызвав подозрения.

Если принять версию о военном заговоре, то в нее вполне логично вписываются предупредительные ответные меры Сталина. В апреле 1937 года были произведены серьезные перестановки в РККА: маршал Егоров был назначен первым замом наркома обороны, начальником Генерального Штаба — Шапошников. Тухачевского направили командовать Приволжским военным округом, Якира перевели из Московского округа в Ленинградский. Иными словами, заговорщиков, если они были таковыми, лишили реальных рычагов осуществления поставленных ими целей.

24 мая 1937 г. по инициативе Сталина Политбюро рассмотрело вопрос о Рудзутаке и Тухачевском и приняло следующее решение: «ЦК ВКП(б) получил данные, изобличающие члена ЦК ВКП(б) Рудзутака и кандидата ЦК ВКП(б) Тухачевского в участии в антисоветском троцкистско-правом заговорщическом блоке и шпионской работе против СССР в пользу фашистской Германии. В связи с этим Политбюро ЦК ВКП(б) ставит на голосование членов и кандидатов ЦК ВКП предложение об исключении из партии Рудзутака и Тухачевского и передаче их дела в Наркомвнудел»²². Через несколько дней аналогичное решение было принято и в отношении Якира и Уборевича. Были приняты решения об отстранении Гамарника (начальник Главного политуправления) и ряда других военных

²⁰ Александр Орлов. Тайная история сталинских преступлений. С. 218–219.

Вальтер Кривицкий. Я был агентом Сталина. С. 241.

Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД 1937 – 1938. Документы. М. 2004. С. 190.

деятелей от своих постов. Участники военного заговора (если, конечно, он существовал в действительности) были арестованы. В предъявленном вскоре обвинительном заключении утверждалось, что в апреле — мае 1937 года органами НКВД был раскрыт и ликвидирован в г. Москве военно-троцкистский заговор, в «центр» руководства которым входили Тухачевский, Гамарник, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман и Фельдман. Военно-троцкистская организация, в которую входили все обвиняемые по этому делу, образовалась в 1932—1933 гг. по прямым указаниям германского генштаба и Троцкого. Она была связана с троцкистским центром и группой правых Бухарина — Рыкова, занималась вредительством, диверсиями, террором и готовила свержение правительства и захват власти в целях реставрации в СССР капитализма.

Как говорится, полный набор обвинений, знакомый по предыдущим процессам. Но нынешний, конечно, имел свою специфику, обусловленную тем фактом, что суду предавались только военные. Для рассмотрения этого дела было создано Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР. В его состав вошли председатель Военной Коллегии Верховного суда СССР В. В. Ульрих, заместитель наркома обороны Я. И. Алкснис, командующий Дальневосточной армией В. К. Блюхер, командующий Московским военным округом С. М. Буденный, начальник Генштаба РККА Б. М. Шапошников, командующий Белорусским военным округом И. П. Белов, командующий Ленинградским военным округом П. Е. Дыбенко и командующий Северо-Кавказским военным округом Н. Д. Каширин. Разумеется, инициатива создания специального военного суда для рассмотрения дела М. Н. Тухачевского и других и включения в состав суда широко известных в стране военных руководителей принадлежала И. В. Сталину.

В этом его предложении был расчет на перспективу: военные сами судят военных, что должно было рассеять всякие сомнения в достоверности предъявляемых подсудимым обвинениям. Единственное, что не учел вождь, это то, что вскоре пятеро из судей сами станут жертвами репрессий. А это не могло не породить в умах некоторых недоумение — как же так получается: вчера еще они судили изменников, а сегодня уже сами оказались изменниками? Но, видимо, тогда в планы вождя не входили репрессии в отношении членов Специального судебного присутствия. Иначе его состав был бы иным.

Пока велись допросы обвиняемых и готовились необходимые судебные документы, Сталин дал указание провести с 1 по 4 июня 1937 г. в Кремле расширенное заседание Военного совета при наркомате обороны СССР с участием членов Политбюро ЦК ВКП(б). На нем обсуждался доклад Ворошилова «О раскрытом органами НКВД контрреволюционном заговоре в РККА». Кроме постоянных членов, на Военном совете присутствовало 116 военных работников, приглашенных с мест и из центрального аппарата Наркомата обороны. Надо отметить, что к 1 июня 1937 г. двадцать членов Военного совета уже были арестованы как заговорщики. Перед началом работы Военного совета все его участники были ознакомлены с показаниями Тухачевского, Якира и других. Так что атмосфера заседаний была накалена и сами заседания проходили довольно бурно. Бурно — не в смысле того, что ставились под сомнения показания обвиняемых, а в том, что они подвергались гневному осуждению и проклятиям.

На расширенном Военном совете 2 июня 1937 г. с большой речью выступил Сталин. Эта его речь заслуживает специального рассмотрения.

Сталин считал необходимым обрисовать политическую физиономию участников военно-фашистского заговора. «Прежде всего, обратите внимание, что за люди стояли во главе военно-политического заговора, — говорил он. — Я не беру тех, которые уже расстреляны, я беру тех, которые недавно еще были на воле. Троцкий, Рыков, Бухарин — это так сказать политические руководители. К ним я отношу также Рудзутака, который также стоял во главе и очень хитро работал, путал все, а всего-навсего оказался немецким шпионом, Карахан, Енукидзе. Дальше идут: Ягода, Тухачевский — по военной линии, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Гамарник — 13 человек. Что это за люди? Это очень интересно знать. Это — ядро военно-политического заговора, ядро, которое имело систематические сношения с германскими фашистами, особенно с германским рейхсвером, и которое приспособляло всю свою работу к вкусам и заказам со стороны германских фашистов»²³.

Далее Сталин детализировал обвинения в шпионаже конкретным лицам. «Тухачевский оперативный план наш, оперативный план — наше святое-святых передал немецкому рейхсверу. Имел свидание с представителями немецкого рейхсвера. Шпион? Шпион. Для благовидности на Западе этих жуликов из западноевропейских цивилизованных стран называют информаторами, а мы-то по-русски знаем, что это просто шпион. Якир — систематически информировал немецкий штаб. Он выдумал себе эту болезнь печени. Может быть он выдумал себе эту болезнь, а может быть она у него действительно была. Он ездил туда лечиться. Уборевич — не только с друзьями, с товарищами, но он отдельно сам лично информировал. Карахан — немецкий шпион. Эйдеман — немецкий шпион. Карахан — информировал немецкий штаб, начиная с того времени, когда он был у них военным атташе в Германии. Рудзук. Я уже говорил о том, что он не признает, что он шпион, но у нас есть все данные. Знаем кому он передавал сведения»²⁴.

В перечислении преступных замыслов военной группировки Сталин особое внимание обращает на то, что она пыталась совершить государственный переворот путем ареста правительства. Видимо, это обстоятельство вызывало у вождя не столько тревогу, сколько негодование. Хотя, конечно, он испытывал и серьезную озабоченность. Вождь говорил об этом с чувством возмущения, смешанного с сарказмом: «Они, видите ли, хотят арестовать правительство в Кремле. Оказалось, что мы кое-что видели. Они хотят в Московском гарнизоне иметь своих людей и вообще поднять войска. Они полагали, что никто ничего не заметит, что у нас пустыня Сахара, а не страна, где есть население, где есть рабочие, крестьяне, интеллигенция, где есть правительство и партия. Оказалось, что мы кое-что видели»²⁵.

Это скромное — мы кое-что видели — подтверждает предположение, что за действиями Тухачевского и других высокопоставленных военных велось тщательное наблюдение и предпринимались превентивные меры предосторожности. Иными словами, если Сталин и не был на все сто процентов уверен в реальном существовании военного заговора, то, вне всякого сомнения, он испытывал к военным определенное недоверие и всерьез опасался, что они не остановятся перед принятием крайних мер в борьбе против него.

Вождь неизменно делал акцент на том, что власти «прошляпили» военный заговор, хотя, как мне кажется, здесь он явно преувеличивает. Если военный заговор был не

²³ "Источник". 1994 г. № 3. С. 73.

²⁴ "Источник". 1994 г. № 3. С. 75.

²⁵ "Источник". 1994 г. № 3. С. 77–78.

мистификацией, а реальным фактом, то сам Сталин в какой-то степени своими действиями (в первую очередь арестами) провоцировал заговорщиков на преждевременные, недостаточно подготовленные действия. Авторы книги «Двойной заговор» приводят слова бывшего сотрудника МИД гитлеровской Германии, который, отвечая на вопрос, почему Тухачевский не выступил раньше и не опередил Сталина, утверждал: «Почему маршал тогда не выступил? Ответ довольно прост. Было трудно координировать действия офицеров генерального штаба и командиров армии, штабы которых нередко находились на расстоянии в тысячи километров друг от друга. Это затруднялось из-за внимательного наблюдения за ними со стороны тайной полиции, что вынуждало их проявлять максимальную осторожность. Переворот против Сталина был назначен на 1 мая 1937 г., главным образом из-за того, что Первомайские парады позволяли осуществить значительные перемещения войск в Москву, не вызвав подозрения»²⁶.

На заседании Военного совета Сталин чрезвычайно резко говорил о том, что в провальном состоянии оказалась разведка. Он подчеркивал: «Нужно проверять людей, и чужих, которые приезжают, и своих. Это значит надо иметь широко разветвленную разведку, чтобы каждый партиец и каждый не партийный большевик, особенно органы ОГПУ, рядом с органами разведки, чтобы они свою сеть расширяли и бдительнее смотрели. Во всех областях разбили мы буржуазию, только в области разведки оказались битыми как мальчишки, как ребята. Вот наша основная слабость. Разведки нет, настоящей разведки. Я беру это слово в широком смысле слова, в смысле бдительности и в узком смысле слова также, в смысле хорошей организации разведки. Наша разведка по военной линии плоха, слаба, она засорена шпионажем. Наша разведка по линии ОГПУ возглавлялась шпионом Гасем и внутри чекистской разведки у нас нашлась целая группа хозяев этого дела, работавшая на Германию, на Японию, на Польшу сколько угодно только не для нас. Разведка — это та область, где мы впервые за 20 лет потерпели жесточайшее поражение. И вот задача состоит в том, чтобы разведку поставить на ноги. Это наши глаза, это наши уши»²⁷.

Примечательно, что именно в выступлении 2 июня 1937 г. он фактически призвал членов партии и все население страны заниматься доносом. Это, как известно, сыграло свою зловещую роль, поскольку под видом вскрытия недостатков и «сигналов» о вражеской деятельности тех или иных лиц или организаций развернулась беспрецедентная волна шпиономании и поиска врагов народа повсюду, где они могли быть. И даже там, где их заведомо не могло быть. Ибо наказ вождя звучал предельно ясно и определенно — «Каждый член партии, честный беспартийный, гражданин СССР не только имеет право, но обязан о недостатках, которые он замечает, сообщать. Если будет правда, хотя бы на 5%, то и это хлеб»²⁸. На первый взгляд, этот призыв вроде и не выглядел столь взрывоопасным, могущим вызвать настоящий девятый вал доносительства. Но учитывая сложившуюся тогда ситуацию, его нельзя квалифицировать иначе, как призыв к «охоте на ведьм».

Сталин фактически выразил вотум недоверия Генштабу РККА: «Генеральный штаб существует для того, чтобы он изо дня в день проверял людей, давал бы ему советы,

²⁶ А. Колтакиди, Е. Прудникова. Двойной заговор. С. 357.

²⁷ "Источник". 1994 г. № 3. С. 79.

²⁸ Там же. С. 80.

поправлял. Может какой командующий округом имеет мало опыта, просто сам сочинил что-нибудь, его надо поправить и придти ему на помощь. Проверить как следует.

Так могли происходить все эти художества — на Украине Якир, здесь в Белоруссии — Уборевич. И вообще нам не все их художества известны, потому что люди эти были предоставлены сами себе и что они там вытворяли, бог их знает!

Генштаб должен знать все это, если он хочет действительно практически руководить делом. Я не вижу признаков того, чтобы Генштаб стоял на высоте с точки зрения подбора людей»²⁹.

Выступление Сталина на заседании Военного совета некоторым историкам кажется выступлением растерянного человека. Но, по-моему, это в корне ошибочное представление. Хотя его и подкрепляют аргументом, будто Сталин знал, что в заговоре принимают участие, помимо Тухачевского и других арестованных военных, многие другие. То есть масштабы заговора были гораздо более значительными, чем казалось вначале, и поэтому, мол, вождь пытался предотвратить объединение против него всех недовольных военных. Мол, этими соображениями продиктовано было и его следующее заявление:

«Я думаю, что среди наших людей, как по линии командной, так и по линии политической, есть еще такие товарищи, которые случайно задеты. Рассказали ему что-нибудь, хотели вовлечь, пугали, шантажом брали. Хорошо внедрить такую практику, чтобы если такие люди придут и сами расскажут обо всем — простить их. Есть такие люди?

ГОЛОСА. Безусловно. Правильно.

СТАЛИН. Пять лет работали, кое-кого задели случайно. Кое-кто есть из выжидающих, вот рассказать этим выжидающим, что дело проваливается. Таким людям нужно помочь с тем, чтобы их прощать...

СТАЛИН. Простить надо, даем слово простить, честное слово даем»³⁰.

Конечно, всерьез принимать это «честное слово» было бы верхом наивности. Сталин, конечно, не намеревался прощать даже тех, кто явится с повинной, хотя рассчитывать на такую явку в тех условиях было, с объективной точки зрения, абсурдно, поскольку такого рода преступления, если они совершались, не подлежали никакому прощению и, разумеется, не имели срока давности. И потенциальные противники вождя понимали это не хуже, чем он сам. Тем не менее, во исполнение данного обещания наркомом обороны 21 июня 1937 г. был издан приказ, в соответствии с которым предписывалось: «Командирам, начальникам, военным комиссарам, военным прокурорам и особым отделам ГУТБ НКВД СССР военнослужащих, участников контрреволюционных и вредительских фашистских организаций, раскаявшихся в своих преступлениях, добровольно явившихся и без утайки рассказавших обо всем, как ими совершенном, так и назвавших всех своих сообщников и единомышленников, задержанию и аресту не подвергать и против них уголовного преследования не возбуждать»³¹.

Независимо от того, какими мотивами было продиктовано решение о прощении тех, кто явится с повинной, его нельзя расценивать как нечто бессмысленное и не имевшее своей подоплеки. Видимо, Сталин хотел тем самым расчистить себе почву для проведения дальнейших репрессий в армии, ссылаясь на то, что затаившиеся враги не вняли его призыву. И явным знаком этого был следующий пассаж из обращения наркома обороны к

²⁹ "Источник". 1994 г. № 3. С. 80–81.

³⁰ "Источник". 1994 г. № 3. С. 85.

³¹ "Русский архив". Великая Отечественная. Т. 2 (1). М. 1994. С. 18.

армии в связи с делом Тухачевского и других. «Сейчас эти враги народа пойманы с поличным. Они целиком признались в своем предательстве, вредительстве и шпионаже. Нельзя быть уверенными, что и эти зачатые враги трудящихся полностью рассказали все, что они сделали. Нельзя верить и тому, что они выдали всех своих единомышленников и сообщников. Но главные организаторы, руководители и шпионы, непосредственно связанные с германским и японским генеральными штабами и их разведками, разоблачены. Они получают заслуженное возмездие от карающей руки советского правосудия»³².

Еще накануне ареста Тухачевского по инициативе Сталина 10 мая 1937 г. было принято решение принципиальной важности — о введении института военных комиссаров. (Институт военных комиссаров был отменен через несколько лет после окончания Гражданской войны.) Одновременно было принято решение о создании в военных округах военных советов, значительно ограничивавших власть командующих округами. Это, несомненно, были шаги, сигнализирующие о том, что Сталин решил установить жесткий партийный (читай — личный!) контроль над вооруженными силами. По его мысли, такой контроль если не сделает невозможным возникновение серьезной военной оппозиции его курсу, то значительно затруднит практическую реализацию подобного рода замыслов. Данная задача, главная в ту пору, четко была сформулирована в положении о военных комиссарах, где, в частности, говорилось: «Военный комиссар совместно с командиром обязан оградить вверенную ему воинскую часть (соединение, управление, учреждение и пр.) от проникновения и появления в ней врагов народа, шпионов, диверсантов, вредителей, пресекая немедленно и решительно всякие действия, могущие нанести вред РККА»³³.

11 июня 1937 г. в Москве Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР в закрытом судебном заседании рассмотрело дело об обвинении следующих лиц: Маршал Советского Союза Тухачевский, заместитель наркома обороны СССР, командарм 1 ранга Якир, командующий войсками Киевского военного округа; командарм 1 ранга Уборевич, командующий войсками Белорусского военного округа; командарм 2 ранга Корк, начальник Военной академии им. М. В. Фрунзе; комкор Эйдеман, председатель Центрального Совета Осоавиахима СССР; комкор Фельдман, бывший начальник Управления по начсоставу НКО СССР; комкор Примаков, заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа; комкор Путна, военный атташе СССР в Великобритании.

После зачитания обвинительного заключения все подсудимые, отвечая на вопросы председателя суда, заявили, что они признают себя виновными. В дальнейшем они, выполняя требования работников НКВД, подтвердили в суде в той или иной степени показания, которые дали на следствии.

В день суда в республики, края и области И. В. Сталиным было направлено указание: «Нац. ЦК, крайкомам, обкомам. В связи с происходящим судом над шпионами и вредителями Тухачевским, Якиром, Уборевичем и другими ЦК предлагает вам организовать митинги рабочих, а где возможно, и крестьян, а также митинги красноармейских частей и выносить резолюцию о необходимости применения высшей меры репрессии. Суд, должно

³² "Русский архив." Великая Отечественная. Т. 2 (1). С. 17.

³³ "Русский архив." Великая Отечественная. Т. 2 (1). С. 24.

быть, будет окончен сегодня ночью. Сообщение о приговоре будет опубликовано завтра, т. е. двенадцатого июня. 11. VI. 1937 г. Секретарь ЦК Сталин»³⁴.

Не будем освещать обстановку и весь ход судебного заседания. Приведем лишь свидетельство С. М. Буденного, который был членом Специального судебного присутствия. Вот что он писал о поведении на суде Тухачевского: «Тухачевский с самого начала процесса суда при чтении обвинительного заключения и при показании всех других подсудимых качал головой, подчеркивая тем самым, что, дескать, и суд, и следствие, и все, что записано в обвинительном заключении, — все это не совсем правда, не соответствует действительности. Иными словами, становился в позу непонятого и незаслуженно обиженного человека, хотя внешне производил впечатление человека очень растерянного и испуганного. Видимо, он не ожидал столь быстрого разоблачения организации, изъятия ее и такого быстрого следствия и суда...»³⁵

Тухачевский в своем выступлении вначале пытался опровергнуть свои показания, которые он давал на предварительном следствии...»³⁵

11 июня 1937 г. председательствующим В. В. Ульрихом был оглашен приговор о расстреле всех восьми подсудимых. Приговор приведен в исполнение 12 июня 1937 г. Уже через девять дней после суда над Тухачевским были арестованы как участники военного заговора 980 командиров и политработников, в том числе 29 комбригов, 37 комдивов, 21 комиссар³⁶. В дальнейшем волна репрессий непрерывно нарастала, вовлекая в свою зловещую орбиту все большее число людей.

Подводя краткий итог рассмотрению вопроса о так называемом военном заговоре, стоит привести оценку этого дела помощником японского военного атташе в Москве, который внимательно и, как видно из приводимого пассажа, со знанием дела следил за развитием ситуации в Москве. «Неправильно рассматривать расстрел Тухачевского и нескольких других руководителей Красной Армии, как результат вспыхнувшего в армии антисталинского движения. Правильно будет видеть в этом явление, вытекающее из проводимой Сталиным в течение некоторого времени работы по чистке, пронизывающей всю страну. Подобного рода процессы, надо полагать, будут иметь место и в дальнейшем. Эта чистка началась еще с позапрошлого года. В основе ее лежит желание Сталина, в связи с растущей напряженностью международного положения, достигнуть политического укрепления внутри страны и обеспечить себе свободу действий для проведения в жизнь своих планов. Первым шагом была чистка коммунистической партии... Чистки неоднократно проводились и в прошлом, но чистка, начатая в позапрошлом году, была первым шагом в задуманной Сталиным общей чистке внутри государства... Можно строить различные предположения, но вероятно никто не сможет оспаривать, что нынешний процесс связан с проводимой СТАЛИНЫМ чисткой в стране, иными словами, что он имеет целью укрепление диктатуры СТАЛИНА. Следовательно, в данном случае имел место какой-то болезненный процесс — в виде ли намерений группы ТУХАЧЕВСКОГО свергнуть власть или в какой-нибудь другой форме, и против этого обрушился нож сталинской власти, то есть инициатива исходила от сталинской власти»³⁷.

³⁴ Реабилитация. Политические процессы 30 – 50-х годов. С. 298.

³⁵ Цит. по А. Колтакиди, Е. Прудникова. Двойной заговор. С. 412.

³⁶ Реабилитация. Политические процессы 30 – 50-х годов. С. 299.

³⁷ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД 1937 – 1938. С. 442, 445.

Было бы, однако, неверно с исторической точки зрения все сводить к так называемому делу Тухачевского и его соратников (если вообще допустимо считать всех осужденных вместе с ним его соратниками, поскольку ряд из них можно было бы с достаточным основанием считать и его соперниками). Репрессии затронули неизмеримо более широкий круг военных кадров. Об их массовом характере свидетельствует тот факт, что репрессии осуществлялись, так сказать, на основе целых списков, а не просто индивидуально. Так, в июле 1938 года Ежов направил Сталину список из 139 видных партийных, советских и военных работников, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР. В их числе были Агранов (бывший заместитель Ягоды и Ежова), которого считали человеком, пользовавшимся доверием Сталина. Сюда входили также Алкснис (замнаркома обороны по ВВС), Берзин (бывший начальник разведуправления РККА), Бубнов, Варейкис, Затонский (на XVII съезде был председателем счетной комиссии, докладывавшем о результатах голосования по выборам в состав руководящих органов партии). Канделаки — тот самый, который вел первоначально переговоры с немцами об укреплении отношений между двумя странами и которого считали личным доверенным лицом Сталина на этих переговорах. В списке были некоторые видные работники НКВД (Дерibas, Леплевский и другие). Сюда же был включен и Миф — представитель Коминтерна при ЦК компартии Китая. Пятницкий — видный деятель Коминтерна. Ряд видных военных — Дыбенко, Дубовой, Кутяков, Седякин, Уншлихт (бывший одно время заместителем председателя ОГПУ, а затем занимавшим крупные посты в РККА). Сюда же входили видные партийные и советские работники Чубарь и Межлаук — первый был членом ЦК и заместителем председателя СНК, второй заместителем председателя Совнаркома СССР. В списке фигурировал и Рудзутак — бывший член ЦК и, как помнит читатель, лицо, которое фигурировало в 1924 году как кандидатура на пост Генерального секретаря ЦК вместо Сталина. Словом, список был обширным и включал в себя, можно сказать, представителей всех наиболее влиятельных прослоек партийного и государственного руководства. На первом листе списка имеется резолюция: «За расстрел всех 138 человек И. Ст., В. Молотов». Рукой Сталина из списка пока был вычеркнут Егоров — первый заместитель наркома обороны и старый соратник Сталина еще по Царицынскому фронту³⁸. Через короткое время сталинская немезида настигла и Егорова, приговоренного к расстрелу.

Можно было бы и далее приводить факты, раскрывающие масштабы репрессий в армии, — и не только в армии — и прямую вину вождя, в частности, в том, что он лично отдавал распоряжения о применении методов физического воздействия по отношению к арестованным. Так, 13 сентября 1937 г. он дал указание «избить Уншлихта за то, что он не выдал агентов Польши по областям (Оренбург, Новосибирск и т. п.)»³⁹. Однако нельзя сводить дело к отдельным фактам и цифрам. Необходимо подвести, так сказать, общий баланс репрессий в отношении армейских кругов. Здесь обобщенные данные весьма внушительны.

Российский автор О. Сувениров специальное исследование посвятил трагедии РККА в 1937 — 1938 годах. Он сообщает, что в эти годы было репрессировано 3 маршала Советского Союза, 5 командармов 1 ранга, 1 армейский комиссар 1 ранга, 10 командармов 2 ранга, 5 флагманов флота 1-го и 2-го ранга, 14 армейских комиссаров 2 ранга, 63 комкора

³⁸ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД 1937 – 1938. С. 540–545.

³⁹ Там же. С. 352.

и по неполным данным — 30 корпусных комиссаров, 151 комдив, 13 флагманов 1-го и 2-го ранга, 86 дивизионных комиссаров, 20 дивизионных интендантов, 12 диввоенюристов, 243 комбрига, 143 бригадных комиссара, 28 бригадинженеров, 19 бригадинтендантов, 20 бригавоенюристов, 19 капитанов 1 ранга. Seriously пострадало и полковое звено: по далеко неполным данным, было арестовано 318 полковников, 163 полковых комиссара (только по март 1938 г.), 23 военинженера 1 ранга, 28 интендантов 1 ранга⁴⁰.

Цифры эти не нуждаются в комментариях: они говорят сами за себя.

Подчеркивая масштабность репрессий в отношении армейских кадров в эти годы, нельзя, как это сознательно и целенаправленно делают историки и публицисты так называемого демократического покроя и многие западные специалисты, произвольно преувеличивать количество жертв репрессий до невероятных и далеких от действительности размеров. Ведь даже истинные, а не сфальсифицированные цифры, служат неопровержимым доказательством вины Сталина. Так что не нужно прибегать еще и к фальсификациям всякого рода, чтобы еще больше усугубить эту его вину. Историческая картина прошлого не может строиться на базе фальсификаций любого толка. И это относится не только к рассматриваемому отрезку времени, но и вообще ко всему советскому периоду истории нашей страны.

Я не стану в деталях рассматривать проблему числа жертв сталинских репрессий в армии. Думаю, что в данном вопросе достаточно будет сослаться на фактические данные, внушающие доверие. Имеются в виду цифры, которые приводит в своей книге упомянутый выше О. Сувениров. Причем обязательно надо подчеркнуть одно обстоятельство — он ничуть не склонен преуменьшать вину Сталина, поскольку относится к нему резко отрицательно. И тем не менее, он решительно выступает против всякого рода искажений исторических фактов. Причем искажения эти имеют только одну направленность — они чуть ли не на целый порядок преувеличивают число жертв в армии. Позволю себе процитировать соответствующий пассаж из его работы.

Он пишет: «Примерно с начала 60-х годов по существу официальными стали данные, приведенные в некоторых закрытых в то время изданиях. Считалось общепризнанным, чуть ли не аксиоматичным, что с мая 1937 г. по сентябрь 1938 г. было репрессировано 36 761 человек в Красной Армии и свыше 3 тысяч — в Военно-Морском Флоте. С тех пор долгие годы везде и всюду в разных вариантах фигурировала именно эта цифра. Сорок или более сорока тысяч репрессированных в РККА, так считали Д. А. Волкогонов, Алесь Адамович, С. П. Иванов, Ф. Б. Комал, В. М. Кулиш, Н. Г. Павленко, Ф. М. Сергеев и др.

Затем на каком-то этапе между некоторыми авторами началась своеобразная гонка: кто из них назовет более высокую цифру безвинно уничтоженных военных — Л. А. Кишнер поднял эту цифру до 44 тыс., а А. И. Козлов пишет, что погибло «вероятно около 45 тысяч армейских командиров». Г. А. Куманев неоднократно печатно утверждал, что число безвинно погибших одних лишь военнослужащих командного состава приближается к 50 тысячам. Есть авторы, которые потери «чистых» командиров оценивают в 50 — 60 тысяч. Абсолютный рекорд на сегодня очевидно держит академик РАН А. Н. Яковлев, совсем недавно заявивший в солидной и авторитетной газете: «Более 70 тысяч командиров Красной Армии были уничтожены Сталиным еще до войны». Читая все это, так и хочется воскликнуть: «Кто больше?»

⁴⁰ О. Ф. Сувениров. Трагедия РККА. 1937–1938. М. 1998. С. 138.

Органическая слабость всех этих заявлений состоит прежде всего в том, что они публиковались без всякой ссылки на надежные достоверные документы по принципу: «Я так оцениваю...» и поэтому уже изначально никакой научной значимости не имеют. Хуже того. Эти данные полностью опровергаются многочисленными первоначальными уже опубликованными и архивными документами высшего государственного уровня и, следовательно, свидетельствуют либо об отсутствии должной осведомленности почтенных авторов, либо о невольной или вольной фальсификации истинных размеров трагедии РККА в 1937 — 1938 гг.⁴¹

О. Сувениров опровергает (мягко выражаясь) и домыслы таких западных авторов, как Р. Конквест, которые утверждают, что было уничтожено или попало в тюрьму около половины командного состава РККА. Свои выводы О. Сувениров подтверждает строго документальными архивными данными. Согласно сведениям, представленным в ЦК партии тогдашним начальником Управления кадров наркомата обороны Е. А. Щаденко, с 1 марта 1937 г. по 1 марта 1938 г. из общего количества уволенных из РККА по политическим мотивам (17 413 человек) арестовано и осуждено 5329 человек. О. Сувениров считает, что наиболее важным для исследуемой проблемы надо признать данные, представленные Щаденко в ЦК ВКП(б), из которых явствует, что в РККА (без ВВС) в 1937 г. было арестовано по политическим мотивам 4474 лица начсостава, в 1938 г. — 5032, а в 1939 г. — 73. Всего за 1937 — 1939 гг. 9579 человек. Таким образом, общее количество военнослужащих РККА, арестованных по политическим мотивам в 1937 — 1939 гг. складывается из 9579 лиц комначполитсостава РККА (за 1937 г. вместе с ВМФ), примерно 1590 военнослужащих ВВС, а также из неизвестного нам числа арестованных органами НКВД красноармейцев, краснофлотцев и лиц младшего начсостава РККА, лиц комначполитсостава ВМФ за 1938 — 1939 гг. и, наконец, из командиров и политработников, уволенных из армии в 1937 — 1939 гг. (или ранее) по политическим мотивам и уже «на гражданке» арестованных органами НКВД⁴².

Некоторые специалисты придерживаются мнения, что радикального ослабления армии репрессии 1937 года не нанесли в силу их незначительности. Реально в 1937 — 1939 гг. было репрессировано 17981 человек командно-начальствующего состава Красной Армии (арестовано — 8122, уволено по политическим мотивам — 9859), что составляет чуть более 4% от списочного состава командиров и начальников Красной Армии на 15 июня 1941 г. (439143 чел.)⁴³. Однако преобладающим мнением является диаметрально противоположное, согласно которому массовые репрессии обезглавили армию и флот, пагубно сказались на развитии военной мысли. Репрессии ударили прежде всего по кадрам высшего командного и политического состава, центрального аппарата наркоматов обороны и ВМФ. На смену им пришли молодые, неопытные командиры. В командование полками подчас вступали ротные командиры. В Красной Армии получило большое распространение так называемое «вредство» — временное исполнение должности, принесшее военному делу немало бед. На подготовку равноценной замены выбывшим кадрам высшего и старшего звена комсостава требовалось, как показывал опыт того периода, не менее 5 — 7 лет. Но военно-политическая обстановка в Европе в 1939 — 1940 гг. менялась очень быстро. Времени на подготовку высококвалифицированных кадров уже почти не оставалось⁴⁴.

⁴¹ О. Ф. Сувениров. Трагедия РККА. 1937–1938. С. 300.

⁴² Там же. С. 137.

⁴³ "Отечественные записки". 8 декабря 2005г. № 81. С. 13. (Приложение к газете "Советская Россия")

⁴⁴ См. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 2 (1). С. 7–8.

Мне представляется, что ближе всего к исторической правде «золотая середина» между этими двумя диаметрально противоположными точками зрения. И не потому что «золотая середина» всегда лучше крайностей, а в силу того, что она как бы нейтрализует обе крайности и позволяет подойти к оценке с более сбалансированных позиций. Наивно было бы полагать, что устранение из армии (в том числе и путем физического уничтожения) такого относительно большого числа лиц командного состава (как высшего, так и среднего звена) не могло не нанести существенного урона общей боеготовности вооруженных сил страны. Однако не менее наивно было бы полагать, что Сталин, проводя линию на чистку армии, бездумно игнорировал такую потенциальную опасность. Смешно считать, что он был бессознательной жертвой своего недоверия к армейским кадрам высшего звена. Он, разумеется, знал им цену. Реальную цену. Ореол героев Гражданской войны и раздутая пропагандой репутация крупных и блестящих военачальников, которыми пользовались жертвы его репрессий, едва ли вводили его в заблуждение. Поэтому он считал, что устранение значительного числа высших командных кадров не приведет к ослаблению оборонной мощи Советского Союза. Более того, из логики его поведения вытекает, что он полагал необходимым влить свежую кровь в высшую армейскую среду, над которой слишком уж сильно довели каноны и догматы Гражданской войны.

И здесь, мне думается, Сталин во многом был прав. Как впоследствии показал начальный период Великой Отечественной войны, заслуженные военачальники времен Гражданской войны (такие, как Ворошилов, Буденный и ряд других) оказались несостоятельными с точки зрения критериев, предъявляемых современной войной. Иными словами, чистка в армии, помимо своих очевидных отрицательных сторон, имела и другую сторону — она открыла путь для продвижения новых молодых кадров, что безусловно сыграло положительную роль в плане подготовки страны к войне. Конечно, времени на подготовку новых кадров было отпущено не много, но 3 — 4 года все-таки были в распоряжении страны и они не были потеряны даром.

Подводя общий итог рассмотрению проблемы репрессий в отношении военных кадров, можно констатировать следующее. Во-первых, репрессии безусловно нанесли немалый ущерб военному строительству Советского Союза и отрицательно сказались на общей боеготовности нашей армии и флота. Историческую ответственность за это несет прежде всего и главным образом сам Сталин. И любые аргументы, призванные каким-либо образом оправдать его действия, нельзя признать состоятельными, какими бы убедительными они не казались тем, кто их выдвигает. Во-вторых, Сталин, будучи реалистическим политиком и даже кое в чем явным прагматиком, не мог проводить линию на подрыв оборонной мощи страны. Его репрессии в отношении военных кадров были, можно сказать, дозированными. А вождь, как считали его главные политические противники, был великим дозировщиком. Поэтому, в-третьих, не следует непомерно преувеличивать реальные масштабы репрессий и число жертв этих репрессий. В-четвертых, если обвинение военных деятелей в заговоре против сталинского режима имело под собой реальную подоплеку, то проведение репрессий против них находит какое-то историческое оправдание. И дело здесь не в том, что такая логика, мол, оправдывает режим личной власти вождя и что его устранение было бы благом для страны. Дело в том, что военный заговор ставил под угрозу само существование нашего

государства, а не только и не столько сталинского режима как такового. Москва не стала Мадридом, куда четырьмя колоннами вошли войска генерала Франко, а пятая колонна действовала в самом Мадриде. В-пятых, вопрос о военном заговоре против Сталина, как мне представляется, до сих пор остается открытым. Аргументы как в пользу, так и против такой версии, нельзя отбрасывать с порога, ибо не в силу поговорки — нет дыма без огня — а в силу явной противоречивости и двойственности многих фактов (или же отсутствия таковых) реальная картина остается до сих пор непроясненной. Аргументы, приводимые теми, кто решительно и категорически отвергает версию заговора, нередко страдают схематизмом и не во всем убедительны. В этом контексте несомненный интерес представляет книга Н. Черушева, в которой приводится чуть ли не вся совокупность доводов против существования такого заговора⁴⁵.

Здесь нет возможности детально анализировать и сопоставлять аргументы и контраргументы по вопросу о существовании заговора среди военных. Хочу лишь высказать свое личное мнение по этому вопросу. Мнение это таково: в действительности военного заговора против Сталина не было (по крайней мере в той форме, как это было преподнесено на процессе Тухачевского, Якира и др.) Военные не представляли собой сплоченной группы, а тем более организации. Больше того, они были разобщены, между ними существовала конкуренция и личное соперничество. Конечно, многие из них испытывали глубокие сомнения и даже недовольство в отношении политики Сталина в целом. Однако недовольство — это еще не заговор. К тому же, не следует игнорировать тот факт, что армия, и особенно центральные ее звенья, были буквально наспигованы агентами НКВД. Это обстоятельство также не могло не приниматься в расчет теми, кто мог бы замысливать нечто вроде дворцового переворота. Реальной причиной столь крутых мер Сталина против военной верхушки было его недоверие к ней, опасения вождя, что военные способны на любые меры, чтобы устранить его. Далее. Необходимо постоянно учитывать фактор международной обстановки. Эта обстановка была тревожной и политический барометр однозначно указывал на то, что в ближайшие годы разразится война, в которую наша страна будет обязательно вовлечена. Сталин, в силу понятных причин, не мог допустить, чтобы в такой ситуации среди военных появились даже малейшие признаки несогласия с его политическим курсом. В этом коренится одна из причин столь суровых репрессий, обрушенных на военные круги.

Все эти обстоятельства (а я остановился лишь на наиболее существенных из них) должны приниматься во внимание при общей оценке данного периода нашей истории и конкретной роли Сталина в развертывавшихся тогда событиях.

2. Презумпция виновности: процесс Бухарина — Рыкова и др.

Процесс над военными потряс всю страну. Но ее ожидали еще более крупные потрясения. В планы Сталина входило и проведение публичного процесса, который стал бы своего рода венцом всей этой кампании. На очереди явственно проступали контуры подготовки самого грандиозного из всех процессов. И было совершенно очевидно, что

⁴⁵ См. Н. Черушев. "Невиновных не бывает...". Чекисты против военных. 1918 – 1953. М. 2004. С. 372–378.

центральными фигурами предстоявшего судебного действия должны стать Бухарин и Рыков. Принятые на февральско-мартовском пленуме решения не могли не получить своего логического развития в организации процесса. Видимо, Сталин испытывал чувство неудовлетворенности в связи с тем, как были проведены два предыдущих судебных спектакля, поскольку в их ходе, как уже отмечалось, несмотря на тщательную подготовку, имелись существенные накладки, вызывавшие у некоторых, особенно за границей, обоснованные сомнения в виновности осужденных. Новый процесс, в числе прочих задач, призван был развеять эти сомнения. Но главное — он должен был продемонстрировать полное и безоговорочное банкротство всех бывших политических оппонентов вождя. Причем важно было представить их перед всей страной и перед всем миром не в качестве политических противников, а как группу политических бандитов, шпионов зарубежных разведок, террористов и изменников, людей, не имеющих ничего общего с партией большевиков. Масштабы замыслов Сталина, конечно, наводят на мысль, что ему изменило чувство меры и здравого смысла, поскольку он решил соединить в одно целое вещи несовместимые. Идея существования объединенного правотроцкистского блока, положенная вождем в основу готовившегося процесса, у любого, знакомого с историей внутривластной борьбы в 20-е годы, не могла не вызвать больших сомнений.

Ведь Бухарин на практике показал себя непримиримым противником Троцкого и его политических концепций. Порой он в борьбе с троцкизмом проявлял себя даже более жестким, чем сам Сталин. Известно, что в ряде случаев Сталин занимал по отношению к Троцкому более мягкую позицию, чем приверженцы правой линии. А сейчас вождь решил объединить их в нечто единое целое. Хотя надо сказать, что их скорее всего объединяло лишь то, что они оказались на одной скамье подсудимых. Не считая, разумеется, ненависти к вождю, в одинаковой степени присущей как тем, так и другим. Сталин, конечно, знал из истории и собственного опыта политической борьбы, что общая ненависть порой сплачивает гораздо сильнее и надежнее, чем общинность идейных платформ и т. п. Короче, у вождя были свои веские расчеты и всякого рода морально-этические и иные соображения его не особенно беспокоили, они отступали на второй план перед перспективой сконструировать некий общий правотроцкистский заговор, в котором Троцкий играл главную роль, а Бухарин, Рыков и другие танцевали под его дудку.

Подготовка нового процесса в виду его, можно сказать, универсального характера (как по содержанию предъявленных обвинений, так и по персональному составу подсудимых) потребовала немало времени и усилий. Нужно было сломить сопротивление прежде всего главных фигур предстоявшего судебного спектакля — Бухарина и Рыкова. Особую трудность представлял в этом плане Бухарин. Сталин, конечно, знал не только его слабые, но и сильные стороны и отдавал отчет, что сломить Бухарина будет не так просто, как это было с Зиновьевым и Каменевым, а также Пятаковым, Радеком и Сокольниковым.

Тем более, что после своего ареста 27 февраля 1937 г. прямо на пленуме ЦК Бухарин на допросах проявлял стойкость и отсутствие всякой готовности идти навстречу следствию. Протоколы допросов посылались лично Сталину, и он, можно сказать, давал основное направление ходу всего следствия. Со своей стороны, Бухарин многократно обращался с личными письмами к Сталину, в которых решительно отметал обвинения, предъявлявшиеся ему. А эти обвинения, в частности, базировались на показаниях секретного сотрудника НКВД В. Астрова, принадлежавшего в свое время к школе Бухарина.

Этот сексот усердно выполнял роль провокатора, в чем он позднее, когда в послесталинские времена осуществлялась проверка обоснованности приговора и всего процесса, признался сам.

Некоторые фрагменты из душераздирающих писем Бухарина вождю позволяют лучше представить себе атмосферу тех дней и сам характер того, как происходила подготовка к процессу. Трудно сказать, на что рассчитывал Бухарин, посылая свои письма Сталину, которого он прекрасно знал. Об этом можно только гадать. Но явственно проглядывает стремление разубедить Сталина в том, что он, Бухарин, враг партийной линии и Сталина лично. Поэтому он не скупится на безмерные политические реверансы в отношении Сталина и его политики, что, на мой взгляд, уже само по себе должно было лишь усилить недоверие вождя к излияниям своего бывшего союзника по борьбе против Троцкого, Зиновьева и Каменева. Так, в апреле 1937 года он писал Сталину: «... Все эти годы политика определялась так безупречно — и во вне, и внутри — и так беспредвзвешенно-смело, что я видел, как действительно, говоря по-старому, дух Ильича почивает на тебе. Кто решился бы на новую тактику КИ — (Коммунистического Интернационала — Н. К.). На крутые повороты внешней политики? На железное проведение 2-й пятилетки? На вооружения Дальнего Востока и вообще в такой мере? На КВЖД? На организационные реформы? На новую Конституцию? И т. д. Никто. Что же я был слеп? Ничему не научился? Нет, я с великой радостью видел все это и, по мере сил, как умел, помогал. Как все растет, как на дрожжах — было ясно. Как идет подготовка к громаднейшим историческим делам — тоже. Я не настолько мелочен и мелок и глуп, чтобы вспоминать всякие «обиды», разжалования и т. д., что, впрочем, я в свое время заслужил. И видел действительно большое и, без преувеличения, великое, и все больше любил наново тебя, видя твой размах, размах и мысли, и воли, и дела. Мне было часто необыкновенно хорошо, когда удавалось быть с тобой (не тогда, когда вызывался для какого-нибудь разноса), даже тронуть тебя было хорошо. Я действительно стал к тебе чувствовать почти такое же чувство, как к Ильичу — чувство родственной близости, громадной любви, доверия безграничного, как к человеку, которому можно все сказать, все написать, всем поделиться, на все пожаловаться»⁴⁶.

По мере того, как шла его обработка со стороны следователей, Бухарин все больше осознавал ту зловещую неизбежность, которой ему уже не миновать. Он отчаянно пытается пробудить в Сталине хотя бы какие-то остатки человечности. Дело доходит до того, что он в письме от 10 октября 1937 г. пишет ему: «Когда у меня были галлюцинации, я видел несколько раз тебя и один раз Надежду Сергеевну (Н. С. Аллилуеву, покойную жену Сталина — Н. К.). Она подошла ко мне и говорит: «Что же это такое сделали с Вами, Н. И.? Я Иосифу скажу, чтобы он Вас взял на поруки» Это было так реально, что я чуть было не вскочил и не стал писать, чтоб ...ты взял меня на поруки! Так у меня реальность была перетасована с бредом. Я знаю что Н. С. не поверила бы ни за что, что я злоумышлял против тебя, и не даром подсознательное моего несчастного «я» вызвало этот бред. А с тобой я часами разговаривал»⁴⁷.

Конечно, было наивностью со стороны Бухарина прибегать к таким способам разубедить Сталина, вымолить у него пощаду. Подобная аргументация явно не могла растрогать вождя. И в смятении Бухарин переходит от лести к скрытым угрозам не

⁴⁶ "Источник" № 3. 2003 г. С. 50.

⁴⁷ "Источник" № 0. 1993 г. С. 24.

подчиниться воле следователей, т. е. воле самого Сталина. Он не раз заявляет в своих письмах Сталину, что рассчитывать на его, Бухарина, «сотрудничество» со следователями не стоит, что он не пойдет на признание в суде своей вины: «Я отлично знаю, что со мной можно сделать теперь решительно все, что угодно (и «технически» и политически). Но на этих пунктах у меня собираются моментально для протеста все силы души, и я ни при каких условиях не пойду на такую подлость, чтобы клеветать на самого себя из страха или из других аналогичных мотивов»⁴⁸

Письма Бухарина — это крик человеческой души. И, конечно, у объективного человека не возникнет желания обвинить его в том, что он пресмыкается перед своим палачом. Нужно было побывать на его месте, чтобы иметь какое-то право ставить ему в упрек его неумеренные восторги в отношении Сталина и его политики. Хотя, разумеется, Бухарин прекрасно сознавал, что происходит в действительности и какая судьба его ожидает в ближайшие месяцы. В своем обращении к будущему поколению руководителей партии он давал трезвую оценку сложившейся ситуации: «...В настоящее время в своем большинстве так называемые органы НКВД — это переродившаяся организация бездейных разложившихся, хорошо обеспеченных чиновников, которые, пользуясь былым авторитетом ЧК, в угоду болезненной подозрительности Сталина, боюсь сказать больше, в погоне за орденами и славой творят свои гнусные дела, кстати, не понимая, что одновременно уничтожают самих себя — история не терпит свидетелей грязных дел!

Любого члена ЦК, любого члена партии эти «чудодейственные» органы могут стереть в порошок, превратить в предателя-террориста, диверсанта, шпиона. Если бы Сталин усомнился в самом себе, подтверждение последовало бы мгновенно»⁴⁹

Особенно любопытна последняя мысль — «если бы Сталин усомнился в самом себе», то его судьба также была бы предрешена. Думаю, что в данном случае Бухарин явно преувеличивает, отдавая дань какому-то непостижимому, стоящему над человеческим разумом, историческому фатализму. Сталин просто не мог стать жертвой кампании, которую он развязал сам. И едва ли правомерно исходить из того, что органы НКВД осмелились бы поднять руку на своего истинного хозяина. Это — явное преувеличение, не имеющее никакого реального подтверждения фактами и даже подобием фактов. НКВД не определял стратегию репрессий, он был лишь главным реализатором этой стратегии. Дальнейшие события с полной убедительностью подтвердили это.

В данном контексте интересны рассуждения по вопросу репрессий одного из биографов Сталина Р. Пэйна. Он писал: «Только человек, обладающий абсолютной властью в стране, мог осуществить эти процессы. Они не были необходимы и они не были даже опасны для него, но он не был обеспокоен проблемами необходимости или угрозы. Они не добавляли ничего к его власти, так как он уже привел русский народ в состояние унижительной покорности его воле. Его действительные враги находились не среди обвиняемых, а в Берлине. Но ему нужна была «кровавая баня». И далее Р. Пэйн делает весьма категорический и, на мой взгляд, довольно сомнительный вывод: Сталин уже «не может остановить чистки или изменить их каким-либо образом, даже если бы захотел этого»⁵⁰.

Еще как мог, если бы захотел! Но пока все шло по разработанной схеме.

⁴⁸ "Источники" № 3. 2003 г. С. 53.

⁴⁹ Анна Ларина-Бухарина. Незабываемое. М. 1989. С. 362–363.

⁵⁰ C. Robert Payne. The Rise and Fall of Stalin. p. 522–523.

2 — 12 марта 1938 г. в Москве в Доме Союзов проходил процесс по делу т. н. антисоветского правотроцкистского блока. На скамье подсудимых оказались сразу три бывших члена Политбюро — Н. И. Бухарин, А. И. Рыков и Н. Н. Крестинский. Вместе с ними там были бывший нарком внутренних дел Г. Г. Ягода, бывший нарком внешней торговли А. П. Розенгольц, бывший нарком земледелия М. А. Чернов, секретарь Ягоды П. П. Буланов, бывший работник Наркомата путей сообщения СССР В. А. Максимов-Диковский, бывший глава советского правительства Украины и бывший активный деятель Коминтерна Х. Г. Раковский, бывший нарком финансов Г. Ф. Гринько, бывший председатель Центросоюза И. А. Зеленский, бывший нарком лесной промышленности В. И. Иванов, бывший заместитель наркома земледелия П. Т. Зубарев, бывший советник полпреда СССР в Германии С. А. Бессонов, бывший первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана А. И. Икрамов, бывший первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии В. Ф. Шарангович, бывший председатель Совнаркома Узбекской ССР Ф. У. Ходжаев. Трагическую судьбу высокопоставленных партийных и советских работников в этом процессе разделили и беспартийные — врачи Д. Д. Плетнев, И. Н. Казаков и Л. Г. Левин, а также личный секретарь А. М. Горького П. Л. Крючков.

Персональный состав подсудимых свидетельствовал об универсальном характере самого процесса: он призван был с максимальной убедительностью продемонстрировать широту и разветвленность антисоветского заговора и одновременно давал возможность путем такого подбора подсудимых мотивировать характер предъявленных обвинений. Неизвестно, мыслил ли Сталин этот процесс как последний, подводящий своего рода общий итог всех предыдущих процессов. Но есть веские основания полагать, что так оно и было в действительности, поскольку уже не оставалось сколько-нибудь видных фигур из прежних политических противников вождя, которых можно было бы предать публичному суду.

Здесь необходимо сделать одно немаловажное дополнение: помимо открытых судебных процессов сталинская чистка включала в себя и серию закрытых судилищ, в ходе которых в упрощенном и ускоренном порядке выносились приговоры (как правило, самые суровые) тем обвиняемым, которых по тем или иным причинам нельзя было предавать открытому суду. То ли подсудимые не поддавались обработке следователями, то ли в силу иных причин их предпочитали ликвидировать без лишней огласки. Таких дел было значительно больше, чем тех, которые фигурировали во время публичных процессов. При этом надо отметить, что Сталин, организуя судебные спектакли, первостепенное внимание уделял не тому, как они будут восприняты за границей, хотя и это обстоятельство играло отнюдь не второстепенную роль. Главный акцент делался на значении этих процессов для широких слоев населения самой страны.

В соответствии с такой задумкой и составлялась формула обвинения. Вкратце изложу основные пункты обвинения, в той или иной мере касавшиеся всех представших перед судом. Им вменялось в вину то, что они организовали заговорщическую группу под названием правотроцкистский блок, ставившую своей целью свержение существующего в СССР социалистического общественного и государственного строя, восстановление в СССР капитализма и власти буржуазии, расчленение СССР и отторжение от него в пользу враждебных нашей стране государств (имелись в виду в первую очередь Германия и Япония) Украины, Белоруссии, среднеазиатских республик, Грузии, Армении,

Азербайджана и Приморья. Конкретно им предъявлялось обвинение в шпионаже против советского государства и измене родине, в убийстве Кирова, Менжинского, Куйбышева, Горького и в заговоре против Ленина в 1918 году. Наряду с этими главными пунктами формула обвинения включала также вредительство, диверсии, террор, подрыв военной мощи СССР, провокацию военного нападения на советское государство. Обвинение в заговоре против Ленина было расширено и сформулировано как намерение физически уничтожить Ленина, Сталина и Свердлова⁵¹.

Сталин принимал активное личное участие в подготовке процесса. Это выражалось в том, что он определял основные направления обвинительного заключения, а на стадии предварительного следствия участвовал также и в допросах Бухарина на очных ставках. Так, он обвинял Н. И. Бухарина и том, что тот в период Брестского мира блокировался с эсерами и скрыл это. На что Н. И. Бухарин ответил: «Какой мне смысл врать насчет Брестского мира. Однажды пришли левые эсеры и сказали: «Давайте создадим кабинет. Мы арестуем Ленина и составим кабинет». Я это после рассказал Ильичу. «Дайте мне честное слово, что Вы об этом никому не скажете», — сказал мне Ильич. Потом, когда я дрался вместе с Вами против Троцкого, я это привел в качестве примера, — вот до чего доводит фракционная борьба. Это произвело тогда взрыв бомбы»⁵².

Несмотря на всю абсурдность данного обвинения, оно было включено в обвинительное заключение и в ходе процесса фигурировало в качестве чуть ли не основного «факта», призванного скомпрометировать Бухарина как любимца партии. Дело доходило и до явно смехотворных вещей: непосредственный исполнитель судебного фарса Ежов даже включил в состав преступления обвиняемых попытку его собственного отравления путем распыления ртутного раствора в его кабинете. Словом, и авторы сценария, и режиссеры судебного процесса явно хватили лишку, нагромоздив несусветную кучу обвинений, которые, по их мнению, должны были окончательно пригвоздить подсудимых к позорному столбу.

Я не стану углубляться в детали данного процесса. Но полагаю, что стоит остановиться на некоторых наиболее примечательных его моментах, в первую очередь на поведении Бухарина во время судебных слушаний. Надо отметить, что в целом процесс, на первый взгляд, прошел вроде бы успешно с точки зрения его главного организатора. Однако на самом деле не все протекало так, как было первоначально задумано. Все обвиняемые, за исключением Крестинского, признали себя виновными. Хотя, как потом выяснилось в ходе процесса, эти признания нельзя считать полными, поскольку по ряду пунктов обвинения подсудимые категорически отрицали свою вину. Крестинский же вообще отказался в первый день процесса признать себя виновным. Однако вскоре он взял свой отказ назад, причем мотивировал это следующим образом: «Я признаю, что мой отказ признать себя виновным объективно являлся контрреволюционным шагом, но субъективно для меня это не было враждебной вылазкой. Я просто все последние дни перед судом находился под тяжелым впечатлением тех ужасных фактов, которые я узнал из обвинительного заключения и, особенно, из его второго раздела. Мое отрицательное отношение к преступному прошлому после ознакомления с этими фактами, конечно, не уменьшилось, а

Полный текст обвинительного заключения см. **Судебный отчет по делу по делу антисоветского право-троцкистского блока**. М. 1938. С. 8–35.

⁵² **Реабилитация**. Политические процессы 30 – 50-х годов. С. 251.

только обострилось, но мне казалось выше моих сил перед лицом всего мира, перед лицом всех трудящихся признать себя виновным. Мне казалось, что легче умереть, чем создать представление у всего мира о моем хотя бы отдаленном участии в убийстве Горького, о котором я действительно ничего не знал»⁵³.

Трудно сказать, что за этим эпизодом скрывалось: или действительно нежелание Крестинского признавать свою вину в чудовищных преступлениях или же своего рода не столь уж хитроумная задумка организаторов процесса продемонстрировать его от начала до конца объективный характер. Любопытно, что такую версию еще до открытия судилища: предсказал Троцкий. Он, в частности, писал буквально за день до открытия судилища: «В новом процессе можно ждать некоторых усовершенствований по сравнению с предшествовавшими. Монотонность покаяний подсудимых на первых двух процессах производила удручающее впечатление даже на патентованных «друзей СССР». Возможно, поэтому, что на этот раз мы увидим и таких подсудимых, которые, в порядке своей роли, будут отрицать свою виновность, чтобы затем, под перекрестным допросом, признать себя побежденными. Можно, однако, предсказать заранее, что ни один из подсудимых не причинит никаких затруднений прокурору Вышинскому»⁵⁴.

Ход процесса подтвердил гипотезу Троцкого, хотя, надо сказать, до настоящего времени затруднительно дать ясный и четкий ответ на вопрос: был ли эпизод с Крестинским инсценировкой или же подсудимый действительно проявил силу воли и мужество, отвергнув обвинения в свой адрес. Однако эти детали не меняют общих контуров картины.

Но наиболее действенную линию поведения на процессе проявил Бухарин. Хотя он и признавал свою вину вообще, когда дело касалось конкретных обвинений он зачастую их умело опровергал или давал им такую трактовку, которая при внимательном анализе вообще ставила под вопрос многие пункты обвинительного заключения, их доказательную базу. Главное — он довольно умело и юридически грамотно обесценил основную доказательную базу обвинения — признания самих подсудимых. Он, как бы мимоходом бросил в зал фразу: «Признания обвиняемых необязательны. Признания обвиняемых есть средневековый юридический принцип»⁵⁵. Если принять во внимание, что по существу вся доказательная база обвинения состояла из признаний самих обвиняемых, то становится очевидным, что использование этого средневекового принципа, когда попытки играли роль главного инструмента отыскания истины, в условиях существования советской власти выглядело как возврат к средневековью. Уже одной этой фразой Бухарин как бы ставил весь процесс за рамки допустимого и юридически обоснованного.

Любопытны и его контраргументы на утверждения прокурора Вышинского. Бухарин: «Гражданин Прокурор разъяснил в своей обвинительной речи, что члены шайки разбойников могут грабить в разных местах и все же ответственны друг за друга. Последнее справедливо, но члены шайки разбойников должны знать друг друга, чтобы быть шайкой и быть друг с другом в более или менее тесной связи. Между тем, я впервые из обвинительного заключения узнал фамилию Шаранговича и впервые увидел его на суде. Впервые узнал о существовании Максимова. Никогда не был знаком с Плетневым, никогда

⁵³ Судебный отчет. Материалы Военной коллегии Верховного суда СССР. М. 1997. С. 630.

⁵⁴ Л. Д. Троцкий. Преступления Сталина. М. 1994. С. 244.

⁵⁵ Судебный отчет. С. 668.

не был знаком с Казаковым, никогда не разговаривал с Раковским о контрреволюционных делах, никогда не разговаривал о сем же предмете с Розенгольцем, никогда не разговаривал о том же с Зеленским, никогда в жизни не разговаривал с Булановым и так далее. Кстати, и Прокурор меня ни единым словом не допрашивал об этих лицах.

«Право-троцкистский блок» есть прежде всего блок правых и троцкистов. Как сюда вообще может входить, например, Левин, который здесь на суде показал, что он и сейчас не знает, что такое меньшевики? Как сюда могут входить Глетнев, Казаков и прочие?

Следовательно, сидящие на скамье подсудимых не суть какая-либо группа, они суть на разных линиях соучастники заговора, но не группа в строгом и юридическом смысле этого слова. Все подсудимые были так или иначе связаны с «право-троцкистским блоком», некоторые из них и с разведками, но и только. Но это не дает никакого основания заключать, что эта группа есть «право-троцкистский блок»⁵⁶.

Категорически отрицал Бухарин и свою причастность к шпионажу. Он спрашивал: «Гражданин Прокурор утверждает, что я наравне с Рыковым был одним из крупнейших организаторов шпионажа. Какие доказательства? Показания Шаранговича, о существовании которого я и не слышал до обвинительного заключения»⁵⁷. Отрицал он и свою причастность к организации убийства Кирова и других деятелей Советского государства.

Другой отличительной чертой поведения на суде Бухарина было то, что он порой играл роль, которую должен был исполнять не подсудимый, а прокурор. Это, видимо, по его замыслу, должно было продемонстрировать всю несостоятельность и нелепость обвинений не только в его адрес, но и в адрес других подсудимых. Так, например, он заявил: «Тягчайший характер преступления — очевиден, политическая ответственность — безмерна, юридическая ответственность такова, что она оправдает любой самый жестокий приговор. Самый жестокий приговор будет справедливым потому, что за такие вещи можно расстрелять десять раз. Это я признаю совершенно категорически и без всяких сомнений»⁵⁸.

Обращают на себя внимание и попытки Бухарина «защитить» Сталина и опровергнуть возможные сомнения и подозрения в отношении правомерности данного процесса. Довольно странная ирония исторической судьбы, когда жертва стремится в своем последнем слове на суде возвысить человека, обрекшего его на смерть! Вполне возможно, что таким способом он рассчитывал, что в последнюю минуту Сталин оценит его старания и дарует ему жизнь. Чем-то иным трудно объяснить следующий пассаж из последнего слова обреченного: «Мне случайно из тюремной библиотеки попала книжка Фейхтвангера, в которой речь шла относительно процессов троцкистов. Она на меня произвела большое впечатление. Но я должен сказать, что Фейхтвангер не дошел до самой сути дела, он остановился на полдороге, для него не все ясно, а на самом деле все ясно. Мировая история есть мировое судилище. Ряд групп, лидеров троцкизма обанкротился и брошен в яму. Это правильно. Но нельзя делать так, как делает Фейхтвангер в отношении, в частности, Троцкого, когда он ставит его на одну доску со Сталиным. Здесь у него рассуждения совершенно неверные. Ибо в действительности за Сталиным стоит вся страна, надежда

⁵⁶ Судебный отчет. С. 660.

⁵⁷ Там же. С. 661.

⁵⁸ Там же. С. 665.

мира, он творец. Наполеон однажды заметил — судьба это политика. Судьба Троцкого — контрреволюционная политика»⁵⁹.

Бухарин, как бы предвидя то, что за рубежом, и в первую очередь со стороны Троцкого, сам процесс и озвученные на нем поистине фанатского признание, вызовут целый океан возмущения и критики, счел нужным заблаговременно отвергнуть такого рода защиту. «Я а priori могу предполагать, что и Троцкий, и другие мои союзники по преступлениям, и II Интернационал, тем более потому, что я об этом говорил с Николаевским, будут пытаться защищать нас, в частности, и в особенности меня. Я эту защиту отвергаю, ибо стою коленопреклоненным перед страной, перед партией, перед всем народом. Чудовищность моих преступлений безмерна, особенно на новом этапе борьбы СССР. Пусть этот процесс будет последним тяжчайшим уроком, и пусть всем будет видна великая мощь СССР, пусть всем будет видно, что контрреволюционный тезис о национальной ограниченности СССР повис в воздухе как жалкая тряпка. Всем видно мудрое руководство страной, которое обеспечено Сталиным»⁶⁰.

Читая эти дифирамбы Сталину, невольно задаешься мыслью: а, может быть, Бухариным двигало не только стремление таким способом завоевать снисхождение у вождя, но и иные расчеты. Нельзя исключить того, что, превратив скамью подсудимых в трибуну восхваления Сталина, Бухарин таким способом хотел как бы оттенить мысль, что весь этот процесс есть не что иное как *reductio ad absurdum*, т.е. доведение до абсурда. Недюжинный талант оратора подсудимый использовал для исторического оправдания Сталина и его политического курса — ведь в этом есть что-то противоестественное, выходящее за пределы здравого смысла. И вполне можно допустить, что таким путем Бухарин апеллировал к тем в нашей стране, кто не утратил способность мыслить самостоятельно, анализировать факты и делать собственные выводы.

Обращают на себя внимание не только приведенные выше высказывания Бухарина, но и то, что он в своем последнем слове наряду с замаскированной интерпретацией данного процесса как юридически несостоятельного фарса, также всячески опровергал высказывавшиеся тогда предположения о том, что признательные показания были получены путем пыток и применения всякого рода психотропных препаратов. Он отменил как пустую выдумку версию о некоей загадочной славянской натуре, тибетском порошке и прочих, как он выразился, небылиц и вздорных контрреволюционных рассказов. Свое признание он мотивировал так: «Я около 3 месяцев заперся. Потом я стал давать показания. Почему? Причина этому заключалась в том, что в тюрьме я переоценил все свое прошлое. Ибо, когда спрашиваешь себя: если ты умрешь, во имя чего ты умрешь? И тогда представляется вдруг с поразительной яркостью абсолютно черная пустота. Нет ничего, во имя чего нужно было бы умирать, если бы захотел умереть, не раскаявшись. И, наоборот, все то положительное, что в Советском Союзе сверкает, все это приобретает другие размеры в сознании человека. Это меня в конце концов разоружило окончательно, побудило склонить свои колени перед партией и страной. И когда спрашиваешь себя: ну, хорошо, ты не умрешь; если ты каким-нибудь чудом останешься жить, то опять-таки для чего? Изолированный от всех, враг народа, в положении нечеловеческом, в полной изоляции от всего, что составляет суть жизни... И тотчас же

⁵⁹ Судебный отчет. С. 667–668.

⁶⁰ Там же. С. 668.

на этот вопрос получается тот же ответ. И в такие моменты, граждане судьи, все личное, вся личная накипь, остатки озлобления, самолюбия и целый ряд других вещей, они снимаются, они исчезают»⁶¹.

Полагаю, что процитированных выше высказываний вполне достаточно, чтобы представить хотя бы в самом общем виде происходившее на процессе, и прежде всего линию поведения главного обвиняемого — Бухарина. Реакция советской общественности на процесс была заранее запрограммирована. Проходили массовые митинги, публиковались гневные статьи с единственным требованием — сурово покарать преступников, расстрелять их, как бешенных собак. Думаю, что для характеристики господствовавшей тогда атмосферы вполне подходят следующие строки великого русского поэта Н. Некрасова:

«Душу вколачивать в пятки

Правилом было тогда...»⁶²

За границей, однако, сам процесс и в особенности поведение на нем Бухарина вызвали совсем иные отклики, чем в нашей стране. Один американский корреспондент дал такую оценку последнему слову Бухарина: «Один Бухарин, который, произнося свое последнее слово, совершенно очевидно знал, что обречен на смерть, проявил мужество, гордость и почти что дерзость. Из пятидесяти четырех человек, представших перед судом на трех последних открытых процессах по делу о государственной измене, он первым не унизил себя в последние часы процесса...

Во всей бухаринской речи не было и следа напыщенности, язвительности или дешевого красноречия. Это блестящее выступление, произнесенное спокойным, безучастным тоном, обладало громадной убедительной силой. Он в последний раз вышел на мировую арену, на которой, бывало, играл большие роли и производил впечатление просто великого человека, не испытывающего никакого страха, а лишь пытающегося поведать миру свою версию событий»⁶³.

Имели место во время процесса и некоторые другие, мягко говоря, недоработки со стороны следствия, а, можно сказать, и со стороны Сталина, поскольку он самолично определял, какие обвинения следует предъявлять главным его фигурантам. Так, опровергая обвинение в шпионаже, наиболее одиозная фигура на этом процессе бывший нарком внутренних дел Ягода вполне резонно возразил: «Прокурор безапелляционно считает доказанным, что я был шпионом. Это не верно. Я — не шпион и не был им. Я думаю, что в определении, что такое шпион или шпионаж, мы не разойдемся. Но факт есть факт. У меня не было связей непосредственно с заграницей, нет фактов непосредственной передачи мною каких-либо сведений. И я не шутя говорю, что если бы я был шпионом, то десятки стран могли бы закрыть свои разведки — им незачем было бы держать в Союзе такую массу шпионов, которая сейчас переловлена»⁶⁴.

Однако все это были не более, чем пикантные эпизоды данного процесса, возможно, выходившие за рамки заранее прописанного сценария его хода. Окончательный вердикт суда ни для кого не представлял собой неожиданности, ибо сам суд руководствовался не презумпцией невиновности — как основополагающего принципа правосудия — а

⁶¹ Судебный отчет. С. 667.

⁶² Н. Некрасов. Стихотворения и поэмы. М. 1980. С. 221.

⁶³ Цит. по Стивен Козн. Бухарин. Политическая биография. 1888 – 1938. М. 1988. С. 449.

⁶⁴ Судебный отчет. С. 674.

принципом презумпции виновности. Подсудимые уже до суда были фактически осуждены — такова была установка Сталина. Сам процесс лишь выступал как юридическое прикрытие расправы.

Приговор был таков: 18 подсудимых приговорены к высшей мере наказания — расстрелу, врач Плетнев — к тюремному заключению сроком на 25 лет, Раковский и Бессонов, как не принимавшие прямого участия в организации террористических и диверсионно-вредительских действий — к тюремному заключению первый — на двадцать лет, второй — на пятнадцать лет⁶⁵. Приговор был приведен в исполнение. Еще накануне суда Бухарин в письме Сталину просил не применять к нему такую форму казни, как расстрел. Он писал: «...Если меня ждет смертный приговор, то я заранее тебя прошу, заклиная прямо всем, что тебе дорого, заменить расстрел тем, что я сам выпью в камере яд (дать мне морфию, чтоб я заснул и не просыпался). Для меня этот пункт крайне важен, я не знаю, какие слова я должен найти, чтобы умолить об этом, как о милости: ведь политически это ничему не помешает, да никто этого и знать не будет. Но дайте мне провести последние секунды так, как я хочу. Сжальтесь! Ты, зная меня хорошо, поймешь... Так если мне суждена смерть, прошу о морфийной чаше. Молю об этом...»⁶⁶ Но и к этой просьбе Бухарина вождь остался глух. Он просто не любил отступлений от правил.

Итак, самый главный публичный судебный процесс завершился. Тем самым Сталин как бы подвел итог растянувшейся на 18 с лишним лет борьбе со своими политическими оппонентами. Политической борьбе вождь уготовил чисто уголовный финал. Он, конечно, мог торжествовать, ибо победа была не просто полная и окончательная, но и тотальная — она завершилась физическим уничтожением оппонентов. Вокруг всей этой проблемы до сих пор не утихают страстные споры. Лично для меня принципиально важным является следующий вопрос: действительно ли Сталин верил тому, в чем обвинялись его противники? Или же хладнокровно шел по пути их не только политического, но и физического уничтожения? На этот вопрос однозначно ответить трудно. С одной стороны, Сталин, конечно, не был настолько наивным и примитивным, чтобы всерьез верить в чудовищные обвинения, которые предъявлялись подсудимым. С другой стороны, присущая ему подозрительность, очевидно, сыграла свою зловещую роль во всем этом. Он никогда не забывал о том, как его политические противники не раз меняли свои позиции и часто смыкали свои ряды, несмотря на существенные разногласия, порой разделявшие их. Он им не верил и считал, что они никогда и ни при каких условиях не откажутся от борьбы против него лично и против его политического курса. Все говорит за то, что он исходил из принципа, что политическая схватка окончательно завершается лишь с физическим устранением противника. Отсюда и проистекали его жесткость и жестокость, его яростная непримиримость к своим поверженным политическим противникам.

Завершая этот раздел, хочу сделать еще одно замечание. Когда некоторые авторы, порой весьма солидные, в качестве доказательства того или иного отстаиваемого ими положения ссылаются на показания обвиняемых, данных на публичных судебных процессах, трудно удержаться от сардонической усмешки. Только беспредельно наивные люди или люди, которые мыслят в заранее определенном русле, могут всерьез поверить в

⁶⁵ Судебный отчет. С. 686.

⁶⁶ "Источник" № 0. 1993 г. С. 24.

то, что большевистские деятели, посвятившие себя революции, утверждению Советской власти чуть ли не сразу после завершения Гражданской войны (с начала 20-х годов) стали на путь предательства и шпионажа против советского государства. Еще более фантастическим и невероятным представляется то, что эти самые люди готовили заговоры с целью реставрации капитализма в СССР. Они исповедовали марксистские взгляды и прекрасно отдавали себе отчет в том, что такой глубокий общественный переворот, каким могла быть реставрация капитализма, относился к разряду совершенно иных исторических процессов, чтобы его можно было осуществить посредством какого-либо даже самого разветвленного дворцового заговора.

Защищать Сталина от несправедливых обвинений — это не значит оправдывать его реальные преступные деяния. Для него политика не имела моральных измерений. Политика, по его мнению, могла быть правильной или неправильной. Других характеристик для ее определения он, по существу, не разделял. Политический курс Сталина в 20 — 30 годы был безусловно обоснован в своих главных параметрах, и те, кто выступал против этого курса, в конечном счете оказались банкротами с точки зрения истории. Их политическое банкротство очевидно не только потому что Сталин оказался победителем. Оно было обусловлено коренными пороками и изъянами всей политической стратегии оппонентов Сталина. Этими же причинами можно объяснить и закономерную победу Сталина. Это — вещи принципиального плана. Что же касается физического уничтожения своих поверженных оппонентов, то здесь для вождя нет оправданий. Возможно, имеются какие-то аргументы для объяснения этого его поступка. Но не для оправдания.

Меня могут упрекнуть в непоследовательности и внутренних противоречиях, присущих моей аргументации. Дескать, это выражается в том, что я защищаю в целом правильность общей политической стратегии Сталина, сыгравшей, несомненно, решающую роль в укреплении могущества Советского Союза. Это — с одной стороны. А с другой стороны — подвергаю критике политику репрессий, выразившуюся не только в политическом, но и в физическом устранении противников вождя. Эта непоследовательность и внутренняя противоречивость носят не внутренний, содержательный, а скорее формально-логический характер. Поскольку в сущности речь идет о явлениях разного плана, хотя и органически взаимосвязанных друг с другом. Кто считает, что у Сталина не было иного выбора, разве что физически уничтожить противников своей политической линии, на мой взгляд отстаивает одностороннюю и явно тенденциозную позицию. Наряду с этим совершенно очевидным фактом, защита вождем выбранного курса, опасения, что этот курс будет радикально пересмотрен в случае компромисса с бывшими оппонентами, толкали его зачастую на шаги, явно выходившие за пределы политической целесообразности. Конечно, история — это не карточный пасьянс, где можно оперировать различными раскладами, и то, что произошло, представляется нам порой в качестве фатально неизбежного хода событий. Тем не менее, объективное освещение политической биографии Сталина предполагает анализ различных вариантов возможного развития событий, поскольку это позволяет глубже вникнуть в самую суть его политической философии.

3. Конец «ежовщины»

В.В. Кудряков

Трезвая, основанная на фактах, а не на эмоциях, оценка «великой чистки», дает основания сделать однозначный вывод: репрессии осуществлялись Сталиным как органическая составная часть его общего политического курса. Главная, но отнюдь не единственная цель репрессий состояла в том, чтобы устранить любые, даже потенциально маловероятные выступления как лично против самого вождя, так и против проводимого им стратегического курса в области внутренней и внешней политики. При этом Сталин полагал, что радикальное изменение международной обстановки и увеличение опасности войны оправдывают как масштабы репрессий, так и их исключительно суровый и всеобъемлющий характер. Причем следует особо подчеркнуть, что репрессиям подвергались прежде всего как остатки бывших эксплуататорских классов, так и многие представители партийно-государственной номенклатуры. Это, как уже было показано выше, прежде всего касалось армейской верхушки, поскольку потенциально именно военные располагали реальными возможностями устранить Сталина, если бы такой заговор имел место в действительности.

Однако в глазах Сталина не меньшую опасность представляли и сами органы безопасности, поскольку там свили себе гнездо многие ставленники Ягоды. Поэтому одной из первоочередных и самых актуальных задач Ежова являлась чистка самих органов внутренних дел. И здесь репрессии не менее впечатляющи, чем проведенные в РККА, если принять во внимание сравнительную численность армии и органов безопасности. Сталин растянул чистку НКВД примерно на два с половиной года. Ведь одним махом такую грандиозную кампанию провести было невозможно без риска вообще парализовать деятельность самих этих органов. А Сталин нуждался в том, чтобы эти органы функционировали бесперебойно, не допуская малейших сбоев. Вначале репрессиям подверглись руководители центрального аппарата НКВД, включая начальников почти всех отделов, и прежде всего Секретно-политического, в обязанности которого входила агентурно-разведывательная и репрессивная работа в отношении бывших активных участников разбитых оппозиционных групп, в первую голову троцкистских группировок. Но дело, конечно, не ограничивалось членами троцкистской оппозиции. В круг подозреваемых включались все, кто в той или иной форме выражал когда-либо в прошлом несогласие и даже просто сомнение в отношении правильности политики Сталина.

Параллельно с чисткой центрального аппарата НКВД шла чистка и местных органов внутренних дел, причем диапазон охвата был чрезвычайно широк. По неполным данным только с октября 1936 года по июль 1938 года было репрессировано 7298 работников НКВД⁶⁷. Подавляющее большинство из них осуждено по политическим обвинениям и, главным образом, за участие в так называемых «заговорах в органах НКВД», возглавлявшихся вначале Ягодой, а потом Ежовым. Арестованным сотрудникам НКВД вменяли также в вину шпионаж, террор, другие тяжкие преступления. Сам Ежов впоследствии, когда он попал на скамью подсудимых, с гордостью говорил: «Я почистил 14 000 чекистов. Но моя вина заключается в том, что я мало их чистил. У меня было такое

⁶⁷ Как это было: реабилитация. Февраль 1956 – начало 80-х годов. С. 668.

положение. Я давал задание тому или иному начальнику отдела произвести допрос арестованного и в то же время сам думал: ты сегодня допрашиваешь его, а завтра я арестую тебя. Кругом меня были враги народа, мои враги. Везде я чистил чекистов. Не чистил лишь только их в Москве, Ленинграде и на Северном Кавказе. Я считал их честными, а на деле же получилось, что я под своим крылышком укрывал диверсантов, вредителей, шпионов и других мастей врагов народа»⁶⁸. Несколько ранее он с чувством гордости заявлял: «Несмотря на все эти большие недостатки и промахи в моей работе, должен сказать, что при повседневном руководстве ЦК — НКВД погромил врагов здорово»⁶⁹.

Словом, те, кто по указанию Сталина столь масштабно осуществляли репрессии, сами с самого начала были обречены на то, чтобы разделить участь своих жертв. В этом как раз и состояла одна из характерных особенностей политики репрессий, осуществлявшихся по указаниям вождя. Задним числом можно лишь выразить недоумение в связи с тем, что будущие жертвы из числа самих чекистов так легко поддавались на уловки вождя. Однако дело, конечно, было не в том, будто они не чувствовали нависшей над ними самими опасности. Считать их всех поголовно настолько ограниченными, чтобы не ощущать нависшей над ними угрозы, нельзя. Просто они попали в заколдованный круг, где судьба палачей и жертв была связана некоей единой нитью. Многие из них хотели бы вырваться из этого заколдованного зловещего круга, но это было выше их сил и возможностей.

Большинство репрессированных в 1937 — 1941 гг. руководящих деятелей наркомата внутренних дел были осуждены Военной коллегией Верховного суда (ВКВС) СССР или военными трибуналами (ВТ) войск НКВД. Но в 1937 — 1938 гг. практиковались осуждения в «особом порядке», то есть решение о расстреле принималось Сталиным и его ближайшими соратниками и оформлялось документом, подписанным «комиссией» — наркомом внутренних дел и Прокурором СССР (Н. И. Ежовым и А. Я. Вышинским, а иногда их заместителями)⁷⁰.

В связи с чисткой рядов самих органов безопасности, конечно, можно сказать и так: справедливая кара для тех, кто повинен в истреблении невинных. Ведь богиня мести и справедливости Немезида никогда не дремлет и воздает по заслугам тем, кто повинен в преступлениях. Доля истины в такой точке зрения безусловно есть. Однако нельзя забывать и о том, что и среди репрессированных сотрудников НКВД наверняка были и многие совершенно невинные люди, всего лишь исполнявшие свой долг. Но вся соль в том, что именно в этом и выражался непостижимый парадокс тогдашней ситуации.

Особо следует выделить репрессии в отношении членов и кандидатов в члены ЦК и Комиссии партийного контроля. Потенциально именно от этих лиц Сталин мог ожидать серьезной угрозы. Только члены ЦК партии обладали формальным правом отстранения его от должности Генерального секретаря. И хотя о практической реализации такой возможности в рассматриваемый период говорить было бы в корне неверно, начисто исключать такую возможность Сталин, конечно, не мог, учитывая весь опыт предшествовавшей внутрипартийной борьбы. Нельзя сбрасывать со счета и присущую вождю подозрительность и мстительность. Обладая превосходной памятью, он хорошо

⁶⁸ Алексей Полянский. Ежов. История "железного" сталинского наркома. М. 2001. С. 301.

⁶⁹ "Исторический архив" 1992 г. № 1. С. 130.

⁷⁰ Н. В. Петров, К. В. Скоркин. Кто руководил НКВД. Справочник. М. 1999. С. 11.

помнил тех, кто когда-либо выражал свои сомнения или колебания относительно проводимого им курса. Такое понятие как за давностью лет, якобы освобождавшее от ответственности за содеянное, ему было знакомо. Более того, он не раз говорил публично, что нельзя постоянно помнить ошибки прошлого, нужно уметь и прощать, употребляя при этом русскую пословицу — кто старое помянет, тому глаз вон! Однако такие заявления на деле оборачивались лишь красивыми декларациями.

Репрессии в отношении членов центральных руководящих партийных органов достигли пика в 1937 году. Июньский пленум ЦК утвердил следующее предложение Политбюро ЦК: За измену партии и родине и активную контрреволюционную деятельность исключить:

— из состава членов ЦК ВКП(б) и из партии: Антипова, Балицкого, Жукова, Кнорина-Лаврентьева, Лобова, Разумова, Румянцева, Шеболдаева;

— из состава кандидатов: Благоднарова, Вегера, Колмановича, Комарова, Кубяка, Михайлова В., Полонского, Попова П. П., Уншлихта⁷¹.

По мере хода времени нарастали и масштабы репрессий. Так, только на октябрьском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года было принято решение о заочном исключении из партии и объявлении врагами народа 24 членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б). В декабре 1937 года для исключения из партии членов ЦК ВКП(б) Сталин не стал даже созывать пленум, а разослал по этому вопросу членам и кандидатам в члены ЦК следующую телеграмму:

«На основании неопровержимых данных Политбюро ЦК ВКП(б) признало необходимым вывести из состава членов ЦК ВКП(б) и подвергнуть аресту, как врагов народа: Баумана, Бубнова, Булина, Межлаука, Рухимовича и Чернова... Иванова В. и Яковлева Я. Михайлова М. и Рындина... Все эти лица признали себя виновными. Политбюро ЦК просит санкционировать вывод из ЦК ВКП(б) и арест поименованных лиц. И. Сталин»⁷²

Одним из наиболее чудовищных фактов во всей кампании репрессий была практика так называемых списков (лимитов). В соответствии с этой практикой для республик, краев и областей утверждались количественные лимиты подлежащих репрессиям лиц. По представлению НКВД Политбюро 31 июля 1937 г. утвердило списки (лимиты) по республикам. Лица, обрекавшиеся на включение в эти списки, подразделялись на две категории:

К первой категории относились все наиболее враждебные из числа кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов. Они подлежали немедленному аресту и по рассмотрении их дел на тройках — расстрелу.

Ко второй категории относились все остальные менее активные, но все же враждебные элементы. Они подлежали аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них, заключению на те же сроки в тюрьмы по определению тройки.

В постановлении ПБ говорилось далее, что согласно представленным учетным данным наркомками республиканских НКВД и начальниками краевых и областных управлений НКВД, утверждается следующее количество подлежащих репрессии: и далее следует список республик, краев и областей с точным указанием числа репрессируемых. Они

варьировались от нескольких сот до 5000 человек (Московская область). Согласно решению ПБ, начать операцию намечалось 5 августа 1937 года и закончить в четырехмесячный срок⁷³. 31 января 1938 г. ПБ приняло предложение НКВД СССР о дополнительном количестве подлежащих репрессии антисоветских элементов, где снова прилагался список по республикам с перечислением количества по категориям. Счет шел уже в основном на тысячи и лишь в отдельных республиках на сотни⁷⁴.

Принципиально важное значение имеет вопрос об общем числе жертв репрессий в 1937 — 1938 гг. Дело в том, что некоторые авторы легко оперируют такими цифрами, как миллионы жертв. Складывается впечатление, что для таких авторов человеческие жизни представляют собой лишь чисто арифметические понятия, поэтому вопреки имеющимся достоверным документальным данным они многократно увеличивают число репрессированных. Мне представляется, что это не только противопоказано с точки зрения исторической правды, но и даже кощунственно по отношению к самим жертвам репрессий. Ибо, злонамеренно преувеличивая число жертв, они как бы обесценивают значимость самой жизни. В таких преувеличениях есть свой политический смысл и своя логика. Однако по всем меркам здравого смысла нет никакой необходимости в искусственных преувеличениях, поскольку реальные цифры репрессированных настолько значительны, что не нуждаются в преувеличениях.

Общая картина массовых репрессий видна из статистической отчетности НКВД за 1937 — 1938 годы.

	1937 г.	1938 г.	
1. Арестовано	936.750 чел.	638.509	43
2. По характеру преступлений:			
К-р. организации и политпартии	78.450	64.320	4
троцкистов	41.362	20.377	
правых	15.122	17.546	
Из них шпионаж:	93.890	171.149	
Польский	45.302	56.663	
Японский	18.341	34.565	38
Германский	11.868	27.432	11
Английский	532	5.459 ⁷⁵	

Приведенная таблица едва ли нуждается в каких-либо комментариях. Но я все же сделаю несколько замечаний. Во-первых, приведенные цифры не носят характер какой-либо дезинформации, поскольку они взяты из секретной статистической отчетности НКВД и предназначались для руководства страны, т.е. Сталина. А вводить в заблуждение вождя даже с помощью цифр начальники из НКВД, само собой понятно, не могли. Да и особого смысла в этом не было. Во-вторых, четко обозначена тенденция в 1938 году к сокращению числа арестованных — в общей сложности почти на одну треть по сравнению с 1937 годом. В третьих, чуть ли не в два раза возросло число арестованных за шпионаж, причем шпионаж в пользу Польши занимает первое место, что едва ли находит рациональное объяснение. Число же арестованных за шпионаж в пользу Англии за год

⁷³ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД 1937 — 1938. С. 274–276, 281.

⁷⁴ Там же. С. 467–468.

⁷⁵ Там же. С. 659–660.

возросло более чем в 10 раз! Эта цифра явно свидетельствует об определенном повороте во внешней политике, который тогда намечался Сталиным и на котором я остановлюсь в последующих главах.

Выше было сказано, что статистика репрессированных, очевидно, отражает реальную картину того времени. Однако, как свидетельствует исторический опыт, статистика — вообще довольно странная штука. В тех же официальных данных, но взятых из другой отчетности, фигурируют цифры, отличающиеся от приведенных выше. Так, число арестованных в 1937 году — составляет 779056 человек, а в 1938 году — 593336 человек. Всего за 1937 и 1938 годы арестовано 1372392 человека, из них расстреляно 681692 человека, в том числе, по неполным данным, по решениям внесудебных органов 631897 человек. В числе репрессированных, по неполным данным, было членов и кандидатов в члены ВКП(б) в 1937 году — 55428 человек, в 1938 году — 61457 человек⁷⁶.

К началу 1938 года, когда репрессии, как лесной пожар, бушевали по стране, Сталин, по всей вероятности, начал склоняться к мысли, что дальнейшее их массовое проведение может подорвать и его собственную власть, приведя к полному или частичному параличу партийных и государственных органов. Еще не приостанавливая вал репрессий, он начал готовиться к тому, чтобы постепенно подготовить почву для их ограничения. И это было продиктовано отнюдь не соображениями гуманизма, а реальным политическим расчетом — в стране явно складывалась совершенно аномальная обстановка, шпиономания и мания вредительства буквально захлестнули все общество и грозили перейти все границы. Видимо, вождь пришел к выводу, что репрессии как метод реализации определенных политических целей выполнили свою роль и их дальнейшее в массовом порядке проведение уже входит в глубокое противоречие с политической стратегией, рассчитанной на перспективу.

Только этими соображениями можно объяснить, что в середине января 1938 года был созван пленум ЦК партии, на котором в числе других вопросов был заслушан доклад Г. М. Маленкова «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». Маленков в докладе сообщил, что в первом полугодии 1937 года из партии исключено 24 тысячи коммунистов, а во втором полугодии — 76 тысяч, привел ряд фактов формального и огульного подхода к решению вопросов о судьбе коммунистов.

По утверждению Маленкова, «руководители партийных организаций не сумели разглядеть и разоблачить... искусно замаскированных врагов этих злейших вредителей, которые громче всех кричат о бдительности с тем, чтобы скрыть свои собственные преступления перед партией, которые создают провокационную обстановку в партийной организации».

Далее, Маленков обвинил многих руководителей обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий в том, что они «своим неправильным руководством создают обстановку безнаказанности для карьеристов-коммунистов, играют на руку замаскированным врагам партии». Маленков призвал «разоблачить и до конца истребить замаскированных врагов, пробравшихся в наши ряды и стремящихся фальшивыми криками о бдительности скрыть свою враждебность и сохранить себя в партии, чтобы продолжать в ней свою гнусную предательскую работу».

⁷⁶ Реабилитация: как это было. Февраль 1956 – начало 80-х годов. С. 667–668.

стремящихся путем проведения мер репрессий перебить наши большевистские кадры, посеять неуверенность и излишнюю подозрительность в наших рядах»⁷⁷

Неоспоримо, что идеи, озвученные на пленуме Маленковым, являлись в действительности идеями самого Сталина. Он стал задумываться над тем, что взятые Ежовым масштабы и темпы репрессий, грозят перебить все большевистские кадры. Хотя истины ради, следует заметить, что не кто иной, как сам вождь, нацелил наркома внутренних дел именно на такие масштабы и темпы. И Сталин начал, как обычно заблаговременно, работу по сворачиванию масштабных репрессий. Ежов — интеллектуальное ничтожество и фигура явно мелковатого формата — продолжал еще в глазах общественности маячить в качестве железного сталинского наркома. Даже сам Сталин в начале января 1938 года публично провозгласил здравицу в его честь. Приведу соответствующее высказывание вождя на встрече с депутатами впервые избранного Верховного Совета СССР. «Вы все стараетесь теперь быть бдительными, где бы вы не работали, — говорил он. — Это хорошо, но один работает хозяйственником, другой на производстве, третий — кооператор, четвертый — торгует, пятый — пропагандист, шестой — авиатор, седьмой — военный — они к войне всегда готовы, но войны дожидаться не могут, правда, готовиться надо — когда нет войны (*Аплодисменты*). Но есть у нас один орган бдительности, т.к. мы все в процессе работы можем кое-что прозевать. Они за всех нас осуществляют бдительность. Они всегда и всюду должны быть начеку. (*Аплодисменты. Крики «Ура» и «Да здравствует товарищ Ежов»*.) Никому на слово, товарищи, верить нельзя, я извиняюсь перед вами, может быть это неприятно, но это крайне необходимо. (*Аплодисменты*.)

За органы бдительности во всесоюзном масштабе, за чекистов, за самых малых и больших.

Чекистов у нас имеется десятки тысяч героев, и они ведут свою скромную, полезную работу. За чекистов малых, средних и больших. (*Аплодисменты, крики «Ура». «Да здравствует товарищ Ежов»*.)

Тов. СТАЛИН продолжает. Не торопитесь, товарищи, торопливость вещь плохая, сидите смирно, успокойтесь. Я предлагаю тост за всех чекистов и за организатора и главу всех чекистов — товарища Ежова. (*Бурные аплодисменты*.)⁷⁸

Некоторые авторы считают, что Ежов сосредоточил в своих руках такую власть, что сам вождь начал опасаться его. Так, например, автор книги о Ежове пишет: «Хозяин уже опасался и той власти, которую сосредоточил в своих руках этот маленький и с виду послушный человек, и ареола народного героя, созданного Ежову в последнее время. А вдруг у него хватит ума спровоцировать какие-нибудь выступления, приписать их ближайшему сталинскому окружению, а потом, подавив все это, взять власть в свои руки, оставив Сталина чисто номинальным правителем — Сталин допускал это и в конце тридцать седьмого уже решил избавиться от Ежова. Но сразу это теперь не сделаешь. Ежов не Ягода, слишком сильны позиции и очень популярен, да и время сейчас не то. Надо постепенно подрубать ему корни, продолжая пока гладить по головке»⁷⁹.

Какой-то резон в таких рассуждениях есть. Однако, как мне представляется, Сталин ничуть не переоценивал возможности Ежова, для этого он его слишком хорошо знал. И замедленный, постепенный ритм отстранения Ежова от власти был продиктован не

столько опасениями вождя, что Ежов может поднять руку и на него, сколько тактикой самого Сталина. Он, как правило, тщательно готовил свои политические ходы и о них не догадывались даже его ближайшие соратники. И проводил их не в авральном порядке, а подготовив для этого соответствующую почву. А это требовало времени.

На первый взгляд, Ежов обладал огромной властью, будучи кандидатом в члены Политбюро, секретарем ЦК, председателем Комиссии партийного контроля и в дополнении ко всему — наркомом внутренних дел, т.е. вершителем судеб не только простых граждан, но и высокопоставленных партийных и государственных деятелей. Однако не следует преувеличивать его реальной власти. Он не представлял собой фигуру серьезного политического формата, а был лишь орудием в руках вождя. Все сколько-нибудь важные решения он принимал только с санкции Сталина. Как говорится, без разрешения последнего он и шага сделать не мог. Так что, повторяю, на мой взгляд, версия, согласно которой Сталин устранил Ежова из-за опасений, что тот решится на выступление против хозяина, выглядит скорее умозрительной, нежели реальной.

Процесс постепенной подготовки отстранения Ежова занял несколько месяцев. В апреле 1938 года Ежов был по совместительству назначен наркомом водного транспорта — в дополнение ко всем занимаемым им постам. Уже одно это совместительство отчетливо обозначило мрачную перспективу, которая открывалась перед «железным наркомом». Еще более явным признаком скорой замены Ежова явилось решение Политбюро от 21 августа 1938 г. о назначении Л. Берия первым заместителем наркома внутренних дел с освобождением от этой должности Фриновского — человека Ежова. Через две недели Берии присвоили звание комиссара государственной безопасности 1-го ранга. В сентябре 1938 года ПБ приняло постановление об изменении организационной структуры НКВД. Начальником первого Главного управления государственной безопасности был назначен Берия, его заместителем — В. Н. Меркулов — один из будущих фигурантов нашего повествования⁶⁰.

В том же сентябре 1938 года было принято постановление ПБ об утверждении в ЦК ВКП(б) ответственных работников. В этом постановлении подробно перечислялись номенклатурные должности, подлежащие обязательному утверждению ЦК. По существу, все сколько-нибудь важные должности в ряде ведущих наркоматов (внутренних дел, обороны, иностранных дел, оборонной промышленности, ВМФ и др.) подлежали утверждению со стороны Сталина. Хотя и прежде высшие номенклатурные должности занимались лицами, которых утверждал по существу лично Сталин. Новое постановление еще более расширяло круг этих должностей, что свидетельствовало о стремлении вождя сосредоточить в своих собственных руках буквально все важнейшие рычаги государственного управления⁶¹.

Если оценивать значение всех этих мер, то становится очевидным одно — Сталин решил свернуть широкомасштабные репрессии (ни в коем случае не прекращая их полностью!), заменить Ежова другой фигурой, а на отстраненного наркома внутренних дел возложить ответственность за все, как тогда выражались, перегибы в проведении «великой чистки». Нарком Ежов сделал свое дело и он должен (а не может, как Мавр у Шекспира) уйти.

Тот факт, что Сталин поручил Маленкову выступить с докладом на пленуме, явно свидетельствовал о принятом принципиальном решении вождя постепенно подготовить

⁶⁰ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД 1937 – 1938. С. 548–549.

⁶¹ Там же. С. 550–552.

устранение Ежова. Как всегда, спешки он не проявлял, тем более, что здесь был особый случай — устранение и открытое развенчание Ежова могло самым прямым и недвусмысленным образом поставить под вопрос всю «великую чистку». Пойти на такой шаг Сталин, естественно, не мог. Отстранение Ежова не должно было бросить тень на всю репрессивную политику Сталина, и тем более тень на самого вождя. Ежов, естественно, был козлом отпущения, причем таким, смещение которого воспринималось с бурным (но при этом молчаливым) одобрением буквально во всех слоях общества, начиная с членов Политбюро и кончая простыми людьми. Принимая решение о смещении Ежова, вождь, кроме всего, не без оснований рассчитывал на получение дополнительного политического капитала: общественная молва приписывала ему заслугу в этом деле, поскольку именно он распознал сущность и опасность ежовщины и положил ей конец.

Как вспоминал авиаконструктор А. Яковлев, Сталин однажды сказал ему, когда речь зашла об аресте невиновных людей:

— «Да, вот так и бывает. Толковый человек, хорошо работает, ему завидуют, под него подкапываются. А если он к тому же человек смелый, говорит то, что думает, — вызывает недовольство и привлекает к себе внимание подозрительных чекистов, которые сами дела не знают, но охотно пользуются всякими слухами и сплетнями... Ежов мерзавец! Разложившийся человек. Звонишь к нему в наркомат — говорят: уехал в ЦК. Звонишь в ЦК — говорят: уехал на работу. Посылаешь к нему на дом — оказывается, лежит на кровати мертвецки пьяный. Многих невинных погубил. Мы его за это расстреляли».

После таких слов создавалось впечатление, что беззакония творятся за спиной Сталина. Но в то же время другие факты вызвали противоположные мысли⁸².

Конечно, возмущение Сталина тем, что Ежов «многих невинных погубил», было справедливым и полностью оправданным. Столь же обоснованным было и его негодование в отношении запойного алкоголизма, которым страдал железный нарком. Однако жесткая оценка вождем своего ставленника и протееже выглядела, по меньшей мере, запоздалой и явно показной — ведь он и до этого не мог не знать, что творил Ежов, причем в основном по собственным указаниям Сталина. Кое в чем, разумеется, он проявлял и собственную инициативу, чтобы выслужиться перед вождем и продемонстрировать свою безграничную лояльность, что расширяло рамки и масштабы репрессий. Но в целом он с самого начала играл роль послушного орудия в руках Сталина. И историческая вина за тот период, который прочно вошел в советскую историю под названием ежовщины, лежит прежде всего и главным образом на самом Сталине. Ежовщину можно назвать Варфоломеевской ночью, затянувшейся более чем на два года.

Интересно проследить, как проходил сам процесс отстранения Ежова и замены его на посту наркома внутренних дел Берией. На этот счет в распоряжении историков имеется ряд версий, достоверность которых примерно одинаково относительна. Одна из них принадлежит Н. С. Хрущеву. В своих мемуарах он пишет: «Однажды, когда я был в Москве, приехав из Киева, Берию вызвали из Тбилиси. Все собрались у Сталина, Ежов тоже был там. Сталин предложил: «Надо бы подкрепить НКВД, помочь товарищу Ежову, выделить ему заместителя». Он и раньше ставил этот вопрос, при мне спрашивал Ежова: «Кого вы хотите в замы?». Тот отвечал: «Если нужно, то дайте мне Маленкова». Сталин умел сделать в разговоре паузу, вроде бы обдумывая ответ, хотя у него уже давно каждый вопрос был

⁸² А. С. Яковлев. Цель жизни. С. 212–213.

обдуман. Просто он ожидал ответа Ежова. «Да, — говорит, — конечно, Маленков был бы хорош, но Маленкова мы дать не можем. Маленков сидит на кадрах в ЦК, и сейчас же возникнет новый вопрос, кого назначить туда? Не так-то легко подобрать человека, который заведовал бы кадрами, да еще в Центральном Комитете. Много пройдет времени, пока он изучит и узнает кадры». Одним словом, отказал ему. А через какое-то время опять поставил прежний вопрос: «Кого в замы?». На этот раз Ежов никого не назвал. Сталин и говорит: «А как вы посмотрите, если дать вам заместителем Берию?». Ежов резко встрепенулся, но сдержался и отвечает: «Это — хорошая кандидатура. Конечно, товарищ Берия может работать, и не только заместителем. Он может быть и наркомом»⁸³.

Совершенно иную версию, со слов своего отца Г. М. Маленкова, предлагает его сын в своих воспоминаниях. По словам Маленкова-сына, дело обстояло следующим образом. Маленков знал, что Ежов пользуется большой поддержкой в Политбюро и располагает (по крайней мере располагал ранее) полным доверием Сталина, который и породил, по существу, это чудовище, чтобы его руками убрать всех, могущих оказать сопротивление его личной власти. Но Маленков понимал также, что Ежов, получив в свои руки огромную исполнительную власть, был якобы готов уже идти и против самого Сталина. В этих условиях Маленков мог рассчитывать и на поддержку Сталина, которому Ежов становился не только ненужным, но и опасным.

«Тщательно подготовившись, Маленков в августе 1938 года передает Сталину личную записку «О перегибах». Далее я пишу по рассказу отца, записанному мною и затем проверенному им по моей записи: «Я передал записку И. Сталину через Поскребышева, несмотря на то, что Поскребышев был очень близок с Ежовым. Я был уверен, что Поскребышев не посмеет вскрыть конверт, на котором было написано — «лично Сталину». В записке о перегибах в работе органов НКВД утверждалось, что Ежов и его ведомство виновны в уничтожении тысяч преданных партии коммунистов. Сталин вызвал меня через 40 минут. Вхожу в кабинет. Сталин ходит по кабинету и молчит. Потом спрашивает: «Это вы сами писали записку?» — «Да, это я писал». Сталин молча продолжает ходить. Потом еще раз спрашивает: «Это вы сами так думаете?» — «Да, я так думаю». Далее Сталин подходит к столу и пишет на записке: «Членам Политбюро на голосование. Я согласен».

Таким образом вождь выразил недоверие Ежову. И тогда же он якобы попросил Маленкова подобрать человека на должность первого заместителя наркома НКВД, который бы удовлетворял трем условиям: имел опыт работы в органах, опыт партийной работы и чтобы он, Сталин, мог ему лично доверять.

Маленков поручил одному из своих ответственных сотрудников, В. А. Донскому, подобрать по картотеке кандидатуру первого зама Ежова. Донской предложил кандидатуру Л. П. Берии, который удовлетворял поставленным Сталиным условиям. Он имел опыт работы в органах и партии, а после того, как заслонил Сталина своей грудью во время организованного им же мнимого покушения на «вождя», пользовался доверием Сталина. Маленков предложил Донскому подобрать еще шесть кандидатур и затем все семь представил Сталину. Сталин выбрал Берию»⁸⁴.

Версия, изложенная сыном Маленкова, мягко говоря, вызывает весьма серьезные сомнения. Прежде всего, если судить по ней, то Сталин во всем этом деле играет роль чуть

Н. С. Хрущев. Время. Люди. Власть. Воспоминания. Т. 1. С. 179.

⁸⁴ Андрей Маленков. О моем отце Георгии Маленкове. М. 1992. С. 33–34.

ли не статиста — инициатива в постановке вопроса о прекращении масштабных репрессий якобы исходит от Маленкова. Да и сама записка последнего Сталину выглядит чуть ли не откровением, побудившем вождя поставить вопрос о Ежове. Однако, столь важные и столь потенциально взрывоопасные вопросы мог не только решать, но даже просто ставить сам Сталин. В ином же случае, если такую инициативу проявил кто-либо другой, даже из когорты ближайших соратников вождя, он рисковал навлечь на себя своей инициативой подозрение. Это одно существенное соображение. Другое состоит в том, что Сталин заранее тщательно продумывал персональные кандидатуры на сколько-нибудь важные партийные и государственные посты. Что же касается поста наркома внутренних дел, то этот вопрос, как говорится, стоял в эпицентре внимания вождя по причинам, о которых просто излишне распространяться. Для видимости, конечно, он мог поручить представить ему список возможных кандидатур, но как-то совсем невероятным выглядит то, что он, как известный персонаж Гоголя, перечислял необходимые достоинства, которые могли бы сочетаться в предлагаемом кандидате. Как-то это все не похоже на стиль Сталина и на его методы подбора ключевых фигур в государстве.

Берию Сталин, конечно, знал не понаслышке и тем более не по анкетным данным. По всей видимости, Берия попал в поле зрения вождя с середины 20-х годов, когда Сталин посещал Грузию, а, может быть, даже и в начале 20-х годов*. На протяжении ряда лет Сталин протезировал Берии, в результате чего тот сделал не только большую карьеру в чекистских органах Закавказья, но и по партийной линии — стал первым секретарем Закавказского крайкома ВКП(б), а затем после ликвидации закавказской федерации стал первым секретарем ЦК компартии Грузии. Есть все основания полагать, что вождь долго присматривался к Берии, подвергал его различного рода проверкам (и не только на лояльность, но и на профессиональные качества), прежде чем наметить его кандидатуру в качестве замены Ежова. На долю Берии выпадали уже иные задачи, хотя характер самой работы оставался прежним — практически осуществлять линию вождя в сфере государственной безопасности и ликвидации любой возможной оппозиции политике Сталина.

Устранение Ежова было осуществлено, как я уже отмечал, постепенно, чтобы не вызывать нежелательных последствий — в смысле дискредитации самой линии на репрессии. Для отставки железного наркома использовался излюбленный вождем метод — в ЦК поступило письмо от начальника Ивановского областного управления НКВД Журавлева, в котором последний сообщал, что в свое время докладывал Ежову о подозрительном поведении некоторых ответственных работников НКВД, но нарком не проявил к его сигналам должного внимания, хотя сигналы оказались верными. На заседании ПБ это заявление Журавлева подверглось детальному обсуждению. Фактически это обсуждение приняло характер политического осуждения самого Ежова и крупнейших провалов в его работе. В частности, ему вменялось в вину засорение следственных органов шпионами иностранных разведок, но главное — в утрате надлежащего контроля за отделом охраны членов Политбюро и правительства.

19 ноября 1938 г. в кабинете Сталина состоялось совещание или заседание членов и кандидатов в члены Политбюро, в котором приняли участие, кроме самого Сталина,

---

* Западный автор Тадеуш Витлин, автор довольно легковесной, хотя и объемистой книги о Берии, пишет, что Сталин обратил внимание на Берия и взял, как говорится, его на заметку еще в 1921 году. См. *Thaddeus Wittlin. Commissar. The Life and Death of Lavrenty Pavlovich Beria*. NY-L. 1972. p. 94.

Молотов, Ворошилов, Андреев, Каганович, Микоян, Жданов, а также Маленков и заместитель председателя комиссии партийного контроля Шкирятов. Заседание прошло в два этапа — сначала оно проходило без участия Ежова, а затем уже после 11 часов вечера на него были вызваны нарком внутренних дел и его заместитель Фриновский. Второй этап продолжался с 23 ч.10 м. до 4 ч. 20 м. утра. Именно на этом полуночном заседании и была, по всей видимости, решена участь Ежова. 23 ноября 1938 г. Ежов был вызван на встречу со Сталиным, Молотовым и Ворошиловым, которая проходила в сталинском кабинете с 9 ч. 15 м. вечера до часа ночи 24 ноября⁸⁵.

Итогом этой встречи явилось письмо Ежова, адресованное Политбюро ЦК т. Сталину. В этом письме он подверг самокритике свою работу и просил освободить его от обязанностей наркома внутренних дел. Он, в частности, писал:

«Во-первых: Совершенно очевидно, что я не справился с работой такого огромного и ответственного Наркомата, не охватил всей суммы сложнейшей разведывательной работы.

Вина моя в том, что я вовремя не поставил этот вопрос во всей остроте, по-большевистски, перед ЦК ВКП(б).

Во-вторых: Вина моя в том, что, видя ряд крупнейших недостатков в работе, больше того, даже критикуя эти недостатки у себя в Наркомате, я одновременно не ставил этих вопросов перед ЦК ВКП(б). Довольствуясь отдельными успехами, замазывая недостатки, барахтался один, пытаюсь выправить дело. Выправлялось туго, — тогда нервничал.

В-третьих: Вина моя в том, что я часто делячески подходил к расстановке кадров. Во многих случаях, политически не доверяя работнику, затягивал вопрос с его арестом, выжидал, пока подберут другого. По этим же деляческим мотивам во многих работниках ошибся, рекомендовал на ответственные посты, и они разоблачены сейчас как шпионы.

В-четвертых: Вина моя в том, что я проявил совершенно недопустимую для чекиста беспечность в деле решительной очистки отдела охраны членов ЦК и Политбюро. В особенности эта беспечность непростительна в деле затяжки ареста заговорщиков по Кремлю (Брюханов и др.).

В-пятых: Вина моя в том, что, сомневаясь в политической честности таких людей, как бывший нач. УНКВД ДВК (Дальневосточного края — Н. К.) предатель Люшков и последнее время Наркомвнудел Украинской ССР предатель Успенский, не принял достаточных мер чекистской предупредительности и тем самым дал возможность Люшкову скрыться в Японию и Успенскому пока неизвестно куда, и розыски которого продолжаются.

✶ Все это вместе взятое делает совершенно невозможным мою дальнейшую работу в НКВД⁸⁶.

Что можно сказать по поводу этого письма-покаяния? Видимо, Сталин в беседе с Ежовым дал понять, что с ним поступят не как с врагом, а как с человеком, просто допустившим крупные ошибки в своей работе. Поэтому Ежов, можно сказать, с каким-то патологическим пафосом писал о своих ошибках и заверял: «Даю большевистское слово и обязательство перед ЦК ВКП(б) и перед тов. Сталиным учесть все эти уроки в своей дальнейшей работе, учесть свои ошибки, исправиться и на любом участке, где ЦК сочтет необходимым меня использовать, — оправдать доверие ЦК»⁸⁷. Постановление Политбюро тоже было выдержано в либеральном ключе, что опять-таки вполне укладывалось в тактику постепенного, растянутого во времени, устранения Ежова, которой придерживался

⁸⁵ "Исторический архив." 1995 г. № 5–6. С. 24–25.

⁸⁶ "Исторический архив" 1992 г. № 1. С. 130.

⁸⁷ "Исторический архив". 1992 г. № 1. С. 130.

Сталин. Принимая во внимание как мотивы, изложенные в заявлении Ежова, так и его болезненное состояние, не дающее ему возможности руководить одновременно двумя большими наркоматами, ПБ освободило его от обязанностей наркома внутренних дел и сохранило за ним должности секретаря ЦК ВКП(б), председателя комиссии партийного контроля и наркома водного транспорта⁸⁸.

Еще до принятия формального решения об отрешении Ежова от должности по указанию Сталина Берия развернул чистку рядов НКВД от людей, так или иначе связанных с «железным наркомом». В период с сентября по декабрь 1938 года была проведена практически полная замена не только начальников отделов ГУТБ НКВД СССР и их заместителей, но и почти всех руководителей республиканских, краевых и областных управлений НКВД. Только за период с сентября по декабрь 1938 года было арестовано 332 руководящих работника НКВД (140 человек в центральном аппарате и 192 на периферии), среди которых было 18 наркомов внутренних дел союзных и автономных республик⁸⁹. В это же время Сталиным была дана директива, согласно которой секретари ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов ВКП(б) активно включились в работу по проверке работников НКВД, а также по приему и освобождению их от службы. Ранее на основе циркуляра ГУТБ НКВД СССР от 27 июля 1936 года прием в органы госбезопасности осуществлялся минуя проверку и утверждение в партийных органах⁹⁰. 15 ноября 1938 г. за подписью Сталина и председателя Совнаркома Молотова была разослана лаконичная, но весьма важная секретная директива, согласно которой приостанавливалось с 16 ноября 1938 г. впредь до распоряжения рассмотрение всех дел на тройках, в военных трибуналах и в Военной коллегии Верховного Суда СССР, направленных на их рассмотрение в порядке особых приказов или в ином, упрощенном порядке. Прокурорам военных округов, краев, областей, автономных и союзных республик предписывалось проследить за точным и немедленным исполнением данного указания⁹¹.

Указанные меры явились как бы подготовительными шагами к принятию фундаментального по своему характеру и значению совместного секретного постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 г. Этим постановлением Сталин как бы подводил итог «великой чистки» и явственно обозначал принципиально новые контуры своей политики в данной сфере. Если упрощенно определить смысл данного поворота, то это можно было бы сделать с помощью одной фразы — отныне массовых и масштабных чисток больше не будет, хотя репрессии как таковые вовсе не переходят в разряд исторических понятий. Указанное постановление заслуживает того, чтобы на нем остановиться более подробно.

В нем признавалось, что работники НКВД настолько отвыкли от кропотливой, систематической агентурно-осведомительной работы и так вошли во вкус упрощенного порядка производства дел, что до самого последнего времени возбуждают вопросы о предоставлении им так называемых «лимитов» для производства массовых арестов.

Своего рода «открытием Америки» стало признание некоторых элементарных правовых норм и принципов, которые прежде беспардонно игнорировались. В постановлении признавалось, что крупнейшим недостатком работы органов НКВД

⁸⁸ "Исторический архив". 1992 г. № 1. С. 131.

⁸⁹ См. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД 1937 – 1938. С. 663.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД 1937 – 1938. С. 606.

является глубоко укоренившийся упрощенный порядок расследования, при котором, как правило, следователь ограничивается получением от обвиняемого признания своей вины и совершенно не заботится о подкреплении этого признания необходимыми документальными данными (показания свидетелей, акты экспертизы, вещественные доказательства и проч.). Нередки случаи, когда в протокол допроса вовсе не записываются показания обвиняемого, опровергающие те или другие данные обвинения. Органы Прокуратуры, со своей стороны, не принимают необходимых мер к устранению этих недостатков, сводя, как правило, свое участие в расследовании к простой регистрации и штампованию следственных материалов. Органы Прокуратуры не только не устраняют нарушений революционной законности, но фактически узаконивают эти нарушения.

Таким образом, круг будущих козлов отпущения и виновников нарушений революционной законности был в целом очерчен достаточно определенно. Наконец, нужно было однозначно возложить вину за все это снова на врагов народа: «Такого рода безответственным отношением к следственному произволу и грубым нарушениям установленных законом процессуальных правил нередко умело пользовались пробравшиеся в органы НКВД и Прокуратуры — как в центре, так и на местах, — враги народа. Они сознательно извращали советские законы, совершали подлоги, фальсифицировали следственные документы, привлекая к уголовной ответственности и подвергая аресту по пустяковым основаниям и даже вовсе без всяких оснований, создавали с провокационной целью «дела» против невинных людей, а в то же время принимали все меры к тому, чтобы укрыть и спасти от разгрома своих соучастников по преступной антисоветской деятельности. Такого рода факты имели место как в центральном аппарате НКВД, так и на местах.»

Отметив и осудив ряд других грубейших нарушений законности, постановление предписывало:

1. Запретить органам НКВД и Прокуратуры производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению.

В соответствии со ст. 127 Конституции СССР аресты производить только по постановлению суда или с санкции прокурора.

2. Ликвидировать судебные тройки, созданные в порядке особых приказов НКВД СССР, а также тройки при областных, краевых и республиканских Управлениях РК милиции. Впредь все дела в точном соответствии с действующими законами о подсудности передавать на рассмотрение судов или Особого Совещания при НКВД СССР. Органы Прокуратуры обязаны тщательно и по существу проверять обоснованность постановлений органов НКВД об арестах, требуя в случае необходимости производства дополнительных следственных действий или представления дополнительных следственных материалов. Кроме того, они обязаны не допускать производства арестов без достаточных оснований — в этом последнем положении как раз и заключалась загвоздка, поскольку вся предшествовавшая практика однозначно показывала, что органы надзора, т.е. прокуратура, не располагали достаточными возможностями (реальными, а не только чисто формальными) для того, чтобы противостоять органам безопасности, когда те фабриковали искусственные дела. Весьма любопытно, что в эту кампанию «по искоренению беспорядка и наведению порядка» активно включился и главный прокурор-прокуратор Вышинский. Его голос тоже органично влился в хор тех, кто гневно осуждал нарушения законности. В письме Сталину и Молотову он заговорил о том, что некоторые

сотрудники НКВД во время допросов доходили до изуверства, в частности, применяли пытки, приводившие к смерти подсудимых⁹². Как говорится, куда он смотрел раньше? Но это уже ария из другой оперы.

Совместное постановление заканчивалось ясным и недвусмысленным предостережением: «СНК СССР и ЦК ВКП(б) предупреждают всех работников НКВД и Прокуратуры, что за малейшее нарушение советских законов и директив Партии и Правительства каждый работник НКВД и Прокуратуры, невзирая на лица, будет привлекаться к суровой судебной ответственности»⁹³.

Одновременно с освобождением Ежова ЦК ВКП(б) «по единодушному предложению членов ЦК, в том числе и т. Ежова,» (так говорилось в шифртелеграмме, от 25 ноября 1938г., подписанной Сталиным и адресованной первым секретарям ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов) утвердил Л. П. Берия народным комиссаром внутренних дел СССР⁹⁴. Новому народному комиссару предстояло принять дела от Ежова, для чего была создана комиссия в составе самого Берии, Андреева и Маленкова. Срок сдачи-приемки был определен в 7 дней. Процесс передачи дел превратился в первый этап накопления материалов по будущему делу бывшего наркома внутренних дел. Что его песенка спета, было ясно, как говорится, и ежу, а не только самому Ежову.

Еще за пару недель до снятия Ежова Сталин направил в адрес бюро горкомов, обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий директиву об учете и проверке в партийных органах ответственных сотрудников НКВД. В соответствии с директивой практически все ответственные работники центрального аппарата и местных органов НКВД подлежали взятию на учет и заведению на них личных дел, которые должны были храниться в партийных органах. Один из центральных пунктов этой директивы гласил: «провести тщательную проверку всех взятых на учет работников НКВД, путем внимательного изучения всех документов о работниках (личные дела, материалы спецпроверки и т. п.) и личного ознакомления с ними, не дожидаясь при этом представления этих работников начальником НКВД на утверждение обкома, крайкома, ЦК нацкомпартий. В результате этой проверки органы НКВД должны быть очищены от всех враждебных людей, обманным путем проникших в органы НКВД, от лиц, не заслуживающих политического доверия»⁹⁵.

Это был не просто формальный шаг в деле восстановления контроля над органами безопасности. По существу, он ставил известный предел всевластию этих органов и подчинял их в известной степени контролю со стороны соответствующих партийных комитетов на местах. В период разгула ежовщины (да и во многих случаях и раньше) партийные инстанции лишь штамповали решения работников НКВД и не располагали серьезными рычагами для сколько-нибудь серьезного надзора за их деятельностью. Сталин отдавал отчет в том, что такой контроль необходим не только наверху, но и на уровне местных партийных органов. В противном случае обозначившаяся тенденция, когда органы НКВД действовали абсолютно бесконтрольно, могла привести к тому, что партия перестанет играть ту роль, которая ей предназначалась. А как раз именно в партии, а отнюдь не в органах безопасности, вождь видел главный и наиболее эффективный инструмент осуществления своей политической линии. Сложившийся ко второй половине

⁹² Советское руководство. Переписка. 1928 – 1941. С. 399.

Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД 1937 – 1938. С. 607–611.

⁹⁴ Там же. С. 612.

⁹⁵ Там же. С. 605.

30-х годов явный и чреватый непредсказуемыми последствиями перекося в сторону всевластия органов безопасности мог поставить под угрозу реализацию всей политической стратегии вождя. Поэтому финал ежовщины следует рассматривать не только и не столько в контексте замены одних фигур другими, а в более широком историческом плане — как устранение явно тревожного симптома наметившейся утраты партией ее руководящей роли.

Конечно, могут возразить — о какой руководящей роли в то время могла идти речь, если по существу все важные вопросы решались Сталиным. Все это, разумеется, так, но любые планы Сталина, как и вся его политическая стратегия, могли быть реализованы только через посредство деятельности партийных организаций. Он безусловно понял, что умаление роли партийных организаций при одновременном увеличении веса и значения репрессивных инструментов реализации его политического курса в конечном счете было равносильно подрыву базиса его собственной власти.

Новый нарком внутренних дел, видимо, по инициативе Сталина, вышел с предложением о запрете вербовки ответственных работников. В противном случае дело могло бы дойти до того, что НКВД стал бы вербовать секретных сотрудников чуть ли не в аппарате самого Сталина. Такое предположение, конечно, является сильным преувеличением, но тенденции в деле вербовки были таковы, что они стали реальной угрозой даже для членов высшего партийного и государственного руководства. Вот почему Сталин одобрил следующие предложения Берии:

1. Прекратить вербовки из числа ответственных руководящих работников партийных, советских, хозяйственных, профессиональных и общественных организаций.

2. Прекратить вербовки *каких бы то ни было* (вписано от руки Сталиным — Н. К.) работников, обслуживающих аппараты ЦК нацкомпартий, краевых, областных, городских и районных комитетов партии.

3. Немедленно прервать связь со всеми ранее завербованными работниками перечисленных в пунктах 1 и 2-м категорий, о чем сообщить каждому завербованному агенту или осведомителю путем вызова его и отобрания соответствующей подписки.

4. Личные и рабочие дела агентов и осведомителей указанных выше категорий уничтожить в присутствии представителя райкома, горкома, обкома, крайкома или ЦК нацкомпартий, о чем составить соответствующий акт⁹⁶.

Нет необходимости перечислять ряд других мер, предпринятых Сталиным или по его указанию, нацеленных на ликвидацию явной опасности, которая исходила из обстановки всевластия органов внутренних дел. Разумеется, он сохранял в своих руках контроль над этими органами, однако никто на все 100 процентов не мог поручиться, что при своем логическом развитии такая обстановка не могла создать проблемы и для самого вождя. Но главное заключалось в другом — широкомасштабные репрессии, одним из следствий которых и явилось непомерное возрастание роли органов безопасности, уже выполнили свою роль. Их дальнейшее продолжение было не просто излишним, но и опасным для всей политической линии вождя. Будучи человеком практического склада ума и приверженцем реалистической политики, Сталин осознал, что репрессии не могут играть созидательную роль в общественном процессе, что их масштабы и временные рамки строго ограничены объективными условиями, в которых протекала жизнь страны.

⁹⁶ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД 1937 – 1938. С. 631–632.

Наказание, на которое он обрек своего недавнего верного подручного Ежова, должно было символизировать решимость вождя вывести страну из пучины страха, витавшего над многими партийными и государственными функционерами. Правда, для реализации этой цели были использованы старые примитивные, чисто ежовские, методы. Видимо, привычка следовать отработанному шаблону была так велика, что от нее не так-то просто было избавиться.

Существует версия, согласно которой Ежов в конце января 1939 года добился через секретаря вождя Поскребышева приема у Сталина. Якобы во время этой встречи он потребовал созыва заседания Политбюро, чтобы оправдаться и обвинить Маленкова в том, что тот потворствует замаскированным врагам народа⁹⁷. Однако имеющиеся документальные материалы опровергают эту версию. Как явствует из журнала записи лиц, посещавших кабинет Сталина, (а этот учет велся весьма скрупулезно и сомневаться в его достоверности нет никаких оснований), последний раз Ежов переступил порог кабинета вождя 23 ноября 1938 г. С тех пор его нога не ступала здесь. Он был арестован в апреле 1939 года и после довольно длительного следствия ему был предъявлен целый букет обвинений, в которых наряду с действительными преступлениями (репрессии в отношении невинных людей — кстати, на этом пункте обвинений акцент не делался) ему было вменено в вину, что он готовил государственный переворот. Якобы Ежов и его сообщники Фриновский, Евдокимов и Дагин практически подготовили на 7 ноября 1938 года путч, который, по замыслу его вдохновителей, должен был выразиться в совершении террористических акций против руководителей партии и правительства во время демонстрации на Красной площади в Москве.

Через внедренных заговорщиками в аппарат Наркомвнудела и дипломатические посты за границей Ежов и его сообщники стремились обострить отношения СССР с окружающими странами в надежде вызвать военный конфликт, в частности, через группу заговорщиков — работников полпредства в Китае — Ежов проводил вражескую работу в том направлении, чтобы ускорить разгром китайских национальных сил, обеспечить захват Китая японскими империалистами и тем самым подготовить нападение Японии на советский Дальний Восток. Действуя в антисоветских и корыстных целях, Ежов организовал ряд убийств неудобных ему людей, а также имел половое сношение с мужчинами (мужеложство)⁹⁸.

Смехотворность такого рода главных обвинений сейчас вызывает лишь усмешку по поводу избытка (или, вернее, отсутствия) фантазии у тех, кто готовил его дело для передачи в Военную коллегию Верховного суда. Суд был скорый, но в данном случае справедливый, хотя обвиняемых и приговорили по пунктам, о которых я упоминал выше. Но то, что Ежов и его соратники заслуживали самого сурового приговора, не подлежит сомнению.

Любопытны некоторые моменты из последнего слова подсудимого. Они заслуживают того, чтобы их процитировать. Ежов говорил: «Я долго думал, как пойду на суд, как буду вести себя на суде, и пришел к убеждению, что единственная возможность и зацепка за жизнь — это рассказать все правдиво и по-честному. Вчера еще в беседе со мной Берия сказал: «Не думай, что тебя обязательно расстреляют. Если ты сознаешься и расскажешь все по-честному, тебе жизнь будет сохранена».

⁹⁷ См. *Алексей Полянский*. Ежов. История "железного" сталинского наркома. С. 199–200.

⁹⁸ Там же. С. 227–228.

После этого разговора с Берия я решил: лучше смерть, но уйти из жизни честным и рассказать перед судом действительную правду. На предварительном следствии я говорил, что я не шпион, я не террорист, но мне не верили и применили ко мне сильнейшие избиения. Я в течение 25 лет своей партийной жизни честно боролся с врагами и уничтожал врагов. У меня есть и такие преступления, за которые меня можно и расстрелять, и я о них скажу после, но тех преступлений, которые мне вменены обвинительным заключением по моему делу, я не совершал и в них не повинен...»⁹⁹

Как я уже писал выше, будущая участь Ежова была ясна даже ему. Но когда речь идет о жизни и смерти, то человеческая логика перестает действовать, и Ежов тоже питал какие-то, пусть крошечные, но все-таки надежды, что ему могут сохранить жизнь. В своем последнем слове он заявил: «Я понимаю и по-честному заявляю, что единственный способ сохранить свою жизнь — это признать себя виновным в предъявленных обвинениях, раскаться перед партией и просить ее сохранить мне жизнь. Партия, может быть, учтя мои заслуги, сохранит мне жизнь. Но партии никогда не нужна была ложь, и я снова заявляю вам, что польским шпионом я не был и в этом не хочу признавать себя виновным, ибо это мое признание принесло бы подарок польским панам, как равно и мое признание в шпионской деятельности в пользу Англии и Японии и принесло бы подарок английским лордам и японским самураям. Таких подарков этим господам я преподносить не хочу.

Когда на предварительном следствии я писал якобы о своей террористической деятельности, у меня сердце обливалось кровью. Я утверждаю, что я не был террористом. Кроме того, если бы я хотел произвести террористический акт над кем-либо из членов правительства, я для этой цели никого бы не вербовал, а, используя технику, совершил бы в любой момент это гнусное дело...

Судьба моя очевидна. Жизнь мне, конечно, не сохраняют, так как я и сам способствовал этому на предварительном следствии. Прошу об одном, расстреляйте меня спокойно, без мучений». Закончил свое последнее слово «железный» нарком, как это и не звучит парадоксально, следующим заверением: «Передайте Сталину, что умирать я буду с его именем на устах»¹⁰⁰.

То ли он еще на что-то надеялся, то ли отдавал дань общепринятому у жертв репрессий чудовищному ритуалу. О его расстреле ничего не сообщалось. Финал самого Ежова был достоин финала короткого, но оставившего глубочайший след в сознании советского народа и в нашей истории вообще, мрачного периода под именем ежовщина.

Подойдя к концу освещения периода репрессий, не могу не сделать одного вывода, логически вытекающего из всего, что было написано выше. Это был мрачный период, и его объяснить не менее трудно, чем понять. Некоторые ссылаются на то, что время было такое, видя в этом своего рода и объяснение, и даже частично оправдание всего совершенного. Думаю, что само по себе время никогда не может оправдать столь масштабные и жестокие репрессии. При всем желании их нельзя оправдать и действием неких исторических закономерностей. Неубедительны и доводы тех, кто находит в истории других стран нечто подобное, полагая, будто исторические аналогии способны быть и историческими индульгенциями. То, что было, нельзя вычеркнуть из летописи истории. Она фиксирует все — и хорошее и плохое. Важно, однако, чтобы одно не заслоняло другое, поскольку при таком подходе утрачивается истина и панорама исторических событий предстает в искаженном свете.

⁹⁹ "Московские новости" 30 января – 6 февраля 1994 г.

¹⁰⁰ Там же.

Глава 15

СТАБИЛИЗАЦИЯ В СТРАНЕ И НОВЫЕ ЗАДАЧИ И ПРОБЛЕМЫ

1. Сталин и идеологическое перевооружение партии

Вторая половина 30-х годов в жизни советского государства, равно как и в политической биографии Сталина, не может быть охарактеризована как-то однозначно. Это наглядно видно на основе материалов предшествующих глав. И все-таки, несмотря на противоречивость процессов, протекавших прежде всего в сфере политической жизни, есть все основания считать, что общее направление развития проходило в русле объективных закономерностей хода истории. Магистральным направлением этого развития было укрепление фундамента нового общественного строя, рост экономического могущества государства, невиданный подъем культуры, образования, науки, приобщение ко всем делам государственного строительства широчайших масс населения. Как бы скептически или критически ни оценивать картину той эпохи, неоспоримым фактом является то, что народ из объекта истории превратился в его субъект, стал главным созидателем и главной движущей силой новой полосы в жизни страны. Теневые стороны того периода, конечно, омрачали общую картину бурного процесса созидания, однако они не отражали и не выражали главных качественных параметров эпохи.

Иному читателю может показаться слишком назойливым мое стремление подчеркивать именно эти особенности эпохи, о которой идет речь. Однако такая постановка вопроса мне представляется оправданной, поскольку в данном случае речь идет о вопросах принципиального значения: соразмерность и правильные пропорции в любом подходе к фундаментальным оценкам сложных этапов истории играют не какую-то вспомогательную, а порой решающую роль. Искажение пропорций приводит к кардинальным просчетам в построении конструкции исторической панорамы нашего прошлого.

В приложении к освещению эволюции политической философии Сталина это также имеет первостепенное значение. В каком-то смысле можно констатировать, что изначально присущий его взглядам и его мировоззрению государственный подход стал обретать более отчетливые и более последовательные формы. Речь не идет о том, что он полностью отходил от своих революционных воззрений, которых он придерживался в прошлом и на защите которых он одержал победу в затяжной борьбе со своими политическими оппонентами. Классовые критерии и классовый подход по-прежнему отличали не только внешнюю форму выражения его взглядов, но и их принципиальное содержание. Однако в соприкосновении с реальностями эпохи эти чисто классовые компоненты его политической философии как бы оттеснялись на второй план и все

больше уступали место соображениям государственно-державных интересов. В литературе о Сталине данная сторона эволюции его политической философии разработана достаточно подробно, хотя порой и несколько прямолинейно. Не претендуя на истину в последней инстанции, хочу лишь резче оттенить некоторые моменты этой эволюции, которую отмечают почти все авторы, пишущие о Сталине — как либерально-демократического, так патриотического толка.

Во-первых, эта эволюция отражала объективные реальности самой эпохи, когда идея мировой революции в соприкосновении с действительностью оказалась более чем иллюзорной. Видимо, Сталин все больше приходил к выводу, что идея, выраженная в словах «Интернационала» — «весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим» — не только эфемерна, но и во многом даже опасна. Ведь простая логика (да и не примитивно интерпретированные мысли классиков марксизма-ленинизма) говорили о том, что новый общественный уклад нельзя построить на пустом, разрушенном месте. Исторический процесс имеет дело не с абстракциями, а с реалиями, и социализм можно было созидать только на фундаменте прежнего строя: никакой другой альтернативы не было и не могло быть. Одна из важнейших особенностей исторического процесса как раз и выражается в факте исторической преемственности, а отнюдь не на ее отрицании, как бы того ни хотелось кому бы то ни было. А Сталин был прежде всего реалистом и твердо стоял на этих позициях. Значит, нужно было выйти за рамки, а точнее сказать — преодолеть узко классовый подход, чтобы строить всю политическую стратегию на долгосрочной базе.

В данном контексте мне представляется довольно упрощенной, а потому и сомнительной оценка, принадлежащая перу российского историка академика А. Н. Сахарова. Характеризуя фундаментальные основы, на которых базировалась советская внешняя политика в рассматриваемую эпоху, он писал: «...В основе внешней политики советского государства лежала, кроме конкретных тактических расчетов и стратегическая революционная концепция войны на поражение мировой буржуазии, особенно в ходе противоборства капиталистических стран, выпестованная за 20 с небольшим лет существования революционно-тоталитарного режима и конечно это должно было накладывать свой отпечаток на дипломатию Советского Союза как в то время, так и в дальнейшем. Для тогдашнего общества, выросшего из победоносной революции низов, для тогдашнего советского руководства такой подход был вполне естественным и логичным. Известно, что эти же идеи исповедовали не только фанатичные недоучки, захватившие власть в СССР в конце 20-х — начале 30-х годов, но и их более просвещенные предшественники, соратники и даже оппоненты — такие, например, как В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, Н. И. Бухарин, Б. М. Шапошников, М. Н. Тухачевский. Говоря о характере советского государства тех лет, следует отметить, что его сердцевиной, кроме революционно-тоталитарного содержания, был и традиционный для России авторитарно-государственный геополитический подход к внешней политике страны»¹

Обозвать Сталина фанатичным недоучкой, конечно, легко. Но если говорить о скольконибудь действительно серьезной научной попытке определить, так сказать, мировоззренческие основы его политики вообще и внешней политики в особенности, то здесь аргументация А. Сахарова выглядит декларативной и неубедительной. Он просто

¹ "Вопросы истории" 1995 г. № 7. С. 29.

игнорирует сам факт развития и постепенной эволюции воззрений Сталина в отношении политики как таковой. Хотя приводит в качестве подтверждения вполне разумные мысли Э. Карра о том, что чем далее страна уходила от времен революции, тем менее ощущался разрыв преемственности столь резкий в начале, тем более ощутимыми становились в ее политике черты схожести, «новый» и «прочный синтез» по отношению к старой России. На первый план выходят вечные «национальные интересы» страны².

Эта примечательная эволюция взглядов Сталина как раз и служит показателем того, что он глубоко уяснил и осознал связь времен в процессе исторического развития, игнорирование которой всегда заводит в тупик любого государственного деятеля. Конечно, сама эта эволюция проходила не одномоментно, а заняла определенный отрезок времени. В одной из предыдущих глав эта проблема уже затрагивалась. Очевидно, что истоки приоритетности государственного подхода Сталина к задачам политики вообще и внешней политики в первую голову, следует отнести к началу 30-х годов. По мере хода времени этот процесс все более усиливался, становился доминирующим.

Во-вторых, Сталин не просто проник в суть геополитической природы политики вообще и внешней политики в первую очередь, но и сумел придать ей новые измерения. Эти новые измерения затрагивали сами основы геополитики, расширяя ее горизонты, а не сводя их в основном к чисто географическим факторам, как это делали Р. Челлен (шведский ученый, введший в научный оборот термин геополитика), К. Хаусхофер (немецкий ученый, воззрения которого в сфере геополитики служили своеобразным псевдотеоретическим обоснованием гитлеровской теории расширения «жизненного пространства» для немцев). Если определять сталинские взгляды в этой области, то, на мой взгляд, их можно определить как некий симбиоз геополитического подхода с классовым подходом. Причем примат в этом симбиозе принадлежал отнюдь не классовым критериям.

Каковы с точки зрения геополитики основные критерии, которым должен отвечать тот или иной государственный и политический деятель, если он претендует на то, чтобы занять свое место в историческом послужном списке?

Прежде всего, очевидно, он должен трезво и объективно оценивать геополитическое положение своей страны, видеть сильные и слабые стороны этого положения. Он должен обладать глубоким умом, способным анализировать всю совокупность важнейших факторов мировой политики, и на основе такого анализа вырабатывать стратегию своей страны в международной сфере. Иными словами, политический реализм — неотъемлемое качество крупного государственного деятеля. Но на одном политическом реализме, как говорится, далеко не уедешь. Для успешного осуществления выработанной долговременной стратегии на международной арене необходимы реальные материальные предпосылки в виде соответствующего экономического, военного и политического потенциала. Именно создание такого потенциала, другими словами, создание материально-технической базы современной промышленности, кооперирование сельского хозяйства, форсированное развитие науки и техники, быстрая и эффективная подготовка целого легиона специалистов в различных отраслях народного хозяйства и многое другое — все это стало стержнем политического курса Сталина после того, как он возглавил советское государство. Строительство социализма в одной стране, а не курс на мировую революцию, что считалось аксиомой старого большевизма, явилось исходной,

² E. N. Carr. A History of Soviet Russia. V. 1. L. 1958. p. 4.

качественно новой чертой всей сталинской геополитической стратегии. И последовавшие затем события со всей очевидностью подтвердили правильность этого курса, его обоснованность, реалистичность и безальтернативность.

Возможно, мои рассуждения покажутся слишком вольными, не отражающими эволюцию взглядов вождя. Но каждый имеет право на свое собственное толкование данной проблемы. Я специально затронул в общих чертах эту тему в настоящей главе, поскольку, как мне представляется, именно конец 30-х годов явился переломным рубежом, который четко обозначил вступление советского государства в принципиально новый этап своего развития. Именно с этим этапом Сталин связал идею построения социализма в Советском Союзе. Если раньше он говорил о возможности построения социализма, то теперь он провозгласил полную и окончательную его победу. Сейчас можно оставить за скобками вопрос о том, насколько правомерной была такая постановка вопроса вождем. Ведь окончательная победа подразумевала, что в любых исторических условиях путь назад — путь к капитализму — исключен. Жизнь, однако, опровергла такую постановку вопроса. Все оказалось гораздо более сложным и более неожиданным и непредсказуемым, чем представлялось тогда. Но здесь рассматривается не последующий ход развития событий, а тот, который происходил на исходе 30-х годов.

Победа сталинской генеральной линии была неоспоримой. Но эта победа нуждалась в закреплении по всем направлениям. И одним из таких направлений была сфера идеологии, которой Сталин придавал особое значение. В контексте реалий тех лет первостепенное значение имела интерпретация истории партии, поскольку через призму обобщения опыта большевистской партии он намеревался утвердить в обществе, и в первую очередь в самой партии, модифицированную идеологию нового большевизма, т.е. сталинизма. Сейчас я не буду касаться вопроса о том, какие новации внес лично сам вождь в теоретические постулаты марксизма-ленинизма, поскольку данный вопрос более наглядно и более предметно освещается непосредственно в главах, в которых рассматриваются те или иные конкретные проблемы. А что Сталин внес немалый вклад, может быть, не в сами теоретические основы марксистского учения, а в ее обогащение и обобщение на основе колоссального опыта социалистического строительства, — это не вызывает сомнений. Правда, в хрущевский период, и особенно во время перестройки, целый легион идеологов, прежде восхвалявших Сталина и его теоретическую мудрость, все свои силы сосредоточили на развенчании Сталина по всем параметрам, в том числе и в теоретической сфере. Конечно, эта кампания имела заранее заданную критическую направленность, хотя в ряде случаев критика эта не была бесосновательной. Но у нас, как говорится, если дана команда ругать, то здесь уж трудно ожидать проявления чувства меры и должной объективности.

Коснемся вопроса идеологического перевооружения партии более детально.

В краткой биографии Сталина говорилось: «В 1938 году вышла в свет книга «История ВКП(б). Краткий курс», написанная товарищем Сталиным и одобренная комиссией ЦК ВКП(б). Выход в свет этой книги явился крупнейшим событием в идейной жизни большевистской партии. Партия получила новое могучее идейное оружие большевизма, настоящую энциклопедию основных знаний в области марксизма-ленинизма. Со сталинской четкостью и глубиной в этой книге изложен и обобщен гигантский исторический опыт коммунистической партии, равного которому не имела и не имеет ни

одна партия в мире... Товарищ Сталин развивает диалектический материализм как теоретическую основу коммунизма, как мировоззрение марксистско-ленинской партии, идейно вооружающее рабочий класс в его борьбе за завоевание диктатуры пролетариата и построение коммунизма. С особой силой показана в этой работе внутренняя связь, существующая между философией марксизма-ленинизма и практической революционной деятельностью большевистской партии»³

Н. Хрущев в своем знаменитом докладе на XX съезде КПСС «О культе личности и его последствиях» счел необходимым подвергнуть резкой критике не только сам Краткий курс, но и поставил под сомнение факт написания Сталиным данной книги. Он, в частности, приводил следующие аргументы: «Известно, что над созданием «Краткого курса истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)» работала комиссия Центрального Комитета партии. Этот, к слову говоря, также весьма пропитанный культом личности труд составлялся определенным коллективом авторов. И это положение было отражено в макете «Краткой биографии» Сталина в следующей формулировке:

«Комиссия Центрального Комитета ВКП(б) под руководством товарища Сталина, при его личном активнейшем участии, создает «Краткий курс истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)».

Однако эта формулировка не могла уже удовлетворить Сталина и в изданной «Краткой биографии» это место заменено следующим положением:

«В 1938 году вышла в свет книга «История ВКП(б). Краткий курс», написанная товарищем Сталиным и одобренная Комиссией ЦК».

Как видите, произошло поразительное превращение труда, созданного коллективом, в книгу, написанную Сталиным. Нет нужды говорить о том, как и почему произошло подобное превращение.

Возникает законный вопрос: если Сталин является автором этой книги, то зачем ему нужно было так прославлять личность Сталина, и, по существу, весь послеоктябрьский период истории нашей славной Коммунистической партии делать лишь фоном деяний «сталинского гения»?

Разве нашли в этой книге достойное отражение усилия партии по социалистическому преобразованию страны, построению социалистического общества, индустриализации и коллективизации страны и другие мероприятия, осуществленные партией, твердо идущей по пути, начертанному Лениным? Там, главным образом, говорится о Сталине, его выступлениях, его докладах. Все, без какого бы то ни было исключения, связано с его именем.

И когда сам же Сталин заявляет, что именно он написал «Краткий курс истории ВКП(б)», то это не может не вызывать по меньшей мере удивления и недоумения. Разве может марксист-ленинец так писать о самом себе, возводя до небес культ своей личности?»⁴

Со времени XX съезда прошло полвека, и этот временной отрезок как раз и дает нам возможность более спокойно и более объективно подойти к оценке вопросов, поднятых Н. Хрущевым. Во-первых, это — проблема авторства Сталина. Если ее рассматривать не с позиций буквоедства, а в более широком контексте, то вполне неоспоримым представляется тот факт, что именно Сталину принадлежит авторство самой концепции,

Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. С. 163–165.

³ Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. С. 105–106.

заложенной в основу данного труда. Вся архитектура книги отражает сталинские взгляды и сталинские подходы к проблемам, освещенным в ней. Стиль письма и манера подачи материала также носят на себе печать сталинской руки. И в этом смысле он, конечно, является автором Краткого курса.

Сомнения возникают по вопросу о том, сам ли он лично написал (или продиктовал, что ему было вообще присуще) весь текст от начала до конца? Здесь нет твердой уверенности, поскольку как-то трудно представить, что при колоссальной его загруженности повседневной работой он нашел столько времени, чтобы лично написать этот довольно объемистый труд. Хотя, конечно, надо принимать во внимание, что подготовке этой книги он придавал исключительно важное значение. Скорее всего, комиссия ЦК партии по написанию данной книги, куда входил и сам Сталин, представила ему свой макет, который он самым радикальным образом переработал и отредактировал. Таким образом, строго говоря, Сталина можно считать не только духовным автором данного труда, но и в определенной степени и автором реальным. Что же касается недоуменных вопросов Н. Хрущева о самовосхвалении, то это было сделано анонимно, поскольку при издании этой книги Сталин не назывался ее творцом. А восхваления Сталина в тот период были неотъемлемым атрибутом всей советской действительности. Кстати, на этом поприще сам Никита Сергеевич во многом сделал свою политическую карьеру.

В целом же, как мне представляется, вопрос об истинности авторства Сталина во многом носит умозрительный характер. Если он в сугубо юридическом смысле слова и не является единственным автором этого труда, то в широком политическом смысле именно Сталин является создателем изложенной в Кратком курсе системы взглядов и оценок по коренным теоретическим и практическим вопросам истории партии.

Здесь заслуживает бесспорного внимания вопрос о том, как сам Сталин подходил к вопросу об освещении истории. Его принципиальная методологическая установка была четко сформулирована в выступлении 1 октября 1938 г. на совещании пропагандистов Москвы и Ленинграда, специально посвященном постановке идеологической работы партии в связи с выходом в свет Краткого курса. Сталин призвал к соблюдению строгой объективности и правдивости при освещении исторических событий вне зависимости от того, когда они происходили.

Он говорил: «А как вы думаете, можно историю исправлять? История должна быть правдивой, ее нужно писать такой, какой она есть, ничего не прибавляя. У нас теперь завелось так, что с точки зрения настоящего критикуют то, что было лет 500 тому назад. Как же это может быть хронологическим?»

Религия имела положительное значение во времена Владимира Святого, тогда было язычество, а христианство было шагом вперед. Теперь наши мудрецы с точки зрения новой обстановки, в XX-м столетии говорят, что Владимир подлец и язычники подлецы, а религия подлая, т. е. не хотят диалектически оценить события, что все имеет свое время и свое место.

То же самое и здесь, нашу историю нельзя ни улучшить, ни ухудшить, вообще как ничего нельзя прибавлять, ее надо изложить так, как она шла, ничего не прибавляя⁵.

Чтобы по достоинству оценить значимость такой постановки вопроса, надо принять во внимание прежде всего характер той эпохи. Мысль вождя, сама по себе довольно

⁵ "Исторический архив". 1994 г. № 5. С.14.

тривиальная, обрела в обстановке конца 30-х годов особую актуальность и далеко идущее значение. Не случайно эта мысль нашла отражение и в постановлении ЦК ВКП(б), принятом в связи с выходом Краткого курса. В нем отмечалось, что в исторической науке до последнего времени антимарксистские извращения и вульгаризаторство были связаны с так называемой «школой» Покровского, которая толковала исторические факты извращенно, вопреки историческому материализму освещала их с точки зрения сегодняшнего дня, а не с точки зрения тех условий, в обстановке которых протекали исторические события, и, тем самым, искажала действительную историю.

Антиисторическая фальсификация действительной истории, антиисторические попытки приукрасить историю, вместо правдивого ее изложения, приводили, например, к тому, что в нашей пропаганде история партии изображалась иногда, как сплошной путь побед, без каких бы то ни было временных поражений и отступлений, что явно противоречит исторической правде и, тем самым, мешает правильному воспитанию кадров⁶.

Сталин с полным основанием полагал, что внесение строгой и целостной системы в идеологическую подготовку кадров является одной из важнейших предпосылок для дальнейшей практической реализации его курса как в области внутренней, так и внешней политики. Выработка единой идеологии и соответствующая система подготовки кадров рассматривалась им как средство повышения политической бдительности партийных и непартийных большевиков, как средство поднятия дела пропаганды марксизма-ленинизма на надлежащую теоретическую высоту.

На этом же совещании Сталин особо подчеркнул важность теоретической работы партии, важность овладения теорией марксизма-ленинизма членами партии, и в особенности представителями интеллигенции. Он отмечал: «...Кратким курсом ЦК хотел показать нашим кадрам, что сила и значение теории велико и неоценимо, что без нее, без теории, партия вынуждена была бы бродить в потемках эмпиризма от случая к случаю: сегодня тебя ткнут носом в этот угол, туда прешь, завтра тебя ткнут в другой угол, туда прешь как слепой щенок, завтра сзади тебя потянут, назад прешь, вот тебе и руководитель! Какой же ты, руководитель? Чтобы руководить, надо знать обстановку, надо предвидеть, а чтобы уметь предвидеть, надо овладеть теорией, т. е. знать законы экономического и политического развития общества. Вот это и есть теория»⁷.

Акцент на повышение уровня теоретической подготовки кадров, естественно, подразумевал, что эти кадры должны были воспитываться на сталинской интерпретации как истории партии в целом, так и важнейших этапов ее развития. Без закрепления в сфере идеологии победа Сталина над своими соперниками и политическими противниками была бы, разумеется, не полной. Чтобы увенчать эту победу и закрепить ее в сознании самых широких масс населения, Сталину как раз и необходимо было осуществить своего рода идеологическое перевооружение партии. Всю эту широкомасштабную кампанию, как я полагаю, нельзя сводить к какому-то личному тщеславию вождя, хотя элементы этого, как говорится, и имели место быть. Главное для него заключалось в той политической роли, которую играло и должно было играть в дальнейшем это идеологическое перевооружение для реализации общего стратегического курса.

⁶ См. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. С. 861.

⁷ "Исторический архив". 1994 г. № 5. С. 12.

Конечно, об этих подспудных мотивах нигде не говорилось ни слова. Наоборот, всячески подчеркивалось, что новая интерпретация истории партии в противоположность некоторым старым учебникам, излагавшим историю ВКП(б) прежде всего вокруг исторических лиц и имевшим в виду воспитание кадров на лицах и их биографиях, освещает и трактует историю партии на базе развертывания основных идей марксизма-ленинизма и имеет в виду воспитание партийных кадров, в первую очередь, на идеях марксизма-ленинизма.

Сталин, создавая Краткий курс, исходил из задачи преподать учение марксизма-ленинизма на основе исторических фактов. Он имел в виду, что такое изложение марксистско-ленинской теории наиболее полно отвечает интересам дела, так как на исторических фактах лучше, естественнее и понятнее демонстрировать основные идеи марксизма-ленинизма, поскольку сама история партии есть марксизм-ленинизм в действии, ибо правильность и жизненность марксистско-ленинской теории проверены практикой, на опыте классовой борьбы пролетариата, и сама марксистско-ленинская теория развивалась и обогащалась в теснейшей связи с практикой, на основе обобщения практического опыта революционной борьбы пролетариата. Эти идеи вождя нашли закрепление и в упомянутом выше постановлении ЦК партии⁸.

Обращает на себя внимание одна любопытная деталь (если ее можно назвать так). На совещании пропагандистов Сталин считал необходимым подвергнуть критике ряд положений, высказанных Ф. Энгельсом. В частности, он поставил под сомнение активное участие последнего в написании Манифеста коммунистической партии. Сталин заявил: «Возьмите Манифест коммунистической партии, это одно из лучших, если не самое лучшее произведение Маркса и Энгельса. Тут, по-моему, Энгельс подписался, но это Маркс писал, потому что мы знаем, как понимал Энгельс Манифест коммунистической партии, мы знаем его принципы»⁹. Вообще Энгельс не в первый раз оказался объектом критики со стороны Сталина — об этом уже шла речь в одной из предыдущих глав. Обращая внимание на данный факт, хочу оттенить одну черту Сталина — он не демонстрировал слепого пияетета перед авторитетами. Даже перед такими, каким был в ту пору для советских коммунистов Ф. Энгельс. И это говорит как раз в пользу Сталина, ибо если бы он безоговорочно, по-буквоедски следовал всем предписаниям, содержащимся в трудах классиков марксизма-ленинизма, то неизвестно, какие практические результаты происекали из подобного подхода. Страна шла не по проторенному пути и главным ориентиром для нее должны были быть не те или иные теоретические построения (высказанные, кстати, чуть ли не столетие назад), а реалии самой жизни. Такую точку зрения едва ли можно поставить под сомнение.

Вообще попутно следует заметить, что выступление вождя на совещании пропагандистов в октябре 1938 года можно с полным на то основанием назвать одним из самых откровенных его выступлений. Достаточно привести хотя бы такой пример. Говоря о позиции советских коммунистов по вопросам войны и мира, Сталин считал правомерным и необходимым подчеркнуть, что неправильно говорить о том, будто большевики не видят разницу между различными войнами, «и вовсе не исключено, что при известных условиях они сами начнут выступать». И далее: «Надо было все тонкости, все нюансы, установки

⁸ См. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. С. 860.

⁹ "Исторический архив" 1994 г. № 5. С. 24–25.

большевиков по вопросу о войне разъяснить, что большевики не просто пацифисты, которые вздыхают о мире и потом начинают братья за оружие только в том случае, если на них напали. Неверно это. Бывают случаи, когда большевики сами будут нападать, если война справедливая, если обстановка подходящая, если условия благоприятствуют, сами начнут нападать. Они вовсе не против наступления, не против всякой войны. То, что мы сейчас кричим об обороне — это, вуаль, вуаль. Все государства маскируются: «с волками живешь, по-волчьи приходится выть». (Смех). Плупо было бы всё своё нутро выворачивать и на стол выложить. Сказали бы, что дураки»¹⁰.

Конечно, кое-кто может на основании данного высказывания Сталина утверждать, что он был сторонником концепции превентивной войны и что разговоры об оборонительной стратегии Советского Союза перед второй мировой войной — это всего-навсего сказки (вуаль, по словам Сталина). Кроме голого, с оттенком цинизма, реализма, в высказывании вождя трудно найти каких-либо заведомо агрессивных намерений. Тем более что о таких вопросах следует судить не на основе словесных заявлений, а на базе реальных исторических фактов. Ведь ни для кого не было секретом, что коммунисты никогда не скрывали своих принципиальных взглядов по проблеме справедливых и несправедливых войн. Так что в данном случае нельзя усмотреть какой-то радикальной перемены принципиальной позиции.

В качестве некоторого итога рассмотрения проблемы идеологического перевооружения партии нельзя обойти молчанием один довольно важный аспект. Речь идет о том, являлось ли это идеологическое перевооружение ревизией ленинизма и отказом от ленинских принципов и традиций. На эту сторону вопроса особый акцент делали критики Сталина в хрущевские и перестроечные времена. Так, например, историк Н. Маслов писал: «И если для Ленина история (и в том числе история партии) была инструментом познания действительности, научной основой политики пролетарской партии, средством научного прогнозирования будущего, то в системе сталинской идеологии она была превращена в орудие сокрытия правды, извращения реальной картины мира и средство опутывания сознания народа сетью обмана и догматизма»¹¹.

Не стану вступать в полемику с автором данного высказывания, и тем более прибегать к сильным эмоциональным выражениям. Ограничусь лишь следующей констатацией. У меня сложилось твердое убеждение, что с научной точки зрения нет веских оснований столь решительно и категорически противопоставлять Сталина Ленину. Ведь в основе большинства сталинских подходов лежали ленинские идеи и мысли. В принципиальных вопросах Сталин, бесспорно, был последовательным учеником Ленина, которому также отнюдь не были чужды суровые, а подчас и жестокие решения. Не надо из Ленина делать некую икону. Это — во-первых. Во-вторых, не следует бояться самого термина ревизия ленинизма. Сталин жил и работал в совершенно новых исторических условиях и было бы противоестественно, если бы он слепо и бездумно следовал каждому указанию своего учителя. Жизнь, реальности новой эпохи, а не тщеславные прихоти Сталина диктовали необходимость внесения кардинальных изменений как в стратегию, так и тактику большевиков как правящей партии. Если бы Сталин этого не делал, то, вне всякого сомнения, заслужил бы место не в пантеоне крупных исторических личностей, а на мусорной свалке истории.

¹⁰ "Исторический архив". 1994 г. № 5. С. 13.

¹¹ "Вопросы истории КПСС". 1990 г. № 7. С. 107–108.

2. Внешнеполитическая стратегия Сталина в преддверии второй мировой войны

С начала 30-х годов, а точнее — со времени прихода Гитлера к власти 30 января 1933 г. — реальная международная обстановка стала обретать качественно новые черты и особенности. Причем речь идет не только о ситуации, которая складывалась в Европе, но и в целом в мире. Сталин уже на протяжении многих лет держал руку на пульсе событий и стремился в полной мере учитывать радикально меняющуюся мировую обстановку в своем внешнеполитическом курсе. Он здесь проявлял необходимую гибкость и не боялся подвергать пересмотру прежние руководящие установки, цепляться за которые в принципиально новой фазе мирового развития было бы равносильно политической слепоте.

Следует особо подчеркнуть, что именно с этого периода проблемы повседневного руководства внешней политикой страны стали занимать в его деятельности если не приоритетное место, то, по меньшей мере, одно из первых мест. Он постепенно выдвигался в качестве одной из ведущих фигур на мировой политической сцене. По своим непосредственным обязанностям он и прежде играл ключевую роль в определении внешнеполитической стратегии государства, в практическом осуществлении конкретных задач, стоявших перед Советским Союзом в международной сфере. Но примерно с середины 30-х годов в связи с фундаментальными переменами на мировой арене объем внешнеполитических задач, решением которых он непосредственно занимался, становился все более внушительным. Соответственно возрастала и его личная роль и личное участие в разработке и осуществлении целей нашей страны на мировой арене. Он чаще стал высказываться по проблемам внешней политики. Начал встречаться лично с видными государственными деятелями иностранных государств, посещавшими Москву. Короче говоря, он активно и весьма эффективно приобщался к сфере деятельности, которую обычно определяют термином дипломатия.

Знакомство с текстами его бесед с иностранными представителями — будь то журналисты или государственные деятели — наглядно убеждает в том, что на стезю дипломатии он вступил не новичком, а тем более не учеником или подмастерьем. Его высказывания и оценки отличались четкостью и ясностью в изложении позиции нашей страны по самым различным вопросам, глубиной анализа и умением ухватить и сразу оттенить существо проблемы, о которой шла речь. По сравнению с другими представителями нашей страны, выступавшими на дипломатическом поприще, у вождя было неоспоримое преимущество — он обладал всей полнотой власти и не нуждался в том, чтобы запрашивать какие-либо инструкции и указания относительно рассматриваемых проблем. Со своей стороны, такая свобода действий не только расширяла поле для дипломатического маневра, но и одновременно налагала на него неизбежную обязанность досконально владеть материалом. Поэтому к каждой такой встрече и беседе он тщательно готовился и, читая записи его бесед, невольно приходишь к выводу, что любой вопрос не был для него неожиданностью. К тому же, он обладал в совершенстве умением вникать в суть проблемы, отмечая в сторону мелкие и несущественные детали и нюансы.

В этой связи представляет интерес его беседа с корреспондентом газеты «Нью-Йорк Таймс», состоявшаяся вскоре после признания Вашингтоном Советского Союза в 1933 году.

Само это запоздалое признание наталкивает на некоторые мысли. Ведь если окинуть ретроспективным взглядом многие десятилетия прошлого века, то с удивлением приходится констатировать, что Соединенные Штаты Америки не признавали Советский Союз более 15 лет. Китайскую Народную Республику они не признавали более 20 лет. Неужели это какая-то досадная случайность или же проявление некоей закономерности? Ведь закрывать глаза на существование самой крупной по территории страны — СССР, а затем и самой многочисленной по населению страны мира — Китая, и делать это на протяжении целых десятков лет — разве это не политическая близорукость или же нечто более серьезное? Ведь дипломатическое признание — это не политический брак по любви или по расчету, а констатация существующей реальности. Согласно международному праву, тот факт, что данная власть осуществляет эффективный контроль над территорией и населением своей страны уже служит достаточным основанием для признания. В Вашингтоне же, как показал исторический опыт, на это смотрят совсем по-другому, ставя во главу угла свои собственные, зачастую явно устаревшие понятия и принципы. Но в конце концов США рано или поздно вынуждены были считаться с фактами реальной жизни.

Сталин, касаясь данной проблемы, не стал высказывать какие-то упреки и предаваться бесполезным сетованиям на счет манеры Вашингтона смотреть на мир через призму американского высокомерия и американской ограниченности, соединенных в одно целое. Напротив, он спокойно заметил: «Если речь идёт об отношениях между САСШ и СССР, то, конечно, я доволен возобновлением отношений, как актом громадного значения: политически — потому что это подымает шансы сохранения мира; экономически — потому что это отсекает привходящие элементы и даёт возможность нашим странам обсудить интересующие их вопросы на деловой почве; наконец, это открывает дорогу для взаимной кооперации»¹².

Однако он не удержался все-таки от того, чтобы в легком саркастическом свете оценить политику Вашингтона в данном вопросе. При этом он воздал должное своему будущему партнеру по сотрудничеству в войне Ф. Рузвельту. «Рузвельт, по всем данным, решительный и мужественный политик. Есть такая философская система — солипсизм, — заключающаяся в том, что человек не верит в существование внешнего мира и верит только в своё я. Долгое время казалось, что американское правительство придерживалось такой системы и не верит в существование СССР. Но Рузвельт, очевидно, не сторонник этой странной теории. Он реалист и знает, что действительность является такой, какой он её видит»¹³.

Видеть действительность такой, какой она проявляется в реальной жизни, — этот постулат стал и фундаментом, на котором произошла переоценка приоритетных задач советской внешней политики в 30-е годы. Инициатором перестановки акцентов во всей внешнеполитической стратегии Советского Союза стал Сталин. Каждый прошедший год и каждый месяц все больше обнажали главную тенденцию развития международных отношений той поры — стремительное возрастание опасности новой мировой войны. Причем в Москве полностью отдавали себе отчет в том, что эта опасность не только не минует Советский Союз, но, больше того — она коснется его самым прямым и

¹² И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 276.

¹³ И. В. Сталин. Соч. Т. 13. С. 278–279.

непосредственным образом. Из этой аксиомы исходил Сталин, определяя стратегию и тактику советской внешней политики в тот период.

В декабре 1933 г. ЦК ВКП (б) принял историческое постановление о развертывании борьбы за создание эффективной системы коллективной безопасности, фундаментальной основой которой был принцип неделимости мира и необходимости его коллективной защиты. Это постановление, принятое по инициативе Сталина, отражало коренной сдвиг во всей советской внешнеполитической стратегии¹⁴. В Москве исходили из вполне разумной предпосылки, что заинтересованность в поддержании мира касается ведущих западных держав, равно как и Советского Союза, что позволяло надеяться на хорошие перспективы укрепления мира и стабильности на Европейском континенте.

То, что Сталин склонился к выдвиганию идеи коллективной безопасности в качестве магистрального направления советской внешней политики неоспоримо свидетельствовало о его реалистическом подходе к анализу сложившейся ситуации. К тому, что сугубо классовый, революционный взгляд на оценку общего международного положения, учитывая его конкретно-исторические особенности, должен быть если не заменен, то существенно дополнен геополитическими соображениями, которые переводят внешнюю политику страны во многом в иные измерения. Ранее я уже касался вопроса о том, что подобная эволюция внешнеполитической концепции Сталина сложилась не сразу, а явилась результатом довольно долгой эволюции. В немалой степени эта эволюция обуславливалась внутренними факторами, и прежде всего процессом неуклонного экономического роста страны, укрепления ее оборонной мощи, в целом успехами в строительстве нового общества. В такой обстановке советское государство не могло находиться на обочине фундаментальных процессов, происходивших в мире. Роль своеобразного изгоя в мировой политике уже по всем параметрам противоречила коренным национально-государственным интересам страны. К тому же, активизация советской внешней политики способствовала росту международного авторитета страны. И это объяснялось прежде всего тем, что конкретные внешнеполитические акции и инициативы Москвы явно теряли пропагандистский характер и все больше обретали черты реализма и учета интересов контрагентов. Конечно, и в предыдущие годы Москва неизменно отрицала пропагандистскую направленность своих шагов в плане международной политики, однако именно теперь эти словесные заявления начали подкрепляться реальными действиями.

Руководствуясь постановлением ЦК партии, народный комиссариат иностранных дел разработал развернутый план создания системы коллективной безопасности в Европе. 19 декабря 1933 г. этот план получил одобрение со стороны вождя, зафиксированное в решении Политбюро. Он предусматривал, в частности, практическую реализацию следующих мероприятий (перечислю наиболее существенные из них):

1) СССР согласен на известных условиях вступить в Лигу Наций. (Одним из условий было включение нашей страны в Совет Лиги Наций);

2) СССР не возражает против того, чтобы в рамках Лиги Наций заключить региональное соглашение о взаимной защите от агрессии со стороны Германии;

3) СССР согласен на участие в этом соглашении Бельгии, Франции, Чехословакии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии или некоторых из этих стран, но с обязательным участием Франции и Польши...¹⁵

Данные предложения касались Европейского континента, причем центральным и наиболее важным был пункт, касающийся Германии. Вынося вопрос о создании системы коллективной безопасности, Москва без всяких обиняков указала и главную силу, откуда исходила тогда угроза войны — гитлеровскую Германию. Следует сказать, что параллельно Советский Союз в ноябре 1933 года в предложении правительству США сформулировал идею заключения регионального тихоокеанского пакта с участием Японии, США, СССР, Китая и других государств¹⁶.

Принципиальное значение этих советских инициатив состояло прежде всего в том, что они были нацелены на замену разваливавшихся устоев версальско-вашингтонской системы эффективной системой коллективной безопасности, которая бы в равной мере учитывала интересы всех государств и интересы мира и международной стабильности в целом.

После вступления СССР в Лигу Наций последовали дальнейшие, еще более решительные шаги по развертыванию мирной политики Советского Союза, по мере того как усиливалась угроза войны и обострялись противоречия между странами — вдохновителями и поджигателями новой мировой войны и странами, заинтересованными по многим причинам в сохранении мира. Это реальное противоречие нужно и можно было использовать в гораздо более широких масштабах, чем прежде, что, естественно, увеличивало реальный потенциал и эффективность советской внешней политики. Бесспорным и важным фактом являлось то, что обнаружилось временное совпадение постоянных целей мирной политики Советского Союза и временных целей политики некоторых капиталистических стран. Именно этот анализ и выводы, закономерны и логически вытекавшие из него, и составили своего рода научно-теоретическую базу для расстановки новых акцентов в международной политике Москвы.

СССР сделал значительные шаги к сближению с некоторыми малыми, слабыми странами Европейского континента, независимости которых угрожали военные планы агрессивных государств. Сближение с этими странами, для которых агрессия со стороны фашистских государств являлась чрезвычайно конкретной и серьезной опасностью, привело, в частности, к выработке в недрах Лиги Наций определения агрессии. Это, по мнению Советского Союза, должно было сослужить полезную роль в деле создания максимально возможных преград на пути расползания агрессии. Конечно, Сталин знал истинную цену решениям и резолюциям Лиги Наций. Он прекрасно сознавал все ее пороки и недостатки. Он подчеркивал еще в 1933 году: «Несмотря на уход Германии и Японии из Лиги Наций — или, может быть, именно поэтому — Лига может стать некоторым фактором для того, чтобы затормозить возникновение военных действий или помешать им. Если это так, если Лига сможет оказаться неким бугорком на пути к тому, чтобы хотя бы несколько затруднить дело войны и облегчить в некоторой степени дело мира, — то тогда мы не против Лиги. Да, если таков будет ход исторических событий, то не исключено, что мы поддержим Лигу Наций, несмотря на её колоссальные недостатки»¹⁷.

К тому времени, о котором мы ведем речь, совершенно четко обозначился полный крах прежней системы международных отношений, которая основывалась на договорах

¹⁶ *Документы внешней политики СССР*. ТХVII. М. 1971. С. 659.

¹⁷ *И. В. Сталин*. Соч. Т. 13. С. 280.

Версальском и Вашингтонском. Первый был призван регулировать европейские проблемы, и прежде всего, конечно, политическую и экономическую стратегию в отношении Германии. Второй должен был играть роль опоры миропорядка на Дальнем Востоке, где главную проблему представляла Япония. Крушение системы международных отношений, установленной в итоге первой мировой войны, произошло по многим причинам. Здесь нет возможности анализировать эти причины, поскольку это выходит за рамки моей работы. Думаю, что можно ограничиться указанием главных источников краха версальско-вашингтонской системы. Прежде всего надо указать на политику попустительства ведущих так называемых демократических держав по отношению к будущим агрессорам — Германии и Японии. Именно на правящих кругах западных державах лежит основная вина за то, что в Европе и на Дальнем Востоке постепенно сформировались два главных очага агрессии и захватнических войн.

Сейчас, спустя много десятилетий, конечно, неправильно было бы утверждать, что сами западные державы стремились к тому, чтобы вызвать пожар мировой войны. Они не были столь наивными, чтобы не понимать того, какую опасность несла в себе мировая война. Однако они руководствовались своими собственными расчетами, которые оказались в конечном счете роковыми. Им казалось, что они способны удержать ситуацию под контролем и канализировать агрессивные и реваншистские устремления Германии и Японии против ненавистного им Советского Союза. Ненависть к стране социализма оказалась сильнее элементарного здравого расчета.

Сталин занимал в вопросах войны и мира вполне четкую и ясную позицию, что видно, например, из его беседы в марте 1936 года с американским журналистом Р. Говардом. На вопрос Р. Говарда: «Во всем мире говорят о войне. Если действительно война неизбежна, то когда, мистер Сталин, она, по-Вашему, разразится?»

Сталин. Это невозможно предсказать. Война может вспыхнуть неожиданно. Ныне войны не объявляют. Они просто начинаются. Но, с другой стороны, я считаю, что позиции друзей мира укрепляются. Друзья мира могут работать открыто, они опираются на мощь общественного мнения, в их распоряжении такие инструменты, как, например, Лига Наций. В этом плюс для друзей мира. Их сила в том, что их деятельность против войны опирается на волю широких народных масс. Во всем мире нет народа, который хотел бы войны. Что касается врагов мира, то они вынуждены работать тайно. В этом минус врагов мира. Впрочем, не исключено, что именно в силу этого они могут решиться на военную авантюру как на акт отчаяния»¹⁸.

Любопытна также оценка Сталиным того, какая угроза — со стороны Германии или Японии — выглядит более реальной, более ощутимой. Вот диалог Сталина и Говарда на эту тему:

«**Говард.** Если вспыхнет война, то в какой части света она может разразиться раньше? Где грозные тучи больше всего сгустились — на Востоке или на Западе?»

Сталин. Имеются, по-моему, два очага военной опасности. Первый очаг находится на Дальнем Востоке, в зоне Японии. Я имею в виду неоднократные заявления японских военных с угрозами по адресу других государств. Второй очаг находится в зоне Германии. Трудно сказать, какой очаг является наиболее угрожающим, но оба они существуют и действуют... Пока наибольшую активность проявляет дальневосточный очаг опасности.

¹⁸ И. В. Сталин. Соч. Т. 14. Беседа с председателем американского газетного объединения господином Рой Говардом. (Электронный вариант).

Возможно, однако, что центр этой опасности переместится в Европу. Об этом говорит хотя бы недавнее интервью господина Гитлера, данное им одной французской газете. В этом интервью Гитлер как будто пытается говорить миролюбивые вещи, но это свое «миролюбие» он так густо пересыпает угрозами по отношению к Франции и Советскому Союзу, что от «миролюбия» ничего не остается. Как видите, даже тогда, когда господин Гитлер хочет говорить о мире, он не может обойтись без угроз. Это — симптом»¹⁹.

Приведенные выше высказывания Сталина убедительно свидетельствуют о том, что основополагающие политико-стратегические оценки сформировавшейся мировой обстановки тех лет базировались на глубоком и реалистическом понимании характера переживаемого периода. Здесь хочется обратить внимание на два момента. Во-первых, советский лидер уже тогда пришел к выводу, что войны не объявляются, а их просто начинают, причем выбор времени нападения определяет нападающая сторона. В контексте такого понимания будущая гитлеровская агрессия против Советского Союза едва ли для Сталина была чем-то неожиданным и непредсказуемым. Ведь он сам за пять лет до этого предостерегал против благодушия и иллюзий относительно «джентльменского» поведения агрессоров. Так что в широком смысле нападение Германии на СССР для Сталина не должно было представлять собой чего-то вроде «грома среди ясного неба». Но обо всем этом речь пойдет в дальнейшем, когда будут рассматриваться соответствующие периоды в истории и в политической биографии Сталина. Во-вторых, из высказывания вождя явствует, что его не усыпляла миролюбивая риторика германского фюрера, поскольку Сталин в своей политической деятельности всегда ставил на первое место дела, реальные факты, а словесные заявления и заверения рассматривал по большей части в качестве некоего камуфляжа, призванного дезориентировать возможного противника.

Факт кардинального пересмотра многих стратегических и тактических задач и целей во внешней политике Советского Союза, инициатором которого, естественно, выступал главный архитектор всей советской политики Сталин, нашел свое отражение и в работе VII конгресса Коммунистического интернационала, проведенного в Москве в июле — августе 1935 года. Советский лидер не просто следил за подготовкой конгресса, но и принимал самое активное и непосредственное участие в выработке его новой стратегии и тактики. В свете этого как-то не совсем логичным выглядит то, что в краткой биографии Сталина вообще отсутствует упоминание об этой странице в его политической деятельности. Между тем имеются прямые подтверждения того, что он лично одобрил предложения Г. Димитрова о пересмотре стратегии Коминтерна, о новом видении его главных задач в новой исторической обстановке. В письме Г. Димитрову он выразил свою позицию следующим образом: «Я целиком согласен с Вами насчет пересмотра методов работы органов КИ, реорганизации последних и изменения их личного состава. Я уже говорил Вам как-то об этом во время беседы с Вами в ЦК ВКП(б).

Теперь дело в том, чтобы придать положениям Вашего письма конкретный вид, наметить новые формы органов КИ, наметить их личный состав и определить момент, к которому следовало бы приурочить практическое осуществление этого дела... Не сомневаюсь, что Политбюро ЦК ВКП(б) поддержит Вас»²⁰.

¹⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 14. Беседа с председателем американского газетного объединения господином Рой Говардом. (Электронный вариант).

²⁰ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Книга вторая. С. 312–313.

Последняя фраза в письме была явной игрой в демократию, к чему Сталин прибегал много раз, демонстрируя тем самым наличие коллективного руководства в партии, которого уже и в помине не было в то время. Но факт остается фактом — вождь одобрил намечавшиеся перемены. Хотя правильнее было бы использовать другую формулу — конгресс одобрил перемены в стратегии и тактике, которые уже начал проводить в жизнь Сталин, не считаясь с тем, получили ли они официальное закрепление в решениях соответствующих форумов. Вообще надо отметить, что интерес Сталина к Коминтерну в середине 30-х годов явно клонился к закату. Созданный в качестве инструмента осуществления мировой революции, он исчерпал себя как только на историческом горизонте рассеялись революционные тучи. По инерции коммунисты разных стран говорили о мировой революции, о ее неизбежном подъеме и т. п., но жизнь текла в иных руслах, далеких от революционных химер. Сталин один из первых уловил эти новые тенденции и сделал из этого надлежащие выводы. Если выражать мысль несколько прямолинейно и упрощенно, то для Сталина Коминтерн стал не то что обузой, а просто одним из каналов оказания воздействия на ситуацию в зарубежных странах. Исчерпав свои революционные потенции, Коминтерн превратился в инструмент осуществления внешнеполитических целей Советского Союза. И эту свою роль он исправно выполнял еще некоторое время после начала второй мировой войны. Но ценность Коминтерна для Сталина отнюдь не была исчерпана в связи с естественным падением его роли в мировой политике. Он оставался чрезвычайно важным и богатым ресурсом для подготовки верных Советскому Союзу кадров в различных странах, в том числе и для подбора и вербовки агентуры в целях разведывательной работы. В этом смысле вождь смотрел далеко вперед и, как покажет жизнь, в данном вопросе он был на высоте требований исторической обстановки.

Нет необходимости вдаваться в детали работы VII конгресса Коминтерна. Отмечу лишь несколько принципиально важных момента. В эпицентре внимания конгресса находились вопросы борьбы против фашизма, который нес в себе смертельную опасность новой, еще невиданной в прошлом, разрушительной войны. Сталин считал необходимым, чтобы под знаменем борьбы против опасности войны сплотились максимально широкие политические силы различных спектров. Однако и здесь не обошлось без того, чтобы снова обрушить нападки на социал-демократов, которых обвиняли в предательстве интересов рабочего класса, а также в пособничестве приходу Гитлера к власти. Эти обвинения уже пахли нафталином и их безусловно следовало бы избежать. Но в главном докладе, сделанном Г. Димитровым, они все же содержались, хотя и не в столь яростно-агрессивном тоне, как прежде. Доминировал все же призыв к созданию единого фронта борьбы против фашизма и военной опасности.

В резолюции конгресса четко и недвусмысленно подчеркивалось: «Германские фашисты, являющиеся главными поджигателями войны, стремящиеся к гегемонии германского империализма в Европе, ставят вопрос об изменении европейских границ посредством войны, за счет своих соседей. Авантюристические планы германских фашистов простираются весьма далеко и рассчитаны на военный реванш против Франции, на раздел Чехословакии, на аннексию Австрии, на уничтожение самостоятельности прибалтийских стран, которые они стремятся превратить в плацдарм для нападения на Советский Союз, на отторжение от СССР Советской Украины. Они требуют для себя колоний, стремясь разжечь настроения в пользу всемирной войны за новый передел мира.

Все эти затеи зарвавшихся зачинщиков войны способствуют обострению противоречий между капиталистическими государствами и создают беспокойство во всей Европе»²¹.

Коммунисты правильно определили не только природу фашизма как открытую террористическую диктатуру наиболее реакционных, наиболее шовинистических сил. Они своевременно и даже заблаговременно обозначили главные направления будущей гитлеровской агрессии. В некоторых отношениях политические прогнозы коммунистов были удивительно прозорливы. Я имею в виду предсказанную судьбу Польши. Так, например, в докладе Эрколи (П. Тольятти) мы читаем: «Закljučая договор с кликами, правящими в Польше, германский национал-социализм ни на одну йоту не отказался от своих антипольских требований; он лишь хотел завербовать помощников для своей преступной антисоветской авантюры. План, сводящийся к тому, чтобы отвратить от Польши угрозу экспансии национал-социализма за счет направления этой угрозы в сторону Советского Союза, представляет собой план, достойный реакционных авантюристов, готовых поставить на карту даже независимость польского народа. Совершенно очевидно, что, если бы германскому фашизму удалось с помощью польского фашизма укрепиться в Европе и осуществить хотя бы часть своих территориально-захватнических стремлений, участи польского народа отнюдь нельзя было бы позавидовать. Достаточно минимума дальновзоркости, чтобы предвидеть, что нынешние хозяева Германии могут только лишь еще раз поставить под вопрос национальную независимость польского народа и еще раз подвергнуть его угрозе насильственного раздела»²².

Но, как свидетельствует история (история, а не исторические фальсификации), именно сами польские правящие круги ориентировались на союз с гитлеровской Германией и начисто игнорировали открытые притязания последней на Данциг, да и не только на Данциг. Именно они своими собственными руками подготовили почву для раздела страны, о чем еще в 1935 году открыто предупреждали коммунисты.

В докладе Эрколи была озвучена и мысль Сталина о характере и возможных вариантах надвигающейся войны. Он подчеркивал: «Борясь за мир, мы тем самым наилучшим образом защищаем Советский Союз. Ни для кого не может быть сомнения в том, что грядущая война, даже если бы она началась как война двух великих империалистических держав между собой или как война какой-нибудь великой державы против малой страны, неизбежно будет иметь тенденцию вылиться и неизбежно перейдет в войну против Советского Союза. Каждый год, каждый месяц отсрочки является для нас гарантией того, что Советский Союз сможет дать более сильный отпор нападению империалистов. Таким образом наша борьба за мир непосредственно связывается с политикой мира, проводимой СССР»²³.

Лейтмотивом практически всех выступлений на конгрессе была тема консолидации сил для отпора грядущей угрозе войны со стороны Германии. Тот же Эрколи заявил: «Сосредоточить огонь нашей борьбы против германского фашизма, как главного поджигателя войны, смертельного врага Советского Союза и пролетарской революции, — долг каждого революционера»²⁴. Делегаты азиатских стран акцентировали внимание на

Резолюции VII конгресса Коммунистического Интернационала. М. 1935. С. 26–27.

Эрколи. О задачах Коммунистического Интернационала в связи с подготовкой империалистами новой мировой войны. М. 1935. С. 33.

²³ Там же. С. 55.

²⁴ Эрколи. О задачах Коммунистического Интернационала в связи с подготовкой империалистами новой мировой войны. М. 1935. С. 31.

агрессивной политике Японии. Впрочем, оба эти акцента были обоснованны и правомерны. У всех ораторов на устах были слова, выражавшие решительную и безоговорочную поддержку Советского Союза и его политики.

Не обошли вниманием делегаты конгресса и вопрос о том, кто своими действиями фактически поощряет рост агрессивных тенденций в политике гитлеровской Германии. Речь шла в первую очередь о Великобритании. «Руководящие круги английской буржуазии поддерживают германские вооружения, чтобы ослабить гегемонию Франции на европейском континенте, повернуть острие германских вооружений с запада на восток и направить агрессивность Германии против Советского союза. Этой политикой Англия стремится создать в мировом масштабе противовес США и одновременно усилить антисоветские тенденции не только Германии, но и Японии и Польши. Эта политика английского империализма является одним из факторов, ускоряющих взрыв мировой империалистической войны»²⁵. Дальнейший ход событий в полной мере подтвердил обоснованность и правомерность данной оценки.

Можно сказать, что на VII конгрессе Коминтерна Сталин как бы официально был возведен в ранг одного из классиков марксизма-ленинизма, когда Эрколи в своем докладе провозгласил здравицу — «Выше знамя пролетарского интернационализма, знамя Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина!»²⁶. Разумеется, причисление Сталина к разряду классиков имело место в советской пропаганде и раньше, однако уровень конгресса — формально высшего форума мирового коммунистического движения — придавал этой идеологической инаугурации уже вполне официальный статус. То обстоятельство, что Сталин лично не принял участия в дискуссиях, развернувшихся на заседаниях, лишний раз как бы подчеркивало его высший статус — статус верховного вождя, которому принадлежало последнее слово. Но поскольку каких-либо серьезных разногласий и даже различий во мнениях на конгрессе обнаружено не было, ему не приходилось выступать в роли высшего арбитра. Кроме того, подбор основных докладчиков из числа иностранных коммунистов (Димитров и Тольятти) должен был подчеркнуть якобы независимый характер Коминтерна, создать впечатление, что не одни советские коммунисты заправляют всеми делами в этой всемирной организации.

Хотя в целом решения конгресса и сыграли положительную роль в деле сплочения трудящихся для борьбы против опасности новой мировой войны, но было бы ошибочно преувеличивать их реальное воздействие на ход мировой политики в те годы. Воздействие решений конгресса охватывало скорее область агитации и пропаганды, но никак не могло решающим образом повлиять на то, чтобы изменить разворот событий в сторону от дальнейшего усиления опасности новой мировой войны.

Москва в полной мере учитывала постоянно возрастающую опасность агрессии со стороны Германии. Стремясь что-либо противопоставить этой тенденции, СССР продолжал прилагать усилия к подписанию Восточного пакта, участие в котором ряда европейских стран должно было, по замыслам Москвы, существенно оздоровить обстановку на континенте и поставить заслон на пути неконтролируемой гонки вооружений. 2 ноября 1934 года Политбюро ЦК ВКП(б) отметило возможность его

Резолюции VII конгресса Коммунистического Интернационала. С. 27.

²⁶ Эрколи. О задачах Коммунистического Интернационала в связи с подготовкой империалистами новой мировой войны. С. 106.

заклучения и без участия Германии и Польши в случае согласия Франции и Чехословакии или одной Франции. В решении Политбюро говорилось о необходимости предложить Франции подписать соглашение об обоюдном обязательстве не заключать никаких политических соглашений с Германией без предварительного извещения, а также о взаимном информировании о всякого рода политических переговорах с Германией.

Твердая и обоснованная позиция Советского Союза не могла не сыграть своей позитивной роли. Широкие круги французской общественности выступили за принятие советского предложения. Все это в целом, а главное — нараставшая угроза со стороны проявлявшей агрессивные устремления Германии — заставили французское правительство пойти на заключение пакта с Советским Союзом. Но для Сталина было ясно, что правящие круги Франции считают пакт своего рода козырем, который можно использовать во франко-германских отношениях. В те дни глава правительства Французской республики Лаваль откровенно заявил: «Я подписываю франко-русский пакт для того, чтобы иметь больше преимуществ, когда я буду договариваться с Берлином»²⁷. Советско-французский договор о взаимной помощи был подписан в Париже в мае 1935 года. Согласно договору, в случае нападения на одну из договаривающихся сторон другая должна была немедленно оказать помощь. К договору могли присоединиться другие заинтересованные государства.

Аналогичный документ был подписан СССР и Чехословакией. От советско-французского договора он отличался лишь тем, что в нем оговаривалось оказание взаимной помощи только в случае выступления Франции. Этим правительство Чехословакии ставило безопасность своей страны в прямую зависимость от политических комбинаций французских правящих кругов, что, несомненно, снижало ценность заключенного договора. Однако в той обстановке оба эти документа, несмотря на их очевидные недостатки, были все же весомым вкладом в дело создания необходимых предпосылок для организации коллективной безопасности на континенте.

Если говорить обобщенно, то можно констатировать, что несмотря на активное противодействие реакционных кругов западных стран, настойчивая борьба Советского Союза за мир в тот период сыграла большую роль в укреплении международных позиций и росте престижа нашей страны. Были не только сорваны планы изоляции советского государства, но и расширены его международные связи. В 1934 году СССР установил дипломатические отношения с Венгрией, Румынией, Чехословакией, Болгарией и Албанией, в 1935 году — с Колумбией, Бельгией и Люксембургом.

В 1935 году, когда фашистская Италия напала на Абиссинию (современная Эфиопия), Лига Наций под мощным давлением общественного мнения, в котором голос Советского Союза звучал особенно весомо, приняла постановление о применении к Италии экономических санкций. Решение вроде бы и правильное и нужное, но санкции не были распространены на нефть, в которой Италия особенно нуждалась. Кроме того, Суэцкий канал — единственный путь, по которому Италия могла посылать войска и вооружение в Абиссинию, — не был закрыт. Наша страна решительно осудила агрессию итальянского фашизма против Абиссинии и потребовала сделать все необходимое, чтобы намеченные санкции дали свои результаты. Глава Советского правительства В. Молотов по поручению Сталина заявил в начале января 1936 года: «Только Советский Союз занял в итало-абиссинской войне особую принципиальную позицию, чуждую всякому империализму,

²⁷ Цит. по История дипломатии. Т. III. М. 1965. С. 606.

чуждую всякой политике колониальных захватов. Только Советский Союз заявил о том, что он исходит из принципа равноправия и независимости Абиссинии, являющейся к тому же членом Лиги Наций, и что он не может поддержать никаких действий Лиги Наций или отдельных капиталистических государств, направленных к нарушению этой независимости и равноправия»²⁸.

Однако голос Советского Союза остался гласом вопиющего в пустыне. Это определение вполне уместно, поскольку часть боевых действий действительно развертывалась в пустыне. Попустительство западных держав политике захватов со стороны агрессивных государств началось, конечно, не с Абиссинии, но именно здесь оно прошло свою практическую проверку. Агрессоры все больше убеждались в том, что формальные протесты со стороны Лондона и Парижа, а также Вашингтона, который в то время был еще весьма слабо вовлечен в европейские дела, служат лишь формой маскировки их позиции. Все четче вырисовывалась стратегия западных держав направить острие захватнических устремлений на восток, против Советского Союза, поскольку в большевистском режиме они усматривали главную угрозу для своих интересов.

Принципиальную позицию занимала Москва и в отношении процесса нарушения Германией всех военных статей, подписанных ею договоров. Гитлер уже в конце 1933 года ввел в стране всеобщую воинскую повинность, что являлось грубейшим нарушением взятых Германией на себя обязательств. Однако западные державы — гаранты Версальского договора — молча проглотили эту пилюлю. Гитлер создал «люфтваффе» — военно-воздушный флот, а также подводный флот, что также было запрещено Версальским и Локарнским договорами. Видя столь вялую, а в ряде случаев чуть ли не благосклонную реакцию со стороны западных держав, Гитлер в марте 1936 года оккупировал Рейнскую область. Берлин демагогически ссылался на то, что якобы советско-французский договор явился нарушением локарнских соглашений, а поэтому Германия считает себя свободной от налагавшихся этими соглашениями обязательств. Реакция Англии и Франции была внешне бурной, особенно со стороны Франции, но по существу беззубой. Английский премьер и министр иностранных дел осудили односторонний отказ Германии от обязательств Локарнского пакта, но, по мнению английского правительства, шаг, совершенный Германией, не представляет по существу военных действий и не грозит вызвать вооруженный конфликт.

Позиция Советского Союза по вопросу о нарушении Германией Версальского и Локарнского договоров была однозначно осуждающей. Сталин исходил из принципиальной посылки о том, что фашизм действует в интересах крайних групп империалистов, но выступает он перед массами под личиной защитника обиженной нации и вызывает к оскорбленному национальному чувству, как, например, германский фашизм, увлекший за собою массы лозунгом «против Версаля». В свое время и сам Сталин подвергал резкой критике версальскую систему, высказывался за ее замену подлинно эффективной системой коллективной безопасности, в которой учитывались интересы всех государств, в том числе и Советской России. Однако в новых, радикально изменившихся условиях, повторять обвинения в адрес версальской системы было бы крайне неразумно, поскольку даже эта система в какой-то степени связывала руки агрессивным кругам Германии.

²⁸ Цит по *История дипломатии*. Т. 3. М. — Л. 1945. С. 551.

Между тем акты агрессии и социального реваншизма обретали все более наглый и откровенный характер. В июле 1936 года в Испании вспыхнул фашистский мятеж при поддержке со стороны итало-германских интервентов. Западные державы учредили так называемый Международный комитет по «невмешательству», действительное назначение которого было в том, чтобы прикрыть вооружённую интервенцию в Испанию. Советская делегация на Ассамблее Лиги Наций в сентябре 1936 выступила со специальным заявлением, в котором отметила, что организация пресловутого «невмешательства» в испанские дела является прямым нарушением международного права, поскольку испанские мятежники этим самым ставят в одинаковое положение с законным испанским правительством.

Принципиальная позиция Советского Союза по отношению к борьбе испанского народа за свою независимость была ясно выражена в телеграмме Сталина от 16 октября 1936 года на имя Генерального секретаря испанской коммунистической партии Хосе Диаса. В этой телеграмме было сказано:

«Трудящиеся Советского Союза выполняют лишь свой долг, оказывая посильную помощь революционным массам Испании. Они отдают себе отчет, что освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а общее дело всего передового и прогрессивного человечества. Братский привет!

И. Сталин»²⁹

Позиция Москвы в отношении политики невмешательства была достаточно гибкой, а не жесткой и прямолинейной. Хотя СССР и считал, что принцип нейтралитета вообще неприменим, когда речь идет о помощи законному республиканскому правительству, борющемуся против фашистских мятежников, он все-таки присоединился к международному соглашению и вступил в Комитет по невмешательству. Сталин считал, что в сложившейся обстановке строгое соблюдение соглашения о невмешательстве всеми подписавшими его государствами, в том числе Германией и Италией, явится известным препятствием для развертывания агрессии и приведет к быстрому подавлению франкистского мятежа. Используя трибуну Комитета, советские представители неоднократно требовали расследования и пресечения фактов нарушения соглашения о невмешательстве со стороны итальянских и германских властей. Когда же выяснилось, что Комитет своим бездействием фактически помогает агрессорам, Советский Союз начал борьбу за предоставление правительству Испании возможности закупить оружие за границей. Не встретив поддержки других государств, СССР один стал оказывать помощь испанскому народу. В Испанию были посланы советские добровольцы, образованы так называемые интернациональные бригады, принимавшие участие в боях против франкистских мятежников. Для Советского Союза опыт войны в Испании был своего рода предварительным знакомством с будущими противниками. Многие советские военачальники приняли участие в войне, в частности будущий главком ВМС СССР адмирал флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов, будущие маршалы Советского Союза Р. Я. Малиновский, К. А. Мерецков и другие видные военачальники. Практический опыт, приобретенный там, несомненно, сыграл позитивную роль в дальнейшей боевой подготовке Красной Армии, чему Сталин придавал важное значение. Однако республиканские силы оказались слабее, чем франкисты, имевшие самую широкую

²⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 14. Телеграмма в Мадрид ЦК компартии Испании (Электронная версия).

прямую военную поддержку со стороны Германии и Италии, в результате чего война завершилась победой режима генерала Франко. Это был, конечно, серьезный урок для Сталина, заставивший его еще более требовательно подходить к делу оснащения Красной Армии новейшей боевой техникой и улучшения боевой подготовки военных кадров.

Наряду с проблемами, встававшими перед Советским Союзом на Европейском континенте, возникали проблемы в принципе такого же порядка и на Дальнем Востоке. Японская агрессия в Китае, начавшаяся в 1931 захватом Манчжурии, продолжала расширяться благодаря тому, что Великобритания, Франция и США не оказывали ей противодействия, а, наоборот, попустительствовали агрессору, направляя его агрессивные устремления в сторону Советского Союза и Монгольской Народной Республики. Сталин внимательно следил за всеми перипетиями развития обстановки не только в Европе, но и на Дальнем Востоке. Ведь безопасности страны угрожали не только с запада, но и с востока, и здесь нельзя было проявлять шаблонности, заведомо умаляя или преувеличивая источники опасности. В беседе с американским журналистом Р. Говардом Сталин заявил: «В случае, если Япония решится напасть на Монгольскую Народную Республику, покушаясь на её независимость, нам придётся помочь Монгольской Народной Республике... Мы поможем МНР так же, как мы помогли ей в 1921 году»³⁰. В марте 1936 года Советский Союз подписал с Монгольской Народной Республикой соглашение о взаимопомощи. Спустя два года Советский Союз проучил зарвавшихся японских милитаристов у озера Хасан. Этот факт служил наглядным доказательством того, что военно-политическая стратегия Сталина исходила из необходимости располагать силами, способными дать отпор агрессору как на Западе, так и на Востоке.

Новые акценты, которые делал Сталин на проведении в жизнь своего внешнеполитического курса, дали некоторым исследователям его биографии определенные основания утверждать, что он чуть ли взял на вооружение прежнюю имперскую политику русских царей. Подобные утверждения страдают прямолинейностью и не учитывают принципиально иного классового характера советского государства при Сталине. Хотя отдельные внешнеполитические акции Москвы и лежали в русле старой российской внешней политики, однако эти совпадения свидетельствуют не о переходе Сталина на рельсы прежней имперской политики царизма, а скорее о том, что в ряде случаев эта политика отражала коренные национально-государственные интересы России. И в таком понимании преемственности в сущности нет ничего зазорного. Напротив, в данном случае речь идет об преемственности объективно существующих национально-государственных интересов страны. Именно в этом ключе следует расценивать усилия Советского Союза, направленные на то, чтобы добиться права неограниченного входа и выхода через черноморские проливы для военно-морского флота СССР и одновременного ограничения тоннажа флота нечерноморских государств в Чёрном море в мирное время. Эта задача была решена в 1936 году в ходе конференции в Монтрё. Хотя в сталинские времена решения, принятые в Монтрё, расценивались как половинчатые и не в полной мере удовлетворяющие интересы нашей страны, в силу чего проблема проливов, мол, ещё ожидает своего разрешения³¹.

³⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 14. Беседа с председателем американского газетного объединения господином Рой Говардом. (Электронный вариант).

³¹ См. **Дипломатический словарь**. Т. 2. М. 1950. С. 674.

В это же время Советский Союз предпринял ряд шагов, нацеленных на то, чтобы придать идее коллективной безопасности более или менее конкретные очертания. В сентябре 1936 года Политбюро по инициативе Сталина одобрило план создания системы коллективного отпора агрессорам. Правительство СССР предложило Франции и Чехословакии начать переговоры на уровне представителей генштабов. Одновременно оно выступило с идеей подписания «Общего пакта о взаимной помощи» между СССР, Францией, Чехословакией, Румынией, Югославией, Турцией. Инициатива Советского Союза по созданию системы коллективного отпора агрессорам встретила более чем прохладное отношение со стороны капиталистических держав. Под предлогом соблюдения традиционного курса изоляционизма Соединенные Штаты Америки, по сути дела, устранились от борьбы против нараставшей военной угрозы. Не хотело идти на сближение с СССР и правительство Англии. Отказавшись от подписания военной конвенции с Советским Союзом, правительство Франции тем самым лишило советско-французский пакт самой важной ее составной части — конкретных военных обязательств обеих сторон на случай нападения.

Между тем к исходу 1936 года активизировался процесс объединения агрессивных сил. Совместная интервенция в Испании способствовала образованию германо-итальянского блока. В октябре 1936 года в Берлине был заключен военно-политический союз между Германией и Италией, известный под названием «ось Берлин — Рим». Оба государства договорились о разграничении сфер экономической экспансии на Балканах и в Дунайском бассейне, а также о тактике в войне против Испанской республики. Германия признала захват Италией Абиссинии. Создание «оси Берлин — Рим» и почти одновременное подписание (в ноябре 1936 года) между Германией и Японией «Антикоминтерновского пакта» предопределили дальнейшее нарастание агрессивных устремлений империалистических государств, а вместе с тем и побудили Москву к внесению определенных коррективов в стратегию и тактику советской внешней политики в этот период.

В июле 1937 года Япония открыто напала на Китай. Сталин из этого факта сделал быстрые и вполне конкретные выводы, нацеленные на то, чтобы, с одной стороны, недвусмысленно дать понять агрессору, что СССР не будет с безучастным видом наблюдать за тем, как расширяется агрессия Японии. С другой стороны, Москва пошла на подписание в августе 1937 года договора о ненападении между СССР и Китаем. В сложившейся тогда ситуации этот шаг Сталина имел особо важное значение, поскольку он являлся серьезной поддержкой борьбы китайского народа против японских оккупантов и мог послужить хорошим примером того, как следует реагировать мировому сообществу на расширение масштабов японской агрессии. Великобритания и ряд других стран прилагали в это время немалые усилия, чтобы втянуть СССР в войну с Японией. Эти усилия не увенчались успехом благодаря многим факторам, среди которых не последнюю роль сыграла политическая проницательность и прозорливость Сталина. Ведь одной из фундаментальных основ его внешнеполитической концепции составлял тезис, согласно которому Советский Союз ни в коем случае не станет играть роль пешки в сложной политической игре, которая развертывалась тогда в мире. Таскать каштаны для других из огня — это была не наша политика. И ее твердо проводил в жизнь Сталин. Более того, он стремился всячески использовать малейшие трения и разногласия между

капиталистическими странами, чтобы таким путем способствовать упрочению национальной безопасности государства.

Одним из важных направлений внешней политики Советского Союза в тот период явились усилия по обузданию гонки вооружений. Конечно, Сталин не питал особых иллюзий насчет того, что путем дипломатических договоренностей можно было бы кардинально решить эту проблему. Он понимал, что Германия и Япония осуществляют широкомасштабную программу вооружений отнюдь не для того, чтобы за столом переговоров с западными странами иметь дополнительные козыри в дипломатической борьбе. Смысл гонки вооружений состоял в том, чтобы путем наращивания военной мощи силовым путем осуществить реализацию своих далеко идущих агрессивных целей. Но Сталин понимал, что в такой обстановке выдвижение инициатив по контролю над вооружениями может способствовать росту международного авторитета Советского Союза и будет содействовать мобилизации антивоенных сил во всем мире. Переговоры по вопросам о разоружении в то время велись в Женеве. В противовес империалистическим державам, которые сознательно завели переговоры на Женевской конференции в тупик, СССР выступил с новым предложением — превратить конференцию по разоружению в постоянно действующую конференцию мира. Как полагал Сталин, последняя могла бы стать инструментом укрепления международной безопасности. Однако инициатива СССР не была поддержана западными державами. Работа Женевской конференции оказалась окончательно свернутой.

В данном контексте нельзя обойти молчанием одну любопытную проблему. Речь идет об обвинениях Сталина в том, что он чуть ли не превратил нашу страну в кузницу, в которой ковался фашистский меч для осуществления захватнических планов германских милитаристов. Не имея возможности рассмотреть эту тему достаточно подробно, хочу отметить лишь наиболее важные ее аспекты. Историческим фактом действительно является то, что между Советским Союзом и Веймарской Германией с середины 20-х годов осуществлялось сотрудничество в военной и военно-технической сферах. Причем это сотрудничество основывалось на принципе взаимной выгоды. Ставить в вину Москве то, что она осуществляла такое сотрудничество неправомерно, поскольку оно, как суверенное государство, само определяло то, с кем и на каких условиях осуществлять межгосударственные связи, в том числе и в военной сфере. Москва исходила из принципиальной посылки, согласно которой Версальская система строилась на несправедливой и шаткой основе, что именно она служила питательной почвой для роста реваншистских настроений в Германии. Не случайно на VII конгрессе Коминтерна в докладе Г. Димитрова особо подчеркивалось: «Фашизм действует в интересах крайних групп империалистов, но выступает он перед массами под личиной защитника обиженной нации и вызывает к оскорбленному национальному чувству, как например германский фашизм, увлекший за собою мелкобуржуазные массы лозунгом «против Версаля»³².

Сотрудничество с Веймарской Германией недопустимо приравнять к сотрудничеству с гитлеровской Германией. А именно так поступают те, кто всеми правдами и неправдами пытаются доказать, что не кто иной, как Сталин, ковал фашистский меч, который потом Гитлер обрушит на нашу страну. Сами масштабы такого сотрудничества носили весьма

³² Г. Димитров. Доклад на VII Всемирном конгрессе Коммунистического интернационала. М. 1958. С. 9.

скромный характер: на советской территории были созданы такие совместные объекты, как авиационная школа в Липецке, танковая школа в Казани и две аэрохимические станции (полигона) — под Москвой и в Саратовской области. Причем особо следует отметить, что немцы обратились к Советской России с предложением о сотрудничестве, чтобы избежать контроля за нарушением ими условий Версальского договора. Москва же, идя на такое ограниченное сотрудничество, вполне обоснованно рассчитывала на ознакомление с новейшими достижениями Германии в области танкостроения, авиации и химической обороны. обстоятельный анализ данной проблемы дан в работе И. Пыхалова, который на основе конкретных фактов доказывает, что вопреки уверениям всевозможных «обличителей сталинизма», не «фашистский меч ковался в СССР», а наоборот, немецкие специалисты в 1920-е — начале 1930-х годов помогали создавать в нашей стране базу для танковой, авиационной, химической промышленности. Таким образом, основы советского военно-промышленного комплекса были заложены во многом именно благодаря военнотехническому сотрудничеству с Германией³³

В отношении последнего обобщающего вывода И. Пыхалова о том, что основы советского военно-промышленного комплекса были заложены во многом именно благодаря военнотехническому сотрудничеству с Германией, конечно, можно поспорить. Это заключение страдает явным преувеличением. Оно в определенной степени служит как бы зеркальным отражением (со знаком наоборот) утверждений, которые сам И. Пыхалов подвергает критике.

Но вернемся к главной нити нашего изложения. Как и предвидел Сталин, созданный агрессивными державами военный потенциал стал использоваться для осуществления территориального передела мира, и прежде всего в Европе. В марте 1938 года Гитлер осуществил захват Австрии (так называемый аншлюс). Это уже был акт прямой агрессии в отношении суверенного государства. Идя на него, фашистские лидеры Германии рассчитывали на то, что западные державы не посмеют предпринять что-либо серьезное для предотвращения этого акта. И их расчеты оказались верными. Твердость и последовательность линии Советского Союза на оказание действенного коллективного отпора агрессии была подтверждена в связи с захватом Австрии. В то время как западные державы не только не вступились за жертву агрессии, но, напротив, поспешили признать включение австрийской территории в состав Германии, Советский Союз отказался признать захват Австрии и решительно выступил против акта агрессии со стороны фашистской Германии. Советское руководство во главе со Сталиным предлагало ответить на нее коллективными действиями, которые имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранение усилившейся опасности новой мировой войны.

Однако, как и следовало было ожидать, инициатива Советского Союза не встретила поддержки. Она была сразу же отвергнута правительством Англии. Правительство США, хотя и не дало формального ответа, заняло фактически отрицательную позицию в отношении призыва Москвы. Подобная реакция со стороны ведущих западных держав могла лишь только поощрить правителей фашистской Германии к новым актам агрессии. Следующей жертвой фашистской Германии стала Чехословакия. Сталин в этом вопросе занимал ясную и определенную позицию. Он считал, что Советский Союз может и должен внести свой вклад в коллективные действия для защиты независимости Чехословакии. Еще

³³ См. Игорь Пыхалов. Ковался ли в СССР фашистский меч? (Электронный вариант).

задолго до того, как чехословацкий вопрос вступил в критическую стадию, в апреле 1938 года по инициативе Сталина ЦК ВКП(б) принял решение оказать действенную помощь Чехословакии, не допустить нового акта агрессии со стороны фашистской Германии. О характере этой помощи было сообщено чехословацкому правительству. При этом Москва исходила из того, что СССР окажет помощь Чехословакии и что советско-чехословацкий договор не запрещает каждой из сторон прийти на помощь, не дожидаясь Франции.

Правительству буржуазной Польши, стремившемуся содействовать фашистской агрессии в отношении Чехословакии, с советской стороны было сделано предупреждение. В соответствии с решением ЦК ВКП(б) Наркомат обороны СССР выдвинул к западной границе необходимое количество стрелковых и кавалерийских дивизий, привел авиацию и танковые соединения в боевую готовность. Все эти войска могли немедленно прийти на помощь чехословацкой армии. Советское правительство заявило, что оно готово обсудить все другие необходимые военные меры, чтобы не допустить фашистской агрессии.

В ответ на запрос президента Чехословацкой республики о возможности получения действенной помощи от Советского Союза Политбюро ЦК, обсудив 20 сентября 1938 года этот вопрос, высказалось за то, чтобы дать указание советскому полпреду в Чехословакии подтвердить готовность СССР оказать немедленную помощь. Однако усилия Советского Союза натолкнулись на сопротивление западных политиков, стремившихся направить фашистскую агрессию против СССР и вступить в союз с Гитлером³⁴.

Франция и Англия, действовавшие в согласии с правительством США, продолжали оказывать давление на Чехословакию, требуя от нее уступок в пользу гитлеровской Германии. Предав национальную независимость страны, правительство Чехословакии пошло на позорную капитуляцию. Правительства Англии и Франции поспешили оформить сделку с Гитлером. 29 сентября 1938 года в Мюнхене на конференции глав правительств Англии, Франции, Германии и Италии было решено удовлетворить захватнические претензии Германии к Чехословакии. Мюнхенское соглашение открывало все шлюзы для продолжения агрессии гитлеровской Германии, поэтому оно недаром вошло в историю как одна из самых позорных страниц западной дипломатии. Не географический, а политический Мюнхен стал нарицательным понятием.

Итак, политика попустительства агрессии дала свои плоды. Угроза мировой войны приблизилась. Все усилия Советского Союза организовать коллективный отпор агрессорам оказались тщетными, поскольку они не встречали, по существу, никакого положительного отклика со стороны западных держав. В качестве объективной оценки сошлемся на мнение такого авторитетного лица, как У. Черчилль. Он признавал, что советские предложения и возможности носили реальный характер. «В качестве фактора сохранения мира эти возможности оказали бы серьезное сдерживающее влияние на Гитлера и почти наверняка привели бы к гораздо более серьезным событиям в случае войны. Вместо этого все время подчеркивалось двуличие Советского Союза и его вероломство. Советские предложения фактически игнорировали. Эти предложения не были использованы для влияния на Гитлера, к ним отнеслись с равнодушием, чтобы не сказать с презрением, которое запомнилось Сталину. События

³⁴ См. *История Коммунистической партии Советского Союза*. Т. 5. Книга первая. М. 1970. С. 65–69.

шли своим чередом так, как будто Советской России не существовало. Впоследствии мы дорого поплатились за это»³⁵

Здесь комментарии не только излишни, но и даже неуместны. Лучше не скажешь.

И качестве заключительного аккорда приведу оценку влиятельного американского журнала «Life». Обосновывая свое решение провозгласить Сталина человеком года (1939 г.) — прежде всего за его политику на международной арене — журнал писал: «его действия в 1939 году были позитивными, вызывавшими удивление и потрясениями мир»³⁶.

3. XVIII съезд: новые международные реальности и новые подходы к решению проблем

СТАЛИН

Такова была в самых общих чертах международно-политическая ситуация, в которой Сталин подходил к очередному съезду партии, намеченному на март 1939 года. Промежутки между съездами становились все более длительными. Это говорило не только, а скорее всего и не столько о том, что вождь испытывал определенные опасения по поводу возможных неожиданностей, с которыми он мог столкнуться в ходе проведения этого высшего форума большевистской партии. Такая опасность ему не грозила, поскольку партия, прошедшая через горнило великой чистки, уже представляла собой в определенной мере монолитную организацию, где не наблюдалось никаких отклонений от намеченной Сталиным генеральной линии. Еще недавно вздымавшая политические волны внутрипартийная борьба осталась лишь в анналах истории, и о ней вспоминали главным образом с целью идеологической обработки кадров и их воспитания в духе ортодоксального коммунизма в сталинской интерпретации.

Подобная общая оценка, разумеется, не означала, что в партии царили тишь да гладь, да божья благодать. Бесспорно, имелось немало недовольных как сталинским курсом, так и жестокими репрессиями, забыть которые было не так-то и просто. Однако на поверхность, в повседневную внутрипартийную жизнь это затаенное недовольство никак не выплескивалось по причинам, объяснять которые нет особой необходимости. Если оценивать ситуацию в стране с точки зрения политической стабильности, то были все основания считать ее таковой не только по чисто внешним признакам, но и по более серьезным социально-экономическим и политическим параметрам. Даже такой яркий антисталинист, как Р. Конквест, признавал, что это «было примечательным и контрастировало с превратностями 1920-х и 1930-х годов, и знаменовало собой в сущности стабилизацию сталинизма как системы»³⁷

Достижение общей стабилизации в партии и стране следует отнести к числу важнейших предвоенных достижений сталинской политики. Причем важным элементом в этом выступало то, что сам процесс стабилизации занял относительно короткий исторический отрезок времени. Это и понятно, поскольку радикальные перемены на

³⁵ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Тома 1–2. Книга первая. М. 1991. С. 141.

³⁶ "Life". January 1. 1940.

Robert Conquest. Stalin. Breaker of Nations. p. 216.

попыталась отсидеться в стороне от надвигавшихся событий, а твердо и решительно подняла свой голос в защиту мира, призывая мировое сообщество сплотиться для коллективного отпора агрессии, для совместного обуздания захватнических поползновений агрессивных держав.

Международная часть доклада Сталина была небольшой по объему, но весьма содержательной по своему существу. В ней он дал краткий, но исчерпывающий анализ ключевых особенностей сложившейся мировой ситуации. Исходным моментом в этом анализе была констатация того, что в новой мировой обстановке государства и страны, их отношения между собой стали во многом совершенно иными. Сталин подчеркнул, что в области политической минувшие годы были годами серьезных политических конфликтов и потрясений. Уже второй год, как шли вооруженные конфликты, захватившие более 500 миллионов человек населения земного шара. Насильственно перекраивается карта Европы, Африки, Азии. Потрясена в корне вся система послевоенного так называемого мирного режима.

Сталин связал это с продолжавшимся экономическим кризисом, захватившим прежде всего США, а вслед за ними — Англию, Францию и ряд других стран. Коснулся он и кризиса в стане агрессивных государств — Германии, Японии и Италии, которые к тому времени уже перестроили свою экономику на военный лад. Он подчеркнул, что у капитализма ресурсов для нормального выхода из нынешнего кризиса будет гораздо меньше, чем в период предыдущего кризиса.

Оглядываясь назад, думается, что акцент на мировой экономической кризис как один из главных источников новой мировой войны был явной данью ортодоксальному марксизму-ленинизму. В дело уже вступили не просто экономические, но и фундаментальные геополитические факторы, значительно перевешивавшие удельный вес чисто экономических факторов.

Допустив в этом вопросе некоторое упрощение, Сталин, однако, выдвинул совершенно новое положение о причинах, согласно которым империалистические страны развязывают мировые войны. Здесь надо отдать ему должное — от отказался от стереотипов, подчеркнув: «Это можно было бы объяснить, например, чувством боязни перед революцией, которая может разыгаться, если неагрессивные государства вступят в войну и война примет мировой характер. Буржуазные политики, конечно, знают, что первая мировая империалистическая война дала победу революции в одной из самых больших стран. Они боятся, что вторая мировая империалистическая война может повести также к победе революции в одной или в нескольких странах.

Но это сейчас не единственная и даже не главная причина. Главная причина состоит в отказе большинства неагрессивных стран, и прежде всего Англии и Франции, от политики коллективного отпора агрессорам, в переходе их на позицию невмешательства, на позицию «нейтралитета»³⁹.

Принципиально важное значение имел тот факт, что Сталин в своем докладе ясно и недвусмысленно провел четкую грань между государствами агрессивными, к которым он открыто причислил Германию, Японию и Италию, и государствами неагрессивными, куда относились остальные западные державы. Причем следует подчеркнуть, что подобное различие носило принципиальный характер. Что, естественно, не означало, что Сталин не

³⁹ И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. С. 570.

высказывал остро критических замечаний относительно политики невмешательства и подстрекательства, которой в тот период следовали так называемые западные демократии. Дальше я приведу соответствующие оценки Сталина. Здесь же не могу обойти молчанием одну передержку, которую допускают некоторые специалисты демократического покроя, которые, обуреваемые стремлением во всем развенчать Сталина, приписывают ему свои собственные предположения. Так, М. Мельтюхов, оценивая положения внешнеполитической части доклада Сталина, утверждает: «Из контекста речи становится ясно, что «поджигателями» войны являются страны, проводящие политику невмешательства: Англия, Франция и США. В этих условиях целью советского руководства было использовать кризис и противоречия великих держав для дальнейшего усиления своего влияния в мире с перспективой окончательного решения вопроса о существовании капиталистического общества»⁴⁰.

Внимательный анализ доклада Сталина как раз и приводит к выводу, что весь запал сосредоточен на разоблачении агрессивных государств — Германии, Японии и Италии, — а критика западных держав мотивирована прежде всего тем, что они попустительствуют захватническим устремлениям агрессивных государств. Здесь, как говорится, телега ставится впереди лошади.

Обратимся к словам самого Сталина. «Речь идет уже не о конкуренции на рынках, не о торговой войне, не о демпинге. Эти средства борьбы давно уже признаны недостаточными. Речь идет теперь о новом переделе мира, сфер влияния, колоний путем военных действий.

Япония стала оправдывать свои агрессивные действия тем, что при заключении договора 9-ти держав ее обделили и не дали расширить свою территорию за счет Китая, тогда как Англия и Франция владеют громадными колониями. Италия вспомнила, что ее обделили при дележе добычи после первой империалистической войны и что она должна возместить себя за счет сфер влияния Англии и Франции. Германия, серьезно пострадавшая в результате первой империалистической войны и Версальского мира, присоединилась к Японии и Италии и потребовала расширения своей территории в Европе, возвращения колоний, отнятых у нее победителями в первой империалистической войне.

Так стал складываться **блок трех агрессивных государств**. (Выделено мной — Н. К.)

На очереди встал вопрос о новом переделе мира посредством войны»⁴¹.

Кажется, вполне ясно, кто причислен к агрессорам. И здесь едва ли уместны какие-то хитроумные ссылки на контекст и т. п. моменты. Наконец, вполне четко и ясно Сталин говорит о том, что характерная черта новой империалистической войны состоит в том, что она не стала еще всеобщей, мировой войной. Войну ведут государства-агрессоры, всячески ущемляя интересы неагрессивных государств, прежде всего Англии, Франции, США, а последние пятятся назад и отступают, давая агрессорам уступку за уступкой.

Таким образом, на наших глазах происходит открытый передел мира и сфер влияния за счет интересов неагрессивных государств без каких-либо попыток отпора и даже при некотором попустительстве со стороны последних⁴².

И, наконец, главное — мотивы, лежавшие в основе политики умиротворения агрессоров. Поскольку без понимания этих мотивов трудно не только объяснить, но и даже приблизительно понять скудоумие и политическую слепоту вдохновителей мюнхенской

⁴⁰ М. М. Мельтюхов. Упущенный шанс Сталина. М. 2002. С. 49

И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. С. 567–568

⁴² См. Там же. С. 569–570.

стратегии. Сталин дает следующее разъяснение: «Формально политику невмешательства можно было бы охарактеризовать таким образом: «пусть каждая страна защищается от агрессоров, как хочет и как может, наше дело — сторона, мы будем торговать и с агрессорами и с их жертвами». На деле, однако, политика невмешательства означает попустительство агрессии, развязывание войны, следовательно, превращение ее в мировую войну. В политике невмешательства сквозит стремление, желание не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, Японии впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, выступить на сцену со свежими силами — выступить, конечно, «в интересах мира» и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия.

И дешево и мило!»⁴³

Нельзя обойти молчанием и моральную сторону вопроса, а именно оценку Сталиным политики умиротворения с точки зрения морально-этических критериев. Здесь следует ясно заметить, что вождь не питал никаких иллюзий относительно моральных соображений, которые могли как-то влиять на политику западных держав. Он с чувством обнаженного реализма заметил: «Они прямо говорят и пишут черным по белому, что немцы жестоко их «разочаровали», так как вместо того, чтобы двинуться дальше на восток, против Советского Союза, они, видите ли, повернули на запад и требуют себе колоний. Можно подумать, что немцам отдали районы Чехословакии как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом, а немцы отказываются теперь платить по векселю, посылая их куда-то подальше.

Я далек от того, чтобы морализировать по поводу политики невмешательства, говорить об измене, о предательстве и т. п. Наивно читать мораль людям, не признающим человеческой морали. Политика есть политика, как говорят старые прожженные буржуазные дипломаты. Необходимо, однако, заметить, что большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьезным провалом»⁴⁴.

Не надо быть специалистом в области международных отношений, чтобы по достоинству оценить это предостережение, прозвучавшее из уст советского лидера. Игра на противоречиях, как правило, в политике приносит свои плоды, порой весьма ощутимые. Но если вся политика строится на противоречиях, вернее на игре на противоречиях, то она не имеет прочного фундамента и рано или поздно обнажает свою бесперспективность и близорукость. История кануна второй мировой войны — блестящий тому пример.

Сталин дал вполне объективный анализ бесперспективности и опасности политики умиротворения агрессора. Он указал на то, что война создала новую обстановку в отношениях между странами. Она внесла в эти отношения атмосферу тревоги и неуверенности. Подорвав основы послевоенного мирного режима и опрокинув элементарные понятия международного права, война поставила под вопрос ценность международных договоров и обязательств. Пацифизм и проекты разоружения оказались похороненными в гроб. Их место заняла лихорадка вооружения. Стали вооружаться все —

⁴³ Там же. С. 570–571.

⁴⁴ *И. В. Сталин*. Вопросы ленинизма. С. 572.

1. Имя Фамилия Отчество Место

Возможности маневров и возможности выбора и политического лавирования были весьма ограничены. По крайней мере они все лежали на поверхности. Даже такой антисталинист, как Д. Волкогонов, писал: «У СССР оказался весьма ограниченный выбор»⁴⁶. Конечно, задним числом можно строить различного рода спекулятивные предположения и проигрывать различные варианты тех или иных действий со стороны Советского Союза. В области политической фантазии такие версии вполне возможны. Но в сфере реальной политики, когда время измерялось не годами, а месяцами, и порой даже днями, приходилось принимать радикальные решения, исходя не из благих пожеланий или намерений, а из условий суровой реальности.

А реальности, если вещи назвать своими именами, были таковы. С одной стороны, нашей стране угрожала агрессия гитлеровской Германии, а на Дальнем Востоке маячила отнюдь не иллюзорная опасность войны со стороны Японии. Клещи империалистической агрессии могли в любой момент сомкнуться вокруг нашей страны. Так называемые демократические государства Запада, включая сюда и США, не испытывали реального желания и практической готовности пойти на создание системы коллективной безопасности с участием Советского Союза как его важнейшего составного звена. Более того, их вполне устраивало такое развитие событий, при котором германская агрессия была бы канализирована на восток, т.е. против Советского Союза, большевистский режим которого им был не менее, если не более ненавистен, чем фашизм. Они открыто вели двойную игру, надеясь, что в конце концов Советская Россия окажется в сетях этой хитроумной геополитической стратегии.

В контексте освещения мотивов, лежавших в основе советской внешней политики в тот период, едва ли уместно обойти молчанием позицию Троцкого. И не потому что его позиция имела какое-либо реальное значение, а потому что она еще раз убедительно продемонстрировала все убожество и несостоятельность как его оценок, так и его расчетов, связанных с анализом международной ситуации. В середине 1938 года Троцкий, ведя свою пропагандистскую кампанию, обвинял Сталина в том, что он плетется в хвосте западноевропейских и американских империалистов. Вот что он писал: «Международная политика Сталина, основанная на угнетении народов СССР, в общем и целом совпадает или стремится совпасть с политикой демократических империалистов. Сталин ищет сближения с нынешними правительствами Франции, Великобритании и Соединенных Штатов. В этих целях он превратил соответственные секции Коминтерна в социал-империалистические партии. Сталин стремится доказать правящим классам наиболее могущественных стран, что он не угрожает их империалистическим интересам. Сталин может проводить подобную политику, только жертвуя интересами мирового рабочего класса и всех колониальных и полуколониальных народов. Недопустимо себя обманывать условными фразами и остатками старых революционных лозунгов. Сталин поддерживает в колониальных и полуколониальных странах «революционную» и «национальную» политику ровно в тех пределах, чтоб испугать заинтересованную империалистическую страну и показать ей высокую ценность своей дружбы»⁴⁷.

Нет смысла опровергать столь примитивную мотивацию и не менее примитивную аргументацию Троцкого. Судя по его логике, Советскому Союзу в тот период надлежало

⁴⁶ Дмитрий Волкогонов. Сталин. Политический портрет. Книга 2. С. 23.

⁴⁷ Л.Д. Троцкий. Архив в 9 томах. Редактор-составитель Ю. Г. Фельштинский. (Электронный вариант). Т. 9.

вести линию не на поиски условий для создания системы коллективного отпора потенциальным агрессорам, а всячески обострять отношения с ведущими западными державами, что в той обстановке было только на руку Гитлеру. Когда же Сталин на съезде партии в марте 1939 года сформулировал главные направления советской внешней политики, из которых явствовало, что СССР выступает за укрепление деловых связей со всеми странами, поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить интересы нашей страны, Троцкий завопил о том, что это означает «предложение руки и сердца Гитлеру». Видите ли, Троцкому не нравилась ни линия на поиски взаимовыгодных отношений СССР с западными демократиями, ни линия на развитие отношений СССР с соседними странами, в том числе и с Германией, на условиях, о которых только что говорилось выше. Естественно и правомерно сделать вывод, что сам Троцкий выступал с позиций международного провокатора, поскольку проповедовавшаяся им идея подталкивания мировой революции была не чем иным, как провоцированием войны. Причем горячим материалом для разжигания пожара такой, с позволения сказать, революции, должны были стать народные массы Советского Союза. Принимая во внимание сказанное, не удивительно, что все троцкистские призывы повисали в воздухе и не находили никакого отклика среди трудящихся масс во всем мире. Именно этим и объясняется печальная судьба, постигшая организованный троцкистами так называемый Четвертый интернационал — этот политический выкидыш обанкротившегося лидера троцкизма.

В исторической науке бытуют различные точки зрения относительно того, как доклад Сталина повлиял на дальнейшее развитие отношений между Советским Союзом и Германией. Одна точка зрения исходит из того, что якобы в этом докладе был дан явный сигнал Гитлеру о готовности СССР искать и найти почву для дальнейшего соглашения с Берлином. В подтверждение такого утверждения приводятся некоторые факты, в частности, то, что новый министр иностранных дел СССР Молотов после подписания пакта от 23 августа 1939 г. якобы поднял бокал за Сталина, отметив, что именно Сталин своей речью в марте сего года, хорошо понятой в Германии, вызвал коренной поворот в отношениях между двумя странами⁴⁸.

Конечно, по прошествии многих десятилетий трудно дать вполне адекватную и объективную оценку влияния высказываний вождя на дальнейший ход событий в отношениях между двумя странами. В контексте сказанного советским лидером, а именно — мы стоим за мирные, близкие и добрососедские отношения со всеми соседними странами, имеющими с СССР общую границу, стоим и будем стоять на этой позиции, поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить, прямо или косвенно, интересы целостности и неприкосновенности границ Советского государства — данное положение было адресовано всем заинтересованным сторонам, в том числе и Германии. Причем в такой постановке вопроса не содержалось какого-то особого намека на намерение установить доверительные или особые отношения с Берлином. Дело было за Берлином давать свое толкование тому, что было сказано советским вождем. Более поздние наслоения и последующие события послужили своего рода толчком для некоторых исследователей придать высказываниям Сталина именно такое истолкование. Однако его правомерность не представляется бесспорной.

⁴⁸ См. **Советско-нацистские отношения. 1939 – 1941.** Документы. Париж – Нью-Йорк. 1983. С. 84

Сошлюсь на свидетельство немецкой исследовательницы данной проблемы, которая, в частности, писала: «Итоги XVIII съезда партии ни в Москве, ни за рубежом поначалу не были восприняты как сенсация, возвещающая о радикальных переменах в советской внешней политике, особенно в отношении Германии. В своем заключительном отчете о XVIII съезде партии, который Шуленбург (посол Германии в Москве — Н. К.) подписал 3 апреля, германское посольство в Москве не вышло за рамки обычных оценок. Так, после детального и в высшей степени профессионального анализа обсуждавшихся на съезде вопросов и обобщения принятых на нем решений, констатировалось, что «XVIII съезд партии не преподнес никакой сенсации, не выработал ни одной новой директивы и не решил ничего принципиально нового. Основные темы, занимавшие съезд («успехи» советской экономики, уничтожение «врагов народа», повышение боевой готовности в отношении внешних врагов, «политическое и моральное единство советского народа» и необходимость улучшения партийно-политического воспитания масс), обсуждаются советской печатью и отражаются в речах руководящих партийных и правительственных функционеров уже в течение ряда лет»⁴⁹.

Здесь едва ли уместно вдаваться во все детали данной проблемы, поскольку это грозило бы завести в настоящие исторические дебри. Да и в конце концов право на существование имеют различные версии. Мне бы хотелось в заключение подчеркнуть не те или иные детали, а факты фундаментального значения. Западные державы в канун второй мировой войны не сыграли роль активной силы, противостоящей агрессии фашистских и милитаристских государств. Они варили свою политическую кашу, но просчитались. Таковы факты, если их освободить от всякой пропагандистской шелухи. И политика нашей страны должна была базироваться на объективном учете именно этих фактов, а не на прекрасноречивых заверениях западноевропейских государственных и политических деятелей, которые говорили одно, а делали другое. Если быть объективным, то нужно со всей прямотой признать, что ситуация, сложившаяся в канун второй мировой войны, была более чем уникальна и не имела аналогов в мировой истории. В такой обстановке твердо и последовательно осуществлять отвечающий реальностям исторической эпохи внешнеполитический курс было делом чрезвычайно трудным и сложным. И Сталин оказался на высоте своего исторического призвания, проведя наш государственный корабль между Сциллой и Харибдой.

4. Консолидация советского общества

Проблемы международных отношений и внешней политики в общей сумме проблем, обсуждавшихся на XVIII съезде партии, вроде бы и занимали не самое главное место. Однако по своему реальному значению они имели решающее, первостепенное значение. Вся мировая атмосфера как бы дышала предвоенной грозой, в любой момент могла разразиться катастрофа невиданных до селе масштабов. Естественно поэтому, что и внутренние, в том числе и внутрипартийные вопросы, рассматривались и обсуждались под

⁴⁹ Ингеборг Фляйшхауэр. Пакт Гитлер, Сталин и инициативы германской дипломатии. 1938–1939. М. 1991. С. 99–100.

этим углом зрения. Не стану обременять читателя цифрами и данными, свидетельствовавшими о бурном развитии всех сторон экономической, социально-политической и культурной жизни страны. Ограничусь освещением тех аспектов, которые оказались в центре внимания доклада Сталина. Они рисуют хотя и не полную, но в целом достаточно емкую картину того, что представляла собой страна в этот сложный период ее истории.

Вождь счел необходимым подчеркнуть, что наиболее важным результатом в области развития народного хозяйства за минувшие годы нужно признать завершение реконструкции промышленности и земледелия на основе новой, современной техники. Он отметил, что у нас нет уже больше, или почти нет больше, старых заводов с их отсталой техникой и старых крестьянских хозяйств с их допотопным оборудованием. Основу нашей промышленности и земледелия составляет теперь новая, современная техника. Можно сказать без преувеличения, что с точки зрения техники производства, с точки зрения насыщенности промышленности и земледелия новой техникой наша страна является наиболее передовой в сравнении с любой другой страной, где старое оборудование висит на ногах у производства и тормозит дело внедрения новой техники⁵⁰.

Разумеется, эта радужная общая оценка не по всем параметрам отвечала реальной действительности: ведь было еще немало заводов, фабрик и предприятий с отсталой техникой, серьезную тревогу вызывала проблема высококвалифицированных кадров, часто не обладавших необходимым опытом работы. Крупные недостатки имелись и в организации производства, налаживании необходимой кооперации между различными отраслями хозяйства. Уже не говоря о том, что в ряде наиболее технологичных производств советская промышленность, транспорт, средства связи, не исключая и сельское хозяйство, наша страна далеко отставала от ведущих капиталистических держав. Так что завышенный оптимизм Сталина, хотя и был ориентирован прежде всего на внутреннее потребление, не вполне отвечал реальностям. Однако осуждать его за это не поднимается язык, поскольку главное в тот период было — вселить в широкие массы советского населения уверенность в свои силы и свои почти неисчерпаемые возможности.

Особое внимание в докладе, вне всякого сомнения, привлекает трактовка классовой борьбы. Как читатель уже мог убедиться из всех предшествующих глав, проблема классовой борьбы являлась альфой и омегой всей политической философии Сталина. Именно с точки зрения классовой борьбы он подходил к анализу всех важнейших проблем как внутреннего, так и внешнего развития государства. Отношение к классовой борьбе лежало в основе его многолетнего бескомпромиссного противостояния со всеми политическими противниками. Именно здесь проходил водораздел между теми, кто поддерживал сталинскую генеральную линию, и теми, кто оппонировал ей. И вот, наконец, наступил своеобразный момент истины, когда вождь должен был сформулировать свое новое толкование классовой борьбы в условиях победы социализма. Повторять старые истины насчет обострения классовой борьбы по мере укрепления позиций нового общественного строя — значило продолжать дудеть в старую дуду и игнорировать качественно новый этап развития советского общества.

И Сталин пошел на довольно радикальную, по его меркам, ревизию своих прежних воззрений. Его устами была провозглашена новая истина: «В области общественно-политического развития страны наиболее важным завоеванием за отчетный период нужно

⁵⁰ И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. См. С. 577.

признать окончательную ликвидацию остатков эксплуататорских классов, сплочение рабочих, крестьян и интеллигенции в один общий трудовой фронт, укрепление морально-политического единства советского общества, укрепление дружбы народов нашей страны и как результат всего этого — полную демократизацию политической жизни страны, создание новой Конституции»⁵¹

Однако эта новая формула вождя не означала коренного поворота в его воззрениях на классовую борьбу. Она лишь приспособливала теоретические построения к объективно сложившимся реальностям нового периода. Косвенным подтверждением этой мысли может служить довольно большой пассаж, который он посвятил в своем докладе обоснованию (а скорее — оправданию) полосы массовых репрессий, которые в основном прекратились к исходу 1938 года). Вот его аргументация, если ее позволительно назвать таковой:

«Некоторые деятели зарубежной прессы болтают, что очищение советских организаций от шпионов, убийц и вредителей, вроде Троцкого, Зиновьева, Каменева, Якира, Тухачевского, Розенгольца, Бухарина и других извергов, «поколебало» будто бы советский строй, внесло «разложение». Эта пошлая болтовня стоит того, чтобы поиздеваться над ней. Как может поколебать и разложить советский строй очищение советских организаций от вредных и враждебных элементов? Троцкистско-бухаринская кучка шпионов, убийц и вредителей, пресмыкавшаяся перед границей, проникнутая рабьим чувством низкопоклонства перед каждым иностранным чинушей и готовая пойти к нему в шпионское услужение, — кучка людей, не понявшая того, что последний советский гражданин, свободный от цепей капитала, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства, — кому нужна эта жалкая банда продажных рабов, какую ценность она может представлять для народа и кого она может «разложить»? В 1937 году были приговорены к расстрелу Тухачевский, Якир, Уборевич и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Выборы дали Советской власти 98,6 процента всех участников голосования. В начале 1938 года были приговорены к расстрелу Розенголец, Рыков, Бухарин и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховные Советы союзных республик. Выборы дали Советской власти 99,4 процента всех участников голосования. Спрашивается, где же тут признаки «разложения» и почему это «разложение» не сказалось на результатах выборов?»⁵²

На самом же деле, результаты голосования едва ли можно истолковывать как самый убедительный довод в пользу того, что репрессии вызывали чуть ли не поголовное одобрение. Чисто формальная логика здесь явно неуместна и звучит неубедительно. Иначе трудно объяснить тот факт, что лично сам Сталин дал сигнал к прекращению массовых репрессий. Да, собственно говоря, массовые репрессии в истории редко когда играли созидательную роль. Хотя, конечно, в иные исторические периоды они были и необходимы, и оправданы. Сталин же ссылкой на итоги выборов лишь нашел ловкий аргумент, чтобы закрыть эту мрачную страницу советской истории. Ему отныне нужна была стабилизация всего советского общества — и решению данной задачи было подчинено все остальное.

И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. С. 575.

⁵² Там же. С. 590–591.

Большое место в докладе вождя заняли вопросы укрепления стабильности нового общественного строя. Ведь не за горами находились новые непредвиденные испытания, и эти испытания вынести было по плечу лишь сплоченному сообществу граждан. Поэтому прежние классовые различия были как бы отброшены в сторону как уже отживший свой век арсенал средств борьбы. На съезде особый акцент был сделан на следующем постулате: Особенность советского общества нынешнего времени в отличие от любого капиталистического общества состоит в том, что в нем нет больше антагонистических, враждебных классов, эксплуататорские классы ликвидированы, а рабочие, крестьяне и интеллигенция, составляющие советское общество, живут и работают на началах дружественного сотрудничества. В то время как капиталистическое общество раздирается непримиримыми противоречиями между рабочими и капиталистами, между крестьянами и помещиками, что ведет к неустойчивости его внутреннего положения, советское общество, освобожденное от ига эксплуатации, не знает таких противоречий, свободно от классовых столкновений и представляет картину дружественного сотрудничества рабочих, крестьян и интеллигенции. На основе этой общности и развернулись такие движущие силы, как морально-политическое единство советского общества, дружба народов СССР, советский патриотизм. На этой же основе возникли Конституция СССР, принятая в ноябре 1936 года, и полная демократизация выборов в верховные органы страны⁵³.

Впервые лозунг догнать и перегнать высокоразвитые капиталистические страны в экономическом отношении был выдвинут Сталиным в докладе на съезде партии в 1939 году. Видимо, серьезные успехи в развитии промышленности, транспорта, энергетики, а также некоторые сдвиги в развитии сельского хозяйства, не говоря уже о серьезных достижениях в области оборонного строительства, подвигли Сталина на мысль выдвинуть такой, мягко говоря, дерзкий призыв.

Сталин основывался на том, что наша промышленность выросла за отчетный период более, чем в два раза, причем весь рост продукции шел за счет социалистической продукции, что по темпам роста социалистическая промышленность стоит на первом месте в мире. «Выходит, таким образом, что по технике производства и темпам роста нашей промышленности мы уже догнали и перегнали главные капиталистические страны»⁵⁴.

Что касается развития сельского хозяйства, то аргументация вождя основывалась скорее на арифметических показателях, чем на более глубоком качественном анализе состояния дел в этой области. Развитие сельского хозяйства шло, — говорил он — так же как и развитие промышленности, по линии подъема. Подъем этот выражается не только в росте сельскохозяйственной продукции, но прежде всего в росте и укреплении социалистического сельского хозяйства, с одной стороны, гибели единоличного хозяйства, с другой стороны. В то время как посевная площадь зерновых у колхозов выросла с 75 миллионов в 1933 году до 92 миллионов гектаров в 1938 году, посевная площадь зерновых у единоличников сократилась за этот период с 15,7 миллиона гектаров до 600 тысяч гектаров, то есть до 0,6 процента всей посевной площади зерновых. Уже не говоря о посевных площадях по техническим культурам, где роль единоличного хозяйства сведена к нулю. Известно, кроме того, что в колхозах объединено теперь 18 миллионов 800

тысяч крестьянских дворов, то есть 93,5 процента всех крестьянских дворов, не считая рыболовецких и промысловых колхозов.

Это значит, что колхозы окончательно закреплены и упрочены, а социалистическая система хозяйства является теперь единственной формой нашего земледелия⁵⁵.

Бросается в глаза акцент, который Сталин делает прежде всего на социальных аспектах развития сельского хозяйства. А между тем практика в дальнейшем показала, что эта сторона вопроса отнюдь не всегда, а тем более не на каждом этапе исторического развития страны, приобретает решающее значение. Вообще попутно следует отметить, что во всей политической философии Сталина достаточно четко проглядывает примат политических факторов над экономическими, что порой приводило к серьезным ошибкам.

Но вернемся к призыву перегнать капиталистические страны по уровню экономического развития. Сам Сталин следующим образом сформулировал эту задачу: «Мы перегнали главные капиталистические страны в смысле техники производства и темпов развития промышленности. Это очень хорошо. Но этого мало. Нужно перегнать их также в экономическом отношении. Мы это можем сделать, и мы это должны сделать. Только в том случае, если перегоним экономически главные капиталистические страны, мы можем рассчитывать, что наша страна будет полностью насыщена предметами потребления, у нас будет изобилие продуктов и мы получим возможность сделать переход от первой фазы коммунизма ко второй его фазе.

Что требуется для того, чтобы перегнать экономически главные капиталистические страны? Для этого требуется прежде всего серьезное и неукротимое желание идти вперед и готовность пойти на жертвы, пойти на серьезные капитальные вложения для всемерного расширения нашей социалистической промышленности. Есть ли у нас эти данные? Безусловно есть! Для этого требуется, далее, наличие высокой техники производства и высоких темпов развития промышленности. Есть ли у нас эти данные? Безусловно есть! Для этого требуется, наконец, время. Да, товарищи, время. Нужно строить новые заводы. Нужно ковать новые кадры для промышленности. Но для этого необходимо время, и немалое. Невозможно в 2—3 года перегнать экономически главные капиталистические страны. Для этого требуется несколько больше времени»⁵⁶.

Можно сказать, что на пороге войны вождь несколько увлекся и снова впал в то состояние, которое он сам когда-то определил как головокружение от успехов. Сами международные условия делали постановку данной задачи более чем проблематичной. К тому же, в тот период не было еще в наличии достаточных материально-технических, людских и иных ресурсов, чтобы ставить выполнение данной задачи в практическую плоскость. Видимо, Сталин хотел войти в историю как человек, под руководством которого была воплощена в жизнь столь грандиозная задача. Уничтожение эксплуатации и укрепление социалистической системы в народном хозяйстве, отсутствие безработицы и связанной с ней нищеты в городе и деревне, громадное расширение промышленности и непрерывный рост численности рабочих, рост производительности труда рабочих и колхозников, закрепление земли навечно за колхозами и снабжение колхозов громадным количеством первоклассных тракторов и сельскохозяйственных машин — все это создало

⁵⁵ И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. С. 580.

⁵⁶ И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. С. 578–579.

реальные условия для дальнейшего роста материального положения рабочих и крестьян. Улучшение же материального положения рабочих и крестьян, естественно, привело к улучшению материального положения интеллигенции, представляющей значительную силу нашей страны и обслуживающей интересы рабочих и крестьян. Все эти и подобные им констатации отнюдь не были пустой пропагандой советской печати. Однако всерьез говорить о сколько-нибудь радикальном улучшении материального положения и условий жизни основных масс населения было явным преувеличением. Конечно, жизнь улучшилась, но лишь по сравнению с теми стандартами, которые господствовали еще несколько лет назад — а это были стандарты нищеты или полунущеты. В этом контексте грандиозные прожекты вождя явно отдавали хлестаковщиной.

Это замечание несколько не принижает реальных достижений советского общества той поры. Но во всем, в том числе и в констатации неоспоримых успехов и достижений, необходимо соблюдать чувство меры.

В области партийной работы Сталин сосредоточил свое внимание на таких ее сторонах, как меры по улучшению состава партии, разукрупнение организаций, приближение руководящих органов к низовой работе. Особый раздел он посвятил вопросам пропаганды и идеологического воспитания кадров. В этом разделе много места было отведено постановке партийной пропаганды в духе Краткого курса. В связи с этим намечалась коренная реорганизация всей системы политического просвещения, поскольку прежняя уже не отвечала потребностям жизни и часто работала вхолостую. Конкретные меры и предложения, касающиеся этой сферы, были изложены в докладе А. Жданова, звезда которого на политическом горизонте советской властной верхушки становилась все более заметной.

Сталин, считая себя теоретиком и будучи таковым, решил внести ясность в теоретическую постановку вопросов государства при социализме и коммунизме. Эти проблемы, по его мнению, заслуживали особого внимания, поскольку от их правильного теоретического разрешения и интерпретации зависели пути развития страны и перспективы дальнейшего строительства нового общества. Я не стану касаться аргументации вождя в его полемике со взглядами Ф. Энгельса по данному вопросу, которого он и здесь подверг мягкой замаскированной критике. Принципиальная новация Сталина состояла в том, что он провозгласил возможность построения коммунизма в Советском Союзе. Это было — нечто действительно новое в марксистско-ленинской теории. И Сталин, видимо, своим теоретическим вкладом намеревался встать вполне вровень с основоположниками марксизма-ленинизма не только в сфере пропаганды теории, но и в разработке принципиальных положений самой этой теории.

Неудивительно, что в официальной биографии вождя положения, выдвинутые им на XVIII съезде партии, провозглашались чуть ли не вершиной марксистско-ленинской мысли. В ней, в частности, подчеркивалось: «Доклад Сталина на XVIII съезде ВКП(б) явился программным документом коммунизма, дальнейшим шагом вперед в развитии марксистско-ленинской теории. Сталин развил дальше ленинскую теорию социалистической революции. Он конкретизировал теорию о возможности построения социализма в одной стране и пришел к выводу о возможности построения коммунизма в нашей стране и в том случае, если сохранится капиталистическое окружение. Этот вывод товарища Сталина обогащает ленинизм, вооружает рабочий класс новым идейным

оружием, дает партии великую перспективу борьбы за победу коммунизма, двигает вперед марксистско-ленинскую теорию»⁵⁷.

Объективный анализ сталинских высказываний на этот счет не позволяет сделать вывод, что он разработал теорию о возможности построения коммунизма в нашей стране в условиях капиталистического окружения. Каких-либо весомых аргументов на этот счет приведено не было, да и едва ли они существовали в природе. Поэтому правомерно говорить не о выдвижении некоей теории, а скорее всего о политическом постулате, которому придавалась значимость и вес теории. Но сначала о сути его новаций в этой области. Он говорил: «Как видите, мы имеем теперь совершенно новое, социалистическое государство, не выданное еще в истории и значительно отличающееся по своей форме и функциям от социалистического государства первой фазы.

Но развитие не может остановиться на этом. Мы идем дальше, вперед, к коммунизму. Сохранится ли у нас государство такое и в период коммунизма?

Да, сохранится, если не будет ликвидировано капиталистическое окружение, если не будет уничтожена опасность военного нападения извне, причем понятно, что формы нашего государства вновь будут изменены сообразно с изменением внутренней и внешней обстановки»⁵⁸.

Сейчас по прошествии многих десятилетий сама такая постановка вопроса кажется, по меньшей мере, утопической. Возникает законный вопрос: а верил ли сам вождь в возможность построения коммунизма в условиях капиталистического окружения? Судя по тому, что и после окончания Великой Отечественной войны он снова поднимал эту проблему, видимо, он всерьез считал такую возможность реальной.

Едва ли политически актуально в условиях реальностей XXI века вообще вести какую-либо дискуссию по данному предмету. Она представляется беспредметной и во многом схоластической, поскольку жизнь опрокинула не только эту сталинскую новацию, но и многие другие, гораздо более реалистические прогнозы и расчеты. Ясно одно — вождь отличался явным нетерпением в смысле толкования закономерностей и темпов развития общественных процессов в широкой исторической перспективе. Лавры строителя коммунизма его безусловно привлекали. Но ход развития общества не был подвластен ни вождям, ни партиям. Хотя с высоты его положения ему, видимо, казалось, что вдохновленный великими идеалами народ способен на все, в том числе и радикально изменять течение исторического потока.

Существенное политическое и идеологическое значение для страны имела реалистическая постановка Сталиным вопроса об отношении к интеллигенции. Ведь не секретом было, что в тот период, и особенно в предшествовавшие годы, в партии, как и в стране, имели распространение взгляды, откровенно враждебные советской интеллигенции. Носители этих неправильных взглядов практиковали часто грубо пренебрежительное, презрительное отношение к советской интеллигенции, рассматривая ее как силу чуждую и даже враждебную рабочему классу и крестьянству.

Вождь всем своим авторитетом осудил подобные взгляды и выступил в защиту различных слоев старой и новой интеллигенции. Сталин подчеркивал: «Наиболее influential и квалифицированная часть старой интеллигенции уже в первые дни

Октябрьской революции откололась от остальной массы интеллигенции, объявила борьбу Советской власти и пошла в саботажники. Она понесла за это заслуженную кару, была разбита и рассеяна органами Советской власти. Впоследствии большинство уцелевших из них завербовалось к врагам нашей страны во вредители, в шпионы, вычеркнув себя тем самым из рядов интеллигенции. Другая часть старой интеллигенции, менее квалифицированная, но более многочисленная, долго еще продолжала топтаться на месте, выжидая «лучших времен», но потом, видимо, махнула рукой и решила пойти в службисты, решила ужиться с Советской властью. Большая часть этой группы старой интеллигенции успела уже состариться и начинает выходить из строя. Третья часть старой интеллигенции, главным образом рядовая ее часть, имевшая еще меньше квалификации, чем предыдущая часть, присоединилась к народу и пошла за Советской властью. Ей необходимо было доучиваться, и она действительно стала доучиваться в наших вузах. Но наряду с этим мучительным процессом дифференциации и разлома старой интеллигенции шел бурный процесс формирования, мобилизации и собирания сил новой интеллигенции. Сотни тысяч молодых людей, выходцев из рядов рабочего класса, крестьянства, трудовой интеллигенции пошли в вузы и техникумы и, вернувшись из школ, заполнили поредевшие ряды интеллигенции. Они влили в интеллигенцию новую кровь и оживили ее по-новому, по-советски. Они в корне изменили весь облик интеллигенции по образу своему и подобию. Остатки старой интеллигенции оказались растворенными в недрах новой, советской, народной интеллигенции. Создалась, таким образом, новая, советская интеллигенция, тесно связанная с народом и готовая в своей массе служить ему верой и правдой.

В итоге мы имеем теперь многочисленную, новую, народную, социалистическую интеллигенцию, в корне отличающуюся от старой, буржуазной интеллигенции как по своему составу, так и по своему социально-политическому облику»⁵⁹.

Необходимо отметить, что столь авторитетное слово в защиту и поддержку интеллигенции, в которой так нуждалась страна, сыграло важную позитивную роль в развитии культуры, науки и техники, оградив кадры интеллигенции от несправедливых нападок и преследований, открыв больший простор для ее творческого роста.

Признаком стабилизации и некоторой либерализации положения в стране и партии явились изменения в уставе партии, с докладом о которых выступил А. Жданов. В частности, были отменены категории по приему в партию, расширены права членов партии. Но особо важным решением была отмена массовых чисток. Отказ от массовых чисток был мотивирован следующим образом: «Необходимо подчеркнуть здесь, что массовые чистки сыграли огромную роль для укрепления партии. Если наша партия представляет сейчас гораздо более организованную силу, чем когда-либо, если партия укрепила свою мощь, очистив свои ряды от всякой мрази, то в этом деле массовые чистки имели большое значение. Однако метод массовых чисток в условиях, когда капиталистические элементы ликвидированы, когда в партийном хозяйстве наведен большевистский порядок, когда партия уже избавилась от ненадежных и сомнительных элементов, явно не соответствует изменившимся условиям, не достигает цели.

⁵⁹ И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. С. 607–608.

...Метод массовых чисток оказался обращенным своим острием, главным образом, против так называемых пассивных членов партии и приводил к исключению из партии честных и добросовестных членов партии по мотивам их, якобы, пассивности»⁶⁰.

Наконец, высший форум партии дал сравнительно объективную оценку чисток, проводившихся на протяжении многих лет. Разумеется, он не дал надлежащей оценки всей суммы нарушений и прямого попрания уставных норм, практиковавшихся в самых широких масштабах. Но уже было для всех очевидно, что полоса репрессий и чисток как главный метод утверждения правильности генеральной линии, олицетворяемой Сталиным, уходит в прошлое. Немаловажное значение имело и замечание, сделанное в докладе А. Жданова: «Мы должны исходить из того положения, которое неоднократно развивалось и подчеркивалось товарищем Сталиным, что сын за отца не ответчик, что нужно судить о члене партии по его делам. У нас же на практике, к сожалению, распространенным явлением является определение делового и политического лица работника не по его собственной работе, а по физиономии его родственников и предков — близких и дальних»⁶¹.

Съезд завершился триумфальными восхвалениями вождя. Пленум ЦК, избранный в составе 71 члена и 68 кандидатов в члены, на своем первом заседании избрал Политбюро в следующем составе: члены ПБ — А. А. Андреев, К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов, Л. М. Каганович, М. И. Калинин, А. И. Микоян, В. М. Молотов, И. В. Сталин, Н. С. Хрущев. Кандидаты в члены: Л. П. Берия, Н. М. Шверник В секретариат вошли А. А. Андреев, А. А. Жданов, Г. М. Маленков, И. В. Сталин. Оргбюро было составлено из 9 человек⁶². Если характеризовать состав руководящих органов ЦК, прежде всего ПБ, то они полностью были заполнены людьми Сталина, своего рода его тенями в этих органах. Отныне лишь чисто условно и с большими оговорками можно говорить о Политбюро как о реальном высшем партийном органе. Оно превратилось в орган, одобряющий важнейшие решения вождя. Эволюция власти завершилась своим логическим концом. Конечно, внешняя видимость функционирования уставных норм еще сохранялась, но в реальной жизни они все более и более подменялись методами, присущими бюрократическим структурам управления. Пока оставим в стороне вопрос о постепенном возрастании роли и удельного веса чисто бюрократических структур в сталинской системе власти, начиная с конца 30-х годов. Это — предмет специального рассмотрения. Здесь же следует подчеркнуть, что к концу 30-х годов произошло не просто возрастание личной власти Сталина, которая становилась фактически чуть ли не абсолютной, но во многих отношениях изменились и формы проявления и функционирования самой этой системы власти.

⁶⁰ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. 1939. С. 519.

⁶¹ Там же 523.

⁶² "Известия ЦК КПСС". 1990 г. № 7. С. 75–76.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

¶;

15-летний период политической деятельности Сталина, нашедший отражение в настоящем томе, конечно, был чрезвычайно важным и насыщенным отрезком его биографии. По многим параметрам он относится к разряду самых тяжелых политических и жизненных испытаний, выпавших на долю вождя. Вместе с тем этот исторический период с достаточным на то основанием можно причислить к наиболее значительным страницам всей его деятельности. По своему значению для судеб самого Сталина и судеб нашей страны эта историческая полоса жизни страны была насыщена событиями всемирного значения. И не будет преувеличением сравнивать ее с великими победами в Отечественной войне, которые все считают звездным часом, окончательно закрепившим имя Сталина в ряду самых крупных государственных и политических фигур минувшего столетия. Благодаря победе в войне он вошел в историю, как говорится, с парадного входа, а не через заднюю дверь. И занял в пантеоне исторической памяти человечества свое достойное место.

Конечно, в историю входят не только безупречные личности, поскольку история — это не мемориал добродетелей и человеческого благородства. В истории, как и в жизни, есть место всему — как проявлениям добра, так и проявлениям зла. В работе многократно подчеркивался исключительно противоречивый характер как самой личности Сталина, так и эпохи, главные черты которой он отразил в своей деятельности. В своих оценках и выводах я оставлял большое поле для сомнений и размышлений — как для читателя, так и для себя. Это продиктовано самой личностью нашего главного персонажа, но в еще большей степени характером и особенностями описываемой эпохи. Конечно, можно было бы сослаться на слова французского моралиста Ларошфуко — «только у великих людей бывают великие пороки»¹. Однако в данном случае эти, может быть, вообще справедливые слова, могут быть восприняты как попытка своеобразного оправдания массового террора и иных мер репрессий, связанных с именем Сталина. Но оправдать все это не под силу ни историкам, ни самой истории. Все мрачные страницы сталинских репрессий навечно запечатлелись в памяти многих поколений нашей страны. И пытаться задним числом найти им какое-либо оправдание — занятие не только обреченное на провал, но и с морально-этической точки зрения малопочтенное.

По этому вопросу позиция автора определена вполне ясно и недвусмысленно. Эта позиция нашла свое отражение и во втором томе. Насколько это удалось сделать убедительно, судить, конечно, не мне, а читателю. По крайней мере, я стремился смотреть фактам в глаза и делал на их базе соответствующие выводы. Старался также соблюдать объективность и в подборе самих фактов, чтобы не складывалась заведомо односторонняя картина. Ибо, как известно, если сами факты не лгут, то путем соответствующего их подбора можно серьезно сфальсифицировать любую историческую картину, любое крупное событие. Что же касается политических фигур, особенно противоречивых по самой своей природе и по своей объективной роли в

историческом процессе, то сделать это с ними путем соответствующего подбора и фильтрации фактов еще проще.

Отрадным явлением последних лет, безусловно, является то, что в нашей стране все больше стали появляться книги о Сталине, написанные не на основе заранее запрограммированных установок, а на базе более или менее объективного анализа фактов и учета особенностей исторических условий. Один из авторов, который пытался именно с этих позиций проанализировать политические реформы в СССР в 1933 — 1937 гг. Ю. Жуков, высказал вполне справедливую мысль о том, что «теперь имя Сталина служит своеобразным символом одной из эпох нашей истории, для оценок ее, сегодняшних представлений о том, в чем же должны заключаться национальные интересы страны, какой она должна быть, как развиваться, каким курсом следовать. И потому-то имя Сталина столь широко используется в политической борьбе как приверженцами правящего ныне режима, так и оппозицией»².

Но все-таки историческая наука не должна быть инструментом в политической и идеологической борьбе. Ее смысл и назначение совсем в ином — она должна служить своеобразным мостом между прошлым и настоящим, она призвана сохранять связь времен, без которой история любой страны лишается самого своего содержания, становится обедненной и обкарнатой. При таком подходе можно утратить не только непреходящие исторические традиции, но и нанести серьезный ущерб будущему страны. Вот почему правда, настоящая историческая правда, нужна нашему обществу, всем народам нашей страны. Сейчас потребность в такой правде особенно велика, поскольку страна находится в таком состоянии, которое трудно даже четко определить.

В свете сказанного актуально звучит мысль, высказанная русским историком-патриотом В. Кожиновым. Позволю себе процитировать ее, поскольку она, как мне кажется, довольно четко определяет суть проблемы: «Мы должны принимать наследие нашей истории. Все почему-то заклинилось на Сталине, забывая о том, что была могучая героическая история. Да, она была трагической. Но вместе с тем и героической. У нас внушают людям, что трагическая история — это нечто принижающее и даже позорящее страну. Это неверно. Трагедии — совершенно неотвратимый феномен человеческого бытия, никуда от этого не денешься. В богословских и философских учениях трагедия отнюдь не признается чем-то принижающим и позорящим. Скорее, наоборот. Гегель утверждал, что трагическое — форма проявления прекрасного.

Невероятные трагические страницы были в истории других стран. И поэтому я глубоко убежден в том, что мы никуда не двинемся по-настоящему, если не перестанем обрезать корни, связывающие нас с той эпохой. Нам нужно укорениться в ней, но не ради наследия Сталина, а ради наследия истории народа. Часто говорят, что в 1917 году Россия взойшла на Голгофу. Но в этой евангельской формуле заключен смысл не только унижения и смерти, но и величия и воскресения»³.

Итак, во имя исторической правды, во имя нашего героического и вместе с тем трагического прошлого мы просто обязаны подходить к страницам давно минувших дней не предвзято, смотреть в прошлое не зашоренными глазами. Надо прежде всего понять это прошлое и воспринимать его не через призму сегодняшних убеждений или

предубеждений. В конце концов прошлое не переделаешь, оно уже записано на скрижалях истории и останется таким, каким оно было в действительности.

Давая обобщенную оценку тем полутора десяткам лет, которым посвящен второй том, надо признать как неопровержимый факт, что наша страна смогла за эти короткие годы подняться с колен и стать вровень с другими великими державами. Индустриализация и коллективизация, бурный подъем науки, культуры и образования, формирование новых морально-этических принципов отношений в обществе и многое другое — все это стало фундаментом нашей будущей победы в войне против фашизма. Меч нашей победы был во многом выкован именно в эти годы.

И в этом величие тех лет. Величие, которого никто не может ни отнять, ни предать забвению. И одним из важнейших предпосылок того, что нашей стране оказалось по плечу решение этих исключительно трудных, почти невысказанных задач, явилось то, что Сталину удалось осуществление разработанной им стратегической программы создания мобилизационной экономики. Но подчеркивая первостепенную важность данного аспекта проблемы, нельзя забывать и о том, что не только экономика строилась и развивалась как мобилизационная. Можно, не греша против правды, сказать, что вся жизнь страны, всего ее населения была пронизана мобилизационным духом. Если бы этого не было сделано, то будущее России могло бы пойти по иному руслу, поскольку она оказалась бы неспособной противостоять столь мощному и грозному противнику, как Германия, поставившая на колени почти всю Европу за считанные месяцы.

Но приписывать все заслуги, как и все грехи, одному Сталину не только нелепо, но даже по-своему смешно. Хотя не менее глупо отрицать как первое, так и второе. Главное заключалось в том, что Советский Союз к началу 1939 года оказался на переломном рубеже. Вал событий накатывался с небывалой силой. Политические мизансцены менялись с головокружительной быстротой. Предстояли великие испытания, и такие испытания могла выдержать только советская страна, впитавшая в себя самые дорогие и самые ценные исторические национальные традиции русского народа и других населяющих ее народов. Говорят, что победителей не судят. Это верно. Зато судят, и при том без всяких скидок и снисхождения, тех, кто заранее не готовил условия для победы. А эти условия как раз и были подготовлены за полтора десятилетия, о которых речь шла в представленной вниманию читателя работе.

БИБЛИОГРАФИЯ

репринтное изд.

Документы и материалы

1

изд. 4-е

Большевистское руководство. Переписка. 1912 — 1927. М. 1996.

Советское руководство. Переписка. 1928 — 1941. М. 1999.

изд. 2-е

ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть I, II. М. 1936.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. М. 1953.

Деятели Союза Советских Социалистических республик и Октябрьской революции. Автобиографии и биографии. Репринтное издание. Часть I, II, III. М. 1989.

Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. М. 2002.

изд. 1-е

Великий вождь и учитель Коммунистической партии и советского народа. К семидесятилетию со дня рождения И. В. Сталина. М. 1949.

ГУЛАГ. 1918 — 1960. Документы. (под общей редакцией академика А. Н. Яковлева) М. 2000.

История второй мировой войны. 1939 — 1945 в 12-ти томах. Т. I. М. 1973.

изд. 2-е

История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М. 1938.

История Коммунистической партии Советского Союза. М. 1960.

изд. 2-е

История Коммунистической партии Советского Союза. М. 1966.

изд. 3-е

История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. Книга вторая. М. 1968.

История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Книга первая. М. 1970.

История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Книга вторая. М. 1971.

История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Книга первая. М. 1970.

КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Документы. 1917 — 1968. М. 1968.

50 лет Вооруженных Сил СССР. М. 1968.

Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М. 1968.

Тринадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М. 1963.

Четырнадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М. 1925.

XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. — Л. 1926.

XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. 1927.

XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. — Л. 1928.

XVI конференция Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. — Л. 1929.

XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. 1931.

XVII конференция Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. 1932.

XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. 1934.

XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. 1939.

Фрагменты стенограммы декабрьского пленума ЦК ВКП(б) 1936 года. «Вопросы истории». 1995 г. № 1.

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. «Вопросы истории». 1992 г. №№ 2 — 12; 1993 г. №№ 2, 5 — 10; 1994 г. №№ 1 — 2, 6, 8, 10, 12; 1995 г. №№ 1 — 9, 11 — 12.

Встречи с товарищем Сталиным. М. 1939.

Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918 — 1932. М. 1998.

Документы свидетельствуют. 1927 — 1932. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927 — 1932 гг. М. 1989.

Документы внешней политики СССР. Т. X. М. 1966.

Документы внешней политики СССР. Т. XI. М. 1966.

Документы внешней политики СССР. Т. XVI. М. 1970.

Документы внешней политики СССР. Т. XVII. М. 1971.

История второй мировой войны. 1939 — 1945 в 12-ти томах. Т. I. М. 1973.

История дипломатии. Т. 3. М. — Л. 1945.

История дипломатии. Т. III. М. 1965.

Советско-нацистские отношения. 1939 — 1941. Документы. Париж — Нью-Йорк 1983.

- Как ломали НЭП.** Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928 — 1929 гг. Т. 1 — 5 М. 2000.
- Коммунистический Интернационал. В документах. 1919 — 1932.** М. 1933 г.
- Резолюции VII конгресса Коммунистического Интернационала.** М. 1935.
- Г. Димитров.* Доклад на VII Всемирном конгрессе Коммунистического интернационала. М. 1958.
- Эрколи.* О задачах Коммунистического Интернационала в связи с подготовкой империалистами новой мировой войны. М. 1935.
- Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919 — 1952.** Каталог. Т. 1 М. 2000.
- Сталинское Политбюро в 30-е годы.** Сборник документов. М. 1995.
- Съезды Советов в постановлениях и резолюциях. 1917 — 1935.** М. 1935.
- Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. Сборник документов Т. III (1922 — 1936 гг.)** М. 1936.
- СССР и зарубежные страны после победы Великой Октябрьской социалистической революции.** Статистический сборник. М. 1970.
- В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений.
- В. И. Ленин.* Известные документы. 1891 — 1922. М. 1999.
- Минувшее. Исторический альманах. Т. 2.** М. 1990.
- Минувшее. Исторический альманах. Т. 7.** М. 1992.
- Наше отечество. Опыт политической истории. Т. 2.** М. 1991.
- Реабилитация. Политические процессы 30 — 50-х годов.** М. 1991.
- Реабилитация: как это было. Февраль 1956 — начало 80-х годов.** М. 2003.
- Реабилитация: как это было. Середина 80-х годов — 1991.** М. 2004.
- «Русский архив».** Великая Отечественная. Т. 2 (1). М. 1994.
- Иосиф Сталин в объятиях семьи.** Из личного архива. М. 1993.
- Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография.** М. 1947.
- И. В. Сталин.* Соч. Т. 1 — 13. М. 1947 — 1951.
- И. В. Сталин.* Соч. Т. 14 — 16. М. 1997.
- И. В. Сталин.* Соч. Т. 17 — 18. Тверь. 2004, 2006.
- И. Сталин.* Вопросы ленинизма. Издание одиннадцатое. М. 1947.
- И. Сталин.* О Великой отечественной войне Советского Союза. М. 1948.
- И. В. Сталин.* Речь на XIX съезде партии. М. 1952.
- Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925 — 1936 гг.** М. 1995.
- Сталин и Каганович. Переписка. 1931 — 1936 гг.** М. 2001.
- Сталин.** Сборник статей к пятидесятилетию со дня рождения. М. — Л. 1929.
- Сталин.** К шестидесятилетию со дня рождения. М. 1940.

Лубянка. Сталин и ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936.
Документы. М. 2003.

Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937 — 1938.
М. 2004.

Новейшая история Китая. 1917 — 1927. М. 1983.

Неизвестная Россия. XX век. Т. 1, 2, 3, 4. М. 1992 — 1993.

НЭП. Взгляд со стороны. М. 1991.

«О методах и приемах иностранных разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской агентуры» М. 1937. (Электронный вариант)

Отчет о судебном процессе над Зиновьевым, Каменевым и др. Издан на английском языке в Москве в 1936 году. (Электронный вариант)

Осмыслить культ Сталина. М. 1989.

Письма во власть. 1917 — 1927. М. 1998.

Письма во власть. 1928 — 1939. М. 2002.

Писатель и вождь. Переписка М. А. Шолохова с И. В. Сталиным. М. 1997.

Процесс антисоветского троцкистского центра. М. 1937.

Судебный отчет. Материалы Военной коллегии Верховного суда СССР. М. 1997.

Судебный отчет по делу по делу антисоветского право-троцкистского блока.
М. 1938.

Программные документы коммунистических партий Востока. М. 1934.

Страницы истории Советского общества. Люди. Проблемы. Факты. М. 1989.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 2. М. 2000.

Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923 — 1927. Т. I — IV. М. 1990.
(Редактор-составитель Ю. Фельштинский)

Л. Д. Троцкий. Архив в 9 томах. Редактор-составитель Ю. Г. Фельштинский.
(Электронный вариант)

Трудные вопросы истории. Под ред. В. В. Журавлева. М. 1991.

БСЭ. Т. 21. М. 1975.

БСЭ. Т. 24. (II часть). М. 1977.

БСЭ. Т. 29. М. 1978.

Литература на русском языке

- М. В. Александров.* Внешнеполитическая доктрина Сталина. Canberra. 1995.
- А. С. Аллилуева.* Воспоминания. М. 1946.
- Владимир Аллилуев.* Хроника одной семьи. М. 1998.
- Аллилуева Светлана.* Книга для внушек. // «Октябрь». 1991 г. № 6.
- Светлана Аллилуева.* Двадцать писем к друг. М. 1990.
- Светлана Аллилуева.* Только один год. М. 1990.
- Аристотель.* Сочинения. Т. 4. М. 1983.
- Реймон Арон.* Демократия и тоталитаризм. М. 1993.
- А. Бердяев.* Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма. М. 1997.
- Библиотека всемирной литературы. *Франсуа де Ларошфуко. Блез Паскаль. Жан де Лабрюер.* Т. 42. М. 1974.
- Библиотека Всемирной литературы. *Джордж Гордон Байрон.* Т. 67. М. 1972.
- Григорий Беседовский.* На путях к термидору. М. 1997.
- Джузеппе Боффа.* История Советского Союза. Т. 1, 2. М. 1994.
- Маргарете Бубер-Нейман.* Мировая революция и сталинский режим. М. 1995.
- Алан Булок.* Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Т. 1, 2. М. 1994.
- Н. И. Бухарин.* Проблемы теории и практики социализма. М. 1989.
- Михаил Вайскопф.* Писатель Сталин. М. 2002.
- Н. Валентинов (Н. Вальский).* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М. 1991.
- Н. В. Валентинов.* Наследники Ленина. М. 1991.
- Николай Васецкий.* Ликвидация. Сталин, Троцкий, Зиновьев. Фрагменты политических судебных. М. 1989.
- Н. А. Васецкий.* Троцкий. Опыт политической биографии. М. 1992.
- Велкие мысли велких людей.** Т. I — III. М. 1998.
- В. И. Вернадский.* Дневник 1939 года. «Дружба народов» 1992 г. № 11—12.
- Н. Верт.* История Советского государства. М. 1995.
- Вождь. Хозяин. Диктатор.** Сборник. М. 1990.
- Власть и оппозиция.** Российский политический процесс XX столетия. М. 1995.
- Дмитрий Волкогонов.* Сталин. Политический портрет. Книги 1, 2. М. 1996.

- Гегель. Соч. Т. VIII. М. 1935.
- Гегель. Политические произведения. М. 1978. С. 152.
- Е. Г. Липпельсон. НЭП. Новая экономическая политика Ленина — Сталина. Проблемы и уроки. (20-е годы XX века). М. 2004.
- Ян Грей. Сталин. Личность в истории. М. 1995.
- А. М. Григорьев. Коммунистическая партия Китая в начальный период советского движения (июль 1927 г. — сентябрь 1931 г.). М. 1976.
- Милован Джилас. Лицо тоталитаризма. М. 1992.
- Сергей Дмитриевский. Сталин. Предтеча национальной революции. М. 2003.
- А. П. Дудин. Коллективизация сельского хозяйства и ее исторические последствия. (Электронный вариант)
- Ю. А. Жданов. Взгляд в прошлое. Ростов-на-Дону. 2004.
- История и сталинизм.** М. 1991.
- Андре Жид. Возвращение из СССР. Лион Фейхтвангер. Москва 1937. М. 1990.
- Юрий Жуков. Иной Сталин. М. 2003.
- В. Н. Земсков. Кулацкая ссылка в 30-е годы. «Социологические исследования». 1991 г. № 10. (Электронный вариант)
- Э. Х. Карр. Русская революция. От Ленина до Сталина. 1917 — 1929. М. 1990.
- О. Е. Кен, А. И. Рубаев. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения с СССР с западными соседними государствами. Часть I. 1928 — 1934. С-Петербург. 2000.
- Артур Кёстлер. Спящая тьма. Трагедия «стальных людей». М. 1989.
- Алла Кирилина. Неизвестный Киров. Мифы и реальность. СПб. — М. 2001.
- Евгений Кордин. «Смоленский архив» и американская советология. Смоленск. 1998.
- Вадим Кожин. Россия. Век XX. (1901 — 1939). М. 2002.
- А. Колтакиди, Е. Прудникова. Двойной заговор. Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. М. 2000.
- Роберт Конквест. Большой террор. Т. 1, 2. М. 1991.
- Стивен Козн. Бухарин. Политическая биография. 1888 — 1938. М. 1988.
- Вальтер Кривицкий. Я был агентом Сталина. М. 1991.
- В. А. Куманев, И. С. Куликова. Противостояние: Крупская — Сталин. М. 1994.
- О. Р. Лацис. Перелом. Опыт прочтения несекретных документов. М. 1990.
- Анна Ларина-Бухарина. Незабываемое. М. 1989.
- Андрей Маленков. О моем отце Георгии Маленкове. М. 1992.
- Никколо Макиавелли. Избранные сочинения. М. 1982.
- Жорес Медведев, Рой Медведев. Избранные произведения. Т. 1. М. 2002.
- Рой Медведев. О Сталине и сталинизме. М. 1990.

- Д. Мельников, Л. Черная. Нацистский режим и его фюрер. М. 1991.
- М. М. Мельтюхов. Упущенный шанс Сталина. М. 2002.
- Анастас Микоян. Мысли и воспоминания о Ленине. М. 1970.
- Анастас Микоян. Так было. Размышления о минувшем. М. 1999.
- М. И. Михельсон. Ходячие и меткие слова. М. 1997.
- Мишель Монтень. Опыты. М. 1992. Т. 2.
- В. В. Невежин. Застольные речи Сталина. М. — СПб. 2003.
- Б. И. Николаевский. Тайные страниц истории. М. 1995.
- Александр Орлов. Тайная история сталинских преступлений. С.-Петербург. 1991.
- Ричард Пайпс. Россия при большевиках. М. 1997.
- А. В. Панцов. Большевики и гоминьдан во время китайской революции 1925 — 1927 гг. (Электронный вариант)
- Н. В. Петров, К. В. Скоркин. Кто руководил НКВД. Справочник. М. 1999.
- Плутарх. Избранные жизнеописания. М. 1987. Т. 1, 2.
- Алексей Полянский. Ежов. История «железного» сталинского наркома. М. 2001.
- Е. М. Поспелов. Имена городов: вчера и сегодня (1917 — 1992). М. 1993.
- Преображенский Е. Основной закон социалистического накопления. — «Вестник Коммунистической академии». 1924 г. № 8.
- Игорь Пыхалов. Ковался ли в СССР фашистский меч? (Электронный вариант).
- Вадим Роговоин. Была ли альтернатива? Троцкизм: взгляд через годы. М. 1992.
- М. Росляков. Убийство Кирова. Свидетельства очевидца. М. 1991.
- В. А. Сахаров. «Политическое завещание» Ленина. Реальность истории и мифы политики. М. 2003.
- Луций Аней Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М. 1977.
- Виктор Серж. От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. М. 2001.
- Борис Соколов. Берия. Судьба всесильного наркома. М. 2003.
- О. Ф. Сувениров. Трагедия РККА 1937 — 1938. М. 1998.
- Павел Судоплатов. Разведка и Кремль. М. 1996.
- Роберт Такер. Сталин. Путь к власти 1879 — 1929. История и личность. Т. 1. М. 1991.
- Роберт Такер. Сталин у власти. История и личность 1928 — 1941. Т. 2. М. 1997.
- Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т. I — II. С.-Петербург. 1993.
- Виктор Топольский. Вожди в законе. Очерки физиологии власти. М. 1996.
- Лев Троцкий. Моя жизнь. Иркутск. 1991.
- Лев Троцкий. Сталин. Т. 1, 2. М. 1990.
- Л. Троцкий. Сталинская школа фальсификации. М. 1990.

- Лев Троцкий.* Портреты революционеров. М. 1991.
- Л. Д. Троцкий.* Преступления Сталина. М. 1994.
- Лев Троцкий.* Дневники и письма. М. 1994.
- Устинов Д. Ф.* Во имя победы. Записки наркома вооружения. М. 1988.
- Панас Феденко.* Новая «История КПСС». Институт по изучению СССР. Мюнхен. 1960 г. (Электронный вариант)
- Г. П. Федотов.* Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. С.-П. 1991. Т. 1, 2.
- Лион Фейхтвангер.* Москва 1937. М. 1937.
- Ю. Г. Фельштинский.* Разговоры с Бухарины. М. 1993.
- Ингеборг Фляйшхауэр.* Пакт Гитлер, Сталин и инициативы германской дипломатии. 1938 — 1939. М. 1991.
- М. Фрунзе.* Единая военная доктрина и Красная Армия. (Электронный вариант).
- О. В. Хлевнюк.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М. 1992.
- О. В. Хлевнюк.* Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М. 1996.
- О. В. Хлевнюк.* Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 30-е годы. М. 1993.
- Джеффри Хоскинг.* История Советского Союза. 1917 — 1991. М. 1994.
- Н. С. Хрущев.* Время. Люди. Власть. Воспоминания. Т. 1, 2. М. 1999.
- О. Царев, Джон Костелло.* Роковые иллюзии. М. 1995.
- Н. Черушев.* «Невиновных не бывает...». Чекисты против военных. 1918 — 1953. М. 2004.
- Феликс Чуев.* Сто сорок бесед с Молотовым. М. 1991.
- Феликс Чуев.* Так говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола. М. 1992.
- Уинстон Черчилль.* Вторая мировая война. Тома 1 — 2. Книга первая. М. 1991.
- Уинстон Черчилль.* Вторая мировая война. Том 2. Великий союз. М. 1991.
- Лернард Шапиро.* Коммунистическая партия Советского Союза. Выпуски первый и второй. М. 1961.
- Вальтер Шелленберг.* Лабиринт. М. 1991.
- Дмитрий Шелестов.* Время Алексея Рыкова. М. 1990.
- Ф. Шиллер.* Избранное. М. 1954.
- М. Е. Щедрин.* История одного города. М. 1984.
- Кристофер Эндрю, Олег Гордиевский.* КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М. 1990.
- Эренжен Хаара-Даван.* Чингис-хан как полководец и его наследие. Алма-Ата. 1992.
- А. С. Яковлев.* Цель жизни. Записки авиаконструктора. М. 2000.

Литература на иностранных языках

- J. Stalin.* Speeches on the American Communist Party. N.Y. No date.
- Victor Alexandrow.* Das Leben des Nikita Chruschow. Munchen. 1958.
- Carr Edward Hallett.* The Interregnum 1923 — 1924. L. 1954.
- E. H. Carr.* A History of Soviet Russia. V. 1. L. 1958.
- Robert Conquest.* Stalin. Breaker of Nations. Weidenfeld — London. 1991.
- Robert Conquest.* Stalin and the Kirov murder. London. 1989.
- Robert Vincent Daniels.* The conscience of the revolution. Communist opposition in Soviet Russia. Cambridge. 1960.
- Daniels R. V.* Is Russia reformable?: Change & resistance from Stalin to Gorbachev. 1988.
- J. Arch Getty.* Origins of the great purges. The Soviet Communist Party reconsidered. 1933 — 1938. Cambrige. 1985.
- Ives Delbars.* The Real Stalin. L. 1953.
- Isaac Deutscher.* Stalin. L. 1966.
- Ian Grey.* Stalin. Man of History. Abacus. Great Britain.. 1982.
- H. Montgomery Hyde.* Stalin. A History of a Dictator. L. 1971
- Ronald Hingley.* Joseph Stalin: Man and Legend. N.Y. 1974.
- Alex de Jonge.* Stalin and the shaping of the Soviet Union. Glasgow. 1987.
- George Kennan.* Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston — Toronto. 1961.
- Isaac Don Levine.* Stalin. N. Y. 1931.
- Elizabeth Lermolo.* Face of a Victim. N.Y. 1955.
- Robert H. Mc Neal.* Stalin. Man and Ruler. L. 1988.
- Robert Payne.* The Rise and Fall of Stalin. L. 1968.
- Albert Seaton.* Stalin as Military Commander. New York. 1976.
- Boris Souvarine.* Stalin: A Critical Survery of Bolshevism. Alliance Book Corp. Longman, Green and Co., 1939.
- Adam B. Ulam.* Stalin. The man and his era. N. Y. 1973.
- Yaroslawsky E.* Landmarks in the Life of Stalin. M. 1940.
- Reswick William.* I dream revolution. Chicago. 1952.
- Thaddeus Wittlin.* Commissar. The Life and Death of Lavrenty Pavlovich Beria. NY—L. 1972.

Периодические издания

Известия ЦК КПСС	издания КПСС	издания КПСС
Вопросы истории	издания КПСС	издания КПСС
Вопросы истории КПСС	издания КПСС	издания КПСС
Источник		
Исторический архив		издания КПСС
Аргументы и факты		издания КПСС
Бюллетень оппозиции (Париж)		
Правда		
Известия		
Советская Россия	издания КПСС	
Советская культура	издания КПСС	
Дружба народов	издания КПСС	издания КПСС
Время новостей	издания КПСС	
Московские новости	издания КПСС	
Независимая газета		
Комсомольская правда	издания КПСС	
Свободная мысль	издания КПСС	издания КПСС
Большевик (Коммунист)	издания КПСС	издания КПСС
Новый мир	издания КПСС	издания КПСС
Родина		
Смена вех (Париж)		
Социалистический вестник (Берлин)		
Вестник Коммунистической Академии		издания КПСС
Диалог	издания КПСС	издания КПСС
Дуэль		
Полярная звезда		
The New York Times		
Financial Times		
Daily Telegraph		
Life		

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	5
-----------------	---

ОТ РЕДАКЦИИ	7
-------------------	---

Глава 1. ЭПОХА ВЕЛИКИХ СВЕРШЕНИЙ И ВЕЛИКИХ ПОТЯСЕНИЙ

1. Что хуже: взгляд на эпоху сквозь розовые очки или через замочную скважину?	8
2. Героическая и трагическая связь времен	23

Глава 2. БОРЬБА СТАЛИНА ЗА УТВЕРЖДЕНИЕ СВОЕГО ЛИДЕРСТВА

1. Культ Ленина как фундамент будущего культа Сталина	38
2. Сталин укрепляет свои позиции	52
3. Новая фаза борьбы за власть	68

Глава 3. СТРОИТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИЗМА В СССР: УТОПИЯ ИЛИ РЕАЛЬНАЯ ЦЕЛЬ?

1. Концепция строительства социализма в одной стране	95
2. XIV съезд партии: ответ Сталина на открытый вызов оппозиции	107

Глава 4. СТАЛИН НА ПУТИ К ЕДИНОВЛАСТИЮ

1. Объединенный блок Троцкого — Зиновьева против Сталина	137
2. Стратегия и тактика Сталина в борьбе против объединенной оппозиции	150
3. XV съезд партии: Сталин торжествует победу	164

Глава 5. МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТАЛИНА

1. Внешнеполитическая концепция Сталина: начальный этап формирования	182
2. Сталин устанавливает контроль над Коминтерном	198
3. Сталин и вопросы китайской революции	210

Глава 6. РАЗГРОМ СТАЛИНЫМ ПРАВОЙ ОППОЗИЦИИ

1. Истоки и сущность противоборства между Сталиным и группой Бухарина	225
2. Как Сталин готовил удар против правых	238
3. Кульминация борьбы и ее финал	251

Глава 7. ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ: СУРОВЫЙ ИМПЕРАТИВ ИСТОРИИ

1. Безальтернативный выбор	272
2. Борьба за утверждение сталинского курса индустриализации	281
3. История еще не знала такого	290
4. 50-летний юбилей Сталина: личный триумф и политический рубеж	303

Глава 8. ВЕЛИКИЙ... НО СЛИШКОМ КРУТОЙ ПЕРЕЛОМ

1. На весах Фемиды и на весах истории	320
2. Головокружение от успехов или успех головокружения?	331
3. Ликвидация кулачества как класса	349
4. Обострение ситуации в стране	361

Глава 9. ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА: 1930 – 1933 ГГ.

1. Бремя власти и бремя ответственности	376
2. XVI съезда: одобрение курса Сталина и укрепление его позиций	383
3. Ликвидация антисталинских минигруппировок	401
4. Самоубийство жены	409

Глава 10. ПОЛИТИЧЕСКИЙ БАРОМЕТР ЛИХОРАДИТ

1. Сталин перед дилеммой: консолидация в обществе или обострение классовой борьбы?	426
2. Съезд обреченных победителей	438
3. Попытка смещения Сталина: миф или реальность?	452

Глава 11. ПОЛИТИКА СТАЛИНА В СЕРЕДИНЕ 30-Х ГОДОВ

1. Макиавеллизм или политический реализм?	464
2. «Жить стало лучше, жить стало веселее»	472
3. Сталин и вопросы укрепления обороноспособности страны	487
4. Сталинская конституция как зеркало эпохи	497

Глава 12. УБИЙСТВО, ПОТРЯСШЕЕ СТРАНУ

1. Причины репрессий: размышления и сомнения 509
2. Убийство Кирова: основные версии 523
3. Причастен ли Сталин к убийству? ... 538

Глава 13. МЕСТО РЕПРЕССИЙ В ПОЛИТИКЕ СТАЛИНА

1. Первые раскаты грома 552
2. На скамье обреченных Зиновьев и Каменев 564
3. Почему они признавались? 575
4. Начало «ежовщины» 582
5. Бараны, идущие на бойню: февральско-мартовский пленум 1937 года ... 592

Глава 14. АПОГЕЙ «ВЕЛИКОЙ ЧИСТКИ» И ЕЕ ФИНАЛ

1. Был ли заговор в военных кругах? 610
2. Презумпция виновности: процесс Бухарина — Рыкова и др. 630
3. Конец «ежовщины» 642

Глава 15. СТАБИЛИЗАЦИЯ В СТРАНЕ И НОВЫЕ ЗАДАЧИ И ПРОБЛЕМЫ

1. Сталин и идеологическое перевооружение партии 659
2. Внешнеполитическая стратегия Сталина в преддверии второй мировой войны 668
3. XVIII съезд: новые международные реальности и новые подходы к решению проблем 685
4. Консолидация советского общества 693

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ..... 702**БИБЛИОГРАФИЯ 705**

С отзывами и предложениями,
а также по вопросам оптовой и розничной продажи книг
обращаться:

170100, г. Тверь, а/я 106, ООО «Издательско-информационный центр «СОЮЗ»
Тел/факс (4822) 36-31-77
e-mail: day5@yandex.ru

Николай Иванович Капченко

Политическая биография Сталина, т. 2 (1924 – 1939)

ООО «Информационно-издательский центр «СОЮЗ»

Ответственная за выпуск М. Л. Леонтьева

Художественный редактор А. А. Долженко

Компьютерная верстка Е. Л. Михновская

Корректор А. И. Кичатова

Подписано в печать 30.11.2006 г.

Формат 70x100 1/16, Усл. печ. л. 45

Тираж 3100 Заказ № 3343.

Отпечатано с электронных носителей издательства

Отпечатано в ОАО «Тверской ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР».

170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

